ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

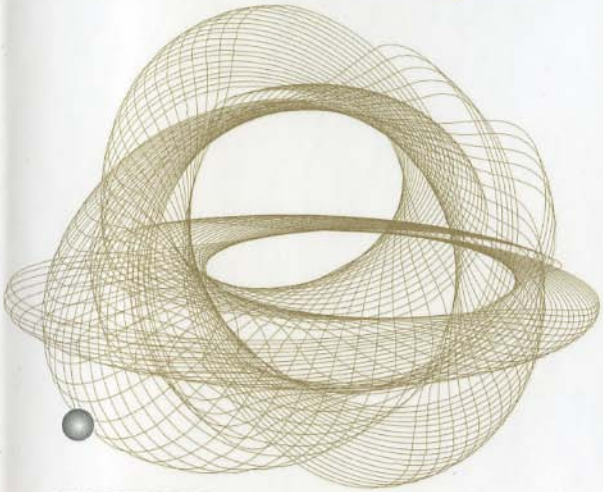

Россия – с верой в будущее!

КАТАРСИС
ТОМ 2

ЭКСМО

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

КАТАРСИС

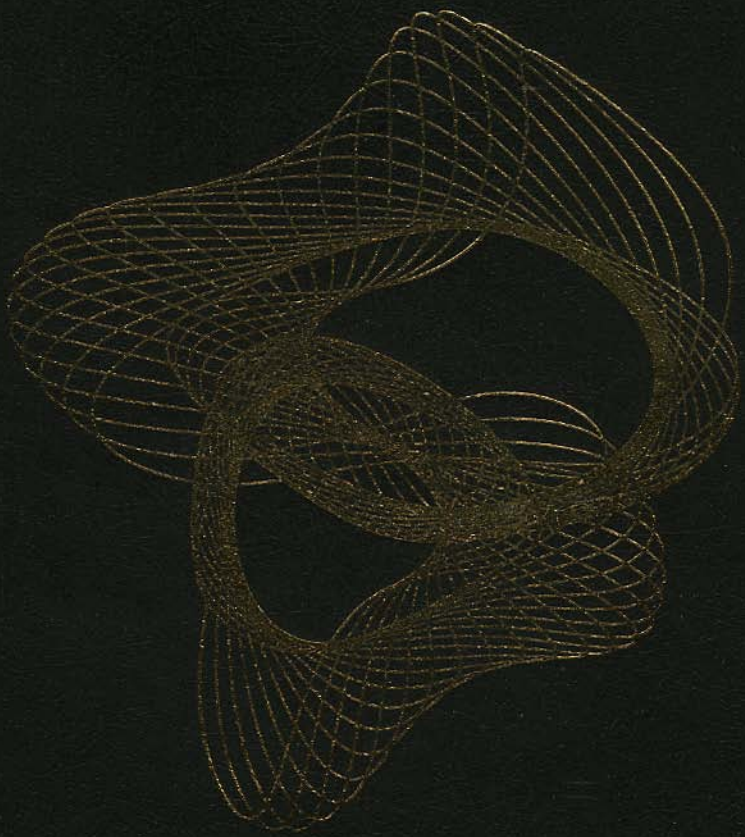
ТОМ 2

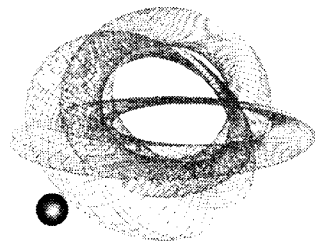

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНЕВ

КАТАРСИС

ТОМ 2

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

КАТАРСИС

ТОМ 2

БОЙ НЕ ВЕЧЕН!

ГАРАНТИРУЮ ЖИЗНЬ

Эксмо, Москва
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2002 году

Головачев В. В.

Г 61 Катарсис. Том 2: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 800 с. (Серия «Шедевры отечественной фантастики»).

ISBN 5-699-02055-1

Проект массового зомбирования населения России и превращения ее территории в пространство черного эгрегора близок к завершению. Если не изменить тактику борьбы, основанную на уважении традиций и ненасильственном сопротивлении, то Волхвам не удастся спасти Русь и удержать мировое равновесие между добром и злом. Полковник Егор Крутов — Витязь, владеющий древнеславянским боевым искусством, находит выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации. Однако платить за это ему приходится по самой высокой цене.

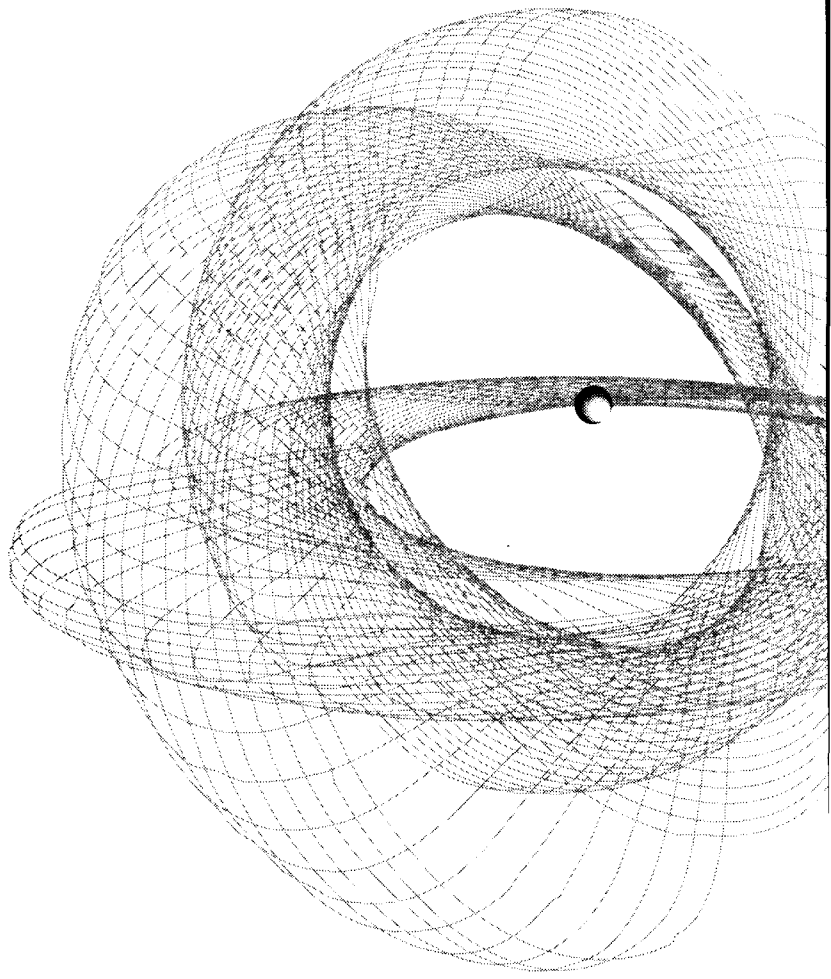
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-02055-1

© В. Головачев, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление, 2003

БОЙ НЕ ВЕЧЕН!

РОМАН

Виталию Сундакову посвящается,
свидетелю и участнику многих событий,
описанных в этой и других книгах
и происходивших в реальности.

Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня!

Максимилиан Волошин

СЕРГИЕВ ПОСАД

ВОЛХВЫ

В 2002 году расположенный в семидесяти километрах от Москвы Сергиев Посад отметил свое двухсотдвадцатилетие. Однако первое поселение на месте города возникло еще в середине XIV века, когда, как гласит летописная легенда, братья Стефан и Варфоломей, принявший имя Сергия после пострижения в монахи, поставили на холме Маковец, у слияния рек Вондюга и Кочура, небольшой скит.

Через десять лет на этом месте был построен первый деревянный Троицкий монастырь, который быстро вырос и начал играть важную роль в жизни Древней Руси. Основатель монастыря и его первый игумен Сергий Радонежский был сторонником московских князей в их стремлении объединить русские княжества в единое государство во главе с Москвой и всячески им помогал, что отражалось и на известности монастыря. Именно в нем великий князь московский Дмитрий, прозванный впоследствии Донским, получил (по официальной версии истории) напутствие Сергия на битву с монголо-татарами, а победа на Куликовом поле (оставим в стороне настоящие координаты сражения) еще более способствовала авторитету монастыря. Вокруг него начали возводиться поселения и ремесленные слободы, которые прославились серебряных дел мастерами, резчиками по дереву, иконописцами и столярами.

Разросшийся Троице-Сергиев монастырь, обнесенный стенами, указом императрицы Елизаветы Петровны в 1744 году получил титул лавры, а в 1782 году по указу Екатерины II подмонастырские слободы объявлены городом — Сергиевым Посадом.

Однако лишь волхвы, хранители истинной истории Руси, знали, что на месте Сергиева Посада, точнее — Троицкого собора, в пси-экологически чистой зоне, еще три тысячи лет назад стояла церковь Трояна, а до нее — молельная часовня Свентовида-Белобога.

Монументальный пятиглавый Успенский собор лавры был заложен в 1559 году, по образцу одноименного собора Московского Кремля, но строительство его закончилось лишь через тридцать лет, в 1585 году, несколько раз он переделывался и достраивался, пока не приобрел свой неповторимый облик. К его реконструкции приложили руку и волхвы, окружив тонкую структуру храма ментальным свечением, не пробиваемым никакими магическими приемами. Они же внедрили в жизнь и план постройки ограды Троице-Сергиевой лавры, формирующей общее, не столько физическое, сколько духовное защитное поле обители.

Вначале ограда, как и все сооружения монастыря, была деревянной — простой тын, затем появилась рубленная из бревен стена. В 1408 году монастырь был сожжен, через три года вновь отстроен, однако лишь в 1513 году у деревянных стен поставили первые каменные ворота с надвратной церковью, а еще через тридцать с лишним лет все деревянные стены заменили каменными по образцу московского Китай-города.

При строительстве в основании стен и башен укладывали целые глыбы известняка, на них — большие плиты. Внизу стрельниц устраивались проходы, погреба, «вылази» и «слухи», в толщу стен заделывали аркады мощных «печур» с настилом, по которому шла вторая аркада, поддерживающая пушечные ряды. Стены лавры сориентировали неправильным четырехугольником длиной по периметру более тысячи ста метров, высотой от семи до пятнадцати и толщиной от трех до десяти метров. Таким образом, это сложнейшее сооружение с одиннадцатью башнями представляло собой особым образом организованное ментально-физическое пространство, защищавшее внутреннюю зону лавры, не доступную темным силам.

Волхв Сергий, иерофант Предиктора, с виду — молодой человек, юноша, невысокого роста, тонкий и хрупкий, но с мудрыми глазами ясновидца, в которых светилось величавое спокойствие, появился на территории лавры незаметно, прямо у стен Духовской церкви, возведенной еще в 1476 году, — первого кирпичного сооружения монастыря. Точнее, появление волхва не заметил ни один посетитель лавры, а также монахи, занимавшиеся повседневными делами. Но человек, в канун нового года вызвавший Сергия, знал, что он уже прибыл, и вышел к церкви спустя минуту после проявления молодого волхва. Этим человеком был архимандрит лавры отец Савватий.

Они встретились на четвертом ярусе (столпе) церкви, под маковкой, где когда-то висел «всполошный» колокол: Духовская церковь представляла собой редкий своеобразный памятник древнерусского зодчества, соединивший в себе одновременно храм и звонницу.

Оба могли общаться бесконтактно, телепатически, но предпочитали физические встречи и общение в звуковом диапазоне, тем более что местная пси-защита лавры позволяла это делать без опасения быть подслушанными.

Снаружи шел редкий снежок, но тучи вот-вот должны были разойтись, судя по светлеющему небосводу. Пятнадцатиградусный морозец пощипывал щеки и уши, но был вполне терпим, волхвы могли выдержать и вчетверо более жгучий холод.

— Здрав будь, отец, — поклонился Сергий, одетый в обычный дорожный костюм, который был распространен среди молодежи: зимняя куртка с капюшоном, который Сергий всегда носил откинутым, джинсы, ботинки.

— Со светом будь, отрок, — поклонился в ответ Савватий, худой, сгорбленный, с шапкой сизых волос и седоватой бородой. Одет он был в рясу, на груди висел тяжелый восьмиконечный крест.

— Слушаю, отец. Я понимаю так, что пришла пора переходить на более высокий уровень Сопротивления?

В тускловатых с виду серых глазах Савватия на мгновение полыхнул огонь силы. Между собою волхвы были равны, но Сергий, несмотря на молодость, мог решать самые сложные проблемы, был более подвижен, чем старики, и не зря стал иерофантом Предиктора, то есть координатором исполнения Замыслов.

Под Сопротивлением же оба понимали не армию, не организацию, а среду, созданную русским пространством и людьми, которая во все времена и формировала оперативную команду для исполнения того или иного Замысла.

— Сопротивление — всего лишь часть системы Катарсиса, — ответил Савватий. — Новый Замысел предполагает сформировать кольцо очищения из русских городов, а также разработать концепцию глобальной политической структуры — Балансового Контроля. То есть необходимо создать такие условия на Руси, чтобы силы Сатаны не могли существовать ни в физическом, ни в психоэнергетическом планах.

— Это сверхсложная задача, отец.

— Я знаю. Цель Сатаны — изменить мир по его программе. Внедрение идеологии Сатаны длится на Руси более двух тысяч лет, мы же только-только собираем силы. К тому же Сатана не жалеет своих слуг и ретрансляторов — черных магов, мы же обязаны беречь своих помощников. А главное, что у Сатаны появились новые проводники его программы. К Российскому легиону добавились теперь Братство Черного Лотоса, Академия национальной безопасности, лаборатории психотроники. Реввоенсовет расформирован благодаря нашим усилиям, зато создается система тотального криминального контроля на государственном уровне — СТОКК, объединяющая ФСБ, СВР, ГРУ и МВД.

— Замысел учитывает эти факторы. Мы тоже строим свои оборонительные системы и структуры и достигли некоторых успехов. Кроме Предиктора, мы имеем дружину витязей, Сопротивление, техническую службу Катарсиса, Вечевую контрразведку.

— К сожалению, Замысел основан на насилии. Насилие бесперспективно. Пришло время реализации идеи изменения порядка мира ненасильственным путем. Появились мыслящие и сильные люди, хотя их еще мало, творцы и лидеры, способные воплотить в жизнь новую стратегическую концепцию Катарсиса.

— На начальном этапе нам не обойтись без физического ограничения деятельности слуг Сатаны.

— Не все волхвы это понимают. Я тоже на Сходе, вероятнее всего, буду возражать против конкретного воплощения наших идей с помощью прямых физических действий.

— Тогда мы проиграем эту кризисную фазу противостояния.

— Я не сказал, что буду препятствовать Замыслу. Твоя задача, координатор, создать базу и команду, причем за очень короткое время, чтобы мы наконец вышли на прямую коррекцию программы Сатаны. При этом каждый твой ход должен быть прикрытием другого хода. Сатане нужна наша сила, наша энергия, наша кровь, наконец, без них он не сможет внедрить на Земле свой Замысел.

Сергий кивнул.

Войны, кровь, насилие и смерть питали Сатану, проявляли его на Земле, и Предиктор давно работал как регулятор напряженности в стране, хотя удавалось ему далеко не все. Давно было известно, что правоохранительная система государства должна работать иначе, другими методами, но продолжала действовать в том же духе, что и криминальная система, ограничивая ее деятельность насилием, жестокостью, террором, не подчиняясь законам и моральным нормам. Предупреждать преступления она не могла. Это должно было сделать Сопротивление.

— Главные задачи системы, — продолжал Савватий, — ты и сам знаешь, их шесть. Первая — перераспределение финансовых потоков в пользу государства, а не чиновников и частных лиц. Вторая — регуляция информационных потоков, воздействие на средства массовой информации. Третья — корректировка властных структур. Четвертая — упреждение террора и бандитизма. Пятая — выявление и ликвидация коррупции всех видов. И шестая...

— Формирование родового защитного поля, — подхватил Сергий.

— То есть создание светлого национального русского эгрегора, — закончил Савватий.

Сергий улыбнулся.

— Эти задачи не меняются уже в течение нескольких десятилетий, как и особенности русского характера: создать проблему, чтобы ее потом героически решать. Пример — успешно реализованный самими же русскими заговор против русской истории.

Глаза архимандрита снова сверкнули.

— Как сказал один путешественник по России в середине XIX века: «Общественная жизнь в этой стране — постоянный заговор против истины».

— Маркиз де Кюстин, — улыбнулся юный волхв. — У него еще есть такие строки о Руси: «Все там безгранично — страдания и воздаяния, и жертвы, и чаяния; их (то есть нас) могущество может стать громадным, но они купят его ценою счастья».

— Что ж, мы такие и есть, — усмехнулся в бороду Савватий. — Наше спасение в святой мечте о царстве справедливости, осуществить которую нам суждено чрез муки и слезы, боль и унижение, жертвы и страдания. Но все же наша мечта не сродни американской, выраженной в рекламе или в их киномечте о превращении киллера в ангела. Их зомбирующее навязывание стереотипов на Руси не пройдет — о том, что насильник, бандит, убийца может и должен стать героем. Нашему человеку это глубоко противно.

— Потому что других героев у них нет, — грустно согла-

сился Сергий. — Я читал мемуары третьего американского президента Джефферсона, в которых он признался, что с ужасом думает о судьбе своей страны и о том, что Бог справедлив. Ибо не может Божья справедливость спать вечно.

— Не холодно ли тебе, отрок? — посмотрел на красные от мороза щеки собеседника архимандрит. — Может быть, пойдем в трапезную, попьем чайку с чабрецом?

— Не холодно, отче, но от чайку вашего не откажусь.

Они неторопливо спустились вниз, вышли из церкви и, никем не видимые, направились к трапезной, огромному зданию в стиле московского барокко, окруженному открытой галереей-гульбищем. Миновали небольшую Михеевскую церковь у западного входа и вошли в юго-западную часть здания, занятую служебными помещениями и малой трапезной, сели на лавки за деревянный стол в уголке. Через несколько минут служка принес поднос с сухарями, медом и вареньем, а также самовар.

— Я предвидел расширение Замысла, — сказал Сергий, наливая чай в большую глиняную кружку, — и давно начал сбор информации по интересующим нас темам. К сожалению, мы пока не в состоянии повлиять на самый большой и простой эгрегор — систему оперирования деньгами. Она в руках черного криминально-правительственного каганата.

— Поэтому частью Замысла и является проблема перераспределения финансовых потоков. Мы должны научиться владеть всеми концентрированными пси-полями: деньгами, парадигмами, рунами, идеями и даже компьютерами, — если хотим исправить положение. Российский легион, к примеру, финансируется не только нашими спецслужбами, но и Фондом озабоченных граждан мира, резиденции которого находятся в Брюсселе и Вашингтоне. Необходимо этот поток направить на наши нужды.

— Эксперты «двойки» Катарсиса уже рассчитали трафик, параллельно я сформировал группу влияния. Однако мне мешают. Черные в Москве понимают, что мы не сидим сложа руки, и принимают превентивные меры.

— Необходимо ослабить влияние конунгов на социум.

— Каким образом? Москва стала закрытой зоной черного беспредела, защищаемой семью конунгами, нам туда не пробиться.

— Нужно, во-первых, переманить на свою сторону кого-то из серых, во-вторых, найти подход к черному.

— Это проблема из проблем.

— Знаю, но ее надо решать. А в первую очередь нейтрализовать Братство Черного Лотоса, пустившее корни уже в десятках городков и сел по всей Руси. Пусть храмами Братства займутся Витязи.

— У нас их, к великому сожалению, немного.

— Ищите кандидатуры. Привлеките людей боя, участвовавших в ликвидации базы Легиона на Селигере.

— Мы присматриваемся к ним, но они еще не совсем готовы к ненасильственному деянию.

— Пусть поработают простыми исполнителями Катарсиса, быстрее войдут в нужную форму. Дай им задание привлечь лидеров криминальных образований, это им по силам. Моя сфера персональной ответственности — строительство школ на принципах живы, а твоя...

— Ликвидация лабораторий, занимающихся психотронным оружием второго поколения, — закончил Сергий. — Я имею в виду «анаконду» и «лунный свет». Придание гласности исследованиям в этом направлении скорее всего не поможет, как и физическое уничтожение лабораторий, нужен новый подход. А самое эффективное деяние в этом плане — создание ментального запрета на разработку на уровне физического закона.

— Это изменит всю картину мира, — покачал головой Савватий. — Вышень не одобрит нашей инициативы.

— И все же надо попытаться предложить ему идею. Приближается время, когда выход Сатаны в наш мир тоже станет физическим законом.

— Не знаю. — Старый волхв задумался. — Необходимо прежде всего добиться согласия Предиктора.

— Мне бы в моем поиске очень пригодилась помощь Спиридона.

— Он перешел в иное качество, просветленный. — Архимандрит монастыря вздохнул. — Мне его тоже не хватает. Кстати, с этого дня вводится пароль на ментальную связь.

Савватий дважды чиркнул пальцем по воздуху, и с шипящим посвистом перед ним вспыхнули две изогнутые линии, сложившиеся в символ, напоминающий летящего сокола.

Сергий внимательно посмотрел на архимандрита.

— С чем это связано?

— Боюсь, конунги научились пеленговать наши каналы связи.

— Это невозможно.

— Тем не менее стоит перестраховаться. Теперь общаться будем, только кодируя канал этой руной. Пойдем, пройдемся.

Они допили чай, вышли из трапезной, направляясь к митрополичьим покоям по хрустящему под ногами снегу.

Снегопад прекратился, в разрывы между расходящимися тучами выглянуло солнце.

— Насколько серьезна угроза со стороны СТОКК? — спросил Савватий. — Что нам предусматривать в ответ?

— СТОКК создается в рамках концепции национальной безопасности, с благими намерениями, однако в первую очередь будет использоваться черным эгрегором. Это очень серьезная сила, на мощной базе, в том числе научно-технической. По Москве уже устанавливаются телекамеры для контроля улиц, опять же — с благими замыслами «борьбы с терроризмом». Нам нужно работать на таком же техническом уровне, если не выше, для чего я ищу профессионалов во всех областях знаний. В первую голову математиков и компьютерщиков, специалистов по микроэлектронике и психическим исследованиям. Чтобы противостоять зомбирующим системам типа «анаконда» и «лунный свет», нам необходимо научиться декодировать психику человека с помощью не менее мощных технических систем.

Савватий задумчиво коснулся рукой камня внутренней стены лавры, вдоль которой вилась протоптанная в снегу дорожка. Камень засветился оранжевым светом, стал прозрачным, как расплавленное стекло, затем вернул прежний вид.

— Хорошо, что черные конкурируют меж собой, надеясь на абсолютную власть. Соберись они в один кулак, нам пришлось бы туго. Меж тем как сыны света живут в Боге и для Бога, пользуются миром, как не пользующиеся, сыны тьмы всегда остаются сынами мира сего.

— Они всецело живут в мире видимом и чувственном, — подхватил Сергий, — для материальных выгод и удовольствий, водятся животной жизнью.

Архимандрит не без удивления посмотрел на светящееся изнутри лицо молодого волхва, процитировавшего уложение Свято-Троицкой Сергиевой лавры «О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира», которое было написано еще в 1905 году. Сергий никогда не был монахом лавры, но, как оказалось, знал ее священные писания.

Молодой человек прочитал мысль старого волхва.

— Это память родовой линии, отец. Я могу пользоваться ею как библиотекой.

— Иногда я забываю, — проворчал Савватий, — что ты близок к самореализации шестой ступени, просветленный. Поболе бы нам таких, как ты.

Сергий улыбнулся.

— Они грядут, сыны света. Русь не погибнет, и мы это знаем. Что же касается священных писаний, которых множество, я знаю и такие, которые начинаются словами «Во имя Бога милостивого и милосердного», но переделывают людей до такой степени, что приверженцы этого доброго бога в запале стремления обратить других в свою веру доходят до массового человекоубийства.

— Таковы все слуги Сатаны, отрок, независимо от их вероисповедания и национальности. Есть они, к несчастью, и среди православных славян. К слову, в Москве произошел дикий случай осквернения православных икон...

Сергий кивнул. Архимандрит говорил о происшествии в центральном выставочном зале московского Манежа. Некий «свободный художник» Авдей Тер-Оганесьян приобрел в иконной лавке Софрина наиболее почитаемые православными христианами освященные иконы Спаса Нерукотворного, Спаса Вседержителя и Владимирской Божией Матери, принес в Манеж и на глазах пораженных посетителей бросил на пол, стал топтать ногами, плевать, рисовать на них свастику, а затем топором изрубил святыни, представляя это как своеобразный «акт высокого искусства», приуроченный к выставке работ современных абстракционистов. «Художника» задержали... и вскоре отпустили, так как он оказался сыном бывшего вице-премьера. По сведениям разведки Сопротивления, он собирался повторить свой «акт» в Историческом музее.

— Я послал в Москву Георгия, — сказал Сергий. — Вандал должен понести наказание и перестать заниматься своим «художеством».

Савватий повернулся лицом к солнцу, широко открыв глаза, в которых плавились мудрость и печаль.

— Иди, просветленный, исполняй Замысел. И пусть душа наша, яко птица, избавится от сети ловящих...

Сергий поклонился старику и исчез.

Савватий остался стоять у стены лавры, глядя на солнце, не жмурясь и не прищуриваясь. Губы его двигались, будто он читал молитву. Впрочем, это и была молитва, так как последними словами в ней были:

— Благословен Вседержитель, иже не дади нас в ловитву зубом их...

ЖУКОВКА

КРУТОВ

Снег еще лежал кое-где на полях и в лесах, в садах и скверах, под заборами и стенами домов Жуковки, но в воздухе уже пахло весной. По утрам было холодно, однако стоило выглянуть солнцу, как сразу с крыш начиналась капель и по тротуарам и улицам провинциального городка открывали навигацию ручьи.

Крутов подставил лицо лучам солнца, всей грудью вдыхая свежий весенний воздух, прошелся вдоль стены школьного спортзала, обходя слежалые ноздреватые пласты снега, и вернулся ко входу в здание.

Жил он в Ковалях, где микроклимат был несколько иным, а снег до самого апреля оставался девственно-чистым и белым, в Жуковку же наведывался регулярно — четыре раза в неделю, устроившись тренером по русбою в местном спортсоюзе. Помог ему определиться с работой племянник дядьки Ивана Поликарповича Женя Хапилин, работавший учителем физкультуры в Жуковской средней школе и прознавший, что бывший полковник ФСБ — мастер рукопашного боя. Он же договорился с директором школы о выделении помещения для занятий новой секции, в которую с удовольствием ходили и ученики школы. До этого Крутов, переехавший с женой из Ветлуги на родину еще осенью прошлого года, два месяца ничем не занимался и с радостью согласился на предложение основать школу единоборств. Кроме всего прочего, надо было зарабатывать на жизнь, а спортклуб обязался платить хотя и небольшие деньги, но регулярно.

Впрочем, сказать, что Крутов ничего не делал, было бы несправедливо. Он помогал по хозяйству деду Осипу, теткам, двоюродным сестрам, ухаживал за Елизаветой, потерявшей интерес к жизни после преждевременных родов и потери ребенка, — сказалось дикое нервное напряжение, испытанное женщиной под Селигером во время боя команды Крутова с боевиками Российского Легиона, — и каждое утро занимался психофизическим совершенствованием по системе деда Спиридона, которую он называл *жи́вой*. Именно жива и помогла Егору выйти целым и невредимым из боя, а также вывести Лизу из глубокой депрессии после выкидыша. Хотя прийти в себя окончательно она не смогла до сих пор. Уже полгода Крутов не видел на ее похудевшем бледном лице улыбки и живого блеска в глазах, несмотря на все свои усилия. Складывалось впечатление, что Лиза сознательно закрыла все двери наглухо, отгородившись от мира толстыми стенами нежелания общаться. Жила она словно бы по инерции, не помогали ни беседы, ни врачи, ни колдовские приемы родственников Качалиных, сведущих в травном и наговорном лечении, и Егор уже начал бояться, что его берегиня потеряла свою волшебную жизненную силу, спасая мужа от гибели. Уезжая из Ветлуги, он не знал, каково истинное состояние здоровья Елизаветы, но, даже если бы и знал, решения своего не переменил бы. Дед Спиридон после боя на Городомле исчез, и никто из многочисленных родственников Качалиных в Ветлуге не мог сказать, куда он подевался. Не знала этого и Евдокия Филимоновна, жена и берегиня старого волхва, не проявлявшая между тем особого беспокойства. Муж частенько исчезал из дома по своим волхвовским делам и не появлялся иногда по месяцу, по два. Но поскольку он так и не объявился, Крутов и решил переехать на родину, надеясь, что там удастся вывести Лизу из ее сумеречного существования. Жить в Ветлуге после всего случившегося под постоянным давлением бандитов Быченко Крутов не хотел, тем более в отсутствие учителя.

Разъехались в разные стороны и его бывшие соратники.

Ираклий Федотов решил податься в Нижний Новгород, где жила и работала Мария, исполнившая свою миссию Ходока и берегини до конца. Егор знал, что бывший полковник военной контрразведки влюблен в Марию, но как относилась к нему сама женщина, никому было не ведомо. При расставании Егор пожелал удачи соратнику и другу, искренне желая ему счастья, и это было все, чем он мог ему помочь.

Панкрат Воробьев, год проживший в Осташкове, на берегу Селигера, с Лидой, сестрой Егора, и двумя ее детьми, уехал оттуда с семьей сразу после памятных событий начала октября прошлого года и устроился в Переславле-Залесском, небольшом провинциальном городишке Ярославской губернии, где у него жили родственники по отцовской линии. Егор изредка получал оттуда весточку: Лида не забывала брата, да и сам Панкрат позванивал, зная о происшедшей беде с женой Крутова. По тону разговоров было понятно, что он скучает по прежним временам, хотя, с другой стороны, открыто радовался своей семейной жизни. Он нашел свою женщину, дети которой стали звать его отцом.

Крутов и сам нередко вспоминал недавнюю боевую жизнь, однако все так же стремился к независимости и покою, обнаружив в глубине России колоссальный массив бытия, не за-

висящего ни от политических драк в высших эшелонах власти, ни от мафиозных разборок, ни от силовых структур, и собирался войти в этот глубинный массив, чтобы остаться в нем навсегда. Единственное, что требовалось для этого (как ему казалось), — было время. Хотя прошлое отпускало бывшего полковника безопасности неохотно, постоянно доказывая, что средний человек в России абсолютно не защищен, беспомощен как перед бандитами и жуликами всех мастей, так и перед властью, перед чиновниками, перед так называемыми правоохранительными органами и законами криминального государства, которым к этому времени стала Россия. Крутову и на родине изредка приходилось воевать — за честь и достоинство, за справедливость и правду, хотя и в меньших масштабах, отстаивая идеалы, впитанные с молоком матери, хотя большинство конфликтов он, к своему удивлению, научился разрешать мирным путем. Но не все. Еще дед Трофим Харлампиевич говорил: если не жить ради других, хотя бы своих родных и близких, то какой смысл жить вообще? Крутов хотел воплотить эту формулу, отражающую основы бытия рода, в реальность. Первой же его задачей на этом пути было восстановление здоровья и психики Лизы, пережившей жуткий страх за мужа и рождение мертвого ребенка.

А больше всего мировоззрение Крутова изменили занятия живой. Он стал замечать то, что не замечал раньше, понимать то, о чем вообще не задумывался, и видеть то, что было недоступно еще полгода назад. Потому что жива оказалась не просто системой защиты и организации пространства адекватного ответа (ПАО) или древнейшей славянской философией жизни и смерти, но образом жизни, и ее принципы исподволь изменяли человека, повышая его уровень самореализации даже в том случае, если он с виду ничего особенного не делал. Количество прожитых лет при этом на качестве реализации не сказывалось, хотя еще совсем недавно Егор считал, что единственное количество, которое не переходит в качество, есть именно количество прожитых лет.

Мысль, что его забыли, вычеркнули из списков Сопротивления как неперспективного, приходила в голову Егору все реже. Ему словно дали время на оценку и осмысление происходящего, проверяли его терпение и запасы независимости. Может быть, именно это соображение и заставляло Крутова избегать каких-либо контактов с теми, кто выводил его на путь Витязя.

Над предложением организовать школу единоборств Егор

думал недолго, согласившись на третий день, но лишь потом понял, насколько это благодарный и интересный труд. После двух месяцев занятий мальчишки души не чаяли в своем наставнике, готовые заниматься день и ночь. Особенно произвело на них впечатление поведение тренера во время нападения на школу группы хулиганствующих молодчиков, которые, узнав о секции «рукопашки» в Жуковской школе, решили покуражиться и поиздеваться над учителем.

Их было двенадцать человек возрастом от пятнадцати до двадцати лет, руководил же бандой известный в Жуковке хулиган и вор Бузыкин по кличке «Буза», двадцатисемилетний, отсидевший в тюрьме три года за ограбление. Они ворвались в спортзал вечером одиннадцатого февраля во время тренировки, принялись кричать, свистеть, отпускать неприличные шуточки, хохотать, затем перешли к действию, ломая снаряды, вспарывая ножами маты, и Крутов пресек начавшийся разгром самым решительным образом.

Он вдруг рявкнул во всю мощь легких, так, что даже зазвенели стекла спортзала: «Стоять!» — в установившейся тишине бесшумно и быстро приблизился к Бузе, выявив в нем вожака стаи, и одним касанием пальца уложил его на пол, не обращая внимания на демонстративно вынутый нож.

В Жуковке уже существовали спортклубы под вывесками «секции кикбоксинга» и «школы восточных единоборств», Егор посетил их во время занятий, чтобы иметь представление об учебном цикле, но, когда увидел учеников — молодых людей устрашающей наружности и сзнакомился с методикой преподавания, понял, что тренеры клубов готовят из своих подопечных кого угодно, только не мастеров с высоким духовным потенциалом.

Тренировка в этих школах включала в себя поистине «эксклюзивные» приемы: удары растопыренными пальцами в глаза, удары локтем в височную область, удары в пах, а то и вовсе захват половых органов соперника. Воспитывали из молодых парней не спортсменов и не адептов воинских искусств, а бойцов, способных надежно и быстро искалечить любого противника. Примерно таким же образом готовили боевиков инструкторы в Чечне и Таджикистане, да и в мафиозных кланах по всей территории России, не заботясь о здоровье учащихся, которые нередко получали травмы, вплоть до переломов костей и сотрясения мозга, а то и вовсе погибали во время «тренировочного процесса». Но то были засекреченные базы обучения террористов и киллеров, увидеть же подобные школы работающими легально в патриархальной глубинке, у

себя на родине, Крутов не ожидал. Правда, тогда он еще не знал, что ему придется столкнуться с хозяевами «клубов», контролируемых, как оказалось впоследствии, Российским легионом через весьма интересную структуру, которая называлась Братством Черного Лотоса. Произошло это следующим образом.

В секцию Егора записалось поначалу всего двенадцать человек, в основном — ученики старших классов, но через месяц их число удвоилось, а к концу февраля в секции занималось уже более сорока ребят самого разного возраста — от шести до восемнадцати лет. Среди них оказался и Марат Катуев, сын известного жуковского коммерсанта, заканчивающий школу. Егор помнил, как вел себя этот молчаливый, сильный, но совершенно закомплексованный парень, покуривающий травку, у которого часто болела голова. Привел его в спортзал отец, и парень вряд ли остался бы в секции, если бы не предложение Крутова вылечить его. Марат отнесся к предложению с недоверием, скептически, но под строгим взглядом отца согласился. Тогда Егор велел парню раздеться, п р о с м о т р е л его в поисках активных точек тела, и тремя ударами ребром ладони — в грудь, по шее и в спину — навсегда избавил от головных болей, что подействовало на него лучше всяких уговоров и демонстраций боевой техники.

Отец Марата, первое время контролирующий посещение сыном новой секции, как-то в разговоре с Крутовым признался, что у него трое детей, среди которых Марат — самый младший.

— Все мужики, — сказал со вздохом Катуев-старший с унылым видом, — и никакого сладу. Ни один не проявляет особого желания учиться и работать. Даешь им деньги — принимают как должное, не даешь — начинают пропадать в дурных компаниях. Вот и приходится кормить и содержать. А в ответ — полнейшее равнодушие! В жизни ни один не послушался совета или не взял с отца пример. Как будто не мои дети. Мать вся извелась...

— Может быть, вы чего-то не учли в воспитании? — осторожно посочувствовал Крутов, с любопытством поглядывая на плотного, кряжистого, лысого, с суровым бульдожьим лицом Катуева. — Характер человека складывается с детства.

— Может быть, — легко согласился пятидесятилетний Владислав Катуев. — Если бы я вложил в них душу, не надо было бы вкладывать сейчас деньги...

И вот Марат вдруг перестал ходить на занятия, а через месяц заявился его отец и попросил помощи. Оказалось, парень

увлекся буддийской философией и стал пропадать в недавно отстроенном на берегу Десны храме Черного Лотоса, не желая слушать ни мать, ни отца, отказываясь даже заканчивать одиннадцатый класс школы. Так Егор впервые услышал о Братстве Черного Лотоса, свившем свое гнездо в Жуковке и рекрутировавшем послушников в городе и по окрестным селам. О том, что храм контролируется Российским Легионом, Крутов узнал позже. Получив же известие от Катуева, он решил поговорить с настоятелем храма и выяснить, что это за странное монашеское объединение, абсолютно не свойственное русской провинции.

Каково же было его удивление, когда он увидел не допотопную хибару, не полуразвалившееся, в строительных лесах, восстанавливаемое строение, а самый настоящий буддийский храм с мощными каменными стенами, с «китайскими» крышами с загнутыми краями и драконами на флюгерах. Размеры здания почти не уступали размерам московского храма Христа Спасителя, что говорило о размахе и возможностях его хозяев, не доступных не только простым смертным, но и местной Православной епархии.

Лишь месяц спустя Крутов выяснил, что филиалы Братства появились не только в Жуковке, но и в Брянске, а также в соседних областях. Храмы росли, как грибы после дождя, и за всем этим ощущалась чья-то целеустремленная воля, пожелавшая насадить повсеместно чуждую коренному населению веру. И не только веру. Потому что храмы эти, как быстро сообразил Егор, стали настоящими базами и школами боевиков, из которых должны были вырасти будущие легионеры. Но об этом он догадался позже, теперь же, попытавшись добиться аудиенции у настоятеля-проповедника, Крутов сразу нарвался на откровенно вызывающее, пренебрежительное и наглое поведение монахов, представлявших вполне современное охранное подразделение.

За ворота храма, расположившегося в живописнейшем уголке природы на берегу реки, неподалеку от жуковского дома отдыха, Крутова не пустили.

— Сегодня неприемный день, — сказал мрачно коротко остриженный белобрысый отрок в черном одеянии, поглядывая на крутовский джип «Лендкруизер», который ему при расставании подарил Георгий в Осташкове. — Учитель принимает только по пятницам.

— Меня он примет и сегодня, — добродушно сказал Егор. — Передайте, что к нему на прием просится полковник Крутов.

— Да хоть сам генерал, — тем же тоном проговорил монах-

охранник, подзывая напарника. — Приходи в пятницу, может быть, учитель и соблаговолит принять.

Крутов с любопытством посмотрел на квадратное лицо парня, излучающее полное «отсутствие всякого присутствия».

— Вы не поняли, молодой человек, — попытался он мягко достучаться до сознания стража. — Я такой же учитель, как и ваш наставник, но к тому же еще полковник Службы безопасности. Доложите учителю, что к нему пришел Егор Лукич Крутов.

Охранники ворот переглянулись.

— Приходи в пятницу, — повторил белобрысый. — Сегодня учитель молится.

Из глубин храма вдруг донесся тихий многоголосый вопль: хё! Крутов понял, что внутри идут занятия по какому-то виду корейской борьбы, возможно субак или тхэккён.

— Ваш учитель кореец? — поинтересовался Крутов, зная от Катуева-старшего, что настоятеля храма зовут Сергеем Баратовичем Кенджалиевым. При таком сочетании имени, отчества и фамилии трудно было установить национальность человека, хотя в принципе для Егора это не имело никакого значения.

Молодой страж ворот нахмурился.

— Сам ты кореец! Шел бы ты своей дорогой, полковник, или кто ты там, здесь частная территория, и гостей мы не любим.

Егор покачал головой. Он давно мог бы войти в храм, просто усыпив охранников приемами живы, однако начинать беседу с боссом заведения с этого не следовало.

— Вижу, что вежливости вас не учили, молодые люди. А нельзя вызвать сюда одного из новых учеников, Марата Катуева? Это-то, надеюсь, не запрещено?

— Запрещено, — отрезал белобрысый, закрывая створку ворот. — К нам приходят добровольно. А ты бы лучше не приходил сюда вовсе, ни один, ни с кем еще... — Говоривший осекся.

К воротам вышел еще один монах в черном, постарше.

— В чем дело, брат?

— Да вот пристал, хочет поговорить с учителем...

— О чем?

— Послушайте, любезные, — усмехнулся Крутов, терпеливый, как фундамент многоэтажного дома, — вам не приходит в голову, что вы ведете себя как сотрудники спецслужбы, а не монахи? Я ведь не случайный прохожий, а чиновник при исполнении и могу действовать гораздо активнее, чем вы думаете. Не хотите пропустить к учителю, позовите Марата Катуева, он мой ученик, и я хочу знать, по какой причине он перестал ходить на занятия и оказался здесь. Более веские аргументы, надеюсь, не нужны?

Монах постарше смерил Крутова взглядом, молча повернулся к нему спиной, и створка ворот снова закрылась. Это была настоящая пощечина, и в другие времена Егор вряд ли ее стерпел бы, но теперь он только постоял в задумчивости у ворот, приглядываясь к стенам храма и прислушиваясь к долетавшему хору голосов, затем вернулся к машине и уехал, пообещав себе все же добиться у господина учителя аудиенции.

Однако делать этого не потребовалось. Уже на следующий день к Егору в школу забежал благодарный Катуев-старший и сообщил, что сын вернулся. Что произошло, объяснить он не смог, но Крутову это знать было и необязательно, хотя он предполагал, что настоятель храма просто решил не рисковать и возвратил «заблудшую овцу» в семью, чтобы вокруг храма не поднимался лишний шум.

Правда, еще через неделю в спортзал школы, к концу занятий, когда Крутов отпустил «начальный класс», оставив наиболее «продвинутых» учеников, неожиданно заявилась четверка крутоплечих накачанных молодцов во главе с монахом Братства. Отличительной чертой монахов храма Черного Лотоса было ношение на груди медальона с изображением лотоса, и спутать их с православными было невозможно. К тому же все они были молоды, самому старшему из встречавшихся Крутову в городе едва ли исполнилось тридцать лет. Тот, что привел с собой в спортзал крепких парней, одетых в одинаковые велюровые черные куртки и джинсы, был моложе.

Сначала они вели себя мирно, наблюдая за процессом тренировки, сели на лавочку поближе к татами, затем начали бросать реплики и вслух обсуждать достоинства фигур старших девочек; в группе их было трое. Крутов попросил гостей вести себя сдержаннее, но это не помогло. Парни явно провоцировали драку и стали в открытую смеяться над ним, а когда Егор сделал еще одно замечание, монах, не принимавший участия в этой игре, спросил с усмешкой:

— А что ты нам сделаешь, п о л к о в н и к? Милицию вызовешь или ОМОН?

Он з н а л, что Крутов уже не был полковником, а это означало, что монах получил задание от настоятеля храма пощупать приходившего к ним представителя власти.

— Зачем же милицию? — спокойно сказал Егор, остановив тренировку. — Я и сам вас выведу.

Он вдруг оказался рядом с четверкой ржущих парней — никто из них не заметил его перемещения, так быстро Крутов пересек зал, — раздалась очередь в четыре хлесткие пощечины, головы парней дернулись, и на щеках появились отчетливо видимые багровые отпечатки ладони Егора. Ошеломленные молодцы вскочили, враз замолчав, но Крутов не дал им времени на осмысление происходящего и успокоил каждого касанием пальца к точкам несмертельного воздействия на лбу, у виска и на шее. Парни сели с выражением немого удивления на сытых лицах, к которым вполне подходили определения «мурло» и «морда».

Егор повернулся к монаху, вскочившему и вставшему в позу корейского бойца тхэккён: левая нога слегка согнута в колене, правая впереди и опирается о пол лишь носком, руки согнуты перед грудью особым образом, пальцы растопырены, — покачал головой.

— Я вас умоляю, поручик. Забирайте своих «шестерок» и идите отсюда со всей возможной поспешностью. И запомните: сюда больше не приходите, мое терпение тоже имеет пределы.

— А то что? — хмыкнул монах, расслабляясь.

— Храму придется тратиться на лечение таких, как ты и твои мордовороты.

Крутов вернулся к своим ученикам, понявшим, что учитель продемонстрировал не свои возможности, а возможности пропагандируемого им вида борьбы, и продолжил занятия. Четверка несостоявшихся проверяльщиков, ведомая монахом (какой он, к черту, монах — самый настоящий боевик!), убралась из зала. А после занятий к Егору подошел Марат Катуев и сказал с восторженным блеском в глазах:

— Ловко вы их успокоили, учитель! Я у них был и видел... они тоже тренируются, но совсем не так, как мы...

— Вероятно, их инструктор — кореец.

— Я не об этом. У них совсем другой подход... более жестокий... и работают они в полном контакте...

— Мы тоже будем работать в полном контакте, но без травм и переломов. Хотя я буду учить вас в основном обратному — бесконтактному воздействию.

— А ваши приемы... ну, как вы с ними справились... это дим-мак или русбой?

— Скорее ни то, ни другое. Есть древнерусская система

психофизического совершенствования, приемы которой не менее эффективны, чем восточные.

— Вот бы мне научиться!

— Будешь тренироваться, — улыбнулся Егор, — а главное — думать, — научишься.

После этой стычки с адептами Братства Черного Лотоса Крутова оставили в покое, а монахи стали появляться в Жуковке гораздо реже, но Егор чувствовал тяжелое влияние храма на психологическую обстановку в этом районе, понимал, что храм обычным религиозным центром не является, а скорее всего является центром подготовки бойцов для какой-то крутой структуры типа Российского Легиона, однако вмешиваться в дела этой организации бывшему полковнику хотелось меньше всего. Хотя, с другой стороны, он осознавал, что его мирное спокойное сидение в Брянских лесах не продлится долго. Он был Витязем, пусть и не опытным, и должен был служить Сопротивлению и Роду в соответствии со своими знаниями и навыками человека боя. Молчание же Предиктора, руководимого волхвами, оберегающего внутреннее российское пространство, вполне объяснялось соображением: Крутова испытывали на терпение и умение ждать. Хотя вполне возможен был вариант, что его просто оставили в резерве.

Солнце спряталось за тучи, и сразу похолодало.

Егор очнулся от воспоминаний, вернулся в спортзал, где уже начали разминку его ученики — сорок с лишним душ, готовых идти путем самореализации и совершенствования не навыков боя, а своего собственного мировоззрения, отношения к миру и человеку.

Вечер прошел, как обычно, спокойно, без напряжения, в меру весело и непринужденно. Мальчишки и девочки, поверившие в чудесную силу древнерусского стиля (Крутов начал понемногу давать им элементы боливака — составной части живы), в наставнике своем души не чаяли и повиновались ему беспрекословно, с удовольствием, что, естественно, отражалось и на их эмоциональном состоянии, и на поведении в быту. Катуев-старший в последнюю встречу признался Крутову, что поражен изменением привычек сына: Марат перестал слушать жуткий ритмичный грохот и вопли, которые он раньше называл музыкой и песнями, а главное — вышел из своего интравертированного закомплексованного мирка, куда его загнала жизнь, и все чаще пугал мать тем, что предлагал убрать в доме, вымыть посуду или сбегать в магазин за продуктами.

Закончив тренировку, Егор побеседовал с ребятами на раз-

ные философские темы: излюбленной была тема рождения Вселенной, тайны космологии, — и спустился из спортзала школы во двор, где стоял его железный зверь «Лендкруизер», не боявшийся деревенского бездорожья.

Егор вспомнил случай, когда он возвращался вечером домой после занятий в школе в снегопад и остановился перед мостом через Березну, на окраине Фошни, чтобы выйти и протереть лобовое стекло; дворники не справлялись со снегопадом. И в это время в корму джипа въехал следовавший из Жуковки рейсовый автобус, который Крутов обогнал с минуту назад.

Егор подскочил к старенькому «пазику», рванул дверцу, чтобы высказать водителю все, что он о нем думает, и увидел побелевшего пожилого шоферюгу с испуганными умоляющими глазами.

— Прости... вот, бери все деньги... тут триста сорок... у меня четверо детей... я отработаю, только не бей... ну не работают у этого ящика тормоза, проклятые! И снег ишшо...

Егор похлопал его по колену, деньги, естественно, не взял, закрыл дверцу и вернулся к джипу, унося в душе взгляд шофера, не ожидавшего такого поворота событий.

А джип практически не пострадал, только в заднем бампере появилась вмятина...

Машина выехала на окраину Жуковки, миновала Старые Месковичи слева, Гришину Слободу справа. Джип обогнал чью-то заляпанную грязью «Ниву», но вообще движение по дорогам района было редкое и замирало вовсе с наступлением темноты, что объяснялось разными причинами, не только плохим состоянием дорог и отсутствием у крестьян личного транспорта, но и нередкими случаями грабежа частников. На крутовский джип, правда, местные бандиты пока не покушались, зато в деревнях они действовали почти в открытую, зная, что сил у районной милиции мало, а участковых милиционеров можно купить. Так, например, дед Осип рассказал Егору историю, от которой тот снова почувствовал приступ «острой моральной недостаточности», а попросту говоря — ненависти к тем, кто паразитировал на трудовом народе, отбирая у него последние крохи, отбивая охоту к любому проявлению независимости и предприимчивости.

У Осипа в Фошне жил шурин, брат жены, Константин Яковлевич, который работал на ферме местного агропромышленного объединения «Рассвет». Он и пожаловался, что к ним повадилась банда, скупающая молоко и мясо по бросовым ценам и не допускающая, чтобы работники объединения продавали его в Жуковке сами. А выглядело это следующим образом.

Как только фермеры собирались везти мясо в город на рынок, на ферме появлялась бригада крутых хлопцев во главе с известным всей округе «предпринимателем», имеющим сеть торговых точек по всему району, Борисом Мокшиным, братом бывшего мэра Брянска Георгия Мокшина, грузила приготовленные туши коров и свиней, молоко и яйца на свои «Газели» и увозила. Платил же Мокшин, естественно, в пять раз меньше, чем могли заработать сами работники объединения.

Егор уже сталкивался с братьями в прошлом году и знал сволочную натуру обоих, тем более что один из них — Георгий — был когда-то мужем Елизаветы. Встречаться с ними снова Крутову не хотелось, но отвечать отказом на просьбу фермеров помочь — через Осипа — тоже было неправильно, и Егор пообещал деду оказать содействие шурину и его сотрудникам.

Машина миновала Фошню, освещенную фонарями благодаря работающим допоздна киоскам, а вскоре показались первые дворы Ковалей. Без четверти десять Крутов поставил машину под навес во дворе и, испытывая странное чувство вины, вошел в дом, вспоминая высказывание отца Елизаветы, Романа Качалина: жена, как наркотик, нужна каждый день, но в малых дозах. Самому Егору Лиза была нужна «в больших дозах», что в настоящее время казалось несбыточной мечтой. Лиза словно погасла после войны в Осташкове, похудела так, что на лице остались, казалось, одни только глаза и губы, из дома выходила редко, мало разговаривала и больше сидела на диване в горнице, глядя перед собой прозрачно-зелеными пустыми глазами, уходя сознанием в не доступные никому миры. Оживлялась она, да и то ненадолго, лишь при возвращении Крутова.

Егор обнял на ходу бабу Аксинью, все еще хлопотавшую по дому, кивнул деду Осипу и двум его бородатым гостям, сидевшим на кухне, и прошел в светлицу, встречая нестерпимо светлый, обжигающий, вопрошающий, кроткий, сосредоточенный на каких-то внутренних переживаниях и воспоминаниях взгляд жены. Протянул ей букетик подснежников, купленных еще днем в Жуковке на базаре, опустился перед ней на колени.

— Любушка моя, вот и я.

— Егорша, — медленно проговорила Лиза, поднося цветы к губам, едва заметно улыбнулась. — Ты в своем репертуаре, полковник...

Крутов поцеловал ее пальцы, загоняя тоску и боль поглубже в сердце, поднял ее на руки и стал носить по горнице, приговаривая:

— Стану я, раб Божий Егор Крутов, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротми, выйду в чисто поле, под восточную сторону, под белый день, под красное солнышко, под светел месяц, под частыя звезды, под утренню зорю, стану я перед лесом весенним, покорюсь и помолюсь: дай силы, лес-поле, моей берегине воспрянуть духом, и выйти ангелом, и не бояться никого, не болеть, и взять жизненные соки земли-землицы, и напиться, и вернуться к мужу здоровой и проворной...

На кухне замолчали. В двери появилась лысо-седая голова Осипа, скрылась. Крутов опустил жену на пол, обнял чуть ли не до боли, заглянул в глаза.

— Как ты себя чувствуешь, лебедь заколдованный? Скоро ли полетишь, как раньше?

— Скоро, — ответила Елизавета, снова улыбнувшись елеле.

Но глаза ее, просиявшие на миг, когда он дарил ей цветы, снова стали далекими, тоскливо-покорными и чужими.

— Посиди здесь, я сейчас.

Крутов вышел на кухню, жадно выпил кружку сбитня.

— Как жизнь, мужики?

— Революционная ситуация, — пошутил Осип. — Верхи хотят, а низы не могут.

Гости засмеялись. Деду Осипу пошел уже седьмой десяток, а он еще поглядывал на молодиц и держался вполне по-петушиному.

— А у вас как дела, Константин Яковлевич? Что нового?

Один из гостей Осипа, широкий, могучий, грудь колесом, разгладил бороду рукой. Это и был шурин деда, Константин Яковлевич Ковригин, директор фермерского объединения «Рассвет».

— Да что нового, Егор Лукич, все старое. Опять нагрянули лихоимцы-заготовители, експроприаторы, мать их!.. Выгребли все продукты подчистую, а заплатили курам на смех, на зарплату рабочим не хватает. Попробовали мы было угомонить их, да куда там. Семен вот блямбу получил под глаз, а у молодого Касьяна, кажись, два ребра сломали.

Только теперь Крутов обратил внимание на синяк под глазом второго гостя, смущенно приглаживающего волосы. Усмехнулся, подумал, кивнул.

— Дадите мне знать, когда в следующий раз соберетесь выезжать в Жуковку с мясом. Я приеду.

Не слушая благодарных слов, Егор вернулся в горницу, остановился у стола, сглотнул ком в горле. Он не знал, как вывести жену из этого состояния полусна-полуяви, как не знали этого ее мать Степанида и даже ведьма Евдокия Филимоновна, но был убежден, что метод найдется. Волхвы не могли оставить в беде берегиню Витязя... если только не собирались предложить ему новую.

Например, Марию...

НИЖНИЙ НОВГОРОД

ФЕДОТОВ

После уничтожения базы Российского Легиона с лабораторией, создающей психотронное оружие второго поколения, которая была расположена на острове Городомля, на озере Селигер, Ираклий долго колебался, прежде чем решить, куда поехать, и выбрал в конце концов Бийск. На Алтае он родился, провел детство и юность, Алтай он любил и знал, и, наконец, там жили его родственники, которые могли ему помочь устроиться.

Однако прожил он в Бийске всего одну неделю. Внезапно до смертельной тоски захотелось увидеть Марию, и Федотов бросил все дела, объявил Сергею Корнееву, который вернулся вместе с ним и продолжал работу в «церковном спецназе», что уезжает, и сорвался в Нижний, откуда на Алтай уже не вернулся.

Мария ждала его. Правда, совсем не так, как он рисовал себе в мечтах, а по-деловому, но все же ждала, чтобы предложить ему возглавить только что созданное частное издательство «Рось», и бывший полковник военной контрразведки согласился, проглотив все возражения. Оставалась надежда, маленькая такая воздушная надежда, что бывший Ходок Предиктора, историк по образованию и писательница по призванию Мария Юрьевна Арсеньева, волей волхвов Предиктора назначенная берегиней Витязя, в миру — Егора Лукича Крутова, когда-нибудь перестанет зависеть от Замысла и превратится в независимую берегиню, защитницу другого Витязя. В идеале — Ираклия Федотова, чего он желал всей душой, пораженный этой женщиной и влюбленный в нее, как мальчишка. Возможно, он не стал бы рассчитывать на развитие отношений с Марией, если бы она сама не давала повода, а

главное — из-за отношения самого Крутова, любившего свою жену, Елизавету. Хотя и этот факт не слишком грел душу, потому что Мария не забыла Крутова и забывать не хотела. По одной простой причине: она его любила. И все-таки Ираклий остался в Нижнем Новгороде, надеясь и страшась, завидуя и ревнуя, любя и ненавидя: иногда — Егора, чаще — себя.

Устроиться на новом месте Ираклию также помогла Мария. Ее двоюродный брат, талантливый музыкант, уехал по контракту во Францию, оставив прекрасную четырехкомнатную квартиру на попечение сестры, и Мария предложила Федотову жить в ней, пока он не приобретет собственное жилье.

Постепенно наладился определенный быт, который Ираклий подогнал под свои привычки, связанные с ежедневными занятиями древнетибетской системой психофизического совершенствования лунг-гом и прогулками-пробежками на свежем воздухе, а главное — наконец-то заработало издательство, выпустив в свет первые три книги, в том числе книгу Марии — фантастический роман «Волхв», и Федотов почувствовал вкус к жизни, подогреваемый близостью любимой женщины, изредка — намеренно или нет, но факт! — вдруг проявлявшей к нему какое-то особое внимание. Она как будто забывала, что на свете существует Егор Крутов, и начинала вести себя с Ираклием так, словно он был ей небезразличен.

При встречах, которые происходили теперь у них регулярно, раз в неделю, они затевали философские споры и вели длинные, сопровождавшиеся тонкой пикировкой, беседы на интересующие обоих темы. Лишь на одну тему отказывалась говорить Мария — о Замысле Предиктора и обо всем, что было с ним связано: о молчании волхвов, об исчезновении деда Спиридона Качалина и об их участии в Сопротивлении. Сказала однажды, вскользь, что все идет своим путем, что Замысел не терпит торопливости и безответственности, что надо просто ждать. И Федотов ждал, гадая, понадобится ли он снова Предиктору или нет, в то время как жизнь продолжалась своим чередом, вокруг все так же происходили негативные явления, вынуждающие бывшего полковника вмешиваться, вспоминать, что он человек боя, и помогать людям выживать. Иногда приходилось защищаться и самому. Один такой эпизод, связанный с новым направлением деятельности Федотова — изданием книг, произошел совсем недавно, в пятницу девятого апреля.

Ираклий возвращался домой (квартира была чужая, но он привык называть место проживания, пусть и временного, своим домом) из издательства поздно вечером, усталый и голодный.

Проблем хватало, и не все они решались оперативно, в надлежащие сроки, и качественно, хотя руководителем Федотов был достаточно опытным. Возглавив издательство, первым делом составил список рутинных дел, от которых надо было избавиться поскорее, рассмотрел каждое в отдельности и с помощью Марии наметил способы, позволившие ему уменьшить нагрузку и время, требуемое на раскачку, найти помощников, на плечи которых можно было переложить часть проблем, а также составил перечень приоритетных действий, функций и обязанностей, которые становились необходимыми в повседневной деятельности. И все же первые три месяца вхождение в новую область ответственности было трудным. Ираклий с головой окунулся в работу, похудел, но держался бодро и упрямо, и к началу апреля с удивлением ощутил себя другим человеком — и з д а т е л е м, болеющим за свое дело. И вот тут-то и появились дополнительные проблемы, о которых Ираклий хоть и знал, но не ждал, что они возникнут так остро.

Первой проблемой оказался отказ одного из инвесторов вкладывать в издательство деньги. Инвестор — Нижегородский филиал Промстройбанка — желал срочно получить назад свою долю.

Вторая проблема тоже была не из пустяковых. Почуяв после выхода первых книг наживу, к Ираклию в офис, расположенный в центре города, на улице Ванеева, заявились представители «крутой» охранной структуры под названием «Надежные ребята» и предложили «крышу». Естественно, за хорошую плату, чего Федотов не мог себе позволить в силу отсутствия лишних денег. Он отказался от предложения и сразу попал под пресс криминального воздействия.

Сначала хулиганы на улице вечером избили его секретаршу и запугали девушку так, что она отказалась выходить на работу. Затем кто-то регулярно стал прокалывать шины федотовского джипа «Судзуки», доставшегося ему в наследство от возглавляемого им в Жуковке Ордена чести; две такие машины мирно ждали хозяина на автостоянке в Брянске, откуда Ираклий их и забрал, подарив одну Панкрату Воробьеву.

И, наконец, дошло до прямых угроз и действий в адрес директора издательства «Рось».

Утром ему позвонили и сделали «последнее китайское предупреждение», заключавшееся в том, что, если он не согласится на услуги по охране издательства, последствия будут

плачевными. «Радетели» снова были из частной охранной конторы «Надежные ребята», и Федотов вежливо послал этих «ребят» за кудыкины горы. А вечером его встретили в подъезде двое крепких молодых людей и огромный, как холодильник «Блэкхос», амбал, похожий на медведя гризли: волосатый, толстопузый, с покатыми плечами и длинными руками, способными, наверное, гнуть ломы. Двое спустились к лифту сверху, третий вошел следом за Ираклием.

— Тебя предупреждали, мужик, — сказал этот третий ломающимся баском. — А теперь мы тебя побьем маленько, не до смерти, чтобы не кочевряжился и знал, с кем имеешь дело. Платить тебе все равно придется.

Ираклий ответил ударом, и представитель «Надежных ребят» улетел к двери подъезда, вряд ли сообразив, что произошло. Второго, молодого человека в берете, Ираклий пропустил мимо, развернул и торцом ладони влепил ему в лоб прямой хидари. А вот «гризли» он недооценил.

Кеками[1] в живот гиганта не свалил! «Гризли» взревел от боли, цепко обхватил Ираклия за плечи (видно, когда-то серьезно занимался борьбой) и начал ломать спину, пригибая к полу, не обращая внимания на удары-тычки пальцами в грудь и в шею.

Ираклий попытался провести серию прямых и боковых ударов руками по корпусу, но удары под руками «борца» вязли, не клеились, «размазывались», а коленом до паха противника он достать не мог, так как на Федотове висели сто сорок, никак не меньше, килограммов противника, придавливая его к полу и вжимая в стену. Устоять на одной ноге, для того чтобы попытаться ударить другой и снять усиливающийся на позвоночник натиск «гризли», было невозможно. Он был выше, мощнее и сильнее.

Звенело в ушах, все отчаяннее болела спина, ныли руки и ноги, к сердцу поднялась волна холода. Ираклий попытался было сделать подсечку и бросок через стопу, но вовремя остановился: упали бы оба, и, если «гризли» оказался бы сверху, учитывая разницу весовых категорий, эта туша его просто раздавила бы. Тогда Ираклий ушел в п у с т о т у, как его учил Крутов, и освободившееся от сознания тело само нашло выход.

Ираклий резко присел, захватил ногу противника и рывком за пятку бросил его на ступеньки лестницы. Гул при падении тела получился такой, что эхо пошло гулять по всем этажам. Встретив затылком холодный бетон, «гризли» успокоился. Радуясь, что никто из квартир не вышел на шум драки, Ираклий передохнул минуту, разгоняя красные круги перед глазами, прислушиваясь к боли в спине (не сместились бы позвонки!), пошлепал первого парня по щекам, дождался, когда тот откроет глаза, и сказал внятно:

— Передай боссу, что я его навещу в скором времени, и не один, с отрядом ОМОНа. Еще раз попытается давить на психику — убью! Понял?

Не дожидаясь ответа, он сел в лифт и поднялся на пятый этаж, держа себя в боевом напряжении. Но все было тихо, в квартире его не ждали сюрпризы вроде засад или подброшенных взрывных устройств, хотя этот этап во взаимоотношениях охранной фирмы и издательства «Рось» еще мог наступить.

Вечером в субботу Ираклий заехал за Марией на улицу Родионова — ее дом стоял недалеко от Печерского монастыря — и предложил поехать в ресторан «Золотой плес», расположенный на высоком волжском берегу, рядом с нижегородским Кремлем, однако Мария отказалась и предложила отправиться в другое место.

— Куда? — послушно согласился Ираклий, сердце которого прыгнуло к горлу при виде женщины в красивом вечернем туалете: фиолетовое платье, облегающее фигуру, отливающее серебром, пончо и черные изящные туфли на высоком каблуке. Из украшений на Марии было колье и сережки в форме миниатюрной виноградной грозди, а также перстень с изумрудом.

— У нас существует закрытый клуб для местной элиты, называется «Дионис».

— Даже мимо не проезжал. А нас туда пустят? Клуб же закрытый?

Мария лукаво улыбнулась.

— Нас пустят даже к президенту, если понадобится.

— Но в клубы, насколько я наслышан, публика ходит в смокингах или во фраках...

— Ты прав, но твой костюм сегодня сойдет за смокинг. Не волнуйся, поехали. Сейчас выезжай на Пискунова, потом налево на Дзержинского. И давай рассказывай, что случилось.

Ираклий покосился на спутницу, не удивляясь ее прозорливости. Она всегда чувствовала душевный настрой человека и безошибочно определяла его дискомфортное состояние.

— На меня вчера напали.

— Кто?

[1] К е к а м и — удар с разворота боковой стороной стопы.

— Мальчики из охранной конторы «Надежные ребята». Не слышала о такой? Предлагали «крышу»...

— Ты отказался, естественно.

— Естественно.

Мария засмеялась.

— Надеюсь, они остались живы?

Ираклий тоже усмехнулся, прислушиваясь к организму: спина у него все еще побаливала.

— Надо было мне сразу позвонить, — сказала Мария. — И конфликта не произошло бы.

— Ничего, мне не привыкать воевать с подонками. Кстати, в шкале стрессов собственная болезнь или травма стоит не на первом месте, а на четвертом.

— А на первом что?

— Развод супругов.

— Шутишь?

— Я привожу мнение американских психологов Холмса и Раха, недавно читал статью в «Аргументах и фактах». По их шкале на втором месте тюремное заключение, а на третьем смерть близкого родственника.

— Ерунда, по-моему. На мнение американских экспертов, причем почти в любой области знания, вообще полагаться не стоит. Вспомни поговорку: «Что русскому благо, немцу — смерть».

— Абсолютно с тобой согласен. Могу даже привести примеры. Недавно прочитал в какой-то газете мнение журнала «Time» о людях, оказавших наибольшее влияние на культуру в двадцатом веке, всего около пятнадцати фамилий — по одной на каждую категорию человеческой деятельности. Я был поражен: в списке нет ни одного соотечественника! Будто русских вообще не существует!

— Не горячись. Чего ты хочешь от тех, кто тысячи лет пытается доказать, что мы были язычниками и рабами?

— Но это же ни в какие рамки не лезет! Например, против категории «живопись» стоит фамилия Пикассо. Что, в XX веке в России не было художника, равного ему по таланту? Чушь! Один только Константин Васильев чего стоит! Или, к примеру, литература. Эксперты отдали предпочтение Джеймсу Джойсу. Да вашу ж мать! А Шолохов, Алексей Толстой, Куприн, Набоков в каком веке жили?! Я уж не говорю об актерах. В списке упомянут лишь Марлон Брандо. Не спорю, хороший артист, но и рядом не стоял с нашими Смоктуновским, Евстигнеевым, Леоновым, Яковлевым, Табаковым или Ефремовым. Да по каждому разделу можно назвать не одного претендента, а с десяток, половина которых будет славянской.

Мария с интересом посмотрела на разгоряченного Ираклия.

— А ты, оказывается, славянофил, господин полковник.

— Не отрицаю, — огрызнулся Федотов, остывая. — Только с небольшим уточнением: я не националист и к другим народам отношусь нормально. — Он вдруг усмехнулся. — Однажды прочитал в «Известиях» статью некоего инженера из Москвы Георгия Кузнецова, так даже морду хотел ему набить. Во, и фамилию запомнил! Этот говнюк, извиняюсь, на полном серьезе утверждал, что... подожди-ка, вспомню формулировку... а, вот: «Давайте перестанем наконец лицемерить и назовем вещи своими именами: антисемитизм, презрение к нацменам и шовинизм присущи подавляющей части русского народа». И далее: «Именно там, в народе, они сохраняются на биологическом уровне». Каково?!

— Да, дрянь человек, — согласилась Мария. — Жаль, что такие письма печатают «Известия». Не разгоняйся, сейчас поворачивать будем.

Через минуту свернули в узкую улочку и вскоре подъехали к трехэтажному особняку с коричневыми зеркальными стеклами, возле которого располагалась хорошо оборудованная охраняемая стоянка. Над центральным входом в здание с высоким каменным крыльцом висела сияющая огнями вывеска: «Клуб «Дионис». Чуть ниже, рядом с дверью, красовалась медная табличка: «Дионис-клуб. Вход только по членским карточкам».

Ираклий поставил машину между «шестисотым» «Мерседесом» и «БМВ» последней модели, помог Марии выйти. Он уже заметил входящую в клуб пару: седого элегантного мужчину в прекрасном костюме и молодую девушку в роскошном вечернем платье с накинутым на плечи боа. Костюм мужчины состоял из черного пиджака с атласными отворотами, белого пикейного жилета и черных брюк, в боковые швы которых были вшиты сатиновые ленты. Кроме того, у этого завсегдатая клуба был белый галстук-бабочка, а из нагрудного кармашка торчал уголок белого носового платка. Туфли у него были черные, лакированные, в руках он нес белые перчатки.

Ираклий невольно покосился на свои туфли. Его костюм был неплох, но рядом с фраком этого господина не смотрелся.

Мария поняла настроение спутника, спрятала улыбку.

— Все в порядке, полковник, ты выглядишь не менее элегантно, чем тот фраконосец.

— Меня все равно не пропустят...

— Положись на меня.

К удивлению Федотова, швейцар — безукоризненно одетый вежливый молодой человек — пропустил их в клуб без единого вопроса. Впечатление было такое, будто их здесь давно знали и ждали, в то время как Ираклий был уверен, что и Мария появляется здесь нечасто. Что и подтвердилось вскоре, когда метрдотель — такой же молодой и прекрасно одетый, как и швейцар, усадил их в уголке ресторана клуба. На вопрос Ираклия, бывала ли она в клубе, Мария беспечно ответила:

— Всего второй раз.

Уточнять, с кем она была в «Дионис-клубе» в первый раз, Ираклий не стал и начал осматриваться, пока Мария изучала роскошный бювар меню.

Зал ресторана был небольшим, всего на десять столиков, каждый из которых прятался за красивыми декоративными решетками, увитыми плющом и лианами. Но в зале тем не менее существовал небольшой подиум эстрады, и в настоящий момент на нем находилась какая-то молодая певица с музыкальной группой, исторгавшей мрачное электронное звучание, в которое вплетался великолепный — на четыре октавы! — голос певицы, исполнявшей тягостную песню, чуть ли не плач.

Видимо, чувства Ираклия отразились на его лице, потому что Мария, мельком глянув на эстраду, проговорила:

— Это Рада и ее группа «Рада и терновник». Стоит тебе захотеть, и они перестанут тянуть этот фолк-мотив, перейдут на более веселый репертуар. Или вообще перестанут петь.

Ираклий качнул головой, с любопытством посмотрел на женщину.

— Пусть поют. А ты что же, можешь заставить их не петь? Или просто попросишь уйти?

— Можно и попросить, — сверкнула взглядом Мария. — Что будешь пить?

— То же, что и ты.

— Тогда сначала брют, для аппетита, потом «Шато-Бриан». Закуски будешь выбирать?

— На твое усмотрение. Добавь только тарталетки с паштетом и грибной жульен.

Мария сделала заказ, и они сдвинули бокалы с шампанским.

— За тебя, — сказал Ираклий.

— За наших друзей, которых с нами нет, — сказала Мария, и он почувствовал укол ревности. Егор Крутов незримо присутствовал рядом, где бы ни находился в данный момент.

Рада перестала петь, зазвучала тянучая томная мелодия, в центре зала появилась танцующая пара.

К столику Федотова и Марии подошел довольно упитанный молодой человек в темно-бордовом смокинге. Рубашка на нем была белая, с рюшами, измазанными помадой, сюртук и черный жилет расстегнуты, бархатный черный галстук-бабочка съехал, и было видно, что толстяк изрядно навеселе.

— Разрешите пригласить вас на танец, — обратился он к Марии, не обращая внимания на ее соседа.

— Молодой человек, — не выдержал Ираклий, — вам не кажется, что следует просить разрешения не у дамы, а у ее кавалера?

Заплывшие глазки посетителя клуба переместились на Федотова, но не задержались на нем, скользнули обратно.

— Пошли, потанцуем, мадемуазель.

Ираклий встал, особым образом взялся за локоть парня и повел его, удивленно пискнувшего, попытавшегося сопротивляться, через зал, остановился, когда к ним подскочили два молодых человека весьма специфичной наружности, в которых легко можно было угадать телохранителей. Один из них сунул руку под мышку, второй схватил Ираклия за плечо и, охнув, отступил, держа парализованную руку другой рукой.

— Не трогай пушечку, — проникновенно сказал Ираклий второму атлету, — тебе же дороже обойдется. Забирай своего босса. Нехорошо к чужим дамам приставать.

Ираклий передал обмякшего толстяка в руки телохранителя, и тот повел своего босса к столику, где сидели двое наблюдавших за происходящим пожилых мужчин и средних лет женщина.

— Напрасно вы с ним сцепились, — раздался над ухом Федотова чей-то невыразительный голос. — Это сын Плевина.

Ираклий оглянулся. Рядом стоял официант.

— Кто такой Плевин?

Официант удивленно вскинул брови.

— Гаврила Рафкатович — президент клуба, Вадим — его сын.

— Пусть научится вежливости, — равнодушным тоном сказал Ираклий и вернулся за столик.

— Без драки нельзя было обойтись? — прищурилась Мария.

Ираклий пожал плечами.

— Хамов надо осаживать наглядным физическим образом, а не уговорами.

— Ты еще не понял, что любое насилие бесперспективно? В том числе и применяемое во благо?

— Ситуации бывают разные, — возразил Ираклий. — Убийцу ты не остановишь словом или взглядом.

— Я — остановлю. Но об этом мы еще поговорим. Ты хорошо знаешь приемы рукопашного боя, а что тебя подвигло заняться боевыми искусствами? Когда ты начал заниматься борьбой?

Ираклий вспомнил, как он, будучи в возрасте пятнадцати лет, возвращался с тренировки домой, усталый, но уверенный в своем превосходстве и никого поэтому не боявшийся, и на глухой и довольно темной улице к нему подошли трое ребят года на три-четыре старше. Пока он рассматривал их, самый здоровый из тройки внезапно схватил Ираклия за отвороты куртки и въехал ему головой в лицо, едва не сломав нос. Затем толкнул его на стену дома, так что Федотов крепко врезался затылком, подскочил и еще несколько раз ударил кулаком в живот. Затем подключились двое его корешей, Ираклий упал и, пропустив несколько ударов ногами, потерял сознание.

Именно после этого случая он и начал искать более действенные системы боя, перепробовав многие восточные стили, местные алтайские, самбо, тайский бокс, пока не остановился на тибетской лунг-гом; отец в те времена много ездил по свету, беря с собой сына, а в Южном Китае прожил несколько лет.

— В общем, заниматься борьбой я начал с малолетства, но серьезно — лет в пятнадцать.

— Какую школу закончил?

— Да чуть ли не все наиболее известные, пока не понял, что все это — дзэнблудизм, как выражается Серега Корнеев. Ни одна школа, ни один монастырь не дают знание жизни и реального боя. Все они основаны на традиционной стандартной подготовке, которая требует весьма длительного обучения, в то время как существующие современные центры спецподготовки дают тот же результат, но в гораздо более сжатые сроки.

— Но ведь ты занимаешься по своей методике...

— Лунг-гом не моя методика, это система психофизического совершенствования, передаваемая тибетскими монахами из поколения в поколение. Мне ее преподавал один тибетский монах-отшельник, а ему — его дед, и так далее в глубь веков. Лунг-гому более пяти тысяч лет.

— В таком случае ее исток — русская жива.

— Может быть. Не знаю, — сказал Ираклий, не желая возражать. — Егор показывал мне кое-какие приемы, они действительно близки к тем, что учил я.

— Ты ничего не слышал о Братстве Черного Лотоса?

Ираклий задумался, сделал глоток шампанского, ощущая лопающиеся на языке пузырьки.

— Это связано с буддизмом? С кришнаитами?

— Ни с тем ни с другими. В Нижнем появился храм Черного Лотоса, и я подозреваю, что инициатор строительства храма — наш бывший общий враг.

— Легион? Ему-то зачем понадобилось строить храмы, связываться с чужой религией?

— Никто и не говорит, что этот храм связан с религиозным служением. Скорее всего это центр подготовки легионеров, причем официально узаконенный.

— Могу выяснить.

— Не надо... пока. Жди, когда тебя позовут, и поменьше устраивай драк и показательных демонстраций своих возможностей.

Ираклий покраснел, отвернулся, переживая приступ легкой обиды.

— Я и так живу почти что по библейским заповедям, разве что не подставляю вторую щеку. Причем живу с ожиданием чего-то. Знать бы, когда это ожидание закончится. Да что мы все обо мне и обо мне? У тебя-то как дела? Решила вопрос с работой?

— Я теперь учитель истории в старших классах нижегородского колледжа «Ломоносовский». Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— В каком смысле?

— Ты о мобильных отрядах общественной организации «Слово и дело» слышал?

— Я и о самой организации ничего не слышал. Чем она занимается?

— Блюстители нравственности, — усмехнулась Мария. — Сначала они действовали только в Москве, теперь и в других городах появились, в том числе у нас.

— И как же они ее блюдут, нравственность?

— Врываются в школы, гимназии, где преподают гигиену в

период полового созревания, вообще где имеется половое воспитание, и грозят перебить учителей «за разврат», а школы закрыть или поджечь. Их заявление можно прочитать в некоторых газетах националистического толка: «Православные! Если вы стали свидетелями надругательства над православными святынями, если в школах появляются проповедники разврата со своим половым просвещением — немедленно сообщайте нам! Группа быстрого реагирования «Слово и дело» выедет по указанному адресу...» Так они побывали и в нашем колледже. Ворвались в класс впятером, начали материться, выталкивать учительницу, а когда присутствовавший на уроке преподаватель истории вмешался, его ударили, сломали нос... Таким образом я и попала в колледж, заняла его место.

— Круто! — покачал головой Ираклий. — Ребята не понимают, что дискредитируют процесс десексуализации школы. Я недавно слышал по телику выступление детского психолога, она нарисовала совершенно жуткую картину.

— К сожалению, это объективная реальность. Обрати внимание на рекламу на улицах и в транспорте, не говоря уже о газетах, журналах и телевидении, все они пропитаны эротикой и порнографией. Я в колледже проработала всего месяц и то заметила, как непомерно много места в программе занимают разговоры с детьми о безопасном сексе. А семиклассникам даже раздают презервативы! И все это в рамках проекта «Половое воспитание российских школьников».

— Убивать надо! — пробормотал Ираклий, смущенный неожиданно возникшей темой. — Того, кто все это внедряет.

— Тогда начинать надо с Фонда народонаселения ООН, который финансирует проект, и с нашей доморощенной Ассоциации планирования семьи. Идет хорошо продуманная насильственная сексуализация страны, особенно детского пространства, и с этим, несомненно, нужно бороться. Только иными методами, нежели предлагают молодцы из «Слова и дела».

Ираклий покатал по столу шарик из салфетки.

— Я вдруг подумал... а не связан ли этот проект с тем проектом, что разрабатывал наш знакомец Бессараб из Легиона?

— Напрямую, — тихо проговорила Мария, но так, что у Федотова побежали мурашки по спине. — Но это не тема для беседы в ресторане. Угроза традиционным российским семейным ценностям существует, это факт.

Помолчали, ковыряясь вилками в тарелках. Потом Ираклий поднял взгляд.

— Извини, что я так грубо... с этим Плевиным... не подумал о последствиях. Ты ведь могла инцидента и не допустить? Почему не остановила? Проверяла меня?

Мария улыбнулась.

— Ты догадлив, полковник. Тебе пора учиться бесконтактному воздействию на окружающих. Научишься, тоже Витязем станешь.

— Как Егор?

Мария прищурилась, заглядывая в глаза Ираклия, и тот пожалел, что упомянул имя Крутова.

— Егор Лукич сам еще не вполне созрел для деятельности Витязя. Кстати, я чую, что ему нужна помощь.

— Могу к нему съездить.

— Я сама поеду. Давай потанцуем?

Они вышли к танцующим парам в центре зала, Мария закинула руки за шею Ираклия, прижалась к нему, и голова бывшего полковника закружилась от запаха ее духов и близости тела. Поискав глазами младшего Плевина с его телохранителями, он увидел их мирно пьющих в окружении роскошных девиц и успокоился. Не испортило настроения даже заявление Марии, что она собирается навестить Крутова. Егор был далеко, в Брянских лесах, а Мария была рядом, в его объятиях, и думать больше ни о чем не хотелось...

Поздно вечером Ираклий возвратился домой, все еще ощущая на губах прощальный поцелуй Марии, пьяный не от вина, а от ощущения обещания, которое ему подарила женщина. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что, время излечивало все раны, и шансы стать необходимым этой удивительной женщине-берегине, владеющей колдовскими приемами, уже перестали казаться нулевыми. Во всяком случае, Ираклий верил, что все изменится, иначе Мария не приглашала бы его в Нижний Новгород.

Дома он принял душ, разделся, собираясь ложиться спать, и услышал телефонный мяв.

Звонил Корнеев:

— Салют, командир. Извини, что поздно, до тебя не так-то просто дозвониться. Целых три часа набираю номер.

— Я был в ресторане.

— Поздравляю. С кем, если не секрет?

— С Марией, конечно.

— Еще раз поздравляю. Передавай ей привет. А звоню я с просьбой: не смог бы ты выяснить, есть ли у вас в Нижнем храмы Черного Лотоса и чем они занимаются?

Ираклий хмыкнул, вспомнив вопрос Марии о Братстве Черного Лотоса.

— По крайней мере, один храм имеется, Мария о нем только что упоминала. По ее впечатлениям, это не храм вовсе, а база подготовки боевиков Легиона.

— Уточни, пожалуйста, и сразу сообщи, это очень важно.

— Для кого? Для твоих церковных начальников?

— Для всех нас. Звони, в скором времени встретимся, я собираюсь посетить кое-какие города Центральной России, заеду и к тебе. Чао.

В трубке раздался скрип отключаемого скремблера и гудки отбоя. Подержав трубку возле уха, Ираклий медленно положил ее на рычаг.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

ВОРОБЬЕВ

Переславль-Залесский был одним из старейших русских городов, основанным в 1152 году еще Юрием Долгоруким. Построенный как твердыня, защищавшая Ростово-Суздальские земли, он вскоре стал центром самостоятельного удельного княжества. В Переславле родился Александр Невский, откуда он отправился с дружиной защищать Русь от немецких крестоносцев. В начале же XIV века, когда началось второе возвышение Москвы, Переславль-Залесский, разоренный в результате междоусобных княжеских свар, первым присоединился к ней. А в конце XVII века Плещеево озеро, на берегу которого расположился Переславль, стало колыбелью русского флота.

В советские времена город превратился в промышленный центр, затем во время «капиталистической перестройки» увял, как и все небольшие русские городки, однако менее красивым не стал. Это был город монастырей, соборов, церквей, часовен и колоколен. Семья Воробьевых посетила только два монастыря — Горицкий и Никитский, но этого хватило, чтобы проникнуться духом древней русской истории и почувствовать святость этих мест.

Двухкомнатная квартира в Переславле принадлежала родственникам Панкрата по отцовской линии, жила в ней одна бабушка Уля, которая с превеликой радостью приняла внучатого племянника с семьей и с удовольствием начала ухаживать за детьми. Антона отдавать в садик она не захотела, что в общем-то отвечало желаниям Лиды и упрощало самому Панкрату заботы о детях. Настю в школу и из школы он отводил и забирал, не доверяя этот процесс никому.

В начале декабря Лида устроилась работать оператором очистных сооружений Переславля-Залесского и быстро завоевала уважение сослуживцев своей исполнительностью и готовностью помочь любому словом и делом. К тому же она не чуралась черновой работы и поддержала инициативу начальника очистных сооружений развести на опытном участке эйхорнию — уникальное тропическое растение, способное очистить загрязненную любыми стоками воду. Панкрат знал об этом по ее рассказам и жену хвалил, хотя понятия не имел, что такое эйхорния и как она выглядит.

Сам он искал себе работу дольше, пока не остановился на местном рыбозаводе с экзотичным для старинного русского городка названием «Анчоус», где требовался начальник охраны. Удостоверение бывшего офицера ГРУ оказалось достаточной рекомендацией для директора «Анчоуса» Валентина Асламова, который взял Воробьева без лишних расспросов и проволочек. Асламов был молод и честолюбив, завод принял в состоянии стагнации и развала и, начав структурную перестройку предприятия в надежде на прибыль, справедливо полагал, что заводу потребуется современная система охраны.

— Планируйте только реальные сроки и цели, — сказал он Панкрату после того, как тот вышел на работу в качестве новоиспеченного начальника охраны. — Не перекладывайте свои заботы на плечи подчиненных и никогда не беритесь за выполнение сложных дел в конце рабочего дня.

Воробьев промолчал.

Директор, невысокий, светловолосый, с живым энергичным лицом, целеустремленный, как и все бизнесмены нового времени, улыбнулся.

— Вы не слишком разговорчивы, Панкрат... э-э, Кондратович, хотя в моих устах это похвала. Я понимаю, что вы человек опытный, битый, однако охрана завода имеет специфику, и вы должны ее знать. Поэтому я рекомендую встретиться с одним из ветеранов этой службы, проработавшим в данной области около пятнадцати лет. Это даст вам необходимую ориентацию.

— Кто он? Бывший работник завода?

— Нет, — с прежней улыбкой качнул головой Асламов, — он бывший работник Федерального управления охраны, занимался проблемами защиты особо важных персон, потом его ушли на пенсию, и теперь он дачник. Зовут его Михаилом Васильевичем Погребко, вот его телефон.

Панкрат позвонил бывшему федералу-охраннику в тот же день, представился, и они встретились в кафе «Соловей» на Советской улице, славившемся тишиной и патриархальным уютом.

Погребко Михаил Васильевич выглядел интеллигентом средних лет, носил бородку и очки в металлической оправе. О его возрасте говорила лишь сеточка морщин под глазами и сухие, с рисунком вен, руки. Сначала он говорил мало, присматриваясь к собеседнику, но рюмка водки сделала свое дело, глаза бывшего ветерана охранной спецслужбы повеселели, и он не без юмора поделился секретами работы личной охраны президента, к которой имел отношение, и принципами деятельности охранных подразделений, занимающихся обеспечением безопасности всякого рода важных объектов.

— Учти, майор, — перешел на «ты» Михаил Васильевич, — почти во всех случаях нападений на клиента первым стреляют в телохранителя, поэтому, чтобы выжить, тебе придется использовать мозги гораздо чаще, чем оружие или защитную тактику.

— Да я не собираюсь работать телохранителем, — осторожно сказал озадаченный вступлением Панкрат. — Мне поручили охрану рыбозавода...

— Слушай и мотай на ус, в жизни потом пригодится. Рыбозавод — тот же клиент, только неподвижный, но защищать его надо практически так же, как живого человека. Хорошее планирование и организация наблюдения помогут тебе справиться с половиной проблем, а бдительность, решительность и умелое прогнозирование утечек — с оставшейся половиной. Даже если ты считаешь себя настоящим суперменом, умение стрелять, владение рукопашкой и хорошие рефлексы едва ли пригодятся в твоей деятельности. Хотя если ты всем этим владеешь, тебе цены не будет, понял?

Панкрат кивнул, вспоминая Егора Крутова и подумав при этом, что настоящие супермены, профессионалы, как Егор, платят за свое суперменство чересчур большую цену.

— А наезжать будут все, кому станет невыгодна твоя инициатива, от бандитов до милиции и местных чиновников, пользующихся своими каналами добычи икры и свежей рыбки...

Бывший спец ФУО оказался прав. Уже через два месяца после вступления Воробьева в должность и организации им компьютеризированной линии охраны стали проявляться первые признаки недовольства его работой, и первыми инициаторами конфликтов оказались именно чиновники мест-

ных органов власти — администрации города и Законодательного собрания.

Сначала при попытке пронести через проходную три килограмма икры в пластиковом пакете был задержан водитель «Мерседеса» главы администрации Переславля Сенчукова, пригрозивший пожаловаться боссу за экспроприацию. И онтаки действительно пожаловался, потому что уже через два часа Воробьева вызвал Асламов и сказал с неизменной полуулыбкой:

— Телега на вас пришла, Панкрат Кондратович, мэр звонил, жаловался на «хамские» действия ваших церберов.

— Этого следовало ожидать, — пробурчал Панкрат. — Раньше-то все эти деятели, наверное, проходили на завод запросто, как к себе домой.

— Продолжайте в том же духе, но все в рамках закона, и мы останемся чистыми.

Однако оставаться чистыми становилось с каждым днем все труднее. Чиновники не хотели мириться с потерей дармового «подсобного хозяйства», каковым считали рыбозавод на берегу Плещеева озера, и начали обхаживать нового начальника охраны, пока дело не дошло до угроз.

Вторым задержали на многострадальной проходной депутата городской Думы Фрумкина, который спокойно выносил в портфеле десять банок черной икры. Реакция председателя собрания последовала незамедлительно: он назвал этот акт провокацией и потребовал от Асламова разобраться с охраной завода, а начальника сменить.

Затем начали задерживать не только любителей поживиться на халяву, но и воров, пытавшихся проникнуть на территорию завода, а также работников предприятия, в былые времена свободно проносивших рыбу через проходную или же сквозь дыры в заборе. Ограждение к этому моменту уже отремонтировали, Панкрат расчистил коридоры вдоль забора и установил электромагнитные датчики, срабатывающие при появлении людей.

Вот тут уж переполох в стане «расхитителей социалистической собственности» поднялся изрядный. Завод перестал быть кормушкой для воров, спекулянтов, высокопоставленных лиц и других любителей поживиться за чужой счет. Панкрату стали звонить, угрожать, на территории завода к нему несколько раз подходили старые работники и советовали не закручивать гайки, а за территорией пытались «поговорить» по-другому, то есть попросту говоря — избить или покалечить. Правда, все эти попытки заканчивались одинаково, на-

падавшие не представляли себе, с кем имеют дело, и действовали по давно разработанной схеме, просто и нагло, надеясь напугать клиента напором и силой.

Девятого апреля, в пятницу, Панкрат заехал на своем белом «Судзуки Витара», который оставил ему «в наследство» Ираклий Федотов, в автосервис на Протечной улице, чтобы сменить зимнюю резину на летнюю, только собрался вылезти из кабины, как вдруг к машине подскочил какой-то молодой парень с длинными волосами и, показав длинный нож, даже не нож — тесак, прошипел:

— Убирайся отсюда, охранник хренов! Здесь тебя обслуживать больше не будут.

Панкрат внимательно глянул на испитое лицо парня и вспомнил: длинноволосый входил в свиту заместителя мэра города по строительству и присутствовал при задержании охраной рыбозавода всей делегации, выносившей в портфелях все ту же икру. Скандал тогда получился большой, и разъяренный зам главы администрации унижения наверняка не простил.

— А это еще кто с тобой? — посмотрел Панкрат за спину длинноволосого.

Тот оглянулся и через две секунды лежал лицом вниз на асфальте с вывернутой рукой.

К Панкрату бросился еще один мужчина, средних лет, в дорогом костюме, судя по всему, приятель длинноволосого, но Воробьев вытянул в его сторону отнятый у парня тесак и проникновенно сказал:

— Я тебя умоляю, любезный! Не поднимай шум, тебе же дороже обойдется. Забирай своего кадета и убирайся отсюда.

Мужчина остановился, прикидывая свои возможности, нагнулся к поверженному спутнику и помог ему подняться. Уходя, длинноволосый оглянулся и процедил сквозь зубы:

— Я тебе это припомню, паскуда! Если сам не уедешь из города, мы тебе...

Панкрат шагнул к нему, и пара поспешила испариться со стоянки на «сотой» «Ауди». Работники автосервиса, наблюдавшие за происходящим, бросились к машине Воробьева и быстро привели ее в порядок, проявив к водителю подобающее случаю уважение.

А на следующий день произошло еще одно событие, заставившее Панкрата задуматься не столько о своей собственной безопасности, сколько о безопасности семьи. Еще свежи были в памяти все перипетии с освобождением детей из рук похитителей-легионеров на острове Городомля под Осташковом.

По заданию Лиды Панкрат поехал по магазинам города, чтобы купить пару небольших деревянных табуретов для детей и книжную полку, остановился у первого же мебельного магазина недалеко от бывшего Гостиного двора, а когда вышел с полкой в руках — увидел, как присевший возле его джипа мальчишка лет четырнадцати пытается проколоть шины гвоздем.

Неподалеку стояли двое парней, наблюдая за его «работой», но оценивать их бездействие Панкрату было некогда, он метнулся к джипу и, присев за спиной мальчишки, самозабвенно трудившегося над дыркой в мощном колесе «Судзуки», участливо спросил:

— Что, не получается?

Мальчишка дернулся, оглянулся, глаза его расширились, он попытался проскользнуть мимо Панкрата, но был пойман за ухо и заныл:

— Дяденька, я не хотел, отпусти, меня попросили...

Панкрат отобрал гвоздь, заточенный, как шило, покачал головой.

— Ничего себе зубочистка! Кто тебя попросил?

— Эй, козел, отпусти пацана, — раздался сзади угрожающе-злобный голос. — Чего к детям пристаешь?

Панкрат оглянулся, не выпуская ухо малолетнего хулигана.

Он знал, что сейчас по городу распространилась мода протыкать колеса «крутых» и не очень автомобилей, а потом требовать у их владельцев дополнительную плату «за охрану», однако здесь явно был не тот случай.

К нему подходили те самые молодые люди, которые до этого спокойно наблюдали за «творческой» деятельностью прокалывающего колесо мальчишки. Панкрат встряхнул хулигана за шиворот:

— Они тебя просили?

— Ой!.. пусти!.. ой, больно!.. они это...

— Беги и больше не делай этого, даже если тебе хорошо заплатят. Я человек добрый, а найдется такой, что все кости переломает.

— Эй, тебе говорят, рыбозащитник!

Панкрат отпустил мальца, юркнувшего в подворотню, прищурился, разглядывая подходивших здоровяков, абсолютно точно знавших, кто он такой, судя по реплике, и одновременно фиксируя боковым зрением передвижение еще одной пары мужчин, постарше возрастом, посолиднее и получше оде-

тых. Он уже понял, что «наехали» на него не простые «урки», а «шестерки» каких-то влиятельных господ, недовольных положением на рыбозаводе. И еще одного человека заметил Панкрат, с интересом следившего за развитием событий: высокого монаха в черной рясе с бляхой на груди.

— Привет, бандиты, — сказал Панкрат с издевкой. — Что же вы сами-то колеса боитесь протыкать, мальцов посылаете? Блюстителей порядка из себя корчите?

— Ах ты, сучий потрох!.. — начал было один из приблизившихся здоровяков.

Второй остановил его, достал из кармана малинового цвета книжечку с тисненым двуглавым орлом.

— Прошу пройти с нами, гражданин.

— Ух ты, как страшно! — усмехнулся Панкрат. — А ключи от квартиры, где деньги лежат, вам не нужны? Или ваши аппетиты распространяются дальше — до территории рыбозавода?

— Дай я его сделаю, Мавр! — взвился первый.

Второй, чернявый, смуглый, чем-то действительно напоминающий Отелло, помахал своим удостоверением.

— Не усугубляйте свое положение, гражданин. Вы подозреваетесь в угоне джипа марки «Судзуки Витара». Пройдемте в отделение.

— Чтоб тебя!.. — изумился Панкрат, поглядывая одним глазом на подходивших мужчин другой пары и уже понимая, что они ждут начала потасовки, чтобы зафиксировать «нападение на блюстителей порядка при исполнении ими служебных обязанностей». — А ордер на задержание у вас есть?

Парни переглянулись.

— Будет.

— Вот когда будет, тогда и пройдем в ваше отделение, а пока адью. — Панкрат сел в кабину. — Кстати, вожу я этот аппарат по доверенности, которую не раз предъявлял инспекторам. Заодно хочу предупредить: если кто-нибудь невзначай проколет шины джипа, первыми я буду подозревать вас.

— И что будет? — поинтересовался здоровяк с удостоверением сотрудника милиции.

— Кости поломаю, — дружески улыбнулся Панкрат. — Ей-богу, делать это я умею. — Он тронул машину с места и остановил, заметив жест одного из мужчин второй пары, мордатого, с отвисшими щеками и водянистыми глазками неопределенного цвета.

— Жалуются на тебя, Воробьев, — сказал мордатый, подойдя ближе. — Не можешь ты работать с людями.

— А ты кто будешь, любезный? — в том же тоне полюбопытствовал Панкрат.

— Я начальник УВД города подполковник Скворешня.

— И кто же тебе сообщил, что я не умею работать с людьми?

— Слухами земля полнится. Да ты не скалься, как параша, директор рыбозавода тебя не защитит, если что.

— Так бы сразу и сказал, — хмыкнул Панкрат, — что тебе нужен прямой доступ к черной и красной икорке, а я — что кость в горле, не так ли?

— Рискуешь крупно, — покачал головой мордатый начальник УВД. — Не брались за тебя еще по-настоящему.

— А ты возьмись. — Панкрат сдал чуть назад, чтобы развернуться. — Может, что и выйдет. Только и я ведь в долгу не останусь, господин подполковник.

— Ну, смотри...

— Да уж посмотрю. — Панкрат резко взял влево, заставляя всю четверку представителей местной власти отскочить прямо в лужу перед магазином, и поехал по своим делам, сопровождаемый внимательным взглядом монаха.

Однако уговорами давление на него не ограничилось. В дело вступили бандиты, чьи интересы также ущемил Воробьев своей бдительностью и неподкупностью.

Семья Воробьевых не любила традиционных развлечений: посиделок в барах и ресторанах, толкотни дискотек и хождений по театрам, — все ее желания были направлены на воспитание детей, а отдыхать они предпочитали на природе, изредка позволяя себе водить детей в цирк или в зоопарк. В воскресенье одиннадцатого апреля они так и сделали: взяли детей и поехали в городской зоопарк, посмотреть на медведей, волков, лис и на единственное экзотическое животное, достопримечательность зоопарка — бегемота Мотю. Особенно любил наблюдать за Мотей Антон, которого поразила «каменная» туша с огромной пастью.

Вообще, Антон, которому в мае должно было исполниться шесть лет, очень здорово напоминал Панкрата в детстве, и это их родство детских отношений к жизни очень скоро помогло Воробьеву завоевать симпатии малыша. Отцом тот стал звать Панкрата еще прошлой осенью, буквально через месяц после переезда из Брянской губернии в Осташков, и слушался его гораздо охотнее, чем родную мать.

Панкрат, рассаживая детей в кабине джипа, улыбнулся, вспомнив реплику Антона:

— Пап, купи мне водяной пистолет.

— Зачем он тебе?

— Всех мочить буду!

— Всех не надо, — сказал Панкрат, отсмеявшись и подумав, что сын, к счастью, не знает второго смысла слова «мочить».

К зоопарку они подъехали в начале двенадцатого, когда солнышко уже прогрело землю и стало тепло почти по-летнему. Купили входные билеты, прошли на территорию и больше часа бродили между клеток среди таких же любителей животных, в основном детей, а в самом дальнем конце парка, представлявшем собой кусочек леса, на Панкрата налетели трое парней, выждав, как им показалось, самый удобный момент и выбрав самое удобное место. Однако Панкрат был готов к этому нападению, следуя заповедям телохранителя особо важных персон, которыми для него были жена и дети.

В создавшемся положении ему недоступны были ни второй, ни третий уровни охраны, то есть техническая поддержка и предварительный сбор информации, позволяющий предвидеть проблемы и гибко избегать конфликтов, поэтому все свое внимание он сосредоточил на первом уровне — реагировании на непосредственную угрозу и создание препятствий для потенциальных нарушителей спокойствия. Он сразу выделил идущего за ними молодого человека в кожаной куртке и солнечных очках, а когда заметил еще двух таких же впереди, понял, что за ним следили и подготовили встречу. Не стоило тешить себя надеждой, что трое «кожаных», здоровых, коротко стриженных парней тоже пришли в зоопарк для культурного отдыха.

Помня наставления Михаила Васильевича Погребко (как быстро понадобились его советы, прямо мистика какая-то!), что профессиональный телохранитель главный акцент делает на предотвращение нападения на клиента, одновременно продолжая подготовку к отражению готовящейся атаки, Панкрат остановил жену с детьми у вольера с зайцами, сказал ей с подмигиванием: идите потихоньку обратно, я сейчас схожу в кустики, а то живот переполнен, — и быстро свернул в тупик зоопарка, за пустую будку сторожа, с удовлетворением отметив, что вычисленная им троица амбалов в очках не обратила на детей и жену никакого внимания, а сразу кинулась за ним.

Но «клиент» оказался более резвым, чем они себе представляли, хотя и были вооружены кастетами и ножами.

Первого Панкрат встретил «копытом лошади» — ударом в грудь, отбросившим его в кусты перед решеткой забора. У второго сорвал очки и воткнул в глаз палец. Третий попытался зацепить его ножом, получил перелом кисти, взвыл и потерял сознание.

— Кто послал? — нагнулся Панкрат к присевшему и державшемуся за глаз амбалу, сделав свирепое лицо.

Тот вжался спиной в стенку будки, торопливо заговорил:

— Мы обознались... случайно... подумали, что ты один из них...

— Кого — их?

— Конкурентов...

Панкрат замахнулся.

— Говори правду! Язык в глотку вобью!

Парень сполз на землю.

— Абрек приказал попугать... Ходжиев... Аслан Абрекович.

— Кто он?

— Рыбой торгует...

— Передай своему Абреку, что в следующий раз я его холуев не пожалею. Понял?

Здоровяк торопливо закивал, продолжая прижимать ладонь к глазу.

— Панкрат! — послышался из-за кустов аллеи голос Лиды.

Воробьев ткнул пальцем в лоб порученцу Абрека, решившего проучить строптивого начальника охраны рыбозавода, и вышел к ожидавшей неподалеку жене.

— Что ты так долго? — спросила она подозрительно.

— Очередь была, — с улыбкой пожал плечами Панкрат, решив ничего ей не говорить. Конечно, Лида знала о проблемах мужа, возникающих на работе, но, поскольку он выдавал ей информацию дозированно, полной картины происходящего не представляла. Пугать же ее не хотелось, она и так пережила такой удар по психике, что многие на ее месте вряд ли выдержали бы, к тому же Воробьев надеялся со всеми своими трудностями справиться сам.

Домой он ехал в минорном настроении, односложно отвечая на реплики Лиды, что, естественно, было тут же замечено.

— Что молчишь, Воробьев? — забеспокоилась Лида. — Сидишь как в воду опущенный.

— Думаю, — встрепенулся Панкрат.

— О чем?

— Ты знаешь, что в Иране есть закон, предусматривающий смертную казнь за недостойный образ жизни?

— Не знаю. Что, правда? Я считала, что иранцы казнят только за оскорбление Аллаха.

— Точнее — за несогласие с Богом. Вот бы у нас ввести такие законы...

Лида с тревогой посмотрела на мужа, прикрикнула на расшалившихся детей на заднем сиденье, и Панкрат, видя, что жена начинает нервничать, перевел разговор на другую тему:

— Как там твоя знаменитая эйхорния? Растет?

Лида успокоилась. Разговор о тропической траве, очищающей воду, был ей приятен.

— Сейчас только начало весны, еще прохладно, а эйхорния тепло любит. В мае высадим в отстойники второго цикла. Но ты знаешь, мы ее развели в крытом зале канализационного слива, и теперь там нет никакого зловония! Эйхорния справляется с любой грязью! К тому же мы запланировали разведение травы для получения биогумуса, продавать будем как удобрение садоводам и огородникам, копейка самостоятельная появится...

Она еще что-то говорила, но Панкрат не слушал, думая о том, что ему н и г д е не будет покоя. Всю жизнь он был человеком боя, сражаясь с обстоятельствами и врагами не ради самого боя, а за принципы справедливого воздаяния, за честь и достоинство человека, за процветание государства, которое в конце концов вышвырнуло его на обочину «магистрального пути развития капитализма» и превратило в боевую машину, вынужденную драться постоянно. В том числе — с самим государством, которое до сих пор свято блюло принцип: государство — все, человек — ничто! Винтиком же этой госмашины Панкрат быть не хотел.

Вспомнились строки незабвенного Хайяма:

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

— Что? — переспросил Панкрат, догадавшись по сдвинутым бровям Лиды, что она задала вопрос.

— Ты меня не слушаешь, — рассердилась она. — Может быть, заедем на рынок, овощей купим?

— Конечно, заедем, — согласился он, отбрасывая свои невеселые мысли. Не стоило решать проблему до ее возникновения, а то, что он способен ради семьи «наступить на горло собственной песне», бывший майор Службы внешней разведки знал абсолютно точно.

Приехали они домой как раз к обеду. Лида принялась хлопотать на кухне, разогревая еду, Панкрат с удовольствием занялся с детьми, а еще через несколько минут к ним заявился нежданный гость — молодой монах в черной рясе с медальоном на груди, на котором был вычеканен лотос.

ЖУКОВКА

КРУТОВ

Он не горел особым желанием встревать в конфликт между фермерами и «заготовителями» Бориса Мокшина, терроризировавшими всю округу и плативши милиции за невмешательство, но в конце концов согласился на уговоры мужиков помочь. Душа жаждала справедливости, и чувствовать себя свободным от всех обязательств, жить по пословице: «Моя хата с краю» — Крутов не мог и не хотел.

Ранним утром в понедельник двенадцатого апреля он встал, стараясь не разбудить спящую жену, тихонько сделал зарядку, оделся и вышел во двор, чтобы завести машину. Дед Осип еще спал, но баба Аксинья уже хлопотала во дворе, готовила корм для кур и выводила корову.

— Куда в такую рань? — всполошилась она. — А блины?

— Я скоро приеду, — успокоил ее Егор. — Готовь блины, давно не ел со шкварками.

Он вышел в огород, над которым стлался туман, что предвещало хорошую погоду днем, и, залюбовавшись акварельным — сквозь белесую туманную вуаль — пейзажем, вспомнил чьи-то строки:

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны — и схваченная снами
Душа молилася неведомым богам[1].

Усмехнулся про себя с тоской и обреченностью. Душа жаждала любви и ласки, скорейшего выздоровления Лизы, хоть какой-то определенности и устойчивости, и покорное рутинное движение по жизни было ей противно.

[1] Владимир Соловьев (1853—1900) — русский поэт, философ, публицист.

Из Ковалей он выехал в семь утра, а в Фошню приехал через четверть часа. Шурин деда Осипа Константин Яковлевич с двумя мужиками ждал его возле серой «Волги» напротив здания бывшего сельсовета, где теперь располагались сельская управа, офис местного коммерсанта, торгующего всякой всячиной, и контора агрофирмы «Медвежий угол».

— Все готово, Егор Лукич, — пробасил Константин Яковлевич, с сомнением глядя на Крутова. — Они скоро подъедут. Но ты один, а я думал, приедешь с друзьями. Мы, конешное дело, подмогнем, однако надежи мало.

— Не беспокойся, Яковлевич, — усмехнулся Крутов. — Не воевать едем, а вразумлять. От наглецов все равно надо когда-то защищаться.

— Так-то оно так, — поскреб в затылке шурин Осипа, — да жисть наша пятак. — Махнул рукой. — Поехали, коли уж собрались, может, что и сладим.

— Я за вами.

Ферма агрокомплекса располагалась в километре от Фошни, на более высоком берегу речки Березны. Егор ожидал увидеть полуразвалившийся сарай, грязь, разруху, обычный деревенский беспорядок, а увидел асфальтовые дорожки, длинное беленое строение, огороженный выгон, несколько миниатюрных сарайчиков, светящихся свежим деревом, угрюмоватое кирпичное здание, небольшую водокачку. Автопарк фермы состоял из двух тракторов, двух погрузчиков и десятка мини-тракторов, приспособленных для уборки навоза, вспашки и развоза кормов.

У ворот фермы стоял небольшой грузовичок с открытым задним бортом, двое мужиков возились в кузове, отмывая его до блеска струей воды.

— Где ваш драгоценный груз? — спросил Егор, поставив джип возле «Волги» заведующего фермой.

— На прицепе возле бойни, — показал Константин Яковлевич на кирпичное строение в сотне метров. — Мы свою бойню сварганили. Они прямо туда подъезжают.

Крутов вылез из машины, не чувствуя никакого волнения или напряжения. Мир вокруг был тих и спокоен, поднявшееся солнце приятно грело кожу лица, пели птицы, в воздухе чувствовалась весна, несмотря на специфические запахи фермы, и не верилось, что где-то разрабатываются планы бессовестной наживы, а кто-то эти планы исполняет.

— Надень сапоги, — посоветовал Константин Яковлевич. — У меня в машине есть лишняя пара. Хошь, принесу?

Егор посмотрел на свои осенние ботинки, махнул рукой.

— Пройду и так, потом почищу.

Выбирая места посуше, они прошли по заляпанной черноземом асфальтовой дороге до низкого здания бойни, и Егор сразу почувствовал запах сырого мяса, крови и тяжелую пси-атмосферу этого места. Плотное облако неслышимого с м е р т н о г о крика окружало бойню, так что хотелось зажать уши руками и бежать отсюда куда глаза глядят, хотя Крутов при этом понимал, что в данном случае смерть животных дает жизнь людям.

Он зашел в помещение, затаив дыхание, бегло оглядел стойла с приспособлениями для подъема туш, столы для их разделывания и вышел.

— Многих с непривычки воротит, — усмехнулся Константин Яковлевич. — Я тоже не сразу привык. Так ведь никуда не денешься, жить надо.

— Едут, — подошел к ним шофер грузовичка, вытирая руки ветошью.

Остальные работники фермы подтянулись поближе к своему начальнику и его гостю, поглядывая то на Егора, то на приближавшиеся «Газели». Крутов в расстегнутом пальто стал к ним лицом, расставил ноги, сунул руки в карманы и стал ждать.

Грузовички реализаторов развернулись задом к прицепу, из них вылезли по двое парней — водитель и сопровождающий, двинулись к группе мужиков, поеживаясь, похохатывая, кидая незамысловатые шутки, с удивлением разглядывая молчаливую группу рядом с прицепом. Не доходя до нее десятка шагов, они остановились.

— Эй, колхознички, — с некоторым сомнением в глазах сказал один из них, весь в коже, с наголо обритой головой. — Вы чего стоите? А ну-ка за работу, грузите продукцию.

— Подойди ближе, — негромко сказал Крутов, но так, что бритоголовый вздрогнул, оглянулся на своих приятелей и, вдохновленный их присутствием, пренебрежительно оглядел Егора.

— Ты кто такой, дядя?

— Начальник охраны фермы, — тем же тоном ответил Крутов. — Убирайтесь отсюда, и чтобы духу вашего здесь больше не было!

— Чего?! — изумился бритоголовый. — Какой еще начальник охраны? Что ты мне мозги компостируешь?! Здесь охраны отродясь не было!

— Теперь будет.

— Да пошел ты! Отойди в сторону и не мешай работать, пока мы тебя не уронили... начальничек. — Он хохотнул.

Парни заржали.

Крутов остался стоять на месте, только глаза его стали светлеть до желтого свечения. Бритоголовый встретил его взгляд и невольно поежился, но тут же встряхнулся, расправил плечи.

— Степа, ну-ка разберись с охраной, а вы помогите мужикам грузить мясо, опаздываем уже.

К Егору двинулся могучий молодой человек в ветровке, чуть не лопающейся на широких плечах, белобрысый, с короткой стрижкой и перебитым носом. Достал на ходу нунчаки, картинно кинул их вокруг себя. Когда до него осталось два шага, Егор, не вынимая рук из карманов пальто, поймал просвет в крутящихся нунчаках и носком ботинка ударил парня в колено. Тот охнул, выпустил свое оружие и схватился за ногу.

— Стоять! — сказал Егор остальным «экспроприаторам». — Я не шучу. Убирайтесь отсюда подобру-поздорову! Здесь для вас халява закончилась. Советую вообще убраться из района, пока еще есть возможность избежать тюремных нар.

— Ах ты, курва! — оторопело выговорил бритоголовый. — Да мы же тебя в говно закопаем и навозом сделаем! На поле похороним и капусту посеем!

— Капусту не сеют, а сажают, — равнодушно сказал Крутов и вдруг оказался рядом с вожаком «продотряда», раздалась звонкая пощечина, бритоголовый отлетел в сторону, хватаясь за щеку, осел на подогнувшихся ослабевших ногах.

Все замерли, глядя на эту картину, не веря глазам, но больше всех были поражены мужики, работники фермы, схватившиеся было за вилы и лопаты.

— Больно? — участливо спросил Егор, наклоняясь к самоуверенно-хамоватому лицу бритоголового, на щеке которого рдели отпечатки пальцев. — А могло быть еще больнее. Вам помочь дойти до машины или сами справитесь?

Бритоголовый открыл рот, чтобы выругаться, но встретил светящийся тигриной желтизной взгляд Крутова и прикусил язык. Махнул рукой стоявшим в нерешительности спутникам.

— Поехали. — Садясь в кабину «Газели», он прошипел в сторону оставшегося на месте Егора: — Мы еще встретимся, дядя! Небо с овчинку покажется! Борька тебе этого не простит.

— Передай своему Борьке, что я сам его навещу, — усмехнулся Крутов, мимолетно подумав: не слишком ли много обещаний навестить я даю? Добавил: — И брат ему не поможет.

«Газели» взревели моторами, уехали. Стало тихо.

— Ты даешь, Лукич! — хлопнул себя по ляжкам опомнившийся Константин Яковлевич. — Где таким приемчикам научился?

— В школе, — ответил Егор. — Когда вы повезете мясо в следующий раз?

— В пятницу али в субботу.

— Я подъеду.

Шурин Осипа почесал затылок.

— Оно, конечно, спасибо, Егор Лукич, только эта шишголь[1] вернется, а я тебе за охрану много платить не смогу.

— Ничего не надо, — засмеялся Крутов. — Мне за родную землю обидно, что такую шваль носит.

— Я было ружье приготовил...

— А вот этого делать не надо, Яковлевич. Им ничего не стоит спровоцировать тебя и засудить. Да и вооружены они лучше. Ничего, справимся и так.

Вернувшись к машине, Крутов почистил ботинки, полупальто и поехал обратно к себе в Ковали. Еще не было восьми, на работу в Жуковку ехать было рано, он мог три часа побыть с Елизаветой.

На душе скребли кошки, он понимал, что «экспроприаторы» просто так не отстанут, свое прибыльное грабительское ремесло не бросят, а попытаются пригрозить — ему и фермерам, и надо было готовиться к длительной холодной войне, вполне способной перерасти в горячую. И все же Егор был доволен своим вмешательством в это «мясное» дело. Перед мысленным взором стояло лицо Константина Яковлевича, потомственного крестьянина Жуковского уезда, всю жизнь горбатившегося на чужого дядю, почувствовавшего себя хозяином и вынужденного защищать свою свободу. В глазах шестидесятилетнего мужика теснились радость и сомнение, и Крутов пообещал самому себе, что постарается эти сомнения развеять.

Оказалось, встали уже все.

Аксинья пекла блины, Осип во дворе колол дрова. Лиза тоже поднялась и, как только Егор остановился возле ворот, выскочила из дома в домашнем халате, простоволосая, взмах-

[1] Шишголь — голь, сброд (*ст.-рус.*).

нув широкими рукавами, как крыльями, бросилась мужу на грудь.

— Не бросай меня одну! Мне страшно! Показалось, что на тебя напали...

— Ну что ты, родная, — с дрожью в голосе ответил Егор, обнимая жену. — Как я тебя могу бросить? Просто уезжал по делам. Никто на меня не нападал, просто поговорили по делу...

— Неправда, я чувствую... — Объятия Лизы ослабели, она снова погасла, уходя мыслями в свой обособленный мирок, и, уронив руки, побрела обратно в дом.

Крутов поддержал ее под локоть, с болью в сердце замечая, как она ослабла, и вдруг до него дошло, что сказала Елизавета: я ч у в с т в у ю... Это могло означать только одно — она потихоньку приходила в себя, на короткие мгновения выходя из трансовой отрешенности. Нужен был какой-то толчок, который окончательно вырвал бы ее из этого полубессознательного состояния, вернул бы ей вкус к жизни, но как это сделать, Егор не знал.

Они позавтракали блинами с обещанными шкварками, попили топленого молока, и Крутов повел жену на прогулку. Подобные утренние променады стали регулярными, они благотворно сказывались на настроении и здоровье Лизы, и Егор ради этого был готов гулять хоть сутками.

Обычно они обходили пруд, шли протоптанной в снегу тропкой вдоль опушки леса до мостика через Добрушку и возвращались по дороге, но теперь снег почти весь растаял, берег пруда стал топким, дерн на опушке леса впитал воду и тоже стал непроходим, поэтому Егор повел жену вдоль деревни, по дороге, чтобы постоять на мостике и полюбоваться на текущую поверх льда воду. Елизавета молчала, глядя под ноги и изредка вскидывая глаза на пейзаж по обе стороны дороги, не отвечая на соболезнующие взгляды встречавшихся односельчан, знавших о ее болезни. Егор же обстоятельно рассказывал жене о посещении фермы, опуская некоторые подробности встречи с «экспроприаторами» Бориса Мокшина. Он уже подметил, что его речь воспринимается Лизой как необходимое успокаивающее средство, и старался поменьше молчать.

Они прошли через деревню, поднялись на мостик через ручей, возле которого Крутов в позапрошлом году впервые столкнулся с Елизаветой. Журчание воды действовало завораживающе на обоих, и Крутов замолчал, прислушиваясь к себе: показалось, что по спине прошлась чья-то холодная влажная лапа. И в это время из-за поворота дороги показался черный «Хаммер», похожий на бронетранспортер. Проехав стоящую на мосту пару, он затормозил, из кабины вышли на дорогу двое здоровых парней в кожаных куртках, за ними, потягиваясь, вылез давний знакомец Егора Георгий Владиславович Мокшин, бывший мэр Брянска, бывший муж Елизаветы, располневший, отпустивший усики, одетый в темно-зеленый костюм в полоску и светлый плащ нараспашку.

— Надо же, какая встреча, — с ленивым удивлением проговорил он, окидывая Крутова оценивающим взглядом, перевел глаза на Лизу. — Мне говорили, что вы вернулись, да все не было оказии поприветствовать вас в родных местах. Как дела, Элизабет?

— Хорошо, — безучастно ответила Лиза, мельком посмотрев на бывшего мужа, и снова стала смотреть на воду.

— Это хорошо, что хорошо, хотя выглядишь ты не очень счастливой. Муж не удовлетворяет, что ли? У нас сегодня вечеринка, у брата день рождения, будем жарить шашлык, приходи вечерком.

Лиза не ответила.

Мокшин нахмурился, подошел ближе, ведя за собой, как на поводке, своих телохранителей, бросил на Егора неприязненный взгляд.

— Что это с ней?

— Она больна, — негромко ответил Крутов, собираясь на всякий случай обезвредить телохранителей бывшего мэра, хотя уже понял, что Георгий пока не знает о том, что он вмешался в дела его брата.

— Чем больна?

Крутов взял Елизавету под руку, молча повел с моста к деревне.

— Эй, полковник, — окликнул его Мокшин, — не боишься, что тебя однажды встретят «крутые» ребята? Ты ведь здесь совсем один?

Егор обернулся, глаза его вспыхнули желтым огнем, так что Георгий вздрогнул.

— Я не один, Жора, полдеревни — мои родственники. И вот что я тебе посоветую, дружище: забирай-ка ты своего братца-бандита и уезжай отсюда. Навсегда. Не дай бог наши дороги опять пересекутся!

Повернувшись, Егор повел Лизу по дороге, чувствуя спиной три недобрых взгляда. Но Георгий еще помнил, чем закончилась их последняя встреча в Брянске, и действовать наглее не решился.

«Хаммер» зарычал, промчался мимо, едва не обдав грязью идущую по обочине пару.

Крутовы вернулись домой, Егор самолично сварил кофе, и они посидели полчаса в тишине веранды, прислушиваясь каждый к своим ощущениям.

Внутри Елизаветы тихо играла странная, «электронная», печальная музыка, которую с недавних пор стал слышать Егор, и мелодия эта почти не менялась, красноречиво говоря о состоянии жены. Это была музыка отсутствия желания жить, изменялась она лишь в редкие моменты их близости, которые становились все реже и реже. Лиза не сопротивлялась, когда у Егора появлялось желание, но удовольствия не получала, а принуждать ее Крутов не хотел.

Поцеловав жену, он поговорил с Осипом, предупредил, чтобы тот не отходил от Лизы ни на шаг в связи с прибытием Мокшина, и с тревогой в сердце поехал в Жуковку. Угроз наподобие той, что кинул ему Георгий, он не боялся, однако понимал, что впереди его и Лизу ждут неприятности. Вряд ли братья Мокшины смирятся с попыткой ограничения их бизнеса, а Егор действительно был один. Сломать систему криминальной «экспроприации» продуктов у местного населения в одиночку было невозможно. И все же бежать отсюда не хотелось. Мысль позвать на помощь Панкрата Воробьева или Ираклия Федотова, мелькнувшая после встречи с Мокшиным, постепенно обретала качество необходимости. Уже подъезжая к школе, Егор решил после тренировки позвонить в Нижний Новгород и поделиться с Ираклием своими опасениями.

Однако после занятий с ребятами его ждал ошеломляющий сюрприз.

Позанимавшись после окончания тренировки в пустом зале самостоятельно, он вымылся в душе, начал было переодеваться в тренерской и вдруг почувствовал едва слышимый звон: будто кто-то коснулся пальчиком хрустального графина, и тот нежно зазвенел. «Графином» в данном случае был сам Крутов, а «пальчиком» его трогала... Мария!

Она вошла в комнату без стука и остановилась на пороге, разглядывая Егора, застегивавшего рубашку. Умопомрачительно красивая, стройная, с высокой грудью, яркими зовущими глазами и летящими бровями. Молчание длилось несколько мгновений, пока их взгляды погружались друг в друга и искали резонансные струны душ, затем оба одновременно шагнули вперед и обнялись.

Волна неистового желания ударила в голову, затуманила сознание, закружила, понесла в жар и холод вулкана эмоций.

Не осознавая, что делает, Егор жадно приник к губам женщины, начал срывать с нее плащ, расстегивать пуговицы на кофточке, не встречая сопротивления, не в силах сдержаться, раздел, чувствуя под пальцами упругую вздрагивающую грудь, она отвечала тем же, снимая с него рубашку, брюки, плавки, их руки сталкивались, блуждали по телу друг друга, каждое прикосновение тел вызывало взрыв чувственной дрожи, оба не видели и не слышали ничего, кроме бурного дыхания и биения сердца, потом Егор подхватил Марию на руки и отнес на кушетку...

Отрезвление наступило не скоро, а когда все кончилось, Егор вдруг почувствовал такой обжигающий стыд, что едва не закричал от переполнявших душу чувств.

Мария поняла его состояние, провела пальцем по лбу, и тут же сердце Егора успокоилось, стыд испарился, пришло облегчение и понимание того, что произошло.

— Не казни себя, — шепнула женщина. — Это я виновата. Я знаю, что ты ее любишь, и... я все знаю, что происходит между вами. Я думаю, она простит.

Егор не ответил, пытаясь вспомнить лицо жены и не понимая, почему это не удается, полежал с закрытыми глазами, потом обнял ведунью... и все повторилось сначала! Только теперь они любили друг друга осознанно, медленно, отделяя каждую ласку от предыдущей и не давая урагану страсти увлечь обоих в быстрое падение и опустошение. Финальный взрыв эмоций получился мучительно сладким, оба получили невыразимое блаженство, умиротворение и радость, будто кто-то огромный, как Вселенная, разрешил им заниматься любовью, не оглядываясь на условности и законы морали, и дал это разрешение, как награду...

И никто к ним в тренерскую комнату не зашел, хотя в спортзале за стеной слышались шлепки по мячу, а дверь комнаты оставалась не запертой на ключ.

В душ пошли вдвоем, так и не сказав больше друг другу ни слова. Лишь приведя себя в порядок, Мария повернулась к одевшемуся раньше Крутову и проговорила серьезно:

— Я не собираюсь отбивать тебя у твоей берегини, полковник, тем более, когда она в таком состоянии, но знай: если она тебя разлюбит, я найду тебя, где бы ты ни был, и уведу!

Крутов слабо улыбнулся, с одной стороны, чувствуя вину перед женой, а с другой — радуясь, что между ним и Марией произошло то, к чему оба стремились давно. Теперь он был уверен, что это должно было случиться и что вряд ли подобное произойдет еще когда-нибудь.

— Ты слишком умна для семейной жизни, Маша. Я тебя долго не выдержу.

— Наверное, недаром говорят, что бабий ум — что коромысло: и криво, и зарубисто, и на два конца. Только Лизка твоя не глупее, разве что терпеливее.

— Почему ты не выходишь замуж? Ведь Ираклий умный мужик.

— Была я уже замужем, полковник, опыт имеется, и все больше убеждаюсь, что умные мужья не нужны. Нужны сильные, добрые и любящие. Все мои подруги, повыскакивавшие за умных, кто в разводе, кто брошен, кто живет с мужем по инерции, держась за него в страхе, что останется одна.

— Ты не боишься остаться одна?

Брови Марии сдвинулись.

— Не понимаю твоей иронии, грубиян. Хотя, если честно... побаиваюсь. Мне ведь уже за сорок, это я только выгляжу так... несерьезно.

— Выглядишь ты на восемнадцать.

— Благодарю за комплимент, хотя в них и не нуждаюсь. Не читал нигде мнение алкоголика о женщинах? Молодая девушка для него — ну, прямо как дистиллированная водичка. Та, что постарше, пока ребенка не родила — вино молодое, играет еще. До тридцати пяти — портвейн настоящий: крепость, аромат и в голову ударяет. Тридцать пять — сорок пять — коньяк, да еще и марочный. До пятидесяти пяти — коньяк уже с лимоном, на любителя, так сказать, а потом...

— Лимон без коньяка, — засмеялся Крутов. — Я не пью крепкие напитки. Но готов согласиться на марочный коньяк. Ты не голодна? А то давай сходим в ресторан, поужинаем.

— Есть хочу ужасно! — призналась Мария. — Весь день в дороге. Веди в ресторан, если в твоей Жуковке есть приличное заведение.

— Не хуже, чем в твоем хваленом Новгороде, — передразнил ее Крутов.

Проходя мимо к выходу, он остановился, так как Мария не уступила дороги, покосился на нее, потом обнял. Она прижалась к нему на мгновение, посылая такой мощный п р и з ы в, что он едва устоял, чувствуя сладкое головокружение, но женщина тут же отодвинулась, как бы давая понять, что Егор все еще в ее власти, и шепнула:

— Больше никогда так не делай...

Крутов усмехнулся, вышел первым, подождал ее и запер дверь тренерской. В кабине машины он спросил:

— Ты сменила духи? Что-то я не помню этот запах.

— Раньше я вообще ими не пользовалась, — ответила Мария. — Вот ты и не помнишь. Теперь же предпочитаю «Диориссимо».

— Ландышем пахнет...

— А ты хотел, чтобы чем пахло?

Егор хмыкнул, вспоминая вычитанное в газетной заметке сообщение о поступлении в продажу в сеть американских магазинов духов «Moi», якобы выпущенных свиньей Мисс Пигги, знаменитым персонажем голливудского мультсериала «Маппет-шоу». Подобные рекламные кампании он считал откровенным проявлением общественной шизофрении, чего хватало и в родном отечестве, однако не в такой степени.

— Чего хмыкаешь? — осведомилась Мария агрессивно. — Духи не нравятся?

Он хотел ответить, что духи «Оревуар», которыми пользовалась Лиза, оригинальнее, но вовремя остановился. Мария наверняка обиделась бы.

Через пять минут они припарковали машину на привокзальной площади, напротив ресторана «Десна», и заняли столик с видом на парк. Ресторан был практически пуст, любителей посещать сие заведение по понедельникам было мало.

Заказали шампанское, салаты, весенние ролики, бараньи ребрышки и грибы — для Марии и яичницу для Егора. Выпили по глотку шампанского, глядя друг на друга с некоторым удивлением, будто лишь теперь осознав, что произошло между ними. И рассмеялись одновременно, хотя в смехе Крутова слышались виноватые нотки, отзвук робких угрызений совести.

— Как там Ираклий поживает? — спросил он.

— Нормально, — отозвалась Мария, — хотя и не без проблем. Издательство начало приносить прибыль, и на него наехали наши местные бандиты, предлагая «крышу».

— Помощь нужна?

— Справимся сами, спасибо.

— А Панкрата не видела? Он звонил, утверждал, что они неплохо устроились, но особой радости в голосе у него я не слышал.

— Он работает начальником охраны рыбозавода, и у него тоже неприятности. Местное начальство и мафия привыкли к дармовой рыбке, красной икре, а Панкрат перекрыл им все каналы.

— Понятно, ситуация стара, как мир. Они будут давить на него, пока не добьются своего. Вот ведь сволочная жизнь — нигде ему покоя нет!

— И не будет, — покачала головой Мария. — Вы люди боя, и с этим надо смириться.

— Да я давно смирился, плохо, что вместе с нами страдают наши друзья и близкие. Может быть, и в самом деле мы должны идти по жизни в одиночестве?

Между гор и долин
Едет рыцарь, один,
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо, —

процитировала Мария.

— Чьи это? — заинтересовался Егор.

— Эдгара По. Ты его не любишь?

— Почему не люблю? Один его «Ворон» стоит того, чтобы считать его гениальным поэтом. Но помню мало. — Егор подумал и прочитал:

Дорогой темной, нелюдимой,
Лишь злыми духами хранимой,
Где некий черный трон стоит,
Где некий Идол, Ночь царит,
Из крайних мест, в недавний миг,
Я дома своего достиг.

— Я поняла. — Мария с любопытством и откровенным удивлением посмотрела на ставшее задумчивым лицо Крутова. — Ты, оказывается, не простой полковник, господин бывший полковник, если помнишь даже такие строки. Мне больше нравится у По его «Мисс Луизе Оливии Хантер»:

Прочь бегу, но знаю:
От себя бегу.
Тщетно заклинаю:
Отпустить слугу.
Как в цепях, тоскую,
Силу колдовскую
Сбросить не могу.

— Великолепные стихи! Но все же я больше люблю Бальмонта и Блока.

— Почему именно Блока?

Егор помолчал.

— Блока любила моя первая жена. Я специально заучивал том за томом, могу цитировать бесконечно.

— Где она теперь? Я имею в виду жену.

— Она... погибла.

Мария прикусила губку, накрыла ладонью руку Егора.

— Извини, я не знала. Прочитай мне что-нибудь из Блока. Но если тебе тяжело вспоминать, то не надо.

Егор хотел отказаться, однако пересилил себя и медленно прочитал:

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны.
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины.

Мария подождала немного, но, видя, что он не собирается продолжать, перевела разговор на другую тему.

— Мы, кажется, забыли тоник или минералку, пить хочу.

Егор заказал напитки, проговорил в продолжение темы:

— А ты знаешь, что кока-кола вначале была зеленого цвета, как наш тархун?

Мария улыбнулась, понимая желание собеседника выглядеть естественным. Егор это заметил, очнулся от воспоминаний, залпом допил шампанское и принялся за салаты.

— Панкрату надо помочь. Один он там с бандитами не справится.

— Он не один, хотя еще не знает об этом. Ему поможет Витязь.

— Не Георгий случайно?

— Нет. Георгий сейчас в Москве.

— А куда девался дед Спиридон? Мне так никто и не сказал. Пропал человек, и никто не волнуется, не ищет.

— Спиридон... ушел, — сказала Мария с заминкой. — И неизвестно, вернется ли.

— Куда он ушел? — не понял Егор.

— Честно говоря, я сама не знаю. Он как бы здесь, на Земле, участвует в работе Предиктора, и в то же время в тех мирах, куда доступ воспрещен не только простым смертным, но и Ходокам, и даже Витязям.

— Жаль, — искренне огорчился Крутов. — Я думал, он останется моим учителем.

— Проявленный учитель необязателен, — изогнула бровь Мария. — Если ты слышишь подсказку слоя Акаши, свой путь сможешь организовать и без «живого» наставника. Дано это не всем, но ты Витязь, да к тому же еще вооруженный *живой*, и должен понимать, когда это оружие стоит пускать в ход.

Крутов встретил иронично-осуждающий взгляд ведуньи и

понял, что она знает об его утренней стычке с «экспроприаторами» Бориса Мокшина. Отвел глаза.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься. Между прочим, вы очень похожи с Ираклием: оба сильные, умные, мужественные, но не дальновидные и жесткие, не умеющие отступать. А деятельность Витязя, между прочим, не только и не столько махать мечом во имя справедливости, непрерывно воевать со всем миром, но предугадывать, предвидеть и исправлять ошибки и изломы мировых линий до того, как они произойдут.

— Выиграть бой до его начала... — пробормотал Егор.

— Вот именно. Дед оставил тебе целый пакет правил живы, вот и занимайся, постигай мир через призму древнего мировоззрения.

— Я занимаюсь...

— Всей мощью живы ты еще не овладел, дед дал тебе только основы, остальное ты должен взять сам.

Егор покатал по тарелке маслину, поднял взгляд.

— Ты приехала, чтобы прочитать мне мораль? Или сообщить о новом Замысле?

Мария усмехнулась, поднимая бокал с шампанским.

— Я приехала оценить твою готовность, полковник. Давай выпьем. Как там говорил Панкрат? За успех безнадежного дела.

Егор криво улыбнулся, поднимая свой бокал, они чокнулись, сделали по глотку.

— Ну, и как ты оцениваешь мою готовность?

— На троечку, дорогой Витязь, на троечку. Но ради одного этого я могла бы и не приезжать. Тебе была нужна помощь, поэтому я здесь.

— Я никого не звал...

— Звал, хотя и не вслух.

— Чем ты можешь мне помочь?

Мария открыла сумочку, покопалась в ней и передала Крутову тяжелый кругляш серебряного медальона на цепочке, на котором был выгравирован ромб с вогнутыми сторонами, пронизанный идущими из центра лучами.

— Что это?

— Передай этот оберег Лизавете.

— Что он означает?

— Не беспокойся, я не собираюсь заколдовывать твою жену, чтобы она тебя забыла. Этому священному талисману более трех тысяч лет, его передала Лизке баба Евдокия.

— Берегиня Спиридона...

— К тому же он заговорен волхвами и должен помочь твоей собственной берегине. А теперь давай поговорим о наших общих проблемах, и я поеду.

— Куда? — уставился на женщину Крутов. — Ты уезжаешь? И даже не навестишь... Лизу?

— Зачем? — с улыбкой покачала головой Мария. — Я Ходок, и мое задание требует немедленного выполнения. Мне известно, что в Жуковке построен храм Черного Лотоса. Ты знаешь, где он расположен?

— На берегу Десны, недалеко от жуковского дома отдыха.

Мария внимательно посмотрела в глаза Егора, сказала утвердительно:

— Ты там был.

Крутов нехотя кивнул.

— Сподобился, пришлось побывать, хотя внутрь меня не пустили.

— Возможно, твоим первым заданием по Замыслу будет работа с этим храмом Сатаны. Теперь о другом. Ты случайно не знаешь, где сейчас находится Георгий Мокшин, первый муж Лизы?

Крутова взяла оторопь. Показалось, Мария читает его мысли.

— Он... в деревне, в Ковалях. Приехал отпраздновать день рождения брата... нас пригласил, точнее, Елизавету.

— С ним надо установить контакт.

— Зачем?!

— Об этом с тобой поговорит тот, кто реализует Замысел. Я же только передаю, что мне велено.

— И как долго мне ждать этого... реализатора?

— Недолго. Жди. И постарайся ни с кем не конфликтовать, такие деяния, как правило, не одобряются.

— Кем? — угрюмо набычился Крутов.

— Волхвами. Укладом жизни. Традицией русского пространства. Живой, наконец. Достаточно?

Егор усилием воли задавил растущее в душе раздражение — он не любил, когда говорили недомолвками, намеками, а тем более, когда заставляли делать что-то вопреки его воле, — и поднял бокал.

— За успех безнадежного дела!

Мария встала, обошла столик, нагнулась к нему и поцеловала.

Через полчаса они попрощались, и ведунья, способная свести с ума кого угодно, уехала на вишневой «Ладе», которая, как оказалось, стояла почти рядом с джипом Егора. Ма-

рия словно заранее знала, где они будут ужинать, и оставила свою машину неподалеку.

Крутов постоял у ресторана, в задумчивости глядя вслед удаляющимся красным стоп-сигналам, нащупал в кармане пальто медальон и вдруг понял, что не сможет посмотреть в глаза Елизавете.

— Дьявольщина!.. — выругался он занемевшими губами.

Медальон-оберег в сжатой ладони отозвался успокаивающим теплым звоном, как бы говоря: не волнуйся, все будет хорошо. Егор глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух и зашагал к своей машине, все еще чувствуя на губах прощальный поцелуй Марии.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

ФЕДОТОВ

Мария уехала, не предупредив, когда вернется в город, и Ираклий познал два периода тоски при расставании с любимой женщиной: первый — в тот же вечер, второй — два дня спустя, когда ему показалось, что она не приедет никогда. Тоска не прошла даже после сеанса лунг-гом, обычно быстро успокаивающего нервы, и он вдруг с пугающей ясностью осознал, что между Марией и Крутовым вполне могли возникнуть *какие-то отношения, изменяющие зыбкое равновесие* типичного треугольника.

В понедельник вечером Ираклий дошел до такой глубины самоанализа, что чуть не взвыл от расстройства, после чего, торопливо одевшись, вышел из дома подышать свежим воздухом и весной.

Воздух действительно оказался свежим, накрапывал дождик, кое-где еще под стенами домов лежали нерастаявшие грязные пласты снега, но это не мешало всем владельцам собак выгуливать свое драгоценное зверье, лающее, рычащее и гадящее где придется. С недавнего времени, столкнувшись с явлением массового выгула — на Алтае такое явление распространения не получило, — Ираклий сделал вывод, что все любители собак в прошлой жизни сами были собаками или иными животными. Во всяком случае, объяснить страшную любовь нижегородцев к собакам Федотов ничем иным не мог.

Он пересек двор, вышел на улицу Белинского и побрел по направлению к парку, не особенно задумываясь, куда идет и зачем. Ощущение, что он здесь никому не нужен, усилилось,

настроение упало безнадежно, хотелось бросить все и уехать домой, на родину... или в Жуковку, чтобы увидеть Марию, сказать ей: прощай! — и опять же уехать на Алтай.

Ираклий усмехнулся, понимая, что корни его нынешнего нервного состояния растут из ревности, попытался встряхнуться. И в это время сама судьба пришла ему на помощь, посылая для повышения тонуса неплохую разрядку. Только он остановился напротив сверкающей вывески казино «Волга», раздумывая, не завернуть ли туда, посидеть в баре или поиграть в боулинг, как вдруг рядом резко затормозила серая «Лада»-«восьмерка», обдав плащ и брюки Федотова водой из лужи.

Ираклий глянул на свой испорченный плащ, обошел машину, постучал ногтями по тонированному стеклу, приглашая сидящих выйти. Приоткрылась дверца, выглянул крупногабаритный коротко стриженный водитель, то ли небритый, то ли отращивающий бороду.

— Чего надо?

— Извиниться не хочешь? — поинтересовался Ираклий, переживая приступ гнева, но пока сдерживаясь.

— Чего? — вытаращился владелец «восьмерки». — Оборзел, что ли?

Ни слова не говоря, Ираклий рванул дверцу на себя, открытой ладонью сплющил ухо водителя о его же череп, а затем щелкнул в лоб, отбивая охоту вылезать и выяснять отношения. Однако в кабине «Жигулей» находились еще двое таких же небритых ребят, для которых урок не пошел впрок. Торопясь, они посыпались из машины, клокоча как самовары, крепко сбитые, в джинсовых куртках, с татуировкой на кулаках и на пальцах, что являлось отличительным знаком местной бандитской шпаны, и Ираклий с удовольствием «отметелил» обоих на глазах пораженных охранников казино, не посмевших вмешаться в разборку.

Этот инцидент со шпаной изменил настроение бывшего полковника, но ненадолго. Во-первых, самому стало противно, будто он испачкался в грязи еще раз. Во-вторых, пришло неприятное ощущение скрытого наблюдения, что заставило Федотова вспомнить о своих непростых отношениях с «Надежными ребятами», предлагающими «защиту и охрану», а также с финансистами, требующими возврата вклада. Поколебавшись, он в казино все же заходить не стал, побрел назад, к дому, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь определить, кто и откуда за ним следит. Однако напряжение нарастало, чувствительная сигнальная система организма все

настойчивей посылала импульсы тревоги, так что Ираклий в конце концов привел себя в состояние боевой готовности и задумался над вариантом исчезновения, чтобы стряхнуть предполагаемый «хвост». Но опоздал.

Только он собрался перебежать перекресток и нырнуть в арку ближайшего дома, как на перекресток лихо вырулила черная «Волга» и точно такая же «Волга» закупорила въезд в арку, сквозь которую также можно было пройти к дому коротким путем.

Прохожих по причине позднего вечернего времени и дождливой погоды было мало, фонари светили тускло, обстановка благоприятствовала маневру неизвестных лихачей, точно знавших, кто им нужен, и первой мыслью Ираклия была мысль благоразумно смыться с места событий, благо бегал он отлично и знал еще один короткий путь домой. Однако благоразумие улетучилось, когда он узнал в «крутых коммандос», облаченных в пятнистые куртки, картинно выскакивающих из машин и окружавших его, представителей охранной фирмы «Надежные ребята».

— Весна пришла, орлы прилетели... — пробормотал Ираклий, прикидывая свои возможности.

Если бы эти «орлы» знали, в каком состоянии находится их «клиент», а главное — что он мастер боя, поостереглись бы, наверное, действовать так театрально и нагло, но ребята ни о чем таком не догадывались и продолжали спектакль, уверенные в своем превосходстве и силе.

Вперед вышел высокий молодой человек в блестящей куртке с поднятым воротником. У него были длинные волосы, темные очки (поздним вечером!) и серьга в ухе. Он был одним из тех, кто уже навещал офис Федотова.

— В последний раз спрашиваем, — сказал он, лениво растягивая слова. — Ты подпишешь контракт с фирмой или нет?

— Угадай с трех раз, — усмехнулся Ираклий.

Длинноволосый посланец «Надежных ребят» щелкнул пальцами, и двое плотных парней в таких же куртках двинулись к Федотову, театрально разминая кисти рук.

— Стоп! — вытянул вперед ладонь Ираклий. — Вы хорошо подумали, прежде чем разговаривать со мной в таком тоне?

— Ты чего о себе возомнил? — оскалился длинноволосый. — Тебя же предупреждали, что с нами надо дружить? А теперь придется попортить тебе шкуру. Может, поумнеешь.

— Что ж, я снимаю с себя всю ответственность за вашу безответственность, — вздохнул Ираклий. — Начинайте учебный процесс.

Парни переглянулись, не понимая иронии «клиента», и дружно бросились на Федотова. И он наконец дал волю своему раздражению, плохому настроению и злости.

Описывать эту схватку, похожую больше на показательные выступления мастера восточных боевых искусств, не имеет смысла. «Надежные ребята» лишь выглядели грозными противниками, внушавшими уважение и страх, на самом деле они за редким исключением знали только картинные позы и ката каратеков, применить которые в реальном бою были не в состоянии. Из них только длинноволосый, познания которого тянули на первый-второй дан карате, оказал достойное сопротивление, да и то лишь потому, что был вооружен не только кинжалом, но и пистолетом. Ираклию пришлось станцевать «маятник» и вырубать парня по-серьезному, так как он собирался пустить оружие в ход, увидев, что уступает противнику в рукопашном бою.

Драка закончилась.

Одна «Волга» умчалась, по-видимому, за подмогой. Водитель второй вмешиваться в события не стал, только высунулся из кабины, с опаской глядя на Федотова.

Ираклий оглядел поле боя, на котором лежали неподвижно или едва шевелились шесть человек. Злость прошла. Появилось чувство опустошения и вины, будто он совершил предосудительный поступок, и уверенность, что Мария этот конфликт не одобрила бы. Но она могла предупреждать подобные инциденты, а Федотов не умел и, проанализировав свое поведение, пришел к выводу, что надо в ближайшее время взять у ведуньи несколько уроков, чтобы в будущем научиться не доводить ситуацию до взрыва.

С сожалением оглядев свой испачканный и располосованный клинком плащ, Ираклий поплелся сквозь моросящий дождик по блестящему тротуару, чувствуя всем телом взгляды поверженных «надежных ребят», и среди этих взглядов определил один не злобный, а внимательный, сочувствующий и неодобрительный одновременно. Оглянулся, но определить в темноте источник этого странного взгляда не смог.

Дома он тщательно вымылся в ванной, очищая кожу мыльной пеной, а душу — самобичеванием и обещаниями исправиться, дошел до кондиции, то есть до состояния полного раскаяния, и судьба снова сжалилась над ним, посылая одну за другой две награды.

Первой оказалось известие от Корнеева: раздался телефонный звонок, Ираклий снял трубку и услышал голос бывшего майора:

— Привет, командир. Не спишь? Как дела?

— Как сажа бела, — отозвался обрадованный звонком Ираклий.

— Что так?

— Да, в общем, тоскливо мне, — признался Ираклий. — Мария уехала... в Жуковку, помогать Егору, я один, бешусь, час назад подрался с рэкетирами...

— Это наше нормальное состояние, так что не бесись. Мария приедет, и все станет на свои места.

— Сомневаюсь я...

— А ты не сомневайся. Кончай хандрить и займись общественно-полезным делом, а хочешь — приезжай сюда, место для тебя в нашей системе найдется. Кстати, что ты выяснил о Братстве Черного Лотоса? Я просил тебя недавно.

— Узнал только, что в Нижегородской губернии строится еще один храм, в Арзамасе. В самом Нижнем уже действует один, но я туда не заходил. Вот дождусь Марию, вместе сходим. А что так взволновало твоих церковных начальников? Почему они заинтересовались Братством?

— Во-первых, церковь справедливо боится внешней экспансии неправославных концессий. Во-вторых, нетрадиционные религиозные сообщества способствуют вытеснению православия и замене его так называемыми «демократическими» культами, соответствующими мировоззрению Запада.

— Пусть успокоятся, — хмыкнул Ираклий. — Судя по всему, храмы Черного Лотоса действительно принадлежат системе подготовки рекрутов для Российского Легиона, религией здесь не пахнет.

— А вот тут ты не прав, — возразил Корнеев. — Насилие — тоже религия, а ее адепты волнуют церковь не меньше, да и меня заставляют работать не за страх, а за совесть. Узнаешь что еще, звони, будем координировать работу против Братства.

— Да я вроде не собирался воевать с этим Братством.

— Это так кажется. Уверен, к тебе скоро придет Ходок Предиктора и предложит службу. Неужели откажешься?

— Не знаю, — пробормотал Ираклий, — не думал. Если честно, я не особенно страдаю от отсутствия боевых действий, больше — от нехватки финансовых средств на расширение издательского дела.

Корнеев хихикнул.

— Есть такой анекдот. Цыганка гадает мужику по руке: «До сорока пяти лет ты будешь страдать от отсутствия денег». — «А после?» — «А после привыкнешь».

Ираклий знал этот старый анекдот, но рассмеялся.

— Как раз про меня. Хотя, с другой стороны, ты прав, не может быть, чтобы о нас забыли. Я все время жду чего-то такого... каких-то известий, перемен, событий, причем с ощущением, что пружина сжимается, сжимается... Или это просто нервы?

— Ты всегда поражал меня отсутствием волнения в самых напряженных ситуациях, командир, так что нервы здесь ни при чем. Просто тебе надо наконец жениться. Почему ты не сделаешь предложение Марии?

— Не все так просто... — буркнул застигнутый врасплох Ираклий. — Она по Замыслу — берегиня Егора...

— То было давно и неправда. Меняй судьбу, меняй отношение к Марии, меняйся сам, и все будет хоккей. Удачи тебе.

Ираклий посмотрел на трубку в руке, как на вестника нежданного открытия, положил на аппарат. Корнеев обнаруживал опыт и мудрость, которые Ираклий раньше не замечал, но от этого предложения бывшего майора не становились менее интересными. Думать он умел и дружбой дорожил, что вселяло уверенность и вдохновляло. Сергей готов был прийти на помощь в любой момент, а такое проявление дружеских чувств надо было ценить.

Шел первый час ночи, когда Ираклий, проанализировав разговор с Корнеевым, собрался спать, и в этот момент в прихожей раздался звонок. Душа встрепенулась, отзываясь на чей-то знакомый эмоционально-мысленный зов, и это был второй подарок судьбы за вечер, изменивший состояние Федотова. Открыв дверь, он увидел Марию.

Женщина была в полупрозрачном плаще, мокром от дождя, откинула капюшон, слабо улыбнулась.

— Может быть, ты меня впустишь?

Ираклий опомнился, пропустил гостью в прихожую, помог снять плащ, с дрожью прикасаясь к ее плечам, повернул ее к себе и поцеловал. К его удивлению, она ответила. Ираклия бросило в жар, он начал целовать ей шею, щеки, губы, расстегнул пуговицы на кофточке и остановился, обострившимся чутьем уловив на миг напрягшееся тело.

— Не торопись, полковник, — тихо проговорила Мария. — Я еще... не готова.

— Я убью его! — глухо сказал Ираклий, отступая.

— Кого? — усмехнулась Мария.

— Крутова...

— Прежде придется убить меня. Но лучше бы ты убил в себе свое «эго» и научился ждать. Наверное, я зря пришла. — Она сделала шаг к двери.

Волна крови прихлынула к щекам Федотова. Он взял женщину за руку, опустился перед ней на колено, склонил голову.

— Прости!..

Пауза длилась вечность.

Потом Мария взъерошила ему волосы на затылке, проговорила:

— Боже мой, как же вы похожи!.. Вставай, полковник, вино у тебя есть? Выпить хочется.

Ираклий вскочил, поцеловал ей руку, бросился в гостиную.

— Шампанское, «Поль Массон», правда, не мой — хозяина, бар у него что надо, и куча напитков покрепче.

— Тащи «Поль Массон», — улыбнулась она. — Я умоюсь с дороги, и посидим на кухне, ладно? Я не надолго.

Ираклий открыл бутылку французского вина, похожую больше на маленький графинчик без ручки, налил в рюмки, нарезал сыр ломтиками, лимон, достал конфеты. Подумал и переоделся, чувствуя себя в халате скованно.

Мария вышла из ванной свежая и бодрая, будто смыла с себя не только дорожную пыль, но и усталость. Они устроились на кухне, выпили по глотку вина, женщина пососала ломтик лимона и улыбнулась в ответ на красноречивый взгляд хозяина.

— Я могу есть лимоны килограммами. Кстати, в лимоне больше сахара, чем в клубнике.

— Я знаю, — кивнул Ираклий, — но в клубнике нет лимонной кислоты. Ну, рассказывай, где была, что видела, с кем встречалась.

— Была я в двух местах: в Сергиевом Посаде и в Брянской губернии, встречалась с Крутовым. — В глазах Марии мелькнула тень какого-то воспоминания, они на мгновение стали грустными. — Дала ему оберег-талисман для лечения Лизы. Если не поможет, придется просить волхвов, чтобы они провели обряд кресения.

— Обряд чего?

— «Крес» — по-древнерусски «огонь», обряд очищения огнем.

Ираклий едва сдержал вздох облегчения, обрадованный тем смыслом, который стоял за словами Марии. Гостья заметила это, но не подала виду.

— Егор с тоски влез в местные бандитские разборки, тебе с Панкратом придется к нему наведаться, помочь.

Ираклий смутился, вспомнив, что сам два часа назад затеял выяснение отношений с бандитами из «охранной» фирмы.

— Я готов в любой момент.

— Я скажу, когда будет нужно. Кроме укрощения бандитов в Жуковке, вам надлежит заняться храмом Черного Лотоса. Хотя я, вероятно, превышаю свои полномочия. Об этом вам должен сообщить другой человек.

— Кто?

— Координатор Замысла. В России образована структура, которая призвана бороться с расползанием по стране печати Сатаны, с криминалом, создавая такие условия, в которых темным силам было бы невыгодно, невозможно заниматься своим бизнесом.

— Сопротивление, что ли?

— Сопротивление в том числе, как фактор русского этнического пространства. Структура эта называется Катарсис.

— Очищение...

— Именно так, полковник. Приятно иметь дело с образованным человеком.

Ираклий не обиделся на иронию Марии.

— И как же намерен действовать ваш Катарсис?

— Он уже действует. Тебе все расскажет координатор. Я же могу только дать предварительные пояснения. Так как против нас действует с и с т е м а, хорошо подготовленная и разветвленная сеть обработки сознания людей, Катарсис организует свою с и с т е м у, которая будет сражаться не с людьми, а с линиями их намерений.

Ираклий скептически поднял бровь.

— Как это возможно реализовать практически?

— Помнишь рейд наших десантников в Косово, оказавшийся совершенно неожиданным для натовцев? Это пример того, как надо бороться с линиями намерений. НАТО не намеревалось пускать наших миротворцев в Югославию, мы позаботились об этом сами. Остальное узнаешь в свое время. Я ухожу, жди гостя.

Мария встала. Ираклий поднялся тоже, растерянный и злой, проводил ее до двери. Она погладила его пальцами по щеке, улыбнулась с изрядной долей грусти, шагнула за порог, потом вдруг вернулась, поцеловала его и убежала.

Постояв с минуту в ступоре, Ираклий невольно потрогал губы пальцем, покачал головой и закрыл дверь, пытаясь упорядочить сумбур в душе. Когда он вернулся на кухню, там его ждал новый гость, молодой человек, почти юноша, в стареньком джинсовом костюме, с выражением озабоченности и смущения на кротком лице. Глаза юноши сияли небесной голубизной, и смотреть в них было невозможно, как на солнце.

— Прошу простить великодушно за внезапное вторжение, — сказал он, делая поклон. — Я волхв Сергий. Может быть, слышали?

Ираклий зачем-то оглянулся, потом сделал усилие и постарался вести себя естественно. С юным волхвом он не встречался, но в разговорах с Крутовым полугодичной давности мелькало это имя.

— О вас говорил Егор Крутов. Вина хотите?

— Спасибо, я не пью ничего, кроме воды.

Ираклий достал из холодильника бутылку «Святого источника», налил гостю, себе отмерил полчашки тоника и пригласил молодого человека в гостиную. Они сели в кресла, Ираклий погасил свет, включил торшер и выжидательно посмотрел на Сергия.

— Слушаю вас, координатор.

Волхв улыбнулся.

— Вы быстро адаптируетесь, Ираклий Кириллович, это меня радует. Мария подготовила вас к восприятию нужной информации, я же введу вас в курс дела и предложу службу, которой вы достойны.

— Смотря кому служить.

— России, — остался невозмутимым Сергий, — ее народу, ее пространству, ее будущему.

— То есть русским?

Сергий слегка притушил свет своих глаз.

— Наша концепция единения, которой более семи тысяч лет, никогда не противопоставляла русских другим народам Руси. Русские — понятие скорее духовное, нежели этническое, все мы на этом пространстве — русские. А как говорил философ, ваш однофамилец[1]: «Русский человек всегда бывает либо с Богом, либо против Бога, но никогда без Бога». У вас это не вызывает возражений?

— Не вызывает, — подумав, ответил Ираклий. — Извините, что я вас перебил. Но у меня есть еще вопрос, на который я хотел бы получить прямой ответ, прежде чем мы пойдем дальше. Как вы себе представляете Сатану? Кто или что он такое? И почему поставил целью покорить Россию?

— Это целых три вопроса, — с необидной насмешкой сказал Сергий мягко. — Отвечу по порядку. Во Вселенной есть Разумные Силы разного порядка, светлые и темные, созидания и разрушения, которые внедряются в людей на Земле, вообще в разумных существ, превращая их в инструмент своего влияния. Сатана — одна из таких Сил, которая и превращает человека в дьявола насилия, жестокости, нетерпимости, лжи и стяжательства. И эта Сила отнюдь не отражается формой рогатого монстра с козлиными ногами. Все мифологические твари — суть страхи людские, рожденные больным воображением людей, их расщепленной психикой. Все они живут, пока в них верят. Чем больше людей верит в дьявола, тем мощнее Сила, вызывающая образ и кодирующая людей даже на подсознательном уровне, организующая эгрегор дьявола! Борьба на Земле идет не человека с Сатаной как существом, а человека с человеком. Чем больше влияние Сатаны на человека, тем с большей яростью он уничтожает себе подобных. И процесс этот зашел очень далеко. Печать Сатаны на Земле приобретает уже силу Закона. Допустить этого нельзя.

Сергий замолчал, глотнул минеральной воды, словно давая Федотову время на осмысление сказанного.

— Я понял, — медленно проговорил Ираклий. — Но как мы можем остановить просачивание Сатаны в наши души? Мы же только... люди...

Волхв одобрительно кивнул.

— Хороший вопрос, полковник. Спасти нас может лишь основополагающая концепция формирования светлого эгрегора, то есть общности людей, принявших русскую национальную идею, которая заключается в приоритете духовного над материальным.

— А если конкретно?

— Вообще, это отдельный разговор, сегодня я хотел только получить от вас принципиальное согласие войти в структуру Катарсиса.

— Считайте, что вы его получили.

— Вкратце могу раскрыть наши цели...

— Постойте! — перебил молодого волхва Ираклий. — Я не уверен, что в этой квартире нет подслушивающих устройств...

— Не беспокойтесь, полковник, — раздвинул губы в легкой усмешке Сергий, — нас никто не в состоянии подслушать, даже конунг, если вдруг у него появится такое намерение.

— Конунг?

— Мы так называем магов темной стороны. Итак, продолжим. Россия сегодня, образно говоря, проходит через точку бифуркации, иными словами — находится на переломе. В этой ситуации стандартные модели эволюционного развития общества не работают, и мы предлагаем нестандартный выход

[1] Георгий Федотов.

из положения. Во-первых, мы начали возрождение древнейшей системы национальной самоорганизации и самоуправления — Вече, прообраз нынешней Думы, только в истинном значении этого слова, — для формирования Союза славян, обладающего сверхсознанием.

— То есть славянского эгрегора?

— Отлично, полковник! С вами приятно беседовать.

— Союз России и Белоруссии — результат работы Катарсиса?

— В том числе и Катарсиса. Присоединение некоторых Балканских стран к этому Союзу не за горами, а там вернутся в эгрегор и другие отколовшиеся страны, бывшие республики СССР. Достижение обозначенной мной цели возможно разными путями, мы же пойдем путем воздействия на управленческие структуры — от районных библиотек до президентского окружения, очищая эти структуры от влияния черного криминального эгрегора. Ну и наконец, мы добьемся того, чтобы любая криминальная антигосударственная деятельность стала невыгодной, для чего попытаемся возглавить каждый клан отечественной мафии, начиная с правительства, и заставить их работать на государство, на весь русский Род.

— Если только Сатана не опередит нас, — пробормотал Ираклий, восхищенный и одновременно ужаснувшийся глубиной проблемы, открывшейся перед ним, — и не уничтожит!

— О, задача сил Сатаны состоит не в истреблении рода человеческого, ибо тогда они потеряют питательную среду, им не на ком будет паразитировать. Нет, Сатана нас не истребит, но и жить свободно не даст! Поэтому мы и должны сотворить Кресово кольцо, кольцо сужения канала, по которому в наш мир просачивается негативная информация Сатаны.

— Чтобы перекрыть ему кислород...

— Именно так, Ираклий Кириллович, чтобы перекрыть ему кислород. А это мы сделать в состоянии. Итак, вы согласны работать в Сопротивлении?

— Вы же говорили — в Катарсисе...

— Сопротивление — часть Катарсиса.

— Чем я буду заниматься конкретно?

— Тем же, чем занимались профессионально на государственной службе.

— Военной контрразведкой?!

— Организация, в которой вам предлагается занять место командира отдела, называется Вечевой службой контрразведки и внутренних расследований.

Ираклий задумчиво глотнул тоника, не решаясь задать собеседнику вопрос, какое место в структуре Катарсиса занимает Мария. Поднял глаза на гостя.

— Что я должен делать?

— Вам позвонят и назначат встречу, ждите. И пожалуйста, прошу вас, — Сергий положил сухую прохладную руку на локоть Федотова, — попытайтесь избежать конфликтов типа того, что у вас возник с «Надежными ребятами». Эту проблему можно и должно решать иначе.

Ираклий смутился.

— Вы... видели, как я с ними?..

Сергий улыбнулся, встал из-за стола, подал руку и исчез. Ираклий остался стоять с ощущением бездны, разверзающейся под ногами, над которой горела одна-единственная яркая звезда. Спасение было в ней, но она была далеко...

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

ВОРОБЬЕВ

Утром в понедельник Панкрата вызвал к себе Асламов.

— Я в курсе ваших отношений с местной элитой, — сказал директор рыбозавода не то с иронией, не то с насмешкой. — Поэтому меня интересует вопрос, как вы намерены действовать дальше.

«Мы продолжаем то, что мы уже много наделали», — вспомнил Панкрат известный черномырдинский шедевр. Но вслух сказал другое:

— Жду ваших указаний.

Асламов засмеялся.

— Хотите переложить ответственность на мои плечи? Я вам санкции на ссору с органами не давал.

— Я не ссорился, — угрюмо буркнул Панкрат. — Они сами напрашиваются.

Асламов достал из стола большой белый конверт, бросил на стол.

— Почитайте.

Панкрат достал из конверта три листа бумаги, сколотые скрепкой, пробежал глазами текст. В письме высказывалось предположение, что бывший майор Службы внешней разведки П. К. Воробьев «каким-то образом связан с террористами, уничтожившими на озере Селигер важный военный объект». А ниже прослеживалась его история увольнения из рядов

спецслужбы и участие в автобанде, грабившей водителей на дорогах Тульской и Брянской губерний.

Подписи на документе не было.

— Что скажете? — поинтересовался Асламов.

— Все правда, — спокойно пожал плечами Панкрат. — Кроме последнего пункта. Я был не членом банды, а командиром отряда, охотившегося на автобандитов. Так что, мне писать заявление об уходе?

Директор вложил письмо в конверт, спрятал в столе.

— Продолжайте работу, Панкрат Кондратович. Посмотрим, какие шаги предпримут ваши недоброжелатели в дальнейшем. В обиду я вас не дам, потому что это и в моих интересах. Но постарайтесь все-таки в конфликты наподобие того, что произошел в зоопарке, не вступать.

Панкрат встретил дружеский, сочувствующий и насмешливый одновременно взгляд директора завода и вышел, размышляя, откуда тому стало известно о схватке в зоопарке. Свидетелей «разговора» Воробьев не заметил.

В своем кабинете он сварил кофе, сделал несколько кругов вокруг стола, вспоминая анонимное письмо. Кому понадобилось его посылать директору, было понятно, и местная рыбная мафия, и представители власти, заинтересованные в его увольнении, в равной степени могли состряпать компромат, однако об участии Воробьева в уничтожении базы Легиона с психотронной лабораторией на Селигере мог знать лишь очень ограниченный круг людей, а именно — уцелевшие ликвидаторы ЛООС. Но им не было нужды угрожать и предупреждать объект, за которым они охотились долгое время. Какой тонкий расчет стоял за письмом, догадаться было невозможно.

После оперативки Панкрат всегда делал обход территории завода. Предупредив секретаршу директора Алю, что «уходит на маршрут», он переоделся в пятнистый комбинезон, натянул сапоги, чтобы не утонуть в грязи, и в это время в кабинет вошел заместитель Воробьева Виктор Телегин, мрачный и озабоченный. Молча положил на стол листок бумаги в клеточку. Панкрат прочитал три строчки — это было заявление об увольнении по собственному желанию — и поднял на заместителя глаза.

Виктор Телегин работал в охране недавно и был ровесником Панкрата: в феврале ему исполнилось тридцать лет. Служил в армии, в составе спецбригады внутренних войск участвовал в войне в Чечне, был ранен и демобилизован, прихрамывал, но боевых кондиций не потерял. Панкрат в спортзале завода тренировал своих охранников и видел, как работает

Виктор, прекрасно знавший приемы барса — боевой армейской системы. Напугать его было в принципе невозможно, в учебных поединках он сражался с Воробьевым почти на равных, да и думать умел, за что Панкрат и сделал его заместителем.

— В чем дело? — осведомился Панкрат.

Телегин отвел глаза.

— По семейным обстоятельствам, Кондратыч.

— А точнее?

— Место нашел получше... и платят больше...

— Где в Переславле есть такое место, где платят больше? Не в мафии ли?

Лицо Виктора пошло пятнами, однако на начальника он по-прежнему смотреть не решался.

— Подпиши, Кондратыч. Все равно ведь уйду.

— Садись и рассказывай. Если нужна помощь — помогу, ты меня знаешь. Могу пойти к директору, чтобы повысил зарплату.

— Не надо, — поморщился Телегин, присел у стола, смяв в кулаке черный берет. — Понимаешь, Кондратыч, в пятницу у меня гости были...

— Откуда?

— Из Братства Черного Лотоса. Слышал о таком? Их храм недавно появился в Дендрологическом саду, напротив Федоровского монастыря.

— Буддисты, что ли?

— Вроде того. Монахи все молодые, дюжие, носят медальоны на груди с изображением лотоса. Предложили работать у них инструктором по самообороне.

— Зачем им инструктор по самообороне? — удивился Панкрат.

— Не знаю, — снова отвел глаза Телегин. — Но оклад предложили хороший, не поверишь...

— Почему же, верю. Что тебя смущает?

— Да понимаешь, ко мне трое приходили, а двое из них — вылитые чечены...

— Ну и что? Среди чеченцев тоже встречаются хорошие люди, люди чести.

— Да о чем ты говоришь, Кондратыч? — поморщился Телегин. — Мне ли их не знать?! Они двух моих друзей замучили, пальцы отрезали, яйца... глаза выкололи... Это нация бандитов, воров, террористов, похитителей людей и убийц!

— Ну зачем уж так категорично, — пробормотал Панкрат, ошеломленный горячностью Виктора, — всех под одну гре-

бенку не стоит подгонять... Не хочешь идти в этот храм, не ходи.

— Не хочу... но пойду. У меня пятеро на шее, мама больная, жена не работает... Знаешь, кем я был до того, как ты меня принял на работу? — Виктор махнул рукой. — Зря я тебе все это рассказываю.

— Рассказывай, легче станет. Кем ты работал, говоришь?

— После того, как меня демобилизовали, полгода ногу лечил, потом устроился в милицию. Злой я тогда был: на чечен, на бандитов, на весь мир! В соседнем подъезде кто-то забил насмерть простого работягу ни за что! Шел домой, причем не пьяный, встретили и измордовали. Садистов тех так и не нашли. Вот я и подался в милицию... хотя самого нельзя было выпускать на улицу...

Панкрат подвинул Виктору чашку, налил кофе.

— Глотни, не торопись.

Телегин отхлебнул несколько раз, отодвинул чашку.

— Однажды шпана бузила возле центрального универмага, я сделал замечание, не хотелось связываться, а они вдруг словно взбесились... уколотые были... напали, пришлось защищаться. Их было шестеро, я один, но я остался жив-здоров, а их сделал больными. Прокуратура возбудила уголовное дело за превышение пределов необходимой обороны, а потом, узнав, что я бывший спецназовец, вменила мне и умышленное нанесение тяжких телесных повреждений. Потом я выяснил, что один из парней был сынком высокого милицейского начальника. В общем, не хочу вспоминать подробности, дали мне полтора года исправительных работ. — Виктор замолчал, залпом допил кофе. — Водка у тебя есть?

— Не держу, не пью и тебе не советую.

— Тогда налей минералки.

Панкрат открыл бутылку нарзана.

— Что было дальше?

— Да ничего. Вышел, женился, дети пошли, устроился сторожем на конфетной фабрике, потом ребята посоветовали подойти к тебе. Почему я тебе все это сообщаю, и сам не знаю. Поплакать, видно, захотелось в жилетку. Хороший ты мужик, Кондратыч, правильный, таких сейчас мало... не поминай лихом. — Телегин встал, протянул руку. — Бывай.

— Если надумаешь вернуться, приходи, — сказал Панкрат, — приму обратно всегда. Звони, если что.

— Спасибо.

Телегин ушел.

Настроение Воробьева упало, уход Виктора лишал его надежной опоры и поддержки, теперь надо было снова подбирать кандидатуру на его место и взваливать на свои плечи дополнительную нагрузку.

После обхода территории завода Панкрат отдал несколько распоряжений по замене проволочного забора у пирса, проверил состояние двух катеров, на которых несли службу охранники со стороны Плещеева озера, и сделал массу полезных дел, в том числе разобрался с помощью техников в аппаратуре, которую они устанавливали в дежурной комнате охраны. Аппаратура позволяла контролировать цех по упаковке красной и черной икры, что сразу резко снижало воровскую деятельность работников завода, привыкших к ежедневным порциям деликатесного лакомства.

В два часа дня Панкрат забрал Настю из школы, отвез домой, пообедал с бабой Улей и снова поехал на озеро, обдумывая идею, возникшую у него при осмотре причалов завода. Катеров охранникам не хватало, а рыбу крали тоннами, причем прямо из трюмов сейнеров и рыболовецких шхун, зачастую остающихся у причалов на ночь, поэтому для контроля приемной части завода требовалась система освещения и сигнализации. Конечно, такая система стоила дорого, зато и отдача в будущем перекрывала предварительные затраты.

В шесть часов вечера Панкрат закрыл свой кабинет, решил было зайти к директору, доложить о своих планах и размышлениях по поводу усиления охранных мероприятий, но, поколебавшись, передумал. Попрощался с охранниками на проходной, сел в машину, обратив внимание на чей-то белый «Форд Мондео», стоявший неподалеку. Интуиция подсказывала, что «Форд» напротив завода остановился не зря. И точно, стоило Воробьеву сесть в кабину своего джипа, как из «Форда» вылезли двое мужчин, один молодой, крепкий, с подбритыми висками, второй постарше, в хорошем темно-синем костюме, при галстуке, седоватый, с узкими, плотно сжатыми губами. На безымянном пальце левой руки джентльмена красовался перстень из ртутно блестевшего металла с черным камешком. Ободок вокруг камня делал его похожим на птичий глаз.

Оба двинулись к джипу Панкрата, молодой махнул рукой, и Воробьев приспустил боковое стекло, готовый в случае необходимости отреагировать на действия незнакомцев должным образом.

— Добрый вечер, господин Воробьев, — раздвинул узкие губы в неприятной «лягушачьей» улыбке мужчина с перстнем. — Поговорить надо. Разрешите, мы к вам подсядем?

— О чем говорить? — неприязненно спросил Панкрат.

— У нас к вам деловое предложение.

— Подсаживаться ко мне необязательно, выкладывайте свое предложение.

Гости переглянулись. Старший перестал улыбаться, в глазах младшего мигнули колючие огоньки, но оба остались спокойными, и Панкрат почувствовал, насколько они уверены в себе и опасны. Глянул на «Форд», внутри которого сидели еще двое пассажиров. Номера машина имела не переславльские.

— Вообще-то разговаривать так неудобно, — сказал узкогубый обладатель перстня, — но мы вас понимаем. Я представляю службу криминального контроля МВД России — СТОКК. Нам очень понравилось, как вы поставили дело по охране рыбозавода, поэтому мы предлагаем вам работать с нами. Зарплата, естественно, у вас будет на порядок выше, чем у начальника охраны, плюс грант на обустройство, плюс премиальные, плюс известная свобода действий.

— Спасибо, — покривил губы Панкрат, вспоминая свою неудачную попытку устроиться в Комиссии по координации оперативно-розыскной работы, — я и так свободен, а денег мне хватает.

— И все же вы подумайте. — Узкогубый достал из кармана визитку, протянул Воробьеву. — Позвоните по этому телефону, если надумаете.

Вербовщики неведомой службы СТОКК вернулись к своей машине, «Форд» укатил. Проводив его взглядом, Панкрат повертел в руках белую карточку с золотой полоской поперек, буквами СТОКК, выдавленным птичьим глазом в одном уголке визитки и лотосом в другом, хотел выбросить, но передумал. Он вдруг понял, что его смущало: птичий глаз на визитке напоминал больше объектив телекамеры. Возможно, и перстень с черным камнем на пальце визитера также был миниатюрной телекамерой.

В задумчивости Панкрат тронул машину с места, повернул вдоль завода направо, хотя домой надо было ехать прямо, по Плещеевской и Найденова; дом, где жили Воробьевы с бабой Улей, стоял на улице Кузнецова. Очнулся он возле Сорокосвятской церкви, за которой располагалось старое кладбище; людей здесь давно не хоронили. Остановил машину, глядя на серые и черные стволы деревьев, на ветки, уже набухавшие почками, и вдруг в просветы между деревьями увидел каких-то людей, возившихся среди крестов и могил. Сначала подумал, что это монахи чистят кладбище от мусора после зимы,

потом сообразил, что четверо мужчин занимаются вовсе не уборкой территории старого погоста. В поте лица они срубали зубилами бронзовые таблички с памятников и плит.

Первым побуждением Панкрата было разогнать мародеров и как следует проучить, чтобы в следующий раз неповадно было вести заготовку цветных металлов столь варварским способом. Потом вспомнилось напутствие Асламова избегать подобных конфликтов, и Панкрат развернул машину, намереваясь ехать обратно. Однако, не проехав и полусотни метров, затормозил. Душевный призыв остановить вандалов был столь велик, что о последствиях нового инцидента уже не думалось.

В ограде кладбища отыскался пролом, через который Воробьев и проник на его территорию. Неслышно ступая по слежавшейся листве, приблизился к самозабвенно работающим «заготовителям», негромко окликнул:

— Эй, граждане ворюги!

Его тихий голос произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Мужчины — двое пожилых и двое помоложе, одетые в ватники и сапоги, побросали свой инструмент и отпрянули от исковерканных гранитных плит и надгробий. Затем, увидев, что напугавший их парень один, двинулись к нему, подбирая молотки и ломики.

— Лучше бы вы добровольно пошли в милицию и все рассказали, — покачал головой Панкрат, не вынимая рук из карманов куртки.

Его уверенный спокойный тон подействовал на мародеров. Они в нерешительности остановились, начали переглядываться, не понимая, почему их противник так спокоен. Больше всего их смущали засунутые в карманы руки Панкрата, которые, по их умозаключениям, вполне могли держать оружие.

— У него пушка, наверно... — пробормотал один из них.

— Да нету у него ничего, — буркнул второй с сомнением, — на понт берет, гад.

— А ты проверь, — посоветовал Панкрат, оттопыривая пальцем карман таким образом, чтобы казалось, будто там действительно спрятан пистолет.

Мужики потеряли желание сопротивляться, начали отступать, бросая косые взгляды по сторонам.

— Стоять! — приказал Панкрат. — Я ведь не шутил насчет милиции. Сейчас вы скажете свои имена, фамилии, адреса, пообещаете пойти в органы, чистосердечно рассказать о своем хобби, и я вас отпущу.

— Ты что, земеля? — опешил самый старший из четверки. — Нам же по три года светит за это дело!

— А когда вы сюда шли, о чем думали? Одни идиоты крадут провода с высоковольтных линий электропередачи, другие курочат памятники... Фамилии!

— Да я его щас успокою, и ничего он мне не сделает! — бросился на Панкрата самый молодой «коллекционер» бронзы и отлетел назад от мощного удара ногой, врезался спиной в гранитную плиту, затих.

Грабители замерли.

— Фамилии, адреса, — ровным голосом повторил Панкрат.

— Степашин... Андрей Семенович, — хмуро проговорил старший. — Я в Борисоглебской слободе живу, дом пятнадцать.

— Ты? — перевел взгляд Воробьев на его соседа.

— Чубаров Петр, — буркнул тот. — Рядом с ним живу, дом одиннадцать.

— Селезнев Шура, — торопливо добавил третий. — Я не тутошний, из Беклемишева...

— А этого смельчака как зовут?

— Марбек, фамилию не знаем, из переселенцев они.

— Чья идея — собирать цветной лом на кладбище?

— Его, Марбека...

— Мало я ему дал. Забирайте инструмент и мотайте отсюда. Еще раз попадетесь — век не забудете!

— А как же... в милицию?

Панкрат посмотрел на серое изможденное лицо старшего «старателя», усмехнулся.

— Я сегодня добрый, отпускаю. Завтра придете и восстановите здесь все, как было. Понятно?

Мужики обрадованно закивали головами.

— Сделаем в лучшем виде...

— Не сумлевайтесь...

— А кто ты все ж таки будешь? — не удержался от вопроса Степашин. — Вроде как и не мент.

— Спецслужба по охране памятников старины, — веско сказал Панкрат.

— Ага... ну, мы тады пошли...

Мужики быстро засобирались, привели в чувство подельника и прыснули в кусты, направляясь к озеру. Видимо, там у них были привязаны лодки.

— Чтобы завтра было все как прежде, — бросил им вдогонку Панкрат. — Я проверю.

Постояв с минуту у раскуроченной плиты, он посчитал обезображенные надгробия — мародеры успели срубить таблички на шести могилах — и двинулся к машине, ощущая спиной чей-то внимательный взгляд. Ощущение взгляда сопровождало его и раньше, еще когда он только собирался пройти на кладбище, теперь же оно стало более острым, хотя спрятаться наблюдателю здесь было особенно негде, несмотря на сгущавшиеся сумерки. А когда Панкрат вышел к джипу, ему сразу стала понятна причина его ощущений.

Неподалеку от «Судзуки» стоял новенький фиолетовый «Ламборгини», похожий на диковинный летательный аппарат, возле которого неторопливо прохаживался... директор рыбозавода «Анчоус» Валентин Асламов собственной персоной!

— Добрый вечер, Панкрат Кондратович, — сказал он естественным тоном, будто встретил своего подчиненного в коридоре заводоуправления, а не у кладбища. — Что это вас потянуло в столь мрачные места?

— Да и вы, гляжу, тоже любитель... — парировал Панкрат, с любопытством разглядывая машину шефа, в кабине которой никого не было. Асламов приехал один, без телохранителя.

Видимо, мысль Воробьева как-то отразилась на его лице, потому что директор улыбнулся и сказал:

— Я редко беру с собой телохранителей. Об этом я и хотел с вами поговорить. Пройдемся?

Панкрат вспомнил об инциденте с мародерами, качнул головой.

— Давайте лучше посидим в кабине вашего монстра, если не возражаете. Я такую штуковину вижу вблизи впервые.

Асламов блеснул умными цепкими глазами.

— Боитесь, что я увижу ваших крестников?

Панкрат понял, что директор з н а е т или видел его стычку с грабителями могил.

— Кстати, почему вы их отпустили? — продолжал Асламов, залезая в кабину «Ламборгини» со стороны пассажира.

Панкрат сел на место водителя, и тотчас же приборная панель машины осветилась, сам собой завелся двигатель, над шкалой спидометра загорелось табло: «Готов к работе». Включился подогрев сидений: снаружи становилось холодно, и компьютер машины заботился о комфорте седоков.

— Классный сервис! Сколько же этот аппарат стоит?

— Мне его подарили, — отозвался Асламов. — Дорогая машина. Вы не ответили на вопрос, Панкрат Кондратович.

— Мужик умен, да мир дурак, — вспомнил пословицу Во-

робьев. — Эти бедолаги, похоже, дошли до последней степени нищеты. Цветной лом — их последняя надежда заработать копейку.

— Но не таким же варварским путем!

— Разумеется, — буркнул Панкрат, жалея, что связался с грабителями, и в то же время не считая себя виноватым.

— Вам не кажется, что вы обманули закон? — продолжал допытываться Асламов. — Я понимаю, люди действительно доведены до отчаяния, их права не защищены, постоянно попираются бандитами и чиновниками, однако преступление ведь остается преступлением, и за него надо отвечать.

— Тогда надо начинать наказывать сверху, а то у нас права человека определяются по рангу. На первом месте депутаты — их священное право за казенный счет получать квартиры и ездить по Европам. На втором — так называемые правозащитники, их право — за казенный же счет защищать убийц и подонков. На третьем месте сами убийцы, имеющие священное право на жизнь. А дальше толпой идут остальные граждане, такие, как отпущенные мной мужички. У них тоже есть право — покорно ждать, пока о них побеспокоится государство. — Панкрат подумал. — Или киллер.

Асламов некоторое время изучал профиль собеседника задумчивым взглядом, затем проговорил доброжелательно:

— Знаете, Панкрат Кондратович, вы мне определенно нравитесь. Несмотря на то что в досье, которое у меня имеется, полно компромата на вас. Оказывается, вы очень и очень решительный и опасный человек.

— Если меня не трогать, я ангел, — пробормотал Панкрат, испытывая неприятное чувство незащищенности. — Откуда у вас на меня досье?

— Это неважно. Из него, несмотря на вашу прошлую деятельность, я сделал вывод, что вы человек чести. Да и ваше поведение указывает на это. Вы мне подходите.

Панкрат внимательно посмотрел в светло-серые глаза Асламова, но не увидел в них ни насмешки, ни шутливой искры.

— Что вы имеете в виду?

— Я предлагаю вам другую работу.

Панкрат подумал.

— Я так понимаю, мои недруги нашли наконец способ убрать меня с дороги.

— Со стороны это будет выглядеть именно так, хотя ваша система будет работать, как и прежде, но дело совершенно в другом. В ваших услугах заинтересована одна необычная

антикриминальная организация, цель которой — изменить существующий порядок вещей.

— Сопротивление, что ли?

Асламов рассмеялся.

— Вот видите, как мы быстро нашли общий язык. Сопротивление — лишь часть организации, называющейся Катарсис, у нее свои задачи и способы их решения.

— Что такое Катарсис? Партия? Движение?

— Можно, в принципе, назвать Катарсис и партией, скажем, партией высшей этики, в практическом же плане это Вечевая служба Рода России. У нас будет время поговорить о ее целях и задачах, сейчас я хотел бы услышать ваш ответ.

Панкрат вспомнил о встрече у проходной завода.

— Меня сегодня вербуют уже второй раз.

— Вот как? Кто же был первым, если не секрет?

— Вам знакома аббревиатура СТОКК?

Взгляд Асламова стал жестким.

— Вам предложили работать в Службе контроля? Забавно... Кем?

— До конкретных предложений не дошло. Я отказался, они всучили мне визитку и укатили.

— Интересно девки пляшут... — Асламов задумался, но тут же встрепенулся. — Хотя это не отменяет моего предложения. Вы согласны?

— Что я должен буду делать? Предупреждаю: ничего, что связано с охотой за людьми, с погонями и стрельбой...

— Успокойтесь, майор, — хмыкнул директор завода. — Катарсис вообще не приемлет методы насилия, а тем более — убийство человека. Применение силы допустимо лишь в крайнем случае — при защите жизни.

— Тогда я согласен. Хотя... — Панкрат в сомнении почесал кончик носа. — Честно говоря, я не понимаю, как можно обойтись без насилия или применения силы при встрече с бандитами.

— Такие встречи необходимо прогнозировать и исключать. Но и об этом мы поговорим в другой раз. Вам же предлагается войти в структуру восьмого отдела Катарсиса: службу охраны VIP и секретных подразделений. А для начала поработаете моим личным телохранителем.

Панкрат помолчал, прикидывая, как новое назначение отразится на укладе жизни. Сказал со вздохом:

— Но видит бог, моя стезя — беречь других, а не себя... Стихи мои. Согласен, Валентин Юрьевич. Но почему вы предложили эту работу именно мне?

— По рекомендации. Помните, вы беседовали с Погребко? У него есть интересное суждение: классный охранник видит все впереди, с боков и сзади охраняемого лица, а супер — еще и что покупает красивая блондинка в киоске напротив. Вы — из таких.

— Спасибо, — смешался Воробьев. — Я был о себе несколько иного мнения.

— Сегодня отдыхайте, завтра с утра ко мне.

Асламов подал ему руку, вылез из машины

Панкрат бросил взгляд на живую игру огней на панели «Ламборгини», вылез тоже. Директор рыбозавода сел на его место, вскинул вверх сжатый кулак.

— Удачи!

— Подождите, Валентин Юрьевич, — остановил его Панкрат. — Всего один вопрос... Кто вы? Ну, или — кто вы в системе Катарсиса?

— Всего лишь Витязь, — прищурился Асламов. — Я только выгляжу молодо, на самом деле мне за сорок. Всего доброго, майор.

«Ламборгини» почти бесшумно тронулся с места, уехал.

Панкрат, опустив голову, сел в свою машину, включил двигатель и двинулся следом. Вспомнил вдруг Егора Крутова: тот тоже был Витязем. Захотелось встретиться с ним, поговорить, обсудить предложение. Но вместе с этой мыслью пришло облегчение: его не забыли, просто наблюдали и оценивали, прежде чем предложить работу в Катарсисе. Неизвестным оставался лишь благодетель, который рекомендовал его Асламову.

Что ж, посмотрим, сказал сам себе Воробьев, что это за штука такая — Катарсис. Очищение...

МОСКВА

СТОКК

Официально Винсент Аркадьевич Валягин занимал пост заместителя Генпрокурора. О его второй должности — куратора Службы тотального криминального контроля, организованной из подразделений и отделов спецслужб: ФСБ, МВД, ГРУ, СВР, — знал уже гораздо более узкий круг лиц. О том же, что Валягин является директором проекта «великой» Пси-Пирамидальной Революции, разработанного покойным директором Проекта Бессарабом, и вовсе знали всего несколько человек в России. В том числе — Архип Иванович Мережковский, бывший психоаналитик ККОРР — Федеральной комиссии по координации оперативно-розыскной работы. Комиссия была давно распущена указом президента, а ее помещения заняла недавно организованная Служба контроля, СТОКК. Мережковский стал ее начальником. Одновременно он заведовал кафедрой разведсистем в Академии национальной безопасности, созданной еще в двухтысячном году, что давало исполнителям Проекта возможность быть в курсе всех новейших научно-технических разработок в столь специфичной области, как безопасность страны, а также иметь допуск к информации о кадрах в силовых структурах, обучавшихся в академии.

Однако и Мережковский не ведал, что, кроме всего прочего, Винсент Валягин представляет собой редкий тип человека — ретранслятора чужой энергии, воли, информации. Точнее, человек-гора, костюмы и белье на которого шили по специальному заказу, был ретранслятором сил Сатаны, как и Юрий Бессараб в свое время, о чем, естественно, не догадывался и сам, считая себя вершителем не только собственной судьбы, но и судеб других людей, и вообще судеб мира.

Утром пятнадцатого апреля они встретились в кабинете Валягина в здании Генпрокуратуры на Большой Дмитровке. По причине тучности, огромной массы — весил Винсент Аркадьевич около ста семидесяти килограммов — и малой подвижности он редко покидал рабочий кабинет и передвигался по столице лишь в случае крайней нужды. Если, конечно, дело касалось служебных обязанностей. В то же время он легко срывался с места и мчался в нужном направлении, если надо было решать проблемы Проекта или отдыхать в казино, ресторане или в сауне. Правда, в отличие от сгоревших на «саун-компромате» таких высокопоставленных чиновников, как министр юстиции Ковалев, бывший Генеральный прокурор Скуратов и депутат Госдумы Илюшенко, Валягин в сауне сексом с девочками не занимался. Для этого существовали две дачи под Москвой, в Горках-9 и в Барвихе, куда эпикуреец Винсент Аркадьевич наведывался регулярно каждую неделю. Но о том, чем он там занимается, знали только два человека из близкого окружения Директора Проекта: начальник его личной охраны Роман Пискунчик и личный поставщик «девического материала» Лев Данильский, бывший майор спецподразделения «Витязь», имевший связи в соответствующих структурах.

Валягин работал на компьютере, когда в кабинет вошел Мережковский. Архип Иванович отпустил усы, бороду и те-

перь походил на учителя истории столичного колледжа. Хозяин кабинета кивнул ему на кресла в уголке отдыха, не отрывая взгляда от экрана. Архип Иванович выслушал в наушнике рации бесплотный шепот электронного сторожа: «А-уровень. Защита обеспечена» — и сел в одно из низких кожаных кресел в зоне отдыха, отгороженной от остального пространства кабинета стеной декоративного кустарника.

Через минуту Винсент Аркадьевич закончил диалог с компьютером и вылез из-за стола.

— Что будешь пить? — спросил он довольно жидким голосом, не вязавшимся с его огромным телом.

— Кофе, — отозвался Мережковский.

— А я выпью водки. Не хочешь попробовать экзотики? Мне из Польши привезли «Змиёвку», настоянную на натуральной гадюке.

— Спасибо, не надо.

— Есть и наша, отечественная, «Охотничья», настояна на имбире, калгане, корне дягиля и анисовом зерне.

— Я не любитель крепких напитков, — улыбнулся Архип Иванович, завидуя способности Валягина пить в любое время суток в любых количествах и не пьянеть при этом.

— Как знаешь.

Винсент Аркадьевич принес открытую бутылку польской «Змиёвки», стаканчик, сел в кресло, специально подогнанное под его фигуру, налил и выпил. Бледное широкое лицо его порозовело.

— Класс! Зря отказался. Кофе сейчас принесут. Вечером совещание, не забыл?

— Потому и решил посоветоваться заранее.

Открылась дверь кабинета, помощник Валягина вкатил столик с кофейным прибором и тут же бесшумно исчез. Мережковский насыпал в чашку сахару, добавил сливок, отхлебнул.

— Класс! Не хуже вашей водки.

Они посмотрели друг на друга, два человека из «черной сотни», реализующей в стране Программу Сатаны и не догадывающейся об этом.

— О чем ты хотел со мной посоветоваться?

— Вы слышали о происшествии с сыном Чумакова?

— Конечно, — кивнул Валягин. — А что тебя беспокоит?

Чумаков был ректором Академии национальной безопасности и одновременно заместителем начальника СТОКК, то есть подчиненным Мережковского. Происшествие, упомянутое Архипом Ивановичем, состояло в следующем.

Сын Чумакова Константин оказался замешанным в скандальном деле о вымогательстве, которое московский РУОП завел на двух ингушей — Евлоева и Сызырова, вымогавших деньги у руководителей торговой фирмы «Кондор». Когда вымогателей взяли, причем дело дошло до погони и стрельбы, в их машине были обнаружены, кроме револьверов и гранат, годовая доверенность на машину, принадлежащую Константину, и спецталон «без права проверки», выданный ГИБДД. Этой же машиной пользовался и Чумаков-старший, зачастую предпочитая ее служебной, и таким образом выходило, что на ней ездили и бандиты, и генерал ФСБ, ректор Академии безопасности, в которой обучались будущие борцы с преступностью.

— Сын Чумакова дискредитирует не только своего отца, но и наше дело, — сказал Архип Иванович. — Зачем нам неприятности? Лишний шум вокруг СТОКК?

— Пускай тебя это не беспокоит, — махнул пухлой рукой Валягин. — Ребятишки резвятся, только и всего. Папаша поработает с органами, и никакого шума не будет. Ты лучше расскажи, как развертывается СТОКК в других городах.

— Медленно, — признался Мережковский нехотя. — Системы уличного видеоконтроля внедряют лишь находящиеся под нашим влиянием мэры и губернаторы — в Брянске, Туле и Рязани. Остальные сопротивляются. Зомбировать же всех поголовно нецелесообразно, это сразу становится заметно, как было с мэром Владивостока. Но все же дело движется. Вчера вернулись квартирьеры из Нижнего Новгорода и Переславля-Залесского. С Нижним придется еще повозиться, а Переславль сдался. Городишко маленький, но ценный, если мы приберем его к рукам, наши возможности по влиянию на Православный эгрегор возрастут многократно. Кстати, очень помогло влияние храма Черного Лотоса.

Валягин допил водку, глаза его на миг осоловели.

— С Переславлем еще не все ясно, дорогой академик. Боюсь, база Легиона вместе с учебным центром в храме под угрозой.

— С чего вы взяли? — недоверчиво сощурился Архип Иванович.

— По моим данным, в городе окопалось отделение Сопротивления, подчиненное какому-то Замыслу Предиктора. Во главе с Витязем, между прочим. Его надо найти и ликвидировать, иначе будет как в Осташкове.

— Хорошо, — пробормотал Мережковский, озадаченный известием; откуда у Валягина сведения о Витязе, он спраши-

вать не стал, как правило, эти сведения оказывались впоследствии верными. — Я пошлю туда подразделение «тающих».

— Эффективность твоих «тающих» пока низкая. Не хватает нам профессионалов типа Джехангира. Вот у кого тебе стоило бы поучиться.

Мережковский промолчал. Покойный генерал Джехангир, возглавлявший Российский Легион, тоже наделал немало ошибок и примером для подражания, по мнению Архипа Ивановича, быть не мог.

— Что-то у меня пересохло в рюмке... — Валягин выпростался из кресла и принес еще одну бутылку, но уже не водки, а коньяка «Мартель». — Подстегни своего кадровика, пусть пошурудит в контингентах госслужб, там еще остались хорошие инструкторы и тренеры, а то мы принимаем на работу кого попало, как в том же Переславле.

«Это ваш протеже», — хотел сказать Мережковский, но передумал. Валягин имел в виду, что настоятелем храма Черного Лотоса (на самом деле — начальником центра подготовки наемников) в Переславле-Залесском стал бывший зэк по кличке «Аист», который ввел на территории монастыря порядки зоны, из-за чего оттуда стали бежать курсанты-«монахи».

— Нам бы привлечь в систему таких профи, как бывший ученик Джехангира Крутов, — сказал Мережковский, глядя, как Валягин глотает коричневую жидкость.

— Вот и займись, — тотчас же подхватил координатор Проекта. — По некоторым данным, ему удалось бежать из лаборатории Бессараба на Селигере, после чего команда Витязей и уничтожила базу.

— Но ведь он не согласится работать на Проект...

— А для чего мы создавали «лунный свет»? Главное — найти его и заманить в ловушку, после обработки «лунным светом» он станет работать на нас как миленький, да еще и друзей сдаст.

Мережковский покачал головой, но возражать не стал, хотя не верил, что таких людей, как бывший полковник ФСБ Крутов, удастся привлечь на свою сторону.

— С ним был еще полковник Федотов, — проговорил он, — бывший волкодав военной контрразведки...

— Помню, и что?

— Его будет легче «уговорить», хватит «глушака» или в крайнем случае «анаконды». По моим сведениям, он скрывается где-то в горах Алтая...

— Лучше гор могут быть только «пули», — развеселился Валягин. — Ты в преферанс не играешь, академик?

— Не люблю азартных игр.

— А зря, такие игры, как преф, позволяют чувствовать прелесть жизни. А Федотова найди, сгодится полковник, сделаем его настоятелем какого-нибудь строящегося храма. У тебя все?

— Я хотел бы выяснить дальнейшие планы СТОКК, — встрепенулся Мережковский. — Надо видеть перспективу. Не люблю работать вслепую, от приказа до приказа. СМИ и телевидение мы уже контролируем, спецслужбы в основном тоже работают под нашим контролем. Что дальше?

Валягин допил коньяк, вытер рот ладонью, задумчиво посмотрел на собеседника.

— Пожалуй, пора тебе действительно выделить свою зону ответственности в Проекте, чтобы не влез не в свое болото и не наделал ошибок. А задачи перед нами стоят глобальные. Во-первых, надо переподчинить наиболее мощные криминальные структуры, чтобы они тоже начали работать на будущую Революцию. Во-вторых, распространить Братство Черного Лотоса по всей стране, создать сеть храмов-школ по обучению наемников, с перспективой превращения их в базы Легиона и центры влияния. Затем надо выйти на структуры Сопротивления, уничтожить руководителей, через них определить главных действующих лиц, лидеров Вечевого эгрегора, волхвов, и уничтожить всех! После этого настанет час «икс», время Революции.

Мережковский с недоверием посмотрел в ставшие мутными глаза Валягина. По-видимому, координатор Проекта так свято верил в свою силу и неуязвимость, в успех Проекта, что не сомневался в исходе войны, ведущейся на территории России уже более двух тысяч лет.

— Роль СТОКК в этом плане?

— Твоя служба контроля будет «глазами и ушами» Революции, — трезвым голосом проговорил Винсент Аркадьевич. — Мы должны знать о своих врагах все! Наши системы должны быть внедрены в армию, во все финансовые институты, в правительственные структуры! Чтобы разрушить культуру, систему образования, науку, мы внедрили туда... — Валягин осекся, прижал палец к губам. — С-с-с! Это секретная информация. Тебе достаточно знать, что мы создали оружие на основе формирования искаженных систем ценностей, чего, кстати, очень боится церковь. — Валягин хихикнул. — И это оружие работает! Но твоя задача поскромней — контроль. Тотальный контроль «криминала»! — Он снова хихикнул. — Знали бы премьер с президентом, что на самом деле контро-

лирует их детище и с кем борется созданная ими общегосударственная система антитеррора. Что ты еще хотел узнать?

— Кто финансирует СТОКК? Нам не хватает средств.

— Дай заявку, средства будут. А кто финансирует службу, пусть тебя не волнует. Есть спонсоры за рубежом... да и у нас появились.

Зазвонил мобильный телефон, лежащий на рабочем столе хозяина.

Валягин встал, подошел к столу, поднес трубку к уху, махнул Мережковскому: иди.

Архип Иванович вышел из кабинета и только в коридоре вздохнул с облегчением, расправил плечи. Во время беседы его не покидало ощущение, что за ними внимательно наблюдают чьи-то глаза. Причем нечеловеческие.

ЖУКОВКА

КРУТОВ

Обедал Егор у дядьки Ивана и не преминул попросить у него «ерофеича»; настой рекомендовалось пить по каплям, но регулярно, что способствовало повышению тонуса и расширению зоны ментального видения. Однако «ерофеич» на сей раз понадобился Крутову для Лизы, которая стала потихоньку приходить в себя. А начался процесс выздоровления с момента, когда Егор три дня назад передал ей оберег-талисман Марии. Сцену эту он помнил до сих пор.

В тот вечер он приехал домой поздно, надеясь, что жена уже спит, но Лиза сидела на освещенной торшером веранде, кутаясь в плед, и Крутову пришлось приложить немало душевных усилий, чтобы выглядеть естественным и спокойным. Пожелав бабе Аксинье, которая тихонько приглядывала за больной, покойной ночи, Егор зашел на веранду, опустился перед Елизаветой на корточки, заглядывая ей в глаза.

— Чего не спишь, подруга дней моих суровых?

— Тебя жду, — откликнулась Лиза едва слышно. — Ты задержался...

— Мария приезжала, подарок от бабы Евдокии тебе привезла. — Егор достал из кармана серебряный кругляш талисмана, положил в руку жене и вздрогнул, пораженный ее реакцией.

Рука Лизы задрожала, пальцы свело, как от электрического разряда, глаза расширились, в них протаяли трагическое

изумление, недоверие и возмущение. Она поднесла талисман к глазам, перевела взгляд на Егора, и был этот взгляд таким красноречивым, всеобъемлющим, понимающим, строгим, что Крутов готов бы провалиться сквозь землю от стыда, внезапно прозревая, что Лиза каким-то образом увидела, что произошло между ним и Марией.

— Ты... ее?.. — прошептала она почти беззвучно.

— Я люблю тебя! — глухо сказал он, прижимая запылавшее лицо к ее коленям. — Не знаю, как это случилось... как взрыв! Если сможешь — прости!

Елизавета выронила талисман, глядя перед собой черными глазами, запустила пальцы в волосы Егора, покачала головой.

— Она красивая и сильная... и несчастная...

Крутов поднял голову, но слез в глазах жены не увидел, она уже снова ушла в свой нереальный мирок, где жили призраки и тени воспоминаний. Что она имела в виду, говоря о Марии: «несчастная», — Егор не понял.

Однако с тех пор поведение Лизы изменилось. Талисман чудесным образом подействовал на ее состояние, она стала больше двигаться, гулять по саду одна, греться на солнце, психика ее медленно начала восстанавливаться. Правда, на мужа она по-прежнему почти не обращала внимания, но Крутов терпел, понимая, что встряска, полученная Лизой при передаче оберега, не прошла для нее бесследно и что, возможно, это был единственный способ — возбудить ее ревность и тем самым вывести ее из подавленного состояния. Способ был жестокий, но действенный, как признался сам себе Крутов, и все было бы хорошо, не послужи он сам «психическим раздражителем». Талисман же Марии, как узнал Егор у матери Елизаветы, назывался «Вера-Надежда-Любовь» и служил символом верности.

Конечно, муки сомнений продолжали терзать душу полковника, он не знал, чем закончится процесс восстановления Елизаветы, захочет ли она простить его, уйдет от него или нет, но вернуть ничего не мог, да и не хотел, поэтому терпеливо ждал и ухаживал за женой, как мог, если она впрямую не отвергала его ухаживаний.

«Ерофеич» Лизе помогал. После употребления травяного настоя она на короткие мгновения становилась прежней, забывала о своей болезни и с удивлением начинала осматриваться, будто не понимая, как сюда попала. Затем ее взгляд падал на Егора, происходило нечто вроде «короткого замыкания», глаза молодой женщины чернели, проваливались в се-

бя, заполнялись слезами, и она снова уходила в тишину и безразличие. Заметив это, Осип даже спросил у Егора:

— Что за кошка между вами пробежала? Аль обидел чем?

Крутов пожал плечами, не желая объясняться с дедом по поводу обид жены. Главным в данный момент было то, что Лиза выздоравливает.

— Может, ты себе в Жуковке кралю нашел? — продолжал допытываться Осип. — Ежели узнаю — ноги повыдергиваю! Муж хоть не гож, а чужая — не трожь!

Егор улыбнулся.

— Нету у меня крали, старик. Лиза — единственная!

— Смотри!

Перед отъездом в Жуковку Осип снова подошел к Егору.

— Я тут Борьку Мокшина с дружками встрел.

Крутов насторожился.

— Когда это было? Без меня?

— Вчера это было, ты еще не приехал с работы. Мимо он шел, увидел меня, остановился, поманил пальцем. Ну, я подошел, не отвалятся ноги-то, а он смотрит мне в глаза, ехидненько так, гаденько, будто знает что-то непотребное, и говорит: «Передай своему племяшу, что он сильно рискует Лизкиным здоровьем. Пока он пацанов натаскивает, с ней может что угодно произойти».

Кровь бросилась Крутову в лицо.

— Он так и сказал?

— Так и сказал. Поганый человек, баламут, чего с него возьмешь. Но ты не переживай, я с Лизки глаз не спущаю.

— Где он сейчас?

— Уехал с утра, в Жуковку покатил.

Разговор этот произошел в четверг перед обедом, а в пятницу Осип сообщил, что на машину фермеров Константина Яковлевича, везущую мясо и куриные яйца на жуковский рынок, напали по дороге «экспроприаторы» Мокшина. Прокололи колеса «бычку», отобрали мясо, яйца, масло, попытавшихся защитить свое добро мужиков избили, а водителю даже сломали руку.

— Такие вот пироги... — сказал Осип, кряхтя и отводя глаза. — Лучше бы ты не вмешивался в наши житейские истории, только хуже сделал. Так они хоть копейки, но платили, а то отняли ни за грош, да еще пригрозили.

— В милицию твой шурин обращался?

— Да какая милиция, — махнул рукой Осип. — Свяжешься — себе же дороже обойдется. У Борьки сам Казанова, начальник жуковской милиции, в дружках, о чем говорить?

— Передай Яковлевичу, пусть завтра собирает еще машину, я сам с ними поеду. И слух надо бы распустить, что, мол, в Брянск продукты повезет.

— Не согласится он.

— Уговори, я слово даю, что на сей раз все будет иначе. Не тронут его ферму больше.

Поворчав, старик ушел, а Егор начал собираться с визитом к Мокшину, который, судя по слухам, имел уже по крайней мере четыре дома в разных концах района, не считая квартиры в Жуковке. Туда Крутов и направился, преодолев внутренний раздрай чувств: с одной стороны, жутко не хотелось начинать войну в защиту справедливости, тем более что Мария советовала не создавать открытых инцидентов, отрицательно оцениваемых волхвами Предиктора, с другой стороны, он обещал мужикам помочь и не мог бросить дело на полпути, с третьей — он был убежден, что зло не должно торжествовать на земле, кто бы ни был его носителем.

И еще одно обстоятельство не давало Крутову покоя. По словам Марии, его ждало задание выйти на бывшего мужа Елизаветы, а как это сделать, не потеряв лица, а главное — чести, он пока не знал.

Борис Мокшин имел трехкомнатную квартиру улучшенной планировки в недавно построенном двенадцатиэтажном здании прямо напротив вокзала, по другую сторону железнодорожной линии. Крутов подъехал к дому около девяти часов вечера, изучил двор, подъезды к нему, все еще прикидывая методы воздействия на младшего Мокшина, и стал ждать появления «главного экспроприатора» района, вольготно устроившегося на брянской земле благодаря связям брата, собственной хватке, наглости и возможности купить поддержку властей. Внутреннее чутье подсказывало, что Борис еще не приезжал, но скоро должен появиться.

Полюбовавшись на старый плакат на стене дома с изображением омоновца с автоматом и надписью: «Доктора вызывали?», Егор на всякий случай поднялся на четвертый этаж, где располагалась квартира Мокшина, позвонил в дверь и спустился обратно во двор, по причине по-летнему теплой погоды полный старушек и мамаш с детьми.

После девяти двор стал пустеть, мамаши повезли своих чад кормить и укладывать спать, поубавилось и старушек, что было на руку Крутову. Свидетели его свидания с местным бизнесменом были ему не нужны.

Мокшин приехал в половине десятого, на двух машинах,

шумно, словно разыгрывал спектакль из жизни «крутых» парней, повелителей тусовок и помоек.

Первым во двор ворвался джип «Донинвест», из которого выскочили трое парней, причем один из них — в форме сержанта милиции. Затем с грохотом, дважды рявкнув сиреной, подъехал черный «Хаммер», широкий и мощный, как боевая машина пехоты. Из него десантировались еще трое парней в кожаных куртках и лишь потом важно вылез белобрысый Борис Мокшин, одетый в сногсшибательный белый костюм, с сигаретой в зубах, подал руку в кабину «Хаммера», и на асфальт сошла молодая дива в короткой юбочке и кисейной блузке, под которой больше ничего не было, кроме тела. Причем тела развитого и красивого, как отметил Крутов.

Вздохнув, он глотнул «ерофеича», привел себя в состояние в е р ы, как того требовала жи́ва, и вылез из машины. Пришла пора действовать самому.

Его заметили, когда он пересек двор и оказался в десятке шагов от направлявшегося к подъезду Мокшина. Тотчас же трое кожаных курток хищно кинулись на него со всех сторон, словно воробьи на брошенный кусок хлеба, а Мокшин остановился, вдруг узнав в появившемся внезапно и незаметно «привидении» обидчика своих «экспроприаторов».

Крутов же не стал ждать действий телохранителей Бориса, он уже знал, что будет делать дальше, поэтому для наглядности решил сначала продемонстрировать «крутым» «шестеркам» Мокшина свои возможности, чтобы они прониклись если не уважением, то страхом.

Первых двух он уложил на асфальт двора как бы играючи, в «вальсе» обхода, касанием пальцев к парализующим точкам на теле; эти амбалы имели шеи, равные по диаметру их головам, так что промахнуться даже в сумерках было невозможно.

Третий сориентировался на бегу, доставая пистолет (интересно, разрешение на его ношение тоже выдавала жуковская милиция?), и Крутов ускорил т е м п, перехватывая руку парня, туго толкнул его от себя, так что тот пролетел по воздуху несколько метров и врезался в своего напарника, бросившегося на выручку.

— Всем стоять! — Егор направил ствол пистолета на Мокшина, и движение во дворе замерло.

Милиционер из свиты Бориса кинул было руку к кобуре со штатным «макаровым», но Егор повел стволом в его сторону, и сержант застыл, ошеломленный мгновенным изменением обстановки не меньше остальных действующих лиц.

Крутов подошел к Мокшину и глядевшей на него во все глаза красавице, сказал ей с полуулыбкой:

— Прошу извинить, мадам, у меня разговор к вашему другу.

— Мужу, — сделала кокетливую гримаску девушка.

— Ах, даже так? Поздравляю. Надеюсь, вы будете счастливы. Не волнуйтесь, с ним ничего не случится, мы просто погуляем по двору. — Егор крепко взял Бориса под локоть. — Вели своим псам не рычать и не показывать зубы, мы пройдемся к моей машине, и я тебя отпущу.

— Подождите меня здесь, — мрачно бросил Мокшин оставшимся на ногах телохранителям, которые вытащили оружие.

Сержант снова положил руку на кобуру, и Крутов покачал пальцем:

— Не надо играть в героя, молодой человек, я полковник Крутов, а не бандит. Это вот он бандит, — Егор кивнул на Мокшина, потерявшего свой независимый вид и лоск, — а я только защищаю свободу людей, желающих жить по закону.

Они прошагали в молчании три десятка шагов до машины Крутова, оставляя позади настороженное и растерянное пространство мокшинского окружения, Егор повернулся лицом к Борису, вынул из пистолета обойму, отдал оружие.

— Теперь слушай внимательно, дружок. Ссориться мне не хочется, но мы уже встречались, и ты знаешь: я слов на ветер не бросаю. Я могу тебя убить только за одну ту угрозу, которую ты позволил себе высказать деду Осипу! — Егор заглянул в глаза Мокшина с расширявшимися зрачками. — Это хорошо, что ты мне веришь. Так вот, я мог бы тебя убить или сделать инвалидом, и никто бы мне не помешал, ни твои гвардейцы, ни милиция, даже если ты окружил бы себя батальоном «шестерок».

— Н-не п-понимаю...

— Понимаешь, — покачал головой Крутов. — Все ты понимаешь прекрасно, дружок. Брось только взгляд в сторону Лизы!

— Л-ладно...

— Теперь о твоем бизнесе. С завтрашнего дня ты завязываешь с реализацией отнятых у крестьян продуктов. Идет?

Мокшин встрепенулся.

— Это не мой бизнес, а брата. Я только исполнитель.

— А вот и врешь, дружок, главный пахан в этом деле ты, а брат лишь курирует твою деятельность. Так что не стоит вешать мне лапшу на уши. Я не слышу ответа.

— Ты же один, полковник, — смерил взглядом Егора Мокшин, наглея на глазах. — Ты не сможешь воевать со всеми...

— Я не собираюсь воевать, — сказал Крутов глубоким голосом, переполненный энергией. — И сделаю так, что ты сам завтра прибежишь ко мне просить, чтобы я вернул тебе...

— Что? — усмехнулся Борис.

— Твою мужскую силу.

Крутов перевел взгляд на живот Мокшина и усилием воли закрыл чакру.

Мокшин вздрогнул, ноги его ослабели, так что он едва не упал, перевел взгляд на свои брюки, обратно на буквально засветившееся лицо Крутова. Побледнел.

Егор усмехнулся.

— Чао, бизнесмен. Твоя жена сегодня будет очень удивлена полным отсутствием у мужа всякого присутствия. — Егор сел в машину. — Найдешь меня в деревне. Но только один, без армии. И брату привет передай, предупреди, что он на очереди. Пусть приезжает, побеседуем.

Он дал газ и выехал со двора, оставив растерянного, остолбеневшего, не понявшего еще, что случилось, Бориса Мокшина и его ошеломленных «гвардейцев».

В субботу ничего особенного не произошло.

Крутов съездил с фермерами на рынок, провел с ними полдня, встретил знакомых, в том числе своих учеников, побеседовал с ними и, пообедав у дядьки Ивана, поехал домой.

Тем же порядком прошло воскресенье.

Егор сопроводил машину Константина Яковлевича до рынков в Фошне, Косилове и Жуковке, потолкался на жуковском базаре, высматривая «экспроприаторов» Мокшина, никого не обнаружил и снова отправился в Ковали, размышляя, все ли он сделал правильно во время беседы с Борисом. С одной стороны, он был уверен, что открывшееся ему знание метода воздействия на организм человека не было бредом перенапряженного сознания, с другой, настораживало отсутствие реакции Бориса. Тот уже должен был понять, что отсутствие либидо, то есть желания и потенции, это результат его встречи с Крутовым.

Возвращаясь, Егор заехал в березовую рощу на берегу речки Березны и лег на спину в молодую травку посреди поляны, раскинув руки и глядя в небо с легкими белыми облачками. Лежать было так приятно, что не хотелось ни куда-то ехать, ни думать, ни мечтать. Природа мощно влияла на душу человека, растворяя ее в себе, и уже в который раз Егор почувствовал себя частью Природы, частью Вселенной, внимательно наблюдающей за ним.

Сколько он так пролежал, утонувший в небе, Егор не запомнил. Очнулся же от ощущения холодного ветерка, коснувшегося лба. Прислушался к тишине леса сквозь тихое журчание воды и шелест листьев и почувствовал приближение человека. Кто-то сильный, ощутимо опасный, бесшумный, как тень, однако не несущий угрозы и зла пробирался между деревьями и наблюдал за лежащим на траве Егором так, словно видел его сквозь заросли.

— Эй, охотник, выходи, — негромко проговорил Крутов, оставаясь лежать.

На краю поляны шевельнулись кусты жимолости в нежной зелени молодой листвы, словно там прятался зверь, однако гость появился с другой стороны, из-под речного обрыва, вырос бесшумно возле поваленной сосны. Крутов сел, разглядывая его, узнавая не без удивления старого знакомого — Витязя Георгия, бывшего ученика деда Спиридона.

— Кажется, я имею честь лицезреть посланца Предиктора.

— Угадал, — белозубо рассмеялся Георгий, присел рядом на траву. — Отличный денек сегодня. Я рад, что ты забрел в лес, не то пришлось бы искать тебя в деревне.

— Зачем меня искать? Как говорит мой дядька: где щи, тут и нас ищи. Почему именно ты послан ко мне? Неужели Витязи тоже разносят вести Предиктора?

— Ходоком может стать каждый. Я исполняю Замысел недалеко от твоей вотчины, вот мне и поручили миссию Ходока. С Борисом Мокшиным ты неплохо управился. — Георгий одним движением руки поймал пролетавшего мимо шмеля, погладил его полосатое тельце и отпустил. — Даже я не смог бы лучше, теперь выходи на его братца. Скоро они к тебе пожалуют.

— Откуда ты знаешь про Бориса?

— Ориентированный на выполнение Замысла Витязь должен знать все по порученному ему делу. — Георгий, одетый в дорожный костюм: куртка, полуспортивные брюки, кроссовки, подмигнул Крутову, достал из кармана дискету в пластиковом прозрачном чехольчике. — Это твое задание. Досье на одного брянского деятеля, у которого сейчас служит мой тезка Жора Мокшин.

— У меня нет компьютера.

— Вообще-то мастер живы должен считывать запакован-

ную в дискете информацию и без техники, но если ты еще не дошел до этого, найди компьютер и прочитай.

Егор недоверчиво посмотрел на Георгия, взвесил в руке дискету и положил в карман рубашки.

— Может быть, поедем ко мне, пообедаем вместе? Заодно и побеседуем.

— Мне пока лучше в твоей деревне не светиться, — покачал головой ученик деда Спиридона, ничуть не изменившийся с момента их первой встречи. — Слишком много там у тебя недоброжелателей, а у них глаз острый.

— Тогда ответь мне на несколько вопросов. Ходок, предупредивший о будущем посланце Предиктора, не смог или не захотел просвятить меня насчет ситуации вообще и судьбе движения в частности. Почему обо мне вспомнили так поздно, спустя полгода после уничтожения лаборатории? Что вообще происходит в стране?

— Тебя не трогали, потому что ты должен был пройти испытание забвением. Прошел ты его слабенько, не чисто, но все же прошел.

— Спасибо.

— Не за что. Но прежде, чем я отвечу на твои вопросы, ты должен дать мне важное обещание.

Крутов сжал зубы.

— Я не мальчик, уважаемый Ходок, и знаю, что такое секретная информация...

— Я не о том. Ты должен пообещать мне перестать быть человеком боя. Человеком действия, или, как мы привыкли говорить, — д е я н и я — да, но не боя. Это непременное условие твоего участия в работе Катарсиса. Ты переходишь на другой уровень, воздействие на Бориса — яркий тому пример, чему я очень рад. Бой не должен длиться вечно! Это основа деятельности Катарсиса. Если ты не примешь этого условия...

— А как же соотносится ваша идея отрицания боя и неприменения силы к твоему участию в событиях на Селигере? Или к твоему вмешательству в драку с ликвидаторами в Ветлуге?

— Селигер — особая статья, нам пришлось драться не только с Легионом, но и с конунгом. А в Ветлуге у меня не было времени рассчитать Д-трафик.

— Что?

— Давай обо всем по порядку. Ты принимаешь наши условия?

Крутов снова лег, провожая взглядом облака.

— Принимаю. Но под контролем работать не буду.

— Никто тебя контролировать не собирается. Главное, чтобы ты выполнил Замысел, а каким образом его выполнил — неважно, лишь бы соблюдал принципы движения.

— Постараюсь.

— Постарайся. Что касается происходящих в стране событий, то их можно рассматривать под разными углами. В глобальном масштабе земное пространство пытается завоевать Сатана. Его Программа наведения «нового мирового порядка» планомерно проводится в жизнь, в других странах она уже сработала, Россия же еще сопротивляется. Но удар по ней за последние пятнадцать лет нанесен мощный, светлых консолидирующих сил не хватает, на счету каждый человек. Вот почему тебе сократили испытательный срок.

— Не пожалеете?

— Если поверишь в свои силы, не пожалеем. Идем дальше. В промышленных странах иссякает творческий и энергетический потенциал населяющих их этносов и эгрегоров, вот почему и Запад, и Восток начинают искать выход на российскую космическую энергию, пытаются ослабить нас до предела, раздробить и взять под полный контроль. В России тоже начался процесс перераспределения пси-энергетических потенциалов. Каждая магическая группа, в том числе — черные, управляемые конунгами, претендует на обладание единственной Истиной и на главное изменение реальности, что позволяет нам манипулировать своими силами, а главное — формировать духовное защитное поле российского пространства, создавать общеславянский, общероссийский светлый эгрегор. Которому и противостоит наш враг, черный эгрегор сил Сатаны, усиленно рекрутирующий союзников.

— Значит, светлый эгрегор вербует своих, черный своих? Чем же они тогда отличаются?

— Разница в подходах. Мы формируем слой с о з н а т е л ь н ы х союзников, черный эгрегор — зомби! Умные, рассуждающие, творчески мыслящие люди ему не нужны, нужны винтики, расходный материал, которым можно пренебречь ради достижения цели. Отсюда стремление руководителей и лидеров черных эгрегоров — Легиона, Думы, финансовых институтов овладеть техническими методами управления человеческим сознанием, усиленная работа со средствами массовой информации и телевидением, создание психотронных технологий и оружия.

— «Глушаки», «болевики»...

— «Анаконды», «лунный свет», который испытал на тебе

Директор Проекта Бессараб. Где бы ты сейчас был, если бы не помощь твоих берегинь и Спиридона.

— Ты знаешь, где он сейчас?

Георгий покачал головой, сорвал травинку, сунул в рот.

— Никто не знает, а если кто и знает, тот молчит. Существуют высшие уровни самореализации, дающие человеку возможность свободно жить в космосе, во Вселенной, возможно, волхв достиг такого уровня. Но возможен и менее оптимистичный вариант. Известно, что во время нашей войны на Селигере он отбивал атаки конунгов...

— Думаешь, он погиб? — приподнялся на локтях Егор.

— Не знаю. Хочется верить, что жив.

Помолчали. Земля дышала весенним паром, шевелилась и вздыхала, впитывая потоки солнечного тепла. Она была полна величавого покоя и дремы, успокаивала и умиротворяла, являя собой высший смысл Божественного порядка, именуемого Жизнью, поддерживая бытие и равновесие. Но помогала она только тем, кто ее любил и понимал.

— Переходи к конкретике, — попросил Крутов. — Что такое этот ваш Катарсис? Что такое Предиктор и Сопротивление, я знаю.

— Катарсис в глобальном плане — Вечевая служба Рода российского. Катарсис, как организация или система, состоит из служб. Предиктор — тоже служба, хотя и своеобразная, волхвы являются хранителями знаний и национальной Идеи, разработчиками Замыслов. Они же формируют Сопротивление агрессору. Надеюсь, важность такой службы объяснять тебе не надо. Второй горизонт системы — служба разведки, внедряющая наблюдателей во все властные структуры и спецслужбы. Третий — информационно-аналитический центр. Это действительно центр, база Катарсиса, которая находится в Юрьеве-Польском. Существует также служба контрразведки, ее база — в Нижнем Новгороде.

Крутов снова сел.

— Там же Федотов... Мария...

Георгий кивнул.

— Ираклий тоже привлечен к деятельности службы. Пятый горизонт системы — трафик-служба, ясновидцы и экстрасенсы, а также мастера по разработке «случайных совпадений». Именно эта служба и формирует трафики.

— Что такое трафик?

— Так называется схема воздействия на человека или на определенную структуру — домино-трафик, Д-трафик. Рассчитывается цепь последовательно зависимых событий, каждое из которых «цепляет» последующее...

— Эффект костяшек домино?

— Совершенно справедливо. Каждое звено цепи воздействия есть «костяшка домино», тронешь одну — завалится вся линия, то есть Д-трафик, а результат будет восприниматься чаще всего как случайное совпадение. Тебе как раз и предлагается войти в службу реализации трафиков, в группу воздействия, или, если угодно, в группу спецопераций, где потребуются твои навыки профессионала антитеррора.

— Годится, — подумав, изрек Егор.

Георгий засмеялся, встал, отряхнул брюки.

— Я не сомневался, что тебе понравится. Кстати, каждый Витязь набирает себе помощников сам. В дружину реализации Замысла могут входить люди, абсолютно не догадывающиеся о своей роли, нельзя только подставлять их до критических параметров.

— То есть нельзя заставлять их рисковать жизнью.

— Правильно понимаешь. На первых порах мы тебе поможем с выполнением контрольного задания, сформируем команду и подстрахуем, потом начнешь действовать самостоятельно.

— Если справлюсь. — Крутов тоже поднялся.

Георгий внимательно посмотрел на его задумчивое лицо.

— Ты не можешь не справиться, полковник. За тебя поручилась Мария.

Крутов хмыкнул, чувствуя неловкость. Георгий не должен был знать о его отношениях с Марией, но, очевидно, догадывался.

— Хорошо, я понял. Когда начинать операцию?

— Изучай досье, думай, к тебе придут.

— Как хоть выглядит этот Д-трафик?

— Система воздействия проста: выявление дестабилизирующего фактора, формирование вектора воздействия — собственно Д-трека, формирование исполнительной функции, то есть команды, организация структуры взаимодействий, контроль поведения фактора и его ликвидация. Заметь: ликвидация не человека, а фактора! То есть линии его намерения. Это единственный бескровный и безнасильственный способ изменения реальности, но очень эффективный.

Крутов скептически поджал губы.

— Это невозможно... ну, или почти невозможно. С вами будут воевать не словом или внушением, а огнестрельным оружием... или теми же «глушаками»...

— Через невозможное — вперед! — как сказал классик.

— Если вы такие умные...

— То почему такие бедные? — подхватил Георгий усмешливо. — Мы начали недавно, Егор Лукич, и не можем похвастаться особыми результатами, но кое-чего уже добились. Тебе об этом расскажут. Кстати, хочешь любопытную статистику? Мне ее сообщил один знакомый, Сергий.

— Волхв Сергий?

— Ты с ним знаком?

— Дед Спиридон знакомил.

— Ты был удостоен личного приема? Уважаю. Мария, кажется, в тебе не ошиблась. Так вот Сергий говорил, что, если смотреть в небо на звезды каждый день, то бишь ночь, по пять минут, это благотворно сказывается на здоровье, человек перестает заболевать такими болезнями, как насморк и грипп. А если по десять минут смотреть — улучшается финансово-экономическое положение.

Крутов с недоверием посмотрел на улыбающееся лицо Витязя с лукавыми искрами в глазах.

— Я так полагаю, ты эту статистику проверил на себе?

— Конечно. — Георгий подал крепкую сухую руку. — Проблем со здоровьем нет.

— А с финансами?

Георгий пошел прочь, к лесу, оглянулся, вскинул вверх кулак и исчез. Егор с минуту прислушивался к удалявшемуся ментальному г у л у — обычным слухом уловить передвижение ученика деда Спиридона было невозможно — и направился к машине, гадая, пошутил Георгий насчет связи звезд и финансов или нет. В конце концов он решил проверить этот тезис сам, благо на звезды смотреть любил, разве что нерегулярно.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

ФЕДОТОВ

Приставания «Надежных ребят» прекратились, как по волшебству. Лишь много позже Ираклий узнал, что это было результатом вмешательства Марии, а не организованного им отпора, как ему хотелось думать. Но результат был налицо, и Федотов с головой окунулся в родную стихию — контрразведку, которой посвятил добрую треть жизни.

В курс дела он вошел быстро. Бывшего полковника военной контрразведки не надо было учить азам профессии и объяснять порядок действий, а рабом текущих событий он никогда не был, если, конечно, не считать конфликт с частной охранной фирмой «Надежные ребята». Однако вводную лекцию ему все же пришлось прослушать. Прочитал ее не кто иной, как президент элитного клуба «Дионис» Плевин Гаврила Рафкатович, оказавшийся начальником «четверки», то есть четвертого управления Катарсиса, занимавшегося контрразведывательной деятельностью и внутренними расследованиями.

Что такое «внутренние расследования», Ираклий выяснил позже, контрразведка же была его работой и душевной потребностью, поэтому он не возразил Плевину (беседовали они в роскошном кабинете президента клуба), когда тот начал лекцию с фразы:

— Разведка не удел спецслужб, а один из основных видов деятельности любого живого организма. Контрразведка же — оборотная сторона этой медали, друг без друга они жить не могут.

Поначалу Ираклий скептически отнесся к высказываниям Плевина, иногда образным, иногда излишне резким, однако, узнав, что инцидент с сыном Плевина в клубе был спланирован и реализован специально для проверки реакции бывшего полковника, он сумел подавить злость (Мария тоже, выходит, участвовала в экзамене?!) и слушал своего начальника уже без эмоций.

В сферу ответственности Федотова вошли два направления деятельности «четверки»: работа против набирающей силу Службы тотального криминального контроля (СТОКК), созданной на государственном уровне с благими намерениями, но подчиненной Проекту, и выявление агентов влияния или, как их еще называли, людей-ретрансляторов сил Сатаны. Именно эти люди являлись центрами «кристаллизации» черного эгрегора и проводниками Программы Сатаны на всех уровнях.

— Что с ними будет потом? — поинтересовался Ираклий. — Допустим, мы вышли на агентов влияния, что дальше?

— Дальнейшая их судьба уже не ваша забота, полковник, — сказал Гаврила Рафкатович, полный, с проседью в черных волосах, вальяжный с виду, с властным породистым лицом аристократа. — Ими будет заниматься другая структура Катарсиса — служба непосредственного воздействия. Кстати, ваш друг Егор Крутов вошел в ее состав на правах лидера зоны.

— Это неудивительно, — пожал плечами Ираклий. — По-

чему бы вам не привлечь к работе еще двух моих приятелей, Корнеева и Воробьева? Они тоже специалисты высокого класса.

— Всему свое время, полковник, — усмехнулся Плевин. — Ищите себе помощников. По Замыслу вы лидер второго ранга и имеете право на формирование команды. Но ошибки при подборе кадров должны быть исключены. Ошибетесь — окажетесь вне сферы деятельности Катарсиса. И еще одно непременное условие: боевые действия в вашей деятельности должны быть исключены!

Ираклий кивнул. Он был готов к такому заявлению — Мария уже посвятила его в концепцию Катарсиса, — хотя и не понимал, как можно избежать насилия в мире, где оно возведено в ранг закона.

Плевин понял его колебания.

— С одной стороны, если мы не сбережем себя, не сбережем и Россию, Ираклий Кириллович, с другой стороны, возможны упреждающие превентивные меры, исключающие применение физической силы и военных действий.

— А если придется защищать свою жизнь?

— Естественно, этого права у вас никто не отнимает. Но стремиться надо к такому уровню воздействия на реальность, который исключает силовые разборки.

— В Катарсисе есть такие люди?

— Витязи, волхвы.

— Я знал одного Витязя, который отлично воевал, не хуже мастера боя...

— Применение силы допустимо лишь при защите жизни людей, Витязи — наша «аварийная» защитная линия, как правило, они вмешиваются в боевые действия, чтобы спасти людей. Волхвы же сами формируют защитные линии, на ином уровне. Но давайте вернемся к вашим правам и обязанностям.

— Я уже понял, — изобразил улыбку Ираклий. — Обязанностей у меня гораздо больше, чем прав. Это нормально. Сообщите лишь то, что я не имею права делать, сбережете время.

Улыбнулся и Плевин.

— В Сент-Луисе, есть такой город в США, в штате Миссури, пожарный не имеет права спасать женщину, если она в ночной рубашке. Вам такое деяние разрешено.

Ираклий невольно засмеялся.

— Каких только законов не придумает пьяный и больной законодатель. Наверное, наши думцы мало чем отличаются от американских. Вы были в Штатах?

— Где я только не был, — спокойно ответил Плевин. — Даже в Австралии. Кстати, неправда, что страус при опасности прячет голову в песок. Эту легенду выдумал Плиний Старший еще две тысячи лет назад, с тех пор она и гуляет по свету. На самом деле страус просто наклоняет голову к земле, увидев врага, так как слишком длинная шея делает его чересчур заметным.

— Понятно. Не знал. Учту в работе.

Дальнейший разговор начальника «четверки» и нового сотрудника касался уже тем, непосредственно относящихся к вопросам службы. Побеседовав еще около часа, Ираклий проникся важностью задач, которые ему предстояло решать, и ушел от президента клуба «Дионис» в приподнятом настроении. Он наконец почувствовал свою необходимость и узнал, что есть люди, сильные, умные, неординарные, которым небезразлична судьба России и которым не наплевать на других людей.

Поскольку Федотов был новичком в Катарсисе, несмотря на свой опыт контрразведчика, на первый объект его вывели как бы с учебной целью. Объектом оказалось отделение СТОКК, окопавшееся в Нижнем Новгороде под крылышком местного филиала ФСБ. В задачу Ираклия входило выявление руководителей СТОКК, сбор информации о них, контакт с одним из относительно важных чиновников и попытка перевербовки.

Ираклий прекрасно знал спектр побуждений, движущих людьми, которые желают пробиться на вершины власти. Чтобы заставить таких людей выдавать нужную информацию, можно играть на их алчности, тщеславии, страхе за свою жизнь, сексуальной ориентации, авантюризме, национализме и тому подобных мотивах. Одним из самых действенных являлось также желание отомстить и неудовлетворенность объекта своим положением. В бытность свою полковником контрразведки Ираклий не раз сталкивался с подобными проявлениями поведения вербуемых помощников и научился ими пользоваться без угрызений совести. Цель была благородной — защита Отечества. Но и нынешние цели Катарсиса казались не менее значимыми и возвышенными, и навыки свои Федотов решил применять без ограничения. Однако прежде всего следовало сформировать команду, а уж потом начинать работать по известной схеме: анализ деятельности объекта, разработка досье на весь его персонал, анализ систем безопасности, наблюдение за транспортом, выявление системы связи и базовых служб. Прессинг по всему полю деятельности Службы контроля можно было начинать только после сбора пол-

ного пакета информации, а так как этим должна была заниматься служба воздействия Катарсиса, Ираклия конечный результат Д-трафика мог не волновать. Больше всего его беспокоили подходы к руководству СТОКК, не зависящему от внешнего политического и общественного давления. В отличие от чиновника, крупного бизнесмена или политика, крайне уязвимых с точки зрения сбора компромата, фигуранты СТОКК работали по приказу и всегда могли сослаться на вышестоящее начальство, а при нужде — уничтожить источник компромата. Поэтому команде Федотова предстояло найти такие способы влияния на структуру СТОКК, которые не позволили бы ей ответить адекватно.

После встречи с Плевиным (хороша маскировочка у руководителя «четверки» — президент элитного клуба! Попробуй докопайся до его настоящей деятельности, если он заставил работать на Катарсис даже криминальные деньги!) Ираклий созвонился сначала с Корнеевым, предлагая ему войти в свою команду, потом с Панкратом Воробьевым, но ни тот, ни другой не согласились переехать в Нижний Новгород и начать службу в контрразведке Катарсиса.

Это обстоятельство слегка остудило пыл Ираклия, но не остановило. Он съездил в Москву, встретился с бывшими сослуживцами, попросил их помощи, объясняя свое предложение желанием создать частное детективное агентство, и получил согласие двух уволенных из рядов Федеральной службы безопасности парней, еще не прибившихся ни к бизнесменам, ни к бандитам. Одного звали Павел Машков, его уволили из ВК ФСБ почти вслед за Федотовым в связи с событиями в Жуковке. Второй уволился в связи с ранением, звали его Дмитрием Ольховским. Оба клятвенно пообещали подъехать в Нижний в ближайшее время. А так как Ираклий не имел друзей в городе и не мог самолично разместить помощников, он обратился за помощью к Марии.

Они встретились на выставке авангардной живописи, организованной местным Фондом культуры в музее Шилова на площади Горького. Ираклий был так сосредоточен на своих проблемах, что забыл купить цветы и вспомнил об этом, лишь увидев Марию. Женщина была одета в бежевый костюм, с короткой юбкой, открывающей ноги выше колен, и сердце полковника дало сбой. Он безумно любил эту красивую, уверенную в себе, умную, неординарную женщину и готов был сделать все, чтобы она была рядом.

Выставка произвела на Федотова тягостное впечатление. Где-то он прочитал мнение искусствоведа, что все виды авангардного искусства раскрывают не глубины гармонично развитого здорового подсознания, а искалеченное образное мышление, выплеснувшееся на уровень восприятия его сознанием, и был с этим мнением солидарен. Мало того, он был уверен, что авангардисты, за редким исключением, выплескивают не только свое б е с с о з н а н и е, но и обыкновенную дурь. Когда Мария после обхода выставки спросила Ираклия, что он думает о художниках, его ответ прозвучал излишне резко и категорично, однако Мария поддержала его, и настроение Федотова снова приподнялось.

Пока рассматривали полотна, многие из которых были созданы из дурно пахнущих материалов, Ираклий рассказал спутнице о своих заботах, и Мария пообещала найти ему в команду людей, на которых он смог бы опереться.

— А пока, — сказала она, морща носик, — тебе придется стать хакером. На компьютере работать умеешь?

— Немного, — проговорил озадаченный перспективой Ираклий. — Почему я должен становиться хакером? Между прочим, у меня даже персоналки нет.

— Катарсис имеет собственный комплекс в Нижнем. Официально он называется «Игровой стадион».

— Не тот ли, что возле театра оперетты? Я думал, там стоят игровые автоматы для детей.

— Надо же было как-то замаскировать комплекс, вот и придумали игровой центр, где стоят два десятка слабеньких «четырехсотых» для компьютерных «стрелялок» и куча автоматов. А за стеной — наша база.

— Это же риск!

— Несомненно, однако, если хочешь что-либо спрятать, клади на самое видное место. Так поступили и мы. Но ты можешь не беспокоиться, центр имеет не только электронно-компьютерную защиту, но и экстрасенсорную. Волхвы раскрыли над ним поглощающий ментальный «зонтик», не позволяющий конунгам зондировать этот район. Для того чтобы этот «зонтик» пробить, потребуется усилие всего черного эгрегора, а наши сторожевые системы это сразу зафиксируют.

— Понятно, — пробормотал Ираклий, не представлявший всех масштабов структуры, в которой ему предстояло работать. — Как мне туда попасть?

— На первый раз я тебя проведу, потом получишь музыкальную метку и опознавательный личностный сертификат.

— Что еще за метка?

— В каждом человек звучит определенная музыка, отражающая его личные качества. Волхвы могут слышать эту му-

зыку без всяких аппаратов, мы же создали специальные технологии. Стоит человеку занервничать, его индивидуальная мелодия сразу изменится.

— Неужели мы и до этого дошли? А если я потеряю сертификат?

— Не потеряешь, — улыбнулась Мария. — Этот сертификат — ты сам. Защитная система будет сканировать твой тактильный рисунок, рисунок радужки глаза и запах. Проникнуть на территорию центра непросто.

— Если мы обладаем такими технологиями, то и СТОКК, наверное, тоже оснащена соответственно.

— В общем-то уровень техники не решает проблемы войны с Сатаной, главное — люди.

— Кадры решают все...

— Вот тут ты не ошибаешься, полковник.

Они пообедали в кафе «Волжский утес», подъехали к театру оперетты, и Мария провела Федотова на компьютерную базу Катарсиса. Если бы Ираклий не оказался внутри этого сверхсекретного объекта, он никогда бы его не нашел и не поверил, что в этом месте спрятан технический комплекс, не уступающий по мощности и современному оборудованию центрам такой организации, как ФАПСИ.

Впрочем, ничего особенного он и не увидел. Если защитные системы центра, о которых говорила Мария, и существовали на самом деле, Ираклий их не заметил. Двери открывались перед ним на вид самые обыкновенные (правда — автоматически), даже без смотровых «глазков», коридоры он проходил тоже стандартные, с голыми оштукатуренными стенами, никакой супераппаратуры, которую любят показывать ради рекламы режиссеры голливудских боевиков, нигде видно не было, даже турникетов не наблюдалось, не говоря уже о вооруженной охране.

Ираклия и Марию встретил в конце коридорчика молодой человек в халате и очках и проводил в комнату, где на рабочем столе располагался компьютер. Кроме стола, из мебели в комнате находились кушетка, стул и небольшой холодильник, на стене висела репродукция картины Константина Васильева, другие стены сверкали белизной известки. Окон помещение не имело. Зато компьютер стоял здесь самый современный, мощный, причем отечественный — «Тайга-М», таких Ираклий еще не встречал.

— Что это? — поинтересовался он, заметив на подставке под дисплеем кругляш, напоминающий шайбу, только потоньше.

— Торсионная защита, — сказала Мария, включая компьютер. — Предохраняет от печати Сатаны. Такие устройства изготавливают на Украине. Ведун дал тебе затравку?

— Какой ведун?

— Гаврила Рафкатович Плевин.

— Я не знал, что он ведун, — пробормотал Ираклий, доставая переданную Плевиным дискету. — Колдун, что ли?

— В каком-то смысле колдун. Ведунами у нас называются руководители служб Катарсиса. — Мария вставила дискету в приемную щель процессора. — Он должен был передать тебе сведения о нижегородском филиале СТОКК.

Дисплей компьютера засветился, на нем проступила красная надпись: «Служба тотального криминального контроля. Руководители региональных отделений». Надпись исчезла, на ее месте возник список фамилий.

— Работай, — сказала Мария. — Здесь досье на многих начальников СТОКК и Легиона.

— Откуда сведения? Здесь же не меньше полсотни фамилий!

— У нас есть и своя разведка. Если не найдешь в пакете нужных тебе лиц, поищи по сетям спецслужб. Понадобится помощь, попросишь Станяту, он поможет.

— Кто это? Тот, что нас встретил? Местный хакер? Вебмастер?

— Кроме того, он контролирует защиту базы.

— Охранник, что ли? Такой хлипкий, очкастенький... Его же щелчком убить можно.

Мария выпятила губы трубочкой и свистнула. Ираклий оглянулся. Дверь в комнату открылась, и в нее бесшумно скользнул крупный черно-серый, с подпалинами, зверь с горящим умным взглядом. Ираклий опасливо отодвинулся. В глазах Марии зажглись веселые огоньки.

— Спасибо, Станята. Помоги моему другу, если позовет.

Волк показал белые клыки, попятился к двери, не спуская глаз с Федотова, и вдруг начал изменяться, терять очертания, превращаться в человека. Через несколько мгновений на его месте стоял худенький юноша в очках, с гривой пегих волос, одетый в подобие шерстяного комбинезона. Кивнув, он исчез.

— Вопросы есть? — осведомилась Мария.

Ираклий прочистил горло.

— Он волхв?

— Обыкновенный волкодлак на службе.

— Обыкновенный! — фыркнул Ираклий. — Мне как-то

прежде не приходилось работать с оборотнями, хотя я и прожил на свете сорок лет. — Он подозрительно посмотрел на женщину. — Может быть, ты мне просто заморочила голову? И никаких волкодлаков тут нет?

Мария поцеловала его в щеку, пошла к двери, на пороге оглянулась.

— Завтра едем в Лысково, под Новгород, на девятый чемпионат мира «Слада». Я заеду за тобой в семь утра, будь готов.

— Что такое «Слада»?

— Если не знал раньше, узнаешь. Кстати, захвати спортивную форму.

Мария ушла. Ираклий в задумчивости потрогал щеку, потом встрепенулся и сел за компьютер.

Работать на «Тайге-М» оказалось несложно. Версия «Windows» была русифицирована и усовершенствована, что говорило о мастерстве разработчиков отечественных программ, и к концу дня Ираклий так «погулял» по сетям спецслужб, что с трудом переварил полученную информацию. Да и устал изрядно, несмотря на поддержку организма тоником, который обнаружился в холодильнике как раз для таких случаев. Он долго думал, как ему вызвать оборотня Станяту, — никаких связных устройств, интеркомов и телефонов в комнате не оказалось, — хотел было посвистеть, как Мария, но делать этого не пришлось, Станята словно почувствовал нетерпение клиента и сам заявился к Федотову, чтобы выключить компьютер.

— Могу я отпечатать полученный материал? — спросил его Ираклий, разглядывая паренька, способного обращаться в матерого волка.

— К сожалению, нет, — развел руками Станята. — Выносить отсюда ничего нельзя. Вам придется запоминать нужные сведения.

«Как же я могу запомнить сорок страниц текста?» — хотел возразить Ираклий, но встретил участливый, не по возрасту мудрый взгляд Станяты и не удержался от вопроса:

— Сколько вам лет, молодой человек?

Станята вежливо улыбнулся.

— Шестьдесят два.

Ираклий присвистнул, ошеломленный ответом. Он и сам выглядел молодо для своих сорока с лишним лет, но этот «отрок», дать которому с трудом можно было двадцать лет, его поразил. Хотя тут же вспомнился волхв Сергий, также выглядевший молодым.

— Сергию действительно всего восемнадцать лет, — серьезно проговорил Станята. — Но он помнит все свои инкарнации. В совокупности ему больше тысячи лет.

— Вы можете... читать мысли? — пробормотал Ираклий.

— Они у вас написаны на лице, — усмехнулся человек-оборотень.

Ираклий сделал равнодушную мину, попрощался и вышел, унося в душе взгляд «молодого старичка»: застенчиво-кроткий, всепонимающий, сочувственный, с насмешливой искрой. И вдруг поймал себя на мысли, что людей с т а к и м и возможностями победить нельзя! Их можно заставить отступить, разъединить, убить наконец, но не победить!

«Я с вами, мужики, — проговорил про себя Федотов, потрясенный открытием. — Что бы ни случилось, я с вами!»

Всемирное Сладистское Движение зародилось в октябре 1993 года. Именно в этом году в небольшом городке Лысково Нижегородской губернии были учреждены Всероссийский союз клубов русской борьбы «Слада» и Международная федерация русской борьбы. А затем каждый год к Сладистскому Движению присоединялись все новые российские и международные организации, лиги, союзы и объединения по русским видам спорта.

Окончательно оформилась Всемирная «Слада» в декабре 1997 года в Оренбурге во время проведения четвертого чемпионата мира по русской борьбе и второго чемпионата мира по русскому кулачному бою. Здесь состоялся первый Учредительный Конгресс ВСД, который утвердил Уложение — конституцию русского спорта и избрал высший законодательно-исполнительный орган Движения — Международный комитет «Всемирная Сладиада».

В программу первых Сладистских Игр вошли соревнования по шести исконно русским видам спорта: лапта, чиж, клек-гоняла, городки, борьба «слада» и кулачный бой. Главной целью Сладиад стало распространение и развитие во всех русских общинах за рубежом и в самой России принципов Сладизма, русской физической культуры, игр и единоборств. Но Ираклию, который впервые знакомился с Движением, пораженному размахом Игр, больше всего понравился девиз ВСД — «За Веру, Надежду, Любовь!». Удивило Федотова и то обстоятельство, что русские виды спорта, как оказалось, распространены в семнадцати странах мира, и намечалась тенденция к увеличению количества клубов.

Приехали гости в самый разгар соревнований, и Ираклий сразу обратил внимание на бело-зеленые повязки на головах участников соревнований.

— Они что — мусульмане? — спросил он с удивлением.

— Во-первых, ислам не соперник православной вере, — ответила Мария, — во-вторых, белый и зеленый цвета символизируют свет и жизнь. Год назад повязки были красные с зеленым, потом решили красный цвет поменять на белый.

— Почему?

— Так предложил главный организатор Сладиады, а исполком его рекомендацию принял без вопросов. Я думаю, что это связано с какими-то древними традициями. Если бы смена цвета пошла во вред Движению, Катарсис не допустил бы такого.

— При чем тут Катарсис?

— А ты думал, кто организовал подобные соревнования? Это и есть главная забота Катарсиса — формирование духовного русского поля, воспитание молодежи в духе традиций и уважения к предкам. Ты пока осматривайся, а я поищу кое-кого, потом найду тебя.

Мария ушла, а Ираклий с интересом обошел цепочку полян на берегу реки, где происходили состязания Сладиады, и с удовольствием посмотрел на соревнования по городкам и по чижу, а в первенстве по русским видам борьбы, вернее, в показательных выступлениях даже поучаствовал сам — с подачи Марии, естественно, — в качестве представителя другой школы. Ему пришлось продемонстрировать все свое мастерство, потому что против него выступал чемпион Сладиады по спасу, и, лишь с трудом победив парня — без ударной техники сделать это было непросто, — Ираклий понял, что русский стиль боя существует! И развивается. Что бы там ни говорили приверженцы восточных и прочих единоборств. Рождалась система, основанная на еще относительно слабо развитых течениях, таких, как буза, спас, суев, кулачный бой, не говоря о боливаке, имеющем тысячелетние корни, и эти течения в будущем должны были создать не просто школу русбоя, но поле, духовный русский фон, храм со своими ритуалами и атрибутами, являющимися теми национальными элементами, которые ничем иным заменить нельзя. А ведь существовала еще жи́ва, магическая система бытия, передаваемая волхвами из поколения в поколение, способная дать воину небывалую силу, а также лечить раны и болезни, не излечимые другими методами.

Помятый во время показательного боя с богатырем Сладиады — у Ираклия болело все, что только могло болеть, — он искупался в речке Сундвик и в сопровождении оживленной Марии отправился на встречу с будущими оперативниками своей команды, которых пообещала ему представить Мария.

К его удивлению, одним из этих оперативников оказался недавний соперник, чемпион Сладиады по спасу Глеб Квасура, изрядно намявший Ираклию бока. На борцовой поляне он был ураган и лютый зверь, в общении же оказался простым, обаятельным, застенчивым увальнем, не любившим длинных речей и умных рассуждений. Однако парень был хорошим актером, прошедшим неплохую жизненную школу, побывавшим в свое время даже в Югославии во время натовской агрессии. Что он там делал, Ираклий выяснять пока не стал, достаточно было знать, что Квасура — отличный боец и думающий человек, из которого можно было вылепить неплохого контрразведчика.

Второй кандидат в отряд Федотова по имени Владимир Бирюк был постарше, а скорее всего — ровесник самого Ираклия. Он прошел огни и воды, воевал в Чечне, а также в Ираке, что Федотова удивило, так как, по его сведениям, в Ираке не принимали участие в войне со Штатами даже российские советники, на что Бирюк ответил:

— Я обслуживал станцию электронной разведки, работающую на спутник.

— Чей? — не понял Ираклий.

— Наш, отечественный, — ухмыльнулся усатый и бородатый Владимир, отчего его угрюмоватое лицо с вислым носом стало озорным и лукавым. — Станцию американцы раздолбали на второй день войны, пришлось выходить оттуда через пустыню, отбиваясь и от американцев, и от иракезов.

— Разве станция работала не на иракцев?

— Не-а, иракезы тоже не знали, чем мы занимались.

— Так ты во внешней разведке служил? — догадался Ираклий.

— Подразделение РТР-С1 «Сова».

— Значит, тебя демобилизовали после Ирака?

— Американцы, считай, и демобилизовали, сбросив на объект аж три бомбы. Я один только и вернулся домой... где меня совсем не ждали. Пришлось побегать от своих же, свидетелем я стал, опасным для высших командиров. Так и бегал

по Расее, пока не разыграл спектакль с автокатастрофой. Имя сменил, фамилию.

— Понятно. Знаешь, во имя чего и против кого нам придется работать?

— Державу спасать будем, — снова ухмыльнулся Бирюк, на дне светло-серых прозрачных глаз которого пряталась страшная печаль.

— Сработаемся!

Ираклий отпустил обоих кандидатов, договорившись встретиться с ними в Новгороде, и отправился на поиски Марии, оставившей его на время переговоров одного. Обнаружил он ее на берегу реки, где начиналось народное гуляние, посвященное окончанию Сладиады.

Женщина беседовала с каким-то молодым человеком у одной из многочисленных чайных на открытом воздухе. Но познакомиться с ним Ираклий не успел. Как только он приблизился к беседующим, молодой человек тут же затерялся в толпе и исчез. Мария оглянулась, задумчивость в ее глазах уступила место обычному выражению иронического предостережения и уверенности.

— Чай пить будешь?

— Буду, — согласился Ираклий, ища глазами будто растворившегося в воздухе собеседника Марии. — Кто это с тобой разговаривал?

— Тебе привиделось, — повела плечиком женщина, заказывая чай и пряники.

— Кого-то он мне напомнил, — не обратил внимания на ее слова Федотов. — Уж не волхв ли Сергий это был?

Мария нахмурилась.

— Не слишком ли рано ты почувствовал себя контрразведчиком? Я считала, умные мужчины понимают значение фигуры умолчания.

Ираклий проглотил намек вместе с глотком чая, едва не обжегся. Буркнул:

— Я считал, что мне доверяют.

— Тебе доверяют! — Она сделала ударение на последнем слове. — Но это не значит, что ты должен знать все.

— Да, это все-таки был Сергий, — кивнул сам себе Ираклий. — Почему он не захотел со мной поговорить или хотя бы поздороваться?

Мария покачала головой, усмехнулась.

— Ты несносен, полковник. Это был не Сергий.

— Нет, он, — заупрямился Федотов. — И скрылся он — не

как обыкновенный человек. Кстати, твой оборотень Станята умеет читать мысли, — вспомнил он. — И я думаю, что он тоже не просто волкодлак-охранник.

— Что это меняет?

— Ничего. Я просто размышляю вслух. — Ираклий проводил взглядом стайку девушек в сарафанах и кокошниках; день клонился к вечеру, но солнце светило вовсю, как по заказу (наверное, так оно и было), и теплый ветерок нес запахи леса и лугов с берегов реки. — А волхвы тоже умеют читать мысли простых людей?

— Их не интересует содержание этого хлама, — неожиданно серьезно ответила Мария. — Они знают устройство мира и законы мышления и чувствуют их так тонко, что могут говорить с любым человеком в соответствии с тем уровнем сознания, в котором находится его мышление. На многих это производит впечатление телепатии. Что это тебя вдруг заинтересовали возможности волхвов?

— Завидую, — вздохнул Ираклий.

— Не юродствуй, — рассердилась Мария. — Думаешь, если победил Глеба, то уже и герой? Глебка не Витязь, ему еще идти и идти, а против посвященного Витязя ты не выстоял бы и минуты.

— Так уж и не выстоял бы, — пробормотал пристыженный и в глубине души обиженный Ираклий.

Мария заглянула ему в глаза, смягчилась.

— Ладно, полковник, это я от расстройства тебя остужаю. Проблемы у нас появились. Как тебе мои ребята?

— Подойдут, — кивнул Ираклий, почувствовав облегчение. — Бирюк вообще профессионал, бывший разведчик, знаток хитрой электроники, а Глеб... сыроват, конечно, но научится. А что у вас стряслось? Что за проблемы возникли?

— Потом расскажу. Возможно, через пару дней тебе придется ехать в Переславль-Залесский, на помощь Панкрату Воробьеву.

— А как же моя работа? Плевин дал задание...

— СТОКК подождет. Во всяком случае, здесь, в Нижнем. К сожалению, зашевелились конунги, усилили натиск на столицу. Наша задача усложняется.

Ираклий доел пряник, допил чай, не чувствуя его вкуса, и они направились к машине Федотова, стоявшей в лесу в двух километрах от места проведения Сладиады, среди трех десятков других никем не охраняемых машин.

ВОРОБЬЕВ

Готовился к своей новой работе Панкрат чрезвычайно тщательно и вдумчиво. Охранять предстояло не обычного человека, а Витязя, и ему не хотелось ударить лицом в грязь, показаться новичком или хотя бы дать повод клиенту быть недовольным. Он еще раз побывал в гостях у Погребко и провел с ним целый вечер, выспрашивая моменты, которые казались важными, и узнавая нюансы службы охраны, известные только специалистам.

Конечно, он знал, что во всех случаях похищения или нападения на охраняемых лиц первым стреляют в телохранителя, и был готов к такому сценарию, но при этом телохранитель должен был защищать не столько свою жизнь, сколько жизнь клиента, прикрывать его и эвакуировать, а не отстреливаться и отбиваться от преступников. Меры противодействия: физическое вмешательство, стрельба, гонки на автомобилях, боевые искусства и прочие приемы защиты без оружия, — следовало применять лишь в том случае, когда меры предотвращения инцидента потерпели неудачу.

— Сегодняшний профессиональный телохранитель, — учил Панкрата Михаил Васильевич, — главный акцент делает на предотвращение нападения, хотя обязан, конечно, готовиться и к отражению атаки. Вот как ты думаешь, майор, какими качествами должен обладать хороший спец личной охраны?

Панкрат подумал.

— Инициатива, коммуникабельность... здоровье, само собой, знание приемов боя и техники... терпение...

— Все правильно, только в первую очередь он должен быть умным и умеющим принимать взвешенные решения, хотя порой на принятие этого решения даются считанные секунды. Поскольку Валя никогда не пользовался услугами агентств, тебе придется заменить сразу три уровня охраны — от сбора информации и технической поддержки до предотвращения нападений в непосредственной близости от объекта. Справишься с планированием и предвидением опасности — не будет проблем и с физической защитой. Во всяком случае, использовать мозги тебе придется гораздо чаще, чем оружие или мускулы.

— Валентин не разрешает носить оружие, — мрачно сказал Панкрат.

— Тем более. Учитывай все мелочи, думай и анализируй, ты же бывший разведчик, должен знать все эти нюансы, и оружие тебе не понадобится. В каком стиле он хочет, чтобы ты его сопровождал?

— Что значит — в каком стиле? — не понял Панкрат.

— Существуют два стиля охраны — мягкий и жесткий. При мягком телохранитель сливается с окружением клиента и должен быть незаметен в качестве защитного средства. Жесткий стиль нужен в том случае, если клиент хочет устрашить потенциального киллера, создать вид слишком трудного объекта для захвата. Впрочем, — Погребко смерил Панкрата взглядом, — мужик ты хоть и видный, но на жесткий стиль не тянешь. Для такого варианта нужны, как минимум, трое бугаев с мускулистыми затылками. Правда, они-то как раз чаще всего и не способны защитить своего горячо любимого босса.

— На чужую одежу плохая надежа...

— Во-во, — кивнул Погребко, — в самую точку. А теперь запомни одну деталь. Самый незаметный киллер — это снайпер, поэтому перво-наперво ищи предполагаемое место его лежки. Есть еще тип киллера примерно такой же эффективности: тихий голос, приятная улыбка, обходительные манеры, невинные глаза — и нож в спину! Будь готов и к таким людям, причем в большей степени это относится к женщинам. Телохранители редко обращают на них внимание.

— Я буду, — пообещал Панкрат.

— Ну, тогда ни пуха, ангел-телохранитель!

Побеседовав таким образом с бывшим специалистом по охране президента, Панкрат приступил к своим обязанностям, превратившись, по сути, в секретаря Асламова, в помощника и собеседника или, как про таких говорилось, в доверенное лицо. Теперь везде они появлялись вместе, и даже на совещаниях в разных инстанциях Воробьев присутствовал как партнер директора рыбозавода, хотя старался вести себя при этом как можно тише и незаметней.

Беседовали же они во время поездок по Переславлю и за его пределы на самые разные темы. Асламов как бы проверял кругозор Воробьева, и тот проникся искренним уважением к своему начальнику и ровеснику, знающему многое из того, с чем никогда не сталкивался сам Панкрат. Однажды Валентин спросил, к этому времени они перешли на «ты»:

— Не хочешь слетать в космос? Как у тебя со здоровьем? Вестибулярка нормально работает?

Панкрат с сомнением посмотрел на серьезное лицо директора.

— На здоровье не жалуюсь. Ты к чему клонишь?

Асламов рассмеялся.

— Просто хочу сделать хорошую рекламу для продукции завода. Представляешь — ты из космоса на весь мир хвалишь наши консервы.

— Не представляю, — насупился Панкрат. — Я не всегда понимаю шутки.

— Это не шутка. Ты разве телевизор не смотришь? Вчера американцы запустили «Шаттл» в соответствии с программой космического туризма «Шаги в космосе». Шесть пассажиров и экипаж. Подъем на сто километров над Землей, три минуты в невесомости, виток вокруг Земли и возвращение. Стоимость полета всего пятнадцать тысяч долларов.

— У меня таких денег нет, — хмыкнул Панкрат.

Асламов снова засмеялся.

— Я тебе дам. А если серьезно, то наши тоже готовят запуски по турпрограмме, только посерьезней. Хотелось бы полетать над Землей. А тебе?

Панкрат промолчал.

Следующая их беседа коснулась другой неожиданной темы — электромагнитного терроризма. Асламова почему-то заинтересовали системы электронного воздействия на охранную сигнализацию объектов, а также устройства, блокирующие радиосвязь и поражающие компьютерные системы. Панкрат сам не раз в бытность разведчиком применял подобные устройства: «джеммер», расстраивающий милицейскую радиосвязь, «пайкер», выводящий из строя охранную сигнализацию, «пульсар» — генератор мощных электромагнитных импульсов, блокирующий работу компьютеров, но не знал, что появились генераторы нового поколения, способные десинхронизировать любые технические системы охраны.

— Зачем это тебе? — спросил Панкрат, когда они ехали на очередную встречу с чиновниками городской администрации. — Ты что, собираешься брать банк?

— Не банк, — спокойно ответил Асламов. — В Переславле окопалась база Легиона с весьма серьезным арсеналом. Эту базу необходимо уничтожить. Я наблюдаю за ней уже больше года, но лишь недавно подошел к практической реализации плана.

— Снова Российский Легион...

Асламов посмотрел на хмурое лицо Панкрата.

— Я знаю, твоя семья натерпелась от этой сволочной конторы, поэтому и не предлагаю участвовать в операции.

Панкрат помолчал.

— Честно говоря, очень не хотелось бы снова связываться с ликвидаторами Легиона... но, с другой стороны, я понимаю, что кто-то должен остановить расползание этой гнили.

— Если бы ты знал, какая это гниль на самом деле. Знаешь, какими правами обладает контрактник-легионер? Мало того, что он получает зарплату на порядок выше, чем любой отечественный академик, но еще и освобождается от всех форм судебного преследования! Понимаешь, к чему это может привести?

— Понимаю. Они выполнят любой приказ, даже если надо будет стрелять в безоружных людей. А мы ходим без оружия...

— Наше оружие — мы сами, — улыбнулся Асламов. — Давно пора изменить структуру отношений противоборствующих группировок, исключив всякое физическое насилие.

— По-моему, это невозможно в принципе.

— Не на нынешнем этапе эволюции, но возможно. Это время подходит. Слугами Сатаны готовится так называемая Великая Пси-Пирамидальная Революция, а по сути — поголовное зомбирование человечества, и мы должны им противопоставить не кулаки, клыки, ножи и пистолеты, а защитное духовное поле, отклоняющее любое насилие и зло. Только тогда прекратится вечный бой и Россия встанет с колен.

Панкрат скептически взглянул на затвердевшее лицо Витязя, и шутить ему расхотелось. Асламов в е р и л в то, что говорил, и эта вера покоилась на мощном фундаменте душевной силы и знаний.

— Уже известно, где располагается база Легиона?

— На территории храма Черного Лотоса.

— Не того ли, что стоит в Дендрологическом парке недалеко от Федоровского монастыря?

— Того самого. Ты там был?

— Проезжал мимо. Неплохую крепость отгрохали себе монахи. Не хуже Шаолиня. Но если это база, то и охраняться она должна соответственно.

— Поэтому я тебя и экзаменовал на знание спецтехники, которая нам понадобится. Храм защищен новейшими системами электромагнитного, звукового и видеоконтроля, токовыми биссектрисами, массдатчиками и ловушками, разработанными за рубежом. Пробраться в храм незамеченным не сможет даже комар.

— Как же ты собираешься это сделать? Прямая атака ведь исключается?

— Вся эта иноземная супертехника имеет один существенный изъян: она легко выводится из строя при ядерном взрыве.

Панкрат хмыкнул.

— Шутишь? Вы собираетесь в Переславле взрывать атомную бомбу?

— Конечно, нет, — развеселился Асламов. — Попытаемся его сымитировать. То есть создать генератор электромагнитных импульсов, близких по параметрам тем, что образуются при взрыве. Если же не удастся...

— Тогда что?

— Найдем подходящего человека и сделаем живой генератор.

Воробьев недоверчиво глянул на директора, но тот был деловит и серьезен и шутить не собирался.

— Туда Витя Телегин ушел, — вспомнил Панкрат. — Монахи пригласили его инструктором по выживанию.

— Я знаю.

— Он случайно не наш разведчик?

— Нет, но надеюсь, что Телегин нам поможет.

Машина остановилась у здания городской Думы. Панкрат собрался вылезать, но Асламов остановил его.

— Пока я буду решать проблемы с городским головой, тебе надо выполнить одно ответственное задание. Знаешь магазин видеотехники на Советской?

— Мы с женой покупали там телевизор.

— Он принадлежит одному видному коммерсанту, Гарику Гусинскому, передашь ему письмо. — Асламов достал конверт, на котором был вытиснен странный рисунок: перечеркнутый крестом кинжал.

Панкрат пощупал плотную бумагу конверта.

— Что в нем? Надеюсь, не бомба?

— Предупреждение. На мужика собирается наехать местная бандитская группировка, надо помочь.

Хлопнула дверь. Панкрат остался сидеть в кабине с водителем, глядя то на конверт, то на удалявшегося директора завода, одновременно по выработавшейся привычке фиксируя положение пешеходов на площади, потом очнулся и тронул водителя за плечо.

— Поехали, Саша.

Было совершенно непонятно, зачем Валентину понадобилось предупреждать коммерсанта о предполагаемом нападении, но, с другой стороны, — Панкрат вдруг понял, что ему доверили играть в те же игры, что вела и неведомая ему служба Катарсиса, и осознание факта наполнило душу бывшего майора интересом, а жизнь — смыслом.

Поручение Асламова он выполнил быстро, хотя и не без приключений.

Владелец магазина аудио- и видеотехники имел приличную охрану, попытавшуюся проявить инициативу и не пустить визитера дальше приемной, но Панкрат повел себя мирно, и в конце концов молодой начальник охраны, обыскав Воробьева и не найдя оружия, вынужден был пропустить его к шефу.

Гарик Гусинский оказался жирным боровом, едва умещавшимся в кресле за столом. Глазки у него заплыли, щеки отвисли, тройной подбородок загораживал узел галстука, и Панкрату он показался малосимпатичным. Передав хозяину кабинета конверт, Воробьев откланялся без лишних слов, а на выходе из магазина его перехватили секьюрити Гусинского, загородив дорогу.

— Шеф приказывает тебе подняться к нему, — сказал хорошо сложенный длинноволосый начальник охраны, у которого слегка оттопыривался пиджак на груди.

— Приказывать мне может только мой непосредственный начальник, — учтиво проговорил Панкрат. — Я всего лишь курьер, передал то, что велели.

— Идем, он с тобой поговорить желает. — Длинноволосый положил руку на плечо Воробьева.

— Он-то, может быть, и желает, да я не хочу. — Панкрат сбросил руку и двинулся к двери, но командир секьюрити снова схватил его за плечо, а двое его подчиненных, плотно сбитые, с пустыми лицами любителей тусовок, вознамерились заломить руки гостю, и тогда Панкрат продемонстрировал технику барса в ограниченном пространстве (в магазине наличествовал небольшой холл два метра на два между входной дверью, стеной, стойкой с аппаратурой и прилавком), стараясь ничего не разбить.

Длинноволосый начальник охраны получил удары локтем в живот и ребром ладони по затылку, укладываясь на пол лицом вниз. Пистолет свой он вытащить не успел.

Охранник слева заработал ослепляющий тычок основанием ладони в нос (любимый прием Панкрата), и, пока он хватался за лицо, отшатываясь, Панкрат нокаутировал второго здоровяка. Удар назывался «ножницы» и наносился по шее с двух сторон одновременно ребрами ладоней со стороны большого пальца. В зависимости от дозировки скорости и силы удар мог стать смертельным, однако Панкрат прекрасно владел барсом и травмировать, а тем более убивать никого не хотел. Шагнув к первому амбалу, у которого из глаз ручьем

текли слезы, он ткнул пальцем ему в солнечное сплетение и оставил, согнувшегося, у двери.

Больше его остановить не пытались. Лишь расположившаяся прямо на газоне напротив магазина группа молодых людей на мотоциклах, наряженных в стиле «кибер-панк»: выбритые головы с пучками крашеных волос, татуировки, проколотые носы, губы, языки, брови, масса колец на пальцах и на запястьях рук, рваные джинсы и майки, — проводила его глазами до машины.

Докладывая об этом инциденте Асламову, Панкрат ждал разноса или упреков в превышении полномочий, но, к его удивлению, директор только посмеялся над происшедшим и успокаивающе похлопал своего телохранителя по плечу.

— Правильно сделал, что взбрыкнул. Гарик нехороший человек, он связан с Братством Черного Лотоса и теперь слегка запаникует, побежит к своим покровителям, а мы за ним последим.

— Мы?

Асламов растянул губы в хитроватой улыбке.

— В Переславле работает «тройка», служба разведки Катарсиса. Видел у магазина байкеров в прикидах «кибер-панк»?

— Забавное зрелище, но вели они себя тихо.

— Вот они и последят за Гариком.

Панкрат недоверчиво сощурился.

— Они же совсем пацаны... и девочки. Неужели ваш Катарсис не боится опираться на таких неопытных юнцов?

— Кто сказал, что они неопытные? А во-вторых, кто им сообщил, что они работают на Катарсис?

Панкрат озадаченно оттянул губу.

— Ты хочешь сказать, что они не знают, на кого работают? Кому поставляют сведения?

— «Тройка» работает эшелонированно, с тройным дублированием и подстраховкой, и ошибок не делает. Возможно, в будущем тебе придется ее возглавить.

Воробьев смешался, не зная, что ответить на заявление Асламова, но разговор прекратился, а сам продолжать его после работы Панкрат не решился. Не в манере директора было предвосхищать события и заранее настраивать подчиненного на смену амплуа. Он и так проговорился, сообщая Воробьеву о секретах разведслужбы Катарсиса, хотя вполне могло быть, что сделал это намеренно.

Ожидая его у проходной, Панкрат вдруг заметил плохо одетого пожилого человека, с виду бомжа, бесцельно бредущего по площади у завода. Панкрат не сразу понял, чем заинтересовал его этот человек, однако насторожился.

Бомж пересек скверик, потоптался у стоянки машин, бросая взгляды на проходную, потом вернулся в скверик и присел на скамейку лицом к проходной. Но при этом он — по всем признакам вылитый бомж! — смахнул ладонью со скамейки крошки и пыль.

Из проходной вышел Асламов в сопровождении секретарши, и бомж-чистюля уткнул подбородок в отвороты грязного плаща, словно стараясь стать незаметней.

Асламов попрощался с секретаршей, которую ждал в машине муж, сел в свой джип, где уже устроился Панкрат.

— Похоже, нами интересуются, — негромко сказал Воробьев.

— Где? — сразу отреагировал Асламов, не выказывая удивления.

— Старик-бомж в скверике.

Валентин сделал вид, что копается в бардачке машины, затем достал мобильный телефон.

— Шурик, поищи «хвосты».

Выключил телефон, посмотрел на Панкрата.

— Похоже, нас действительно вычислили, дружище. А это не есть хорошо. Придется переходить на запасные варианты противодействия, с расчетом Д-трафиков. Легион не спит.

— Что такое Д-трафик?

— Потом расскажу. Поехали.

— Куда?

— В сауну на Трубежной. Не хочешь попариться, помыться, пивка попить?

— Так ведь если это «хвост»...

— Пусть себе цепляется, в нужный момент Шурик отцепит. Ну, так как тебе мое предложение?

Воробьев помолчал, размышляя, кто такой Шурик, и согласился.

КОВАЛИ — ЖУКОВКА

КРУТОВ

Георгий приехал неожиданно, спустя два дня после их первой встречи. Казалось, все было обговорено в прошлый раз, намечены планы, выяснены цели и очерчены границы сферы ответственности, отведенной Крутову Замыслом Предиктора, поэтому Егор Витязя так рано в гости не ждал.

Заявился Георгий в Ковали в шесть утра, когда Крутов проделывал в саду разминочный комплекс живы, возникнув из тумана, лежащего на огородах, как невесомый и бесплотный призрак. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом гость махнул рукой, приглашая за собой, канул в туман, и Крутов вынужден был припустить за ним, чувствуя, в какую сторону он подался.

Бежали минут десять, не сказав друг другу ни одного слова, пока не прибыли на ту самую полянку в окружении берез на берегу речки Березны, где встречались в первый раз. Только теперь Георгий оглянулся и заговорил:

— Это ведьмина поляна, народ здесь не ходит, а Мария вдобавок сотворила оберегный круг. Можем говорить смело, никто не услышит.

— Разве Мария бывала в Ковалях?

— Она тебе об этом не говорила?

— Нет.

— Ну и ладно. Давай о деле, времени у меня, как всегда, мало. Изучил досье на Данильянца?

— Давно.

Дискету с информацией о Льве Арменовиче Данильянце, директоре Брянского завода точной механики (БЗТМ), Крутов распечатал и прочитал с помощью компьютера в школе, попросив завуча об услуге, и помнил материал досконально.

Лев Данильянц до 1995 года был бизнесме́ном средней руки. Торговал водкой, ширпотребом, сигаретами, бензином, потом пошел в гору и приобрел первое предприятие — Брянский Вторчермет. В девяносто седьмом, после банкротства метизного завода, он завладел и его пакетом акций, а в девяносто девятом стал хозяином БЗТМ, также объявленного банкротом.

Брянский завод точной механики изготовлял лекальные станки с ЧПУ, универсальные мини-тракторы для дачных участков, ветровые электростанции и — в прошлом — компактные машины для фронтовой разведки серии «Уж». Заказы от Министерства обороны на изготовление «Ужей» перестали поступать еще в девяносто восьмом году, и новый хозяин перепрофилировал производство в изготовление сенокосилок для пойменных лугов, коих на Брянщине хватало.

Завод заработал в полную силу, люди вздохнули с облегчением, увидев в Данильянце «радетеля» за народное добро. Однако Лев Арменович оказался таковым лишь для преданных ему СМИ. Мало кто знал о его криминальном прошлом, и уж совсем единицы — о криминальном настоящем.

В досье (отлично сработала разведка!) была отмечена каждая противозаконная операция Данильянца, но при этом даже Егор не мог не отметить изобретательности, находчивости, изворотливости одного из отцов брянской мафии, с какими Лев Арменович проворачивал свои дела.

В декабре девяносто девятого коллектив БЗТМ остро нуждался в средствах и с подачи нового директора, которым к тому времени стала жена Данильянца Нонна Мочалина, решил продать имевшуюся на балансе завода турбазу «Десна». Сделка состоялась с выгодой для завода, но еще с большей выгодой для его хозяина. Данильянц заработал на этом полмиллиона долларов и тут же купил у районной администрации в личное пользование другую турбазу — «Дебрянский партизан», переименовав ее в «Серебряный бор».

Затем чете Данильянца — Мочалиной приглянулись парикмахерская в центре Брянска, на проспекте Ленина, которую они купили за смешную цену в пять тысяч «зеленых» (отбив при этом атаки чеченской мафии) у муниципального комитета, жилой дом на улице Жуковского, предназначенный под снос и принесший впоследствии доход в полтора миллиона долларов, магазин «Силуэт», футбольное общество «Машиностроитель» и городское Бюро технической инвентаризации. Последнее — в обход Федерального закона. Недвижимость разворовывалась не без помощи Данильянца, и архивы БТИ понадобились ему для того, чтобы успешно прятать концы в воду.

В досье упоминались еще десятки начинаний Льва Арменовича, и все они сводились к одному: сила Данильянца крепла день ото дня, от него зависела городская администрация, мэр, хозяйственные службы и даже УВД Брянска, подпитывающееся его деньгами.

— Ну, и как он тебе? — прервал воспоминания Крутова Георгий.

— Умный мужик, — признался Егор. — Далеко пойдет, если не остановить. Кто он по национальности?

— Наполовину армянин, на четверть белорус, на четверть еврей. Возможно, есть и другая кровь. А что?

— Ничего, просто поинтересовался. В досье об этом ни слова. Что я должен с ним сделать?

— Пустяк, — улыбнулся Георгий. — Твоя задача через Жорку Мокшина познакомиться с ним и предложить интересное дело.

— Что имеется в виду?

— Так как перевоспитать скучающих лидеров мафий не-

возможно, надо попытаться предложить им более высокие игры, чтобы они бросили вызов силам, стремящимся дестабилизировать жизнь в стране, сделать ее протекторатом мировых олигархов.

— Это возможно?

— Уже есть прецеденты. Ты не первый соблазнитель «фаустов». Трафик для этого разработан. Мокшины к тебе приходили?

Крутов кивнул.

Сначала к нему прискакал пострадавший Борис Мокшин, выдержавший два дня «искусственной импотенции». Егор как раз вернулся из Жуковки, умылся и собирался совершить с Лизой ежевечерний моцион вдоль пруда.

Борис, естественно, прибыл не один, а с целой бандой «ореликов», среди которых были и обиженные Крутовым «экспроприаторы». Они начали было хамить, сломали скамейку у палисадника, где любили сидеть окрестные старухи, но Егор быстро их утихомирил, даже не переходя в трансовое боевое состояние. Бойцов, знающих приемы рукопашного боя, в окружении младшего Мокшина было мало. Когда трое самых рьяных бузотеров улеглись на землю, а остальные схватились за оружие (дубинки, кастеты, ножи), Борис наконец понял, что акт устрашения обидчика не получился, и остановил возбудившихся парней.

— Это правильно, — хладнокровно сказал Крутов. — В гости надо ходить вежливо, с достоинством, а то ведь так можно до скончания века больным остаться. Вот теперь твоим буянам придется скамейку чинить.

— Я сам починю, — проворчал вышедший из сеней с ружьем в руке Осип. — Пусть убираются восвояси, вояки навозные.

Парни переглянулись, опасливо отступили. Мокшин махнул рукой:

— Ждите дома, я скоро приду. Поговорим? — посмотрел он на Егора.

— Отчего не поговорить. — Крутов перехватил взгляд Елизаветы, ждущей его в саду, успокаивающе кивнул. — Я сейчас, любимая.

Он завел Бориса в сени, но в горницу не позвал.

— Слушаю.

— Что ты сделал, гад?! — выпалил Мокшин, с трудом сдерживаясь. — Жизни никакой нет, жена смеется, грозится уйти... ты что сотворил?

— Ничего особенного, — пожал плечами Крутов. — Порча называется. Я предупреждал, ты не понял, теперь наказан за это. Все правильно.

— Да я... да ты! — Борис захлебнулся слюной и с минуту бурно дышал, пока не успокоился под насмешливым взглядом хозяина. — Если ты не снимешь свою хренову порчу, мы тебя...

— Э-э, нет, мил человек, — покачал головой Егор. — Так у нас разговора не получится. Придется тебе еще подождать с лечением, пока не образумишься. А начнешь силу демонстрировать, я и твоих бандитов этой силы лишу. Ступай пока.

Борис скрипнул зубами, с усилием перевел дух.

— Я... — он откашлялся, — постараюсь... твои условия?

— Мои условия тебе известны. Ты сворачиваешь свою лавочку, прекращаешь заниматься в районе рэкетирством, и сила твоя мужеская вернется.

— Нет уж, сначала ты колдуй...

— Никаких «сначала»! — жестко сказал Егор, открывая дверь на улицу. — Выходи.

Борис сник.

— Черт бы тебя побрал! Хорошо, мужиков я больше не трону.

— От тебя уже мало что зависит, — усмехнулся Крутов. — Я-то сниму наговор, да как только ты удумаешь выкинуть коленце, злое дело сотворить, так порча и вернется.

Мокшин вспотел, хотел выругаться, но встретил засветившийся взгляд Крутова, отшатнулся и молча направился к калитке. Оглянулся, пряча глаза:

— Сколько мне ждать?

— Я уже все снял, — сказал Егор. — Помни обещание.

— Что ты с ним сделал? — подошла к нему Лиза, в глазах которой появился интерес к происходящему.

— Испытал на нем один из приемов жи́вы. Кстати, баба Евдокия и тебя этому учила.

— Чему?

— Бесконтактному воздействию. Берегини ведь могут даже сердце человеку остановить на расстоянии.

— А ты можешь?

— Не пробовал, — улыбнулся Крутов. — Но думаю, что смогу.

— Ты изменился...

Егор с изумлением посмотрел на жену, заговорившую с

ним как в прежние времена, но вспышка активности у нее прошла, и Лиза п о г а с л а, потеряла интерес к разговору. Тихая музыка внутри ее, которую научился слышать Крутов, смолкла. Гулять вокруг пруда она отказалась.

Георгий Мокшин приехал к Егору на следующий день, но не в Ковали, а в Жуковку, в школу, когда Егор закончил занятия. Бывший муж Елизаветы тоже попытался качать права, окруженный четверкой телохранителей, но результата не добился. Крутов еще не остыл после тренировки и в течение секунды обезоружил двух битюгов Мокшина, мощных, но неповоротливых, как асфальтовые катки. После этого напор гостя ослабел и ситуация перешла в спокойный эндшпиль, в котором преимущество было на стороне Крутова.

— Что ты сделал с братом? — спросил Георгий, когда телохранители покинули спортзал.

— Подлечил психику немного, — сказал Крутов, — а то он нервным очень стал. Могу и тебя подлечить... если потребуется.

Георгий, загорелый, в белом костюме, красивый, уверенный в себе, нахмурился.

— Не много на себя берешь, полковник? Времена меняются...

— Ты же меня знаешь, господин бывший мэр, я никогда ничего не делаю наполовину и всегда готов ответить соответственно угрозе. Хочешь удостовериться?

Егор напрягся и «надел» на голову Мокшина «глухую ночь» — сферу тишины, как учил его дед Спиридон. Георгий с недоумением потряс головой, поковырял в ухе, побледнел, в расширенных глазах его проявился испуг.

— Брось свои штучки, полковник!

Егор снял «ночь», спокойно наблюдая за разволновавшимся собеседником.

— Ты... дьявол!

— Вовсе нет, — возразил Крутов. — Просто научился защищаться от таких, как ты. Чего зря кулаками махать? Вы все равно продолжаете лезть на рожон, как вас ни колоти. Зачем пожаловал? Если хочешь показать, какой ты крутой, то на этом наш разговор закончен.

Мокшин вытер платком потный лоб, заставил себя собраться.

— Моему начальнику нужен человек...

— А ты на что?

— Я его главный архитектор и строитель. Ему нужен агент

для особых поручений. Получать будешь в десять раз больше, чем в школе.

— Откуда он узнал обо мне?

— Я порекомендовал.

— Ты? — Крутов засмеялся. — Велики чудеса твои, Господи! С чего это вдруг меня стал рекомендовать человек, пытавшийся не так давно убить?

Мокшин отвел глаза.

— О тебе слухи дошли... я сказал, что тебя знаю и могу поговорить.

— Это другое дело. Передай своему начальнику, что я подумаю. Телефон его помнишь?

Мокшин с облегчением вздохнул, продиктовал номер, заискивающе посмотрел на Егора.

— Ты в самом деле... колдун?

— Самый что ни на есть, — серьезно подтвердил Крутов. — Брату полегчало?

— Будто бы отпустило, — ухмыльнулся Мокшин. — Ты каждого-всякого так можешь... испортить?

— С добрыми я добрый, с иными...

— Я понял, — торопливо кивнул Мокшин и поспешил из полутемного зала.

Егор задумчиво смотрел ему вслед, ощущая тревогу и сомнения. Несмотря на свой уверенный вид, он чувствовал себя так, будто его обманули. Жорж Мокшин был на себя не похож, и, возможно, он просто играл заказанную ему роль...

— Понятно, — сказал Георгий, следя за мимикой Крутова, — он действительно хорошо сыграл свою роль, хотя задания это не отменяет. Господин Данильянц пока не связан с Легионом, и нам позарез необходима эта фигура. Тебе придется отправиться к нему и убедить перейти на нашу сторону, хотя это и опасно.

— Ты думаешь, Мокшин действовал не от его имени, а от имени легионеров?

— Не исключено, у него наверняка сохранились старые связи, тем более что храмы Братства Черного Лотоса строят его подрядчики.

— Случайная инициатива исключается?

— Ничего случайного в нашем мире не бывает. Предпосылки случая создаются законами или их комбинациями, многих из которых мы не знаем.

— Это я уже слышал. Если бы существовал компьютер,

способный учесть девяносто девять процентов всех процессов и взаимодействий, то можно было бы вычислить и создать любой «случайный» инцидент.

— Таких компьютеров пока нет, но есть люди, почти не уступающие им в интеграции информационных потоков, да к тому же еще и ясновидящие.

— Ты с ними встречался? — скептически поджал губы Крутов.

— Конечно, — остался спокойным Георгий. — Их мало, но они существуют. В Катарсисе из таких организован целый отдел — «пятерка», базируется в Сергиевом Посаде.

— Д-трафик по Данильянцу тоже они разрабатывали?

— Трафики разрабатывает «шестерка», ее база в Угличе.

— Золотое кольцо...

— Что?

— Я имею в виду, что города с базами Катарсиса укладываются в «золотое кольцо» древних русских городов: Сергиев Посад, Углич, Переславль-Залесский, Ростов Великий...

Георгий внимательно посмотрел на Крутова. Несмотря на прохладное утро — в начале седьмого температура воздуха в лесу едва достигала четырех градусов по Цельсию, — Егор не мерз, что говорило о владении им температурной регуляцией тела.

— Ты прав, Катарсис действительно опирается на «золотое кольцо», которое есть еще и «кольцо силы», «кольцо духовности Рода». Это кольцо пока небольшое, но когда-нибудь охватит всю Россию.

Крутов промолчал, понимая, что в задачу Витязя входит не только выполнение собственного Замысла, но и воспитание соратника, отчего он иногда вынужден изъясняться «высоким штилем».

— Как рассчитывается трафик?

— Формируется вектор целей воздействия, затем целевая функция и управляющая воздействием структура. В данном конкретном случае эта структура — мы с тобой.

— Ты же говорил, что я могу действовать самостоятельно?

— На первом этапе я твой инструктор и подстраховщик. Выведу тебя на траекторию воздействия и брошу, дальше пойдешь сам. Обычно этим занимается «сновидение».

— Группа наведения?

— Правильно понимаешь. «Сновидение» — система наведения объекта воздействия. Только не забывай рассчитывать запасные варианты отхода при срыве операции.

— Этому меня научили, зануда.

— Некоторое время тебе придется терпеть мое занудство.

— Ты пришел сообщить время начала операции?

— Не только. Но у Данильянца ты должен появиться не позднее пятницы.

— Я все-таки не совсем понимаю, зачем нам связываться с мафиози...

— Предиктор разработал концепцию воздействия на лидеров всех властных структур, в том числе — криминальных. Без этого мы не справимся с силами Сатаны. Кстати, Проект Пси-Пирамидальной Революции также включает этот пункт. Слуги Сатаны хорошо понимают, кого надо зомбировать в первую очередь. Ты должен перевербовать Данильянца раньше, чем это сделает группа влияния Проекта.

— Легион?

— Братство Черного Лотоса.

— В Жуковке построен храм...

— К сожалению, храмы Лотоса растут как грибы, с этим надо будет что-то делать. Да, чуть не забыл: когда пойдешь к Данильянцу, не забудь взять оберег, что тебе передала Мария.

Крутов нахмурился.

— Зачем?

Георгий лукаво усмехнулся.

— Этот оберег называется «Вера, Надежда, Любовь», он очень древний и аккумулирует энергию богини Рады...

— Мария дала мне его для Лизы.

— Он помогает всем, кто близок к дарителю амулета. Возьми, не пожалеешь. Кстати, на звезды смотреть не забываешь?

Крутов смутился, но не подал виду. Проговорил сухо:

— Это имеет значение?

— Не ершись, — невозмутимо сказал Георгий. — Я не горю желанием вразумить новичка или стать твоим учителем, но волхвы поручили мне присматривать за тобой и дать несколько уроков, я только выполняю их волю.

— Извини... однако при чем тут звезды?

— При том, что мы энергетически, информационно, а главное — духовно зависим от них.

— Каким образом — духовно? Разве звезды имеют души?

Георгий улыбнулся.

— Дотошный ты мужик, Егор Лукич. Дело в том, что звезды — суть творения Создателя, призванные поддерживать жизнь, а наши тела, между прочим, состоят из пепла давно угасших звезд, как сказал классик. Мы и звезды — кровные родственники.

— Я об этом не задумывался, — признался Егор.

— Задумайся и почаще беседуй с ними. А теперь давай поразминаемся. Я специально пришел пораньше, чтобы кое-чему тебя научить. Меня этому учил Спиридон.

Георгий сбросил костюм и остался в одних холщовых штанах.

— Ты... серьезно? — с недоверием спросил Крутов.

— Ты против?

— Нет, но... жи́ва ведь не просто комплекс упражнений...

— Вот тут ты прав. Жи́ва — это боевая магическая система наших предков, основанная на топологическом преобразовании пространства движений и создании сферы адекватного ответа. Арсенал ее приемов столь велик и разнообразен, что их можно изучать всю жизнь. Собственно, жи́ва и есть жизнь!

— Дед Спиридон мне это уже говорил.

— Вряд ли он успел рассказать и показать все. К примеру, что он тебе говорил о шести уровнях жи́вы?

Крутов озадаченно почесал затылок.

— Что имеется в виду?

— Адепты жи́вы обучают не приемам боя, а способам вхождения в процесс жи́вы. Этих уровней шесть.

— Кажется, я понял. Для реализации системы нужно уметь входить в измененное состояние сознания...

— Это первый уровень. Второй — вызов предчувствия опасности, по-японски — сакки.

— «Ветер смерти».

— Третий уровень — замедление времени...

— Темп.

Георгий с иронией покачал головой.

— Полковник, я тебя не узнаю. Раньше ты был терпеливей. Может быть, возникла проблема, о которой я ничего не знаю?

Крутов сжал зубы, переживая приступ раздражения. Георгий был прав: вел он себя не лучшим образом, демонстрируя какое-то мальчишеское желание доказать, что и он не лыком шит.

— Извини, — буркнул Егор. — Психую немного... похоже, мои отношения с женой приближаются к финалу.

— Сегодня к вам приедет баба Евдокия.

— Да? — с удивлением поднял голову Крутов.

— Качалины — ее дальние родственники, да и по окрестным деревням родственников хватает. Евдокия договорилась с ними провести Елизавету через круг очищения кресением. Это восстановит ее духовные силы. Дальнейшее будет зависеть только от тебя. Но продолжим. Четвертый уровень жи́вы — вхождение в состояние пустоты, то есть отсутствия сознательной реакции на внешнее воздействие. Правда, волхвы умудряются при этом реагировать на мир сознательно. Пятый уровень — переход в состояние веры. Ну и, наконец, формирование пространства адекватного ответа или, как говорили древние русичи, «устроение повелевания», что позволяет раскрывать канал связи с космосом.

Крутов хотел сказать, что все эти уровни ему известны, что он владеет почти всеми, но сдержался.

— Сегодня я хотел бы коснуться понятия веры, — продолжал Георгий. — Но для наглядности лучше показать, чем рассказать.

Он сделал шаг, другой, третий... и Крутов вдруг понял, что Георгий неуловимо изменился. Это был уже другой человек, не тот, что минуту назад спокойно вел философскую беседу. Он буквально засветился — в психофизическом плане — и слился с природой, опять же — в ментальном смысле, а затем произошло чудо: Георгий приблизился к столетней березе на краю поляны и прошел сквозь нее, как сквозь голографический фантом, оставив штаны прилипшими к стволу.

Вернулся, надел штаны, разглядывая замершего Крутова, остановился напротив.

— Ты понял, что я сделал?

Вместо ответа Егор внезапно нанес Витязю мгновенный удар вытянутой вперед ладонью (рука — копье), но его рука, не встретив сопротивления, вошла в грудь Георгия, словно в пустоту.

Из-за кустов неподалеку вдруг бесшумно вынырнул серый, с подпалинами, зверь, уставился на Крутова, вздернув верхнюю губу и показывая клыки.

Георгий махнул ему рукой, и волк скрылся.

— Это мой телохранитель. Итак, Егор Лукич, ты все понял?

— Состояние веры...

— Абсолютно справедливо. Состояние веры — в свои силы, в мудрость Природы, в Творца — способно творить чудеса. Тело человека — это по большому счету почти пустое пространство, стоит поверить в это, войти в пространство жи́вы, и тебе не страшен ни один удар. Ни клинок, ни пуля вреда тебе не принесут. Не пробовал проходить сквозь стены?

— Нет, — пробормотал Крутов. — До такой степени моя вера не распространяется...

— Сейчас потренируемся. А ловить пули руками не пытался?

— Научишь?

— Этому роду Истины не учатся, сын мой, ее припоминают, когда Бог этого пожелает.

— Твоя мысль?

Георгий засмеялся.

— Гермеса Трисмегиста. В его трудах много воды, но встречаются поистине мудрые изречения. До ловли пуль руками ты должен дойти сам. Остальное постигается упорным трудом. Итак, начнем урок?

Егор в задумчивости прошелся по росистой траве, оставляя в ней темный след.

— Если не секрет, чем ты занимаешься в Жуковском районе?

— Много чем, — без удивления ответил Георгий. — Пытаюсь нейтрализовать влияние храмов Черного Лотоса, строю духовную семинарию, в основе которой ведическая философия живы. Маленько воюю с Легионом... А что? Ты подумал, что я тут специально за тобой наблюдаю?

Крутов поднял вспыхнувший взгляд.

— Ты готов?

— Конечно.

— Тогда начнем!

ХУТОР ДЕДИЛЕЦ

КРЕСЕНИЕ

Как и обещал Георгий, баба Евдокия приехала в Ковали в тот же день, после обеда, но к Крутовым сразу не пошла, сначала завернула к родителям Елизаветы, Роману и Степаниде Качалиным. Лишь к вечеру она нанесла визит соседям, сообразуясь с какими-то своими планами и мыслями.

Крутов в это время был еще в Жуковке и узнал о появлении жены деда Спиридона от Осипа, встретившего Егора у калитки.

— Очень самостоятельная старуха, — заявил дядька, помахивая топором; он колол дрова. — Зыркнула на меня, я аж чуть не сел.

— Где она? — У Егора похолодело в груди.

— Ушла уже, боле часа с Лизкой просидела. А об чем говорили — не слышал.

Крутов поставил машину, зашел в дом. Лиза, как обычно, сидела на веранде и грезила с открытыми глазами. На мужа она не обратила внимания, и по ее виду невозможно было судить, подействовал на нее визит бабы Евдокии или не подействовал. Поговорив с ней и услышав односложные «да» и

«нет», Егор переоделся и направился к Качалиным. Однако бабы Евдокии не оказалось и там.

— Она ушла на хутор, — сказала суровая Степанида. — Будет ждать тебя с Лизкой к девяти часам вечера.

— Зачем? — не понял Егор.

— Кресить ее будут. Я тоже приду.

— Могу подвезти. Какой хутор имеется в виду?

— Дедилец.

Крутов кивнул. Хутор Дедилец стоял в самой чаще леса, между деревнями Дубрава и Старь, и проехать к нему можно было только по древней гати через Глотово болото. Оставалось непонятным, почему баба Евдокия для обряда очищения выбрала именно этот глухой угол.

Впрочем, это вскоре выяснилось.

Торжественных проводов молодых не было. Баба Аксинья обрядила Елизавету в старинное русское платье с рюшами и кокошником, дед Осип осенил ее крестом, и Егор посадил жену в машину.

Подъезжая к хутору с Лизой, не проявившей особого интереса к поездке, он увидел волка, перебежавшего дорогу, и остановился. Вскоре впереди шевельнулись кусты лещины, к машине вышел Георгий, одетый все в тот же холщовый костюм, что был на нем утром. Поздоровался с Лизой, залез в кабину.

— У гати остановишь, дальше пойдем пешком.

— По-моему, там вполне можно проехать.

— Вокруг хутора раскинут оберегный круг, не стоит вызывать его реакцию. Лес технику не любит.

— А что будет?

— Накат будет, — проворчал Георгий. — Если не испытывал его на себе, то и не надо.

— Психический удар, что ли?

— Типа того. На человека, пересекающего круг на машине, не говоря уже о тех, кто является с недобрыми помыслами, падает заклятие, деформирующее все его эфирно-ментальные оболочки. Заклятие качественно ориентировано на страх, болезнь, а то и на смерть, в зависимости от объема злобы.

Крутов остановил машину перед широкой — метра в четыре — гатью, по легендам, проложенной еще триста лет назад и оберегаемой болотницами. Гать действительно выглядела почти новой, бревна и доски лишь потемнели да слегка истерлись под ногами проходивших здесь людей. В детстве Крутов не однажды бывал на хуторе Дедилец и гатью хаживал, но

воспоминаний об этом не сохранилось. В болотниц он не верил ни тогда, ни теперь.

Почти не разговаривая, они пересекли болото, прошагали еще около километра в сгущающихся сумерках и вышли к хутору, состоявшему всего из трех домов. По рассказу Осипа жили здесь только старики и старухи общим количеством в пять душ, возраст которых подходил к ста годам, однако деревянные избы с высокими теремными крышами, покрытыми дранкой, казались недавно построенными, ухоженными, будто время обходило это место стороной.

На опушке леса за хатами горел костер, и Крутов с удивлением увидел стоявших группкой людей, в основном женщин. Их было десятка полтора, молодых, постарше и совсем старых, но ни на одном лице Егор не заметил ни уныния, ни скорби, ни грусти. Лица женщин были веселы и будто светились в сумерках, озаренные всполохами костра. Они разговаривали, смеялись, что-то напевали, словно пришли на спевку, а не на обряд кресения, и Крутов невольно оглянулся на приотставшего Георгия.

— Они... поют?

— Кресение — это очищение огнем и духовным пением, — ответил тот, понимая чувства приятеля.

— Но они... смеются!

— А почему они должны плакать? Кто-то верно заметил: печаль есть форма зла. Они пришли очистить душу Лизы от печати Сатаны, вдохнуть в нее жизнь и уверены, что справятся с этим.

Крутов взял жену под руку и подвел к костру. Смех в кружке женщин стих, все повернулись в их сторону. Потом вперед вышла баба Евдокия в старинном русском наряде, взяла Елизавету за руку и повела за собой, жестом приказывая Егору оставаться на месте. Крутов шагнул было за ней, но почувствовал на плече руку Георгия, остановился.

— Не мешай им, — сказал Георгий. — Кресение — это использование энергии богини Рады, то есть «чисто женской» энергии. Мужики в этом процессе лишние.

Девушки подбежали к костру, разобрали горящие ветки и начали поджигать заранее заготовленное круговым валиком сено. Вскоре образовалось огненное кольцо с костром в центре, вокруг которого выстроились женщины постарше. Баба Евдокия что-то спросила у Лизы, проверила, висит ли у нее на шее оберег Марии, и повела ее вокруг костра, обмахивая со спины руками, как крыльями. Потом все женщины взялись за руки, в том числе и Лиза, и запели какую-то народную песню, не веселую и не печальную — странную. Костер вспыхнул ярче, хотя никто веток в него не подбрасывал. И еще интересную деталь подметил зачарованный действом Крутов: запылавшее сено, образовавшее кольцо вокруг центрального костра, должно было прогореть в первые же секунды, но не сгорало! Будто кто-то поддувал в него снизу горючий газ.

Пение, однако, поначалу не заладилось. Возможно, потому, что женщины давно не пели вместе. Но бабки тут же как-то перестроились, подогнали свои голоса под молодых, распелись, и для Крутова, никогда раньше не участвовавшего в обряде кресения, произошло маленькое чудо. Впервые за все свои сорок лет он услышал, как поют не на два, не на три — а на пятнадцать голосов!

Слова песни были совсем простые, обыденные, неброские: «Вокруг нашего двора каменна гора, железна стена, огненна река, широка и глубока... Мати Богородица, не смотри свысока, укрой и огради-ка...» — но Крутова внезапно продрала дрожь и сердце дало сбой.

Затем произошло второе чудо. Голоса певиц начали сливаться, как бы растворяться в общей мелодии, лишь голос Елизаветы несколько дисгармонировал на фоне их общего звучания, пока не вошел в мелодию и он, словно впрыгнул внутрь совмещенных голосов и слился с ними. И тут же произошел переход пения в иное качество, общее звучание-голос-песня разлилось вокруг костра объемным прозрачным колоколом. Мало того, звуки пения странным образом совместились с пляшущими языками пламени костра и образовали некое светомузыкальное самостоятельно поющее пространство.

Крутова начала трясти мелкая дрожь, в глазах все поплыло, будто они наполнились слезами. Очертания изб, деревьев, людей начали искажаться, лица женщин изменились, стали прозрачными, необычно красивыми, притягивающими взор. Тьма вокруг огненного кольца, внутри которого водили хоровод и пели женщины, стала кромешной, перестали быть видны не только деревья, но и небо со звездами. Какие-то важные воспоминания всплыли из памяти, пугающе непривычные и как бы не свои, хотя Егор осознавал, что это — воспоминания его прошлых жизней, и он вдруг заметил, что боится смотреть на певиц и в особенности на Лизу, лицо которой налилось изнутри мягким нежным розовым свечением. И еще одну важную особенность происходящего понял Егор: духовное пение — не только сопровождение обряда, но и воз-

действие! Один из древних магических инструментов, используемых предками.

Песня закончилась, но тут же началась другая, затем третья, эффект воздействия на слушателей не прекращался, и длилась вся эта фантасмагория — костры продолжали гореть как ни в чем не бывало! — больше двух часов (как выяснилось потом), хотя Крутов совершенно не ощущал течения времени. Затем ему показали третье чудо, от которого у него занялся дух, и он едва сдержал себя, чтобы не броситься Лизе на помощь.

Баба Евдокия внезапно повернула Елизавету лицом к костру и... прошла вместе с ней через пламя! В тот же миг из костра вымахнула в небо гигантская черная тень, пение оборвалось, огненное кольцо вокруг хоровода погасло, а Крутов испытал нечто вроде удара током, после чего его состояние стало возвращаться к исходному: предметы вокруг перестали искажаться, плыть, вернулись звезды, темнота расступилась, послышались птичьи голоса, шум леса...

Женский хоровод распался, раздался смех, восклицания, веселый говорок. Баба Евдокия вышла из круга сгрудившихся вокруг Елизаветы женщин, кивнула Крутову:

— Забирай свою берегиню, воин, да не обижай. Очистилась она.

— Я-то не обижу... — пробормотал Егор.

— Приголубь ее, все образуется.

Евдокия кивнула, позвала Степаниду, и старухи направились к лесу. За ними потянулись бабки и молодицы, у костра остались только совсем юные девушки и Елизавета.

Крутов растерянно оглянулся, но Георгия рядом не оказалось. Так и осталось непонятным, зачем он сюда приходил, то ли просто посмотреть на обряд, то ли охранял хутор со своими «телохранителями»-волками.

Елизавета наконец перестала разговаривать с молодыми участницами обряда кресения и оглянулась на переминавшегося с ноги на ногу Егора. Несколько мгновений они смотрели друг на друга как сквозь толстую прозрачную стену, и Крутов вдруг подумал, что, если жена отвернется, он умрет!

Но она не отвернулась. Лишь слабая грустная улыбка понимания мелькнула в ее глазах, а потом Лиза шагнула к нему, и Егор бросился к ней, опустился на колени и прижался запылавшим лицом к ее ногам...

Эта ночь показалась ему самым тяжким испытанием в жизни. Лиза находилась рядом, вела себя естественно и просто, но между ними незримо присутствовала Мария, и Егору

долгое время не удавалось избавиться от наваждения, пока он не догадался снять с шеи жены оберег-талисман и унести его из спальни в машину. Только после этого словно лопнула невидимая пленка, сжимавшая сердце Лизы, внутри ее заиграла тихая «живая» музыка, она вдруг сама обняла Егора, заплакала, он принялся было ее утешать, гладить по волосам, по спине, но жена прижалась к нему крепче, и оба не заметили, как остались без одежды.

Это была ночь любви и бессвязных разговоров: будто прорвало плотину чувств и хлынувшая волна накрыла обоих с головой. Они обнимались, целовались, гладили друг друга, как бы узнавая заново, и любили до изнеможения, и не могли насытиться, сгорая в удивительном огне растворения в желании, потом взахлеб говорили обо всем, что приходило в голову: Лиза больше спрашивала, Егор отвечал, — и снова падали в кровать, как в пропасть, чтобы очнуться на ее дне и одновременно — на вершине блаженства и счастья, и хотелось, чтобы эти переживания длились вечно...

Лиза уснула на рассвете, с легкой виноватой улыбкой на губах, прильнув к плечу Егора. Он тоже провалился в сон, легкий и светлый, но ненадолго. Сторож организма, бдительный и недоверчивый, как и все профессиональные сторожа, разбудил его в пять часов утра. Кто-то бродил вокруг избы, бесшумный и бесплотный, как тень, но ощутимо опасный, и Егор, проснувшись, перевел себя в состояние жи́вы и увидел сильную гибкую фигуру гостя, прятавшегося в саду. Стараясь не разбудить жену, встал, оделся в тренировочный костюм и выскользнул из дома через окно, привычно «натягивая» на себя состояние «железной рубашки». Однако приготовления к адекватному ответу не понадобились, гостем оказался Георгий, одетый на этот раз в «цивильный», гражданский костюм, превративший его в клерка или бизнесмена: темно-серый пиджак, брюки, голубая рубашка, галстук в полоску.

— Тебе чего не спится? — буркнул Егор, ежась от утреннего холодка.

Из-за леса на востоке показался краешек солнца, лучи его высветили фигуру Георгия, и Крутову на мгновение показалось, что тело Витязя оделось в слой огня.

— Кое-что изменилось, — невозмутимо ответил гость. — Господин Данильянц завтра собирается в Москву, поэтому надо перехватить его сегодня. Собирайся, и поедем.

— Вдвоем?

— А тебе нужен взвод? И без того это перебор — двое Витязей на одного мафиози. Есть такой старый анекдот об Илье

Муромце. Приходят к нему ходоки и жалуются, что татары податями обложили — житья нет. Приезжает Илья к татарам и говорит: «Эй, косоглазые, давай сотню своих воинов, биться будем. Ежели я одолею — податей больше брать не будете». Заехала сотня татар за холм — крики, звон мечей, стоны... Выезжает Илья на бугор: «Давай еще сотню». Помчалась вторая сотня, снова удары, звон мечей, крики, вылезает татарин на холм, весь помятый, раненый, и кричит: «Братва, не ходи сюда! Их тут двое!»

Егор улыбнулся.

— Бедные татары. Интересно, кто у Ильи в помощниках ходил? Между прочим, по одной интересной исторической версии, никакого татаро-монгольского нашествия не было.

— Естественно, — кивнул Георгий. — Как не было и Куликовской битвы. Точнее, не было в том месте, на которое ссылаются все введенные в заблуждение историки. В XIII веке сепаратисты наподобие нашей Чечни захотели власти и попытались ликвидировать ведическую систему правления на Руси, и тогда Батый — Батя, возглавлявший армию — общеимперскую многоплеменную казачью Орду, поехал их вразумлять. Киев, основной форпост антиведической заразы, пал в 1238 году, потом утихомирились и другие князики.

— Откуда ты знаешь?

— Много общался с волхвами, чего и тебе желаю. Массу любопытного узнаешь. Собирайся, я подожду у околицы. Кстати, как Лизавета?

Крутов смутился, посмотрел на Георгия исподлобья.

— Нормально.

— Рад за тебя.

— Может, зайдешь, чайку-кофейку попьешь?

Георгий задумался на минуту и кивнул.

— Не откажусь, пожалуй.

На крыльце веранды показалась Елизавета в халатике, обхватила себя за плечи.

— Чего секретничаете, мужчины? Заходите в дом, я чайник поставила.

Егор и Георгий переглянулись и двинулись за ней.

Чаепитие длилось недолго, под аккомпанемент ворчания проснувшегося Осипа, затем Егор переоделся, попрощался с Лизой, пообещав вернуться домой пораньше, и мужчины уехали.

До Брянска добрались за полтора часа, без приключений. Георгий попросил высадить его на Красноармейской улице и дал Крутову сотовый телефон:

— Звони Данильянцу.

— Не рано? — засомневался Егор. — Всего семь часов утра, он еще наверняка спит.

— Самый раз. Возможно, он пригласит тебя к себе домой.

— Какая разница, где мы встретимся?

— Его квартира не прослушивается разведкой Легиона.

— Ты и об этом знаешь?

— Наши ребята ходят за ним два месяца, побывали и на квартире, так что неожиданностей быть не должно.

— Почему ты мне помогаешь? Ты же не обязан.

— Не хочу, чтобы твое первое дело началось с провала, — серьезно сказал Георгий. — Мне тоже в свое время помогли, хотя я и не просил.

Крутов набрал номер мобильного телефона Данильянца, который сообщил ему Мокшин. С минуту из трубки доносились только гудки, потом квакнуло, и раздался гортанный, с характерным «кавказским» акцентом, голос:

— Алё? Вас слушают.

— Доброе утро, Лев Арменович. Извините, что так рано. Не разбудил?

— Кто это говорит?

— Крутов говорит, Егор Лукич.

Пауза.

— Откуда вы звоните?

— Из Брянска.

— Вы один?

Крутов покосился на Георгия.

— Странный вопрос.

— Я в том смысле, — заторопился Данильянц, — что если вы один, то мы сможем встретиться у меня на даче. Я подскажу, как ехать.

— Говорите.

Данильянц продиктовал адрес, рассказал, как быстрее всего проехать к его даче, и разговор прекратился.

— Он пригласил меня на дачу. За старым мостом налево...

— Я знаю, где это. Вариант не лучший, но сойдет. Поезжай, только помедленней. Когда приедешь, позвонишь мне, я оставлю тебе этот телефон. Будь готов ко всему, в том числе к провокации. В случае чего нажмешь на телефоне кнопочку «С», я буду неподалеку. И оберег Марии не забудь, в нем находится рация.

Георгий подставил ладонь, Крутов шлепнул по ней рукой, и они расстались. Через сорок пять минут Егор подъехал к даче Данильянца, расположенной на берегу Десны в окруже-

нии самых разнокалиберных коттеджей дачного поселка Дворики.

Дом известного бизнесмена радовал глаз архитектурным совершенством и впечатлял размерами: трехэтажный, с вычурными башенками на крыше, резной мансардой, сверкающий стеклом и алюминием, окруженный березами и кленами, он занимал площадь никак не меньше четырехсот квадратных метров. Забор вокруг дачи Данильянца также оказался необычным — двухъярусным: до полутора метров над землей он был каменным, а выше шла красивая металлическая решетка двухметровой высоты, заканчивающаяся частоколом острых пик. И охранялась дача соответственно. Перейдя в трансовое состояние п у с т о т ы, Егор обнаружил по крайней мере три линии охраны: одну техническую, с использованием видеокамер и датчиков, вторую образовывали собаки, третью — охранники-люди, коих насчитывалось по крайней мере шестеро: четверо скучали снаружи, двое сидели в специальном домике неподалеку от основного коттеджа. В самом коттедже также присутствовали люди. Экстрасенсорика Крутова подсказывала ему, что там находятся трое мужчин (один из них с в е т и л с я в диапазоне угрозы и силы) и женщина.

Едва Егор подошел к воротам дачи, как отворилась калитка сбоку и бравый молодой человек в пятнистом комбинезоне жестом дал понять, что гостя ждут. Крутов миновал своеобразную проходную с турникетом, металлоискателем (вооруженных людей здесь, по-видимому, не жаловали) и еще одним охранником, вышел во двор и сразу почуял тревогу.

Не успел он пройти полпути до коттеджа по посыпанной гравием дорожке, как на него из-за кустов можжевельника молча бросился огромный пес, породы которого Егор не знал. Не добежав трех метров до Крутова, он прыгнул, и Егору пришлось натужно входить в т е м п и отклоняться от клыков и когтей мощных лап. Промахнувшись, собака бросилась в атаку снова, Егор увернулся и на этот раз, хотел крикнуть охранникам, чтобы отозвали пса, но увидел, с каким интересом те смотрят на бесплатный спектакль и безмолвствуют, и понял, что ритуал встречи рассчитан заранее. Его проверяли «на вшивость», то есть на профпригодность.

Пес прыгнул. Крутов отклонился, коротко взмахнул рукой. Удар пришелся зверю в нос, и на землю упал он уже безвольным мешком костей, затих.

Однако экзамен на этом не закончился.

Открылась стеклянная дверь центрального входа, и на мраморное крыльцо коттеджа вышли двое: могучего вида бородач в камуфляже и молодая женщина в костюме наездницы, с хлыстом в руке. У нее была неплохая фигура с высокой грудью, тонкой талией и крутыми бедрами, а вот лицо красивым назвать было нельзя, его портили тонкие злые губы и надменный взгляд.

Крутов остановился в трех шагах от крыльца, сказал вежливо:

— Разрешите пройти? Меня ждут.

— Пройди, — насмешливо обронила наездница и с кажущейся неторопливостью и ленью стегнула Егора хлыстом по лицу.

Если бы он не был готов к такому повороту событий, хлыст наверняка оставил бы след.

В ту же секунду бородач прыгнул на Крутова прямо с крыльца, намечая удар ногой в грудь, а женщина перетянула его хлыстом еще раз, одновременно с прыжком спутника, и Егор, отбив рукой хлыст и увернувшись от удара ногой, буквально на автомате вошел в боевую п у с т о т у, хотя не потерял при этом и способности осознавать, что происходит.

И женщина, и бородач оказались довольно искусными бойцами, воспитанными школой унибоса, что говорило об их принадлежности к каким-то подразделениям спецназа, однако о специфических состояниях боевого режима жи́вы они ничего не знали и ничего противопоставить противнику не смогли. Крутов справился с ними в течение минуты, сначала уронив лицом в гравий дорожки бородача с руками-кувалдами (у Егора долго потом ныло плечо, куда пришелся кулак спецназовца), а потом отшвырнув от себя разъяренную наездницу, отобрав у нее хлыст и от души вытянув ее им по мускулистому заду.

Женщина снова бросилась было в атаку, растопырив пальцы рук с длинными ногтями (тоже весьма серьезное оружие), но Крутов уже достиг состояния в е р ы, стал огромным — в ее глазах, вознесся над ней горой и гулким грохочущим басом проговорил:

— Остановись, насчастная!

Наездница с визгом отшатнулась, остолбенела, глядя расширенными глазами на «великана». Крутов повернулся к ней спиной и вошел в дом.

В холле его встретил Лев Арменович Данильянц, такой, каким его описывали разведчики Катарсиса: высокий, жилистый, с гривой черных волос, горбоносый и смуглолицый. Глаза у него были карие, с поволокой, и сидели слишком близко к переносице и глубоко, но этот недостаток скрашивал

умный, уверенный взгляд. Одет он был в расшитую драконами пижаму.

Рядом с ним стоял некий бледнолицый господин в хорошем костюме, возраст которого трудно было определить с первого взгляда, но именно от него и исходила та угроза и сила, которую почувствовал Егор еще у входа на территорию дачи.

— Прошу прощения, Егор Лукич, — раздвинул губы в улыбке Данильянц. — Мои люди вас не помяли?

— Благодарю за теплый прием, — невозмутимо сказал Крутов. — Весьма польщен.

Улыбка стала шире.

— Еще раз простите, но я обязан был вас проверить. Георгий Владиславович так расписал ваши достоинства, что мне захотелось... э-э, убедиться.

— Надеюсь, ваш тест я прошел успешно?

— О-о, великолепно! Жора в вас не ошибся.

— Тогда позвольте убедиться, что и мы не ошиблись в вас.

Брови Данильянца полезли вверх.

— Что вы имеете в виду? И кто это — мы?

— Мы можем поговорить с вами наедине?

Данильянц и бледнолицый его спутник обменялись быстрыми взглядами, мужчина отрицательно качнул головой.

— Пойдемте в гостиную.

Лев Арменович направился к лестнице на второй этаж, Крутов и бледнолицый молчаливый приятель Данильянца пристроились следом. Егор вдруг поймал звучащую внутри господина в костюме музыку — тоскливые мрачные ноты, от которых по коже бежали мурашки, и понял, что этот человек имеет отношение к экстрасенсорике.

Они вошли в гостиную коттеджа с кожаными креслами, стеклянными столиками, огромными окнами, сквозь которые помещение заливали потоки света.

— Присаживайтесь, — кивнул на кресла Лев Арменович. — Что будете пить?

Крутов посмотрел на бледнолицего и твердо сказал:

— Пусть ваш придворный чародей удалится.

Быстрый обмен взглядами, еще один отрицательный жест.

— Он нам не помешает.

— В таком случае прошу извинить. — Егор сдвинул каблуки, кинул подбородок к груди. — Мы, кажется, ошиблись. — Направился к двери.

— Постойте, — окликнул его Данильянц после секундного

замешательства; на его лице проступили досада и злость. — Какого дьявола вы себя так ведете?! Вы на моей территории...

В то же мгновение в стекле окна появилась дырочка, а ваза с цветами на стеклянном столике разлетелась на мелкие осколки.

Данильянц оторопело посмотрел на столик, на окно, перевел взгляд на невозмутимо стоящего у двери Крутова, побледнел.

— Вы... что?!

— Не стойте у окон, — каким-то козлиным тенорком быстро проговорил бледнолицый экстрасенс, опасливо отодвигаясь в угол. — Гостиная просматривается из леса. Пошлите туда своих парней.

Крутов усмехнулся в душе, вспоминая слова Георгия. Тот следил за обстановкой на даче и самым наглядным образом продемонстрировал, что находится неподалеку.

Данильянц выскочил в коридор, достал мобильный телефон и дал команду прочесать лес со стороны Десны. Повернулся к Егору.

— Пойдемте в мой кабинет. — Он оглянулся на дверь гостиной. — Дьявольщина! Меня уверяли, что стекло бронированное!

Они поднялись на этаж выше, хозяин пропустил гостя в небольшой, но оборудованный по последнему слову техники кабинет. Своего «личного мага» он оставил за порогом. Сел за стол, облизнул губы, по-новому рассматривая гостя, потом полез в бар и достал бутылку армянского коньяка «Отборный». Налил полстопки, выпил, посмотрел одним глазом на Крутова.

— Говорят, наш президент тоже предпочитает пить армянский коньяк. Вам налить?

— Спасибо, не надо. — Егор достал из кармана дискету. — Вы меня проверяли, теперь проверю вас я. Вставляйте и читайте.

— Что это?

Крутов подал дискету, сел на стул.

Данильянц включил компьютер, хмыкнул, повертел в пальцах дискету и вставил в процессор. На экране появился текст, фотографии, схемы. Лицо Льва Арменовича стало вытягиваться, пошло пятнами, рот открылся... Он потянулся было к селектору на столе, но глянул на Егора, на окно и продолжил чтение своего собственного досье, в котором был собран весь компромат на него, оценивающийся, дойди он до суда, в двенадцать лет тюрьмы.

Закончив читать, Лев Арменович вытер вспотевший лоб дрожащей ладонью, повернулся к гостю, слабо улыбнулся.

— Хороший сюрприз вы мне приготовили, надо признаться, поздравляю. Такие мины опасны. Только ведь этому материалу еще надо дойти до правоохранительных органов...

— Мы не собираемся передавать этот материал в прокуратуру или журналистам. У нас к вам деловое предложение.

— Кто вы, господин Крутов? На кого работаете? Если на конкурентов, то можете не стараться. Да и выйти отсюда будет наверняка проблематично, несмотря на ваше мастерство. А снайперка вашего сейчас найдут мои люди и тоже приведут сюда.

— Во-первых, не найдут. Во-вторых, я пришел не угрожать, а предложить более высокую игру, чем те, в которые играете вы. Прочитайте теперь вот это. — Егор подал Данильянцу еще одну дискету.

Тот задумчиво посмотрел на нее, поменял дискеты и несколько минут вчитывался в новый текст, подготовленный аналитиками Катарсиса. Выключил компьютер, побарабанил пальцами по столу. В его голове шла напряженная работа мысли, но по лицу невозможно было понять, к каким выводам он пришел.

Насколько было бы просто завербовать его, подумал Крутов, будь у меня «глушак». Но ведь Георгий предупреждал, что сторонников Катарсис выбирает добровольных...

— Сопротивление... — медленно, словно пробуя на вкус, проговорил наконец Лев Арменович, с ироничным интересом окинул Крутова взглядом. — Идеальная организация с идеальной концепцией... с почти коммунистической... Как же вы можете опираться на таких, как я, на... скажем, на не очень законные структуры?

— Мой дядька любит говорить: лучше горевать, чем воровать. — Крутов усмехнулся. — Но отбирать ворованное не грех. Пока государство как хозяин бездарно распоряжается своими ресурсами и позволяет чиновникам воровать, мы вынуждены привлекать к своей работе негосударственные и даже криминальные структуры, разве что не откровенно бандитские, для выполнения тех функций, с которыми ни мы, ни государство не справляемся.

— Какова моя роль в этом процессе?

— Вы поможете нам уравнять в правах законопослушных граждан и бандитов, это первое. Второе: поможете перераспределить финансовые потоки таким образом, чтобы деньги мафий заработали на благо народа и государства.

— Это я успел прочитать...

— Но главное, вы померяетесь силами с ратью Сатаны, а для этого вам понадобится вся ваша изворотливость, ум и удача! Ставки же в этой игре высоки — положение, здоровье, жизнь. Правда, она гораздо интереснее тех разборок, которые вы ведете с конкурентами.

— Мне хватает и этого.

— Это не ваш уровень, Лев Арменович, — покачал головой Крутов. — Мы проанализировали ваши способности и поняли, что вы себя недооцениваете. Неужели вас не затронула статистика и информация о готовящемся поголовном зомбировании человечества? Не отдельных людей или коллективов, не социальных групп и этносов, но человечества?!

Данильянц скептически покривил губы, налил себе коньяку, выпил.

— Уж очень глобальными масштабами вы оперируете... душу они затрагивают мало. Кто за вами стоит, какая официальная контора? ФСБ? Служба президента?

Крутов с жалостью посмотрел на собеседника.

— За моей спиной сила гораздо более мощная, чем та, которую представляете вы и такие структуры, как ФСБ, разведка, Служба безопасности президента. Эта сила — служба Рода. Она не отвлекается на решение проблем, которые можно решить без привлечения особых приемов, но проявляется всегда в случае прямой угрозы, причем даже угрозы не движению, но Идее, самой Жизни, замыслу Божьему! Как бы выспренне это не звучало. Эта сила дает вам шанс послужить во благо, воспользуйтесь этим. Других предложений не будет.

— Благо всего лишь наименьшее зло, — мрачно улыбнулся Данильянц. — Но, по-моему, ваша концепция безнасильственного переустройства мира — химера. К примеру, бандитов-беспредельщиков надо просто уничтожать, как бешеных псов! Или я чего-то не понимаю? Вам не кажется, господин полковник, что наш мир устроен несколько нелогично? Там, где пытаются жить по законам правды, — всегда конфликт, там же, где верят лжи, — спокойствие и благодать. Может быть, так оно и должно быть? Зачем менять сложившуюся систему отношений?

— Каково же тогда предназначение человечества, опирающегося на этот принцип?

Данильянц пожал плечами.

— Я не философ, но знаю, что зло существует в мире как его неотъемлемая часть. Не помню, кто сказал: исчезнет зло — не станет и добра.

— Шекспир, — кивнул Крутов. — Возможно, вы оба в чем-то правы. Однако мир захлестнула волна злобы и насилия, человека благочестивого стали принимать за сумасшедшего, безбожного — за мудрого, бешеного — за храброго, наихудшего — за наилучшего, не пора ли подкорректировать законы?

— А это чьи слова? — с любопытством спросил Данильянц. Он уже оправился от шока и прикидывал варианты ответа.

— Не мои, — усмехнулся Крутов. — Я всего лишь ретранслятор чужих идей. Разве что поверил в них, хотя и не сразу. Итак, что вы ответите?

— Не знаю, — пригорюнился Данильянц. — Уж слишком вы меня озадачили. Голова кругом идет! Я собирался завербовать вас в свою команду, а нарвался на гораздо более опытного вербовщика. А если я отвечу — нет?

— Это будет означать, что наши аналитики ошиблись. — Крутов встал. — Есть хорошая пословица: если не можешь изменить мир, измени отношение к нему. То же самое касается и человека. Мы просто изменим отношение к вам.

Данильянц нахмурился, глядя на Егора снизу вверх.

— Это можно понимать как угрозу?

— Не передергивайте, Лев Арменович, — сухо сказал Крутов. — Я имел в виду, что мы уважаем модель мира другого человека. К вашей же модели относимся негативно.

— И все-таки обратились именно ко мне...

— Вы можете принести пользу Отечеству. К тому же впоследствии вы убедитесь, насколько приятно д а в а т ь, а не отнимать.

— Отвечать надо сейчас или у меня есть время?

— До вечера. Я вам позвоню. И мой вам совет. — Крутов упруго толкнул от себя поток чужого в н и м а н и я, струящийся сквозь дверь, рывком открыл дверь в кабинет и воткнул палец в горло стоящего за ней человека. Человек охнул, схватился рукой за горло и упал в кабинет головой вперед. Это был «придворный чародей» Данильянца, игравший, очевидно, роль советника. Он подслушивал.

— Мой вам совет, — бесстрастно повторил Егор. — Немедленно избавьтесь от этого человека. Он, во-первых, работает на ваших конкурентов, во-вторых, ждет случая ударить в спину.

Данильянц вышел из-за стола, приблизился к упавшему, перехватил взгляд Крутова и запахнул пижаму.

— Вы уверены?

— До связи. — Егор поклонился и вышел.

Во дворе стояли его прошлые «проверщики», бородач с исцарапанным о гравий лицом и женщина с улыбкой змеи. Проводив гостя взглядами, они поспешили к хозяину.

Крутов сел в машину, вырулил к реке, остановился. Потом спустился к воде, присел на корточки и умылся, чувствуя невероятное облегчение.

Кто-то появился сзади. Егор вывернул голову и увидел Георгия. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, словно виделись впервые.

— Откуда ты взял, что Варанов работает на конкурентов Данильянца?

— Кто такой Варанов?

— Тот тип, которого ты парализовал.

— Разве я не прав?

— В досье на него ничего нет.

— Зато аргумент имеет силу. Мне не понравилось, как он себя вел.

— Что ж, возможно, твой пассаж возымеет действие. Поехали домой.

Георгий протянул Егору руку, и они поднялись на берег Десны, откуда открывался великолепный вид на пойменные луга.

МОСКВА. ЛЕСНАЯ ДАЧА

ВАЛЯГИН

На северо-западе Москвы, в тесном окружении шоссейной и железной дорог, многоэтажных жилых зданий и промышленных предприятий находится Лесная опытная дача Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. В пятидесятых годах четырнадцатого века князь Иван Данилович (Иван Короткий, сын Ивана Калиты) завещал своей любимой жене село Семчинское, на месте которого впоследствии появилось имение Петровско-Разумовское. Это село меняло хозяев, переходило по наследству: оно значится даже в духовной грамоте Ивана Грозного 1572 года (по официальной академической версии) и описывается как «пустошь Семчино на реке Жабенке», которая в конце XVI века входила в состав вотчины князя Шуйского. Затем ее хозяевами были князь Прозоровский, тесть царя Алексея Михайловича К. П. Нарышкин, Петр I, дочь И. Л. Нарышкина Екатерина. С тех пор имение стало называться Петровско-Разумовским.

В XVIII веке на вершине холма был возведен так называемый гетманский дом, около которого заложен парк в класси-

ческом стиле, ставший памятником садово-парковой архитектуры этого времени. Однако затем владельцем Петровско-Разумовского стал коллежский советник Шульц, который нещадно вырубал леса имения в течение тридцати лет. И лишь в 1861 году оно стало собственностью государства и на его территории было учреждено «образцовое агрономическое заведение». Академией это заведение стало пять лет спустя.

В течение сотни лет здесь работали выдающиеся деятели лесоводства — Графф, Турский, Нестеров, Собичевский, Тимофеев и другие, заложив более ста пятидесяти пробных участков в сосновых, лиственничных, березовых и дубовых древостоях, ставших впоследствии уникальными рощами, не имеющими аналогов в Европе. До сих пор сохранились березовая аллея, посаженная профессором Турским в 1883 году, и старожил Лесной дачи — двухсотдевяностолетний дуб.

Кроме главного корпуса академии, возведенного на месте бывшего гетманского дома, на территории опытной дачи располагается музей лаборатории лесоводства и множество более мелких строений, большинство из которых обветшало и пришло в негодность. Посещающие лес люди увезли большую часть решеток, отделяющих квартал от квартала, спилили столбы с указателями, забросали лес мусором, нарушая естественный напочвенный покров. Однако, несмотря на это, Лесная дача осталась уникальной лабораторией под открытым небом, где проводятся наблюдения за явлениями роста и выживаемости различных пород в городских условиях, а с появлением нового владельца у дачи начался новый этап деятельности. Этим владельцем стала Академия национальной безопасности.

Нет, АНБ не закрыла лаборатории и не заняла помещения Сельскохозяйственной академии, она построила свой собственный центр тихо и незаметно, использовав естественные особенности ландшафта. Верхний горизонт здания мало чем выделялся среди других строений дачи — два этажа башенного типа в стиле «сталинских помпезонов», с виду — столетней давности, но внутри (и на пять этажей под землю) это было здание с самым совершенным интерьером и оборудованием, не уступающим подобным архитектурным сооружениям в стране и за рубежом.

Разумеется, доступ к зданию был ограничен, а точнее — невозможен любому постороннему человеку. Сотрудники же АНБ добирались в центр по секретной ветке метро длиной в семь километров, охраняемой, как и основное здание, комплексом лазерной защиты, сканерами, датчиками полей и системами фейс-айсодор контроля.

Винсент Аркадьевич Валягин имел свой кабинет в здании академии, защищенный не только хитроумной электроникой, но и тонкоматериальными «сторожами», индуцированными основным телохранителем Валягина конунгом Иваном Авогеиным. «Сторожа» имели форму заклятий и признавали только хозяина, даже сам конунг не смог бы безнаказанно снять свои собственные заклятия.

Естественно, Ивана Авогеина знали в лицо немногие люди. Он не был ни депутатом Думы, ни губернатором, ни чиновником высшего эшелона власти, он был всего лишь ученым-физиком и помощником (в действительности — «водителем») советника президента — и теневым лидером черного эгрегора, проводящего в жизнь Программу Сатаны. Ничего демонического в его облике не было, Иван Елисеевич Авогеин больше всего походил на Собакевича в исполнении Невинного, разве что был толще и вальяжнее да бакенбарды носил более аккуратные. Во все времена года он ходил в одном и том же костюме: свитер (иногда поверх него безрукавка), джинсы и сандалеты (зимой тоже), поэтому выглядел средней руки писателем, давно потратившим гонорар и перебивающимся случайным заработком или сочинением рекламных слоганов.

Они встретились в кабинете Валягина в здании АНБ — конунг и Винсент Аркадьевич, похожие друг на друга фигурами и выражением глаз: оба всегда смотрели не на собеседника, а как бы сквозь него, в безмерную даль. Встречи лидера Проекта и черного мага, его поддерживающего, всегда носили сугубо деловой характер. Хотя оба знали друг друга давно и хорошо, однако друзьями, доверяющими друг другу секреты и личные тайны, такими, как покойный Джехангир и Умар Тимергалин, не стали. В принципе, конунги по натуре не могли иметь друзей, так как редко испытывали такие простые человеческие чувства, как верность, преданность, сочувствие человеческому горю и любовь. Любили они только себя.

— Нужна ваша помощь, Иван Елисеевич, — сказал Валягин, усадив гостя в его любимое кресло у камина в углу кабинета. — Требуется ваше профессиональное вмешательство. Как вы уже знаете, наш противник всерьез собрался нанести вред Проéкту, начав долговременную и многоходовую операцию Катарсис. Мало того, что он тихой сапой организовал свою оперативную систему, не уступающую нашей, но и занялся консолидацией сторонников, образовав в противовес нашему Братству сеть духовных семинарий.

— Семинарии — ваша забота, Винсент Аркадьевич, — пророкотал Авогеин.

— Безусловно, — согласился Валягин. — Мы уже отдали приказ монахам храмов заняться семинариями и вообще клубами и секциями борьбы русского стиля вроде сладиады и русбоя. Я просто рисую общую картину. К сожалению, мы прозевали момент строительства центров Катарсиса, и теперь придется наверстывать упущенное.

— Боюсь, прямое воздействие на них невозможно.

— Мы это понимаем. — Винсент Аркадьевич налил себе швепс-тоника, осушил стакан одним глотком. — Есть хорошая пословица на этот счет: если противника невозможно убить в бою, его надо задушить в дружеских объятиях.

— Это ваша стратегия?

— Это одна из концепций, разработанных нашими экспертами здесь, в академии.

— Неплохо устроились, уважаемый мэтр. Заставить работать на Проект академию и Совет безопасности — это успех.

— В большинстве своем их сотрудники даже не представляют, для кого делают свои расчеты. Но возвращаемся к теме. В связи с ростом Сопротивления нам необходимо реализовать контрмеры. Во-первых, ликвидировать защитные системы Катарсиса. Во-вторых, лидеров их движения. В-третьих, экстра-группу, занимающуюся прогностикой, анализом и расчетами операций. Это уже по вашей части, Иван Елисеевич, хотя в одиночку вам скорее всего не справиться.

Глаза Авогеина на миг стали бездонно черными, воздух в кабинете буквально загустел, как желе, по углам, как мыши, разбежались туманно-серые тени. Однако на Валягина демонстрация ментальной мощи гостя не произвела никакого впечатления.

— Мы попробуем привлечь к данной работе других конунгов, — продолжал он. — Удар должен быть нанесен внезапно и мощно.

— Какую же роль вы отводите мне? — с иронией спросил Авогеин.

— Роль организатора боевого эгрегора, — не обратил на его тон внимания Валягин. — Ваша цель — создание психосоциального детонатора, который взорвал бы Катарсис изнутри, разбил его на «удельные княжества», лишил поддержки масс. А когда мы подточим основание Катарсиса и уничтожим Сопротивление, эта страна окончательно станет нашей. Россия — центр Мира, кто ею владеет — владеет Миром.

Быстрый иронично-скептический взгляд из-под припухших век.

— Боюсь, с вами не согласятся наши коллеги и соратники в других странах.

Валягин пренебрежительно махнул рукой.

— Они доказали свою несостоятельность. Полгода назад наш «друг» из Штатов не смог помешать даже уничтожению базы на Селигере.

Авогеин знал подробности упомянутого происшествия, в том числе нюансы схватки пресс-атташе американского посольства Уильяма Гланца с волхвами, поэтому промолчал. Полгода назад он не рискнул вмешаться в схватку, предпочитая всегда загребать жар чужими руками.

— Что вы хотите поручить мне конкретно?

Валягин выбрался из кресла, подошел к столу, вынул из верхнего ящика фотографию и показал гостю.

— Этого человека вы знаете?

— Нет, — после недолгого изучения лица на фотографии ответил Авогеин. — Кто он?

— Витязь. Валентин Юрьевич Асламов. Руководитель группы влияния Катарсиса в Переславле-Залесском. Его группа вышла на нашу базу. Вы должны нам помочь.

— Каким образом? Навести на него порчу? Убить его физически я не смогу.

— Его необходимо запрограммировать. Во время штурма базы мы его с вашей помощью захватим, всадим в него программу подчинения и отпустим. Он и послужит тем самым «социальным детонатором».

— Вы хотите зомбировать его ценой уничтожения базы?

— Конечная цель операции важнее любой базы.

Авогеин еще раз всмотрелся в лицо Витязя, покачал головой.

— Сильный человек! Справиться с ним будет нелегко.

— У нас есть «анаконда» и... вы.

— Чтобы захватить Витязя, необходимо защититься от ичча шакти[1] волхвов, разработать индивидуальную рисковую стратегию психоотсоса...

— Можете не стесняться в средствах, мы заплатим, — перебил конунга Валягин. — На ваш счет в Брюсселе завтра будет переведена семизначная цифра.

---

[1] Иччха шакти (*санскрит.* — «мощь желания») — сила особой воли, дающая возможность организовывать так называемые случайные совпадения.

— Сегодня.

— Хорошо, сегодня. Беритесь за дело, Иван Елисеевич, колдуйте.

— Вы уверены, что это Витязь, посвященный? Может быть, это ловушка?

— Наша разведка проколы допускает редко. Вы должны быть готовы к воскресенью. По моим сведениям, операция по уничтожению нашей базы в Переславле назначена на понедельник двадцать шестого апреля.

— Их операцию должны подстраховывать волхвы.

Валягин откинул голову назад, с надменным неудовольствием посмотрел на черного мага поверх носа.

— А вот это уже ваша забота, уважаемый господин помощник советника. Выясните это сами, магией занимаетесь вы, а не академия.

— Могли бы подключить к этому делу свою хваленую СТОКК, — проворчал Авогеин. — Или в Переславле еще нет филиала?

— Конечно, подключим, — кивнул Винсент Аркадьевич. — Точнее, служба контроля давно подключена, поэтому и сведения достоверны. Хотите, я вам сделаю коктейль? Меня недавно научили готовить «Sea Breez»: водка, лед, клюквенный сок, грейпфрутовый сок.

Авогеин кивнул, внимательно рассматривая фотографию Асламова. Неизвестно отчего ему вдруг стало неуютно, будто в кабинете подул холодный северный ветер.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

ВОРОБЬЕВ И ДРУГИЕ

На улицах Переславля все чаще стали попадаться крепкие молодые люди, в любую погоду одетые в черное, наголо бритые, но с бородками, серьгами в ушах и солидными перстнями с хорошими бриллиантами — так называемые «братья» храма Черного Лотоса. Несмотря на пугающую внешность, вели они себя довольно прилично и в местных криминальных разборках не участвовали, хотя было замечено, что каждая такая разборка не обходится без наблюдателя в черной рясе.

Храм Черного Лотоса появился в Переславле недавно, возникнув как в сказке, «по щучьему велению и чьему-то хотению», на месте старых армейских казарм в Дендрологическом саду города, рядом с прудами, напротив известного всей округе Федоровского монастыря, как бы в антитезу этому оплоту православия.

Федоровский монастырь впервые упоминается в документах пятнадцатого столетия. Основан он был после битвы жителей города под командованием князя Ивана Даниловича с тверской ратью восьмого июня 1304 года. На помощь переславцам тогда пришла московская рать, и тверичи, ведомые князем Михайло Акинфом, были разбиты.

Древнейшее здание монастыря, дожившее до нынешних времен, — пятиглавый собор Федора Стратилата, построили в 1557 году по велению Ивана Грозного в честь рождения сына Федора, но стены и башни монастыря, придающие ему современный облик, воздвигнуты лишь в XIX веке. В советские времена в монастыре располагалась переславская турбаза, и лишь к концу XX века он был отреставрирован и стал действующим.

Храм Черного Лотоса в отличие от монастыря был спроектирован как миниатюра буддистского, а точнее — Лаосского храма в Тибете, с использованием современных материалов, стилизованных под старину, и представлял собой трехуровневый комплекс со множеством переходов и тупиковых коридорчиков с ловушками и хитроумными механизмами, сдвигающими части стен, полов и потолков.

Первый уровень храма образовывала собственно «буддистская пагода» с замковыми стенами, колокольней, внутренним двориком для молитв, залом для боевых занятий, псарней, трапезной и кельями «казарменного типа» для учеников и братьев. Второй — занимало отгороженное пространство с жильем настоятеля храма, комнатой отдыха, сауной, столовой для наставников, спецпомещением охраны и компьютерным центром. Доступ в эту часть храма был, естественно, ограничен.

Третий уровень общего храмового комплекса — подземный, являлся базой Российского Легиона, оборудованной техническими системами защиты и охраняемой спецподразделением Легиона. Попасть на этот уровень можно было двумя путями: через пирамиду настоятеля храма или через подземный туннель длиной в триста метров, въезд в который был замаскирован под заведение автосервиса.

Все эти сведения Виктору Телегину удалось добыть уже в первую неделю своего пребывания в храме в качестве инструктора по выживанию. В принципе, преподавал он в основном рукопашный бой, но в скором времени должен был

начать обучение братьев храма тактике выживания в подземных коммуникациях. Зачем Братству Черного Лотоса понадобилось знание приемов, используемых антитеррористическими подразделениями (и террористами, к слову), Виктор не знал и голову ломать над этим не собирался, зато при ближайшей возможности решил передать сведения о спецподготовке и об устройстве храма своему бывшему начальнику Воробьеву. В душе крепла уверенность, что сведения эти в скором времени понадобятся Панкрату.

Возможность встретиться с Воробьевым представилась Телегину в воскресенье шестнадцатого апреля, после проведения очередных занятий с учениками Братства. Настоятель храма Чон Хон Пак, «настоящий» кореец, обладатель четвертого дана тхеквондо, бывший тренер Федерации тхеквондо, уступил просьбе нового инструктора отпустить его в город «расслабиться» и встретиться с женой. По контракту, подписанному Телегиным, он не имел права покидать территорию храма чаще одного раза в месяц.

После обеда Виктор переступил порог «монашеской обители» и направился к Федоровскому монастырю, где сел на автобус, идущий к центру Переславля. На вошедшего следом за ним старика он не обратил внимания.

Сначала Виктор действительно поехал домой, по пути купив дочке небольшую куклу, китайский вариант Барби, и до вечера пробыл с семьей. Потом созвонился с Панкратом Воробьевым и договорился встретиться с ним «на нейтральной территории», в кафе «Илья Муромец» возле бывшего Гостиного двора.

Заказали коктейли: Панкрат — молочный, Виктор — водочный «буравчик», — и Телегин поведал Воробьеву все, что узнал о храме Черного Лотоса.

Бывший начальник охраны рыбозавода повел себя странно. Несколько раз он перебивал Виктора, вставляя не относящиеся к делу замечания, а потом спросил с рассеянным видом:

— Витя, кто тебе сказал, что мне интересны сведения, которыми ты меня угостил?

Телегин опешил, хотел было возмутиться, и до него только теперь дошло, что ни до ухода с работы, ни после они не обговаривали условий передачи информации о храме. Идея поделиться своими наблюдениями именно с бывшим начальником принадлежала самому Виктору, хотя причин этого желания как будто не существовало.

— Ты общался с директором завода перед уходом? — задал Панкрат еще один странный вопрос.

— Заходил, прощался, — пробормотал озадаченный Телегин. — А что?

— Все в порядке, — успокоил его Панкрат, подумав, что Асламов мог просто внушить Телегину мысль о необходимости разведки и передачи полученных данных ему. — Ты все сделал правильно. Только будь впредь осторожнее и в понедельник вечером двадцать шестого постарайся отпроситься домой.

— Зачем? — непонимающе глянул Виктор.

— Я не могу тебе этого сказать, просто предупреждаю. Теперь еще вопрос: когда ты сюда ехал, не обратил внимания на тыл? За тобой никто не шел?

Легкий хмель после «буравчика» вылетел из головы Виктора струйкой дыма. Он бросил косой взгляд за спину, но оглядываться не стал, только крякнул.

— Не подумал, ч-черт! Старею, видно.

— Не переживай. Как поется в песне: главное, ребята, — перцем не стареть. Не нравится мне один старичок за столиком у двери. Видел я его где-то... Впрочем, сейчас проверим. Пошли, я отвезу тебя домой.

Они сели в джип Воробьева, поплутали по улицам города, «хвост» не обнаружили, и Панкрат отвез Телегина к Федоровскому монастырю. «Отгул», выданный тому настоятелем храма, закончился. Панкрат уехал, еще раз напомнив Виктору об осторожности. В сгущающихся сумерках Виктор неторопливо побрел мимо стен монастыря к Дендрологическому саду, на окраине которого высились башни храма Черного Лотоса. Вечер был теплый, природа радовала глаз обилием свежей зелени, птицы в саду старались вовсю, услаждая слух весенними трелями, однако на душе Виктора было неспокойно. Хотя предположение Воробьева о слежке не подтвердилось, все же Виктор понимал, что профессиональных филеров они могли и не заметить.

«Может быть, плюнуть на все и в храм не возвращаться? — мелькнула неожиданная мысль. — Сошлюсь на семейные обстоятельства, посижу недельку дома и снова пойду на рыбозавод».

Но тут же пришла более трезвая мысль: он уже по уши влез в тайны храма и отступать не имел права. Тем более что просто так его не отпустят.

Стены храма выросли из-за деревьев, слева от дороги, и сразу у Виктора появилось чувство взгляда в спину. Впрочем,

это его не удивило, храм оберегала система видеоконтроля, и за каждым человеком, приближавшимся к зданию, велось наблюдение с помощью телекамер. Незамеченным к его стенам подойти было невозможно.

В своей келье размерами два на четыре метра Виктор переоделся, включил настольную лампу, собираясь почитать перед сном газеты, и в это время его вызвали к настоятелю. Мгновенно заговорило чувство тревоги: сжались мышцы живота, похолодели руки. В двенадцать часов ночи настоятель его еще не вызывал. Однако делать было нечего, и Виктор направился за молчаливым бритоголовым «братом» на территорию второго уровня храма, где располагалась пирамидальная «молельня» настоятеля.

Хозяин храма ждал его в своей келье, не в пример более просторной и светлой, отделанной ценными породами дерева, с красивыми резными панелями и блестящим от лака полом, в котором отражались причудливые потолочные светильники. Кроме кресла настоятеля, напоминающего трон, в помещении стояли изящный столик, три кресла поменьше, по углам располагались полутораметровые статуи Будды, а в нишах стен — необычной формы кувшины.

Настоятель — небольшого роста, с редкой растительностью на лице, одетый в блестящий шелковый халат, прохаживался у столика, поглаживая сидящего на руках кота. Увидев Телегина, он вдруг запустил кота в угол комнаты, словно бросил камень, а не живое существо, просеменил к Виктору и ласково спросил, склонив голову набок:

— Ну, как прошла встреча, брат?

— Нормально, — пожал плечами Телегин. — Дочка соскучилась...

— Я не об этом, — тем же тоном перебил его Чон Хон Пак; по-русски он говорил без акцента. — Как прошла встреча с господином Воробьевым?

Все-таки за мной следили, подумал Виктор почти равнодушно. Панкрат был прав, не повредило бы это ему...

Вслух же он проговорил:

— Давно не виделись, вот и потянуло встретиться, приятели все же. А что?

— И о чем беседовали давние приятели?

— О том о сем... вряд ли это представляет для кого-то интерес.

— Как сказать. Попытайтесь все же припомнить тему беседы.

— Да в чем дело? — вспылил Виктор. — Я что, не имею

права встречаться с друзьями? В контракте не было такого пункта.

— В контракте нет и другого пункта, разрешающего передавать сведения о нашей обители другим лицам.

Настоятель щелкнул пальцами, и в комнату вошел тот самый бритоголовый монах, что вел Телегина сюда.

— «Глушак», — коротко сказал Чон Хон Пак.

Монах вытащил из-под полы рясы пистолет с толстым дулом, направил на Телегина, и тот, ощутив смертельную тоску, прыгнул в сторону, понимая, что не успевает уйти от пули. Однако вместо пули он получил странный тяжелый удар, встряхнувший тело изнутри. В голове взорвалась тихая бомба необычных ощущений, глаза Виктора едва не выскочили из орбит, и ему все стало безразлично. Сознания он все же не потерял, хотя на ногах не удержался.

Над ним склонились два лица, смуглое, с редкой бородкой — настоятеля и мясистое, флегматичное — монаха.

— Рассказывай, — раздался обманчиво ласковый голос. — Что ты передал Воробьеву?

— Ничего, — почти беззвучно выдохнул Виктор, прислушиваясь к странному звону в распухшей голове.

— У него «белая» реакция на импульс, — сказал бритоголовый. — Через пару минут отключится.

— Волоки его в лабораторию.

— Зачем он вам? Проще камень к ногам и в пруд...

— Он мне понадобится до двадцать шестого. Пусть сыграет роль тайного агента. Всади в него соответствующую программу.

— Как знаете.

Телегина поволокли за ноги по полу, и голоса извне окончательно уплыли в усиливающийся в голове звон. Не пришел он в себя даже в тот момент, когда его растянули на специальном столе и пристегнули металлическими скобами.

Воробьевы укладывали детей спать, когда в дверь позвонили. Лида направилась было в прихожую, но Панкрат велел ей остаться в детской и бесшумно приблизился к двери, прислушиваясь к своим ощущениям. Гостей он не ждал, и появление кого бы то ни было в десять часов вечера, по его мнению, не предвещало ничего хорошего. Однако на этот раз он ошибся.

— Эй, хозяин, открывай, — послышался из-за двери знакомый голос. — Дед Мороз пришел, Снегурочку привел, подарки принес.

— До Нового года еще дожить надо, — проворчал Панкрат, открывая дверь. — Привет, Дед Мороз.

Вошедший Ираклий обнял его, прошел в прихожую с двумя огромными меховыми игрушками: медведем и слоном. Вслед за ним вошла улыбающаяся Мария с сумкой, одетая в брючный костюм.

В доме началась суета, дети соскочили с кроватей, получили игрушки, конфеты, книжки, и загнать в кровати их удалось с большим трудом. Взрослые смогли уединиться на кухне лишь час спустя. Лида приготовила кофе, бутерброды, салаты, Панкрат открыл бутылку вина, и они наконец наговорились, вспоминая былые дни, друзей и знакомых, совместные дела и встречи.

Вскоре Лида, понимающая обстановку и желание гостей побеседовать с Панкратом по делу, сослалась на усталость и ушла в спальню. Шутки и смех на кухне смолкли.

— Она не обиделась? — понизил голос Ираклий, кивнув на дверь.

— Лида умница и понимает, что вы пришли не просто посидеть за бутылкой вина. — Панкрат улыбнулся. — Это не видно только глухонемому. Зачем я вам понадобился?

Гости переглянулись.

— Ты неправильно оцениваешь наше появление, — сказал Ираклий. — Мы пришли, чтобы помочь тебе и твоему начальнику ликвидировать базу Легиона. Вместе с храмом Черного Лотоса.

Воробьев нахмурился.

— Откуда вам известно, что мы собираемся уничтожить базу?

Мария фыркнула, Ираклий засмеялся.

— Расслабься, дружище, мы работаем на одну и ту же систему, которая диктует условия исполнения Замыслов.

— У Вали Асламова, — добавила Мария, — конечно, есть своя команда, но ее недостаточно для уничтожения базы. Вот нам и приказали подстраховать вас. А так как времени до начала операции осталось немного, давайте обсудим варианты. Вам удалось добыть план подземелий храма?

Панкрат, помедлив, кивнул.

— Асламов мне ничего не говорил о вашей поддержке...

— Он будет извещен.

— Зря вы влезаете в это дело, авось мы справились бы и сами.

Ираклий с усмешкой покачал головой.

— Авоська парень добрый: или выручит, или выучит. Но лучше на него не полагаться. Вводи нас в курс дела.

— Без Асламова не могу, — уперся Панкрат. — Я должен сначала посоветоваться с ним.

— Хорошо, — согласилась Мария, — советуйся.

В то же мгновение в прихожей сработал звонок. Панкрат замер, прислушиваясь.

— Открывай, — посмотрела на него Мария с веселыми искрами в глазах. — Это Валентин.

Гость и в самом деле оказался Асламовым. Он поцеловал ладонь Марии, пожал руки мужчинам и присел за стол, оглядывая нехитрую снедь.

— Пожалуй, я тоже выпью глоток винца, давно не сидел в приятной компании. Итак, сударь и сударыня, на чем мы остановились?

Панкрат исподлобья взглянул на Марию, на Ираклия, и те засмеялись, понимая его колебания. Улыбнулся и Асламов.

— Кажется, майор не в восторге от ваших предложений. Я тоже, к слову, но, поскольку рассчитывают трафики специалисты, им виднее, кого привлекать к операции. Я просил только электронщика...

— Есть такой человек, — вставил Ираклий.

— Отлично. При штурме храма и базы в первую очередь надо будет вывести из строя компьютерную сеть защиты, это поможет обойтись без лишнего шума. Но предупреждаю сразу: операция рассчитана на неприменение огнестрельного оружия. Ваши люди должны это знать. Стрельба недопустима!

— А если взять «глушаки»?

Брови Асламова приподнялись.

— У вас есть генераторы подавления воли?

Мария тоже взглянула на Ираклия с недоумением.

— Во-первых, у меня еще с кампании на Селигере сохранился экземпляр, хотя он и разряжен. Во-вторых, можно попытаться добыть «глушаки» на Селигере. Лаборатория и база взорваны и затоплены, но, имея подводное снаряжение...

— Там наверняка уже побывали легионеры, — скептически хмыкнул Панкрат.

— Мысль действительно неплохая, — сказал Асламов, — но у нас нет времени на ее осуществление. Возьмите с собой ваш «глушак», мы его зарядим. А теперь давайте обсудим план действий. Операция начнется в понедельник двадцать шестого, в четыре часа утра...

...Утро двадцать шестого апреля выдалось холодное, с ветерком. Если бы не умение Панкрата регулировать температуру тела, он замерз бы, дожидаясь начала атаки.

Всего в засаде вокруг храма сидели около двадцати человек, среди которых были и люди Ираклия. В их задачу входила отсечка электропитания храма и вывод из строя компьютерной сети, контролирующей всю защитно-охранную систему базы.

Одна из спецгрупп Асламова должна была отвлечь силы охраны, атаковав автосервис, где располагался главный вход на базу. Сам же Валентин собирался проникнуть на третий уровень храма через апартаменты настоятеля. Панкрат, естественно, должен был прикрывать ему спину, продолжая исполнять обязанности телохранителя.

Мария непосредственно в операции не участвовала. Точнее, не участвовала в физическом плане, намереваясь обеспечивать главных исполнителей энергоинформационной поддержкой. Почему Асламов не взял ее в качестве берегини, владеющей секретами прохождения сквозь любые охранные системы, Панкрат не понял. Он еще помнил первую встречу с женщиной-Ходоком, свободно преодолевшей сторожевые посты базы «Психодава», чтобы встретиться с ним и предупредить об опасности.

— Пора! — прошелестел в наушнике рации голос Асламова.

И тотчас же фонари у ворот храма Черного Лотоса погасли. Ираклий отключил подстанцию, питавшую всех потребителей в Дендрологическом саду.

Панкрат включил двигатель микроавтобуса «Мицубиси» (точно на таком же разъезжал по городу начальник охраны храма; было известно, что в эту ночь он остался у своей любовницы и в храме не ночевал) и подъехал к воротам здания-замка. Посигналил, как это делал начальник охраны. Железная дверь рядом с воротами открылась, оттуда выглянул охранник в черной робе, увидел хорошо знакомую машину и скрылся. Створки ворот начали медленно раздвигаться. Механизм отпирания был обесточен, и охранникам пришлось открывать ворота вручную. Когда щель между створками достигла метровой ширины, в нее скользнула быстрая тающая тень, едва различимая в свете подфарников «Мицубиси». Это был Асламов, добравшийся до стен храма самостоятельно.

Ворота перестали раздвигаться, однако шума схватки Панкрат не услышал. Во дворе и во всем огромном здании-замке по-прежнему царила тишина. Через полминуты створки ворот снова поползли в разные стороны.

— Заезжай, — пискнула рация. — Поставь машину носом к воротам, бери взрывчатку и двигай к двери в хозблок.

Панкрат выполнил приказ и тенью перелетел двор храмового комплекса, хорошо различая предметы с помощью прибора ночного видения. Восточный край небосвода посветлел, начинался рассвет, но в кольце стен внутри двора все еще стоял плотный кисельный мрак ночи, поэтому прибор оказался кстати. Панкрат попробовал было двигаться без него, надеясь на свое кошачье зрение, однако едва не свалился в яму и перестал насиловать глаза, отказывающиеся работать с повышенной нагрузкой в условиях недоброго пространства храма.

Асламов ждал его у открытой двери в хозяйственные помещения здания, из которых можно было пройти на второй уровень храма в покои настоятеля. У ног Валентина недвижно лежало тело монаха.

Бесшумно, на цыпочках они двинулись через анфиладу комнат и коридоров к центру храма. Здесь в каждом коридоре были установлены миниатюрные телекамеры, о чем сообщал Телегин, и пройти по ним, не поднимая тревоги, едва ли удалось бы даже при отсутствии электричества. Однако, судя по всему, человеку Ираклия, специалисту в области подавления рабочих режимов электронного оборудования, удалось вывести из строя компьютер контроля, и на движение ночных гостей техника храма не реагировала. Тревога поднялась позже, когда страхующая спецгруппа начала отвлекающую атаку на автосервис, маскирующий подземный въезд на базу.

В этот момент Асламов и Панкрат уже подошли к двери, ведущей в покои настоятеля, и ждали сигнала, разрешающего начинать активную фазу вторжения. Сигнал — дребезжащий звонок тревоги, разбудивший всю охрану, раздался в половине пятого, и тотчас же внутренние покои храма наполнились движением, топотом ног и голосами: проснулись в кельях братья и ученики настоятеля, готовые стать новыми центурионами Легиона, наемниками «без страха и упрека».

Дверь в пирамиду настоятеля открылась, оттуда выбежали двое бритоголовых монахов с фонарями в руках. Асламов прикосновением пальца парализовал первого, Панкрат нокаутировал второго ударом в кадык. Но прежде, чем войти в настоятельские апартаменты, Асламов, у которого глаза светились, как два кристалла дымчатого хрусталя, на несколько мгновений остановил Панкрата и проговорил, приблизив лицо к лицу:

— Что бы ни случилось, ты должен взорвать базу! После операции у тебя будет новое задание...

— Какое? — вырвалось у Панкрата.

— Не вечно же тебе быть моим телохранителем. Вероятнее всего, тебя вызовут в Сергиев Посад. А пока... будь осторожен! Опасайся всех. В том числе и меня.

Асламов сжал плечо Воробьева железными пальцами и скользнул в дверь. Панкрат вынужден был последовать за ним, хотя и не понял последних слов Витязя. Но размышлять над этим было некогда, начиналась самая ответственная фаза операции и счет пошел на секунды.

В покоях настоятеля их встретили двое телохранителей и сам настоятель храма, успевший встать и привести себя в порядок после сигнала тревоги. Они не ждали появления гостей «с тыла», то есть со стороны подсобных помещений храма, поэтому преимущество внезапности оказалось на стороне диверсантов, и бой получился скоротечным и неэффектным, несмотря на незаурядное искусство мастера тхеквондо, которым, несомненно, мог считаться Чон Хон Пак.

Асламов на ходу «зарубил» одного из телохранителей корейца, схватился с ним самим — в полумраке молельни, освещенной лишь двумя свечами, таким образом, Панкрату достался второй телохранитель, и он быстро реализовал свое превосходство в технике пресечения боя. Прибор ночного видения пришлось снять, он только мешал в этих условиях, но зрение и интуиция не подкачали, и Панкрат, змеей увернувшись от удара, нашел брешь в обороне монаха, перехватил руку с ножом и уложил бритоголового одним ударом в переносицу.

Каким образом удалось справиться со своим противником Асламову, Панкрат не понял. Оглянувшись, он успел увидеть, что кореец с поднятыми вверх руками летит через всю молельню, сшибая телом статуи Будды и кувшины, рванулся было за ним, посчитав, что настоятель хочет сбежать с поля боя, но Чон Хон Пак ударился всем телом о стену и без звука рухнул на пол. Схватка с Витязем закончилась для него плачевно.

— Ищи лифт на нижний горизонт, — сказал Асламов, склоняясь над телом настоятеля. — Он должен быть либо в комнате отдыха, либо в рабочем кабинете.

Панкрат метнулся из зала с троном и статуэтками Будды, обыскал комнату отдыха с пятью креслами и камином, затем рабочий кабинет настоятеля с компьютером и телесистемой последней модели — с мозаичным плоским экраном. Лифт

оказался здесь, замаскированный под огромный сейф. Видимо, такая незатейливая маскировка казалась хозяину кабинета идеальной.

— Нашел, — проговорил Панкрат в усик рации. — В кабинете. Но вряд ли эта дверь открывается вручную.

Асламов появился в кабинете через несколько секунд, ведя за собой настоятеля, выглядевшего алкоголиком в состоянии полного отупения.

— Код лифта! — жестко бросил он.

Чон Хон Пак вяло шевельнулся, пробубнил под нос несколько цифр и снова застыл, глядя перед собой погасшими глазами. Только теперь Панкрат понял, что кореец находится под гипнотическим влиянием Асламова.

— У тебя «глушак»? — догадался он.

— Мне он не нужен, — отозвался Валентин, вызвал Ираклия. — Что у вас там, Федотов?

— Все идет нормально, — прилетел тихий голос Ираклия. — Контролируем подстанцию и телефонную сеть. Ваши прошли автосервис, но дальше у них ловушки и пулеметы, а у наших парней только кулаки и зубы. Что делать?

— Делать вид, что атакуете. Включите мне на минуту питание, чтобы я спустился вниз.

— Один момент.

Через несколько секунд келью настоятеля залил свет — включилось электропитание храма. Асламов сел за компьютер, умело отыскал файлы включения местных технических систем, набрал код лифта, и толстая дверь «сейфа» медленно повернулась на оси, открывая внутренности тесноватой кабины лифта.

— По команде отрубайте питание снова, — сказал Асламов, жестом показывая Панкрату на лифт, повернулся к настоятелю. — Выводи отсюда всех своих учеников и братьев, храм заминирован и скоро взорвется. Понял?

— Понял, — деревянным голосом откликнулся Чон Хон Пак.

— Выполняй!

Асламов и Воробьев нырнули в лифт, и кабина плавно пошла вниз. Остановилась. С шорохом раздвинулись двери, и на пассажиров лифта уставилось дуло автомата в руках здоровенного амбала в пятнистой форме. За спиной амбала стоял еще один боец с автоматом, дальше начинался освещенный плафонами коридор с бетонными стенами и полом, с рядом дверей, а по коридору шел третий спецназовец в камуфляже, ведущий на поводке пса.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Асламов стоял первым, он и начал первым, едва открылась дверь лифта. Охранникам базы не хватило каких-то мгновений, чтобы оценить ситуацию и открыть огонь, а Панкрат впервые в жизни увидел, на что способен готовый к бою Витязь.

Автомат внезапно вылетел из рук первого охранника и опустился на ствол автомата второго, выбивая его из рук. Затем первый отлетел в сторону, врезаясь спиной и затылком в стену коридора, второй крепыш вдруг согнулся пополам, а третий, находившийся в десяти шагах от лифта, успел лишь сорвать с плеча свой автомат (бесшумный «вал») и направить его на то место, где стоял Асламов. В следующее мгновение его пес молча прыгнул на хозяина и сомкнул челюсти на рукояти автомата и на кулаке парня. Раздался приглушенный вопль, спецназовец попытался стряхнуть собаку, но Асламов оказался рядом и успокоил его прикосновением ребра ладони к шее. Потрепал пса по голове, и тот растянулся рядом с хозяином, опустив голову на лапы.

Прошло всего две секунды, может быть, чуть больше, Панкрат за это время успел лишь выскочить из лифта, готовый прикрыть командира и вступить в бой, но его помощь не понадобилась. Охранники не смогли оказать достойного сопротивления Витязю, хотя были вооружены не в пример серьезнее.

— Это верхний горизонт базы, — сказал Асламов, как ни в чем не бывало оглядываясь на спутника. — Идем вниз, на дно. Не отставай и не вмешивайся без надобности.

Они пробежали коридор, спустились по лестнице на этаж ниже, где встретили двух охранников и оставили их в беспамятстве, едва ли успевших осознать, что происходит. Следующий горизонт базы пришлось очищать вдвоем, охранников здесь оказалось втрое больше, и бой — со стрельбой и шумом — длился минуты две, пока Асламов не бросил в коридор две гранаты — светобарическую и газовую. Только после этого стрельба стихла, ослепленные и оглушенные охранники прекратили сопротивление, и диверсанты обезоружили их, связав руки ремнями.

— Уходите через крышу, — бросил им Асламов. — Уводите всех, кого встретите. Через минуту здесь все взлетит на воздух. Живее!

Очумелые парни в камуфляже бросились к лестнице, исчезли.

— А если они вернутся? — спросил Панкрат. — С оружием? Его здесь хватит на армию.

— Не вернутся, — отрубил Асламов. — Ставь мины. Вон та зеленая дверь — хранилище взрывчатки, на нее посади «веер»[1]. Время взрыва — через пятнадцать минут. Включай и уходи.

— А ты?

— За меня не беспокойся, я навещу тут один погребок, лаборатория там прячется.

— Давай вдвоем...

— Делай, что приказано! — Асламов шагнул прочь, оглянулся. — Если через десять минут не вернусь, выбирайся сам. И помни, что я сказал.

Исчез — сразу и без звука, будто был не человеком, а фантомом, голографической проекцией.

Панкрат выругался про себя, снял рюкзак с плоской металлической коробкой внутри, достал оттуда десять мин специального назначения, использующихся для диверсионных акций, и начал крепить на дверях по всему коридору подземелья, устанавливая на индикаторах одну и ту же цифру 15.

О том, что в храме где-то находится Виктор Телегин, он вспомнил, когда установил последнюю мину. Поколебавшись несколько мгновений, вызвал по рации Асламова:

— Все готово. Могу я за оставшееся время отыскать Виктора? Он в храме наверху...

— Иди, — пришел ответ. — Постарайся в момент взрыва быть вне стен сего заведения.

— Ты успеешь?

— Не задавай глупых вопросов. — И после паузы: — Всем отбой! Сворачиваемся. Отход в установленном порядке.

Панкрат перешел на т е м п и устремился к лестнице, ведущей из бункера базы в покои настоятеля храма.

Он не знал, что за всеми действиями диверсантов наблюдали внимательные глаза — через сеть скрытых мини-телекамер, питающихся автономно. Он не знал, что их появление на базе было рассчитано заранее и охрана создавала лишь видимость сопротивления. Он не знал и не мог знать, что Асламова ж д а л и в лаборатории и, когда тот появился там, — началась операция «анаконда», разработанная экспертами Легиона и поддержанная конунгом Авогеиным. Мария, даже если бы и догадалась о ловушке, не смогла бы защитить Витязя, добровольно идущего в пасть дьяволу... Телегина Пан-

[1] «Веерная» мина, боеприпас направленного взрыва.

крат не нашел. Храм был пуст, когда он вихрем промчался по его залам и кельям, теряя драгоценные секунды на осмотр закоулков и тупиков. Когда он наконец выскочил из замка во двор, до взрыва оставалось всего около двадцати секунд. Сел в машину, погнал ее к воротам и едва не сбил человека, вдруг выросшего на пути. Это был Асламов.

— Прыгай! — открыл Панкрат дверцу со стороны переднего пассажирского сиденья.

Но Асламов вдруг упал лицом вниз, и Панкрат поначалу решил, что Валентину выстрелили в спину, пригнулся, окидывая пустой двор и стены храма яростным взглядом, потом выругался сквозь зубы, метнулся наружу, открыл дверцу салона микроавтобуса, буквально вбросил туда тяжелое тело Витязя и дал газ.

База взорвалась точно в расчетное время. Машина Панкрата в этот момент находилась в сотне метров от храма.

Взрыв оказался негромким: дернулась земля, глухой гул покатился по Дендросаду, по лесам и полям, улицам и площадям города, не особенно-то и пугая его жителей, никогда не слышавших подземных взрывов. Однако храм Черного Лотоса не устоял.

Панкрат оглянулся и успел увидеть, как стены замка со всхлипом осели, загрохотало, в воздух взметнулась туча пыли, и наступила тишина. Военно-учебная база Легиона перестала существовать.

КОВАЛИ

КРУТОВ

Семейная жизнь потихоньку наладилась. Лиза взяла хозяйство Крутовых в свои руки и почти отстранила от забот бабу Аксинью, доверив ей лишь уход за коровой. Дед Осип с виду проявлял недовольство, ворчал, но был явно рад такому повороту событий, вернувшему в дом живую, здоровую атмосферу.

Естественно, Крутов радовался возвращению прежних отношений не меньше, хотя нет-нет да и вспоминалась жаркая встреча с Марией в тренерской комнате Жуковской школы. В такие минуты он чувствовал себя неуютно, раздвоенно, однако был твердо уверен, что т а к и х встреч больше не будет. Встретиться с Марией или с любой женщиной в интимной обстановке означало предать Лизу, а предателем Крутов никогда не был.

Георгий после обряда очищения Елизаветы куда-то запропастился, и Егору пришлось самому решать вопросы дальнейшей разработки Данильянца, пожелавшего дважды встретиться с вербовщиком Катарсиса после его первого визита на дачу, чтобы окончательно прояснить ситуацию и принять решение. В последний раз они увиделись аккурат после Пасхи, причем Данильянц сам приехал в Ковали в сопровождении Жоры Мокшина и двух телохранителей, которых оставил в машине за околицей деревни.

Мокшина Егор в дом не пустил, а Данильянца пригласил в горницу. На веранде Лиза приготовила чай, поставила на стол пряники, конфеты, варенье и ушла на огород к бабе Аксинье; женщины готовили грядки для посадки лука, моркови и укропа.

Горячительные напитки Егор не предложил гостю намеренно, подчеркнув деловой характер встречи.

— Теперь я понимаю Жору, — сказал Данильянц, кивнув вслед Елизавете. — Красивая у вас жена, Егор Лукич. Как вам удалось отбить ее у Георгия, да еще в бытность его мэром?

— Долго рассказывать, — равнодушно сказал Крутов, гадая, с чем на этот раз явился к нему крестный отец брянской мафии. — Давайте сразу к делу, Лев Арменович, я дорожу своим свободным временем.

— Да, вы человек прямой, — согласился гость, — с вами не нужно хитрить, прощупывать почву, ходить вокруг да около, но мне это нравится. Перейдем к делу. Прежде чем принять окончательное решение, мне бы хотелось прояснить пару моментов. Момент первый. Ради чего я должен ломать свои планы, созданную систему отношений и идти воевать с мифическими силами Сатаны?

— Я уже говорил...

— Повторите свои доводы еще раз.

Крутов задумчиво размешал сахар в чашке с чаем, добавил ложку малинового варенья.

— Пожалуй, к тем доводам я добавлю еще один. Вы не можете не видеть, что происходит в России. Но если вы не патриот своей страны...

— Допустим, я патриот... в какой-то мере и никуда отсюда уезжать не собираюсь. Что же происходит в России?

Егор похвалил себя, что не бросил изучать наследие отечественных философов. Последние книги, которые он прочитал, были сочинениями Платонова и Розанова.

— Нынешний кризис не только экономический и политический, но и социокультурный. Это кризис базовых жизнен-

ных и, если хотите, мировоззренческих установок, совестных ориентаций. Нынешним кризисом, по сути, подводится черта всему, что происходило с Россией в XX веке. Исковеркана больше, чем жизнь, — душа народа!..

— Гладко говорите, — с разочарованием махнул рукой Лев Арменович. — Это не ваши мысли и слова. А сами вы как относитесь к происходящему?

Егор нахмурился, чувствуя, как запылали уши. Сказал твердо:

— Я сын своего народа и данного времени. Я знаю, что Сатана существует, я знаю, что достичь мирового господства силам Сатаны невозможно без ослабления и последующего уничтожения России, как своего основного конкурента, и я сделаю все, чтобы этого не произошло.

— Но ведь Россия уже проиграла...

— Еще не проиграла, господин бизнесмен! Лживая западная пропаганда сделала все возможное, чтобы доказать миру превосходство западно-американских ценностей, но своего не добилась. Возрождение духовной ведической цивилизации начнется именно с России. Никому на Земле не дано сделать из нас рабов! Пример тому — Югославия. Чего добились НАТО и главный идейный вдохновитель войны — США?

— Так не любите американцев? — с любопытством спросил Данильянц.

Крутов остыл, виновато улыбнулся.

— А вы хотите, чтобы я любил цивилизацию, имеющую всего лишь двухсотлетнюю историю и такой же продолжительности опыт геноцида, разрушения Природы? Цивилизацию, претендующую на роль господина планеты?

Данильянц прищурился.

— Да вы националист, Егор Лукич. Я ведь не русский, а вы собираетесь включить меня в систему очищения России.

— Ошибаетесь, — покачал головой Крутов. — Русские за всю свою историю не были ни националистами, ни нацистами, и наши духовные лидеры испокон веков учили нас, что породнение с другими народами не является духовной смертью. Я целиком и полностью на этой позиции, и ваше участие...

— Я понял. Вернемся к моему вопросу.

— Мне нечего добавить, кроме одного: Сатана способен вселяться лишь в поврежденные умы и психику, ваш ум еще не поврежден до такой степени, и если вы согласитесь бросить ему вызов...

— Я понял. Но мне этого недостаточно. У вас есть еще аргументы в запасе?

Крутов вдруг улыбнулся, с жалостью и превосходством глянув на собеседника.

— Не знаю, знакомо ли вам совершенно удивительное ощущение... когда наступаешь на горло собственной песне, чтобы сделать кому-либо маленькое, но добро! Я испытал его. Не хотите попробовать?

Данильянц засмеялся.

— Еще раз убеждаюсь в правильности выбора посланца вашими начальниками. Вы не просто мастер боя, но и хороший психолог, Егор Лукич. Полковники, с которыми я встречался, в массе своей не производят впечатления умных людей. Хотя мне от этого не легче. Почему все-таки вы пришли именно ко мне? Ведь я на самом деле босс довольно мощной криминальной группировки и многие свои дела проворачиваю в обход закона.

— Это возрастное, — сказал Крутов. — Пройдет. У вас будет столько возможностей поработать на закон, что в конце концов вам это понравится. Потому что против нас собраны несметные силы, главное оружие против которых — ум и природный дар обходить препятствия.

— Мои партнеры меня не поймут. Впрочем, конкуренты тоже.

— Вам предлагается проявить себя в ином плане, подняться на уровень выше, а то и на два, сражаться с противником, который достоин не только ненависти, но и уважения, ибо ему почти удалось завоевать Землю. Вас это не вдохновляет?

— Не очень, — признался Данильянц.

— В таком случае дальнейший наш разговор бесперспективен, — сухо сказал Крутов. — Я ничем помочь вам не смогу. Вероятно, наши аналитики все же ошибаются иногда.

Данильянц, оставшись рассеянно-спокойным, допил чай.

— Это правда, что ваш противник... э-э, применил против вас психотронное оружие?

— Правда, — кивнул Егор, начиная тяготиться беседой. — Индивидуальные излучатели типа «удав», так называемые «глушаки», и стационарные системы кодирования «лунный свет».

— Вы их видели?

— Я испытал их на себе.

— Да?! И выжили?

— Как видите.

— Не сердитесь, Егор Лукич, я привык взвешивать все «за»

и «против», прежде чем начать любое мало-мальски серьезное дело, а тут ведь предлагается полный переворот деятельности. А у вас на вооружении нет «глушаков»?

Крутов подозрительно посмотрел на гостя.

— Прямое обращение к психике человека допустимо только в случае угрозы жизни или для лечения больного. Наши службы обходятся без технических устройств подавления воли.

— Я что-то слышал об этом. — Данильянц пошевелил пальцами. — Кажется, вы каким-то образом воздействовали на брата Жоры. Это имеется в виду?

— И многое другое. В этом плане я еще ученик.

— Скажите, Егор Лукич, вы и на меня можете воздействовать... дистанционно, без применения «глушаков»?

— Такой задачи на сегодняшний день я не ставил.

— А какую задачу вы поставили себе сегодня в отношении меня?

— Два поцелуя в щеки и контрольный в затылок, — засмеялся Егор. — Еще вопросы есть?

Улыбнулся и Лев Арменович, сделал вид, что ответы хозяина его вполне удовлетворили, оглядел горницу.

— Уютно у вас здесь, спокойно... Разрешите вопрос из другой оперы, Егор Лукич? Почему вас потянуло из столицы в деревню? От комфортабельных условий к «удобствам во дворе»? Зов предков? Голос родины?

— В том числе, — кивнул Крутов. — На территории России семье нормально живется лишь в доме усадебного типа с огородом и садом под окнами, в условиях сосуществования с природой. Если бы эта доминанта демографической обусловленности не исчезла под натиском западного образа жизни, Русь до сих пор была бы великой империей.

Данильянц, не ожидавший от бывшего полковника такой эрудиции, с удивлением пригляделся к нему, качнул головой:

— Даже если вы повторяете чужие слова, с вами интересно беседовать, Егор Лукич. Честное слово. И позвольте последний вопрос: что конкретно должен буду делать я?

— Вы приняли решение?

— Допустим.

— Так не пойдет.

— Хорошо, принял.

— В таком случае я свою миссию закончил. С вами теперь будут работать другие люди. Я же не компетентен ставить перед вами задачу. Могу лишь предположить, что первое ваше задание будет связано с частными направлениями нашего дела — упреждение террора и выявление и борьба с коррупцией.

— Всего-то? — насмешливо поднял бровь Данильянц.

— До высшего уровня Сопротивления надо еще дорасти, — с извиняющимися нотками в голосе ответил Крутов, не поняв реакции гостя. — Мне он тоже недоступен.

Данильянц хмыкнул.

— Вы меня не поняли, для меня и уровень борьбы с коррупцией великоват. Какова же цель этого вашего Сопротивления?

— По-моему, вам давали такую информацию.

— Хочется услышать еще раз, без чеканных формулировок.

Крутов в замешательстве оттянул нижнюю губу, перехватил ироничный взгляд Льва Арменовича и принял безразличный вид.

— Основной Замысел тех, кто стоит за названием Сопротивление, — коррекция развития страны, создание общего духовного поля, путей же к достижению этой цели — великое множество. У меня — свой, у вас — свой.

— Это я понимаю. — Данильянц сделался задумчивым. — На мой взгляд, ваша идеология проигрывает идеологии Сатаны, имплантированной в Россию идеями Запада. На месте ваших руководителей я бы постарался перенести состояние войны с территории России вовне — в Америку, в Европу, даже в Азию. Захватывать их рынки, продавать и внедрять нужную нам информацию, распространять упреждающую дезинформацию, как это делают они, внедрять свою концепцию мировоззрения. Врага надо бить его же оружием и на его поле. Вы согласны?

Крутов молчал, разглядывая обманчиво простодушное лицо Данильянца. Подумал, что тот действительно умный делец и что, если он начнет работать на Катарсис, вербовку можно будет считать удачной.

— Что молчите, Егор Лукич?

— Думаю, зачем вы ко мне пришли. Ведь вы давно все просчитали и решили.

— Не все, к сожалению. — Данильянц хлопнул ладонями по столу, встал. — Не хочется ошибаться. Хотя я это, кажется, говорил. Спасибо за гостеприимство. Надеюсь, еще увидимся.

Крутов тоже встал, проводил гостя до калитки, где маялся не решившийся нарушить беседу Мокшин. Вслед за Егором

вышла и Елизавета, обняла мужа сзади, провожая глазами неторопливо шагавшую по улице пару.

— Зачем они приходили?

— За собой, — усмехнулся Егор. — Жорка ничего собой не представляет, только щеки надувает, а вот его босс — птица высокого полета. Умен и силен. Если он начнет работать на Катарсис...

— Он действительно сильный, я вижу. А Жорка — опасный и хитрый, за ним глаз да глаз нужен. Ты его не любишь, вот и недооцениваешь.

— А ты любишь?

— Не говори ерунды! — рассердилась Лиза.

— Не буду, не буду, — обнял ее Крутов. — Может человек пошутить?

— Лучше не надо, — успокоилась Лиза. — Кстати, ты мне так и не рассказал, что такое этот ваш Катарсис.

— Очищение...

— Самое совершенное очищение — смерть!

Егор с изумлением покосился на жену, повернул к себе.

— Что за мрачные мысли, берегиня? О жизни думать надо, а не о смерти. Вот очистим нашу землю от печати Сатаны и заживем в удовольствие. Кстати, не подумать ли нам о продолжении рода?

— Прямо сейчас? — округлила глаза Елизавета.

Крутов рассмеялся, подхватил ее на руки и внес в дом. Через минуту они занимались любовью в своей спальне, веря, что их никто не потревожит...

В воскресенье двадцать пятого апреля Крутов собирался помочь свояку Ваське починить крышу сарая, поэтому встал рано, хотя из теплой постели со спящей женой выбирался с сожалением. По утрам они испытывали такое желание, такую тягу к игре и ласкам, что редкое пробуждение не заканчивалось вспышкой страсти. Однако на этот раз его ждало иное действо.

Когда Егор уже заканчивал разминочный комплекс жи́вы, способствующий поднятию тонуса, без усилий проведя руку сквозь деревянный столб, вкопанный во дворе за погребом, неожиданно появился Георгий, деловитый, сосредоточенный и серьезный.

— Собирайся, полковник.

— Куда? — не понял Крутов, разглядывая наряд гостя: белый кафтан с вышивкой на воротнике и на рукавах, подпоясанный красным кушаком, белые штаны, мягкие сапожки. — Что это ты так вырядился? Или с народных гуляний возвращаешься?

— У тебя впереди вывод на траекторию воздействия...

— А ты здесь при чем, весь в белом?

— А я участник церемонии твоего Посвящения. Созрел ты, паря.

Крутов невольно улыбнулся, получив в ответ беглую улыбку взаимопонимания.

— Лизавете нельзя поприсутствовать?

— Она уже ждет.

Егор недоверчиво посмотрел на Георгия, сбегал в избу, но жену в спальне не нашел. Пока он заряжался утренней праной и силами природы, она успела встать, собраться и незаметно уйти.

«Ну, погоди, заговорщица!» — подумал Егор с нежностью.

Переодевшись, он успокоил вставшего Осипа и вышел на огороды, где его ждал похожий на скомороха Георгий.

— Куда идти-то?

— А на хутор, где кресили Елизавету, — ответил Георгий. — Там единственное в округе место с антисатанинской экологией плюс обережный круг.

— Пешком пойдем?

— Можно и на машине, но тогда ты рискуешь не войти в Посвящение. Иди и слушай, что тебе скажут земля и лес.

Георгий повернулся и зашагал по тропинке к березовой рощице за огородами деревни.

Егор вынужден был догонять быстроногого Витязя, молча пристроился за спиной, таким образом они обошли Ковали с юга и углубились в леса, не теряя из виду тропинки, ведущей через болото к хуторам и дальше, в Старь.

Как всегда, Крутов вскоре почувствовал живую тишину окружающей природы, как бы растворился в ней, проникся ее покоем и дружелюбием, ощутил себя ее частью и стал различать запахи и шепоты духов земли и леса, не желавших ему зла. Очнулся он от этого убаюкивающего состояния уже на середине гати, пересекающей болото вблизи хутора Дедилец. Как оказалось, пять с лишним километров от Ковалей до хутора они преодолели за полчаса. И только пройдя гать, Егор наконец заметил, что их сопровождали два волка.

— Оберегайте! — сказал им Георгий, кивнув на избы хутора, и волки бесшумно нырнули в кусты.

Гостей встречали трое: Евдокия Филимоновна (оказывается, не уехала старуха к себе в Ветлугу, неужели из-за него осталась?), Елизавета и невысокий седой старец, опирающийся

на суковатый посох, все в белом, с красной вышивкой, буквально светящейся на белом фоне. Крутов вспомнил слова деда Спиридона, утверждавшего, что издавна символом жизни считается красный цвет, а не зеленый, как принято считать сейчас.

Платья на бабе Евдокии и на Елизавете казались одинаковыми, но при более пристальном рассмотрении Егор уловил разницу: на старухе была надета юпа — распашная весенняя одежда из плиса[1], со сборками на спине, с длинными рукавами, а на Елизавете — белая рубаха и сарафан из необычайно тонкой и красивой ткани, изготовлявшейся, как узнал позже Егор, из «золотого руна» — тончайшей льняной пряжи, нити которой можно было рассмотреть разве что под микроскопом. Пряжу называли по-разному: «текучей водой», «вечерним туманом», «сотканным воздухом», «царским виссоном», ее нити в действительности обладали исключительной тонкостью и прозрачностью и были очень легкими. К сожалению, секрет изготовления пряжи был утерян мастерами, и помнили его только волхвы. Баба Евдокия сшила этот сарафан для Елизаветы собственноручно.

— Подойди, — сурово изрек старец.

Ощущая дрожь в коленях, Егор повиновался. Поймал взгляд Лизы, полный любви и нежности, затем строгий взгляд бабы Евдокии и вспыхнул.

— Ты готов принять в о л ю предков? — продолжал старец звучным, отнюдь не старческим голосом.

Крутов помолчал, не зная, что ответить, ощущая щекочущий кожу ток с и л ы от всех троих. Сказал наконец:

— Я уважаю волю предков, но еще больше — их веру.

Старец опустил голову, баба Евдокия неодобрительно качнула головой, и Крутов понял, что сморозил глупость. Его ответ явно не соответствовал ритуалу.

— Я готов принять в о л ю предков, — быстро поправился он.

Глаза старца молодо просияли из-под кустистых бровей.

— Каждый Витязь должен иметь природное, л е т я щ е е, р о д о в о е имя, ты тоже. Ты родился на этой земле, и твое имя ждет тебя, сумей только его отыскать.

— Как? — растерялся Егор, ища взглядом поддержки Елизаветы. Старец отвернулся, медленно побрел прочь вдоль опушки леса, ставя свой посох так, будто искал что-то, и Егор понял подсказку. Еще раз глянул на жену, в огромных

[1] П л и с — хлопчатобумажная ткань с ворсом типа бархата.

глазах которой сиял свет надежды, и двинулся вслед за стариком. Потом подумал и повернул в обратную сторону, не глядя на Георгия, покусывающего травинку в полусотне шагов.

Сначала его сбивали внимательные взгляды женщин, посвисты ветра, шорох листьев, крики петухов во дворах хутора. Никак не удавалось отстроиться от посторонних шумов и внутреннего диалога с самим собой, опирающегося на ироничное отношение к происходящему. Потом все звуки растворились в разливающейся внутри тишине и стали слышны иные «звуки» — тихие щебеты-мысли живых существ, а также деревьев: психоэнергетический взор Егора проник в ментальное поле окружающей его природы, которая в свою очередь настроила его в резонанс со своей музыкой и ритмами. Следующей стадией в х о ж д е н и я в Посвящение стало погружение сознания Крутова в тям — энергоинформационное поле предков, умерших физически, но не покинувших свою землю духовно. Егор перестал чувствовать свое тело и превратился в часть сложнейшего организма-эгрегора под названием Земля...

Как долго длилось это состояние, он не помнил (Георгий потом сказал, что он ходил вокруг хутора больше часа). Казалось, еще одно усилие — и он достигнет иных высот, выйдет в космос, во Вселенную. Однако вдруг что-то изменилось, он остановился возле огромного клена и, не успев толком ничего осознать, хрипло воскликнул, указывая рукой на землю:

— Здесь!

И тотчас же из-под ног, из травы, в которой до этого ничего и никого не было — он мог бы поклясться в этом! — взлетела огромная серебристоголовая птица с острым изогнутым клювом — сокол!

Сокол сделал круг над ним, поднялся выше деревьев, еще раз облетел хутор и стал уходить в высоту, пока не превратился в точку и не исчез.

Крутов очнулся, оглядываясь в недоумении по сторонам, не сразу вспомнив, где и зачем находится. К нему бежала Елизавета, как большая белая птица, налетела, прыгнула на грудь, зацеловала. Затем, устыдившись порыва, умчалась обратно, к бабе Евдокии и старцу, молча глядевших на Крутова.

Подошел Георгий, с любопытством глядя на Егора.

— Поздравляю, Витязь. Твой природный оберег-имя покруче моего будет, у меня был стриж. Теперь ты получил дополнительную защиту. Хотя об этом никто не должен знать, кроме тех, кто участвовал в Посвящении.

— Все так просто... даже не верится...

— А ты хотел бы участвовать в сложнейших ритуалах с жертвоприношениями?

— Нет, но... странно все... и как же меня теперь зовут? Сокол, что ли?

— Кречет, по-древнерусски.

— А тебя?

— Стриж на древнем языке звучит как стирч. Я — Стирч. Однако называть друг друга истинными родовыми именами мы имеем право только в таких священных местах, как это.

— Кречет... — медленно произнес Крутов, смакуя слово, и почувствовал учащение пульсации крови во всех сосудах. Впечатление было такое, будто на имя откликнулось все тело. — Ну, а что дает знание своего родового имени?

— Я же говорил — защиту. В случае активного пси-нападения тебе придут на помощь все предки и даже воля природного эгрегора, в котором ты родился и вырос. Ты еще убедишься в этом, у тебя все впереди.

— Все впереди, окромя того, что сзади, — вспомнил Егор изречение Панкрата Воробьева. — Почему мне помогли найти имя только сейчас, а не полгода назад?

— Дозревал, — сказал Георгий серьезно. — Существует мнение, которое разделяю и я: чтобы узнать, что такое хорошо, надо сначала выяснить, что такое плохо. В более концентрированном виде это суждение превращается в закон: если ты не сталкивался со Злом, не можешь судить, что есть Добро.

— Ты хочешь сказать, что я теперь могу отличить Добро от Зла? Поэтому мне и разрешили присоединиться к родовому дереву?

— Не присоединиться, ты присоединен к нему с рождения, а понять свою ответственность перед Родом. Но будь осторожен в своих поисках и устремлениях, Витязь не должен ошибаться в оценке положения дел, иначе наломает столько дров, что ни один волхв не расхлебает. Зло сейчас так научилось маскироваться, рядиться в одежды Добра, что не сразу отличишь. Иди, тебя ждут.

Крутов сжал руку Георгию, подошел к старцу, бабе Евдокии и Елизавете, поклонился.

— Спасибо вам за все. Постараюсь не подвести.

— Уж не подведи, — усмехнулся старец в бороду. — Это Посвящение лишь начало, а идти тебе по дороге восстановления справедливости далеко. Волна злобы и насилия захлестывает Отечество, святыни поруганы, людям навязывается модель мира, который ужасен и жесток: все плохо, а будет

еще хуже... Сознание людей кодируется этими установками, в подсознание впечатывается сценарий катастрофы, скорого конца света... так вот ты, Кречет, должен научиться воевать не только руками, но мыслью и волей, опирающейся на силу и знания предков. Помочь народу сбросить иго Сатаны и встать с колен. Готов ли ты к такой степени ответственности?

— Кто вы? — спросил Егор, пристально заглянув в глаза старца, чей голос казался ему смутно знакомым. Да и речь старика явно несла признаки современности.

— Я тот, кто м о ж е т. — Сквозь черты древнего старца на миг проступили черты юного лица, и Егор узнал волхва.

— Сергий!

— У меня тоже есть родовое л е т я щ е е имя, — с улыбкой сказал «старец». — Можешь называть меня — Стерх. А теперь прощай. Пусть твой путь к Вышнему будет легок.

Крутов поклонился, а когда выпрямился — ни старца, ни бабы Евдокии перед ним не было. Они ушли по своим делам, зная законы, позволяющие обходиться им без транспортных средств.

Елизавета снова бросилась к мужу, обняла, и так они стояли некоторое время, обнявшись, молча, думая каждый о своем, пока сзади не раздалось деликатное покашливание.

— Ну, я пойду?

Крутов оглянулся на Георгия, отстранил жену.

— Неплохо было бы посидеть за столом, отметить Посвящение. Или ты торопишься?

— Пойдемте с нами, я вас блинами угощу, — присоединилась к мужу Лиза.

— Дел по горло, — заколебался Георгий, — но от блинов, пожалуй, не откажусь.

Крутов бросил взгляд в небо, ища глазами гордую птицу, и ему показалось, что он встретил ответный острый взгляд сокола.

Назад они возвращались на машине Георгия — зеленого цвета «Ладе» сто одиннадцатой модели, а на въезде в Ковали встретили бритоголового монаха в черной рясе.

— Этого-то зачем сюда понесло? — оглянулся Крутов, не ожидавший увидеть в родных местах представителя Братства Черного Лотоса.

— Действительно, странно, — согласился Георгий, также провожая пристальным взглядом крутоплечего молодца с серьгой в ухе.

— Что это вы всполошились? — удивилась Елизавета. — Молодого батюшку не видели?

— Это особый батюшка, — проворчал Крутов, вылезая из машины первым. — Не хотел бы я видеть его в Ковалях.

— Да почему?

— Она не знает о жуковском храме Лотоса? — посмотрел на Егора Георгий.

— Не было случая рассказать.

— Ну-ка, выкладывайте свои секреты, — рассердилась Лиза. — О чем идет речь? Почему вы так забеспокоились, увидев этого монаха?

— Ты обещала блины, — попытался Крутов перевести разговор на другую тему.

— Они готовы, баба Аксинья уже напекла. Сейчас накрою стол, и вы все расскажете.

Лиза убежала в спальню переодеваться.

— Вот хорошо, что зашли, — обрадовался дед Осип, встречая гостя и не обращая внимания на его белоснежный наряд. — А я гадаю, чья это самобеглая коляска к нам завернула? Небось не завтракали? Располагайтесь на веранде, я к вам присоединюсь, проголодался с утра.

Гость и хозяева уселись за стол на веранде, Лиза быстро заставила его снедью: блины, сметана, мед, варенье, чай, — и они принялись трапезничать под добродушное ворчание Осипа, любившего критиковать деятельность нового правительства и плавно переходившего на местную власть. Когда он немного подустал, Елизавета толкнула Егора локтем:

— Выкладывай, что знаешь о храме Лотоса. Никогда не слышала, что в Жуковке такой есть.

— Черного Лотоса, — поправил жену Крутов, глянул на дядьку. — Старик, ты случайно не знаешь, к кому здесь у нас в деревне наведывается молодой монах с бритой башкой и серьгой в ухе?

Осип почесал в затылке.

— Видел я одного такого недавно, да не догадался проследить, куда завернет.

Крутов и Георгий переглянулись.

— Не нравится мне это, — проворчал Егор.

— Мне тоже, — покачал головой Георгий. — Придется задействовать группу «четверки», а то и «двойки». Храм в Жуковке как бельмо на глазу.

— Вы в конце концов объясните, в чем дело? — с обидой в голосе потребовала Елизавета.

— В Жуковке, недалеко от дома отдыха, построена база Братства Черного Лотоса, замаскированная под буддистский храм.

— Что такое Братство Черного Лотоса?

— По сути тоталитарная секта, — сказал Георгий. — Одним из главных направлений своей деятельности она считает борьбу с православием, активно вербует сторонников, умело эксплуатируя такие понятия, как семья, дружба, нравственность, умалчивая о жесточайшей дисциплине внутри секты. Основная задача Братства — вовлечение возможно большего числа новых последователей с целью их духовной, психической и физической эксплуатации. Но есть еще одно направление деятельности секты, о которой мало кто догадывается: ведется отбор учеников для обучения спецподразделений Российского Легиона. Храм в Жуковке — один из таких замаскированных учебных центров.

— Вот зараза! — с удивлением и отвращением сказал Осип. — Никогда бы не подумал, что в наших краях обоснуются сатанисты.

— Почему же вы допустили строительство храма? — поинтересовалась Елизавета.

— К сожалению, поздно отреагировали наши аналитики, — вздохнул Георгий. — Таких храмов по России построено около трех десятков и строятся еще.

— Надо же с этим как-то бороться!

— Мы не сидим сложа руки, — улыбнулся Георгий горячности Лизы. — Я отвечаю за работу духовных семинарий в Брянске, Почепе и Дубровке, Егор со своей секцией русского стиля тоже, в сущности, борется с сектой, создавая фронт контрпропаганды. — Он встал. — Спасибо за хлеб-соль. Мне пора ехать.

Егор проводил гостя до машины.

Георгий достал из кармана небольшой черный кожаный пенальчик, передал Крутову.

— Это теперь твой персональный мобильник. Задания будешь получать дистанционно, не забывай подзаряжать. Видеться будем редко, поэтому запомни мой номер. — Георгий продиктовал семь цифр.

Крутов с сомнением взвесил в руке тяжелый брусок мобильного телефона.

— Ты уверен, что он будет работать в наших лесах?

— Это особый телефон, разработан нашими умельцами в техническом центре Точмаша, радиус действия — сто километров. Кстати, аналогов ему в мире нет. Ни пуха, Витязь. — Георгий пожал руку Егору, сел в кабину «сто одиннадцатой» и включил двигатель.

— К черту!.. — пробормотал Крутов, глядя вслед машине, пока она не скрылась за поворотом улицы.

И тотчас же телефон в его руке ожил. Егор от неожиданности вздрогнул, нажал кнопку ответа, поднес пенальчик к уху и услышал мягкий раскатистый голос:

— Кречет?

— Д-да...

— Завтра в одиннадцать часов утра вы должны быть в Сергиевом Посаде у ворот лавры, вас встретят. Как поняли?

— Кто говорит?

— Координатор трафика. Вы запомнили?

— В одиннадцать часов я буду у ворот лавры.

Егор выключил телефон, поднял голову и увидел Елизавету, выглянувшую на улицу. В ее глазах стояла тревога...

БЕРЕЗОВАЯ ПОЙМА

ВОЛХВЫ

Никто из жителей поселка Березовая Пойма Нижегородской губернии не мог достоверно утверждать, что знает хозяина небольшого бревенчатого домика на краю поселка, между веткой железной дороги и садовым товариществом, хотя в столь малонаселенных пунктах обычно все знают о всех и состоят в большинстве своем в каком-нибудь родстве. Между тем хозяин этот был молод, жил один и соседи знали его под именем Сергея Воловикина. Однако и они не ведали, чем он занимается, почему не женится, когда уходит или уезжает, а когда появляется дома, хотя сад и огород Воловикина всегда были ухожены, изба выглядела опрятной и новой, а молодой человек неизменно был вежлив, дружелюбен и умел поддерживать разговор на любую возникающую тему. Слухи о том, что он якобы учится в педагогическом институте в Нижнем Новгороде, Сергей не подтверждал, но и не опровергал, ловко уклоняясь от вопросов на эту тему с помощью шуток и прибауток, которых знал превеликое множество.

Гости к нему приходили редко, в основном степенные пожилые люди или старцы, однако если соседи и видели их, то забывали об этом уже на следующий день. Естественно, об истинном положении дел, о личности соседа и его предназначении не догадывался ни один человек, даже начальник отделения милиции поселка старший лейтенант Дышловой, чей дом стоял рядом.

В тех же инстанциях, которые ответственны за скрытый характер родовых взаимоотношений и преемственность поколений (во избежание утечки информации в лагерь Сатаны), Сергея Воловикина знали под именем волхв Сергий. Этот молодой человек, которому едва исполнилось девятнадцать лет, удивил даже старых волхвов, проживших на свете по сто двадцать — сто пятьдесят лет, самостоятельно пройдя инициации Посвящений и достигнув шестого уровня самореализации в пятнадцать лет!

Он был одним из немногих людей за всю историю древнерусской цивилизации, кто п о м н и л все свои прошлые жизни и з н а л будущее. Уровень ответственности и защищенности Сергия был таким высоким, что начинали работать тонкие связи мира, отвечающие за «случайные совпадения» и формирование стохастических характеристик статистических законов. Ни одному из черных магов, служащих Сатане напрямую и получающих от него силу и знания, Сергий был недоступен. Именно поэтому он стал координатором Катарсиса — глобального Очищения страны от сил Сатаны и главным воеводой Сопротивления, хотя участвовал и в разработке Замыслов наравне с волхвами российского Предиктора. Он первым сформулировал основную концепцию Катарсиса: Россия-Русь должна вернуть духовные ведические традиции, ибо, пока Духовность не станет системообразующим фактором, победа будет на стороне Сатаны.

Кроме того, Сергий смог проникнуть в Замысел сил Сатаны, именуемый Проектом Пси-Пирамидальной Революции, и заставить волхвов Предиктора, привыкших жить неспешно, поторопиться с созданием сети духовных семинарий, которая только и могла противостоять агрессивной системе Братства Черного Лотоса — уникального оружия, способного усиливать целевой пси-импульс лидера через массу зомбированных людей — эгрегор каждого храма. Сергий смог убедить волхвов, что опасность велика и что, если они не поторопятся, — вскоре не только люди (пусть психически больные, но их с каждым днем становится все больше и больше), но и материальные объекты, в том числе компьютеры, станут носителями единого многомерного информационного кода — печати Сатаны! Даже патриархи волхвования, такие, как отец Савватий, архимандрит Троице-Сергиевой лавры, не знали, что этот код-печать не только увеличивает силу Сатаны, но и разрушает вероятностную матрицу возможных состояний материи, что ведет к деградации вещества, к регрессу и самым пагубным образом сказывается на природе Земли в целом.

Примеров можно было привести миллион, они у всех на слуху, термин «ухудшение экологии» набил оскомину всем, но Сергий привел еще один — убийственный пример, который подействовал на патриархов наподобие взорвавшейся бомбы: именно экспансия мировоззрения Сатаны и привела к исчезновению из структур национальных обществ на Земле жречества — системы жизнеречения, что в свою очередь привело к культурной катастрофе и падению Великой Древнерусской Империи.

Сначала на Руси убили Веру в Единого Творца, затем целенаправленно внедрили в программы воспитания детей потенциально опасные решения и в конце концов понизили эффективность закона сохранения справедливости. Но лишь в XX веке стало ясно, что уничтожение Руси — логически продуманная и прекрасно спланированная Сатаной на тысячи лет вперед цепь диверсий, успешно сработавшая в девяностых годах двадцатого столетия. В цепи этих диверсий стоит и революция семнадцатого года, и указы Петра I, который за торговлю русской одеждой (!) отправлял купцов на каторгу и запрещал дворянам даже говорить на русском языке, и главная диверсия тысячелетия — насильственное крещение Руси.

Нельзя сказать, что волхвы «прозрели» с приходом Сергия. Они знали, что не только Третий Рим — Москва, Российская Империя, но и Римская, и Византийская, сама немало сделавшая для уничтожения Руси, тоже были разрушены диверсионным внедрением сил Сатаны, самым мощным оружием которых стал процесс формирования искаженных систем ценностей. Но только после появления Сергия, чей род насчитывал двести поколений, и приведенных им доказательных примеров, расчетов и прогнозов русский Предиктор, тоже, кстати, «попорченный» влиянием печати Сатаны, осознал, что мало — просто отражать удары сил Сатаны, что российский социум с его сотней национальных меньшинств и этносов накопил достаточно сил и свойств национального характера: уживчивость, терпимость, способность к самопожертвованию, общинное сознание, склонность к духовным исканиям, наконец, — и что пора этим исканиям дать выход и указать цель.

После этого и была разработана концепция Катарсиса, как системы не просто выживания, чем занимались волхвы на протяжении многих сотен лет, но очищения и воспитания, повышения духовного потенциала. Волхв Сергий стал ее проводником и координатором.

Во вторник двадцать седьмого апреля молодой «студент

пединститута» вернулся домой не один, а с дамой средних лет неброской, но приятной наружности. Пришли они пешком, из чего соседи, видевшие гостью, сделали вывод, что в поселок Сергей Воловикин и женщина приехали из Нижнего на электричке.

Через полчаса в избу Сергея зашел еще один гость — полный мужчина лет пятидесяти пяти в дорогом костюме, также преодолевший путь от станции пешком. Не спрашивая ничего у соседей и не здороваясь, он молча открыл дверь и исчез в доме Воловикина, словно не раз бывал в нем и хорошо знал, что хозяин дома.

Посудачив об этом, соседи к вечеру забыли и о женщине и о мужчине, гостивших у «студента». В доме же Сергея состоялся разговор волхва, иерофанта Предиктора, с руководителями подразделений Катарсиса. Женщина (ее звали Нина Калистратовна Добужинская) руководила службой разведки, «двойкой», и приехала из Суздаля, оставив машину в лесу, недалеко от поселка. Мужчина заведовал службой контрразведки и приехал из Нижнего Новгорода. Звали его Гаврила Рафкатович Плевин.

Их разговор продлился до позднего вечера. Координатор Катарсиса уточнял детали нового Замысла и выслушивал сообщения о работе подразделений, чтобы составить полную картину не оперативного, а м а г и ч е с к о г о противодействия сил Сатаны, опирающихся на мощные финансовые, технические и силовые государственные структуры: Российский Легион, Академию национальной безопасности, палату мониторинга психического состояния при Совете безопасности, СТОКК и сеть баз.

— Положение осложняется, — сделал вывод Сергий в конце беседы, ловко и быстро накрывая стол для ужина. — Легион продолжает идти на полшага впереди, вынуждая нас ошибаться и спешить. Мы должны научиться воевать на его поле и его средствами, овладеть всеми новейшими научно-техническими достижениями, включая спутниковый контроль, компьютерную связь и прочие заморочки прогресса. Одной светлой с и л ы мало. Противник вовсю пользуется оружием на основе прогнозирования наших решений и скрытого характера рефлексивного управления, не считая прямого психотронного инициирования, мы должны научиться делать то же самое, использовать вербальные и виртуальные возможности, эксплуатировать науку и даже сами центры Проекта.

— Каким образом мы можем использовать организации Проекта? — скептически спросил Гаврила Рафкатович. — За-

пустить в них наших агентов? Это потребует времени и колоссальных расходов.

— Расходы оплатят сами исполнители Проекта, мы уже вышли на этот уровень с помощью хакеров, а что касается запуска агентов, то Асламов — первая ласточка, и, надеюсь, мы его не потеряем как Витязя. Я имел в виду другое: запуск «достоверной» дезинформации в сети Проекта. Вам обоим придется поразмышлять, как образовать канал просачивания. А идея, между прочим, принадлежит Льву Данильянцу, успешно обработанному нашей группой влияния. Он предложил захватывать рынки, в том числе рынок компромата на всех деятелей властных структур, и внедрять в структуры нужную нам информацию.

— То есть, по сути, заставить воевать криминал теневой с криминалом государственным, — кивнул руководитель «четверки». — А не окажется ли этот брянский мафиози подсадной уткой Проекта?

— Не должен, — возразила Нина Калистратовна. — Мы наблюдали за ним два месяца, он не связан ни с Легионом, ни с другими центрами Проекта.

— Но его порученец и строитель Георгий Мокшин тем не менее продолжает поддерживать связь с Братством Черного Лотоса, для которого он построил в Жуковке храм.

— Данильянц об этом не знает. Крутов по наитию предупредил Льва Арменовича о связи его советника с конкурирующей «фирмой», и это оказалось правдой. Данильянц проверил и убрал советника. Если мы подкинем ему информацию о связи Мокшина с Легионом, он может прореагировать излишне резко и подпишет себе смертный приговор. Нужна дополнительная обработка Данильянца.

— Крутов справится с этим делом?

— У него другие задачи. Для человека, не имеющего опыта трафиковика, Крутов сработал почти идеально, — сказала Нина Калистратовна. — Но ему нужна группа. Георгий довел его до траектории самостоятельного полета, но один он не справится.

— Может быть, привлечь к нему в группу его друзей, с которыми он уничтожил базу Легиона и лабораторию Проекта на Селигере? — предложил Плевин. — Федотова, Воробьева, Корнеева...

Сергий покачал головой.

— Можно попробовать, хотя все они — личности с реализуемыми творческими амбициями и не любят плясать под чужую дудку, ходить в простых исполнителях.

— Их неплохо цементирует один эмоциональный фактор, — улыбнулась Добужинская.

— Мария, — улыбнулся Сергий, — наш непревзойденный Ходок. Надеюсь, она поможет и на этот раз. Крутова же надо нацелить на вербовку грэя. Что у вас есть по академику Тиграну?

— По нашим данным, он обложен со всех сторон и в ближайшее время стоит ожидать повторной атаки на него. В прошлом году он отказался сотрудничать с конунгами, поэтому к операции подключены не только многие спецы Легиона с их подразделениями, но и конунги. Если Тигран снова откажется работать на Проект, его просто ликвидируют.

— Ну, ликвидировать серого мага совсем непросто, однако опасность велика. Трафик по Тиграну готов?

— Если его будет реализовывать Крутов со товарищи, то он может выйти на грэя через Умара Тимергалина. Однажды полковник уже спас Умара Гасановича, это облегчит понимание.

— В трафике по Тиграну три ключевых момента, в каком из них лучше использовать Крутова?

— Его, на мой взгляд, целесообразно использовать в конечной стадии трафика, — сказала Добужинская.

— Согласен, — кивнул Сергий, — хотя не люблю применять слово «использовать» в отношении людей. Итак, наша первая задача — спасти серого, вторая — заставить силы Сатаны поверить в существование единого центра Сопротивления в Юрьеве-Польском, чтобы отвлечь их на бесполезное зондирование, и третья — подготовить пакет информации о противозаконной деятельности Легиона и Братства Черного Лотоса для передачи в Думу.

— Я не верю, что это что-нибудь изменит, — хмыкнул начальник контрразведки. — Дума коррумпирована снизу доверху, и недаром с арабского это слово переводится как «куклы».

— По-древнерусски оно тоже звучало когда-то довольно красноречиво, — засмеялась Добужинская. — «Доума», до ума, значит. Итак, приступаем, просветленный? Закон сохранения справедливости должен заработать!

— Я з н а ю это, — сказал Сергий, поднимая рюмку с вином. — Нет в мире силы, способной остановить идею, время которой созрело. Это сказал Виктор Гюго, и это — закон!

Рюмки, сдвинувшись, тихо зазвенели в ответ.

КРУТОВ

Егор не смог выполнить приказ координатора явиться к одиннадцати часам утра ко входу в Троице-Сергиеву лавру. В понедельник двадцать шестого апреля он был в Ветлуге на похоронах Парамона Арсеньевича, троюродного дядьки Лизы, вечером двадцать пятого получив телеграмму от его сына, Петра Парамоновича Качалина.

Старику Качалину исполнилось девяносто семь лет, и умер он, по словам Петра, так же светло и тихо, как умели умирать только русские старики. За день до смерти он сходил в баню, затем надел чистую ослепительно белую рубаху, лег в светлице под образа и потребовал:

— Зовите всех прощаться, завтра уходить буду.

И ушел в шесть утра с улыбкой на губах, будто знал, что душа его попадет куда надо — в миры Слави-Ясуни или в Правь — мир Духовный, доступный лишь праведникам.

Крутов, узнав об этом, заикнулся было о вере старика в Бога и получил поразивший его ответ, что вера для русского крестьянина понятие не религиозное, а бытийное, что это — обычаи. Парамон Арсеньевич не был волхвом, как дед Спиридон, но тоже был хранителем русского тайноведения и верил в вечную жизнь.

Лишь после похорон Егор и Лиза, переночевав в своем бывшем «дворянском» доме на улице Герцена, где, как они когда-то мечтали, открылся музей старины, поехали в Сергиев Посад, не зная, будет ли Крутова ждать координатор трафика, представитель Катарсиса, и уже в дороге получили по телефону указание, предписывающее Егору явиться не к лавре, а в Юрьев-Польский, районный центр Владимирской губернии, где у собора Михаила Архангела его должен был встретить сам руководитель «семерки», службы реализации трафиков. Точное время не указывалось, и Крутов понял, что за его передвижением следят люди Катарсиса.

В город они прибыли в час дня, изрядно проголодавшись, и первым делом зашли пообедать в кафе недалеко от древней части Юрьева, расположенной на мысу между речкой Колокшей и ее притоком Гзой.

Когда-то центр города окружал земляной вал длиной в два километра и высотой в шесть-десять метров, впрочем, сохранившийся и до наших дней, хотя высота его в результате оплывания уменьшилась. По валу стояла крепостная стена с

тремя воротами, к которым подходили дороги из Москвы, Владимира и Переславля-Залесского. Эти укрепления и церкви древнего Юрьева составляли его кремль. За крепостными же стенами располагались посады, жители которых в случае военной опасности укрывались в крепости.

Пятиглавый собор Михаила Архангела принадлежал к сооружениям бывшего Михайло-Архангельского монастыря и был построен в 1806 году на месте старой деревянной церкви. Территориально он стоял в пределах древних земляных валов недалеко от западной части крепостных стен постройки 1555 года и колокольни с «готической» остроконечной крышей.

Именно у входа в колокольню Крутова и встретил руководитель «семерки» — службы реализации Д-трафиков, или, как можно было ее еще называть, подразделения спецопераций. Впоследствии Егор узнал, что база подразделения находится в Ростове Великом, но, поскольку речь шла об исключительно важном задании, проинструктировать новичка решил сам начальник, хотя Крутов должен был подчиняться непосредственно руководителю группы физического воздействия. Всего же подразделение спецопераций состояло из четырех отделений: группы психологического давления, группы физического воздействия, «сновидения» — группы наведения и оптимизации трафика — и отделения технического обеспечения.

Звали начальника службы реализации трафиков Никитой Петровичем Фоменко, в Ростове он работал руководителем местного отделения Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) и был в курсе всех проблем, решаемых силовыми структурами на уровне губерний.

Выглядел он скорее тренером по футболу, нежели служакой или рафинированным интеллигентом: крепкий, широкоплечий, лет сорока с виду, с короткой стрижкой, лицо продолговатое, с серыми цепкими глазами и волевым подбородком. Чем-то он походил на самого Крутова, да и костюмы предпочитал носить полуспортивного типа. На встречу он явился в джинсах, ветровке и рубашке апаш темно-синего цвета.

Несколько секунд они оценивающе смотрели друг на друга, как бы проверяя соответствие интуиции с первыми впечатлениями, причем Крутов по привычке «сканировал» пустой двор церкви боковым зрением и внутренним чутьем, затем сошлись и пожали друг другу руки.

— Никита Петрович Фоменко, — представился начальник «семерки».

— Егор Крутов, — ответил бывший полковник.

— Вас должен был проинструктировать непосредственный руководитель группы, но я сделал исключение. Проблема, которую нам предстоит решить, очень серьезна и сложна: спасение грэя, — поэтому ошибиться ни в коем случае нельзя. Трафик рассчитан на точное исполнение каждого точечного воздействия.

— Я готов.

— К вам вскоре присоединятся ваши друзья, а пока давайте пройдемся, поговорим.

— Какие друзья? — не понял Егор.

— Федотов, Воробьев, Мария Арсеньева. Или вы против?

— Нет, но... — замялся Егор, хмыкнул, — не ожидал просто... Разве у них нет своих дел?

Они медленно двинулись вдоль крепостной стены по красивой песчаной дорожке. Еще когда Крутов входил во двор монастыря, он отметил отсутствие на его территории людей и священнослужителей, но не придал этому значения.

— В данном случае ваша сфера ответственности выше, поэтому группа влияния должна быть укомплектована психологически совместимыми профессионалами. Ваша жена еще полностью не восстановилась, — остановил Фоменко попытку Егора вставить слово, — поэтому роль берегини и защитника в этой операции будет играть Мария. В дальнейшем мы, возможно, обговорим варианты участия Елизаветы Романовны в Замысле.

Крутов проглотил возражения, кивнул, несколько смущенный мгновенной реакцией начальника «семерки». Волхвом от него «не пахло», но ведуном он, очевидно, был сильным.

— Один вопрос, — не удержался Крутов, приноравливаясь к шагу Фоменко, неторопливо двинувшемуся в обход собора. — Как вы меня нашли? Ведь мы не договаривались о времени рандеву.

Никита Петрович ухмыльнулся, вскинул вверх сжатый кулак, растопырил пальцы, и тотчас же над головами мужчин с троекратным чириканьем пролетел воробей.

— Зооконтроль, — догадался Крутов. — За мной следили птицы. Так вы тоже Витязь?

— Однако, кроме зооконтроля, мы имеем, конечно, и соответствующую технику, — не ответил на вопрос Фоменко. — Что еще вы хотели бы уточнить, прежде чем мы заговорим о деле?

— Кто такой грэй?

— Серый маг, так называемый «маг свободного выбора». В нашем случае речь идет об академике Тигране, президенте Центра нетрадиционной медицины. Ему грозит опасность.

— И вы разработали трафик, чтобы спасти его и тем самым подтолкнуть к сотрудничеству с Катарсисом?

В глазах начальника «семерки» мелькнули насмешливые и вместе с тем уважительные искорки.

— Вы необычайно проницательны, Егор Лукич.

— Но ведь вербовка такого рода — оружие обоюдоострое. Мне кажется, для правильной оценки последствий у вас должна быть служба морально-этического контроля.

— Такая служба существует, хотя и называется иначе.

— Тогда я спокоен, — позволил себе толику сарказма Крутов. — Но мне кое-что все-таки непонятно. Речь о насилии. Мне говорили, что Катарсис — безнасильственная организация, каким же образом она собирается бороться с бандитами, киллерами, террористами?

— Вероятно, вы не совсем поняли нашего человека. Концепция Катарсиса звучит так: допустимо лишь ответное насилие при защите людей, но — бескровное и адекватное содеянному. Мы хотим сражаться не с людьми, а с линиями их замыслов.

— Это возможно?

— Вы убедитесь в этом сами. Хотя, конечно, без всякого рода контактов с людьми не обойтись. Трафик, в конечной фазе которого будете задействованы вы с друзьями, разработан именно таким образом.

— Но ведь для этого необходимо владеть п о л н ы м пакетом информации об объекте воздействия, и особенно о тех, кто замышляет против него недоброе.

— Не волнуйтесь, мы владеем такой информацией. Если бы этого не было, мы не смогли бы сделать расчет цепной реакции трафика и дерева событий.

— Моя функция — последняя веточка этого дерева? Вы можете обрисовать, что собой представляет все дерево? Хотя бы в общих чертах?

— К сожалению, это запрещено.

— Кем?

— Содержанием нашей работы. Вы должны знать только то, что необходимо выполнить непосредственно вам. Наш противник не дремлет, и разведка у него поставлена на высоком уровне. Однако некоторые сведения об объекте и о тра-

фике в целом я вам сообщу. Вы знакомы с академиком Тиграном?

— Виделись однажды, мельком, я больше знаком с его учеником.

— Умаром Гасановичем Тимергалиным. Именно через него вам и придется действовать. Сам Тигран не хочет с нами контактировать, но без нашей помощи с черным эгрегором ему не справиться. Итак, к делу. Д-трафик по Тиграну состоит из трех стадий...

— Сначала расскажите, что ему грозит.

— Извините, — смущенно сказал Никита Петрович, — увлекся. Поскольку я знаю все, кажется, что и собеседник в курсе событий. По нашим данным, руководители Проекта готовят эксперимент по зомбированию определенных социальных групп населения страны, то есть прямую атаку на психику людей с помощью «массового резонатора» — одного из храмов Черного Лотоса в Москве. Для объекта атаки был выбран Центр нетрадиционной медицины, которым руководит Петр Афанасьевич Тигран. Ему предложили принять участие в эксперименте, он отказался, в результате чего руководителям Проекта пришлось корректировать планы.

— Они отказались от эксперимента? Или нашли другую группу «подопытных кроликов»?

— Совершенно верно, нашли. Пси-атаке была подвергнута группа влияния на президента — его администрация, члены совета, эксперты. Эксперимент признан не совсем удачным, так как кто-то помешал экспериментаторам, поставил отталкивающий защитный «пси-зонтик».

— Кто, если не секрет? Волхвы?

— Нет, скорее всего экстрасенсы, входящие в структуру президентской охраны, которую, правда, предупредили. Поэтому к Тиграну пришли еще раз, и он снова отказался сотрудничать, теперь уже с Академией нацбезопасности, от имени которой выступили сатанисты. От него на некоторое время отступились, все же маг он сильный и защищаться умеет. Однако руководители Проекта позвали на помощь конунгов, которые и разработали план воздействия на грэя, включающий ментальное нападение черного эгрегора и технические приемы вроде использования генераторов подавления воли.

— «Глушаков», — пробормотал Крутов.

— «Глушаки» — вчерашний день психотронной техники, — покачал головой Фоменко. — В лабораториях Легиона работают над портативными гипногенераторами «анаконда-2» и иллюзаторами «лунный свет». Кажется, вы испытали на себе действие стационарной установки?

— На Селигере, — глухо сказал Егор, — в прошлом году. И каким же образом вы хотите сорвать планы сатанистов?

— Мы упредим нападение, — спокойно отозвался начальник «семерки». — В момент атаки ваша группа выйдет на арену, венчая длинную цепь трафика, и выведет грэя из-под удара. Подробности — здесь. — Никита Петрович подал Крутову полупрозрачную дискету. — Ноутбук у вас есть?

— Найдется. — Крутов вспомнил свои попытки прочитать дискету Георгия без компьютера. — И все же я бы попросил вас объяснить суть операции в общих чертах.

— Разве что в порядке исключения. К счастью, особое подразделение Легиона, так называемый отряд «тающих» «ГОРЕ» — аббревиатура группы оперативного реагирования, — специализирующийся на подобного рода операциях, намерен действовать стандартно. Так как серые маги умеют левитировать и передвигаться «легкоступом», то есть телепортироваться, один из конунгов собирается усилить свои возможности с помощью эгрегора ближайшего храма Черного Лотоса и перекрыть грэю выход во «внепространственный канал», как пишут в книгах. Тигран в результате не сможет преодолеть потенциальный барьер и уйти через полевые структуры. Одновременно «ГОРЕ»-боевики перекроют физические пути отступления из Центра, где работает академик. Вторая группа нейтрализует охрану, и третья ворвется в кабинет Тиграна и попытается зомбировать его с помощью психогенераторов. Вам необходимо вмешаться в точно рассчитанный момент и вырвать грэя из рук вивисекторов Легиона.

Крутов помолчал, размышляя, поднял голову.

— Значит, весь расчет строится на работе моей группы? Где же тут место домино-трафику? Кто еще будет осуществлять его, если все зависит от нас?

— Прочитайте план операции, вам все станет ясно. Могу добавить одно: трафик рассчитан по минутам, неизвестен лишь час «икс», момент начала операции, а всего в ней примут участие, кроме вашей, еще две группы, всего более тридцати человек. Они будут организовывать так называемые «случайности».

— Нельзя ли уточнить, какие? В порядке исключения.

Начальник «семерки» почесал бровь, покосился на подчеркнуто бесстрастное лицо шагающего рядом Егора, дернул уголком рта.

— Пожалуй, вы не из тех, кто довольствуется малым, рис-

куя жизнью. Кстати, я принес аванс. Все мы люди и хотим пить и есть. Вам говорили, какой у вас будет оклад?

— Нет.

— И вы не поинтересовались?

— Нет.

— Звучит гордо, но жить вам надо, как и всем нам. Здесь четыре тысячи. — Никита Петрович передал Егору небольшой сверток. — Понадобится еще, скажете. Теперь о «случайностях». Допустим, некто хочет устранить конкурента и для этого нанимает киллеров. Каким образом можно ему помешать?

Крутов задумался.

— Самое простое — усилить охрану объекта, но она не гарантирует стопроцентной защиты. Как говорят в таких случаях: человек мертв с той минуты, когда киллер подписал контракт. Можно попытаться отследить убийц, но это потребует огромных затрат и большого количества оперативников. Лучше всего надавить на заказчика...

— Правильно, — кивнул Никита Петрович. — Сначала необходимо добыть на него компромат и попытаться уговорить, чтобы он отозвал своих наемников. Если сроки сжатые, можно позвонить ему и пригрозить, что в случае исполнения заказа его ждет встреча с правоохранительными органами. А можно организовать Д-трафик, в результате которого день у заказчика будет полон «случайных» событий: не позвонит агент (его можно просто выкрасть), расстроится важная встреча с коллегами, появится ложная информация о готовящемся рейде налоговой полиции или еще что-нибудь в этом роде, заказчик заволнуется, помчится затыкать дыры в бухгалтерских или иных делах и совершенно случайно столкнется с конкурентом, которого хотел убрать. Который, кстати, будет осведомлен об этом. Их внезапная очная встреча и решит проблему отзыва киллеров. А такие прецеденты уже существуют

— Понял. — Егор потер шею ладонью. — Но ведь для таких операций тоже нужны люди, деньги, техника и время.

— Именно поэтому мы пока не можем эффективно влиять на обстановку в стране. — Никита Петрович остановился у хорошо сохранившихся ворот монастыря с надвратной церковью Иоанна Богослова.

Здесь также не было видно гуляющих по дорожкам горожан и гостей города, прибывающих в Юрьев со всех концов страны, и Крутов наконец обратил на это внимание.

— Странно, что нигде не видно людей. Или монастырь закрыт для прихожан на реставрацию?

— Он закрыт лишь на время нашей встречи, — невозмутимо сказал начальник «семерки». — До свидания, Егор Лукич. Я знаю, человек вы серьезный и ответственный, но все же попрошу: из любой кризисной ситуации старайтесь найти оптимальный н е б о е в о й выход, не устраивайте гонок на лифтах.

— Каких гонок? — удивился Егор.

Фоменко наметил улыбку.

— Режиссеры голливудских боевиков часто используют стандартный прием — гонки, в нашей же работе гонки, в том числе на лифтах, — признак провала. Если появится проблема, которую вы не в состоянии решить сами, позвоните по мобильному вашему командиру Илье или мне. — Начальник службы реализации трафиков продиктовал номера, подал крепкую руку Егору. — Побудьте здесь еще пару минут и уходите.

Крутов проводил задумчивым взглядом не спеша удалившегося Никиту Петровича, подумав, что у руководителя такого ранга должна быть мощная охрана, где же она? — и вдруг услышал за стеной монастыря приближающиеся голоса. Один из них показался ему знакомым:

— Ну, и где мы тут будем искать твоего суженого? Ворота закрыты...

— Он вошел через калитку, — раздался в ответ женский голос, голос Лизы.

Крутов быстро подошел к воротам монастыря и отворил деревянную дверь рядом с ними. Напротив ворот стояли двое мужчин и две женщины: Ираклий, Панкрат, Мария и Лиза, в глазах которой тревога сразу уступила место радости. Она переживала за мужа и с нетерпением ждала его возвращения.

Встреча показала, насколько они соскучились друг по другу, хотя вслух об этом не говорили. Сдержанно обнялись, обменялись веселыми приветствиями и шутками, отметили красоту, цветущий вид и молодость женщин и побродили полчаса по дорожкам древнего архитектурно-исторического ансамбля, обходя церкви, колокольни, трапезную палату и архимандритский корпус Михайло-Архангельского монастыря.

Поначалу Крутов чувствовал себя скованно в присутствии Марии, хотя и старался не показывать этого, но, поймав ее взгляд, понял, что ничего бояться не следует. Мария знала, как себя вести, и то, что между ними было, ушло.

По-видимому, то же самое чувствовала и Елизавета, пото-

му что вела себя абсолютно спокойно, несмотря на свое з н а н и е ситуации. Берегини понимали друг друга, а главное — знали отношение объекта их защиты к каждой из них и вполне мирились с этим знанием. Перехватив случайно их перегляд, Крутов почувствовал облегчение, и уже ничто больше не мешало ему быть своим в кругу друзей.

Женщины слегка отстали, разглядывая стены архимандритского корпуса и делясь своими женскими новостями, и мужчины посерьезнели, остановились у трапезной палаты.

— Ты изменился, — сказал Ираклий неопределенным тоном, ища глазами Марию. — Говорят, тебя повысили в статусе, дали имя?

Крутов понял, что бывший контрразведчик догадывается о том, что произошло между ним и Марией. Ответил со всей возможной кротостью:

— На все Божья воля. Кто-то посчитал, что я достоин.

— А сам ты как считаешь?

— Да никак, — пожал плечами Крутов, переживая неприятное чувство вины. — В принципе, я жил, как и все, детей тренировал да Лизу пытался выходить...

— Этого достаточно, чтобы стать Витязем? Или надо обязательно стать прежде мастером жи́вы? Но ведь и лунг-гом дает ощущение силы, закаляет тело, раскрепощает душу и учит входить в состояние п у с т о т ы.

— Этого мало, — покачал головой Егор. — Вхождение в состояние подсознательных ответов лишь один из принципов жи́вы.

— Сколько же их всего?

— Шесть.

— Поделишься? Или, может, лучше продемонстрируешь нам, непосвященным?

Крутов внимательно заглянул в глаза Федотова, на дне которых мерцала тоска и колючкой прорастал ревнивый вызов.

— Ты тоже можешь стать мастером живы.

— Не хочу, мне хватает и моего лунг-гома, к тому же я не уверен, что мастер живы может победить мастера лунг-гома в открытом бою. Давай потягаемся?

— Какого дьявола, мужики? — не выдержал Панкрат. — Что на тебя нашло, Ираклий?

— Вот он знает, — кивнул тот на Егора с усмешкой. — Как говорится в одной пословице: что имеем — не храним, поимевши — плачем. Ну, так как, Витязь, сможешь меня убедить, что ты прав?

Егор покачал головой, унимая поднявшуюся было в душе волну раздражения.

— Жива — это жизнь, а не демонстрация силы.

— Все равно это система рукопашного боя, не надо подгонять под нее философию. Давай, становись, покажи класс.

Крутов хотел добавить, что жива — это еще и искусство предотвращения боя, однако Ираклий не понял бы этих слов, находясь в дуэльном настроении, заряженный на конфликт, и ему надо было помочь расслабиться.

Егор снял куртку, оставаясь в брюках и рубашке, Ираклий тоже сбросил одежду, в том числе рубашку и туфли, оставаясь в одних штанах. Женщины подошли ближе, заинтересованные их приготовлениями.

— Что это вы затеяли? — осведомилась Мария, хмурясь. — Ираклий? Егор? Ну-ка перестаньте! Панкрат, что здесь происходит?

— Они решили погреться, — дипломатично ответил Воробьев. — До первого сломанного ребра. Потом пойдем в ресторан обедать.

Мария посмотрела на Лизу, та улыбнулась, понимая всю подоплеку происходящего, успокаивающе повела рукой.

— Пусть погреются, им полезно потренироваться в таких святых местах.

Ираклий напал первым, охваченный боевым пылом и желанием захватить инициативу, смять защиту соперника и принудить его отступить, но ему это не удалось. Егор не отвечал на удары и выпады, просто уходил от них, оказываясь то слева, то справа, то сзади, и, если бы захотел, — уже остановил бы поединок одним ответным ударом. Но ему не хотелось обижать Федотова, и танец бесконтактного взаимодействия продолжался.

Осознав это, Ираклий стал готовить комбинации тщательней, ускорил темп проведения приемов, ушел в п у с т о т у и даже дважды коснулся Егора, порвав рубашку ему на плече и оставив след пальцев на руке, и тогда Крутов, перейдя в состояние в е р ы, остановился.

Эффект получился впечатляющий.

Ираклий в прыжке нанес удар ногой в голову Егора.

Вскрикнули женщины.

Панкрат подался вперед, не понимая, почему Егор вдруг в ы п а л из боя.

А затем Ираклий отлетел от тела Крутова словно от скалы, не удержался на ногах и прокатился мячиком назад, вскочил

на ноги, ошеломленный случившимся, оглянулся. Егор смотрел на него внимательно и строго, протянул руку.

— Закончили?

Федотов несколько мгновений смотрел на него, раздувая ноздри, потом пересилил себя, шагнул ближе и протянул в ответ руку. Выругался:

— Чтоб тебя волки драли! Как ты это делаешь?

Крутов поднял руки над головой, повернул ладони навстречу друг дружке, и между ними с отчетливым треском проскочила оранжево-зеленая змейка разряда, погашая пересыщение тела «космической» энергией.

— Я научился этому недавно, а впервые увидел реализацию «настоящей пустоты» дедом Спиридоном.

— Ничего себе «настоящая пустота»! Бетонная плита! Меня научишь?

— Учитель я никудышный, но попробую.

— Забодай меня комар! — как говорил мой дед, — опомнился Панкрат. — Если уж ты научился всяким колдовским штучкам, то что же умеют делать волхвы?!

— Я видела, как они летают, — сообщила Мария, бросая изучающий взгляд на Крутова. — Кроме того, они способны мгновенно перемещаться в пространстве на любые расстояния.

— Даже на другие планеты?

— Про другие планеты не знаю, не интересовалась, а в пределах Земли они передвигаются свободно. Этот способ телепортации они называют легкоступом.

— Если они так могучи, почему же не колданут, чтобы все изменилось в лучшую сторону? Чтобы исчезли войны, конфликты, междоусобицы, преступность, разврат? Собрались бы вместе и...

— На Земле установлен паритет сил, — тихо ответила Мария, — черных и светлых. Изменить что-либо одним мощным волевым усилием невозможно, потенциалы сил примерно равны, и тотчас же последует ответная реакция. Действовать надо медленно и осторожно, набирая сторонников и сокращая количество черных магов.

— Ты упрощаешь, — возразила вдруг Елизавета. — Нет ни темных, ни светлых сил, есть просто с и л ы, которые можно направить как на злые, так и на добрые дела.

Мария поняла чувства жены Егора, перестала его гипнотизировать, обняла Лизу за плечи, засмеялась.

— Ты права, берегиня, но мужчинам так нужна четкая определенность, точное разграничение социума на «своих» и

«чужих», деление мира на «черное» и «белое», что весь спектр связей мира им почти не доступен. Пусть себе играют в повелителей, пусть тешатся. Пойдемте обедать, Витязи, кушать очень хочется.

Женщины направились к выходу с территории монастыря. Панкрат догнал их, пошел рядом с Марией.

— Ты действительно видела, как волхвы летают?

— Не один раз.

— А что они умеют делать еще? Я слышал, на Востоке существует школа ки-чонт — материализации и дематериализации предметов. Волхвы тоже способны на такое?

— Они умеют многое, как и все маги, только используют свое умение редко и в основном если кому-либо требуется помощь.

Голоса беседующих удалились, Егор и Ираклий остались одни.

— Ты все-таки изменился, — сказал Федотов, одеваясь, — стал сильнее и спокойнее, но будь другом, не разменивайся по мелочам. Нам уже за сорок, пора остепеняться. Ешь с голоду, а люби смолоду, как говорится. Я отношусь к Марии иначе, а она женщина... ну, ты должен понимать.

— Боюсь, от меня в этой ситуации мало что зависит.

— А от кого зависит? — мгновенно окрысился Ираклий. — От меня, что ли? Если бы все зависело от меня, ты был бы уже...

Крутов поглядел на удалявшихся женщин.

— От них.

Несколько мгновений Ираклий смотрел на него бешеными глазами, потом оглянулся на Марию, расслабился, нагнулся за часами. Проговорил с ехидцей:

— Витязи все такие добрые, как ты? Что их объединяет?

— Менталитет, — в тон ему ответил Крутов.

— Харизма, — со знанием дела кивнул Ираклий.

Егор засмеялся, улыбнулся и Ираклий, подходя ближе. Хотел что-то добавить, но передумал. Они догнали друзей уже за воротами, не отвечая на их любопытствующие взгляды.

— Куда идем обедать? — поинтересовался Ираклий. — Я здесь ничего не знаю.

— Я знаю, — отозвалась Мария. — Через мост, налево, есть небольшой ресторанчик. «За Гзой» называется, там кормят неплохо.

— Погодите, — нахмурился Панкрат. — Прежде объясните мне все же, зачем нас всех вызвали в Юрьев. Что мы должны делать дальше?

— Надеюсь, мы будем действовать самостоятельно? — прищурился Ираклий.

Все почему-то посмотрели на Марию. Та сделала отрицательный жест.

— Я сама не в курсе. Знаю только, что готов новый Замысел, а Егор Лукич выбран его главным реализатором. Мы же пока составим его команду.

— Я так не... — Ираклий осекся, встретив взгляд Марии. — Почему мне об этом никто не сказал в Нижнем?

Он хотел сказать: «Почему меня используют в качестве рядового исполнителя, когда я сам — командир группы?» — но не сказал. Хотя Мария прекрасно его поняла.

— Мужчины, — сказала она с сожалением, — давайте будем выше амбиций и выяснения отношений. Катарсис может обойтись и без вас, вы же без него — обыкновенные мужики. Когда у кого-нибудь из вас сфера ответственности очередного Замысла выше, чем у остальных, вы должны ему помогать, как это было в Переславле. Задача Егора сложна и ответственна, именно поэтому нас и присоединили к нему.

Мария немного хитрила, зная, что статус Крутова выше, чем у его друзей, но об этом знала только она.

— Я не собирался выяснять отношения, — отступил Ираклий. — Так что нам предстоит делать?

Все посмотрели на Крутова.

— Наша задача — спасти человека, — сказал он просто. — Детали — в процессе подготовки, многих я не знаю сам.

Установилась тишина. Панкрат дернул себя за ухо, обошел Крутова и двинулся к стоянке машин. Все смотрели, как он идет, и молчали. Панкрат приостановился, бросил назад косой взгляд.

— Чего стоите? Поехали обедать. Потом Егор проведет инструктаж, и начнем работать.

Все разом задвигались, зашумели, двинулись вслед за Воробьевым. Лиза взяла Егора под руку, прижалась к нему тесней, шепнула:

— Кого хоть спасать будем?

Егор хотел ответить, что она не допущена к участию в операции, но вместо этого сказал:

— Академика Тиграна.

Обед не занял много времени.

Перед ним Крутов в общих чертах поделился с друзьями планом спасения академика Тиграна, пообещал сообщить

подробности в Москве, и все прониклись серьезностью ситуации.

В начале шестого они выехали из Юрьева на трех машинах в сторону Москвы: первыми Крутовы на «Лендкруизере», затем Ираклий с Марией на «Судзуки», и последним Панкрат на таком же белом «Судзуки Витара» девяносто девятого года выпуска. В столицу решили ехать не по известным трассам — Горьковскому и Ярославскому шоссе, а напрямую, через Кольчугино, Киржач и Щелково.

Лиза почти не разговаривала, чем основательно встревожила Крутова, и он даже подумывал, не рассказала ли ей Мария подробности их встречи, но все объяснялось просто: Елизавета устала и хотела спать.

— Господи, да какие проблемы? — с облегчением сказал Егор. — Откидывай сиденье и спи, нам ехать часа два, успеешь покемарить.

Лиза так и сделала, благодарно улыбнувшись мужу, поцеловавшему ее в щеку. Однако поспать ей удалось всего полчаса. На выезде из села Ефремово, располагавшегося в шести километрах от Киржача, перед машиной Крутовых на шоссе внезапно выскочил мальчишка лет двенадцати, и Егор едва успел затормозить.

Лиза проснулась. Егор успокаивающе погладил ее по плечу, собрался было ехать дальше — не ругаться же на пацана? — но мальчишка с плачем бросился к машине, умоляя «дяденьку» помочь, вцепился в дверцу. Горе его было неподдельным, и Егор, переглянувшись с Лизой, вышел из машины.

— Что случилось, парень? Рассказывай и не реви.

Подошли Ираклий с Панкратом, за ними вышли из машин и Мария с Лизой.

— В чем дело? Это еще что за чудо в перьях?

Размазывая слезы по щекам, всхлипывая, то и дело оглядываясь, приплясывая на месте от нетерпения, мальчишка начал говорить. Из его сбивчивого рассказа вырисовывалась следующая картина.

К ним на ферму приехали пятеро мужчин, стали требовать от отца рыбы и раков, а когда отец отказал им под предлогом, что улов уже сдан в село, его затолкали в озеро и велели самому ловить раков. Если же ловить не станет, гости пообещали ферму сжечь и хозяина утопить.

— Кто у тебя отец-то? — угрюмо спросил Панкрат.

— Фермер, — ответил мальчишка, порываясь бежать. — Хозяйство у нас рыбное, разводим раков и рыбу в озере и прода-

ем. Дяденьки, миленькие, помогите, они его убьют, они все пьяные, сейчас мамка приедет из города, еще хуже будет...

— Что делать? — Панкрат оглядел лица друзей. — У нас есть время?

— Не хотелось бы шуметь на дороге... — сказал Крутов. — Но и оставлять людей в беде нельзя.

— Да уж, по такому случаю трафик не разработаешь, — усмехнулся Ираклий. — Поехали на ферму. Где ваше озеро, малец?

— Тут недалеко, полкилометра всего, я покажу.

— Отца как звать?

— Владимир Иванович.

— А тебя?

— Вовка...

— Поехали, Вовка.

— Только ради бога обойдитесь без драки! — попросила Мария.

Крутов посадил в кабину мальчишку, и они свернули с шоссе на узкую грунтовую дорогу, ведущую к небольшому озерцу и садовым участкам за ним. Петляя между невысокими песчаными холмами, поросшими кустарником, дорога пересекла сосновый лесок и вышла на берег озера, где располагалось нехитрое фермерское хозяйство «Ива»: небольшой деревянный домик, где жила семья фермера Иванченко, три сарайчика, две лодки, моторная и весельная, два ряда квадратных садков-аквариумов для разведения мальков, такие же садки, только побольше, отгороженные сеткой, — в воде у берега и на заднем плане — старенькая «Газель».

Картина, открывшаяся взору, была довольно живописной.

Хозяин фермы действительно стоял, не шелохнувшись, по пояс в воде, в трех метрах от берега, исподлобья глядя на компанию «крутых» гостей. Впечатление было такое, будто он находится в полусумеречном безразличном ступоре, как бы перед расстрелом, не понимая, что происходит.

На берегу озера горел костер, рядом стояла серая «Волга» гостей с владимирскими номерами. Трое из них, одетые в одинаковые спортивные костюмы, бродили по берегу с пивными банками в руках, то и дело крича на фермера, чтобы он немедленно лез ловить раков. Двое хозяйничали в доме хозяина: оттуда слышались громкие голоса, хохот, звон и грохот разбивающейся посуды. Услышав гул моторов подъехавших машин, «спортсмены» перестали ржать и орать, один из них, пожилой, с лысиной, широколицый, с вислым носом, направился к своей машине, а двое других — здоровые, накачанные, с короткими стрижками, придвинулись к джипу Крутова. Егор вылез, вышли и Панкрат с Ираклием. Женщины остались сидеть в кабинах джипов.

Мальчишка выбрался из кабины, бросился к отцу с криком:

— Папа! Дяденьки приехали!

— Что тут у вас происходит? — осведомился Крутов.

— Не твое дело, — бросил один из «спортсменов» угрожающе. — Проваливайте отсюда!

— И побыстрей, — добавил второй с ухмылкой, — а то придется знакомиться по полной программе.

— Мы и хотим по полной программе, — многозначительно проговорил Ираклий. — Кто вы такие и что здесь делаете?

— Проваливайте, я сказал! — озлился белобрысый «спортсмен». — Неприятностей захотелось? Будут!

Вели они себя так нагло, что Егор понял: это не простые бандиты. Их повадка — начальственно-глумливая, непререкаемая, была повадкой людей, которым в этой жизни все сходило с рук как бы заранее, по статусу неприкосновенности.

— Зачем же так невежливо? — укоризненно проговорил Панкрат. — Мужик-то вам чем насолил, что вы его в озеро загнали? Это же его озеро, он хозяин.

— И хорошо бы посмотреть на ваши документы, ребятки, — с показным добродушием добавил Ираклий.

— Щас мы тебе покажем документы, — с угрозой пообещал самый мощный «спортсмен», оглянулся на лысого, который копался в багажнике «Волги». — Константиныч, тащи ксиву.

Лысый Константиныч вытащил наконец «ксиву» — помповое ружье двадцать второго калибра, умело передернул затвор, двинулся к машинам гостей.

— Ну, кто тут хотел проверить документы?

— Вот собака облезлая! — с удивлением произнес Панкрат. — И тут рэкетиров полно! — Покосился на Егора. — Начнем, благословясь?

— Погоди, — тихо ответил Крутов, проходя все уровни живы до состояния в е р ы, шагнул навстречу лысому «спортсмену». Глаза его метнули желтое тигриное пламя, и мужчина вдруг споткнулся, выронил карабин, сел на землю с выражением безмерного удивления на лице.

Из домика фермера выбежали еще двое парней, одетых в спортивные брюки и штормовки, нагруженные полиэтиленовыми пакетами и сетками с консервами и соленьями. Уставились на гостей. Немая сцена длилась две секунды.

Крутов повернулся к спутникам лысого и сказал, не повышая голоса:

— Убирайтесь отсюда! Еще раз увижу вас здесь — разбираться будем иначе!

— Да ты знаешь, на кого гавкаешь, быдло?! — опомнился белобрысый «спортсмен». — Я тебя на Соловки загоню, век парашу выносить будешь! А ну... — Он не договорил.

Ираклий вдруг прыгнул к нему, и стокилограммовая туша «спортсмена» взмыла в воздух по крутой дуге, пролетела три метра и, грохнувшись о землю спиной, осталась лежать без движения.

— Не груби больше старшим, — сказал Ираклий назидательно, ткнул пальцем в сторону дернувшегося к нему второго «спортсмена». — Остынь! Власть переменилась. Кто такие, откуда?

Спутники «спортсменов» побросали сетки и сумки, кинулись было на обидчиков, но их опередил Панкрат. Поднял выпавший из рук лысого карабин и направил ствол на парней.

— Не торопитесь на тот свет, господа, эта штуковина заряжена. Егор, я посмотрю, что у них в машине?

Крутов кивнул, продолжая оставаться в состоянии живы, контролируя ситуацию в целом и в частностях. Поманил пальцем фермера, все еще продолжавшего торчать в воде.

— Выходите, Владимир Иванович.

Хозяин фермы очнулся, прижал к себе сына, тяжело взобрался на берег и сел на траву, ноги его не держали.

Панкрат бросил карабин Ираклию, забрался в кабину «Волги», покопался там и вдруг присвистнул. Выпрямился, подзывая Крутова, протянул ему найденные документы.

— Погляди-ка, что за зверинец сюда приехал. Видать, база Легиона где-то недалеко.

Егор взял три черных, с золотым тиснением, «корочки», раскрыл одну за другой. Удостоверения принадлежали подпоручику, поручику и штабс-капитану Российского Легиона.

— А вот это принадлежит твоему лысому крестнику, — подал Панкрат красную книжечку с двуглавым орлом и надписью: «Министерство внутренних дел».

Фотография на документе действительно принадлежала вислоносому лысому «спортсмену», имеющему звание подполковника милиции.

— Вот почему они действуют так беспардонно, — пробормотал Крутов. — Уверены в безнаказанности. Рачков и рыбки захотелось покушать — выложи им на блюдечке, иначе капут.

Что такое подразделение «Т»? — обратил он внимание на надпись в документах легионеров.

— Не знаю, — пожал плечами Панкрат. — Таких «ксив» я еще не видел. Что будем делать?

— Спровадим их и поедем дальше.

— Нет никаких гарантий, что они не вернутся.

— Не сидеть же здесь сторожами фермы?

— Тоже верно.

Они вернулись к переминавшимся с ноги на ногу любителям раков.

— Забирайте своего мента, — буркнул Панкрат, — и чтоб через минуту духу вашего здесь не было! Попытаетесь вернуться, на Луне достану! Уяснили?

— Ты не представляешь, с кем связался... — заикнулся было парень постарше, в штормовке, что обыскивал дом фермера.

Глаза Крутова сверкнули так люто, что тот вздрогнул и отшатнулся.

— Мы найдем вас везде, — медленно и веско проговорил Егор. — Документы ваши и оружие останутся пока у нас. Садитесь в машину.

— Через час ты сам приползешь к... — Зубы у парня лязгнули от пощечины, которую нанес ему Ираклий, брезгливо вытерший ладонь о траву.

— Мы очень вежливые и выдержанные люди, — выдал он ледяную улыбку, — но и наше терпение имеет пределы. Вы тихо уедете и тихо расскажете начальству, что потеряли удостоверения на рыбалке. Захотите покачать права, обойдется дороже. Вряд ли ваше начальство обрадуется, узнав, чем вы занимаетесь. Идите!

Легионеры помогли встать все еще находившимся в прострации подполковнику милиции и «спортсмену», поспешили к своей машине, оглядываясь и ворча. Молодец в штормовке оглянулся, мрачно буркнул:

— Если бы не «помпушка», я бы вас тут всех положил. — Он с надеждой посмотрел на Крутова. — Может, попляшем в спарринге? Без оружия? Ваша команда против нашей?

— Что, хочешь защитить честь мундира? — поднял бровь Ираклий.

— Да какая у них там честь, — поморщился Панкрат. — Эти мордовороты пошли в Легион не для того, чтобы защищать честь мундира или страны, и уж тем более не для нашей защиты, а потому, что не смогли быть полезными мафии или же захотели сами стать бандитами в законе.

— Уезжайте, — коротко бросил Егор.

«Волга» уехала.

— Спасибо, — обрел дар речи хозяин фермы, синий от холода и пережитого волнения. — На меня что-то нашло, никак не могу прийти в себя. Такого со мной еще не было, чтобы за мое же добро меня сжечь хотели. Мог ведь отбиться, у меня и ружье есть...

— Тогда они бы вас просто застрелили, — покачал головой Крутов. — У легионеров нет тормозов, им сам черт не страшен. Не думаю, что они вернутся, но береженого Бог бережет. Уехали бы вы на пару дней куда-нибудь, к родственникам например.

— Они далеко, на Украине, — слабо улыбнулся Владимир Иванович. — Некуда мне бежать, да и неохота. Я эту землю девять лет потом поливал.

— Что ж, удачи вам.

Крутов, Панкрат и Ираклий сошлись у машин.

— Может, не надо было документы у засранцев забирать? — поделился своими сомнениями Ираклий. — Они запросто могут перекрыть нам дорогу, доказывай потом, что ты не слон.

— Не беспокойтесь, — подошла к ним Мария, протягивая двухлитровую бутыль с тоником и стаканчики. — Попейте водички, драчуны, восстановители справедливости. Никто нас не остановит.

— Даже ГИБДД? — усомнился Панкрат.

— А гибдовцы — не люди? — улыбнулась Мария. — Они нас просто не увидят. И все же не умеете вы еще обходиться без показательных эффектов. Этих козлов можно было попросить отсюда и без физического насилия.

— Да, кстати, — оживился Ираклий, глянув на Крутова, — как тебе удалось остановить лысого подполковника с ружьем?

— Я слово заветное знаю, — усмехнулся Егор. — Даже два.

— «Отдай, дурак», что ли?

Ираклий захохотал. За ним засмеялись все, и даже измученный переживаниями фермер, гладивший сына по вихрастой голове, улыбнулся на шутку.

МОСКВА

КОМАНДА НА ТРАФИКЕ

В Москве все, кроме Панкрата, остановившегося у давнего приятеля, поселились в гостинице, хотя именно Панкрат и подсказал ее местонахождение. Гостиница называлась «Научная», располагалась на площади Курчатова и была тихой,

маленькой и уютной. В советские времена попасть в нее не академику и не ученому было почти невозможно, однако новые капиталистические условия жизни заставили ее владельцев по-иному взглянуть на вещи, и теперь это был неплохой коммерческий отель, мало известный в деловых кругах столицы, но тем не менее дающий прибыль хозяевам и кров гостям.

В Москву команда после инцидента на ферме въехала по разным дорогам, на всякий случай, чтобы не создавать видимость целеустремленной колонны, хотя обещание свое Мария сдержала с блеском: ни один пост ГИБДД, ни одна машина дорожно-патрульной службы не обратили на них внимания, несмотря на приличную скорость передвижения. Впрочем, никто этому не удивился, зная, как ведуньи вроде Марии могут отводить глаза любому человеку.

Поскольку Егору и на этот раз не удалось воспринять информацию с дискеты напрямую, без электронных приспособлений, пришлось искать компьютер, который нашелся в кабинете заведующего гостиницей, вернее, заведующей, старавшейся идти в ногу со временем. Пока она показывала Ираклию и Марии их апартаменты (Мария «попросила» ее об этом, разумеется, мысленно), Крутов сумел включить компьютер, Лиза очистила его от печати Сатаны, и текст Замысла, частью которого было спасение грэя, высветился на экране. Прочитать его и запомнить оказалось делом одной минуты.

Вечером в комнате Крутовых на втором этаже состоялось совещание команды, после чего все пришли к выводу, что их сил явно недостаточно, чтобы выполнить поставленную задачу. Для ее осуществления требовалось, как минимум, участие еще пяти человек.

— Я вызову из Нижнего своих ребят, — предложил Ираклий, повеселевший после того, как Мария дала ему понять, что селятся они вместе. — Они уже проверены в деле, вот он свидетель. — Ираклий указал на Панкрата. — У меня их трое.

Тот кивнул. Крутов тоже знал об участии своих друзей в операции по уничтожению храма Черного Лотоса в Переславле, поэтому уточнять детали не стал.

— Троих мало.

— Могу попытаться вызвать своего шефа, — сказал Панкрат.

— Асламова, что ли? — Ираклий хмыкнул. — Он же Витязь, у него своих дел полно.

— Асламова не трогайте, — сказала Мария с металлом в голосе. — Он действительно занят с в о и м делом. Ираклий, ты

говорил, что двое твоих бывших сослуживцев согласились войти в твою группу.

— Паша Машков и Дима Ольховский, — вспомнил Ираклий. — Я разговаривал с ними неделю назад, ребята надежные. Если они еще в Москве, есть шанс их отыскать.

— А я бы лучше вызвал из Бийска Серегу Корнеева, — проворчал Панкрат. — Если, конечно, он согласится и успеет прилететь к сроку. Как долго нам здесь околачиваться?

— День простоять и ночь продержаться, — пошутил Егор. — Пожалуй, это наиболее оптимальный вариант. Звони Сергею, издатель.

— Прямо отсюда? А если линия прослушивается?

Крутов протянул Ираклию свой мобильный телефон. Тот с интересом оглядел аппарат, взвесил в руке: тяжелый какой! — и набрал номер рабочего телефона Корнеева. Через несколько минут разговор бывших контрразведчиков закончился, и все повеселели. Корнеев обещал прибыть в столицу не позднее чем через сутки и привлечь к операции двух своих оперативников из «церковного спецназа».

— Порядок, — потер ладонь о ладонь Панкрат. — Теперь я спокоен. Мы этих «революционеров» по стенкам размажем!

— Не очень-то их размажешь, — покачал головой Крутов. — У них возможностей не меньше, чем у нас, а обеспечение посерьезней. Вот какие силы собрал Легион, чтобы обезвредить серого мага. — Егор набросал на листе бумаги схему предполагаемой атаки на Центр нетрадиционной медицины, которым руководил академик Тигран.

Обсуждение деталей контрплана, разработанного аналитиками Катарсиса, закончилось поздно ночью. Лиза в обсуждении не участвовала, хотя готовилась к операции по-своему, как ее учила баба Евдокия. Молодая ведунья была уверена, что без ее помощи Егору не обойтись, как бы надежно Мария его ни берегла.

Следующие два дня команда Крутова провела в рекогносцировке места действия, изучала подходы к Центру, располагавшемуся в Крылатском, в зеленой зоне на берегу пруда, напротив гребного канала, а также сам Центр, представлявший собой современное пятиэтажное здание из стекла, бетона и алюминия. Еще два дня команда готовилась к трафику, учитывая каждую мелочь. Корнеев прилетел в Москву уже на следующее утро, и дело пошло быстрей. Парни, прибывшие вместе с ним, бывшие десантники и разведчики, были профессионалами и понимали все с полуслова. Команда выросла до тринадцати человек (не считая Лизы) и могла теперь ре-

шить любую сложную задачу наподобие тех, что решала когда-то антитеррористическая группа Крутова во времена, когда он был ее командиром.

Еще через день стала известна дата нападения спецподразделения Легиона на Центр: третье мая.

О том, что рядом с ними работают и другие службы Катарсиса — «двойка» (разведка) и четвертое отделение «восьмерки» (обеспечение), знали все члены команды Крутова, который регулярно получал по телефону донесения и уточнения о местах установки телекамер и о наблюдателях Службы тотального криминального контроля. Сами крутовцы вряд ли смогли бы за короткое время выяснить местонахождение передвижного следящего центра СТОКК с компьютерной начинкой: он оказался замаскированным под фургончик дорожных рабочих, менявших асфальтовое покрытие улиц.

Первого мая Егор, получив очередное сообщение «двоечников», поехал на Воробьевы горы, где жил Умар Гасанович Тимергалин. Мария уже посещала квартиру Тимергалина, поэтому Крутов примерно знал, что он там увидит, но все же обстановка квартиры ученика серого мага произвела на него сильное впечатление.

Стены гостиной были сложены из обожженного красного кирпича без всякой специальной обработки и обклейки обоями. Интерьер же комнаты был выполнен в стиле африканского джамбе. Кроме разного рода хозяйственной утвари: глиняной и керамической посуды, ступок, мешалок, циновок, калабас, — на стенах висели жуткие маски, магические талисманы в виде хвостов и клыков разных животных, щиты, бусы из костей и цветного стекла, сушеный хобот слона, а также оружие: копья, луки, колчаны со стрелами, дубинки с акульими зубами, каменные и металлические ножи, зазубренные диски. В нишах стен виднелись кожаные корешки каких-то древних фолиантов, статуэтки гномов и зверей, подсвечники разных форм, вазы с цветами и засушенными травами, а в углах комнаты прятались метровой высоты скульптуры танцующего колдуна, воина и черной женщины с огромным животом. В четвертом углу красовался барабан из дерева, который был обтянут шкурой зебры, прошитой воловьими жилами.

Посреди гостиной стоял круглый камень с выбитыми на нем непонятными письменами, а вокруг него располагались четыре кожаных кресла с накинутыми на них шкурами льва, леопарда, зебры и гиены.

Весь этот экзотический антураж был выдержан в довольно

мрачных бордово-красно-черных тонах, действующих на психику гостей угнетающе, хотя сам хозяин, очевидно, не испытывал никаких негативных ощущений.

Судя по рассказу Марии, ничего в квартире Тимергалина не изменилось, он даже встречать Егора вышел в том же халате малинового цвета с черными атласными отворотами.

— Я ждал вас, Егор Лукич, — сказал он, провожая Крутова в гостиную; Лиза осталась в машине вместе с Панкратом. — Рад, что вы остались живы после той передряги на озере. К вашему приходу я сварил кофе по-восточному, не откажетесь?

— Не откажусь, — кивнул Егор, с любопытством оглядываясь по сторонам. — Почему вы ждали именно меня?

— Было бы странно, если бы вы не работали на Сопротивление, — уклонился от прямого ответа Тимергалин. — Присаживайтесь, полковник, я принесу кофе.

— Спасибо, я постою.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, в ногах правды нет. Я не собираюсь колдовать и воздействовать на вас с помощью моих магических устройств, тем более что вы неплохо защищены. Знаете, сколько среднестатистический человек, проживший на свете семьдесят пять лет, проводит времени на ногах? Тридцать три года.

— А в сидячем положении? — заинтересовался Крутов.

— Семнадцать лет.

— В два раза меньше. Что ж, можно и слегка изменить личную статистику. Интересно, а сколько мы проводим времени за кофе?

— За кофе не знаю, а за едой шесть-семь лет. Сон — двадцать пять лет, вождение автомобиля — по-разному, у европейца — около пяти лет, у россиянина существенно меньше.

Тимергалин вышел.

Крутов вспомнил советы Марии и сел в кресло со шкурой леопарда.

Умар Гасанович появился через минуту, поставил на камень с письменами поднос с кофейным прибором на двоих и разного рода орешками. Привычно сел в кресло, устланное шкурой льва.

— Итак, Егор Лукич, с чем вы ко мне пожаловали сегодня? Какую причину придумали волхвы Предиктора, чтобы послать вас ко мне?

— Причин придумывать не пришлось. — Крутов взял чашку с ароматным напитком, отхлебнул, посмаковал и медленно проглотил. — Вкусно. Один мой приятель специализируется на приготовлении кофе, но и он не сделал бы лучше.

— Случайно не тот, что сидит в машине у дома вместе с вашей женой?

Крутов улыбнулся. Он знал возможности Тимергалина и не сомневался, что тот вычислит визитеров.

— Да, это он. Умар Гасанович, я пришел открыто и прямо с просьбой помочь мне и моим товарищам. Мы знаем, что ваш учитель отказался работать на Проект, в связи с чем на него готовится мощная атака с применением психотронных генераторов и воздействием конунгов. Если он откажется в третий раз...

— Он откажется.

— ...его либо зомбируют, либо уничтожат, — закончил Крутов. — Мы хотим ему помочь.

— Зачем? — сверкнул глазами Тимергалин.

— Он не просто маг свободного выбора, как принято говорить про таких, он маг баланса сил. Настало время коррекции реальности в пользу света. Неужели вы этого не видите?

— Не стоит говорить со мной в таком тоне, — усмехнулся Тимергалин. — Мы сами решаем, с кем нам быть и что делать. Но вы спасли мне жизнь, а долг платежом красен, поэтому я вам помогу, Егор Лукич. Однако уговаривать меня, а тем более Петра Афанасьевича перейти на сторону «белых» или «красных», право слово, не надо. Что я могу сделать для вас?

— Проведите меня и моих людей в здание Центра ранним утром третьего мая. Это первое. Второе: уговорите Тиграна встретиться со мной.

Тимергалин помолчал, в задумчивости помешивая ложечкой кофе в чашке.

— Петр Афанасьевич очень занятой человек, едва ли он согласится. Но я попробую.

— Тогда у меня все. — Крутов встал.

Поднялся и Тимергалин.

— Спасибо за предупреждение, Егор Лукич. Как говорится, кто предупрежден, тот вооружен. Хотя, если честно, о многом мы догадывались и сами. Мы подготовимся к нападению, ваша помощь не понадобится.

— И тем не менее...

— Я же сказал: я вам помогу. В понедельник в семь утра вы будете в Центре. Петр Афанасьевич имеет обыкновение приходить на работу в девять часов.

Крутов поклонился, вышел из гостиной с ее особым «эмоционально-магическим» полем, попрощался с хозяином квартиры за руку и спустился во двор, к машине. Панкрат, прохо-

живающийся рядом, сел в кабину, вопросительно посмотрел на Егора. С таким же вопросом в глазах смотрела на него и Лиза.

— Все в порядке, — сказал Егор. — Он согласился нам помочь. Хотя от нашей помощи отказался. Господин энэлпер уверен, что они с академиком могут постоять за себя сами.

— Слон толстокожий, — проворчал Панкрат. — Почему эти колдуны всегда так уверены в себе?

— Они обязаны быть такими, — проговорила Лиза. — Магами становятся только волевые, сильные, уверенные натуры.

— Кстати, слон — единственное животное на Земле с четырьмя коленями, — сообщил Крутов.

Панкрат хмыкнул.

— Что ты этим хочешь сказать?

— К тому же среди всех зверей только слоны не умеют прыгать, — добавил Егор.

— Не говори многозначительно, полковник. При чем тут слоны?

— Ты же обозвал Тимергалина слоном? Я к тому, что он и его учитель не умеют отступать, а в моем понимании переть вперед как слон — не лучшее человеческое качество.

Карман Крутова тихо прозвенел. Егор достал трубку телефона.

— Кречет, — раздался в трубке голос диспетчера трафика. — В два часа дня в пакгаузе «Д-2» Курского вокзала можете забрать спецоборудование.

— Поехали, — сказал Крутов, пряча телефон.

Второго мая они встретились в гостинице и еще раз обговорили детали операции. Роли каждого члена команды были определены давно, уточнялись лишь нюансы и варианты плана.

В задачу Корнеева с его людьми входило похищение настоятеля храма Черного Лотоса, на эгрегор которого собирался опереться конунг при пси-атаке на Тиграна.

Ираклий со своей группой должен был нейтрализовать СТОКК с ее передвижным центром слежения и управления.

Панкрату с группой, укомплектованной бывшими сослуживцами Федотова, предстояло нейтрализовать оцепление здания Центра нетрадиционной медицины. По сообщениям разведки, роль оцепления должно было сыграть подразделение «тающих» Российского Легиона.

В задачу Крутова и Марии, таким образом, входила нейтрализация группы захвата и отражение пси-нападения конунга.

Конечно, силы даже такой ведуньи, как Мария, были несравнимы с силой черного мага (было известно его имя — Иван Елисеевич Авогеин), но она надеялась, во-первых, на поддержку светлого эгрегора, обещанную волхвами, а во-вторых, на помощь Тимергалина и самого Тиграна, хотя почти все члены команды Крутова относились к ее надеждам скептически.

Самым главным условием операции, от соблюдения которого зависел успех, что еще раз подчеркнул Егор, была точнейшая синхронизация действий всех групп. Каждая из них должна была начать работу в определенный момент, ни мгновением позже, ни мгновением раньше, и выдерживать график движения с точностью до секунды. В противном случае руководитель атаки на грэя со стороны Легиона мог догадаться о принятых контрмерах и отменить операцию, чтобы подготовиться тщательней и нанести удар в другой раз, в неожиданном месте и в неожиданное время.

Боевики Легиона прибыли к зданию Центра после того, как в девять часов в него вошел Петр Афанасьевич Тигран. Руководитель операции хорошо знал возможности академика по обнаружению опасности и концентрировать силы захвата раньше времени не рискнул.

В пять минут десятого началась развертка оцепления вокруг здания Центра, закончившаяся через десять минут.

В половине десятого руководитель легионеров дал сигнал к атаке.

Тотчас же вступила в действие и группа Ираклия.

В фургон «дорожных рабочих», перекрывших в двух местах проезд по улице Крылатской, вдруг на большой скорости врезался «КамАЗ» с песком и опрокинул его на бок. Никто из «рабочих», колупавшихся рядом, не успел ничего понять, как возле них остановился белый джип «Судзуки», из него выскочили трое мужчин в камуфляже, с вязаными шапочками-масками на головах, и в мгновение ока скрутили «рабочих», а также двух выползших из фургона оперативников СТОКК. Ни один из них не успел подать по рации сигнал тревоги.

В тот же момент внезапно отключилось электричество в неприметном сером здании на Хорошевском шоссе, где располагался региональный узел СТОКК, контролирующий сеть уличных телекамер Северо-Западного административного округа столицы. Служба тотального криминального контроля района оказалась на некоторое время без «глаз» — телекамер

и без «головы» — центра управления: отключилась вся ее компьютерная сеть. Сотрудники СТОКК смогли включить систему лишь через двадцать минут.

Центр нетрадиционной медицины (ЦНМ), как и любая подобная коммерческая организация, имел свою охрану. Главный вход в здание охранял пост, где всегда дежурили двое работников муниципальной милиции. Еще трое муниципалов сторожили второй вход — служебный, со стороны двора. Кроме того, в дежурной комнате с мониторами телесистемы несли дежурство двое охранников, один из которых был начальником смены. Охранялся и кабинет президента Центра. Однако с профессионалами Легиона, специально натасканными на штурм городских строений, тягаться им было тяжело, поэтому спустя семь минут после начала атаки здания его охрана была полностью обезврежена. Заминка произошла только при нейтрализации охраны коридора четвертого этажа, где располагался кабинет президента ЦНМ.

Двери, ведущие в коридор из лифтовых холлов и с лестничных площадок, оказались закрытыми — сработала сигнализация, к тому же они были сделаны из бронированного стекла, и атакующим пришлось применять «глушаки», чтобы заставить охранников открыть их. Однако дальше дверей группа захвата, экипированная спецкостюмами «киборг», пройти не смогла. Хозяин Центра наконец оценил угрозу и начал действовать, хотя было уже поздно. В здании появился конунг Авогеин.

В этот момент вступила в игру группа Сергея Корнеева, давно наблюдавшая за храмом Черного Лотоса, выросшим всего месяц назад на пустыре за ТЭЦ, обслуживающей весь район Крылатского.

Храм, выстроенный в стиле буддистского «замка», с виду казался небольшим, зато имел огромный подземный зал для занятий с «братьями», и войти в него можно было лишь одним путем — через центральные ворота. Корнеев и вошел, применив безошибочно действующий прием: пожар.

Естественно, пожар был мастерски сооружен оперативниками Сергея, проникшими заранее в храм в качестве «братьев». Одеты они были в черные рясы, носили бороды и усы, и никто из охранников храма, посчитав «своими», их не обыскал.

Сам же Корнеев прибыл на пожарной машине (настоящие пожарные приехали позже), остальное было делом техники. К месту пожара — загорелись складские помещения храма — прибыл, конечно, и настоятель Скубаев, изъять которого, в

принципе, оказалось делом несложным: его телохранители отвлеклись на тушение пожара, а когда опомнились, господин Скубаев уже спал в салоне микроавтобуса «Тойота», успокоенный доброй дозой хлороформа. Его помошника и заместителя Гуркина в храме к этому моменту не оказалось, он спал у себя дома на Плющихе после того, как к нему приехали гости — «журналисты из газеты «Сегодня». Таким образом, массой послушников, учеников и братьев, собранных к этому часу в нижнем зале храма, управлять было некому, и они начали роптать, переговариваться и постепенно расходиться, уже не представляя собой монолитный эгрегор, то есть пси-систему, усиливающую волю ее лидера.

Панкрату и его помощникам досталась не менее важная задача — нейтрализовать оцепление Центра, причем без шума и перестрелки, что сделать было весьма непросто, учитывая подготовку боевиков Легиона. Поэтому решили идти другим путем, более эффективным, чем нападение на оцепление и отключение боевиков одного за другим, что не гарантировало стопроцентного успеха и требовало времени.

Поскольку в операции участвовала и «двойка» — разведка Катарсиса, и «семерка» — обеспечение, Панкрат включил их в свою «группу влияния», поставив перед каждым командиром определенную задачу.

Как только к зданию подъехал объект нападения в сопровождении Тимергалина и вошел внутрь, разведчики и наблюдатели «двойки» поймали цель — командира отряда оцепления, и повели ее, не теряя из виду. Затем возле Центра внезапно появилась кавалькада байкеров на мотоциклах, мгновенно усложнив задачу легионерам своим непредсказуемым и «очень громким» поведением. Это была вспомогательная группа «семерки», призванная отвлечь внимание легионеров, с чем она справилась прекрасно.

В бессильной ярости смотрел командир оцепления на шалости разукрашенных, как попугаи, цветноволосых, затянутых в кожу и металл молодых людей, потом терпение его лопнуло, и он решил убрать мотоциклистов от здания ЦНМ, приказав своим подчиненным и телохранителям вмешаться в «половецкие пляски» байкеров. Но стоило ему на минуту остаться одному у въезда на территорию Центра, как из стоящей неподалеку «Газели» выскочили оперативники Панкрата и в течение нескольких секунд обезоружили «киборга», связали и запихнули в фургон, где Панкрат уже ждал его с «глушаком». Еще через несколько секунд в эфир полетела команда отбоя, снимающая оцепление и отправляющая легионеров

к месту их постоянной дислокации. Если кто из них и заметил необычно заторможенное состояние командира, то не придал этому значения. Через пять минут оперативники «тающих» из оцепления сели в микроавтобус, на котором прибыли сюда, и уехали.

Крутов и Мария, связанные по рации со всеми членами команды и с диспетчером трафика, ждали своей минуты в одной из лечебных палат Центра, играя роль больных. Тигран с Тимергалиным лечили неврозы, психические расстройства, алкоголические синдромы, стрессы, суицидальные кризы, аллергию, поэтому ЦНМ имел около двух десятков лечебных и процедурных палат, не пустовавших практически никогда, в том числе и на праздники.

Получив сигнал об успешном последовательном исполнении трафика другими группами, Егор и Мария, одетые в серые халаты с эмблемой ЦНМ — две змеи, кусающие друг друга и образующие силуэт сердца, — вышли из палаты и двинулись к лестнице, чтобы подняться на этаж выше, где располагались лаборатории Тиграна и Тимергалина и их кабинеты.

Со стороны они выглядели слабыми и больными (благодаря влиянию Марии) и опасности не представляли, поэтому боевики группы захвата, перекрывшие лестничные площадки, реагировали на них со снисходительным терпением, позволив подойти почти вплотную.

Егор перед этим глотнул «ерофеича», его распирала энергия, и он жаждал активного действия, будучи уверенным, что вполне мог бы справиться с «киборгами» по-простому, в рукопашке, в считанные секунды. Однако шум поднимать было рано, и Крутов предоставил право действовать Марии, готовый в случае нужды применить приемы живы, основанные на бесконтактном воздействии.

— Нас ждет врач, — тихим старческим голосом сказала Мария с улыбкой, посмотрев в глаза обоим «киборгам».

— Конечно, бабуля, — отозвался легионер, отступая в сторону. — Проходи к своему врачу.

Крутов и Мария поднялись по лестнице на четвертый этаж, оставив двух парней в абсолютной уверенности, что они видели старика и старуху. Дверь с лестничной площадки в коридор четвертого этажа оказалась открытой, но больные проникли в коридор с некоторым трудом: сказывалось мощное пси-воздействие созданной Тиграном «зоны запрета». Крутов с грехом пополам, но все же сумел отстроиться от давления чужой воли, Мария же потратила время на создание

«зонтика защиты», сделавшего их невидимыми для чужих глаз. Затем началась финальная стадия операции, зависящая теперь только от опыта, реакции и силы воли обоих. Развертка всех основных сил и действующих лиц закончилась, фокусники в лице магов: черного — Ивана Авогеина и серого — Петра Афанасьевича Тиграна — приступили к демонстрации заранее приготовленных сюрпризов.

В коридоре находилось всего двое «киборгов» из группы захвата Легиона, которые держали под прицелом дверь в кабинет Тиграна. Егора и Марию они не заметили, несмотря на специальные шлемы, защищавшие головы от психотронного излучения.

Из донесений разведчиков Крутов знал, что Тигран в этот момент беседует с представителем Легиона, командиром группы захвата и всей операции, что вместе с ним находится черный маг, ждущий своего часа, что в Центр уже проникла спецгруппа легионеров с переносным пси-генератором «анаконда», но сигнала к атаке все не было, диспетчер молчал, напряжение предбоя сгустилось до предела, время утекало в пространство каплями секунд, волнение Крутова росло, и, когда он готов был взорваться от нетерпения, в коридоре появились наконец «киборги», вооруженные необычной формы «бластерами», напоминающими гибрид мясорубки и дикобраза. Это были новейшие портативные гипногенераторы «анаконда-2», способные заставить повиноваться практически любого человека. «Киборги», также не заметив застывшую у стены пару «больных стариков», вошли в приемную академика.

Крутов невольно погладил на груди оберег на цепочке, получил слабый «электрический» укольчик (Лиза, оставшаяся в машине у въезда в Крылатское, посылала ему свое «спаси и сохрани!») и сказал в усик рации:

— Мы пошли!

В то время, как Егор с Марией еще только подходили к двери приемной, в кабинете Тиграна разыгралась сцена дуэли магов, безмолвная, без единого слова и движения, но от того еще более странная и страшная, превратившая присутствующих при этом людей в марионеток, чьи органы чувств подверглись невиданной атаке магических заклинаний и сил. Крутов с трудом удержался на ногах, едва не потеряв сознание от всплеска пси-полей, несмотря на соединенный отпор Марии и Лизы, оберегавших своего Витязя. Некоторое время ему казалось, что он находится в лесу, каждое дерево которого, каждый куст норовили вцепиться сучьями в одежду, выколоть глаза и сломать ноги.

Петр Афанасьевич Тигран переоценил свои силы. Несмотря на предупреждение Крутова и совет Тимергалина не доводить ситуацию до прямого столкновения, он не стал готовить запасные пути отхода и подстраховываться на случай физического нападения. Он был уверен, что ни один конунг не осмелится объявить ему магическую войну, чреватую осложнениями и непредсказуемыми последствиями, а если и осмелится, то выбор оружия будет за тем, кому эту войну объявили. Однако вопреки его уверенности конунг, не побоявшийся лобовой атаки, нашелся и действовал далеко не по-джентльменски, используя не только свое мастерство, но и помощь черного эгрегора, а также технические средства типа психотронных генераторов второго поколения, с которыми Петр Афанасьевич еще не имел дела и защиты от них не знал.

Пока он вел переговоры с послом Легиона, еще раз предложившим подсоединиться к Проекту Пси-Пирамидальной Революции «во имя будущего», конунг Иван Елисеевич Авогеин подготовил мощный «пси-заряд», подключился к вспомогательному усилителю пси-поля, роль которого должен был сыграть эгрегор храма Черного Лотоса, дезорганизованный вследствие потери лидера, но все еще работоспособный и опасный, как куча расползавшихся муравьев, и «выстрелил».

Этот «пси-выстрел» подействовал на всех, кто находился в этот момент в здании Центра, в том числе и на Крутова с Марией, но предназначался он в основном Тиграну, и Петр Афанасьевич, отразив его, вдруг с пугающей ясностью осознал, что не свободен, как прежде, что не может уйти отсюда л е г к о с т у п о м, изменив топологию пространства, и что даже помощь Умара Гасановича Тимергалина не решит проблему.

Конунг нанес еще один удар, более мощный, показав, что владеет пятым уровнем самореализации и всеми доступными этому уровню с и л а м и. Грэй отбил и этот выпад, отчего структура пространства-времени в зоне высвобождения энергии начала «плыть», потеряла связность, что, в свою очередь, отразилось на людях, закричавших от болевого шока. Некоторое облегчение Петр Афанасьевич испытал, когда на помощь пришел Тимергалин, сотворив нечто вроде «молниеотвода», куда ушла часть энергии конунга. Эффект этого отвода проявился в виде черной ветвистой молнии, пробившей стены и потолки здания и вонзившейся в воду гребного канала напротив; вода при этом мгновенно закипела.

Некоторое время длилось равновесие: конунг наращивал мощь ударов, пользуясь «усилителем» храма, грэй и его ученик отражали их, пытаясь нащупать резонансные частоты и

разрушить «усилитель» энергии. Но их сил не хватало, и бой — невидимый непосвященным — продолжался. Правда, недолго. Легионеры принесли гипногенераторы, и Авогеин без колебаний пустил в ход «анаконду-2».

Эффект выстрела можно было сравнить с включением мощного пенотушителя на пожаре: струя пены ударила по языкам пламени, и пожар погас. Точно так же «погас» Тигран, получив «струю пены» — поток ментального излучения, отключивший его сознание.

Бой магов закончился.

Сопротивлением ученика грэя можно было пренебречь, с ним Авогеин рассчитывал справиться и без «анаконды».

— Заканчивайте, — сказал он, передавая гипногенератор руководителю операции захвата. — Я добью его помощника и вернусь.

Руководитель кивнул. «Заканчивать» — означало запрограммировать грэя, после чего он становился «добровольным» реализатором Проекта.

Однако напрасно главные действующие лица операции захвата посчитали свою миссию выполненной. На сцене еще находились актеры, чье влияние на сценарий оказалось решающим. Во всяком случае, их появления конунг не ждал.

Когда открылась дверь кабинета Тиграна и оттуда в приемную шагнул бородатый мужчина в свитере, с неброским серым лицом и горящими черным огнем глазами, Крутов уже держал в руках второй гипноизлучатель, отобранный у легионера, и совершенно рефлекторно нажал на спуск. И Авогеин, уверенный в победе и не ожидавший нападения н а н е г о, не успел отразить импульс, погрузивший его в состояние грогги.

На мгновение движение в приемной замерло. Затем споткнувшийся конунг начал медленно поднимать голову, приходя в себя, глянул на Крутова страшными мутными глазами, в которых клубилась тьма смерти, и Егор нажал на спуск «анаконды» еще раз.

Однако Иван Авогеин был все-таки очень сильным магом и ситуацию схватывал безошибочно. Уйти от нового пси-выстрела он не успевал, но зато успел частично отразить его, так что Крутов, получивший грохочущий импульс «рикошета», едва не выронил оружие.

— Оставь его мне! — звонко крикнула Мария. — Спасай грэя!

Егор послушно бросил ей гипногенератор, прыгнул мимо Авогеина к двери кабинета (в состоянии живы на это ему понадобились доли секунды), по пути от души врезал кулаком

конунгу по скуле (удар прошел! Авогеин не ждал физического воздействия!) и ворвался в кабинет Тиграна.

Петр Афанасьевич был жив и даже в полубессознательном состоянии пытался бороться с заклятием конунга, подавившим его волю и заблокировавшим канал выхода на тонкий полевой уровень космоса. Вполне возможно, что он справился бы с этим сам, будь у него время, однако времени у него как раз и не было. Руководитель операции захвата — им, к удивлению Крутова, оказался знакомый ему по рассказам Панкрата бывший начальник «Психодава» Мережковский — закончил подготовку «анаконды» к программированию и включил гипногенератор.

Именно в этот момент в кабинет и ворвался Крутов, подчинявшийся законам живы, которые позволяли ему создавать вокруг себя не менее магическую зону — сферу ПАО, пространство адекватного ответа. Мережковский ничего не успел предпринять. Он только оглянулся на звук открываемой двери, и в голове его вспыхнул ослепительный свет, сменившийся глухой чернотой.

Крутов подхватил выпавший из рук Мережковского «гибрид мясорубки и дикобраза», подскочил к стоявшему на коленях Тиграну.

— Я помогу вам, вставайте. Идти сможете?

— Кто... вы? — не узнал его Петр Афанасьевич. Глаза его были прозрачными и слепыми, смотрящими в глубь самого себя, где еще шла борьба воли с внешним внушением.

— Неважно, я ваш друг и хочу помочь. Нам необходимо немедленно убираться отсюда.

— Я... никуда... не пойду...

Крутов чертыхнулся, оглядываясь по сторонам, не зная, что делать, потом решил унести академика силой, на плечах, и в этот момент бесшумно повернулась на невидимой оси часть стены с картинами и в кабинет шагнул Умар Гасанович Тимергалин. Выглядел он бледным и заторможенным, война с конунгом не прошла для него даром, но все же он сумел отбиться и держался на ногах.

— Уходите, — сказал он Крутову, подходя к учителю. — Спасибо за помощь.

— Но вам тоже надо уходить... — начал Егор.

— Мы уйдем позже.

— Мне приказано...

— Да уходите же! — с досадой бросил Тимергалин. — Конунг сейчас придет в себя, спасайте свою берегиню. Я вас найду.

Крутов постоял мгновение, глядя на с трудом двигавшегося серого мага, и метнулся к двери.

Он появился в приемной вовремя.

Авогеин справился с шоком от разряда «анаконды» и, наращивая пси-давление на Марию, готов был покончить с ней одним «прыжком зверя». Излучения пси-генератора он уже не боялся.

Крутов осознал безнадежность положения Марии мгновенно и действовал так же быстро, все еще опираясь на состояние живы, как на силу, продолжавшую формировать вокруг него зону пространства, законы которого подчинялись только ему. Он интуитивно понял, что «анаконда» на конунга не подействует, как не подействовал бы и выстрел из пистолета или карабина. Надо было предпринять иной метод воздействия, неожиданный для черного мага, привыкшего опираться на магические силы, и Крутов, вспомнив недавний опыт контакта (на скуле конунга красовался знатный кровоподтек), выкрикнул внутри себя свое имя и с выплеском энергии нанес сильнейший удар в стиле боливака, способный пробить грудную клетку и более подготовленному мастеру.

Авогеин слишком поздно понял опасность прямого физического воздействия. К тому же его отвлекла птица, внезапно ворвавшаяся в кабинет сквозь стекло окна, — огромный сокол с хищно растопыренными лапами. Конунг вынужден был отбить ее нападение, в результате чего он и пропустил удар Крутова. Поэтому отреагировал он не так, как ожидал его противник: с изумлением улетев в глубь приемной и задохнувшись от боли в груди (удар Крутова сломал ему три ребра!), он в ярости обрушил на него всю мощь черного эгрегора... вернее, хотел обрушить, потому что не учел изменения обстановки. Вследствие отсутствия организующего начала — настоятеля храма, похищенного группой Воробьева, храм окончательно перестал быть усилителем ментального поля конунга, превратился в аморфную дезорганизованную массу индивидуальных полей. И осознание этого факта настолько потрясло конунга, что он автоматически перешел на легкоступ... и исчез!

Назад Иван Елисеевич уже не вернулся, решив, очевидно, не рисковать. Будучи трусом по натуре, рисковал он только в том случае, если был уверен в двойном перевесе сил.

Крутов подхватил на руки Марию, направился было к двери в коридор, но появившийся Тимергалин поманил его за собой.

— Идемте за мной, я выведу вас во двор.

— Отбой всем, кроме группы поддержки! — включил рацию Крутов. — Отход по варианту «ноль два».

Через четверть часа он был вне Крылатского, увозя потерявшую сознание Марию в гостиницу. Машина с оперативниками поддержки следовала за ними в течение часа, ожидая погони или перехвата, но все было тихо, их никто не преследовал и не останавливал, легионеры только-только начали соображать, что их замысел провалился.

МОСКВА

ВАЛЯГИН

Таким обманутым в самых лучших ожиданиях Винсент Аркадьевич не чувствовал себя давно. Потрясенный известием о провале операции по захвату грэя, он долго не мог прийти в себя, веря и не веря в случившееся, потом вызвал «на ковер» виновников провала, основных руководителей операции: Мережковского, Чумакова и секретаря Совбеза Барановского, являвшегося заместителем Валягина и главой охранной службы Проекта.

Чумаков, суетливый и нервный, куривший одну сигарету за другой, прибыл в кабинет Валягина первым, благо его кабинет ректора АНБ находился здесь же, в здании академии на территории Лесной дачи. Заикнувшись о своей непричастности к неудаче и получив в ответ злобный высверк глаз Директора Проекта, он забился в угол кабинета и не произнес ни слова в течение всего «разбора полетов», отмалчиваясь даже на вопросы Валягина. Вскоре в кабинете появились остальные участники операции.

Мережковский был хмур и бледен, он еще не совсем оправился от удара Витязя, пряча синяк на лбу под пластырем, и чувствовал себя нехорошо. Владимир Никонович Барановский, бривший голову наголо и носивший взамен бородку, казался сонно-безразличным. У него был хищный острый нос, узкие губы, серое лицо и колоссальная мускулатура. Носил он черные костюмы и рубашки без воротника, считая, видимо, что выражает тем самым глубинную сущность «народной моды». Начинал Барановский свою карьеру разведчиком-нелегалом в Колумбии и Мексике, дошел до генерала, работал в ФСБ, курируя научно-технические разработки, где на него и вышли вербовщики Проекта. Именно с их подачи Владимир Никонович и стал секретарем Совета безопасности, используя во благо Проекта все возможности этого кресла. Бывший

генерал хорошо знал бывшего Директора Проекта Бессараба и был одним из инициаторов разработки психотронных генераторов типа «пламя» и «удав». Идея испытать генераторы «на натуре» принадлежала ему, и одним из «испытателей» стала жена Рохлина, известного политика и генерала, убившая мужа после обработки ее «глушаком».

— А теперь, господа, — сказал слегка успокоившийся Валягин, не предлагая гостям сесть, — прошу внятно и объективно объяснить мне причины провала. Смелее, я не кусаюсь... пока. Прошу извинить, что не предложил вам напитки, они вредно действуют на память.

Гости Директора Проекта переглянулись.

— Противник начал применять наши методы... — начал Мережковский.

— Начнем с вас, Владимир Никонович, — проигнорировал Валягин реплику Архипа Ивановича. — Судя по вашему уверенному виду, вы успели проанализировать ситуацию.

— Архип Иванович прав, — остался сонно-невозмутимым Барановский, точно принял перед визитом изрядную дозу транквилизатора. — Предиктор учится работать по-современному, не стоит удивляться, что волхвы все чаще вторгаются в наше информационное пространство. Если бы мы перевербовали Асламова раньше, раньше узнали бы и о Катарсисе, и о его планах, и о существовании системы служб этой сверхсекретной организации.

Лицо Винсента Аркадьевича на мгновение прояснилось.

— Захват Витязя наша несомненная удача, разведка Легиона сработала тогда отлично, в чем есть и ваша заслуга, господа. Почему же наши подразделения, до сих пор успешно справлявшиеся с подобного рода делами, провалили операцию на этот раз?

— Во-первых, Асламов не все рассказывает, что знает, — погладил блестящую бугристую голову Барановский. — Либо он человек исключительной воли и дозирует информацию сознательно, либо запрограммирован до нас «держать» секреты даже при угрозе жизни. Во всяком случае, ничего существенного о Катарсисе он не сообщил.

— Возможно, он и не был допущен к этим секретам, — глухо пробурчал Мережковский. — Я не отрицаю, что распространение упреждающей дезинформации, рупором которой должен стать Асламов, является мощным оружием, но не верю, что он станет детонатором разрушения всей системы Сопротивления. Для этого нам требуются люди, обладающие

сознанием и чутьем зверя, которых не надо ни переубеждать, ни зомбировать.

Винсент Аркадьевич пренебрежительно шевельнул уголком рта, выпил стопку заранее приготовленного коньяка, который мог употреблять в немереных количествах утром, днем и вечером.

— Я не слышу аргументов. Молчание Асламова — не аргумент в пользу вашей неудачи.

— Операция против нашей бригады была разработана по уровню «АА», — сказал Барановский, продолжая изредка поглаживать голову, — если пользоваться нашей терминологией. А это означает, что у Катарсиса появились разработчики и аналитики этого уровня. Мало того, в операции участвовал не просто Витязь, а хорошо сбалансированная команда профессионалов.

Валягин ощерился.

— Кто именно? Кто этот Витязь?

— Бывший полковник ФСБ Крутов, — поморщившись, проговорил Мережковский.

Валягин поперхнулся коньяком, сплюнул, в изумлении глянул на руководителя СТОКК.

— Крутов?! Тот самый? Так он все-таки еще жив?!

Мережковский отвел глаза.

— После гибели Джехангира мы потеряли его из виду...

— Это не оправдание! Используйте спутники, в с ю доступную технику, но немедленно найдите и ликвидируйте! Кто еще был в его команде?

— К сожалению, они отключили систему уличного видеоконтроля в районе Крылатского, — пробормотал Барановский. — Сохранилась лишь одна запись, да и та снята камерой, установленной на высотке в конце улицы Нижние Мневники. Судя по всему, это запись нейтрализации оцепления. Обработка еще продолжается...

— Найти и уничтожить! — повторил Валягин, глотая коньяк, как воду. — Всех! И займитесь наконец Катарсисом. Выясните его лидеров, системы защиты, центры, связи, цели. Мне все равно, как вы это сделаете, через Асламова, агентуру или иным способом, главное, чтобы результат был уже завтра. Задача понятна?

— Понятна, — хором ответили исполнители Проекта.

— И последнее. Десятого мая на капище Гамаюнщина состоится праздник Земли, где соберутся многие руководители славянских союзов. Надо сорвать их объединение во что бы то ни стало! Вплоть до применения пси-техники. Идите.

Оставшись один, Винсент Аркадьевич допил коньяк, хотел было открыть еще одну бутылку, и в этот момент с отчетливым электрическим треском в кабинете объявился конунг Иван Елисеевич Авогеин в неизменном сером свитере. Запахло озоном и чем-то едким, как перец. Видимо, для инициации л е г к о с т у п а маг на этот раз воспользовался не собственной с и л о й, а пространственным заклинанием, вызывающим побочные явления.

— Мой секретарь сказал, что вы хотели меня видеть, — басом проговорил Авогеин.

Валягин кисло улыбнулся. «Секретарем» конунг называл свой полуживой автоответчик, имевший нечто вроде личности. Общаться с этим «существом» было неприятно.

— Присаживайтесь, Иван Елисеевич. Вы меня разочаровали, честно говоря. Что произошло? Кто вам помешал выполнить задание? Ведь все было рассчитано и выверено.

— Не все. — Авогеин невольно погладил пальцами грудь, куда пришелся удар Витязя; сломанные ребра уже срослись, но еще давали о себе знать. — Команду, расстроившую наши планы, прикрывали волхвы, поэтому я не почуял опасности.

— Волхвы участвовали в операции?!

— Нет, они послали своего Проводника, ведунью Марию Арсеньеву, владеющую силой Рады.

— Что это еще за сила такая?

— Рада — древняя славянская богиня, берегиня бога Вышня. Справиться с ней очень трудно.

— Да уж, — хмыкнул Винсент Аркадьевич, разглядывая гладкое сытое лицо мага хмельными глазами. — Вам эта берегиня оказалась явно не по зубам. Где же вы утеряли вашу хваленую с и л у?

Взгляд конунга стал царапающим, острым, как игла, и тотчас же газета на столе Директора Проекта задымилась и вспыхнула.

— Бросьте свои фокусы, — поморщился Валягин, движением бровей гася газету, — они действуют только на слабонервных. Даром Черного Совершенного не стоит пользоваться для пустяков, вы уж не обижайтесь. Сможете нейтрализовать эту колдунью?

— Она пользуется поддержкой Предиктора, — невозмутимо ответил Авогеин. — Для ее нейтрализации мне потребуется активное заклинание, а магическое воздействие в имплицитной реальности не должно быть эхорождающим, оно должно восприниматься как дополнительное управление реальностью.

— Попроще, Иван Елисеевич, без этой вашей зубодробительной терминологии.

— Я хочу сказать, что мне нельзя открыто использовать магические формулы. Отреагирует сразу весь эгрегор Сопротивления...

— И от вас останутся только рожки да ножки, — закончил Валягин. — Резонно. Что же вы предлагаете?

— Витязь, которого опекает ведунья, владеет живой, организующей потоки сил от богов, и, пока они вместе, пока их команда действует во взаимосвязи, с ними не справится ни одно спецподразделение Легиона. Необходимо их разобщить.

— Как?

— Вы спросили: что делать? — я ответил. У вас есть аналитики, пусть пораскинут мозгами. Волхвы — глубоко верующие люди, на них наша идеология и пропаганда не действует, иное дело — их помощники, можно попытаться сыграть на их чувствах и привязанностях. Как известно, вера — это еще и канал, по которому можно передать в сознание человека ложные образы внешнего мира, ложные идеи, искаженные системы ценностей. Путь долгий, но ведь и задача того стоит?

Валягин усмехнулся, достал зубочистку.

— Речь, достойная иезуита. Хотя я согласен с вами, Иван Елисеевич, особенно что касается воздействия на сознание людей, но результат нам нужен не через век, а через день. Час Проекта пробил. Именно поэтому мы должны устранить все прогнозируемые помехи. Я дал распоряжение нашим воякам ликвидировать Витязя, помешавшего вам захватить грэя. Поможете? Если он так хорош, привлеките кого-нибудь из своих коллег, например Лебедева или Херувимова.

Авогеин потрогал место на подбородке, куда пришелся первый удар Крутова, глаза его на миг злобно загорелись.

— Не такой уж я и слабак, как вам кажется, Винсент Аркадьевич. Если ваши люди не справятся, тогда подключусь я. Только надо было предупредить Мережковского, что даже заяц, загнанный в угол, бывает смертельно опасен, а уж о Витязе и говорить не приходится.

— Что вы хотите сказать? — удивился человек-гора, переставая ковыряться в зубах.

— Ваши вояки-садисты любят причинять объекту страдания, способные вызвать обратную реакцию. Не надо экспериментировать, просто убейте его. Для этого нужен всего лишь хороший снайпер. Или же натравите на него второго Витязя. — Конунг оживился. — А любопытно было бы посмотреть на их схватку.

— Пусть Мережковский решает сам, как устранить Крутова, — пренебрежительно махнул рукой Винсент Аркадьевич. — Хотите выпить? У меня есть хорошая водка.

— Хочу, — подумав, ответил Авогеин.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

ВОРОБЬЕВ

Больше всего Панкрат боялся, что Лида начнет расспрашивать, где он был и что делал, потому что рассказывать ей о своей работе в Катарсисе не имел права, а врать не хотел, но жена тонко чувствовала его состояние и вопросы задавать не стала, только обняла и прижалась к нему всем телом, словно пытаясь защитить от неведомой опасности.

Они и потом, после полубессонной ночи, проведя ее как дорвавшиеся до свободы любовники, старались не касаться этой темы — работы Панкрата, хотя сквозь все заботы и разговоры Лиды, как сквозь туман, проступали ее тревога и страх. Она понимала, что муж не может сидеть без дела в нынешние сложные времена и что он наверняка связан со своими друзьями и с теми, кто стоит за их спиной.

В конце концов Панкрат не выдержал и рассказал ей часть правды: он был с Егором, Ираклием и Марией в Москве, на задании, спасал человека, и все закончилось благополучно.

— Молчи, — прошептала Лида, лежа в его объятиях. — Я вижу, что ты мучаешься, чтобы ничего мне не говорить и не обидеть, но если нельзя говорить, то и не говори, я все понимаю. Все равно ты не будешь сидеть возле меня в роли сторожа, ведь так?

— Не буду, — смущенно отозвался Панкрат. — Но и рассказывать о своих заботах не могу.

— Поэтому я и не требую «отчета о командировке».

— Мой бывший командир часто повторял одну поговорку: много будешь знать, не успеешь состариться. Она и сейчас актуальна, хотя я всегда обижался, когда он ее приводил.

— Я не обижаюсь, просто боюсь за тебя... и за себя тоже, и за детей. Но война с силами зла продолжается, и ты не можешь быть в стороне.

— Не могу. — Панкрат поцеловал жену в ухо. — Если бы ты знала, как я благодарен судьбе, что у меня есть ты! И дети. Не хочешь завести еще одного ребеночка? Девочку?

— Хочу, — улыбнулась Лида. — А прокормишь? Беременная, я много ем.

— Крутовская порода, — фыркнул Панкрат. — У тебя в роду все любят поесть. Ничего, авось прокормлю. — Он перешел на деловитый тон. — Значит, договорились? Заказываем аисту девочку?

Лида недоверчиво посмотрела на его серьезное лицо, потом потянулась к нему губами...

Уже к утру они уснули, не размыкая объятий, и приснился Панкрату сон, будто идет он не то по глухому лесу, не то по болоту, причем болоту странному, серо-черному и топкому, как асфальт: из него трудно было вытащить ноги. Вокруг стоят огромные корявые деревья, а между ними чернеют окна трясин, обойти которые можно, лишь прыгая с ветки на ветку, как белка. А потом впереди открылась черно-зеленая заводь с кочками, одна из кочек стала вылезать из топи, превратилась в совершенно голого Валентина Асламова. Директор рыбозавода протянул к своему телохранителю длинную руку, схватил за горло и бросил в черную жижу...

Панкрат подхватился, влажный от пота, разбудив Лиду.

— Что с тобой? — встревожилась она. — Сон плохой увидел?

— Нечто вроде, — глухо ответил Панкрат, лег снова, улыбнулся, чтобы успокоить жену. — Перенапрягся маленько, заказывая аисту дочку. Спи, я постараюсь увидеть сон повеселее.

— Уже семь часов, пора вставать. Дочку отвезешь?

— Непременно.

Лида сбросила с себя одеяло, Панкрат попытался ее задержать, и они некоторое время боролись, беззвучно хохоча, потом жена все-таки вырвалась, накинула халат и вышла из спальни. Панкрат полежал на кровати, все еще улыбаясь, раскинув руки и ноги, заставил себя встать и начал разминку, как его учил Крутов. Без четверти восемь он умылся, позавтракал, рассказал жене анекдот: «Женщина подбегает к милиционеру. «За мной идет какой-то мужчина! Он, наверное, пьяный или сумасшедший». — «Или слепой», — задумчиво сказал милиционер, глядя на нее».

Лида посмеялась, на ходу подкрашивая глаза, Панкрат помог Насте собраться и повез ее в школу. В девять он был на работе.

Однако Асламова на месте не оказалось, он уехал в командировку в Москву, как сообщила секретарша Аля. Зато в приемной директора рыбозавода сидел... Виктор Телегин, которого Панкрат не видел с момента уничтожения храма Черного Лотоса. У него даже зародилось ощущение, что они с Асламовым взорвали храм вместе с не успевшими проснуться монахами и охранниками, хотя Валентин утверждал, что операция прошла чисто, без жертв. По заявлениям следственных органов, никто во время взрыва не пострадал, а вот храм восстановлению уже не подлежал.

Появление же Телегина развеяло сомнения Панкрата, и он обрадованно потряс бывшему подчиненному руку.

— Какими судьбами, десантник? Неужто снова пришел устраиваться на работу? Я слышал, фирма твоя дала дуба?

— Тебя жду, — бледно улыбнулся Телегин. — Поговорить надо.

— Поговорить — не проблема. Алечка, можно мы посидим у шефа в кабинете?

— Конечно, Панкрат Кондратович, — приветливо ответила миловидная секретарша, — проходите и располагайтесь. Кофе сварить?

— Если тебя не затруднит.

— Я не буду, — отказался Телегин.

Панкрат присмотрелся к лицу Виктора, на котором лежала печать странного сомнения, будто он никак не мог вспомнить какую-то важную вещь.

— Заходи, разберемся.

Они вошли в кабинет Асламова, в интерьере которого произошли изменения: исчез стеклянный шкаф с представителями рыбной фауны Плещеева озера, зато появился стенд с холодным оружием. На столе слева стоял новый компьютер — «Пентиум-IV» с изменяемой конфигурацией процессора, суперплоским экраном и специальным шлемом для аудиосвязи с компьютером. А на стене напротив окон вместо картины Васильева красовался портрет жутковатого мужика с лицом утопленника, от взгляда которого пробирала дрожь.

Секретарша принесла кофе. Панкрат сел за Т-образный стол, шлепнул ладонью по сиденью стула рядом.

— Садись, глотни горяченького на халяву. Алька неплохо варит кофе. Так о чем ты хотел со мной поговорить?

Телегин, расхаживающий по кабинету, остановился у стенда с оружием, снял со стены дирк[1], повертел в руках и вдруг метнул его в спину сидящего Панкрата. Если бы Воробьев в этот момент не оглянулся — сделать это его заставило подсозна-

[1] Дирк — шотландский кинжал с прямым обоюдоострым клинком.

тельное ощущение «ветра смерти», — кинжал вошел бы ему под лопатку. Он и так едва успел отклониться — дирк пробороздил ему плечо и с грохотом врезался в кормовую часть дисплея.

Панкрат с изумлением схватился за плечо, глянул на торчащий в компьютере кинжал и тут же метнулся в сторону, спасаясь от ножа; на сей раз это был малайский келаванг. Телегин метнул его с такой силой, что рыбообразное лезвие пробило спинку стула и глубоко врезалось в стол.

— Ты что, с ума сошел?! — воскликнул Панкрат. — Что за шутки?

Вместо ответа Виктор метнул в него еще один кинжал, затем три дзюдзи[1] один за другим. Два сюрикена прошли мимо, третий вонзился Панкрату в бедро, и он понял, что шутками здесь не пахнет. Телегин сознательно метал оружие на поражение, а метать он умел. Уворачиваться от его бросков в узком пространстве кабинета становилось все трудней.

Тогда Панкрат, «отключив» болевые ощущения, вошел в темп, станцевал «маятник», отбил выпады бывшего охранника и достал его «солнечным затмением» — ударом в стиле боливака в солнечное сплетение. Телегин отлетел назад, выронил нож и согнулся пополам. Панкрат легко мог добить его ударом по затылку, но не стал, остановился напротив, тяжело дыша.

В кабинет заглянула привлеченная шумом секретарша, увидела окровавленное плечо Воробьева, округлила глаза.

— Что тут у вас происходит?!

— Все в порядке, — буркнул Панкрат. — Потренировались маленько. Я все уберу.

— Но у вас кровь...

— Царапина. Принеси бинт, я перевяжу.

Алевтина заметила торчащий в дисплее кинжал, всплеснула руками.

— Да что же это вы хулиганите, Панкрат Кондратович? Валентин Юрьевич меня убьет!

— Не волнуйся, я все улажу. Неси бинт и воду.

Аля еще раз глянула на рану Воробьева, на сидящего на корточках Телегина и вышла.

— В чем дело, Витя? — негромко осведомился Панкрат, чувствуя, как по ноге течет горячий ручеек. — Тебя послали меня убрать? Кто?

[1] Дзюдзи — метательная пластина в форме крестообразной звездочки (сюрикена).

Телегин поднял позеленевшее лицо, и сквозь жажду убийства в его глазах Панкрат увидел боль и муку раздвоенности.

— Ты покойник, Кондратыч... — Речь давалась Виктору с трудом, будто он говорил сквозь спазм челюстей. — Не я — так другой... тебя достанет...

Глаза у Телегина стали белыми, слепыми.

— Будь... осторожен...

— Что с тобой, черт тебя дери?!

— Воздуха... не хватает...

Судорожно разинув рот, Виктор прижал к горлу ладони и повалился на бок. Затих, дернувшись несколько раз.

В кабинет вошла секретарша со стаканом воды и выронила его от крика Воробьева:

— «Скорую», быстро!

Аля опрометью выбежала в приемную, а Панкрат попытался сделать Телегину искусственное дыхание. Но все его попытки оказались тщетными, Виктор умер еще до приезда «Скорой помощи». Врач зафиксировал смерть от удушья, не став даже разворачивать привезенную с собой аппаратуру электростимуляции сердца и легких.

Потом приехала милиция и, допросив испуганную секретаршу и перевязанного Воробьева, увезла его в горотдел УВД, где ему несколько раз пришлось повторить историю «тренинга на натуре», в результате которого у бывшего охранника рыбозавода случился спазм дыхательных путей.

Допрашивали Панкрата трое: сначала капитан милиции, приехавший на место происшествия, потом следователь прокуратуры и последним лично начальник УВД подполковник Скворешня.

— Вот ты и влип, Воробьев, — сказал он с удовлетворением, потирая руки, когда Панкрат повторил ему ту же «легенду о тренировке в кабинете». — Самое легкое, что тебе светит, это статья сто девять: непреднамеренное убийство. От трех до пяти лет. Но мои ребята постараются закопать тебя поглубже, чтобы знал, на кого можно гавкать, а на кого нет. Помнишь наш последний разговор? Мы тебя предупреждали. Будешь говорить правду, за что ты убил Виктора Телегина?

— Хлеба нет и неизвестно, — с иронией сказал Панкрат. — Не трать красноречие, полковник, сажай меня в КПЗ. Эксперты разберутся, и я выйду. А что касается твоей жажды «закопать» меня, то мои ребята, — Панкрат сделал ударение на слове «мои», — в случае, если ты переусердствуешь, постараются закопать тебя еще глубже.

— Ты мне угрожаешь? — удивился Скворешня, вздергивая

реденькие брови. — Да ты знаешь, что мы с тобой сделаем?! Всю жизнь просидишь в тюремном лазарете... за сопротивление при задержании!

Панкрат усмехнулся.

— Пупок не надорвешь, доказывая? А то ведь в два счета загремишь следом.

Скворешня налился темной кровью, вдавил кнопку звонка под столом; допрашивали Воробьева в следственной комнате горотдела. Вошли двое милиционеров, сержант и капитан.

— Поработайте с ним, парни, очень нагло себя ведет бывший майор, будто у него две жизни. Отбейте ему все, что можно, только без особых следов.

— Никаких проблем, — показал гнилые зубы капитан. — Ведерников, веди его в камеру, я вызову Сошника.

Панкрат понял, что напрасно затеял с подполковником перепалку. Истина в результате расследования смерти Телегина, возможно, и раскроется (понятно, что сработала программа самоликвидации, Виктор был зомбирован в храме!), но сам Панкрат к этому моменту будет уже инвалидом.

— Не боитесь? — Он встал, оставаясь с виду совершенно спокойным. — У моего шефа большие связи в столице. Приедет — небо с овчинку покажется.

— А он уже приехал, — нехорошо улыбнулся Скворешня, — позвонил нам и посоветовал врезать тебе на полную катушку. А мы люди понятливые, постараемся помочь хорошему человеку.

— Асламов приехал? — не поверил Панкрат, разглядывая самодовольное блинообразное лицо начальника УВД. — И посоветовал вам...

— Вот именно. Так что не ерепенься, гражданин Воробьев, выкладывай правду.

Панкрат тряхнул головой, собирая в кучу разбежавшиеся мысли. Скворешня не врал, это было видно, однако и поверить в столь странное поведение Витязя было трудно. В здравом уме Асламов не мог допустить, чтобы его телохранителя и друга посадили в тюрьму. Если только не имел какой-то расчет. Если же он и в самом деле был заинтересован в ограничении свободы Панкрата, это означало крах веры Воробьева в торжество идей Катарсиса.

И все же что-то здесь было не то...

Панкрат еще раз мотнул головой, сбрасывая оцепенение, и едва не упал от рывка могучей руки сержанта.

— Двигайся, гнида!

Руки у Воробьева были стянуты за спиной наручниками, и

этот факт, очевидно, успокаивал конвоира, считавшего пленника беспомощным. Но Воробьева специально учили несколько лет сражаться и в более невыгодных условиях, поэтому он мог бы постоять за себя и со связанными руками, но медлил, все еще не веря в предательство Асламова и в безнадежность ситуации.

— Погоди, — уперся он, выворачивая голову назад. — Полковник, мне нужно позвонить адвокату.

На самом деле Панкрат вспомнил о Крутове.

— Обойдешься, — пренебрежительно отмахнулся Скворешня. — Мы тебе своего дадим. — Он утробно хохотнул. — Посмертно.

Сержант двинул Панкрата кулаком по ребрам, и Воробьев, охнув от боли, сунулся лицом в стену. Проговорил, стиснув зубы:

— Еще раз ударишь — покалечу!

— Ползи, тварь! — рявкнул сержант, саданув Панкрата в спину. — Я из тебя щас котлету... — Договорить он не успел.

Панкрат одним движением вывернулся из его рук и ударил головой в лицо, превращая нос и брови в кровавое месиво. Затем ударом ноги уложил капитана, не успевшего выбежать из комнаты, и последним потерял сознание от удара в лоб начальник УВД, трясущимися руками пытавшийся вытащить из кобуры пистолет.

Панкрат подсел к сержанту спиной, на ощупь вытащил у него из кармана ключ от наручников и снял впившиеся в запястья кольца. Растер запястья, прикидывая, что делать дальше, и в этот момент в комнату вошел Асламов в сопровождении еще одного милиционера. Одним взглядом оценив обстановку, он жестом остановил милиционера, схватившегося за оружие.

— Не спеши, командир, все под контролем. Выйди на минутку, мне надо поговорить с задержанным.

— Но он же их...

— Они живы, сейчас придут в себя, не поднимай панику. Подожди в коридоре, я тебя позову.

Милиционер в сомнении потоптался у порога, держа руку на кобуре, затем вышел.

— Привет, майор, — сказал Асламов. — Как тебя угораздило в такую халепу? Зачем понадобилось убивать Виктора?

— Я его не убивал, — угрюмо оскалился Панкрат.

— Самоликвид? — догадался Валентин. — Славно. Что ж, не буду тянуть тигра за хвост. Ты более опасен, чем я думал... человек-взрыв. — Он бросил красноречивый взгляд на лежа-

щие в разных позах тела. — У тебя, к сожалению, небогатый выбор: либо сесть в тюрьму за убийство...

— Либо? — прищурился Панкрат, всей кожей ощутив угрозу, исходившую от фигуры Витязя.

— Либо поработать на одну организацию, не спрашивая, что это за организация и какие цели она преследует. Сразу могу добавить, что работать будешь под моим контролем, так что всю ответственность за последствия я беру на себя.

— Я так не могу, Валя, — сказал Панкрат с сожалением, продолжая ощущать ток угрозы. Ладони зачесались, по спине побежали мурашки, как и всегда при наличии опасности. Интуиция предупреждала, что человек напротив исключительно опасен! И все-таки это был Витязь, человек Катарсиса, сражавшийся с силами Сатаны и не раз предупреждавший и спасавший своего телохранителя.

Панкрат вдруг вспомнил последнее предупреждение Валентина, произнесенное им во время ликвидации базы Легиона и храма Черного Лотоса: «Опасайся всех, в том числе и меня!» Что он тогда хотел сказать? Неужели предвидел ситуацию, в которой надо будет ждать удара в спину даже от него, ученика волхвов?! И не означают ли его последние слова, что это время пришло?..

— Тебе придется поверить мне на слово, — качнул головой Асламов. — А кроме того, надо будет выполнить ряд условий, чтобы я смог тебя вытащить отсюда.

— Каких?

— Первое: четко выполнять задания, не уточняя, кому и зачем это понадобилось. Второе: не совать нос не в свои дела. И третье: избегать контактов со своими друзьями... какое-то время. Это пока все.

— Пока... — задумчиво усмехнулся Панкрат, понимая, что его вербуют в организацию типа Легиона, если не в сам Легион. И все же в голове не умещалась мысль, что Валентин Асламов — предатель! Или двойной агент.

«Опасайся всех...»

— Я не спрашиваю, о какой организации идет речь, хотя догадываюсь. Скажи только, под какого цвета флагом мы будем сражаться... за счастье народа?

Асламов коротко рассмеялся.

— Ценю твой юмор, Панкрат Кондратович. Цвет нашего флага может быть любым, при условии, что он будет черным, как говорится в пословице. Кстати, это цвет свободы и начала всех начал.

— Я думал, что цвет начала всех начал — белый. Но не суть важно. Что я должен буду делать в этой вашей организации? Насколько я понимаю, это не Катарсис.

— Нет, не Катарсис и не его Сопротивление. Есть система помощней. А делать мы будем все, что прикажут. Например, первая наша задача, образно говоря, — рискнуть жизнью нескольких человек, чтобы спасти очень многих. Устраивает тебя такая философия?

— Знакомый тезис, — кивнул Панкрат насмешливо. — Практически — формула разведки. Единственная закавыка: те, чьими жизнями мы будем распоряжаться, должны быть добровольцами. Никто не имеет права распоряжаться их судьбами без их ведома. В противном случае я откажусь от сотрудничества с вашей организацией.

— Я так и предполагал, — кивнул Асламов, доставая необычной формы пистолет. — Ты человек прямой, упрямый и негибкий, майор, уговорить тебя невозможно, а мне нужен помощник-профессионал, поэтому придется тебя укрощать иначе. Кстати, не подскажешь, куда направились твои друзья после инцидента в Центре нетрадиционной медицины?

— За кудыкины горы.

— Понятно. Что ж, вопрос был задан преждевременно. Знаешь, что это такое?

— «Глушак»...

— Совершенно верно.

— Опасайся всех, — горько усмехнулся Панкрат.

— Что?

— Это твои слова, Витязь хренов, помнишь? Я тогда не придал им значения, а напрасно, давно понял бы, что на тебе лежит печать Сатаны. Не знал, что ты способен на двойную игру.

— Я сам себя не знаю, — неприятно рассмеялся Асламов. — Как говорил поэт[1]:

Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истину и слухи,
Я знаю все, но только не себя.

— Я тоже себя знаю плохо, — выдохнул Панкрат, входя в т е м п и начиная атаку.

Но ему не хватило доли секунды: Асламов нажал на курок, и невидимая молния пси-разряда пронизала голову Воробьева, погружая его в болото черного беспамятства.

---

[1] Франсуа Вийон.

Последняя его мысль была полна горькой иронии: «И он почувствовал теплое, дружеское рукопожатие на своем горле...»

Он не пришел в себя и два часа спустя, в больнице, куда его доставил озабоченный Асламов. Запрограммировать Панкрата не удалось, он не реагировал ни на уколы, ни на спецпроцедуры, которые снимали пси-блокаду, подавляющую волю.

Валентин не знал, что Панкрат прошлой осенью уже был травмирован психотронным излучением и с трудом выкарабкался из шокового состояния. Второй выстрел из «глушака» вверг его в то же состояние, вывести из которого не удалось ни нейролингвистам Легиона, ни врачам.

КОВАЛИ — БРЯНСК

КРУТОВ

Два дня после спасения Петра Афанасьевича Тиграна Егор отдыхал, проводя время в лесу или на огороде, помогая старикам сажать ранние овощи и зелень: лук, укроп, петрушку, салат. Состояние у него было странное: все время казалось, что он упустил что-то из виду или забыл, но вспомнить, что именно забыл, так и не удалось.

Лиза вела себя подчеркнуто тихо, как примерная и покорная жена, ни о чем не спрашивая, ухаживая, понимая каждый его жест, что поначалу воспринималось Егором как естественное продолжение их отношений, но через день он задумался, удивляясь немногословности жены, послушал ее внутреннюю музыку — тихий перезвон колокольчиков и переборы гитарных струн, проанализировал ее поведение и понял, что Елизавета жаждет узнать, что произошло в Москве во время операции по спасению грэя, и в то же время боится услышать неприятные известия.

Мария пришла в себя уже по дороге в Нижний Новгород, куда они отправились все впятером сразу после отступления из Центра нетрадиционной медицины. Остальные участники операции добирались до своих родных мест самостоятельно.

Остановились под Владимиром, чтобы порадоваться событию и поддержать Марию участием. Потом расстались: Ираклий с Марией поехали дальше в Нижний, Панкрат повернул на Юрьев-Польский, откуда было уже недалеко и до Переславля, а Крутовы вернулись в Москву, чтобы потом направиться в Брянск.

Приехав домой, Егор сразу же позвонил в Нижний Новгород, чтобы выяснить состояние Марии, и не удивился, когда к телефону подошел Ираклий. Он сообщил, что Мария чувствует себя сносно, хотя схватка с конунгом подорвала ее силы, но по врачам ходить не собирается, надеется справиться сама. В голосе Ираклия присутствовали нотки осуждения и укора: мол, почему не уберег женщину? — и Егор почувствовал себя виноватым, хотя его вины в том, что произошло, не было.

Поняв, чего от него ждет Елизавета, он решил ей рассказать о схватке с конунгом, опустив некоторые подробности, и тем самым сразу восстановил былой дух доверия и тепла. Тем более что она тоже участвовала в операции, пусть и опосредованно, защищая мужа от психофизического воздействия черного мага.

Начальник «семерки» позвонил ему сразу после выезда из Москвы и, поблагодарив за успешное окончание трафика, велел ждать сообщений, продолжая жить по прежним планам и соображениям.

— Подумайте о создании духовной семинарии в Жуковке, — добавил он. — Формирование родового духовного поля — главное направление деятельности Катарсиса. Появятся вопросы — свяжитесь с Георгием, у него большой опыт по созданию школ, он поможет.

Крутов поговорил с Лизой и о создании семинарии, где ей тоже нашлось бы место, и получил живейшую поддержку с ее стороны. Спустя два дня после боя с конунгом они начали прикидывать свои возможности и составлять планы строительства семинарии. Начать можно было с аренды помещения старого Дома культуры в Жуковке, где когда-то Ираклий Федотов руководил отделением Ордена чести, а основой семинарии могла послужить секция русского стиля, которую вел Крутов в школе.

Однако утром в четверг шестого мая, когда Крутовы собрались выехать в райцентр, наметив визиты в местные органы власти для зондирования почвы, в Ковали заявился Георгий Мокшин. Егор как раз возился во дворе возле машины, когда бывший муж Елизаветы постучал в ворота.

— Эй, сенсей, выйди, разговор есть.

Крутов вышел на улицу, вытирая руки ветошью.

— Что случилось?

— Пока ничего, — многозначительно понизил голос Мок-

шин. Выглядел он неважно, будто с похмелья, но глаза смотрели остро и зло. — У босса неприятности. Он очень просил тебя приехать. Проконсультироваться хочет по какому-то важному вопросу.

— Завтра приеду. — Крутов повернулся к гостю спиной.

— Завтра может быть уже поздно, — бросил Мокшин. — Ты же вроде как покорешился с ним, нехорошо отказывать.

Крутов понял, что Мокшин ревнует его к Данильянцу, не посвятившему своего строителя в тайны отношений с бывшим полковником, и едва сдерживает раздражение.

— Хорошо, я приеду сегодня. Это все?

— Все, — криво улыбнулся Георгий. — А где наша женушка? Давно ее не видел... — Он отпрянул в испуге, увидев вдруг мгновенно оказавшегося рядом Егора.

— Выбирай выражения, — медленно сказал Крутов, раздув ноздри и глядя в его расширяющиеся зрачки. — Рискуешь подавиться языком. Кумекаешь?

Мокшин облизнул пересохшие губы, выдавил бледную улыбку.

— Я пошутил... нервный ты очень, полковник... уезжаешь внезапно, приезжаешь внезапно... Береги Елизавету, мой тебе совет, а не то умыкну. — Георгий хихикнул, отскочил назад и быстро пошел прочь, оглядываясь и скаля зубы, скрылся за киоском, вновь отстроенным братом возле хаты Гришанка.

На крыльцо дома вышла Лиза, одетая для поездки.

— Зачем Жорка приходил?

— Тебя повидать, — хмуро ответил Егор, но увидел сдвинутые брови жены и поспешил сгладить неловкость: — Придется отложить наши дела в Жуковке, мне надо ехать в Брянск.

— Я с тобой!

— Нет, — покачал головой Егор. — Ты останешься. Никаких боев местного, а также глобального значения не предвидится, и твоя помощь не понадобится. Да и сердце мое спокойно, когда ты дома.

— А о моем сердце ты подумал? — возмутилась Лиза.

Егор подошел к ней вплотную, обнял.

— Не сердись, к обеду я буду дома, хорошо? Тебе нельзя со мной. Не надо, чтобы тебя видели в Брянске. Понимаешь?

Лиза посмотрела в его глаза и проглотила вертевшиеся на языке возражения.

— Только возвращайся быстрей, не задерживайся нигде, я буду волноваться.

— Обещаю.

Он поцеловал жену, переоделся и выехал со двора.

В половине одиннадцатого он был уже в Брянске.

Данильянц ждал его в офисе одной из своих строительных фирм, специализирующихся на установке бань, саун и хозблоков на территориях садовых участков. При офисе находилась и сауна, в которой Лев Арменович предложил Крутову отдохнуть, но Егор отказался под предлогом, что недавно мылся в собственной бане. На самом деле причина отказа была иной: знаменитый мафиози Брянска, пусть и перевербованный на службу народу, не казался Крутову подходящей компанией для посещения сауны. Мыться он любил с друзьями.

— Что ж, тогда посидим в кабинете управляющего, — бодрым тоном сказал Данильянц, не показав, что разочарован отказом.

Они расположились в офисе, уютном, чистом, с бежево-белыми стенами и потолками, Лев Арменович приказал хозяину кабинета подать кофе и усадил Егора в удобное кожаное кресло. Сел в другое такое же.

— Здесь мы можем говорить спокойно, — сказал он, сморщив длинный нос. — Я теперь специально проверяю в своих заведениях, нет ли подслушивающих устройств. Тут их нет.

— У меня мало времени, — сказал Крутов равнодушно. — О чем вы хотели со мной проконсультироваться?

Он уже «включил» состояние п у с т о т ы и сканировал пространство кабинета, удостоверившись, что Лев Арменович прав. Офис строительной фирмы не был напичкан спецаппаратурой аудио- и видеоконтроля.

— Вы, как всегда, предпочитаете сразу брать быка за рога, — с добродушной иронией заметил Данильянц. — Мне это ваше качество импонирует, я сам такой, но, говоря откровенно, в бизнесе оно иногда мешает.

Красивая длинноногая девушка в короткой юбочке принесла кофе, колотый лед, сливки, орехи и тосты. Данильянц заметил взгляд Крутова, брошенный на ноги девушки, подмигнул, кивая на закрывшуюся дверь.

— Нравится?

— Давайте о деле, — сухо отрезал Егор.

Данильянц рассмеялся, взял чашку с кофе, бросил туда ломтик лимона, отхлебнул.

— Я видел вашу жену-красавицу, у Жоры была губа не дура, когда он на ней женился, сам только дураком оказался, когда ее потерял. Кстати, я проверил ваши сведения, он действительно строил храм Черного Лотоса в Жуковке за моей

спиной, использовав мои же материалы и строителей. Теперь Георгий Мокшин у меня не работает.

Крутов насторожился.

— Разве не вы его посылали ко мне с просьбой приехать?

— Он сам вызвался, — пожал плечами Лев Арменович. — Вернее, сказал, что едет устраивать свой бизнес в Ковалях, когда мы с ним расставались, вот я и попросил его зайти к вам.

— И вы так спокойно его отпустили? Зная, что он воровал и тратил ваши деньги?

— Почему спокойно? — возразил Данильянц. — Он, конечно, вор, но деловой человек, предложил компенсацию, я согласился. — Данильянц сделал еще глоток. — К тому же за него заступились большие люди в столице, посоветовали мне его не трогать. Ну как тут не уважить такую просьбу?

— Кто позвонил?

— Секретарь Совета безопасности Барановский. Знаете такого? Колоритная личность.

— Не встречал.

— Советую обратить на него внимание. Этот человек является одним из инициаторов создания Российского Легиона, почему и вылез на вершину властной пирамиды. Вполне возможно, что он связан и с Проектом.

— Вы уже знаете о Проекте?

— Меня просветили ваши коллеги, и я получил задание. В связи с чем у меня появились кое-какие вопросы... и сомнения. Мне почему-то кажется, что меня недооценили.

— В чем состоит задание?

Данильянц допил кофе и бросил в рот кубик льда.

— Рекомендую, очень бодрит. Задание же касается выявления сети коррупции в Брянской губернии. Это не мой уровень, Егор Лукич. Я не контрразведчик из Федеральной службы безопасности, а бизнесмен. Мое дело, если говорить откровенно, — перераспределение финансовых потоков таким образом, чтобы их большая часть оседала в моем кармане.

Крутов усмехнулся.

— Насколько я осведомлен, вы вполне преуспели в этом деле, Лев Арменович. Что касается коррупции, то с этой болезнью общества тоже надо бороться умеючи, со смекалкой и размахом. Если вам дали именно такое задание, значит, посчитали вас оптимальным исполнителем.

— Коррупция неискоренима. Особенно в нашей стране.

— По большому счету вы правы, коррупция, питаемая распределительной «кормушечной» системой — а Госдума, правительство и администрация президента так и остались у нас

«кормушками» для чиновников, — действительно неискоренима. Но в развитых странах вся криминальная сфера дает не более восьми-десяти процентов валового продукта, в России же около шестидесяти, что реально угрожает безопасности страны. Есть разница?

— Откуда вы черпаете информацию о финансовых проблемах государства?

— Просто внимательно читаю газеты. У нас в стране законодательно создана криминальная среда, не без вашей помощи, между прочим, которая выражается в праве чиновника делать то, что он только пожелает. Вам не хочется в ответ положить этому беспределу конец?

— Хочется. Но, по-моему, есть более ответственные задачи, чем борьба с коррупцией в масштабе губернии, где я мог бы принести большую пользу.

— Есть, борьба с терроризмом, например. Хотите потягаться с террористами? Могу посодействовать.

Данильянц крякнул, взялся за свой длинный нос, откинулся на спинку кресла.

— Я не офицер группы антитеррора, как вы.

— В таком случае давайте решать посильные задачи. Ваше первое задание — тест на профпригодность, вы должны это понимать. Пройдете его успешно, получите возможность играть по более высоким ставкам.

— Значит, по Хуану и сомбреро... — проворчал Данильянц. — Умеете вы поставить человека на место, Егор Лукич.

— Я не хотел вас обижать.

— Да я и не обиделся. Честно говоря, мне просто страшно влезать в это болото... хотя я и сам до сих пор барахтаюсь в нем. Неправильно устроено наше государство, зря напялило на себя смирительную рубашку демократии. Наш народ привык подчиняться только Хозяину с длинной и сильной рукой.

— Правление сильной руки необходимо там, где нет правления сильной головы. Пора искать головы, а не руки.

Лев Арменович улыбнулся, с интересом разглядывая лицо Крутова, покачал головой.

— Вы необычайно начитаны для простого бывшего агента ФСБ, полковник, и каждый раз меня приятно удивляете. Наверное, Катарсис действительно достойная организация, коль в ее рядах работают такие люди, как вы. Беда только в том, что Россия — гигантская инерционная система, которую очень трудно, если вообще возможно, повернуть к созданию справедливого общества. Как вы думаете, Егор Лукич, возможно

ли вообще в нашей бескрайней многоплеменной стране достичь общенациональной консолидации, основанной не на тирании, угнетении, не на всеобщем подавлении одной части населения другой, а на созидательной общенациональной идее и идеологии?

— Не знаю, — помедлив, честно ответил Егор. — Вся Россия — не мой масштаб оценок и решений, мне по силам решать лишь проблемы частного характера. Мне кажется, с точки зрения духовно-эзотерических знаний Россия всегда жила не столько по законам формального права, сколько по эмоциональным законам, то есть по совести. Даже во времена империи Россия ставила благодать выше закона, и в этом, может быть, наше спасение. Хотя кто знает, какой путь приведет нас к спасению?

Данильянц кинул на Егора задумчивый взгляд, потянулся было к кофейнику, но передумал.

— Не хотел вас пугать, теперь скажу. У меня были визитеры... из местной группировки Легиона... уже после того, как я уволил Мокшина... Они искали вас, Егор Лукич.

Острое чувство тревоги прокололо Крутову сердце. Захотелось немедленно мчаться домой, в Ковали, увидеть Лизу, вообще что-то делать, только не сидеть на месте и спокойно беседовать на отвлеченные темы с кем бы то ни было.

— Почему они спросили обо мне именно у вас?

— Мне кажется, их навел Жора.

— Но ведь он и так связан с Легионом, мог бы напрямую сообщить им, где я обитаю.

Данильянц развел руками.

— Сам теряюсь в догадках. Могу лишь посоветовать остерегаться старшего из команды легионеров, это настоящий волкодав.

— Кто он?

— Майор Шалевич, он показал удостоверение. Похож на вас, такой же широкоплечий, разве что помассивней, высокий и сильный. Лицо загорело, на левой щеке несколько маленьких шрамиков, глаза прозрачные...

Крутов подумал и достал телефон, набрал номер Георгия:

— Стирч? Ты где?

— В Сакове, — отозвался Георгий через минуту.

— Можешь заскочить ко мне домой?

— Зачем?

— Я в Брянске, неуютно мне...

— Еду, — коротко бросил Георгий.

Крутов выключил связь, встал.

— Прошу простить, но у меня дурные предчувствия. Надо ехать.

— Я понимаю, — выбрался из кресла Данильянц. — Спасибо, что согласились приехать, мне всегда легче после общения с вами. Трудно, знаете ли, менять имидж бизнесмена на имидж борца с коррупцией.

— А вы не меняйте, оставайтесь бизнесменом, — посоветовал Крутов, охваченный внутренней паникой. Тревога его усиливалась и требовала возвращения домой. Лишь теперь он осознал, что напрасно оставил Лизу в Ковалях. Мокшин ясно дал понять, что появился в Ковалях не зря.

Егор гнал машину по городу и шоссе, как по гоночной трассе, выжимая из мотора все, на что тот был способен, и все-таки опоздал.

Георгий встретил его у калитки, где толпился народ, молча пожал руку. Среди людей стояли родственники Егора, дядя Василий, тетка Валя, двоюродная сестра Таня, а также родители Лизы. Роман Евграфович был хмур и растерянно теребил бородку. Степанида с лицом суровым и неприветливым что-то ему выговаривала, глаза ее сухо блестели. Многие женщины в толпе плакали.

Егор, не отвечая на приветствия, бросился в дом и едва не споткнулся о тело Осипа в горнице. Старик лежал лицом вниз, сжимая в руке кочергу. Аксинья с открытыми глазами сидела на полу кухни спиной к загнетке, но была мертва. Ее убили ударом в висок.

Крутов метнулся во двор, в поисках Лизы заглянул на огород, пробежался по саду, вернулся в дом.

— Ее увезли, — коротко сказал Георгий, понимая чувства приятеля.

— Кто?!

Георгий сунул Егору белую пластиковую карточку, на которой были вытиснены двуглавый орел, эмблема Российского Легиона и слово «ГОРЕ».

— Что это такое?

— Визитка группы оперативного реагирования Легиона. Вполне возможно, что убийцы подкинули ее намеренно, с намеком, что никого не боятся. Я расспросил свидетелей, действовали киллеры открыто, нагло, профессионально и быстро.

По словам Георгия, легионеры приехали на трех машинах, судя по описанию, на внедорожниках «Хаммер» с камуфляжным рисунком на бортах. Они мгновенно оцепили дом Крутовых, ворвались в дом, схватили Елизавету, начали обыски-

вать хату, сараи, погреб, переворачивая все вверх дном в поисках хозяина. Осип попытался образумить непрошеных гостей, и его убили.

Та же участь постигла и бабу Аксинью, не пожелавшую отвечать на вопросы пришельцев. После этого команда в полевой форме спецназа расселась по машинам и уехала. На операцию им понадобилось всего несколько минут.

— Мы их догоним! — рванулся было Крутов к джипу. — Они не могли уехать далеко, «Хаммеры» не развивают большой скорости...

— Остынь, — остановил его Георгий. — Прошло больше часа, они уже на базе в Тросне. К тому же одни мы ничего не сделаем, нужна команда.

— Я пойду один!

— Успокойся, Кречет, — твердо сказал Георгий. — Не пори горячку. Я уже позвонил, кому следует, к этому делу подключатся все службы Катарсиса, так что вопрос вызволения Лизы всего лишь вопрос времени. Другое дело — зачем Легиону понадобилась демонстрация силы? Почему они пошли на эту акцию? Если бы хотели просто запугать, действовали бы иначе.

— Они искали меня...

Георгий покачал головой, глянул на визитку с аббревиатурой «ГОРЕ» и бросил ее на пол.

— Боюсь, нам дают понять, что за нами начинается охота. Причем охотники так уверены в себе, что не побоялись оставить следы. Думаю, охрана Проекта знает, кто действует против них, а это, в свою очередь, означает, что из нашего стана наметился канал утечки информации.

Крутов его не слушал, опускаясь на корточки над телом Осипа. Осторожно перевернул его на спину. Старик был убит ударом в горло, кадык буквально провалился назад, к шейным позвонкам, что говорило о силе удара и умении убийцы применять жестокие приемы. Таким приемам учили только американские инструкторы в спецшколах боевиков на территории Чечни, Афганистана, Пакистана и Ливии. Теперь эти инструкторы появились и в России, используемые для обучения легионеров и «монахов» Братства Черного Лотоса.

На улице раздался требовательный гудок, послышался шум подъезжавших машин.

— Милиция приехала, — посмотрел в окно Георгий. — Кстати, сосед говорил, что перед налетом видел бывшего мужа Лизы.

Крутов резко поднял голову, глаза его вспыхнули тигриной желтизной.

— Жорка Мокшин! Вот в чем дело... я понял... это он навел боевиков Легиона... ну, падаль! — Егор вскочил.

— Потом, — качнул головой Георгий. — Мы его найдем. Объясняйся с милицией, хорони стариков, я же займусь информобеспечением и семьей Мокшиных.

В сенях затопали сапоги, в горницу ввалились милиционеры и знакомый Крутову по прежним встречам начальник жуковской милиции капитан Казанов. Егор выругался про себя, внезапно осознавая, что объясниться с капитаном будет непросто. Товарищ Казанов был злопамятен, а главное — каким-то образом связан с Легионом.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

ФЕДОТОВ

Вернувшись из Москвы, Ираклий доверил издательство своему заму, а сам с головой окунулся в дела «четверки», находя в этом неизъяснимую прелесть. Контрразведка была его призванием, смыслом жизни, хотя он и не относился к людям, которые рисковали только лишь затем, чтобы пощекотать нервы или удовлетворить самолюбие.

Вместе с ним вернулись в Нижний и члены его группы, отлично проявившие себя в Переславле-Залесском во время ликвидации оружейной базы Легиона и в Москве. Новая работа вдохнула в них уверенность и ощущение собственной нужности, поэтому и молодые ребята, и более опытные с удовольствием выполняли задания шефа, который, в свою очередь, получал задания от начальника «четверки» Гаврилы Рафкатовича Плевина.

Дел хватало. В Нижнем Новгороде начал работу филиал СТОКК, а по сути — разведка Легиона, нацелившаяся на выявление центров Сопротивления, и ей надо было дать надлежащий отпор. Кроме того, Ираклий получил приказ собрать досье на местных олигархов, опиравшихся на криминальные группировки, и выявить их связи с Проектом. И еще одну задачу должна была решить группа Федотова: внедрить в нижегородский храм Черного Лотоса своего человека и добыть сведения о центре подготовки «кадетов», будущих солдат Легиона.

Так как работа требовала применения спецтехники, Ирак-

лий выложил перечень необходимого Плевину и на второй день получил ценный груз: микротелекамеры, лазерные подслушивающие устройства, радиоглушители, устройства для подсоединения к телефонным линиям (в том числе — бесконтактные), микрорации и координационные компьютеры отечественного производства, не имеющие аналогов на Западе. С этого момента жизнь Ираклия потекла в соответствии с оперативной обстановкой, не оставляя ему времени на решение личных проблем. Главная из этих проблем носила имя Мария и была дразняще недоступна, хотя иногда Ираклию казалось, что «официальная» берегиня Крутова проявляет к нему интерес. Однако, с другой стороны, он понимал, что полюбить против воли невозможно и что, пока существует Егор Крутов, шансов у него мало. Оставалось одно: ждать и надеяться, постепенно приближаясь к посвящению в Витязи. Вполне возможно, что, став Витязем, он заработает право иметь и берегиню... если только сама Мария захочет ею стать.

После боя с конунгом Иваном Авогеиным Мария не сразу обрела свою былую силу, черный маг применил «психоотсос» и едва не поглотил все запасы энергии ведуньи, заблокировав ее канал связи с Радой. Марии необходима была помощь волхвов, и она уехала из Нижнего, не позволив Ираклию сопровождать ее.

Перед отъездом они встретились у нее дома, буквально на полчаса. Женщина выглядела бледной, утомленной, равнодушной, и у Федотова сжалось сердце от любви и желания помочь, но он хорошо знал, как реагирует ведунья на такие предложения и «телячьи нежности», поэтому интересоваться ее здоровьем и состоянием психики не стал. Спросил только:

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Мария слабо улыбнулась, понимая его чувства, погладила пальчиками по щеке.

— Спасибо, полковник, со своими делами я справлюсь сама. Я позвала тебя, чтобы проститься. Мне надо уехать на несколько дней, тебе придется крутиться здесь одному.

— Не впервой, — пренебрежительно отмахнулся Ираклий. — Если понадоблюсь, звони, прилечу даже на край света.

— Я знаю. — По губам Марии скользнула грустная улыбка. — Может быть, и понадобишься. Береги себя, не лезь на рожон. Приближаются тяжелые времена, черный эгрегор Братства расползается по России, как эпидемия, и скоро войдет в силу, надо быть готовыми к новой атаке на Сопротивление. Реализаторам Проекта не терпится начать свою ПП-Революцию.

— Разве у нас нет возможности их остановить?

— Сил для лобового отражения атаки у нас нет, поэтому надо действовать иначе, умнее и хитрее. Надо спровоцировать Сатану на неподготовленную акцию, тогда он потеряет время, ресурсы и лидеров черного эгрегора. А у нас появится шанс достроить родовое защитное поле, и Россия станет ему недоступна. Но до этого момента надо еще дожить.

— Доживем, — сказал Ираклий с нарочитой уверенностью. — Нам бы переманить на свою сторону еще парочку грэев... Кстати, чем серые маги отличаются от черных и светлых? Почему их называют «магами свободного выбора»?

— Это они сами себя так называют. Серые потому и серые, что живут не в согласии со всеми, а в противоречии, включая и самих себя. Они способны, к сожалению, и на добро, и на зло.

— Почему же к сожалению?

— Потому что не знаешь, чего от них ждать каждую следующую минуту. Они живут только своими идеями, не обращая внимания на их моральную сторону, с легкостью меняют принципы и почти никогда не выполняют своих обязательств.

— Тогда зачем мы спасали Тиграна?

— Во-первых, этот человек сделал немало полезного для людей как врач, во-вторых, его переход на нашу сторону ослабит позицию черных магов, питавших надежды на его подключение к ним. В отличие от грэев конунги не утруждают себя познанием мира и своего места в Природе, а также отрицают какие бы то ни было обязанности к ней. В конечном итоге ничего, кроме вреда, обратившимся к ним людям, а также Природе и даже самим себе они принести не могут.

— Почему?

— Потому что движимы не желанием поделиться с другими людьми избытком благ и знаний, а корыстью. Например, Иван Елисеевич Авогеин, с которым мы скрестили шпаги в Москве, за каждый акт помощи руководителям Проекта получает на свой счет в Брюсселе кругленькую сумму.

— Откуда тебе это известно?

Мария посмотрела на Ираклия с удивлением, и он прикусил язык. Соблазнительно было выказывать свой скепсис в отношении возможностей служб Катарсиса, но еще более приятно было верить и убеждаться в этих возможностях. Это придавало уверенности и бодрости.

— А вы не пробовали переманить на свою сторону конунга? — перевел он разговор на другую тему. — Сделали бы из него агента...

— Ты прослушал, что я говорила о черных магах, — вздохнула Мария, посмотрев на часики. — На них совершенно невозможно полагаться. Но главное, что любое их магическое воздействие чревато негативными последствиями. У нас уже был прецедент...

— Да ну? — заинтересовался Ираклий. — Я думал, что пошутил. Вы пробовали завербовать черного?

— Он перешел к нам добровольно, это было в девяносто первом году... — Мария помолчала и с видимым усилием закончила: — Он просто хотел власти... б о л ь ш о й власти...

— Что он натворил?

— Идея заставить работать на государство криминальные структуры принадлежала ему, но одновременно он захотел подчинить себе и волхвов. Была война...

— Давно?

— В девяносто третьем. Он применил с и л ы шестого уровня, которые не мог толком контролировать, и в результате мы наблюдаем сегодня тревожные сдвиги в функционировании эндокринной и иммунной систем человека, увеличение числа больных шизофренией...

— В России?

— На всей Земле.

Ираклий присвистнул.

— Таков масштаб его вмешательства?!

— Сам того не желая, он затронул глобальный Баланс Сил на физическом уровне, с тех пор мы осторожны в выборе соратников. Давай прощаться, полковник, мне пора собираться.

Ираклий молча встал, поцеловал ей руку и вышел, унося в душе виновато-сожалеющий взгляд женщины. Ему очень хотелось остаться, отвезти любимую туда, куда она хотела поехать, ухаживать за ней и выполнять все приказания, но это пока оставалось несбыточной мечтой. Ему снова надо было набираться терпения и ждать.

«Проклятое слово — ждать! — подумал он, садясь в машину. — Прицепилось ко мне, как репей, всю жизнь поломало... Хотя, может быть, без него было бы скучно жить».

Мария уехала.

А на следующий день у Федотова начались неприятности. Если только это можно было назвать неприятностями.

Сначала неизвестные террористы взорвали маршрутное такси, в котором ехали на работу сотрудники издательства «Рось». Погибли бухгалтер, редактор и экономист издательства, остальные получили ранения разной степени тяжести. Ираклий и сам изредка пользовался этой маршруткой, соединяющей нижнюю часть города с верхней, если лень было идти в гараж за машиной, однако не сразу связал этот факт со взрывом: в голове не укладывалось, что таким образом кто-то мог пытаться свести с ним счеты, не считаясь с жизнью ни в чем не повинных людей.

Два дня Ираклий занимался проблемами издательства, участвовал в похоронах сотрудников, забросив на некоторое время дела «четверки». Но затем произошел еще один дикий случай, заставивший его задуматься. Прямо на его глазах погибла молоденькая секретарша издательства Светлана, любительница шейпинга и фитнес-гимнастики. Купив с рук (как выяснилось впоследствии) новую видеокассету с «потрясающей» гёрл-программой, она принесла ее на работу, вставила в видеомагнитофон, нажала клавишу «play», и магнитофон взорвался! В кассету было вмонтировано небольшое взрывное устройство на основе двадцати граммов пластиковой взрывчатки. Судя по всему, бомбу готовили умелые руки, хотя было совершенно непонятно, зачем профессионалам понадобилось минировать кассеты ради убийства мирных граждан.

Света умерла от взрыва мгновенно, пострадали и посетители приемной. Ираклий отделался царапиной на скуле. Затем ему снова пришлось участвовать в следствии в качестве свидетеля, долго доказывать следователю и высокопоставленным чинам Управления внутренних дел свою непричастность к криминальным структурам (версия о «разборках» между не поделившими прибыль партнерами всплыла одной из первых), а когда все-таки его выпустили, не без помощи Плевина, Ираклий собрал свою группу и начал собственное расследование происшествий. Списать все на случайные бандитские выходки было нельзя, наметился явный вектор воздействия на Федотова. Назрела необходимость разобраться, чего хотели добиться неизвестные террористы: просто запугать строптивого издателя или же предупредить человека Сопротивления. Последнее предположение тревожило Ираклия больше всего. Если оно соответствовало истине, это означало, что ищейкам Легиона известно, кто он такой на самом деле, ну, или, в крайнем случае, его подозревают в связях с Сопротивлением.

Своими догадками Ираклий решил не делиться ни с кем, в том числе и с начальником «четверки», пока не получит результата, все равно какого — положительного или отрицательного, и с яростной энергией бросился на поиски террористов, пользуясь информационной поддержкой контрраз-

ведки Катарсиса, вхожей в милицейские структуры и банки данных.

Первые результаты расследования появились уже на второй день после гибели секретарши, а в пятницу седьмого мая Ираклий получил доказательства того, что террористами, взорвавшими микроавтобус и продавшими Светлане кассету с бомбой, были воспитанники того самого центра подготовки боевиков, который был известен в Нижнем Новгороде как храм Черного Лотоса, а «принимал экзамен» у них инструктор из спецгруппы Легиона «ГОРЕ». Какая цель преследовалась организацией терактов, группе Ираклия с ходу выяснить не удалось, но Федотов надеялся получить разъяснения от самого инструктора, разработав план операции захвата без привлечения к ней других служб Катарсиса.

Инструктора по взрывному делу звали Керимом Хаттаевым, шел ему тридцать второй год, был он уроженцем Пакистана, наемником Российского Легиона стал полтора года назад, проработав до этого шесть лет инструктором в Чечне. Жил он, как и все инструкторы центра подготовки, в храме Черного Лотоса, выросшем на мысе Стрелка, у места слияния Оки и Волги, прямо напротив Нижегородского кремля, но в отличие от них довольно часто выходил в город для посещения баров и ресторанов, а также саун с досугом. В сауне Ираклий и решил брать Хаттаева, обсудив план захвата с москвичом Димой Ольховским, бывшим капитаном военной контрразведки, которого сделал своим экспертом и который тут же высказал свои сомнения насчет реализации плана:

— А если он в эту сауну больше не придет?

— А куда он денется? — возразил Ираклий. — Влюбится и женится.

— Я в том смысле, что профессионал его класса не пойдет мыться дважды в одну и ту же баню, — не сдавался Ольховский.

— Бабы каются, а девки замуж собираются, — выдал еще один аргумент Ираклий.

Ольховский поскреб двухдневную щетину на щеках, развел руками:

— Тебе видней, ты по бабам и девкам большой специалист.

Ираклий нахмурился, почуяв дружескую издевку в словах бывшего капитана, но встретил его невинно-простодушный взгляд и простил товарища, понимая, что его отношения с Марией уже известны всем.

Ждать появления Хаттаева в городе долго не пришлось. В субботу восьмого мая он выехал из ворот храма на пятнистом чудовище типа «Хаммер», принадлежащем, судя по номеру, Российскому Легиону, и направился в Канавино, к сауне на Коммунистической улице, которую уже однажды посещал. Здесь его и повязали бойцы Ираклия, практически без шума и драки, сумев отвлечь хозяина сауны и банщика, обслуживающего все три ее отделения. Инструктор по минированию не имел особых навыков в рукопашном бою и к тому же был занят девочками, вызвав сразу четверых.

Допрашивали Хаттаева в подвале предназначенного к сносу дома на другом берегу Оки. Ираклий был готов к тому, что чеченец запрограммирован, и вопросы отбирал тщательно, однако перестраховка не понадобилась. Инструктор храма-центра, заросший до бровей, похожий на волка-оборотня в стадии превращения в человека, но превратившегося в него не до конца, охотно дал показания при первом же нажиме. Он очень боялся боли. Правда, знал он немного.

Задание «оказать психологическое давление» на директора издательства «Рось» (вплоть до применения специальных взрывных устройств) ему выдал самолично настоятель храма Бараев, а кто приказывал самому Бараеву, Хаттаев не знал. Зато сообщил о дальнейших планах своего босса. В них входил взрыв издательства — подготовка уже началась, уничтожение машины директора и в финале — вербовка Федотова.

— Но это уже не моя забота, — добавил говоривший с заметным кавказским акцентом Хаттаев. — Мой начальник говорил о какой-то спецгруппе «ГОРЕ», которая должна прибыть в город из Москвы.

Контрразведчики переглянулись.

— Похоже, они знают, что ты работаешь на Сопротивление, — высказал Ольховский мысль Федотова. — Где-то мы все-таки «засветились».

Ираклий хотел сказать, что «засветился» он давно, еще год назад, но промолчал.

— Что это еще за «горе» такое? — поинтересовался притихший Глеб Квасура. Чемпион сладиады еще не совсем освоился со своим положением и чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя в оперативной обстановке действовал безошибочно.

— «ГОРЕ» — это группа оперативного реагирования, в которую входят «тающие» — зомбированные профессионалы-наемники, — пояснил Ираклий. — Их посылают в самое пекло, не считаясь с потерями. Погибших просто заменяют новыми, поэтому и «тающие». Смерти они не боятся.

— Как же нам с ними бороться? Ведь мы не имеем права убивать...

— Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет, — буркнул мрачный Володя Бирюк.

— Что будем делать с ним? — кивнул на потеющего инструктора Паша Машков. — Отпускать нельзя, он нас тут же сдаст своим волкодавам.

— Мешок на голову, камень на шею и в воду, — предложил Ольховский. — На нем кровь четырех человек... по крайней мере здесь, в Нижнем.

— Давайте я его задавлю, — оскалился Бирюк, — как таракана. Это же нелюдь! Я с такими сталкивался не один раз. Ему собственную маму убить — что помочиться...

— Придется идти на поклон к начальству, — решил Ираклий. — Пусть оно решает, что делать с этим ублюдком. Наше дело — оперативная работа, а не исполнение приговора.

— Он твоих сотрудников не пожалел.

— Дискуссия закончена, — хлопнул себя по колену Федотов. — Запакуйте его и отвезите на заброшенную стройку возле гавани, пусть посидит в бункере.

Ираклий, не оглядываясь, полез из подвала наверх.

В этот же вечер он встретился с Плевиным в клубе «Дионис» и доложил ему о результатах своих поисков террористов, устроивших показательную охоту за сотрудниками издательства. К его удивлению, начальник «четверки» выслушал его спокойно, будто речь шла о шахматной партии, выигранной его подчиненным.

— Вы хорошо сработали, — сказал Гаврила Рафкатович, — оперативно и результативно, однако, если захотите в следующий раз заняться самостоятельной деятельностью, мы с вами расстанемся, полковник. От нашей согласованной работы зависят многие службы Катарсиса, ошибись мы — последствия могут быть самыми плачевными. Вы понимаете?

— Не маленький, — угрюмо огрызнулся Ираклий, обманутый внешне невозмутимым видом Плевина. — Могу вас уверить, что я кое-что смыслю в нашем деле и всегда рассчитываю варианты отхода.

— Тем не менее охота началась именно на вас, Ираклий Кириллович, легионеры вас знают, а это не слишком хорошая рекомендация для профессионала-контрразведчика вашего уровня. Нам теперь придется напрягаться, искать причины организованного на вас давления, потом нейтрализовать их, а сил у нас не так много, чтобы можно было позволить себе заниматься самодеятельностью.

— Я понял, — опустил голову Ираклий, стиснув зубы. — Больше не повторится. Что нам делать с Хаттаевым?

— Им займутся наши люди.

— Но, по его словам, настоятель храма Бараев готовит новые акции.

— Бараевым займется «семерка», ваша задача — выяснить все связи храма Черного Лотоса с Легионом. Чем больше узнаете о его деятельности как школы боевиков, тем больше у нас шансов нейтрализовать влияние Братства на социум. Сбор досье на местных тузов можете притормозить, Братство волнует нас больше.

Ираклий коротко кинул подбородок на грудь, вышел, сдерживая злость и обиду, и лишь в кабине джипа немного отошел, внезапно осознав, что начальник контрразведки Катарсиса прав.

— Что, вместо крабов тебе подали сушеных кузнечиков? — поинтересовался ожидавший его на месте водителя Ольховский, окинув лицо Федотова подозрительным взглядом. — Ну и как они на вкус?

— Съел, — двусмысленно промычал Ираклий.

Дима Ольховский не знал, что президент клуба «Дионис» является непосредственным начальником его командира.

— Я так и понял. Так что будем делать с Хаттаевым? Как долго нам его стеречь?

— Завтра его заберут. Поехали.

— Куда?

— Высадишь меня у театра оперетты. Сам с ребятами переключайся полностью на храм. Остальные дела временно приостанавливаются. Вечером встретимся у меня.

— Может, лучше в каком-нибудь уютном ресторанчике?

Ираклий с хмурым неудовольствием посмотрел на Дмитрия, и тот с виноватым видом включил двигатель машины. А Ираклий вдруг понял, что ему здорово недостает Корнеева, который понимал его с полуслова.

Вечером Федотов собрал группу, выслушал отчеты, проанализировал ситуацию вокруг храма, проинструктировал каждого, что тот должен делать в течение следующего дня, отпустил подчиненных и пошел в ванную. А когда вышел оттуда в голубом махровом халате, вытирая на ходу мокрые волосы, обнаружил в гостиной Марию.

— Привет! — сказал он обалдело, быстро запахивая халат под красноречивым взглядом женщины.

— Привет, — с улыбкой в глазах отозвалась поздняя гостья.

Ираклий уже знал, что ведунье подвластны любые замки, поэтому спрашивать, как она вошла, не стал.

— Что-нибудь выпьешь?

— Я с недобрыми вестями, — сказала Мария. Она по-прежнему выглядела утомленной, но иначе: было видно, что женщина о ч и с т и л а с ь от душевных напряжений, полученных во время боя с конунгом, а ее переживания связаны с чем-то другим. — Исчез Панкрат, — продолжала гостья, оглядывая гостиную. Взгляд ее был быстр и любопытно-жаден, она словно что-то искала, и обострившимся чутьем Федотов внезапно понял: Мария ищет следы женщины!

— Как это исчез? — недоуменно посмотрел он на ведунью.

— На него в офисе директора напал бывший охранник рыбозавода Телегин, Панкрат отбил нападение, Телегин умер, после чего майора забрали в милицию.

— Он убил Телегина?!

— Судя по донесению нашего наблюдателя, у Телегина сработала программа самоликвидации, он был зомбирован в храме.

— Значит, Панкрат в милиции?

— В том-то и дело, что его там нет. Кто-то забрал Воробьева из КПЗ, и след его потерялся. Надо искать.

— Ты предлагаешь заняться поисками мне?

— Это еще не все, — не ответила на вопрос Мария. — На семью Крутова произведено нападение. Старики убиты. Лиза похищена.

Ираклий хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он машинально вытер лицо полотенцем, прошелся по гостиной, размышляя о том, что услышал, поднял голову.

— Это следует понимать как...

— Ответный удар сатанистов.

— Но у каждого из нас своя сфера ответственности и своя задача. У Крутова есть начальник, он должен бросить ему на помощь своих профессионалов...

— Катарсис — не военная организация, она не имеет постоянно действующего контингента, стационарно дислоцирующегося в определенных местах, как базы Легиона. Для выполнения очередного Замысла каждый раз формируется новая команда.

— Ты предлагаешь мне создать такую команду? Я уже без тебя тут попробовал самостоятельно отследить террористов, начавших охоту за сотрудниками издательства, и получил от Плевина по голове.

— Я хочу, чтобы ты вошел в группу Крутова.

Ираклий перестал кружить по комнате, с мрачным самолюбием глянул на Марию, хотел произнести язвительную реплику, но встретил ее насмешливый и оценивающий взгляд и проглотил возражения вместе с досадой, надменной горделивостью и ревностью.

— Плевин меня не отпустит...

— Отпустит, я с ним поговорю. Можно, я останусь у тебя? Неохота ехать домой, устала.

Ответный взгляд Ираклия был так красноречив, что Мария засмеялась, подошла к нему, поцеловала в щеку и вышла в коридор.

— Я в ванную, готовь вино, чай и остальное.

Постояв несколько секунд в шоке, Ираклий на всякий случай разобрал кровать в спальне, размышляя, что имела в виду Мария под «остальным», и побежал на кухню, чувствуя эйфорическое головокружение. Портили настроение лишь мысли о судьбе друзей, но и они вскоре отошли на второй план. В данный момент эта проблема не решалась, а впереди у Федотова была ночь с любимой женщиной.

МОСКВА

СЛУГИ САТАНЫ

Заседание Совета безопасности происходило в Екатерининском зале Кремлевского дворца.

Мережковский бывал здесь редко, поэтому потратил некоторое время на разглядывание убранства зала с его роскошными малахитовыми пилястрами с бронзовыми базами и капителями. Заседание вел секретарь Совета Барановский. Речь шла о военной реформе, об укреплении «антинаркотического пояса» между Афганистаном и странами СНГ, президент в совещании не участвовал, темы были хорошо проработаны, и их обсуждение не заняло много времени. Журналистов на заседание не допустили, поэтому они толпились у дверей зала, снедаемые жаждой узнать подробности, но были разочарованы, когда ни министр обороны, ни министр внутренних дел, ни премьер не ответили на их вопросы. Главная тема заседания: развертывание систем СТОКК на границах с Чечней и сопредельными государствами — осталась журналистам нераскрытой.

— Задержитесь, Архип Иванович, — сказал Барановский, когда члены Совета потянулись к выходу. — И вы тоже, Бо-

рис Авдеевич, — остановил он Чумакова. — Прошу подсесть ко мне поближе.

Дождавшись, когда в зале остались только они трое, основные исполнители Проекта, Барановский, пригладив череп, продолжал:

— Директор весьма недоволен нашей работой. Противник начал наступление по всем фронтам, не уступая даже там, где мы всегда были сильней — в пропаганде. Вы отлично знаете, что, пока фанаты Интернета получают наркотическое удовольствие от проникновения в чужие секреты, их патологическое стремление к интеллектуальному удовольствию позволяет нам держать их под контролем даже без подключения особых зомби-программ. Но мне поступила информация, что в недрах Думы зреет проект ограничения доступа к Интернету школьников, что резко сужает наше влияние на социум.

— Разве нельзя купить депутатов, разрабатывающих этот проект? — скептически поднял бровь Чумаков.

Барановский бросил на ректора Академии национальной безопасности косой взгляд.

— Мы занимаемся этим вопросом, но эти депутаты — люди Сопротивления, купить их не удастся.

— Значит, надо их запрограммировать.

— Для обсуждения этой перспективы я вас и оставил. К сожалению, законодательное творчество думцев не единственная наша проблема. Та же самая группа депутатов под руководством профессора Петренко разработала законопроект о запрещении СТОКК. — Владимир Никонович посмотрел на Мережковского. — Понимаете, что произойдет, если Дума проголосует за него?

— Мы лишимся главного инструмента контроля за социумом, — сказал Архип Иванович. — А почему бы для ограничения деятельности Сопротивления в Думе нам не попросить помощи у друга Директора? Я имею в виду Авогеина. Думаю, он легко справился бы с этим делом.

— Авогеин себя дискредитировал после провала операции с захватом академика Тиграна, на него надежды мало. К тому же конунга теперь больше занимает проблема мести. А вы должны знать, как реагирует Директор на просьбы подключить к оперативной работе его мага. Нам надо напрячься и самостоятельно нейтрализовать наступление врага, подобравшегося к нам слишком близко. Сопротивление расстроило две наши сделки по продаже новейших секретных разработок оружия, перекачало на свои счета наши наркоденьги, сорвало кадровую перестановку в правительстве.

— Какую перестановку? — заинтересовался Чумаков.

— Мы хотели поставить первым вице-премьером Аксючица, но наша инициатива не прошла.

— Он же дурак!

— Зато готов сделать все для Проекта. — Барановский изобразил улыбку. — В наше время, дорогой Борис Авдеевич, чем выше уровень власти, тем меньше интеллектуальных качеств требуется человеку, чтобы этого уровня достичь. Дураками же легче манипулировать, чем умными людьми, причем на всех уровнях. Но мы отвлеклись. Директор подозревает, что в наших рядах завелись «кукушки» Сопротивления. Надо их выявить и уничтожить, иначе сорвутся наши далеко идущие планы. Я имею сведения, что Сопротивление внедрило своих людей чуть ли не во все отделы Центробанка и Минфина, мы начинаем терять контроль над финансовыми потоками. Архип Иванович, разверните свою систему в этом направлении. И ликвидируйте, в конце концов, мешающий фактор.

Мережковский посмотрел на секретаря Совбеза с недоумением, и Барановский добавил:

— Я имею в виду всяких там Витязей, их берегинь и сопутствующих лиц.

— Я уже дал задание спецгруппе «тающих», — сказал Мережковский. — Кое-что сделано. Один из мешающих нам людей захвачен и находится в шоковом состоянии, поэтому вряд ли он будет нам полезен. У второго украли жену, теперь он у нас на поводке. Третий тоже предупрежден. Конечно, работают легионеры дубово, зато надежно.

— Надеюсь, вы справитесь. — Владимир Никонович налил себе минеральной воды, выцедил полстакана, бросил на съежившегося Чумакова змеиный взгляд. — Я просил вас, Борис Авдеевич, поработать с сыном. Его деятельность в рядах РНЕ нас не просто раздражает, она вредна для Проекта. Если он не уймется со своими выходками, нам придется его убрать. Физически!

— Я говорил... он обещал, — пролепетал Чумаков, вильнув взглядом. — Дайте мне еще немного времени.

— Почему бы нам не запрограммировать все руководство РНЕ? — предложил Мережковский. — Легче было бы держать баркашовцев под контролем.

— Фашисты и националисты Проекту не нужны! — отрезал Барановский. — Вернее, нужны, но лишь для того, чтобы мы всегда могли навешать на них собак, обвинить в попытках

реализации заговора против существующей власти. Ваш сын нам мешает.

— Я все сделаю, он больше не будет, — пообещал вспотевший ректор АНБ.

— Теперь оперативные дела. — Барановский допил воду, смочил ладонь и провел по блестящей лысине. — Что у вас по базам Катарсиса?

— Мы вышли на три региональных центра, — сообщил Мережковский. — В Нижнем Новгороде скорее всего располагается база контрразведки Катарсиса. В Переславле-Залесском — база службы охраны важных персон и объектов. Служба разведки — в Суздале.

— Это заслуга ваших людей или Асламова?

Архип Иванович подавил раздражение, признался после некоторого колебания:

— Сведения Асламова. Но мы кое-что проверили и убедились, что он прав. Во всяком случае, контрразведка действительно сидит в Нижнем.

— Сидит, — усмехнулся тонкими губами Барановский. — В том-то все и дело, что она не сидит. Ну, а главный центр управления Катарсисом где располагается? Может быть, здесь, в столице, у нас под боком?

— Асламов этого не знает. Однажды он ездил в Юрьев-Польский для встречи с одним из руководителей Сопротивления. Возможно, центр находится там.

— Бросьте на Юрьев-Польский все силы, нам позарез необходимо как можно быстрее раздавить гнездо Сопротивления, чтобы Проект осуществился без помех. Чем занят Асламов? Пусть действует активней, только через него мы сможем выйти на лидеров Катарсиса и ликвидировать их.

— Работа Катарсиса основана на бесконтактной связи, руководители служб никогда не встречаются с командирами групп, поэтому выйти на них трудно...

— Да мне плевать на эти ваши трудности! Зачем мы создавали структуру СТОКК? Чтобы вы заявляли, как вам трудно работается? Засуньте Асламова в «лунный свет», выкачайте из него всю информацию, он должен знать больше. Делайте что хотите, но к концу мая уничтожьте Сопротивление!

Наступила пауза.

Чумаков сидел тихо, как мышь. Мережковский с трудом сдерживал злобное раздражение, но тоже молчал. Наконец пробормотал:

— Мне нужны кадры... компьютерщики, электронщики, математики... экстрасенсы.

— Обратитесь к заму Директора по кадрам, — буркнул Барановский, — он вам подберет людей. Что касается экстрасенсов, то это епархия Авогеина.

— У меня нет к нему доступа.

— Надо было хорошо подготовить захват Тиграна, вот и был бы свой личный экстрасенс. Кстати, где сейчас Тигран? В бегах?

— Работает как ни в чем не бывало вместе со своим учеником на прежнем месте. Усилил охрану медицинского Центра...

— Что, если попытаться захватить Тимергалина, запрограммировать, а через него выйти на академика?

Мережковский и Чумаков переглянулись.

— Надо подумать.

— Подумайте. Я вас больше не задерживаю.

Ректор и завкафедрой Академии национальной безопасности вышли из зала, спинами ощущая тяжелый взгляд Владимира Никоновича.

Оставшись один, секретарь Совета безопасности задумчиво сложил бумаги на столе, поджег их взглядом, тут же потушил, и лицо его изменилось, превращаясь последовательно в лицо Валягина, затем Ивана Авогеина и наконец в лицо президента.

В дверь зала заглянул сотрудник секьюрити Совбеза. Барановский поманил его пальцем и, когда ошеломленный метаморфозами начальника парень подошел, уперся тяжелым взглядом в его глаза с расширяющимися зрачками и сказал:

— Забудь и иди!

Охранник щелкнул каблуками, повернулся и устремился к двери. Когда он исчез, лицо Барановского приобрело прежний вид.

— Слабые людишки... — пробормотал он с усмешкой.

КОВАЛИ — МОСКВА

КРУТОВ

Похороны деда Осипа и бабы Аксиньи состоялись в субботу восьмого мая. Проводить стариков в последний путь пришли не только все жители Ковалей, но и многие селяне из соседних деревень, знавшие чету Крутовых, не считая прибывших издалека родственников семьи. Двоюродный брат Осипа Корней Прохорович Плавунов сумел добраться до Ковалей

из Красноярска. Приехали из Жуковки и Поликарповичи — Иван и Василий со своими женами. Не прибыли из Переславля-Залесского только Панкрат и Лида, да и то лишь по той причине, что Егор забыл дать им телеграмму.

Люди заполнили все кладбище, женщины плакали, мужчины стояли молча и хмуро, пока не закончилась церемония.

Осипа и Аксинью, проживших вместе сорок четыре года, похоронили рядом, в одной могиле, под одним крестом. От дома Крутовых до кладбища пролегла дорожка из елового лапника, напоминая о печальном обряде.

Егор будто окаменел, машинально участвуя во всех приготовлениях и непосредственно в похоронах. Ему позвонил координатор «семерки» и велел ждать, не предпринимая никаких самостоятельных шагов, но душа жаждала действия, из головы не шли мысли о Лизе, находящейся в руках легионеров, и Крутов с трудом заставлял себя выполнять свои обязанности, стараясь утешить сестер и теток.

Георгий в обряде похорон не участвовал, то исчезал, то появлялся вновь, молча курил рядом, всем видом подчеркивая сочувствие, но ничего не советовал и не утешал, за что Егор был ему благодарен.

Вечером после похорон в доме собралась многочисленная крутовская родня общим числом в двадцать два человека, но Егор просидел с ними за столом всего полчаса, после чего уединился в спальне, а потом, в начале одиннадцатого, и вовсе ушел на огород, прокручивая в голове планы освобождения Лизы из рук похитителей, один несбыточней другого. Здесь и нашел его Георгий, вынырнув бесшумно из леса за околицей деревни.

— Я готов, — заговорил первым Крутов.

— Не спеши, — понял его Витязь. — Разрабатывается трафик по освобождению Елизаветы, с учетом всех местных деталей, по этому делу работают чуть ли не все наши службы, так что не надо пороть горячку.

— Она меня звала... ей плохо...

В темноте сверкнули рысьи глаза Георгия, он пристально посмотрел на Егора, с трудом сдерживающего нетерпение.

— Ты ее... слышал?

— Думал, с ума схожу, — усмехнулся Крутов. — Потом разобрался, в чем дело. Это не голос, а... как бы тебе сказать...

— Вас соединяет канал «мыслезвука», все же она твоя берегиня, а ты ее защитник. Поздравляю, Витязь, похоже, ты достиг своего уровня.

— Какого уровня?

— Уровня прямой ретрансляции Сил. Каждый человек является потенциальным ретранслятором Сил Космоса или, говоря простым языком, проводником Божьей воли. Люди светлых помыслов делятся на ретрансляторов трех уровней: ведуны или Ходоки, Витязи и волхвы. У черных своя иерархия. Но все они — и светлые маги, и черные — получают информацию от своих богов, защиту и награду.

Крутов с усилием вернулся к действительности, разрушая круг бессильного гнева.

— Значит, даже волхвы не бескорыстны?

Георгий покачал головой.

— Награда награде рознь. Если служителям Сатаны даются блага и удовольствия, то светлым магам наградой служат осознание Добра и Совести, эстетическое и этическое наслаждение сделанным во благо других людей.

Крутов помолчал, пытаясь отстроиться от размышлений о Лизе, но не смог. Сказал глухо:

— Ты нашел Мокшина?

Теперь сделал паузу Георгий.

— Фоменко разве с тобой не говорил на эту тему?

— Говорил, велел ждать.

— Вот и жди.

— Где Мокшин?!

Георгий прошелся вдоль стены сарая, поглядывая на небо, затянутое облаками. Луна сквозь них виднелась бледным размытым пятном. В деревне было тихо, если не считать обычных деревенских шумов: скрипа колодезного ворота, редкого пения петухов, кудахтанья кур, мычания коров, — к ним добавлялся стук дверей, тихая музыка и птичьи трели, но на всем пространстве деревни лежала печать печали и тревоги, идиллия была нарушена насилием и смертью, и душа в этом пространстве чувствовала себя неуютно.

— Наломаешь дров, полковник, — сказал наконец Георгий.

— Сам наломаю, сам отвечу, — угрюмо проговорил Егор. — Найду и убью!

— Жорка Мокшин — «шестерка»...

— Легионеров навел он. Сколько раз увижу, столько раз убью! Его и того, кто не пожалел стариков. И не надо меня отговаривать, Стирч. Если ты не со мной, я пойду один.

Георгий сорвал лист мяты, растер в ладонях и выбросил, оглянулся на хату Крутова, в окнах которой горел свет. Кто-то вышел во двор, послышались мужские голоса.

— Я с тобой, — сказал Георгий негромко. — Но не уверен,

что это оптимальное решение. Жорка сейчас в Жуковке, у брата, за ним следят мои люди.

— Поехали!

— Подожди хотя бы до утра, торопыга. Завтра сюда приедут твои друзья, Мария, вместе мы и решим проблему.

— Кто приедет?

— Федотов со своей командой и Корнеев. Воробьев, к сожалению, не приедет, он куда-то запропастился. Известно, что на него напал его бывший сотрудник, была схватка, сотрудник погиб, а Панкрата захомутала милиция, после чего след его пропал.

— Как это? Ты же говоришь, что его забрали в милицию.

— Из милиции его кто-то вытащил. Куда — неизвестно. Сейчас его ищет Мария. Не беспокойся, мы его найдем. Жена и дети Панкрата под присмотром. Ну что, ждем своих?

Крутов помедлил и с виноватой усмешкой качнул головой.

— Не могу. Я з н а ю, что Лизе плохо, ее запросто могут... — Он прервал речь. — Короче, я иду сейчас.

— Я знал, что мне не удастся тебя остановить, — вздохнул Георгий. — Поехали. Только предупреди близких, чтобы не искали и не тревожились понапрасну.

Крутов с благодарностью сжал плечо Витязя и зашагал к дому.

Через четверть часа они выехали из деревни на машине Георгия, зеленого цвета «Ладе» одиннадцатой модели.

Братья Мокшины гуляли.

Шел уже двенадцатый час ночи, но из окон квартиры Бориса рвалась на волю музыка, доносился визгливый женский хохот, на фоне занавесок мелькали молодые люди, а с балкона падали вниз бутылки из-под разных напитков и пустые пивные банки, вносящие свой вклад в какофонию.

Георгий остановил машину за чьим-то металлическим гаражом во дворе дома, откуда были хорошо видны освещенные окна квартиры младшего Мокшина, нацепил на ухо серьгу микрорации и вызвал какого-то Сержа. Через две минуты Серж, одетый в темное спортивное трико, проскользнул внутрь машины, сев на заднее сиденье.

— Все тихо, — сказал он глуховатым баском, имея в виду психологическую обстановку вокруг Мокшина, а не внешнее ее отражение. — Объект занят с женщинами в спальне, изредка выходит, чтобы выпить. Охрана шесть человек: двое во дворе, четверо в подъезде и возле лифта на пятом этаже.

— Пошли, — сказал Георгий, повернув голову к Егору, и первым вылез из машины.

— Нам идти с вами? — спросил вслед Серж.

— Не надо, мы справимся, просто наблюдайте за периметром. Если появятся нежелательные гости, дадите знать.

Крутов и Георгий неторопливо направились ко входу в подъезд, возле которого пили пиво и курили двое накачанных парней. Свет фонаря отражался на их часах и перстнях, играл на мощных шеях, парни нравились себе и кайфовали.

— Эй, вы к кому? — окликнул один из них приближавшуюся молчаливую пару.

— К Жорке, — равнодушно ответил Георгий и, не останавливаясь, нанес охранникам два мгновенных парализующих удара-укола в «точки смерти» — нагрудную ямку и венечный шов. Если бы слегка усилил удары, здоровяки бы умерли, но в задачу Витязя их смерть не входила.

Еще двое таких же короткостриженых качков легли на пол у лифта от ударов Крутова, продемонстрировавшего технику парализующих приемов живы. Молодые люди в серых летних костюмах были преисполнены уверенности в своей непобедимости и нападения не ждали.

Егор и Георгий вошли в лифт и поднялись на пятый этаж, где их встретила последняя пара телохранителей Мокшиных. Эти ребята оказались самыми опытными и, не получив подтверждения от своих коллег снизу о том, что все нормально, едва не успели открыть пальбу из револьверов. Обоим Витязям пришлось брать их в т е м п е, после чего они вошли в квартиру, откуда выплескивались на лестничную площадку радостные украинские вопли Видоплясова.

Никто их не остановил. Тусовка была в разгаре, и молодые и не очень люди и девицы «тащились», то есть занимались собой и получали удовольствие в той мере, которой были достойны: кто-то танцевал, кто-то целовался, кто-то курил «травку», и все что-нибудь пили. Отреагировала на появившуюся пару только одна неприкаянная тетка лет сорока, но ее призывные телодвижения и восклицания остались вместе с ней.

Бывший мэр Брянска Георгий Владиславович Мокшин и его младший брат Борис (без жены, естественно) действительно находились в спальне, развлекаясь с двумя голыми девицами из числа местных «жриц любви». Оба любили крупных полнобедрых женщин с большими грудями, и аборигенки вполне соответствовали их идеалам. Гостей ни те ни другие не заметили, хотя в спальне горел свет, и Георгию пришлось

остановить «процесс», шлепнув одного из Мокшиных по голому заду.

Борис — это оказался он — ойкнул, взвился с постели и уставился на вошедших с хмельным недоумением в глазах. Его брат соображал быстрей, соскочил с кровати и потянулся было к лежащей на стуле кобуре. Крутов дождался, пока он дотянется до пистолета, и с прорвавшейся ненавистью ударил Мокшина ногой, отбрасывая его к трюмо. Жорка с грохотом разбил спиной зеркало, сполз на пол и затих.

— Осторожней, — с неудовольствием произнес Георгий, — труп нам не нужен.

Борис сообразил наконец, что происходит нечто не учтенное планом гулянки, вознамерился не то дать отпор, не то позвать на помощь телохранителей, но не успел. Георгий щелкнул его в лоб, и младший Мокшин осел на кровать с осоловело-изумленным видом. Девицы завизжали и умолкли, повинуясь жесту Георгия — палец к губам.

— Прикройтесь и сидите тихо! Никто вас не тронет.

Девицы укутались в простыни, забились в угол спальни и притихли.

Георгий подошел к потерявшему сознание тезке, присел над ним на корточки, пошлепал ладонью по щекам. Мокшин застонал, открыл мутные глаза, завозился, елозя голым задом по осколкам зеркала, заохал от порезов. Сквозь боль и тьму в его глазах всплыли страх и понимание происходящего.

— Очнулся, барин? — заботливо спросил Георгий. — Соображать можешь? Это хорошо. Тогда скажи мне как гуманоид гуманоиду: где Лиза?

Георгий Владиславович облизнул губы, глаза его сверкнули по-волчьи, страх в них стал исчезать, таять, как роса под лучами солнца.

— Не знаю я никакой Лизы...

Крутов шагнул к нему, нагнулся, приблизив лицо к лицу, и Мокшин попытался отодвинуться, вжимаясь спиной в тумбу трюмо, скривился от боли в заднице, куда впивались осколки стекла.

— Где Лиза? — тихим страшным голосом спросил Егор. — Ответь, и я тебя пожалею.

— Не пугай, полковник, — вдруг засмеялся Мокшин, в глазах которого страх окончательно уступил место безумию. — Твоя жена тебе уже не принадлежит. А хорошая телка была, а? Эх, помню, мы с ней...

Голова Мокшина дернулась от удара. Он охнул, прикусив язык, снова попытался отодвинуться от бешеных, светлеющих до тигриного свечения глаз Крутова, не смог и захихикал.

— Ее пропустили через весь взвод «тающих», зачем тебе она теперь?

— Где... она?! — раздельно проговорил Крутов, чувствуя, как свело скулы от ненависти и желания убить.

— Была в Тросне, на базе Легиона... — Глаза Мокшина стали белеть, закатываться. — Но там ее уже нет, монахи забрали...

— Какие монахи?!

— Обыкновенные, бритые, в черном... — Мокшин опять хихикнул. — Тут недалеко храм их стоит... — Он вздрогнул всем телом, глаза бывшего мэра остекленели, изо рта пошла пена. — Опоздал ты, полко... — Это были последние слова в его жизни. Еще раз вздрогнув, он умолк и застыл.

Георгий выпрямился, потянул Крутова за плечо.

— Пошли отсюда, он мертв. Сработал самоликвид. Жорка тоже был запрограммирован.

— Может, Борис знает, что за монахи забрали Лизу? — Егор унял бешеный бой сердца, посмотрел на медленно приходящего в себя Мокшина-младшего.

— В Брянске храм Братства недостроен, да и мои ребята сразу сообщили бы мне о появлении там Лизы. Ее могли перевезти только в жуковский храм.

— Кто нам об этом может сказать?

— Сами монахи. Сейчас проверим.

Они вышли из спальни, оставив рядом с трупом Георгия Мокшина его брата и примолкших, ничего не понимавших «жриц любви». Спустились к машине, минуя еще не очнувшихся охранников Мокшиных. Георгий вызвал по рации Сержа и приказал ему двигаться за ними к храму Черного Лотоса. Крутов вспомнил свой неудачный поход к храму, сказал бесцветным голосом:

— Нас туда не впустят.

Георгий покосился на его профиль, понимая, что творится сейчас в душе напарника.

— Не бери в голову слова Жорки, это он со зла сказал насчет взвода. Во-первых, мои ребята следят за базой Легиона в Тросне, они видели, как Лизу поместили в канцелярию базы, а не в казарму. Во-вторых, командование базы не отдаст насиловать женщину без приказа свыше, пока на свободе объект ликвидации. Им нужен ты, а Лиза — классическая приманка. В-третьих, с нами ведется какая-то странная игра, смысла которой я пока не понимаю. Если бы «тающие» получили

приказ тебя ликвидировать, они бы так и сделали. Вместо этого они заявляются к тебе домой среди бела дня, без колебаний убивают стариков и похищают Лизу.

— Они з н а л и, что меня нет дома.

— Вот поэтому я и говорю, что не понимаю цели этой операции. Ничего, если Елизавета действительно у монахов местного храма, мы ее вытащим.

— Зачем она монахам?

Георгий выключил фары, скорость движения упала. Едущая за ними машина Сержа с членами его группы тоже погасила свет.

— Есть только одно объяснение этому перемещению... В храме прячется одна из лабораторий по разработке психотронного оружия второго и третьего поколений.

— Это твои предположения или достоверно установленный факт?

Георгий помолчал, сосредоточившись на ухабистой лесной дороге. С шоссе они уже свернули и теперь приближались к берегу Десны со стороны лесничества.

— Лаборатории психотроники — моя главная цель, — сказал он наконец. — Создание системы духовных семинарий лишь прикрытие, хотя и эта работа очень важна.

Крутов хмыкнул, оценивая откровенность приятеля.

— Вот почему ты сидишь в Брянской губернии... А я ломал голову, зачем Катарсис так распыляется, посылает в одно место сразу двух Витязей. Или наши начальники мне не доверяют?

— Тебя надо было подготовить, — спокойно ответил Георгий. — У меня больше опыта. А подготовленных людей у нас действительно маловато. В скором времени тебе придется действовать самостоятельно.

— Боюсь, я не смогу работать на Катарсис, постоянно рискуя жизнью своих близких.

— У тебя нет выбора, — сказал вдруг с необычным чувством Георгий; Егору показалось, что это чувство — тоска. — Как нет его у меня и у десятков других Витязей, призванных защитить Род от очередного нашествия. Самого страшного нашествия за всю историю Руси! Кто остановит психорабство, если не мы?

Крутов молчал.

Георгий съехал с дороги в лес, остановил машину и выключил мотор. Повернулся к Егору.

— Хотя никто тебя неволить не станет. Служба Роду — добровольная служба, а Катарсис — не военная организация.

Подъехала машина с группой Сержа.

— Идем, — мягко сказал Георгий. — Законы живы помнишь? Пока тебя не вынудят, не наноси удара. Иди к себе, ибо только там найдешь Бога. Не изощряйся мудростью — пребудешь в глупости. Терпеть глупое...

— Глупо, — нехотя улыбнулся Крутов. — Сносить жестокое — жестоко и покорствовать несправедливому — несправедливо.

— Так-то лучше, — улыбнулся и Георгий. — А теперь готовься к высокой самоотдаче. Нам скоро понадобятся все силы и опыт спецопераций.

Они вылезли из машины, подошли к трем парням, разминавшим ноги у второй «Лады». В лесу было темно и прохладно, тучи над головой сгустились, пряча луну, что было на руку отряду.

— Идите вперед, — вполголоса приказал Георгий своим разведчикам. — Расположитесь, осмотритесь и ждите.

Серж с парнями безмолвно растворились в темноте. Витязи остались вдвоем, каждый со своими мыслями и желаниями.

— Как мы проникнем в храм? — поинтересовался Крутов.

— Пройдем сквозь стену, — усмехнулся Георгий.

— Аки привидения? — принял его слова за шутку Егор.

— Почему? Натурально. Или ты еще не умеешь пользоваться склисом?

— Чем-чем?

— Так называется способ прохождения сквозь препятствия.

— Я... не уверен... хотя как-то показывал фокус друзьям.

— Захочешь — сможешь.

Крутов помолчал.

— Ты разве не был внутри храма?

— Этот жуковский форпост Братства стоял у меня в плане обследования, ты просто ускорил события. Я всегда тщательно готовлюсь к таким операциям.

— Извини.

— Ничего, переживу. Лизу чуешь?

Крутов напрягся, пытаясь поймать «мыслезвук» жены, замер на минуту и с сожалением расслабился.

— Ничего не слышу...

— Ладно, подберемся поближе, может, услышишь. Начинай в х о ж д е н и е.

Егор попытался еще раз в тихом «гуле» ментального поля услышать голос Лизы, не смог и перестал отвлекаться. Его мысли, занятые Лизой, постепенно свернули в нужное русло

медитативной подготовки, а органы чувств начали воспринимать токи природы. Наступила первая стадия вхождения в состояние живы — изменение сознания.

Крутов не знал, как себя настраивает в резонансы живы Георгий, но был уверен, что их ощущения сходны.

За первой стадией вхождения следовала вторая — вызов предчувствия опасности, и Егор сразу ощутил дыхание «сакки»: храм Черного Лотоса располагался всего в полукилометре отсюда, на берегу Десны, и веяло от него ощутимым «черным ветром зла».

Третий и четвертый уровни настройки организма — «замедление времени» и вхождение в состояние пустоты, дались Крутову уже легче, и ему показалось, что он стал органической частью окружавшего его мира, воспринимая увеличившейся поверхностью тела (сознания) поступавшую со всех сторон информацию. И наконец наступил момент «устроения повелевания» — формирования сферы адекватного ответа, позволявшей мастеру живы реагировать на внешнее воздействие безошибочно и с максимальным согласием с силами Вселенной.

Георгий выслушал по рации сообщение от Сержа, хлопнул Егора по плечу и устремился навстречу холодному «черному ветру зла». Крутов не удивился, заметив двух волков, сопровождавших Витязя. Это была его постоянная зооохрана.

Егор взял темп, легко догнал Георгия, прекрасно видя в темноте и чувствуя препятствия. Через несколько минут они стояли у стен храма, тяжеловесная громада которого заслонила полнеба.

— Ты готов? — влился в ухо через наушник рации бесплотный голос напарника.

— Вполне, — ответил Крутов, ощущая легкое «предстартовое» волнение.

— Я пройду сквозь ворота, потом открою дверь изнутри. Подбери мою одежду.

Крутов не понял, о какой одежде идет речь, но уже в следующую минуту стало ясно, что имел в виду Георгий.

Витязь подошел к воротам в храм, не боясь нацеленной на дорогу видеокамеры. Въезд на территорию храма не освещался фонарем, ночь была темной, а одет он был в темно-серые рубашку и брюки, не видимые в темноте. Постояв у ворот несколько секунд, он оперся о них руками и, продавив телом толстую створку, исчез! Но не исчезла его одежда. Прилипнув на мгновение к створке, рубашка и брюки соскользнули на асфальт, накрыв собой кроссовки. И только тогда Егор

понял, что состояние веры распространяется лишь на тело человека, представлявшее собой взаимосвязанную живую систему. «Мертвая» одежда в эту систему не входит.

Прошла минута, другая, вокруг все так же царила сонная тишина, шел первый час ночи, и обитатели храма, вероятнее всего, спали, уверенные в своей недоступности. Затем едва слышно скрипнула входная дверь рядом с воротами, в щели показалась рука Георгия, сделавшая приглашающий жест. Крутов подобрал его одежду и скользнул во двор.

Во дворе храма он увидел две «Лады» и «Хаммер» с не остывшим еще мотором. А рядом лежали на земле три тела в пятнистых комбинезонах.

— У настоятеля гости, — шепнул Георгий. — Машина принадлежит Легиону. Интересно, кто к нему приехал и зачем?

— Как ты их взял?

— Почуял. Один спал, остальные рассказывали друг другу свои похождения. Обыкновенные вышибалы, разве что стрелять обучены.

— А где охрана храма?

— Специального помещения для охраны этот псевдотибетский дворец не имеет. Монах-сторож сидит в проходной будочке у ворот перед телемонитором с четырьмя экранами, куда поступают сигналы от внешних телекамер. Но сегодня он спал, когда в будке появился я.

— Ты его убрал?

— Зачем? Пусть спит.

Крутов подал ему одежду, но Георгий отвел руку Егора.

— Подержи пока. Возможно, придется еще раз воспользоваться склисом. Попробуй-ка связаться с Лизой.

Крутов послушно закрыл глаза, вслушиваясь в мерный рокот «ментального прибоя», но присутствия жены не почувствовал.

— Ничего...

— Странно! Неужели Жорка обвел нас вокруг пальца?

Георгий бесшумно пересек двор и открыл двери центральной постройки храма, в которой находились молельные и тренировочный залы, трапезная и апартаменты настоятеля, окруженные поясом келий, где жили «братья» и ученики. Кольцевой коридор вокруг главного зала здесь не освещался, тусклая лампочка горела лишь в самом зале, выхватывая кусок колонны, мозаичный каменный пол и статую Будды у стены между двумя контрфорсами.

Каким образом Георгий ориентировался внутри каменного лабиринта, было непонятно, однако блуждать по коридорам

в поисках камеры, где монахи могли держать взаперти Лизу, не пришлось. Буквально через минуту после проникновения в центральное строение «замка» Витязи вышли к освещенной ратьером[1] мощной металлической двери с «глазком» телекамеры над ней, ведущей в покои настоятеля. Перед дверью переминались с ноги на ногу двое верзил в камуфляжной форме с эмблемами Российского Легиона на рукавах. Один курил, второй читал замызганную книжицу небольшого формата. На появление гостей они отреагировали слишком поздно, применить оружие не успели, а рукопашным боем владели не в той степени, чтобы долго сопротивляться мастерам живы. Через несколько секунд оба уже лежали на полу.

Георгий и Егор замерли на мгновение, прислушиваясь к тишине храма, посмотрели друг на друга и подошли к двери.

Дверь вполне могла выдержать выстрел из гранатомета, и Крутов невольно посмотрел на товарища, но не увидел на его лице ни следа сомнений.

— Не хочешь попробовать пройти насквозь? — предложил Георгий.

Крутов в замешательстве посмотрел на непреодолимую с виду преграду, потом на Георгия, в глазах которого не было и тени насмешки, хотел ответить отказом, но набрал в грудь воздуха и решительно шагнул вперед.

— Отойди!

— Склис требует абсолютной в е р ы, — мягко проговорил Георгий. — В е р ь — и пройдешь.

Егор сосредоточился на своих ощущениях, унял поднявшееся было волнение и «вышел» из тела. Одно мгновение ему казалось, что он способен обнять собой, своей сферой разума, весь этот храм, природу вокруг и мир вообще, принять его и понять, выйти на уровень о с о з н а н и я законов Земли и космоса. Однако это ощущение прошло, и Крутов с сожалением понял, что время его «подключения» к тонким планам Вселенной еще не наступило. Усилием воли освободившись от всех мешающих делу эмоций, он превратился в в и б р а ц и ю и двинулся сквозь металлическую твердь двери.

В глазах потемнело, тело стало невесомым и чужим, а затем и вовсе исчезло: это сознание отреагировало на отсечение потока информации, поступающей в мозг по всем нервным каналам. Но длилось это состояние недолго, доли секунды. Затем темнота перед глазами отступила, и Егор оказался

[1] Р а т ь е р — специальный фонарь с узкой щелью.

внутри странного деформированного объема, состоящего из неправильных «пчелиных» сот и асимметричных косых «гребней»: таким его сознание «увидело» материал двери изнутри.

Сделав еще шаг, он очутился в коротком коридоре со стенами, увешанными буддистской символикой и оружием, и с двумя деревянными дверями, ведущими в «келью» настоятеля: спальню, кабинет, гостиную, малый тренировочный зал. И тотчас же к нему без всякого перехода вернулась острота зрения, в то время как остальные чувства все еще оставались «замороженными», из-за чего он не сразу осознал, что стоит в коридоре абсолютно голым. Вся его одежда и мелкие вещи в карманах остались за дверью.

Из двери показалась рука Георгия, миг — и он стоял рядом, светящийся, как голографический фантом. Крутов хотел сказать: порядок, — но замер, услышав человеческую речь. За одной из дверей в коридор разговаривали.

Георгий перестал светиться, обретая плотность и вес, на цыпочках приблизился к двери и приложил к ней ухо. Потом показал три пальца, что означало — разговаривают трое. Взялся за ручку, помедлил немного, рывком распахнул дверь, и Крутов ворвался в «келью» настоятеля первым.

Гостиная представляла собой уменьшенную копию главного молельного зала храма.

Вдоль стен, отделанных ракушечником, стояли деревянные скамьи, на которых лежали подушки и халаты. В углу самодовольно улыбался своим мыслям каменнолицый Будда. В другом углу топился камин, у которого стояли четыре кожаных кресла и низкий мраморный столик на бронзовых лапах. Перед изваянием Будды горела толстая свеча, распространяя по комнате дурманящий запах воска и каких-то трав.

Одно из кресел пустовало, в трех других сидели гости настоятеля: молодой человек с подбритыми висками, со шрамом на скуле, в камуфляже с эмблемой Российского Легиона, и мужчина средних лет, тоже со шрамом, но под глазом, — и сам настоятель, толстый, бородатый, с мясистым носом и огромной плешью на затылке, одетый в атласный алый халат.

— А вот и гости пожаловали, — сказал мужчина постарше спокойно, хотя и не без удивления. — Мы не ждали вас так рано, Егор Лукич.

Крутов пригляделся к нему и узнал Архипа Ивановича Мережковского, бывшего руководителя «Психодава». Шагнул вперед, сузив глаза.

— Где Лиза?

— Какая еще Лиза? — нахмурился настоятель. — Кто вы

такие? Почему явились в непотребном виде?! Кто вас пропустил?! А ну вон отсюда! — Он грозно встал, вытягивая вперед волосатую толстую руку, и рухнул обратно в кресло от физически плотного взгляда Крутова.

— Не стоит пудрить им мозги, Эдуард Петрович, — усмехнулся Мережковский. — Эти люди знают, что Елизавета Романовна у нас. Честно говоря, я не ждал от вас такой оперативности, Егор Лукич, и сам собирался звонить вам утром. Но коль уж вы пришли, давайте поговорим. Кстати, действительно, не поделитесь опытом, как вы проникли на охраняемую территорию?

— Через канализацию, — пошутил Георгий.

— Ага, понятно. Вы бы приоделись, господа. А то ваш вид... э-э, несколько экзотичен.

— Переживешь, — негромко сказал Георгий, выходя вперед. — У нас мало времени, господин начальник Службы тотального контроля, поэтому долгие беседы мы вести не намерены.

— Вы меня знаете? — вздернул брови Мережковский. — Странно, что я вас не помню. Может быть, назовете свое имя?

— Я Витязь, — тем же тоном проговорил Георгий. — Где женщина?

Архип Иванович нахмурился, посмотрел на молодого человека в камуфляже, и тот неуловимым движением выхватил из кобуры пистолет — новейший образец «волка», принятый на вооружение спецподразделениями МВД и ФСБ.

— Итак, я спросил ваше имя, — поднял Мережковский глаза на Георгия.

— А я спросил, где Лиза, — холодно парировал тот.

— А вы наглец, господин Тарзан... — Архип Иванович не договорил.

Георгий шагнул к нему, парень со шрамом выстрелил, пуля вонзилась Георгию в плечо... и прошла насквозь, не оставив следа, будто пролетела сквозь облако дыма, срикошетировала от статуи Будды. Спецназовец вскочил, стреляя три раза подряд — с тем же результатом, а потом Крутов, взявший темп, обошел его слева и одним ударом выбил пистолет, подхватив оружие на лету. Направил рубчатый ствол «волка» на Мережковского.

— Этот вопрос последний: где Лиза?!

Архип Иванович, больше изумленный, чем испуганный демонстрацией необычных возможностей противника, открыл рот, собираясь продолжать разговор в прежнем ключе,

но увидел движение пальца на курке пистолета и вытянул вперед ладонь:

— Не стреляйте! Ваша жена жива и здорова, она сейчас в Москве, в одной из наших... в одном из центров СТОКК.

— Зачем вы ее захватили?

Мережковский посмотрел на легионера со шрамом, державшегося за руку, которого, очевидно, считал гарантом своей безопасности, нервно потер руки.

— Вы должны нас понять. Все просто: мы хотели предложить вам работать на...

— Проект, — подсказал Георгий.

Мережковский вздрогнул, вытаращил глаза.

— Я не знаю, о чем вы говорите, я имел в виду нашу службу...

— Кто отдал приказ о захвате?

Начальник СТОКК снова потер ладонь о ладонь, заколебался было, завороженный дулом пистолета, потом нехотя произнес:

— Я... — И торопливо добавил: — Но по просьбе одного человека, и к тому же я не приказывал убивать ваших родственников...

— Кто их... убил?!

Архип Иванович бросил взгляд на спецназовца в камуфляже, Крутов перевел взгляд на него и встретил ответный черный ненавидящий взгляд. Глухо проговорил:

— Ты?

С быстротой молнии парень вдруг вытащил из-под полы куртки еще один пистолет — отечественный «ПСС», но Крутов действовал еще быстрей, особым приемом перехватил руку и выкрутил ствол пистолета в живот спецназовцу. Раздался выстрел. Парень вздрогнул, мгновение постоял, согнувшись, с ничего не видящими глазами, и упал лицом вниз. Бледный Мережковский и настоятель храма, растерянный и потный, смотрели на тело легионера и молчали.

Крутов расслабился, медленно выдохнул воздух через нос, посмотрел на партнера.

— Я не хотел...

— Чего уж теперь, — проворчал Георгий. — Можно было обойтись и без этого. — Повернулся к начальнику СТОКК. — Вставай и шагай вперед.

— Зачем? — вжался Мережковский в спинку кресла. — Что вы хотите делать?

— Ты послужишь нашим проводником в Москве и залож-

ником. Может быть, поймешь впервые в жизни, как это приятно. Шагай! А ты — спи!

Палец Георгия уперся в лоб настоятеля, тот обмяк, закрывая глаза.

Крутов открыл все еще запертую входную дверь в «келью», взял свою одежду, натянул рубашку и джинсы. Оделся и Георгий. Они вывели Мережковского, не потревожив сонной тишины храма, встретились с группой Сержа и вскоре выехали на шоссе Брянск — Рославль. Только после этого Егор позволил себе окончательно успокоиться и почувствовал, насколько его вымотали поиски Елизаветы.

РУСЬ

МАГИ

Ему не было нужды наведываться в Сергиев Посад для встреч с архимандритом Троице-Сергиевой лавры, но он отдыхал в этом месте духовно и физически и не упускал случая побродить по лужайкам лавры и дорожкам вокруг церкви Вознесения. Таким получился и вечер восьмого мая, когда назрела необходимость посовещаться с отцом Савватием, занимавшим не только пост архимандрита лавры, но и патриарха Всероссийского Вечевого Схода, руководимого волхвами Предиктора.

Сергий прибыл в лавру около семи часов вечера, когда она уже закрылась для прихожан и посетителей, и около часа неспешно прохаживался вдоль монастырских стен, пока не встретился с отцом Савватием, знавшим о прибытии гостя, а также о его желании побыть какое-то время в одиночестве.

— Добрый вечер, — поклонился молодой волхв, одетый в белую льняную рубашку и подпоясанный красным кушаком.

— Здрав будь, сударь, — поклонился в ответ седобородый Савватий, одетый в миткалевую рясу. — Не откажешься потрапезничать со мною? Нашего местного пивка отведать? Жарко.

Сергий знал, что отказываться от угощения грешно, и согласился, хотя есть не хотел. Ел он всего два раза в день, утром и в обед, соблюдая мудрые заветы предков, основанные на многотысячелетнем опыте. Знал координатор Катарсиса и то, что люди начали варить пиво, а точнее, «квасить» различные злаки и корнеплоды, получая разной степени воздействия алкогольные напитки, более семи тысяч лет назад. Первыми «пивоквасами» были древние славяне, за ними приемы пивоварения унаследовали арийцы и древние египтяне, затем греки, а затем европейцы и азиатские народы. Хотя настоящее пиво начали изготавливать лишь в шестидесятые годы девятнадцатого столетия, когда химические исследования Пастера произвели революцию в пивной промышленности.

Пиво Сергий не любил, но не отказался от кружки старого доброго хмеля, горьковатого, но утолявшего жажду и приятно ударявшего в голову.

Поужинав овощными салатами и вареной рыбой, волхвы вышли из трапезных палат лавры и поднялись на самый верх Утичьей башни, самой нарядной среди остальных десяти монастырских башен. По преданию, башня, называвшаяся ранее Житной, получила прозвище Утичья во времена Петра I, стрелявшего с башни уток в пруду во время вынужденного сидения в монастыре.

— До чего же красива родная земля! — сказал Сергий, глядя на пруд под башней и на просторы полей и лесов за городом. — И до чего же больно, что она не свободна! Сколько тысяч лет Роду, а он все продолжает воевать за свободу, отстаивать свои идеалы. Почему Творец не дал нам выбора, направил на эту ухабистую дорогу? Почему мы должны все время сражаться с силами Зла, стяжательства, мракобесия, лжи и властных амбиций? Почему Зло заразно, а Добро нет?

— Таковы Законы, — мягко сказал Савватий, понимая чувства своего юного (но не менее мудрого) коллеги. — Творец бросил человека в мир, навстречу всем ветрам, для созидания и проявления собственных дарований, чтобы он сам отвечал за свои поступки, а не ждал, что кто-то сверху будет дергать его за веревочку, выслушивать мольбы и просьбы и бесконечно помогать.

— Я не о том, отец. Я не спрашиваю, где был Творец, когда на Земле начинались войны, и почему Он не помогал восстановлению порядка и справедливости. Он там же, где и всегда. Он дал нам жизнь, и Ему нет нужды вмешиваться физически, а духовное вмешательство человек не видит. Неужели мы все так слепы? А Творец так недальновиден?

Савватий пристально посмотрел на молодого волхва, помнившего все свои прошлые жизни.

— Тебя что-то гнетет, друг мой. Нравственное зло и физическое несовершенство мира — разные вещи. Последнее говорит о том, что созидание мира еще не завершено, а человек призван принять участие в его завершении. И Творец не виноват, что вместо того, чтобы повлиять на Природу, мы ее разрушаем.

— И это я понимаю, отец. Не понимаю другого: почему человек, как творение Божье, оказался в противлении Божьей воле и сам стал носителем зла? Почему он легко поддается увещеваниям Сатаны?

— Потому что, как и сам Отступник когда-то, он получил возможность идти по д р у г о м у пути, и не вина Творца в том, что его творение в массе своей избрало путь духовного рабства. Кстати, Сатана — зомбированное слово, его изначальный смысл: Са тана — «святая вода». Тысячи лет назад проповедники Отступника дали ему имя Сатана, перевернув смысл слова, чтобы скрыть истину, как сделали это и со множеством других слов[1]. Догадываешься, с какой целью?

— Цель одна, — вздохнул Сергий, — подмена первоначального значения слова ложным, несущим негативный психический потенциал. Силы Отступника растут, особенно в эру информационной агрессии, а мы все пытаемся остановить их примером и добрым словом. Секты псевдорелигиозной направленности типа Братства Черного Лотоса растут как грибы, что свидетельствует о духовном голоде, а мы хотим уговорить лидеров сект сеять разумное, доброе, вечное. Не уговаривать надо — нейтрализовать этих лидеров, прямых проводников воли Отступника! Когда с т а я теряет лидера, она теряет ориентацию в пространстве и свое влияние на мир! В ближайшее время мы столкнемся с более страшным оружием, нежели технические системы типа «анаконды» и «лунного света», и оружие это — храмы Лотоса, способные играть роль усилителей пси-внушения.

— Для отпора этому мы и создаем духовные центры и семинарии.

— Опаздываем мы, — с прорвавшейся тоской сказал Сергий. — Мы слишком долго пытались ограничить деятельность Отступника пассивным сохранением традиций предков и слишком поздно поняли, что надо драться с противником его же оружием и на его поле. Теперь роль псевдолидера — секты ли, Думы, правительства, любого учреждения или социальной группы — может исполнять любой, владеющий средством воздействия на психику людей. И плодятся они как тараканы, ибо благодатна почва: грязь, ложь, насилие, наркотики, секс.

— Согласен, — погрустнел Савватий. — Современный человек ищет удовольствия без счастья, счастья без знаний и знания без мудрости. Однако не все же люди такие? И вообще не все мы — люди. Я имею в виду демонов, живущих с нами, чему у меня есть подтверждение, и героев, живущих над нами.

[1] Например: польское слово «врода», украинское «урода»— «красота», и нынешнее значение его — уродство.

— Возможно, мы не имеем права называть себя героями, ибо в том, что касается созерцания вещей высоких, наши возможности весьма ограниченны. Но когда нам это удается, мы награждены блаженством Знания. А счастье всегда в стороне и не наше. Вот явились за счастьем, ведая, где оно, а уже курган над ним.

Савватий улыбнулся, оглаживая бороду.

— Это следует понимать как жалобу?

— Это следует понимать как плач по будущему, — ответил слабой улыбкой Сергий. — Спасти все человечество невозможно, повернуть ход исторического процесса к светлому будущему — тоже, если только не попытаться изменить существующие Законы, и ты это знаешь, патриарх.

— Знаю. Но я знаю также, что последний сторож Неба на земле — совесть людей, и мне моя говорит: придет ли завтра справедливость для всех, не ведаю, но нынче воспрещу несправедливое.

Они помолчали, два светлых мага, пытающихся по мере сил защитить Род от нашествия темных сил. Потом Сергий пробормотал:

— Терпеть несправедливое — несправедливо...

— А жестокое — жестоко, — отозвался архимандрит лавры. — Ты сегодня мрачен, друг мой. Устал? Плохие вести?

— Плохие, отец. Проект вышел на финальную прямую, а мы не успеваем выставить защиту. В лабораториях Легиона куется очередное новое оружие, основанное на синхронизации ритмов, вызывающих в мозгу человека очаги возбуждения, сходного с эпилептическим. Действует почти мгновенно. Защита — воля человека, только где найти такие волевые натуры?

— Натуры найдутся, надо только поискать. Что еще?

— Легион нанес упреждающий удар, вычислив некоторых наших соратников. Сильно травмирована Мария.

— Твоя ученица? Недаром ее имя переводится с греческого как «горемыка».

— Я уже не учитель ей.

— Учитель до тех пор остается учителем, пока учится сам. Ты достоин. Это не все?

— Похищены Панкрат Воробьев и берегиня молодого Ви-

тязя Елизавета Крутова. Кроме того, перестал выходить на связь Асламов.

— Это плохо, — подумав, изрек Савватий. — Если мы ошиблись, посылая его в пасть тигра, Замысел на грани провала. Что ты собираешься предпринять?

— Всё, что нужно, делается. Но я еще хочу встретиться с конунгом.

— Авогеиным? Херувимовым?

— Гланцем. Настоящий координатор Программы Сатаны в России — он, а не господин Валягин, присвоивший себе звание Директора. Гланц навещает нас редко, но, по моим сведениям, завтра прибывает в Москву, якобы для участия в праздновании Дня Победы.

Савватий покачал головой.

— На твоем месте я бы поостерегся появляться в стольном граде без подготовки. Мы, конечно, тебя поддержим, но...

— Мне поможет грэй.

Савватий в сомнении погладил бороду, глаза его заблестели.

— В принципе, идея неплохая... если только Тигран согласится. Но все равно будь осторожен. Вряд ли Гланц забыл инцидент на Селигере в прошлом году. Ты хочешь заставить его обменяться пленными?

— Этот вопрос не в его компетенции, с вызволением захваченных легионерами людей мы справимся сами. А вот в поиске вражеских лазутчиков контакт с ним может оказаться полезным. Боюсь, в наших рядах появились агенты Легиона.

— Кого подозреваешь?

— Михаила Васильевича Погребко, советника Асламова. Один из наших компьютерных контрразведчиков, Станята, случайно копнул файл личного дела Погребко, и оказалось, что сведения о Михаиле Васильевиче имеются лишь с тысяча девятьсот девяносто девятого года. Такое впечатление, что он родился в девяносто девятом... сразу шестидесятилетним. И нигде не работал.

— Может быть, он просто хитро засекречен? Ведь Погребко работал в Управлении охраны президента.

— Но на него нет данных даже под грифом «совсекретно»! Мы имеем доступ ко всем суперсекретным банкам данных ФСБ и ГРУ, сведений о Погребко там нет. Либо они стерты, либо...

— «Но случается также в каждом роду, что тварь нарушает законы своей природы», — с философским унынием продекламировал Савватий изречение Гермеса Трисмегиста. — У нас очень сильный и умный противник. Удачи тебе, иерофант.

— Я сообщу о результатах переговоров. — Сергий поклонился архимандриту.

— Когда будет готов Замысел по черному колдуну?

— Замысел требует учета всех возможных вариантов, Авогеин не должен догадываться, что готовится Д-трафик для его нейтрализации. Все патриархи будут оповещены о времени Схода для обсуждения Замысла.

— Как идет подготовка к защите Славянских Сходов в Калуге и под Нижним Новгородом?

— Мы в графике.

— Удачи тебе, сударь.

Сергий еще раз поклонился и исчез.

Отец Савватий постоял в задумчивости на верхней площадке башни, глядя вдаль прищуренными глазами, перекрестил место, где стоял молодой волхв, и в воздухе вспыхнул огненный крест. Подержавшись в воздухе несколько мгновений, он осыпался на пол площадки золотистыми каплями света. Савватий перекрестился сам и неторопливо начал спускаться по лестнице вниз.

Петр Афанасьевич Тигран мыл руки в своем лечебном кабинете, располагавшемся на четвертом этаже здания Центра нетрадиционной медицины, когда изменились потенциалы пси-полей вокруг, и он почувствовал чье-то присутствие. Замер, прислушиваясь больше к себе, к своим ощущениям, нежели к звукам в кабинете и во всем здании, затем закончил процедуру, взял полотенце и вышел из туалетной комнаты в собственно кабинет.

У стола стоял молодой человек в белой льняной рубахе поверх брюк, подпоясанный серым кушаком, и внимательно рассматривал хозяина ярко-голубыми глазами, изредка вспыхивающими синью. Взгляд незнакомца выражал ум, силу и затаенную печаль.

— Кажется, у нас гости? — произнес Петр Афанасьевич с иронией, проведя ладонью между собой и юношей, как бы устанавливая невидимую стену.

Впрочем, это и была стена — стена защитного заклятия. Ни один обычный человек не смог бы ее преодолеть, даже имея огнестрельное оружие: заклятие «стены» так воздействовало на сознание человека, что он не мог приблизиться,

шел куда угодно, только не в ту сторону, где стоял серый маг, и стрелял в кого угодно, только не в противника.

Молодой человек слегка улыбнулся, вытянул вперед правую руку и сделал шаг вперед. Указательный палец руки пронзил невидимый слой «стены», засветился, это свечение распространилось на остальные пальцы, на всю руку, собралось у плеча в кольцо... и гость академика оказался рядом, свободно пройдя «стену». Опустил руку.

— Прошу прощения за вторжение, — сказал он низким глубоким голосом. — Меня зовут Сергеем Алексеевичем, я один из иерархов Предиктора.

— Кажется, я догадываюсь. Вы — иерофант Сергий, самый молодой из Посвященных, то есть волхвов.

— Самый старый, — с улыбкой качнул головой Сергий, и лицо его на мгновение засветилось изнутри, исполнилось силы и величавой гордости. — Я знавал еще Ильдара Тиграна, вашего прадеда по отцовской линии.

Петр Афанасьевич невольно поднял брови, по-новому разглядывая лицо гостя, повел рукой.

— Прошу вас, присаживайтесь. Приятно поговорить с человеком, знавшим предков. Чай, кофе, соки?

— Минеральную воду, если не возражаете.

Тигран достал из фригобара запотевшую бутылку «Святого источника», налил гостю и себе, поднял стакан.

— За встречу. Хотя, на мой взгляд, вы сильно рискуете, появляясь в столице, где очень сильна черная диаспора. Конунги довольно ревниво относятся к нарушению границ их владений. Как человек, видящий суть вещей и явлений, вы должны знать законы отношений магов вашего уровня.

— Я понадеялся на вашу помощь, — признался Сергий. — Находясь у вас, под «зонтиком» вашей ауры, я недоступен «локаторам» конунгов.

— Что ж, пока вы у меня, риск действительно сведен к минимуму, хотя мне сильно ограничили зону свободного передвижения. Это не мешает, но раздражает.

— Вы можете пройти шестую ступень Посвящения и получить желанную свободу.

— Имеется в виду, конечно, Посвящение волхвов? — Петр Афанасьевич с насмешливым сожалением покачал головой. — Вряд ли это возможно, тем более что дар Светлого Совершенного мне все равно недоступен. Но я ждал этого предложения. Отказавшись работать с конунгами, я не мог не заинтересовать противоположную сторону. А так как именно ваши люди помогли мне избежать прямого зомбирования... — Тигран остановился, заметив усмешку в глазах гостя. — Или вы пришли не затем, чтобы попытаться завербовать меня в ряды единомышленников Катарсиса?

— Не затем.

— Тогда прошу извинить. Но поверьте, мне нет необходимости реализовывать свои потенции здесь, на Земле. Я не хочу воевать ни на чьей стороне, ни на черной, ни на белой, кто из вас как бы себя ни называл. Ваши идеалы мне импонируют, но время вашего основного тезиса — безнасильственный путь очищения страны от печати Сатаны пока не пришло. Хотя бой вопреки утверждениям поэта[1] действительно не вечен. Тем не менее я не отказываюсь вам помочь.

В кабинет без стука вошел посетитель, но Сергий остался спокоен. Это был Умар Гасанович Тимергалин, ученик грэя, заведующий лабораторией нейролингвистического программирования Центра.

— Извините, Петр Афанасьевич, — сказал он, сумрачно разглядывая Сергия, — я почувствовал, что вы не один. Здравствуйте.

— И вы тоже здравы будьте, — коротко наклонил голову молодой волхв, прижав ладонь к груди.

— У меня такое впечатление, что я вас знаю.

— Проходи, Умар, садись, — сказал Тигран. — Это волхв Сергий. Ему нужна наша помощь.

Тимергалин и академик переглянулись.

— У нас иной взгляд на вещи, — сказал Умар Гасанович. — Все, что происходит на Земле, является всего лишь следствием колебаний Закона Равновесия. Вы должны знать, что социальные экосистемы имеют предел несущей способности. Как только он превышается, социальная среда начинает излучать риски и опасности (Тигран, взирающий на Тимергалина с отцовским добродушным снисхождением, при этих словах ученика слегка поморщился), сокращать популяцию, то есть она становится накопителем и производителем социального зла — насилия, воровства, алкоголизма, наркомании, болезней. Что мы и видим воочию. Те силы, которые вы называете силами Сатаны, в данном контексте являются всего-навсего инструментом реализации Закона. А с Законом бороться не надо, его просто надо терпеть и исполнять.

Сергий остался невозмутим.

— Мы тоже считаем, что миром правит Закон Равновесия.

[1] А. Блок.

Однако он давно нарушен. Так называемая «культура Запада», пропагандирующая американский образ жизни, ведомая пастырями Сатаны, становится слишком агрессивной, бесчеловечной и смертельно опасной для любой национальной культуры в силу своей бездуховности, экспансии и безудержного стремления к стяжательству и владычеству. Наше сознание, благодаря многовековым усилиям таких пастырей, пропитано ложью, элитарным подчинением, кастовым сознанием и рабством. Близится гуманитарный кризис, который может усугубиться при реализации в России Проекта Пси-Пирамидальной Революции.

— Кризисные ситуации эволюционно и социально полезны, особенно когда нищее и озлобленное большинство становится носителем всякого рода психических болезней. Развитие реализуется как череда рождений и катастроф экосистем, а концепция «устойчивого равновесия и развития» — химера, она противоречит всем законам природы и создает опасные иллюзии. Вы бьетесь с ветряными мельницами, юноша, и теряете при этом лучших людей... как потеряли патриарха Спиридона.

— Мы его не потеряли, — снова показал свою удивительную мудрую улыбку Сергий. — Души такого качества и предназначения не отпускаются на Землю без свиты и без охраны. Он не просто волхв, он — в л а д ы к о. Но я пришел не спорить и уж тем более не отстаивать свои философские парадигмы. У меня конкретная просьба: помогите мне установить контакт с конунгом.

В кабинете руководителя Центра наступила тишина. Серый маг и его ученик смотрели на гостя с одинаковым недоверием и сомнением.

— Вы серьезно? — спросил наконец Петр Афанасьевич. — С кем именно?

— С Уильямом Гланцем. Завтра он прибывает в Москву.

Тимергалин осуждающе покачал головой.

— Молодой человек, вы играете с огнем.

Сергий мягко рассмеялся.

— Я молод только в этой жизни. Мои предки говорили: играя в игру под названием «жизнь», не выигрывай. А не выигрывая, не позволяй себя обыграть!

— Хороший завет, — кивнул Тигран. — Хотя мало кто ему следует, особенно в наше время, когда вокруг так много соблазнов.

— И все же человек не должен быть участником, а тем более организатором игр, основанных на алчности, жажде победить всех и вся любой ценой, на стремлении овладеть всем миром и подчинить себе умы всех людей. А именно этим и занимаются слуги Отступника.

— Терпеть жестокое — жестоко? — понимающе усмехнулся Петр Афанасьевич.

— Именно так, сударь.

— Пожалуй, мы поможем вам, иерофант. Как говорится, долг платежом красен. Приходите к нам в любое время, мой дом будет для вас открыт.

Сергий встал, держа руку на сердце.

— Исполать вам, сударь.

И исчез, породив легкое движение воздуха в комнате и оставив после себя два слегка изогнутых светящихся луча в виде латинской буквы V.

— Для иерофанта он слишком молод, — проворчал Тимергалин, разглядывая постепенно исчезающий символ власти волхвов, — и любит эффекты.

— Он сильнее всех магов, с какими я когда-либо встречался, — задумчиво отозвался Петр Афанасьевич. — Но внутри он не спокоен.

— Что заставило его создать Катарсис? Неужели Равновесие действительно поколеблено столь резко?

— Человека, обладающего памятью предков, видящего прошлое и будущее, способного достичь шестого, а то и седьмого уровня самореализации, могла принудить только Абсолютная Необходимость.

— Он... з н а е т, что произойдет? Тогда он пророк.

— Сергий не пророк. Возможно, он...

— Кто?

— Будущий мессия. Мы должны помочь ему.

— Но это... опасно.

Тигран с насмешливым укором посмотрел на ученика, и тот отвел мрачновато-сосредоточенный взгляд.

ДЕНЬ ЗЕМЛИ

КРУТОВ

Всю ночь он промаялся в хате, не находя себе места от тревоги и безысходности, кружа по светлице, как зверь в клетке, и прокручивая в голове картины неволи Елизаветы. Дважды он пытался связаться с ней по «парапсихологическому мостику», выходя на уровень в е р ы в свои возможности, дважды

имел слабенький, как взмах крыльев бабочки, контакт с женой — нечто вроде жалобного мычания сквозь повязку на губах, понял, что Лиза находится под какой-то мощной колдовской «крышей», но определить точные координаты ее местонахождения не смог. Не хватало умения и опыта. Ему оставалось только надеяться на Георгия и на помощь других служб Катарсиса, не бросающих своих работников в беде. Но ждать было невыносимо тяжко, в горнице еще не выветрился запах поминальных свеч и елового лапника, Егору все время грезились шаги бабы Аксиньи и говорок деда Осипа, и он кружил и кружил по комнате, в бессильной оглушающей ненависти сжимая кулаки и твердя, как молитву, всего одну фразу: «И аз воздам!.. И аз воздам!.. И аз воздам!..»

В Москву поехал Георгий со своей группой поддержки, повез Мережковского, хотя поначалу Крутов рассчитывал отправиться вместе с ними. Но как только они выбрались на шоссе Брянск — Рославль, Егору позвонил начальник «семерки» и велел возвращаться в Ковали и ждать.

Крутов попробовал возмутиться, потом уговорить Фоменко дать ему шанс освободить жену и получил суровую отповедь, из которой следовало, что он с Георгием уже наломал дров и теперь надо восстанавливать нарушенное развитие Замысла, рассчитанного, кроме решения высших приоритетных задач, и на тихое вызволение Елизаветы.

— Возвращайся, — посоветовал Георгий, когда они остановились у обочины шоссе на первом же километре после развилки на Брянск. — Я предупреждал, что мы вляпаемся со своей инициативой, и мы вляпались. Теперь придется расхлебывать.

— Я не знал, что Лизу увезут в Москву, — угрюмо проговорил нахохлившийся на переднем сиденье Крутов.

— Я тоже. Надо было ждать сообщений разведчиков, а не лезть на рожон самим.

— Как он узнал о наших действиях?

— Катарсис — хорошо сбалансированная и взаимосвязанная система, — пожал плечами Георгий. — Порой я сам поражаюсь осведомленности начальства о моих делах. Возвращайся и жди, я тебе позвоню. Кстати, побеспокойся об алиби. Остановись у родственников, пусть подтвердят, что ты всю ночь провел у них.

— Вряд ли пьяные собутыльники Мокшиных могли запомнить нас.

— Борис хоть и был пьян, но вполне мог тебя опознать.

Жди гостей из милиции. Мою машину оставь в Фошне, я потом заберу.

Георгий пожал руку Крутова, пересел в машину Сержа, которая везла начальника СТОКК, и Крутов остался один. Посидев с минуту в оцепенении — сердце рвалось вслед за уехавшими в Москву, — он развернул «Ладу» и поехал назад...

В шесть утра раздался первый звонок.

Егор жадно схватил мобильный телефон.

— Мы на месте, но не в Москве — в Юрьеве, — раздался в трубке голос Георгия. — Клиент созрел и раскололся, в связи с чем дело осложнилось. Лиза находится в руках конунга Ивана Авогеина, твоего «крестника». Зело зол на тебя черный маг за твой удар во время боя в приемной Тиграна. А где живет конунг, не знает никто, в том числе Мережковский. Будем искать. Жди сообщений.

— Да не могу я ждать! — чуть не заорал Крутов и перешел на сдавленный шепот: — Дай слово, что, как только узнаешь, где Лиза, позвонишь!

— Хорошо, — после паузы сказал Георгий. — Только не решай с кондачка, торопиться в таком деле нельзя.

Крутов выключил телефон, сделал еще несколько кругов по комнате и принял решение ехать в Москву. Руководители Катарсиса должны были понимать, что Лиза — не просто жена Витязя, а берегиня, попавшая в беду, и что теперь спасти ее может только сам Витязь. Если же ему не разрешат предпринимать самостоятельные шаги для ее освобождения, он имеет право уйти из Катарсиса. Лиза ему дороже любых философий и идеалов...

Зазвонил телефон, перебивая торопливо бегущие мысли Егора. Он вздрогнул, гипнотизируя взглядом черный брусок аппарата, поднял трубку.

— Кречет, уходите из деревни, — раздался голос начальника «семерки». — Через полчаса у вас будет местный ОМОН, вас опознали свидетели смерти Георгия Мокшина.

— Откуда вы...

— В Рославле вас будут ждать ваши друзья, — перебил Егора Фоменко. — Федотов и Корнеев. В два часа дня вы должны быть вместе с ними в Калуге.

— Но как же... Лиза...

— Ваша жена у конунга. Мы делаем все, чтобы ее освободить.

— Но я сам могу...

Голос Фоменко стал металлическим:

— Если понадобится ваша помощь, мы вас подключим к

трафику. Уходите немедленно, не осложняйте положение ни себе, ни нам.

Связь прекратилась.

Егор скрипнул зубами, постоял в ступоре, размышляя о своем решении ехать в Москву, очнулся и побежал переодеваться. Через пять минут он выехал со двора и направил джип по дороге в сторону Стари. Уже въезжая в лес, услышал гул моторов — к Ковалям со стороны Фошни на трех машинах мчался отряд ОМОНа. Фоменко не преувеличивал опасности, приказывая Крутову убираться из деревни, начальник службы реализации трафиков точно знал обстановку в Жуковском районе, хотя сам находился в тысяче километров отсюда.

Егор миновал «малую» Старь, свернул налево, через Любегощь, Косилово, Вороново и Дубровку выехал на Смоленское шоссе и погнал машину к Рославлю. Никто его не преследовал. Жуковская милиция действовала достаточно оперативно и правильно, перекрыв наиболее вероятные пути бегства подозреваемого, но над джипом Крутова бесшумно рассекал воздух серебристоголовый сокол, охраняя хозяина, и его машину не увидел ни один пост дорожно-патрульной службы. В половине восьмого Крутов был в Рославле, чувствуя странный подъем сил, хотя не спал практически всю ночь.

Искать Ираклия и Сергея Корнеева не пришлось.

На въезде в город возле дорожного кафе Крутов увидел белый «Судзуки» и свернул к заведению, не сомневаясь в правильности решения.

Ираклий и Сергей сидели за столиком в углу небольшого помещения кафе и завтракали. Судя по всему, они расположились здесь недавно, не более получаса назад. В другое время такая точная временная стыковка показалась бы Егору удивительной, теперь же он просто почувствовал удовлетворение.

За двумя соседними столиками завтракали еще четверо мужчин: двое молодых монахов с аккуратными бородками, средних лет угрюмоватого вида абориген и атлетического сложения парень — косая сажень в плечах, русая шевелюра, голубые глаза, румянец во всю щеку. Егор понял, что это команды Ираклия и Корнеева.

Подошел, поздоровался с друзьями за руку, сел рядом и заказал кофе.

— Плохо выглядишь, Лукич, — озабоченно сказал Корнеев, бородатый и усатый, как и его подчиненные «монахи-

спецназовцы». — Не переживай, вызволим мы твою жену. Все будет в порядке.

Крутов покосился на молча допивающего чай Ираклия.

— Как добрался? — спросил тот.

— Нормально.

— В Рославле на центральных площадях устанавливают телекамеры. СТОКК добралась и сюда.

— Я слышал, в Думе готовится законопроект, запрещающий деятельность СТОКК, — вставил Корнеев.

Ираклий прищурился.

— Ты вхож в Думу?

— Не я, — ухмыльнулся в бороду Сергей. — Но разведка у нас работает не хуже, чем ваша. Лукич, почему нас тормознули здесь, в Рославле? Сначала Мария сказала, чтобы мы летели к тебе в Ковали, как на крыльях, потом Ираклию позвонили и велели ждать в Рославле.

— Мы нашумели в Жуковке, — нехотя ответил Егор.

— Кто это — мы? — поинтересовался Ираклий.

— Я и Георгий. Я психанул, он меня поддержал и... в общем, в результате умер Жора Мокшин, а начальник СТОКК оказался в наших руках.

— Мережковский в ваших руках? — с недоверием посмотрел на Крутова Федотов.

— Георгий повез его в Москву. Точнее, в Юрьев.

— Вот это здорово! — восхитился Корнеев. — Как вам удалось его захватить? Где?

— В жуковском храме Лотоса. Искали Лизу... а он в этот момент туда приехал.

— Расскажи.

— Позже. Позавтракали? Тогда в путь.

— Куда?

— В Калугу.

— Зачем?

Крутов встал, чувствуя на себе испытывающий взгляд Ираклия.

— Инструкции получим в Калуге. В два часа дня нас там встретят.

— Что ж, поехали, — поднялся Федотов. — Как там в песне поется? Друг в беде не бросит, лишнего не спросит...

Крутов понял, что Ираклий не хочет подчиняться ему, считая себя человеком того же уровня, но вынужден это делать под давлением обстоятельств. Или по просьбе Марии.

В начале девятого они выехали из Рославля к Москве и в половине второго остановились на окраине Калуги, в районе

комбайнового завода, где их ждала на вишневой «Ладе» Мария. Егора она поцеловала в щеку (Ираклий при этом нахмурился и отвернулся), с остальными поздоровалась за руку. Заметив жест Федотова, едва заметно улыбнулась.

— Где Лиза, не знаешь? — спросил Крутов, снедаемый нетерпением, когда она заняла место водителя.

— У Авогеина несколько дач, — ответила ведунья. — Все они, естественно, находятся под прикрытием «непрогляда» — особого защитного заклятия. Вероятнее всего, Елизавета находится в Подмосковье, ее ищут и скоро найдут.

— Мне надо туда...

— Когда найдут, тогда и поедешь. Если же у тебя не хватает терпения ждать, то лучше...

— Извини, я нервничаю... Зачем нас вызвали в Калугу?

— Жизнь продолжается, Егор Лукич, независимо от наших настроений. Ты человек Катарсиса и должен работать, что бы ни случилось. Завтра под Калугой на хуторе Гамаюнщина состоится славянский праздник День Земли, силы Сатаны попытаются его сорвать, и нашей команде поручено разрушить планы сатанистов. После этого мы поедем в Москву. Вопросы еще есть?

— Трафик по защите праздника уже разработан?

— Сейчас мы едем на место, а вечером получим подробные инструкции Замысла.

Мария посмотрела мимо Егора. Он оглянулся. Ираклий, наблюдавший за ними из окна своей машины, отвернулся.

— Полковник изменился, — тихо сказал Крутов. — Раньше он не терял душевного равновесия.

— Он просто ревнует, — усмехнулась Мария. — Это пройдет.

Она тронула машину с места, оставляя Крутова гадать, что означали ее последние слова.

Мужчины расселись по машинам, и вскоре кортеж выехал из Калуги на проселочную дорогу, ведущую к хутору Гамаюншина.

Праздник Земли начался еще вечером девятого мая с Совета старейшин Союза Славянских общин, состоявшегося на капище Перуна возле хутора Гамаюнщина.

Капище представляло собой скалу из песчаника, расположенную на берегу речки Любуши, на которой с доледникового периода сохранились реликтовые растения — мох шистостега и папоротник-многоножка. На вершине скалы, а точнее

холма (скала за тысячи лет оплыла, вросла в землю), стоял культовый камень, напоминающий сгорбленного старика с насупленными бровями. При советской власти здесь поработали археологи, провели раскопки и нашли остатки городища первого века нашей эры, а находка железного шлака показала, что славянские предки умели выплавлять и обрабатывать железо. Культовый камень, по легендам — изображение Перуна, был обработан именно железным инструментом, хотя большинство деталей и резьба за две тысячи лет его существования стерлись.

Вокруг «статуи Перуна» лежали еще двенадцать камней, также обработанных и похожих на сидящие оплывшие туши моржей. Возможно, когда-то это были идолы славянских богов. Кроме того, тридцать шесть каменных столбов образовали своеобразную каменную аллею, ведущую с холма вниз, к реке.

Имела Перун-скала и подземные коридоры, образующие сложный лабиринт, который вел в глубь земли. Высота коридоров достигала двух метров, и были они достаточно широки, чтобы по ним можно было ходить, но еще никому из исследователей или жителей окрестных деревень не удавалось пройти лабиринт до конца. Причиной тому был не ядовитый газ, якобы заполнявший глубины подземелья, а страх, вызываемый древним заклятием «недоступности», наложенным скорее всего хранителями древней Веры. Самой же удивительной деталью лабиринта были не каменные лавки, не ступени и даже не каменное изваяние «монаха», а выдавленные в камне следы босых ног. Впечатление складывалось такое, что сотни или тысячи лет назад ступени коридоров были мягкими и застыли только после того, как по ним прошел босоногий ребенок.

В обычные дни капище посещалось редко. Располагалось оно в семи километрах от хутора Гамаюнщина, в урочище, и проехать к нему на каком-либо виде транспорта через болота и лесную чащобу было невозможно. Однако в праздники, такие, как Ярило вешний, День Земли, Купало, Перунов День, к скале собиралось множество народа, полюбоваться на торжественные обряды, хороводы, игрища и соревнования мастеров славянской борьбы.

В День Земли славяне еще тысячу лет назад праздновали «именины» Земли, теперь этот праздник был возрожден и отмечался ежегодно. В этот день нельзя производить никаких земляных работ, нельзя пахать, боронить и втыкать в землю колья, так как Земля отдыхает. На зачине праздника обычно

во вспаханную загодя борозду кладут зерно и льют квас или пиво, приговаривая и став лицом на восток:

— Мать-сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела.

Повернувшись на запад, продолжают:

— Мать-сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучия, во смолы горючия.

Обратившись к полудню, произносят:

— Мать-сыра земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью.

На полночь обращаются:

— Мать-сыра земля! Уйми ты ветры полуночные с тучами, сдержи морозы с метелями.

После каждого обращения льют пиво в борозду, а затем разбивают кувшин, в котором оно было принесено. Когда-то в старину, согласно преданиям, был и другой обычай с бороздой и зерном, после которого появлялись на свет дети, но с тех пор нравы изменились, и обычай возрожден не был.

После заклятий «жрецы» праздника раскапывают землю пальцами и гадают о будущем по приметам, шепча:

— Мать-сыра земля, скажи да всю правду доложи, мне будущее покажи...

Воины же в древних доспехах (большинство доспехов сковано кузнецами Союза), отложив оружие и водрузив на голову кусок дерна, обязуются защищать мать-сыру землю от ворогов.

Затем освященную горсть земли собирают в мешочки и хранят как обереги. Достался такой оберег и Крутову, на которого была возложена охрана старейшин славянского Схода. Остальные члены группы занимали каждый свое место, отведенное ему схемой трафика.

Приготовления к срыву праздника стали заметны уже сразу после его начала в десять часов утра. Среди пяти сотен прибывших на капище людей стали появляться суровые молодые монахи в черных рясах, с подбритыми висками, с эмблемами Лотоса на груди, а также бандитского вида юнцы в коже, увешанные цепями и бляхами, которые сразу стали задирать парней, толкать и обнимать девушек, с гиканьем носиться друг за другом, сшибая при этом с ног пожилых людей и сваливая палатки торговцев всякой всячиной. Их удалось остановить сравнительно быстро: парни Ираклия и он сам просто похватали хулиганов одного за другим и переправили на ту сторону реки, пригрозив переломать все кости, если они снова примутся за старое. Таким образом был нейтрализован передовой «разведотряд» сатанистов, состоящий из рекрутированных по местным городкам бандитствующих подростков. Но операция по срыву праздника, разработанная в московских кабинетах АНБ и СТОКК, продолжалась, и в действие вступили более серьезные силы.

Молодые бритоголовые монахи начали стягиваться к Перун-скале, оцепили ее с трех сторон, не подпуская к каменной аллее ни старейшин, ни «жрецов», ни зрителей обряда, а двое из них взобрались на вершину холма и на глазах у ахнувшей толпы сбросили вниз один из двенадцати каменных идолов. Однако закончить «работу» не успели. На холме появилась еще одна пара монахов — «спецназовцы» Корнеева — и быстро утихомирила разрушителей капища. А когда остальные монахи Черного Лотоса кинулись было по склону холма вверх, чтобы помочь своим «братьям», навстречу им вышли Ираклий и его помощники, настроенные с угрюмой решимостью прекратить безобразие, и «братья» отступили. Никто из празднично настроенных людей, участников торжеств и зрителей, не успел как следует вникнуть в происходящее, а многие вообще посчитали этот случай за номер программы.

Камень подняли и уложили на прежнее место, порядок был восстановлен, смутьяны изгнаны, и действие продолжалось. Правда, сатанистов это не остановило, они продолжали выполнять возложенную на них миссию, за которую им обещали хорошо заплатить. Следующий этап их плана предполагал организацию нападения на старейшин Схода, выглядевшую со стороны как «несчастный случай».

Крутов и Мария, игравшие роль увлеченных зрителей, находились неподалеку от главных действующих лиц обряда и устроителей праздника и видели всех, кто маскировался под таких же «увлеченных представлением» людей. Они сразу вычислили двух подозрительных мужчин, одетых, несмотря на не по-майски жаркий день, в плащи и придвигавшихся к группе старейшин все ближе и ближе.

Уже начался зачин, «жрец» — высокий седой старик, глава Смоленской общины, в центре очерченного круга нараспев выговаривал слова заклинания: «Мать-сыра земля! Уйми ты...» Люди, обступившие круг, охраняемый редкой цепочкой воинов в доспехах, молча внимали. В урочище установилась торжественная тишина, нарушаемая лишь голосом «жреца» и птичьим пением.

Крутов, находясь в состоянии живы, хорошо видел и слышал, что делается вокруг капища и под холмом, где происхо-

дили главные события, но предвидеть развития этих событий не мог и нервничал.

— Чего они добиваются? — шепнул он Марии, стоявшей рядом с выражением зачарованности на лице. — Неужели начнут стрелять?

— Разделимся, — ответила почти неслышно Мария. — Ты бери первого, в кепке, я возьму второго.

Они двинулись сквозь толпу к мужчинам в плащах, выбравшимся на край поляны, в центре которой была проложена борозда. Егор подошел к своему «клиенту» в кепке, плотному, светловолосому, державшему правую руку в кармане плаща, дотронулся до его плеча:

— Уважаемый, документик какой-нибудь у тебя имеется?

«Плащ» дернулся, обернулся, затравленно зыркнул по сторонам и сделал недоуменное лицо:

— Какой документик? Я на праздник пришел, как все. Стою себе и смотрю. А вы кто такой?

— Я местный сторож. Давайте-ка отойдем в сторонку, чтобы не мешать людям.

— Никуда я с вами не пойду, я мирно стою и никому не мешаю, и вообще сейчас милицию позову!

— Я и есть милиция, — ласково продолжал Егор. — И не прикидывайся ветошью, — вспомнил он выражение Панкрата. — Выходи отсюда и побыстрей!

Мужчина в кепке, лет тридцати семи — сорока, попятился, глаза его стали светлеть, в них появился злобный блеск, и Крутов понял, что он вооружен. Пора было от уговоров переходить к делу. Ударил, целя в горло — на всплеске ненависти (вспомнился дед Осип, убитый ударом в горло), и подхватил падающее тело. Никто из обступавших их со всех сторон людей удара не заметил.

— Помогите, — попросил Егор, — человеку плохо. Надо отнести его в тень.

Двое парней с готовностью подхватили потерявшего сознание боевика в кепке за ноги и вынесли вместе с Крутовым из толпы к березкам на опушке леса.

— Здесь врач есть, — сказал один из них. — Могу позвать.

— Не надо, — качнул головой Егор. — Я сам врач. Это мой приятель, сомлел от жары. Я ему говорил одеться полегче, а он не послушал. На ветерке быстро придет в себя.

Добровольные помощники ушли. Крутов расстегнул на мужчине плащ, залез в карманы и обнаружил в одном из них пистолет. Вытащил и присвистнул про себя — это был генератор подавления воли «удав» или в просторечии «глушак».

— Егор, помощь нужна? — заговорила рация голосом Марии.

— Справился сам, — ответил Крутов. — Но готовились люди серьезно, у них «глушаки»!

— Иди сюда. Похоже, это еще не все сюрпризы. Бандиты хотят испортить празднество во что бы то ни стало.

Егор нашел глазами Марию и двинулся сквозь толпу к ней, продолжая фиксировать всей своей чувственной сферой малейшие «дуновения» угрозы, и, уже подходя к внутреннему кругу, где продолжалась церемония обряда, обратил внимание на группу молодых женщин в спортивных костюмах, державшихся с некоторой скованностью и неестественным для данного момента напряжением.

— Внимание! — передал он в эфир. — Шерше ля фам! Будьте готовы к нападению «амазонок» Легиона.

— Я попробую увести отсюда этих спортсменок, — отозвалась Мария. — Ищите других.

— Мы бьем по площадям, — прилетел недовольный голос Ираклия. — Кого-нибудь да упустим из виду.

— Что ты предлагаешь?

— Здесь должен находиться координатор операции, надо его вычислить, захватить и приказать дать отбой.

— Легко сказать — вычислить, — скептически хмыкнул Корнеев. — Здесь народу — что людей. Я вижу двух девиц в спортивной форме, мощные девицы, кровь с молоком.

— Последи за ними и гони прочь, если будут вести себя подозрительно.

— Так мы весь народ распугаем.

Крутов понаблюдал, как Мария выводит из толпы присмиревшую четверку «амазонок», прикидывая, что делать дальше, и почувствовал взгляд сверху и странный прилив сил. Поднял голову. Высоко в небе над капищем кружил сокол.

Догадка пришла неожиданно. Егор сосредоточился, входя в состояние *веры*, и увидел мир под собой глазами птицы. Люди казались яркими разноцветными муравьями на синевато-зеленом фоне, лес внизу, наоборот, посветлел, стал золотистым, хотя были отчетливо видны каждое дерево, каждый куст, каждая деталь пейзажа. Никогда прежде зрение Крутова не было столь острым и объемным, как сейчас, и никогда ранее он не ориентировался в пространстве так быстро и безошибочно, легко находя любой предмет. Затем его внимание привлекли четыре подозрительных, закамуфлированных зеленью пятнышка, прячущихся в лесной тени неподалеку от Перун-скалы, и Егор почувствовал, как напряглись мышцы

живота, а во рту появился кислый привкус. Люди, державшиеся особняком, излучали злую сосредоточенную силу.

Крутов «вылетел» из тела птицы, «вошел» в себя. Горизонт стремительно сузился, пейзаж приобрел естественные для человеческого глаза цвета.

— Ираклий, слева от холма еловая крепь, там прячутся четверо. Это они. Обойди их с тыла. Я подойду спереди, один, чтобы не спугнуть.

— Я пошел, — коротко отозвался Федотов.

— Мы поддержим, если что, — добавил Корнеев.

— Будет лучше, если начну я, — вмешалась Мария. — Меня они не увидят и не задержат. Если это действительно те, кого мы ищем, я вас позову.

Крутов подумал и согласился:

— Хорошо, начинай.

Он обошел скопище людей слева, остановился у крайней палатки с тульскими пряниками и леденцами на палочках. Душевный подъем не уходил, организм «вибрировал» в резонансе живы, и состояние окрыленности позволяло Крутову чувствовать малейшие токи природы. Тех четверых, что бросились ему в глаза с высоты, он теперь видел в ином ракурсе, хотя они действительно прятались за деревьями и кустами, и окончательно убедился, что не ошибся.

Один из четверки, в хорошем темно-коричневом костюме, с гривой черных волос, держался начальственно и уверенно, двое других — молодые парни в камуфляжных комбинезонах спецназовцев, скорее всего представляли собой его охрану и явно принадлежали к боевикам Легиона. Четвертый мужчина, в плаще и шляпе, стоял особняком и держал у глаз бинокль.

Мария вышла из толпы, направилась в их сторону, эффектно женственная, красивая, совершенно беззащитная с виду, и у Крутова защемило сердце от восхищения, сожаления и тревоги. Эта женщина до сих пор была желанна, притягивая неординарностью, красотой и умом, но любил он все-таки другую...

— Это они, — раздался тихий голос Марии. — Все четверо вооружены, у двух — рации. Я отвлеку их разговором, а вы попробуйте без шума захватить.

— Начинаем. — Крутов не спеша двинулся к лесу, отмечая каждое движение подозреваемых.

В этот момент перед ними вдруг объявилась Мария, сбросившая «шапку-невидимку» — заклинание отвода глаз, и незнакомцы — кроме четвертого, с биноклем в руках, — отреагировали на ее возникновение одинаково: выхватили оружие!

Судя по всему, они были профессионалами очень высокого класса, обученными всем приемам, и не тратили время на удивление и прочие эмоции.

Крутов вошел в т е м п. Время послушно замедлилось, а воздух загустел, стал плотным и вязким. И все же едва ли он успел бы обезвредить вооруженных людей, державших пальцы на курках пистолетов (впоследствии оказалось, что это были «глушаки»), если бы не Мария.

Она осознала опасность ситуации раньше Егора и нанесла ощутимый пси-удар по сознанию чужаков, заставив их слушать ее завораживающие слова о «чудесной погоде» и о том, «как приятно провести время в хорошей компании». Парни отвлеклись, и этих нескольких мгновений оказалось достаточно, чтобы Ираклий и Егор приблизились к троице на расстояние «эффективного проведения приема». Затем один из парней заметил движение за спиной своего начальника, направил ствол пистолета в ту сторону, и Марии пришлось переходить на бесконтактное воздействие, парализовать мышцы руки. На этом ее силы кончились. Наступило время действия для мужчин.

Ираклий успел в броске достать второго спецназовца, сбил его на землю и оглушил ударом локтя в висок. Егор же находился дальше, ему не хватало долей секунды, чтобы достать своего черноволосого противника, оружия у него не было, и он на бегу яростным усилием воли в ы з в а л сокола.

Черноволосый руководитель операции успел повернуться к нему и даже вскинул пистолет, но больше ничего сделать не смог. Быстрая сильная птица вдруг молнией упала с неба в ельник, ударила клювом и когтями в глаза главаря. Тот выронил пистолет, отшатываясь и хватаясь за лицо, затем выхватил из кармана пиджака черный пенальчик, похожий на рацию или мобильный телефон, и в этот миг Крутов ударом ноги в прыжке отбросил его на несколько метров назад. Врезавшись спиной в ствол ели, черноволосый выронил пенальчик, сполз на землю и остался недвижим.

Сзади раздался вскрик и глухой стук. Крутов оглянулся. Ираклий потирал руку над телом четвертого незнакомца, с биноклем, почему-то не ставшего вмешиваться в схватку, криво улыбнулся.

— Хорошо натасканы хлопцы.

Из леса выбежал Корнеев со своими монахами, за ним парни Федотова.

— Там еще двое в комбинезонах, мы их на всякий случай повязали. Ну, кто тут у нас в гостях?

Крутов нагнулся и поднял выпавший из руки черноволосого пенальчик. Подошел Ираклий, хмыкнул.

— Черт бы их побрал! Кажется, вовремя мы их остановили.

— Что ты имеешь в виду? — спросила обессилевшая Мария.

— Это дистанционный взрыватель. Они, наверное, хотели взорвать капище. Ради достижения цели эти парни готовы на все.

— Вот сволочи! — обескураженно почесал затылок Корнеев. — Надо было нам пройтись тут с миноискателем еще ночью.

— Взрыв — не главное, — тихо проговорила Мария. — Здесь готовился эксперимент по дистанционному массовому зомбированию. Этот тип в плаще — ретранслятор поля, генератор — один из конунгов, скорее всего Авогеин или Херувимов, а усилителем должен был послужить ближайший храм Черного Лотоса в Калуге.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты знал об этом? — спросил Ираклий, поглядев на Крутова. — И не сказал?

— Свяжите их, — глухо сказал Егор. — Возвращаемся к холму, праздник еще не кончился.

Мария вдруг побледнела и пошатнулась, Ираклий едва успел ее поддержать.

— Что с тобой?!

Женщина виновато улыбнулась. Под глазами у нее обозначились темные круги.

— Сейчас пройдет, не обращайте внимания.

— Она потеряла много энергии, — сказал Крутов. — Увози ее в Калугу, покорми и поухаживай.

— Я останусь, — слабо запротестовала Мария. — Вполне возможно, что мы выявили не всех исполнителей эксперимента.

— Мы справимся.

— Если понадобится, свяжем! — пригрозил Ираклий. — Идти сможешь? Давай я тебя понесу.

— Уж больно ты грозен... — улыбнулась Мария, бросая косой взгляд на Егора. — Извини, Витязь. Я должна была тебе сказать всю правду. Но мы не были уверены.

— Переживу, — отвернулся Крутов.

Мария поникла и не стала сопротивляться, когда Ираклий взял ее на руки.

Крутов подождал немного, глядя им вслед, махнул рукой Корнееву.

— Управитесь с этими экспериментаторами, присоединяйтесь к нам, будем выявлять остальных.

Однако выявить никого не удалось. Если «террористы» и находились в толпе, себя они никак не проявили. Группа была обезглавлена, и атака на Сход Славянских общин, в том числе психотронная, провалилась. А более серьезные силы разработчики операции привлекать не стали, понадеявшись на успех спецотряда Легиона.

Праздник закончился к вечеру без инцидентов.

МОСКВА

ПАУКИ В БАНКЕ

Винсент Аркадьевич узнал о захвате Мережковского неизвестными лицами во время завтрака девятого мая и не сразу поверил в реальность происшествия.

— Что значит «неизвестными лицами»?! — переспросил он, сжимая трубку телефона с такой силой, будто собирался смять ее в лепешку.

— Двое профессионально обученных диверсантов пробрались в жуковский храм Лотоса и...

— Двое?! Разве начальник СТОКК был без охраны?!

— Его охраняли шесть человек, спецгруппа Легиона, но...

— Какого дьявола его понесло в Жуковку?!

— Жуковский храм стоит в плане экспериментальной проверки, генерал поехал проверить готовность...

— Разобраться и доложить! — Валягин едва сдержался, чтобы не грохнуть трубку о стол, поковырялся вилкой в телячьей вырезке и отодвинул тарелку. Аппетит был безнадежно испорчен.

Глотнув минеральной воды, он вылез из-за стола и поднялся на второй этаж дачи, где располагался кабинет Директора Проекта, оборудованный современным компьютерным комплексом с выходом на спутниковые сети, как российскую, так и американскую. Первым его побуждением было вызвать Авогеина и потребовать найти Мережковского своими методами. Вторая мысль пришла более трезвой. Винсент Аркадьевич плеснул в лицо воды из графина, сел в кресло и вызвал Барановского.

— Я в курсе, — ответил Владимир Никонович обыденным тоном. — В Жуковке поработали Витязи, один из них нам известен, это Егор Крутов. Они искали похищенную людьми

Архипа Ивановича по заказу Авогеина жену Крутова. Все логично.

Лицо Валягина побагровело.

— Кой черт логично! У вас под носом захватывают генерала, начальника Службы контроля, а вы говорите — логично! Вы представляете последствия?! Он же выболтает все известные ему секреты! У нас впереди два эксперимента с использованием храмов Лотоса в качестве усилителей...

— Мы его найдем. Я уже сориентировал Асламова...

— Ваш Асламов до сих пор себя никак не проявил. Вы уверены, что он работает под н а ш и м контролем?

— С его помощью мы вышли уже на четыре базы Катарсиса и готовим их захват.

Валягин остыл, потер лицо огромной пухлой ладонью с толстыми, как сардельки, пальцами.

— Нам нужен центр управления Катарсиса, главная база. Захват региональных баз проблемы не решит. Зачем Ивану понадобилась жена Крутова?

— Не знаю, — донесся смешок Барановского. — Говорят, она очень симпатичная и сексуальная дама. Впрочем, я думаю, что Иван просто решил отомстить Крутову за провал нашей операции по захвату Тиграна. Витязь сломал ему три ребра и вывихнул челюсть.

Валягин усмехнулся, окончательно успокаиваясь.

— Это ему хороший урок. Но я думал, что конунгов не обуревают человеческие страсти. Когда вы намереваетесь уничтожить базы Катарсиса?

— Самое большее, через неделю. Сейчас наша разведка сидит в Юрьеве-Польском, щупает монастыри и церкви города. Центр управления Катарсиса, вероятнее всего, находится в одном из монастырей.

— Найдите Мережковского... и ликвидируйте! Он слишком часто стал ошибаться. Как из крокодила нельзя сделать льва, так из него — дипломата. И найдите Крутова! Мне интересен этот человек, срывающий наши планы один за другим. Он должен быть на нашей стороне. До «часа икс» осталось всего полтора месяца, мы не можем рисковать, оставляя его на свободе.

— Он сам придет к нам, узнав, что его жена здесь.

— Но до этого он может принести много вреда. Иван говорил, что Витязи способны переходить в состояние, когда они действуют неосознанно, но в оптимальном режиме. А это уже зачатки магии.

— Это еще не магия, — снисходительно проговорил Барановский. — Магия — посредством воли заставить работать на себя скрытые законы природы, хотя магические эффекты и не сводятся к усилению каскадов известных нам силовых полей. Все зависит от доступа к знаниям — к а к достичь нужного эффекта.

— К сожалению, я доступа к этим знаниям не имею, да и ты, наверное, тоже.

— Как знать.

— Не пудри мне мозги, Никоныч. Я понимаю, что знания, доступ к которым во все века для простых смертных был закрыт власть имущими или самим Богом, существуют, но, если бы ты имел код доступа, Директором Проекта стал бы ты.

— Может быть, мне невыгодно быть на виду у всех.

— Ты и так на виду, скромнее надо держаться. Как бы не пришлось потом искать тебя, как Мережковского. Утащит какой-нибудь Витязь...

— Не утащит, — донесся хохоток Барановского. — Мы сами с усами. За Мережковского не переживайте, я спущу на него Асламова, он его найдет и... успокоит. Что касается Крутова, он тоже скоро объявится. Тем более что Иван занялся им лично. Можете считать, что проблема решена.

— Поживем — увидим, — пробурчал Валягин. — Жду доклада о ликвидации лидеров общин. Когда вы наметили первый эксперимент с храмом?

— Завтра, десятого. Объект — Сход Славянских общин. Второй эксперимент запланирован на четырнадцатое. Объект — Госдума. Надо сорвать принятие законопроекта о запрещении СТОКК.

— Я хочу поприсутствовать на заседании.

— Только с генератором защиты.

Валягин, не прощаясь, положил трубку телефона и налил себе полстакана коньяка. Организм требовал дневной дозы алкоголя, и зависимость эта с каждым днем все росла. Директор Проекта Пси-Пирамидальной Революции потихоньку деградировал, хотя вряд ли замечал в своем поведении признаки этой деградации. Зато знал о пристрастии Директора и о последствиях этого пристрастия секретарь Совета безопасности. Эта ситуация была ему выгодна, потому что он собирался в скором времени заменить Валягина, властные амбиции которого становились все более непомерными.

Подержав трубку возле уха, Владимир Никонович положил ее на аппарат — он сидел на веранде своей дачи в Серебряном Бору, — но тут же поднял: телефон зазвонил снова. Однако это был не Валягин, а Уильям Гланц, бывший пресс-

атташе американского посольства в Москве, а ныне «бизнесмен и литератор», вкладывающий деньги в строительство деловых центров в городах России — о чем знали все, и в строительство храмов Черного Лотоса, о чем знали только избранные. По-русски он говорил плохо, поэтому разговор конунга и посредника Программы шел на английском языке.

— Morning, Вольдемар Никоновитч, — сказал Гланц.

— Morning, господин Гланц, — сказал Барановский. — Вас встретили мои люди?

— Все о'кей, Вольдемар Никоновитч, не беспокойтесь. В течение двух часов я улажу кое-какие дела в посольстве, посмотрю на парад и приеду к вам. Плохих новостей, я надеюсь, нет?

— Все идет в соответствии с нашими планами, Уильям.

— Надеюсь, господин Директор не знаком с ними?

— Он будет последним, кто о них узнает.

Гланц рассмеялся и прервал связь.

На даче Барановского, окруженной глухим трехметровым забором, он появился в двенадцать часов дня, в сопровождении команды телохранителей, выделенной секретарем Совбеза, хотя в охране, в принципе, не нуждался. Гланц, по слухам, владел легкоступом, но пользовался им крайне редко. По тем же слухам, он якобы не мог контролировать перемещение, попав однажды вместо конторы в Вашингтоне в подземелье карстовой пещеры под городом, и с тех пор к легкоступу прибегал с неохотой. Говорили также, что во время встречи с волхвами на озере Селигер в прошлом году те закрыли ему доступ к силам, ответственным за внепространственное перемещение, но соответствовал ли этот слух действительности, Барановский не знал. Сам он стал ретранслятором воли Сатаны, его посредником, недавно и еще не научился пользоваться своими богатыми возможностями в полной мере.

Они встретились во дворе дачи, на дорожке, посыпанной крупным кристаллическим песком, и Владимир Никонович повел гостя в дом, где их ждал стол с омарами, анчоусами и мясом лобстера в винном соусе.

Обед прошел «в теплой и дружественной» обстановке, показав сходство вкусов хозяина и гостя, что было неудивительно, так как Владимир Никонович специально изучал пристрастия черного мага, одного из «манипуляторов» американским президентом и правительством. Таким, по сути, являлся и сам Барановский, хорошо вписавшийся в семью российского президента и начинавший играть роль его главного советника.

После трапезы оба уединились в кабинете главы Совбеза и начали беседу, постепенно переходя из области легкой интеллектуальной болтовни к более серьезным темам. Владимир Никонович рассказал о подготовке «часа икс» — начала Революции, а также о сопротивлении Проекту глубинного российского эгрегора, сформировавшего свою секретную службу — Катарсис. Гланц в свою очередь поделился планами американского филиала Проекта, которые имели больше шансов на осуществление, чем в России.

— Оно и понятно, — согласился Барановский, не показав своих чувств. — Вы контролируете у себя все четыре ветви власти, мы же только две: силовую и материально-финансовую[1].

— Кнут и пряник, — улыбнулся Гланц. — Для большого передела этого недостаточно, однако у вас скоро будет все. С чего вы планируете начать?

— С захвата телеграфа и почты, — пошутил Барановский. — Так начиналась революция в семнадцатом году. Думаю, мы легко справимся с политиками, с правительством и президентом, труднее будет подмять под себя власть духовную, можно сказать — жреческую. Церковь и духовенство знают о наших приготовлениях и предприняли защитные меры.

— Как движется доводка психотронных генераторов? В этой области ваши специалисты опережают наших.

— К сожалению, мешают известные вам силы, начавшие самую настоящую охоту за лабораториями и учеными-разработчиками. Две лаборатории уничтожены, похищено семь человек, все специалисты высокого класса...

— Я знаю, — перебил гость Барановского. — Мои коллеги обеспокоены происходящим в России. Какие ответные шаги вы предусмотрели?

— Ну, во-первых, мы дошли до стадии экспериментальных проверок масс-усилителей, в роли которых выступят храмы Братства Лотоса. Во-вторых, почти все военные базы находятся под нашим контролем, в том числе — ракетные. В-третьих, мы готовим удар по выявленным базам Катарсиса и планируем в ближайшее время ликвидировать лидеров славянского движения. Хорошо, если бы вы помогли нам в этом.

Гланц поковырялся во рту зубочисткой, усмехнулся.

— Похоже, вы не патриот России, Вольдемар Никоновитч. Неужели вам незнакомо чувство Родины?

---

[1] Две другие ветви власти — политическая и духовная.

— Чувство Родины — условность.

— Ошибаетесь, это генная программа.

— Издеваетесь?

— Шучу. Мы, конечно же, поможем вам решить все ваши проблемы.

— Не советую, — раздался вдруг ниоткуда — из воздуха чей-то звучный вибрирующий голос. — Разрешите войти?

Барановский вскочил, озираясь.

Гланц поднял перед собой руки со сведенными определенным образом пальцами, с ногтей которых сорвались голубоватые змеящиеся искры.

— Не стоит сейчас так напрягаться и пускать в ход тяжелую артиллерию заклинаний, коль я уже здесь, — продолжал голос. — Я пришел с миром.

— Дьявольщина! — оскалился Барановский; блестящая голова его покрылась бисером пота. — Я же з а к р ы л дачу!

Гланц расслабился.

— Входите.

Из стены кабинета вышел молодой человек с шапкой русых вьющихся волос, одетый в белую длинную рубаху с вышивкой по вороту и рукавам, белые штаны и сандалии. Лицо его светилось изнутри, глаза сияли, с пальцев рук стекали на пол ручейки золотистого свечения. Шагал он как-то странно, не сгибая колен, задел рукой край стола, и Гланц понял, что перед ними не живой человек, а фантом.

— Приветствую конунга Америки на н а ш е й земле, — подчеркнул молодой человек слово «нашей»; по-английски он говорил свободно, а в глазах вспыхивали и гасли огоньки иронии, лукавства и величавого превосходства. — Вы меня не узнаете, господин н а с т о я щ и й Директор Проекта?

Гланц сжал губы в тонкую полоску. Перед ним стоял один из волхвов, с которыми он имел встречу на Селигере и которые заставили его позорно бежать.

— Что вам угодно?

Барановский, с изумлением разглядывающий нежданного гостя, дочитал про себя формулу воздействия и взмахнул руками, накидывая на юного волхва сеть змеящихся синих молний. Но молнии прошли сквозь тело пришельца, породив интерференционные полосы и радуги, и не причинили ему вреда.

— Сядьте, Вольдемар Никоновитч, — сухо бросил Гланц. — Это голографический фантом. Чего вы хотите, координатор?

— Всего лишь дружески предупредить вас, — вежливо сказал Сергий. — Организация, которую я представляю, вводит

на всей территории России пси-визовый контроль. С этого момента все маги обязаны будут спрашивать разрешения у нас о предоставлении им права пересечь границу государства.

Барановский и Гланц переглянулись. Потом секретарь Совбеза вытер потный лоб, засмеялся, конунг усмехнулся.

— Не смешите меня, господин координатор. Каким образом вы собираетесь контролировать пересечение границ России людьми с магическими способностями?

Усмехнулся и Сергий.

— Для этого мы сформировали Закон контроля границ, который представляет собой глобальное заклинание симметричного ответа. Если вы пересечете границу государства без разрешения...

— То что? Вы пожалуетесь в милицию? Или в контрразведку?

— Вам ответит само наше пространство. Надеюсь, вы знаете, что такое н а к а т?

Ретрансляторы сил Сатаны снова обменялись взглядами. Гланц скептически пожевал губами.

— Едва ли вам доступен т а к о й уровень контроля.

— Поживем — увидим, — пожал плечами Сергий. — Я просто предупредил, чтобы вы не вмешивались в наши дела. Проект Пси-Пирамидальной Революции в нашей стране не пройдет, и вы ничем не сможете помочь.

— О, да вы пророк, господин волхв? Может быть, поспорим на эту тему? Хотелось бы выслушать вашу аргументацию.

— С пророком спорить нельзя. — По губам Сергия скользнула беглая улыбка. — Его можно только убить. Однако мое время истекает, а вас убедить трудно, поэтому позвольте дать вам еще два совета. Господин Гланц, уезжайте отсюда и больше никогда не появляйтесь в России! Третья наша встреча будет для вас последней. А вас, Владимир Никонович, — Сергий посмотрел на Барановского, — я прошу поговорить с Иваном Авогеиным, чтобы он отпустил на волю жену Егора Крутова.

Барановский сверкнул глазами, пальцы его скрючились, он готов был сотворить еще одно заклинание, но опомнился.

— А что будет, если я не стану уговаривать Ивана?

— Вам придется это сделать, — грустно ответил Сергий. — Законы справедливости не работают сами по себе, но у них есть проводники и исполнители. Кто-нибудь из них вас настигнет. Подумайте над моими словами, пока еще не поздно.

Тело гостя засияло ярче, заставив его собеседников заслонить глаза ладонью, а когда сияние померкло, в комнате уже никого не было.

— Мальчишка! Наглец! — пробурчал Барановский. — Он посмел угрожать мне... нам!

— Он не смог бы в одиночку прорваться сквозь сферу псизащиты, — задумчиво сказал Гланц. — Ему помог кто-то из москвичей. Поэтому мы его не почуяли.

— Если он в Москве, мы его найдем. — Барановский подсел к компьютеру.

Гланц махнул рукой.

— Оставьте, Вольдемар Никоновитч, этот человек не чета вам, он владеет шестой степенью самореализации. Он уже далеко отсюда. Давайте лучше решим, что нам делать с Директором. Господин Валягин начинает выходить из-под контроля и замахиваться на а б с о л ю т н у ю власть.

— Я уже думал над этим, — вздохнул Барановский, — его надо либо запрограммировать, либо... нейтрализовать. План уже продуман.

Гланц встал, похлопал хозяина дачи по плечу.

— Я в вас не сомневался, Вольдемар Никоновитч. Вечером вы свободны? Не хотите сходить со мной в ресторан? Посидим, отдохнем, развлечемся. Не все же время работать.

— С превеликим удовольствием, — ответил секретарь Совета безопасности, перед глазами которого все еще стояла мудрая усмешка волхва.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

ВОРОБЬЕВ

Он падал в бездну космоса уже тысячу лет и все никак не мог достичь дна. Впрочем, космосом это странное, постоянно меняющееся пространство он называл больше по привычке, так как сравнить его было не с чем. Не хватало ни знаний, ни словарного запаса. А началось все со взрыва и вспышки черного света, после которого Панкрат долгое время летел сквозь огонь, дым и боль, терзающую распухшее клубом дыма тело, но более всего — глазные яблоки и уши, единственные не превратившиеся в дым органы. Почему он оказался в эпицентре взрыва, Панкрат не помнил, как ни напрягал память. Попытался было бороться со своим новым положением и потерял сознание от дурноты, но и после этого не оставил попыток сориентироваться и осмыслить, что произошло и куда он падает. Каждая такая попытка бросала его в пламя боли и беспамятство, но он был упрям и настойчив, и в конце концов периоды болевых ощущений стали сокращаться, а

потом наступил момент, когда он вылетел в гулкую черноту с редкими огоньками звезд и — не видимыми, а ощущаемыми интуитивно твердыми предметами.

Падение прекратилось.

Панкрат висел, а может быть, стоял или лежал, в центре черной сферы, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, и отдыхал, разглядывая «космос». Попытался пошевелиться, ожидая укола боли и потери сознания, но ощутил лишь короткий приступ тошноты, говоривший, что у него появился желудок. И вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит.

Напрягся, выдергивая голову из вязкой трясины тишины, получил-таки очередной болевой удар, но успел услышать чей-то рокочущий вибрирующий голос:

— Не спеши, воин, мешаешь собирать твои осколки...

Сознание померкло и вернулось через какое-то время, и, хотя перед глазами по-прежнему стояла темнота с редкими вспыхивающими и гаснущими звездочками, Панкрат понял, что неизвестному «мастеру мозаики» удалось собрать осколки его тела, которое действительно казалось состоящим из кусочков стекла и керамики, связанных ниточками артерий, а в них пульсировала не кровь, а горячий кисель. И еще он осознал, что лежит на чем-то твердом и холодном, как могильная плита.

— Теперь выкарабкивайся сам, — прилетел откуда-то изнутри желудка тот же доброжелательный раскатистый голос. — Будь осторожен и терпелив.

— Кто... ты? — задал вялый мысленный вопрос Панкрат. — Ангел-хранитель?

— Не ангел, но хранитель. Прощай.

— Постой...

Но голос втянулся в желудок, порождая судорогу, от которой сознание Панкрата померкло. Прошло не одно столетие, прежде чем погрузившийся в небытие и выныривающий оттуда, как пловец из воды, Панкрат смог выплыть и выбраться на «твердый берег». Открыл глаза.

Он лежал на голом цементном полу в позе ребенка в утробе матери, со связанными за спиной руками и связанными ногами. Помигал, привыкая к показавшемуся слишком ярким свету лампочки над дверью.

Помещение, судя по лестнице, ведущей вверх, к квадрату люка, было погребом. Стены кирпичные, неоштукатуренные. У стен ящики, полки с банками и бутылками, бочки, доски. Потолок низкий, из бетонных плит, с фестонами пыли. Не погреб — подвал.

Как он в нем оказался?

Панкрат напрягся, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли и ощущения, осколки памяти, и сквозь очередной приступ дурноты вспомнил наконец свой бой с Телегиным, допросы в милиции и встречу с Валентином Асламовым. Застонал от бессильной ярости.

Асламов оказался предателем! И никто об этом не знал! Если не предупредить руководство Катарсиса, его ждет провал!

Но как это сделать? И кто ему помог выкарабкаться из комы после разряда «глушака»? Не сам же Асламов...

Панкрат попробовал пошевелить пальцами рук и едва не обмочился от слабости. Застонал, теперь уже от унижения. Еле ворочая языком, проговорил глубокомысленно:

— Так хорошо все начинается, а кончается жидко...

Засмеялся, чувствуя боль в груди, потом вспомнил совет неизвестного лекаря, расслабился и заставил себя думать о приятном. Медитация сказалась мгновенно: он уснул!

Проснулся через час (воскресла способность точно отсчитывать время без часов), чувствуя слабые ростки бодрости. С трудом сел, прислонился спиной к бочке. Захотелось пить и есть.

— Эй, кто-нибудь! — позвал он, облившись потом от слабости и не слыша своего голоса.

Никто не отозвался.

— Тюремщик, паскуда! — хрипло позвал еще раз Панкрат. — Покажись и развяжи, я в туалет хочу!

Где-то послышались голоса, шаги, звякнули запоры, откинулась толстая дубовая крышка люка, и в подвал спустились двое мужчин, в которых Панкрат с изумлением узнал Валентина Асламова и Михаила Васильевича Погребко. Присвистнул.

— Мать вашу!.. Так вы из одной команды?! Как же я раньше не догадался!

Вошедшие переглянулись.

— Ничего не понимаю! — сказал озабоченным тоном Погребко. — Он же был в шоке! Я думал, мы тут обнаружим хладный труп.

Асламов огляделся, прислушиваясь к чему-то, поводил носом из стороны в сторону, будто принюхивался, и с любопытством посмотрел на пленника.

— Как в сказке: чую, чую русский дух... А ведь здесь кто-то побывал, Михаил Васильевич. Сам он вряд ли пришел бы в себя. Ведь так, Панкрат Кондратович? Раскрой секрет, кто тебя навещал?

— Дед Пыхто, — с иронией ответил Панкрат.

— Да не мог никто сюда пробраться, — запротестовал Погребко. — О подвале мало кто знает, а ключи у меня.

— И все же кто-то оставил здесь следы, — покачал головой Асламов, еще раз пройдясь по подвалу. — Нарушена полевая структура. И сделать это мог только... — Директор рыбозавода остановился перед сидящим Панкратом, выдавил слабую улыбку. — Он тебе что-нибудь передал?

Панкрат вспомнил раскатистый голос «желудка», который принял за собственный бред. Значит, в подвале действительно побывал какой-то человек, для которого не существовало замков, дверей и стен. Он и вывел его из шока, подпитав энергетически и очистив сознание от бредовых видений.

Асламов кивнул, прочитав ответ в глазах Воробьева.

— Можешь не отвечать, майор. Здесь был кто-то из волхвов. Весь вопрос в том, почему он тебя не освободил. Не успел или не захотел? Или рассчитывал вернуться? — Валентин оглянулся на переминавшегося с ноги на ногу Погребко. — Боюсь, ваш схрон стал ненадежен. Сюда могут заявиться друзья майора. Его необходимо перевезти в другое место. Хотя, постойте... кажется, у меня появилась замечательная идея. Не устроить ли нам здесь засаду? Одним ударом убьем двух зайцев.

— Сучий потрох! — с трудом выговорил Панкрат. — Гнида!

— А вот и нет, — серьезно ответил Асламов. — Я агент для особых поручений секретаря Совета безопасности России. Естественно, служу Проекту... хотя в Катарсисе об этом пока не догадываются. Занимаюсь ликвидацией мешающих Проекту людей. К сожалению, Панкрат Кондратович, произошел сбой, Телегин должен был лишь сообщить вам дезинформацию, но он перестарался и погубил себя и вас. Ликвидировать вас я собирался позже.

— Спасибо. — Панкрат растянул губы в ненавидящей усмешке. — Весьма признателен. Только ошибаешься ты, Витязь дерьмовый, в оценке ситуации, волхвы знают, кто ты на самом деле.

— Не-а, — качнул головой Асламов. — Они чересчур заняты своими архиважными делами, строят защитный эгрегор России. Хотят создать великую духовную империю — Святую Русь. По их мысли, она должна быть построена на принципах непрагматичного отношения к природе и человеку, на принципах увязывания частного интереса с интересами общины и Рода, на принципах совести и справедливости... — Валентин прервал речь, пренебрежительно махнул рукой. — Это уто-

пия, майор. Идеалы всеобщего равенства и благоденствия — миф, опасная иллюзия. Волхвы ищут путь к Благодати, которой просто не существует в нашей Вселенной. А вот цели Проекта достижимы.

— Валентин Юрьевич, — позвал Погребко от двери.

— Сейчас идем, — откликнулся Асламов, нагнулся к Панкрату. — Что ты хотел спросить, майор? Вижу по глазам, что хочешь, но не решаешься. Валяй, задавай, отвечу — в качестве компенсации за временные неудобства.

Панкрат стиснул зубы, сдерживая проклятие, закрыл глаза, глухо спросил:

— Что такое Проект?

— Неужели это важней всего на свете? — удивился Асламов. — Разве тебя не волнует твоя собственная судьба?

— Моя судьба в руках Бога. Не увиливай, Витязь. Не хочешь отвечать, не отвечай, только не бреши. Терпеть ненавижу ложь!

— Ложь — это всего лишь намеренное искажение информации, причем иногда она — благо. Но я не буду тебя обманывать, нет смысла. Ты либо будешь работать со мной и дальше — на Проект, разумеется, либо...

— Понятно.

— Проект же слишком глобальная вещь, чтобы о нем можно было сказать в двух словах. Попробую, конечно. Во-первых, Проект «новой русской» Революции предполагает планомерное разрушение культуры России. Кстати, один из элементов этого разрушения виден невооруженным глазом — успешная ликвидация отечественного кинопроката в России, замещение его видеопродукцией Запада. Во-вторых, разрушение армии, системы образования и науки и в конце концов захват власти. Могу подсказать, каким образом будет выполняться план. Сначала мы, естественно, нейтрализуем Сопротивление, службы Катарсиса, уничтожим лидеров духовных общин, защитную систему, экстрасенсов и волхвов. Затем изменим состав правительства, ликвидируем криминальные группировки...

— Даже так? — усмехнулся Панкрат.

— Это логично, так как нынешний криминалитет серьезно мешает осуществлению наших планов. Затем мы зомбируем Думу и Совет Федерации, и власть у нас в руках.

— Так просто?

— Конечно, не просто. Но будет именно так, как я сказал.

— Каким же образом вам удастся зомбировать всю Госдуму? Неужели вы продолжаете производство «глушаков»?

— «Глушаки» — вчерашний день психотроники, да и системы типа «лунный свет» — тоже. Кстати, об этих игрушках знает и президент, и премьер, а не только спецслужбы. На их месте я бы запретил исследования в этой области, чреватые непредсказуемыми последствиями. В царской России не зря существовало подчиненное императору отделение охранки по надзору и уничтожению слишком опасных изобретений, почему бы и нам не создать такие же?

— И что же вы придумали вместо «лунного света»?

— Живые управляемые системы. Например, для зомбирования Думы понадобится усилитель пси-излучения, которым станет один из храмов Черного Лотоса. Классная идея! Уже начались эксперименты. Следующий — попытка воздействия на депутатов Госдумы и состоится...

— Валентин Юрьевич! — недовольно напомнил о себе Погребко.

— Да, иду. — Асламов шагнул к лестнице, оглянулся. — Даю тебе три часа на размышления, майор. Вольному воля, как говорится, но лучше бы ты согласился работать с нами добровольно. Все равно ведь будешь работать, но уже зомби, «тающим» роботом, а они долго не живут.

— Я хотел бы поговорить с главным в вашей системе.

— На данный момент я главный. В моем подчинении взвод «тающих».

— Заслуженный вожак стада, — хмыкнул Панкрат. — А повыше тебя есть кто-нибудь?

— Разве что секретарь Совбеза, но он не станет с тобой разговаривать, Панкрат Кондратович, не льсти себе надеждой. Слишком... э-э...

— Мелкая сошка?

— Что-то вроде этого. Время пошло, майор.

Асламов и Погребко вылезли из подвала, люк закрылся.

Панкрат остался сидеть на полу с головной болью и ощущением бессмысленности своей попытки разговорить предателя. Да, он узнал много, но, судя по всему, никому не успеет передать полученные сведения. И все же что-то здесь было не так. Складывалось странное тревожащее впечатление, что Асламов сообщил с л и ш к о м много секретных данных, о которых не должен был знать даже будущий сотрудник. Тем более он не должен был выбалтывать подробности Проекта приговоренному к смерти. Или у него был какой-то хитрый расчет? Какой? Чего он добивался, рассказывая бывшему телохранителю важнейшие тайны Проекта?..

Панкрат попытался встать, скривился от боли в затекших

ногах, посидел немного и снова принялся ворочаться, пытаясь встать и ослабить узлы на руках. Сдаваться и ждать смерти было не в его правилах. Однако связали его умело, так что он не мог ни разогнуться, ни освободить руки, стянутые в локтях, и в конце концов перестал напрягаться и напрасно тратить силы. Оставалась слабая надежда, что, перед тем как зачитать приговор, его развяжут, а уж тогда можно будет показать все, на что он способен... при почти полном отсутствии сил.

Произнося про себя последние слова, Панкрат мрачно усмехнулся, прислонился к штабелю ящиков, пахнущих уксусом, и вдруг почувствовал, как по рукам пробежали маленькие лапки. Дернулся, сбрасывая с руки мохнатое тельце. Раздался писк.

Крысы!

— Брысь! — зашипел он без особого отвращения. — Я еще живой, приходите позже.

Но его окрик не помог. Крыса вернулась и снова начала возиться за спиной, касаясь лапками рук.

— Пошла вон! — заорал Панкрат, падая боком на пол, и внезапно осознал, что крыса... грызет веревку!

Замер, прислушиваясь к возне за спиной. Крыса действительно теребила зубами веревку, стягивающую локти и запястья пленника, изредка тыкаясь мордой в пальцы. Через минуту веревка ослабела, Панкрат пошевелил руками и почувствовал, что они свободны...

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ

КОМАНДА

Известие о том, что Лиза находится в Центре физических исследований Академии наук, располагавшемся в Щелкове, Крутов получил утром одиннадцатого мая. Об этом ему сообщила Мария, успевшая за ночь прийти в себя и обрести былую активность и уверенность. Сам Егор эту ночь после схватки с легионерами под Калугой провел плохо и находился в дурном расположении духа. Когда Мария в сопровождении задумчивого Ираклия пришла утром в гостиницу «Колос» в Калуге, где отдыхала команда Крутова, Егор был давно на ногах и мерил ногами гостиничный номер, напоминая голодного тигра.

— Где она находится? — переспросил он, выслушав Марию с отсутствующим видом.

— В ЦФИ Академии наук, — повторила ведунья. — Это закрытый режимный объект, работающий до девяностого третьего года на Минобороны, сейчас он работает на Легион. Академия наук — лишь прикрытие. Охраняется спецбатальоном «Л». Иван Елисеевич Авогеин заведует одной из лабораторий Центра.

— Что он там делает?

— Ищет прямой выход на Сатану.

— Я серьезно.

— И я не шучу. Его лаборатория занимается экзотикой микросистем, изучает кластеры элементарных частиц, способные генерировать мощные торсионные поля. Возможно, этот путь действительно ведет к Отступнику... если Иван нащупает канал связи с космосом.

— Лиза у него?

— Да. И он жаждет встречи с тобой.

Крутов несколько мгновений смотрел в глаза Марии, потом начал собирать разложенные на кровати вещи в сумку.

— Я еду туда.

— Остынь, полковник, — осуждающе покачал головой Ираклий. — Мы все поедем туда, но только в нужное время и после тщательной подготовки. Сам когда-то разрабатывал такие операции, должен понимать их сложность.

— Если вы не поедете со мной с е й ч а с, я поеду один.

— Сорвешь трафик, — тихо сказала Мария.

— Что?

— Для освобождения Лизы готовится Д-трафик с учетом всех возможных вариантов и деталей, твое появление сорвет операцию. Потерпи немного.

Крутов сгорбился над сумкой, постоял немного, помял лицо ладонями и сел, ни на кого не глядя.

— Извините... крыша едет.

— Что такое батальон «Л»? — поинтересовался тихий Корнеев из-за спины Ираклия. — Воинская часть Легиона?

— «Л» — первая буква слова «леди». Это «амазонки» Легиона, великолепно тренированные женщины, особая группа отряда «ГОРЕ».

— Горе, малый я не сильный... — насмешливо пробормотал Корнеев. — Съест упырь меня совсем.

— Зря шутишь, — посмотрела на него Мария с упреком. — Я знаю, что «леди» Легиона ни в чем не уступают мужчинам, а по части жестокости и агрессивности превосходят их.

— Она права, — хмуро сказал Ираклий. — В свое время я

сталкивался с девицами подобного рода. Сражаться с ними будет нелегко. Когда будет готов план операции?

— Нам сообщат, — пожала плечами Мария. — Пока же давайте вызволять Панкрата.

— Разве уже известно, где он?

— В Переславле. Его держит в подвале под своим загородным домом некий гражданин Погребко Михаил Васильевич.

— Тогда почему мы здесь сидим? Поехали в Переславль. Найдем хату этого Погребка, вынем из него душу и освободим Кондратыча.

— Не все так просто. Погребко — один из хитро замаскированных агентов контрразведки Легиона, подчиненный непосредственно Барановскому, секретарю Совбеза, который одновременно является заместителем Директора Проекта. Его дом — настоящая долговременная огневая точка, дот с электронной защитой и серьезной охраной. Просто так, с наскока, его не взять. Сейчас подходы к нему изучает «двойка», потом подключится «тройка» и «четверка» Катарсиса, а уж потом группа наведения «семерки» и мы. Но времени у нас действительно мало, поэтому отправляемся в Переславль немедленно.

Мария посмотрела на поникшего Егора.

— Встряхнись, Витязь. Команде нужен командир.

Крутов поднял на нее невидящий взгляд, мгновение смотрел как бы сквозь женщину, сквозь стены гостиницы и очнулся. Провел рукой по волосам, расправил плечи. Ираклий смотрел на него оценивающе и недоверчиво, Корнеев — с надеждой, Мария — понимающе, с затаенной печалью. Тогда он сказал: «Побежали», — и первым вышел из номера.

В Переславль-Залесский они приехали в двенадцать часов дня, пообедали, и Крутов решил покататься по городу один, чтобы хоть как-то развеяться, снять завладевшее им напряжение, благо ответ начальника «семерки» на его вопрос: что делать дальше? — был прост: ждать!

Оседлав вишневую «одиннадцатую» Марии, он направился к центру города, полюбовался на Спасо-Преображенский собор на Красной площади и церковь Петра-Митрополита, постоял возле памятника Александру Невскому, выпил кофе в баре на Ростовской улице и сделал круг по набережной Трубежа, чувствуя, как его охватывает ностальгия по Ветлуге. Переславль-Залесский во многих деталях напоминал Ветлугу, один из старинных провинциальных русских городков,

которых не брало время, несмотря ни на какие перемены в общественном устройстве страны.

Видимо, чувство ностальгии и подвело Егора, не ждавшего каких-то особых открытий и опасных встреч, забывшего на минуту, что где-то в городе работают агенты Легиона и сидит в заточении Панкрат Воробьев. Уж слишком тихим и мирным выглядел этот город. Да и приехали они сюда незаметно, не сопровождаемые «хвостами» каких-либо контор, ни государственных, ни частных. Система же видеоконтроля в Переславле еще не заработала в полную силу, телекамеры были установлены пока лишь на Народной площади и возле зданий городской администрации, УВД и тюрьмы. К тому же в городе давно работала «двойка» — разведка Катарсиса, которая прекрасно знала Переславль и дала рекомендации, где может остановиться команда Крутова, не вызывая подозрений.

Все эти соображения промелькнули в голове Егора, когда в районе пересечения Советской улицы и Кривоколенного переулка в корму его «Лады» на скорости под восемьдесят километров в час врезалась иномарка, белый «двухсотый» «Мерседес» совершенно замученного вида. Егор как раз притормозил перед светофором, получил ощутимый удар и только тогда заметил инспектора ГИБДД, деловито переходившего дорогу. А из «мерса» меж тем вылезала четверка амбалов, классического вида вышибал: бритые виски, толстые шеи, пиджаки, надетые на майки, цепи, перстни, серьги в ушах. Затем вышел и хозяин, вальяжного вида молодой господин в бежевом костюме, похожий на Гитлера в исполнении Осенева: усики под длинным носом, челка набок, дегенеративная челюсть.

Крутов, чертыхнувшись в душе, вылез из машины.

Первым подошел гибдовец, поцокал языком, разглядывая разбитый бампер и фары «Мерседеса».

— Да, влип ты, парень! Не надо было тормозить на зеленый свет.

— Я притормозил на красный.

Пожилой сержант с пузечком поднял на Крутова равнодушный взгляд, и тот вдруг понял, что попал в самую примитивную «вертушку». Светофор в этом месте — на перекрестке — был регулируемый, и включал его именно инспектор, если возникала необходимость разгрузить дорогу в каком-нибудь направлении. Он включил «красный» точно перед машиной Егора, а «Мерседес», вынырнувший как привидение — Егор вспомнил, что он обогнал его «Ладу» минуту на-

зад и тут же отстал, — специально въехал в зад «одиннадцатой». Ловушка была спланирована заранее, и Крутов угодил в нее, как старательный ученик автошколы.

— Мужик, платить будешь? — подошел один из рэкетиров, даже не взглянув на передок «Мерседеса». — Здесь работы на две штуки, не меньше.

— А будешь сопротивляться, — ласково добавил «Гитлер», — я тебя надолго в тюрягу засажу. Когда ты выйдешь оттуда, на Марсе уже будут яблони цвести. Усек?

Крутов посмотрел на разбитый бампер «мерса», отметил вмятины и шрамы, явно не относящиеся к данному наезду. Стало окончательно ясно, что бригада «вертухаев» работает давно и не раз била свой многострадальный аппарат о зады чужих машин. Это был чисто российский бандитский «бизнес» во всем его уродстве, а главное, поддерживаемый мелкими и крупными чинами «при исполнении», и доказать «бизнесменам» правду было невозможно.

Прокачав эти соображения за пару секунд, Крутов тем не менее не принял никакого решения, не зная, что лучше: начать возмущаться и доказывать свою невиновность, договориться с рэкетирами «полюбовно», пообещав им заплатить, или начать изображать из себя еще более «крутого». Однако все решилось без его участия. Разведка Катарсиса, вероятно, тихо вела своего опера и подоспела на помощь вовремя.

К перекрестку подъехал черный «Кадиллак» с затемненными стеклами, со стороны пассажира опустилось стекло, из окна выглянула Мария и начальственно поманила пальцем инспектора. Что она говорила ему, слышно не было, только сержант вернулся обратно «на рысях», потный и красный, озабоченно осмотрел битые автомобили и сказал с преувеличенной бодростью:

— Самый настоящий наезд, граждане. Придется составлять протокол. Уж с очень большой скоростью вы ехали, граждане.

— Ты что, командир?! — вытаращился на него усатый. — Белены объелся?! Этот козел нарочно свой зад подставил, ты же видел. Пусть платит!

Инспектор вспотел еще больше, но упрямо гнул свое, не глядя на ошарашенных подельников.

— Оно, конечно, лучше бы вы заплатили гражданину за нанесенный ущерб, да и разошлись бы с миром. А так надо по полной программе, с экспертизой...

— Да ты совсем сдурел, сапог! — сдавленно прошипел подбритый бугай, горой нависая над инспектором. — Мы же тебя...

— Мосол, засохни, — осадил своего боевика усатый. Посмотрел на «Кадиллак», на Крутова, индифферентно дожидавшегося финала разборки, и, вероятно, что-то понял. Быстро нырнул в кабину «мерса», стукнул водителя по плечу:

— Гони!

«Мерседес» сдал назад и тут же рванул на перекрестке направо, исчез. Сержант посмотрел на Крутова с растерянной полуулыбкой, развел виновато руками.

— Вот гады, ищи их теперя...

— Не надо никого искать, — усмехнулся Крутов, — они сами тебя найдут. Уходил бы ты из службы, дядя, когда-нибудь засыплешься вместе с ними и загремишь «под панфары».

Окно «Кадиллака» поднялось, он тронулся с места и покатил по Кривоколенному переулку в сторону знаменитого бывшего дома Тимериных, памятника архитектуры восемнадцатого века. Егор сел в помятую «одиннадцатую», поехал следом. Через квартал «Кадиллак» остановился, Мария вышла из него и пересела в машину Крутова, то есть в свою собственную, сердито проговорила:

— Полковник, ты ведешь себя как отдыхающий на пляже. Что с тобой творится? Неужели тебе надо доказывать, что нельзя так расслабляться? Даже если твоя жена находится в плену у врага?

Крутов нахохлился, понимая, что она права.

— Ты не имеешь права показывать свои переживания, — продолжала Мария, — как не имеешь права останавливаться. Получение и переработка информации — работа! Остановился, посчитал, что знаешь достаточно, все равно что умер! В том числе и физически.

Крутов молчал.

— Ты приехал в оккупированный врагом город, а гуляешь по нему как по своей деревне. Что с тобой творится, Витязь? Комплекс вины перед женой заговорил? Или ты хочешь доказать самому себе, что ты хороший и попал под мое влияние случайно?

Последние слова прозвучали как пощечина. Крутов потемнел, глянул на женщину, прочел в ее глазах недоумение, затаенную грусть, любовь и нежность и вдруг обнял, притянул к себе и поцеловал. Резко отвернулся.

— Прости меня...

Мария несколько мгновений сидела, не двигаясь, словно

оглушенная неожиданным признанием, потом сама обняла Крутова, прижалась к нему и, всхлипнув, прошептала:

— Ненавижу себя... но разве я виновата, что ты — мой Витязь? Не могу ничего поделать с собой... торчишь в моем сердце, как нож... Ираклий хороший мужик, сильный, целенаправленный, но... не мой. Не мой! Не хочу его обманывать... но и ты тоже — не мой! — Она вздрогнула, не разнимая объятий. — Ох, Витязь, Витязь, зачем только я согласилась стать твоей берегиней... но разве я знала!.. И ты... если бы ты знал, как это больно...

В голосе женщины прозвучало рыдание.

Крутов начал гладить ее по плечу, по спине, по волосам, как маленькую девочку, слова застревали в горле, но она отстранилась, смахнула слезу со щеки и сухо бросила, глядя вперед:

— Поехали в гостиницу. Прости за слабость, больше это не повторится.

Егор, так и не нашедший нужных слов, тронул машину с места.

План операции по освобождению Панкрата обсуждали вечером того же дня. Разведка постаралась и выдала команде Крутова все необходимые данные, в том числе — сведения о подготовленной в доме Погребко засаде.

Охраняли дом с подвалом, в котором, судя по всему, сидел Воробьев, десять человек, и еще шестеро находились в соседнем доме, готовые прийти на помощь охране и захлопнуть ловушку. Этих решили снять в первую очередь, чтобы не ждать удара в спину, чем занялась пятерка Ираклия и Мария. В ее задачу входило выполнение отвлекающего маневра и обеспечение скрытности операции: группа Ираклия должна была взять «тающих» без шума не только в физическом плане, но и в ментальном, чтобы этого не заметил кто-либо из конунгов, вздумай он подстраховать засаду.

В одиннадцать часов вечера первая фаза операции началась и спустя двадцать минут закончилась. Шестерка спецназа отряда «ГОРЕ» Легиона, играющая роль группы поддержки, была захвачена врасплох и сопротивления не оказала. Правда, командиру группы Ираклий повредил нос, неудачно махнув рукой, остальные же были скручены без боя и остались лежать в доме соседа Погребко, спавшего беспробудным сном по причине опьянения.

Вторая фаза операции началась с рычания моторов и завывания сирен: по улице мимо владений Погребко медленно, то и дело останавливаясь, катил огромный автокран в сопровождении двух милицейских машин с мигалками. Как раз напротив дома с пленником он и застрял, неудачно съехав левыми колесами в кювет. Начал разворачиваться, но снова неловко, а затем у него отцепилась стрела и на повороте въехала прямо в окно мансарды кирпичной двухэтажки Михаила Васильевича. Началась суматоха, раздались крики и мат, из машин сопровождения выскочили милиционеры, а из ворот дома вышел Погребко в сопровождении двух охранников и уставился на эту сюрреалистическую картину, не веря глазам. Затем не выдержал и заорал сам, бросаясь к водителю крана, которого уже с матом вытаскивали из кабины.

Крутов в этот момент сидел вместе с Глебом Квасурой за сараем, с тыльной стороны усадьбы Погребко и ждал сигнала. Точно так же ждал сигнала и Корнеев со своими монахами, подобравшиеся к дому со всеми возможными предосторожностями. Всем было известно, что за территорией усадьбы наблюдают четыре телекамеры, кроме того, по периметру участка установлены лазерные сканеры и всей электронной системой защиты управляет компьютер. Знали диверсанты и где располагаются бойцы охраны и засадная группа: двое бродили с собаками вдоль забора, двое дежурили в холле (они и вышли вместе с хозяином на звуки театрального представления с краном, великолепно сыгранного группой поддержки «семерки»), один сидел за монитором, а пятеро ждали своего часа, рассредоточившись по дому и находясь в специальных стенных нишах. Разрабатывая по приказу Асламова план засады, Погребко учел практически все, кроме одной существенной детали (Асламов почему-то не предупредил своего помощника об этом): в атаке на владения Михаила Васильевича участвовала не просто команда профессионалов, пользующаяся всеми техническими новшествами от компьютеризированной радиосвязи до легчайших бронежилетов и устройств ночного видения, но еще и Витязь с берегиней-ведуньей, существенно превосходившие возможности защитных систем. Кроме того, умельцы Катарсиса давно переняли все хитрости спецподразделений ФСБ и военных, разработанные для использования во время тихих и громких войн на земном шаре.

Улица, на которой стоял дом Погребко, снабжалась электроэнергией посредством обыкновенной линии с напряжением двести двадцать вольт, идущей от подстанции, которая располагалась всего в ста пятидесяти метрах от усадьбы. Один из бойцов группы Ираклия свободно проник в нее и подключил

к линии генератор импульсных напряжений, не прерывая при этом электроснабжения улицы. В момент, когда Погребко вышел из дома разбираться с водителем автокрана, генератор сработал, и компьютер охраны вышел из строя. Правда, при этом вышли из строя и два десятка телевизоров в домах на улице, но это уже не имело значения.

Одновременно с включением генератора через открытые ворота на территорию усадьбы ворвались два громадных волка, затеяв битву с собаками охраны и заставив отвлечься охранников. А когда они, увидев смерть псов, открыли было огонь по волкам, перелезшие через забор монахи Корнеева быстро уложили и связали обоих, не применяя оружия.

Крутов вошел в игру чуть раньше, но его задача была посложней: проникнуть в дом, найти подвал и занять там оборону до подхода основных сил — чтобы кому-нибудь из охранников не пришла в голову идея ликвидировать пленника.

Забор он преодолел легко, благо навык имел большой, а у стены дома замешкался на доли секунды, вдруг засомневавшись в варианте проникновения — через окно. Интуиция подсказывала, что таким образом пробраться в дом незамеченным невозможно. И тогда он решил повторить трюк со склисом, удачно исполненный им во время посещения храма Черного Лотоса в Жуковке.

Подготовка длилась недолго, по сути, он был уже готов к проявлению силы, находясь в состоянии веры. Главное — надо было остановить на несколько мгновений сердце и не дышать.

Егор вытянул вперед руки, упираясь в холодную шершавую кирпичную стену дома, и медленно вдавил ладони в неподатливую твердь. Постоял так, ощущая волну онемения, распространившуюся от кончиков пальцев рук к локтям, задержал воздух в легких, шагнул в стену. Свет в глазах померк, тело превратилось в клуб дыма, наступила невесомость, голова закружилась.

Крутов попытался сделать второй шаг и не смог! Тела не чувствовалось совсем! Он не мог скомандовать мышцам сделать еще один шаг!

Страх парализующей струей ударил в голову: застрял! Никто и никогда не сможет обнаружить человека, вмурованного в кирпичную стену! Никто и никогда не сможет его оттуда вытащить, так как атомы тела распределились между атомами кристаллических решеток материала стены и образовали атомарно-молекулярный конгломерат, расщепить который невозможно никакими ухищрениями.

Сердце трепыхнулось в груди испуганной птицей, укол боли пронзил голову Егора, высветил все его «твердое» тело, сжатое твердью стены, сознание стало меркнуть. Он понял, что, если немедленно не успокоится и не предпримет какой-либо попытки освободиться, действительно застрянет в стене навечно. В памяти всплыли слова Георгия о седьмом уровне живы, представлявшем собой развертку «внутреннего космоса», то есть подключение подсознания к сознанию, но как это делается, Егор не знал. И тогда он инстинктивно позвал на помощь всех, кто его мог услышать, хотя думал в этот момент только о Лизе... и не услышал — почувствовал слабый ответ: иди ко мне!..

Послушно шагнул вперед, не представляя на самом деле, что делает, с трудом удержался на грани беспамятства от новой дикой вспышки боли... и оказался внутри темного помещения, голый, погруженный по пояс в деревянный пол, светящийся, полный непривычных ощущений. Тело колыхалось и вздрагивало, как студень, пронизанный тысячами тонких иголочек, голова кружилась, перед глазами вертелись цветные круги, и он не сразу заметил человеческую фигуру у окна, с пистолетом в руке, разглядывающую из-за портьеры суету вокруг крана на улице.

Очевидно, человек что-то почувствовал, оглянулся, увидел в полутьме светящееся, как подсвеченный изнутри клуб дыма, привидение — бюст Крутова, и от испуга выстрелил.

Егор почувствовал легкое жжение в животе — пуля пролетела сквозь тело, как сквозь вату, усилием воли заставил тело подняться на уровень пола и направился к стрелку, выстрелившему три раза подряд. Пистолет был с глушителем, и звуки выстрелов походили на удары теннисной ракеткой по мячу, а вот пули произвели шума намного больше. Пролетев сквозь тело «привидения», они угодили в книжный шкаф, сбили висящий на стене жостовский поднос и вдребезги разнесли графин с цветами на столе в углу комнаты. Затем Крутов перестал светиться, приблизился к прятавшемуся в комнате парню в спецкомбинезоне, переставшему стрелять, с ужасом взиравшему на «привидение», и одним ударом в подбородок уложил его на пол. Метнулся к двери, за которой послышались торопливые шаги двух человек.

Дверь приоткрылась, в комнату заглянула чья-то голова в шлеме с прибором ночного видения, затем вошел огромный, как шкаф, мужчина в таком же комбинезоне, что и сидевший здесь в засаде парень. Крутова он увидел в последний момент, когда тот уже наносил удар. Следующим ударом Егор выбил

пистолет из руки второго «тающего» в камуфляж-костюме, а затем с выплеском с и л ы толкнул его в грудь растопыренной ладонью. Вскрик, стон, стук упавших тел, тишина.

Подождав некоторое время и не слыша тревоги, Крутов выскочил в коридорчик первого этажа дома, тенью перелетел холл и по винтовой лестнице спустился на подземный этаж дома Погребко, представлявший собой мастерскую, где хозяин любил повозиться с металлом. Люк в подвал находился в углу мастерской.

Егор бесшумно обогнул верстак, небольшой токарный станок, постоял секунду, ворочая головой, как локатором, и по подсказке интуиции переставил на другое место тяжелый металлический ящик, под которым обнаружилась квадратная крышка люка. Однако поднять ее он не успел.

Кто-то появился в мастерской, такой же быстрый, бесшумный и опытный, как и он сам. Вспыхнула лампа на стене, забранная металлической сеткой. На Крутова смотрел среднего роста широкоплечий молодой человек с открытым симпатичным лицом, сероглазый, длинноволосый, одетый в черное трико (комплект «Н-1» для диверсионно-разведывательных действий), и с любопытством разглядывал голого Крутова.

— Привет, Витязь, — сказал он почти дружелюбно. — Не ожидал, что встречу мастера живы, владеющего склисом.

— Привет, перебежчик, — ответил Егор, узнавший по описанию Валентина Асламова. — Не хочешь вернуться обратно?

— Не могу, — со странным сожалением развел руками Асламов. — Слишком поздно. Программа оказалась сильнее меня. Но ты зря сегодня встал у меня на пути.

— Может быть, наоборот?

Асламов прислушался к долетавшим сверху звукам.

— Трафик?

Егор качнул головой.

— Ну что ты, обычная акция с эшелонированным прикрытием. Зачем тратить время на разработку трафика?

— Вам помогли волхвы? Я видел волков.

— Мы и сами с усами. Не хватало еще для освобождения одного человека вызывать н а к а т.

— Кажется, вы подготовились лучше, чем мы. Но все же тебе это не поможет, уходи.

— Уходи лучше ты, пока еще есть шанс.

Асламов качнул головой, превратился в струю света, больно ударившую Крутова по глазам. Сердце Егора сжалось в ледяной ком, голова на несколько мгновений стала жидкой,

протекла в шею, но он в ы ш е л из тела, сформировал из себя мускулистую руку и ударил наотмашь. Сознание прояснилось. Асламов по-прежнему стоял у лестницы и с удивлением смотрел на него, окутанный серебристо-зеленоватым вихрем поврежденной ответным импульсом пси-сферы. Выбросил вперед руку, разжав кулак.

Егор почувствовал еще один тяжкий в с п л е с к внутри головы, будто туда, как в воду, упал камень, стало трудно дышать, верхняя часть туловища потеряла чувствительность, наступил паралич нервных путей рук, легких и мышц шеи. Крутов снова в ы л е т е л из самого себя в измененное состояние сознания и злым шмелем ужалил противника в нос.

Неприятные ощущения исчезли. Асламов получил достаточно острый пси-укол и вынужден был защищаться, но атаковать не перестал. Только теперь пси-атаку он совместил с физическим нападением, внезапно оказавшись рядом и нанося Егору серию ударов по болевым точкам. Крутову пришлось уходить в глухую защиту и бить вслепую — очередной ментальный выпад Асламова пришелся по нервным узлам глаз, и Крутов ничего не видел из-за слез.

Два мощных удара — в нагрудную ямку (дыхание пресеклось) и в низ живота (парализующий укол боли) — бросили его в темноту небытия, но тело работало сейчас по большей части по командам подсознания, и добить его Асламову не удалось. А потом Егор вошел в ритм боя, вырастил себе «защитный шлем», отражающий слепящие разряды противника, и после долгого кружения по мастерской подловил-таки его на комбинации петель, найдя костяшками пальцев (копыто осла) артерию под мышкой Асламова.

На несколько секунд бой прервался.

Асламов отступил, потрясенный ударом, к люку в подвал.

Егор замер, формируя заново сферу «устроения повелевания» и выбирая кратчайшую т р а с с у для финальной атаки.

— Отлично работаешь, — усмехнулся Асламов, доставая откуда-то (Егору показалось — из воздуха) «глушак». — Я тебя недооценил. Но времени у меня действительно мало, а оставлять вас с другом в живых я не имею права. Прощай, Витязь.

Валентин поднял ствол «глушака», и в этот момент крышка люка отскочила, ударив его по ногам, из люка показалась голова Панкрата Воробьева, потом его рука с литровой банкой маринованных огурцов. Банка полетела в Асламова, и в тот же момент Крутов прыгнул и успел достать Витязя, сло-

мав ему руку с «глушаком» ребром ладони, а коленом нанося удар в пах.

Асламов сложился пополам, но мастером боя он все же был классным, ушел от добивающего удара перекатом, разгибом вперед вскочил с пола и, перепрыгнув через станок, бросился к лестнице наверх.

— До встречи, приговоренные, — донесся его голос.

Затем раздался удар, вскрик, и к ногам Егора и Панкрата свалилось бездыханное тело одного из монахов Сергея Корнеева. Встретить Витязя он не ожидал, а справиться с ним, даже раненым, не смог. Удар Асламова пришелся в шею, бронежилет молодого парня не спас.

Появился сам Корнеев, спустился по лестнице вниз, где над убитым склонились Егор и Панкрат.

— Ушел? — спросил его Воробьев, разгибаясь.

— Ушел, — угрюмо ответил Сергей. — Рад, что ты жив. Помогите-ка мне его вытащить.

В его словах не было упрека, но Панкрат все равно почувствовал себя неуютно.

Когда они вытащили тело на первый этаж дома Погребко, схватка освободителей с «тающими» уже закончилась. Засадная группа была уничтожена почти полностью, Михаил Васильевич загадочным образом исчез, Асламов же ушел через двор, убив по пути и второго бойца корнеевского «церковного спецназа».

Подоспел Ираклий со своими немногословными оперативниками, но их помощь была уже не нужна. Всем следовало уходить отсюда, пока не прибыла настоящая милиция города. Через несколько минут они поместили тела убитых в «Газель» группы поддержки, расселись по машинам и покинули место заточения Панкрата, свобода которого досталась ценой гибели двух человек. Особенно горько было осознавать, что убил их Витязь, бывший работник Катарсиса.

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Утром одиннадцатого мая Валягину позвонил неизвестный и предложил обменять начальника СТОКК Мережковского на Елизавету Крутову. Источник звонка определить не удалось, хотя звонили из секретариата Государственной думы, и Винсент Аркадьевич взбеленился, приняв это наглое предложение за личное оскорбление. Поставив на уши весь свой аппарат, Директор Проекта вызвал Барановского и в резкой

форме высказал ему все, что он думает о СТОКК в общем, о контрразведке Легиона в частности и лично о Владимире Никоновиче как о руководителе охраны Проекта.

— Ваша СТОКК, — орал он в трубку, не стесняясь присутствующего при разговоре Гланца, — ни хрена не делает! Если Реввоенсовет при Бессарабе худо-бедно, но выполнял функции адаптивного модуля Проекта, то Служба контроля даже себя обслужить не в состоянии! Не удивлюсь, если в Думе пройдет закон о ее запрещении!

— Не пройдет, — донесся флегматичный голос секретаря Совета безопасности. — Мы готовы к операции воздействия.

— Тогда почему звонят именно мне?! Откуда Сопротивлению известны мои телефоны?! Почему вы не выяснили, кто звонил, и не задержали наглеца?! Почему я вообще узнаю последним о ваших провалах?!

— Мы работаем...

— Х...во работаете! Не вы ли хвастались, что наша система обработки информации самая оперативная в мире?! Что ей требуется всего лишь одна минута[1] на анализ, обработку и передачу данных? Ну, и где эта ваша хваленая оперативность? Почему через минуту после звонка мне абонент не только не задержан, но и не идентифицирован?!

— Делается все возможное.

— Перекройте все входы и выходы из Думы, прочешите все здание, он еще там! Найдите, допросите и уничтожьте! Не справитесь — пеняйте на себя! Я найду вам замену!

Валягин бросил трубку на стол, вытер красное потное лицо платком, глотнул коньяку и только после этого посмотрел на гостя.

— Извините, Уильям, не сдержался. Но вы сами видите, с кем приходится работать. Барановский не тянет, его пора менять. Но не будем о второстепенных заботах, все же в главном мы выигрываем. Послезавтра будет нанесен массированный удар по базам Катарсиса в Переславле, Юрьеве-Польском, Сергиевом Посаде и Нижнем Новгороде. Не хотите посмотреть на подготовку операции? Я как раз собирался выехать на подмосковную базу Легиона с целью инспекторской проверки.

— Хочу, — подумав, кивнул «бизнесмен».

---

[1] Существующий уровень обработки и передачи информации: Служба внешней разведки — пять минут, ФСБ — пятнадцать, Служба безопасности президента — десять, МВД — один час, президент — полтора часа, аппарат правительства — два часа, премьер — три часа, Дума — сутки.

— Тогда поехали.

Они спустились в холл АНБ, вышли в парк и сели в вертолет с опознавательными знаками Российского Легиона.

— Кто такая Елизавета Крутова? Какой пост она занимает в Сопротивлении? — прокричал Гланц на ухо Валягину. — Почему начальника СТОКК хотят обменять именно на нее?

— Она всего лишь жена одного из боевиков Сопротивления. Требовать обмена Мережковского на нее — нонсенс. Не берите в голову, Уильям, как говорят русские, это мелочи, мы сами разберемся.

— Если он Витязь, то это не мелочи. Витязи Сопротивления владеют не только рукопашным боем, но и бесконтактным воздействием на людей. Справиться с ними трудно.

— Я прикажу Владимиру Никоновичу спустить на этого Крутова н а ш е г о Витязя, Асламова. Все нормализуется.

— А почему бы вам не сообщить обо всем Авогеину? Ведь жена Витязя у него?

Валягин засопел, нахмурился, долго не отвечал, рассматривая проплывающие под вертолетом пейзажи, потом нехотя проговорил:

— Иван в последнее время перестал уделять Проекту должное внимание. Возможно, придется бригадиром синклита конунгов выбрать другого мага.

— По-моему, вы горячитесь. Редкий конунг обладает даром Черного Совершенного, Иван — один из них.

— Он слишком занят собой, своими проблемами.

— Все маги заняты своими проблемами, в том числе и я.

— Вы уже достигли уровня р е г у л я т о р а социума, Иван еще нет, но амбиций у него больше. Ничего, в России двадцать с лишним конунгов, есть из кого выбрать Ивану замену.

Помолчали. Вертолет пересек Москву-реку, снизился, под ним проплыла цепочка небольших прудов, затем показался край водохранилища, на берегу которого раскинулась за колючей проволокой зона владений Российского Легиона. Вертолет сделал небольшой круг и сел возле двухэтажного кирпичного здания штаба части. Валягин вылез из кабины первым, помог сойти Гланцу, хотя в этом не было необходимости.

Их встречали трое офицеров: полковник — командир базы, майор и поручик, все трое — в камуфляже с «плывущим» узором. Это была новинка спецодежды для армейских подразделений, костюмы «бегущий леопард».

— Здравия желаю! — кинул два пальца к черно-зеленому берету командир базы. — Полковник Огурцов. Личный состав части проводит плановые занятия. Подразделение «Л» готовится к вылету.

— Покажите, — бросил Валягин, не здороваясь с полковником за руку.

Встречающие направились к зданию штаба, за ними зашагали Валягин и Гланц в сопровождении четверки личных телохранителей Директора. Однако в штаб полковник заходить не стал, миновал здание и повел гостей в лес, спустился в траншею, которая вывела всех к узкой лощине в окружении соснового леса, накрытой сверху маскировочной сетью.

Взору Гланца представилось бетонное поле с четырьмя бронированными колпаками по углам, в центре которого стояли танки, машины залпового огня и ракетные установки. Возле установок около сотни бойцов в «леопардах» возились с разложенным на поле оружием и спецснаряжением. Гланц заметил среди них женщин, вопросительно посмотрел на командира базы, и тот показал в хитрой улыбке прокуренные желтые зубы.

— Это рота «Л». Особая боевая группа, прошедшая подготовку в азиатских центрах.

Он небрежным движением подвинул к губам усик микрофона, скомандовал:

— Дерюгин, покажи фестиваль.

Тотчас же среди расхаживающих легионеров началась легкая суета, два десятка их — одни женщины — мгновенно разобрали оружие, собрались в колонну по двое, устремились к лесу, затем разбились на две группы и начали показательный бой. Тренированы они были действительно здорово, и смотреть на них было интересно.

Бой закончился потерей бойца (одной «леди» выбили глаз), после чего «особая боевая группа» открыла огонь из бесшумных автоматов по передвижным мишеням, изрешетив их вдоль и поперек, и вернулась на поле.

— Спектакль, — проворчал Валягин. — Не слышали шутку про ваш батальон «Леди»? Один преподаватель придумал, увидев их в подземном бункере полуголыми: «Без окон, без дверей, полна горница блядей». Неужели баба в бою ценнее мужика?

— Смотря в каком бою, — сказал полковник, переглядываясь с подчиненными. — Эти бабы ни в чем не уступают мужикам, а в некоторых спецоперациях вообще незаменимы. Хотите, проэкспериментируем? Пусть ваш телохран сразится с одной из «леди».

Валягин скептически хмыкнул, оглянулся на Гланца.

— Не возражаете посмотреть еще одну оперетту?

— Я люблю оперетты, — дипломатично ответил конунг.

— Давайте вашу «леди».

Полковник снова подсунул микрофон рации к губам:

— Дерюгин, Сошникову ко мне.

Через две минуты к группе проверяющих подбежала высокая, широкоплечая, смуглая девица в камуфляж-форме, кинула руку к виску:

— Старший сержант Сошникова по вашему приказанию...

Начальник базы оборвал ее движением бровей, посмотрел на Валягина.

— Кого не жалко из ваших «быков»?

Винсент Аркадьевич поманил пальцем одного из телохранителей, едва ли не такого же массивного, как он сам.

— Рома, поговори с этой «леди», только не зашиби до смерти.

Шкафообразный Роман, не выражая удивления, снял с себя пиджак, часы и подошел к спокойно стоявшей легионерше. В то же мгновение та прыгнула к нему, раздался треск, будто сломалась ветка дерева, женщина отскочила в сторону и вернулась на место. А поднявший было руки на уровень груди Роман вдруг завалился вперед, повернув лицо набок. Изо рта у него вытекла струйка крови, глаза остекленели.

— Не понял, — сказал Валягин, оборачиваясь к полковнику. — У нее был нож?

— Удар в висок, — спокойно пояснил полковник. — Я же сказал, что они отлично натасканы. Хотите еще?

— Спасибо, убедили, — буркнул Валягин. — Показывайте технику. — Покосился на невозмутимого Гланца. — У вас там, в Штатах, тоже имеются такие... «леди»?

— Пожалуй, нет, — покачал головой координатор Проекта. — Ведь это не про наших, а про ваших женщин говорят: коня на скаку остановит, в горящую виллу войдет.

— В избу.

— Что есть изба?

Валягин усмехнулся, глядя на своего мертвого телохранителя.

— Коттедж такой... из бревен.

— Иди, сержант, — махнул рукой полковник легионерше и что-то произнес в микрофон неразборчиво.

Над полем раздался самый настоящий петушиный крик. Посреди бетонного пространства появилась щель, стала увеличиваться. Бойцы подразделения «ГОРЕ» без паники, но очень быстро похватали свое снаряжение и отошли к опушке

леса. Теперь стало видно, что часть бетонки является крышкой подземного летного поля со стоящими на нем вертолетами новейшего образца: штурмовыми «Ка-52» «Аллигатор» и десантно-транспортными «Ка-110». Кроме того, там еще стояли передвижные зенитно-ракетные комплексы «Бук-2М», не имеющие аналогов в мире. Помимо воздушных, морских и наземных радиоконтрастных целей эти комплексы могли поражать тактические баллистические ракеты и противолодочные ракеты типа американских «хармов».

— Отличная техника, — похвалил Гланц. — Хотя непонятно, каким образом вы ее собираетесь использовать. Хотите начать гражданскую войну? Или всемирные зенитно-ракетные игры?

— Шутите, Уильям, — осклабился Валягин. — Это все техника для отражения нападения вероятного агрессора. Вы же знаете, для чего был создан Российский Легион. После войны в Югославии наши политики струхнули, окрестили НАТО агрессором, начали пересматривать военную доктрину, и мы вовремя подсунули им идею создания Легиона. Теперь мы имеем мобильные подразделения, не уступающие вашим.

— Прикажете продемонстрировать готовность к вылету? — напомнил о себе командир базы.

— Не надо, — махнул рукой Валягин. — Я вами доволен. — Он повернулся спиной к летному полю. — Поехали на базу номер девять.

Они вернулись к зданию штаба части, отказались от приглашения полковника позавтракать и сели в вертолет. Легкая шестиместная машина поднялась в воздух.

— Каков план ваших действий по нейтрализации Сопротивления? — спросил Гланц, желая проверить полученную от Барановского информацию. Он не доверял никому, тем более русским «коллегам».

— План состоит всего из пяти этапов, — не задумываясь, ответил Валягин. — Этап первый: ликвидация первой линии защиты Сопротивления — Витязей и подчиненных им групп. Этап второй: ликвидация экстрапотенциала — ведунов, колдунов, экстрасенсов, ясновидцев и целителей, работающих на Катарсис. Третий: уничтожение баз Катарсиса. Четвертый: ликвидация лидеров Сопротивления, Катарсиса и Предиктора — волхвов и старейшин славянского Рода. И пятый — зомбирование очагов Сопротивления, что равносильно уничтожению Системы.

Гланц с иронией посмотрел на Директора Российского Проекта.

— Вы уверены, что сможете ликвидировать волхвов Предиктора? Их пытаются уничтожить уже две с половиной тысячи лет, и все впустую. На мой взгляд, вряд ли вам удастся застать их врасплох.

— Мы нашли оружие против них, — отмахнулся Валягин. — Справимся.

— Какое же? — заинтересовался Гланц. — Психотронные комплексы?

— Это оружие — социальная ролевая ориентация общества на основе скрытого рефлексивного управления. Роль центров управления и одновременно усилителей пси-поля сыграют наши «ячейки Проекта» — храмы Черного Лотоса. — Винсент Аркадьевич насмешливо прищурился. — До этого вы ведь у себя в Штатах не додумались?

Гланц промолчал. Он размышлял над тем, почему его союзник и коллега Барановский ничего не сказал ему о роли Братства Черного Лотоса. От слов Валягина пахло провокацией, и координатор американского Проекта почувствовал себя неуютно.

Подняв голову, он увидел в небе над лесом светлую точку. Это был обыкновенный голубь, но американцу показалось, что глаза птицы внимательно следят за всем, что происходит на земле.

Словно подслушав мысли человека, голубь заработал крыльями, превратился в серебристый блик и исчез.

— Тигран был прав, — сказал Сергий, обводя взглядом сосредоточенные лица волхвов. — Хотите вы этого или не хотите, но бой неизбежен. Если мы не упредим атаку на наши бастионы, все благие начинания рухнут. Защитные порядки будут сметены, система воспитания разрушится сама собой, и мы окажемся у разбитого корыта. В то время как перед Проектом откроется наше родовое пространство.

— Я не совсем понимаю, чем так опасен Проект, — проговорил хрупкого вида старец с добрым морщинистым лицом — волхв Харлампий, прибывший в Березовую Пойму с Урала.

— Полное название этой глобальной политической структуры: «Проект нового управления человечеством посредством зомбирования значительной части населения», — и опасна она уже тем, что отражает основные задачи Программы Отступника, а также представляет собой матрицу ликвидации всех нас, как хранителей Баланса Сил. Что вы хотите услышать еще? Вы, владеющие в с е й информацией?

— Не груби, иерофант, — укоризненно покачал головой отец Савватий. — Мы люди мирные и призваны защищать свой Род иным способом. Бой для нас — акт чрезвычайного характера, акт отчаяния. Существуют иные методы воздействия на реальность. К тому же мы не выдержим прямого столкновения с конунгами. Их в России — двадцать два, нас — вдвое меньше. Они создали усилители воздействия на психику людей — храмы Черного Лотоса, мы же только-только подошли к созданию защитного эгрегора. Они продолжают строить центры зомбирования, мы вынуждены доказывать в правительстве необходимость строительства школ и духовных семинарий. Мы делаем все возможное, и не наша вина, что чаша весов склоняется не в нашу пользу.

— Деды говорили: не делай больше, нежели предки, — не сулит радости, — тихо и мягко добавил Харлампий.

— Но деды не стояли перед шекспировской дилеммой: быть или не быть!

В светлице дома Сергия наступила тишина. Волхвы, созванные координатором Катарсиса на Сход, не торопились высказывать свое мнение, однако Сергий з н а л, что убедить их не удастся. Поддержать его мог только владыко, но он на Сход не прибыл, прислав свои «глаза и уши» — филина. Птица смирно сидела на книжном шкафу и лишь изредка поводила клювом из стороны в сторону.

— Конечно, отпор силам Сатаны давать необходимо, — нарушил молчание Савватий. — Но идея в о й н ы противоречит мудрости Вед. Прямое столкновение с конунгами может разрушить не просто социум, но планету! То есть Исток. А вы знаете, что в с е повторимо, кроме Истока.

— Это слова, — грустно сказал Сергий. — А мудрость мудростей не имеет слов. Человек соответствует Земле, Земля — небу, небо — Ведам, а Веды соответствуют только сами себе. Так где же истина? И кто остановит Сатану, если не мы?

— И тем не менее я не вижу особой необходимости в атаке на конунгов, — проворчал огромный, волосатый Терентий, целитель из Мурома. — Для чего тогда вы создавали Катарсис?

— Да, кстати, — оживился седовласый волхв Варахасий. — Замысел был хорош, а как его исполнение? Ты утверждал, что Катарсис вышел на уровень коррекции реальности. Как это согласуется с тем, что в Думе провален законопроект о запрещении СТОКК? Или с переходом Витязя на сторону сил Сатаны?

— Асламов не выдержал зомби-программы, — после паузы сказал Сергий. — Хотя его вины в этом нет. Но все же кое-

что он нам успел передать. Это большая потеря для всей системы, но восполнимая. Что касается провала законопроекта в Думе... здесь ситуация сложней. Я не добивался бы Схода, если бы не одно обстоятельство: Владимир Никонович Барановский не просто заместитель Директора Проекта по безопасности, он проводник Программы Отступника и черный маг.

В комнате снова стало тихо.

Сергий выждал некоторое время, умея зафиксировать паузу, и добавил:

— Кроме того, Барановский заручился согласием Гланца: американский черный эгрегор присоединится к атаке на Катарсис. Мы должны помешать этому во что бы то ни стало!

— Как? — после минутного молчания спросил Савватий.

— Я подготовил Замысел, но без вашего одобрения он провалится. Завтра Легион начнет атаку на наши базы в Переславле, Сергиевом Посаде, Нижнем Новгороде. Пусть атакует, все эти базы — ложные цели. Необходимо заманить в ловушку непосредственных руководителей Проекта.

— Зачем?

— Чтобы уничтожить!

По комнате прошло движение.

— Каким образом?

— Асламов успел сделать главное: запустить ложную информацию о существовании в Юрьеве-Польском базового центра управления Катарсисом. С вашей помощью мы сделаем так, что в Юрьев приедут все, кто особенно заинтересован в реализации Проекта: Валягин, Барановский, Гланц, Авогеин...

— Почему в Юрьев? — поинтересовался Терентий. — А не в Сергиев Посад, поближе к святой земле?

— Потому что только в Юрьеве находится скрытая зона выхода Сил, так называемый «геокумулятивный узел» или «нерв Бога». При определенном негативном воздействии он возбудится и... да воздастся каждому по делам его!

Волхвы переглянулись. Потом Терентий шумно вздохнул, ударил себя широченными ладонями по коленям и встал, вспугнув филина, который захлопал крыльями и вылетел в саму собой открывшуюся форточку.

— Я против этого Замысла! Прошу меня простить. — И он исчез.

За целителем по одному ушли легкоступом остальные волхвы. Савватий задержался.

— Этого следовало ожидать, иерофант. Пустяковые вопросы решаются быстро, важные почти никогда. Ты был неубедителен.

Сергий усмехнулся.

— Наверное, не зря Русь называют многострадальной. Мы слишком добры и терпеливы. Должна произойти катастрофа, прежде чем мы начнем что-то делать, искать выход из положения и создавать армию.

— Гром не грянет — мужик не перекрестится. Однако и я не считаю, что наше положение гиблое. Делай свое дело, просветленный, тебя услышат. Почему на Сход не явился сам владыко? Он мог бы поддержать Замысел.

— Того не ведаю, — ответил Сергий.

— Тогда прощай, идущий. Надеюсь, мы доживем до того времени, когда новое поколение будет выбирать не пепси, а живую родниковую воду.

Савватий прочертил в воздухе пальцем две светящиеся линии, соединившиеся углом в форме силуэта сокола, и стал невидим. Сергий задумчиво понаблюдал за символом Вышеня, подставил ладонь, и светящийся «сокол» втянулся в нее, превратился в ярко просиявшую звезду.

РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!

Под утро ему снова приснилась пещера, где Лиза сидела в железной клетке, под которой кошмарные твари разводили огонь, а он ничего не мог сделать, прикованный цепями к стене, и, проснувшись, Крутов понял, что сил ждать освобождения жены службами Катарсиса у него больше нет. Он слышал ее зов, Лиза умоляла спасти ее, и сердце Крутова подсказывало ему, что обходятся с ней жестоко. Он должен был освободить свою берегиню как можно быстрее, не опираясь на помощь чужих людей, а тем более друзей, чья жизнь и так находилась в опасности.

Остаток ночи после освобождения Панкрата они провели в его квартире: Ираклий, Мария и Крутов, — отдыхая и приводя свои чувства в порядок. Корнеев остался в Сретенской церкви, куда он отвез своих погибших помощников-монахов, пообещав присоединиться к команде позже. По-видимому, он знал какой-то пароль, используемый церковной службой безопасности, потому что его пропустили на территорию церкви лишь после того, как он что-то шепнул на ухо монаху-привратнику. В квартире Панкрата он появился после обеда, хмурый и неразговорчивый. Узнав, что они остаются в Пере-

славле еще на сутки, Сергей снова уехал, дав номер телефона, по которому его можно было найти.

А Крутов этот день провел в одиночестве на берегу Плещеева озера, изнывая от ничегонеделания и желания все бросить и умчаться на поиски Лизы в Москву. Тихая радость сестры, не отходившей от спасенного мужа, только подстегивала нетерпение Егора, и сдерживало его лишь молчаливое осуждение в глазах Ираклия да слова Марии, прочитавшей четверостишие Киплинга:

Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только Воля говорит: «Иди!»

Но утром он не выдержал, после очередного ответа начальника «семерки»: ждите, Кречет, вам сообщат, что делать, — тихонько собрался, спустился во двор и сел в джип Ираклия. Однако выехать смог лишь спустя несколько минут: накатила волна такого острого недовольства собой, что захотелось вернуться, чтобы не стыдно было смотреть в глаза друзьям, — но все же он вынырнул из нее и вывел машину со двора.

Рассвело.

Автомобилей на улицах города было совсем мало, и за пределы Переславля Егор выбрался за четверть часа, а когда остановился у обочины шоссе, чтобы сходить по надобности в кустики — в доме Панкрата он этого делать не стал, боясь разбудить кого-нибудь, — вдруг показалось, что его окликнул далекий тихий голос Марии. Крутов вздрогнул, оглянулся, прислушался к утренней беззаботной тишине леса, бегом вернулся к машине и погнал ее на юго-запад, к Москве. Он понял, что Мария обнаружила его отсутствие и пытается определить, где он находится. Телефон зазвонил, как только он сел за руль, но Егор так ни разу и не отозвался.

До столицы он доехал без приключений за три часа.

Несколько часов потратил на поиски подходов к Центру физических исследований, расположенному на окраине Щелкова, где Авогеин имел свою лабораторию и держал в заточении Лизу, и до обеда разрабатывал план действий по проникновению в здание Центра. А пока ему был нужен «язык», хорошо знающий расположение лабораторий и ориентирующийся в коридорах Центра. Понаблюдав в бинокль за центральными воротами на территорию ЦФИ из окон джипа, он выбрал «жертву» — пожилого мужчину в светлом плаще, с портфелем в руке, неторопливо направившегося к

автобусной остановке в сотне метров от ворот, и двинулся за ним, прикидывая, что лучше: вежливо предложить подвезти работника Центра до Москвы или сделать это насильственным путем.

Победил первый вариант.

Егор дождался отправления автобуса и направился за ним, не выпуская из виду будущего «языка». Мужчина сошел через пять остановок, вблизи МКАД, свернул направо, к мосту через речушку, и Егор, догнав его, приоткрыл дверцу:

— Садитесь, пожалуйста, я вас подвезу.

При этом он надавил на сознание «жертвы» потоком воли, и пожилой сотрудник ЦФИ безропотно сел в джип. Егор завел машину поглубже в лес, с минуту прислушивался к полуденной тишине и приступил к «беседе», не желая прибегать к сильнодействующим методам развязывания языков. Находясь в состоянии веры, он легко заставил пленника рассказать все, что тот знал о бывшем объекте Министерства обороны.

Звали мужчину Валерием Теофиловичем Рейнольдсом, был он кандидатом физико-математических наук и работал в лаборатории по исследованию свойств вакуума, которая располагалась рядом с лабораторией Авогеина. Естественно, он хорошо знал и самого Ивана Елисеевича, и компоновку помещений Центра, так что Егор порадовался своему удачному выбору «языка». Лучшего информатора найти было трудно.

По рассказу Валерия Теофиловича, территория ЦФИ занимала двадцать пять гектаров леса на окраине Щелкова, на которой располагалось шесть исследовательских корпусов и около десятка подсобно-производственных и хозяйственно-бытовых строений. Главное здание Центра стояло на берегу пруда и представляло собой двухэтажное бетонное сооружение полувековой постройки. Лишь в конце девяностых годов прошлого века оно получило еще два этажа — подземных, где расположились особо секретные лаборатории Легиона — психотроники и торсионных исследований.

Вся территория Центра была окружена трехметровым бетонным забором, поверх которого шли колючая проволока и провода электромагнитных датчиков, образующих систему обнаружения. Кроме того, за территорией наблюдали телекамеры системы видеоконтроля. Охранялся же Центр подразделением Российского Легиона, укомплектованным исключительно женщинами. Крутов вспомнил женщину-телохранителя брянского крестного отца, которого он «наставил на путь ис-

тинный», и подумал, что, если охранницы ЦФИ имеют такую же подготовку, справиться с ними будет весьма нелегко.

Уточнив кое-какие детали интерьера Центра, Крутов отпустил утомившегося пленника, вернее, подвез его до ближайшего метро в черте Москвы, затем снова поехал в Щелково. Там он нашел в лесу полянку и улегся на траву, раскинув руки и глядя в безоблачное небо. Но чем больше размышлял над проблемой, тем больше убеждался, что в одиночку ему проникнуть на территорию ЦФИ незаметно не удастся, даже если он воспользуется «глушаком» или умением проходить сквозь стены. Впрочем, пришла трезвая мысль, даже имея в своем распоряжении команду в полном составе, задачу проникновения решить не удалось бы и с ней. Руководители служб Катарсиса не тянули время, как он думал, и были правы, утверждая, что необходима тщательнейшая подготовка операции освобождения Лизы. В лоб хорошо защищенную цитадель взять было невозможно. Хотя, если бы у Крутова был вертолет, он, наверное, попытался бы это сделать, высадившись с воздуха.

Усмехнувшись последней мысли, Крутов пришел к единственному оставшемуся варианту. Включив мобильник, набрал номер лаборатории Авогеина, который дал ему коллега конунга, и попросил позвать к телефону заведующего лабораторией.

— Черт бы побрал твоего своенравного полковника! — в сердцах выругался Ираклий, узнав, что Крутов уехал в Москву на его джипе. — Камикадзе, честное слово! А еще профессионал! Ты спросила, какая муха его укусила?

— Он не берет трубку. Но и так понятно, что Егор решил заняться освобождением Лизы самостоятельно.

— Что будем делать? Ведь пропадет ни за понюх табаку! Может, сообщить по линии, пусть его перехватят в Москве наши?

— Я уже позвонила, за Центром наблюдают парни из «двойки», они его обнаружат.

В комнату, где спешно одевавшийся Ираклий разговаривал с Марией, вошел заметно у м и р о т в о р е н н ы й Панкрат.

— Что за паника? Куда поехал Егор?

— В Москву.

Мария достала из сумочки мобильник, набрала номер, доложила кому-то о случившемся и, выслушав ответ, выключила телефон.

— Нам приказано отправиться в Юрьев.

— Кому ты звонила?

— Твоему начальнику.

— Плевину? Зачем нам ехать в Юрьев?

— Готовится атака на базы Катарсиса, мы обязаны предотвратить удар.

— А как же Егор?

— Им займутся другие люди.

Ираклий застегнул рубашку, с рассеянным видом прошелся по комнате, посмотрел на помрачневшего Панкрата.

— Что скажешь, майор?

— Не знаю, — пожал плечами Воробьев. — Егору нужна поддержка, и я у него в долгу.

— Пожалуй, я того же мнения. Надо ехать в Москву.

— Не сходите с ума, ребята, — нахмурилась Мария. — От нашего участия в Замысле зависит судьба Катарсиса.

— От нашего решения зависит жизнь Витязя, моего друга. — Ираклий пристально заглянул в глаза ведуньи. — Может быть, Егор теперь о т р а б о т а н н ы й материал и списан за ненадобностью?

Мария не рассердилась, как можно было ожидать, но в глазах ее на миг всплыла тоска.

— Полковник, полковник, ты же был магистром Ордена чести, почему же ты так плохо судишь о людях? И как мало ты знаешь меня. Неужели я, по-твоему, могла работать с теми, кто готов легко «списать» человека по причине того, что он уже не нужен?

Ираклий отвел взгляд.

— Извини, вырвалось. Но Егор наверняка полезет один в пасть зверя и погибнет, если мы ему не поможем. Не знаешь, что будет, если я откажусь ехать в Юрьев?

— Тебе дадут три года строгого расстрела, — мрачно пошутил Панкрат.

Мария прошлась по комнате, касаясь ее стены рукой, подняла голову и снова достала телефон.

— Координатор, возникла проблема...

— Я знаю, — отозвался звучный уверенный баритон. — Отправляйтесь в Москву, я направлю туда же группу поддержки и наведения. Ваша задача — помочь Крутову и освободить Лизу.

— В нашу задачу входило не допустить вылета ударного батальона Легиона с их базы в Мытищах.

— Этим займутся другие трафиканты. Держите меня в курсе событий.

Связь прервалась. Мария спрятала телефон в сумочку, оглядела лица смотревших на нее мужчин.

— Поехали, спасатели.

— В Москву? — полуутвердительно произнес Ираклий. — Нам все-таки разрешили действовать самостоятельно?

— Самостоятельно мы ничего путного не сделаем, с нами будет работать «сновидение». Поднимай своих ребят.

— Пойду соберусь и предупрежу жену, — сказал Панкрат, поворачиваясь к двери.

— А вот тебе лучше остаться, — возразил Ираклий. — Асламов вполне способен вернуться и захватить семью. Он знает, где ты живешь.

— Асламов не вернется, — покачала головой Мария. — Хотя риск, конечно, есть. Но я могу вызвать сюда звено «восьмерки» для охраны, оно побеспокоится о защите Лиды и детей.

— Вот и отлично, — кивнул Панкрат, скрываясь за дверью.

Мария и Федотов встретились глазами.

— Мы... вместе? — спросил Ираклий с подтекстом.

— Ты сомневаешься? — ответила Мария вопросом на вопрос.

— Нет, но... ты до сих пор остаешься берегиней Витязя.

— Я от этого выгляжу хуже?

— Нет, но... — Ираклий оборвал сам себя, шагнул к двери. — Едем.

Мария преградила ему путь, мгновение всматривалась в его лицо, быстро поцеловала в губы и первой направилась к выходу.

Через час они мчались на двух машинах в Москву: Ираклий, Корнеев, Мария и Панкрат — в вишневой «Ладе», оперативники Федотова — на «Волге» с мигалкой. Ни один пост ГИБДД их не остановил, хотя каждый был оборудован телекамерой СТОКК. Уже подъезжая к столице, Мария позвонила по нужному телефону и узнала последние новости.

— Машину Крутова видели в Щелкове, возле ЦФИ. Похоже, он прикидывает план проникновения в Центр.

— Это по силам сделать одному человеку? — спросил молчавший до сих пор Корнеев.

Мария ответила не сразу:

— У него только один шанс попасть на территорию Центра...

— Какой? — поинтересовался Ираклий, который вел машину.

— Предложить Авогеину обмен...

— Лизу на себя? — догадался Панкрат. — В таком случае он подпишет себе смертный приговор.

Зазвонил телефон. Мария поднесла трубку к уху, глаза ее расширились. Выслушав сообщение, она откинулась на сиденье и едва слышно проговорила:

— Егор вошел в Центр...

— А Лиза? — быстро спросил Ираклий, увеличивая скорость. — Лиза вышла оттуда? Ее освободили?

Ответа не последовало.

Машина приблизилась к МКАД, притормозила.

— Куда теперь? — осведомился Ираклий.

Мария очнулась.

— В Щелково.

Мужчины с одинаковым вопросом в глазах посмотрели на нее.

— Что ты собираешься делать? — хмыкнул Ираклий. — Надеюсь, нам не придется прорываться на помощь Егору с боем?

— Именно это я и предлагаю сделать, — невесело улыбнулась ведунья.

Тщательно обыскав, его пропустили на территорию ЦФИ, как только он назвал свою фамилию. Видимо, Авогеин позвонил на проходную и попросил охрану проверить посетителя на предмет имеющегося при нем оружия, а может быть, «леди» охраны просто действовали по инструкции.

Егор не сопротивлялся, оружия у него не было, если не считать таковым несколько монет, расческу, ручку, две скрепки и зубочистку. Все это богатство суровые на вид охранницы оставили ему, что Крутова позабавило: каковой бы ни была подготовка «леди» из батальона «Л» Российского Легиона, о специфике потенциального оружия они не имели никакого понятия, иначе отобрали бы у него все, в том числе брючный ремень. Впрочем, эти мысли отошли на второй план, когда Егора у главного корпуса Центра встретили еще три девицы в камуфляже, начавшие обыск по новой.

Шел второй час дня, работники Центра обедали, и на центральной площади городка исследователей никого не было, кроме неразговорчивых охранниц. Обыск продолжался, а когда Крутов попробовал пошутить по поводу женской придирчивости, получил достаточно чувствительный удар по уху, так что звоном наполнилась вся голова.

Его поставили лицом к стене здания, чтобы он уперся в

нее руками, ударили по ногам, раздвигая их пошире, а затем самая мощная из «леди» начала обыскивать Крутова, не столько производя обыск, сколько ощупывая тело. Стиснув зубы, Егор терпел, но, когда ее рука коснулась мужского естества, Крутов повернул к ней голову и тихо сказал:

— Кончай ломать комедию, меня ждут.

Пальцы белобрысой охранницы сильно сдавили гениталии, и Крутов, задохнувшись от боли, понял, что девицам доставляет удовольствие видеть его слабость и унижение. Двух секунд ему хватило, чтобы перейти в состояние пустоты и взять темп, затем он начал бой, винтом уйдя вбок и вниз, поворотом бедра едва не сломав руку охраннице, и без жалости нанес ей прямой удар, чувствуя отскок кулака от мощной упругой груди.

Спецназовки Легиона были хорошо тренированы для рукопашного боя, но потеряли слишком много времени на демонстрацию поз: их, вероятно, так учили, по-киношному становиться в стойку для устрашения противника, — и Крутов легко справился со всеми тремя, отобрав у последней ее автомат — новейший бесшумный «вал-С», чтобы остановить выскочивших на помощь обезоруженным подругам охранниц. Дал очередь им под ноги, уверенный, что этого будет достаточно, и понял, что ошибся. «Леди» не знали, что такое страх. То ли были так воспитаны, то ли зомбированы. Они сорвали с плеч свои автоматы и с ходу открыли огонь, охватывая Крутова со всех сторон. Неизвестно, чем бы закончилась эта война, скорее всего Крутову пришлось бы стрелять на поражение, чтобы не быть убитым самому, но в это время под козырьком входа появился Авогеин с двумя рослыми девицами в комбинезонах «леопард», и огонь прекратился.

— Вы великолепны, Витязь, — сказал конунг саркастически, кинув взгляд на поверженных «леди». — Мне нравится ваш незатейливый подход к женщинам.

В своем неизменном сером свитере и мятых брюках черный маг больше всего походил на дворника, но в мутных глазах его то и дело просверкивал и переливался черный огонь силы, и Крутов всей кожей ощутил поток холодной злой энергии, исходящий от этого человека. Захотелось надавить на курок автомата и всадить в Авогеина всю обойму.

— Давай, чего уж, — усмехнулся тот. — Нажми на курок, не стесняйся, покажи, какой ты есть на самом деле.

— Где Лиза? — хрипло проговорил Егор.

С ушей Авогеина с треском сорвались две синие ветвистые искры.

— Где ей и положено быть — в моей спальне.

— Мы договорились, что вы ее отпустите...

— Э-э, мил человек, тогда ты совсем глупый, — пренебрежительно махнул рукой конунг. — Кто же нынче верит в джентльменские соглашения? Я думал, ты приведешь с собой своих друзей, а ты пришел один. Ведь так? — повернулся Авогеин к начальнице охранной команды.

— Вокруг Центра все спокойно, — ответила та, козырнув. — Мы контролируем все подходы.

— Вот видишь, — усмехнулся Авогеин. — Никого. Лопухнулся ты, Витязь. Отдай автоматик, и пойдем, побеседуем по-хорошему, сильно ты меня огорчил во время нашей последней встречи, теперь мой черед.

— Отпусти Лизу! — сквозь зубы выговорил Егор, приводя себя в боевой транс.

— А то что? — с иронией поднял брови конунг. — Ты меня зашибешь, как в прошлый раз? Не получится, дорогуша. Стоит мне только мигнуть, и за секунду эти девочки сделают из тебя дуршлаг. Да и я не беспомощен.

Черное пламя рванулось из глаз конунга двумя молниями, вонзилось в голову Крутова, и тот мгновенно ослеп и оглох под воздействием заклинания «непрогляда», одного из приемов бесконтактного воздействия, которым научился и сам Егор. Но отбить пси-энергетический импульс он не смог и потратил много сил, восстанавливая поврежденную «эфирную» оболочку, прежде чем начал видеть и слышать. И увидел двух Авогеиных, не отличимых друг от друга.

— Ну, очухался, боец? — насмешливо ухмыльнулся черный маг. — Молодец, хорошо держишься. А в кого стрелять будешь? Только смотри не ошибись. Помнишь сказку, в которой надо было угадывать, где девица? Не угадаешь — потеряешь голову. — Авогеины хихикнули. — Угадаешь, получишь награду. Ну, мил человек?

Егор демонстративно опустил автомат, чувствуя пульсацию энергии по жилам. Подумал: сейчас бы глоток «ерофеича»...

— Я не играю в твои игры, колдун. Я пришел к тебе добровольно, делай со мной, что хочешь, но отпусти жену!

— Эк тебя корежит внутри, — вздохнул Авогеин. — Опасный ты человек, Егор Крутов, нельзя таких, как ты, на воле держать, не зря тебя опасается Директор Проекта. Сорок раз мне звонил, уговаривал, чтобы я отпустил твою самочку. Так она мне самому нравится. Люблю, когда женщины сопротивляются...

Егор прыгнул.

Он успел схватить конунга за руку, правильно определив, где он сам, а где его фантом, и даже завернул ему руку за спину, упираясь стволом автомата в висок, но в следующее мгновение небо рухнуло ему на голову, и Крутов полетел в багрово-черную булькающую тьму небытия...

Их встретили профессионалы группы наведения.

При въезде в Щелково Мария вдруг попросила Ираклия притормозить, и тот прижал машину к обочине дороги, останавливаясь за серебристым «БМВ» последней модели.

Из «БМВ» вышла хорошо одетая рыжеволосая молодая женщина, открыла багажник и двумя пальчиками достала оттуда канистру с бензином. Этот контраст — строгой элегантности и брезгливости к черной работе — был настолько разителен, что это заметили все мужчины в кабине «Лады».

Женщина между тем открыла лючок заливного бака, двумя пальчиками достала воронку и беспомощно оглянулась. Заметив, что на нее смотрят, смущенно улыбнулась:

— Не поможете?

Ираклий невольно сделал движение к ручке дверцы, но оглянулся на Марию.

— Иди, помоги, — улыбнулась ведунья.

Ираклий вылез и не поверил ушам, когда женщина, передавая ему воронку, сказала негромко:

— Вас ждут в сауне на Чкаловской, дом одиннадцать. К Центру не приближайтесь, зона леса вокруг ЦФИ контролируется системой СТОКК.

Ираклий справился с замешательством, вставил воронку в лючок и взялся за канистру.

— Кто вы?

— Не задавайте глупых вопросов, — отрезала женщина, очаровательно улыбнувшись, добавила, когда Ираклий залил бензин: — Ой, спасибо, что бы я без вас делала.

Ираклий сел в машину, сердито посмотрел на Марию.

— Предупреждать надо. Ты знала, что это агент Катарсиса?

— Догадывалась, — спокойно ответила Мария.

Панкрат и Корнеев, сидевшие сзади, переглянулись.

— Нам приказано следовать на Чкаловскую улицу, в сауне нас будут ждать.

— Хорошо.

— Хорошо-то хорошо, только я здесь не ориентируюсь. Может, скажешь, где находится Чкаловская?

— Поезжай за ней.

Женщина впереди помахала им рукой, села в «БМВ» и направила свой сверкающий аппарат к центру поселка. Ираклий тронул машину с места, держась в полусотне метров. Через десять минут «БМВ» свернул направо, на довольно оживленную улицу, которая оказалась искомой Чкаловской, резко увеличил скорость и скрылся. Ираклий отыскал дом с номером одиннадцать, заехал во двор и поставил «Ладу» среди разнокалиберных иномарок и отечественного железа. Подъехала «Волга», за рулем которой сидел Паша Машков. Из нее вылез Ольховский, подошел, разминаясь.

— Проверьте сауну, — сказал ему Ираклий.

— Не надо, — возразила Мария, открывая дверцу со своей стороны. — Я сама. Ждите, пока не позову.

Покачивая бедрами, она уверенно прошлась по двору, словно жила здесь всю жизнь, и скрылась за дверью подъезда с табличкой: «Сауна. Массаж».

— Приготовились, — скомандовал Ираклий, чувствуя, что за машиной следят внимательные глаза. — Идем парами, играем «крутых», собравшихся провести досуг в баньке.

Они вышли из машин, не шумно, но и не таясь, разговаривая о пользе бань с бассейнами, направились к подъезду. Никто за ними явно не пошел, и тем не менее впечатление постороннего взгляда увеличилось, все же компания их выглядела подозрительно, если здесь располагалась «явка» Катарсиса, ее охрана должна была насторожиться. Однако меры предосторожности не понадобились. Из-за двери подъезда показалась Мария, махнула им рукой.

Команда Ираклия гуськом втянулась в подъезд, спустилась в полуподвал с металлической дверью и оказалась в предбаннике сауны, где прибывших ждали двое мужчин лет тридцати-сорока.

— Мы в вашем распоряжении, — сказал один из них, с заметными залысинами, но плотный и крепкий.

— Кто это — вы? — спросил Ираклий.

— «Семерка», группа поддержки и наведения.

— Сколько вас?

— Восемь человек.

— Для штурма Центра маловато.

— Штурм бесперспективен, — не понял шутки лысоватый. — Хотя все зависит от поставленной задачи.

— Задача предельно проста: пробраться в Центр и освободить нашего работника и его жену. Есть какие-нибудь соображения? Кстати, почему вы не помешали ему войти на территорию Центра?

— Мы не знали его целей. К тому же мы не грузчики на подхвате, — сухо отрезал лысоватый. — За Центром ведет наблюдение «двойка», но и они не получили приказа задержать вашего человека.

— Не лезьте в бутылку, — примирительно сказал Корнеев. — Известно, как действовал наш человек на территории Центра?

Хозяева сауны переглянулись.

— Была драка, он обезоружил трех охранниц, потом... упал. Его втащили в здание главного корпуса. Сейчас он находится в лаборатории номер три.

— Значит, Авогеин его обманул, не отпустил Лизу. Выкладывайте всю информацию.

— Информационным обеспечением занимается группа «двойки». У вас есть рации?

Ираклий выдвинул из нагрудного кармана куртки усик рации.

— Включайтесь в нашу оперативную сеть, вам сообщат все интересующие вас сведения.

Приехавшие нацепили рации, выслушали сообщение наблюдателей и посмотрели друг на друга.

— Почти безнадега, — выразил общее мнение Панкрат.

— Я пойду туда одна, — сказала Мария. — Меня охрана не увидит. Попробую найти Егора и освободить.

— Все было бы ничего, — сказал Ираклий недовольно, — если бы ты пошла на обычную базу Легиона, но Центр — владения Авогеина, а он — конунг. Он тебя учует.

— Нужен отвлекающий маневр, — сказал Корнеев. — Если мы открыто нападем на Центр, Авогеин наверняка переключит внимание на штурмовую акцию.

— У нас нет никакого оружия, даже пистолетов, а для имитации штурма нужна техника посолиднее.

— В двух километрах отсюда располагается воинская часть, — вмешался в разговор лысоватый. — Командир части — наш человек.

— Чем он может помочь? Даст автоматы?

— Понадобится танк — получите танк.

Панкрат встретился глазами с Ираклием.

— А ведь это идея, мужики. Конечно, если бы у нас был не один, а штук пять танков, шуму получилось бы больше, но для эффекта мы можем использовать и классику жанра.

— Что ты имеешь в виду?

— Вывести на мощные динамики запись шумов моторов и

стрельбы. Уверяю вас, ночью подействует не хуже, чем настоящая танковая атака.

— Идея действительно неплохая, но где мы возьмем магнитофоны, да еще с записью шумов?

— Это наша забота, — сказал лысоватый. — Запись будет готова через час-полтора.

— Тогда начинаем подготовку. За эти полтора часа мы должны снять наблюдателей Легиона и нейтрализовать систему СТОКК. Атака должна быть совершенно неожиданной. Маша, пойдешь в Центр, как стемнеет, не раньше.

— Я пойду сейчас.

Ираклий внимательно посмотрел на выглядевшую отрешенной и усталой ведунью и понял, что она пытается поддержать Крутова на тонком ментальном уровне. И остро позавидовал Витязю, имеющему такую берегиню.

Он был подводной лодкой, дрейфующей по воле течений у самого дна черного океана, пронизанного извивающимися бесформенными тенями и огненными щупальцами. Иногда какое-то щупальце задевало корпус «лодки», следовал удар, встряска всего костяного покрова, и «лодка» наполнялась болью и воплями «экипажа», роль которого выполняли отдельные органы тела. «Капитана» — то есть сознания Крутова — они не слушались и жили сами по себе, напоминая толпу безумцев или, скорее, больных людей под влиянием изрядной дозы алкоголя. Прошло очень много времени, прежде чем Егор смог собрать свою внутреннюю непослушную «команду» воедино и отдать приказ «готовиться к всплытию».

Вскоре «лодка» действительно «всплыла», и он осознал себя живым, не удивившись способности созерцать собственное тело со стороны и ощущать присутствие живых существ, не опираясь на органы чувств.

Он висел в двух метрах от пола над своим телом, лежащим навзничь с раскинутыми руками.

«Это мое тело», — пришла безразличная мысль.

«Его надо занять», — пришла вторая мысль.

«Надо осмотреться», — робко пискнула третья.

«Правильно», — одобрил идею «верховный координатор» сознания Крутова.

Он осмотрелся, видя обстановку помещения, в котором находилось тело, не глазами, а колеблющейся сферой подсознания.

Помещение было достаточно большим, заполненным ка-

кими-то аппаратами, приборными стойками, шкафами и странной мебелью, и оно все было пронизано сетью электрических потоков, входящих в аппараты и компьютеры и связывающих их в единый «полуживой» опасный организм. Кроме того, Крутов обнаружил слабенькую пульсацию биополей «настоящих живых» организмов, обладающих зачатками воли и разума. Один был колонией маленьких рыжих муравьев, обосновавшихся в теплом углу помещения, под умывальником, второй — колонией тараканов, приспособивших для жилья щели под шкафами и столами, третий представлял собой популяцию крыс, живших в чулане за деревянной стеной, где был свален разный хлам.

«Помощники, — пронзила бесплотную голову Крутова такая же бесплотная, но уверенная мысль. — Можно позвать».

Зачем?

Разведка. Воздействие.

Крысы?

Их разум поддается бесконтактному влиянию.

Разве они понимают человеческий язык?

Язык здесь ни при чем, достаточно волевого оперирования.

Крутов понял, что беседует не сам с собой, а с кем-то еще.

Кто ты?

Рад, что ты меня услышал, Витязь.

Мария?

Начинай работать, ищи Лизу, я скоро приду.

Опасно...

Жди...

Мысли перестали сотрясать колышущуюся сферу надсознания Крутова, но он уже не чувствовал себя одиноким. На помощь ему шла берегиня. Надо было входить в себя и разыскивать Лизу.

Сосредоточившись, он струйкой тумана проник в тело на полу помещения и съежился от ощущения тяжести и неподатливой массы плоти, затем вдохнул насыщенный электричеством воздух и открыл глаза.

Очевидно, это и была лаборатория Авогеина, в которой он, по словам Марии, искал способ прямой связи с Сатаной.

Крутов лежал на небольшом возвышении у стены квадратного помещения, освещенного люминесцентными лампами, между двумя ребристыми экранами. Третий — в форме выпуклого крестообразного зеркала — свисал сверху. Лаборатория была полна оборудования, назначения которого Крутов, не будучи физиком, не знал. Привстав, он внезапно наткнулся головой на упругий невидимый глазом слой, потрогал его рукой: над возвышением была растянута тонкая пленка, не дающая возможности свободно двигаться. Егор с трудом приподнял ее, напрягся и прорвал пальцами. Сел, осматриваясь, и в это время в лабораторию вошла группа людей во главе с Авогеиным: две «леди» охраны и Валентин Асламов.

— Живучий ты, Витязь, — сказал директор Переславского рыбозавода с уважением. — По моим сведениям, в тебя уже дважды разряжали «лунный свет», а ты все еще жив и здоров, да еще и оклемался самостоятельно. Я так не сумел бы. Иван Елисеевич, отдайте его мне, а? Это он мне руку сломал.

— Черт, он же мою изоляцию порвал! — досадливо поморщился Авогеин. — Придется натягивать новую. Девочки, держите его под прицелом. Бравый полковник вполне способен затеять драку даже в такой безнадежной ситуации.

Цокая каблуками по кафельному полу, все четверо приблизились к поднявшемуся во весь рост Крутову.

— Зажила рука? — поинтересовался Егор.

— Как на собаке, — осклабился Асламов. — Иван Елисеевич помог. У меня к тебе только один вопрос, Витязь: где твои друзья? Неужели ты рассчитывал освободить свою жену в одиночку?

— Я рассчитывал на порядочность господина Авогеина, но, видимо, у черных магов это качество отсутствует. Договор был, что я приду один, а он отпустит Лизу.

Асламов посмотрел на конунга.

— Это правда, Иван Елисеевич?

— Уже не имеет значения. Они оба нужны мне для эксперимента.

— Какого?

Авогеин мрачно усмехнулся.

— Мозг человека представляет собой нейронный кластер, генерирующий торсионные поля, но у обычных людей этот кластер работает ненаправленно, стохастично, а у паранормов, таких, как Витязи и ведуньи, он определенным образом ориентирован. Вот я и хочу пропустить через головы наших друзей торсионный луч, чтобы их мозги послужили своеобразными калибраторами и модуляторами поля.

— А что с ними будет потом?

— Это кого-нибудь волнует? Отработанный радиоактивный материал, как известно, хоронят в спецмогильниках.

— Тогда тем более дайте мне возможность поговорить с ним по-мужски.

Авогеин не ответил, оглядываясь.

В лабораторию вошли еще двое мужчин, Барановский и Гланц, приблизились к группе конунга.

— Что здесь происходит? — с любопытством спросил американец. — Подождите, я знаю этого господина...

— Егор Крутов, — скривился Барановский. — Иван, нам пора.

— Вы же говорили, что операция начнется завтра.

— Обстоятельства изменились. Стало известно, что Катарсис планирует эвакуацию своего центра управления из Юрьева. Надо покончить с ними сегодня ночью, раз и навсегда. Поехали, без тебя не управимся.

Авогеин недовольно подергал свой длинный нос, потеребил ухо, разглядывая расслабленного с виду Крутова, уже начавшего в х о ж д е н и е в состояние живы, и посмотрел на Асламова.

— Справишься? Он мне нужен живым.

— Добивать не буду.

— Пошли. — Авогеин направился к выходу, махнул рукой охранницам. — Оставайтесь здесь на всякий случай.

Барановский и Гланц, бросив по взгляду на пленника, вышли следом за хозяином лаборатории.

— Давай, покажи класс, — улыбнулся Асламов. — Мы тогда у Погребко не доиграли. Девочки, не вмешивайтесь, я сам с ним управлюсь.

— Тогда и ты ответь мне на один вопрос, прежде чем мы начнем, — тихо сказал Крутов. — Где Лиза?

— Жива твоя берегиня, жива, — скривил губы Асламов. — Конечно, Иван с ней п о р а б о т а л, уж очень она привлекательная женщина. Я и сам был не прочь...

Егор прыгнул...

В то же самое время в других местах происходили события, напрямую зависящие от трафик-Замысла Предиктора и действий тех, кто этот Замысел исполнял, в том числе от Крутова, хотя он этого и не знал.

Полковнику Огурцову позвонил Директор Проекта и велел срочно прибыть в Москву, в центральный офис Службы тотального контроля. Полковник был человеком исполнительным и тотчас же отправился по указанному адресу, но до Москвы не доехал. На МКАД его машину остановил патруль ГИБДД, предложил пересесть в машину ДПС, и полковник Огурцов в СТОКК не прибыл. База Легиона осталась без командира, и вертолетный полк не смог вылететь в Юрьев-Польский для атаки центра Катарсиса.

Часом позже по всей компьютерной сети Проекта прошло сообщение о свертывании операции «Ликвид-К», подействовавшее на все службы подобно струе воды на костер. Многие подразделения Легиона и специальные группы отменили визиты в небольшие городки типа Переславля-Залесского и Юрьев-Польского, что, в свою очередь, повлекло отмену общей атаки на базы Сопротивления.

Кроме того, Барановскому поступила «достоверная» информация о готовящейся акции Катарсиса в Москве, и он был вынужден принять ответные меры, не позволившие ему участвовать в руководстве операцией в целом.

И наконец, Валягину «надежный» человек из его окружения шепнул, что его хотят ликвидировать коллеги, на что Винсент Аркадьевич отреагировал вполне адекватно: приказал спецгруппе «ГОРЕ» Легиона охранять все его владения, отменил поездку в Юрьев-Польский и вызвал для разговора в Генпрокуратуру своего заместителя Владимира Никоновича Барановского. Прошло немало времени, пока руководители Проекта поняли, что их п р о в е л и.

Но трафик Катарсиса уже никто не мог нейтрализовать. Сергий рассчитал все его звенья с величайшей точностью.

НЕРВ БОГА

Вечерело.

Солнце спряталось за лесом, в небе появились облака, подсвеченные снизу оранжевым и золотым. Стремительно холодало: середина мая — еще не лето, ночами и заморозки случаются. Но Мария холода не чувствовала, состояние в е р ы позволяло ей ощущать себя частью природы, для которой не существовало холодов, жары и вообще плохой погоды.

На территорию Центра она прошла свободно, будто надела на себя шапку-невидимку. Охранницы из батальона «Л» не увидели ее и не услышали, исполненные наивной уверенности в своей неуязвимости. Уже входя в здание главного корпуса ЦФИ, Мария у с л ы ш а л а пси-голос Крутова и постаралась его приободрить. Судя по «интонациям», Егор получил сильнейший информационно-энергетический удар и находился в шоке. Спасла его лишь способность переходить в измененные состояния сознания, позволяющие организму са-

моочищаться от физиологических «шлаков» и густого «дыма» психологических расстройств.

Сначала Мария хотела сразу направиться к помещению, где находился Крутов, потом почувствовала тревогу и затаилась, накинув на себя заклинание «непрогляда». Невидимый энергетический луч «локатора» — воли Авогеина прошел сквозь нее, как сквозь утренний туман, конунг не почувствовал присутствия ведуньи, владеющей древними приемами волхвов.

Переждав контрольное прощупывание здания энергосферой сознания черного мага, Мария перешла в состояние «ямы» и начала ловить поступавшие со всех сторон сигналы. Со стороны, наверное, странно было наблюдать эту картину (если бы нашелся такой искусник с истинным зрением): в холле здания статуей застыла красивая женщина в джинсовом костюме, с отрешенным выражением лица и огромными глазами, черными, словно заполненными одними зрачками, а рядом спокойно расхаживали охранницы в камуфляже, пили пиво, курили и разговаривали, не замечая гостьи.

Мария наконец поймала слабую пульсацию ауры Лизы, определила ее местонахождение и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж Центра.

Пост охраны, девица смотрит телевизор. Пусть смотрит.

Металлические ступени, зачем они здесь? Защита от излучения?

Поворот, бронированные сейфовые двери с электронным замком. Сим-Сим, откройся...

Коридор с белыми кафельными стенами, таким же полом и стеклянным потолком. Подвесные потолки «Экстензо». Длинные люминесценты в углах стен. Ряд дверей.

Стоп! Кажется, пришли...

Мария прислушалась к вихрению полей и безошибочно выбрала дверь с номером «02». Замок щелкнул, открываясь, Мария скользнула в темноту, вдруг почуяв чье-то присутствие, и не глядя кинула в комнату «глухую ночь». Теперь кто бы здесь ни находился, услышать и увидеть ее не мог.

В небольшом помещении раздавалось дыхание двух человек. Мария перешла на инфразрение и увидела двух женщин. Одна лежала на широкой кровати, свернувшись калачиком, вторая спала в кресле — сиделка или охранница, здоровая, рослая, сильная. Она пошевелилась, почуяв непривычную тишину в ушах, и Мария приказала ей спать темным сном. Охранница обмякла.

Мария подошла к кровати, тронула почти раздетую — в

одной мужской рубашке — Лизу за плечо и похолодела: сердце женщины не билось!

Впрочем...

Мария с облегчением перевела дух. Сердце жены Егора шевельнулось, потом еще раз, еще... слабое колебание груди — вдох-выдох... Это еще не коллапс, но двенадцать ударов в минуту — почти что и не жизнь! Что же они с тобой сделали, берегиня? Каким изуверским пыткам подвергли? И как тебя теперь вытаскивать из твоего сумеречного состояния?

Мария положила руки на лоб и на грудь Лизы. Вспомнились слова Сергия: «Я открыл тебе Знание, составляющее тайну тайн. Но оно может излечить безнадежно больного и убить лекаря. Обдумай все до конца и поступай как хочешь...»

Господи, помоги!

Кто-то в глубинах Космоса с удивлением прислушался к Великой Живой Тишине, поднял голову и посмотрел на Землю. Система потоков Сил, пронизывающих пространство, завибрировала, одна из линий слегка сдвинулась и прошла через Солнечную систему, задев третью планету.

Мария почувствовала могучий прилив энергии и усилием воли соединила свой канал с почти «засохшим» каналом Елизаветы.

Короткое замыкание!

Яркая вспышка перед глазами.

Удар по всей нервной системе, но удар не болезненный, а странный, полный неземных удивлений, открытий, одобрений, успокоений. По жилам заструилась не кровь, а огненная плазма. Сознание померкло и тут же охватило сферой понимания и чувствования не только здание Центра, но и всю Землю. Мария превратилась в сгусток поля, стала частью колоссальной живой системы, которой была вся Вселенная. Но длилось это состояние доли секунды. Затем огромный мир свернулся до объема комнаты, ощущения «космичности» пропали, Мария почувствовала себя крошечной и незащищенной, как Дюймовочка.

Лежащая на кровати Лиза шевельнулась, приподняла голову.

— Кто... здесь?

Мария отняла ставшие тяжелыми и непослушными руки. Хотелось смеяться и плакать одновременно. У нее получилось! Спасибо, Учитель, за то, что поверил...

— Это я, Маша. Лиза, я за тобой. Встать сможешь?

Елизавета пошевелила руками, вытянула ноги.

— Кажется, смогу. Где я?

— В апартаментах конунга Ивана Авогеина.

Лиза вздрогнула, поднесла ладонь к губам, сдерживая крик.

— Он вернется! Уходи!

— Только вместе с тобой. Егору нужна помощь.

— Что с ним?! Где он?!

— Здесь же, недалеко. Авогеин обманул его и захватил в плен. Егор шел к тебе на помощь.

— Мой любимый... — В голосе Лизы прозвучали испуг, восхищение, любовь, и Мария почувствовала на мгновение слепящую зависть и боль.

— Пойдем, я тебе помогу.

— Я сама... ой, кто это?! — Елизавета заметила спящую охранницу.

— Не бойся, она спит. Тихо!

В коридоре кто-то появился, стремительный, сильный и грозный, остановился у двери, ведущей в комнату пленницы. Дверь тихо открылась, какая-то тень бесшумно проскользнула в помещение и растворилась в темноте. Мария с трудом различила человека на фоне стены. Он был абсолютно голым!

— Витязь?!

— Мария, ты?

— Георгий!

— Я. Извини, что в неглиже, но попасть сюда можно, только пройдя сквозь стены. Это Лиза? Слава Богу, жива! Узнаешь, берегиня?

— Узнаю, — прошептала Елизавета с облегчением.

— Тогда двигайтесь за мной, пойдем спасать Кречета. Конунги ушли, но могут в любой момент вернуться, а боя с Асламовым Крутов не выдержит, Авогеин сильно деформировал его ресурс.

Георгий прислушался к тишине за дверью, открыл и первым шагнул в коридор.

Что он не в состоянии сопротивляться в полную силу, Крутов понял уже через полминуты боя.

Асламов летал по лаборатории, как привидение, легкий и быстрый, нанося удары из немыслимых положений, Егор же никак не мог взять т е м п и ответить тем же. Тело не слушалось, к рукам и ногам словно были привязаны гири, состояние живы не приходило, и лишь опыт мастера рукопашного боя какое-то время позволял ему уходить от смертельно опасных выпадов противника. И все же долго сдерживать атаки Асламова он не мог.

Получив несколько потрясших его ударов по болевым точкам тела, Егор перестал воспринимать действительность и в отчаянии бросился вперед, не видя противника. И получил еще один жестокий удар, отбросивший его к металлическому шару между коллекторами ускорителя. Асламов остановился напротив, двоясь и троясь в глазах Егора.

— Вот и все, Витязь. Жаль, что я не могу тебя добить, но все равно доволен: моя рука отомщена.

— Так месть моя... — прошептал Егор, пытаясь восстановить зрение и дыхание.

— Что ты сказал?

— Так месть моя свершится — пусть не скоро... — Егор закашлялся, унимая боль в груди. — Но все-таки настигнет вас она...

— Надо же, стихи! Луис де Камоэнс, если не ошибаюсь. Удивительный мы все-таки народ, Витязи: бойцы и романтики, рыцари и убийцы, джентльмены и лгуны.

— Ты потерял право называться Витязем. Теперь ты просто халдей, «шестерка» Сатаны. — Глаза Егора обрели способность видеть, и на лице Асламова он увидел странное выражение, отражавшее какую-то внутреннюю борьбу.

Затем директор рыбозавода принял решение, лицо его стало чужим, глаза похолодели, он оглянулся на двух «леди», наблюдавших за схваткой Витязей.

— Девочки, хотите посмотреть, как у человека вынимают из груди сердце? Могу продемонстрировать.

«Девочки» оживились. От сражения мастеров боевых искусств они ожидали большего и были слегка разочарованы «игрой в одни ворота». Однако насладиться операцией бесхирургического вынимания из груди сердца им не дали.

Внезапно дверь в лабораторию распахнулась и в помещение ворвался абсолютно голый мужчина, с невероятной быстротой оценивший обстановку и первым делом нейтрализовавший вооруженных автоматами охранниц. Обе они успели понять, что происходит, только после того как лишились оружия. Затем в лабораторию вошли две женщины, одна из которых поддерживала другую, и Георгий, бросив им автоматы, сказал:

— Маша, возьми этих мадам под контроль, пока мы тут будем заниматься мужскими делами.

— Кажется, жизнь становится интереснее, — хладнокровно констатировал Асламов. — Еще один Витязь, владеющий склисом. Везет мне на встречи с ними.

— Уходи, — сказал Георгий, приближаясь к нему особым

скользяще-приставным способом. — Я знаю, что ты не виноват в предательстве, и убивать тебя не хочу.

— Зато мне, сударь, придется тебя убить. А так как ты очень опасен, во всех смыслах, то о демонстрации боевого мастерства речи не идет. Твоего приятеля я добью позже.

Асламов выхватил из-под ремня за спиной пистолет и выстрелил в Георгия.

Егор ахнул, понимая, что это — генератор подавления воли, но с предупреждением опоздал. Разряд застал Георгия в прыжке, и приземлился Витязь уже не упруго и хищно, наполненный грозной гармонией боевого состояния, а расслабленно и тяжко, упал на колени, как бык, оглушенный ударом в лоб. Поднялся, шатаясь, снова упал, хватаясь за голову. В то же мгновение Асламов сам прыгнул к нему и под общий вскрик Егора, Марии и Лизы ударил Георгия рукой в гортань, пробивая ее насквозь. Хлынула кровь. Георгий покачнулся, глянул на убийцу широко раскрытыми глазами и упал на бок.

В лаборатории стало совсем тихо.

Асламов вытер руку о полу куртки, повернулся к Егору, в груди которого вдруг проклюнулся шип ненависти.

— Теперь твоя очередь. Надеюсь, Иван Елисеевич меня простит за твою смерть.

Он поднял «глушак».

Егор еще раз крикнул — в себя, молча, яростно, страшно, с надрывом. В то же мгновение в помещении раздался свист крыльев, и на Асламова обрушилась стремительная серебристоголовая птица, выбила из руки оружие, заставила отбиваться от острого клюва, крыльев и когтей. Но бывший Витязь все еще оставался Витязем, владеющим тайнами живы, и не дал себе увлечься сражением с фантомом сокола, созданным волей Крутова. В помещении внезапно объявился огромный ворон и бросился на сокола, отогнав его от своего хозяина.

— Вот дьявол! — с восхищением сказал Асламов. — Ничто тебя не берет, полковник! Как же тебя остановить?!

Он легко перепрыгнул через зеркальный металлический шар и налетел на расслабленного до последнего мгновения Егора, нашедшего наконец резервы энергии для перехода в состояние веры.

— Берегись! — раздался пронзительный тонкий крик Марии.

Асламов вздрогнул, сделал почему-то лишний шаг, и рука Крутова, копьем вытянутая вперед, пробила его грудную клетку, ребра и сердце. Отшатнувшись, бывший Витязь зажал руками страшную рану, глянул на Егора затуманившимися

глазами, на губах его появилась струйка крови. Улыбнувшись странной довольной улыбкой, он проговорил:

— Вот и все, полковник, я ухожу... скажи спасибо своим берегиням... это они меня задержали...

Асламов мягко осел на пол рядом с Георгием и затих, глядя куда-то вверх, в безмерную даль.

Закончилась и битва птиц: сокол сделал пируэт, молнией нырнул сверху на ворона, ударил его в крыло, сбил на пол, взлетел, чтобы снова спикировать сверху, но ворон внезапно превратился в облачко дыма и исчез.

К Егору подбежали женщины, обняли его с двух сторон, он закинул им руки на плечи, испачкав обеих в крови. Сказал глухо:

— Он подставился нарочно...

— Егорша! — со стоном всхлипнула Лиза.

Крутов очнулся, прижал ее к себе покрепче, хотел сказать что-нибудь утешительное, что пора уносить ноги, и в это время в лабораторию вернулись старые персонажи драмы, Гланц и Авогеин, в окружении отряда «леди».

— Как сердцем чувствовал, что этим все закончится, — сказал Авогеин, прицельно фиксируя каждое движение Крутова. — Их тут целая армия. Уверен, что и снаружи прячется с десяток боевиков Сопротивления. Не так ли, колдунья?

Глаза Авогеина вспыхнули. Мария вздрогнула, бледнея. Пси-удар конунга был физически ощутим, он потряс весь организм, сбил дыхание и остановил сердце женщины, и лишь воля помогла Марии удержаться на грани сознания.

Авогеин покосился на невозмутимого Гланца.

— Что я вам говорил, Уильям? Никогда не надо оставлять недоделанные дела. Хорошо, что мы вернулись. Ну-с, господа ассенизаторы, что мне с вами делать? Так ведь переводится словечко «катарсис» — очищение, то бишь ассенизация?

Конунг ликовал и в то же время бравировал, хорохорился перед американцем, надувал щеки и петушился, всем видом показывая, насколько он сильнее и дальновиднее всех, но Крутов видел, что он боится, и решил использовать свой последний шанс, чтобы не потерять чести и защитить тех, кого любил.

— Уводи Лизу! — шепнул он уголком губ на ухо Марии. — Я их отвлеку!

— Мы с тобой, — ответила ведунья так же тихо. — Обопрись на нас...

Крутов почувствовал приток сил — по лаборатории словно

прошумел свежий ветерок с запахом лугов и полей, — стал неотъемлемой частью космоса обеих женщин и направил волю и тело в черную клубящуюся тьму «пси-медуз» конунгов.

Описать этот бой-полет-вихрь невозможно.

Оба черных мага «накрыли» Крутова «залпом» своих пси-орудий, но и в бессознательном, вернее, в измененном состоянии он успел добежать до них и обрушить град ударов — в физическом плане — на опешивших, не умевших драться «примитивно» конунгов. Авогеину он снова сломал два ребра страшным ударом «лапой медведя», а Гланцу расплющил нос, ослепив на некоторое время американца, никогда ранее не получавшего отпора.

Опомнившись, «леди» охраны бросились было на помощь своему господину, но в это время здание вздрогнуло от могучего удара, сверху, с поверхности земли, донесся гул, словно по зданию катила колонна бронемашин. На мгновение все в лаборатории замерли, прислушиваясь к долетавшим извне звукам, но Егор все еще был не человеком, а процессом, и не остановился, руководимый надсознанием системы, которую образовывали пси-сферы Марии, Лизы, их друзей и самого Крутова. Добравшись до отмахивающегося вслепую Авогеина, он одним рывком свернул ему шею, прежде чем Гланц успел-таки накинуть на него «могильную плиту» — заклинание полной неподвижности.

Однако и после этого Крутов остановился лишь на несколько мгновений, пока Мария и Лиза снимали с него «плиту» и осветляли сознание, затем снова пошел в атаку, и неизвестно, выдержал бы ее координатор американского Проекта или нет, если бы не появление среди без толку метавшихся охранниц новых действующих лиц, Барановского, Валягина и чернобородого незнакомца в блестящем костюме циркового гимнаста.

Движение в лаборатории замерло. Наступил очередной перелом ситуации, чреватый гибелью Крутова и женщин.

— Кажется, нас вызвали сюда не зря, — бросил Барановский, погладив лоснящийся череп. — Уильям, что вы здесь делаете?

Взгляд Барановского упал на тело Авогеина, секретарь Совета безопасности нахмурился.

— Иван... мертв?!

Здание Центра снова вздрогнуло, по коридорам и подземным помещениям раскатился дребезжащий гул.

— Что у вас тут происходит, черт побери?!

— Танки! — вытянулась перед Барановским одна из «леди».

— Танки?! Что за чушь! Вызовите «ГОРЕ», разберитесь! — Взгляд Барановского скользнул по телу Авогеина и уперся в Крутова. — Ты ликвидировал Ивана?

Он не сказал: «ты убил». Он сказал: «ликвидировал», — и его формулировка символично отражала суть этого нечеловека, привыкшего к вседозволенности и отрицавшего всякую мораль.

Дверь в лабораторию туго отлетела в сторону, будто была сделана из фанеры, а не из металла, в помещение ворвались четверо мужчин: Ираклий, Панкрат, Сергей Корнеев и Глеб Квасура. Не останавливаясь, в коротком бою, на глазах остальных участников спектакля, они разоружили охранниц, но вдруг оцепенели, не в силах сделать ни одного движения. Справиться с волевыми потоками конунгов, оперирующих пси-полями, они не могли.

— Ты ликвидировал начальника лаборатории? — тяжело повторил вопрос Валягин.

Крутов, оглушенный и опустошенный страшным напряжением боя, ответить не успел, за него ответил появившийся прямо из воздуха невысокий, хрупкий с виду молодой человек с сияющими голубыми глазами:

— Такова его судьба. И Воля Всевышнего. Творец не карает заблудших сынов без предупреждения, но оно уже было. — Юноша — это был волхв Сергий, — мягко ступая, подошел к Егору, коснулся его плеча, вливая в него этим касанием новые силы, повернулся к группе конунгов. — Приветствую князей мира сего, главных исполнителей Программы Отступника. Я пришел предупредить вас, что Его терпение небеспредельно. Откажитесь от роли вершителей судеб народов, прекратите нарушать единый Закон — Закон Баланса Сил, Добра и Зла, перестаньте трясти информационно-энергетическую структуру Мироздания, иначе вернетесь в Безмолвие и Тьму.

— Программа утверждена, — усмехнулся Барановский. — Никто не в силах ее отменить... кроме нашего Покровителя.

— Это Программа господства избранных над зомбированным человеческим стадом, агрессивная концепция управления социальными процессами...

— Хватит! — перебил Сергия чернобородый маг, угрюмо посмотрел на коллег. — Чего мы ждем? Он один, эти люди не в счет. Ликвидируем и уходим, нас ждут другие дела.

Крутов рванулся к нему, почти достал и окаменел под темным взглядом конунга. Лиза и Мария вскрикнули, получив

через канал связи с Егором немалую дозу парализующей «радиации».

— Это ваше последнее слово? — вибрирующим звучным голосом спросил Сергий.

Барановский в сомнении поднял брови.

— Ты нам угрожаешь, иерофант? Но ведь ты — о д и н! Волхвы тебя не поддержали. Нас же здесь трое, плюс усилитель. Здесь неподалеку стоит храм Братства, ты этого не учел?

— Я учел все, — тем же голосом ответил Сергий, начиная светиться. — Мой Замысел сработал. Вас нужно было собрать всех в одном месте, чтобы пропустить через «нерв Бога», и вы пришли. Спасибо моим помощникам, — Сергий кивнул на Крутова и Марию с Лизой, — они прекрасно сыграли свои роли, выполнив трафик. Один конунг уже мертв, за ним у й д е т е и вы, и никакой усилитель вам не поможет, когда сработает Закон.

— Ты... посмеешь... бросить нам... вызов?!

— Я его уже сделал.

Конунги переглянулись.

— Тогда умри!

Черные маги одновременно посмотрели на юного волхва, просиявшего вдруг, как отколовшийся кусок солнца. По лаборатории пробежала волна искажения, закричали охранницы, у которых от перепада давления пошла кровь из ушей и носов.

Крутов почувствовал, что свободен, рванулся вперед, доставая ребром ладони шею чернобородого мага. И рухнул, спеленутый волевым приказом конунга — умри! Не умер он только потому, что энергия т е м н о г о приказа разряжалась через канал связи в психику берегинь, и более всего в душу Елизаветы, сжигавшую черную энергию пламенем любви. Именно Лиза и отвела большую часть пси-удара, тратя свою силу с безумной щедростью любящей женщины, готовой отдать жизнь за любимого. Егор лишь п р о в а л и л с я в зыбкое марево странного бытия, насыщенного призрачным бесформенным движением и шелестом дождя.

Лиза пошатнулась, сделала два неверных шага и упала на грудь Егора. В тот же миг опустился на пол Сергий, окутанный золотыми и фиолетовыми змейками разрядов. Но Крутов этого уже не увидел.

А спустя несколько мгновений в лаборатории проявился высокий седой старец в ослепительно белых одеждах, с посохом в руке. Дед Спиридон. Белый волхв. В л а д ы к о.

Он прочертил концом посоха две линии, и с шипящим

свистом на этом месте вспыхнули два луча золотистого света, складываясь в силуэт летящего сокола. Затем этот светящийся «сокол» влился в тело молодого волхва, заставив его светиться тоже — радужными переливами.

— *Твое время еще не пришло, просветленный,* — гулким басом проговорил Спиридон, так что качнулись стены помещения. — Приходи чуть позже.

Сергий исчез.

Белый волхв посмотрел на оцепеневших, безмолвно взиравших на это д е й с т в о конунгов, глаза его засияли из-под насупленных седых бровей, так что черные маги отшатнулись, прикрывая глаза ладонями. Воздух наполнился тихим звоном, закачались стены и пол здания, кто-то огромный посмотрел на людей в лаборатории оценивающе и строго.

Первым из конунгов очнулся Гланц, окружил себя кольцом фиолетового сияния, прокаркал:

— Вызываю своего Господина, пусть даст мне с и л у Черного Совершенного...

— Черное Совершенное н и к о г д а не сможет победить Светлое Совершенное! — тяжело сказал Спиридон.

— Ты не остановишь нас, старик. За нами эгрегор Братства, американский эгрегор...

— Американского эгрегора не существует, черный. За тобой никого нет, кроме кучки таких же мертвецов. За мною же — нерв Бога — весь мой Род! Мы отбираем вашу Силу! Идите!

Конунгов шатнуло, они повернулись и, едва переставляя одеревеневшие ноги, направились к двери. Валягин дернулся было за ними, но потерял равновесие, упал, так что вздрогнул пол, и не поднялся.

Спиридон посмотрел на приходивших в себя мужчин, обернулся к опустившейся на колени Марии, подошел, обнял. Мария отвела его руку, с трудом поднялась и подошла к лежащему навзничь с открытыми глазами Витязю, на груди которого застыла Елизавета...

А Крутов вдруг оказался внутри туманной светящейся сферы и увидел перед собой молодого человека в белом, чем-то похожего на Сергия, но с нимбом над головой. Спросил с жадным любопытством:

— Кто ты?

— Я Создатель, — раскатился в воздухе удивительный бархатно-мягкий и сильный голос.

— Где я?

— Ты у меня в гостях.

— Значит, жизнь моя закончилась?
— Хочешь, я покажу тебе твою ж и з н ь?
— Хочу.

Тело Крутова подхватил ласковый ветер, вознес над появившимся внизу пейзажем: горы, ущелья, провалы, нагромождения скал, пустыня. Егор заметил пересекавшие пески две цепочки следов.

— Что это, Господи?
— Это и есть твоя жизнь, идущий.
— А почему след не один?
— Я шел рядом с тобой.
— Но иногда один след исчезает...
— Это самые трудные участки твоей жизни.
— Почему же ты меня покидал, Создатель, когда мне было трудно?
— Я не покидал тебя, идущий, это я нес тебя на руках...
— Благодарю тебя, Создатель! Прости меня грешного. Теперь я свободен?
— Ты свободен.

Крутов поднял голову, увидел над собой прекрасное двоящееся женское лицо. Мария? Лиза?.. Захотелось плакать, но сил не осталось даже на слезы...

Птица воспарила над ним, серебристоголовая птица с янтарно-желтыми глазами...

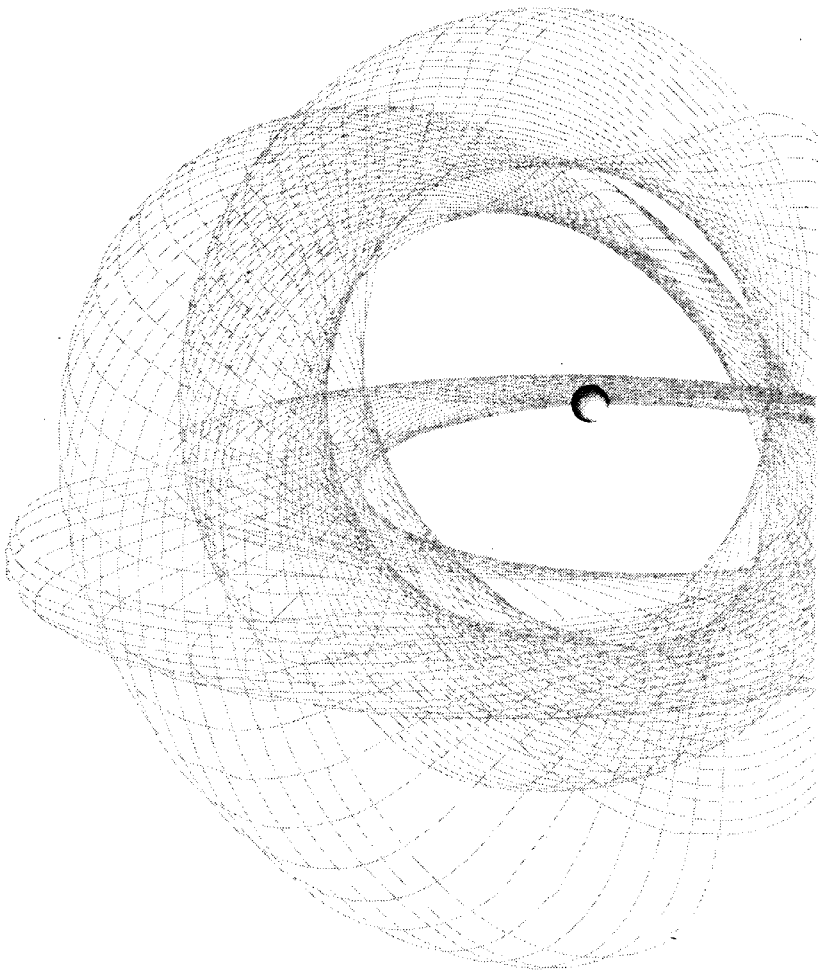
Сокол!

Тоскливо-грозный клекот сорвался с его клюва, заработали мощные крылья... и сокол взлетел...

Жуковка — Москва — Лимассол
Июль 1999

ГАРАНТИРУЮ ЖИЗНЬ

РОМАН

О, как молчаливы боги!

С. Андреев

ПРОЛОГ

ПЕРУНОВ ДЕНЬ

Сердце России

Озеро Никулинское в Новгородской области со всех сторон окружено лесами, богато рыбой и всегда привлекало туристов своими живописными берегами. Однако славится оно больше тем, что на его западном берегу расположена деревня Ладославль, на краю которой высится огромный валун, по сути — скала округлой формы с выбитыми на ней древними руническими письменами. А на самой вершине скалы, принесенной на Русскую равнину миллионы лет назад ледником, высечена странная фигура, напоминающая монаха в рясе. Ее так и прозвали «Монахом», хотя кое-кто из стариков знавал и другое название — Страж мальчика. Однако и старики не помнили, почему она так называется.

В конце двадцатого — начале двадцать первого века название деревни, наравне с вятской Гамаюнщиной, стало появляться в местных, а потом и в центральных газетах в связи с деятельностью Союза Славянских Общин, возродившего древние языческие праздники: Велесов день, Комоедицы, Родоницу, Живин день, День Земли, Ярило, Купало, Перунов день и другие. Всего таких праздников, названных Великими Славянскими, набралось восемнадцать.

Воинский праздник Перунов день стали отмечать через двадцать шесть дней после празднования Купалы. На этот праздник собирались гости со всех краев России. Мужчины молодые, и постарше, и совсем седые обязаны были иметь при себе оружие: нож, топор, а если есть разрешение, то и что-нибудь более серьезное — меч, саблю, палаш.

Начинался праздник торжественным шествием с песней, славящей Перуна.

Перуне! Вми призывающих тя!
Славен и трехславен будь!
Оружия, огня и хлеба дажди.
Громотворенье яви, прави над всеми.

Вще изродно. Тако было, тако еси, тако будет!
От веку до веку!
Слава! Слава! Слава!..

После славлений Перуну воины приступали к освящению оружия: на щиты, положенные перед капищем или иным средоточием веры (в Ладославле это была скала-валун с фигурой «монаха»), возлагали мечи, топоры, ножи, копья, булавы и другое холодное оружие. В жертву приносился бык, а за неимением оного — петух (лучше всего красный). На жертвенной крови заговаривалось оружие, жрец производил помазание кровью чела каждого воина, после чего те надевали на голову красные повязки. Над жертвенным огнем освящались воинские обереги.

После зачина затевался обрядовый бой «Перуна» с «Велесом», а затем устраивали игрище — взятие крепости. На вершине единственного в округе холма строилось потешное укрепление из бревен, сучьев и хвороста. Женщины и девушки, «защитницы», собирались внутри крепости. Мужчины, разделившись на «всадников» и «коней», начинали приступ. Их задачей было разрушить укрепления и, пробившись сквозь строй «защитниц», захватить знамя, но при этом удержаться «в седле», то есть на шее «коня». Если «всадник» падал или его стаскивали, он выбывал из игры.

Женщины же должны были отстоять знамя, для чего они обзаводились обычно внушительным арсеналом: палками, обмотанными шкурами и полотенцами, набитыми соломой мешками, прутьями, вениками. Как правило, игра затягивалась надолго, так как идущих на приступ ожидала награда: тот «всадник», который сумеет завладеть знаменем, имеет полное право перецеловать всех защитниц.

По окончании потешного боя и получения награды воины несли ладью с дарами богам и ставили на краду — колодец из бревен для погребального костра. Старейшина поджигал краду, а после того, как костер прогорит, воины насыпали над пеплом курган и начинали тризну — обрядовый бой на могиле. После тризны наступало время стравы — поминовения всех павших славянского Рода. Обычная обрядовая еда: печеная говядина, дичь, курятина, всевозможные каши, из напитков — красное вино, вареный мед, пиво, квас, морсы.

В этот день отдавали предпочтение воинским утехам, но не забывали и о делах любовных. Старейшины советовали воинам проводить ночь после праздника с женщинами. Плох тот боец, который одерживает победы только над врагом на поле брани.

В последние годы все больше съезжалось гостей на славянские праздники, все больший интерес они вызывали во всех районах России. Нынешний праздник собрал в Ладославле около двух тысяч человек, среди которых скромно вела себя, ничем не выделяясь из веселой толпы, троица: двое мужчин и женщина. Один был смуглее, носил длинные черные волосы, усы и бородку. Второй сверкал сединой в пышных волосах, и в его карих, светлеющих до желтого «тигриного» блеска глазах тлел странный свет печального п о к о я.

Женщина была на вид молода и мила, но и ее русые волосы украшала седина, а взгляд таил тот же свет понимания и покоя. Это были Егор Крутов, Ираклий Федотов и Лиза, жена Егора.

Они прибыли в Ладославль из разных мест.

Егор и Лиза — из Ковалей, небольшой деревеньки Жуковского района Брянской губернии, Ираклий — из Нижнего Новгорода, но цель их была не празднование Перунова дня, а нечто другое, готовое свершиться в этот день, и они терпеливо ожидали приглашения, наблюдая за празднеством.

— Все это безусловно интересно и полезно, — задумчиво сказал Крутов, одетый в серую холщовую рубашку с белыми погончиками, с закатанными рукавами, и в джинсы. — Однако нынешние времена требуют иных путей к возрождению духовности. Жертвоприношение — психологический и мировоззренческий тупик. Нужны новые традиции, новые символы, новые боги, если хотите.

— Может быть, тот, кто придет сегодня, укажет верный путь? — отозвался Ираклий Федотов, одетый во все белое.

— Я надеюсь на это.

— И все же, — тихо проговорила Лиза, — посмотрите на них: как много в нашей глубинке открытых, добрых, самоотверженных людей. Они работают за мизерные деньги, но готовы ехать на край света ради поддержки других и поделиться всем, что имеют. Удивительна русская безропотная терпеливость, изначальная готовность к жертве, но не менее удивительна и решимость добиться высшей справедливости, хотя бы и ценой жизни. Они счастливы и несчастливы одновременно.

— Право быть несчастным — это один из этапов самоосознания, — сказал Крутов. — Главное, что наши люди не потеряли способности плакать и смеяться, быть грустными и веселыми ни при каких обстоятельствах. Но никогда — самодовольными! Они умеют и любить, и ненавидеть.

— Да уж, — усмехнулся Федотов, — этого у нас не отнимешь. Хотя Лиза права: русский народ действительно добр и терпелив. Правда, некий мудрец говорил, что добро — тоже зло, только скрытое.

Крутов покачал головой, начал выбираться из галдящей веселой толпы, завороженной гремящим и звенящим зрелищем потешного сражения за крепость. Спутники последовали за ним, остановились на краю поляны, в тени клена.

— Есть философы, исповедующие учение «глобальной кабалы». Не средневековой мистической Каббалы, а кабалы — как зависимости от чего-то, рабства, неволи. По этому учению, в мире существует три вида зла: Зло, Добро и Любовь.

— Как это? — заинтересовался Ираклий, бывший полковник военной контрразведки.

— Зло, Добро и Любовь отражают уровни зависимости. Кабала Зла питается энергией мести, энергией зла: она требует жертвы врага в любой форме. Кабала Добра тоже представляет собой форму рабства, так как требует отплатить добром за добро, навязывая обязательную конкретную отдачу. Кабала Любви, в свою очередь, есть вид неволи, потому что заставляет человека отвечать тем же.

— Это по крайней мере спорно. Могу привести множество примеров, когда человек добровольно приносил в жертву свои чувства, не требуя ответа.

На поляне, где проходили соревнования воинов, среди зрителей раздался взрыв смеха, потом вспыхнули аплодисменты. Видимо, кто-то из молодых участников сражения выкинул какое-то коленце. Крутов оглянулся, прищуриваясь.

— Я тоже могу привести аналогичные примеры.

— В таком случае, учение «глобальной кабалы» создано специально для сокрытия истинного положения в духовной сфере человечества. Кому-то выгодно представлять человека вселенским злодеем. Или ты не согласен?

— С чем я согласен, так это с апокрифом «учения» о том, что Зло — программа тестирования человечества.

Федотов хмыкнул, приглаживая ладонью бородку.

— А Добро в таком случае что? Или Любовь?

Крутов посмотрел на жену, улыбнулся.

— И они тоже. Вот Елизавета может подтвердить, она эти тесты прошла.

По губам женщины скользнула печальная и в то же время снисходительная улыбка. Но отвечать на подковырку мужа она не стала. Супруги — Егор и Лиза — понимали друг друга с полувзгляда.

Федотов вздохнул, отвернулся. Он не мог похвастать тем, что Мария понимает его, как Елизавета Егора, хотя и прожил с ней уже восемь лет.

— Ты с нами не поедешь? — спросил он спустя минуту.

— Куда? — не понял Крутов.

— Мы с Машей едем в Ярославль, на фестиваль хоровой и колокольной музыки. Уже третий раз. Поехали, не пожалеешь.

— А меня с собой не возьмете? — низким голосом осведомилась Лиза.

Мужчины посмотрели на нее.

Крутов легонько обнял жену за плечи, прижал к себе. Федотов виновато кашлянул.

— Естественно, без тебя твой старик никуда не отправится. Куда иголка, туда и нитка. Фестиваль, между прочим, международный, в нем принимают участие известные музыкальные коллективы из многих стран Европы и Америки. Откроется в Спасо-Преображенском монастыре.

— Возможно, мы там появимся, — кивнул Крутов.

— Могу встретить.

— Мы тебя и Машу сами найдем.

— Ну, конечно, ты же волхв, — проворчал Ираклий не без зависти. — А вот мы вынуждены пользоваться техническими средствами передвижения.

К разговаривающим подошла еще одна женщина, красивая, смуглолицая, черноволосая, тонкая в талии, в легком сарафане, подчеркивающем фигуру. Это была Мария.

— Пойдемте, схватки уже закончились.

Все четверо поспешили к околице деревни, миновали небольшую церквушку с медным куполом и остановились на другом конце улицы у бревенчатой хаты, покрытой позеленевшим от непогод и времени шифером.

У калитки, ведущей на подворье, судачили три старушки и старик. Увидев гостей, они примолкли, разглядывая их. Мария, не обращая на них внимания, повела прибывших за собой.

Дверь в сени отворилась без скрипа. Гостей встретила еще одна старуха с морщинистым суровым лицом, без любопытства окинула их взглядом и понесла во двор таз с водой и белым полотенцем в бурых пятнах. Дверь в горницу была низкой, мужчинам пришлось согнуться, чтобы не стукнуться макушкой о притолоку.

Взору гостей открылась большая русская печь, занимавшая треть помещения. За печью занавесками был отгорожен

угол, где, очевидно, жила хозяйка дома, семидесятилетняя Домна. В горнице слева стояла кровать, на которой лежала, смущенно улыбаясь, молодая женщина с русой косой и голубыми глазами.

Возле кровати суетился старик, лысый, но с клокастой седой бородой, что-то приговаривал, наклоняясь к женщине. Рядом на стуле сидел щуплый мужичонка средних лет, а на его руках лежал завернутый в белое рядно только что родившийся младенец, елозил ручонками, двигал ножками, чмокал, но молчал. Волосы у него были длинные и белые, какие редко бывают у новорожденных.

Крутов приблизился к роженице, взял ее за руку.

— Поздравляю, Анфиса. Только зря ты не поехала в роддом, там тебе было бы легче.

— Ничего, Егор Лукич, и так все обошлось. Родная земля силы дала. Сын родился.

— Как назвали?

— Как и положено, Световидом, — неожиданным басом отозвался щуплый муж Анфисы, показывая в улыбке крепкие белые зубы. Глаза у него были светлые-светлые, прозрачные, лукавые и добрые.

— Ну, привет, Световид Родославович, — наклонился к ребенку Крутов. — Многие тебе лета.

Новорожденный замер, пытаясь открыть глаза, пустил слюнку и заулыбался, тихо пискнул.

Анфиса рассмеялась.

— Надо же, признал тебя малец, — проворчала будто из воздуха возникшая старуха, мать роженицы. — Не ошибся ты.

Подошел Ираклий, разглядывая ребенка, отступил назад, вслед за Крутовым. К роженице, ее мужу и ребенку приблизились женщины, начались поздравления, охи, негромкие пожелания, смех.

— Ты уверен? — почти беззвучно спросил Федотов. — Это он?

— Ничего нельзя знать наверняка, — ответил рассеянно Крутов. — Но я уверен — это он. Серебряный мальчик.

— Почему они дали такое имя — Световид? В школе над ним не будут смеяться?

— Не будут. Это родовое имя. Его мирское имя — Сергей. Сергей Родославович.

— Сергий, значит.

Крутов кивнул, глядя на младенца в руках Лизы, который пытался схватить ее за палец.

ТАРАСОВ

Столица Кабардино-Балкарской Республики Нальчик стал городом с тысяча девятьсот двадцать первого года. В советские времена он отстроился, приобрел вид индустриального центра с фабриками и заводами электроприборов, телемеханической аппаратуры, станкостроительным, инструментальным и другими, а также заимел два вуза (в том числе — университет), три театра, два музея и бальнеологический горноклиматический курорт. Затем во времена перестройки и перехода от социализма к «дикому» российскому капитализму промышленность Нальчика практически развалилась, перестали работать театры и музеи, город превратился в один большой базар, торгующий всем, чем придется. Однако в начале двадцать первого века жизнь России стала меняться в лучшую сторону — хотя бы статистически, и Нальчик встрепенулся, ожил, начал строиться заново. Заработали кое-какие предприятия, открылись театры, снова появился конкурс на места в высших учебных заведениях, а вместе с этими переменами оживилась и политика республики. В ней появились «правые» и «левые», подняли голову коммунисты и националисты, начали создаваться различные партии, а затем объявился и национальный «герой», начавший борьбу за отделение Кабардино-Балкарии от России: Мастафов Султан Ахмедович, балкарец по происхождению, родившийся тем не менее за пределами России, в Пакистане, спортсмен, бизнесмен, владелец ипподрома, бывшего когда-то республиканским.

Все эти сведения Тарасов почерпнул из досье на местную элиту Нальчика во время перелета из Москвы в столицу Кабардино-Балкарии. Но эта информация была лишь частью вводной, предваряющей задание. А задание Тарасов должен был получить уже на месте, во время встречи с группой, члены которой добирались к месту назначения индивидуально.

Капитану Глебу Евдокимовичу Тарасову в июне исполнилось тридцать три года. Он был высок — метр восемьдесят семь — и внушал уважение мощной фигурой, массивной, широкоплечей, перевитой мышцами без капли жира. Волосы у него были не черные, но темные, с проседью, не короткие и не длинные, глаза серые, в зеленую крапинку, нос прямой, с небольшой горбинкой, губы крупные, но твердые, слегка выступавшие скулы, высокий лоб и упрямый подбородок, гово-

ривший о сильном характере. Несмотря на свою «крупногабаритность» и массивность, Тарасов двигался легко и непринужденно, с особой грацией хорошо тренированного человека. Правда, чтобы это увидеть, надо было обладать острым зрением и опытом наблюдателя. На людях капитан умел превращаться в добродушного медлительного богатыря, довольного жизнью и собой.

За свою военную карьеру Тарасов успел пройти несколько войн, побывать за границей, изъездить всю Россию вдоль и поперек и поучаствовать в десятках антитеррористических операций, которые оставили следы на его теле — пулевые и ножевые. Но он был профессионалом своего дела, владел уникальной казачьей системой рукопашного боя *«спас»* и умел выходить из самых безнадежных ситуаций живым и невредимым. Хотя дед Глеба, старый казак и первый его учитель, говорил, что в идеале воин должен не умело выпутываться из трудного положения, а не попадать в такое положение.

Выйдя из здания аэропорта, напоминавшего небольшую крепость, Тарасов закинул за спину спортивную сумку с пожитками и двинулся к стоянке автобусов, вспоминая, как он попал в элитную учебку спецназа ГРУ, где существовал негласный закон проверки новичков; тогда ему шел всего лишь двадцать пятый год, хотя за плечами уже были Чечня и Таджикистан.

Новичков в учебке ждало нелегкое испытание: после тестов на физкондицию, которые Глеб прошел легко, их «ломали» на занятиях рукопашкой все сотрудники спецкоманды, кто хотел размяться. Тарасова «ломали» пятнадцать человек, но лишь один из них — инструктор по рукопашному бою «дед» Васильев — смог работать с Глебом на равных. Тарасов легко уходил от любых захватов и ударов, что казалось удивительным при его видимой громоздкости, а в тычковой технике ему не было равных. Но заметили его основные способности — бесшумность, нестандартность мышления при проведении операций и способность перевоплощаться — далеко не сразу. Лишь в тридцать лет он стал старшим лейтенантом Пермского СОБРа, затем членом группы спецназа ГРУ «Омега». В тридцать два Тарасову присвоили звание капитана, но уже в сверхсекретном подразделении, подчиненном непосредственно начальнику президентской службы безопасности. Это была группа специального назначения «Хорс», о которой ничего не знали другие спецслужбы, в том числе ФСБ. Действовала она только по заданиям президента.

Убедившись, что за ним никто не следит, Тарасов сел в душный автобус вместе с двумя десятками пассажиров рейса Москва — Нальчик, встретил любопытный взгляд молодой женщины с ребенком, и мысли капитана свернули к воспоминаниям о собственной семейной жизни.

Женился он еще в двадцать два года, влюбившись без памяти в дочку командира полка, которой тоже приглянулся бравый сержант-сверхсрочник, способный за себя постоять и читавший наизусть Омара Хайяма. Когда ему исполнилось двадцать пять, у четы Тарасовых появилась дочка Акулина. Однако тогда уже их семейные отношения начали ухудшаться, молодая и красивая Людмила все чаще приходила в ярость по пустякам, ждать мужа из многочисленных командировок ей надоело, и рождение дочери ее не успокоило и не разрядило ситуацию. Через два года после этого она ушла от Глеба, забрав дочь.

Однако спустя год он узнал, что Людмила пустилась во все тяжкие, запила, стала употреблять наркотики. Тогда Глеб отпросился в увольнение, приехал в Кострому, где в то время обосновалась бывшая жена, попытался ее образумить, а когда не удалось — просто забрал дочь и уехал по месту службы, в Подмосковье. Самое интересное, что разыскивать его Людмила не стала. Лишь через три месяца в Москву приехал отец Люды, ставший к тому моменту пенсионером, поговорил с бывшим зятем, убедился, что внучка содержится в хороших условиях, и уехал, успокоенный. Ему было чем заняться к старости: бывший полковник ВДВ имел от четырех детей семь внуков, не считая Акулины.

Конечно, Глеб не мог много времени проводить с дочкой, интенсивно разъезжая по стране, исчезая иногда на две-три недели сразу. С Акулиной занималась сначала няня, потом мать Глеба и двоюродные сестры. Но затем мама умерла от сердечного приступа, и Тарасов отвез дочку в Вологду, к друзьям детства, у которых не было своих детей, к Сергею и Татьяне Зощенко.

Сергей слыл в Вологде известным коммерсантом, сумел открыть свое дело — его предприятие изготовляло отличного качества льняные и полотняные ткани, не уступавшие западным, — и с энтузиазмом согласился принять в семью пятилетнюю дочку Глеба. С тех пор она жила у Сергея и Тани, а Тарасов приезжал к ним, как только выдавалась свободная минутка. Что дочка ждет его, души в отце не чает и мечтает о поездках на родину отца, Глеб знал абсолютно точно. Когда Акулине исполнилось восемь лет, она все чаще вспоминала

об отце (и очень редко о матери), о чем Глебу докладывали потом воспитатели.

Девочка быстро научилась читать, увлеклась рисованием, хорошо училась, очень рано у нее проявились необычные способности: она совершенно точно предсказывала будущее, особенно если это будущее обещало неприятности или несчастья. Сергей рассказал Глебу случай, когда шестилетняя Акулина не пустила его и Татьяну на работу. Жили Зощенко на улице Петина и ездили в офис по улице Мира, пересекающей железнодорожные пути. И вот именно в тот момент, когда они должны были ехать по мосту через железную дорогу, мост рухнул, в аварию попали два десятка автомашин, многие водители получили серьезные травмы, трое разбились насмерть. Таким образом оказалось, что «закапризничавшая» вплоть до слез Акулина спасла своих приемных родителей.

Она и в дальнейшем чувствовала изменения полевой обстановки в окрестностях Вологды и не раз удивляла Сергея с Татьяной точностью предсказаний, выглядевших как фантазии ребенка, но отражавших действительность.

Глеб улыбнулся, вызвав в памяти образ дочери с длинной светлой косой, пухлыми губками и слегка удлиненным разрезом зеленоватых глаз. Подмигнул изображению и получил ответное ментальное подмигивание: их соединял канал внечувственного восприятия, и Тарасов всегда наверняка знал, хорошо дочери в данный момент или плохо. Он и сам обладал кое-какими необычными, с точки зрения нормального человека, способностями: видел в полной темноте, ощущал колебания электромагнитных полей, обладал великолепной интуицией, не раз спасавшей ему жизнь, и мог переходить в скоростной режим движения. Впрочем, это состояние касалось всего образа жизни и называлось т е м п о м. Обладатель т е м п а усилием воли переходил в измененное состояние сознания и ускорял физиологические процессы организма. Научиться этому было можно, хотя и архитрудно, однако Глеб имел задатки паранорма от рождения, а указания деда и долгие тренировки лишь усилили эффект.

Автобус остановился на площади, возле автовокзала. Тарасов не спеша вышел, окунувшись в облако зноя: температура воздуха здесь держалась под тридцать пять градусов. Люди кругом вяло спешили по своим делам, утомленные зноем, медленно двигались потоки автомобилей, водители которых и пассажиры также изнывали от жары, и никто не обращал внимания на столичного гостя.

Глеб направился к гостинице «Нальчик» в квартале от

автовокзала, где ему был заказан номер. В скверике напротив гостиницы он увидел круглолицего человечка с раскосыми глазами, похожего на японца. Он читал газету, одетый, несмотря на жару, в костюм песочного цвета, клетчатую рубаху и летние туфли. Но это был не японец, а эскимос, старлей, член группы, и звали его Имтук Тулунович Анылгин. Хотя в группе он был известен под кличкой Терминатор.

Вообще члены группы никогда не звали друг друга по имени и отзывались только на клички. Тарасова называли Старым, командира группы майора Тихончука — Хохол, подрывника Алексея — Хана, компьютерщика и связиста Сашу — Ухо, снайпера Колю — Черкес, и так далее. Терминатор в группе исполнял обязанности следопыта, охотника и второго снайпера, а в периоды подготовки к операции — завхоза. В Нальчик он отправился раньше всех и теперь ждал прибытия группы.

Тарасов прошел мимо, разворачивая жевательную резинку. Терминатор не пошевелился. Все было спокойно. Тогда Глеб вошел в гостиницу, подал в окошко администратора паспорт на имя Саакпаева Ильи Бешбалыковича и вскоре осматривал одноместный номер на третьем этаже здания с окном во двор. Когда он уже умылся с дороги и переоделся, в дверь тихо стукнули три раза.

Глеб открыл. Вошел Хохол, командир группы, жилистый, вислоусый, морщинистый, темнолицый, всем своим обликом подтверждавший справедливость данной ему клички.

Майору Тихончуку Владимиру Сергеевичу пошел тридцать шестой год, был он крепок, силен, хитер, великолепно владел армейской боевой системой, всеми видами оружия, а главное — умел руководить и вовремя уводить группу с места действия. В результате за два года работы группа не потеряла ни одного бойца убитым или раненым.

— Слушай анекдот, — сказал он вместо приветствия. — Идет лысый мужик по пустыне. Вдруг из-за угла чья-то рука — хвать его за волосы и шмяк об асфальт!

Тарасов подождал, сказал ровным голосом:

— Это все?

— А тебе мало? — рассмеялся майор. — Что такой невеселый? В самолете не выспался? Пить-есть хочешь? Сейчас сообразим. Слушай еще анекдот. Инспектирующий генерал распекает офицеров полка, все более распаляясь. «Разве это военная часть? Это бардак! А случись тревога?! А война?! Кто Родину за вас защищать будет?! Я, что ли?! Мне она и на хер не нужна!..»

Тарасов наконец улыбнулся.

— Похоже на правду. Где остальные ребята? Что с заданием?

Тихончук-Хохол сделался серьезным.

— Черкес будет к вечеру, Ухо уже работает, остальные ждут. Стемнеет, соберемся на квартире у наводчика, разберемся, что к чему. А пока изучай. — Майор подал Тарасову тонкую брошюру.

— Что это?

— История тюрков.

— Что? — удивился Глеб, расстегивая пуговицу на рубашке. — Зачем?

— Мы будем иметь дело с местным населением, большинство которого — балкарцы, кабардинцы, кумыки и каракалпаки, то есть тюрки, надо знать их обычаи. И объект наш, между прочим, тоже тюрк, балкарец. — Тихончук заметил блеснувшую на шее Тарасова цепочку. — Что это? Крест? Кулон?

Глеб качнул головой.

— Талисман. Дед подарил. Ты что, в первый раз видишь? Я всегда его с собой ношу.

— Не видел. Сними, лишняя примета.

— Не могу, это защита. Да и сейчас почти все кресты на цепях носят.

Командир группы нахмурился.

— Не мне тебе объяснять, что такие вещи недопустимы. Хочешь, чтобы тебя потом опознали?

Тарасов подумал, снял с шеи тяжелый серебряный кругляш с выбитыми на нем символами: две двусторонние пятизубые «вилки» крест-накрест и четыре правых свастики, — спрятал в карман.

— Покажи, — заинтересованно протянул руку Тихончук.

Поколебавшись, Глеб подал ему кругляш.

— Интересная штуковина, — хмыкнул майор. — Знаки какие-то... руны, что ли? Что они обозначают?

— Это старославянский амулет Рука Бога, символ Свентовита, высшего божества древних славян, приносящего победу в войне. Обеспечивает защиту от нападения врагов с четырех сторон света.

Тихончук еще раз хмыкнул, вернул талисман.

— Несть числа тайнам мира сего. В эти колдовские штучки я не верю, но верить не препятствую. Носи на здоровье, только не на задании.

— Он будет со мной, — упрямо сдвинул брови Глеб.

— Хорошо, хорошо, только убери с глаз долой. Пошли обедать, я тоже с утра не емши, на воде и на прохладительных напитках. Жарко тут у них, спасу нет.

По давней традиции «не светиться» в гостиницах обедать отправились в более шумное место, где много посетителей, и возле городского парка нашли кафе «Уют», забитое до предела потными телами служащих местных предприятий. Понюхав ароматы зала, Хохол покачал головой и повел Тарасова в ресторан «Эльбрус», располагавшийся в сотне шагов от кафе.

Народу в ресторане было не в пример меньше, по залу шелестел легкий ветерок работающего кондиционера, зато и цены здесь держались потолочные, хотя вряд ли гарантировали особое качество продукции.

— Ни фига себе! — пробормотал Глеб, пробежав глазами меню. — Обыкновенный бифштекс — четыреста тридцать рублей!

— Во-первых, не обыкновенный, а из мяса, — ухмыльнулся Тихончук. — Во-вторых, это не самая дорогая еда в мире. Ты в Испании или Англии бывал?

— Нет, в Алжире был, в Боготе, в Польше...

— Так вот, самым дорогим блюдом в мире является испанский шафран из тычинок и рыльцев крокуса. Его цена — двести с лишним фунтов стерлингов за сто граммов, или около четырехсот долларов.

— Неужели тебе удалось его попробовать? — недоверчиво прищурился Тарасов.

— А то!.. — самодовольно приосанился майор, потом подумал и со вздохом признался: — Впрочем, не буду врать, шафран я только видел издали. Заказывай, не стесняйся, сегодня плачу я.

Тарасов пожал плечами, заказал грибной жульен, фасолевый суп, форель и кофе. Тихончук, вопреки своим запросам, также остановил выбор на форели, и они без особых изысков пообедали, автоматически сканируя зал ресторана полем внимания. Однако все было тихо и спокойно, никто не следил за ними из-за штор и портьер, никто не вызывал подозрений и не проявлял интереса к гостям.

— Расходимся, — сказал майор, когда они вышли из ресторана, разомлевшие от еды, в пекло улицы. — Особенно не разгуливайся, а после шести будь у себя. Изучай материал.

Тарасов проводил командира группы взглядом и неторопливо побрел вдоль парка к центру города, разглядывая витрины магазинов, но не заходя в них. Обычно он посещал детские магазины, чтобы купить дочке игрушки или сувениры, но только после выполнения задания.

Выяснив у продавца газетно-журнального киоска, что «Детский мир» находится на проспекте Ленина, недалеко от гостиницы, в свою очередь, располагавшейся на улице Лермонтова, Тарасов купил две бутылки минеральной воды, отметил стоическую позу Терминатора, все так же изучавшего газету в сквере (потрясающее терпение у человека!), и поднялся к себе в номер. С удовольствием принял душ, осушил полбутылки ледяного нарзана и растянулся в одних плавках на кровати, взяв в руки «материал» майора.

До вечера Глеб изучал брошюру, узнав много интересного о тюрках вообще и о балкарцах в частности.

Оказалось, что тюркская этнолингвистическая общность включает в себя множество народов, стоящих на разных ступенях культурного, экономического и социального развития. Одни из них, такие, как якуты, тувинцы, шорцы, сохранили языческую веру своих пращуров, другие приняли буддизм, ислам, христианство: хакасы, татары, туркмены, казахи, каракалпаки, кыргызы, узбеки, башкиры, чуваши, кумыки, карачаевцы, балкарцы и так далее. За последние две тысячи лет неоднократно возникали и рушились великие кочевые империи, волнами расходились по Евразии тюркские племена, сгорая в огне междоусобных смут, войн и стихийных бедствий, рождались и умирали мифы и легенды о могуществе татаро-монголов, гагаузских племен и туркменских князей, возлагавших на себя венец «особой исторической предназначенности», и только одна легенда, не соответствующая действительности, но защищенная ортодоксами-историками, выжила и породила некую «виртуальную» реальность: легенда о татаро-монгольском иге. Во времена, коим приписывалось владычество великих кочевников, существовала единая Великая Русско-Ордынская Империя, завоевавшая полмира и никогда не воевавшая с монголами и татарами, которые сами были простыми воинами Империи.

Вычитал Глеб и кое-какие подробности о жизни кабардинцев и балкарцев, наравне с кыргызами представлявших собой самые древние тюркоязычные народы Центральной Азии.

Впервые они упоминались в конце третьего века до нашей эры в китайских источниках. Последующие столетия их бурной, полной драматизма истории были наполнены борьбой с кочевыми ордами гуннов, уйгуров, жужаней, монголов за самостоятельное существование. Сражались балкарцы, несмотря на малочисленность, отчаянно, и в девятом веке наступил звездный час в их истории, когда вместе с кыргызами они

разгромили уйгуров и стали независимой частью Кыргызского каганата.

Длилась эта идиллия до тринадцатого века, пока кыргызов не потеснила Великорусская Ордынская Империя, разбив их этнический массив на восточнотуркестанскую и саяноалтайскую группы. Балкарские отряды стали нести военную службу в рядах регулярного Русско-Ордынского войска на территории Монголии и Туркестана, а затем балкарцы и многие другие малые народы переселились к отрогам Западного Тянь-Шаня, попали в зависимость от халха-монголов и джунгаров и стали вести нескончаемую войну за независимость. Ничего не было удивительного в том, что и в начале двадцать первого века в рядах борцов за свободу и счастье народа появлялись национальные лидеры, ради власти готовые отделить республику от России, как это случилось в Чечне, Ингушетии, Татарстане и даже на Урале, который некие политики хотели сделать «свободной Уральской республикой» и вывести из состава Российской Федерации.

Таков был и «балкарский орел» Султан Мастафов, бизнесмен, депутат Городского собрания, открыто призывающий к вооруженной борьбе против «завоевателей» — русских, подогревающий сепаратистские настроения и национальную неприязнь и умело инспирировавший конфликты на этническо-религиозной почве на всей территории Кабардино-Балкарии.

Цель группы, в которую входил Глеб Тарасов, была «нейтрализация угрозы конституционному строю», то есть захват Мастафова и переправка его в Москву, где с ним должны были работать другие люди. Если захват по каким-то причинам был невозможен, командир группы решал на месте, оставлять объект в живых или нет. Правда, обычно группа справлялась с заданием и до ликвидации объекта дело не доходило.

Группа особого назначения «Хорс» была создана лично президентом Прямушиным, бывшим полковником спецслужб, из самых сильных и засекреченных профессионалов Главного разведуправления Генерального штаба Российской Армии и спецвойск МВД для «защиты Конституции России». Ее численность была невелика: десять человек занимались разведкой, сбором данных и анализом обстановки, обеспечением исполнителей всем необходимым, используя самые современные технологии и системы, вплоть до компьютерных сетей Министерства обороны, семь человек представляли собой активное ядро, отряд исполнителей, способных действо-

вать адекватно в любой экстремальной ситуации. Бойцом этого подразделения и был капитан Тарасов.

В начале седьмого к нему зашел Тихончук.

— Запоминай адрес: улица Пушкина, семьдесят семь, квартира три. Это рядом с телевышкой. Встречаемся в половине восьмого. Начинаем работать, поэтому проверься.

— Обижаешь, начальник. Все прибыли?

— Вопрос отметаю как лишний. Проштудировал материальчик?

— Вопрос отметаю как лишний.

— Ага, тогда на́ вот, почитай еще. — Хохол протянул Тарасову лист бумаги с текстом на русском и балкарском языках. — Это обращение местного Союза национального самосознания к народу. Любопытный документик.

Майор ушел.

Глеб разгладил бумагу и прочитал: «Мы, молодые защитники Отечества, обращаемся ко всем тем, кому надоело жить в этом бардаке под игом пришельцев с севера, в стране, созданной обалдевшими от маразма и застарелых амбиций функционерами КПСС, дело которых продолжили их бывшие ученики-комсомольцы и агенты спецслужб. Эти люди монополизировали право определять наше будущее! Они украли и распродали государство, которое на своих костях тысячи лет строили наши деды и прадеды. Они поставили нас на огромные деньги, взяв под бешеные проценты займы на Западе, а отдавать их придется нам, наши детям и внукам, всему народу! Они сделали нас рабами собственного разгильдяйства, оставаясь неприкасаемыми. Они предали народ, пообещав старикам покой, молодым работу, и ничего не сделали! Зато они имеют власть и шикарные дачи...»

Глеб хмыкнул, повертел в руках листок, дочитал концовку: «Пора нам самим осуществить свое право определять нашу судьбу и решать за себя наши проблемы! Для начала надо немедленно объявить независимость нашей маленькой, униженной, страдающей, но гордой Республики от Российского монстра! Пусть Россия идет своим путем, мы пойдем своим! Присоединяйся к нам! Если ты с нами, если ты хочешь жить свободно, в принадлежащем только тебе мире, хочешь строить его и защищать, иметь свой кусок хлеба, вступай в наш Союз! Мы изгоним завоевателей с наших земель, сбросим ярмо рабства и станем Великой Державой! Кто не с нами, тот против нас!»

Молодец, господин Мастафов, подумал Глеб, пряча листовку в карман. Знает, какие струны необходимо задеть в душе каждого, чтобы взыграли националистические настроения. Он действительно опасен.

В половине восьмого Тарасов отыскал нужную квартиру, за которой вел наблюдение еще один член группы — Коля Черкес, подавший капитану условный знак, что все спокойно. Глеб постучал в обитую черным дерматином дверь, его впустили. В двухкомнатной квартирке, в которой почти полностью отсутствовала мебель, собрались все, с кем Тарасов работал уже два года.

Алексей Хана в расстегнутой до пупа рубашке потягивал пиво. Роман по кличке Ром тоже держал в руке жестянку с пивом. Он жары не боялся и был одет в серый костюм с галстуком. Саша-компьютерщик по кличке Ухо сидел за столом и колдовал над хайдером[1]. Очкастый, тощий, вихрастый, он не производил впечатления супермена, однако был прекрасным специалистом своего дела, мог взломать защиту любого сервера и при нужде постоять за себя, владея универсальной боевой системой. В группу он перешел из Управления специальных операций ФСБ.

Терминатор, так же спокойно переносивший жару и духоту, несмотря на менталитет северного человека, осклабился, увидев Тарасова, и помахал ему рукой. Он следил за улицей. Почему-то эскимос относился к Глебу с большим расположением, чем к остальным коллегам.

Глеб поздоровался с ним за руку, подставил ладонь под удар Алексея, обнял Романа и потрепал по плечу Сашу.

— Не могу представить тебя без компа. Ты, наверное, и спишь с ним.

— Это его приставная рука, вернее, голова, — хохотнул загорелый улыбчивый Роман, постриженный почти под ноль. — Причем основная. — Он повернулся к Тарасову. — Тебе атаман давал читать листовку? Что ты об этом думаешь?

— По большому счету, составитель текста прав, — вмешался в разговор Хана. — Особенно в части предательства властителей и олигархов. Я бы их сам передавил как тараканов.

— Мне больше понравилось про быдло, — сказал Глеб, — поднявшееся на вершины власти. Из грязи в князи. Что в Думу, что в правительство.

— Надо подкинуть президенту идейку почистить верхние эшелоны, — кивнул Роман. — Делегируйте меня к нему.

---

[1] Хайдер — переносной компьютер в виде перчатки, надевающийся на руку, с раздвигающимся веером пластин управления.

— Тебе вредно пить алкоголь, — осуждающе покачал головой Терминатор. — После него тебя тянет на подвиги.

— Это же только пиво, — удивился Роман. — К тому же, как говорил Миша Жванецкий, алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах.

Тарасов засмеялся.

Вошел Черкес.

Из кухни в гостиную на стук двери выглянул Тихончук, за ним — небольшого роста чернявый мужчина средних лет, видимо, хозяин квартиры.

— Что там?

Черкес молча показал кольцо из большого и указательного пальцев, что означало: все тихо.

— Тогда начнем, господа. Хватит трепаться и пить всякую гадость.

— Одну минуту, — бросился к туалету Роман, — кажется, мое пиво дошло до конца.

Все засмеялись.

— Несерьезный человек, однако, — осуждающе покачал головой Терминатор.

— Знакомьтесь, — сказал Тихончук. — Амид, наш друг и проводник, работник местного отделения Федеральной службы безопасности. Сочувствует, так сказать, нашему делу. Он поможет нам сориентироваться на местности. Теперь хочу напомнить всем, что это не крестовый поход и не карательная экспедиция. Наша цель — захват экстремиста, а не мочиловка подонков.

— То есть ты хочешь сказать, что мы будем работать без оружия? — прищурился Черкес, владевший всеми видами холодного оружия лучше всех в группе.

— Оружие, товарищ старший лейтенант, получите на финальной стадии операции, — посмотрел на него майор. — А пока обойдемся без десантных финарей, пятнистых комбезов и сухпая. Теперь кончайте чесать языки и слушайте сюда. Диспозиция такова. Рассказывай, Амид.

— Извините за неудобства, — сказал с акцентом проводник. — Можете сесть на кровать.

— Постоят, — махнул рукой Тихончук.

— Думцы сейчас на каникулах, и Мастафов в Доме Советов не появляется, поэтому брать его придется в другом месте. В основном он посещает три объекта: ипподром, дачу с выходом на пляж и ресторан «Адыгей». Я бы посоветовал брать его на ипподроме.

— Почему не на даче? — хмыкнул Черкес.

— Султан считает ипподром своей вотчиной, у него там офис, и он не будет ждать нападения именно в хорошо охраняемой, по его мнению, конторе. Дача же считается стандартно уязвимым объектом и поэтому будет охраняться усиленно. Можем нашуметь.

— Логично. Шум нам ни к чему.

— Охраняют Султана спецназовцы из республиканской бригады охраны особо важных персон, ходят во всем черном, на рукавах эмблема: двухголовый волк. Но его, кроме «волков», сопровождают везде четверо личных телохранов, все — бывшие спортсмены, боксеры и каратеки. В том числе бывший чемпион ближнеазиатских боев без правил Али Билялов по кличке Дракон.

Бойцы группы переглянулись.

— Кажется, я что-то слышал о нем, — проговорил Черкес. — Года три назад с ним произошла какая-то некрасивая история...

— Во время соревнований он убил противника, — усмехнулся смуглолицый Амид. — Отсидел год в тюрьме и вышел, после чего оказался в команде Султана. Очень сильный, жестокий и опасный человек.

— Не таких ломали, — пренебрежительно махнул рукой Роман, но поймал выразительный взгляд майора и сконфуженно умолк.

— Досье на Мастафова имеется? — спросил Тихончук.

— Как и на любого политика такого масштаба. Любит выпить, любит девочек, особенно несозревших, пятнадцатишестнадцатилетних, балуется наркотой, торгует лошадьми, подозревается в похищении людей с целью получения выкупа. Но местное УВД у него на коротком поводке, поэтому ни одно заведенное уголовное дело до суда не дошло.

Черкес покачал головой.

— Вы все знаете и ничего не делаете, чтобы вывести его на чистую воду?

— За ним стоят слишком мощные силы...

— Все равно!

— Остынь, Черкес, — бросил майор. — Потому мы и здесь, что с Мастафовым иными методами справиться невозможно. Бандиты везде полезли во власть, купив милицию и прокуратуру.

— Хорош наш «балкарский орел», нечего сказать, «защитник сирых и убогих, радетель за свободу отечества». Сепаратист поганый!

— Тем лучше для нас, в случае чего такого и шлепнуть не жалко, — проворчал Хана.

— Итак, господа профессионалы, — прервал подчиненных майор, — у нас три дня на изучение местности, поиск подходов к объекту и подготовку операции. В субботу он должен быть упакован и отправлен «диппочтой» в Москву. Продолжай, Амид, показывай ипподром.

Проводник достал карту города и расстелил на столе.

Группа «Хорс» приступила к изучению места проведения операции захвата.

Бывший государственный республиканский, а теперь частный ипподром располагался на краю Нальчика, где начиналось Баксанское шоссе, и занимал площадь в сто двадцать два гектара. С юга его ограничивала Черная речка, западная часть выходила на городскую свалку, а восточная и северная окраины ипподрома упирались в хилый лесочек. Подобраться к нему незаметно можно было с любой стороны, однако группа Тихончука имела другой план и намеревалась привести его в исполнение на глазах многих десятков человек, завсегдатаев ипподрома, пришедших в субботу полюбоваться на скачки и поучаствовать в тотализаторе.

Тарасов подъехал к ипподрому со стороны служебного входа на белом, с красной полосой и крестом, «бычке». Охрана стоянки, где уже красовался «шестисотый» «мерс» Мастафова и четыре джипа разного калибра, не обратила особого внимания на машину «Скорой помощи», так как это было в порядке вещей. Во время скачек у ипподрома всегда дежурила бригада медиков, так как нередко случались падения жокеев, а то и драки среди зрителей, сопровождавшиеся травмами и увечьями. Правда, на этот раз вместо врача и медбрата приехали Тарасов и Роман, заменив настоящих медиков за полчаса до их появления на ипподроме. В данный момент врач и два санитара мирно спали в грузовом вагоне на железнодорожном вокзале Нальчика.

Глеб поставил машину рядом с джипом «Лендровер», и они с Романом, одетые в белые халаты, не торопясь, двинулись к весовой, где обычно встречались все официальные лица ипподрома. Вежливо здороваясь с охранниками у ворот и на входе в административное двухэтажное здание ипподрома, за которым располагались многоярусные трибуны, они проследовали гулким прохладным коридором к выходу на поле и устроились на своем рабочем месте между кабинкой судьи и

столиком с весами. Навес защищал их от прямых лучей солнца, что облегчало ожидание. Тарасов сделал вид, что наблюдает за жокеями в разноцветных костюмах, а сам нашел глазами Черкеса и Ухо, сидевших на самом верху трибун. Ложа для особо важных гостей располагалась в центре трибун, нависая над первыми рядами. Мастафов уже находился здесь вместе с мэром города и своими друзьями, контролирующими весь игорный бизнес Нальчика.

Начались скачки. После третьей — чегемской барьерной с гандикапом — заговорила рация в ухе Тарасова:

— Тройка и Четверка, внимание! Скоро ваш выход!

— Мы готовы, — почти не шевеля губами, ответил Глеб.

— Красиво пошли, — сказал Роман, кивая на рванувших с места одиннадцать лошадей. Одна из них, начавшая бег у внутреннего ограждения, с жокеем в красной шапочке, караковый жеребец по кличке Ветер, сразу вышла вперед, вызвав бурю криков на трибунах.

Султан Ахмедович Мастафов, грузный, большеголовый, с гривой черных волос, падающих на плечи, с хищным носом и небольшими усиками, не красавец, но из тех, на ком взгляд невольно задерживается, сидел в окружении приятелей, смеялся, пил холодное пиво, совершенно при этом не потея, и разговаривал с женой мэра, полной блондинкой. Мэр, похожий на него фигурой и осанкой, благодушно улыбался. Одеты оба были в одинаковые белые летние рубашки с короткими рукавами и белые брюки, и Тихончук, наблюдавший за объектом через оптический прицел снайперской винтовки (он сидел в полутора километрах от трибун ипподрома, на холмике за ограждением, в кустах), волновался за своих бойцов, вполне способных перепутать цель.

Однако беспокоился он напрасно.

Как только скачка закончилась — ее выиграл караковый Ветер с жокеем в красном — и трибуны ликующе взревели, Терминатор, играющий роль разносчика прохладительных напитков, с трех метров выстрелил в Мастафова из парализатора, спрятанного в лотке. В следующее мгновение владелец ипподрома обмяк и мешком сполз с сиденья на пол яруса.

— Врача! — закричал Терминатор тонким голосом.

— Вперед! — проскрипела рация в ухе Тарасова.

Захватив носилки, Глеб и Роман бросились по ступенькам вверх, в ложу для особо важных лиц, где уже началась легкая паника, суетились телохранители Мастафова и начала собираться толпа зрителей. Медиков пропустили к телу босса почти беспрепятственно. Телохранители были растерянны и

не знали, что делать. Выстрела Терминатора они не слышали и не могли слышать, парализатор «нокаут» работал бесшумно, а его энерголуч был не виден.

— Оттесните всех назад! — приказала «врачиха» (Роман) самому могучему из охранников Мастафова; это и был Али Билялов — Дракон. — Дайте воздуха.

Дракон посмотрел на медиков в недоумении, и Роман добавил, наклоняясь над закатившим глаза владельцем ипподрома:

— Сделайте вентиляцию.

Телохранители сняли пиджаки, обнажив подмышечные кобуры с пистолетами, и стали махать над телом босса, «делать вентиляцию».

Роман прижал пальцы к шее Мастафова, затем приложил ухо к груди. Нашел глазами Тарасова:

— Носилки! Кислородную маску!

Тарасов умело развернул носилки, открыл чемоданчик с медицинскими причиндалами, подсоединил к патрубку маски кислородную подушку.

— Что с ним? — угрюмо поинтересовался Дракон.

— Сердце, — коротко отозвалась «врачиха». — Возможно, инсульт. Грузите его на носилки, быстро в «Скорую»!

— Мы повезем его на своей машине.

— У вас нет необходимой аппаратуры и средств первой помощи. Помогите санитару.

Дракон махнул рукой своим подручным, они уложили тяжелое тело Мастафова на носилки и понесли к выходу. Тарасов шел рядом, придерживая на лице «больного» маску и кислородную подушку.

У машины их ждал Черкес в белом халате, успевший спуститься с трибун вниз и переодеться. Открыл задние дверцы «бычка», вскочил внутрь, прикрикнул баском:

— Осторожнее, не уроните!

Носилки с телом Султана Ахмедовича погрузили в машину. Роман быстро закатал рукав «больного» и померил давление, в то время как в кабине умещались «санитары» и телохранители директора ипподрома. Они хотели залезть все четверо, но «врачиха» строго скомандовала:

— Двое останьтесь, остальные вон! Поедете следом. — Она повернулась к Тарасову. — Гони в кардиоцентр, Володя, в Дубки, в «Скорой» нет такого оборудования. — Взгляд на Черкеса. — Готовь укол, Шариф. Кордиамин, корглюкон, глюкоза.

Тарасов сел за руль и погнал «Скорую» прочь от ипподрома, как только охранник открыл ворота. Включил сирену. За ним рванулись два джипа с охранниками Мастафова.

Кавалькада помчалась по шоссе к центру города, свернула направо, двигаясь к окраине Нальчика, где находился республиканский кардиологический центр. Однако до больничного городка в Дубках она не доехала.

На улице Мансура Тарасов резко увеличил скорость, проскакивая мимо выезжавшего из переулка почтового фургона, перегородившего проезжую часть улицы, и джипы сопровождения вынуждены были остановиться. Тарасов свернул в переулок за аптекой, затем во двор старого пятиэтажного дома, где среди стареньких «Жигулей» и «Нив» стоял точно такой же «бычок» с красным крестом на боку. Он тут же тронулся с места, выруливая на улицу. На месте водителя сидел Хана.

— В чем дело? — насторожился Дракон, выглядывая в окошко.

— Приехали, — сказал Тарасов, оборачиваясь и стреляя в телохранителя Мастафова из парализатора.

В то же мгновение Черкес вонзил в шею второго телохранителя иглу с препаратом, вызывающим шок, а затем длительный сон.

— Я пошел. — Роман выпрыгнул из кабины «бычка», как был, — в халате, сел рядом с Ханой, играющим роль шофера второй «Скорой помощи», и они уехали, чтобы отвлечь сопровождение на джипах, пока охранники не опомнились. В Дубках бойцов группы ждал на стареньком «БМВ» Амид, знавший окрестности как свои пять пальцев.

Тарасов и Черкес перегрузили тело Мастафова в стоящий во дворе минивэн «Колхида» серебристого цвета, с темными стеклами. Глеб поставил машину «Скорой помощи» с лежащими внутри телохранителями Султана Ахмедовича в нишу между металлическими гаражами, чтобы он был не виден с улицы, вылез из кабины и столкнулся с Драконом, ударом ноги сорвавшим дверцу салона.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Глаза у бывшего чемпиона боев без правил были мутные, но с каждым мгновением прояснялись, светлели, наливались яростью и свирепой жаждой убийства. Глеб стрелял в него сквозь стену салона машины, и луч парализатора, очевидно, был частично поглощен металлическим листом. А может быть, дремучая психика телохранителя была маловосприимчива к психотронному излучению.

Дракон, широкий, могучий, в буграх мышц, с длинными руками, кривоногий, низколобый, ударил.

Глеб качнулся влево, пропуская мощный кулак противника, ударил в ответ, отбрасывая его к воротам ближайшего гаража.

Дракон снова пошел вперед, как танк, заработал кулаками, сделал молниеносный выпад ногой, целя Глебу в колено, и тому пришлось ставить блоки и уходить от ударов, каждый из которых вполне мог пробить кирпичную стену. Наконец он перешел на т е м п и дважды опередил противника, попав по нервным узлам на предплечьях и под мышками, заставив Дракона опустить парализованные руки. Затем Тарасов свил спираль целостного движения, стохастическим элементом которого была траектория тела Дракона, и нанес один-единственный точный удар с выплеском энергии.

Тычковый — костяшками пальцев — удар пришелся в переносицу гиганта, и телохранитель Мастафова молча рухнул навзничь с остановившимся взглядом.

К «бычку» подскочил Черкес с пистолетом в руке.

— Что ты тут возишься?! Этого бугая только пулей достать можно. — Он глянул на сорванную дверцу, на тело Дракона. — Мать твою! Ну и шкаф! Ты в него не попал, что ли?

— Попал, но у него не голова — кость одна. Вот и пришлось дать честный бой.

— Тебе повезло, в честном бою всегда побеждает жулик, а он уж точно жулик! Поехали, а то сорвем график. Хорошо, что сегодня суббота, все сидят по домам.

Они забрались в «Колхиду», и Тарасов погнал машину по улицам Нальчика на север, в сторону аэропорта. Через полчаса они были на месте, на краю летного поля, к которому можно было легко подобраться пустырем. Здесь их у вертолета ждали Тихончук, Ухо и пилот, входящий в группу обеспечения. Еще через минуту, переложив спящего Мастафова в кабину вертолета, они были в воздухе. Главное было пересечь границу Кабардино-Балкарии до начала тревоги и попытки милиции республики перекрыть дороги и воздушное пространство. В Минеральных Водах группу ждал фургон с фруктами, оборудованный спецкабинкой для транспортировки людей, в котором люди майора собирались довезти Мастафова до Москвы.

Точно так же действовали и бандиты, похищавшие людей с целью выкупа. Группа «Хорс» хорошо изучила методы работы похитителей, применяя их для своих целей. Только действовала она с благими намерениями и по заданиям первого лица государства, объявившего войну террору и коррупции.

— Тройка, Пятерка, что у вас? — включил рацию Тихончук.

— Все в порядке. Настырные ребята эти охранники, — отозвался Роман. — Еле оторвались. Спасибо Амиду, иначе пришлось бы уходить в полном контакте, что чревато.

— Где Терминатор?

— С нами, только что подобрали.

— Добирайтесь домой по варианту «А», но не забывайте главное правило.

— Не занудствуй, командир, мы хоть и любим исключения из правил, но инструкции блюдем.

— Конец связи.

— Аминь!

— Тьфу, дурак! — выругался Тихончук, выключая рацию. — Когда-нибудь язык подведет его под монастырь.

— А о каком ты главном правиле упомянул? — поинтересовался Черкес.

— Есть такое спецназовское уложение: телеграфный столб бьет машину только в порядке самозащиты.

Тарасов засмеялся, вдруг ощущая, как с души свалился камень. Они снова выполнили задание, не наделав ошибок, не потеряв при этом ни одного человека и не допустив гибели случайных людей. Именно это обстоятельство и позволяло капитану справляться с угрызениями совести, так как он вполне отдавал себе отчет, что группа действует вне закона. Несмотря на благие цели и личную заинтересованность главы государства в ее успешной деятельности.

МОСКВА

ПОХИЩЕНИЕ

Москва издавна привлекала охочий люд со всех концов государства. Здесь можно было найти защиту от беззакония и легко сбыть продукцию своего труда. Бояре, князья и монастыри стремились привлечь как можно больше трудолюбивых ремесленников в свой город. Ремесленники же селились, как правило, вместе: кузнецы — с кузнецами, кожевенники — с кожевенниками, мануфактурщики — с мануфактурщиками. Так в столице появились специальные слободы. Обитателям слобод давались особые привилегии, в частности, освобождение от налогов или охранные грамоты.

Мещанская слобода образовалась другим путем.

Во время русско-польских войн второй половины семнадцатого века жители многих пограничных польских городов и деревень оказались в зоне боевых действий. Некоторые из

поляков выразили желание переехать в Россию сами, другие были переселены насильственно. В число последних входили не только военнопленные, но и мирные граждане, захваченные русской армией и обращенные в холопство. В Москве их стали расселять в особой слободе, учрежденной в конце тысяча шестьсот семидесятого года и названной Мещанской — от польского слова meiszczanin, то есть горожанин. За Сретенскими воротами Земляного города отвели землю и разделили между мещанами.

В планировке Москвы до сих пор сохранились следы этой слободы: несколько длинных, идущих параллельно, улиц, так же называемых Мещанскими. Главная же улица бывшей слободы — Первая Мещанская, в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году в связи с происходившим тогда в Москве Всемирным фестивалем молодежи и студентов была переименована в проспект Мира. Именно на этой улице, по сути — одной из главных сухопутных дорог, соединявших центры нескольких княжеств — Москвы, Переславля-Залесского, Ростова, Ярославля, — и купил квартиру в конце двадцатого века один из известнейших музыкантов и дирижеров России Дмитрий Тарик-Магиев.

Родился Дмитрий Исаевич в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году в Ингушетии, в восемьдесят восьмом перебрался в Ленинград, стал известен далеко за пределами Ленинграда как скрипач-виртуоз, музыкант симфонического оркестра Ленинградской филармонии. В середине девяностых он стал художественным руководителем филармонии и главным дирижером оркестра. В начале двадцать первого века Тарик-Магиева узнал весь мир. Он возглавил Театр оперы и балета Санкт-Петербурга, много времени проводил за границей, дирижируя Лондонским и Филадельфийским оркестрами, а затем переехал в Москву как главный дирижер Русского государственного симфонического оркестра.

В две тысячи втором году он женился на дочери известного певца Камышинского, а в две тысячи третьем у Тарик-Магиевых родился сын.

Жили супруги сначала в квартире у тестя на Тишинке, потом Дмитрий Исаевич купил четырехкомнатную квартиру в Мещанской слободе, в доме номер двадцать по проспекту Мира, и семья переехала в отделанное по европейскому стандарту жилище.

Дом этот когда-то принадлежал Григорию Захарьину, знаменитому московскому эскулапу, грозе и последней надежде заболевших столичных богатеев. Он был крупным ученым,

основоположником русской клинической терапии, необыкновенным диагностом, о котором ходили легенды, умеющим якобы с первого взгляда распознавать любую болезнь.

После Захарьина дом перешел во владение к его сыну Сергею. Затем здание в тысяча девятьсот девятом году приобрел сибирский купец Василий Афанасьевич Арацков, который заказал молодым архитекторам братьям Весниным переделать старый дом: так появился балкон по фасаду, окна были расширены, антресоли разобраны, изменились интерьеры. Таким этот старинный дом и дошел до начала третьего тысячелетия. Внутреннее его убранство изменили уже новые владельцы квартир, среди которых было немало известных людей, политиков, депутатов Госдумы, бизнесменов и бандитов.

Дмитрий Исаевич продолжал ездить по странам мира с выступлениями, редко бывая дома. Сына воспитывали гувернантки и старики, родители музыкальной пары. Лидия Камышинская пела в хоровой капелле и тоже бывала дома нечасто. Беда случилась, когда их сыну Руслану исполнилось восемь лет.

Он уже заканчивал второй класс частной школы «Фратрис», готовился на летние каникулы уехать в Швейцарию, где обычно отдыхал Дмитрий Исаевич, который вопреки желанию жены и родственников не спешил отдавать сына в европейские учебные заведения.

Обычно Руслана отвозил и привозил из школы охранник квартиры, он же водитель личного автомобиля Тарик-Магиева; у дирижера был «Вольво» последней серии. Но если Дмитрий Исаевич был в Москве, он сопровождал сына лично.

Так было и в этот день двадцать третьего мая, во вторник. Дмитрий Исаевич отвез Руслана в школу утром — занятия начинались в восемь сорок пять — и отправился за ним к семи часам вечера, чтобы доставить домой и позаниматься с сыном. Через три дня он должен был лететь в Германию и старался провести с Русланом как можно больше времени.

Охранника на этот раз он с собой не взял, уверенный в себе, не задумывающийся о криминальной обстановке у себя на родине, которую он практически не знал.

Руслан рос мальчиком болезненным, физкультуру и спорт не любил, носил очки и стеснялся участвовать в играх сверстников. Зато любил читать, и квартира Тарик-Магиевых напоминала библиотеку, в которой с удовольствием рылся отпрыск дирижера.

Поговорив с классной руководительницей, Дмитрий Исаевич взял Руслана за руку и повел к выходу. Въезд на террито-

рию школы запрещался, и автомашины приезжавшие за чадами родители ставили за оградой школы, между линейкой старых девятиэтажек и оградой парка. Когда Дмитрий Исаевич усадил сына в машину и собирался сесть за руль, к нему подошла миловидная женщина с ярко накрашенными губами и сказала хрипловатым голосом:

— Простите, пожалуйста, Дмитрий Исаевич, вы мне не поможете? У меня машина не заводится.

— Вы меня знаете? — удивился Тарик-Магиев.

— Моя дочь учится с вашим сыном в одном классе. Лиля Березанская.

— Но я не слишком опытный водитель...

— У меня такая же машина, как и у вас, — «Вольво».

— Где она?

— Да вон стоит, у соседнего дома.

— Хорошо, пойдемте посмотрим. Руслан, вылезай. — Дмитрий Исаевич открыл дверцу машины, помог сыну выбраться.

Они направились вслед за родительницей, которая поспешила вперед, оглядываясь на них с виноватой улыбкой. На двух мужчин мрачного вида, возившихся у джипа «Мерседес» неподалеку, и на еще одного молодого человека, прохаживающегося возле соседнего подъезда с трубкой мобильного телефона в руке, Тарик-Магиев внимания не обратил.

Был теплый весенний вечер конца мая, откуда-то из парка доносилась музыка, слышался смех, жители девятиэтажек возвращались с работы, многие выгуливали собак, людей вокруг было много, и эта их бытийная суета приводила душу в умиротворение. Лишь опытный взгляд мог заметить целенаправленное движение нескольких человек, сосредоточивших внимание на одной цели. Однако музыкант и дирижер Дмитрий Исаевич Тарик-Магиев не обладал таким взглядом.

— Вот, полюбуйтесь. — Мнимая мама одноклассницы Руслана села за руль серого цвета «Вольво» сотой модели, включила двигатель, но он не завелся. — Не знаю, что случилось. Всегда заводился с полоборота.

— Бензин есть?

— Кажется, полбака. Свечи я проверила. Сядьте на мое место, посмотрите опытным мужским оком.

Дмитрий Исаевич не без колебаний занял место водителя, попробовал повернуть ключ зажигания, в то время как его сын стоял рядом, с интересом следя за отцом. Оба они не заметили, как за спиной родительницы возник загорелый молодой человек в джинсовой безрукавке, с телефоном в руке.

— Да вы же не выключили противоугонку, — обрадовался Дмитрий Исаевич, вдруг заметив мигающий над рукояткой переключения скоростей огонек «клиффорда».

— Да? — наклонилась к нему женщина и выстрелила из парализатора, не вынимая его из сумочки.

И Тарик-Магиев потерял сознание, не успев понять, в чем дело.

— Садись, — распахнула заднюю дверцу женщина, подталкивая Руслана. — Прокатимся.

Мальчик растерянно посмотрел на уткнувшегося лбом в панель управления отца, попытался освободиться от цепкой руки женщины, но из кабины высунулась рука молодого человека с телефоном, неведомо как оказавшегося в салоне, и дернула Руслана к себе. Очки с него упали на землю, но похитители не обратили на них внимания.

Возле автомашины остановился джип «Мерседес», загораживая «Вольво» от подъезда дома, двое мужчин мгновенно пересадили безвольное тело дирижера на место пассажира, сели в джип и уехали. Женщина села за руль, дверцы «Вольво» закрылись, машина тронулась с места, выкатилась на улицу и исчезла.

Все это произошло так быстро, слаженно, тихо, без суеты, что ни один человек возле школы не обратил внимания на эту сцену. Лишь бомж, проходивший мимо шеренги автомашин в поисках пустых бутылок, заметил лежащие на земле очки, покачал головой и прошел мимо. Потом вернулся, чтобы поднять и положить в карман. На всякий случай.

О том, что известный дирижер Тарик-Магиев пропал без вести вместе с сыном, Управлению внутренних дел района стало известно через час двадцать минут после случившегося. В милицию позвонила обеспокоенная молчанием мужа супруга Дмитрия Исаевича. Еще через полчаса была найдена его машина, мирно стоявший у ограды школы «Фратрис». Был объявлен розыск Тарик-Магиева, введен план «Перехват», однако это ничего не дало. Дмитрий Исаевич и его сын Руслан словно растворились в воздухе, не оставив следов. Одно казалось ясным милицейским специалистам: произошло очередное похищение обеспеченного человека, за которого можно получить хороший выкуп. Такого рода бизнес продолжал процветать на российских просторах, и арест многих лидеров преступных банд, промышлявших разбоем, покушениями и

похищениями людей, не останавливал тех, кто хотел заработать таким способом и имел скрытые базы.

В тот же день двадцать третьего мая по всей территории России было совершено тридцать одно нападение на граждан, двадцать восемь из которых закончилось похищением заложников. В России окончательно сформировался устойчивый механизм спроса на похищения, была создана схема взаимоотношений между властными структурами, в том числе военными и спецслужбами, легко превращающая любые, внешне кажущиеся чисто политическими, обстоятельства в обычный бизнес. За многими событиями, запомнившимися обществу как громкие политические скандалы, реально стояли деньги и только деньги. Зачастую — очень большие деньги!

Торговля людьми как род бизнеса зародилась на Кавказе задолго до начала первой чеченской войны. Впервые об этом заговорили еще в Карабахе, где практика обмена и выкупа заложников получила широкое распространение. Тогда вопросы обмена решались «по-соседски» и привели к образованию в Карабахе мононациональных сел.

Практика получения прибыли от целенаправленного захвата людей приобрела широкое распространение во время войн в Южной Осетии и Абхазии. Так, например, была похищена мать бывшего первого секретаря Юго-Осетинского обкома КПСС, за которую был заплачен выкуп, несмотря на то что спецслужбы республики знали о местонахождении пленницы.

В дальнейшем, когда практика захвата ради выкупа родственников обеспеченных граждан приняла на Кавказе угрожающие масштабы, в подавляющем большинстве случаев родственники предпочитали платить выкуп, а не проводить спецоперации по освобождению или изматывать похитителей бесконечными переговорами. И этот бизнес начал перемещаться с Кавказа в центральные и даже северные районы России, достигнув пика к окончанию второй чеченской войны, переросшей в бандитско-партизанскую. Но и годы спустя людей продолжали похищать, причем не только пришельцы с Кавказа, но и доморощенные бандиты.

Вся территория России превратилась в один огромный страшный рынок по торговле заложниками.

Конечно, нельзя было утверждать, что с этой напастью не боролись. Оперативники Центрального регионального управления по борьбе с организованной преступностью не раз задерживали банды, занимавшиеся похищениями людей. Например, в апреле в Москве бандиты похитили сына вице-

президента концерна «Фторопласт», потребовав за его жизнь выкуп в семь миллионов долларов. Через миссию ОБСЕ семья предпринимателя получила фотографию сына и записку от него: «У меня пока все нормально, но неизвестно, что будет дальше. Обстановка с каждым днем накаляется». Он также написал, что удерживается на территории Ставропольского края. Пятого мая при передаче денег в райцентре Старица Тверской области были задержаны главарь банды Ипал Салманов, его двадцатилетний сын Талбек, брат Исламбек, все трое — уроженцы Самашек, и двое русских — Грязнов и Любихин из Твери. Сына предпринимателя удалось освободить. Но это была буквально капля везения в море неудач правоохранительных органов.

Похищения людей продолжались.

Над Землей летали орбитальные станции «Альфа» и «Мир», строилась китайская станция, готовилась экспедиция на Марс, заработал первый термоядерный реактор, ученые на адронном синхротроне-коллайдере расщепили протон и обнаружили бозон Хиггса, компьютеры научились слушать речь и говорить с оператором, но в сфере межчеловеческих отношений почти ничего не изменилось. Люди по-прежнему продолжали воевать друг с другом за деньги, порождающие такую эфемерную и такую реальную структуру, как власть.

МОСКВА. КРЕМЛЬ

КОЕ-КАКИЕ СЕКРЕТЫ

Кабинет для доверительных бесед президента Прямушина Георгия Георгиевича представлял собой большую, но светлую и уютную комнату с голубыми, украшенными майоликой стенами, красивыми оконными портьерами с видами Фудзи и люстрой «хрустальный терем», изготовленной в Гусь-Хрустальном по специальному заказу. Президент был человеком сравнительно молодым, спортивным, ценил эстетику и комфорт, а главное — почти предельную функциональность, поэтому мебель в своих кабинетах выбирал из коллекций известной французской компании «Ligne Roset», которую предпочитали многие знаменитости Европы и Америки, вплоть до премьер-министров и президентов. В кабинете для бесед была установлена гарнитурная гостиная «Голубая Луна» с «ласковыми» креслами «калан», диваном «togo», красивыми стеклянными бра, вырастающими прямо из стен, столом-

«бегемотом» и «плавающими» по полу изящными аппаратными стойками с компьютерным комплексом, аудио- и видеоаппаратурой.

Свой гардероб президент приобретал в основном за границей, у известных французских модельеров, но изредка позволял себе шить костюмы у отечественных кутюрье, славившихся своей экстравагантностью. В таких костюмах он любил появляться в театрах и на различных неофициальных приемах, шокируя публику. В данный момент на Георгии Георгиевиче был голубой костюм в талию с белыми отворотами, черная рубашка и шарф-галстук а-ля Байрон с картиной эпохи Возрождения, заколотый платиновой булавкой.

Прямушин был высок, строен, неплохо сложен, голубоглаз, обладал обаятельной улыбкой, светлые волосы зачесывал набок, и слегка длинноватый нос его не портил. А поскольку он имел врожденное чувство меры и был неплохим дипломатом, президент нравился не только женщинам, но и производил впечатление на мужской электорат — умом, вниманием, независимостью (внешней) суждений, умением выслушать собеседника, пообещать помощь и во многих случаях — выполнить обещанное. Однако его видимая приятная обходительность и мягкость сочетались с железной решительностью и жестким подходом к ситуации в стране. Переняв у своего предшественника методы воздействия на сепаратистов и террористов, Георгий Георгиевич пошел дальше, хотя об этом знали только несколько человек из числа его приближенных.

Собеседник Прямушина выглядел на его фоне довольно экзотично. На нем был слегка удлиненный черный костюм, рубашка-косоворотка с красным орнаментом, а галстук отсутствовал вовсе. Звали его Сергеем Борисовичем Голубевым, недавно ему исполнилось шестьдесят пять лет, и всего два дня назад он сменил предшественника на посту советника президента по вопросам национальной безопасности.

Голубев был крепкий, кряжистый мужчина с тяжелым бугристым лицом, угрюмой складкой губ, редко раздвигающихся в улыбке, и умными черными глазами. Волосы у него были темные, с проседью, длинные — ниже плеч, и он обычно связывал их в хвост на затылке красной ленточкой.

До этого времени Сергей Борисович работал заместителем руководителя президентской администрации, а еще раньше — заместителем директора Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ). Порекомендовал его Георгию Георгиевичу старый приятель, с которым

когда-то учился президент, директор Центра стратегических разработок Асташин. Прежний советник занемог, да и возраст не позволял ему работать с полной отдачей, и лучшей кандидатуры, чем Голубев, по мнению Асташина, не было.

— Прошу вас, Сергей Борисович, — радушно повел рукой Прямушин, приглашая гостя сесть в кресло с пневматическими подлокотниками, которое меняло положение спинки и сиденья в зависимости от позы седока. — Что будете пить?

Голубев посмотрел на стеклянный столик с напитками, на котором стояли бутылки с вином и графины с минеральной водой и соками. Среди них было и элитное французское вино «Шато Пишон Лонгвиль Комтесс де Лаланд» и «Шато Кос д'Эстурнель», любимое вино президента.

— Бокал «д'Эстурнеля», если не возражаете, — сказал Сергей Борисович. — Я не великий знаток напитков, но бордо, по-моему, лучшее из вин.

— Вы советник, вам виднее, — добродушно улыбнулся президент. — Я действительно предпочитаю французское бордо, хотя с удовольствием пью и грузинское. Присаживайтесь, Сергей Борисович, разговор у нас будет долгий. Надеюсь, вы в курсе тех дел, которые придется обсудить.

Прямушин налил в бокалы вина, поднял свой бокал, глянул на гостя сквозь него.

— Вам не жарко? Могу сделать воздух попрохладней.

— Спасибо, не надо, — отказался Голубев; в кабинете работал кондиционер, и было довольно свежо, несмотря на жаркий день за стенами здания. — Я умею регулировать теплообмен тела и никогда не потею.

— Да, мне говорили, что вы занимаетесь единоборствами и самосовершенствованием и достигли впечатляющих результатов. Я тоже немного тренируюсь и кое-что изучаю, но до таких результатов мне далеко. Итак, дорогой советник, вопрос первый: ваша оценка ситуации в стране?

— Вы имеете в виду криминал? Последний всплеск террора и похищений людей?

— Я имею в виду интегральную оценку. Вернее, даже не оценку — и вы, и я знаем положение дел, — а ваши рекомендации по этому вопросу. Что мы должны делать? Что говорят по этому поводу мудрецы?

Сергей Борисович отпил глоток вина, выдержал стальной блеск глаз президента, помедлил.

— Если проанализировать отечественную классику, то наши писатели никогда не призывали к борьбе, к войне, к свержению существующего строя. Они лишь указывали путь к

культурной революции. Еще Пушкин, не будучи ни эстетическим, ни политическим бунтарем — бунт для него был бессмысленным и беспощадным, а главное — бесплодным делом, — в своих произведениях предостерегал о жестокости революционных потрясений и государственного регулирования культуры, наведения порядка огнем и мечом. По-моему, он первым увидел кровавый исторический тупик в увлечении общества демократическим романтизмом. Позднее человечество вдосталь наигралось черным нацистским и красным большевистским романтизмом.

— Вы тоже считаете, что романтизм в нашу эпоху, а также демократия — это тупик?

— Да, я так считаю, — ответил Голубев, помедлив. — Хотя вполне понимаю, что искоренять негативные тенденции в обществе необходимо.

— Тогда мы с вами сработаемся, — усмехнулся Прямушин. — Ситуация в стране, к сожалению, требует экстраординарных мер, официальные государственные структуры для наведения порядка и спецслужбы не справляются с валом криминала.

— Потому что они сами зависимы от этого криминала, — пожал плечами Сергей Борисович. — Почти в каждой госструктуре найдется внедренный туда мафиози или чиновник, ставший пособником и наводчиком криминальных группировок. Я недавно читал доклад экспертной комиссии ФСБ, из которого видно, что организованными преступными группами контролируется больше пятидесяти пяти процентов негосударственных и свыше шестидесяти процентов государственных предприятий. Группировки активно консолидируются для осуществления контроля не только над отдельными предприятиями, но и над целыми отраслями экономики. Это ли не прямая угроза строю? Наибольшую же тревогу вызывает в этой связи обстановка в Красноярском и Ставропольском краях, Новосибирской области, Ингушетии, Чечне, Дагестане, в Центральном и Северо-Западном регионах, особенно — в Калининграде.

— Да, вы правы, Сергей Борисович. Ситуация в Калининграде и меня тревожит. Нельзя больше терпеть выходки губернатора, открыто опирающегося на бандитов местной преступной группировки. Одиозная фигура.

— Его надо убрать, — спокойно сказал Голубев.

— То есть? — прищурился Георгий Георгиевич.

— Физически, — не меняя тона, добавил Сергей Борисович. — Горбенко плюет на все законы, зажал электорат так,

что его вполне могут выбрать и на второй, и на третий срок. Поэтому он должен исчезнуть. У нас же есть группа «Хорс», вот пусть и поработает.

— «Хорс» предназначена для других целей.

— Знаю, она хорошо зарекомендовала себя при нейтрализации ультраправых националистов, но ее можно сориентировать и на таких деятелей, как Горбенко, дискредитирующих центральную власть.

— Тогда уж лучше создать другую команду.

— А лучше две. Я как раз хотел вам предложить скомплектовать две спецгруппы. Одну — на базе спецподразделения «Тайфун» Главного управления исполнения наказаний МВД или же на базе спецподразделений ГРУ. Вторая, по сути, уже сформирована. В Вологде недавно начала нелегально работать интересная команда, созданная местными борцами с преступностью. Она и занимается, так сказать, «перевоспитанием» коррумпированных чиновников, до которых мы никак не можем добраться. Я бы назвал эту организацию КОП-командой. Другая начнет разбираться с похитителями людей. Я бы назвал ее ЧКК.

— Как-как?

— ЧКК — чрезвычайная карательная комиссия.

Президент улыбнулся, разглядывая лицо собеседника, покачал головой.

— Это круто. Но интересно. А почему вторую команду, эту самую КОП, вы предлагаете сформировать на базе ГУИН?

— Потому что я знаю там неплохих профессионалов. Кстати, эта же группа могла бы заняться и криминальными финансистами. Не секрет, что так называемые «летучие партизанские отряды» чеченских боевиков финансируются не только из-за рубежа, но и чуть ли не всей страной. Любое предприятие, выплачивающее дань криминальной «крыше» чеченского происхождения, косвенно подпитывает боевиков, плюс разнообразные благотворительные фонды, плюс мусульманские общины. Пора этому положить конец. Не просто расследовать каждый прецедент годами, а немедленно ликвидировать утечку. Только так можно справиться с этой заразой и успокоить общественность. По сей день преступность возглавляет рейтинг источников отрицательных эмоций для населения.

— Я знаком с данными ВЦИОМ, — отмахнулся президент. — На втором месте, кстати, после преступности, по мнению наших людей, идут владельцы собак, гадящих где попало и воющих дни и ночи напролет. Но вы правы, мнение обще-

ственности учитывать надо. Хотя создавать особую команду для борьбы с владельцами собак не стоит.

Сергей Борисович усмехнулся. Президент мыслил рационально и обладал чувством юмора, однако иногда принимал неожиданные и не слишком продуманные решения.

— Жаль, что ваш предшественник распустил Российский Легион, можно было бы переложить на него часть задач «по перевоспитанию» чиновников.

— Ничего, свято место пусто не бывает. Премьер готовит законопроект о создании общегосударственной системы антитеррористической деятельности и формировании Федеральной службы антитеррора. Она заменит Легион. Но это долгое дело. А пока придется действовать в прежнем направлении и создавать КОП и ЧКК. Кстати, чем вы их хотите загрузить? План продумали?

— Ну, ЧКК будет работать по похитителям людей, это ее основное направление. Лично мою чашу терпения переполнила последняя их акция с похищением дирижера Тарик-Магиева и его сына. Я был дружен с Дмитрием. Для КОП работы не меньше. В первую очередь я бы предложил этой группе заняться воспитанием олигархов, оказывающих беспрецедентно жесткое давление на многие телеканалы и СМИ. Затем надо обратить внимание на работу налоговых органов и Федерального долгового центра, работающего по неплатежам и банкротству. Они ухитрились поназначить на высокие должности кучу мошенников и бандитов, связанных с преступными группировками.

— Ну, это вряд ли достижимо, — поморщился президент. — Как говорится, легче убить льва, чем вывести клопов. КОП должна работать по более значимым целям.

— Хорошо, — легко согласился Сергей Борисович. — Тогда эту группу надо сориентировать на нейтрализацию сект, расползающихся по стране, как чума. Помните, сколько хлопот нам доставили храмы Черного Лотоса?

— Они исчезли после роспуска Легиона.

— Вот-вот, Легион был их покровителем и заказчиком. Теперь же им на смену появилась другая секта — Братство Единой Свободы.

— БЕС. Да, я знаю об этом. Может быть, вы правы, и нам еще придется обратить на этого БЕСа особое внимание. У вас все?

— Я бы направил КОП на Кавказ, вообще пошерстил бы южные регионы: Чечню, Дагестан, Ингушетию, Ставропольский край, Калмыкию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию. Там до сих пор царит бандитско-чиновничий беспредел.

— Калмыкия? — приподнял брови Георгий Георгиевич. — Ну, Чечня — понятно. Как считает мой начальник секьюрити — чеченцы представляют собой алчную, аморальную и циничную по отношению к другим массу, и по большому счету он недалек от истины. Воспитывать в Чечне есть кого. А в Калмыкии что?

— Разве вам не докладывали? Дошло до того, что группа высокопоставленных чинов МВД, ФСБ и аппарата президента Калмыкии начала угрожать пограничникам, чтобы они прекратили изъятие у браконьеров сетей, лодок и моторов. После того как функции охраны биоресурсов перешли к сотрудникам Федеральной пограничной службы, провокации подобного рода стали буквально обыденным явлением.

— Чиновники хотят кушать икорку на халяву, — улыбнулся президент. — Это понятно. Будем пресекать. Какие цели еще вы можете предложить?

— Страна вся опутана коррупционной сетью, — мрачно скривил губы советник. — Ткните пальцем в любую государственную структуру и не ошибетесь. Просто есть приоритетные службы, очистку которых следует начинать в первую очередь. Даже подконтрольные вам институты.

— Это какие же?

— Да хотя бы Агентство по государственным резервам. Или Главное управление специальных программ. Могу назвать конкретные имена.

Георгий Георгиевич допил вино, задумчиво пожевал ломтик апельсина, нажал кнопку на подлокотнике кресла.

— Вы страшный человек, Сергей Борисович. Вы знаете больше, чем я.

— Виноват.

— Нет-нет, это не упрек, а похвала. Как раз такая глобальная информированность и является вашей сильной стороной и залогом нашего успешного сотрудничества. А как вы относитесь к НРИ?

Советник тоже поставил бокал на столик, помолчал по обыкновению.

— «Новая Революционная Инициатива» — это мина замедленного действия. Ее лидеры проповедуют откровенный фашизм. А главное, они опираются на разработки психотронного оружия нового поколения, воздействующего на большие массы людей. НРИ опасна. Очень!

— Понятно. Кофе хотите?

— Лучше чай.

В кабинет вошли два человека: молодой парень в безукоризненном коричневом костюме — секретарь президента и сухощавый высокий, слегка сутулый мужчина с костистым худым лицом и светло-серыми, почти прозрачными цепкими глазами, одетый в белую рубашку с погончиками и кармашками и белые брюки. Это был начальник президентской службы безопасности генерал Павлов Зиновий Альбертович.

Президент поздоровался с генералом, посмотрел на секретаря:

— Чай и кофе по-турецки.

— Мне тоже кофе, — хрипловатым басом добавил начальник президентской секьюрити.

Секретарь поклонился и бесшумно испарился.

— Садись, Зиновий, — сказал Георгий Георгиевич. — Я ждал тебя к двенадцати.

— Появились некоторые проблемы.

— Можешь говорить, здесь все свои.

Павлов исподлобья посмотрел на советника, на лице которого не дрогнула ни одна черточка, помедлил.

— Прибалтика.

— Что Прибалтика?

— Выходит из-под контроля. В Латвии ультра снова начали аресты русских стариков, якобы виноватых в депортации коренного населения республики в годы Второй мировой войны. Инициатор — известный «правозащитник» и националист, депутат Сейма Хайрикис. В той же самой Латвии организована «парламентская группа в поддержку справедливой освободительной борьбы чеченских героев». Инициатор — бывший прокурор Лиепаи Аунс.

— И это все проблемы? Что в них экстраординарного? Пошли в Латвию «Хорс».

— «Хорс» сейчас работает на Украине. Там нацисты начали настоящую охоту за русской интеллигенцией, страна после вступления в НАТО дерусифицируется бешеными темпами. Инициаторы же спокойно сидят в Раде и довольно потирают руки.

— После операции на Украине брось «Хорс» в Латвию.

— Опоздаем. Аунса и Хайрикиса надо нейтрализовать немедленно.

— Направьте туда ЧК, — хладнокровно посоветовал Голубев.

Президент и генерал посмотрели на него.

Открылась дверь, секретарь вкатил в комнату столик с приборами на три персоны: чай, кофе и тосты.

— ЧК? — взглядом выразил недоумение Павлов.

— Мы с Сергеем Борисовичем говорили о создании чрезвычайной карательной комиссии, — пояснил Георгий Георгиевич, дождавшись ухода секретаря. — Она будет заниматься похищениями людей. Но можно направить ее для проверки и в Латвию.

— Я бы не рискнул, — скептически поджал губы начальник службы безопасности. — ЧК еще только надо сформировать, и у нее нет опыта подобного рода операций. Лучше уж дождаться возвращения группы «Хорс».

— Хорошо, позже мы вернемся к этой проблеме. Пейте, господа. Однако чувствую, генерал, что вы не все новости сообщили. Что у нас еще плохого?

Павлов взял в руки чашку с кофе, нехотя проговорил:

— Только что пришло сообщение от нашего уполномоченного в Новгороде: взорвана седьмая лаборатория.

Президент изменился в лице, сжал губы в тонкую полоску.

— Кем взорвана?! Как это произошло?!

— Подробностей пока не знаю, я послал туда людей. По некоторым косвенным данным, в зону проникла спецгруппа, похитила партию готовой продукции и взорвала при отходе здание лаборатории. Никто не уцелел.

— Что это за лаборатория? — поинтересовался советник.

Генерал покосился на него, но не ответил.

— Это лаборатория психотроники, — медленно сказал президент. — Она изготавливала пси-генераторы типа «ночь» и «нокаут». Черт побери, кто же это сделал?!

— Я думаю, это НРИ, — сказал советник после недолгого молчания. — Эта организация давно подбирается к пси-технологиям. Их задача — управление большими массами людей с помощью глобального и направленного зомбирования.

Президент поморщился.

— Это всего лишь ваше предположение, Сергей Борисович. Наверняка знать вы этого не можете. Прошу прощения, мне надо посовещаться с Зиновием Альбертовичем.

— Конечно, я понимаю. — Голубев допил чай, встал. — Всегда к вашим услугам.

Он вышел.

Президент и начальник службы безопасности посмотрели друг на друга.

— Потеря лаборатории — это очень крупная неудача, генерал. Разбейтесь в лепешку, но найдите тех, кто это сделал.

Возможно, наш новый советник прав, и это дело рук НРИ. Неужели Сосновский решил перейти к активным действиям? Неужели ему мало трех телеканалов? Или за ним стоят еще более мощные фигуры?

Павлов промолчал. Он совершенно точно знал, кто и для чего похитил новейшие пси-генераторы, а потом взорвал лабораторию.

— У тебя все?

— Мастафов после обработки выпущен и уже приступил к своим обязанностям в Нальчике.

— Как на это прореагировал глава республики? Никаких официальных заявлений он до сих пор не сделал.

— И не станет. Мастафов сказал, что таким образом он хотел избавиться от опеки охраны и отдохнуть в одиночестве на лоне природы.

— Ему не поверят.

— Мы подготовили дачу на берегу моря, где он якобы находился.

— Все равно. Когда он начнет сворачивать деятельность своей организации, его уберут свои же.

— Тем не менее сепаратистское движение прекратится. А это главное.

— Что ж, поживем — увидим. Займитесь лабораторией. Я должен знать, кто ее уничтожил.

Павлов кивнул.

УКРАИНА

ХРОНИКА ТРЕВОЖНЫХ СОБЫТИЙ

Февраль тысяча девятьсот девяносто второго года.

Группа боевиков УНСО учинила погром в Русском культурном центре Львова. Несколько человек получили серьезные травмы. Помещениям центра нанесен значительный материальный ущерб. Благодаря протесту российского Министерства иностранных дел происшествие получило огласку, местные власти вынуждены были открыть уголовное дело, которое, впрочем, вскоре было закрыто «за недостаточностью улик».

Февраль тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Боевики УНА-УНСО разогнали во Львове встречу представителей пяти русских культурологических организаций из трех западноукраинских областей.

Август — сентябрь тысяча девятьсот девяносто третьего года.

После подписания российско-украинского соглашения о разделе Черноморского флота на митинге во Львове один из ораторов призвал собравшихся устроить «варфоломеевскую ночь для москалей». В ночь с пятого на шестое сентября были выбиты стекла в шести русских школах области, сожжены палатки русских торговцев, на стенах домов расклеены плакаты: «Москали — геть с Украйны!» и «Хороший москаль — мертвый москаль».

В том же девяносто третьем году в Ивано-Франковске при полном попустительстве местных властей совершено разбойное нападение на епархиальное управление православной церкви. Трое священников были доставлены в больницу в тяжелом состоянии.

Май тысяча девятьсот девяносто четвертого года.

В Ивано-Франковске группа ветеранов войны во время возложения венков на могилы воинов-освободителей Прикарпатья подверглась нападению группы молодчиков в черном, вооруженных обрезками стальной арматуры и бутылками. Двадцать человек с травмами различной тяжести доставлены в больницу.

Октябрь тысяча девятьсот девяносто пятого года.

Неизвестные обстреляли Русский культурный центр во Львове. По счастливой случайности никто не пострадал. Бандитов, естественно, не нашли.

Тысяча девятьсот девяносто седьмой и девяносто восьмой годы.

Две попытки поджечь здания русских культурных центров во Львове и Киеве. Избиение русских журналистов.

Тысяча девятьсот девяносто девятый год.

В Киеве и Львове созданы так называемые «чеченские информационные центры «Кавказ», призванные передавать «правдивую информацию» из Чечни. На самом деле центры помогали чеченским боевикам скупать в Крыму жилье и покупать оружие.

В центре Львова при невыясненных обстоятельствах погиб профессор университета Масловский. Руководители русских организаций обратились к местным властям с требованием расследовать обстоятельства убийства профессора, но уголовное дело так и не было заведено.

Согласно решению Рады на Украине начался процесс возвращения городам и селам названий, «исторически сложившихся много тысяч лет назад». Севастополь стал называться

Севастомистом, Симферополь — Симферомистом, Николь — Никомистом. Как передало информационное агентство «Славянский мир», украинские парламентарии, принимая решение изменить устоявшиеся названия городов, руководствовались некими «новейшими научными изысканиями», согласно которым города эти были основаны украинцами за много веков до нашей эры.

Кроме того, по всей Украине начался процесс дерусификации — замена русского языка на украинский, сокращение числа русских школ до полного их исчезновения и ликвидация русских культурных и научных центров.

В ноябре девяносто девятого года экстремисты из УНА-УНСО призывали к немедленному разрыву всех связей с «восточным соседом» — Россией и к насильственной депортации русских из Западной Украины. В ночь на восьмое ноября были подожжены двери квартир активистов русского движения.

Двухтысячный год.

Нападения на русские писательские организации в Киеве, Львове и Харькове. Поджоги музеев. Угрозы в адрес русской православной церкви.

Две тысячи первый — две тысячи второй годы.

Русский язык окончательно запрещен на территории Украины как язык межнационального общения. Львовские власти начали насильственную депортацию русских фермеров с «исконно украинских» земель.

Две тысячи третий — две тысячи четвертый годы.

Группы боевиков УНА начали разъезжать по городам и селам Восточной Украины для «наведения порядка», устраивать нападения на русские духовные, просветительские, лечебные и культурные центры. В Харькове был разгромлен книжный рынок, торгующий книгами на русском языке, и сожжен концерн «Райский отдых», а также уничтожена русская писательская организация. Были серьезно ранены русские писатели Олегов и Дмитриев.

В две тысячи пятом году почти то же самое повторилось в Донецке.

В две тысячи седьмом году пролилась кровь: «неизвестными лицами», как потом писала украинская пресса, был избит и умер в больнице лидер Панславистского движения Григорий Кузьмин, многие активисты русских центров были ранены, сами центры — разгромлены.

И, наконец, в две тысячи восьмом году к власти в Украине пришли ультраправые, Украинская Рада приняла закон о за-

крытии границ с Россией и установлении полномасштабного визового режима, что резко ограничило права русскоязычного населения страны.

Наци Украины праздновали победу. Их лидеры теперь могли спокойно жить и не бояться уголовного преследования. Своих целей они не скрывали: полная изоляция и «самостийность», добивание кое-где сохранившихся очагов русской культуры, вступление в НАТО, размещение на территории Украины натовского ядерного оружия.

В две тысячи десятом году Украина вышла из состава СНГ и вступила в НАТО.

Премьер-министром Украины стал лидер националистов Микола Макогон, подручные которого, по данным российской ФСБ, участвовали еще в чеченской войне на стороне боевиков, а потом в течение ряда лет помогали им вести «освободительную партизанскую» войну.

Придя к власти, Макогон стал инициатором создания Украинского национального легиона на базе УНА-УНСО, призванного всеми средствами «защищать конституционный строй» государства. Причем не только внутри страны, но и за ее пределами. Основная цель Легиона была — «специальные операции по защите прав украинцев в России».

Все эти действия нацистов и стали предпосылками появления в Украине группы «Хорс».

ДНЕПРОПЕТРОВСК

ТАРАСОВ

Он открыл глаза и увидел странную картину.

Черное беззвездное небо. Громады зданий со светящимися контурами. Улица с черным асфальтом. И по улице шествует колонна похожих друг на друга людей в красных комбинезонах, со светящимися зеленоватыми с л е п ы м и лицами. Они шли нескончаемым потоком, не видя дороги, но не отклоняясь от общего вектора движения и не толкаясь, и глаза у них действительно отсутствовали!

Тарасов, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, подошел ближе к этому живому и в то же время механическому потоку, пытаясь отличить мужчин от женщин, и вдруг одна из красных фигур остановилась перед ним, комбинезон на ней посветлел, стал полупрозрачным, превратился в серебристое платье с золотыми блестками, лицо женщины также посветлело, и вдруг с него осыпался слой белого вещества, не

то пудры, не то замазки, открывая живое женское лицо невообразимой красоты. На онемевшего Тарасова удивленно взглянули слегка удлиненные, поднимающиеся к вискам зеленые глаза.

— Витязь? — раздался бархатный грудной голос.

— Что? — растерялся Глеб.

Брови незнакомки сдвинулись, в глазах протаяло сомнение.

За ее спиной появились какие-то черные тени, взметнулись зловещие крылья, мелькнули когти, клыки, Тарасов рванулся вперед, чтобы защитить женщину, и... проснулся!

В комнате было темно, однако сквозь плотные темно-бордовые шторы на окне пробивался луч солнца, и Глеб понял, что утро давно наступило.

В дверь постучали три раза.

Глеб спешно соскочил с кровати, открыл. В номер вошел сосредоточенный на внутреннем созерцании Саша Ухо. В руке он держал перчатку хайдера.

— Ты еще дрыхнешь? Хохол велел через полчаса быть в Доме ученых на Коцюбинского. Знаешь, где это? Умывайся, брейся и поехали.

Глеб с интересом посмотрел на синяк под глазом Саши.

— А это у тебя откуда? Еще вчера вечером не было.

— По факсу передали, — криво ухмыльнулся Ухо. — Что, хреново выгляжу?

— Отнюдь. По-моему, ты выглядишь гораздо лучше твоей фотографии в паспорте.

Компьютерщик в сомнении глянул на Глеба, потом до него дошел смысл шутки, и он снова ухмыльнулся. Смеяться Саша не любил и не умел. Характер у него был незатейливый и прямой, как лом. И такой же твердый. Переубедить его в чем-либо удавалось чрезвычайно редко. Ухо являл собой тип человека — фаната своего дела. С виду он казался рассеянным и сонным, блуждающим по внутренним пространствам души, но стоило ему сесть за компьютер, и он преображался, превращался в особого рода машину, в колдуна, командующего запрятанным внутри аппарата джинном. Смотреть за его манипуляциями было весьма интересно.

Впрочем, Саша не был простым пользователем компьютерных сетей, каковыми является большинство мальчиков в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет, имеющих хорошую реакцию и научившихся лишь быстро работать на клавиатуре, ухитряясь при этом оставаться безграмотными, плохо знающими науку и литературу людьми. Саша в свое время

закончил физтех и прекрасно разбирался не только в компьютерных технологиях, но и в физических теориях. Он свободно оперировал интегралами и дифференциалами, знал новейшие достижения молектроники и имел собственное суждение о природе времени. Но при всем при том он прежде всего оставался бойцом отряда «Хорс», профессиональным хакером и путешественником по «мировой паутине», без памяти влюбленным в суперсовременную технику. Во всяком случае, хайдер ему доставали по специальному заказу. Таких наручных компьютеров во всем мире насчитывалось не больше двух десятков, и все они использовались исключительно спецслужбами таких стран, как США, Япония и Россия. К примеру, одним из таких компьютеров, по сути, являлся «ядерный чемоданчик» президента.

Хайдер Саши представлял собой биокомпьютер с нейропроцессором, распознающий речь и почерк хозяина и способный разговаривать, как человек. Он мог выполнять ассоциативный поиск информации, ускорять расчеты и имел выход на спутниковые компьютерные сети.

— А завтракать мы будем? — спросил Глеб, торопливо умываясь и продолжая размышлять о своем странном сне. — Я есть хочу.

— Могу предложить шоколадку, — сказал Ухо. — Кстати, знаешь, где впервые появился плиточный шоколад?

— Где?

— В Швейцарии, в тысяча восемьсот девятнадцатом году.

— Ты бывал в Швейцарии?

— Не приходилось, — покачал головой Саша, подумал и добавил: — За всю свою жизнь я всего трижды выезжал за границу да в позапрошлом году отдыхал на Кипре.

— Ну и как впечатления?

— Море прекрасное, чистое, прозрачное, пивко холодное, кухня греческая... но многих отдыхающих я бы просто не пустил на остров.

— Почему? — Глеб опустил бритву, высунул голову из туалетной комнаты.

— Встречаются исключительно отвратительные экземпляры: разожравшиеся до безобразия, переставшие следить за собой, презирающие себя и весь мир, но исполненные пренебрежения и превосходства. Особенно туристы из стран СНГ: за версту видно быдло — по золотым цепям.

— А иностранцы там есть?

— Все иностранцы — зомби. — Саша прошелся по комнате, добавил: — И уроды.

Тарасов засмеялся, с любопытством разглядывая флегматичную физиономию приятеля, налил на ладонь лосьона, пошлепал по щекам.

— Ты так не любишь иностранцев?

— Я среди них не видел ни одной красивой женщины. Наши — это да, есть на что посмотреть.

— А почему они зомби?

— Потому что насквозь запрограммированы рекламой и сытым образом жизни. Первым делом, появляясь на пляже, они все поголовно начинают мазаться кремами и жидкостью от загара, после чего лезут в море. Естественно, в бассейны и в море смываются тонны этой жирной гадости, купаться потом противно. Во-вторых, они все помешаны на диете. В-третьих, всё делают по расписанию и плану, даже, по-моему, сексом занимаются в точно определенное время, выдерживая по секундам рекомендованный «экспертами» срок интима.

— Ну, это ты перегнул.

— Вовсе не перегнул, — огрызнулся Саша. — Поехали, Хохол не любит, когда мы опаздываем.

Они вышли из номера гостиницы «Славутич», располагавшейся на набережной Днепра, рядом с цирком, поймали частника и за десять минут доехали до местного Дома ученых, стоявшего на пересечении проспекта Карла Маркса и улицы Коцюбинского, где Тихончук собирал группу.

В Днепропетровск они прилетели и приехали (во избежание подозрений перемещались они по Украине поодиночке) из Киева, узнав о планах объекта прибыть в город «для усмирения» независимых местных журналистов, критикующих власть, и русскоязычного издательства «Пламя», последнего оплота «москалей» в Украине. Объектом же группы был премьер-министр Микола Макогон, ярый националист, практически свернувший отношения Украины с Россией. Этот человек должен был исчезнуть. Брать же его лучше всего было не в Киеве, а в Днепропетровске, в котором когда-то жил командир группы «Хорс» Тихончук, знавший город как свою ладонь.

Глянув на доску объявлений у входа, Тарасов понял, почему Хохол решил собрать группу в Доме ученых: в десять часов утра здесь начиналась лекция какого-то увенчанного лаврами архитектора о планах реконструкции центральной части города, и можно было легко затеряться среди слушателей, в основном представителей местной интеллигенции, студентов и стариков, не потерявших интереса к общественной жизни.

Глеб обратил внимание на красивую юную девицу в коротком платьице, открывающем стройные ноги, и очень толстого — до безобразия — парня с рыхлым бледным лицом и водянистыми глазами, пьющего пиво из бутылки. Контраст между ними был столь разителен, что невольно наводил на размышления о глупости девушки или ее зависимости от этого мурластого борова.

Тихончук стоял в холле первого этажа Дома ученых и разговаривал с какой-то женщиной преклонных лет. Мельком глянул на вошедших Тарасова и Сашу, повел бровью в сторону мраморной лестницы. Глеб и Саша поднялись на второй этаж и увидели прохаживающегося по небольшому холлу второго этажа Терминатора, разглядывающего портреты ученых Украинской Академии наук. Эскимос повернулся к ним спиной, двинулся по коридору налево и вошел в открытую дверь с номером 12. Это означало, что обстановка под контролем и можно не опасаться любопытных глаз.

Тарасов пропустил Сашу вперед, вошел следом.

Комната представляла собой небольшую аудиторию с рядами стульев, столом и грифельной доской. Она была пуста, если не считать расположившихся кто где бойцов группы. Глеб поздоровался за руку с Терминатором, Ханой, Черкесом, хлопнул ладонью по ладони Романа, выглянул в окно.

— С кем это босс разговорился?

— Может быть, с родственницей, — ответил Роман, — может, со знакомой. Даром он, что ли, прожил здесь пятнадцать лет? А ты не обратил внимания на молодую пару у входа? Девушка такая симпатичная, стройненькая, и рядом — жирная потная харя. Что за тенденция у молодежи пошла? Почему такие красивые девчата выбирают такие рожи?

— Тебя это задевает?

— Он просто завидует, — мрачно сказал Хана. — Такая милая — и не его. Мало ему других.

— Вот, и ты завидуешь! — наставил на него палец Роман.

— Чему? — скривил губы Хана. — Тому, что у тебя в любом городе по два десятка баб? Не надоело волочиться за каждой юбкой?

— Только исследовав многих женщин, мужчина может понять самого себя, — наставительно проговорил Роман.

Все засмеялись. Хана отвернулся. Он явно был не в духе.

— А ты подойди к ней, — предложил Черкес, — и спроси: девушка, вы верите в секс с первого взгляда?

Все снова засмеялись.

— Дураки, — буркнул Хана.

— Да что с тобой, минер? — удивился Роман. — С тещей поссорился, что ли?

— Не твое дело.

— У меня был приятель, который мечтал ограбить банк и оставить отпечатки пальцев тещи. Ты тоже дожил до такой стадии?

— Хватит цепляться к человеку, болтун, — осуждающе покачал головой Терминатор. — Балаболка. Может, у него горе какое.

— Так пусть поделится, посочувствуем и поможем. Колись, Хана, что там у тебя стряслось?

— Отстань, — сверкнул глазами подрывник.

— Утихомирься, — посмотрел на Рому Тарасов. — Что-то ты сегодня слишком возбужден.

— Гормоны в голову ударили, — предположил Черкес. — В Днепропетровске очень много хорошеньких девушек, а Ром сидит здесь уже двое суток — и ни в одном глазу, как говорится.

Без стука вошел Тихончук, закрыл за собой дверь ключом.

— Кончайте базар. Ухо, за работу, нужна связь с базой. В нашем распоряжении всего четыре дня. Объект прибывает послезавтра, но готовиться начинаем уже сегодня. Рассчитываются два варианта действий. Первый: оперный театр. Предполагается, что Макогон посетит местный театр оперы и балета. Вариант второй: магия.

— Это как? — с недоумением посмотрел на майора Роман. — С колдунами свяжемся?

— Сами станем колдунами, — усмехнулся Тихончук. — По данным наблюдателей, господин Макогон помешан на астрологах, экстрасенсах и магах. В его команде есть даже личный астролог по фамилии Бадяга, специализирующийся по изготовлению специальных защитных амулетов. Сам же батька Макогон связан с Братством Единой Свободы, пустившим в Украине корни еще десять лет назад. Но суть не в этом. В Днепропетровске сейчас гостит, а точнее — зарабатывает деньги, известный отечественный колдун или, как про него говорят, «живая легенда черной магии» Сезар Пантелей Кассандроу. Верховный жрец вуду.

— Он нам поможет?

— В каком-то смысле. Макогон непременно захочет посетить салон «верховного жреца» Кассандроу в парке Чкалова. Вот оттуда мы его и украдем.

В комнате стало тихо.

— А что? — заговорил после паузы Черкес. — Почему бы и нет? Информация об охране объекта имеется?

— Давай, — кивнул Тихончук на Сашу, и тот вывел на дисплей хайдера данные о привычках и манерах премьер-министра, о его образе жизни, а также о телохранителях и группе обслуживания, сопровождавшей главу правительства в поездках по стране.

Всего в бригаду сопровождения Макогона входило шестьдесят с лишним человек, не считая чиновников из высшего эшелона власти. Из этих шестидесяти человек тридцать приходилось на охрану. Кроме того, перед началом каждого визита в том или ином городе высаживался десант подготовки в количестве двадцати человек, так что глава правительства Украины ничем не отличался от чиновников постсоветских государств, в том числе — российских, привыкших ездить с помпой и не считать народные денежки, идущие на организацию вояжей.

Знакомство с объектом длилось около двух часов. Еще полчаса Тихончук рассказывал о месте предполагаемой операции в парке Чкалова, с которым всем надо было познакомиться поближе, и не только познакомиться, но изучить все его достопримечательности и уголки досконально. Практику «верховного жреца» Сезара Пантелея Кассандроу должен был изучить Роман. Для этого ему необходимо было записаться на прием к «жрецу» и попросить предсказать судьбу.

— А если этот черный маг его загипнотизирует? — угрюмо поинтересовался Хана.

— Не беспокойся, не загипнотизирует, — беспечно махнул рукой Роман. — Я не поддаюсь колдовским чарам.

— Опасность такая есть, — согласился майор. — Тем более что пси-техника давно стала доступной криминальным структурам и сектам.

— Вот-вот.

— Но Рома подстрахует Терминатор, а идти к нему все равно придется. Нужна хорошая цветная фотография жреца.

— Зачем?

— Кто-нибудь из вас заменит товарища Кассандроу во время визита к нему батьки Макогона.

Возникла долгая пауза. Бойцы отряда разглядывали усатую физиономию Хохла и решали, пьян он или трезв.

— Твое мнение, Старый? — посмотрел на Тарасова майор.

Все глянули на Глеба.

— План вполне безумный, — сказал он, поразмыслив. — Поэтому может получиться. Жреца сыграет Ром, ему не впе-

рвой. Но время операции придется рассчитывать по секундам.

— Все равно у нас будет от силы десять минут, — скептически поджал губы Хана. — Мы даже с территории парка не успеем выбраться.

— Вот ты и отвлечешь охрану, — сказал Тихончук. — Заложишь в нужных местах взрывпакеты, поднимется паника. Черкес сделает вид, что удирает, возьмет на себя погоню. Ухо обеспечит транспорт и связь. Ром, Старый и Терминатор захватят Макогона и надежно спрячут. Возможно, придется воспользоваться местной канализацией. Детальной разработкой операции займемся после изучения местности. Вопросы?

— Одним нам не справиться, — меланхолически сказал Ухо. — База на связи, командир.

— Мы здесь не одни, — сказал Тихончук. — В Днепропетровске сейчас сидит бригада аналитиков и группа обеспечения. Молодая пара, которая вам так понравилась: толстяк и юная красотка, — из этой группы. Они нам помогут.

Роман присвистнул.

— Ну и ну! Никогда бы не подумал, что они опера! Неплохая маскировочка.

— Еще вопросы?

— Нам всем понадобятся парализаторы, — сказал Черкес.

— Экипировка будет доставлена после того, как мы примем решение по варианту операции и прикинем, что нам понадобится. Теперь выметайтесь отсюда парами, начинайте работать. Вечером я вас соберу.

Тарасов первым двинулся к выходу. За ним вышел Хана, бормоча:

— Ох, чую, плохо это все кончится...

— Не дрейфь, минер, — весело проговорил Роман, обнимая товарища, — у жизни вообще хорошего конца не бывает. Все будет нормально, вот увидишь.

Тарасов подтолкнул Романа вперед, взял Алексея под локоть, понизил голос:

— Что случилось, Леша? Из-за чего тебя колбасит?

— Да идите вы все... — начал было Хана, но посмотрел на лицо Глеба и нехотя поправился: — Извини, Старый, плохо мне, вот и бешусь. Жена от меня ушла, понимаешь ли... Надоело, говорит, жить одной. Теща ей все уши прожужжала: уходи от него да уходи, гуляет он, а ты ждешь как дура...

Тарасов кивнул без улыбки.

— Как говорится, хуже тещи может быть только жена. Не

переживай, если ушла — значит, не любила. Со мной была точно такая же история, и ничего — выжил. Дети есть?

— Двое, две девочки, — мрачно вздохнул Хана.

— Это хуже, дети должны расти с отцом, однако смертельного ничего нет. Я не думаю, что жена не разрешит тебе встречаться с девочками.

— Да хрен ее знает, может, и не разрешит. Но все равно спасибо за сочувствие, Старый, хороший ты мужик. А у тебя что произошло?

— Тот же вариант: жене надоело быть одной.

— И дети остались?

— Дочка Акулина, восемь лет уже, второй класс закончила. Но живет со мной.

— Да? — с удивлением посмотрел на Глеба подрывник. — Жена отдала дочку?

— Я сам забрал. Теперь она у моих друзей в Вологде, а я навещаю, когда выдается свободная минутка.

— Ну, ты даешь, Старый! — Хана покачал головой, лицо его разгладилось, стало не столь мрачным. — Кто бы мог подумать. Как мало мы знаем друг о друге, а?

— Такова специфика службы.

— Так-то оно так, но все же надо оставаться людьми и среди зверья, с которым мы постоянно сталкиваемся. До вечера.

Хана сжал локоть Глеба, догнал Черкеса, выходящего на улицу. За ними вышли из Дома ученых Терминатор и Роман. Тарасов остался ждать Ухо, установившего связь с базой. Тихончук должен был доложить генералу о благополучной высадке группы в Днепропетровске.

Два дня они изучали обстановку в городе, территорию парка Чкалова, где был установлен павильон «верховного жреца вуду» Сезара Кассандроу, разрабатывали план действий и прикидывали варианты вывоза премьер-министра за город.

Микола Макогон прибыл в Днепропетровск в четверг, второго июня, встречали его не хуже, чем Генсека КПСС в былые советские времена, весь город стоял на ушах, центральные улицы очистили от желтых палаток, превращавших город в один сплошной базар, транспорт пустили по окраинам, милиция проверяла документы у каждого третьего пешехода, гостиницы проверялись на предмет остановки в них «лиц, подлежащих задержанию», то есть предполагаемых террористов, и бойцам «Хорса» приходилось работать в сложных условиях. Однако документы у них были сделаны идеально, и про-

верку «бизнесмены» и «журналисты» из Киева и Донецка прошли нормально.

В пятницу Макогон посетил городскую управу, КДБ[1], а вечер провел в театре оперы и балета, откуда отправился отдыхать в загородный дом, принадлежавший представителю президента. Пока он «работал», его свита развила бурную деятельность по «нейтрализации москальской пропаганды»: то есть разогнала митинг русского ПЕН-центра, закрыла издательство «Пламя», уволила неугодных главе правительства журналистов газет «Днепр вечерний» и «Глас народа», выходящих на русском языке, выселила из Дома Советов русских писателей, арендовавших там помещение, и устроила шествие местного отделения УНА.

Молодчики в черном, с трезубцами на беретах и рукавах комбинезонов, с желто-голубыми флагами, вооруженные дубинками, прошлись по проспекту Маркса от железнодорожного вокзала до памятника Славы, выкрикивая угрозы в адрес «некоренного населения» Украины, после чего на проспекте не осталось ни одной целой витрины магазинов, принадлежащих русским владельцам, а также были разбиты стекла и проколоты шины автомобилей, имеющих неукраинские номера.

В субботу утром из радиоперехвата стало известно, что Макогон собирается-таки посетить павильон «жреца» Кассандроу, и группа «Хорс» «завибрировала», приводя свои порядки в состояние боевой готовности.

В одиннадцать часов три минуты утра кортеж из семи автомобилей главы украинского правительства остановился у центрального входа в парк Чкалова. Счет пошел на минуты, а потом на секунды.

Павильон, в котором принимал посетителей господин Кассандроу, был установлен на берегу центрального пруда парка, напротив летнего театра, и представлял собой шестигранный шатер из черного пластика, расписанный серебристыми звездами и зигзагами, увешанный страшными африканскими масками. Внутри шатер был поделен надвое: в одной половине сидели помощницы колдуна, две почтенные негритянки, вторую занимал он сам.

Интерьер помещений вполне соответствовал духу «древнейшей африканской магии вуду»: циновки по стенам, щиты, копья, луки со стрелами, пучки перьев экзотических птиц,

[1] КДБ — Комитет державной безпеки (Комитет государственной безопасности).

маски, статуэтки богов, особые светильники, создающие таинственный багровый полумрак, странные запахи, от которых у посетителей кружилась голова. Сам колдун появлялся из мрака посреди комнаты неожиданно, как бы проявлялся из воздуха, одетый в черный балахон и высокую «магическую» шапку с металлическими бляхами, на которых были выгравированы мандалы и древние символы вуду. Белки глаз у него светились, и впечатление он на гостей производил сильное.

Все это бойцы «Хорса» узнали от Романа, который удосужился быть принятым господином Кассандроу и теперь был готов его заменить на какое-то время.

Шатер был огорожен металлическими решетками с торчащими на прутьях пластиковыми черепами крокодилов, и охранялся темнолицым гигантом в халате и чалме, с огромной секирой в руках. Вряд ли он что-либо значил как защитник и воин, представляя собой просто часть красочного шоу, однако учитывать его присутствие стоило. Этот охранник не должен был ничего заподозрить и вмешаться в момент смены его хозяина «дублем».

«Верховный жрец» Кассандроу появился в парке в сопровождении своих чернокожих слуг в десять часов утра и сразу приступил к приему посетителей, жаждущих приобщиться к секретам «настоящей африканской магии», получить защиту от сглаза, порчи, проклятия, помощь в бизнесе, что обещал «жрец», или приобрести волшебные амулеты, спасающие от врагов, предотвращающие измену жены или мужа, усиливаюшие мужскую потенцию и даже дающие мудрость и силу верховных духов. Толпа вокруг шатра собралась, как всегда, приличная, но в большинстве своем это были зеваки и гости, пришедшие отдохнуть в парк с детьми. Желающих попасть к «жрецу» на прием было не так уж и много, и все же человек пятнадцать уже образовали очередь, которую не отпугивала летняя жара.

И никто из них не догадывался, что в это безоблачное субботнее утро произойдет самое настоящее чудо, только сотворенное не магом, а руками бойцов группы «Хорс». Никому в голову не пришла мысль о подмене «мага и компании», которая произошла еще до прибытия «жреца» в парк. Настоящий «жрец», его телохранитель и помощницы в это время спали в гостинице «Украина», а их место заняли отлично загримированные Тарасов, Терминатор, Черкес и Роман.

Глеб играл роль гиганта-телохранителя, Терминатор и Черкес стали негритянками, а Роман превратился в «верховного

жреца», мастерски скопировав его походку и манеры поведения.

В толпе, собравшейся у павильона, находилась и молодая пара: красивая девушка в юбочке и маечке и необъятных размеров толстяк в шортах и безрукавке, пьющий пиво. Это были люди из группы сопровождения, посвященные в план операции. Кроме них, по парку бродили и другие сотрудники группы, но в их задание не входила подстраховка бойцов «Хорса», они наблюдали за происходящим и должны были в нужный момент отвлечь охрану премьера у машины, предназначенной для его транспортировки.

До одиннадцати часов «жрец» Кассандроу успел принять четверых, всучив им амулеты «Мачо мачо мэн», возвращавшие мужскую силу, и «Живые деньги». Обладатель последнего приобретал способность умножать богатство, деньги к нему должны были просто «липнуть».

Напряжение бойцов «Хорса» достигло апогея. Лишь Ухо, сидевший в машине и следивший за ними по экрану органайзера, мог позволить себе быть тем, кем он был, остальные должны были играть свои роли до конца, не имея возможности переговариваться, хотя каждый имел микрорацию, закрепленную на голове под волосами.

— Внимание! — раздался голос Тихончука в ухе Тарасова; командир группы сидел во второй машине, точно такой же, какая ждала Макогона. — Объект прибыл! Начинаем!

— Спокойно, ребята, — тут же послышался голос Романа. — Я готов, не нервничайте. Хотя классик был прав: ничто так не утомляет, как ожидание поезда, особенно если лежишь на рельсах.

— Ром, уйди из эфира! — рявкнул Тихончук.

— Слушаюсь, командир.

Стало тихо.

Тарасов улыбнулся про себя, оставаясь с виду величественно-неприступным. Роман был в своей стихии, ему нравился риск, нравилось балансирование на лезвии ножа, нравился выброс адреналина в кровь, и единственным его недостатком было словесное недержание, иногда мешающее ему самому во время операции.

В пять минут двенадцатого в парк вошел Микола Данилович Макогон, окруженный телохранителями. На нем был белый костюм от Claude Bonussui за две тысячи долларов, бежевая рубашка от Alain Figaret, шикарный красный галстук от Gianfranco Ferre с бриллиантовой заколкой, черные очки фирмы Frimen и туфли от Weston, что говорило о хорошем

вкусе имиджмейкера премьер-министра. Улыбаясь, посылая в собравшуюся, удерживаемую милицией на приличном расстоянии толпу воздушные поцелуи, Макогон неспешно направился по аллеям парка к пруду, где уже шуровала его охрана, оттесняя от павильона «верховного жреца вуду» любопытных.

В одиннадцать часов двенадцать минут он появился у шатра, лучезарно улыбающийся, расточающий ароматы дорогого мужского одеколона «Eau sauvage», довольный жизнью и собой.

— Все спокойно, — шепнул ему на ухо начальник охраны. — Мы проверили, жрец ждет.

Макогон повернулся лицом к толпе посетителей парка, поднял вверх руки, приветствуя их, выслушал нестройный хор ответных приветствий и произнес краткую речь, смысл которой сводился все к той же, набившей оскомину, формуле: «Москали, геть с батькивщины! Да здравствует самостийность! Европа — наш дом! НАТО — наша защита!» После этого Микола Данилович в сопровождении двух телохранителей вошел в шатер «африканского жреца» Сезара Пантелея Кассандроу.

В шатер хотел пройти еще один бугай в черном, с усиком антенны рации у губ, однако Тарасов его не пропустил, встав на пути.

— Мало-мало однако, — сказал он с акцентом. — Низя много.

Бугай, к счастью, отступил.

Телохранители, зашедшие в шатер вместе с боссом, хотели пройти и в комнату мага, но их уже не пустили «негритянки».

— Ритуал, — пояснила самая маленькая из них, мелко-мелко кланяясь. — Нельзя. Терять силу. Тайность.

— Проклятие предков, — добавила вторая «негритянка», погрозив телохранителям пальцем.

— Оставайтесь здесь, — приказал Макогон. — Они правы, ритуал должен быть соблюден, иначе мы нарушим законы магии, и предсказание не сбудется.

Он шагнул на вторую половину шатра, и «негритянки» задернули полог из тяжелой плотной материи.

— Сядь! — раздался отовсюду гулкий гортанный голос.

Макогон увидел освещенный алыми отблесками скрытых светильников стул вычурной формы с высокой спинкой, сел.

Из мрака перед ним выступила смутно видимая фигура, вытянула вперед длинную черную руку, и в то же мгновение на голову Миколы Даниловича обрушился тяжелый удар, ос-

тановивший мысли и на короткое время оборвавший дыхание.

«Жрец» Роман выстрелил в него из гипнотизатора «нокаут», разработки которого велись еще в лабораториях Российского Легиона и привели к созданию системы внушения «виртуальной» реальности «лунный свет». «Нокаут» был миниатюрной копией системы, сменив пси-излучатели «удав» и «пламя». Однако о том, что эти излучатели уже находятся на вооружении спецслужб, широкая общественность пока не знала. Что не мешало группе «Хорс» также применять пси-технику.

— Слушай и запоминай! — медленно проговорил Роман в ухо Макогона. — Сейчас ты как ни в чем не бывало выйдешь отсюда, довольный сеансом, будешь улыбаться и шутить, ничего не помня, что здесь говорилось. Обойдешь парк и выйдешь с двумя телохранителями через восточный выход на улицу Серова. Там сядешь в машину — «восьмисотый» «Мерседес» черного цвета. Будешь выполнять все, что скажут. Запомнил?

— Запомнил, — деревянным голосом ответил сомлевший премьер.

— Повтори.

Макогон повторил.

— Теперь очнись и иди. Ты удовлетворен!

Микола Данилович послушно поднялся, затем осанка его изменилась, он снова превратился в лидера, властелина нищих духом, вожака националистов, ненавидящих всех иноверцев, ради власти готовый на любое преступление и предательство под лозунгом «свободы и независимости».

Роман потом признался, что, увидев эту метаморфозу, он испугался — не забыл ли Макогон внушенный приказ?

Но все обошлось.

Микола Данилович вышел из шатра в прежнем лучезарном настроении, полюбовался на плавающих в пруду лебедей и двинулся к восточному выходу из парка. Шатер «африканского жреца» на короткое время выпал из поля зрения охраны премьер-министра, чем сразу же воспользовались оперативники «Хорса».

— Старый, догоняй объект! — донесла рация приказ майора. — Действуй по обстоятельствам.

Тарасов нырнул в шатер, где «негритянки» и «жрец» уже переодевались, приобретая цивилизованный вид, сбросил чалму и халат, оставаясь в джинсах и рубашке, и быстро про-

тер лицо комком ваты, намоченным спиртом. Через полминуты все четверо вышли из шатра на глазах обалдевшей публики и охранявшего павильон наряда милиции.

— Уважаемый господин Кассандроу начнет принимать через пять минут, — объявил Роман, подмигивая молодой паре у ограды. — Прошу соблюдать тишину и порядок.

Толпа притихла, ничего не понимая.

Четверка бойцов «Хорса» спокойно прошла сквозь нее и поспешила вслед за удалявшейся командой Макогона. Было слышно, как оперативники поддержки — девица и толстяк — начали «занимать очередь» к колдуну, отвлекая внимание от основных исполнителей. Впрочем, им уже не надо было выдерживать легенду, играть роли «магов», до конца операции оставались считанные минуты, а за это время вряд ли кто-нибудь из сотен посетителей парка мог сообразить, что происходит, в том числе и сбитые с толку стражи порядка.

И все же не обошлось без инцидента, едва не поставившего операцию на грань срыва.

Макогон, выполняя пси-команду, внушенную Романом, в точности следовал всем рекомендациям и вышел из парка на улицу Серова, где его ждал «Мерседес-800». Но Миколу Даниловича сопровождали не два, а ш е с т ь телохранителей. Естественно, Ухо, сидевший за рулем «Мерса», не мог обезвредить всех, даже имея парализатор.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Макогон направился к «Мерседесу».

Сопровождавший его начальник охраны не понял босса, но, не разглядев за темными стеклами внутренности кабины, насторожился.

— Вы куда, Микола Данилович?

Макогон оскалился, вдруг бледнея, взялся за ручку дверцы.

Охранник оттолкнул его, рывком распахнул дверцу и увидел ствол пистолета, смотревший ему в лицо. Замер. Слово «тревога!» застыло у него на губах.

В то же самое мгновение в парке неподалеку прогремел взрыв, заставив всех вздрогнуть и оглянуться: Хана взорвал один из взрыв-пакетов.

Тарасов возник из толпы и одним уколом в шею свалил охранника слева, ударом ноги отбросил второго.

Терминатор обработал третьего, тянувшего из-под мышки пистолет.

Роман выстрелил в четвертого и пятого из «нокаута», не вынимая его из кармана куртки.

Ухо выстрелил в начальника охраны премьера, так и не успевшего отреагировать на нападение, из парализатора, а Черкес одним движением втолкнул Макогона в машину.

К «Мерседесу» бросились оцепеневшие в первые мгновения милиционеры, хватаясь за оружие. Толпа шарахнулась прочь. Однако прямо под ногами милиционеров вспыхнуло пламя, грохнуло. Это Хана взорвал еще один взрыв-пакет, ослепивший и оглушивший стражей порядка. Толпа в панике кинулась врассыпную.

Тарасов, Терминатор и Черкес вскочили в машину, и Ухо рванул «Мерседес» с места, едва не сбив кого-то из убегавших. Роман затерялся в толпе. Он должен был встретиться с Ханой и отсидеться в гостинице до конца возможной блокады города силами безопасности. Для них операция завершилась.

Но и остальные ехали в «Мерседесе» с обмякшим премьер-министром недолго. Ухо проскочил перекресток, на следующем повернул налево на улицу Незалежню, бывшую Комсомольскую, затем налево — на проспект Кучмы, бывший проспект Кирова, и тут же заехал во двор длинного девятиэтажного дома.

Здесь все четверо выскочили из машины, вытащили Макогона и погрузили в желто-красный фургон аварийной службы газа. За руль «мерса» сел ждавший их здесь Тихончук, ориентирующийся в городе лучше всех, и погнал машину по проспекту вверх. Он должен был отвлечь на себя погоню, доехать до аэропорта и затеряться на территории военного городка.

Ухо подождал несколько минут, пока мимо дома не промчались, завывая сиренами, джипы охраны премьера и машины милиции, затем вывел фургон службы газа на улицу и поехал вниз, по Незалежной налево, затем по Шмидта к мосту через Днепр. На левой стороне реки их ждала машина «Скорой помощи», которая собиралась доставить Макогона в одну из деревень Новомосковского района, где он должен был длительное время отдыхать от забот о благе народа.

— Хочешь? — повернулся к Тарасову Черкес, присевший на корточки над телом Миколы Даниловича, протянул блеснувший металлический браслет.

— Что это? — взял браслет Глеб.

— Амулет. Называется «Огненный щит богов». Защищает от любого колдовства.

— Спасибо, не надо. — Тарасов вернул браслет.

— Как знаешь. Терминатор тоже отказался, у него свои боги, а я возьму. Вдруг пригодится?

Глеб потрогал на груди свой талисман и подумал, что лучшая защита от любого колдовства — собственная воля.

МОСКВА

НИКИФОР ХМЕЛЬ

Запись была некачественная, видеокамера в руках оператора прыгала и перекашивалась, но все же было хорошо видно, как кричит и корчится пленник — молоденький русоголовый парнишка, совсем голый, избитый, в кровоподтеках, у которого бородатый палач с зеленой повязкой на голове, в камуфляже, сначала отрубил палец, потом кисть руки, затем отрезал уши, член и, наконец, выколол глаза.

После казни бородач, держа в руке отрезанное мужское естество, поставил ногу в английском ботинке «хэдфорт» на труп парня, приосанился, к нему подошли еще двое бородачей, обняли, заржали. Камера отодвинулась, и стал виден самодельный плакат на забрызганной кровью кирпичной стене: «Руские казлы, дабро пожаловат на горлорезку!»

Никифор выключил запись и некоторое время, сгорбясь, сидел перед телевизором и ни о чем не думал. В голове плыл светящийся туман, из которого доносился затихающий крик брата, мыслей не было, была только тоска и оглушающая, сжигающая душу ненависть, но она не могла вернуть парня, погибшего в Чечне в двухтысячном году.

Алексей был моложе Никифора на три года, он родился в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, но судьба не уберегла его, сохранив жизнь брату, провоевавшему в Чечне в отряде спецназа всю войну.

После страшной смерти брата, записанной на видеокассету — боевики любили снимать сцены казни, — Никифор поклялся найти убийц и отомстить, но так и не исполнил обещания. Хотя запомнил эти бородатые улыбающиеся физиономии на всю жизнь.

Из-за этого он и не женился — колесил по стране в поисках палачей, побывал даже за границей, в Турции и Афганистане, — и не хотел связывать свою жизнь узами брака. Хотя женщин, готовых выйти за него замуж, встречал и сам был готов жениться. Особенно на Верочке-медсестричке, выходившей его после ранения два года назад. Тогда Хмель, уже

будучи капитаном, работал в группе «Тайфун» Главного управления исполнения наказаний[1] и при очередном задержании крутой компании, не желавшей выполнять приговор суда, получил пулю в спину. Однако выжил. Но и на Верочке не женился, помешала черная, глубокая как омут, непроходящая ненависть к «лицам кавказской национальности», замучившим брата, убившим немало друзей, кравшим детей и насиловавшим женщин.

Со временем он научился управлять своими эмоциями и внешне никак не реагировал на смуглолицых выходцев с Кавказа, хотя в душе готов был убить чуть ли не каждого. Именно поэтому Никифор нанялся в отряд «Тайфун», часто сталкивающийся с кавказцами во всех уголках России, именно поэтому неистово тренировался и держал себя в отличной физической форме, сызмальства занимаясь русбоем.

Отец Никифора, покойный Петр Павлович Хмель, полковник МЧС, погибший под Хабаровском при исполнении служебных обязанностей, учил сына жить по принципу «не жди». Не жди, что тебя оценят, не жди, что помогут, не жди, что мечты исполнятся сами собой, а главное — не жди, если требуется твоя помощь, иди и помогай. Однако Никифор дополнил заповедь отца еще тремя принципами: «не надейся», «не догоняй» и «не проси», — и свято следовал этим простым принципам, не жалея здоровья и сил.

Жил Никифор в Москве, в переулке Сивцев Вражек, недалеко от метро, вместе с матерью Валентиной Ивановной, но появлялся там редко, практически все время проводя на базе «Тайфуна» в Реутове или в разъездах по стране. В последнее время у группы почти не было длительных периодов отдыха, все чаще требовалось ее вмешательство в тех или иных городах и селах России, где возникали конфликтные ситуации на приватизируемых, частных и даже на государственных предприятиях, руководство которых не желало жить по закону. Нынешний отпуск капитан Хмель получил в награду за участие в последнем деле, связанном с чисткой рядов в органах правопорядка.

Это случилось в Мордовии, где преступная система выколачивания признания любыми средствами пустила прочные корни.

В Большеберезниковском районе украли трактор «Катерпиллер», принадлежавший колхозу «Новый мордовец». По-

[1] Принадлежит Министерству юстиции.

исками пропавшей машины занялись оперуполномоченные отдела уголовного розыска местного РОВД Тутай Владимиров и Фрол Анатольев. В помощь им направили оперуполномоченных уголовного розыска МВД республики Антона Сергеева и Петра Сазонского.

Первым они задержали некоего Леонида Панасевича, рабочего колхоза «Новый мордовец», который под пытками свалил всю вину за кражу и продажу трактора в соседнем районе на инспектора ГИБДД Николаева и майора районной ГИБДД Абраменко. Николаева взяли прямо на дороге, возле будки дорожно-постовой службы, доставили в триста сорок третий кабинет МВД республики в Саранске и потребовали сознаться в краже трактора. Когда тот отказался, будучи невиновным, Антон Сергеев надел на Николаева противогаз, а в шланг налил нашатырного спирта. Инспектор потерял сознание от резкой боли в легких.

Однако мучителей это не остановило. Они раздвинули ноги инспектора и стали бить ремнем с металлической пряжкой по половым органам Николаева. Он вторично потерял сознание.

Пытки длились до пяти утра. Устав, Сергеев и Владимиров ушли отдыхать в другой кабинет, Сазонский остался и уснул на диванчике. Измученный Николаев скорчился на полу и до утра не спал. Утром он написал на имя прокурора «явку с повинной». Сергеев удовлетворенно прочитал ее и повел Николаева к своему шефу — начальнику управления уголовного розыска подполковнику Глинищеву. Войдя в его кабинет, Николаев упал на колени и заплакал.

— Я ни в чем не виноват, — выговорил он, кусая губы. — Умоляю вас, товарищ полковник, разберитесь!

Глинищев разочарованно посмотрел на трясущегося избитого человека.

— Жаль, разговор не получился.

Николаева отвели в тот же кабинет, и пытки возобновились.

Майора Абраменко арестовали в гараже, привели к подполковнику Глинищеву.

— Вы с ума сошли! — сказал майор. — Не крал я никакого трактора!

— Панасевич указал на вас.

— Панасевич просто мстит. Мы не раз задерживали его в нетрезвом состоянии, штрафовали, отбирали права...

— Жаль, — вздохнул подполковник, — я хотел по-хорошему, но, видимо, без параши здесь не обойтись.

Вечером майора из СИЗО доставили в триста сорок третий кабинет МВД и начали пытать. Его сажали копчиком на угол стола, надевали противогаз и перекрывали воздух, били по голове толстой книгой, стреляли над ухом из пистолета и, наконец, решили вставить в задний проход раскаленный паяльник. Если бы в этот момент в здании не появились оперативники «Тайфуна», вызванные аж из Москвы женой Николаева, знавшей о пытках мужа, оба гаишника вряд ли остались бы живыми и здоровыми. Их сделали бы калеками или убили бы, как это уже случилось в Ленинском РОВД Саранска, когда те же самые оперуполномоченные Сазонский и Сергеев допрашивали невинного девятнадцатилетнего парня и, надев на него противогаз, перегнули гофрированный шланг. Парень умер от удушья. Но в тот раз милиционерам это сошло с рук.

Брал «пыточную команду» Никифор, ударом ноги сорвав с петель дверь кабинета. Оперуполномоченные имели хорошую реакцию и пытались сопротивляться, однако были в течение секунды обезоружены и скручены. Досталось и подполковнику Глинищеву, вызвавшему на подмогу подразделение спецназа и пытавшемуся выдворить бойцов «Тайфуна» из территории здания МВД. Он был в ярости, понимая, что теряет не только погоны, но и свободу, и пообещал «добиться справедливости на самом верху, вернуться и устроить операм «Тайфуна» сладкую жизнь. Но не преуспел. В ходе дальнейшего следствия выяснилось, что инспекторы ГИБДД Николаев и Абраменко действительно не виноваты в краже трактора, а сотрудники угрозыска действительно пытали людей. Причем не ради удовольствия. Как оказалось, для значительной части сотрудников, жаждущих раскрыть преступление любой ценой, пытки — просто необходимый элемент в работе. Как сказал потом судья Верховного суда республики на процесс:

— Воспитанные на лучших образцах отечественной и зарубежной детективной литературы, в которых действуют умные и проницательные сыщики, мы сегодня должны с горечью признать: часть российских детективов — это не Холмсы, не Мегрэ, не майоры Пронины, не Знатоки и не Шараповы. Это люди с извращенными представлениями о чувстве долга, с низким уровнем профессионализма, которых необходимо учить и воспитывать...

— Мочить их надо! — пробормотал Никифор, вспомнив этот случай. — Горбатого только могила исправит...

В комнату тихо постучали. Робко вошла мама.

В отличие от сына, вымахавшего чуть ли не под два метра, Валентина Ивановна была небольшого роста, худенькая, тихая, с вечным сомнением в больших карих глазах. Впрочем, отец Никифора тоже не отличался ростом и богатырским сложением, и мама говорила, что ее дети пошли в дядьев по линии бабки Станиславы — Ивана и Василия, славившихся статью, силой и выносливостью. Нельзя сказать, что Никифор выглядел атлетом с мускулами, накачанными в зале для бодибилдинга, однако мышцы у него тоже были стальными, пальцами он мог ломать монеты, а фигура, сухая и жилистая, говорила о взрывной энергии, способной выплескиваться в нужные моменты и преодолевать любые преграды.

— Что ты все дома да дома, сынок, — мягко проговорила Валентина Ивановна. — Сходил бы куда, в театр или в кафе. Вова тебе звонил, спрашивал, когда приедешь, Люда заходила. Позвони, она тут же примчится.

Никифор улыбнулся.

— Она-то прибежит, да мне от этого радости мало. Не люблю я ее, мама. Хотя ты права, надо развеяться. Пойду погуляю по Арбату, давно там не был.

— Вот и хорошо, погуляй, — обрадовалась мать. — Только допоздна не задерживайся, волноваться буду. Ты у меня один остался.

На глаза матери набежали слезы, она промокнула их платочком, и Никифор, переживая волну нежности и вины, обнял мать, прижался губами к ее рано поседевшим волосам.

В начале шестого он вышел из дома в светло-сером летнем костюме и рубашке апаш салатового цвета. Особого плана не было. Хотелось просто пройтись по старым улочкам Москвы, подышать весенним воздухом и поглядеть на самодеятельных артистов и художников, заселивших Старый Арбат. Однако, повернув с Сивцева Вражка, где располагалась квартира Хмелей, на Староконюшенный, Никифор вдруг решил зайти сначала в церковь, поставить свечку за упокой души брата, которому в этот день исполнилось бы тридцать лет.

Идти было недалеко. В квартале от дома, в Гагаринском переулке, стояла церковь Святого Власия, где родители крестили Никифора, а вообще это был старый посадский храм во имя Преображения Господня с двухпридельной трапезной и колокольней, построенный в семнадцатом веке и достраиваемый в восемнадцатом и девятнадцатом. Никифор бывал здесь редко, не будучи верующим, и лишь для поминовения брата и своих погибших товарищей.

Церковь была открыта. Никифор вошел в полутемное про-

хладное помещение, купил свечи, поставил в чашу перед изображением какого-то святого, перекрестился. Подошла женщина в черном платье и платке, тоже поставила свечи. Никифор невольно обратил на нее внимание: женщина была молодая и красивая, смуглолицая и черноглазая. Ингушка, пришло почему-то на ум капитану. Интересно, что она делает в православной церкви?

Женщина отошла, и он тут же забыл о ней. Постояв несколько минут в шепчущей печальной тишине храма, вышел, невольно вздохнув с облегчением. Обстановка внутри церкви всегда действовала на него угнетающе.

Солнце уже опустилось за дома, но до вечера было еще достаточно времени, чтобы успеть побродить по улицам города, и Хмель неторопливо побрел по переулкам Староконюшенной слободы к Арбату, прикидывая, что он будет делать вечером и не позвонить ли ему действительно Людмиле.

Ранневечерний Арбат представлял собой своеобразную галерею самодеятельных искусств, музей, подиум, театр и рынок одновременно. Здесь рисовали портреты гуляющих, продавали картины, сувениры, безделушки, косметику, игрушки, мороженое, выступали клоуны, самодеятельные хоры и ансамбли, бренчал на гитаре «ковбой», мальчики и девочки танцевали и пели, и весь этот возбуждающий шум действовал на людей не хуже глотка вина.

Никифор остановился у лотка с деревянными куклами, сделанными с удивительным изяществом. Здесь был представлен чуть ли не весь пантеон русского фольклора: лешие и домовые, русалки и болотницы, Баба Яга и Кощей Бессмертный, хлопотун, перебаечник, Мор-баба, жихарь, боровик и другие, названий которых Никифор не знал. Продавец — пожилой мужчина с лысиной и седыми бакенбардами с улыбкой посмотрел на него.

— Интересуетесь?

— Смотрю, — сказал капитан. — Как живые! Сами делаете?

— А они и есть живые, — кивнул кукольник. — Уж почитай полста годков куклы вырезаю. Вот матрешки тож. Вы знаете, молодой человек, что такое русская матрешка? В ней кроется глубочайший смысл. Это слово — матрешка — искаженное «матрица», основа вселенной, можно сказать, а также ма-трешка, то есть Мать Мира тройная. Или вот этот скоморох. Чем не прародитель наш? Вишь, смеется, лукавец?

Никифор повертел в руках скомороха, и ему показалось, что игрушка подмигнула ему.

— Хорошая работа. И много удается заработать на куклах-то?

Старик погрустнел.

— Покупают, конешное дело, но мало, сынок. Мои куклы особенные, не хотят со мной расставаться. Поверишь ли, продал одному молодому луговую невесту — у того машина сломалась, гараж загорелся. Ишо один богатей на Мор-бабу глаз положил. Я его предупредил, чтоб, значит, ухаживал за ней, кормить не забывал, он посмеялся, а через два дня примчался бледный, куклу вернул. Две ночи, говорит, не спал, душил его кто-то.

Никифор засмеялся.

— Это он просто налоги не заплатил.

Усмехнулся и старик.

— Может, и так. У бедного одна забота, у богатого много. Выбирай, что душе угодно, почти задаром отдам.

Никифор поколебался немного, разглядывая куклы, потом взял в руки куклу, похожую на еловую шишку, но — вырезанную с большим искусством из дерева. У нее была большая голова с растрепанными волосами, хорошо видимые ручки и ножки, а лицо было хитрое, но доброе, готовое, казалось, вот-вот расплыться в улыбке.

— Это востуха, — сказал кукольник, — разновидность домового. Живет обычно за печкой и караулит дом. Где он ладит с хозяевами, там ничего плохого приключиться не может, и в доме ничего не пропадет. Бери.

— Сколько?

— Обычно говорят — давай, сколько не жалко, а я не люблю. Бери за три рубля, мил человек. Я бы и даром отдал, да не положено.

Недалеко от лотка кукольника послышался шум, толпа гуляющих людей раздалась в стороны, и стал виден источник шума: посреди улицы шествовали шестеро бритоголовых молодых людей в черных кожаных куртках и штанах. На рукавах курток виднелись эмблемы: красная звезда и буквы НБП. Это были скинхеды или скины, как их называли чаще, «бритоголовые», одни из самых рьяных защитников «русской идеи», боевой отряд Национал-большевистской партии. Никифор по долгу службы с ними не сталкивался, но знал, что целью НБП является «русская национальная революция и построение справедливого общества — Русского Порядка». Правда, методы, которыми скины пытались установить новый Русский Порядок, ничем не отличались от бандитских и откровенно террористических.

На груди у приближающихся молодчиков Никифор увидел белые кинжальчики и понял, что это парни из скингруппи-

ровки «Белые охотники». Их задачей было «очищение столицы от всех черномазых и кавказцев». По телевидению не раз показывали инциденты, связанные с избиениями скинхедами африканцев, индийцев, узбеков, чеченцев, азербайджанцев и других ярко выраженных «неславян». Никифор вспомнил, что совсем недавно в программе «Русский дом» передавали сообщение об убийстве скинами сына посла Гвинеи-Бисау и о нападениях на переселенцев с Кавказа.

Молодчики в черном шли уверенно и шумно, как истинные хозяева улицы, города и вообще всей страны. Они выискивали среди отдыхающих лиц «кавказской национальности» и обращали их в бегство зуботычинами и подзатыльниками. Сопротивляющихся били дубинками, мгновенно появляющимися из-под курток, и ногами.

— Бандиты, — пробормотал старик-кукольник. — Отходы человеческие. Мы вышли из пещер, но пещера еще не вышла из нас.

Никифор промолчал. С одной стороны, он был на стороне скинов, горевших желанием «очистить» город от «черномазых», с другой стороны, понимал, что ни в чем не повинные граждане страдать не должны. «Чистку» надо было начинать сверху, с верхних эшелонов власти, с чиновников, торгующих свободой и жизнью простых людей.

— Вас они не трогают? — спросил он.

— Я здесь нечасто бываю, — ответил кукольник. — Да и что они сделают старику? Я таких в молодости не боялся, ни тем более в старости.

Внезапно Никифор заметил ту самую молодую женщину — смуглянку, которую встретил в церкви. Только на этот раз она была не одна, а с молодым человеком, подростком, таким же смуглолицым, черноволосым и черноглазым, как она сама. Скрыться от скинов они не успели.

Один из молодчиков схватил парня за руку, ударил по шее и швырнул к ограде кафе. Еще двое начали пинками гнать его прочь. Женщина вскрикнула, бросилась к спутнику, пытаясь его защитить, но ее тоже отшвырнули, так что она не удержалась на ногах и упала, и ударили ногой в бок. Но она вскочила, снова кинулась на обидчиков, стала прикрывать собой не то брата, не то сына, и ее сбили на цветные плиты улицы снова.

Никифор больше не раздумывал.

Он вышел из толпы перед группой бритоголовых, держа руки за спиной, угрюмо поинтересовался:

— Может, хватит воевать с женщинами, богатыри?

— А тебе чо надо, оглобля? — удивился круглолицый безбровый здоровяк, накачанный так, что куртка на нем, казалось, вот-вот лопнет. — Чо встреваешь не в свое дело?

— Когда бьют женщин, это мое дело. — Никифор посмотрел на бритоголового с квадратной челюстью, державшего незнакомку, с которой слетел платок, открывая заплетенные в десяток косичек волосы. — Отпусти ее.

Толпа людей вокруг притихла.

— Не, орлы, вы только гляньте на него! — тем же тоном сказал круглолицый качок, видимо, вожак группы. — Он будет командовать, что нам делать. Кока, отодвинь деревню.

Громадный Кока с усиками над губой «а-ля Адольф» подошел к Никифору и толкнул его в грудь пудовым кулаком. Вернее, хотел толкнуть. И вдруг согнулся, присел и тихо лег.

Бритоголовые замолчали.

Хмель шагнул вперед, тяжело сказал, глядя в глаза парня с квадратной челюстью:

— Отпусти!

— Да иди ты! — очнулся тот, замахиваясь.

Никифор оказался сбоку, сделал неуловимый глазу выпад, и бритоголовый атлет, ойкнув, выпустил женщину, отступил, не понимая, почему рука его не слушается. Никифор в изумленной тишине приблизился к молодчику, избивавшему дубинкой юного спутника смуглянки, выхватил у него дубинку, перетянул ею по спине, по затылку, воткнул дубинку концом в солнечное сплетение бугая и, не глядя на согнувшегося, протянул руку избитому, закрывающему голову локтями, парню.

— Не бойся, идем со мной.

Женщина бросилась к юноше, обняла его, повела прочь, приговаривая что-то на незнакомом языке, бросила на Хмеля странный взгляд, выражавший удивление, благодарность и страх.

— Ну, козел, ты сам напросился! — опомнился главарь отряда. — Орлы, сделайте из него отбивную!

Молодчики бросились на Хмеля, размахивая дубинками (одна из них оказалась электрошокером), и Никифору пришлось входить в т е м п, чтобы нейтрализовать преимущество противника в численности и остудить чересчур разгоряченные головы. Через несколько секунд четверо из шестерки бритоголовых оказались на земле, а вожаку Никифор врезал отобранным электрошокером по загривку, а затем ухватил его и оставшегося на ногах скина пальцами за уши и повел, скулящих от боли, к переулку, выходящему на Новый Арбат.

Отпустил, дал одному и другому под зад, сказал ровным голосом:

— Еще раз увижу здесь — переломаю кости! Хотите навести порядок в стране — начните с себя.

Не слушая угроз вожака стаи, Никифор вернулся к старику-кукольнику, еще не пришедшему в себя от того, что случилось, взял у него фигурку востухи, протянул три рубля.

— Спасибо, отец. Мне этот игрунец пригодится.

— Ох, и здоров ты, сынок! — покрутил старик головой. — Спецназовец, что ли? Спортом небось занимаешься?

— Спорт — это физкультура, доведенная до абсурда, — вспомнил капитан чье-то изречение, улыбнулся. — До свидания, отец.

Побитые скинхеды удалились под улюлюканье, свист и смех. Движение по улице возобновилось. Милиция же так и не появилась, хотя Старый Арбат просматривался телекамерами из конца в конец.

Никифор поискал глазами смуглянку с сыном, заставившую его изменить принципам и вмешаться в драку, не нашел, и настроение испортилось. Он не ждал от женщины какой-то особой благодарности, но ее поспешное бегство не могло не породить в душе глухую досаду. Могла хотя бы спасибо сказать, подумал Хмель, шагая домой. Затем пришла другая мысль: он мог попасть в милицию, а засвечиваться бойцам «Тайфуна» не разрешалось ни под каким предлогом, начальство вполне могло снять погоны за демонстрацию приемов боя, приравненных к холодному оружию. Недаром они давали подписку не применять «оперативную рукопашку» вне территории базы.

Он уже сворачивал на Сивцев Вражек, изредка посматривая на свою покупку и размышляя, чем она ему так приглянулась, когда его окликнули:

— Извините, мужчина...

Никифор оглянулся. Его догоняли спасенные им женщина и ее молодой спутник. Она сняла платок, и теперь стало окончательно понятно, что женщина еще очень молода.

— Мы просто хотели поблагодарить вас. — Она остановилась перед Хмелем, покраснела под его оценивающим взглядом. — Меня зовут Шарифа, а это мой брат Алан. Мы чеченцы, переселились сюда к родственникам мужа.

— Никифор, — назвался капитан, переживая странное чувство раздвоенности, досады и стеснения.

— Моего мужа убили бандиты, — продолжала женщина, — он был русским, отказался платить боевикам... Поэтому я и

была в церкви, видела вас там. Извините за то, что из-за нас вы попали в неприятную историю, и спасибо.

Брат Шарифы под ее взглядом смущенно буркнул:

— Спасибо...

— Не за что, — махнул рукой Никифор. — Как вы оказались на Арбате?

— Мы тут живем недалеко, — улыбнулась молодая чеченка, — как раз напротив церкви.

— Так мы почти соседи, — удивился Никифор. — Я живу через дом от угла.

— Очень приятно, — снова улыбнулась Шарифа, отчего ее лицо становилось еще более красивым. — До свидания.

— Давайте я вас все-таки провожу, — неожиданно для себя самого предложил Никифор, чувствуя необычную тягу продолжить знакомство. — Мало ли кто встретится, народ тут у нас разный живет.

— Хорошо, — согласилась Шарифа. — Только люди здесь добрые, никто нас не обижал, наоборот, все помогали. А те молодые парни в черном просто зомби, такие везде есть.

Никифор с любопытством взглянул на чеченку.

— Вы знаете, что такое зомби?

— Я закончила Владикавказский университет по специальности химик-технолог. — Лукавый взгляд из-под длинных ресниц. — Там и с мужем познакомилась. А потом его убили... за то, что отказался помогать партизанам... Ну, вот мы и пришли.

Никифор окинул взглядом старый пятиэтажный дом с лепными карнизами, посмотрел на новых знакомых.

— Что ж, рад был познакомиться. Может быть, я вам позвоню как-нибудь?

— Зачем? — удивилась Шарифа.

— Просто так, — пожал плечами Никифор. — Спросить, как дела, как здоровье, нужна ли помощь.

— Помощь не нужна. — Улыбка отразилась в ее глазах внутренним светом. — Но если хотите — позвоните. — Она продиктовала телефон. — Всего вам доброго. До свидания.

— До свидания, — пробормотал неразговорчивый Алан.

Они вошли в арку, скрылись за углом.

Тебе только чеченцев спасать не хватало, проговорил внутренний голос Никифора. На кой черт тебе это знакомство?

— Если бы я знал... — вслух ответил капитан.

Дома он умылся, поговорил с мамой, довольной, что сын пришел рано, о том о сем, долго кружил по комнате, вспоминая перипетии знакомства с красавицей-чеченкой, и с трудом

заставил себя не звонить ей в этот же вечер, не понимая, что с ним творится. В конце концов он рассердился на себя, разделся, позанимался растяжкой мышц и сухожилий, принял душ и забрался с книгой на диван. Однако почитать на ночь не успел. В десять часов вечера в дверь квартиры позвонили.

Открывать пошла мама.

Послышался мужской голос.

Никифор насторожился, бесшумно приблизился к двери, приоткрыл. Мать разговаривала с высоким седоватым мужчиной в строгом костюме, с костистым сухим лицом и цепкими серыми глазами. Под глазом у мужчины был виден беловатый шрам. Никифор был уверен, что видит незнакомца впервые. Вышел в прихожую.

— Это к тебе, сынок, — сказала Валентина Ивановна. — По работе.

Она не знала, что сын служит в спецподразделении «Тайфун», Никифор всегда говорил, что работает в таможне.

— Не удивляйтесь, Никифор Петрович, — раздвинул гость узкие губы в деловой улыбке. — Вы меня не знаете, зато я о вас наслышан. Извините за поздний визит, да еще без приглашения, однако нам есть о чем поговорить.

— Проходите, — посторонился капитан, пропуская незнакомца с выправкой армейского офицера, посмотрел на Валентину Ивановну. — Мама, приготовь нам кофе.

— Мне чаю, если позволите, — попросил гость.

Никифор закрыл дверь, кивнул ему на диван, сам сел на стул.

— Я вас слушаю. Кто вы?

— Гвоздецкий Кирилл Наумович, полковник службы безопасности президента. Давайте поговорим как профессионал с профессионалом, капитан. Мне о вас известно все, в том числе — даже ваш последний инцидент со скинами на Арбате.

Никифор поднял угрюмоватые глаза на гостя, неприятно пораженный его осведомленностью.

— Я удостоился чести быть под колпаком спецслужб?

— Буду откровенен, Никифор Петрович, мы заинтересованы в вашем сотрудничестве с нами, поэтому немножко понаблюдали за вашим поведением. Кстати, ваше романтическое приключение не является дополнительной рекомендацией, скорее наоборот, хотя и характеризует вас как отзывчивого человека. Однако это далеко не лучшая характеристика для специалиста вашего уровня. И тем не менее мы предлагаем работу.

— Кто это — мы?

— Скажем так: группа граждан, озабоченных ситуацией в стране.

— Так не пойдет, — покачал головой Хмель. — Или вы говорите все, или пьете чай и уходите.

— Хорошо, зайду с другого конца. Я представляю службу безопасности президента...

— Это я уже слышал.

— Точнее, с а м о г о президента. По его распоряжению мы и готовим команду профессионалов, готовую выполнить любое спецзадание.

— Какое именно?

Глаза полковника похолодели.

— Надеюсь, нет необходимости рассказывать вам, оперу «Тайфуна», о коррупции и разгуле криминала в стране? Официальные органы, к сожалению, не справляются с этим валом преступлений, так как связаны по рукам и ногам несовершенной системой законов. Поэтому решено создать особый отряд по очистке страны от преступников. В первую очередь — от главарей бандформирований, похищающих людей. Как вы к этому относитесь?

— Никак, — равнодушно сказал Никифор. — Идея не новая.

— Не новая, — согласился Гвоздецкий. — Однако ее эффективность вне всяких сомнений выше существующих планов по борьбе с оргпреступностью. Между прочим, в портфеле заказов отряда, который, вероятно, получит название ЧК — Чрезвычайная карательная комиссия, есть розыск и отстрел чеченских боевиков, известных садистским уничтожением военнослужащих и заложников в войну и после.

Никифор встретил взгляд гостя и понял, что тот знает о смерти брата и о поисках Хмелем его убийц.

— Вы хороший вербовщик, полковник, — криво улыбнулся он. — И все же мне надо подумать.

— Разумеется, — кивнул Гвоздецкий. — У нас есть время. — Он посмотрел на часы. — Десяти минут хватит? Я пока чайку похлебаю.

Никифор невольно рассмеялся.

— Вы на всех так давите?

— Нет, — усмехнулся полковник президентской службы безопасности, — только на тех, в ком уверены на сто процентов.

Вошла Валентина Ивановна, неся на подносе чай, кофе и бутерброды с сыром и ветчиной.

— Угощайтесь, пожалуйста. Может быть, лимон принести, сливки?

— Будьте любезны, ломтик лимончика.

Валентина Ивановна ушла и вскоре принесла на блюдечке порезанный на дольки лимон. Гость и хозяин принялись пить каждый свой напиток. Потом Никифор сказал:

— А если я не соглашусь работать в вашей команде?

— Вы согласитесь, — спокойно отозвался Гвоздецкий. — Во-первых, такие дела доверяют только избранным и хорошо проверенным людям, таким, как вы. Во-вторых, вы будете работать не на какого-то конкретного человека, будь он даже президентом, не на группу лиц и даже не на конкретную организацию, а на страну! Согласитесь, трудно найти более важный аргумент. И в-третьих: пора показать всем подонкам, считающим себя недосягаемыми, творящим беспредел, живущим по законам вседозволенности, что они т о ж е смертны.

Наступило молчание.

Полковник пососал дольку лимона, начал жевать бутерброд.

Никифор вспоминал запись убийства брата, свои встречи с бандитами и предателями, до которых не мог дотянуться вследствие их высоких должностей, раздумывал, взвешивал решение, пока вдруг не понял, что готов подписаться под каждым словом полковника. Поднял голову и встретил его холодновато-сочувствующий взгляд.

— Кто будет командиром группы?

— Я, — сказал Гвоздецкий. — Вы согласны?

— Да.

— Я не сомневался в вас. Быстрое, но умное решение.

— Ум — это способность находить убедительные оправдания, — Никифор усмехнулся, — собственной глупости. Вы предусмотрели мой перевод из ГУИН в вашу епархию?

— Мы предусмотрели все. — Гвоздецкий вынул из внутреннего кармана пиджака плотный толстый конверт. — Это ваши новые документы и материалы задания. С завтрашнего дня вы уволены из рядов «Тайфуна», кстати, вместе с вашим коллегой лейтенантом Крупкало.

— Лёнчик... — пробормотал Хмель.

— На работу в управление можете не заходить, вы уже переведены в другую часть. Здесь же, в конверте, адрес части, куда вам следует прибыть в течение двух суток. — Полковник допил чай, встал. — Засим разрешите откланяться. До встречи. — Он протянул руку.

Никифор тоже встал, ошеломленный быстротой и напором, с какими была решена его судьба, пожал твердую, сухую руку гостя, покачал головой.

— Вы взяли меня тепленьким...

Гвоздецкий засмеялся, вышел в прихожую.

— Не вас первого, капитан. Скажу честно: я не рассчитывал, что вы легко сдадитесь, но надеялся. — Полковник заглянул на кухню. — Спасибо за чай, хозяюшка, чай был заварен по-моему. Доброй ночи.

Он исчез.

В прихожую вышла мать, глянула на сына, задумчиво склонившего к плечу голову.

— Это твой начальник, сынок?

— Да, — кивнул Никифор. — Теперь это мой начальник.

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО

НИКИФОР ХМЕЛЬ

Они встретились в Приозерске спустя три дня после знакомства в лагере, тестирования и совместной тренировки на слаженность. Всего команда ЧКК, или просто ЧК, насчитывала более двадцати человек, но исполнительное ядро команды состояло из семи оперативников, получивших приказ называть друг друга только по именам. Из них Никифор до появления на базе в Битцеве знал только двоих: лейтенанта Леонида Крупкало — Лёнчика, с которым работал в «Тайфуне», и командира группы Гвоздецкого. Остальные члены команды прибыли, как потом выяснилось, из разных спецподразделений типа Псковского СОБРа, десантно-штурмового батальона «Орел» Рязанской дивизии ВДВ или группы ФСБ «Альфа».

Все они были разными — по сложению, характеру, манере поведения, отношению к жизни, но всех их роднило обостренное чувство опасности — черта любого профессионала, а также одно любопытное обстоятельство: семьи всех членов группы так или иначе пострадали от террористов или бандитов.

Если у Никифора чеченцы убили брата, то у Лёнчика стая молодых подонков изнасиловала сестру, у снайпера Бориса машина некоего «авторитета» сбила мать. Женщина скончалась, не приходя в сознание. Отца Жеки сожгли в гараже, брата Ярослава — инспектора рыбоохраны — утопили в озере, жену Виктора — директоршу гостиничного комплекса «Пет-

ровское» — убил заказной киллер двумя выстрелами в голову. Только о полковнике Гвоздецком его подчиненные не знали ничего. Лишь выяснили, что он прошел три войны, несмотря на сравнительную молодость — ему исполнилось сорок два года, и что он владеет рукопашкой и всеми видами оружия.

В Приозерск, небольшой карельский городишко, расположенный на западном берегу Ладожского озера, «чекисты» добирались каждый своим ходом. Никифор, например, не имевший собственной машины, прибыл поездом из Санкт-Петербурга. Собрались же они здесь для выполнения задания, обеспечиваемого группой поддержки и наблюдения. Задание состояло в следующем.

В Карелии произошло четвертое за два месяца похищение известных бизнесменов с целью получения выкупа. Первые три так и не были раскрыты, родственникам похищенных пришлось платить. Последний инцидент, происшедший десять дней назад, переполнил чашу терпения не только работников правоохранительных органов, но и инициаторов создания ЧК. Был похищен тридцатисемилетний Константин Озерецковский, один из руководителей крупнейшей строительной компании края и дальний родственник президента.

Произошло это так.

По данным, которыми располагали «чекисты», похитители разрабатывали это преступление несколько месяцев. В середине июня в офис фирмы «КСК» вошли трое крепких молодых людей, одетых в милицейскую форму. Предъявив документы на проходной, они ворвались в кабинет Озерецковского, уложили директора компании на пол, надели наручники и, вытащив его на улицу, стали запихивать в машину — джип «Мицубиси». Охранники бизнесмена попытались воспрепятствовать захвату, но были ранены выстрелами из автомата. В это время на территорию фирмы въехал гендиректор «КСК» отец Озерецковского Вадим Александрович. Он попытался было организовать погоню, однако похитители выстрелили по его «шестисотому» «Мерседесу» из гранатомета и сумели оторваться от преследования. Отец Константина получил множественные осколочные ранения и едва не потерял зрение. Один из его телохранителей был убит.

Несколько дней Константина прятали в самом Петрозаводске, где все это случилось, потом перевезли в Приозерск, а уж потом переправили на один из островов Ладожского озера. Как установили следопыты ЧК — на остров Коневец. А чтобы он не сопротивлялся, бизнесмена постоянно кололи наркотиками, едва не превратив его в наркомана. Через два дня

после похищения отцу Константина позвонил неизвестный и потребовал выкуп — пять миллионов долларов. Говорил неизвестный с ярко выраженным «кавказским» акцентом.

По меркам Карелии Озерецковский-старший был человек не бедный, но такой суммы у него не было, и он после недолгих раздумий обратился за помощью к своему знакомому в УФСБ края. Так о похищении стало известно начальнику президентской службы безопасности и самому президенту. После чего и последовал приказ главы государства «замочить» бандитов без суда и следствия, а на месте расправы оставить визитную карточку ЧК. По мысли президента, такая «реклама» Чрезвычайной карательной комиссии была совершенно необходима для создания атмосферы страха для похитителей людей. Они должны были знать, что возмездие неотвратимо! Это был принцип шахматной стратегии: угроза сильнее ее исполнения.

Вскоре Озерецковскому-старшему снова позвонил посредник с акцентом, но Вадим Александрович по совету работников местного Управления ФСБ сказал, что таких денег у него нет. Тогда ему прислали видеокассету, на которой было запечатлено, как сыну отрубают палец. Вадим Александрович стал готовить выкуп.

Еще через два дня в Приозерске собралась команда ЧК, у которой оставалось всего двое суток на решение задачи: освобождение заложника и уничтожение банды. Им предстояло каким-то образом незаметно добраться до острова Коневец, где прятали бизнесмена, опять же незаметно достичь схрона и во что бы то ни стало добиться поставленной цели. От этого зависела не только жизнь заложника, но и судьба самой ЧК. Она должна была доказать свою профпригодность и эффективность.

Понимали это все «чекисты», поэтому готовились к операции тщательно, без шуток и ёрничанья, начав работу с изучения карты местности и особенностей острова.

По легенде, остров Коневец получил название еще в языческие времена от Конь-камня, возле которого прибрежные ладожские насельники оставляли коней в дар духам острова, которые охраняли оставленный на нем на все лето скот. Коневец простирался к северо-востоку примерно на шесть километров, имея крутой западный и пологий восточный берега, и отделялся от берега озера пятикилометровым проливом. Посреди острова располагались три «горы»: Святая, Змеиная и Южная высотой аж в тридцать четыре метра. По сути, эти горы представляли собой выступы кристаллических пород

материка среди галечной гряды, оставленной ледником десятки тысяч лет назад.

Западный берег острова сложен из террас разной высоты, создающих местами своеобразные естественные лестницы. На южном берегу Коневца расположен храм Рождества Святой Богородицы с великолепным Рождественским собором. Еще один храм — Казанской Божьей Матери — стоит на Святой горе с тысяча семьсот девяностого года. Но храм Богородицы и монастырский комплекс намного старше: они построены еще в конце четырнадцатого века, а в тысяча четыреста двадцать первом году монастырь был перенесен из-за сильного разлива Ладоги на более высокое место, где стоит и по сей день, претерпев несколько разорений, перестроек и обновлений, периоды упадка и возрождения.

Так, нынешний собор и монастырский комплекс возведены были в конце восемнадцатого века, а в конце двадцатого — вплоть до тысяча девятьсот девяностого года — на территории монастыря размещалась база военных моряков и склады морских торпед.

Вот в склепах одного из таких складов и прятали похитители свои жертвы, в том числе — Константина Озерецковского.

Место было определено совершенно точно с помощью спутниковых систем наблюдения за поверхностью Земли (президентская служба безопасности опиралась на все новейшие системы связи): северно-западная оконечность острова, где располагался древний разрушенный скит и он же — бывший склад, окруженный развалившимися каменными строениями. Однако незаметно приблизиться к нему было практически невозможно, тем более днем, и «чекистами» рассматривался лишь вариант ночной вылазки, имевший шанс на реализацию.

Экипировка группы поразила даже видавшего виды Никифора.

Им предоставили новейшие комбинезоны «ратник» для спецопераций, приборы ночного видения, компьютерные прицелы, множество приспособлений для ориентации, связи, маскировки, пересечения скальных гряд, подъема на стены, а также оружие на выбор: бесшумные снайперские комплексы «винтобой», пистолеты бесшумного боя «котик», пистолеты-пулеметы «горох», стреляющие ножи, наборы метательных пластин и дротиков, арбалеты и пси-излучатели «нокаут», называемые в просторечии «глушаками», с радиусом гарантированного действия до двадцати пяти метров.

Кроме того, в комплект снаряжения входили рации с дальностью действия до пяти километров, органайзеры для ориентации и контроля «своих» и уникальные приборчики, выявляющие у противника не только наличие оружия на дальности до двух километров, но и его тип. Никифор о таком приспособлении даже не слышал.

В воскресенье восемнадцатого июня они были готовы к броску на остров, получая от наблюдателей группы поддержки и наведения все данные о перемещениях сторожей заложников: по всем признакам, пленников было двое. Операция должна была начаться и закончиться этой ночью с воскресенья на понедельник. Дальше тянуть с освобождением Озерецковского было нельзя, по следу похитителей шли опера угрозыска и ФСБ и скоро тоже должны были выйти на схрон бандгруппы.

По сведениям наблюдателей, всего пленников сторожили шесть человек. Трое занимали позиции за остатками стен скита, наблюдая за местностью, трое отдыхали в подземном бункере — бывшем складе морских торпед. За те три дня, что «чекисты» готовились к захвату схрона, сторожа ни разу не появились на берегу острова днем, имея, видимо, запасы воды и пищи и не желая выдавать свое убежище. Лишь по ночам один-двое выходили на террасу перед храмом, прогуливались или просто курили. По данным радиоперехвата было известно, что раз в четыре дня к ним с материка прибывает лодка, что организованная преступная группировка, специализирующаяся на похищении людей, насчитывает по крайней мере еще десять человек, а главарь банды находится в Петрозаводске. Однако выяснить, кто он, где прячется и под какой личиной живет, пока не удавалось.

Впрочем, командира ЧК и его подчиненных это не волновало. Они решали конкретную задачу по ликвидации банды. О последствиях должны были думать руководители рангом повыше.

В половине одиннадцатого вечера команда ЧК в полном составе погрузилась на катер. Каждый нес свою сумку со снаряжением и оружием. Никифор выбрал себе бесшумный пистолет «котик», нож и набор дротиков. Пси-излучатели были только у Гвоздецкого и у Виктора, отвечающего за захват «языка». Снайперские винтовки взяли Борис и Ярослав.

Через час катер подошел к острову с севера на расстояние десяти километров и перешел на струйный двигатель, почти не дающий шума. Группа начала переодеваться в маскировочные комбезы, а когда катер подошел к острову вплотную (этот участок берега не просматривался из укрытия, где сиде-

ли сторожа заложников), «чекисты» попрыгали на отмель и нырнули в прибрежный кустарник, за которым начинался негустой смешанный лес. До цели им предстояло преодолеть всего около двух километров.

Катер остался ждать их возвращения.

Гвоздецкий включил органайзер, экранчик которого показал схему местонахождения бункера с пленниками, проверил работу радиоответчиков всех членов группы: в уголке экрана высветились семь зеленых звездочек. Жестом приказал включить рации.

— Как слышимость?

— Нормально, — откликнулись «чекисты».

— Самочувствие? Никто не жалуется?

— Нормально.

— Тогда начинаем работать. Полтора километра идете за мной цепью, потом расходимся. Я беру одного часового, Борис второго, Виктор третьего. Снимаем по сигналу Виктора, ему надо подобраться к своему объекту почти вплотную.

— Я мог бы снять третьего из винтаря, — сказал Ярослав.

— Нам нужен «язык», знающий пароли и систему охраны внутри бункера. Вопросы есть? Нет? Вперед!

Семь почти невидимых в ночной темноте фигур бесшумно растворились в лесу, направляясь к западной оконечности острова, где находился схрон похитителей людей.

В двенадцать часов ночи они вышли к террасе, на которой кое-где среди сосен и берез торчали из земли крупные валуны и галечные языки, начали окружать скит со всех сторон, включив приборы ночного видения.

Никифор обошел крутой склон холма, сложенный из крупного, хорошо окатанного галечника-валунника, нашел русло пересохшего ручья и по нему вылез на террасу, стараясь не наступать на скрипучую каменную осыпь.

На фоне бурого — в инфракрасной оптике — неба стали видны багровые, коричневые и черные зубчатые стены остатков храма и разрушенных каменных строений, служивших когда-то хозяйственными постройками базы моряков. Более яркое пятнышко за одним из темно-вишневых зубцов принадлежало голове часового. Никифор направил в его сторону решеточку прибора для определения типа оружия (Гвоздецкий называл его армингом), и на экранчике плоского футляра величиной с детскую ладошку высветились две цифры: 2 и 5. Это означало, что часовой вооружен автоматом и гранатами.

— Вижу часового, — доложил Никифор; он был в шлеме, и

звук голоса полностью гасился защитной сферой, не вылетая наружу.

— Оставайся на месте, — отозвался Гвоздецкий. — Жди сигнала.

Никифор замер, считая секунды и минуты. Температура воздуха на острове держалась около трех-четырех градусов тепла, но комбинезоны хорошо защищали тело от холода. На четвертой минуте рация донесла голос Виктора:

— Я готов.

— Я тоже, — доложил Борис.

— Десятисекундный отсчет.

На десятой секунде Виктор скомандовал:

— Огонь!

Светлое пятнышко в полусотне метров от Никифора исчезло за выступом стены. Часового снял из «винтобоя» Борис. Выстрела слышно не было, несмотря на полную тишину вокруг.

— Вперед! — бросил полковник.

Никифор метнулся к развалинам, обходя кучи камней, перепрыгнул какой-то ров и вдруг почувствовал непреодолимое желание упасть на землю. Не раздумывая ни мгновения, нырнул головой вперед, на лету разворачиваясь лицом вверх, увидел яркую вспышку выстрела слева от себя (стреляли из автомата) и выстрелил в ответ три раза подряд. Упал, перекатился на бок, готовый стрелять, но все было тихо.

— Кто нашумел?! — рявкнула рация.

— Часовой, — отозвался Никифор, откатываясь под стену и вставая с пальцем на курке пистолета. — Их было четверо.

— Дьявол! Если внизу услышали... Слава, взберись повыше и держи под прицелом развалины. У них могут быть запасные выходы из бункера. Виктор, что у тебя?

— «Язык» утверждает, что внизу целая система коммуникаций. Двое сторожей находятся в «жилом блоке», еще один на «кухне». Пленники — их действительно двое — содержатся в бетонном склепе, бывшей подклети храма. Вход в подземелье тут рядом.

— Ник и Лёнчик тебя прикроют.

Никифор перелез через остаток стены, преодолел груду каменных обломков и увидел светлый контур бюста над извилистой стеной храма. Ответчик шлема высветил зеленый крестик на пластине визуального слежения — бюст принадлежал «своему», Виктору. Рядом с ним сидел, безучастно прислонившись к стене, человек в черном ватнике — парализованный выстрелом из «глушака» часовой.

— Где вход? — спросил Никифор.
— В четырех шагах ступени вниз, видишь?
— Вижу. Пошли.
— Дождемся Лёнчика.
— Я здесь, — появился лейтенант.

Никифор снял с руки перчатку, дотронулся до стены бывшего храма. Стена была отсыревшей и кое-где осыпалась. А когда они спустились по каменным ступеням в темноту подвального входа в подземное хозяйство морской базы, то оказались по щиколотку в воде.

— Вот хрень! — прошипел Виктор. — Откуда здесь вода на горе?

Никифор хотел ответить, но в это время тяжелая металлическая дверь перед ним начала открываться, он вовремя откинул пластину прибора ночного видения, и свет фонаря, брызнувший в лицо, его не ослепил. Дважды выстрелив в проем двери, капитан перешагнул через упавшее тело, подобрал не погасший фонарь и двинулся в глубь довольно узкого коридора с мокрыми бетонными стенами, покрытыми разводами плесени, и ребристым полом, на котором стояли лужи черной воды. Коридор уперся в еще одну металлическую дверь с едва видимыми буквами и цифрами: ХМ 404. Дверь была полуоткрыта. Никифор с трудом расширил щель, вышел в квадратное помещение с массивными балками и пучком труб по стене. В полу помещения виднелся выпуклый глаз люка, две двери вели налево и направо, одна из них — правая — также была полуоткрыта.

— Куда? — оглянулся Никифор.

— Я понял так, что их «жилой блок», — отозвался Виктор, — кухня и камера с пленниками располагаются на одном горизонте. Вряд ли они спустились еще ниже. Люк закрыт, и туда просачивается вода.

— Эй, Бегемот, — послышался из-за двери дребезжащий из-за резонанса голос, — это ты? Кто стрелял?

Размышлять — что делать — было некогда, отступать — поздно, и Никифор сделал первое, что пришло в голову: шагнул в коридор за дверью и направил луч фонаря вперед.

Этот маневр оказался единственно верным: свет на мгновение ослепил идущего навстречу бандита, и это позволило Никифору сориентироваться первым и выстрелить. Сторож — громадный детина в черном ватнике (под землей было холодно и сыро), с автоматом в руках, упал на штабель каких-то ящиков, с грохотом рассыпавшихся по бетонному полу довольно большого помещения со стеллажами вдоль стен. И тотчас же из дальнего угла помещения заработал еще один автомат.

Пули вонзились в ящики, в стеллажи, с визгом запрыгали по стенам. Одна из них разбила фонарь в руке Хмеля, стало темно.

Никифор нырнул за какую-то толстую деревянную колоду с торчащим в ней топором, дважды выстрелил, сменил обойму. Автомат же строчил не переставая, словно имел бесконечный магазин.

— Прикройте меня! — бросил Никифор.

В проеме двери сзади показался ствол снайперки Бориса, плюнул огнем раз, другой, третий. Никифор перекатился вправо, открывая огонь. Автомат поперхнулся. Никифор метнулся в угол, отыскал на черно-малиновом фоне подвала более яркие пятна — ствол автомата и лицо стрелка, выстрелил, но этот его выстрел был уже лишним. Сторож не подавал признаков жизни. Однако задерживаться здесь было нельзя, оставался еще один защитник схрона, и он вполне мог уничтожить заложников, прежде чем попытаться уйти.

— Не стрелять! — прохрипел капитан, заметив приблизившегося к нему Бориса. — Можем задеть пленников. Витя, дай «глушак».

— Я сам.

— Быстро! Здесь могу пройти только я.

Виктор, помедлив, сунул Никифору тяжелый гипноизлучатель с квадратным — без отверстий — дулом. Капитан снял с себя шлем, вызвал необходимое состояние «без мыслей», сосчитал до семи и в темпе рванулся через помещение к двери, ведущей в глубь подземелья.

Коридор, начинавшийся за дверью, встретил его токами ненависти, угрозы и страха, которые он ощущал, почти как лучи видимого света. Определив самый «яркий» источник этих «лучей», Никифор выстрелил в том направлении из «глушака» и, пока его тело самопроизвольно металось в теснине коридора из стороны в сторону, «качало маятник», уворачиваясь от пуль (оставшийся в живых сторож начал стрельбу из «калашникова»), давил на гашетку парализатора до тех пор, пока не прекратилась стрельба и не погас «прожектор злобы и ненависти». Только после этого к нему вернулись мысли и чувства, и Никифор ощутил жжение на щеке и боль в левом бедре. Две из ливня пуль автоматчика все же нашли его и пробороздили щеку и бедро.

Однако судьба хранила его, он остался жив и даже не потерял сознания, продолжая участвовать в операции.

«Чекисты» отыскали камеру, в которой находились пленники, вывели их наверх, оставив на месте боя визитку с черно-золотыми буквами ЧКК, и вызвали по рации катер, чтобы не тащиться через буераки острова ночью.

В половине второго ночи катер подобрал группу, и, лишь оказавшись на его борту, Никифор почувствовал головокружение и слабость. Все поплыло перед глазами. В голове послышался нарастающий стеклянный звон. Капитан обмяк, прислонившись спиной к стенке рубки, и уже не слышал, как его окликнул Гвоздецкий. Его попытались привести в чувство, потом принялись раздевать, он это почувствовал, но выплыть из ватно-жаркой дремы не смог.

ВОЛОГДА

ДМИТРИЙ БУЛАВИН

Он стоял на самой верхней площадке высокой башни и смотрел вниз, на разливы лесов и полей, на величественную реку, петлявшую между холмами, на бездонное голубое небо с легкими перистыми облачками, на встающее из-за горизонта солнце. Тело казалось легким, почти невесомым, хотелось прыгнуть со скалы и парить в воздухе, как птица, радостно и вольно. Дмитрий набрал в грудь воздуха, собираясь шагнуть в бездну, и вдруг что-то произошло вокруг.

Потемнел небосвод. Похолодало. На западе появилась растущая тень, заняла полнеба, уплотняясь, приобрела очертания гигантского дракона, распростершего черные крылья над зеленой равниной. Когтистая лапа протянулась к солнцу, превращая светило в кроваво-красный пятнистый лик чудовища.

Дмитрий почувствовал дуновение ледяного ветра, съежился, понимая, что сейчас солнце погаснет, настанет тьма и мир умрет, замерзнет. И в это время на холме под скалой появился босой ребенок, светловолосый мальчик в белой рубашке с вышивкой и таких же штанах. Он поднял вверх ладошки, направляя их на драконовидную тень, волосы его стали золотистыми, потом огненными, глаза вспыхнули пронзительной голубизной, с ладошек сорвались ослепительные молнии и вонзились в дракона.

Раздался грохот, визг, вой, тень дракона взметнулась, отпрянула, разбилась на кривые осколки и стала таять, испаряться, светлеть. Исчезла! Солнце засияло в полную силу.

Мальчик перестал светиться, хотя волосы его так и остались белыми, не седыми — а серебристыми, посмотрел снизу вверх на Дмитрия, улыбнулся, помахал ручонкой и бегом направился к лесу, исчез под деревьями. Дмитрий хотел окликнуть его, пораженный увиденным, однако сорвался со скалы... и проснулся в холодном поту, все еще видя перед собой лицо мальчишки: спокойное, удивительно чистое, приветливое, с глубокими, ясными, умными голубыми глазами.

— Приехали! — глубокомысленно произнес Дмитрий, разглядывая картину на стене спальни: могучие ели образовывают как бы величественную арку в зеленом полумраке, верхняя часть арки светится как три свечи, а луч невидимого из-за деревьев солнца освещает маленькую елочку в центре этой природной арки.

Картина называлась «Лесная готика» и принадлежала кисти Константина Васильева. Точнее — кисти Максима, ученика Дмитрия, увлекавшегося творчеством Васильева и делавшего иногда копии его полотен.

— Приехали, — повторил Дмитрий, — не сон, а кино и немцы. Не хватало детишек с колдовскими замашками.

Мысли свернули в иное русло.

Максим Петришин пришел в Школу выживания «Белояр», которой руководил отец Дмитрия Михей Олегович и в которой сам Дмитрий работал инструктором древнеславянской системы целостного движения, еще десятилетним мальчишкой. Теперь же ему исполнилось восемнадцать лет, и он подавал большие надежды стать не только мастером выживания, но и — в будущем — инструктором и наставником Школы.

«Белояр» был создан в Вологде Булавиным-старшим еще в конце двадцатого века, и ему скоро должно было исполниться двадцать лет. В принципе, двадцать лет — срок небольшой для организации нового философского течения или воссоздания древних традиций, но все великое всегда начинается с малого, а вологодская Школа выживания не только не умерла в смутные российские времена «перехода от социализма к демократии», но и сумела доказать свою состоятельность, воспитав в духе почитания родовых корней и славянских норм два поколения юношей и девушек, научив их защищать свой внутренний мир от агрессивного вторжения чужого образа жизни, не бояться труда и добиваться поставленной цели.

Все они на первых этапах обучения жаждали научиться боевым искусствам и не понимали, почему их заставляют постигать основы правильного дыхания, учат танцам и движению вообще. Дмитрий помнил выражение лиц молодых пар-

ней и мальчишек, когда он начинал свой первый урок с получасовой лекции о системе «Белояр».

— Прежде всего, — говорил он, — уясните себе, что я буду учить вас не драться, я буду учить вас правильно двигаться в соответствии с древней методикой славянского рода, основанной на целостном восприятии мира, на телесно-ориентированном направлении в трансперсональной психологии. Эта система опирается на еще более древнюю технику движения под названием *жива,* направленную на восстановление и сохранение сил, укрепление здоровья и психики в любых экстремальных ситуациях. Мало того, *жива* способствует повышению скорости движений и гармоничному их сочетанию, а также высвобождению мощных резервов организма человека, о которых вы наверняка не имеете понятия. Можно сказать так: «Белояр» — введение в *живу,* которую вполне допустимо называть искусством сохранения себя и окружающей природы, искусством достижения целостности через осознание и овладение своей внутренней энергией как частью общей энергии Мироздания.

Дмитрий замолчал, прищурясь, окидывая понимающим взглядом зал для тренировок, где собралось около двадцати пяти неофитов, мальчиков, девочек, юношей и девушек постарше, парней в возрасте свыше двадцати лет.

— Что приуныли? Наверное, подумываете: в школе читают лекции — и здесь то же самое, зря пришли. Так? Могу успокоить. Я сказал вам то, что обязан сказать, и все мной сказанное буду показывать на практике. «Белояр» не только философская психофизическая система выживания, требующая знания дисциплин, таких, как «силовая устойчивость», «виртуальная мышечная динамика», «триггерная динамика», «свободное целостное движение», но и система лечения, искусство медитации, защита и система боевого совершенствования, взявшая все лучшее из существующих воинских искусств. Хотя правильнее все же было бы сказать, что она просто «вспоминает» древние методики, созданные нашими предками в далекие магические времена.

Дмитрий замолчал, увидев поднятую руку.

— Слушаю тебя.

— Извините, — сказал розовощекий вихрастый парнишка в спортивном костюме, — а вы сами мастер какой системы? И где учились? В Японии?

— Боюсь тебя разочаровать, — мягко сказал Дмитрий. — Учился я в России, по большей части у своего отца, он мастер боливака, одного из ответвлений *живы.* Но я прошел хорошую армейскую подготовку, испытал рукопашку всех боевых стилей от кунг фу до самбо, хотя все они основаны на правильном целостном движении.

— А показать какой-нибудь прием можете?

Дмитрий улыбнулся.

— Применение полученных мною навыков приравнивается к применению огнестрельного оружия. Но кое-что я вам покажу. Подойдите ко мне шестеро.

К Дмитрию вышли четверо крепких парней и два подростка.

— Берите меня за руки и за ноги, покрепче. Теперь держите изо всех сил. Готовы? Начали.

Парни напряглись.

Дмитрий качнул внутри себя «гуляющий центр тяжести» и вывернулся из захватов, столкнув парней лбами.

В зале среди сидящих учеников послышались смешки. Смущенные молодые люди с удивлением посмотрели на Булавина. Тот с добродушной усмешкой похлопал их по плечам.

— Это не фокус, ребята. Подойдите еще четверо. Беритесь посильнее, чтобы удобно было меня держать. Взяли?

Дмитрий повернулся влево-вправо и одним змеиным гибким движением освободился от захватов, заставляя державших его молодых людей сталкиваться и мешать друг другу.

— Как вы это делаете?! — восхищенно спросил один из них, поднимаясь с пола.

— Этому можно научиться. Моделируемое сознанием движение выглядит как последовательность телесных формообразований, между которыми необходимы дискретные переходы. Сознание дробит единство пространственно-временных связей окружающего мира. Я научу вас неосознаваемому текучему движению, которое не содержит фиксируемых сознанием переходов, определяемых мышечными блоками и зажимами.

— А долго этому надо учиться?

— Долго. Но если есть терпение, все реально. Я же научился.

— Сколько вам лет?

Вопрос задала девушка, покрасневшая под взглядами подружек и приятелей. По залу прокатился легкий шумок, смех. Дмитрий улыбнулся.

— Мне тридцать три.

— Мы думали, что вы старше.

Смех в зале стал общим. Потом кто-то из парней сказал:

— Дмитрий Михеевич, вы только рукопашным боем вла-

деете или холодным оружием тоже? Фехтованием не занимались? Кэндо?

— Занимался, — кивнул Булавин. — А что?

— Через три дня на территории кремля состоится чемпионат России по историческому фехтованию...

— «Меч России». Я знаю.

— Вы не примете в нем участие?

Дмитрий оглядел ждущие, внимательные, сомневающиеся и полные надежд юные лица и понял, что разочаровывать своих будущих учеников не должен. Если он откажется, они не поймут, и многие потом не придут на занятия Школы.

— Приму.

— Вот здорово!

Все зашумели, толкая друг друга локтями...

Дмитрий встал с кровати, разглядывая себя в зеркале трюмо. Показал язык.

— Что, пора отвечать за свои слова?

Он был высок, поджар, жилист, впечатления атлета не производил, однако мог одним ударом ладони (и даже пальцем) пробить дюймовую доску и уложить любого противника вдвое большей массы и габаритов. Лицо у Булавина было продолговатое, с твердым подбородком и крупными губами, нос тонкий, с горбинкой, глаза желтые, или «медовые», как любила говорить мама. Широкие брови придавали лицу некий «мефистофелевский» вид. Волосы у Дмитрия были каштановые, волнистые, длинные — до плеч, но он редко связывал их в пучок на затылке, предпочитая носить свободной волной. А вот «стариком» его делали залысины, доставшиеся в наследство от отца. Видимо, они и заставили юную ученицу Школы спросить о возрасте инструктора.

Дмитрий ухмыльнулся и пошел умываться. Сегодня ему предстояло выступить на соревнованиях по историческому фехтованию, и надо было не ударить лицом в грязь, показать все, на что он был способен. Хотя отец и не одобрял его решения принять участие в турнире «Меч России».

Сорок минут Дмитрий занимался тренировкой дыхания по системе кульсинат, начиная медитацией и кончая «танцем всех частей тела». Это учение принадлежало древнему уйгурскому роду Чай-Фу-шан и хранилось в секрете, но отец Дмитрия долгое время жил в Китае и сумел расположить к себе мастера кульсината, после чего сам стал мастером и взял многое из этого учения для создания собственной школы «Белояр». Естественно, его сын перенял методику кульсината, хотя, в свою очередь, кое в чем его усовершенствовал, добившись более полного согласования элементов телесной пластики.

В девять часов утра Булавин натянул льняные штаны и рубашку без воротника, вывел из гаража недалеко от дома (он жил в маленькой двухкомнатной квартирке, принадлежавшей еще деду Стогнею, в шестиэтажном доме по улице Багровской, недалеко от церкви Сретения) двухлетнего возраста «Хонду Престиж» и направился по набережной в сторону Октябрьского моста через Вологду; кремль с его соборами — Софийским и Воскресенским — стоял на другом берегу реки, на так называемой Соборной горке, оплывшей и почти исчезнувшей за сотни лет с момента постройки кремля.

За светофором на улице Мостовой голосовал прилично одетый молодой человек с небольшой кожаной сумкой на ремешке. Дмитрий редко подвозил людей и никогда — за деньги, поэтому сначала хотел проехать мимо, но молодой человек энергично потряс рукой, постучал по циферблату часов, и Булавин остановил машину.

— Извините, шеф, — сказал молодой человек, просовывая коротко остриженную голову в кабину «Хонды». — Опаздываю, подбросьте до моста.

— Садитесь, — согласился Дмитрий.

Молодой человек кинул свою сумочку на заднее сиденье, сел рядом с водителем и начал звонить кому-то по мобильному телефону, обещая «приехать и со всеми разобраться». У моста он вышел, заплатив полсотни, хотя Дмитрий и не просил за проезд. Слегка позабавившись этим случаем, Булавин переехал на другую сторону Вологды, повернул на перекрестке направо, на Кедровскую набережную, и в это время его лихо притер к тротуару темно-серый «БМВ» с тонированными стеклами. Открылись дверцы машины, из нее выскочил детина в костюме и при галстуке, наклонился к окошку водителя.

— Командир, ты тут нашего парня вез, — деловито проговорил он. — Так он у тебя деньги забыл.

— Деньги? — поднял брови Дмитрий, которому не понравился шалый блеск в глазах парня. — Эти? — Он протянул пятидесятирублевую купюру, что дал ему недавний пассажир.

— Да нет, наш парень у тебя на заднем сиденье целый сверток с деньгами оставил.

Дмитрий оглянулся и действительно увидел какой-то белый бумажный сверток.

— Забирайте, — кивнул он, недоумевая, каким образом пассажир мог не взять сверток, если даже он выпал из его сумки.

— Извини, мы теперь посчитать должны, — виновато раз-

вел руками детина. — Не дай бог недостача, с нас три шкуры сдерут.

Дмитрий, сомневаясь в собственной трезвости, открыл заднюю дверцу. Ситуация окончательно перестала ему нравиться.

Детина влез в кабину, развернул сверток, начал считать деньги — доллары США — и вдруг нахмурился.

— Э-э, командир, тут не хватает двух «штук». Ты часом не фокусник? Упаковка вроде целая, а баксов нет.

Дмитрий понял, что нарвался на авторэкетиров, которых в последнее время развелось немерено. До этого он никогда не думал, что подобное может случиться и с ним.

— Вылезай, красавец, — с досадой сказал он, оборачиваясь, и увидел направленный в лицо ствол пистолета.

— Не дергайся, братан, — покачал головой детина, — мы люди понятливые, но до определенного предела. Гони две «штуки» обратно, и мы мирно разойдемся.

Из «БМВ» вылезли еще два мордоворота, стали с двух сторон булавинской «Хонды». Дмитрий оценивающе посмотрел на них, повернул голову к бандиту с пистолетом.

— А если я скажу, что не брал ваших «трудовых» «штук»?

— Не пойдет, — раздвинул в ухмылке бледные губы детина. — Если мы их не найдем тут у тебя, значит, ты их успел передать кому-то по дороге. Уж лучше добром отдай.

— Ясно, — вздохнул Дмитрий, усмехнулся с сожалением. — Ну и денек у меня с утра выдался, прямо отдых сердца. А если я сопротивляться начну, милицию звать?

— Не рекомендую, — снова ухмыльнулся детина. — Еще и срок получишь за кражу. Зачем тебе лишние хлопоты? Как говорится, лучше минуту побыть трусом, чем всю оставшуюся жизнь мертвецом.

— Резонно, — улыбнулся Дмитрий и особым приемом, вывернувшись винтом с сиденья, отобрал у бандита пистолет. Передернул затвор, направил ствол на ошалело разинувшего рот парня.

— Тихо! Я вас выслушал, теперь послушайте меня. Прикажи своим коллегам, чтобы не играли в ковбоев и отошли от машины, иначе я выстрелю первым.

Детина с любопытством посмотрел на спокойное лицо Булавина, открыл дверцу, не спуская глаз с пистолета (интересно, откуда у них девятимиллиметровый бельгийский «FN» модели «стандарт» с обоймой на четырнадцать патронов?) и негромко проговорил своим напарникам, схватившимся за оружие:

— Спокойно, ребята, ошибочка вышла. Садитесь в тачку, я сейчас.

— Пусть отъедут.

— Сдайте назад.

Одетые в темно-синие костюмы приятели бандита спрятали пистолеты, залезли в «БМВ». Машина отъехала назад, остановилась в десяти метрах.

— Извини, братан, — дружелюбно сказал детина, не выказывая особых признаков страха. — Ну просчитался я, деньги все на месте. Отдай пушку, и мы разойдемся как в море корабли.

— Выходи, корабль, — повел стволом Дмитрий.

— А пистолетик? Сделай нам мелкую радость, верни.

— Мелкие радости ведут к крупным неприятностям. — Дмитрий вынул обойму, спустил курок, протянул разряженный пистолет рэкетиру. — Деньги не забудь.

Детина вылез.

— Мы тебя найдем, братан.

— Это будет второй вашей ошибкой, — хладнокровно сказал Булавин. — Источник нашей мудрости — наш опыт. А знаешь, что является источником нашего опыта?

— Ну?

— Наша глупость. Поэтому прими совет: не ищи приключений на свою корму. Сегодня я добрый, потому что спешу, в другой раз тебе может не повезти.

Дмитрий дал газ и отъехал. Детина, сунув руки в карманы брюк, смотрел ему вслед, потом сел в подъехавший «БМВ». Но преследовать «Хонду» рэкетиры не стали.

Через несколько минут Дмитрий припарковал машину возле остатков кремлевской стены восемнадцатого века и сразу забыл о своем приключении с подвозом члена шайки вымогателей. Из-за стены доносился нестройный шум толпы, слышались удары металла о металл, лошадиное ржание, топот копыт, пыхтение, крики, смех, аплодисменты. Соревнования уже начались, и зрители приветствовали участников.

Обычно чемпионаты России по историческому фехтованию, ставшие с недавних пор международными рыцарскими турнирами, проходили в Москве, на территории историко-культурного комплекса «Сетуньский Стан». Однако организаторы чемпионата решили с этого года проводить их и в других городах, имеющих древние крепости, монастыри и кремли: в Нижнем Новгороде, Туле, Смоленске, Ярославле, Пскове. Выбор пал на Вологду, где и были сооружены импровизированное ристалище, деревянный амфитеатр для зрителей,

«княжеские ложи», шатровый городок, в котором разместились почти четыре сотни участников из рыцарских клубов различных городов страны, а также гости из ближнего и дальнего зарубежья — Дании, Польши, Литвы, Украины, Франции, Италии и Германии.

Насколько был осведомлен Дмитрий, только в России было создано более сотни таких клубов, максимально придерживающихся историчности в костюмах, традициях, оружии и атрибутике, занимающихся изучением старинных воинских приемов и обрядов, исторической реконструкцией одежды и доспехов, спортом и каскадерством. В одной Москве их насчитывалось за тридцать, имеющих громкие названия типа: «Серебряные волки», «Славяне», «Лютичи», «Наследие предков» и «Ратник». В Вологде тоже был сформирован клуб «Витязь», достойно выступавший в чемпионатах. Именно на его стороне и предстояло Дмитрию сразиться на мечах. Он хорошо знал президента, или, как принято говорить, воеводу клуба Евгения Платова, неплохого кулачного бойца и мастера спорта по тяжелой атлетике, который помогал отцу Дмитрия в создании Школы выживания.

Вообще, поединки на мечах только на первый взгляд могут показаться лихим размахиванием клинками, всего лишь красочно-шумным шоу. Они требуют определенных навыков и недюжинной физической силы, так как вертеть железякой, которая весит от полутора до двух килограммов, занятие не из легких. А если учесть, что меч — не железная палка, им можно серьезно поранить противника, несмотря на доспехи и применяемые методы защиты — подшлемники, наколенники, налокотники, то и вовсе становится не по себе, особенно человеку, впервые берущему меч в руки. Правда, Дмитрий волновался по другой причине: очень не хотелось обижать молодых парней, рвущихся к пьедесталу чемпионата, жаждущих получить из рук королевы турнира награду и понятия не имеющих, что их сегодняшний противник владеет «техникой Велеса» — приемами боя на мечах, корни которого уходят в древнюю Русь-Орду, чьи воины на протяжении сотен лет превосходили всех других рыцарей. Этой технике Дмитрия учил дед Стогней, потом отец, и хотя сам Булавин-младший не любил фехтование, точнее, был к нему равнодушен, мечом и саблей владел не на любительском, а на б о е в о м уровне.

Его уже ждали в шатре «Витязей».

— Опаздываешь, — укоризненно прогудел в бороду Платов. — Давай быстренько облачайся. Сейчас там пока бьются рыцари на лошадях, потом пойдем мы. Учти, очень сильный

состав привезли туляки, с ними прошлогодний чемпион Паша Быстров. Кроме того, приехал Ульф Паккинен, чемпион Европы. Тебе придется попотеть.

Дмитрий кивнул, натягивая на себя кольчугу. Ему помогали двое парнишек из клуба, игравших роль оруженосцев. Остальные члены клуба были уже готовы к бою и смотрели состязания на ристалище.

— Что еще в программе?

— Турнир, показательные бои на лошадях, с пиками и мечами, поединки богатырей, супершоу каскадеров, конкурс костюмов, обрядовая свадьба, посвящение в рыцари.

— Моих учеников видел?

— Сидят в первых рядах амфитеатра, жаждут восхититься искусством учителя.

Дмитрий усмехнулся.

— Не разочаровать бы.

— Да ты что? — удивился Платов, громадный, выпуклый со всех сторон, настоящий богатырь, которому очень пошла бы громадная палица. — Сомневаешься в своих силах? Я же видел, как ты рубишься.

— Да жаль мне пацанов, они-то не прошли школу, какую прошел я.

— Не скажи, Паша Быстров мастер спорта по сабле, а мечом машет как перышком. Да и Ульф не подарок. Ты их еще победи.

— Постараюсь, — усмехнулся Дмитрий, беря в руки шлем, щит из легкого и прочного бериллиевого сплава и меч.

Меч этот, сделанный по особому заказу мастерами Златоуста для самого Платова, весил один килограмм семьсот пятьдесят граммов и имел специальную балансировку и эргономическую рукоять. Им можно было наносить любые косые, колюще-рубящие и удары без замаха, которые наносятся при возвращении меча после прямого удара. В групповом бою такие удары, называемые «змеиными оборотками», дают особое преимущество мастеру.

Конечно, в современных условиях существовали определенные правила, которые необходимо было соблюдать в поединке. Так, например, запрещались колющие удары в лицо, рубящие — по запястьям рук и удары в пах. Но все же риск получить рану или травму был, и никто не мог предвидеть исхода поединка.

Платов же отдал свой меч Дмитрию потому, что сам не участвовал в соревнованиях из-за травмы колена. Хромая, он повел «надёжу и опору» клуба к ристалищу, где уже шла сеча.

Турнир на лошадях, с пиками и саблями, закончился. Начался рыцарский турнир, в котором принимали участие пятьдесят воинов из двадцати с лишним клубов и гости из-за границы. Бои велись до получения победителем двадцати очков: по два очка приносили удары мечом в голову (по шлему) и корпус, по очку — удары по плечам, рукам и ногам. Хотя турнир, собравший огромное количество зрителей (больше тысячи, многим не нашлось места), проходил в трех весовых категориях — до шестидесяти пяти килограммов, до девяноста и свыше девяноста килограммов, в финале выявлялся и абсолютный победитель. Как правило, им становился могучий воин, легко выдерживающий вес доспехов, жару, духоту, долгое маневрирование и владевший мечом. Такими были Паша Быстров, двухметровый богатырь из Тулы, весивший около ста килограммов, и Ульф Паккинен, боец из Швеции, чемпион Европы.

Вес Дмитрия не превышал семидесяти восьми килограммов при росте метр девяносто три сантиметра, но он не сомневался, что в финале ему придется сражаться либо с Быстровым, либо с Паккиненом.

Шум на трибунах ослабел, потом снова усилился. Начинались рыцарские поединки с выбыванием — по два сразу, чтобы успеть закончить соревнования к вечеру.

Дмитрий оглядел место действия и невольно покачал головой. Блестящие кольчуги, латы, островерхие шлемы, звериные шкуры, арбалеты, луки и мечи воинов, яркие наряды девушек, каменные стены кремля создавали непередаваемое ощущение ушедшей эпохи. Казалось, он перенесся на несколько столетий назад, в эпоху Золотой Руси, славившейся своими витязями и красотой женщин, и это ощущение заставило Дмитрия по-новому оценить идею подобных чемпионатов и усилия его устроителей, направленные на возрождение родовых традиций. Хотя, с другой стороны, Дмитрий понимал, что не все обряды и ритуалы следует копировать один к одному, воссоздавать в прежнем виде. В новое время необходимо было закладывать и новые традиции, опираться на новые символы, искать новые пути к сердцам и душам детей и взрослых.

Закончился первый бой. Два победителя вскинули мечи, поклонились, сняли шлемы, открывая разгоряченные, потные, улыбающиеся лица, и ушли, сопровождаемые громом аплодисментов. Побежденные, конечно же, чувствовали себя не столь радостно, однако покидали поле боя без злобы, исповедуя принцип олимпиад: главное не победа, а участие.

Один из проигравших хромал, и Дмитрий вспомнил трагический случай в своей спортивно-воинской карьере, происшедший больше десяти лет назад, когда во время показательных выступлений Вологодского ОМОНа — Булавин-младший тогда служил в спецназе внутренних войск — один из офицеров взвода нанес удар штык-ножом в грудь напарника и пробил спецжилет, в результате чего боец скончался от проникающего ранения в сердце. Тот случай наделал много шума во всех сферах жизни города, и показательные выступления с применением оружия запретили. Однако спецназовцев продолжали учить жестко, профессионалов можно было вырастить и воспитать только «на натуре», и они продолжали рисковать здоровьем и жизнью, тренируясь в условиях, приближенных к боевым, получая при этом не только синяки и царапины, но и травмы, и переломы, и серьезные раны.

Диктор объявил фамилии следующих участников. Затем наступила очередь Дмитрия.

Его встретили сдержанно, хлопали в ладоши только ученики и те, кто знал инструктора Школы выживания. Для многих зрителей и для большинства соперников он был «темной лошадкой». Фамилия Булавин ничего им не говорила, Дмитрий уже десять лет не выступал в официальных соревнованиях такого ярко выраженного фестивального плана.

Его противником оказался сорокалетний рязанец Сергей Сидоров, неплохо вращавший вокруг себя меч, но не знавший приемов защиты от веерных ударов и проваливающийся при каждом своем богатырском выпаде. Дмитрий «зарубил» его за минуту, набрав необходимые очки ударами по шлему и по плечам противника. Хлопали ему опять же сдержанно, не сумев оценить легкость, с какой он добился победы.

Второй поединщик был моложе и двигался быстрее, мечом владел неплохо и защищался довольно умело, но и он не выдержал двойных «слябов» — ударов, при которых меч Дмитрия отбивал удар и тут же, крутнувшись, бил по рукам соперника. Потеряв щит, псковский мастер сдался.

Трибуны зашумели, раздались крики:

— Подстава!

— Пусть бьется как ратник!

— С поля!

— Зрители не видят того, к чему привыкли — зрелища, — сказал Платов, обнимая Дмитрия. — Не понимают, что могучие удары по щитам — результат плохо рассчитанной атаки. Помахай железкой, постучи по щиту, пусть порадуются люди.

— Нам нужна победа или красивое фехтование? — хмыкнул Дмитрий.

— И то, и другое, — ухмыльнулся президент клуба. — Смотри, сейчас выходит Паша Быстров, понаблюдай за его техникой. Кстати, меч у него длиннее моего.

Дмитрий кивнул, невольно взвешивая в руке свой меч. Его оружие представляло собой точную копию русского меча конца четырнадцатого века: клинок длиной в сто десять сантиметров и шириной в шесть, длинная прямая крестовина, двухрядные долы. Но меч Быстрова действительно был длиннее сантиметров на пятнадцать, под стать богатырским плечам и рукам владельца и его двухметровому росту.

Рубился Паша легко, играючи кидая меч вперед, дважды со звоном врезал клинком по шлему противника, и судьи остановили бой. Его противник, боец из Италии, с трудом дошел до края поля, где им занялись медики.

— Знай наших! — почесал бороду Платов, кидая косой взгляд на оставшегося спокойным Дмитрия.

Затем выступал чемпион Европы Ульф Паккинен, достаточно убедительно переиграл поляка Збигнева Чертынского и картинно прошелся вдоль трибун со снятым шлемом, показывая соломенные кудри и гордое лицо потомка викингов. Больше всех ему аплодировали девушки.

Дмитрий вышел еще раз, послушно отработал весь комплекс ударов и уклонов, погонял противника по полю, пока не выбил у него меч из руки, и вдруг заметил среди зрителей того самого молодого человека с сумкой, который «забыл» у него в машине сверток с деньгами. А рядом с ним невозмутимо стоял детина в костюме, который считал деньги и угрожал Булавину пистолетом.

Настроение испортилось. И хотя Дмитрий не боялся новых встреч с рэкетирами, все же праздник их присутствие омрачило. Он с угрюмым раздражением «добил» противника, заслужив похвалу Платова «классным спектаклем», хотел было отказаться от дальнейшего участия, но вспомнил ждуще-радостные лица учеников и поборол раздражение. Если уж начал дело, следовало доводить его до конца.

С Ульфом Паккиненом ему пришлось сойтись уже в следующем поединке. Начались полуфиналы, и участников, одержавших победы во всех встречах, оставалось всего четверо.

Чемпион Европы оказался умелым бойцом, несмотря на весь свой выпендреж и чванство. Он быстро реагировал на движения Дмитрия, легко отбивал прощупывающие оборону выпады, хорошо двигался сам, а главное — владел неплохим

арсеналом действительно боевых и опасных приемов. Один из таких приемов — кистевой выверт с посылом веерного удара — запросто мог отсечь противнику руку. Такие удары в принципе запрещались правилами соревнований, но вряд ли судьи могли увидеть всю злую хитрость замысла и оценить его исполнение. Достойно оценить по-настоящему коварный боевой удар мог только профессионал, испытавший его на себе и знавший реальную школу фехтования на мечах.

Ульф сразу пошел в атаку, поощряемый болельщиками, уверенный в своем превосходстве, но тем не менее очень осторожный и мгновенно реагирующий не только на удары, но и на угрозу атаки, что существенно увеличивало его потенциал. Встретив умелую защиту шведа, Дмитрий, вначале настроенный скептически, вынужден был отступить и долгое время маневрировать, пропуская одиночные выпады и вырабатывая тактику боя, прежде чем начал сам опережать противника и набирать очки, не травмируя его. Бой он в конце концов выиграл, но потерял много сил, что не могло не сказаться на его состоянии в будущем.

Отдохнуть как следует он, конечно, не успел. Напился холодного квасу, три минуты медитировал, пытаясь восстановить энергетический канал с землей, и вышел на поле, где его ждал второй финалист чемпионата — Павел Быстров.

Этот бой мог бы стать классикой жанра и пособием для начинающих фехтовальщиков, настолько он отличался от уже прошедших поединков и был полон драматизма, внутренней борьбы, напряжения и вспышечных быстротечных атак. Паша оказался не просто хорошим бойцом, мощным и подвижным, он был мастером кэндо, знающим древние и современные приемы боевой работы на мечах, и, судя по всему, он собирался отстаивать свой титул чемпиона — «первого меча России» — всеми доступными ему способами. Во всяком случае, он сразу показал противнику серьезность своих намерений, едва не разрубив с первого же удара щит Дмитрия, а потом с очень высокой скоростью — в темпе — чуть не снес ему наколенник вместе с коленом.

Однако боль отрезвила Дмитрия, ввязавшегося было в обмен ударами, в игру с блоками и отбивами меча, Паша был сильнее и бил в полную силу, причем сериями, он явно знал «технику Велеса» или нечто схожее с ней и мог мгновенно ответить «слябом», «веером» или «обраткой с дымом» — ударом острием меча по забралу шлема, ослепляющим соперника. Пропустить такой удар означало проиграть, поэтому Дмитрий, уйдя в «полуосознанку» — в состояние интуитивного ре-

агирования на опасность и доведя скорость реагирования организма до т е м п а, то есть сверхскоростного сжатия мышц, начал потихоньку опережать противника, кружить, маневрировать, упреждать атаки и выискивать бреши в его защите. Счет был восемнадцать — десять в пользу Быстрова, когда Дмитрий наконец подготовил «неловкое полупадение», заставил Пашу пойти на добивание и провел прием.

Удар, называемый «вертолетной лопастью», венчал сложное движение из двух разворотов, нырка, прыжка (ох и тяжело же прыгать в доспехах весом в пятнадцать килограммов!) и винтового раскручивания, и пришелся по шлему Быстрова — слева, наискось по макушке. Паша отшатнулся, роняя щит, постоял, шатаясь на ставших ватными ногах, и осел на землю.

Над полем сечи повисла пугливая напряженная тишина, разрешившаяся общим вздохом, когда Дмитрий подскочил к Павлу и снял с него шлем, открывая бледное потное лицо бойца с блуждающим взором. Паша был в состоянии нокдауна. Затем раздался вал аплодисментов, шум, ликующие крики мальчишек и звуки фанфар, означавшие конец поединка. Продолжить бой Быстров уже не смог.

Бледно-зеленый от удара — меч Булавина шлем не пробил, но вогнул, — с шишкой на темени, он пожал руку победителю и сказал с мрачной улыбкой:

— Похоже, мы учились в одной школе фехтования. Кто тебя натаскивал?

— Дед, — ответил Дмитрий. — Потом отец. Потом спецназ.

— Я так и думал. А поначалу ты мне показался слабаком, слишком экономно расходовал энергию, почти не махал железякой. Давно крутишь ножик?

— Лет двадцать, но сейчас редко, не люблю я это дело.

— А здесь как оказался?

— Заставили. — Дмитрий улыбнулся, подставляя лицо прохладному ветерку. — Если бы не ученики, я бы не вышел.

— Кого тренируешь?

— Я инструктор местной Школы выживания.

— Вон в чем дело, — протянул Павел, — то-то ты был так скуп на движения, я бы даже сказал — лаконичен. Рукопашку тоже в спецназе оттачивал?

— Меня начинал тренировать дед, он знал с и с т е м у.

— Суев, спас, боливак?

— *Живу.*

Павел покачал головой, разглядывая лицо Булавина с новым интересом.

— Мне надо было сразу догадаться. Я учился у казаков, мой родной дядька был мастером спаса, а его отец — пластуном, отсюда и мой выбор в спорте — сабля.

— Мечом работать тебя дед учил? Что за техника? «Велес»?

— «Сеча Радогора», слышал?

— В какой-то книжке читал о существовании «Свода Радогора», передаваемого по наследству витязями, но считал это легендой.

— «Сеча» — не легенда, только я не все смог постичь, что мне показывал дед. Он умер, а дядька уже не был таким мастером фехтования. Спасибо за науку, инструктор. Ты сегодня показал то, чего я не знал.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Дмитрий вернулся в шатер клуба «Витязь».

— Подожди, не раздевайся, — встретил его Платов. — Сейчас тебя награждать будут как чемпиона.

Дмитрий вспомнил рэкетиров, сидящих среди зрителей.

— Может быть, ты выйдешь вместо меня?

— Нет уж, уволь, — мотнул головой президент клуба. — Ты победитель, тебе и целовать королеву турнира. Очень красивая девица, между прочим, топ-модель. Иди, иди, самурай, ты сегодня хорошо потрудился, защитил честь клуба и заслужил поощрение. Вечером мы тебя в ресторане поздравлять будем.

Дмитрий со вздохом направился между трибунами на поле, где уже прозвучало его имя.

Королевой турнира действительно оказалась сногсшибательной красоты девушка в наряде русской царевны. Дмитрий преклонил перед ней колено, и она повесила ему на грудь красивую восьмиконечную звезду на алой ленте и вручила главный приз — раритетный меч, сделанный по специальной технологии, имеющий даже собственное имя — Сокрушающий, выбитое на клинке вязью старославянских букв. Дмитрий поцеловал клинок, потом королеву рыцарского бала, отметив изысканный тонкий запах ее духов. Королева покраснела под его взглядом, но глаз не отвела — большие, зеленые, с влажным блеском, и Дмитрий неожиданно для себя самого спросил:

— Как вас зовут, царевна?

— Диана, — ответила королева турнира.

— Красивое имя. И редкое. А могу я вас пригласить в ресторан сегодня вечером? Или хотя бы позвонить?

— Позвонить можете, — улыбнулась девушка, сверкнув красивыми зубами. — Насчет ресторана... подумаю. Звонить луч-

ше всего после одиннадцати вечера. — Она продиктовала номер телефона.

Дмитрий боковым зрением отметил двинувшихся к нему молодых людей в строгих, темных, совсем не праздничных костюмах, понял, что это либо телохранители девушки, либо ухажеры, склонил голову, встал с колена. Повернулся лицом к трибунам, вскидывая меч над головой, и под гул и аплодисменты удалился с поля.

В шатре он с облегчением скинул с себя кольчугу, доспехи, облился водой из ведра, принесенной специально для него Платовым, начал было одеваться, и в это время в шатер зашли двое давешних молодых людей, которых он принял за телохранителей королевы турнира. Один был повыше, стройнее, с загорелым холеным лицом, на котором выделялся орлиный нос и горящие черные глаза, с длинными, явно крашенными, точнее, выбеленными волосами. Второй — типичный качок, завсегдатай бодибилдингового клуба, могучий телом, приземистый, с квадратной физиономией и короткой стрижкой.

— Эй, чемпион, — сказал клювоносый с ленивой полупрезрительной интонацией, — предупредить хочу. На Диану глаз не клади, этот бриллиант не для твоей коллекции, понял?

— Понял, — кротко ответил Дмитрий. — Это все?

Гости переглянулись. Атлет с короткой стрижкой нахмурился, шагнул к Булавину, продолжавшему одеваться.

— Ты героя из себя не меси, меченосец, а то рога поотшибаем...

— Сдай назад, Мамонт, — ухмыльнулся длинноволосый. — Дядя и так скумекал, что связываться с нами не стоит. Так, дядя?

— Пошли вон, — спокойно сказал Дмитрий.

— Что?! — удивился парень с хищным носом. — Что ты сказал?!

— Что слышал. Идите отсюда подобру-поздорову, кавалеры. Или разговаривайте по-человечески. Я хамов не праздную.

— Да я тебя... как муху!.. — замахнулся качок и замер с открытым ртом, почувствовав на горле холодную сталь меча.

Его босс кинул было руку под мышку, но Дмитрий покачал головой, отодвигая меч, выхваченный из ножен, направил острие клинка в грудь парня.

— Не стоит рисковать, дружище, пистолет не всегда гарантирует преимущество. Я успею нашинковать тебя раньше, чем ты вытащишь свой пугач. Хотя можешь попытаться.

— Что здесь происходит? — вошел в шатер Платов.

— Ребята ошиблись дверью, — сказал Дмитрий, заглянув в сузившиеся глаза клювоносого. — Будем продолжать беседу или вы уже уходите?

— Мы еще встретимся, — прошипел длинноволосый, — в недалеком будущем. Пошли, Мамонт.

— Трудно избежать будущего, — пожал плечами Дмитрий, вспоминая изречение Оскара Уайльда.

Молодые люди в атласных черных, с фиолетовым отливом, костюмах вышли.

— Что им было надо? — проворчал Платов, провожая их глазами.

— Да в общем-то ничего, зашли для профилактики, предупредить, чтобы я не заглядывался на Диану.

— Этого следовало ожидать. Знаешь, кто это был? Симон Калабриади, сынок местного миллионера Гогии Калабриади, президента фонда «Третье тысячелетие», владельца всех аптек и частных зубоврачебных кабинетов. Кстати, спонсора нашего турнира. Неужели не слышал?

— Слышать-то слышал, но познакомился впервые. Значит, Диана его жена? Или подруга?

— Говорят, Симон предлагал ей златые горы, чтобы она стала его женой, однако не преуспел на этом поприще. Зато охраняет теперь красавицу от всех ухажеров. Что, неужели зацепило? С первого взгляда?

— Не знаю, — задумчиво проговорил Дмитрий. — Хотелось бы познакомиться с ней поближе. К тому же она не против, телефон вот сказала.

— Ты даешь! — хлопнул себя по ляжкам Платов. — Она, конечно, красавица, топ-модель и все такое прочее, но я бы тебе не советовал связываться с Симоном. Он сам отморозок, и вся его компания — такие же отморозки.

— Я не собираюсь с ним связываться.

— Но телефон все-таки попросил. Ох смотри, не влипни! Красота — страшная штука! Ну что, пойдем, поглядим на праздник? Сейчас начнутся каскадерские фокусы.

— Не хочу, — качнул головой Дмитрий. — Домой поеду, отдыхать.

— Подвезти?

— Я на своей.

— Тогда до вечера. Не забудь, в восемь часов мы будем тебя ждать в ресторане «Ностальжи».

— Не любитель я ходить по ресторанам, Женя, ты же знаешь.

— Я, что ли, любитель? Но не обижай ребят, они за тебя так болели, что охрипли. Приходи обязательно. Кстати, по слухам, в этом ресторане часто бывает наша королева турнира Диана Перфильева.

Дмитрий заколебался.

— Ну, не знаю... возможно, и приду.

Со стороны трибун раздался звук фанфар, гул людской толпы немного стих.

— Я побежал, — заторопился Платов, — а то пропущу самое интересное.

Он хлопнул Дмитрия по плечу широкой ладонью и захромал из шатра, туда, где начиналось новое представление — каскадерское шоу. Булавин задумчиво прошелся взад-вперед по мягкому брезентовому полу шатра, подумывая, не присоединиться ли к Евгению, потом тряхнул головой и поспешил к выходу.

В начале девятого он поставил «Хонду» в ряду машин возле ресторана «Ностальжи», расположенного в центре Вологды, напротив церкви Иоанна Предтечи. Ресторан этот был открыт недавно, около года, но уже заслужил славу экстравагантного развлекательного заведения и стал местом встреч вологодской элиты. Во всяком случае, заказать столик обычному горожанину, особенно в праздничные дни, было здесь непросто.

Одет Дмитрий был подобающим образом — в белый костюм и черную рубашку из особой блестящей ткани, вошедшей недавно в моду. Ткань пропускала воздух, была экологически чистой, человек в ней не потел даже в жару, а самое интересное — изготавливали ее в самой Вологде из льна по специальной технологии, не снившейся никаким знаменитым западным ткачам.

Пропустили Дмитрия без лишних вопросов. Очевидно, его вид и то, что он приехал на иномарке, послужили для привратника достаточно весомой визитной карточкой.

Булавина ждали.

В углу ресторана, между чучелом медведя и декоративной решеткой с цветами, были составлены три столика, за которыми сидели одноклубники Платова, он сам, жена и друзья, всего одиннадцать человек. Встретили победителя рыцарского турнира как и подобает в таких случаях — стоя и рукоплескаая, чем немало удивили завсегдатаев ресторана, привыкших к такому изъявлению чувств только от «своих».

Некоторых Дмитрий знал: двое приходили к нему на занятия «Белояром», еще двое членов клуба учились у отца, жена Евгения — Александра, уже давно звала Булавина только по имени. Остальные были незнакомы, но в ходе застолья все перезнакомились, и Дмитрий даже выпил с одной из девушек на брудершафт, правда — тоника. Ни вина, ни более крепких алкогольных напитков он не потреблял.

После выпитого разговор за столом стал оживленней. В зале появился «живой» оркестр — группа «Божья коровка», начали выходить танцующие пары. Рядом кто-то из гостей ловко сбивал горлышки с винных бутылок огромным кинжалом. Чуть подальше молодые люди в хороших костюмах соревновались в разливании шампанского в составленные «лесенкой» — до десяти штук! — бокалы. Меж столами расхаживали девушки с обнаженными бюстами — финалистки конкурса «Мисс бюст Вологды». Кому-то вручались какие-то непонятные награды — не то цветочные горшки, не то куклы с кактусами вместо голов и других частей тела. В общем, было весело, и Дмитрий не пожалел, что пришел в ресторан «на халяву», ему давно не хватало подобного приятного расслабления, отодвигающего мысли о работе, о заботах и делах, о неустроенности личной жизни. И в это время в ресторане появилась Диана.

Дмитрий сначала не понял, из-за чего возник ажиотаж, гости ресторана повскакивали с мест, какие-то молодые люди ринулись ко входу в зал, и лишь потом он увидел королеву турнира.

Дыхание оборвалось. Дмитрий почувствовал самый настоящий оглушающий энергетический удар. Почему-то при получении приза он такого всплеска эмоций не испытал, но сейчас все было иначе, и красота девушки обрушилась на него как волна океанского цунами.

Она была одета в роскошное вечернее фиолетовое платье, отливающее серебром, с вырезом, приоткрывающим высокую грудь, с длинным разрезом, позволявшим видеть красивую стройную ногу при каждом шаге девушки. На шее Дианы сверкала лунным светом платиновая цепочка с сердечком, в ушах подрагивали изумительной работы сережки в форме ажурных березовых листиков, на пальце красовался перстень с изумрудом — под цвет глаз девушки. Волосы она заплела в косу и уложила короной, придерживаемой заколкой в форме легкой паутинки. На ногах Дианы были красивые туфли на высоких каблуках, делающие ее еще выше и стройнее, так что подскочившие к ней парни оказались на полголовы ниже.

Диана пришла не одна, но не с кавалером, а с подругой, тоже красивой и стройной — платиновой блондинкой, но все же уступавшей ей во всем, в том числе в грации. Дмитрий наконец понял, чем топ-модель отличается от просто красивой девушки, хотя словами объяснить разницу вряд ли сумел бы.

Он невольно встал, глядя, как суетящиеся вокруг примадонны молодые люди наперебой предлагают ей место за столиком, потом опомнился и сел, но, к его удивлению, она увидела Булавина и направилась к его столику. Дмитрий поднялся снова.

— Добрый вечер всем, — улыбнулась девушка. — Не думала вас здесь увидеть, чемпион.

— Добрый вечер, — поклонился Дмитрий, усилием воли успокаивая разогнавшееся сердце. — Присаживайтесь к нам.

— Да, да, — раздались голоса платовских гостей, — садитесь с нами, поместимся, еще стулья принесем...

— Спасибо, — покачала головой девушка, — у нас заказан столик. Не хотите присоединиться к нам?

«Не боитесь?» — понял ее взгляд Дмитрий и ответил глазами: «Не боюсь!»

— Иди, конечно, раз приглашают, — проворчал Платов. — Мы тут еще посидим.

Он хорошо понимал ситуацию и давал понять, что в случае чего будет рядом.

Диана, ее подруга и Дмитрий направились к столику у другой стены зала, между колонной и аквариумом с рыбками, сопровождаемые толпой поклонников девушки, с завистью кидающих взоры на Булавина. Стало видно, что только они двое — Диана и Дмитрий — обладают неким внешним и внутренним сходством: оба были высокие, стройные, гибкие и двигались по-особому — свободно и раскованно.

— Красивая пара, — заметила жена Платова.

— Ум-гум, — промычал президент клуба «Витязь». — Как бы ему боком не вышло это знакомство. Странно, что с ней нет Симона.

— Еще заявится.

— То-то и оно. Я вот думаю, не вызвать ли наших парней.

— Успокойся, ничего не случится.

Официант принес еще один стул — для Дмитрия, и маленькая компания разместилась за столиком. Разочарованные молодые люди разошлись по своим местам.

— Познакомьтесь, — сказала Диана. — Дмитрий Булавин, чемпион турнира, Люся, моя подруга. Мы с ней работаем вместе в компании «Волтри».

— А вы где работаете? — поинтересовалась пышногрудая Люся.

— Инструктор в Школе выживания. Хотя закончил в свое время полиграфический институт. Я думал, вы работаете в нашем Доме моды. А что такое «Волтри»?

— «Вологодский трикотаж», — ответила Диана, каждый жест которой действовал на Дмитрия подобно глотку вина. — Компания шьет очень хорошую льняную одежду, мужскую и женскую, конкурирующую даже с западными моделями. Между прочим, на вас рубашка нашей фирмы. А на мне — платье.

— Великолепное платье, — сделал Дмитрий комплимент. — Научились наши все-таки делать красивые вещи.

— Вы не правы, — серьезно сказала Люся. — Наши раньше умели делать красивые и качественные вещи, даже в советские времена, не говоря уже о дореволюционных. Просто нас наконец признали в Европе и в мире. Хотя пришлось, конечно, покрутиться.

— Люся — директор фирмы, — пояснила Диана. — Я пришла гораздо позже, сначала как фотомодель, потом как партнер.

Подошел официант, подал бювары с меню, открыл шампанское в ведерке со льдом.

— Заказывайте, — предложила Диана и добавила, тонко уловив колебания Булавина: — Столик оплачен.

Дмитрий хотел спросить «кем?», но передумал.

— В принципе я уже больше часа в ресторане, успел насытиться, вот если только грибной жульен и тирамису?

— А напитки — вино, коньяк, водку?

— Не пью.

— Совсем? — удивилась Люся.

— Совсем. — Дмитрий подумал. — Но за знакомство глотну шампанского.

— Советую заказать коктейль. Здесь очень хорошие коктейли, например, «Морской бриз».

— Алкогольный?

— Естественно. В «Морской бриз» входят рюмка водки, рюмка клюквенного сока, рюмка грейпфрутового и лед.

— Нет, спасибо, я действительно не употребляю алкогольных напитков, в том числе и разбавленных. Если позволите, я закажу соковый коктейль.

— Как знаете. Хотя вы нас приятно удивили, да, Диана?

— Еще не встречала непьющих мужчин, — сказала девушка, окидывая Дмитрия оценивающим взглядом.

— Я тоже. Пьющие мужчины такие одинаковые.

— Пьющие женщины тоже, — засмеялась Диана. — И вообще все мы одинаковые, что мужчины, что женщины.

— Не скажите, — вежливо возразил Дмитрий. — Мужчины и женщины разные во всем, особенно в физиологии, даже если не брать в расчет первичные половые признаки. Например, в организме мужчины воды — шестьдесят процентов, в организме женщины — только пятьдесят пять. Зато у женщин оптимальный жировой слой составляет от пятнадцати до двадцати двух процентов, у мужчин — только от восьми до пятнадцати.

Собеседницы Дмитрия переглянулись и фыркнули.

— Весьма впечатляющая информация, — весело сказала Диана. — Может быть, приведете другие примеры?

— Пожалуйста. Изменить свой характер и привычки из любви к партнеру способны до шестидесяти процентов мужчин и лишь пятьдесят — женщины. В половую связь со своими коллегами по службе мечтают вступить сорок три процента мужчин и лишь двадцать пять процентов женщин.

Диана и Люся засмеялись.

— *В это нетрудно поверить. Еще?*

— Средний мужчина имеет в течение жизни до семи женщин, среднестатистическая женщина — всего лишь троих мужчин.

Люся снова засмеялась. Диана, наоборот, стала задумчивой, отложила меню.

— А вы? Тоже принадлежите к среднему классу мужчин?

— Я однолюб, — серьезно ответил Дмитрий.

— Как интересно, — со смехом проговорила директор фирмы «Волтри», все больше обращая внимание на собеседника. — Неужели есть такие жены, ради которых мужчина готов отказаться от других женщин?

— Я не женат.

— Почему?

— Так получилось.

— Сколько же вам лет?

— Людмила, отстань от человека, — осуждающе покачала головой Диана. — Что ты ему допрос устроила?

— Потому что мне интересно.

— Мне тридцать три, — сказал Дмитрий.

— Ой, мой самый любимый возраст! — захлопала в ладоши Люся.

Подошел официант, принес минеральную воду и принял заказы.

— Расскажите, что вы еще знаете? — снова обратилась к

Булавину блондинка. — И вообще давайте перейдем на «ты». Не возражаете?

Дмитрий встретил иронично-насмешливый понимающий взгляд Дианы и понял, что она чувствует то же, что и он. На душе стало спокойно и тепло. Волнение почти улеглось. Высоко в небесах кто-то связал два эмоционально-информационных канала — его и Дианы — и послал им сверху свою улыбку. И оба почувствовали это. Остальное теперь было уже неважно: работа, условия быта, обстановка, окружение, чьи-то желания и мечты, попытки, связи и намерения. Оставались лишь условности социальной сферы, которые надо было преодолевать осторожно, *не спеша*.

— Я не возражаю, — сказал он.

— Я тоже, — кивнула Диана.

И мостик понимания между ними стал более ощутимым.

Официант принес заказанные блюда, разлил по бокалам шампанское, открыл бутылку вина — херес «Гонзалес Биас» розлива тысяча девятьсот четвертого года. Такое вино стоило немало, и Дмитрий снова подумал о спонсоре, оплатившем столик.

— За что пьем? — поднял он свой бокал с шампанским.

— За встречу, — провозгласила Люся, кидая на Дмитрия откровенно призывный взгляд.

— За победу, — добавила Диана, имея в виду что-то свое.

«За нашу победу», — хотел добавить Дмитрий, однако не решился.

Они выпили. Женщины принялись поглощать закуски, вспоминать какие-то свои дела. Дмитрий взялся за жульен, чувствуя легкое эйфорическое головокружение от выпитого вина. Люся заметила его состояние, подмигнула компаньонше и подруге.

— Что-то наш чемпион заскучал. Дима, не расскажете, чем вы занимаетесь в своей Школе? Вы... то есть ты инструктор *по какому виду спорта? Или по боевым искусствам?*

— Спортом или чисто боевым искусством назвать мои занятия нельзя, — сказал Дмитрий. — Я преподаю систему так называемого целостного движения «Белояр», боевые искусства входят в эту систему как органичная часть целого.

— Что такое «Белояр»?

— «Белояр», в свою очередь, является частью более общей и более мощной системы под названием *жива,* в основе которой лежит целостное движение как механизм комплексного взаимодействия уровней организации человека с уровнями организации Вселенной. В идеале через *движение* можно

осуществлять даже магическое оперирование реальностью, воздействовать на мир.

— Как интересно! — воскликнула Люся. — Ты так грамотно все объясняешь... А пример привести можешь? Или показать на практике?

— Сейчас он покажет, — раздался мрачный угрожающий голос, и у столика появились трое молодых людей специфической внешности. Двое были крупногабаритными, с короткими стрижками, в том числе уже знакомый Дмитрию качок по кличке Мамонт. Третьим оказался Симон Калабриади. Они обступили Дмитрия со всех сторон, и хищноносый Симон продолжил:

— Ну, так что ты собирался показать дамам, чемпион?

— Демонстрирую, — спокойно обратился к Люсе Дмитрий.

В следующее мгновение он соскользнул со стула и очутился за спинами троих мордоворотов в черных костюмах, выхватил у Мамонта из-под мышки пистолет, вынул обойму, вставил обратно и всунул пистолет обратно в кобуру под мышкой.

Все это произошло так быстро, что никто не успел даже глазом моргнуть. И лишь когда пистолет оказался на месте, вытаращивший глаза бугай лапнул его мясистой дланью.

— Теперь я хоть знаю, с чем вы ходите, — простодушно сказал Дмитрий, перевел взгляд на Люсю. — Вот это и называется «целостным многовекторным движением с заполнением пространственно-временных ниш и голографической взаимовложенностью модулей спирально-закрученных процессов».

— Браво! — захлопала в ладоши Люся. — Ты великолепен!

Диана засмеялась.

— Ну, козел!.. — двинулся к Дмитрию ошарашенный Мамонт и остановился, замолкнув. Во рту его торчал бокал, донышко которого держал Дмитрий.

— Не двигайся, малыш, — сказал Булавин ровным голосом, — иначе он окажется у тебя в пищеводе, а я не уверен, что твой желудок способен переваривать стекло. — Дмитрий повернул голову к Симону, взявшемуся за рукоять своего пистолета под мышкой. — Еще одно движение, господин Калабриади, и я возьмусь за вас всерьез.

В глазах сынка бизнесмена всплыло сомнение.

— Уходите отсюда, Симон! — твердо, с нотками брезгливости проговорила Диана. — Я уже говорила, что не нуждаюсь в вашей опеке.

— Хорошо, мы уйдем, — согласился Симон, делая знак своим дружкам отойти. — Но с этим твоим новым кавалером мы поговорим в другом месте. Я такого обращения не прощаю никому.

Дмитрий вынул изо рта бугая бокал, поставил на стол.

— Я т-тебя, к-курва, вые!.. — прошипел Мамонт.

Хлестко прозвучала пощечина, заглушая последнее слово. Затем Дмитрий особым приемом перехватил руку мордоворота, завел за спину и повел к выходу через зал. Второй приятель Симона бросился к нему на выручку, но перед ним вдруг выросли трое парней во главе с Платовым, и начать драку он не рискнул. Дмитрий отпустил Мамонта, подождал, пока троица удалится из зала, провожаемая взглядами ошеломленных гостей ресторана, хлопнул Платова по плечу.

— Спасибо, Женя. Я бы и сам с ними справился, но лучше до драки ситуацию не доводить.

— Может, тебя проводить? Симон — злобная злопамятная мразь, он не отстанет.

— Не беспокойся, все будет нормально.

Дмитрий вернулся к столику с дамами. Люся была возбуждена и весела, начала сразу хвалить инструктора и восхищаться его смелостью и силой. Диана, наоборот, казалась грустной, и в глазах девушки прятались сомнения и страх.

— А вы, оказывается, скандалист, — сказала она.

— Я не скандалист, — не согласился Дмитрий, переживая тем не менее легкое чувство обиды. — Просто у меня такое выражение лица.

— Не обращай на нее внимания, — махнула рукой Люся. — Диана сегодня не в настроении. Мужчина должен уметь защищать свою честь. Как там в пословице говорится? Добро должно быть с кулаками.

— Если у него нет более современного оружия, — добавил Дмитрий.

Диана улыбнулась, и ее улыбка немного разрядила обстановку.

— Один мой приятель любит повторять: если тебя ударили по лицу, подставь другое. Вы тоже такой?

— По-моему, это лучше, чем подставлять другую щеку, — осторожно ответил Дмитрий, гадая, почему Диана снова стала обращаться к нему на «вы». — Но еще лучше не доводить ситуацию до стадии мордобоя. Прошу прощения, что не сдержался.

Глаза девушки оттаяли.

— Вы... ты прав, далеко не всегда надо демонстрировать

свою удаль и героизм. Симон со своими «шестерками» ушел бы и без драки. А теперь он затаит зло и будет искать случай отомстить.

— Больше не буду, — сокрушенно опустил голову Дмитрий. — Дайте шанс исправиться.

Люся засмеялась, погладила его по волосам.

— Дима справится со всей шайкой Симона. Он не из тех, кто сидит на обочине и кричит «ура».

— Не поняла, — посмотрела на подругу Диана.

— Ну, есть такая поговорка: не все могут быть героями, кто-то должен сидеть на обочине и кричать «ура».

Диана фыркнула, Дмитрий улыбнулся.

С уважением поглядывая на Булавина, официант принес мороженое и кофе.

— Дима, — не унималась Люся, — а ты стихи любишь?

— Люблю, — кивнул Дмитрий, искоса посмотрев на Диану и встретив ее сочувствующий взгляд.

— Я тоже люблю, особенно Ахматову и Пастернака. А ты?

— Я люблю Бальмонта, — подумав, сказал Дмитрий. — И Эдгара По.

— Прочитай что-нибудь, если помнишь.

Дмитрий помолчал и продекламировал:

О, как молчаливы боги!
И как разговорчивы люди!
Наполню воздухом бронхи
И пью его полной грудью,
Назло пустым разговорам,
Которых и так хватает...

Дмитрий замолчал, заметив предостерегающий жест Дианы, однако Людмила не разгадала намека, продолжая щебетать:

— Это Бальмонт?

— Это Сергей Андреев, современный поэт и мой друг.

— Чувствуется, что современный. А классиков не помнишь?

— Пошли, потанцуем, — прервала вдруг подругу Диана.

Дмитрий с готовностью подхватился со стула, подавая ей руку. Люся надула губки.

— Вот всегда ты так, охотница, перебиваешь разговор на самом интересном месте. Следующий танец мой, учти.

Диана и Дмитрий вышли на площадку перед оркестром, где уже танцевали три пары. Музыканты заиграли долгую томную мелодию. Диана положила руку на плечо Булавина,

прижалась к нему, несмотря на то что на них смотрели со всех сторон, шепнула на ухо:

— Она не отвяжется.

— Я это понял. Придется провожать вас обеих. Почему она назвала тебя охотницей?

— Диана — это Артемида в греческой мифологии, богиня охоты, вот она и дразнит.

— Твоя компаньонша завистливая женщина.

— Знаю, но приходится мириться. Без нее я не поднялась бы так высоко. — Девушка кивнула на зал. — Я не имею в виду внешний мишурный блеск. Если бы я не родилась такой, мне было бы легче, а так каждый крутой «бык» считает своим долгом затащить в постель. Если бы ты знал, чего я только не натерпелась! — Она вздрогнула. — Я и Симона терплю только потому, что он как бы отгоняет от меня кавалеров.

Дмитрий помолчал.

— Я не могу его заменить?

Диана отодвинулась, ощупала его лицо наполненными влагой глазами.

— Не знаю... хочу надеяться... но не хочу ошибаться.

Они снова поплыли в танце, заключенные в общую эмоционально-чувственную сферу о ж и д а н и я, а Дмитрий неожиданно подумал, что красивые и умные девушки едва ли счастливы в жизни, так как ранимы, зависимы и беззащитны. Их красота в редких случаях служит им защитой, в основном это лишь приманка для сильных мира сего. И еще он подумал, что сам никогда бы не решился подойти и познакомиться с такой гордой с виду красавицей. Не хватило бы решимости.

Танец закончился. Оркестр заиграл другую мелодию, и Дмитрий вынужден был танцевать с Люсей, едва не задушившей его в объятиях. Директорша фирмы «Волтри» дала ему недвусмысленно понять, чего она хочет, надо было ухитриться отказать (она предложила после ресторана поехать к ней домой) и не обидеть, и Дмитрий сочинил историю о ждущей его больной маме. Люся порывалась танцевать с ним и дальше, разогреваясь все больше, и выручила его Диана, заявив, что собирается уходить.

В начале двенадцатого они вышли из ресторана. Булавин предложил подвезти обеих, но оказалось, что женщин ждет машина фирмы, и вопрос разрешился сам собой. Люся, прощаясь, повисла на нем, пытаясь поцеловать. Дмитрий ловко увернулся и усадил опьяневшую женщину в кабину. Диана подала руку.

— Доброй ночи, рыцарь. Не знаю, чего тебе пожелать. Может быть, лучше будет, если мы больше не встретимся.

Вопреки тону глаза девушки говорили совсем другое, но в них снова стоял страх... и надежда... и Дмитрий, поцеловав ее пальцы, твердо сказал:

— Я позвоню.

Диана села в малинового цвета новую «Волгу». Машина уехала. Дмитрий проводил ее глазами, направился к своей «Хонде» и остановился, заметив три вышедшие из-за машины фигуры. Это были парни из рэкетбанды.

— Добрый вечер, Дмитрий Михеевич, — негромко сказал детина, считавший деньги в кабине «Хонды»; он был спокоен и сосредоточен и почему-то не походил на главаря банды, хотя Дмитрий чувствовал, насколько он опасен. — Поговорить надо.

Дмитрий оглянулся. Троица не перегородила ему путь к отступлению, и это показалось странным.

— О чем?

— О жизни, — усмехнулся детина. — Я майор Дегтярев, служба безопасности президента. — Он достал и развернул красную книжечку. — А это мои гвардейцы. Извините, что пришлось вас немного попугать, просто необходимая проверка на профпригодность. Если хотите, можем поговорить в вашей машине.

— Черт бы вас побрал! — искренне сказал Дмитрий.

— Совершенно с вами согласен.

— Если бы я догадался, что вы меня «шупаете»...

— Приказ, — развел руками майор Дегтярев. — Тест был необходим, зато мы убедились в ваших высоких кондициях. Завидую.

— Идемте в машину.

Дмитрий и представитель службы безопасности президента сели в кабину «Хонды».

— Слушаю вас.

— Курить можно?

— Я не люблю дым.

— Хорошо, потерплю. Итак, зная вас достаточно хорошо, сразу возьму быка за рога. Вы следите за местными новостями? Телевизор смотрите?

— Нечасто.

— Слышали что-нибудь о деятельности КОП?

Дмитрий задумался.

— Это что-то вроде комитета по воспитанию...

— КОП — Комиссия по перевоспитанию чиновников.

— Да, конечно, — вспомнил Булавин. — Эта организация недавно взялась освободить Вологду от коррумпированного чиновничества и с этой целью даже похитила какого-то важного начальника...

— Председателя торговой палаты.

— За участие в какой-то сделке.

— Он прикрыл канал незаконной торговли оружием.

— И что с ним сделали?

— Поскольку прямых доказательств, необходимых для следственных органов, не было, хотя все знали, чем он занимается, его заставили поработать несколько дней на одном из свинцовых рудников в Саянах.

Дмитрий засмеялся.

— Круто! И что же? Он сразу перевоспитался?

— Зря смеетесь. Он после возвращения сам пошел в органы и сдался, рассказав о своем участии в криминальных делах.

— Прекрасно, хороший результат. Но при чем тут я? Или вы решили меня тоже отправить на рудники? За что?

— Мы предлагаем вам работать в КОП, — остался серьезным собеседник.

— Что? — изумился Дмитрий. — Это шутка?

— Нет, — тем же тоном ответил майор. — Это конкретное предложение. Нашей организации нужны такие профессионалы, как вы. А стране остро необходима такая контора, как КОП. Говорю это со всей ответственностью.

— Но это же... незаконно.

— К сожалению, вы правы. Однако только таким способом мы сможем справиться с лавиной преступлений.

Дмитрий покачал головой, не сводя оценивающего взгляда с лица детины, оказавшегося работником президентской службы безопасности, потом понял, что тот действительно не шутит.

— Все это весьма неожиданно, майор. Мне надо подумать.

— Разумеется, выбор за вами. Единственное условие: о нашем разговоре никто не должен знать, даже ваш отец.

— Понимаю.

— Тогда до свидания. Завтра вечером мы вам позвоним. — Майор вылез из машины, затем приоткрыл дверцу и всунул голову в кабину. — Берегитесь младшего Калабриади, он недаром получил кличку Бешеный. Кстати, возможно, он ста-

нет одним из кандидатов на «перевоспитание» бригадой КОП. Всего доброго.

Хлопнула дверца. Дмитрий остался один.

— Чтоб вас черти драли! — вслух сказал он, но без раздражения, вдруг поймав себя на мысли, что предложение майора его заинтересовало.

МОСКВА

НОВЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Аким Давидович Сосновский родился двадцать третьего января тысяча девятьсот пятьдесят шестого года в Ленинграде, в семье известного адвоката. По отцовской линии предки Акима Давидовича — русские нижегородские крестьяне и мордвины. Его отец — Давид Ильич, кроме того, имел по своим корням и калмыцкую кровь. По линии матери Аким Давидович имел чувашского дедушку и полупольку-полуевреечку бабушку, предки которой были также шведами, немцами и татарами. В общем, Аким Давидович Сосновский опирался на гены богатейшего букета предков и был поистине уникальным евразийцем, соединив все части света и впитав с молоком матери многие национальные особенности дедов и прадедов.

Не обладая особо высоким интеллектом, он смог поступить только в Московский лесотехнический институт. Начало его возвышения как бизнесмена тем не менее было связано с наукой. Лаборатория Сосновского заключила договор с АвтоВАЗом на создание систем управления. Близкое знакомство с директором завода позволило Акиму Давидовичу создать знаменитый ЛохоВАЗ. В его работе Сосновский также впервые использовал схему обогащения компании — остроумную, формально чистую перед законом, но абсолютно грабительскую по отношению к рядовому гражданину. Так Аким Давидович «заработал» свой первоначальный капитал.

Затем он создал Российский автомобильный альянс, собрал с населения громадные деньги, после чего альянс исчез, растворился в вакууме беззакония вместе с накоплениями безропотных акционеров. Далее Сосновский занимался Аэрофлотом, выкачав из него немалые суммы и переправив через границу, рядом крупных банков, умело обобравших вкладчиков, продажей алюминия, нефтяным бизнесом. К две тысячи десятому году состояние Акима Давидовича оценивалось в одиннадцать миллиардов долларов. Он благополучно пережил смены власти, президентские выборы, побывал депутатом Госдумы, а потом занялся масс-медиа: стал сначала крупнейшим акционером двух российских телеканалов, а потом их фактическим владельцем. На очереди были остальные телеканалы.

Все эти данные были известны всем: политикам, властным структурам и спецслужбам, формально вынужденным соблюдать определенный пиетет в отношении Сосновского; все-таки он был одной из крупнейших «фигур влияния» на страну. Однако мало кто знал, что Аким Давидович был преемником председателя Реввоенсовета Валягина, приятелем Барановского и главным вдохновителем идеи Новой Революционной Инициативы — виртуальной структуры, опирающейся на многие гражданские службы, институты и организации, зачастую даже не знавшие своей роли. В частности, главной базой НРИ была ФАС — Федеральная антитеррористическая служба, по сути, заменившая расформированный Российский Легион.

По свидетельству хорошо знавших Сосновского людей, его основной талант заключался в «филигранном умении бежать по льдинам и вовремя перепрыгивать с тонущей льдины на соседнюю, пока надежную». Всю жизнь Аким Давидович исповедовал один принцип: строительство отношений с нужными людьми. И преуспел на этом поприще. Правда, сам лично он никогда бы не ввязался в авантюру с НРИ, даже зная Валягина и кое-чем ему помогая, но еще до своей гибели председатель Реввоенсовета успел подвергнуть приятеля пси-обработке и внушить ему идею о переделе власти. После этого Сосновский и стал президентом нового движения, или, как его называли чаще, Вождем. То, что НРИ является частью всеземного Проекта Нового Управления Человечеством, инициированного глобальной Системой Сатаны (СС), или, как ее теперь называли, Системой социальной стабилизации реальности (СССР), управляемой Земным синклитом черных магов, Сосновского абсолютно не волновало. Он стал тем, кем хотел стать, — Вождем, властелином жизни миллионов людей, и готовился пойти дальше, до вершин власти абсолютной. Хотя не имел для этого никакой базы, ни психологической, ни моральной, ни правовой, оставаясь марионеткой в руках темных сил.

Аким Давидович всегда думал только о себе, имел непредсказуемый характер, любил манипулировать людьми. Жадный и хитрый, но не умный, упрямый и скрытный, он был мстительным и неуравновешенным человеком, никогда не

удовлетворенным сексуально. Всегда в толпе чиновного народа, всегда дающий ценные руководящие указания. Одним словом — деятель. Он и вид имел соответствующий: тощая, согнутая крючком фигура, мерцающая «партийная» седина, высокий, ввинчивающийся в уши голос, вальяжно-барская интонация начальника, не допускающего мысли, что его могут перебить, неприязненный взгляд близко посаженных глаз, от которого подчиненный непременно должен занервничать, капризно поджатые губки высокопоставленного функционера еще советской выделки, как будто ему чего-то недодали, недоплатили. И все это не было маской. Аким Давидович Сосновский был именно таким, каким выглядел.

Компания «Интермедиа», которой владел вождь НРИ, имела в Москве больше десятка офисов: в банке «Мослуг», в здании «Транснефть» на Живописной улице, в мэрии, в здании военно-промышленного комплекса на Каретной, в Олимпийском спорткомплексе, в гостинице «Мостур», на телецентре и в других местах, но чаще всего Аким Давидович работал на Старой площади, имея кабинет в здании правительства Российской Федерации как советник Комитета по телевидению и радиовещанию. В понедельник девятнадцатого июня он прибыл именно сюда для встречи с контролером СССР, представляющим собой систему давления на Россию в лице эксперта Международного валютного фонда Марка Фолкнера.

В десять часов утра они встретились, разительно несхожие во всем, кроме подхода к делу. Господин Фолкнер был абсолютно лыс, тучен, неповоротлив, с тяжелым складчатым лицом, на котором прятались маленькие черные глазки, выражавшие постоянное недовольство и брезгливость. При всем том Марк Фолкнер имел хорошую реакцию и схватывал мысль собеседника на лету. Магией он не занимался, однако пользовался услугами черного астролога и колдуна и хорошо разбирался в людях, умело манипулируя их сильными и слабыми сторонами.

Но поскольку Аким Давидович никому не доверял и боялся внушения, прекрасно разбираясь в достижениях психотроники, он никогда не оставался ни с одним гостем наедине. Куда бы он ни направлялся и с кем ни беседовал, с ним всегда находился начальник охраны НРИ, бывший полковник воздушно-десантных войск Иван Шенгерович Замятин. Полковник представлял собой единственное доверенное лицо вождя, которому тот поручал самые деликатные задания, в том числе такие, как поиск молоденьких девочек для сексуальных утех вождя.

Кабинет главы «Интермедиа» был невелик, но предельно технологичен и уютен. Аким Давидович любил мебель в стиле «мобайл» с ярко выраженным «компьютерным» уклоном. Он даже костюмы шил по моде «микрочип», то есть, по сути, носил на себе компьютер в виде одежды, ткань которой представляла собой особого вида процессор. Впрочем, такие костюмы теперь носили многие бизнесмены и политики, которые могли позволить себе купить костюм-компьютер за пятьдесят тысяч долларов.

Марк Фолкнер с трудом уместился в низком кресле. Напротив расположился хозяин кабинета, за его спиной устроился незаметный, как мышь, Замятин.

— Итак, вы догадываетесь о цели визита, — сказал гость по-английски, отказавшись от прохладительных напитков.

— Не догадываюсь, а знаю, — криво улыбнулся Аким Давидович, также переходя на английский язык. — Новая Революционная Инициатива готова дать отчет о проделанной работе. Хотя речь идет не о субъективном выборе, а о велении времени, о необходимости скорейшего перехода на безальтернативное управление страной. Мы многое сделали за...

— Я слышал о возникших проблемах и неудачах, — перебил Сосновского визитер.

Аким Давидович нахмурился.

— Если вы имеете в виду осечку с президентом...

— Это не осечка, дорогой вождь, это крупный провал. Советником президента по безопасности стал человек конкурирующей структуры.

— Не такая уж она и конкурирующая. Националисты — наш резерв. Но мы исправим положение в ближайшее время. Через несколько дней будет готов эксперимент по зомбированию отдельных «кроликов» с использованием масс-усилителя на основе одного из храмов Братства Единой Свободы в Вологде. После этого мы испробуем этот метод воздействия на местной элите, а потом дойдет очередь и до президентских структур. В конце лета мы будем готовы к воздействию на большие коллективы типа Думы, в конце года — на все население таких городов, как Вологда или Нижний Новгород. Психика народа, благодаря нашим стараниям через телевидение и радио, уже нарушена: он отторгает и уничтожает тех, кто пытается его образумить и освободить, и защищает тех, кто им управляет, заглотив наживку в виде «национальной идеи».

— Вы оптимист, господин Сосновский, — брюзгливо заме-

тил Фолкнер. — Ведь все ваши лаборатории психотроники уничтожили сотрудники Катарсиса.

— Не все, — расплылся в улыбке Аким Давидович. — Конечно, не могу отрицать, Витязи Сопротивления поработали на славу, но все же кое-что у нас осталось.

— Вы все равно не смогли отыскать центры управления Катарсиса.

— И это правда. Волхвы последовательно нейтрализовали замыслы моих предшественников, ликвидировали Легион, систему храмов Черного Лотоса, разгромили пси-лаборатории, но не смогли уничтожить всю с и с т е м у.

— Это не ваша заслуга.

— Но и неудачи прежних лидеров — не моя вина! — огрызнулся Аким Давидович. — Я возглавляю НРИ второй год и все восстановить не успел. Хотя мне, между прочим, удалось объединить отдельных магов для удара по Катарсису вообще и по волхвам в частности.

— Это хорошо, — показал жабью улыбку гость. — Мы вам поможем. Волхвы и у нас поперек горла... — Он замолчал, пожевал губами. — В связи с чем у вас вскоре появится новая забота.

— Какая еще забота?

— Надо будет уничтожить одного ребенка.

— Ребенка?!

— У магов распространена легенда о появлении русского мессии Сергия, у которого белые волосы, из-за чего его прозвали «серебряным мальчиком». Более того, есть подозрения, что он уже появился на свет. Ваша задача — найти и уничтожить его.

— Но где я его буду искать?! Россия велика...

— Синклит конунгов поможет установить его местонахождение. Он опасен всем, в том числе и самим конунгам. Если мы не уничтожим мальчика, он возглавит Катарсис и от нас ничего... — Фолкнер снова пожевал губами. — В общем, мы проиграем.

Аким Давидович вытер выступивший на лбу пот, нервно рассмеялся, выпил полбокала минеральной воды, погрозил гостю пальцем.

— Не пугайте меня, Марк, один ребенок не в состоянии ликвидировать Систему Сил, помогающих нам. К тому же мы не беспомощны. Власть в стране практически в наших руках. Даже криминальные группировки работают под нашим контролем. Слышали о волне похищений людей с целью выкупа? Работают два десятка банд, но заказчик — НРИ.

Это наш самый крупный источник доходов после торговли наркотиками и оружием.

— Вам придется прекратить этот бизнес.

— Почему?!

— Он опасен. В конце концов вас вычислят и дело Новой Революции провалится.

Сосновский набычился, зло сверкнул глазами.

— Вот что, господин контролер. Россия — моя вотчина! Что хочу, то с ней и делаю! Не суйте свой нос в чужой карман. Я знаю, что у себя в Америке вы тоже не брезгуете кое-какой... торговлей.

— Я просто предупредил, — флегматично сказал Фолкнер. — Дело ваше. Что еще вы можете добавить?

— Многое, — остыл Аким Давидович. — Я подготовил полный отчет о проделанной работе. — Он достал из кармана миниатюрную дискету, отливающую перламутром, передал своему молчаливому телохранителю, и тот вложил ее в ладонь Фолкнера. — Кстати, — продолжал Сосновский, — мы имеем не только провалы, но и успехи. Две наши программы подготовки населения к неизбежной смене власти уже сработали и завоевали миллионы сторонников.

— Какие именно?

— Одна из них — программа «Нет выхода». Она проводится по всей стране, но в Москве ее действие наиболее наглядно. По столице расклеены плакаты и надписи «Нет выхода», на тысячах дверей, в метро, в общественных местах, на рекламных щитах. Казалось бы — чепуха, мало ли что где написано, никто не обратит на это внимания. Но обращают! Программа работает! Людям внушается чувство тоски и безысходности, что все плохо, а будет еще хуже. Это отличный метод кодирования. А мы им предлагаем выход — с помощью второй программы под названием «Убей бюрократа!». Наши идеологи через телевидение и СМИ предлагают заменить миллионы бюрократов-чиновников на компьютерные корпоративные системы управления, организовать производство сотен миллионов роботов для «грязной и тяжелой» работы, чтобы люди могли заниматься «творчеством» и отдыхать. Армия тоже будет состоять из машин и роботов, никому не придется воевать, что немаловажно. Производство станет полностью автоматизированным и компьютеризированным, как и все системы обслуживания. Человеку останется только командовать всей армией роботов и получать все, что он хочет.

— Хорошая идея, — подумав, кивнул Фолкнер.

— Главное, беспроигрышная. У быдла, которым была и остается большая часть народа, появляется надежда на лучшее будущее, для чего надо лишь изменить систему Власти.

— Однако кое-где ваши программы натыкаются на противодействие. Особенно в глубинке России, где появились некие школы *живы,* защищаемые Витязями.

Возбуждение Акима Давидовича схлынуло, он поскучнел, отвел глаза.

— К сожалению, вы правы, Марк. Возрожденный волхвами институт *живы* — это серьезная угроза нашему движению. Но и мы не сидим сложа руки, не ждем у моря погоды, а создаем собственные противосистемы типа Братства Единой Свободы, вылавливаем и отстреливаем Витязей. Короче, действуем.

Контролер СС повертел в пальцах дискету, спрятал в карман.

— Нам известно также, что президент создал некие спецкоманды для борьбы с организованной преступностью. Они вам не помешают?

— Ни в коей мере. Наоборот, в скором времени мы сделаем так, что эти команды будут работать на нас. Пусть господин президент потешится какое-то время.

— Но ведь одна из спецгрупп президента — ЧКК — уничтожила целую банду похитителей людей.

— Откуда у вас эта информация?

— На нашу систему тоже работают профессионалы. Еще ходят слухи, что другая спецгруппа президента успешно чистит страну от потенциальных сепаратистов. Выкрала лидера националистов Кабардино-Балкарии. Кстати, исчезновение лидера украинских националистов и премьер-министра Украины — не их рук дело?

Аким Давидович ослабил узел галстука, изобразил улыбку.

— Вы хорошо осведомлены о работе наших спецслужб, не поделитесь информацией со мной?

Фолкнер кивнул.

— В свое время вы ее получите. Но, на мой взгляд, лучше все-таки создавать свои спецгруппы, а не использовать чужие, меньше риска.

— Во-первых, у нас уже есть такие структуры, оставшиеся в наследство от Легиона. Например, группа «тающих». Во-вторых, создание и подготовка профессиональной спецгруппы — дело долгое, лучше переложить эти заботы на чужие плечи. В-третьих, мы все же формируем спецгруппы, причем

достаточно нестандартные. Вот он этим занимается, — махнул Сосновский на своего начальника охраны.

Замятин остался тих и невозмутим, только взгляд его, брошенный на гостя, говорил об опасности этого незаметного с виду человека.

— В каком смысле — нестандартные? — поинтересовался Фолкнер.

— Мы комплектуем такие группы из молодых и пожилых женщин, а также из стариков и детей.

— Детей?!

— Из хорошо подготовленных мальчиков и девочек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. Возможны и смешанные команды: старик — профессионал спецслужб, женщина, ребенок. На такую команду никто особого внимания не обратит, в то время как она способна выполнить любой приказ.

Фолкнер пожевал губами, не сразу найдя нужные слова.

— Детский спецназ? Вообще-то идея не новая...

— Так ведь все новое, как говорится, — это хорошо забытое старое, — развеселился Аким Давидович. — Скоро эти спецгруппы начнут работать, и я уверяю вас, проявят себя с лучшей стороны. Мы их бросим на школы *живы,* а в перспективе — на поиск и ликвидацию системы управления Катарсиса. Что еще вас интересует, господин контролер?

Фолкнер помолчал, перебирая на груди пухлые пальцы, взял со столика бокал с клюквенным морсом, отпил глоток, поморщился.

— Не люблю сладкого... Но мы на вас надеемся... вождь. Постарайтесь избежать ошибок. Россия начинает подниматься после культурной катастрофы и не нуждаться в «сильной руке». Пора выходить на сцену.

Аким Давидович ухмыльнулся и опрокинул в рот рюмку коньяку. Он, как и Валягин, тоже любил употреблять хороший коньяк по утрам.

ВОЛОГДА

ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА

Сергей и Татьяна Зощенко переехали в Вологду не откуда-нибудь, а из самого Кейптауна, куда в тысяча девятьсот девяносто восьмом году занесло российский траулер «Калининград». Сергею тогда исполнилось двадцать лет, и он работал мотористом на этом небольшом судне, злополучная судьба

которого послужила уроком для экипажей других морских судов России.

Двадцать четвертого июля девяносто восьмого года траулер вошел в док Кейптауна для ремонта, а двадцать пятого экипаж решил совершить экскурсию по городу и первым делом посетил церковь Святого Иакова, где выступал церковный хор. И надо было так случиться, что именно в этот момент в церковь ворвалась группа африканских террористов в масках, с автоматами в руках и открыла беспорядочный огонь по огромной полуторатысячной толпе прихожан, бросив в нее несколько гранат.

Погибло более шестидесяти человек, в том числе восемь членов экипажа траулера, около сотни человек было ранено, в том числе тяжело — Сергей Зощенко: взрыв гранаты оторвал ему правую ногу и серьезно повредил правую руку, кисть которой пришлось ампутировать.

Так Сергей оказался в госпитале Кейптауна.

Татьяне в том году исполнилось девятнадцать лет. Она ждала Сергея в Калининграде. После рейса молодые люди решили пожениться.

Траулер ждать своего моряка не мог и после ремонта ушел на родину, храня на борту цинковые гробы с телами погибших членов экипажа. Сергей остался один в незнакомом городе, почти не зная языка и без денег. Однако власти Кейптауна решили лечить его бесплатно и даже выслали деньги отцу Сергея и Татьяне, чтобы они прибыли в Южную Африку.

Полтора месяца Татьяна провела в южноафриканском госпитале «Хрутэ Скюр» у постели суженого. У нее был выбор — уехать и жить своей жизнью или остаться с калекой. Она выбрала последнее. Так молодая пара осталась в Кейптауне, предоставившем им квартиру и работу.

Конечно, Сергею сделали протезы — ножной и ручной, увеличившие его самостоятельность и подвижность, и хотя ему тяжело давались попытки держать с помощью протеза ручку, писать и печатать, однако он с этим справился и овладел компьютером. Затем выучил английский, закончил курсы программистов, организованные фирмой «Microsoft», и устроился программистом в одну из крупных страховых компаний Южной Африки — «Old Mutual».

Он и на машине научился ездить со своим протезом, и даже на водной доске кататься, овладев самым распространенным среди жителей Кейптауна видом спорта и отдыха.

Однако в начале третьего тысячелетия молодые люди стали

подумывать о возвращении, несмотря на достигнутые успехи и благополучный образ жизни. Все их родственники и друзья остались в России, все чаще вспоминалась родная природа, и в две тысячи третьем году они переехали в Россию. Сначала в Калининград, к родителям Татьяны, пожив там две недели, а потом в Вологду, где жили родственники Сергея.

В Вологде в те времена начала возрождаться текстильная промышленность, губернатор взял ее под личный контроль, вдохновленный специалистами ЮНЕСКО, считавшими лен символом моды двадцать первого века, и Сергею удалось устроиться программистом на Вологодский льнокомбинат.

В две тысячи пятом году он стал начальником отдела сбыта комбината, а еще через два года возглавил собственную фирму по изготовлению текстиля. Таня стала юристом фирмы, закончив юрфак МГУ, помогая мужу во всех его начинаниях.

Однако детей у них не было. Не помогли ни врачи, ни народные целители, что, естественно, омрачило существование семьи. И в это время Сергей случайно встретил в Москве, куда он часто выезжал по делам фирмы, Глеба Тарасова, друга детства и юности, с которым они вместе росли и учились в деревне Усть-Печенга Вологодской губернии. Тарасов поделился с бывшим однокашником своими горестями, рассказал о дочери Акулине, и Сергей внезапно предложил другу взять дочь Глеба к себе, пообещав сделать все, чтобы девочка не чувствовала себя покинутой.

Таким образом Сергей и Татьяна Зощенко «нашли» себе ребенка, а также друга, с которым не страшны были никакие огни и воды.

Беда пришла неожиданно, когда Акулине исполнилось восемь лет и она перешла в третий класс частной школы «Логос», лучшей из школ Вологды.

Родственники Сергея — бабушка, дед, две тетки и куча дядьев, жили в деревне Ивановское, расположенной на берегу речки Содимы, в трех километрах от окраины Вологды. Здесь же и он поставил дачу, купив старый дом в деревне и построив на его месте небольшой двухэтажный коттедж. Лето Акулина уже третий год проводила на даче, в силу живости характера перезнакомившись чуть ли не со всеми детьми односельчан. Ухаживали за ней, по сути, все родственники Сергея, но в доме жила одна шестидесятилетняя тетка Вера, которая следила за чистотой и копалась в огороде.

Двадцать девятого июля, в субботу вечером, соседи тети Веры заметили подъехавшую к даче машину — серебристого

цвета двенадцатую «Ладу» с темными стеклами, но не обратили на нее особого внимания. В деревне, кроме двухэтажного коттеджа Сергея, уже высились несколько коттеджей покруче, построенных чиновниками городской администрации и коммерсантами, возле которых можно было увидеть машины и гораздо более мощные. «Лада» стояла у дома Зощенко до сумерек и уехала незаметно.

Обычно Сергей и Татьяна приезжали на дачу вечером в пятницу, после работы, или утром в субботу. Однако именно в эти дни они возились с налоговой инспекцией, проверявшей документацию фирмы, и приехать в деревню смогли только утром в воскресенье, тридцатого июля.

Никто их не встретил, хотя тетка Вера в это время уже должна была работать на огороде. Акулина же, по обыкновению, летом вставала поздно, не раньше десяти часов утра. Сергей почувствовал смутную тревогу, усилившуюся после того, как он обнаружил незапертую калитку в деревянном заборе, окружающем участок и дом. На зов хозяина никто не откликнулся, в том числе и собака Дружок — чистопородная кавказская овчарка. Сергей вошел во двор, увидел у будки лежащую без движения собаку, и сердце его сжалось.

— Что здесь происходит? — прошептала вошедшая следом Татьяна, больше удивленная, чем испуганная.

Сергей стремительно взбежал по ступенькам крыльца на веранду, едва не сломав протез, проскочил в сени, заглянул на кухню, крикнул:

— Теть Вер! Акуля!

Никто ему не ответил.

Он ворвался в большую гостиную на первом этаже с камином и диваном, также никого не обнаружил и в три прыжка взобрался на второй этаж коттеджа, где располагались три спальни. В одной из них лежала на полу тетя Вера. Она была жива — дышала и безучастно смотрела перед собой, не реагируя на крики и тормошение. Но Акулины в спальне не оказалось.

Ее искали всей деревней, пока Сергей не догадался, что девочку похитили. Только после этого он вызвал милицию и врачей, установивших у тети Веры поражение нервной системы неизвестным психотропным препаратом.

По словам соседей, из «Лады» выходили мужчина и молодая темноволосая женщина, однако никто к ним не присматривался и описать внешность приехавшим сотрудникам милиции не смог. Одеты незнакомцы были по-летнему: в одинаковые джинсы, рубашки из серебристой материи с погончиками, кроссовки. Единственный след, который они оставили, был зажигалкой из желтого металла в форме высунувшего язык человечка. Эту зажигалку Сергей показывать следователю не стал. Просто забыл о ней. И вспомнил только на другой день, когда из Москвы приехал отец девочки, Глеб Тарасов.

МОСКВА — ВОЛОГДА

ТАРАСОВ

Бандиты, укравшие Акулину, позвонили спустя два дня, поздно вечером первого августа. Дома были все, но трубку взяла Татьяна, все еще находившаяся в шоке от случившегося. Выслушала, молча протянула трубку мужу.

— Слушай сюда, буржуй, — раздался в трубке гнусавый развязный голос; говорили с акцентом. — Твоя дочка у нас. Готовь деньги — миллион баксов! Отдашь через три дня, мы скажем — где и в какое время. Заявишь в милицию — девки больше не увидишь! Понял?

— У меня нет такой суммы, — сдавленным голосом ответил Сергей, оглядываясь на ворвавшегося в прихожую Тарасова. — И это не моя дочка...

— А чья? — удивился переговорщик.

Глеб вырвал трубку у Сергея.

— Моя! — сказал он хрипло. — С кем я говорю?

— А ты кто такой? — осведомился неизвестный озадаченно.

— Я Глеб Тарасов, отец Акулины. Где она?!

— Ага... — на том конце провода помолчали. — Не врешь?

— Верните дочь! — лязгающим голосом ответил Глеб. — Клянусь, я вас д о с т а н у! Всех!

— Не наезжай, базло, — хмыкнул собеседник. — Кишка тонка достать нас всех. Если через три дня не будет денег, мы пришлем тебе пальчик твоей девки. Понял? А потом поглядим, что с ней делать дальше.

— Послушайте... — Глеб замолчал, так как в трубке затукали гудки отбоя.

— Что? — шепотом спросил почерневший от переживаний Сергей.

— Бросили трубку. Сколько он попросил?

— «Лимон».

Глеб сжал трубку так, что она хрустнула. Сказал глухо:

— Они не шутят. Эта сволочь слишком уверенно себя вела.

Они явно не знали, что дочь не твоя, но им все равно, с кого получать выкуп.

— Надо снова звонить в милицию, в ОМОН, и все рассказать.

— Я не верю в милицию. Что могут сделать оперативники, получающие по тысяче рублей в месяц?

— Я тоже мало верю, но что-то же делать надо? Я не соберу миллион, даже если все продам и заберу свою долю в фирме.

— Надо искать бандитов самим. Параллельно с омоновцами. У тебя нет знакомых в местных спецслужбах?

Сергей виновато покачал головой.

— Есть, но все шапочные. Ты не представляешь, насколько у нас тут власть повязана с мафией и бандитами всех мастей. Если по всей стране криминальные и наркосделки прикрываются чиновниками разных уровней на восемьдесят процентов, то в Вологде — на девяносто пять. Легче договориться с преступниками, чем с чиновниками. Мы с женой даже подумываем свернуть дело и уехать обратно в Кейптаун.

Тарасов заставил себя успокоиться, повертел в пальцах зажигалку, оставленную похитителями на даче, зашел в ванную и сполоснул лицо холодной водой. Вернувшись в гостиную, сел на диван, шлепнул ладонью по сиденью.

— Садись, в ногах правды нет.

Сергей, круживший по комнате, подумал и сел. Глянул на кутавшуюся в платок жену.

— Танюш, сделай нам кофеечку.

Таня кивнула, ушла на кухню.

— Рассказывай, — сказал Глеб.

— Что?

— Я вижу, что живется вам не очень сладко. Поделись проблемами, полегчает. Потом поговорим, что делать, где искать Акулю.

— Да и делиться особенно нечем... — Сергей помолчал, колеблясь, баюкая руку с протезом. — Все действительно не столь блестяще, как видится завистникам. Да и бандитам тоже... Никогда не думал, что столкнусь с таким жестоким прессингом на родине. Сначала дела шли хорошо, все удавалось, многие помогали, а как только я стал на ноги — и пошло, и поехало.

Сергей махнул рукой, ссутулился.

— Рэкет? — догадался Тарасов.

— Если бы только рэкет. Кстати, с этими ребятами проще договориться, чем с госслужбами, они меру знают. Главная же мафия на Руси — само государство. Ты не представляешь,

сколько мздоимцев у меня перебывало! Участковый, главврач санэпидстанции, инспектор пожарного надзора, чиновники городской администрации, сотрудники УВД по борьбе со злоупотреблениями, представители общества защиты прав покупателей и так далее, и тому подобное. И каждому дай! Иначе что-нибудь отключат, что-то перекроют, запретят, заведут уголовное дело, отнимут лицензию, лишат всех прав.

— Да-а, — сочувственно протянул Глеб. — Это действительно оголтелый чиновничий рэкет. Беспредел! А отказать не пытался?

— Пытался, как же, — усмехнулся Сергей. — Да они меня все же сломали. Одна за другой пошли проверки, два месяца фабрика стояла, убытки достигли нескольких миллионов рублей, да к тому же наехал местный концерн по выколачиванию долгов «Сторица» — я имел глупость взять в банке ссуду и вовремя не расплатился. Пришлось идти на поклон к губернатору, он помог, зато теперь приходится изворачиваться, вести двойную бухгалтерию, химичить, иначе кранты — закрывай фирму.

— Весело.

— Да уж.

— Я не знал, что у тебя такое положение. Рассказал бы все раньше, вместе бы поборолись.

— С чиновниками, имеющими опергруппы в лице бандитов, особо не поборешься. Они не только меня, но и других таких же коммерсантов, желающих жить честно, «нагнули». Может, действительно, плюнуть на все и уехать? Ведь это из-за меня Акулину выкрали, знали, гады, что я не беден и «химичу», чтобы выжить.

— Ни в чем ты не виноват. Бандиты просто не знали, что Акуля не твоя дочь. Не помнишь, ничего подозрительного перед похищением не происходило?

Сергей помолчал, глядя в пол, потом встрепенулся.

— Может быть, это? Акулина говорила, что дня два назад к ней на улице подошли фотографы, мужчина и женщина, якобы снимали детей для журнала.

Тарасов подумал.

— Возможно, но маловероятно. Еще?

Сергей снова задумался.

— Ну, не знаю... хотя, разве что... Мне вообще-то часто звонят всякие уроды, предупреждают, чтобы «не обижал» представителей всяких проверяющих контор, а тут в офис заявился один тип в штатском, с красными милицейскими ко-

рочками, покрутился по кабинетам, ко мне не зашел и исчез. Так я и не понял, что ему было нужно.

— Он с кем-нибудь общался?

— С охраной, по-моему, с секретаршей...

— Что спрашивал?

— Да в общем-то ничего стоящего... нет ли проблем с сигнализацией... нет ли жалоб на руководство... где кто живет... — Сергей запнулся, посмотрел на насторожившегося Тарасова. — Ты думаешь?

— Вот именно, — кивнул Глеб. — К тебе приходил разведчик. Возможно, мы ошибаемся, и приходил натуральный мент, но уж очень странно, что не зашел к тебе и задавал странные вопросы. Твои охранники или секретарша не запомнили фамилию и как он выглядит?

— Не знаю, не спрашивал.

— Позвони. Заодно спроси, на какой машине он приезжал, если кто видел.

Вошла Татьяна, принесла чашки с дымящимся кофе, тут же молча вышла.

Тарасов посмотрел вслед женщине.

— Между вами ничего не произошло? Такое впечатление, что вы не разговариваете.

— Переживает, — тихо проговорил Сергей.

— Говорят, бывает передозировка от общения даже с любимым человеком.

— Чушь, — криво улыбнулся Сергей, беря чашку рукой в черной перчатке. — Если любишь — не может быть никакой передозировки. Просто Таня приняла все это близко к сердцу, винит во всем себя.

— Да она-то здесь при чем?

— Я тоже так считаю, только ее не уговоришь. Ничего, успокоится. Главное, вернуть Акулю. Присохли мы к ней, честно говоря, как к родной. — Он отпил глоток кофе, взял трубку телефона и позвонил кому-то из своих подчиненных.

— Костя? Это Зощенко. Помнишь, ты дежурил в офисе дня два назад, когда к нам какой-то сотрудник органов приходил? Ты его удостоверение смотрел? Можешь вспомнить фамилию? Что? — Брови Сергея поползли вверх. — Понятно. Спасибо. Нет, ничего, все в порядке.

— Спроси его, как выглядел этот сотрудник.

— Как он выглядел?

Сергей выслушал ответ, положил трубку, растерянно посмотрел на Глеба.

— Он говорит, что это был старший лейтенант ФАС Бердяев.

Теперь пришла очередь удивляться Тарасову.

— ФАС? Твой Костя не ошибся? ФАС — это Федеральная антитеррористическая служба. С какой стати ее сотрудник вдруг объявился в Вологде?

— Может быть, у них тут отделение.

— Все равно, даже если в городе есть отделение ФАС, почему оно заинтересовалось тобой и твоей фирмой?

Сергей беспомощно пожал плечами.

— Ничем криминальным, а тем более связанным с террористической деятельностью, мы не занимались.

— Ладно, не переживай, разберемся. Молодец твой Костя, не забыл визитера. Описал он его тебе?

— Средних лет, на макушке лысина, лицо какое-то землистое, словно он больной, а на лице под глазом родинка.

— Отличная примета. Поблагодари своего Костю от меня. Во всяком случае, это уже зацепка. Плюс вот это. — Глеб подкинул зажигалку. — Если мне удастся уговорить мое начальство, у нас будет команда. От тебя в Москву можно позвонить?

— Конечно.

Тарасов набрал номер телефона базы, подождал переключения на кодированную линию связи и услышал голос командира группы «Хорс»:

— Тихончук у аппарата.

— Привет, Хохол, — сказал Глеб. — Это я, Старый. Владимир Сергеевич, мне нужен отпуск. И твоя помощь.

— Хорошо, что ты позвонил, — буркнул Тихончук. — Немедленно возвращайся, есть работа по Латвии.

— Но у меня непредвиденные обстоятельства...

— Завтра в семь утра должен быть на базе. Все.

В трубке засвиристел сверчок отбоя.

Тарасов подержал ее возле уха, раздувая ноздри, досчитал до десяти и положил на телефон. Посмотрел на друга.

— Мне надо срочно уехать в Москву. Но я вернусь. Свою машину дашь?

— Бери, — с готовностью поднялся Сергей. — Поезжу пока на Таниной «десятке». Вот ключи. Когда тебя ждать?

Тарасов начал быстро переодеваться.

— Завтра к вечеру. В Москве у нас хорошая компьютерная база, мне она понадобится для поиска. Возможно, приеду не один, но об этом никому ни слова.

— В милицию сообщать о звонке?

— Только не в районное отделение, а в ГорУВД, в отдел по борьбе с оргпреступностью. Успокой Таню, все будет хорошо, мы вызволим Акулю.

Глеб обнял Сергея и вышел из квартиры. Через полчаса он был уже за городом, на Ярославском шоссе. Зеленый «Гольф» Сергея резво устремился в темноту августовской ночи.

В Москву он прибыл еще затемно, до рассвета. Заскочил домой — у него была двухкомнатная квартира в кирпичном старом доме на улице Невского, недалеко от Белорусского вокзала, — принял душ, напился чаю и сразу же отправился на базу, располагавшуюся в Богородском лесопарке.

В половине шестого утра ворота базы открылись, Тарасов загнал машину на территорию базы и как был — в штанах и рубашке — завалился на диван в своем жилом домике, стоявшем среди других таких же на берегу пруда, возле штаба и тренировочного комплекса. Уснул он мгновенно, несмотря на мысли о дочери, буквально отключился от реальности, и проспал в одном положении все полтора часа, оставшиеся до указанного Тихончуком времени сбора.

В семь часов группа «Хорс» собралась в полном составе в спецкомнате штаба, предназначенной для инструктажа. Тарасов хотел было подойти к Хохлу и рассказать о своей беде, но не успел. В помещение вошел плотный бритоголовый человек с цепкими холодными глазами, и Тихончук представил его:

— Алвар Куртинайтис, майор службы безопасности Латвии. Наш проводник. Вечером выезжаем в Ригу. Задача — захват и вывоз двух деятелей, толкающих Латвию к конфронтации с Россией. Досье на каждого получите до отправки и будете изучать, кто в поезде, кто в самолете. Инструктаж получите в Риге. Сейчас — комплектация, документы, экипировка, языковая подготовка. Русскоязычных там не любят, поэтому необходимо знать хотя бы несколько стандартных фраз на латышском. Вопросы?

Группа молчала. Не рискнул пошутить даже Роман.

— Тогда разошлись.

Спецназовцы вышли из штаба, переговариваясь между собой, в комнате для инструктажа остались Тихончук и Тарасов.

— Что у тебя стряслось? — осведомился майор.

— У меня похитили дочь, — разлепил губы Глеб.

Глаза командира группы остались равнодушными. Он уже

работал, думал о предстоящем деле, прикидывал варианты операции.

— В органы заявил?

— Мне нужен отпуск, дня на три-четыре. Бандиты потребовали выкуп — миллион «зеленых» и пообещали присылать пальцы дочери до тех пор, пока я не найду деньги.

— Миллион?! Это нереально. — По изменившемуся лицу капитана Тихончук понял, что говорит не то, спохватился. — Ты-то зачем суешься в это дело? Есть ОМОН, антитеррористическая служба, пусть они и занимаются освобождением девочки.

— В похищении участвовал один из сотрудников ФАС. Банда явно прикрыта сверху. Милиция и ОМОН не помогут, нужна команда вроде нашей. Если нельзя туда сейчас бросить всю группу, отпусти хотя бы меня.

Тихончук поскреб затылок пятерней, дернул себя за ус, мотнул головой.

— Не могу, капитан. У меня приказ — до пятого августа ликвидировать националов Латвии. Я даже тебя отпустить не имею права.

— А если я откажусь участвовать в операции?

Глаза майора сузились, он покачал головой.

— Не дури, Старый. Ты же знаешь наше положение, тебя еще до трибунала замочат. Обещаю, как только выполним задание в Латвии, сразу вылетим к тебе в Вологду.

— Спасибо, — глухо сказал Глеб, опуская взгляд, чтобы не выдать свои чувства. — Боюсь, будет поздно. Ладно, я пошел готовиться.

Тарасов двинулся к двери. Тихончук с сомнением посмотрел на его спину, но не остановил. Воспитанный на беспрекословном подчинении старшему по званию, всегда соблюдавший субординацию, майор представить не мог, что кто-то может не выполнить его приказа. О том, что в жизни существуют другие приоритеты, стоящие выше приказа, он не подумал.

Глеб же принял решение и начал выполнять свой план, никого не посвящая в него. Он нашел Ухо, как всегда возившегося со своим суперноутбуком, и снял с него наушники диалоговой связи с компьютером.

— Эй, киборг, ты меня слышишь?

— Чего надо? — огрызнулся Саша, приходя в себя.

— Нужна твоя помощь. — Глеб раскрыл ладонь, на которой лежала зажигалка в форме человечка с высунутым языком. — Покопайся в базах по символике, нет ли в сфере кри-

минала банд, использующих такую геометрию. Второе: поищи среди сотрудников ФАС старшего лейтенанта Бердяева. Кто он, откуда, в какой команде служит. И последнее: найди всех бандитов, кто пользуется «Ладами» двенадцатой модели.

— Ты чо, Старый? — покрутил пальцем у виска Саша. — Да на «Ладах» двенадцатой модели ездит половина всего криминального мира!

— Поищи только те группировки, которые связаны с похищением людей.

— Это потребует времени, а нам на все сборы Хохол дал два часа.

— Я тебя прошу, Саша, — проникновенно сказал Глеб. — Мне это позарез необходимо!

— Приедем в Ригу, я тебе все сделаю.

— Мне нужно сейчас. — Тарасов подумал и добавил тихо: — У меня дочь похитили какие-то мерзавцы...

— Что?! — изумился компьютерщик. — У тебя?! Где?!

— В Вологде, — криво усмехнулся Тарасов. — Она жила у приятеля... он предприниматель...

Саша тихонько присвистнул.

— Тогда понятно... Что собираешься делать? Хохлу говорил?

— Говорил. — Глеб отвел глаза. — Обещал помочь. Ну что, поищешь?

— Заходи через полчаса, может, что и надыбаю.

Тарасов сжал плечо компьютерщика и вышел.

Через сорок минут, уложив в сумку необходимые для выполнения задуманного вещи, он отнес сумку в багажник зощенковского «Гольфа» и вернулся в домик, где жил Ухо. В спальне Саши, кроме него самого, находился хмурый Тихончук. Саша встретил взгляд Тарасова и виновато опустил голову. Глеб понял, что командир группы знает о его просьбе и догадывается о планах.

— Старый, ты вынуждаешь меня применить... — начал Тихончук и в то же мгновение оказался на полу лицом вниз, с вывернутой рукой.

— Ремень! — бросил Глеб.

Саша вздрогнул, круглыми глазами глядя на эту сцену, приподнялся со стула.

— Старый, ты понимаешь?..

— Ремень, я сказал!

Саша подал ремень от брюк, висевший на спинке стула.

— Дурак! — сквозь зубы выговорил майор. — Ты сам себе петлю на шею вешаешь!

Глеб стянул ремнем запястья рук Тихончука, повернул его к себе лицом, проговорил ровным голосом:

— Прости, командир, но ты не оставил мне выбора. На кону не абстрактный идеал справедливости, а жизнь и здоровье моей дочери, а это уже совсем другой расклад получается.

Глеб нанес короткий удар в челюсть командира группы, и тот потерял сознание. Глеб разогнулся, посмотрел на потрясенного Сашу.

— Ну? Что ты узнал?

Ухо сглотнул слюну, тупо глянул на Тарасова, на лежащего без движения Тихончука, снова на Тарасова и очнулся.

— Двенадцатые «Лады», по данным ФСБ, использовались при похищении трижды: в Воронеже, в Москве и Ярославле. Одну банду — южную, орудовавшую в Воронеже, взяли, вторая на свободе. Зажигалки в форме человека с высунутым языком продаются только в киосках Ярославля. Старший лейтенант ФАС Владимир Бердяев работает в Ярославском отделении службы. Это все, что я успел найти.

— Спасибо, дружище, — пробормотал Глеб. — Извини, но мне придется связать и тебя. Я должен успеть выехать за пределы Москвы, прежде чем Хохол очнется и поднимет шухер.

— Он тебя возненавидит.

— Переживу.

— По морде бить будешь?

— Не буду, — серьезно сказал Глеб. — Но рот заклею. И вот еще что, Александр. Без твоей помощи мне все равно не обойтись, поэтому, если понадобишься, я буду держать связь с тобой через машину. Я взял с собой запасной хайдер. Дашь свой позывной?

— Хорошо, — кивнул Ухо, косясь на не подающего признаков жизни майора. — А ты не брешешь про дочь?

— Нет.

— Вот сволочная жизнь!

— Совершенно с тобой согласен.

Тарасов связал Сашу и вышел из домика, переживая тяжелое чувство неудовлетворенности и утраты. Интуиция подсказывала, что сюда он больше не вернется.

Хохол не успел предупредить охрану ворот базы о возможности побега подчиненного, и машину Тарасова выпустили без лишних слов. А через двадцать минут он был уже за МКАД, искренне надеясь, что Тихончук не станет звонить во все колокола и объявлять всероссийский розыск. С другой стороны, группа без Тарасова не могла считаться полноценным

боевым подразделением, и если Тихончук не найдет ему замену, следует ждать погони.

И все же Глеб в глубине души надеялся, что успеет освободить Акулину, прежде чем его найдут люди из службы безопасности президента.

В Вологду он решил не ехать, а просто предупредить Сергея по телефону, чтобы ждал «гостей» и говорил всю правду. Начинать поиски Акулины надо было с Ярославля, где работал старший лейтенант ФАС Владимир Бердяев. Именно он, по мысли Глеба, и был наводчиком банды похитителей людей.

За Сергиевым Посадом запищала рация, которую забыл снять Тарасов. Зная, что выход в эфир может контролироваться специальной поисковой системой, Глеб отвечать не стал. Скорее всего звонил освободившийся Тихончук, а ему пока что Тарасову сказать было нечего.

В Ростове он позавтракал в небольшом кафе на окраине города и в машине включил хайдер. Набрал кодовое имя Саши. По экрану компьютера, похожему на стрекозиное крыло, побежали жемчужные волны, затем высветилась белая надпись: «Доступ открыт. Назовите свое имя».

«Старый», выбил Глеб на клавиатуре.

Надпись исчезла, появилась другая: «Старый, Хохол меня чуть не убил! Считает, что я тебе помог удрать. Операцию отменили, тебя везде ищут!»

«Догадываюсь, — ответил Тарасов. — Я виноват лишь в том, что хочу спасти свою дочь. Дай мне адрес отделения ФАС в Ярославле, чтобы я не искал».

«Минуту».

Глеб заметил подъехавшую к кафе темно-серую «Ладу» двенадцатой модели. Невольно впился в нее взглядом. В кабине машины с ярославскими номерами сидели четверо парней, неуловимо схожих особым поведением и отношением к окружающему миру. Таких можно встретить где угодно, в любом населенном пункте России, в больших и маленьких городках, в поселках и деревнях: презирающих всех, в том числе и себя, агрессивных, злобных, даже когда они ведут себя тихо, опирающихся только на силу стаи и на закон силы. Тарасов не раз имел с ними дело и научился отличать их от нормальных молодых людей по заметно хищному поведению и волне угрозы, исходившей от них.

Пискнул монитор. Глеб расслабился, понимая, что нельзя реагировать на каждую «Ладу» двенадцатой серии, делать стойку, как охотничья собака на зверя. Едва ли похитители Акулины ездили бы по дорогам так открыто, зная, что их ищут.

«Улица Жореса, дом три», — появилась на экране надпись.

«Спасибо, Ухо, — отстучал Глеб. — Я у тебя в долгу. Будь здоров!»

«Удачи тебе, Старый».

Тарасов выключил хайдер, спрятал «перчатку» компьютера в сумку. Затем краем глаза заметил движение слева. Из серой «Лады» вылезли два амбала в джинсах и кожаных безрукавках, с ленцой двинулись к машине Глеба. Один из них был в кожаных перчатках без пальцев, второй напоминал бронетранспортер — фигурой и выражением лица. Глеб мог уехать, но что-то удержало его на месте. Даже не любопытство — он понимал, чего хотят эти мордовороты, а мистическое седьмое чувство ожидания новостей. Подумав, он подвинул к себе сумку, достал «инструмент средней мощности» и подсунул под левую руку.

— Эй, дядя, — наклонился к окну машины верзила в перчатках, — дай закурить.

— Последнюю сигарету только что докурил, — с иронией сказал Глеб.

— А ты поищи.

— Сейчас.

Глеб выхватил помповое ружье «сайгак» и упер ствол в нос оторопевшего амбала.

— Годится такая «сигарета»?

— Э-э-э... д-д-да-а... т-ты чего, д-дя... не шути!

— Так дать закурить или уже не надо?

— Эй, дядя... — сунулся было к машине второй бугай, и Глеб сказал хладнокровно:

— Еще шаг, и я отстрелю твоему напарнику всю нюхалку! А теперь убирайтесь, и поживее!

Амбал в перчатках поднял руки, отошел задом, нехорошо улыбаясь.

— Не боишься, дядя, что мы с тобой встретимся где-нибудь на узкой дорожке? У нас тоже такие пукалки имеются.

— Я прихвачу чего-нибудь покрупнее, — пообещал Глеб, трогая машину с места.

Вскоре он уже был за городом, удивляясь, зачем ему понадобилось разыгрывать этот спектакль с ружьем. И лишь отъехав от места инцидента три десятка километров, он понял, что это была просто компенсация тлевшей в душе ненависти к похитителям Акулины, также катавшимся на двенадцатых «Ладах».

В Ярославль Тарасов приехал к обеду и сразу направился на улицу Жореса, где располагалась штаб-квартира отделения Федеральной службы антитеррора. Несколько минут наблюдал за входом в трехэтажное здание с двумя табличками: одна принадлежала собственно центру антитеррористической службы, вторая местному отделению «Гринпис». Глеб покачал головой: соседство двух столь разных контор показалось ему забавным.

Ровно в час из здания на улицу вылился жиденький поток сотрудников учреждений. Начался обеденный перерыв. Подождав еще пару минут, Тарасов вошел в здание.

На входе его задержали два рослых охранника в светло-коричневой униформе, но без погон и знаков отличия. Глеб припомнил форму военнослужащих Российского Легиона, с которыми не раз имел дело. Легион давно был расформирован, однако, чтобы не выбрасывать множество комплектов обмундирования, форму решили использовать для экипировки охранников государственных спецслужб.

— К кому? — осведомился крутоплечий страж с редкой растительностью на щеках.

— К дежурному, — лаконично ответил Тарасов.

— Вас вызывали?

— Нет.

— Тогда извините...

Глеб достал удостоверение майора ФСБ.

Охранники переглянулись.

— Оружие придется сдать, товарищ майор.

— У меня нет оружия.

— Проходите, комната номер три, налево по коридору.

Тарасов спокойно поднялся по ступенькам из холла в коридор первого этажа, стукнул костяшками пальцев в дверь с номером 3 и вошел.

За столом сидел совсем молодой человек в штатском костюме и работал за компьютером. Увидев незнакомого человека, он оторвался от экрана, повернулся к нему лицом.

— В чем дело? Кто вы такой?

— Майор Гольцов, — сказал Глеб, показывая удостоверение. — Служба внутренних расследований.

— Капитан Кирьянов.

— Капитан, дело чрезвычайной важности, поэтому о нем не должен знать никто.

— Но я обязан доложить командиру...

— Я сам доложу. — Глеб подошел к столу и сел на стул, мельком оглядывая лежащие на столе бумаги, дискеты, календарь и пульт селектора. — Мне нужна вся информация о старшем лейтенанте Владимире Бердяеве.

— Зачем?

— Не задавайте лишних вопросов, капитан. Будете содействовать, я доложу наверх о вашем участии, это зачтется потом при внеочередном повышении звания.

— Я не могу, — упрямо покачал головой дежурный. — Доступ к сведениям о сотрудниках службы имеет только полковник Премыслер.

Тарасов поскучнел.

— Значит, сотрудничество наше не складывается, жаль. Придется отметить это в рапорте.

— Но я и в самом деле не имею доступа к досье сотрудников, — возмутился юный капитан. — Данные засекречены. Почему бы вам не поговорить с самим старлеем, если он вас так интересует?

Тарасов сделал вид, что колеблется.

— Вообще-то контакт с ним не входил в мои планы... но это идея... ладно, капитан, давай мне выход на него.

Дежурный наклонился к селектору, нажал клавишу.

— Бердяев на месте?

— Только что вышел, — заговорил динамик женским голосом. — Обедать направился.

— Куда?

— В кафе «Приятный уголок», куда же еще? Зачем тебе этот голубой диетчик, Слава? Лучше меня вызови.

Капитан покраснел, отключил связь с кабинетом.

— Бердяев обедает.

— Вот и хорошо, — кивнул Глеб, поднимаясь. — Пожалуй, я тоже заморю червячка, пока он будет насыщаться. Только умоляю, капитан, никому ни слова. Договорились?

— Могила, — прижал руку к груди дежурный.

— Буду у вас минут через сорок пять.

Тарасов вышел, провожаемый взглядом дежурного, потом внимательными взглядами охранников, спросил у прохожего, где находится кафе «Приятный уголок», и подъехал к нему на машине.

Кафе представляло собой современное двухэтажное заведение, расположенное в центре Ярославля на улице Чкалова. На первом этаже размещалась типичная забегаловка для всех, кто хотел быстро перекусить, плюс бар и кухня, на втором этаже обслуживали если и не «особо важных персон», то людей посолиднее и побогаче. Окинув взглядом столики зала первого этажа, Глеб по винтовой лестнице поднялся на вто-

рой и за одним из столиков у окна увидел мужчину средних лет, похожего по описанию на визитера, посетившего офис Сергея: у него была лысина на затылке, бледное одутловатое лицо и родинка под глазом.

Старлей курил: на столе перед ним лежала пачка сигарет «Ярдым» и зажигалка в форме человечка с высунутым языком.

Напротив него сидел молодой человек в кожаной безрукавке, в котором Глеб не без удивления узнал амбала, просившего закурить в Ростове и разъезжавшего на двенадцатой «Ладе». Таких совпадений просто не могло быть, и Тарасов, связав все звенья цепочки: машину, зажигалку, парней в «Ладе», визит старшего лейтенанта ФАС в офис Зощенко перед похищением дочери, — понял, что ему улыбнулась удача. Он прибыл вовремя и в нужное место.

Пристроившись за кадкой с фикусом, Глеб стал ждать, украдкой наблюдая за Бердяевым и его сотрапезником. Бандит даже за столом не снял кожаные перчатки без пальцев, хлебая суп так, что было, наверное, слышно и на улице. Но он привык так жить — по-хамски, отрицая все законы этики и морали, и не обращал внимания на других людей.

Через полчаса старший лейтенант насытился, допил морковный сок — он и в самом деле был диетчиком, — забрал сигареты, зажигалку и пошел к выходу. Амбал в перчатках смотрел ему вслед, ковыряясь в зубах спичкой.

Глеб вышел из кафе следом за объектом своих поисков, понаблюдал за ним, отметив, что тот идет пешком в сторону своей конторы, и направился за ним на машине, не забывая контролировать ситуацию. Знакомая двенадцатая «Лада» стояла возле кафе, ожидая верзилу в коже, но ее пассажиры не обратили внимания на Тарасова, сморенные жарой и жаждой: все трое пили пиво из жестянок.

Выждав момент, когда Бердяев свернул в почти безлюдный переулок, Глеб догнал его, выскочил из машины, открыл дверцу и одним движением вбросил старшего лейтенанта в кабину.

— Сидеть! — выдохнул он ему в лицо. — Убью!

Бердяев пискнул, тараща глаза, дернулся назад, получил удар по уху и затих.

Тарасов закрыл дверцу, сел за руль и погнал «Гольф» к выезду из города, в лесок, где можно было спокойно допросить сотрудника ФАС, явно связанного с бандитами. Пассажирами «Лады» можно было заняться позже.

ЯРОСЛАВЛЬ

НИКИФОР ХМЕЛЬ

Этот сон снился Никифору всю жизнь: поляна в черном лесу, хмурый день, холод, несущиеся по небу тучи; вдруг тучи разрываются, по небу разливается сияние, и начинается странный снегопад, точнее, град, потому что с неба сыплются на землю не снежинки, а льдинки в форме человеческой головки. Однако обычно Никифору не удавалось разглядеть лицо человека-градины, он просыпался раньше, причем не от страха или другого негативного чувства, а от удивления. В эту ночь ему наконец удалось поймать на ладонь несколько градин и рассмотреть это чудо природы.

Льдинки величиной с ноготь мизинца действительно представляли собой миниатюрные скульптурки в форме головы — головки ребенка с чистым лицом и белыми волосиками. Изнутри они светились, отчего казалось, что они живые и смотрят на поймавшего их человека с интересом и ожиданием...

Никифор проснулся, привычно глянув на циферблат часов: половина седьмого, можно еще полчаса поваляться в постели. Перед глазами все еще стояло личико ледяной градины — личико ребенка с удивительно умными живыми глазами. Что оно означало, почему снилось много лет подряд, Никифор не знал, но относился к своим снам спокойно, не рефлексируя и не считая себя свихнувшимся на почве любви к детям. Психика настойчиво предлагала ему какую-то важную информацию, расшифровать ее самостоятельно он не мог, к гадалкам идти не хотел, поэтому спокойно ждал, чем закончится его «беседа с самим собой». То, что сегодня ему открылось лицо ребенка, головку которого копировали падающие с неба градины, говорило о правильности выбора, выражаемого одним словом: подождем.

Мысли вильнули в другую сторону: от голов-льдинок к головам пленных русских солдат, отрезанных чеченскими боевиками. Как же вам было страшно, ребята, когда вам перерезали горло звери в человеческом облике! Садисты и хищники! Прикрывающиеся лозунгами «святого джихада», «борьбы за свободу» и «войны за веру». Воюешь за свободу — убей врага, но не мучай! Если же тебе нравится издеваться, наслаждаться муками умирающих, — не прикрывайся именем Аллаха!..

Никифор скрипнул зубами, переживая внезапную вспыш-

ку ненависти, глянул на фото брата в рамке на тумбочке и встал. Валяться в кровати расхотелось.

Почистив зубы, он с час возился со снарядами, качал пресс, «тянул» суплес, потом искупался и сварил себе сам геркулесовую кашу; мать уехала в деревню к родственникам, и Никифор уже с неделю жил один.

Позавтракал: каша, жареный черный хлеб, чай. Мысли приходили разные, но больше всего он думал о женщине, с которой познакомился на Арбате, о своей неуютной холостяцкой жизни, о странных снах и о брате. Последняя мысль заставила его пересмотреть планы и день начать с посещения церкви.

Не было восьми, когда он подошел к воротам церкви и буквально столкнулся с той, облик которой не шел из головы вот уже несколько дней.

— Доброе утро, — пробормотал он, переживая вспышку радости и вины одновременно; в глубине души капитан понимал, что направился в церковь не столько из-за желания помянуть брата, сколько из-за надежды встретить е е.

— Здравствуй, — тихо ответила Шарифа, закутанная все в тот же темный платок. Затем она увидела не совсем зажив-ший шрам на лице Никифора, и глаза ее расширились.

— Вы... ранены?!

— Пустяки, царапина. О гвоздь в темном сарае зацепился. А я вам звонил.

— Я знаю.

— Знаете? — Он удивленно посмотрел на чеченку. — Мне сказали, что вы уехали.

— Это мой дядя Муртаза... он не хочет, чтобы я...

— Понимаю. Но разве вы не свободны в поступках?

Она быстро подняла на него газельи глаза и опустила.

— Свободна... только ничего мне не надо... извините...

— И вы не хотите ни с кем встречаться? Куда-нибудь сходить, отдохнуть, просто поговорить?

— Не знаю...

— Это уже лучше. Давайте встретимся сегодня вечером? Погуляем по Арбату, сходим в ресторан, я знаю тут недалеко уютный уголок. Часов в семь вечера вас устроит? Встретимся возле универсама.

Шарифа не успела ответить. Из церкви вышли трое мужчин: юный брат Шарифы Алан, смуглый молодой человек, небритый и мрачный, и седой старик в дорогом костюме. Увидев стоящих Никифора и Шарифу, они замедлили шаги.

— Шафа, иди домой, — угрюмо проговорил небритый.

Женщина бросила на Хмеля косой взгляд и заторопилась прочь.

— Так я буду вас ждать, — сказал ей в спину Никифор.

Шарифа не ответила.

— Эй, мужчина, — тем же угрюмым тоном сказал небритый, видимо, дядя Шарифы, — не приставай к ней больше, не надо. Понял?

Никифор медленно повернул к нему голову, окинул взглядом, так же медленно отвернулся и зашагал к воротам церкви.

— Эй, тебе говорят... — небритый не закончил.

Горло его оказалось зажатым рукой Никифора, рука вывернута за спину, тело повисло в воздухе, глаза выпучились.

— Запомни! — с тихим бешенством сказал Хмель, удерживая чеченца на весу. — Это мой город! Это моя земля! Я никому не мешаю на ней жить, но и никому не позволю диктовать, что мне делать!

Чеченец захрипел, задергался.

Никифор отпустил его, разжал пальцы. Ненависть, ударившая в голову, начала испаряться, таять, исчезать, оставляя горечь и опустошение. Захотелось тряхнуть головой и проснуться. Никифор бросил взгляд на лица старика и юноши, брата Шарифы, смотревших на него без единого слова и жеста, побрел в церковь.

Небритый чеченец, массируя горло, прохрипел ему в спину:

— Скажи спасибо, что я без кинжала!..

Никифор споткнулся, замер. Кровь отлила от щек. Одно мгновение казалось, что он бросится на парня и убьет его. Однако огромным усилием воли капитан сдержался, повернул голову к небритому и сказал свистящим шепотом:

— Скажи спасибо, что ты дядя Шарифы!..

В церкви Никифор постепенно отошел, окончательно успокоился, постоял у иконостаса, глядя на горящие свечи, и вышел. Чеченцев уже не было возле церкви. Но горечь от столкновения с ними осталась, хотя винить себя в принципе было не за что. Не он первым начал выяснение отношений.

До обеда Никифор ездил по автосалонам столицы, выбирая себе машину — средства уже позволяли купить иномарку, — и остановился на немецком «Хорьхе» полуспортивного типа, способном развивать скорость до двухсот сорока километров в час. Договорившись с менеджером салона, что он подъедет вечером и заплатит, капитан поехал домой, размышляя, готовить обед самому или пообедать в кафе. Победила вторая идея: возиться на кухне Никифору не хотелось.

Однако стоило ему появиться в квартире, как зазвонил телефон.

— Где тебя носит, капитан? — раздался в трубке голос полковника Гвоздецкого. — Срочно лети на базу!

— Я не обедал... — заикнулся Никифор.

— Потом поешь, я тебя отпущу.

— А в чем дело? Мы куда-то убываем?

— Вероятно, завтра. Все объяснения на базе.

Телефон замолчал.

Никифор подержал трубку в руке, испытывая облегчение от того, что вечер у него как будто останется свободным (надежда на встречу с Шарифой все-таки оставалась, несмотря на инцидент с ее дядей), быстро переоделся и выбежал во двор, где его ждала старенькая «десятка». К штабному домику базы в Раменском он подъехал в половине третьего.

Группа была в сборе, отсутствовал только сам Гвоздецкий.

— Что тут происходит? — поинтересовался Хмель, здороваясь со всеми. — Новое задание?

— А ты думал, тебя тут ждет приятное известие? — хмыкнул Лёнчик. — Пора заняться своим делом, а то у меня, к примеру, деньги кончились. — Он повернулся к Ярославу. — Давай дальше.

— Ну, вот, он и рассказывает... — начал белобрысый Ярослав.

— Если анекдот, давай сначала, — потребовал Никифор.

— Не возражаете, мужики? — оглядел всех Ярослав. — В общем, дело было так. Один крутой хлопец жалуется другому: «Я встретил трех баб и все три нравятся. Посоветуй, на какой жениться». Второй отвечает: «Ты дай каждой по пять тысяч баксов и посмотри, что они будут с ними делать. Потом и выберешь». Встречаются через месяц. Крутой рассказывает: «Первая пошла в салон красоты, прическу сделала, накупила красивых шмоток для себя и сказала: «Все будут завидовать, что у тебя такая красивая жена». Вторая, наоборот, накупила мне всякого барахла и заявила: «Я буду ухаживать за тобой, любить, и все будут завидовать, какая у тебя заботливая жена». А третья вложила эти пять штук в дело, через неделю принесла десять и говорит: «Я буду твоей правой рукой в бизнесе, мы вместе будем делать деньги, и все будут завидовать, какая у тебя умная жена». — «Отлично! — похвалил приятель крутого хлопца. — Все бабы просто клад! И какую же ты выбрал?» — «Как это — какую? Конечно, ту, у которой сиськи больше!»

В комнате раздался смех. Улыбнулся и Никифор:

— Старый анекдот. Расскажи лучше что-нибудь новенькое.

Ярослав с готовностью открыл рот, но в это время в помещение вошли Гвоздецкий и тихий молодой человек с полузажившими синяками и царапинами на лице, с седой прядью в волосах.

— Отставить ржать! — приказал полковник. — Знакомьтесь: Федор Маркин. Два дня назад ему удалось сбежать от похитителей, а до этого парень просидел взаперти, на одной воде, две недели. Дальше он сам расскажет.

Гость смущенно улыбнулся, переминаясь с ноги на ногу.

— Да, в общем-то, чего рассказывать... я коммерсант, торгую компьютерами... поехал в Ярославль по делам фирмы, там меня и прихватили...

— Давай, давай, не стесняйся, здесь все свои, — ободряюще кивнул Гвоздецкий.

— Прямо среди бела дня подъехала серая «Лада» двенадцатой модели, выскочили трое мордоворотов, схватили меня, затолкали в машину... очнулся я уже где-то в подвале, прикованный наручниками к трубе отопления. Там, кроме меня, еще один мужик сидел, но потом дней через пять его увели, а на его место посадили девочку лет семи-восьми. Акулиной звать... Смелая такая девчонка, ни разу не заплакала, только сжималась, как зверек, когда эти приходили. Спали мы там же, прямо на полу, ватники только кинули. В туалет выводили раз в день, точнее, по ночам, наверх выводили. Я потом понял, что подвал расположен то ли под какой-то котельной, то ли под нефтебазой. Воняло там жутко — мазутом, бензином, углем, еще чем-то... Бить стали на третий день. Один бандит, здоровый, как бык, в кожаных перчатках без пальцев, больше всех старался. Потом паяльник принес, говорит, если не заплачу сто тысяч, живым не выйду... — Маркин облизнул губы, темнея, помолчал. — Мне повезло, в подвале розетки не оказалось, не то они бы меня паяльником... А так руку только повредили — били по суставам ножкой от стула...

Никифор мельком глянул на лица слушателей и отметил общее для всех выражение угрюмой сосредоточенности и угрозы. Бойцам ЧКК не надо было долго рассказывать о методах ведения допросов бандитами, они уже настроились на работу и готовы были действовать.

— Убежал я случайно, когда меня после очередной порции пыток выволокли наверх... охранники отвлеклись, к ним какая-то девица приехала... сам не знаю, как мне удалось выбраться оттуда, на автопилоте шел...

— Повезло, — пробормотал Лёнчик.

— Завтра едем в Ярославль, — сказал Гвоздецкий. — Федор знает город, остановимся у его приятельницы. Аналитики по его рассказу восстановили предположительное местонахождение схрона банды. А пока довожу до вашего сведения интересную сводку по некоторым городам, располагающимся в радиусе ста — ста пятидесяти километров от Ярославля: Ростову, Вологде, Костроме, Череповцу, Рыбинску. В Ярославле — ни одного похищения за два месяца. В то же время в Вологде — два, похитили мальчика девяти лет и девочку Акулину Тарасову. Кстати, Федор, возможно, сидел в подвале именно с ней. В Ростове — два похищения, и тоже — дети, мальчик и девочка. В Костроме, Череповце и Рыбинске — по одному. Украдены только дети, словно по спецзаказу, а нити ведут в Ярославль, а не на Кавказ, как пытаются представить дело сами похитители. Причем что любопытно: накануне похищений в школах и детсадах, где были украденные дети, появлялись фотографы популярного журнала «Кроха».

— Наводчики, — скривил губы Лёнчик.

— Совершенно справедливо. Одного такого «фотографа» наши охотники отыскали, он оказался сотрудником Ярославского отделения ФАС. Через него и выйдем на банду. Все понятно?

— Почему они похищают только детей? — спросил Борис.

— Не только детей, вон Федора они тоже захватили, но тенденция все же наблюдается, ты прав. С другой стороны, это не нашего ума дело, анализируют ситуацию и делают выводы пусть те, кому положено. Наша задача — ликвидация подонков. Теперь я умолкаю, а Федор расскажет вам о Ярославле.

Сбежавший от торговцев людьми парень с прядью седых волос на виске (досталось ему, бедному!) начал лекцию, сопровождая свой рассказ указанием описываемых мест на карте Ярославской губернии, которую расстелил на столе полковник. Через час лекция закончилась, Гвоздецкий провел небольшой инструктаж — что брать с собой, что нет, и «чекисты» оказались свободными.

— Ты куда? — спросил Лёнчик Никифора, когда они вышли из домика штаба части.

— Домой, — подумав, ответил Хмель, уже переключив мысли на встречу с Шарифой и гадая, придет она или не придет. — Могу подвезти.

— Буду премного благодарен. — Старший лейтенант сел в кабину «десятки». — Я сегодня безлошадный.

— А где твой «Опель»?

— В ремонте, вчера крыло помял, заезжая в гараж.

— Пить меньше надо. — Никифор знал о пристрастии старлея к алкоголю. — Когда-нибудь не только крыло, но и голову помнешь.

— Тьфу на тебя, Петрович! — беззлобно сплюнул Лёнчик. — До такой степени я напиваться не собираюсь. Знаешь разницу меж дураком и умным? Умный пьет до тех пор, пока ему не станет хорошо, дурак — пока не станет плохо.

Никифор хмыкнул, дал газ, выезжая за ворота базы.

— Ты хочешь сказать, что ты из первых?

— А то! — гордо сказал старший лейтенант.

Никифор покачал головой, но спорить не стал. Лёнчик по натуре своей был прямолинеен как оглобля, но товарищей не подводил.

Без десяти минут семь он подошел к универсаму в Большом Афанасьевском переулке, не особенно надеясь на то, что Шарифа придет на свидание. Букет красных гвоздик жег ему руку, Никифор давно никому не дарил цветы и теперь чувствовал себя неловко.

Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать, поток прохожих несколько поредел, но женщины все не было, и когда Хмель, разочарованный в глубине души, собирался уходить, из переулка вышла она.

Никифор замер, не веря глазам: женщина была красива так, что захватывало дух. Одета она была в белый, в ромашку, сарафан, открывающий загорелые стройные ноги, белые туфли на высоких каблуках еще больше удлиняли их; и мужчины в толпе пешеходов оглядывались на нее не зря. Никифор привык видеть ее в платке, теперь же Шарифа сделала себе пышную прическу, изменившую пропорции головы, отчего лицо чеченки стало тоньше и красивей.

— Я не сильно опоздала? — спросила она смущенно, подходя к Никифору с легкой краской на щеках.

Капитан молча протянул ей цветы, не сводя с нее красноречивого взгляда, потом спохватился.

— Честно говоря, я не надеялся... ваш дядя был...

— Я знаю. Он боится за меня и ревнует. Он и к мужу относился не очень хорошо. А на вас он рассердился сильно. Сказал, что если увидит вас со мной...

— Ноги повыдергивает? — улыбнулся Никифор.

— Примерно так.

— Ничего, у меня среди друзей есть врачи, вставят обратно.

Шарифа с интересом посмотрела на твердое спокойно-угрюмое лицо Хмеля, погладила шрам на его щеке и отдернула руку.

— Вы сильный человек, Никифор, но прошу вас, не ссорьтесь с дядей. В общем-то он хороший человек и любит меня. Обещаете?

— Обещаю, — через силу сказал Никифор.

— Тогда все в порядке. Куда пойдем?

— Куда хотите.

— Но ведь вы говорили, что знаете все местные злачные места.

— Я так не говорил, — растерялся Никифор.

Шарифа рассмеялась.

— Пойдемте погуляем, вечер очень хороший, потом покажете мне ваш любимый ресторан.

— Весь к вашим услугам.

Женщина без всякого кокетства и стеснения взяла его под руку, и это ее прикосновение было так приятно, что все заранее приготовленные слова вылетели у Никифора из головы. Они не торопясь двинулись к Арбату, прислушиваясь к гулу города, Никифор все никак не мог начать разговор, в голову лезли какие-то нестройные мысли о родственниках женщины, о своем отношении к ним, и Шарифа, заметив его колебания, искоса посмотрела на капитана и улыбнулась.

— Вы язык проглотили, Никифор? Может быть, расскажете, кто вы и чем занимаетесь? Судя по шраму... от гвоздя и по тому, как вы расправились с теми бритоголовыми парнями, вы, наверное, работаете в ОМОНе?

— В спецназе, — сказал Никифор, почти не кривя душой. — А вы случайно не манекенщица?

Шарифа снова засмеялась — словно хрустальные шарики заскакали по серебру, и Никифор почувствовал облегчение и радость. Несмотря на красоту, которую в народе принято называть южной, женщина вела себя просто и естественно, что окрыляло и улучшало настроение, позволяя также вести себя непринужденно.

— Нет, я не манекенщица, хотя мне предлагали работать в Доме моды у Виторгана. Я всего лишь клерк, бумажно-компьютерная крыса в автосалоне на Беговой.

— Вот уж никогда бы не догадался, — искренне сказал Никифор. — А я как раз собрался покупать машину. У вас немецкие авто продаются?

— Разумеется, два типа «Фольксвагенов» и «Хорьх».

— Мне нужен именно последний «Хорьх».

— Приходите, мы продадим вам машину на льготных условиях, даже сигнализацию бесплатно установим.

— Спасибо, теперь уж точно к вам приду. Как говорит мой приятель: моя благодарность не будет иметь границ в пределах разумного.

Шарифа засмеялась.

— Не надо никакой благодарности, мы со всеми клиентами работаем вежливо и обходительно. Приходите и убедитесь.

Они вышли на Арбат, медленно зашагали по знаменитой улочке, заполненной гуляющими.

— Я бы что-нибудь перекусила, — сказала Шарифа. — Может быть, купим пару пирожков?

— Тогда уж лучше сразу идем в ресторан, — запротестовал Никифор. — Можно поехать в «Три пескаря» на Зубовском бульваре, там как раз мой приятель Кеша и работает, а можно посидеть в «Тропикане» на Новом Арбате, тут недалеко.

— Ни разу в нем не была, хотя часто хожу мимо. Пойдем в «Тропикану». Но если там дорого, лучше поискать что-нибудь попроще.

— Моих средств хватит на два ресторана, — улыбнулся Никифор.

— Неужели спецназовцам так хорошо платят?

— Не всем, только избранным, умеющим рисковать по делу.

— И часто вам приходится рисковать?

— Иногда, — подумав, ответил Никифор.

— А что значит — рисковать по делу?

— Просто надо точно рассчитывать меру риска. Не помню, кто из юмористов сказал: смелый убежит, но не уступит. Вот так действуем и мы, только на полном серьезе.

— Очень интересно! Расскажите что-нибудь из своей практики.

— Давайте лучше о чем-нибудь другом, — взмолился Никифор. — Героями нас назвать трудно, а развеивать романтический ореол спецназа не хочется. Хотя дуболомов среди нас больше, чем нужно.

— Хорошо, не буду вас расстраивать своими вопросами, ответьте на последний: вам приходилось стрелять в людей во время ваших операций?

— И я стрелял, и в меня стреляли, — пожал плечами Никифор, начиная тяготиться темой беседы и размышляя, случайный разговор завела Шарифа или нет. — Работа такая.

— Неужели вас ни разу не ранили? Если не считать шрама.

Никифор нахмурился, не зная, отвечать серьезно или пошутить. Выбрал последнее:

— У меня семь ножевых ран.

— Да что вы говорите?! — удивилась она. — Вам так часто приходится сталкиваться с вооруженными бандитами?

— Нет, — не выдержал и засмеялся капитан, — просто я картошку часто чищу.

Засмеялась и Шарифа.

— Ты меня разыграл?

— Потому что не люблю разговаривать о работе.

— Секрет?

— Не секрет, но... в общем, давай не будем.

— Ну и не надо. Поговорим лучше о том, чем ты занимаешься на досуге.

— Нет уж, теперь твоя очередь.

— Хорошо, скажу, хотя особенно и рассказывать не о чем. Я работаю по шесть дней в неделю, и свободного времени остается мало...

Они не заметили, как перешли на «ты», и так, болтая, дошагали до ресторана. Швейцар — могучий молодец в униформе с позолоченными галунами — посмотрел на Шарифу и без слов распахнул перед ней дверь. На Хмеля он даже не взглянул.

Ресторан-бар «Тропикана» открылся на Новом Арбате семнадцать лет назад, еще в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. Один раз за это время он горел, один раз подвергся нападению хулиганствующих молодчиков, но восстанавливался и радовал глаз посетителя изысканным «тропическим» интерьером, слух — музыкой, а вкус — деликатесами с Полинезийских островов и экзотическими коктейлями. Никифору нравилась кухня ресторана, блюда которой готовил шеф-повар с Филиппин, и капитан частенько сиживал здесь один или в компании с бывшими однокашниками.

Зал ресторана был почти полон, однако молодой паре отыскалось место у стены под чучелом акулы. Никифор усадил с любопытством озиравшуюся даму, сел сам, заказал шампанское и ориджинел-коктейль из двух сортов рома, сока лимона, апельсинового и ананасового сока, кокосового молока и колотого льда.

— Попробуй, — предложил он Шарифе, — очень вкусно. За знакомство? — поднял свой бокал с шампанским Никифор.

— За встречу, — подняла свой женщина.

Они отпили по глотку холодного пузырящегося напитка, поглядывая друг на друга.

— Я иногда бываю здесь с друзьями, — сказал Никифор. — Один мой приятель любит произносить разные смешные тосты, но мне больше нравится один: выпьем за наших жен и наших подруг, и чтобы они никогда не встретились.

Шарифа засмеялась.

— Значит, у вас есть и жены, и подруги?

— Я не женат, — развел руками Никифор. — А он был женат дважды. Такая вот судьба.

— Ты был женат?

— Нет, — покачал головой Никифор, — не сложилось. Девушка, которую я любил, вышла замуж за другого.

— Сочувствую. По любви?

— Не знаю. Он иностранец, бизнесмен, приезжал к нам с делегацией. Теперь она живет в Швеции, имеет виллу, загородный дом с бассейном, две машины.

— Хорошо устроилась. Возможно, тебе повезло, что она вышла за него.

— Иногда я тоже так думаю.

— Господа, прошу внимания, — раздался голос администратора ресторана с небольшой эстрады. — Сегодня у нас в гостях супергруппа из Тувы «Хуун-Хуур-Ту», известная не только в России, но и в Америке, Европе, Азии. Убежден, такого вы еще не слышали.

На эстраду вышли четыре мудреца с лицами, словно вылепленными из грубой глины, в халатах и остроконечных шапках, расшитых золотом, в туфлях с загнутыми носами. В руках они несли инструменты, лишь отдаленно напоминающие музыкальные, однако Никифор не раз по делам службы выезжал на Алтай, бороздил южные степи окраин России, слушал пение местных ансамблей и знал названия инструментов.

— Вон тот, с длинной ручкой, — сказал он заинтересованной Шарифе, — называется доншпуур, у соседа — бызаанчи, тот, что со струнами из конских волос, — тунгур, дощечка со струной — игил. Кстати, погремушки у них сделаны из сушеных бычьих яиц.

— Спасибо, что просветил, — фыркнула женщина.

Мудрецы невозмутимо устроились на сцене, посмотрели друг на друга и затянули гортанно-горловой речитатив, вызвав оживление в зале. «Хуун-Хуур-Ту» был ансамблем горлового пения и действительно славился удивительным искусством, образованием своим на рубеже веков создав прецедент

в мире world music. Слушать певцов и музыкантов было странно: пение завораживало, проникало в подсознание и рождало необычные ощущения и видения. Участники ансамбля свистели соловьем и шипели змеей, булькали горлом, издавали зубами струнный звон, выводили по две, а то и по три мелодические линии зараз, и слушатели замерли, впитывая эти голоса природы, витая в тех мирах, где живут только горние ветры и духи...

Концерт длился всего час с минутами, но подействовал на всех посетителей «Тропиканы» так, что гости ресторана притихли и долго сидели в оцепенении, пока не прошел эффект воздействия. Лишь потом в зале зазвучала другая музыка и начался обычный ресторанный шум.

В половине двенадцатого Шарифа посмотрела на часы и грустно вздохнула.

— Здесь действительно очень хорошо, давно я так не отдыхала, но мне пора идти.

— Какие могут быть возражения.

Никифор подозвал официанта, рассчитался, и они вышли из ресторана в теплую августовскую ночь, окунаясь в неутихавший гул огромного города. Никифор хотел предложить спутнице погулять по набережной, а потом пригласить ее домой к себе на кофе, но не успел. Свернув в Серебряный переулок, они наткнулись на трех мужчин, в одном из которых капитан узнал небритого дядю Шарифы. Его спутниками были мрачного вида бородач явно «кавказской» национальности и долговязый малый с русым чубчиком, одетый в спортивный костюм.

— Я же тебя предупреждал, — сказал небритый негромко, сверкнув глазами, — не лезь к моей племяннице. — Он посмотрел на Шарифу. — Иди домой, потом поговорим.

— Не пойду, — с вызовом ответила чеченка. — Это мой выбор, и я свободная женщина!

— Иди, я сказал!

— Послушайте, уважаемые... — начал Никифор.

— А тебя не спрашивают, — ткнул пальцем ему в грудь чеченец. — Она уже один раз сделала ошибку, выйдя замуж за русского, второй раз я этого не допущу.

Никифор посмотрел на Шарифу и увидел дрожащие в ее глазах слезы. Она не хотела подчиняться каким-то варварским законам своего народа и боялась этого, несмотря на гордый и неприступный вид. Это заставило капитана пойти на нестандартный шаг.

— Шари, подожди меня у той арки, — сказал он. — Я поговорю с твоим дядей.

— Нет!

— Не бойся, все будет хорошо, обещаю.

Шарифа с сомнением посмотрела на спокойное лицо Никифора, на дядю и его спутников, снова на Никифора, шагнула к нему, обвила шею рукой, поцеловала и быстро пошла прочь, остановилась под фонарем в полусотне шагов.

— Вот что, ребята, — двинулся к чеченцам Хмель, — давайте поговорим спокойно, без взаимных угроз и оскорблений. Хотя мне это сделать очень трудно: одиннадцать лет назад вы или ваши соотечественники убили моего брата, отрезали ему голову.

— У меня тоже ваши убили брата, — оскалился небритый. — И не мы вас приглашали к себе, вы сами пришли, салих шайтан!

— Ну, это спорный вопрос, — не согласился Никифор. — Если бы мы тогда не пришли, ваша Чечня давно стала бы центром бандитизма... чем она, впрочем, и была. Ты это прекрасно знаешь. И мой брат не был виноват в том, что его послали защищать Россию и, кстати, вас от вас самих же, он был солдатом. Но вы его захватили, пытали, мучили и убили! — Последние слова Никифор произнес сдавленным шепотом, сделав резкое движение кистью руки как клювом.

— Вы тоже убивали наших парней... — снова показал зубы чеченец.

— Но мы не пытали их, не отрезали им яйца и головы! — Хмель остановил жестом попытку небритого продолжать разговор в том же духе, заставил себя успокоиться: — Давай не будем, приятель, опускаться до перечисления обид. Не хватало, чтобы вы начали угрожать мне здесь, в Москве, где я родился и вырос. Поверь мне на слово, я в состоянии справиться с десятком таких, как ты и твои дружки, у меня очень большая практика, но лучше этого не демонстрировать.

— Что ты его слушаешь, Муртаза? — подал голос малый с чубчиком. — Порежем его немного, он и отстанет от Шарифы.

Никифор покачал головой.

— Ребята, если я веду с вами переговоры, это не значит, что я вас боюсь. Не дай вам бог это проверить! Что касается твоей племянницы, уважаемый, то, во-первых, она живет в свободной стране, во-вторых, она мне нравится. А я не из тех, кто знакомится с женщинами только ради желания переспать. Такое объяснение тебя устраивает?

— Муртаза, он тебя оскорбляет! — с угрозой проговорил долговязый. — Дай я ему врежу... — Он не договорил.

Выпад Никифора пальцем в ключичную ямку был почти незаметен от скорости. Долговязый икнул и осел на асфальт. Бородач и дядя Шарифы посмотрели на него, потом на невозмутимо стоящего капитана, переглянулись.

— Муртаза! — окликнула дядю издали Шарифа, переживающая за Хмеля.

Чеченец оглянулся на нее, о чем-то размышляя, повернулся к Никифору, хотел что-то сказать, но его опередил бородатый тип:

— Уходы отсуда, шакал! Моргнут нэ успэешь, как зарэжем!

Никифор с сожалением вздохнул.

— Ты молчишь лучше, чем говоришь... обезьяна. Уходитека лучше вы, пока я не осатанел. Тогда вас не спасут ни кинжалы, ни ноги.

— Мы уйдем, — сказал дядя Шарифы, — но она уйдет вместе с нами. И мой тебе совет, каратист или кто ты там: никогда больше к ней не подходи! Понял?

Никифор оглядел его с ног до головы, чувствуя непреодолимое желание свернуть чеченцу шею, сжал пальцы в кулак, разжал. Красный туман в глазах рассеялся.

— Разговор окончен, — выдохнул он. — Еще раз попробуете мне угрожать, переломаю все кости! Попытаетесь ограничить свободу Шарифы, сделать из нее рабыню, как вы это умеете, — убью!

Он отвернулся и зашагал прочь, слыша какую-то возню за спиной и сдавленные голоса, готовый ответить адекватно. Однако чеченцы не стали догонять его и «рэзать».

Шарифа бросилась к нему, схватила за руку.

— Они тебе ничего не сделали?!

— Ничего, мы просто поговорили.

Он оглянулся.

Сзади никого не было. Троица переговорщиков во главе с Муртазой растворилась в темноте ночи.

— Пойдем, я тебя провожу. Хотя, честно говоря, хотел пригласить к себе на кофе.

— Так в чем дело? — слабо улыбнулась она.

Никифор замер, заглянул в глаза женщины, мерцавшие таинственным светом.

— Ты понимаешь?..

— Да, я сама этого хочу! Не желаю возвращаться домой, под этот домостроевский надзор, не хочу вести себя как мышь, не хочу видеть унылые и трагические лица, не хочу... — она умолкла, задохнувшись.

Никифор обнял ее за плечи.

— Бунт на корабле?

— А ты струсил?

Он покачал головой, обнимая вздрогнувшую под его ладонями женщину.

— Ничего не бойся, я буду с тобой.

— Значит, если я останусь, ты меня не выгонишь?

— Нет! — ответил он твердо.

— И не будешь жалеть ни о чем?

— Нет!

Она потянулась к нему губами, прижалась всем телом, закрывая глаза...

Больше он ни о чем не думал.

ЯРОСЛАВЛЬ

ТАРАСОВ

Летнее кафе «Парус» на улице Чкалова оказалось удобным местом для наблюдения за объектом, и Тарасов выбрал столик под зонтом с таким расчетом, чтобы виден был не только обменный пункт валюты на противоположной стороне, где скрылся объект — водитель двенадцатой «Лады», но и все подходы и подъезды к нему. Заказав пиво и соленые орешки, Глеб стал ждать.

Жара стояла приличная, градусов под тридцать, над асфальтом улицы струилось марево раскаленного воздуха, прохожих почти не было видно, машины ползли, как полурасплавленные черепахи, ведомые изнывающими от духоты владельцами, но под зонтиком было не так жарко, изредка налетал ветерок, пиво было холодным, и жизнь не казалась такой уж неудавшейся и жестокой.

На улице появилась цепочка молодых людей в бело-зеленых балахонах с плакатами: «Защитим экологию Ярославля!», «Мусоросжигательному заводу — нет!» и «Люди, очистим город от свалок!» Это шли активисты местного отделения «Гринпис».

К столику Глеба подсел толстяк в мокрой от пота рубашке с кружкой пива в руке. Вытер лицо платком, улыбнулся, кивая на марширующих гринписовцев:

— Балуются ребята. Никак не пойму, зачем им это надо. Энтузиасты? Или им хорошо платят?

— Наверное, неплохо, — отозвался Тарасов.

— Моя жена считает, что «зеленые» заботятся о природе, что их деятельность благородна и полезна. А я вот думаю, что эти доморощенные экологи лоббируют интересы определенных компаний и даже шпионят. Где-то я читал, что во всем мире сторонников «Гринпис» насчитывается больше трех миллионов человек, что у них штаб-квартир около трех десятков во всех странах мира. Это ж какие деньги надо иметь, чтобы содержать такую армию бездельников?!

— Да уж, — промычал Глеб, удивленный реакцией собеседника на марш «зеленых».

Толстяк осушил полкружки пива, вытер заструившийся по лицу пот, крякнул:

— Ух, хорошо! Давно такой жары у нас не было. А этим хоть бы хны! — Он осуждающе кивнул на молодых людей с плакатами. — Нет, я тоже против того, чтобы у нас строили мусоросжигательный завод, но, по-моему, «зеленые» никогда никому не помогли своими акциями. Одна реклама.

— А что, у вас строят завод?

— Вы не здешний?

— Проездом.

— Завод для сжигания отходов у нас начали строить еще лет десять назад. Возвели два корпуса, административное здание, завезли кое-какое оборудование, даже сделали пробный запуск одной печки, а потом заморозили стройку. Спонсор перестал платить. Вот теперь решили все же достроить и запустить. А завод, между прочим, стоит в черте города, представляете?

— Не очень, — покачал головой Тарасов. — Обычно такие предприятия экологически безопасны, так как используют безотходные технологии, и очень экономичны.

— Может быть, и так, да кто знает, соблюли ли строители свои технологии и на чем сэкономили? Вдруг газы какие начнут выделяться или там кислоты? Что тогда?

— И где располагается этот ваш завод?

— В Толге, на берегу водохранилища, причем недалеко от пристани и монастыря. Ума не приложу, почему решили строить там, а не на свалке за городом или хотя бы возле отстойников.

Колонна «зеленых» прошла.

Из двери пункта обмена валюты вышел, посвистывая, верзила в кожаной, несмотря на жару, безрукавке, с сумкой в руке, сел за руль серой «Лады».

Глеб попрощался со словоохотливым толстяком, направился к своей машине. Надо было не упустить «Ладу», потому что тогда пришлось бы искать ее по всему городу через систему ГИБДД, на что у Глеба не было времени.

К его изумлению, допрос Бердяева ничего не дал. При первых же вопросах старший лейтенант ФАС стал задыхаться, бледнеть, синеть и скончался буквально через две минуты, успев ответить лишь на один вопрос: принадлежит ли серая двенадцатая «Лада» банде похитителей? Ответ был утвердительным, хотя и неутешительным.

После смерти Бердяева Тарасову надо было начинать все сначала, чтобы выйти на схрон, где банда прятала похищенных людей.

Что случилось со старлеем, Глеб не понял. Вернее, понял, что сработал какой-то механизм самоликвидации, включившийся при допросе. Жалости к погибшему он, однако, не испытывал, перед глазами стояло лицо дочери, и это притупляло все побочные чувства. Хотя убивать Бердяева капитан не собирался, за него это сделала программа, внедренная в подсознание. Такие опыты над людьми проводились уже давно, изредка становясь доступными общественности, и Глеб недолго решал загадку смерти старшего лейтенанта.

Конечно, он мог бы захватить и водителя «Лады», обнаружив машину в центре города, однако делать этого не стал, помня смерть лейтенанта. Парень тоже мог быть запрограммирован на самоуничтожение и не успеть сообщить координаты схрона. А в этом случае шансы найти Акулину падали почти до нуля.

Серая «Лада» свернула на проспект Ленина и остановилась у супермаркета с желтой табличкой: «Обмен валюты». Верзила-водитель с небольшой сумкой вылез из машины и уверенной походкой направился ко входу в магазин. Вернулся он через десять минут, снова завел двигатель и двинулся вдоль проспекта, останавливаясь у каждого пункта обмена валюты. Глеб понял, что водитель представляет бандитскую «крышу» и собирает дань с каждого обменного пункта. Поскольку этот процесс мог затянуться, надо было что-то предпринимать.

Глеб посидел в задумчивости некоторое время, наблюдая за редкими пешеходами и автомобилями, и решил рискнуть и ускорить знакомство с объектом. Как только водитель «Лады» в очередной раз скрылся за дверями обменного пункта, Глеб быстро пересек улицу и сел на заднее сиденье «Лады»; дверцы машины водитель на время своего отсутствия не запирал, будучи в полной уверенности в сохранности своего вида транспорта.

Верзила в коже появился через несколько минут, сел в машину, тронул ее с места, и в это время в шею ему уперся ствол пистолета.

— Тихо! Не делай резких движений! Езжай прямо, не быстро, и голову не поворачивай.

— Да ты что, мужик! — попробовал было посмотреть на пассажира водитель и получил удар по уху.

— Смотри вперед! Будешь отвечать на вопросы, отпущу живым. Вопрос первый: где ваша штаб-квартира?

— Что?! Да ты понимаешь, козел...

Удар по уху, вскрик. Машина вильнула.

— Повторять больше не буду. Где заседает ваш блаткомитет?

— Ты либо февраль, либо вовсе фебус...[1]

Еще один удар — по шее. Водитель сунулся носом в руль, с трудом удержал машину от столкновения с автобусом.

— Ну, фраер, тебе амбец...

Глеб понял, что этого отморозка обычным нажимом не взять, нервы у него были как канаты, а достучаться до сознания и напугать его было невозможно.

— Останови машину!

— Да иди ты!..

Глеб выстрелил над ухом водителя. Пуля пробила боковое стекло, вонзилась в тумбу с рекламными плакатами. Водитель дернул головой, резко затормозил, ошалело глянул на пассажира, и глаза его расширились.

— Ты?!

— Узнал? — усмехнулся Глеб. — Вот и хорошо, сговорчивее будешь. Я шутить не люблю. А теперь слушай внимательно, рожа. Сначала я прострелю тебе руки, потом ноги, а потом ты будешь уже никому не нужен. Годится перспектива?

— Да кто ты такой?! — облизнул губы верзила.

— Хрен в пальто. Анархист[2] я, понял? Ну, будешь базарить или сразу ответишь на вопросы?

— Тебе кранты...

— Это я уже слышал. — Глеб повел стволом пистолета, прижал его к плечу водителя. — Где блатхаза? Считаю до трех: раз, два...

— Хаза на корте, — торопливо проговорил водитель.

— На каком корте?

[1] Февраль — слабоумный; фебус — дурак *(блат. жаргон)*.

[2] Анархист — преступник, работающий в одиночку.

— На Угличской построили новые теннисные корты, там батар[1] держит хазу...

— Кто батар?

— Витя Битый, у него ресторан на Толбухина.

— Молодец, правильно соображаешь. А теперь главное: где вы прячете товар?

— К-какой товар? — вильнул глазами водитель.

Глеб приставил пистолет к горлу верзилы, глаза его посветлели, стали тигриными, бешеными. Водила вспотел.

— Где вы прячете похищенных людей?

— Меня ж на душец возьмут или в доску спустят[2]!..

— Выбирай: или ты говоришь, или я у тебя кукурузу отстрелю.

Водитель побледнел. Было видно, как в его башке тяжело ворочаются мысли. Он никак не мог поверить, что кто-то способен поступить с ним так же, как он с другими людьми.

— Считаю до трех. — Глеб надавил стволом пистолета на кадык парня. — Раз, два...

— В припалиннике.

— Переведи. Я плохо знаю ваш воровской жаргон.

— На мусоросжигательном заводе.

— Это другое дело. Где именно?

— В подвале под двухэтажкой.

— Сколько у вас сейчас пленников?

— Пятеро... кажись... не помню, я их не видел.

— Дети есть?

— Кажись, трое... или четверо... не знаю...

— Девочки, мальчики?

— А тебе-то что? — скривил губы водитель.

— Среди них дочка одного важного человека, — глухо проговорил Тарасов. — Зовут Акулиной. Не слышал?

— Я к этим делам не имею отношения. Спроси у Битого.

— И спрошу. Но если с девочкой что-нибудь... — Тарасов резко выдохнул воздух, умолкая.

Водитель потек сильнее, хотя нельзя было сказать, что он боится капитана. Он действительно не верил в реальность угроз.

Запиликал мобильный телефон, лежащий в «бардачке» машины.

Водитель дернулся к нему, застыл.

Глеб подумал, достал телефон, сунул парню.

[1] Пахан.

[2] Взять на душец — задушить; спустить в доску — убить.

— Отвечай.

— На шнурке, — включил телефон водитель.

— Ты где, Кирпич? — спросили на том конце линии. — Кидняк забрал?

— Кончаю.

— Давай быстрей, хозяин ждет.

— Скажи, что едешь, — тихо бросил Тарасов.

— Еду.

Глеб выхватил у него трубку, выключил, кинул на сиденье.

— Заводи тачку.

Водитель смотрел непонимающе, и капитан добавил:

— Поедем к твоему хозяину. Поговорить с ним хочу.

— Охренел?! — вытаращился на него водитель. — Да пахана два десятка жлобов охраняет...

— Проведешь меня к нему, а дальше не твоя забота.

— Ну, смотри, тебе видней.

— Что, надеешься выйти сухим из воды? — понимающе усмехнулся Глеб. — Не надейся, братан, если я утону, ты пойдешь ко дну вместе со мной. Так что веди себя примерно.

Водитель включил двигатель, вывел машину из ряда стоящих у тротуара, раскаленных от солнца автомобилей. Вид у него все еще был такой, будто он сомневается в своей трезвости, и лишь вспухшее ухо напоминало ему о реальности происходящего.

Свернули на Угличскую, миновали многоэтажки, церковь Леонтия Чудотворца, остановились у высокой металлической ограды с узорчатыми воротами и калиткой, на которой красовалась табличка: «Ярославский теннисный клуб «Волга». Водитель посигналил. Ворота раздвинулись, управляемые дистанционно. «Лада» проехала по асфальтовой дорожке мимо клеток с теннисными кортами, остановилась возле двухэтажного особнячка из красного кирпича, с зеркальными золотистыми стеклами. Из дверей центрального входа в особняк вышли двое крепких парней в кожаных безрукавках, в одном из которых Глеб узнал верзилу в перчатках без пальцев.

— Ну, что, фраер, не прошла охота встречаться с хозяином? — осмелел водитель. — Заехать-то ты заехал, а вот выедешь ли — не знаю.

Тарасов приблизил лицо к лицу водителя и сказал раздельно, глядя, как у того расширяются зрачки:

— Я вас всех здесь положу, сволочь бандитская! Но ты будешь первым, если подашь повод! Не пытайся, если жизнь не надоела, проверено дураками. Понял?!

— Понял, — скис водитель.

— Выползай.

Тарасов сунул руки в карманы куртки и вылез вслед за водителем.

— Ты кого привез, Кирпич? — удивился верзила в перчатках. — Это же наш корешок с пушкой из Ростова.

— Вот, к Битому гость, — упавшим голосом сказал Кирпич. — Говорит, важное дело...

— Это ж какое у него важное дело может быть к хозяину? И откуда он его знает?

— Сам у него спроси.

— А ты что ж не догадался, ксиву не попросил? Эй, фраерок, ты откуда такой прыткий взялся? Что за базар у тебя к Вите?

— Не твое дело, шпана, — равнодушно ответил Тарасов. — Иди к своему козырному барину и доложи, что к нему в гости майор ФСБ Гольцов прибыл. И не вращай белками-то, а то глаза ненароком потеряешь.

— Т-ты, с-сук!.. — прошипел верзила, сунув лапу за спину, где у него, очевидно, под ремень был засунут пистолет.

— Не наезжай, Фигура, — буркнул водитель «Лады», с испугом посмотрев на спокойно державшегося Тарасова. — Разобраться надо. Он отсюда все равно свалить не сможет, пусть побазарит с Битым, вдруг важняк какой.

Бугай в перчатках сплюнул, остывая, окинул Глеба нехорошим мутным взглядом.

— Ладно, майор, или кто ты там, поглядим, что за кидняк ты приготовил. Но если хозяин с тобой базлать не станет, я те припомню шутку в Ростове! — Он вытащил пистолет. — Кирпич, обыщи его. Подними-ка руки, майор.

Водитель «Лады» с некоторой опаской подошел к Тарасову, похлопал его по карманам, пошарил под ремнем за спиной и с недоумением посмотрел на верзилу в перчатках.

— Ничего нет!.. — Он повернул голову к Тарасову. — А волына где, которой ты мне по ушам лупил? Стекло боковое раздолбал?

— Обыскиваешь плохо, — усмехнулся Глеб, мгновенно выхватывая пистолет (шестнадцатизарядный «волк» для спецподразделений) из-под мышки и направляя ствол в лоб отшатнувшемуся бандиту. Потом взял пистолет за ствол и подал рукоятью вперед не менее оторопевшему Фигуре.

— Не забудь вернуть.

Верзила мотнул головой, взял пистолет, окинул Глеба враждебным, но с долей уважения, взглядом.

— Шутник ты, однако, майор, любишь эффекты. Покажь ксиву.

Глеб протянул ему удостоверение майора ФСБ.

— Ладно, топай вперед. Витя разберется. Больше у тебя ничего нет?

— В карманах пусто, — поспешил вмешаться Кирпич.

— А ты умолкни, дядин сарай[1], в следующий раз застукаю!

— Да ты знаешь, кто он на самом?.. — Кирпич не закончил.

Тарасов ударил его в основание шеи особым образом, и водитель завалился на бок, затих, закатив глаза.

— Ты чего?! — отпрыгнул назад Фигура, поднимая пистолет; у него был армейский «дятел» новейшего образца, что наводило на некоторые размышления. — Сливу в брюхо захотел?!

— Он мне надоел, — хладнокровно сказал Тарасов. — Веди к пахану, мне некогда.

— Ну ты даешь! — покрутил головой Фигура, расслабляясь. — Где только таких выращивают?

— В Караганде, — продолжал вести себя с прежним нахальством Глеб. Было заметно, что такое поведение сбивает бандитов с толку и заставляет их прикидывать причины уверенно-хамского отношения к ним гостя.

— Двигай и без фокусов!

— А с Кирпичом что делать? — спросил второй амбал. — Он вроде как и не дышит.

— Ты что, замочил его, что ли? — нахмурился Фигура.

— Оклемается, — равнодушно бросил Глеб, надеясь, что водитель еще долго будет приходить в себя. Бил он его именно с таким расчетом.

Его повели в особняк, держась позади на приличном расстоянии. Зауважали, подумал он с усмешкой. Поднялись на второй этаж и вошли в просторную приемную президента теннисного клуба «Волга», отделанную ценными породами дерева. В приемной находились еще два мордоворота в коже и симпатичная длинноногая секретарша в короткой юбке, с вызывающе полуоткрытой грудью. Она поливала цветы в кадках, когда появились гости.

— Зинаида, скажи Вите, к нему дракон притопал, — подошел к секретарше Фигура.

[1] Дядин сарай — разиня.

— По какому делу? — оглянулась девица, окидывая Тарасова оценивающим взглядом.

— Ты доложи, — нахмурился верзила в перчатках. — Витя сам разберется.

Зинаида бросила на Глеба еще один взгляд, одернула юбочку и скрылась за дверью кабинета президента. Через минуту дверь распахнулась, и в приемную вышел владелец клуба и ресторана.

Видимо, в прошлом Витя Битый был боксером: у него был перебит нос и расплющены мышцы лица, что не мог скрыть ни возраст, ни жировой слой. Теперь же перед Тарасовым стоял обрюзгший, длиннорукий, с широкими покатыми плечами, но небольшого роста лысоватый мужик, похожий на сейф, скрещенный с гориллой. Его маленькие глазки неопределенного цвета ощупали фигуру Тарасова, впились в лицо капитана.

— Ты кто? — спросил он неожиданно жидким голоском.

— Хрен в пальто, — ответил Глеб, исподволь готовя себя к взрывной энергетической отдаче.

— Я тебя не знаю.

— Майор Гольцов. — Фигура протянул ему удостоверение Тарасова. — Управление внутренних расследований ФСБ.

Витя Битый мельком взглянул на красную книжицу.

— Не знаю я никаких майоров...

— Зато я тебя знаю, — перебил его Глеб. — С тобой работает наш человек, старлей Бердяев из ФАС. Он прокололся. Я приехал кое-что тут зачистить. Пошли поговорим.

Тарасов двинулся к двери в кабинет.

Четверо амбалов преградили ему путь, играя пистолетами.

В глазах Вити Битого мигнул злобный огонек. Он в задумчивости посмотрел на Тарасова, на своих телохранителей, перевел взгляд на секретаршу.

— Зинаида, будь ласка, сваргань гостю кофе. Проходи, майор.

Тарасов неуловимо быстрым движением выхватил у Фигуры удостоверение, прошагал мимо и вошел в кабинет. За ним вошел президент клуба, шепнувший что-то на ухо верзиле в перчатках.

Кабинет президента, а также «по совместительству» вожака преступной группировки, похищающей людей ради выкупа, был в три раза больше приемной и гораздо роскошнее. В глазах рябило от обилия вычурных деталей лепнины, позолоты, зеркальных покрытий, стекла, хрусталя, фарфора, металла. Мебель здесь также стояла богатая, из ценных пород

дерева: карельской березы, мореного дуба, трансильванской сосны, вишневого дерева, черного капа, — и отделана кожей и особым материалом, отливающим муаровым серебром.

Витя Битый устроился за массивным столом с резными панелями и мраморной столешницей. Тарасов сел на стул напротив.

Секретарша принесла кофе, делая Глебу глазки.

— Давай, бухти, — кивнул Витя, откидываясь на спинку мощного троновидного кресла и сцепляя на груди толстые пальцы.

— Собственно, у меня деловое предложение, — сказал Тарасов, принюхиваясь к запаху кофе; интуиция подсказывала, что лучше этот напиток не употреблять.

— Ну? — благодушно посмотрел на него хозяин кабинета.

— Что за твоей спиной стоит ФАС — понятно, иначе бы ты не вел себя так нагло. Я не удивлюсь, если окажется, что и людей ты хватаешь по заказу службы. Один только вопрос: зачем им дети?

Редкие белесые бровки Вити Битого полезли вверх.

— Не понял?

— Похоже, твои шавки все в тебя — тоже не понимают вопросы с первого раза. Что ж, повторяю вопрос: зачем твоим заказчикам дети? Я знаю, что у вас их сейчас четверо или пятеро.

Витя Битый засопел, перестал излучать благодушие.

— Майор, на кого ты работаешь? По замашкам ты крутой, а судя по вопросам — дурак.

— Собственно, меня мало интересует, — как ни в чем не бывало продолжал Глеб, — для каких целей ФАС заказал тебе отлавливать детей, главное, что среди них моя дочь. Теперь слушай предложение. Мы сейчас с тобой едем на мусоросжигательный завод, где вы прячете детей, ты даешь указание отпустить мою дочь, да и остальных деток тоже, а я даю тебе возможность свернуть свою деятельность и сбежать отсюда. За границей для таких, как ты, места много.

В поросячьих глазках Вити Битого шевельнулось изумление.

— Что ты сказал?!

— Опять двадцать пять! Все надо повторять сначала. Я предлагаю обмен: детей на твою свободу, хотя и относительную, конечно.

— Ах ты будник-мухомор, бугайщик верченый, болт гнилой, гребень порченый! — Витя, очевидно, когда-то сидел и прекрасно знал уголовный жаргон. — Да мы из тебя, падло, голубка сварганим! — Он начал подниматься из-за стола, вдавил кнопку селектора, и в кабинет ворвались двое телохранителей «бизнесмена», здоровяк с рыжим пушком на щеках и бандит по кличке Фигура.

— Возьмите его на понт, хлопцы, выясните, что он за птица.

— Значит, мы не договорились, — вздохнул Глеб, оставаясь сидеть. — А жаль. Я ведь действительно хотел дать тебе шанс спасти шкуру.

— Вставай! — рванул его за плечо ражий детина с рыжим пушком и согнулся пополам от удара локтем в солнечное сплетение, хватая ртом воздух.

Фигура вытащил пистолет, однако воспользоваться им не успел. Глеб сделал подкат, сбил его с ног и «зафиксировал добивание» — ударом ребром ладони по носу успокоив верзилу. Тем же приемом добив второго телохранителя, сидевшего на корточках, он подобрал их пистолеты, один спрятал в карман, второй направил на застывшего киселем президента клуба.

— Пошли, боксер.

— Х-х... худа? — выговорил Витя.

— Проводишь меня до завода. Выходишь первым, я за тобой. Скажешь своим «шестеркам», что едешь со мной по важному делу. Одно неосторожное слово — и ты покойник. Я не шучу. Терять мне хоть и есть что, да только прежде я уничтожу всю твою кодлу. Уяснил?

— М-мне... н-надо...

— Понял?! — Глеб навел пистолет в лоб Вити.

— По-понял... — Витя привстал, судорожно цапнул за узел галстука, пытаясь его ослабить. Потом стал задыхаться, лицо его налилось синевой, глаза выпучились, и он рухнул в кресло безжизненным студнем.

— Дьявол! — выдохнул Тарасов, внезапно соображая, что вожак банды похитителей тоже был запрограммирован на самоликвидацию, как и старший лейтенант Бердяев. ФАС не хотела рисковать и подстраховала себя от провала и утечки информации, закодировав всех, кому не доверяла.

Несколько мгновений Глеб прикидывал, что может сделать в создавшейся ситуации, потом нажал кнопку вызова на столе Вити и встал за дверью.

В кабинет заглянул бритоголовый атлет с огромными кулаками. Увидев лежащих на полу приятелей, он сунул лапу за спину, однако вытащить пистолет не успел, Глеб рубанул его ребром ладони по мощной шее и подхватил в падении, чтобы здоровяк не наделал шуму. В приемной оставался еще один охранник, ждущий своей очереди, но вызывать его Тарасов

не стал. Просто вышел в приемную и направил на вскочившего со стула парня пистолет.

— Стоять! Руки в гору! — Глеб посмотрел на изумленно пискнувшую секретаршу. — Зинаида, забери у него пушку.

Секретарша вытащила из-под ремня пистолет охранника.

— Брось его мне. Теперь найди что-нибудь вроде веревки.

— У нас ничего нет...

— Давай скотч.

Зинаида достала из стола катушку скотча.

— Ложись мордой вниз! — Глеб заставил охранника лечь и связал ему руки и ноги так, чтобы он не мог двигаться.

— Теперь твоя очередь.

Секретарша отпрянула.

— Вы хотите меня... как его? Может быть, лучше... — она облизнула губы, кокетливо поправила юбку, — займемся другим делом? Более приятным?

— Садись!

Зинаида вздрогнула, перестала строить глазки, опасливо села на стул. Глеб привязал ее к стулу, затем нашел салфетки и затолкал обоим в рот в качестве кляпов.

— Попробуете поднять шум — вернусь и перестреляю! Понятно? Повторять не надо?

Секретарша замотала головой. Охранник что-то промычал, пошевелиться он не мог.

Глеб засунул под ремень еще один пистолет (где они такие достают? «Дятлы» только-только поступили на вооружение. Или бандитов снабжает ФАС?) и вышел из приемной Вити Битого, ставшего уже не просто битым, а убитым. Хотя Тарасов был виноват в этом лишь косвенно.

Коридор второго этажа оказался пустым. На первом этаже курили двое верзил в коже, уставились на спокойно подходящего Тарасова.

— Эй, ты... э-э... — заговорил первый, с бородкой и усами.

— Все нормально, мужики. — Глеб сделал еще два шага, ловя момент для атаки. — Хозяин сейчас спустится. — Еще шаг и еще. — Пойдемте со мной.

Его уверенный вид сбил охранников с толку, и они дали капитану возможность подойти вплотную и обойтись без стрельбы. Парень с бородкой в нерешительности посмотрел на своего длинноволосого напарника, тот открыл рот, собираясь что-то сказать, и в этот миг Тарасов прыгнул.

Удар в голову отшвырнул бородатого к колонне в глубине холла. Длинноволосый схватился за оружие, вместо того чтобы ответить рукопашкой или хотя бы защититься блоком, и

Глеб уложил его тремя ударами — по руке, выбивая пистолет, в грудь и в горло. Затем добил бородатого, пытавшегося встать.

На шум в холле никто не появился, и капитан порадовался тому, что пока удается обойтись без огневого контакта, что всегда чревато непредсказуемыми последствиями.

Возле особняка теннисного клуба слонялся мрачный водитель «Лады», поджикивая камешки и пиная покрышки колес машины. Заметив Тарасова, он открыл рот.

— Тебя отпустили?! А где Витя?

— Поехали, Кирпич, — будничным тоном сказал Глеб, направляясь к машине. — Витя подъедет позже.

— Куда?

— На мусоросжигалку. Садись быстрей!

Водитель в сомнении поскреб макушку, посмотрел на окна особняка, потом на Глеба и переменился в лице, увидев направленное ему в лоб дуло пистолета.

— Садись! — жестко приказал Тарасов.

Кирпич вспотел, засеменил к машине, оглядываясь, сел в кабину, завел мотор. Глаза его вдруг раскрылись шире.

— Ты их... замочил?!

— Витя умер сам. Остальные будут жить, хотя я с удовольствием прикончил бы вас всех! Поехали!

Кирпич выжал сцепление и повел машину к воротам. Посигналил. Ворота открылись. Охрана на мониторе, наверное, еще не знала, что случилось в офисе босса. «Лада» выехала на Угличскую, и лишь после этого Глеб вздохнул с облегчением и позволил себе немного расслабиться.

Он еще не представлял, каким образом будет действовать дальше, но верил, что сориентируется на месте и освободит Акулину.

ВОЛОГДА

БУЛАВИН

Отец первым заметил необычную заторможенность сына во время вечерней тренировки и остановил схватку.

— Ты о чем думаешь, мальчик?

Дмитрий расслабился, опустил руки, с трудом вернулся из заоблачных высей, куда улетели его мысли. Усмехнулся.

— Я давно не мальчик, папа, хотя иногда страшно хочется вернуться в детство.

— Для меня ты всегда мальчик, несмотря на твои тридцать с лишним лет. Кстати, разница между мальчиком и мужчи-

ной заключается лишь в стоимости их игрушек. Что тебя беспокоит? О чем ты думаешь? Раньше ты сам делился своими проблемами, не ждал, когда я спрошу.

— Эта проблема называется Диана, — снова улыбнулся Дмитрий, мельком подумав, что о приглашении в КОП отцу говорить не стоит.

— Та девица, что вручала тебе награду на турнире?

— Она самая.

— Так в чем дело? Она не отвечает тебе взаимностью?

— Об этом вообще речь не идет. Я встречался с ней всего три раза, и каждый раз она давала мне понять, что ей что-то мешает. Или кто-то.

— Может быть, у нее что-то случилось?

— Не говорит, я спрашивал.

— Не так спрашивал. Надо вести себя таким образом, чтобы женщина сама рассказала все, что хочет узнать мужчина.

— Спасибо за совет, отец. Я им воспользуюсь... если она позволит.

— Один писатель говорил: женщины думают, что все мужчины одинаковы, и в этом их сила; мужчины считают, что все женщины разные, и это их губит. Надеюсь, ты не проверяешь этот постулат на практике?

— Конечно, нет. Она мне нравится, отец, очень нравится... но что будет дальше, я не знаю. Вот думаю о ней все время...

— Это заметно. — Булавин-старший стащил с себя футболку, направился в душ; торс у него был не мускулистый, но перевитый мышцами, как канатами, жилистый и сухой. Не верилось, что отцу уже стукнуло шестьдесят лет.

— Пошли мыться, — оглянулся Михей Олегович. — Я слышал, к твоей красавице давно подбивает клинья Симон Калабриади. Так вот, постарайся не связываться с этим человеком.

— Откуда ты знаешь... о Симоне?

— Мир слухом полнится.

Дмитрий покачал головой, с сомнением глядя на отца.

— Иногда мне кажется, что ты знаешь обо мне больше, чем я сам.

— Так оно и есть, — кивнул Михей Олегович серьезно. — Учти мой совет, хорошо?

— Хорошо, — вздохнул Дмитрий.

Постояв под тугими струями горячей, а потом холодной воды, он вытерся насухо, оделся и попрощался с отцом.

— Тебя подождать?

— Не надо, сам доберусь. А ты что ж, сегодня сразу домой? С Дианой своей не встречаешься?

— Если бы своей... Только вчера ходили в театр, боюсь показаться назойливым.

— А если она ждет, пока ты тут играешь благородного дона?

— Ты думаешь? — оживился Дмитрий.

— Позвони и узнаешь.

— Уже десять часов...

— Самое время для прогулки по набережной.

Дмитрий в нерешительности потоптался в раздевалке, потом все-таки достал мобильный телефон. В трубке раздался тихий голос Дианы:

— Слушаю вас.

— Это я, — сказал Дмитрий. — Добрый вечер. Не поздно?

— Нет.

Показалось, что в ее голосе прозвучала нотка радости, или он выдает желаемое за действительное?

— Что у тебя с голосом?

— Так, ничего, простыла немного.

— Каким образом? Август на дворе!

— Посидела в машине с кондиционером, и вот результат.

— Хочешь, я тебя вылечу?

— Прямо по телефону?

— Зачем по телефону? Давай встретимся, и я научу тебя дышать по-акульи.

— Как-как? — удивилась девушка.

— Ученые разгадали секрет, почему акула никогда не болеет, хотя у нее слабый иммунитет. Все дело в эндогенном дыхании. Акула использует кислород, вырабатываемый клетками собственного тела. Этому можно научиться, применяя тренажер Фролова, а можно и без тренажера, я методику знаю.

— Это сложно?

— Не сложнее, чем научиться плавать.

Пауза. Дмитрий затаил дыхание.

— Хорошо, приезжай.

— Жди, через двадцать минут я у тебя.

Дмитрий выключил телефон и в порыве благодарности обнял отца.

— Спасибо, пап!

— Не за что.

— Честно говоря, я и не мечтал о встрече.

— *Жива* учит не просто мечтать, — проворчал Михей Оле-

гович, — а действовать. Мечты слабых — бегство от действительности, мечты же сильных формируют действительность.

Дмитрий двинулся к двери.

— Ты с ее родителями познакомился? — догнал его мягкий голос отца.

— Нет еще, — оглянулся он. — А что?

— Приглядись к ее маме, вдруг тещей станет. А характер тещи надо знать заранее. Не помню, кто из юмористов изрек: его теща — та еще штучка, ее выгнали из мафии за чрезмерную жестокость.

Дмитрий засмеялся, махнул отцу рукой и вышел.

Через четверть часа, уже в темноте, он подъехал к дому Дианы на улице Добролюбова и увидел у подъезда фигурку в белом платье. Девушка ждала его под фонарем с сумочкой через плечо, зябко обхватив себя руками. Он выскочил из машины, распахнул дверцу, взял Диану за руку и поцеловал пальцы.

— Господи, да ты действительно горячая, как печка! Может, никуда не пойдем, полежишь дома, полечишься?

— Нет уж, пообещал превратить меня в акулу, так превращай.

— Ну, сразу только сказка сказывается, да не сразу дело делается, — принял он ее тон. — Нужна все-таки тренировка. Однако головную боль и температуру я сниму. Садись на переднее сиденье.

Диана села в машину. Дмитрий устроился на заднем сиденье, вытянул вперед руки, повернув их ладонями к вискам девушки.

— Закрой глаза и думай о чем-нибудь приятном.

Диана послушно закрыла глаза.

Он сосредоточился, вошел в состояние энергопередачи.

Прошла минута, другая.

— Так тепло... — прошептала Диана. — Голова плывет...

Еще через несколько минут он сделал ладонями круговые движения, как бы наматывая на них бесплотные струйки черного дыма, и резко сбросил «намотку» с рук.

— Сеанс закончен.

Он пересел на место водителя.

— Как странно... — прошептала она не сразу, боясь пошевелиться. — Голова легкая-легкая... не болит... и дышится легче... ты волшебник?

Дмитрий засмеялся.

— Я спец по выживанию, и только. Могу прочитать лично

для тебя курс лекций «Белояра» и позаниматься с тобой дополнительно. Научишься всему, что умею я.

— А ты где учился?

— О, везде, где только можно, у разных людей, у отца с дедом, у друзей. А начинал еще в армии. Я служил в погранвойсках на таджико-афганской границе, в спецгруппе «А», и командир научил меня многому, не только воевать, что пригодилось потом в жизни.

— Расскажи, — заинтересовалась Диана.

— Подожди, — остановил он ее. — У нас два варианта на вечер, если ты, конечно, не возражаешь. Первый: оставляем машину здесь и идем гулять по набережной с заходом в какой-нибудь ресторанчик. Второй вариант — сразу идем в ресторан.

— Предлагаю третий, — улыбнулась Диана, внезапно накрывая его руку своей. — Идем гулять, а кофе пьем у меня дома, под музыку Вивальди. Не возражаешь?

Дмитрий внимательно посмотрел в глаза девушки, мерцавшие таинственно-ждущим светом, наклонился и поцеловал ее в губы. Она не отодвинулась и ответила... Поэтому прошло какое-то время, прежде чем они смогли оторваться друг от друга и отдышаться.

— Это называется лечением, — сказала Диана задумчиво. — Может быть, мне следовало заняться им раньше?

Дмитрий засмеялся.

— Вот тут ты права.

— Это мужчины всегда правы, а женщины просто никогда не ошибаются. Только не делай, пожалуйста, далеко идущих выводов.

— Я не делаю, — поспешил заявить он.

— Тогда пошли пройдемся.

Они вылезли из машины и направились по Добролюбова к Красному мосту, затем свернули налево, на набережную.

— Расскажи, как ты попал в погранотряд, — попросила Диана, беря его под руку; она еще не привыкла к тому, что у нее не болит голова и не заложен нос, и прислушивалась к себе.

— Да как и все, — пожал плечами Дмитрий. — Призвали в армию, а так как я уже в восемнадцать лет занимался боевыми искусствами, то и направили к пограничникам. Нас прозвали головорезами, хотя никому мы, естественно, голов не отрезали, напротив. Наркоторговцы за наши головы обещали огромные деньги. Нам ни черта страшно не было, любую задачу выполняли.

— Воевали?

— Если активную охрану границы можно назвать войной, то воевали. В отряде только я и Петя Самойленко были срочниками, остальные контрактники, прапора и лейтенанты.

— Чем же вы занимались?

— В нашу задачу входило обнаружение наркокурьеров с грузом и их задержание. Часто даже границу пересекали, на той стороне засады устраивали.

— А как афганцы на это реагировали?

— Ну, власти приграничной зоны, естественно, понимали обстановку, сами же страдали от наркоторговли, поэтому ни разу в погранотряд официальные протесты не посылали. Наоборот, жители афганских кишлаков часто сообщали о движении караванов. А вот таджики — те нет, никогда не помогали. Большинство работало на наркодельцов и оповещало их о наших передвижениях. Мы практически служили во вражеском окружении.

— Несладко тебе пришлось.

— Ничего, выжил, зато хорошую школу прошел.

Диана остановилась у парапета, оперлась руками о чугунные перила решетки, глядя на воду Вологды.

— Река жизни... течет в бесконечность и течет... а мы мечемся... тебе не кажется, что все это бессмысленно?

— Что именно? Течение реки?

— Нет... наши помыслы и устремления, наши мечты и надежды, все, что мы делаем... жизнь вообще... Ведь все равно мы умрем, и не останется следа... смерть подстерегает нас везде...

— В моей смерти прошу винить мою жизнь, — пошутил Дмитрий. — Что за настроение у тебя сегодня? Откуда такое уныние? Нелады на работе, в личной жизни?

— У меня плохое предчувствие... как будто должно случиться нечто ужасное!..

Дмитрий повернул девушку к себе, поцеловал в нос, в глаз, в щеку, прижал к себе, проговорил успокаивающе:

— Все будет нормально, принцесса, обещаю.

— Правда? — затихла Диана.

— Я никогда просто так слов на ветер не бросаю.

И в этот момент рядом остановилась машина — серебристый «Мерседес» последней модели. Из него вылезла компания из двух девиц и трех молодых людей, отгородила обнявшуюся пару от дороги. Один из парней приблизился и оказался Симоном Калабриади.

— Какая сцена! — сказал он насмешливо, с недоброй

улыбкой. — Первый меч России и мисс Вологда в одной упаковке! Прошу любить и жаловать, господа.

Парни заржали, девицы захихикали.

— А я вас везде ищу, дорогая Диана Ивановна, прямо-таки с ног сбился.

— Зачем? — освободилась из объятий Булавина девушка.

— Чтобы сделать деловое предложение.

— Деловые предложения делаются в офисах, — сказал Дмитрий, понимая, что на сей раз не удастся уйти без конфликта. Чувствовалось, что Симон находится на взводе и с трудом сдерживается.

— А тебя не спрашивают, чемпион! — угрожающе ткнул в него пальцем Симон. — Говорят, ты мастер по выживанию и рукопашному бою, так вот сегодня тебе не придется демонстрировать свое мастерство. Как тебе вот эта штука? — Он вытащил пистолет. — Против такого лома нет приема?

— Есть, — спокойно сказал Дмитрий, мгновенно выхватывая пистолет (новейший «дятел») из руки младшего Калабриади. Он давно усвоил закон: профессионал не разговаривает зря, используя любой шанс п е р в ы м. Симон же был уверен в своем превосходстве и жаждал выговориться, насладиться беспомощностью жертвы, унизить соперника, стать героем хотя бы в своих собственных глазах. Нападения и изменения ситуации он не ожидал.

Его приятели попятились, доставая ножи и пистолеты.

— Все назад! — холодно сказал Дмитрий. — Шутить не буду! Малейшее движение — стреляю! — Он достал мобильник, протянул Диане. — Позвони в милицию.

Глаза Симона забегали, сквозь лютую ненависть в них протаял страх. Он бледно улыбнулся.

— Ну зачем же сразу милицию? Мы же джентльмены, сами уйдем. Может, не будем обострять отношения? Я ведь через час выйду на свободу и начну тебя искать, чемпион. Тебе это надо? Отдай пушечку, и мы уедем.

Дмитрий усмехнулся. Лицо Булавина стало жестким.

— Пора отвечать за свое поведение.

— Отпусти его, — тихо попросила Диана.

Дмитрий с удивлением глянул на нее.

— Ты понимаешь, что говоришь? Если его отпустить, он снова будет искать момент...

— Отпусти, пусть катится.

— Вот спасибо, королева, что заступилась, — раздвинул губы в кривой улыбке Симон. — Век не забуду! Можно я вам

одно словечко шепну? Тет-а-тет? Ваш защитник может не беспокоиться, я должен сообщить нечто важное.

Дмитрий хотел было возразить, но посмотрел на Диану и передумал, не желая выглядеть в глазах девушки перестраховщиком.

— Говори, — равнодушно сказала Диана.

— Отойдем?

Диана сделала шаг в сторону. Симон засунул руки в карманы пиджака, шагнул ей навстречу, и Дмитрию не понравилась его целеустремленность и хищный блеск в глазах, вдруг ставших шальными и п у с т ы м и.

— А это тебе мой подарок!

Симон выдернул из кармана руку с черной грушей и брызнул в лицо Дианы какой-то жидкостью. Но за мгновение до этого Дмитрий толкнул девушку в плечо, и струя миновала ее голову, лишь несколько капель попало на открытую шею и платье. Диана вскрикнула. Жидкость оказалась кислотой.

Дмитрий же продолжал д в и ж е н и е оптимального действия, не обращая внимания на резкую боль: несколько брызг попало ему на тыльную сторону ладони и на щеку. Он перехватил руку Симона с грушей, вывернул так, что струя кислоты попала тому на брюки, и нанес точный удар локтем в подбородок. Калабриади взвыл и умолк, опускаясь на тротуар. Стало тихо.

Один из приятелей Симона, громадный, бородатый, с курчавыми черными волосами, бросился было к нему и споткнулся, увидев нацеленный в живот пистолет.

— Подонки! — сквозь зубы проговорил Дмитрий, с беспокойством оглядываясь на Диану, прижавшую к шее платочек. — Забирайте своего босса, и чтоб духу вашего здесь не было! И передайте, когда очухается: встречу еще раз — убью!

Ошеломленная происшедшим компания поташила к машине потерявшего сознание Симона. Дмитрий подошел к Диане.

— Сильно попало?

Диана отняла платок, и в свете фонаря Дмитрий увидел на шее и чуть выше груди девушки красноватые пятна.

— Быстро надо смыть!

Недалеко оказалась каменная лестница к воде, они сбежали вниз, и Дмитрий смыл с кожи Дианы остатки кислоты. Затем вымыл и свою руку. Оглядев рубашку, заметил несколько дыр величиной с десятикопеечную монету, показал спутнице.

— Рубашку испортил, гад! У тебя, кстати, тоже дырки на платье, придется покупать новое. Теперь постой смирно пару минут, я пошепчу, чтобы не осталось следов.

Девушка послушно замерла, закусив губу. Кожу наверняка щипало и жгло, но она терпела. Дмитрий снова вошел в состояние энергопередачи, положил ладони на места ожогов, закрыл глаза. Через две минуты отнял ладони, расслабился.

— Все, можно бежать домой. Сделаешь примочки из чайной заварки, и через день от красноты ничего не останется.

Он повернулся, чтобы идти наверх по лестнице, протянул Диане руку, но та остановила его, повернула к себе, закинула руки за шею.

— Спасибо, Дима! Если бы не ты... — Она передернула плечами.

— Да что там, все хорошо, — пробормотал он. — Симон явно больной... шизик... Но я теперь буду с тобой.

— Надолго?

— Как скажешь.

— Я хочу — всегда!

Дмитрий заглянул в глаза девушки, в которых отразились звезды, она потянулась к нему, подставляя губы, и поцелуй закрепил то, что они сказали друг другу.

Он уснул сразу, легко, тихо, безмятежно, словно провалился в иной мир, в иное измерение — измерение снов и желаний, а она смотрела на него, боясь пошевелиться, не желая спугнуть сон движением, и думала... ни о чем не думала. Просто лежала рядом и смотрела на него, первого мужчину в жизни, прикосновения которого были ей приятны.

Но сначала было огромное удивление, что она, такая гордая и независимая, привыкшая доверять только самой себе, вдруг пригласила в гости пусть и не первого встречного, но мало знакомого мужика. Оказавшегося не просто симпатичным и сильным, но умеющим постоять за себя, а главное — показавшего себя рыцарем, способным защитить женщину.

Потом удивление прошло, настало время философских размышлений и этических оценок происшедшего, и она вдруг поняла, что Дмитрий не только мужчина, которого она з а х о т е л а, но которого ж д а л а!

Она легонько погладила пальцами золотистый пушок на широкой груди уснувшего, и Дмитрий, не просыпаясь, улыбнулся. Будто знал, что она о нем думает.

Сон пришел незаметно...

Дмитрий проснулся в начале седьмого, хотя обычно вставал в семь утра. Открыл глаза, не понимая, где он, потом увидел разметавшуюся под простыней Диану и замер, внезапно осознавая огромную важность открытия. Рядом спала красивейшая девушка на свете, поверившая ему, признавшая его право быть с ней рядом в постели. И это был не сон!

Дмитрий осторожно привстал на локтях, разглядывая лицо той, которую так долго искал. Сами собой на ум пришли стихи Аполлинера:

Губы ее приоткрыты.
Солнце уже взошло
И проскользнуло в комнату
Сквозь ставни и сквозь стекло,
И стало тепло.
Губы ее приоткрыты
И закрыты глаза,
А лицо ее так спокойно, что сразу видно, какие
Ей снятся сны золотые,
Нежные и золотые...

Глаза Дианы вдруг открылись. Она встретила его взгляд, встрепенулась и смущенно улыбнулась.

— Что?

— Молчи, — прошептал он, целуя ее в плечо. — Ты ангел...

Она покачала головой.

— Если ты узнаешь, кто я, ты меня бросишь.

Дмитрий засмеялся, обнимая ее.

— Даже если ты заколдованная лягушка или Баба Яга, я от тебя не отстану. Если надо — расколдую.

Диана притихла, принимая его ласки, потом, спустя какое-то время, накинула пеньюар и, подождав, пока Дмитрий вымоется под душем, подала ему махровый халат, не по росту маленький, и усадила в гостиной в кресло. Села напротив, строгая, как учительница.

— Обещай мне, что не будешь сердиться и делать далеко идущие выводы.

— Я уже говорил...

— Речь о другом.

— Да в чем дело? — встревожился Дмитрий, не понимая, чего от него хотят. — Почему я должен сердиться на тебя?

— Обещаешь?

— Ну, обещаю.

— Я пошла с тобой... — она закусила губу, покраснела, но

не отвела взгляда, — потому что так хотела сама, а не потому, что надо было...

Дмитрий встал, опустился перед сидящей со стиснутыми руками девушкой на колени, заглянул в глаза, улыбнулся.

— Ты меня пугаешь.

— Сядь, — не поддалась она его обаянию, указала на кресло рукой.

Сбитый с толку, Дмитрий повиновался.

— В общем, все глупо и некрасиво, и выглядит как... — она поискала слово, — как вербовка. Но клянусь тебе...

— Не надо клясться, — покачал он головой, понимая, что она действительно мучается и не знает, как выразить свое отношение к чему-то, о чем должна пойти речь. — Что бы ты ни сообщила и в чем ни призналась, я тебя пойму.

— Правда? — с надеждой проговорила она.

— Правда! — с железной уверенностью подтвердил Дмитрий.

— Тогда... все не так безнадежно... хотя, видит бог, что я долго сопротивлялась... — Диана глубоко вздохнула. — Но если ты уйдешь, я тебя тоже пойму.

— Говори же наконец.

— В общем... к тебе подходили люди, майор Дегтярев из президентской службы безопасности... помнишь?

— Еще бы. Откуда ты знаешь?

— Они передали тебя мне...

— Как это — передали?

Диана снова покраснела, теребя локон, но продолжала глядеть ему в глаза.

— Я руковожу отделением КОП в Вологде.

Дмитрий остался спокойным, разглядывая девушку прищуренными глазами, будто ничего особенного не услышал.

— Ты... понял? — прошептала она.

— И ты хочешь мне сказать, что мое появление у тебя не является частью плана вербовки?

— Да! — с вызовом вздернула подбородок Диана, хотя в глазах ее задрожали слезы. — А если не веришь...

Он улыбнулся, поднялся и, несмотря на ее сопротивление, подхватил на руки и закружил по комнате.

— Почему я должен тебе не верить? Я ведь и сам не слепой, охотница ты моя дорогая. Почему я должен не верить своим чувствам?

— Значит, ты меня... прощаешь?

— Никогда! — ответил он, целуя девушку. — В смысле — не смогу наглядеться. — Дмитрий поставил ее на ноги, загля-

нул в глаза. — С недавних пор ты для меня — свет в окошке! Понимаешь?

Диана покачала головой, попыталась высвободиться, но губы их нечаянно встретились, и сопротивляться уже не было сил...

Затем они купались, одевались, готовили завтрак вдвоем и заговорили, только сев за стол.

— Получается, ты теперь мой начальник? — сказал Дмитрий, набивая рот яичницей; у него проснулся зверский аппетит. — В принципе я уже дал согласие работать в вашей КОП-команде, но не представляю, чем должен буду заниматься.

Диана глянула на часы, висящие на стене кухни.

— Ты меня совсем закружил, я уже опаздываю. Сиди молча, жуй и слушай. Моему отделению поручены три разные разработки. Первая — образумление депутатов областного законодательного собрания. Вторая — выколачивание дури из чиновников местного отделения Федерального долгового центра, и третья — урезонивание пастырей Вологодского храма Братства Единой Свободы, или храма БЕСа, как его прозвали в народе, деятельность которого внушает тревогу не только руководству Православной Церкви. Есть и четвертая задача — помочь другим отделениям в поиске банды похитителей детей, действующей на территории области и в самой Вологде. На счету этой банды уже пять или шесть похищений детей.

— Я слышал, — кивнул Дмитрий, — по «ящику» передавали. А чем провинились депутаты Облдумы?

— Готовят проект по выселению больных туберкулезом детишек из санатория «Березка» под Вологдой. Здесь проходят курс лечения около ста детей. Так вот власти решили, что просторные холлы, красивые апартаменты и глубокий бассейн целесообразнее передать законодателям.

— Чем они все это мотивируют?

— Объяснение простое: системы водоснабжения и канализации, якобы требующие капитального ремонта, неудовлетворительны для обслуживания такого количества больных.

— А депутаты нового созыва, надо понимать, более приспособлены к бытовым неудобствам, — хмыкнул Дмитрий.

— Правильно мыслишь. В этом проекте есть даже некий благородный оттенок: избранники народа спасают детей от некачественной канализации. Радоваться надо, а не протестовать.

— Обнять и плакать.

Диана улыбнулась.

— Наверное, мы с тобой не зря встретились. Ты воспринимаешь все как я.

— Я чертовски рад! Хотя все равно непонятно, как ты оказалась в рядах копов, такая красивая и самодостаточная.

— Все так думают, что самодостаточная, поэтому мне было так трудно одной. Когда мне предложили работать на КОП, я согласилась с радостью. В принципе ничего особенного в этом нет, но кто-то рассуждает о справедливости, а кто-то берется и делает дело.

— Почему же твои коллеги-копы не защитили тебя от Симона? Или у вас нет системы собственной безопасности?

— Вот ты ее и возглавишь.

— Ну, если так... почему бы и нет? А чем вам помешал храм БЕСа?

— Это не просто храм. — Диана допила кофе, встала с целеустремленным видом. — У нас есть сведения, что Братство занимается пси-опытами над людьми.

Дмитрий недоверчиво покачал головой.

— Откуда у вас такие сведения? Попы сами сказали?

— Во-первых, попов, то есть вообще священников, Братство не имеет, это самая настоящая секта наподобие хорошо известной Аум Синрикё. Во-вторых, КОП располагает своей разведкой, что естественно, иначе откуда мы знали бы о незаконной деятельности чиновников? Итак, я могу на тебя рассчитывать?

— Вопрос излишен.

— Тогда до вечера. Думай, чем бы ты хотел заняться конкретно. Вечером я познакомлю тебя с командиром оперативного подразделения КОП.

Дмитрий хотел было обнять Диану, однако заметил ее нетерпеливый взгляд на часы и не стал смазывать впечатление важности поставленной перед ним задачи. Хотя скажи ему кто-нибудь еще вчера, что он будет работать под началом известной всей Вологде топ-модели, Дмитрий только покрутил бы пальцем у виска.

Они вышли из дома. Дмитрий проводил девушку до металлического гаража во дворе, где она держала свой синий «семьсот седьмой» «Пежо». Стараясь не делать лишних «семейных» жестов, отступил, спрятав руки за спину, пропуская ее к машине.

— Удачи, охотница. Пусть судьба тебе улыбнется.

— Нашу судьбу определяет наш выбор, а не удача, — ответила она, оглядываясь. Потом поняла его сдержанность,

улыбнулась, поцеловала на виду у жильцов дома и села в машину. — Позвони мне после шести.

Уехала.

— Положение хорошее, но не безнадежное, — глубокомысленно проговорил Дмитрий вслух, глядя ей вслед.

Не спеша вернулся к своей «Хонде» и лишь тогда обнаружил, что у нее спущены все четыре колеса.

ЯРОСЛАВЛЬ

ХМЕЛЬ И ТАРАСОВ

Ярославль встретил «чекистов» небывалой для этих широт тридцатипятиградусной жарой.

Никифор чувствовал себя нормально, умея регулировать тепловой обмен по дедовой методике, а вот остальные члены группы плавились и вынуждены были употреблять прохладительные напитки в большом количестве, что, естественно, не способствовало улучшению самочувствия.

Командир группы Гвоздецкий страдал от жары меньше других, но и он признавался, что как северный человек предпочитает любить эскимосов, а не южан-индейцев или негров.

Остановились они в двух разных гостиницах Ярославля: в «Туристе» и «Которосли», — и сразу приступили к подготовке операции. Разведслужба ЧК поработала на совесть, и члены группы знали местонахождение схрона, в котором бандиты прятали похищенных детей, а также координаты главной штаб-квартиры банды, которая располагалась на территории теннисного клуба «Волга».

Во время знакомства с городом «чекисты» увидели шествие гринписовцев в бело-зеленых балахонах, и у Никифора родилась идея воспользоваться костюмами «зеленых». Так как база похитителей находилась на мусоросжигательном заводе, то, появись там толпа людей в балахонах, с плакатами, бандиты вряд ли стали бы поднимать шум, и «чекистам» удалось бы подобраться к ним вплотную, прежде чем поднялась бы тревога.

Выслушав предложение Хмеля, полковник раздумывал недолго, и идея была утверждена в качестве основного варианта. Оставалось только разработать запасные варианты и уточнить детали главного.

Подготовка к операции заняла два дня.

Группа обеспечения раздобыла три десятка бело-зеленых комбинезонов для участников марша и договорилась с активистами «Гринпис» о проведении митинга на территории строящегося мусоросжигательного завода. Кроме того, в митинге должны были участвовать и оперативники группы поддержки, в обязанности которых входил контроль шествия в нужном направлении. Решено было начать «акцию протеста» в два часа дня, а до этого — уничтожить мозговой центр банды, руководил которой известный в Ярославле «бизнесмен», владелец ресторана «Волга», президент теннисного клуба Виктор Бабенко по кличке Витя Битый.

Ликвидация центра вместе с его вожаком должна была длиться не более пяти минут, после чего «чекисты» должны были присоединиться к маршу «зеленых», сосредоточивающихся возле завода на пристани Толги. Нестыковка частей операции грозила провалом, поэтому учитывались все обстоятельства и тонкости, грозящие срывом операции. Начинать операцию планировалось во вторник, первого августа, таким образом вечер тридцать первого июля у «чекистов» выдался свободным.

Никифор не знал, чем собирались заниматься в этот вечер другие члены группы. Сам он отказался от предложения Лёнчика сходить в ресторан и решил просто погулять перед сном по улицам древнего города, полюбоваться его памятниками старины, коих набиралось немало. По новейшей версии знаменитых ученых Носовского и Фоменко, именно Ярославль был когда-то Великим Новгородом, столицей Северной Руси, а не Новгород на озере Ильмень, и многие памятники подтверждали эту версию. Однако Никифору было не до размышлений о заговоре против русской истории, осуществленном пришлыми «историками» по заказу пришлых же царей. Он вспоминал последнюю встречу с Шарифой.

Чеченка действительно осталась у него ночевать и не собиралась возвращаться домой, к родственникам, превратившим ее в невольницу и контролирующим чуть ли не каждый шаг женщины.

Капитан привык чтить традиции и опираться на мнения отцов и дедов. Поэтому он никогда ранее не подвергал сомнению негласный принцип, утверждавший, что сердце женщины необходимо завоевывать в бою с соперником, даже если это бой ума и воспитания. Однако с Шарифой вышло все не так, она сама пошла с ним, просто, без каких-либо сомнений, сожалений и колебаний, и ему при этом был приятен каждый ее жест, улыбка, взгляд, выражающие согласие, ожидание, веру, надежду и желание быть женщиной. Никифор никогда не думал, что ему будет доставлять такую радость и

удовольствие даже процесс знакомства, свидетельство отклика сердца, ее реакция на его жесты и поведение, и это изумление от удивительного открытия мира совершенно чужой и незнакомой женщины так и осталось с ним. Но еще больше его поразила не ее решительность, с какой она расставалась с прошлой жизнью, а ее реакция на слова Никифора, когда он под утро сообщил Шарифе, что уезжает на несколько дней по делам.

— Будь осторожен там, куда ты едешь, — прошептала она ему на ухо, не размыкая объятий; они лежали на кровати утомленные практически бессонной ночью. — Ваш замысел может провалиться.

Никифор замер.

— Откуда ты знаешь о замысле?

— Может быть, я ведьма.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Не знаю, чем ты занимаешься, и знать не хочу, но твоя работа опасна и чревата бедствиями. Прошу тебя, будь осторожен. У меня в Москве нет защитников...

— Я не могу взять тебя с собой.

— Знаю, потому и не прошусь. Буду ждать здесь.

— Я могу отправить тебя к моей маме в деревню.

— Нет, я ведь работаю. Не волнуйся, ничего со мной не случится. Только приезжай быстрей...

Конечно, он пообещал ей вернуться как можно быстрей, но не волноваться за судьбу Шарифы не мог. Ее родственники с неконтролируемой психикой вполне способны были похитить женщину и увезти в Чечню. Или спрятать где-нибудь так, что никто не найдет. На это они были мастера.

Полюбовавшись на Угличскую и Богородицкую башни бывшего Спасо-Преображенского монастыря, на Святые ворота, сооруженные еще в шестнадцатом веке, Никифор не торопясь побрел по улице Собинова, останавливаясь возле попадавшихся на пути киосков, потом свернул на улицу Некрасова, ведущую к центру города. Купил сувенир — зажигалку в виде человечка с высунутым языком, позабавился продукцией местной конфетной фабрики, выпустившей партию леденцов в форме человеческого мизинца. Видимо, дизайнеры фабрики решили не отставать от западных производителей, выкинувших в прошлом году на прилавки магазинов Москвы наборы «праздничных» леденцов: гробики, скелетики, черепа, берцовые кости и нечто похожее на человеческий эмбрион, а также совсем уж «прикольную» молочную карамель в виде маленьких кучек дерьма. Никифор видел эти изделия собственными глазами, поражаясь тому, что торговля этими конфетками шла достаточно бойко.

Солнце наконец зашло за линию домов, готовясь нырнуть за горизонт. Температура воздуха слегка упала, подул ветерок, и улицы Ярославля оживились. Выйдя на проспект Ленина, Никифор нашел недалеко от памятника вождю мирового пролетариата кафе и сел под зонтик с кружкой холодной «Балтики» и орешками. Думать о предстоящем задании не хотелось, мысли текли лениво, и капитан сидел и отдыхал, расслабившись до степени почти полного безразличия к окружающей среде. И тем не менее сторожевой «пес» организма, не дремлющий ни днем, ни ночью, вдруг «поднял голову и зарычал». Никифор очнулся, незаметно оглядел сидящих за соседними столиками людей и увидел худого длинноволосого парня в кожаной безрукавке, делающего вид, что он ищет свободный столик. Однако бегающие глаза парня выдавали его с головой, он явно искал жертву. И нашел. Недалеко от Никифора, рядом с узорчатой решеткой ограды летнего кафе, сидели две женщины: средних лет, рыжеволосая, крупнотелая и женщина помоложе, черноволосая и смуглая, чем-то напоминавшая Шарифу. У обеих были сумочки: рыжеволосая повесила свою на спинку стула, а черноволосая положила ее на столик и закурила. Перед обеими стояли стаканы с молочным коктейлем.

Молодой человек оглянулся, посылая кому-то сигнал, двинулся к столику женщин. Никифор проследил за его взглядом и увидел в десяти шагах от кафе серую «Ладу» двенадцатой модели, с распахнутой задней дверцей, за рулем которой сидел еще один хипповатый вьюнош в черной кожаной безрукавке.

Никифор все понял. В голове мелькнула мысль: на хрена это тебе надо? Не вмешивайся. Однако сознание автоматически включилось в боевой режим, он просчитал действия носителей кожаных безрукавок и встал в точно рассчитанный момент.

Проходивший мимо столика с женщинами парень с кружкой пива вдруг плеснул пивом в лицо черноволосой молодухи, схватил ее сумочку, сдернул со стула ремень сумочки рыжеволосой толстухи и прыгнул через ограду, собираясь нырнуть в поджидавшую его «Ладу». Но в этот момент он запнулся о подставленную Никифором ногу и с ходу сунулся носом в асфальт. И только после этого поднялся визг: ограбленные женщины опомнились и закричали.

Никифор сделал шаг к поднимавшемуся с ошеломленным

видом бандиту, нанес ему незаметный укол пальцем в нервный узел на спине, и тот снова упал. Капитан же продолжал идти мимо, как ни в чем не бывало, и скрылся с места происшествия до того, как свидетели нападения поняли, в чем дело. Крики, шум, возня подсказали Хмелю, что уйти грабителю не удалось. Напарник же его, увидев эту сцену, дал газ и умчался, проявив хорошую реакцию.

Желание посидеть в прохладном уютном уголке прошло. Никифор направился к гостинице «Турист», размышляя над своим неприятием откровенного бандитизма и над вмешательством в дела, его не касающиеся. В конце концов он пришел к выводу, что не имел права вмешиваться, рискуя попасться на глаза как террористам, похищающим людей, так и представителям правоохранительных органов. Подумал: хорошо, что никто не видел его самодеятельности. И в это время его окликнули:

— Эй, Петрович, подожди.

Никифор оглянулся. Его догонял потный Лёнчик.

— Нагулялся? — полюбопытствовал капитан.

— Скучно стало, — признался старлей. — Ни выпить нельзя, ни по бабам, а городские красоты меня мало волнуют. А ты герой, Петрович.

— Ты о чем? — нахмурился Хмель.

— Да видел я, как ты уронил того балбеса в кожанке. Комар носа не подточит. Все было сделано на высшем уровне. Молодец.

Лёнчик заметил, как изменилось лицо капитана, рассмеялся и хлопнул его ладонью по плечу.

— Не боись, Петрович, полковник ничего не узнает. Хотя я бы на твоем месте не рисковал. Боком может выйти. Ты в тюрьме не сидел?

— Ты, что ли, сидел? При чем тут тюрьма?

— При том, что, если мы залетим, никто нас из СИЗО выручать не будет, придется выкручиваться самим. Мой друг Коля Рудин вот так попался и просидел три года за решеткой за превышение мер обороны. Банда за ним пошла на пустырь, а он спец был — не хуже тебя. От той банды только двое в живых осталось. Вот с тех пор он и заклялся вмешиваться в правосудие и говорить правду. Как он любит говорить теперь: тюрьма научит отличать плохое от очень плохого.

— Тюрьма — это недостаток пространства, возмещаемый избытком времени, — пробормотал Никифор, недовольный тем, что его учит Лёнчик, редко сам соблюдавший инструкции. Однако возражать ему не стоило, старлей был прав.

— Как-как? — переспросил старший лейтенант. — Впервые слышу такое изречение, сам сочинил?

— Бродский, — ответил Никифор. — Все, отстань, в гостиницу будем входить по одному.

— А я хотел анекдот рассказать.

— Зайдешь через полчаса в номер и расскажешь. Пивка холодненького захвати.

— Слушаюсь, товарищ капитан! — вытянулся Лёнчик, тараща глаза, затем, смеясь, отстал и свернул в магазин.

Балабон, беззлобно ругнулся Никифор, зная, что в бою на старшего лейтенанта можно было рассчитывать как на самого себя. Профессионалом Лёнчик был классным.

На следующий день группа с утра заняла места согласно плану операции.

Гвоздецкий должен был сыграть роль VIP-лица и подъехать к теннисному клубу на крутой машине; для этой цели группа обеспечения разжилась джипом «Супер-КИА». Предполагалось предварительно позвонить Вите Битому и предупредить его о визите бизнесмена, заинтересованного во вложении денег в спорт вообще и в теннис в частности. Водителем и телохранителем полковник назначил Жеку, лейтенанта из ГРУ, имевшего за Чечню пять наград.

Борис и Ярослав должны были проникнуть на территорию теннисного клуба скрытно и ждать сигнала. Борис был классным снайпером, а Ярослав — охотником и стрелял вообще-то не хуже, хотя в группе он чаще выполнял функции опера, прикрывающего отход. Способности заметать следы и уходить из-под носа противника у него были колоссальные.

Виктор, отвечающий обычно за компьютерную связь и контроль времени, в активной фазе операции в качестве бойца не участвовал и находился на территории мусоросжигательного завода. Он должен был следить за возможными перемещениями похитителей и сообщать о них Гвоздецкому.

Но самая трудная задача досталась Никифору и Лёнчику. Они проникли на терртторию клуба раньше всех и взяли под контроль здание клуба. В их задачу входила ликвидация телохранителей Вити Битого в самом здании. Поэтому выспаться обоим не удалось. В пять часов утра они уже были в здании теннис-центра, быстро и бесшумно открыв окно одного из помещений клуба. Здание телекамерами, к счастью, не просматривалось, охранники дежурили у входа, уверенные в том, что никто не посягнет на собственность босса, и дули пиво,

то и дело по очереди посещая туалет. Их можно было взять голыми руками, но проникшим в клуб «чекистам» предстояло ждать сигнала атаки еще по меньшей мере шесть часов. Им надо было затаиться, что они и сделали, устроившись в подсобке за грудами всякого хлама и древесно-стружечными плитами.

Кемарили тоже по очереди: два часа Лёнчик, два часа Никифор. Нервные системы обоих позволяли им расслабляться и в более сложных ситуациях.

В десять часов утра в здании клуба появились первые посетители — работники ресторанчика, уборщики и служащие.

В начале двенадцатого подъехал владелец клуба господин Бабенко со свитой из пяти человек. Но пробыл недолго — полчаса и уехал. Снова он появился в здании уже в половине второго.

Гвоздецкий дал в эфир сигнал готовности. Пока все шло по расписанию. Гринписовцы начинали марш к заводу в два часа дня, и у «чекистов» оставалось достаточно времени, чтобы закончить «зачистку» главарей банды в штаб-квартире и перебросить силы к заводу.

— Черт! — вдруг вполголоса выругался Лёнчик, сидевший на корточках у стены.

Окон в помещении не было, но они давно привыкли к темноте и видели друг друга.

— Тихо! — недовольно оглянулся на него Никифор, прислушивающийся к шуму в коридоре первого этажа. — Что там у тебя?

— Муравей ногу отдавил, — пошутил старлей. — Ногу отсидел... Может быть, уже начнем?

— Не психуй. Жди команды.

И в это время рация донесла голос полковника:

— Внимание! Всем «желтый поворот»!

Сигнал означал, что появились непредвиденные обстоятельства, мешающие проведению операции. Но «красного поворота» — отмену операции — Гвоздецкий давать не спешил, надеялся на кратковременность помех.

— В чем дело? — осведомился Никифор, томимый жаждой деятельности, как и Лёнчик.

— Весьма странно, — ответил Гвоздецкий, джип которого уже находился на стартовой позиции — в сотне метров от въезда на территорию кортов. — К нашему господину Битому гость. Причем я его знаю, точнее, знал.

— Он из вашей конторы? — догадался Хмель.

— Почти. Это капитан Тарасов, работал когда-то в группе

антитеррора ФСБ. Очень сильный профи. Ума не приложу, что ему здесь надо.

— Может быть, он работает на Битого? Многие из наших перешли под крыло мафии.

— Только не Тарасов.

— Отходим?

— Нет, подождем, чем все закончится. Можете проконтролировать, что он будет делать у Битого?

— Попробуем.

Никифор посмотрел на Лёнчика, обрадованного сменой деятельности, сбросившего свой обычный бесшабашно-несерьезный вид.

— Ты готов?

— Как штык! Как пойдем? Спаркой?

— Прикроешь меня с тыла. Действуем по обстоятельствам, тихо и быстро. Посмотрим, что за гость прибыл к господину Битому.

Они выскользнули в коридор из подсобки, в которую так никто и не удосужился заглянуть, одетые в ту же униформу, что и боевики Битого — в джинсы и кожаные безрукавки, с лохматыми париками на головах, вооруженные бесшумными пистолетами и наборами метательных ножей. Тенями проскользнули мимо входа в ресторан к лестнице на второй этаж. Здание имело не только центральный вход, но и боковые лестницы в тупиках коридора первого этажа.

Прислушиваясь к звукам, долетавшим из коридоров и помещений клуба, Никифор выглянул с лестничной площадки в коридор второго этажа, никого не обнаружил и подкрался к распахнутой двери в приемную президента клуба, в которой разговаривали люди. Затем толкнул дверь рядом — заперта, достал «сквозняк»[1] и скрылся за дверью. Через несколько секунд к нему присоединился Лёнчик.

Они оказались в небольшой комнате с двумя столами, на которых разместились отечественные компьютеры «Тайга» и коробки с кассетами. Никифор приложил к стене ухо, напряг слух и услышал тихие голоса. Говорили двое, причем голос председателя клуба, более высокий, был слышен хорошо, а вот голос его собеседника звучал намного глуше. Никифор поелозил ухом по стене комнаты и наконец нашел место, в котором голоса разговаривающих были слышны более четко.

---

[1] «Сквозняк» — универсальная отмычка.

Так он стал свидетелем разборки Глеба Тарасова и Вити Битого, закончившейся потасовкой.

Из приемной донесся женский вскрик.

— Что там происходит?! — прошептал Лёнчик, пристроившийся рядом.

Никифор прижал палец к губам, скользнул к двери, приоткрыл и увидел спину быстро удалявшегося мужчины, высокого, широкоплечего, с темными волосами, в которых серебрилась седина. Вероятно, это и был знакомец Гвоздецкого капитан Тарасов.

Однако никто за ним из приемной не вышел, и это было странно. Обычно охрана мафиози типа Вити Битого сопровождала гостей босса и к нему, и от него.

— Что у вас? — пропищала рация.

— Работаем! — бросил Никифор. — Пусть ребята пройдутся по периметру, в клубе уже все чисто.

Он выбрался в коридор и ворвался в приемную президента клуба.

Увиденное его ошеломило, но не остановило.

Секретарша Битого сидела привязанная к стулу, с салфеткой во рту, и в испуге таращила глаза на новых гостей. На полу в позе перевернутой на спину черепахи — ноги привязаны к рукам — лежал детина в кожаной безрукавке и мычал, пытаясь вытолкнуть языком кляп.

Никифор рванул дверь кабинета и увидел на полу три неподвижных тела. Хозяин теннисного клуба «Волга» Виктор Бабенко косо сидел в кресле, откинув голову на спинку, и смотрел перед собой остановившимися глазами.

— Мать честная! — появился за спиной капитана Лёнчик. — Он их всех замочил!

— Уходим! — бросил Никифор, включая рацию. — Командир, ваш приятель убрал Битого. Здесь еще три трупа.

Гвоздецкий сориентировался мгновенно:

— Быстро по машинам! Тарасов только что проехал мимо на серой «двенадцатой», едем за ним.

— Я знаю, куда он рванул.

— Куда?

— На завод. Помните, в ориентировке на похищенных детей упоминалось имя Акулины Тарасовой? Уверен, это его дочь. Капитан прибыл сюда не просто так, а для освобождения дочери.

— Один?

— Вы же сами говорили, что он крутой профессионал. Да и в конторе Битого он сработал выше всех похвал.

— В здании еще есть боевики?

— Разве что привратник, открывающий по сигналу ворота. Остальные — обычный служилый люд, повара, уборщики, официанты и так далее.

— Уберите бандита и ко мне. Жду три минуты. — Гвоздецкий отключился.

Никифор махнул рукой Лёнчику и выбежал из кабинета мертвого Бабенко, бывшего вожака банды похитителей людей. Лёнчик бросился за ним, но вернулся и, приставив дуло пистолета к виску парня на полу, приглушенно рявкнул:

— Лежи и не дергайся, гад! Пролежишь час без движения — останешься жить, если нет — вернусь и пристрелю! — Старлей глянул на секретаршу. — Это и тебя касается, моя красавица. Сиди тихо!

Он догнал Никифора на первом этаже, и они принялись заглядывать во все двери помещений, пока не наткнулись на дежурку с охранником, следившим за воротами по экранчику телевизора. Парень оглянулся на звук открывающейся двери. Лёнчик поднял руку с пистолетом, но Никифор остановил его и в прыжке ударом в голову вырубил охранника. Связал руки и ноги ремнем, разбил телефон.

— Теперь уходим.

— Жалостливый ты стал, Петрович, — покачал головой старший лейтенант.

— Просто не люблю напрасной крови, — буркнул Никифор.

— Они бы нас не пощадили.

— Поэтому мы люди, а они звери, старлей. Надо же хоть чем-то отличаться.

Они сели в серебристый «Мерседес» Бабенко и выехали за пределы клуба.

Джипа Гвоздецкого уже не было возле ограды кортов, но Хмель знал, куда надо ехать, и направился в сторону Октябрьского моста через Волгу. Пристань Толги и мусоросжигательный завод располагались на другом — восточном берегу реки.

Заговорила рация:

— Где вы, капитан?

— У моста.

— Мы только что его проехали, держимся за серой «Ладой». Догоняйте.

Никифор увеличил скорость, обходя поток машин и не обращая внимания на застывшего, как изваяние, инспектора у

поста ГИБДД. Видимо, вся автоинспекция знала «мерс» Вити Битого и останавливать его не решалась.

Впереди показался джип «Супер-КИА».

— Еду за вами, — доложил Никифор.

— Держитесь не ближе сотни метров, чтобы водитель «Лады» не узнал машину босса.

— Есть.

В таком порядке они проследовали по Волгоградскому шоссе до Северной окружной дороги, свернули налево, затем за Трофимковом — еще раз налево и подъехали к заметным издалека корпусам мусоросжигательного завода, на территорию которого уже вторглась колонна «Гринпис» в бело-зеленых балахонах с плакатами в руках и транспарантом: «Отравителям природы — нет!» Что под этим подразумевалось, догадаться было трудно.

Серая двенадцатая «Лада» с двумя седоками обогнула главный корпус завода с двумя конусовидными трубами, проехала двухэтажный административный блок, мимо которого как раз шествовали «зеленые», сопровождаемые удивленными визитом строителями, и остановилась у небольшого здания кубической формы с высокой металлической трубой. Здание напоминало котельную, хотя завод в котельных, наверное, не нуждался, и возле него были врыты в землю шаровидные металлические резервуары с красными полосами — не то газовые, не то нефтяные цистерны.

— Все тихо, — доложил сидевший в засаде Виктор. — Никто из бандитов не показывался.

— Внимание! — сказал Гвоздецкий. — Как только Тарасов выйдет из машины — начинаем!

— Минуту, полковник, — быстро проговорил Никифор. — У меня другое предложение. Мы с Лёнчиком одеты под бандитов, и нам легче сбить с толку охрану базы. Тем более — у нас машина босса.

Секундная пауза.

— Хорошо, начинайте вы, мы поддержим.

Никифор обогнул колонну «зеленых» и лихо подкатил к зданию котельной как раз в тот момент, когда из «Лады» вышли водитель и пассажир и направились к двери в котельную. Услышав шум подъехавшего лимузина, они оглянулись. Одновременно с этим открылась дверь в котельную и на пороге появился детина в сером комбинезоне строителя, держащий в руках длинную картонную коробку; вероятнее всего, коробкой маскировалось оружие.

— Сиди и жди момента, — бросил Хмель спутнику. — Они не знают, что в машине сидит не их босс, а ты.

— На хрена надо было, — хмыкнул Лёнчик, — разрабатывать этот дурацкий замысел с акцией протеста, если он все равно не пригодился?

— Во-первых, от случайностей никто не застрахован. Не могли же мы предугадать, что кто-то рискнет выручать детей в одиночку, как этот сумасшедший капитан. Во-вторых, даже самый дурацкий замысел можно выполнить мастерски. Все, я пошел.

Капитан выскочил из кабины «Мерседеса», направился к замершему в нерешительности Тарасову, помахал всем рукой, фиксируя все движения действующих лиц. Атаку надо было начинать в самый выгодный момент и ни мгновением позже или раньше, чтобы охрана бункера, в котором похитители держали детей, не успела понять, в чем дело, и приготовиться к бою.

— Салют, академики, — весело крикнул капитан, взмолившись в душе, чтобы Тарасов не начал б а з а р раньше времени. — Я вам барина привез.

— Ты кто? — удивленно спросил водитель «Лады», глянув на все еще раздумывающего Тарасова. — А где Фигура?

— В гнезде, — отрезал Никифор. — Не гони гусей в натуре, голубок[1] вшивый, щас схлопочешь за самодеятельность. Хозяин тебе вставит болт куда надо. Эй, ты, — окликнул он замершего в дверях бугая с коробкой, подзывая его рукой и продолжая приближаться, — подойди к хозяину.

Детина дрогнул, делая шаг вперед, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Никифор, подошедший к водителю «Лады» и Тарасову вплотную, выстрелил в охранника и направил ствол пистолета на Тарасова. И увидел наведенный на него пистолет капитана.

Охранник упал с дырой во лбу, не успев сообразить, что произошло.

Водитель «Лады» отшатнулся, бледнея, дикими глазами глядя то на убитого приятеля, то на замерших друг против друга Никифора и Тарасова.

— Расслабься, — хладнокровно сказал Хмель, следя тем не менее за пальцем Тарасова на курке «дятла». — Мы на твоей стороне. У нас мало времени, капитан, поэтому, если хочешь спасти свою девочку, пошли вместе.

---

[1] Г н а т ь г у с е й — притворяться дураком; г о л у б о к — пассивный гомосексуалист.

— Кто вы?

— ЧК, слышал о такой конторе?

— Нет.

— Команда по ликвидации бандитов без суда и следствия.

Тарасов раздумывал несколько мгновений, опустил пистолет.

— Хорошо. Но я пойду первым!

— Иди, только возьми мой бесшумник.

Они обменялись пистолетами.

В то же время водитель «Лады» бросился бежать, но успел сделать лишь несколько прыжков, споткнулся, врезался головой в штабель досок и остался лежать без движения. Из «Мерседеса» вылез Лёнчик с пистолетом в руке: стрелял он.

Тарасов мельком глянул на него, метнулся к двери в котельную, исчез.

Из-за полусфер резервуаров показался джип Гвоздецкого, проскочил мимо стоящих машин, направляясь к домикам строителей.

— Я перекрою второй выход! — сообщила рация.

Никифор махнул рукой Лёнчику и рванул к двери котельной, превращаясь в боевую машину, действуя на уровне инстинктов и обостренных до предела чувств.

Небольшой коридорчик с двумя дверями, лестница вниз, в подвал. На ступеньках — тело в кожаной безрукавке.

Никифор прыгнул через все ступеньки, зная, что Лёнчик прикроет спину.

Еще один коридор с бетонными стенами, тускло освещенный лампочкой в намордник, и еще один труп.

«Лихо работает!» — пронеслось в голове Никифора. Он свернул налево и увидел Тарасова, крадущегося к полуоткрытой двери в тупике коридора. Кроме этой двери, по обе стороны коридора располагались еще две, но они были закрыты.

В следующее мгновение слева распахнулась тяжелая деревянная дверь, из нее выглянул бритоголовый низкорослый молодой человек с раскосыми глазами, похожий на монгола, с помповым ружьем в руках. Увидев спину Тарасова, он вскинул ружье, и Никифору пришлось в ускоренном темпе применять метательные стрелки. Он в течение секунды бросил одну за другой три штуки, вгоняя их в шею и в висок «монгола», тот без звука выронил ружье и рухнул на пол.

Тарасов оглянулся на шум. Никифор махнул ему рукой — не отвлекайся, мол, и прыгнул вперед, ворвался в помещение за дверью, из которой выпал убитый «монгол». Он оказался в тесном и сыром склепе с голыми бетонными стенами, отдушиной под потолком и деревянным топчаном у стены, на котором сидели двое испуганных мальчишек лет семи-восьми. В глазах их отразился свет коридора.

Никифор ощутил ток угрозы, нырнул головой вперед и в полете выстрелил в темную фигуру, падавшую на него откуда-то справа — из ниши, как он понял потом.

Раздался вопль, что-то просвистело над ухом Никифора, он перекатился влево и выстрелил три раза подряд. «Дятел» был скорострельной машинкой и не слишком громкой: выстрелы прозвучали глухо, как кашель в туалете, — но главное, он был «машинкой» боя и врагов не щадил.

Никифор вскочил, прижал палец к губам, показывая детям, что надо сидеть тихо, и выскочил в коридор.

Тарасова уже не было возле двери, он ворвался в помещение, в которое упирался отросток коридора. Лёнчик же стоял у второй двери, все еще закрытой, прижав к ней ухо, и махнул рукой, подзывая напарника.

— Там определенно кто-то есть...

— Стереги пока, — шепнул Никифор, метнувшись к двери, за которой скрылся их неожиданный помощник.

В помещении, состоявшем из двух комнат, где, очевидно, жили не только пленники, но и сторожа, обнаружилось три трупа. Сам Тарасов стоял во второй комнате и прижимал к себе девочку лет восьми, вцепившуюся в него ручонками. Еще одна девочка — чуть постарше — сидела на корточках в углу между топчаном и бочкой с водой, испуганно тараща глаза на страшных дядей.

— Порядок, — сказал Никифор, опуская пистолет.

Тарасов слепо глянул на него, и у Хмеля защемило сердце: он никогда прежде не видел т а к о г о страшного и одновременно счастливого лица у профессионала боя, которым несомненно был этот человек.

— Уходим, капитан, — сказал Никифор.

Тарасов поставил свою дочку на пол, протянул руку другой пленнице, робко подавшей ручонку навстречу.

— Давай вперед.

Никифор выглянул в коридор и увидел Гвоздецкого с Жекой, приближавшихся к Лёнчику.

— Все? — будничным тоном спросил полковник.

— Здесь кто-то засел, — показал на дверь Лёнчик. — Нашими пукалками хрен возьмешь, граната нужна.

— А если там тоже пленники есть? — возразил Никифор.

Из двери за спиной Хмеля вышел Тарасов с двумя девочка-

ми. В коридоре стало тихо. Гвоздецкий оценивающе глянул на лицо Тарасова, хмыкнул.

— Привет, капитан. Не узнаешь?

— Подполковник Гвоздецкий.

— Уже полковник. Ты как здесь оказался, в Ярославле?

— Стреляли, — дернул уголком губ Тарасов. — А вы?

— Да и мы по этому же поводу. И куда ты теперь?

— Домой.

— Надеюсь, ты понимаешь, что о нашей встрече никто знать не должен? Смотри, не ошибись.

Тарасов снова дернул уголком губ, изображая усмешку.

— Я только один раз в жизни ошибся... когда думал, что ошибся.

— Тогда прощай. Надеюсь, больше не увидимся. Бери наш джип.

— Спасибо, сам доберусь.

Тарасов двинулся к выходу из подвала.

— Хотя постой... — Полковник в задумчивости почесал горбинку носа. — Может, пойдешь ко мне в отряд? Если, конечно, уже не на с л у ж б е.

— Я на службе.

— Ага... ну, тогда ладно.

Тарасов глянул на Никифора, на Лёнчика с Жекой, зашагал дальше, исчез за поворотом коридора.

Гвоздецкий подошел к бритоголовому боевику с помповым ружьем, нагнулся.

— Китаец, что ли?

— Скорее монгол, — пожал плечами Никифор, все еще видя перед глазами лицо капитана Тарасова. Подумал: с таким парнем лучше дружить...

— Монгол китайцу хохол, — оскалился Лёнчик. — Кстати, он на тебя сильно похож, почти как брат.

— Кто?!

— Тарасов. Что будем делать? Линять отсюда надо.

— Там двое пацанов, — кивнул Никифор на дверь с трупом «монгола». — Не бросим же мы их тут.

Гвоздецкий подвинул к губам усик рации:

— Борис, вы где? Все тихо? Мужика с девочками пропустите. Да, мы скоро. — Он повернул голову к Жеке. — Взрывай дверь.

Жека, бывший штатным сапером группы, достал из кармана спецкомбинезона предмет, похожий на подкову, приладил над замком двери, поколдовал над ней. На «подкове» замигали два глазка — зеленый и желтый.

— Приготовились!

Никифор и старший лейтенант стали у двери «уступом»: капитан слева, Лёнчик на полкорпуса ближе.

— Бух! — сказал Жека.

«Подкова» — устройство направленного взрыва — пыхнула дымком и огнем.

Лёнчик рванул дверь на себя, и в проем ласточкой нырнул Никифор, стреляя в тень справа.

Одного выстрела оказалось достаточно. Охранник, прятавшийся в камере, затих. Кроме него, здесь находился еще один мужчина, лежащий на топчане, но он оказался пленником. Когда его вывели в коридор, он чуть не упал, не то от волнения, не то от слабости. Прохрипел:

— Здесь мой сын...

Лёнчик вывел в коридор мальчишек, и мужчина с криком: «Руслан!» — бросился к одному из них, подхватил на руки, зарыдал.

«Чекисты» переглянулись.

— Успокойтесь, — тронул Гвоздецкий мужчину за плечо, — все уже позади. Нам надо уходить. Кто вы?

— Дмитрий... — прошептал мужчина, давясь слезами. — Тарик-Магиев...

Никифор вспомнил, что в ориентировке на похищенных людей упоминалась и фамилия известного дирижера из Москвы — Тарик-Магиева. Его похитили больше двух месяцев назад, вместе с сыном, и следы вели как будто бы в Чечню, но похитители оказались из Ярославля. Недалеко ушли, что в прямом, что в переносном смысле.

— Сворачиваемся, — скомандовал Гвоздецкий. — Детей оставим на попечение Тарик-Магиева. я вызову милицию. Жека — визитку.

Жека достал белый прямоугольничек с буквами ЧК и бросил на труп «монгола».

ЯРОСЛАВЛЬ — МОСКВА — КАРПУНИНО

ТАРАСОВ

Софья никогда раньше не переживала по поводу отсутствия мужа, но тут ей вдруг сделалось грустно. Все вокруг как нарочно собирались семьями, мужчины суетились возле жен и детей, женщины им что-то выговаривали, мужья покорно выслушивали, и этот тривиальный процесс вызывал зависть.

Софью с дочерью никто не провожал к поезду, и хотя она сама не любила долгих проводов, настояв на том, чтобы слезливые бабки и тетки остались дома, все же на этот раз расстроилась, посетовав на судьбу.

Она ушла от мужа семь лет назад, когда Оленьке исполнилось год и два месяца. Ушла сразу и навсегда, выказав гордый и независимый характер, поссорившись с родителями, увидевшими в муже «надёжу и опору».

По жизни Софье нечасто встречались люди, на словах пекущиеся о благе других, но на самом деле глухие к человеческим переживаниям. Этим людям кажется, что они все делают правильно, сочувствуют, помогают, ведут душеспасительные беседы, но на поверку оказывается, что думают они прежде всего о себе и заботятся больше всего о своем душевном равновесии. Таким человеком оказался и Алексей Шипилов, спортсмен, красавец, удачливый адвокат, затем бизнесмен, ставший мужем Софьи. Выдержать его отношение к себе и к дочери Софья смогла всего два года.

Софья заметила взгляд дочери, тонко чувствующей ее настроение, улыбнулась.

— Устала? Ничего, недолго ждать осталось, скоро подадут состав.

— Я не устала, мамочка, — улыбнулась в ответ восьмилетняя Оленька. — У тебя лицо плачет. Плохое вспомнила?

Софья покачала головой, на мгновение прижала дочь к себе.

— Бабушкам без тебя будет скучно.

— Но я же следующим летом снова к ним поеду?

— Да, конечно. — Софья хотела добавить: «Если они еще будут живы», но передумала. — Вот вернемся домой, соберемся и поедем к бабушке Тоне в Карпунино, будешь с ней за грибами в лес ходить.

— А ты разве не будешь?

— И я.

Софья оглядела зал ожидания Ярославского вокзала и наткнулась на оценивающий взгляд высокого черноволосого молодого человека в черной майке с черепом, разговаривающего в компании таких же парней хамовато-наглого вида, одетых в джинсы и футболки, безрукавки и балахоны. Их было человек десять, то ли тургруппа, то ли команда спортсменов, и Софья уже давно ощущала на себе их взгляды. Но особенно неприятно и вызывающе смотрел на нее черноволосый в майке с черепом и серьгой в ухе, державший в руках гитару.

Заметив взгляд Софьи, он подмигнул, передал приятелю гитару и направился к ней, по-хозяйски расталкивая снующих туда-сюда пассажиров. За ним увязались еще двое молодых людей с давно не бритыми физиономиями: рыжий, худой и патлатый, в лиловом балахоне с пятнами, и бритоголовый, с хохолком крашенных в красный цвет волос на голове, одетый в грязную, давно не стиранную серую рубаху и шорты, открывающие волосатые ноги.

— Привет, — сказал черноволосый с серьгой, останавливаясь перед лавкой, где сидели Софья с дочерью и молодая семья: папа, мама и карапуз. — Не хотите присоединиться к нашей компании? С нами веселее.

— Спасибо, в другой раз, — вежливо отказалась Софья.

— Ну и зря. Пойдемте, не пожалеете. Мы едем в третьем вагоне, а вы?

Софья тоже ехала в этом же вагоне, и данное обстоятельство ее не обрадовало.

— Как вас зовут? — продолжал настырный молодой человек, маслеными глазами лаская ноги и грудь Софьи. — Меня Женя. А это мои друзья Бурый и Весло, пардон, извиняюсь, Боб и Гриша. В карты играете? В буру, сику, чмос? Нет? Ничего, научим. Да, орлы?

«Орлы» закивали, осклабились, также бросая жадные взоры на ноги Софьи.

— Спасибо, не надо.

— Да что вы заладили: не хочу, не надо... Идемте, мы вас напоим и накормим, дымку дадим курнуть, чума, а не дымок! Ну, катит?

— Не катит, — качнула головой Софья, размышляя, что делать. Звать на помощь не хотелось.

Оленька почувствовала неладное, прижалась к матери, исподлобья глядя на незнакомых дядей.

— А это ваша сестра или дочь? — присел перед ней на корточки черноволосый Женя. — Ух ты, какая симпатёвая! — Он тронул Олю за бантик.

Оленька отодвинулась.

— Уберите руки! — твердо сказала Софья.

— Да-да, вам лучше не приставать, — вмешался молодой глава семейства, сидевший рядом с женой и маленьким сыном. — Вы же видите, что она не хочет с вами знакомиться.

— Тю, а ты кто такой? — удивился черноволосый, продолжая сидеть на корточках.

— Никто, но вы...

— Вот видишь — никто! Правильно. Поэтому сиди тихо, молчи в тряпочку и не вякай, зубы береги.

— Как вы смеете? — возмутилась жена парня, вступаясь за мужа. — Я милицию позову!

— Тихо! — показал ей пудовый кулак бритоголовый приятель черноволосого. — Ребенка лучше береги, сосиска, а то украдут.

— Уходите, — тихо проговорила Софья. — Не показывайте плохой пример детям.

— Ну вот, — с сожалением выпрямился черноволосый. — Так все хорошо начиналось. А если мы и твою дочку прихватим, пойдешь?

— Отстаньте от них, — раздался вдруг чей-то уверенный звучный голос за спиной Софьи.

Она оглянулась и увидела стоящего по ту сторону вокзальной лавки молодого, но с седыми прядями в темно-русых волосах, мужчину. Вспомнила, что встретила его, гуляющего по залу ожидания с девочкой примерно того же возраста, что и Оленька, но не обратила на него особого внимания. Теперь же ей удалось разглядеть его спокойное волевое лицо с прямыми губами, карие, с золотыми точечками, глаза, и Софья вздрогнула, испытав самое настоящее потрясение. Мужчина был не просто симпатичен, он был полон внутреннего спокойствия, выразительной сосредоточенности, ледяной уверенности и бесстрашия. Это был именно тот тип мужчин, за которыми Софья пошла бы в огонь и в воду. А еще этот человек был очень сильно похож на брата Софьи, Дмитрия.

— Чо ты сказал?! — с деланым изумлением сказал черноволосый, трогая пальцами серьгу.

— Что слышал, — отрезал Тарасов; это был он. — Иди к своей кодле и в эту сторону больше не смотри. Все, что хорошо начинается, кончается плохо, а для тебя в особенности.

— Чо-то я не догоняю, орлы, — задумчиво посмотрел на своих оторопевших приятелей парень с серьгой. — Нам угрожают? Или мне послышалось? А не обломать ли нам этому козлику рога?

Тарасов обошел лавку, ведя за руку дочку, протянул другую руку Софье, не обращая внимания на крутую компанию.

— Пойдемте, я провожу вас к поезду. Вы в Москву едете?

— В Москву, — с готовностью откликнулась Софья, поднимаясь, наклонилась к Оленьке. — Вот мы и дождались, доченька.

Она повесила на спину дочери ее маленький рюкзачок, хотела взять сумку с вещами, но Тарасов отстранил женщину.

— Я донесу.

Он повесил ремень сумки через плечо, все так же не обращая внимания на закипающую, сбитую с толку его поведением троицу, шагнул мимо черноволосого, но тот вдруг загородил ему дорогу, раздувая ноздри, и капитан вынужден был остановиться.

— Не спеши, землячок, — нехорошо улыбнулся парень в майке с черепом. — Обидел ты нас крупно, рассчитаться бы надо.

Софья замерла, ожидая беды.

Тарасов посмотрел на нее, на Оленьку, ободряюще подмигнул Акулине и отпустил ее ручонку.

— Возьми за руку девочку, Акуля, я сейчас.

Он повернулся к черноволосому, доставшему нож-бабочку, опустил сумку на пол. В лице его не дрогнула ни одна черточка, и Софья, сама не зная почему, вдруг успокоилась.

— Давай сыграем, — предложил Глеб, доставая пятирублевую монету. — Я кладу монету себе на ладонь, ты попытаешься ее схватить, а я сожму пальцы. Кто первый сделает свое дело, тот выиграл. Если выиграю я, мы уходим без скандала. Идет?

Черноволосый открыл рот, посмотрел на приятелей, покрутил пальцем у виска.

— Ты с дуба рухнул, мужик?! Или издеваешься?

— Можно наоборот, — остался спокойным Тарасов. — Держи монету ты, а я попробую ее схватить с ладони.

— Точно, сбрендил! Как же ты успеешь?

— Я же сказал — попытаюсь.

— А если проиграешь?

— Вот тогда и поговорим по-мужски. За козла ведь отвечать надо. Готов?

Черноволосый потрогал серьгу, покрутил головой, глянул на обступивших его друзей, протянул руку вперед ладонью вверх.

— Давай! Но смотри: если не успеешь — я об тебя ноги вытру!

— Не кажи «гоп», — усмехнулся Тарасов, вкладывая монету в ладонь парня. — На счет «три». Пусть кто-нибудь из твоих собутыльников посчитает.

— Раз, два... — начал бритоголовый с хохолком. — Три!

Черноволосый сжал пальцы в кулак, ликующе вскинул кулак вверх, и вдруг лицо его приобрело растерянное выражение, он разжал пальцы и тупо посмотрел на пустую ладонь.

— К-как это?.. Она здесь была!..

— Не это ищешь? — показал монету Тарасов.

Приятели парня в майке вытаращили глаза.

Глеб поднял с пола сумку Софьи, взял ее под руку.

— Пойдемте, уже посадку объявили.

Молодая пара на скамье зааплодировала, зашумели и случайные свидетели соревнования.

Софья повела детей к выходу из зала, за ней двинулся Тарасов, сопровождаемый восхищенными репликами.

— Эй, братан! — опомнился черноволосый, бросаясь вслед за ним. — Я тебе разрешения не давал...

В то же мгновение Тарасов оказался перед ним, остановил хулигана ударом пальцами в грудь, выхватил нож и приставил к горлу: все это — за долю секунды! Сказал быстро и тихо, чтобы не услышала ушедшая вперед Софья:

— Сунешься еще раз — искалечу, падаль!

После этого он догнал женщину и взял оглядывающуюся Акулину за руку.

Растерянный, униженный, испуганный, ошеломленный «хозяин жизни» по имени Женя, задохнувшийся от боли в груди, остался стоять вместе со своими не менее пораженными приятелями, не в силах вымолвить слово.

— Спасибо! — остановилась на перроне Софья. — Дальше мы уж сами. Как вам так ловко удалось их одурачить?

— Ловкость рук и никакого мошенства, — улыбнулся Тарасов. — Меня зовут Глеб, это моя дочь Акулина. А вас?

— Софья, — подала руку женщина. — А это моя дочь Ольга. Были в гостях у родственников, теперь едем домой.

— Так давайте вместе, если не возражаете. По-моему, мы едем в одном поезде и в одном вагоне — третьем.

Софья вспомнила угрозы парня с серьгой, вздрогнула, нахмурилась, оглянулась на здание вокзала.

— Эти... веселые тоже в третьем едут.

— Не волнуйтесь, они больше не сунутся. А если рискнут, мы их утихомирим.

Софья улыбнулась, колеблясь больше для виду, и кивнула.

— Хорошо, давайте вместе.

Каково же было ее удивление, когда оказалось, что едут они не только в одном поезде, одном вагоне, но и в одном купе!

Это судьба! — мелькнула радостно-удивленная мысль. Софья с легкой растерянностью посмотрела на Тарасова, встретила его задумчиво-утвердительный, успокаивающий и одновременно волнующий взгляд, и поняла, что он чувствует то же самое. Их руки соприкоснулись. Пауза длилась больше, чем необходимо, и проводница недовольно проворчала, кинув завистливый взгляд на Софью:

— Проходите в вагон, не задерживайте пассажиров.

Только после этого они опомнились, и Тарасов, подхватив обеих девочек, шагнул в тамбур.

Под этим впечатлением радостного о ж и д а н и я они и ехали, проговорив всю дорогу от Ярославля до Москвы, пока девочки, познакомившись, играли и вели свои детские разговоры. О чувствах не было сказано ни слова, но Тарасов твердо знал, что найдет женщину, где бы она ни была, хоть на краю света. Потому что ему встретилась не просто красивая женщина, притягивающая взоры мужчин, а особое состояние материи, без которого не стоило жить на свете. Теперь становилось понятно, почему его потянуло не в Вологду, куда он мог бы поехать с Акулиной на автобусе, а в Москву на пассажирском поезде: на вокзале его ждала встреча с Софьей.

Ему в ней нравилось буквально все: естественные жесты, улыбка, удивленно-заинтересованный взгляд, которым она реагировала на некоторые его суждения, то, как она морщит носик и откидывает со лба прядь темно-русых волос, как закидывает ногу на ногу, хмурится, говорит (что за голос — век бы слушал!), смеется или молчит. Потрясающе в к у с н ы й травяной, с цитрусовым оттенком, запах ее духов действовал на него возбуждающе, как наркотик, и Глеб с трудом сдерживался, чтобы не начать нюхать воздух, как собака. Он даже не удержался и спросил, какими духами пользуется спутница, и получил ответ:

— Не поверишь, но это отечественные духи «Лицом к лицу» фирмы «Северное сияние». Нравится?

— Очень! — признался он. — Я думал, что такие духи умеют делать только французы.

— Их продукция держится на рекламе и чужом мнении, а наша — на качестве. Причем любая продукция, не только парфюм. Я, например, и одежду покупаю отечественных производителей, разве что туфли ношу итальянские. А ты?

— Не обращал внимания, где и что покупаю, — виновато сказал Глеб, с легким сердцем наблюдая за игрой девочек. — Что нравится, то и покупаю.

О том, что большую часть жизни он ходит в с п е ц о д е ж д е, приобретаемой группой обеспечения, Тарасов говорить не решился. Не стал он спрашивать и возраст Софьи, помня высказывание Раневской: настоящий мужчина — это мужчина, который точно помнит день рождения женщины и никогда не знает, сколько ей лет. Мужчина, который никогда не

помнит дня рождения женщины, но точно знает, сколько ей лет, — ее муж.

Однако Софья все же заставила его рассказать, что он делал в Ярославле, хотя историю освобождения Акулины Глеб поведал без подробностей, приуменьшив свою роль и похвалив «помогавшую ему группу ОМОНа». После этого Софья стала смотреть на него другими глазами, как на героя, что волновало Тарасова еще больше и радовало одновременно, хотя он и отдавал себе отчет в том, что никогда не сможет сообщить женщине правду — кто он и чем занимается.

Еще больше их сблизило обоюдное признание в отсутствии «второй половины»: Софья оказалась разведенной, а Тарасов давно не жил с женой. Правда, сей факт вскрылся уже перед самой Москвой, и беседу-узнавание пришлось прекратить. Но Глеб совершенно точно знал, что они встретятся и ничто не сможет этому помешать.

Компания молодых «туристов», вожаком которой был черноволосый красавец с серьгой в ухе, приставший к Софье на вокзале в Ярославле, ехала в том же вагоне, но вела себя на удивление пристойно. Видимо, внушение, которое Тарасов сделал парню, подействовало и на всех его приятелей.

Прощались на площади трех вокзалов Москвы недолго.

Софья поцеловала Акулину, подала руку Глебу, глядя ему в глаза:

— Позвонишь?

— Непременно! — кивнул Тарасов, целуя пальцы женщины, потом вдруг неожиданно для себя самого поцеловал Оленьку. — До встречи, кроха. Скоро увидимся.

Брови Софьи прыгнули вверх, она с радостным недоверием посмотрела на дочь, спокойно принявшую проявление нежности от незнакомого, в сущности, мужчины, перевела взгляд на Тарасова.

— Вы делаете успехи, папа Акулины, она никогда никому чужому этого не позволяла...

— Значит, я не чужой, — улыбнулся Глеб. — Давайте, я возьму тачку и довезу вас до дома.

— Не стоит, мы доберемся сами, здесь пять минут езды. Меня дня три в столице не будет, позвони на всякий случай в пятницу вечером.

— Удачи!

— Тебе тоже.

Тарасов взял Акулину за руку, по привычке повел к стоянке служебных машин, где группа «Хорс» держала дежурную «Волгу», потом вспомнил, что он в бегах, и вернулся на площадь, ища глазами Софью с дочерью. Но тех уже не было, видно, уехали. Настроение слегка упало, однако предаваться унынию было не в характере Тарасовых, и Глеб перевел мысли на анализ текущей ситуации. Ему предстояло решить множество проблем, главной из которых была Акулина.

Везти девочку к Сергею и Татьяне в Вологду после всех событий не хотелось, оставлять ее в Москве было не с кем. Оставались мама в Нижнем Новгороде, родственники в Ветлуге и дед Евстигней Палыч в деревне Карпунино под Ветлугой. Подъезжая к дому на частнике, Тарасов решил, что отправит Акулю к деду. Хотя бы до конца лета. Потом можно было подумать и над дальнейшей судьбой девочки. Мысль оставить ее с Софьей сначала была робкой и мимолетной, однако вскоре завоевала право на обдумывание, и в глубине души Глеб понял, что хочет уже сейчас предложить женщине стать его женой...

— В омут с головой, — вслух проговорил он, входя в квартиру.

— Что, папа? — с удивлением посмотрела на него Акулина.

Он закрыл дверь, присел перед дочерью на корточки, заглянул в карие, теплые, с золотыми звездочками (папина дочка!) глаза:

— Тебе понравилась Оленька?

— Понравилась, — кивнула Акулина.

— А ее мама?

— Очень, — улыбнулась девочка и лукаво прищурилась. — А тебе она разве не понравилась?

Глеб улыбнулся, чувствуя облегчение.

— Очень!

— Тогда пусть живет с нами. Мы с Олей будем вместе в школу ходить, она тоже перешла в третий класс.

— Значит, ты не против?

— Конечно, нет.

Тарасов подхватил дочь на руки, подкинул, закружил, смеющуюся, но с темными кругами под глазами, по комнате, поставил на пол и строго сказал:

— А теперь марш в ванную!

Акулина чмокнула отца в щеку и побежала мыться.

Глеб разулся, отметив, что в квартире много пыли, бросил на стол в кухне почту — сверток газет и журналов, увидел кончик конверта и вытащил из пачки.

Письмо было от деда. Хмыкнув: надо же, совпадение, только что думал о старике, и на тебе — письмо от него! — Глеб вскрыл конверт.

«Здравствуй, внучек, — писал Евстигней Палыч. — Извиняй, что тереблю, да вишь ты, боле обратиться-то и не к кому. Петяня болеет часто, по лечебницам да докторам больше ошивается, Костик боится всего, племяш Степан уехал куда-то на край света на заработки, вот и не осталось в деревне родственничков. Одна надежа на тебя. А дело вот в чем».

Далее дед сообщал, что в деревне появились два молодых «быка» — купили хату у старухи Мотовилихи — и начали «терроризировать» население, предлагать «крышу» фермерам. У тех же, кто отказывался от «охраны», начинались неприятности.

Фермер Алексей Мазин построил пекарню и снабжал односельчан вкусным хлебом, да и не только жителей Карпунина, но и других окрестных деревень. Даже в Ветлугу хлеб возил на продажу. А когда отказался от услуг новоявленных «охранников», у него сгорела пекарня.

Фермер Трефилов на своем участке в четыреста гектаров начал сеять сначала рожь и пшеницу, потом перешел на лен, стал снимать по двенадцать центнеров льноволокна с гектара, продавать районному льнозаводу, затем соединил усилия с двумя другими хозяевами и построил собственный маленький льнозавод. Маленький, да удаленький — прибыльный. Который и сгорел после визита к Трефилову «быков».

То же самое произошло и с магазином, который построил в Карпунине ТОО «Верховье» — бывший колхоз «Светлый путь».

«Все знают, — писал далее старик, — что поджоги — это дело рук «быков», а доказательств нетути. Может, приедешь, окоротишь башибузуков? А так жить было бы ничего, ожила деревня, молодежь почала оставаться на родной земле, да и приезжают многие из города. Если не сможешь приехать, хоть письмецо напиши, скучаем мы без тебя и твоей Кулинки-пружинки. Привет тебе от всех».

О себе Евстигней Палыч не написал ни слова, хотя сам тоже, по сути, был фермером — держал на краю деревни пасеку.

Глеб постоял в задумчивости посреди комнаты, взвесил письмо в руке и сказал вслух:

— Прости, старик, забыл я про вас, действительно. Теперь жди в гости.

Подумал: интересно, с чего это вдруг молодежь в деревне начала оставаться? Стимул появился? Жизнь кардинально изменилась? Или просто сработала реклама: «Все на заработки в деревню»? Впрочем, «быки» не зря обосновались в Карпунине, такие чуют добычу издалека. Фермеры беззащитны,

как и все предприниматели, хозяева, начинающие зарабатывать. Нюх у бандитов хороший, их в деревню не заманишь рекламой типа: дважды два уже четыре, а будет еще лучше!..

— Папуля, дай полотенце, — донесся из ванной голос Акулины.

Глеб очнулся и поспешил к шкафу за чистым полотенцем.

В десять часов вечера он уложил дочь спать, с наслаждением искупался сам, сварил кофе и сел на кухню за телефон. Надо было сообщить Сергею о благополучном исходе операции с освобождением дочери и дать адрес стоянки в Ярославле, где Тарасов оставил зощенковский «Гольф».

Поговорив с обрадованным до крайней степени Сергеем, Глеб достал хайдер и вызвал Ухо: «Привет, Александр! Что нового?»

Ответ на экране появился через несколько секунд. Компьютерщик группы, очевидно, предавался любимому занятию и торчал в Интернете.

«Привет, Старый! Ты живой?»

«Не труп же с тобой разговаривает».

«Нового у нас нет ничего, кроме того, что тебя усиленно ищут по всея Руси. Что собираешься делать? Да, кстати, нашел дочку?»

«Нашел, она уже со мной».

«Рад за тебя. Советую вернуться и покаяться, Хохол отходчив. А в Ригу нам все равно придется ехать».

«Отвезу Акулину в деревню и вернусь».

«Тогда до встречи. Подключайся, если понадобится моя помощь».

«Спасибо, дружище. В таких случаях обычно говорят: хочешь помочь — не мешай. Всех благ!»

Глеб выключил компьютер, посидел немного, тупо глядя перед собой, прислушиваясь к ноющим мышцам, и вдруг смертельно захотел спать. Как ему удалось добраться до кровати, он уже не помнил.

Однако на следующий день уехать в Карпунино они не смогли. Накопившиеся за месяц хозяйственные проблемы требовали его вмешательства, и Тарасов целый день мотался по Москве, решая их, ни на мгновение не отпуская от себя Акулину. Которая, впрочем, с удовольствием следовала за отцом и не жаловалась на скуку и усталость.

Лишь к вечеру Глебу удалось освободиться от забот: он за-

платил за квартиру, за свет, электричество и телефон, побывал в трех магазинах, где купил кое-какие вещи и одежду для себя и для дочери, пропылесосил квартиру, вымыл полы, протер мебель, постирал белье и даже сварил обед; в ресторан или кафе идти поостерегся, его могли случайно увидеть наблюдатели «Хорса», и тогда пришлось бы бежать от ищеек Тихончука, чего делать не хотелось.

Вечер и ночь Тарасовы провели дома. Глеб постоянно думал о Софье и давно позвонил бы, если бы не ее оговорка, что ее три дня не будет в Москве.

В четверг, третьего августа, он взял напрокат новенькую «Ладу» пятнадцатой модели — «Сосну», уложил багаж, усадил Акулину на заднее сиденье и выехал из столицы по Горьковскому шоссе в сторону Нижнего Новгорода. Ему предстояло преодолеть около пятисот километров, отделяющих Москву от деревни Карпунино Ветлужского района.

Дорога заняла около семи часов и не запомнилась ничем, кроме жары и пыли. Наличие в машине кондиционера, слегка понизившего в кабине температуру, не защищало новую «пятнадцатую» от пыли, и у пассажиров постоянно скрипел на зубах песок. Доехав к вечеру до пункта назначения, уставший Тарасов поклялся никогда больше не брать в прокат отечественные автомобили, а тем более — покупать их.

Деду Глеба по материнской линии Евстигнею Палычу исполнилось восемьдесят семь лет, но это был еще крепкий старик с роскошной гривой седых волос и красноватым лицом, продубленным ветрами, морозами и невзгодами. Жену он похоронил еще двадцать лет назад и с тех пор жил один, не прибегая к помощи многочисленной родни, сыновей и дочерей, вел немудреное хозяйство и приглядывал за пасекой, снабжая медом всех родственников. Глеб любил старика за доброту, широту души, неизменный юморок и готовность помочь в любую минуту любому человеку. Дед выпивал, готовил свои собственные наливки, но Глеб никогда в жизни не видел его пьяным. Евстигней Палыч знал меру.

На приезд внука с правнучкой он не надеялся, как потом признался сам, и очень обрадовался, когда увидел входящую в дом Акулину, в которой души не чаял.

— Надолго приехал? — спросил старик после объятий, охов и приговорок, не зная, куда посадить дорогих гостей. — Баньку истопить?

— Баню топи, — кивнул Тарасов, с удовольствием ступая босыми ногами по домотканым половикам; в доме было прохладно, несмотря на духоту снаружи, пахло травами, смолой,

еще чем-то неуловимо знакомым и родным, и хотелось броситься на диван, лечь и просто смотреть в потолок из как бы светящихся изнутри сосновых планок.

— Уеду я, возможно, уже завтра, — добавил Глеб, подходя к старенькому холодильнику и доставая оттуда бутыль варенца. Налил в кружку, пригубил, почмокал губами.

Старик, не сводя с него умильно-радостных глаз, не выдержал:

— Ну, как?

— Отменный пурген, — похвалил Глеб и выдул полную кружку.

Дед на всю округу славился не только как пасечник, но и как мастер по приготовлению всяческих настоев, отваров и напитков из вареного меда.

— Пап, я схожу к Насте? — спросила Акулина, имея в виду соседскую девочку, с которой подружилась еще три года назад.

— Если она дома, — сказал Тарасов, глянув на Евстигнея Палыча.

— Дома, дома, непоседа, — проворчал старик, — уже сто раз спрашивала, когда Кулинка-пружинка приедет.

— Иди, — разрешил Тарасов, — только от дома далеко не отходите, скоро ужинать будем.

Акулина умчалась.

— Выросла, — кивнул на дверь старик, светясь от радости, потом засуетился. — Что это я стою как пень? Пойду накрывать на стол да баню топить. А ты отдыхай покуда, поваляйся на своем любимом лежаке.

— Погоди, — остановил его Глеб. — Давай рассказывай подробнее, что тут у вас творится. Я проезжал мимо Мотовилихиной избы, никого не видел. Не уехали ваши «быки»?

— Они в жару из хаты носа не кажут, — помрачнел Евстигней Палыч. — Рожи наели — решетом не прикроешь! Может, и зря я тебе жалился в письме, не справишься ты с ними, уж больно здоровы, поганцы! К ним недавно участковый приезжал из Ветлуги, так они с ним пошушукались, он и отстал, больше не появляется. А народ боится, фермеры платить дань начали, я от Кольки Степашина узнал.

— Понятно, — сказал Глеб. — Ладно, не переживай, разберемся. О своем житье-бытье расскажи. Как живешь? Не болеешь? Маманя приезжала к тебе?

— Две недели побыла в июле и уехала. Да как я живу? Как и все. Если бы не мед, давно б коньки отбросил, а так вот еще клыпаю. Коли б ты знал, сколько чиновничьего и прочего

надзирающего люда липнет к меду — ужас! — Старик махнул рукой, пригорюнился. — Только справок для его реализации надо получить десятка два, а еще и других бумаг целую прорву.

— Садись, посиди со мной минутку.

Глеб выглянул в окно, увидел две головенки в кустах на соседском подворье, улыбнулся, подумав, что Акулине здесь будет хорошо. Налил себе и деду варенца, сел на диван, раскинув руки.

— Как хорошо все-таки, господи! Взять и переехать к тебе в деревню, что ли? Примешь?

— Не шуткуй, — усмехнулся Евстигней Палыч. — Ты человек городской, испорченный цивилизацией, не выдержишь в деревне долго.

— Это почему же? Корни-то у меня деревенские. Кстати, ты в церковь ходишь?

— Хожу, а что?

— Сходим завтра утром вместе?

— Зачем? Ты же в бога не веруешь.

— Да как тебе сказать? Вера-то, она в душе должна быть, не обязательно ее напоказ выставлять. Тем более что любовь к богу нередко разрастается до ненависти к людям. Мне надо будет свечку поставить... за спасение человека...

— А я что ж, пойдем, коли надо. О каком человеке речь?

— О самом дорогом. — Глеб решил не рассказывать старику о происшествии с дочерью и перевел разговор на другую тему. — Ты о своих медовых проблемах начал, рассказывай дальше.

— Что-то раньше ты пасекой не интересовался.

— Пасека меня и сейчас мало привлекает, я пчел боюсь, но все же интересно узнать околомедовые хитрости. Я не понял, о каком чиновничьем люде ты говорил. Какое отношение он имеет к твоему меду?

— Самое что ни на есть прямое. Весной, к примеру, я, как и каждый пчеловод, должен принять ветврача для осмотра пасеки. Нужно его привезти, увезти, угостить, само собой, причем в удобное для него время, дать меду...

— Ну, хорошо, ветврач — святое дело. Кто еще?

— Потом, прежде чем поставить ульи на поле, я еду к главному агроному нашей агрофирмы, предлагаю свои услуги по опылению для увеличения урожайности. Агроном, понятное дело, ломается. Обещаю меду. Начинает сдаваться. «Только как на это директор посмотрит?» Обещаю угостить и директора...

— Оглоеды!

— Во-во, начинаешь соображать. Дальше гружу пчел и везу на выбранный участок. На каждом посту окрик инспектора: «Стой! Что везешь? Кажи ветеринарное разрешение на пересечение границы района!» После этого начинают проверять документы на прицеп. А прицеп у меня особый, самодельный, на десять ульев, регистрации не подлежит. «Где регистрация, старый хрен?!» Что я ему скажу? Опять выручает банка меда. И таких кочевок у меня знаешь сколько за сезон набирается? Десять-двенадцать! А в поле? Рэкетиры на пасеку заезжают, как на склад! «Эй, дед, водку, мед, баксы!» Не будешь же воевать? Димитрий, помнишь хромого в конце улицы? — попробовал пугануть их ружьишком, да и получил в ответ пулю в живот, еле оклемался.

— А в милицию не заявляли? — покрутил головой Тарасов.

— Милиция сама не хуже тех рэкетиров. И на рынке то же самое — плати, а то не продашь ничего! За торговое место — плати, за спецанализы меда — плати, за камеру хранения — плати... Э, да что там говорить! — Евстигней Палыч снова махнул рукой. — Вот и остается из каждой фляги половина. Как же тут меду не дорожать, коли пчеловодов повывели почти всех? Пасек все меньше и меньше, а любителей халявного меда все больше. У нас в районе лет десять назад их было под полторы тысячи, а ныне и полсотни не наберется.

Старик допил варенец, поднялся и засеменил в сени.

— Потом еще погутарим, займусь делами. Хорошо, что вы сегодня приехали, утром уже не застали бы, я на пасеку собрался. За харчами приехал да за кое-каким инструментом.

Глеб глотнул вкусного, с хмельком, золотистого напитка, посидел, ни о чем не думая, вспомнил о Софье и поборол лень, пошел умываться. Баня будет готова не раньше чем через четыре-пять часов, а ходить потным и грязным не хотелось.

Вымывшись по пояс, он переоделся в чистую голубую футболку, надел шорты и вышел на улицу. И первая, кого он увидел у соседней хаты, была Софья!

В цветастом сарафанчике, загорелая, длинноногая, красивая, она шла ему навстречу с полиэтиленовым пакетом в руке, сопровождаемая дочкой Оленькой, и разговаривала с ней. Затем увидела застывшего Тарасова и остановилась, изменившись в лице.

— Глеб?!

— Я, — очнулся капитан.

— Как ты меня нашел?!

— Я не искал, — улыбнулся он, делая шаг вперед. — Так получилось.

— Господи! — выдохнула она, роняя пакет. Потом сделала шаг, другой и бросилась в его объятия. — Господи, как я по тебе соскучилась!

Оленька, выглянувшие из кустов малины Настя и Акулина, соседка Евстигнея Палыча и он сам от крыльца, глядели на эту встречу с благожелательным любопытством, и даже природа вокруг, казалось, одобряла происходящее подувшим свежим ветерком.

ЗЕМЛЯ — НЕБО

АДЕПТЫ НРИ

Если приходилось лететь в командировку за рубеж, Аким Давидович Сосновский пользовался самолетами ведущих компаний мира, но внутри страны он предпочитал летать на личном реактивном самолете «Сессна» чешского производства. В пятницу четвертого августа он как раз и собирался им воспользоваться, чтобы отправиться в приуральский городок Лысьва — на охоту. Уважаемый бизнесмен и политик имел здесь собственные охотничьи угодья. Не то чтобы он был заядлым охотником, спящим в обнимку с ружьем, просто любил пострелять по движущейся живой мишени, пустить в кровь адреналин.

Вылет должен был состояться в три часа пополудни из аэропорта в Жуковском, однако задерживался. Вместе с Акимом Давидовичем собирался лететь еще один человек, представитель гильдии магов России Харитон Кобяга, изъявивший желание изучить «законы единого мироощущения» в российской глубинке, но почему-то опаздывал. Аким Давидович попытался связаться с ним по радиотелефону, но не добился успеха. Известный экстрасенс, психотерапевт и консультант ФАС не отвечал.

Прождав напрасно больше часа, Сосновский сел в самолет, способный нести десять пассажиров, двух летчиков и стюардессу и оборудованный по последнему слову техники комфорта, и велел отправляться. С ним вместе летели две молоденькие девочки из числа начинающих шоу-певиц и восемь телохранителей во главе с бессменным руководителем собственной службы безопасности Сосновского полковником Иваном Шенгеровичем Замятиным.

Раздосадованный задержкой и отсутствием собеседника, с которым надо было позарез обсудить важные концептуальные проблемы, Аким Давидович устроился в персональном кресле, подогнанном специально по его фигуре, и ослабил узел галстука стоимостью в тысячу шестьсот шестьдесят долларов. Такого галстука не было ни у одного высшего должностного лица России: он был сделан из крокодильей кожи особой выделки, и на нем был выгравирован лунный пейзаж, подчеркиваемый светящимися красками.

Впрочем, Сосновский мог себе позволить одеваться и более нестандартно, что он и делал, имея несколько компьютер-костюмов из особой ткани. Даже направляясь в Лысьву, то есть к черту на кулички, он надел такой костюм, отливающий бархатной позолотой, с помощью которого можно было через спутниковые сети выйти в Интернет или в любой компьютерный банк данных. Клавиатура для такого костюм-компьютера была не нужна, он имел встроенную диалоговую аудиосистему.

— Чай, — коротко бросил Аким Давидович стюардессе, когда самолет взлетел.

В моменты плохого настроения под руку ему старались не попадаться и отвлекать от раздумий не решались. Знали это и притихшие певички, проинструктированные Замятиным.

Красивая стюардесса принесла чай. Он был сделан по особому рецепту: полрюмки рома, полрюмки сухого вина, полрюмки водки, полрюмки текилы, полрюмки джина, сок лимона и полстакана кока-колы, — и представлял собой коктейль под названием «чай со льдом по-лонг-айлендски». Обычный чай Аким Давидович пил редко.

В принципе ему было отчего прийти в раздражение и без художеств мага, частенько позволяющего себе опаздывать на совещания и манкировать обязанностями консультанта. Только что пришло сообщение из Ярославля об уничтожении отрядом ЧК «финансово-боевой единицы», то есть группировки, похищающей людей по заказу руководителей НРИ, и это была уже третья успешная операция «чекистов», закончившаяся ликвидацией бандитов и освобождением пленников. Мало того, на сей раз были освобождены дети, предназначенные для особой цели — калибровки «живого пси-локатора», роль которого должен был сыграть один из храмов БЕСа.

Аким Давидович скрипнул зубами. Деятельность особых групп спецназа, подчиняющихся непосредственно президенту — ЧК и «Хорс», — не только действовала на нервы, но срывала подготовку эксперимента глобального зомбирования населения России, и теневые лидеры Запада уже выска-

зали Сосновскому свои претензии по этому поводу. За президента надо было браться всерьез, выводить из игры, пока его не прибрали к рукам вербовщики Катарсиса.

Аким Давидович отхлебнул «чаю» и снова скрипнул зубами.

Несмотря на оптимистические доклады НРИ лидерам мировой СССР, он понимал, что инициативой постепенно овладевает Катарсис, «виртуальная организация сопротивления русского пространства», и бороться с ней было все труднее и труднее. Волхвы, руководящие Катарсисом и его «боевыми силами» — Сопротивлением, начинали выходить из тысячелетнего забвения и выращивать свой порядок, отвечающий их понятиям Высшей Справедливости.

Сосновский скрипнул зубами в третий раз.

Неслышно возник у кресла Замятин.

— Слушаю, Аким Давидович.

— Садись, — кивнул на кресло рядом Вождь НРИ.

Полковник сел.

— Докладывай. Причины наших провалов. Почему мы прокалываемся, теряем темпы?

— Потому что концепция наших противников сильнее, — ответил Замятин. — Они привлекают к реализации своих идей умных людей, причем добровольцев, понимающих ситуацию, мы же опираемся на зомби.

Аким Давидович с удивлением посмотрел на руководителя секьюрити. Таких откровений он от него не ждал.

— Но ведь зомбированными людьми управлять легче! Стадо всегда подчинялось только кнуту и прянику.

— Ситуация изменилась. Мы командуем быдлом, но думающие люди нам неподвластны.

— Да и черт с ними! Есть разные методы управления, для того мы и создаем психотронную систему, чтобы управлять всеми, в том числе и думающими. А ты что же, сомневаешься в нашей победе?

— Мои мысли не мешают мне работать, — уклончиво ответил Замятин.

— А ты от нас не сбежишь, полковник?

— Нет.

— Почему?

— Власть. — Замятин растянул бледные губы в кривоватой улыбке. — Власть — единственный наркотик, который напрямую не приводит к физиологическим изменениям в организме человека.

— Любопытная философия. Ты надеешься на изменение масштаба власти?

— Когда вы станете президентом, я останусь начальником охраны, этого вполне достаточно.

Аким Давидович окинул взглядом одутловатое, с мелкими чертами, невыразительное лицо полковника, пожевал губами и допил «чай». Подозвал стюардессу:

— Подавайте обед. Продолжай, — кивнул он Замятину.

— Спецназ президента действует успешнее наших парней потому, что сформирован из самых классных специалистов своего дела. У нас таких нет даже в ФАС.

— А «тающие»?

— Мы так и не научились сохранять кондиции «тающих» длительное время. Спустя два-три месяца после программирования у них начинается процесс фрустрации, заканчивающийся обычно через полгода полной деградацией.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем создать спецкоманду соответствующего уровня?

— В принципе, можем, и я этим занимаюсь, но проще переподчинить уже созданные команды — те же ЧК и «Хорс».

— Каким образом? — заинтересовался Сосновский.

— Спецназовцы обеих групп привыкли подчиняться своим командирам, а их мы как раз и сможем закодировать. — Замятин помолчал. — Или купить.

Сосновский улыбнулся.

— А не зря я тебя из зоны вытащил, качественно мыслишь. Установил, кто командует отрядами президента?

— Пока нет, у нас нет доступа к секретным серверам президентской службы безопасности. Попросите Кобягу, он поможет.

Аким Давидович нахмурился, недовольно буркнул:

— Этот гребаный экстрасенс зарвался. Иногда мне кажется, что он или работает еще на кого-то, или готовит собственную революцию.

— Конунги такого уровня работают в основном на себя, — безразличным тоном сказал полковник. — Я думаю, их лучше не злить. Работают с нами — и то хорошо.

— С чего это ты стал его защищать?

— Я защищаю не его, а вас. Помните, как первый Директор Проекта Бессараб попытался запрограммировать с помощью «лунного света» одного из грэев? Что из этого вышло?

— Не пугай, — отмахнулся Аким Давидович, с проснувшимся вожделением глянув на голые ноги стюардессы, которая принесла ему обед. — Бессараб не рассчитал своих сил, и у него не было такой аппаратуры и таких идей, как идея использовать группы людей в качестве живых пси-усилителей и

пси-радаров. — Сосновский опрокинул в рот рюмку водки и принялся за еду. — Кстати, как идет подготовка к эксперименту в Вологде?

— Настоятель БЕСа уже закончил формирование массы усилителя, доведя численность молодых и здоровых послушников до необходимого количества в сто человек, и готов к демонстрации.

— Нам придется провести эксперимент без калибровки усилителя. Ждать, пока оставшиеся на свободе охотники за живым «расходным материалом» добудут необходимое количество детей, нецелесообразно.

— Включение такого солидного эгрегора без настройки опасно.

— Для кого?

— Прежде всего для послушников храма.

— Наберем новых в случае чего. Ничего с ними не сделается. Ты лучше давай побыстрее формируй триангулы[1]. Как продвигается дело?

— Есть определенные сдвиги. К концу августа у нас будет пять триангул и женская монада. Женский батальон Российского Легиона был расформирован, но я нашел концы и теперь собираю баб-профессионалок по всей стране.

— Молодец, так и до генерала дорастешь, — пошутил Аким Давидович, не заметив сверкнувший в глазах собеседника огонь. — Ладно, потом о делах поговорим, пригласи ко мне девочек.

Замятин освободил кресло, направляясь к щебечущим красавицам, ждущим, когда их господин обратит на них внимание, и в это время тихо зашипел воротник костюма Сосновского — это сработала система вызова абонента личной компьютерной сети. Аким Давидович сунул руку во внутренний карман пиджака, включая аудио-диалог с компьютером.

— Прошу прощения, Вождь, — прошелестел голос диалог-системы, слышимый только Сосновскому. — Я не смог вовремя предупредить о моем опоздании.

— Харитон? — осведомился Аким Давидович, жестом останавливая подходивших к нему певичек. — В чем дело?

— У меня появилось более важное дело, — ответил конунг, — но я к вам вскоре присоединюсь. Хочу предупредить: президент принял решение убрать вас. Задание на разработку

[1] Триангулы — группы, в состав которых входят специально обученные старик, женщина и ребенок.

плана операции получили и командир «Хорса», и начальник ЧК. Чей план будет лучше, тот и получит карт-бланш на ликвидацию. Я вам потом сообщу, кто именно. А пока будьте осторожны, Вождь. В ваших руках судьба НРИ, мы хотели бы и дальше видеть в вас союзника по общему делу смены общественных систем, поэтому не делайте ошибок.

— О каких ошибках речь? — высокомерно поинтересовался Сосновский.

— Вы только что говорили со своим цербером о Катарсисе...

— Откуда вы знаете?

— Колдун я или не колдун? — Послышался смешок. — Короче, эта система вам не по зубам. Занимайтесь своим делом, Катарсис оставьте нам, иначе волхвы нанесут такой удар — костей не соберете!

— Я всегда отвечаю ударом на удар!

— Некому будет отвечать. С Катарсисом надо воевать только в идеологическом, семантическом, психосоциальном пространстве, изменяя и заменяя его идеалы и цели.

— Как это понимать?

— Вы прекрасно справляетесь с войной в идеологическом пространстве, имея такую мощную инструментальную базу, как телевидение, где главное оружие — слово, искажение истины, искажение смысла ценностей. В свое время нам удалось изменить смысл многих слов, отражающих суть славянского духовного пространства, теперь ваша очередь.

— Что-то я не припомню...

— Именно с нашей подачи предок-бог славян Род превратился в ругательное слово «урод». И таких примеров много. Главное, чтобы вы поняли свое место в структуре СССР как одно из самых важных, ключевых и перспективных. Ваше дело — подготовка средств к прямому психотронному подчинению России, к глобальному зомбированию ее населения, после которого никакой Катарсис будет нам уже не страшен. Россия поднимается вторично после культурной катастрофы девяностых годов прошлого века, и ваша организация является единственным фактором, сдерживающим этот процесс. К сожалению, Катарсису удалось решить стратегическую проблему — замедлить спад страны по всем уровням и не дать Китаю и исламскому содружеству выйти вперед, что при агрессивной сущности этих систем неминуемо привело бы к третьей мировой войне.

— Ну и что? — тупо спросил Аким Давидович, соловея от усилий постичь смысл речи собеседника.

— Еще раз повторяю — не лезьте в прямые физические разборки с оперативной службой Катарсиса — Сопротивлением, потерпите поражение. Все эти ваши спецназы — глупость, сосредоточьте усилия на храмах Братства Единой Свободы, как на важнейшей стратегической философии, противостоящей идеологии школ возрожденного Славянского Союза.

— Школы можно просто ликвидировать...

— Материальная ликвидация не означает ликвидацию идеи, школы появятся в другом месте, но вот проникнуть в их систему можно, после чего начать замещение — учителей, доктрин, идей — искаженными системами ценностей. Это делать вы умеете. Кстати, Катарсис пользуется тем же оружием, замещая наши кадры своими, из-за чего мы начинаем терять контроль за финансовыми потоками внутри России. Но мы с вами об этом еще поговорим. Просто я хотел вас предупредить о возможных последствиях ваших неосторожных шагов по созданию своих суперкоманд. Да, вот еще что: прекратите работать с бандитами, похищающими людей. По этой связи вас вычислит Сопротивление, и тогда даже я не в силах буду помочь. До встречи в Лысьве, Вождь.

Щелчок, тихая музыка. Голос компьютера:

— Абонент отключил канал связи.

— Скотина! — с чувством выговорил Аким Давидович, вытирая пот со лба.

Рядом возник Замятин.

— Что-нибудь серьезное?

— Кобяга... позволил себе давать советы, скотина! — Сосновский залпом выпил морковный сок, вытер рот салфеткой. — Конунг гребаный!.. Колдун паршивый!.. Он думает, что я буду ему подчиняться... А это не видел?! — Вождь сделал хорошо понятный жест. — Ускорь создание спецгрупп и сориентируй охотников в других городах на крупную добычу. Нам нужны большие деньги.

— Я уже сориентировал.

— Ну и прекрасно. А теперь будем отдыхать. Зови девочек.

Вождь Новой Революционной Инициативы умел быстро переключаться с исполнения архиважных дел на получение удовольствий, потребность в которых значительно возросла в последнее время.

ВОЛХВЫ

С виду он почти не изменился, разве что в волосах появились серебряные пряди. Но изменилось внутреннее наполнение, он стал гораздо богаче этически и духовно и стал смотреть на мир другими глазами — не глазами человека боя, хотя всегда мог постоять за себя и за своих близких. Однако надобность в этом отпала, когда он постиг философию *живы* и сумел стать «линейным ясновидящим» — человеком воли, контролирующим линию судьбы, прошедшим ступени лествицы — уровни духовного роста. Теперь он знал, что главные войны на Земле происходят в другом пространстве — пространстве намерений и замыслов, и хотя эти войны были бескровными, они также приводили к гибели людей, коллективов, эгрегоров и целых этносов. Правда, этот уровень войн — «войн психосистем» — подчинялся законам другой этики, и Крутов начал к нему подбираться с другой стороны — как исследователь физических иерархий. А начал с исследований физических закономерностей мира, описываемых разными научными теориями, равно далекими от истины.

К этому моменту он точно установил, что ни теория относительности Эйнштейна, ни теория электрослабых взаимодействий, ни струнно-вакуумные теории неверны. Ни одна из них не учитывала Божью Волю как Закон, и в этом была их гносеологическая и познавательная слабость. Они не отражали истину.

Строить собственную теорию Крутов не собирался, ему просто было интересно работать с приборами и размышлять над результатами опытов, и дом его в Ветлуге на улице Герцена представлял собой, по сути, большую физическую лабораторию с несколькими бесценными по уникальности установками и аппаратами, как, например, установка для холодного термоядерного синтеза. В мире таких установок насчитывалось всего шесть. Или многофазовый вакуумный преобразователь для «выбивания» из вакуума кварков. Лишь мощные физические центры в Америке, Европе и России могли похвастаться такими преобразователями. Чтобы заполучить такой аппарат, Крутову пришлось просить помощи у волхвов и грэев, один из которых согласился стать посредником продажи аппарата в Россию «частному лицу». Зато теперь Егор мог исследовать граничные законы — законы магической физики, дающие выход на уровни ментального оружия и выше —

в сферы отношений космических Сил, отрицающих борьбу добра и зла. Единственное категорическое условие, которое ставилось человеку, достигшему таких высот знаний, было условие невмешательства. Маг такого уровня должен был находиться вне всяких битв.

Этого уровня Крутов еще не достиг, но был уверен, что недалек от завершения пути. А пока основной его деятельностью оставалась служба в Катарсисе, для выхода за пределы земной физики он тренировался изменять сознание, накапливать энергию и аккумулировать знания, следуя даосской мудрости: умеющему рубить не нужен меч.

Елизавета помогала ему во всем. Она была и оставалась берегиней, верной одному Витязю, познавшему суть своего имени[1].

В воскресенье, шестого августа, по пси-каналу Сопротивления Крутов получил уведомление о тайном совещании волхвов. Обычно такие совещания проходили на территории Троице-Сергиевой лавры в Сергиевом Посаде или в деревне Березовая Пойма Нижегородской губернии, но в уведомлении говорилось о новом месте сбора — Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь. Чем было вызвано изменение места встречи, уведомление не поясняло.

Все сборы заняли у Крутова полчаса. Переодевшись в белую рубаху и белые льняные штаны, он попрощался с Елизаветой, готовившейся к занятиям в духовной семинарии на базе *живы*: она преподавала там слововедение, — и закрылся в своей лаборатории. Ему не нужно было, как другим паломникам монастыря, добираться поездом Москва—Мурманск до станции Кемь, затем автобусом до поселка Рабочеостровск и от монастырского подворья на катере до острова. Владея всеми ступенями *живы*, он мог мгновенно преодолевать огромные расстояния; этот способ передвижения назывался старорусским словом легкоступ.

Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь был основан в тысяча четыреста двадцать девятом году преподобными Германом и Савватием. Расцвет монастыря пришелся на шестнадцатый век, когда Соловки стали неприступной крепостью, защищавшей русские земли от набегов шведов и датчан. Во времена реформы патриарха Никона соловецкие иноки, видя в ней извращение древнего православия, отказались принять «исправленные» книги. Царь Алексей Михайлович,

[1] См. книгу автора «Бой не вечен».

не сумев убедить непокорных, послал в обитель стрельцов. Началось знаменитое «Соловецкое сидение», осада монастыря, длившаяся семь лет — с тысяча шестьсот шестьдесят девятого по тысяча шестьсот семьдесят шестой год, закончившаяся взятием монастыря.

В тысяча девятьсот двадцать третьем году, уже в советское время, на территории обители был создан Соловецкий лагерь особого назначения, в котором мученически погибли многие священники монастыря и узники лагеря. Монашеская жизнь здесь возродилась лишь в тысяча девятьсот девяносто втором году.

Вышел из легкоступа Крутов у западной стены монастыря, сложенной из валунов. В этот жаркий и душный августовский вечер на территории обители практически никого не было. Вечернее богослужение, начинавшееся в шесть часов, уже закончилось, паломники покинули обитель, а большинство монахов разошлись по кельям. Таким образом, совещанию волхвов никто не мог помешать. К тому же вся территория монастыря была накрыта невидимым слоем непрогляда — Крутов сказал бы: паттерном высокоамплитудных осцилляций воздуха, — который никому не позволял видеть и слышать, что происходит в этой защищенной зоне.

Участники совещания, хранители русского тайноведения, начали собираться возле трапезной в девять часов вечера. Всего их должно было прибыть пятнадцать человек: девять волхвов и шесть посвященных; среди последних — Егор Крутов. Ждали Белого волхва — Спиридона, который появился с опозданием, одетый, как и все, в белое, но в отличие от других носивший белый плащ с красной каймой и силуэтом летящего сокола — знаком Владыки.

Никаких церемоний такие встречи не предусматривали, поэтому Спиридон сразу начал с конкретного сообщения о совещании синклита черных магов, прошедшего в субботу.

— Конунги приняли решение ускорить создание единой системы пси-программирования страны, для чего усиленно строятся храмы БЕСа. Нам надо подумать, что мы можем противопоставить этой расползающейся по нашей земле заразе.

— Школы *живы*, — сказал почти такой же молодой, как и Крутов, посвященный Терентий, игумен Оптиной пустыни.

— Школ мало, и некоторые из них уже попали под влияние адептов конунгов и начали изменять принципы духовного построения *живы*.

— Почему бы нам не пойти тем же путем, каким пошли

лидеры Новой Революции? — предложил Крутов. — Они собираются использовать храмы БЕСа в качестве усилителей психотронных генераторов. Мы тоже можем создать на базе школ *живы* защитные эгрегорные «резонаторы». Тогда районы со школами станут недоступными для прямого пси-кодирования населения.

— Как это сделать практически?

— Надо подумать. Технические решения достаточно просты, но школа *живы* — добровольная организация, ее внутреннее пси-пространство зависит от сознания учеников.

— Кто может заняться разработкой Замысла?

— Я, — подумав, ответил Крутов.

— Хорошо, решено. В системе Катарсиса есть все необходимые специалисты, эниологи и псисоциологи, найди их и подключи к Замыслу. Теперь поговорим о второй волне сектантства, инициированной Новой Революционной Инициативой, волне, захлестнувшей страну. — Спиридон повел рукой, и на лужайке у стены появились, уплотняясь, прозрачные скамейки. — Присаживайтесь, други, в ногах действительно правды нет, а многие, я чую, притомились. Цель НРИ ясна: превратить людей в слепой инструмент воли вождя и лидеров помельче, разрушить традиционные институты власти, религии и морали, чтобы из огня и крови «Великой Революции» создать единую тоталитарную, легко управляемую империю. Если бы НРИ действовала самостоятельно, справиться с ней было бы достаточно просто, но она опирается на институт конунгов, а те, в свою очередь, — на Силы Сатаны, создавшие СССР — «систему сил, стабилизирующих реальность», а по сути — систему закрепления диктата сатанизма. С этой системой бороться намного труднее. Катарсису следует оперативней реагировать на возможные изменения иерархии земной пси-структуры.

Крутов пошевелился, и Спиридон прервал речь, бросил на него взгляд из-под косматых бровей:

— Что хотел сказать, сынок?

— К СССР надо подходить как к нелинейной системе с шаблонизированным поведением. У каждой сложной иерархической структуры есть два этапа развития — этап предсказуемого поведения и бифуркационный этап, в котором происходит ветвление альтернативных путей развития. На этом этапе принципиально невозможно повлиять на переход системы на тот или иной из возможных путей. Но мы в состоянии подобрать такую совокупность управляющих параметров и такие величины их изменений, которые приведут к желаемому результату. СССР сама себя разрушит, что бумерангом ударит и по СС в целом.

— Ты берешься за разработку программы?

— Нет, — подумав, покачал головой Крутов. — Я не готов, нужен лидер иного плана — типа деятеля, соединяющего священство и воинство. Я же скорее фундаментальный созерцатель.

— Ты еще и Витязь, и координатор Сопротивления.

— Согласен. Если собрание поручит разработку Замысла мне, я возьмусь. Хотя он мне пока видится смутно и фрагментарно.

— Хорошо, определимся. Возможно, придется создать векторный оператор для этой цели, который в будущем возглавит тот, кого мы ждем. Кстати, пока он под моей защитой, за его судьбу беспокоиться не стоит, но я не вечен. Необходимо подумать о создании триады для его защиты.

— Разве «серебряному мальчику» что-то грозит? — удивился посвященный Демид — заместитель министра юстиции Вадим Демидов.

— Конунги уже знают о его рождении и предпринимают меры по розыску мальчика. Для этого они используют даже преступные группировки, похищающие детей по заказу руководства НРИ.

— Черные так боятся пришествия просветленного?

— Он будущий лидер всех светлых Сил России, способный изменить ее духовный уровень. Если он реализует свой потенциал, конунгам придется рано или поздно убраться с нашей земли и в конечном счете исчезнуть. Поэтому они будут драться за свою жизнь и власть свирепо. Егор, я просил подыскать людей для формирования триады защиты.

— Триада готова, — сказал Крутов, — хотя сами носители еще не догадываются, что они — триада.

— Кто эти люди?

— Профессионалы боя, но с задатками Витязей и потенциалом духовного роста. Глеб Тарасов, капитан спецназа «Хорс», Никифор Хмель, капитан группы ЧК, и Дмитрий Булавин, инструктор вологодской Школы выживания. Мы давно присматриваемся к ним и скоро выйдем на контакт.

— Ошибок не будет?

— Ошибки исключены, — твердо заявил Крутов.

— Но ведь «Хорс» и ЧК — спецгруппы президента, действующие вне закона, — сказал Прокофий, волхв из Крыма.

— Тарасов и Хмель — исполнители, попавшие в спецназ

не по своей воле и не догадывающиеся, на чьей они стороне. Они согласятся работать на Катарсис.

— Стоит ли привлекать в Сопротивление профессиональных убийц? — скептически проговорил седобородый волхв Никодим, отвечающий за Сибирский регион.

— Может быть, ты будешь защищать наших людей в физической реальности? — исподлобья посмотрел на него Крутов. — Или другие старцы? Девять лет назад вы почему-то не захотели помочь Сергию в бою с конунгами, из-за чего он и погиб.

— Он не погиб, а перешел в иную реальность, чтобы воплотиться в другое время.

— Это заслуга Владыки, а не ваша...

— Успокойся, Егор, — остановил Крутова Спиридон, — не дерзи старшим. Не их дело — сражение, это дело Витязей. Но и ты, Никодим, не прав. Люди не рождаются святыми или конунгами, их такими делает Среда, поэтому наша задача — вырастить тех, на кого мы можем опереться, из тех, кто еще не потерян. Да, нам труднее, чем вербовщикам Братства Единой Свободы, обещающим молодым людям освобождение от страданий, переживаний, беспокойства о будущем, от ответственности и всех обязательств. Именно поэтому мы — надежда божья на возрождение Закона Справедливости. Хотя до сих пор на земле у каждого — свое понятие о справедливости. Например, у президента. Можно ли повлиять на него в нужную нам сторону?

— Наш человек уже стал его советником по национальной безопасности, — сказал Демид. — Но прямое воздействие на президента невозможно, так как он блокирован группой советников-экстрасенсов, работающих на конунгов. И все же мы потихоньку движемся к цели, постепенно формируя слой носителей ответственности за судьбу мира. Однако вынужден отметить, что процесс освоения нравственности идет крайне медленно, и мы не знаем, как его ускорить.

— Этот процесс идет медленно в силу ограничения на Земле Закона Восстановления Этики, он может длиться тысячелетия. Главное — идти в этом направлении.

— Но для торжества Закона необходимо уничтожить носителей Программы Сатаны!

— Вселенная-Творец не уничтожает существ, нарушающих ее законы, она их изменяет, переделывает. Когда мы все поймем это, откажемся от старой веры и старой символики, вспомним — кто мы, наш род воспрянет. Однако, други, давайте

вернемся к конкретике дня, у меня мало времени. Вирсавий, ты контролируешь Замысел по нейтрализации Печати Сатаны.

— Замысел требует времени и определенной подготовки, — ответил волхв Вирсавий, отвечающий за Центральный регион. — Процесс подмены всего русского псевдорусским зашел слишком далеко и продолжает развиваться. Стремительно деградирующая этически Америка все настойчивей стучится к нам с экранов телевизоров и через сеть Интернет и кодирует, кодирует, кодирует... Кстати, не без помощи вождя НРИ Акима Сосновского, контролирующего центральные телеканалы. Пока мы не устраним Вождя или хотя бы не ограничим его влияние на СМИ, этот процесс будет продолжаться и приведет в конце концов к аннигиляции подлинно русской культуры.

— У тебя есть предложения?

— Нужен оператор, направленный на физическую замену носителей Программы Сатаны в окружении Сосновского. Трек уже готов. Эгрегор формируется.

— К каждому политику и руководителю не приставишь контролера или водителя.

— Водитель будет виртуальный, но действующий не на подсознание, а на сознание. База процесса — не психотроника, а прямое волевое воздействие с усилением волевых характеристик личности. Мы выходим на уровень управления статистическими процессами.

— Что даст нам неизмеримо большую свободу выбора. К сожалению, это понимают и конунги, прилагающие усилия в том же направлении. Теперь обсудим положение с пси-лабораториями, продолжающими разрабатывать системы прямого управления людьми. На спецслужбы работают восемнадцать лабораторий, вплотную подобравшихся к созданию глобальной системы зомбирования через телеканалы. Индивидуальные пси-генераторы типа «удав» и «нокаут» уже апробированы и применяются спецслужбами, теми же командами ЧК и «Хорс». НРИ имеет всего три лаборатории, но они ушли вперед дальше всех. В третьей лаборатории, расположенной в Туле, уже монтируется установка типа «лунный свет-2». Ее надо уничтожить немедленно! Ваши предложения?

— Пусть этим занимается Сопротивление, — меланхолически заметил Демид.

Все посмотрели на Крутова.

— Я попробую сориентировать на ликвидацию лаборато-

рии одну из президентских спецкоманд, — сказал Егор. — С подключением Витязя, естественно.

— Тогда у меня все, други, — сказал Спиридон. — До встречи.

Он исчез.

За ним стали расходиться, исчезать другие волхвы. Последним покинул территорию обители Крутов, размышлявший над новым заданием Владыки. Он понимал, что выполнить его будет очень трудно, а ошибаться не имел права. Все зависело от тех людей, кого он избрал для выполнения роли оператора воздействия или триады: Тарасова, Хмеля и Булавина. Надо было убедиться, стоит ли им доверять такое важное деяние, как защита «серебряного мальчика». Будущего собирателя России.

Подумав, Крутов переместился в Нижний Новгород, где жили Ираклий Федотов и Мария Арсеньева, первая берегиня Егора, благодаря которой он остался в живых после боя с конунгами.

Федотов и Мария жили на улице Родионова, на берегу Волги, в двухкомнатной квартире, защищенной от проникновения «печати Сатаны» через телефон, телевизор и компьютер. Было всего десять часов вечера, и помощники Крутова, целевые операторы Катарсиса, еще не спали. Увидев входящего в гостиную Егора, они не удивились, хотя обрадовались.

— Какие гости! — обнял Крутова Ираклий, выглядевший в халате весьма импозантно, глянул на Марию, сидевшую с ногами в кресле, красивую и женственную, взиравшую на гостя с легким изумлением. — Ставь на стол.

— Не надо, — покачал головой Егор, целуя женщину. — Я всего на несколько минут.

— Даже чаю с нами не попьешь? С гренками?

— От чаю не откажусь.

Мария убежала на кухню. Мужчины остались одни, присматриваясь друг к другу.

— Что-нибудь случилось? — понизил голос Ираклий.

— Ничего особенного, — сказал Крутов, усаживаясь в кресло Марии, еще хранившее тепло ее тела. — Владыко поставил перед Сопротивлением новые задачи, нам придется их отрабатывать. Тебе с Машей надо будет понаблюдать за моими протеже лично, проверить их и войти в контакт.

— С кем именно?

— С капитаном Никифором Хмелем и Дмитрием Булавиным, инструктором Вологодской школы выживания. Но если контакт с Булавиным не вызывает сомнений, парень самодостаточен и независим, то Хмель работает на ЧК и живет в Москве. С ним придется работать осторожно.

— Справимся, — осклабился Ираклий, — не первый раз замужем. Я сам поеду в Москву.

— Это ты в отсутствие Марии такой смелый? Или почувствовал силу? Фукидид говорил, что смелыми делает людей невежество.

— Он же говорил, что размышление делает людей нерешительными, — парировал Ираклий, но снова заулыбался. — Не читай мне мораль, старик. Конечно, я поеду с Машей. Хотя и сам кое-чему научился.

Он приблизил указательный палец к прозрачной столешнице журнального столика, сосредоточился и воткнул палец в стеклянную плиту. Затем медленно вытащил обратно, не оставив в плите никакого отверстия.

— Ну, как?

— Фокусник, — проворчал Крутов. — Только помни, что петух, кукарекающий еще в яйце, не годится и на яичницу.

— Ты это к чему?

— Это я к тому, что не вздумай демонстрировать свой склис кому-нибудь еще. Тебе многое надо познать и понять.

— Тут ты прав, — закручинился Ираклий. — Как говорил Анатоль Франс: создать мир легче, чем понять его. Мне еще идти и идти.

Вошла Мария с подносом.

Гость и хозяева принялись пить чай и обмениваться новостями. Час пролетел незаметно. Прощаясь с друзьями, Егор с грустью подумал, что встречаются они все реже и реже и только по делу. Но покой им действительно только снился.

ВОЛОГДА

БУЛАВИН

Дмитрий никогда не думал, что воспримет так близко к сердцу цели КОП, хотя и согласился работать в команде после долгих размышлений. Но, почитав досье на чиновников и руководителей, погрязших в коррупции и уличенных в связях с бандитами, он преисполнился презрения и гнева, полностью приняв доктрину КОП: «Каждому — по делам его!»

Сколько человек работало на КОП, Дмитрий не знал. Сам он вошел в оперативную группу «копов», состоящую из один-

надцати членов. Командовал группой полковник Михно Михаил Валерьевич, отзывающийся на аббревиатуру Мих-Мих. Он лично инструктировал Дмитрия и выдавал материалы для ознакомления с неизвестной Булавину сферой деятельности. Всего Дмитрию досталось изучать четыре солидные папки с досье на чиновников, которых надо было «исправить».

Первое досье было заведено на помощника главы администрации Вологды Геннадия Вавилова, начавшего кампанию травли телеканала Вол-ТВ за критику в адрес мэра и депутатов городского собрания, открыто запускающих руку в городскую казну и отстроивших в лесной зоне на берегу реки огромные особняки. В этой же папке давались и характеристики депутатов, которых тоже предстояло «лечить» от болезни мздоимства.

Второе досье содержало материалы о деятельности председателя губернского законодательного собрания и его сторонников, отнявших у больных туберкулезом детей санаторий «Березка», построенный на базе обкомовской дачи. Об этом Дмитрий уже знал.

В третьей папке были собраны сведения о деятельности Семена Стародубова, главы сельхоздепартамента губернии, принявшего постановление, которое предписывало товаропроизводителям «всех форм собственности» сдавать государству (в лице губернской промышленно-финансовой корпорации) все, что будет выращено, для формирования губернского продовольственного фонда. У производителей, не пожелавших сдавать свою продукцию, отнималось право реализовывать ее на рынках города и губернии. Естественно, руководил промышленно-финансовой корпорацией близкий родственник Стародубова, а *именно — его жена.*

Четвертое досье содержало сведения о двух братьях Коротковых — Игоре и Борисе, связанных с преступными группировками, но ухитрявшихся занимать достаточно высокие посты на государевой службе. Игорь Коротков работал простым завхозом Ланевской больницы, но был вхож во все кабинеты местной власти, так как поставлял «девочек» практически всем высокопоставленным чиновникам города.

Борис Коротков был главой Шекснинского района Вологды и курировал весь его преступный бизнес. Правоохранительные органы знали об этих сторонах деятельности братьев, однако так и не смогли набрать нужное для задержания и суда количество доказательств. Вполне вероятно, приказ «не трогать братьев» был им спущен сверху. Поговаривали,

что прокурор губернии Александр Скурлатов тоже неоднократно пользовался секс-услугами Игоря Короткова.

Изучив все полученные документы, Дмитрий уже согласился было на участие в «операции по исправлению» братьев Коротковых, когда Мих-Мих передал ему еще одну папку с материалами о деятельности на территории Вологодской губернии сект Братства Единой Свободы. Прочитав эти материалы, Дмитрий твердо решил начать свою работу в КОП с ликвидации храмов БЕСа.

Эти храмы нельзя было назвать сатанинскими. Их адепты не совершали ритуальных убийств, как настоятели «Ордена дьявола» под Хабаровском или пастыри Братства Новых Протестантов в Калужской губернии, но ученики БЕСа в течение короткого времени переставали общаться с родными и близкими, продавали или передавали квартиры и имущество учителям и становились послушниками Братства, исчезая за стенами храмов. К чему могли привести такие закрытые сектантские сборища, было известно: еще свежи были в памяти коллективные самосожжения и гибель тысяч последователей подобных сект на Украине, в Латвии, в Хабаровском крае России и за рубежом — в Африке, Южной Америке и в Австралии.

Конечно, Дмитрий осознавал, что деятельность КОП противозаконна, хотя и преследует благие цели, однако посоветоваться ему было не с кем. Наиболее близкие люди — отец и мама — наверняка не одобрили бы его решения, а ставшая близкой Диана сама работала в КОП.

С Дианой он теперь встречался регулярно, по два раза на дню, если позволяло время, а на субботу и воскресенье она вообще осталась у него, мгновенно превратив холостяцкую квартиру Булавина в уютное семейное жилище. После случая на набережной, когда Дмитрий спас женщину от увечья, будто что-то вспыхнуло в ней, пробудило интерес к жизни, и Диана с энтузиазмом принялась строить с Дмитрием воздушные замки совместных планов и замыслов — от поездок к морю до строительства дома на берегу Сухоны, что не могло не радовать Булавина, влюбленного по уши в эту удивительно целеустремленную и независимую женщину, закованную до их встречи в броню гордости и самоуверенности.

В воскресенье шестого августа они выбрались в ресторан-клуб «Натали», принадлежавший подруге Дианы, в котором Симон Калабриади появляться не решался, так как его здесь не любили и однажды уже выбрасывали на улицу, затем погуляли под луной по аллеям парка Ветеранов труда, провинци-

ального и тихого, оставшегося неосвоенным игорным бизнесом, и снова отправились на квартиру Дмитрия, предвкушая вечер вдвоем. Оба не подавали виду, но радовались, что вечер прошел без инцидентов и что им нигде не повстречалась компания Симона.

Дома они по очереди искупались в ванной, соблюдая преувеличенно любезный этикет, затем открыли шампанское, поставили в гостиной столик с фруктами и ягодами, но долго принятого тона не выдержали, и все закончилось взрывом страсти, до сих пор изумлявшей Дмитрия. Диана в такие минуты превращалась в трепещущую от любого прикосновения, покорную и неистовую одновременно, легко возбудимую женщину, готовую на все ради своего повелителя. Если бы Дмитрий не знал железного характера Дианы, способной сдержать любой порыв сердца, он бы назвал ее нимфоманкой. Однако о таких вещах он предпочитал не думать и поведение любимой женщины не анализировал. Им обоим было одинаково хорошо, и этого было вполне достаточно.

Потом они все-таки пили шампанское — при свечах, испытывая непередаваемое чувство близости и тайны, принадлежащей только им двоим, и слушали музыку Вивальди, любимую Дианой.

— Знаешь, — сказала женщина, в глазах которой мерцал огонь свечей, — иногда мне кажется, что я сплю и все это мне снится. Ты веришь в сны?

— Пожалуй, нет, — качнул головой Дмитрий, также завороженный трепетным светом свечей. — Я отношусь к ним философски и считаю, что сны — это вид обработки информации на грани сознания и подсознания.

— А в магию веришь?

— В магию верю. Об этом сейчас пишут многие, и хотя большинство материалов спекулятивно, кое-что рациональное вытащить можно. В нашем роду, например, существует предание, что предки Булавиных были ведунами и свободно владели тем, что сейчас называется магическим оперированием. Я и сам иногда чувствую в себе силы и возможности через д в и ж е н и е изменять реальность. Только не знаю, как это отразится на окружающих. Приходится сдерживаться.

— Когда ты бился на мечах, тоже сдерживался?

Дмитрий задумался.

— Не помню. А что?

— Просто ты был как ураган. Даже Паша Быстров, занимающийся фехтованием на мечах профессионально, растерялся

под твоим натиском. Я считала: ты пропустил всего два удара.

— Просто я владею элементами *живы* — т е м п о м и п у с т о т о й.

— Я уже второй раз слышу от тебя это слово — *жива,* может быть, объяснишь, что это такое? Комплекс упражнений, система рукопашного боя?

— *Жива* — это боевая магическая система наших предков — праславян, основанная на топологическом преобразовании пространства движений при вхождении в измененные состояния сознания и на создании сферы адекватного ответа. Всего уровней *живы* шесть, я владею четырьмя.

— А когда овладеешь всеми шестью — станешь магом?

— Нет, — улыбнулся Дмитрий. — На Руси такие люди назывались Витязями, это лишь одна из ступеней лествицы — уровней духовного роста, преодоление которых ведет к искусству управления миром через доброе отношение к нему.

— То есть к магии?

— Можешь называть это искусство магией, хотя я больше люблю русское слово волхвование.

— А каких магов на Земле больше, злых или добрых?

— Добро и зло — это лишь отражение нашего восприятия природы и отношения к людям...

— Тогда злых больше, судя по тому, что творится в мире. Недаром говорится, что без зла не было бы и добра.

— Неверно. Когда-нибудь человечество перестанет рожать хищников, рвущихся к власти и сеющих зло, и мы убедимся, что возможна совершенно иная система этики.

— Нас тогда уже не будет.

— Я говорил образно. К чему ты завела этот разговор?

— Вспомнила случай на даче. Ты все равно не поверишь.

— Расскажи.

Диана зябко повела плечами, придвинулась ближе.

— Я тебе как-то говорила, что у меня есть дача на Сухоне, километрах в двадцати пяти от Вологды. Было это два года назад, я тогда ничего не боялась и часто ездила туда одна. Приехала в ноябре, взяла маленький топорик и пошла вечером в лес нарубить елового лапника. Им хорошо молодые яблоньки от зайцев укрывать. Срубила нижние ветки, думаю, ну еще пару верхних срублю и пойду. Замахнулась топором... а он в воздухе повис! Будто его кто-то придержал!

Диана подозрительно вгляделась в лицо собеседника, пытаясь понять, как он относится к рассказу.

— Чего улыбаешься? Думаешь, байку придумала?

— Ничего я не улыбаюсь, — запротестовал Дмитрий. — Это тени от свечей по лицу бродят. Что дальше-то было?

— Ну, я топор отпустила, он повисел пару секунд в воздухе и на землю упал. Огляделась — никого, а чувство такое, словно кто в спину смотрит. Мне не по себе стало. Схватила топор, попятилась, в малинник залезла, а рядом ель вековая лежит с вывороченными корнями. Глянула, их тут с десяток таких, и все лежат по кругу корнями навстречу. Зашла в этот круг и оцепенела. Не знаю, что это было, гипноз не гипноз, сон не сон, только слышу — шум начинается в центре круга, топот копыт, крики, удары металла о металл — прямо настоящее сражение! Ну, я опомнилась и деру!..

Диана замолчала, добавила со смешком:

— Прибежала на дачу — ни топора, ни лапника. Потом, правда, топорик нашла днем, но до сих пор помню, как мне было страшно! Что со мной случилось, как ты думаешь?

— Ты попала в нечистое место, — серьезно сказал Дмитрий. — На Земле существуют выходы неизвестных науке излучений или сил, как говорят в народе. Вот ты и набрела на одно из них. Любопытно было бы взглянуть на то место.

— Можем поехать на дачу в любой момент.

— Тогда решено, в следующую субботу едем.

— Честно говоря, я в сверхъестественные силы не верила, глупостью их считала, пока сама не испытала их действие на себе.

— Сверхъестественные силы — не глупость, а объективно существующая реальность, данная нам в ощущениях. Это скорее ученых, отрицающих непознанные явления, можно назвать глупцами. Особо отличившихся в отрицании я бы вообще премировал — за выдающуюся глупость!

— Такие премии уже существуют на Западе. В Гарвардском университете даже вручаются дипломы тем, кто сделал не нужные никому изобретения.

— Это какие имеются в виду?

— Например, я помню, что первой премии был удостоен какой-то бельгиец, составивший социологический портрет любителя пончиков. Или как тебе нравится лауреат, выяснивший типы посуды, предпочитаемые американцами при сдаче мочи на анализ?

— Идиот! — с чувством проговорил Дмитрий.

— Еще я помню, что в прошлом году лауреатом «антиноблевки» стал наш соотечественник за модель огнемета для поражения автоугонщиков.

— Ух ты, молодец! — восхитился Дмитрий. — Как говорится: шок — это по-нашему! Сел за руль, включил двигатель и сгорел. Вместе с машиной. Неужели они не стесняются получать эти премии?

— Никто не отказывается, для многих это единственный шанс заявить о себе. Но это я еще могу понять, а вот лауреатов премии Дарвина — нет.

— Что за премия?

— Совершенно жуткая — присуждается за самую эффектную смерть. Посмертно, разумеется.

— Неужто есть и такие премии?

Диана развела руками.

— Человечество — это такой бордель, что в нем можно отыскать любое отклонение от нормы.

— Кто же вручает премию за смерть?

— Международное жюри Интернета. Не так давно одним из победителей стала женщина, мать троих детей, которая решила любой ценой заполучить в спутники жизни соседа. Она инсценировала нападение на свою квартиру, заклеила себе рот скотчем, сунула голову в пластиковый мешок, связала себе руки и улеглась на пороге квартиры, зная, что как раз в это время сосед возвращается с работы домой. Увидит ее и спасет. А сосед задержался в пивной...

— Ну и ну! — покачал головой Дмитрий. — Это уж ни в какие ворота...

— Есть еще более дикие случаи. В Японии одно время было модно носить туфли на тридцатисантиметровой подошве. Одна такая модница села за руль автомашины, а потом выяснилось, что тормозить в такой обуви невозможно.

— Ясно. Так этим только женщины отличаются?

— Размечтался, мужчины намного их опережают, будь уверен. Один летчик приделал к своему вездеходу ракетный двигатель и взлетел, врезавшись в небоскреб. Другой оригинал просто пинал ногами автомат с кока-колой, пока тот не упал на него и не раздавил. Примеров в Интернете — хоть отбавляй.

— Да, безмозглость человеческая не имеет предела! Но я тебе обещаю, что премию Дарвина не получу.

— Очень надеюсь, — насмешливо улыбнулась Диана и зовуще потянулась.

Дмитрий посмотрел на нее, чувствуя нарастающее волнение и вспоминая четверостишие Валентина Гафта:

Мы сидели, пили чай,
Лучше и не надо.
Все напоминало рай,
Но хотелось аду.

Однако вслух он повторять четверостишие не стал. Сказал озабоченно, держась за сердце:

— Кажется, у меня приступ...

— Что, сердце?! — вскочила Диана, бросаясь к нему.

— Сердце! — подтвердил Дмитрий, хватая ее в охапку.

Храм БЕСа, выросший на месте снесенной церквушки недалеко от Введенского кладбища, представлял собой монументальное кирпичное сооружение с тремя конусовидными башнями, напоминающее элеватор, обнесенное мощной шестиметровой стеной. Проникнуть внутрь этого сооружения силой не представлялось возможным, оно было рассчитано чуть ли не на артиллерийскую осаду, и разработчикам операций КОП пришлось изрядно поломать головы, прежде чем найти достаточно эффективное и простое решение. В понедельник это решение было обсуждено «копами», а во вторник команда полковника Михно приступила к его реализации.

В десять часов утра, когда послушники храма в количестве ста с лишним человек (наблюдатели постарались и выяснили весь состав Братства) приступили к «утренней литургии», к воротам «замка» подкатила белая, с красными крестами на дверцах, машина — медицинская «Газель», и водитель дважды надавил на клаксон.

Отворилась калитка рядом с тяжелыми металлическими воротами, оттуда выглянул могучий молодой человек в черной рясе.

— Чего надо?

— Санэпиднадзор, — веско сказал врач в белом халате, которого играл сам Мих-Мих. — В районе намечается эпидемия дезинтерии, разносчиком которой могут быть мыши и крысы. Открывай, проверять подвалы будем на наличие.

— Не велено.

— Тогда доложи своему батюшке, не в его интересах с властями конфликтовать. Закроем храм на фиг! У меня на руках постановление губернатора о поголовной ревизии всех общественных и частных заведений вроде вашего.

Привратник в рясе глянул на «Газель» и скрылся.

— Если они нас не впустят, — сказал водитель, также одетый в халат, роль которого исполнял бывший омоновец Самохин, — придется менять план.

— Не придется, — уверенно проговорил полковник. — Мы вчера передали по радио о вспышке дезинтерии, в храме должны слушать новости. А настоятель не захочет идти против властей, он знает, что храм находится на особом счету и его мало кто жалует из местных жителей. — Михно поправил пуговку рации на воротнике халата. — Внимание, перекличка.

Тихие голоса оперативников доложили о готовности к работе. Сообщил о себе и Дмитрий, прогуливающийся возле храма в паре с Миленой Отиевой, служившей раньше в женском батальоне Российского Легиона. Они должны были сыграть роли молодых людей, пришедших записаться в послушники Братства.

Пока они прогуливались, с ними повстречалась старушка, сердито косившаяся на неприступные стены храма БЕСа и разговаривающая сама с собой. Увидев, что на нее смотрят, она заулыбалась смущенно и кивнула на башни храма.

— Вот хоромы отстроили, богоотступники! Не побоялись гнева божьего!

— А почему они должны бояться? — поинтересовалась Милена, переглядываясь с Дмитрием.

— Так ведь здесь раньше православный храм Воскресения стоял, потом церковь Воскресения. Снесли церковь, православным и помолиться негде стало, а эти жируют, молодежь с панталыку сбивают. Обидно это.

И старушка побрела дальше, что-то приговаривая и крестясь.

— Это она напрасно жалуется, — заметила спутница Дмитрия, — в Вологде хватает православных церквей, есть куда сходить помолиться.

— Она старая, живет где-нибудь поблизости, — вступился за старушку Дмитрий. — Раньше-то прошла сто метров — и вот тебе церковь, а теперь куда-то ехать надо. И вообще ты плохо штудировала материалы Мих-Миха. В Вологде за последние десять лет восстановили лишь один православный храм, зато открыли буддистский центр, два протестантских храма, католический, две синагоги, две мечети и шесть сектантских приходов. Это разве не обидно русскому человеку?

— Я за свободу вероисповедания.

— Я тоже, только не за счет ликвидации Православия. А храм БЕСа вообще сатанинская организация, и ею надо за-

ниматься всерьез. Я не уверен, что наш наскок что-либо изменит. Разве что заставит власти задуматься.

Снова отворилась дверь в стене.

— Наставник занят, — сказал выглянувший привратник. — Приезжайте после одиннадцати часов.

— Почему после одиннадцати? — не понял Михно.

— Закончится восхваление принципа, — туманно пояснил страж ворот, закрывая дверь.

— Я говорил, — хмыкнул Самохин. — Придется ждать.

— Странно...

— Что странно?

— В одиннадцать начинается заседание Городской думы...

— Совпадение. При чем тут Дума? Сектанты заняты своими делами, у них «восхваление принципа». Интересно, что бы это значило?

— Послушники храма тоже молятся своим богам. Что ж, придется ждать. Всем передышка до одиннадцати.

— Не люблю я ожидания, — проворчала Милена, беря Дмитрия под руку. — И оттяжек не люблю. Наверняка что-нибудь непредвиденное случится.

«Влюбленные» снова побрели по аллее мимо храма, поглядывая по сторонам и прислушиваясь к долетавшим из-за стен звукам: мычанию коров, крикам петухов, тарахтению мотора; храм имел собственное подворье и подсобное хозяйство. Время со скрипом двинулось от десятичасовой отметки к одиннадцатичасовой.

В половине одиннадцатого неожиданно к воротам храма подкатил джип «Тойота» с темными стеклами, посигналил, и ворота открылись. Джип скрылся во дворе.

Михно и Самохин переглянулись.

— Кто это так по-хозяйски заехал?

— Номера, между прочим, московские. Наверное, центральное начальство Братства из столицы прикатило.

— Это очень некстати.

— Что будем делать?

Полковник с минуту размышлял, барабаня пальцами по торпеде машины.

— Подождем все-таки. Отбой объявить никогда не поздно.

Снова потянулись минуты ожидания.

Без пяти минут одиннадцать ворота открылись, выпуская джип.

— Заезжайте, — махнул рукой привратник. — Сейчас к вам завхоз выйдет.

Самохин включил двигатель, «Газель» медленно проехала на территорию храма. Ворота закрылись.

— Через три минуты начинаем, — принесла рация приказ полковника.

— Наконец-то, — с облегчением вздохнула Милена. — Пошли.

Они двинулись ко входу в обиталище БЕСа, настраиваясь на работу. Милена уже не раз участвовала в операциях КОП и особого волнения не испытывала, да и женщиной была сильной и решительной. Дмитрий же хоть и волновался, но не по причине страха неудачи, а как человек, впервые выполнявший не свойственные ему функции диверсанта, хотя в бытность свою спецназовцем участвовал и в более серьезных операциях.

Кнопок на двери не оказалось, однако она сразу же отворилась, как только молодая пара приблизилась к ней вплотную. На пороге вырос все тот же рослый привратник в черной рясе.

— Чего надо?

— Мы пришли записаться в Братство, — несмело проговорила Милена, чуть выставляя вперед ногу. У юбки был разрез, и от ее движения сразу стало видно бедро женщины.

Богатырь-привратник равнодушно посмотрел на ее ногу, буркнул:

— Приходите позже, наставник занят.

Он повернулся, чтобы уйти, и Дмитрий сделал стремительный выпад пальцем в спину парня, попадая в нервный узел. Привратник охнул, приседая, начал заваливаться головой вперед, и «диверсанты» с трудом удержали его. Весил молодой монах явно больше ста килограммов.

Усадив его на пол будки и прислонив спиной к стене, Дмитрий и Милена прислушались к шуму во дворе, выглянули наружу и увидели бегущую по дорожке к храму молодую женщину в белом сарафанчике. Переглянулись.

— Кого это еще несет? — сквозь зубы проговорила Милена. — Лещенко, кого вы пропустили?

— Никого, — отозвался командир засадной группы, готовой прийти на помощь основной. — Все тихо.

— А это кто к храму спешит?

Пауза.

— Не знаю... мы никого не видели...

— Так это призрак по-вашему? — Милена выругалась, глянула на Дмитрия. — Встреть ее, я побежала к полковнику. Потом догонишь.

Она выбежала во двор.

Дмитрий хотел было натянуть на себя рясу привратника, чтобы сыграть его роль, но не успел. Женщина в белом сарафане, смуглая, черноволосая, очень красивая, с поразительной быстротой преодолела расстояние от дороги до храма и, толкнув дверь, оказалась перед лицом Булавина. Она бежала очень быстро, буквально в т е м п е, но даже не запыхалась, что поразило Дмитрия больше всего.

— Уходите, — быстро сказала она, бросив взгляд на пытавшегося подняться верзилу-привратника. — Сейчас здесь будет смерть!

— Что?! — изумился Дмитрий, едва не потеряв дар речи. — Какая смерть?!

— Самая реальная. Этот храм подготовлен в качестве экспериментального пси-усилителя для проведения атаки на депутатов Городской думы. Когда он включится, внутри все погибнут, так как импульс не рассчитан на резонанс такого количества пси-сфер. Я имею в виду послушников храма. Да не стойте же столбом! У вас есть связь со своими коллегами, давайте сигнал тревоги! Отбой!

— Кто вы?!

— Меня зовут Мария, потом все объясню.

— Как храм может стать усилителем?..

— На джипе привезли установку для психотронного воздействия на людей «лунный свет», импульс которой и должен будет усилить эгрегор храма. Да включайте же рацию!

Подчиняясь властным интонациям в голосе незнакомки, Дмитрий вызвал Михно:

— Полковник, надо уходить! Возникли непредвиденные обстоятельства...

— В чем дело? — осведомился Мих-Мих.

— Здесь проводится эксперимент...

— Какой еще эксперимент? Булавин, ты в своем уме?!

Дмитрий беспомощно посмотрел на Марию.

— Храм заминирован! — подсказала та, догадываясь о характере переговоров.

— Храм заминирован! — повторил Дмитрий. — Срочно уводите людей!

— Кем он, на хрен, заминирован?! — не поверил полковник. — У меня нет никаких сведений. Быстро ко мне, мы уже в центральной пирамиде, наставник здесь... — Михно внезапно замолчал.

— Я иду туда! — дернулся к выходу во двор Дмитрий, но Мария остановила его, схватив за рукав.

— Стой! Поздно!

Глаза женщины налились чернотой, затем вспыхнули изнутри золотым пламенем, и в то же мгновение Дмитрию показалось, что на голову ему обрушилась гранитная глыба.

Сознания он, однако, не потерял, но застыл, парализованный и беспомощный, ставший слабым и пустым, как воздушный шарик. Страха не было. В голове шумело, будто сыпался сквозь щели песок, в груди росла дыра, из которой по телу распространялся жуткий холод, тело рвалось на нити и растягивалось в бесконечной длины канат, тонувший в черной бездне пространства...

Всплеск боли в голове!

Горячие щупальца начали собирать нити сознания в единый поток, холод в груди собрался в ком, растаял, сердце заработало вновь, мысли прояснились.

Дмитрий ощутил себя прислоненным к стене будки. Тело казалось рыхлым и тестообразным, покрытым слоем пота, ноги ватными, на голове что-то лежало, тяжелое и горячее, но приятное, и лишь когда Мария убрала руку, он понял, что это была ее ладонь.

— Что... произошло?! — еле выговорил Дмитрий непослушными губами.

— Они включили «лунный свет», — глухо сказала Мария. Провела рукой по лицу, бледная, с тенями под глазами, сосредоточенная на каком-то переживании. — Все кончено... Уходим отсюда!

— Но там... мои товарищи...

— Они мертвы.

— Все равно... как мертвы?!

— Так. Обопритесь на меня.

— Но я не могу... я должен их...

— Им вы все равно не поможете. Из всей группы уцелели только вы и засадники. Уходите же!

— Почему я... остался жив?

— Потому что я вас защитила. Давайте я помогу вам дойти до машины.

Мария взяла под руку Дмитрия и повела его прочь от храма БЕСа, в котором царила странная тишина. Не было слышно никакого шума, не мычала как прежде корова, не кричали петухи и куры, не работал мотор дизеля. Дмитрий оглянулся, попытался остановиться, но спутница была сильнее.

— Не останавливайтесь, Булавин, ваша деятельность в КОП закончилась.

— Не понимаю, о чем вы...

— Понимаете, я о вас знаю все. Просто вы оказались не в то время и не в том месте. Слава богу, что я успела. Приедете домой, полежите, помедитируйте, как вы умеете, все пройдет.

— Кто вы, черт возьми?!

— Я ведунья, работник Катарсиса. Остальное узнаете позже. Садитесь. — Мария помогла Дмитрию сесть за руль синей «Волги», принадлежащей «копам» и ждущей их в километре от храма на улице Некрасова. — Доберетесь?

— Доберусь, — поморщился Дмитрий. — Что это было?

— Эгрегор храма усилил разряд «лунного света», но люди не выдержали резонанса, произошел пси-взрыв...

— Как вы меня защитили?

— Долго объяснять. Езжайте.

— Там Лещенко... в засаде с ним трое...

— Они нас не видели.

— Я не об этом...

— Возможно, они останутся в живых. До встречи, Дмитрий Михеевич, я вас навещу в скором времени. Никому ни слова о том, что вы здесь были, а также о нашей встрече, даже Диане.

Женщина исчезла.

Дмитрий покрутил головой, ища глазами незнакомку, пробормотал:

— С ума сойти!.. Куда она пропала?.. Или у меня что-то с головой?..

Потом завел двигатель и повел «Волгу» прочь от кладбища, возле которого высилась громада храма БЕСа.

Дома его ждал сюрприз: приехала сестра Софья, оставившая дочку Ольгу у бабушки в Карпунине. Увидев вялые движения брата, она всполошилась:

— Что с тобой, Димка?! На тебе лица нет!..

— Все в порядке, — слабо отмахнулся Дмитрий, чувствуя разливающуюся по телу слабость. — Устал малость... помоги раздеться...

Он с трудом умылся, добрел до спальни и рухнул на кровать, проваливаясь в темноту беспамятства. Софья, испуганная его состоянием, хотела вызвать «Скорую», но подумала и позвонила отцу.

Михей Олегович приехал через полчаса не один, с ним была незнакомая красивая девушка, сразу бросившаяся к Дмитрию.

— Кто это? — показала глазами на дверь спальни удивившаяся Софья.

— Диана, — ответил Михей Олегович, заглядывая в спальню. — Что с ним?

— Сама не знаю, — растерянно пожала плечами Софья. — Появился бледный как полотно, потный, слабый, и сразу в кровать.

— Не сказал, где был?

— Нет, а что?

— В городе переполох. Городская дума в шоке, большинство депутатов ни с того ни с сего потеряли сознание, у трех инфаркт, двое в реанимации... В общем, явление удивительное, если не сказать больше. Вот я и думаю, может, Димка тоже оттуда?

— Что ему делать в Думе?

Михей Олегович вздохнул и отстранил хлопотавшую над телом сына Диану.

— Теперь я его посмотрю, посидите в зале.

Женщины вышли, оценивающе посмотрев друг на друга. В глазах Дианы стояли слезы, и Софья вдруг поняла, что перед ней будущая жена Дмитрия.

КАРПУНИНО

ТАРАСОВ

Глеб собирался уехать на следующий день, то есть в пятницу, но остался, не имея ни малейшего желания уезжать из деревни, где он так неожиданно встретился с понравившейся ему женщиной. В тот вечер он не отпустил Софью от себя ни на шаг, да и она сама не хотела отходить от Тарасова, ошеломленная и обрадованная встречей не меньше, чем он.

Они провели вместе все время, сначала в доме деда Глеба, глядя на дочерей, играющих в саду, потом Софья спохватилась, что не закончила какие-то дела, убежала на четверть часа, и Тарасов вынужден был сдерживать себя, чтобы не броситься за ней следом.

— Что, прикипел? — бросил на внука насмешливо-хитрый взгляд Евстигней Палыч. — Хороша деваха. Они-то, булавинские, все статейные, породистые, любо глянуть.

— Она сказала, что ее фамилия Шипилова.

— По мужу. А так Булавина в девичестве. Ничего, что она с дитем-то?

— У меня у самого такая... веселей будет вместе...

— Неужто надумал Софью под венец?

— Надумал, — смущенно признался Глеб. — Если еще пойдет. Одобряешь?

— Мое дело стариковское, чего зря языком чесать — одобряю али нет, но женщина она справная и строгая. Как от мужа ушла семь лет назад, так и живет одна.

— Почему ушла?

— Равнодушный он был, собой только занимался. Да и другую завел на стороне.

— Понятно, — задумчиво проговорил Тарасов, с нетерпением ожидая возвращения Софьи. — Странно, что я ее раньше здесь не встретил.

— Так она в деревне редко бывает. Сначала жила с мужем и родичами его в Нижнем Новгороде, потом что-то у нее отношения со свекровью не заладились. Знаешь, как это бывает: косой взгляд, не туда шагнула, не то сказала, слово за слово...

— Знаю, — кивнул Глеб, вспоминая тещу, с которой у него тоже не задались родственные отношения.

— Ну, вот, она пожила в Нижнем полгода и переехала в Москву, а еще через год развелась.

— Откуда ты все так хорошо знаешь? — прищурился Тарасов.

— Так ведь в деревне живем, все друг о друге знаем. Раньше вообще как одна семья жили, это вот сейчас обособляться начали, заборами пообгородились. Не хочешь вместе с ней со мной на пасеку съездить?

— А что, это мысль, — почесал макушку Глеб. — Попробую уговорить. Давно меня пчелы не кусали.

— Если к ним по-доброму — не покусают.

Дед еще что-то говорил, но Глеб не слышал, заметив идущую по улице Софью. И еще он заметил, что за ней внимательно наблюдают «быки» — два кряжистых, волосатых, угрюмых, с квадратными лицами типичных вышибал, парня, о которых писал дед. Тарасову очень не понравились их кривые ухмылки. Однако разборку с ними он решил отложить на следующий день. Нынешнее настроение не соответствовало выяснению отношений с наглыми деревенскими рэкетирами.

— Все, я освободилась, — сообщила Софья, успевшая переодеться в спортивный костюм и от того ставшая еще более соблазнительной. — Что будем делать?

Она заметила Евстигнея Палыча, смущенно улыбнулась.

— Извините меня, дедушка, что я доставляю столько хлопот.

— Так ведь хлопоты хлопотам рознь, — усмехнулся в бороду старик. — Такие хлопоты мне в радость. Глядишь, там и свадебку скоро сварганим.

Он скрылся в хате.

— О чем это он? — удивленно поглядела ему вслед гостья.

— Шутит старый, — поспешил успокоить ее Глеб. — Обрадовался, что мы приехали. Так-то все один да один. Кстати, он пригласил нас на пасеку завтра, не желаешь поехать?

— Вообще-то я собиралась завтра уезжать... — засомневалась Софья. — Да и Ольгу одну оставлять не хочется.

— И Оленьку возьмем, я же с Акулиной еду.

— Не знаю, право слово... надолго?

— Как понравится. Ну, пожалуйста. — Глеб опустился перед женщиной на колено, взял ее за руку, поднял глаза. — День на природе — это здорово! Поехали, Софи.

— Я тебя совсем не знаю, — задумчиво сказала она, не отнимая руки.

— Так узнай!

— Ты этого хочешь?

— Очень! — Он встал, глядя ей в глаза, притянул к себе, медленно приблизил губы к губам женщины, испытывая трепет и одновременно желание схватить ее в охапку и целовать, и вздрогнул, услышав веселые голоса приближавшихся девочек.

— Мам, пап, мы тут мышкину норку нашли, хочешь посмотреть?

Вздрогнула и Софья, как бы проснувшись, отступила, все еще не отнимая рук, но ниточка обоюдного радостного ожидания продолжала их соединять, и Глеб понял, что торопиться никуда не надо. Они нашли друг друга. Не стоило разрушать создавшуюся «ментальную» связь словами, а тем более неосторожным жестом.

— Потом посмотрю, Оленька. — Софья прошлась по траве вдоль изгороди, отделявшей сад Евстигнея Палыча от огорода, повернулась к оставшемуся на месте Глебу. — А хочешь, я познакомлю тебя со своей бабулей? Она у меня целительница, хотя и не любит, чтобы ее так называли. И с Колей познакомлю, это мой двоюродный брат, здесь, в Карпунине живет, учительствует, топонимикой занимается, книги пишет. Очень интересный человек.

— Пошли, — улыбнулся Глеб. — До заката еще часа два.

Потом уложим детей спать и посидим на веранде. Не возражаешь?

— Абсолютно. Давно мечтала посидеть за чашкой чая в хорошей компании, да все не получалось. То времени нет...

— То компании, — закончил Глеб. — У меня то же самое. Приходится в основном завидовать другим и наблюдать, как плохие и очень плохие люди делают то, о чем хорошие только мечтают.

Софья засмеялась.

— И это говорит профессионал спецназа?

— А что, профессионалы спецназа не имеют права мечтать?

Софья посерьезнела, смерила Тарасова оценивающим взглядом.

— Вообще-то выглядишь ты далеко не мечтателем, а эдаким экстремальным мужчиной, человеком дела. Хотя именно эта черта в мужчинах мне нравится.

Теперь улыбнулся Глеб.

— Знаешь, чем человек слова отличается от человека дела?

— Чем?

— Человек слова дал слово — забрал слово, а человек дела дал слово — сделал. Это мне мой отец внушал. Кстати, у тебя вид не хуже моего.

— Что ты хочешь сказать? — удивилась она.

— Ничего обидного. Просто у тебя такой неприступный вид, что я сам бы никогда не решился подойти и познакомиться. Спасибо тем ребятам на вокзале, что пристали к тебе. Ну, идем мы к твоей бабуле или нет?

— Идем, — вспомнила о своем предложении Софья.

— Дед, мы будем через час, пригляди за чадами. Придем, чай будем пить, завари свежачка.

— Пригляжу, — отозвался Евстигней Палыч.

Они не торопясь двинулись вдоль деревни, провожаемые любопытными взглядами старух и женщин, копавшихся на огородах и во дворах, миновали избу Мотовилихи с новой крышей, где у машины возился один из «быков».

— Нехорошие люди, — тихо проговорила Софья, кивнув на дом. — Говорят, они многим угрожали.

— Я знаю, — кивнул Глеб. — Ничего, я с ними поговорю, авось присмиреют.

— Не стоило бы тебе с ними связываться, — нахмурила брови Софья. — Они вон какие здоровые, прямо кабаны. Да и что им скажешь?

— Найду что сказать. Не бери в голову, все будет нормально. Где ваша хата?

— Вон та, с зеленой крышей, — показала Софья на избу-пятистенку, стоявшую на краю деревни. — Бабуля сама красила, она у меня подвижная, хотя ей уже далеко за восемьдесят.

Она отворила калитку.

— Проходи.

Тарасов прошел на территорию участка, остановился у крыльца, на которое вышла высокая, стройная женщина в платке и старинном платье с оборками. Лицо у нее было смуглое, гладкое, почти без морщин, а глаза смотрели молодо и весело.

— Здравствуйте, хозяюшка, — поклонился Глеб.

— И ты будь здоров, сынок, — поклонилась в ответ женщина; старухой назвать ее не поворачивался язык; это и была бабуля Софьи Полина Родионовна. — А ты случайно не родственник пасечнику Евстигнею будешь?

— Внук он ему, — сказала Софья, подталкивая Глеба вперед. — Проходи, не стесняйся, бабуля не кусается. Ведь не кусаешься, Родионовна?

— Скажешь тоже, — усмехнулась хозяйка, не обижаясь. — Я хороших людей не трогаю. Проходи, сынок, будь как дома.

Софья подмигнула Глебу, повела его в сени, а оттуда не в хату, а во двор.

— Посмотри, как тут у нас все устроено, настоящий фэншуй[1].

Тарасов оказался в большом восьмиугольном дворе с прудом в центре и хозяйственными постройками, составляющими стороны восьмиугольника. Вокруг пруда размерами десять на десять метров росли березки и клен, под которым располагались две скамейки и деревянный стол. Двор порос травой, а не был вытоптан скотиной, как в обычных деревенских дворах, хотя у сарая стояла корова — пила из деревянного корыта, а из другого сарая доносилось похрюкивание свиней.

— Ну, как? — поинтересовалась Софья, перехватив удивленный взгляд гостя. — Чем тебе не фэншуй?

— Китайцам такое и не снилось, — покачал головой Глеб. — Вряд ли они догадались бы соединить принципы защитной

[1] Фэншуй — «ветер — вода» (*кит.*), свод правил для достижения гармонии в быту, деловой и семейной жизни.

геометрии с нашим посконным хозяйством. Но пруд хорош! Как вам удается сохранять во дворе траву? Куры есть?

— И куры есть, и утки, но траву во дворе не щиплют. А почему — это бабулин секрет. Посидим под кленом?

— В другой раз — обязательно.

— Тогда пошли покажу хату, фотографии семейные, и пойдем к Нику.

— К кому?

— Его отец Ником назвал: Ник Иванович Кузнецов, понимаешь. А мы всю жизнь Колькой зовем.

— Ник — это же вроде английское имя, зачем русскому мужику понадобилось называть сына Ником?

— Поди узнай, что стукнуло в голову родителю, когда он сына Ником называл. Сия тайна покрыта мраком. Кстати, в соседней деревне живет парень с еще более экзотическим именем: Динамо Сергеевич Педурханов.

Глеб засмеялся.

— Шутишь.

— Нисколечко. Отец этого самого Динамо заядлый футбольный болельщик, вот и назвал сына по-идиотски.

Софья провела Тарасова в горницу, усадила на диван, достала альбом с фотографиями и примостилась рядом, поджав под себя одну ногу и прижавшись плечом к плечу Глеба. Его бросило в жар, но он заставил себя не думать о близости женщины и открыл альбом.

Вошла Полина Родионовна с бидоном.

— Молочка парного не хотите?

— С удовольствием, — отозвался Глеб, обрадовав старуху.

Он выпил поллитровую глиняную кружку молока, показал палец.

— Высший класс! Жаль, что у деда коровы нет, не то пил бы молоко каждый день. Хотя я больше люблю топленое.

— У нас с тобой одинаковые вкусы, — сказала Софья, делая вид, что не замечает волнения Тарасова от случайных касаний ее груди и его плеча. — Теперь давай смотреть моих родичей. Вот это мой прадед Игнат Терентьевич.

Она стала показывать фотографии и называть имена. Длилась эта пытка, к счастью, недолго. Внезапно потемнело, порыв ветра захлопнул окно в горнице, недалеко раздался удар грома.

— Ой, гроза! — всполошилась Софья. — Надо бежать, а то дети промокнут.

— Успокойся, — остановил ее Глеб. — Дед их в дом заберет. — Он повернулся к ней, прижавшей кулачки к груди,

увидел в ее широко раскрытых глазах восторг и тревогу, обнял. Поцеловал. И уловил ответный поцелуй.

По листьям деревьев, по крыше забарабанили первые капли дождя, потом дождь превратился в ливень, молнии полосовали небо, громовые раскаты сотрясали стены избы, а они сидели на диване и целовались, пока гроза не кончилась так же неожиданно, как и началась.

Софья отстранилась, вскочила с дивана, подошла к окну.

Глеб посидел немного, поднялся, остановился за ее спиной, глядя на быстро удалявшуюся тучу, негромко прочитал есенинские строки:

Грянул гром, чаша неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Софья вздрогнула, но не обернулась. Потом прошептала беспомощно:

— Понимаешь, я ничего не могу с собой поделать...

— Я понимаю, — сказал Глеб, стискивая зубы. — Извини.

— Ничего ты не понимаешь! — Она повернулась к нему, с тихим отчаянием ударила кулачками в его грудь. — Я не хочу сопротивляться!

— Так не сопротивляйся, — с удивлением и облегчением проговорил он.

— Я боюсь!

— Чего?!

— Что ты меня потом бросишь!

Глеб засмеялся и перестал, нежно обнял женщину, заглянул в глаза, в которых надежда боролась с отчаянием.

— Не брошу! Пока сама не сбежишь. Я всерьез и надолго!

— Правда?!

— Правда!

Когда в горницу заглянула Полина Родионовна, они все еще целовались.

— К вам гость, — сказала она, деликатно покашляв.

— Кто? — оторвалась от смущенного Глеба Софья, ни капли сама не смущаясь под взглядом бабки.

— Коля пришел.

— Зови его сюда. — Софья поправила прическу, одернула спортивный джемпер, посмотрела на Тарасова. — Легок на помине мой братик. Мы к нему собрались, а он сам заявился.

В избу шагнул высокий худощавый молодой человек с голубыми глазами и русыми волосами, смущенно поздоровал-

ся. Софья подбежала к нему, чмокнула в щеку пунцовыми, еще не остывшими от поцелуев губами, подвела к Глебу.

— Знакомься, это и есть Ник Кузнецов или просто Колька. Ник, это Глеб Тарасов, особо важный агент какой-то крутой спецслужбы, он сам расскажет, если можно. Вот что, мужчины, раз уж мы тут встретились, то давайте выпьем за знакомство и закусим, а уж потом поговорим. Я пойду бабуле помогу стол накрывать, а вы пока побалагурьте.

Софья выбежала в сени.

Ник исподлобья глянул на Тарасова.

— Командирша у меня сестрица. А вы правда агент?

Глеб улыбнулся.

— Просто служу в спецназе.

— Как интересно! Впервые вижу живого спецназовца. Давно Софью знаете?

— Три дня, — признался Тарасов. — Давайте присядем, чего стоя разговаривать.

— И то верно.

Они сели на диван, присматриваясь друг к другу.

У двоюродного брата Софьи было симпатичное русское лицо с ямочками на щеках, парень явно стеснялся своего вида — одет он был в старенькие холщовые штаны и майку — и держался с преувеличенной серьезностью.

— Где же вы с ней познакомились, если не секрет?

— На вокзале, случайно, — сказал Глеб. — Мы ехали в одном поезде и даже в одном вагоне. Как говорится: случай всегда подворачивается в самый неподходящий момент.

Ник понимающе усмехнулся.

— Софья не подарок. Вечно с ней что-нибудь приключается. А в каком спецназе вы служите?

Тарасов понял, что пора брать инициативу в свои руки.

— Мне сказали, что вы занимаетесь топонимикой?

— Да, занимаюсь. Софья сказала? Вообще-то я учитель русского языка в местной школе, а топонимикой увлекся в институте, когда летом гостил у родственников в Усть-Печенге. Деревенька такая есть в двухстах десяти километрах от Вологды, на реке Сухоне. Захотелось узнать, почему река так странно называется. Оказалось, в переводе с древнеиндийского — «легкоодолимая». А потом пошло и поехало. — Ник махнул рукой. — Знаете, как Печенга переводится? На языке чуди заволочской — «сосновая река».

— А Карпунино как переводится?

— Никак, этот топоним возник по имени основателя деревни Карпа, поставившего здесь, в глуши, на берегу Осечихи небольшой скит двести двадцать лет назад. Кстати, Осечиха — словечко из лексикона вепсов, означает — «длинная трава», то есть осока. — Ник увлекся, глаза его заблестели. — Я и сам не знаю, почему мне нравится исследовать происхождение названий рек, озер и деревень. Просто интересно, и все. В первом тысячелетии на территории нашего края жили несколько финно-угорских народов: весь, меря, пермь, лопари, чудь, но из них только вепсы — потомки веси — до сих пор проживают на западе области.

В горницу заглянула Софья.

— Идемте на веранду, там такие запахи после дождя — закачаешься!

Они перешли на веранду, сели за стол, но Ник продолжал делиться своими знаниями, найдя в лице Тарасова благодарного слушателя, и тот узнал много нового о географических названиях Вологодчины и Нижегородчины.

Так, оказалось, что озеро, на берегу которого возвышается всемирно известный Кирилло-Белозерский монастырь, основанный еще в тысяча триста девяносто седьмом году, называется Сиверским вовсем не потому, что расположено на севере. С языка древних вепсов это название переводится как «глубокое озеро». И действительно, глубины в Сиверском солидные — до двадцати шести метров, а пятьсот лет назад оно было еще глубже.

А вот имя русского города Тотьма никак не связано с «тьмой», как принято считать, хотя зимы здесь длинные и темные. Оно восходит к древнепермским словам «тод» — сырое место, заросшее кустарником и елками, и «ма» — земля.

— Подожди, Коля, — остановила разговорившегося брата Софья, поднимая бокал с брусничной наливкой, по части изготовления которой Полина Родионовна была большая мастерица. — Давайте выпьем за встречу и чтобы исполнились наши мечты.

— Это целых два тоста, — сказал раскрасневшийся Ник. — Сначала пьют за одно, потом за другое.

— Хорошо, вы пейте за одно, а я за другое.

Они сдвинули красивые резные хрустальные стаканы, и Глеб пригубил вино, не очень сладкое, терпкое, с приятной горчинкой, пахнущее травами и солнцем.

— Очень вкусно!

— Спасибо, сынок, — расцвела Полина Родионовна, отхлебнув наливки вместе со всеми. — Это еще прадедов рецепт, любили в нашем роду такие напитки. Ну, вы тут посидите, а я по хозяйству похлопочу.

Глеб захрустел салатом, попробовал соленые лесные грибочки с картошкой, съел полтарелки пельменей и допил вино. Посидели еще полчаса, слушая Ника, который рассказал о происхождении названия речки Песья-Деньга, вовсе не относящегося ни к собакам, ни к деньгам. Сначала река называлась Леденьга — «песчаная река» на языке чуди заволочской, а уж потом славяне превратили слово «лед» — песок — в более понятную им «песь».

— Мужчины, вы тут доедайте без меня, — встала из-за стола Софья, — а я за Оленькой сбегаю. Спать пора детям, солнце уже село.

— И я пойду, — поднялся Тарасов. — Моя Акулина без меня не ложится.

Встал и смущенный Ник.

— Заговорил я вас совсем...

— Нет-нет, — запротестовал Тарасов, — все было очень интересно. Мы еще встретимся и поговорим.

— Тогда уж заходите к нам в гости, мы с женой будем очень рады. Завтра и заходите.

— Завтра не получится, мы на пасеку поедем, а вот послезавтра скорее всего зайдем.

Ник просиял, пожал руку Тарасу, обнял сестру и ушел.

— Хороший мужик, — сказал Глеб, глядя ему вслед. — Начитанный, умный, увлеченный. Побольше бы таких.

Софья оглянулась, украдкой поцеловала его прямо на улице и потащила за руку в сгущающихся сумерках на другой конец деревни, где жил Евстигней Палыч.

Договорились, что, как только уложат детей, встретятся на берегу Осечихи. Но планы пришлось поменять, когда они проходили мимо хаты Мотовилихи. «Быки» сидели на лавке у ворот и курили.

— Эй, красавица, — окликнул Софью один из них, — зашла бы в гости. У нас хорошая музыка, коньяк есть, травка, повеселимся.

Софья не ответила, невольно ускоряя шаг. Они молча прошли мимо.

— Эй, ты чего, глухонемая? — продолжал «бык».

Его брат заржал.

— Подожди-ка, — сказал Глеб. — Я скажу им пару слов.

— Не надо!

— Не бойся, я за себя отвечаю.

Он подошел к лениво курившим, голым по пояс братьям и сказал тихо, но четко:

— Даю вам два дня сроку, ублюдки! Чтобы в понедельник

духу вашего здесь не было! Не съедете отсюда — пеняйте на себя!

— Чего?! — разинул рот «бык» посветлей.

— Что слышал!

Глеб догнал Софью, взял под руку, не обращая внимания на матерный шум за спиной.

— Что ты им сказал? — с любопытством спросила она, оглядываясь.

— Чтобы уезжали из деревни.

— Стоило ли связываться?

— Стоило. Пока они здесь хозяйничают, никому житья не будет.

— Они опасные люди и не уедут.

— Уедут, никуда не денутся, — усмехнулся Тарасов, подумав, что он со своими навыками гораздо опаснее.

Они разобрали детей, и Софья повела не хотевшую уходить Оленьку домой. Глеб остался, собираясь укладывать Акулину, потом переложил эту обязанность на деда, поцеловал дочку, пообещав рассказать ей «страшную» историю в следующий раз, и быстро зашагал к центру деревни вслед за Софьей.

Он успел вовремя. «Быки» остановили женщину и не торопились пропускать.

— Веселитесь? — негромко сказал он, подходя ближе.

Софья вырвалась из рук одного из братьев, с которым боролась молча, не желая кричать (Оленька бегала вокруг и причитала: «Мамочка, тебе помочь?»), и бросилась, вся дрожа, к Тарасову.

— Все в порядке, — сказал он, ощущая растущий в душе гнев. — Пойдемте, я вас провожу.

«Быки» расступились.

— Эй, братан, — сказал первый, — так чего ты там базарил за чтоб мы уехали?

— Я сейчас вернусь и объясню, — пообещал он.

— Ох ты крутой! — заржал второй «бык».

— Ну-ну, будем ждать, — осклабился первый.

Глеб взял на руки Оленьку, доверчиво прижавшуюся к нему, проводил Софью до избы Полины Родионовны и оставил.

— Укладывай нашу красавицу спать, я сейчас вернусь.

— Не ходи к ним! — покачала головой Софья. — Еще покалечат. Это же нелюди!

— Не волнуйся, еще не родился человек, способный меня покалечить.

Тарасов повернулся и ощутил на плечах ладошки Софьи.

— Как ты сказал?

— Что? — обернулся он.

— Ты сказал: укладывай н а ш у красавицу?

— Ну и что? — не понял Глеб.

— Ничего. — Она поцеловала его, взяла Олю за руку и повела в дом. — Я тебя жду.

Тарасов облизнул губы, на которых остался озоновый след губ женщины, и направился к дому Мотовилихи.

Его ждали. С лавки поднялись навстречу две шкафообразные фигуры со смутно видимыми в свете далекого фонаря в конце улицы лицами.

— Ну, что, крутой? — заговорил более светловолосый «бык», сжимая огромные кулаки. — Что ты там базарил насчет... — он не закончил.

Глеб подошел вплотную и с тугим в ы п л е с к о м энергии толкнул его в квадратное лицо ладонью с растопыренными пальцами, расслабленными до последнего мгновения и ставшими вдруг железными.

Охнув, «бык» грохнулся на спину и остался лежать, оглушенный ударом и падением.

Его брат недоуменно перевел взгляд на него, посмотрел на Тарасова, продолжавшего подходить к нему, проворно сунул руку в карман широких штанов и достал брусок электроразрядника.

— Ах ты, бля! Да я ж тебя зашибу на... — он не договорил.

Глеб вошел в т е м п, обогнул неповоротливого детину слева, перехватил толстую руку (он мог сломать ее одним ударом, но не стал), отобрал электрошокер (надо же, армейский «мангуст»!) и влепил удар локтем в живот, в солнечное сплетение. Тот утробно хрюкнул и осел на враз ослабевших ногах. Тарасов присел рядом на корточки, приблизил лицо к физиономии «быка».

— Повторять больше не буду, уроды! Если не уедете из деревни — вас отсюда увезут вперед ногами! Понял?

— М-м-м... — промычал заросший волосами детина, не в силах вздохнуть.

Глеб дал ему пощечину.

— Понял, спрашиваю?!

— По-по... — попытался выговорить «бык».

— Очень хорошо. — Глеб встал. — Эту штуковину я экспроприирую, она не подлежит передаче в руки гражданских

лиц. Даю вам два дня. В понедельник проверю. И не дай бог, чтобы я здесь з а д е р ж а л с я из-за вас!

Не оборачиваясь, он двинулся назад к дому Полины Родионовны и в полусотне метров от места разборки столкнулся с бегущей Софьей.

— Господи, живой! — Она бросилась к нему на грудь. — А я ножик вот с собой взяла, на всякий случай...

— Защитница моя, — засмеялся Тарасов, обнимая женщину. — Не нужен твой ножик, и так все обошлось. Они обещали завтра уехать.

— Правда?!

— Посмотрим. Ну что, пойдем гулять?

— Нет, — прошептала Софья. — Бабуля ушла к соседке на всю ночь. Мы с тобой будем одни.

— А Оленька?

— Она спит на веранде.

Глеб повернул к себе Софью, заглянул в темные глаза, хотел что-то сказать, но она закрыла ему рот ладошкой.

— И ничего не говори, ладно?

Тарасов подхватил ее на руки и понес, не стыдясь взглядов из-за заборов и из дворов.

Неизвестно, что его разбудило в два часа ночи. Однако проснулся Тарасов мгновенно, прислушался сначала к тишине в доме, потом к самому себе. Интуиция «ощетинилась» и «тихо заворчала». Глеб напрягся и стал видеть слабо светящуюся сетку с ячейками разного размера и формы — это была энергетическая решетка земли, позволявшая ему в моменты наивысшего напряжения по изменениям рисунка подсказывать приближение опасности.

Однако в доме и вокруг него сетка светилась равномерно и не плыла, источник тревоги, разбудившей капитана, находился где-то в другом месте.

Стараясь не разбудить спящую Софью, Глеб осторожно высвободил руку из-под головы женщины, встал, натянул штаны и вышел из хаты.

В деревне царила удивительная, чистая, «не городская» тишина. Над ней раскинулся темно-фиолетовый купол неба, пронизанный лучами ярких, словно омытых недавним дождем, звезд. Сами собой всплыли в памяти строки известного поэта:

Открылась бездна, звезд полна.
Звездам числа нет, бездне — дна...

На них можно было смотреть часами, ловя иногда световые штрихи падающих метеоритов или медленно ползущий светлячок спутника, но Глеб лишь кинул взгляд на небо, подумав, что надо бы как-нибудь разбудить Акулину и показать ей «настоящие» звезды с полосой Млечного Пути. Затем бесшумно зашагал к центру деревни.

Дом Мотовилихи был темен и тих.

Глеб постоял у забора с минуту, прислушиваясь к тишине внутри избы, и начал красться к дому Евстигнея Палыча, уже з н а я, где сейчас находятся «быки»-рэкетиры.

Он обнаружил их возле хаты. Один обливал бензином приоткрытые ворота из канистры, второй возился во дворе у машины Тарасова.

Глеб тенью метнулся к первому и рубанул пыхтящего парня ребром ладони по толстой шее. Тот сунулся носом в землю и затих. Но его брат услышал шум падающего тела, насторожился и прошипел:

— Алекс? Что там у тебя?

Тарасов проскользнул в ворота и неожиданно вырос перед «быком», заставив его шарахнуться назад и стукнуться спиной о багажник машины.

— Привет, поджигатель. Не ждал?

«Бык» проворно выхватил из-под полы куртки какой-то длинный предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении помповым ружьем «сайгак», и Глеб разрядил в него прихваченный с собой «мангуст». Три извивающиеся голубые электрические змейки вонзились в грудь бугая, он с тихим взвизгом выронил ружье и упал.

Открылась дверь в сени, во двор выглянул Евстигней Палыч в одних трусах.

— Это ты, что ли, шумишь, внучек?

— Я, — отозвался Тарасов. — Забыл кое-что в машине. Акуля спит?

— Уснула сразу, как только легла. Даже сказку не дослушала.

Дед пересек двор, зашел в будочку туалета, не заметив лежащее у «пятнадцатой» тело. Вышел, почесываясь, зевнул.

— Не забудь ворота закрыть. И не проспи: в семь уже выезжаем.

— Не просплю, — пообещал Глеб. — С нами Софья с Оленькой поедут, не возражаешь?

— С чего б я возражал? Разместимся как-нибудь.

Дед ушел в хату.

Глеб взвалил на плечи воняющую потом и мочой тушу «быка», отнес к его дому и свалил в палисадник на клумбу с цветами. Затем таким же манером перетащил брата. Посидел возле них несколько минут, ожидая, когда они придут в себя. Сходил к ним в дом, вынес ведро воды и вылил на каждого по полведра. Братья очухались, заворочались, тараща глаза, озираясь, не понимая, как они сюда попали.

— Я мог бы вас кончить еще там, у машины, — сказал Тарасов, передергивая затвор помповика, — и меня бы оправдали, потому что доказательства вашего преступления налицо. — Он пнул ногой канистру с бензином, та упала, бензин начал выливаться на землю. — Вы хорошо меня понимаете?

«Быки» ошеломленно переглянулись.

— Не слышу! — Тарасов направил ствол ружья в грудь светловолосого бугая.

Тот на карачках отполз назад, просипел:

— Понимаем...

Глеб покачал головой.

— Честно говоря, верится с трудом. Пострелять вас прямо здесь, что ли? Или вызвать омоновцев из Ветлуги?

— Не надо, — пробормотал темноволосый брат. — Мы уедем...

— Громче!

— Мы уедем! Завтра... соберемся только...

Глеб с удовлетворением кивнул.

— Теперь верю. Но запомните: дадите хоть малейший повод — и я вас не пожалею! Слово офицера! И не надейтесь на своих братков в милиции, на них тоже управа найдется.

Он повернулся и зашагал прочь, но, сделав два шага, оглянулся, чиркнул спичкой о коробок, поджег его весь и бросил на канистру с бензином. Братья с воплями бросились наутек. Глеб снова двинулся по улице к дому Софьи и не обернулся, когда сзади рвануло.

Брызги горящего бензина разлетелись в разные стороны, попали на стены хаты, и «быки» принялись их тушить. Молча! Метод воспитания, примененный Тарасовым, подействовал на них должным образом.

Софья встретила его на пороге в одной ночной сорочке, подозрительно потянула носом.

— От тебя бензином воняет. Куда ходил? — Она увидела в его руке ружье. — Что это?!

— Ничего, все в порядке, — успокоил он женщину, при-

слоняя ружье к крыльцу. — Братья хотели поджечь дом деда и машину, пришлось их урезонивать.

— Ты... их?..

— Помял немножко, — небрежно отмахнулся Глеб. — Ружье отобрал, посоветовал уехать, они пообещали.

— Представляю себе, как ты им советовал! А если не уедут?

— Тогда я поговорю с ними еще раз. — Голос Тарасова стал жестким. — Не бери в голову, я знаю, что делаю. Помоги лучше смыть грязь и бензин.

Софья послушно принесла ведро с водой и мыло, и Глеб с удовольствием вымылся под струями холодной колодезной воды.

— Вот теперь пойдем спать. Подъем в шесть часов.

Софья прижалась к нему, шепнула:

— Ты, оказывается, умеешь наживать врагов.

— Не только, — возразил он. — С нормальными людьми я дружу. Но никому не позволю нагличать до беспредела!

Софья вздрогнула.

— Ты так говоришь...

— Как?

— С ненавистью!

— Это не ненависть, это отношение к подлецам и негодяям. Я никогда никого не обижал зря.

Софья прижалась к нему сильней.

— Обними меня...

Тарасов поцеловал ее и поднял на руки.

Никогда прежде ему не было так хорошо, как в этот августовский день на пасеке деда.

Ушли прочь заботы и тревоги, забылись невзгоды и стычки с разного рода подонками, не приходили мрачные мысли о грядущем возвращении в отряд. Ничто не могло нарушить возникший союз двух сердец и двух аур, ни одно тревожное ощущение не могло поколебать атмосферы дружелюбия, нежности, радости и уюта, царившей вокруг. В душе Тарасова пели птицы и летали ангелы.

Впрочем, такие же чувства владели и Софьей, с улыбкой наблюдавшей за счастливо игравшими в тени деревьев девочками. Акулина и Оленька, похожие друг на друга, как сестры, ловили бабочек и стрекоз, собирали букеты цветов, играли в бадминтон, раскладывали бумажных кукол, помогали деду ухаживать за пчелами, совершенно их не боясь, и занимались

другими важными делами, то и дело подбегая к взрослым и показывая им то букашку необычной расцветки, то цветок.

Глеб же и Софья были заняты собой, погрузившись в сонный покой природы, купались в ручье неподалеку, любили друг друга, отойдя в лес на километр от пасеки, а потом загорали, снова купались, помогали Евстигнею Палычу переставлять ульи и собирать мед, и разговаривали — не могли наговориться, и просто смотрели в небо, лежа на траве бок о бок, — не могли насмотреться.

И было им удивительно, до жути хорошо!

Глеб рассказал о своих взаимоотношениях с бывшей женой, поделился воспоминаниями о детстве, пресекая попытки Софьи расспросить его о работе. Она тоже вспомнила детство и рассказала о случае с бабушкой, которая давным-давно, в начале века, купила дом в деревне у одной странной старухи, оказавшейся настоящей колдуньей.

— Про нее соседи судачили, — говорила Софья, — что она, мол, в церковь ходит, молится, а черта не забывает. Да моя бабуля тогда молодая была и не побоялась. Отдала деньги за хату, а старуха каждый день к ней ходит и ходит, что-то в сарае перебирает. С месяц, наверное, ходила, пока бабуле не надоело. Вот бабушка и сказала: «Домна Патрикеевна, вы хату продали и деньги получили, так больше сюда не ходите. Если вам что нужно, я из сарая все принесу». Старухе это не понравилось. «У тебя такое с головой будет, — пригрозила она, — что ни себе, ни детям рада не будешь!» А через несколько дней действительно бабуля почувствовала, что у нее с головой творится что-то неладное. То ей казалось, что на макушке у нее дырка образовывается, откуда с шипением воздух вырывается, унося все силы, то глохнуть стала, то, наоборот, слышать странные звуки. А потом голова дико болеть начала. В общем, потеряла бабуля интерес к жизни, и если бы не будущий дед, вернувшийся с гражданской войны, она так и умерла бы.

— Как же он ее спас?

— Повез к родственникам, те сняли с бабули порчу, вылечили, и с тех пор она живет, горя не зная. Да и сама выучилась всяким штучкам, лечит людей, судьбу даже может предсказать. Мне вот предсказала. — Софья лукаво улыбнулась, глянув на покусывающего травинку Глеба.

— Что же она предсказала?

— Что тебя встречу. И не смейся. Имя только не назвала, а так все сходится.

Глеб потянулся к ней, собираясь погладить по плечу, и

вдруг идиллия кончилась. Ему показалось, что подул холодный ветер и лес сверху накрыла огромная черная тень, хотя солнце светило вовсю, на деревьях не дрожал ни один листик и вокруг стояла знойная сонная тишина. Глеб поднял голову и включил свою внутреннюю «локацию».

Под лопаткой запульсировал сосудик, в голове тихо лопнул стеклянный шарик.

Они были не одни.

В лесу, метрах в пятидесяти, прятались какие-то люди, по крайней мере трое. Еще четверо — так подсказывала интуиция — подкрадывались к пасеке со стороны машин — дедовой «Нивы» и «пятнадцатой» Тарасова, стоящих в тени развесистых ив вдоль ручья.

«Какого дьявола?! — пришла гневно-холодная мысль. — Кому я понадобился? Неужели меня выследил Хохол, чтобы вернуть в команду «заблудшего сына»?!»

— Что с тобой? — удивилась Софья.

— Молчи и слушай, — тихо сказал он. — В принципе ничего серьезного, я уверен, но хочу исключить любую случайность. Ты мне веришь?

— Верю.

— Тогда делай, что говорю. Возьми детей и уведи их вверх по ручью, где он подходит к болотцу. Спрячьтесь там в кустах и ждите, пока я не позову. Поняла?

Глаза у Софьи стали большими, тревожными, но переспрашивать, в чем дело, она не стала и сразу направилась к детям, набрасывая на себя на ходу сарафан.

— Оленька, Кулинка, ко мне, я вам что-то покажу.

Девочки подбежали к Софье, и все трое двинулись к ручью, весело щебеча.

Глеб посидел в траве, прислушиваясь к звукам, долетавшим из чащи леса, и начал действовать.

Для начала он решил достать из машины оружие — отобранные у «быков» и захваченные с собой помповое ружье и электрошокер, затем забрать деда и догнать Софью с детьми у ручья. Поэтому, ничего не говоря Евстигнею Палычу, в робе и сетчатом противопчельнике напоминавшему пришельца, тихо отполз к лесу и, пригибаясь, побежал по дуге к машинам.

Но его опередили.

Из леса на другой стороне гречишного поля, на краю которого разбил свой лагерь пасечник, показались двое парней в пятнистых штанах и куртках с короткими рукавами. Они двинулись к пасеке прямо через неубранное поле, отмахиваясь

от пчел, и хотя Глеб оружия у них не увидел, все же ощутил их злую целеустремленность. Эти парни были опасны и прекрасно знали, кто здесь находится. Единственным преимуществом Тарасова было то, что они в данный момент его не видели. Но он знал, что в лесу и за ручьем прячутся еще какие-то люди, и до их появления остались считанные минуты.

— Эй, дед, — окликнул Евстигнея Палыча самый рослый из парней, белобрысый, с коротким ежиком волос, — ну-ка угости нас медком.

Старик оглянулся, не снимая «шлема», пробурчал:

— Угостить можно, если подождете часок.

— Нету времени у нас ждать, — заговорил второй, обритый наголо, с блестевшим от пота бугристым черепом. — А ты тут один этим хозяйством заправляешь?

— Один, — еще более мрачно буркнул старик.

— А машины у тебя две, — покачал укоризненно головой белобрысый, — зачем обманываешь? Не стыдно такому почтенному гражданину добрых людей обманывать? А ну как мы рассердимся?

— Шли бы вы отсюда, добрые люди, поздорову. Не ровен час, пчелы покусают — начальство не узнает.

Парни переглянулись.

— Хамит дед, — констатировал бритологоловый лениво. — Плохо у них тут с гостеприимством. Наказать бы надо.

— Если скажет, где его напарник, простим.

— Мы добрые.

Оба заржали.

По тому, как они держались, по жестам, уверенной походке и напористости, Глеб понял, что эти ребята не рэкетиры и не случайные прохожие, захотевшие отведать медку. Они были из спецкоманды и появились здесь специально, точно зная координаты цели. Но это были не люди Хохла-Тихончука, на Тарасова вышла другая структура.

— Давай, дед, колись, кто тут с тобой, — предложил белобрысый, подходя ближе. — Может, мы тебя и не тронем за холодный прием.

— Никого тут нет, — огрызнулся Евстигней Палыч, — один я, а машина — агронома, он поля объезжает и скоро здесь объявится... с помощниками...

«Молодец, дед!» — похвалил в душе старика Тарасов, начиная д в и ж е н и е. Ждать было уже нечего, картина складывалась простая и понятная, надо было пользоваться своим минимальным преимуществом и нападать первым.

— Ай-яй-яй, — снова укоризненно покачал головой белоб-

рысый бугай, — как нехорошо брехать. Ведь ты здесь не с агрономом, а с внуком капитаном Тарасовым, а также с его бабой и двумя детьми. Так?

— Брешут собаки, — с достоинством ответил Евстигней Палыч, поднимая дымовую морилку в форме лопаты, — да еще вот такие, как вы, а я разговариваю человеческим языком. Убирайтесь отсюда, пока я пчел на вас не спустил!

— Ой-ой, как страшно! — развеселился бритоголовый. — Слышь, Боб, он пчел на нас спустит! Укротитель пчелиный нашелся. Или, может, у него не дымодув, а огнемет?

Он шагнул к деду, и тот направил на него струю дыма.

В тот же момент Глеб в т е м п е рванулся вперед. Засвистел в ушах ветер. Двадцать шагов, отделявших опушку леса от ульев на поле, он преодолел за доли секунды и обрушился на непрошеных гостей в камуфляже сзади, не считая нужным их предупреждать, как это делают «крутые» герои в кинобоевиках.

Он не ошибся в своих предположениях, приняв их за профессионалов из какого-то спецподразделения. Они были вооружены пистолетами бесшумного боя, а один из них — белобрысый — еще и «глушаком», поэтому Тарасову пришлось сразу пойти на самый жесткий вариант боя, чтобы исключить даже малейшую возможность стрельбы. И тем не менее ему не удалось приблизиться к спецназовцам незаметно!

Очевидно, за полем следили наблюдатели группы и успели предупредить своих разведчиков. Как быстро Глеб ни передвигался, оба парня уже схватились за оружие, и лишь т е м п позволил капитану обезвредить одного из них ударом в голову (прямой гэг-хех в висок костяшками пальцев, сжатыми в «копыто осла»), отвести руку второго с пистолетом в сторону и схватиться с ним в тягучей, гимнастически-силовой рукопашной. Парень владел барсом и хорошо двигался, а главное, был силен как бык. Если бы Тарасов уступал ему в силе, ему пришлось бы туго.

Бой длился не меньше минуты. В конце концов Глебу удалось заломить пальцы левой руки белобрысого, держа правой его правую руку с пистолетом, затем ударить его головой в лоб, после чего капитан вытащил из-за ремня парня «глушак» и разрядил сначала в него, потом в его бритоголового напарника, начавшего подавать признаки жизни.

Все это время Евстигней Палыч простоял без движения, в столбняке, и это, возможно, спасло ему жизнь, потому что белобрысый спецназовец успел-таки пару раз нажать на курок пистолета.

— Уходим, Палыч, — сказал Тарасов, тяжело дыша. — Отдых на пасеке закончился.

— Э-э... — начал старик и не закончил.

— Эй, капитан, — окликнули Тарасова из леса, — не дергайся, а то мы нервные. Брось оружие и подними руки!

Зашевелились кусты, и на поле вышли подталкиваемые в спину Софья и девочки.

Глеб в бессильном гневе скрипнул зубами, разглядывая двух стриженых здоровяков в пятнистой униформе, держащих под прицелом Софью и его самого. Ситуация складывалась матовая, а он ничего не мог сделать, даже владея т е м п о м и навыками русбоя, не рискуя подвергнуть дорогих ему людей смертельной опасности.

МОСКВА — КАРПУНИНО

НИКИФОР ХМЕЛЬ

Он не предполагал, что будет счастлив как ребенок, живя почти семейной жизнью с женщиной, чья национальность стала для него символом зла. Шарифа была весела, нежна, покорна, не уставала ухаживать за капитаном, навела в его холостяцкой — без мамы — квартире идеальный порядок, и Никифор, профессионал спецназа, прошедший огни и воды, превратился вдруг в главу семьи, которого каждый вечер ждали руки, губы, глаза и смех любимой, за которую он теперь готов был отдать жизнь.

Однако длилась эта идиллия всего три дня — с понедельника по четверг, пока не началась череда событий, которая надолго оторвала капитана от семейного уюта.

Сначала днем в четверг Шарифа прибежала домой вся в слезах и объявила, что ее дядю Муртазу, с которым у Никифора случился неприятный разговор, забрали в милицию.

Никифор после поездки в Ярославль получил передышку и сидел дома, занимался чисткой книжных полок, а также с удовольствием возился с новым, только что купленным «Хорьхом».

— За что его забрали? — хмуро поинтересовался он, обнимая Шарифу и вытирая ей слезы.

— Не знаю, — передернула плечами женщина. — На Митинском рынке устроили облаву, а он там в это время был с друзьями...

— С бандитами, — уточнил Хмель.

— Не говори так! — отодвинулась Шарифа. — Он не бан-

дит, просто за меня переживает... по-своему... и работает, между прочим, в какой-то торговой фирме.

— Так что ты хочешь от меня?

— Помоги освободить его, ты можешь, ты ведь тоже из спецподразделения, а он ни в чем не виноват, клянусь!

Никифор угрюмо отвел взгляд. Он не имел ни малейшего желания освобождать чеченца из милиции, да и прав-то, в общем, никаких особых не имел, но слезы женщины действовали на нервы и портили настроение, что мешало чувствовать себя комфортно.

— Хорошо, я схожу в милицию. Куда его увезли?

— В линейное отделение номер три в Митино.

— Откуда ты знаешь?

— Брат сказал. Алан тоже был на рынке, но убежал.

— Ладно, не реви, собираюсь.

— Возьми меня с собой. — Она умоляюще посмотрела на капитана.

— Нет! — твердо ответил он. — Жди меня дома, там ты мне будешь только мешать.

— Мне на работу нужно.

— Вот и дуй на работу, я потом заеду.

Шарифа убежала, обрадованная и воспрявшая духом.

Никифор несколько минут раздумывал, что предпринять, хотел было позвонить Гвоздецкому, чтобы полковник помог своим участием, связей у него наверняка хватало, однако потом решил сначала поговорить с милицейским начальством сам.

Переодевшись в костюм и прихватив одно из оперативных удостоверений на имя майора СОБРа Певцова Дмитрия Леонидовича, он сел в «Хорьх» и поехал в Митино.

— Вы к кому? — остановил его дежурный третьего отделения милиции, располагавшегося в первом Митинском проезде в новом трехэтажном кирпичном здании.

— К командиру, — небрежно сказал Никифор, показывая удостоверение.

— Его нет, — подтянулся лейтенант-дежурный. — Есть заместитель, капитан Швачко.

— Доложите обо мне.

— Поднимайтесь на второй этаж, товарищ майор, комната номер двадцать два.

Никифор поднялся по широкой лестнице на второй этаж, стукнул в белую дверь с табличкой: «Заместитель начальника отделения капитан Швачко В.И.», — и вошел.

Кабинет ничем не отличался от помещений такого же назначения в подобных учреждениях: стол, на столе селектор и компьютер, четыре стула, шкаф, сейф, вентилятор. Зато хозяин кабинета имел редкую внешность, описываемую одним русским словом «боров».

Он был не просто толст, он был толст до безобразия и едва умещался на стуле, сделанном, очевидно, по специальному заказу. Никифор с трудом отыскал на жирной складчатой физиономии капитана маленькие глазки, о которых можно было сказать — поросячьи, с редкими белесыми ресницами, и носик-пуговку.

— Чем могу? — повернул к нему голову Швачко В.И., не здороваясь.

— Приветствую коллегу, — почти сердечно сказал Никифор, ожидая, пока ему предложат сесть, но не дождался и сел сам. Мельком глянул на экран компьютера: капитан Швачко играл с компьютером в электронные кости.

— Вот какое дело, капитан, — продолжал Никифор. — Ваши люди недавно чистили Митинский рынок и задержали одного человека.

— Мы задержали девятнадцать человек, — уточнил Швачко, — из них девять было в розыске, остальные проверяются. Что за человек вас интересует?

— Кахоев Муртаза Шамилевич, семидесятого года рождения.

— Чеченец?

— Чеченец, — подтвердил Никифор.

— Мы задержали группировку, занимавшуюся незаконным сбытом винно-водочных изделий, он наверняка связан с этой шайкой. Все чеченцы по сути своей воры и бандиты.

— Не все, — покачал головой Никифор, в душе тем не менее соглашаясь с оценкой «борова». — Этот чеченец работает водителем в торговой фирме «Алкогой».

— Разберемся. — Неопределенного цвета поросячьи глазки заместителя ощупали лицо Никифора. — Вам-то что за дело, майор... э-э?

— Певцов, — показал ему еще раз удостоверение Хмель. — Мне бы хотелось, чтобы этого парня освободили как можно быстрей.

— Посидит несколько суток в КПЗ, ничего с ним не сделается, — пожал жирными вислыми плечами Швачко. — Невелика цаца.

— А если он невиновен? — спросил Никифор, сдерживаясь.

— Я же сказал — разберемся. Решайте свои задачи, майор, а нам оставьте наши. У вас все?

Никифор усмехнулся, кивнул на экран компьютера.

— Конура, Луна и кости избавляют нас от злости?

Замначальника милиции побагровел, набычился.

— Что вы имеете в виду?

— Я пошутил. Так как, договоримся по-родственному?

— Навряд ли, майор. Не имею права.

— Имеешь, но не хочешь, — снова усмехнулся Никифор. — Вот если бы тебе позвонили сверху...

— Что ты сказал?!

— Я сказал, выпусти Кахоева! — жестко проговорил Никифор. — Этот человек нам нужен, понятно?!

Глазки капитана Швачко раскрылись шире, в них мелькнула растерянность, сменилась пренебрежением и раздражением.

— Майор, если не хочешь неприятностей на свою задницу — выметайсь-ка из кабинета! — Он протянул руку к селектору, но не дотянулся.

Никифор выхватил из стаканчика на столе остро заточенный карандаш и вставил в ноздрю капитана.

— Замри! Одно мое движение — и карандаш войдет на три сантиметра в твои заплывшие дерьмом мозги! Улавливаешь мысль? Не кивай, это чревато. Итак, крыса штабная, сейчас ты вызовешь кого надо и отдашь приказ освободить Кахоева! Понял? Если попытаешься шебуршиться, я вызову сюда бригаду СОБРа и развалю всю твою богадельню! Это говорю тебе я, ка... э-э, майор Певцов, командир группы особого назначения! Понял?

— По... нял, — прошептал взопревший капитан Швачко.

Никифор потянул носом, поморщился, вынул из носа капитана карандаш.

— Экий ты... ароматный, капитан, как газовое месторождение. Звони.

Швачко вдавил клавишу селектора, блеющим голосом вызвал капитана Стародубцева. Вскоре явился Стародубцев, пожилой, с залысинами и выдающимся брюшком.

— Слушаю, Владимир Илларионович, — попытался он вытянуться.

— Проследи там, Афанасий Петрович, — морщась, сказал Швачко. — Пусть освободят Муртазу Кахоева и доставят сюда.

— Зачем?

— Что за вопрос, Петрович? За ним тут пришли.

Капитан Стародубцев посмотрел на Никифора.

— Следствие еще не закончено.

— Да иди уже, капитан, — снова поморщился Швачко, — это не наше дело. СОБР заинтересован в этом бан... Кахоеве.

Стародубцев еще раз посмотрел на Хмеля и вышел.

— Я буду жаловаться вашему начальству, — пообещал несколько успокоившийся Швачко.

— Ой, не советую! — проникновенно сказал Никифор. — Начальство меня, возможно, и накажет за инициативу, но я всегда найду способ отблагодарить тебя адекватно, возможностей у меня хватает. Улавливаешь мысль?

Швачко опасливо придвинул к себе стакан с карандашами.

Ждать возвращения капитана Стародубцева пришлось двадцать минут, в течение которых замначальника отделения милиции молчал, пыхтел, сопел, потел и смотрел на гостя зверем, а Никифор размышлял об удивительных поворотах судьбы, заставлявших его то воевать с чеченцами, то спасать их. Наконец ввели Кахоева в наручниках. Узнав Никифора, он удивленно и злобно поджал губы, готовясь, очевидно, к очередному допросу.

— Снимите, — кивнул Никифор на наручники, вставая из-за стола.

Конвоир-сержант снял металлические браслеты.

— Документы отдали?

— У него были только права.

— Верните.

Сержант посмотрел на Швачко. Тот кисло кивнул.

— Верните.

Сержант козырнул и вышел.

Хмель посмотрел на Швачко.

— Спасибо, капитан. В долгу не останусь. Если понадобится помощь, звони в районный СОБР майору Певцову. — Никифор подтолкнул заросшего щетиной дядю Шарифы к выходу. — Двигай, дома поговорим.

Сбитый с толку Муртаза Кахоев зашагал впереди.

Никифор ждал, что их остановят в холле здания, но обошлось. Капитан Стародубцев вернул Кахоеву права, и тот в сопровождении Хмеля вышел из здания милиции. «Боров» Швачко поверил в «легитимность» визита коллеги и тревогу поднимать не стал.

Никифор и бывший задержанный спустились по лестнице на улицу.

— Садись в машину, — сказал капитан.

— Не сяду! — уперся Муртаза. — Куда ты меня хочешь везти?

— Садись, быстро! — Ноздри Никифора побелели. Он едва удержался, чтобы не врезать чеченцу по морде.

Тот встретил его бешеный взгляд, вздрогнул и полез в кабину «Хорьха». Никифор завел двигатель, повел машину к центру города, но за мостом через реку остановился и бросил, не глядя на пассажира:

— Вылезай.

— Что? — растерялся Кахоев.

— Выметайся и катись на все четыре стороны! Ты свободен!

Не веря ушам, дядя Шарифы помедлил, сверля Никифора взглядом, открыл дверцу, вылез. Нагнулся к окошку:

— Спасибо... я твой должник...

— На том свете сочтемся, — буркнул Никифор, рванув машину с места.

Вскоре он успокоился, заехал за Шарифой на работу и увез ее, обрадованную известием об освобождении дяди, домой.

Так закончился четверг.

А пятница началась со срочного вызова Гвоздецкого:

— Быстро на базу, капитан! Час на дорогу, час на сборы — и в путь!

— Куда?

— В обед ты должен быть в Ветлуге, это городок в Нижегородской губернии. Там тебя встретят наши разведчики. Остальное объясню на инструктаже.

Связь прервалась.

Никифор выругался про себя: он надеялся в этот вечер четверга сходить с Шарифой в театр, — позвонил ей на работу и сообщил неприятную новость:

— Я срочно уезжаю.

— Надолго? — огорчилась она.

— Дня на два-три, не больше, — заверил он, не зная, сколько времени в действительности займет его командировка.

— Буду ждать!

— Целую, не переживай.

На базе он появился в девять часов утра и уже через час летел с двумя «чекистами» в вертолете МЧС, который высадил их в трех километрах от Ветлуги, на сельской дороге, в двенадцать часов с минутами. Только тут Хмель наконец окончательно пришел в себя и понял, что пора включаться в работу.

С ним на задание, суть которого еще предстояло выяснить, Гвоздецкий направил снайпера Бориса и компьютерщика Виктора, из чего Никифор заключил, что им надо убрать кого-то традиционным способом, то есть из снайперской винтовки. Его вывод подтверждался и выбором экипировки. Всем троим выдали спецкомбинезоны «леопард», бесшумные пистолеты «котик», компьютерный комплекс хайдер, а Хмелю доверили еще и генератор пси-воздействия «нокаут», именуемый в просторечии «глушаком».

В полукилометре от места высадки их ждала машина — зеленая «Нива» с ветлужскими номерами, в которой сидели двое парней. Один из них сразу вылез и скрылся в лесу. Водитель же, ответив на пароль, протянул Никифору пакет.

— Здесь инструкции по заказу.

— Кто объект? — спросил капитан, ожидая услышать имя какого-нибудь террориста или похитителя людей, но вместо этого услышал:

— Глеб Евдокимович Тарасов.

Никифор не сразу вспомнил эту фамилию.

— Тарасов?! Капитан спецназа?! Это уж не тот ли парень, что помог нам ликвидировать банду в Ярославле?

— Читайте, — невозмутимо пожал плечами водитель «Нивы», не понимая переживаний Хмеля.

Никифор вскрыл пакет, достал три листка бумаги и фотографию, с которой на него смотрело открытое лицо объекта с прищуренными в легкой усмешке глазами. Это действительно был капитан Тарасов, ради спасения дочери практически в одиночку уничтоживший группу похитителей людей в Ярославле.

— Япона мать!.. — выругался Никифор. — Его-то за что?! Что он натворил?

Но в ориентировке об этом не было сказано ни слова. Тройке ЧК предписывалось выйти на объект с помощью группы наведения и уничтожить. И ни намека на причину ликвидации.

— Поехали, — сказал водитель. — Объект сейчас находится на пасеке с дедом и женщиной в пяти километрах от деревни Карпунино и в двенадцати километрах отсюда. Мы за ним наблюдаем.

Никифор в задумчивости подергал себя за ухо и повернулся к Виктору.

— Крути связь с полковником.

— Если над нами сейчас нет спутника, хайдер не потянет.

— Попробуй.

Виктор достал «ручной» компьютер, пристегнул к локтю и включил. Две минуты ушло на развертку дисплея и настройку, затем связист выслушал ответ диалог-диспетчера и передал наушники Никифору.

— Что случилось? — услышал капитан голос хайдера, имитирующий голос Гвоздецкого.

На экранчике хайдера высветилась фраза: «Зона свободна. Контакт разрешен»,

— По-моему, произошла ошибка, — доложил Никифор. — Объект — капитан Тарасов из смежной конторы. В чем он провинился? За что его необходимо ликвидировать?

— Это не ошибка, капитан, — ответил полковник. — Выполняйте приказ. Если нам отдают такие приказы, значит, все просчитано.

— Но он же такой, как и мы! Мы вместе участвовали в...

— Разговор окончен, капитан! После ликвидации объекта немедленно вылетайте на базу, вертолет будет ждать группу на том же месте с шестнадцати часов. — Короткий щелчок и голос хайдера: — Абонент отключился.

На экранчике компьютера высветилась надпись: «Конец связи. Несанкционированного доступа к линии не обнаружено».

Хмель снял наушники, посмотрел на приданных ему в помощь «чекистов».

— Ни хера я что-то не понимаю!

— Что будем делать? — дипломатично спросил Виктор.

— Сворачивай машинку. — Никифор кивнул водителю. — Поехали, на месте разберемся. Где твой приятель?

— Он пошел пешком, напрямик здесь в три раза короче. Но нам лучше подъехать, за пасекой наблюдают наши люди, там все тихо. Объект ни о чем не подозревает.

«Нива» резво побежала по непыльной, заросшей травой проселочной дороге на юг, свернула в лес на узкую лесную дорогу, прятавшуюся под кронами деревьев. Через полчаса дорога кончилась, упираясь в болото.

— Все, дальше пешкодралом. — Водитель, одетый в старенький спортивный костюм и кеды, достал бинокль, вышел первым.

— Переодеваемся, — скомандовал Никифор.

«Чекисты» натянули «леопарды», превращавшие их в существ иного измерения, проверили оружие, боеприпасы, рации, и проводник повел их за собой вдоль болотца на восток, руководствуясь одному ему известными приметами.

Попетляв по распадкам и низинкам, все четверо вышли к ручью, за которым начиналось колхозное поле, засеянное гречихой. Проводник сделал знак: внимание! Дальше они передвигались короткими перебежками от куста к кусту, а так-

же ползком, пока не достигли густых зарослей лещины и крапивы. Наблюдатель группы наведения прятался здесь.

Проводник подполз к нему, что-то спросил, кивком подозвал Никифора. Капитан осторожно приблизился, обжигая руки крапивой, раздвинул стебли травы и увидел пасеку: в поле стояли восемнадцать ульев, возле которых возился пасечник в балахоне и сетчатой маске от пчел. За ульями у кромки леса стояла палатка, возле которой, в тени деревьев, лежали на надувных матрацах мужчина и женщина в купальнике. Недалеко от них возились в траве две девочки лет семи-восьми. В одной из них Никифор узнал Акулину, дочь капитана Тарасова, которую тот отбил у бандитов три дня назад в Ярославле. Сомневаться не приходилось: мужчина был тем самым Тарасовым, приехавшим, очевидно, с женой и детьми на отдых в деревню, и именно его надо было убрать незаметно и без шума.

— Сволочи! — прошептал Хмель, имея в виду свое начальство, а заодно и весь мир с ним. — Что же ты натворил, капитан, что тобою вынуждена заниматься такая контора, как ЧК? Продался мафии? Не похоже...

— Вы старший? — повернул к нему голову наблюдатель в маскировочной шапочке, скрывающей лицо.

— Я, — стиснул зубы капитан. — Можете отдыхать. Мы берем ситуацию под контроль.

— Произошли кое-какие изменения. Напарник сообщает, что с другой стороны поля он заметил двух подозрительных парней в камуфляжных комбезах. А еще двое движутся к машинам со стороны ручья.

— Где? — Никифор отобрал у водителя «Нивы» бинокль.

— Левее, за сухой осиной. Машины видите? Красную «пятнадцатую» и старенькую «Ниву» с прицепом?

— Вижу.

— Теперь посмотрите на осину...

Никифор действительно заметил колыхание травы и две головы в маскировочных головных уборах, то появлявшиеся, то исчезавшие в траве.

— Странно... что здесь происходит? Кто эти парни?

— Не наши, это точно. У них комбезы прибалтийского производства, с бледным рисунком. Но они явно нацелились на наш объект.

— Интересный компот получается. А ну-ка, рассредоточились вдоль поля! Борис, выбери позицию поверней. Без приказа не стрелять и не вмешиваться! Посмотрим, что будет дальше. Похоже, объект наш тоже заметил гостей.

Тарасов действительно начал действовать, отослав женщину с детьми к ручью, но он не видел подкрадывающихся с той стороны парней и, по сути, направил своих близких прямо к ним в лапы.

Никифор передвинулся еще левее, чтобы видеть действия чужих спецназовцев, вышедших из леса и двинувшихся к пасеке. Они приблизились к пасечнику в накидке, который снимал соты, отгоняя пчел струей дыма, и заговорили с ним. Слов слышно не было, до разговаривающих от кромки леса, где сидели в кустах «чекисты», было не меньше полусотни метров. И в это время из-за кустов, подходивших к ульям почти вплотную, вынесся в одних плавках Тарасов — бежал он так быстро, что глаз едва поспевал за ним! — и обрушился на пришельцев в пятнистых костюмах.

— Я могу снять его с одного выстрела, — доложил по рации Борис.

— Отставить! — остановил снайпера Никифор. — Что-то здесь не так! Наши не могли послать две группы в параллели, не предупредив нас. Это другая контора. И мне это не нравится. Жди!

Тарасов между тем уложил бритоголового здоровяка ударом в голову (ох и классно дерется капитан!) и схватился с белобрысым верзилой, в руке которого внезапно оказался пистолет с насадкой бесшумного боя. Схватка длилась около минуты, после чего капитану удалось обезоружить противника и разрядить в него и в напарника пистолет, впоследствии оказавшийся почти таким же «глушаком», что был и у Хмеля.

Однако это была временная победа.

— Эй, капитан! — окликнули Тарасова из леса. — Не дергайся, а то мы нервные. Брось оружие и подними грабли!

Зашевелились кусты, на поле вышли, подталкиваемые в спину, женщина в сарафане и девочки.

Тарасов замер, глядя на них, весь — хищный порыв и ярость, — но в данной ситуации он ничего не мог сделать, парни в камуфляже свое дело знали и не дали бы ему ни одного шанса, если бы он попытался сопротивляться.

— Стрелять? — снова заговорила рация.

Никифор понаблюдал за Тарасовым, медлившим сдаваться в плен, за плачущими девочками, за женщиной с искаженным от страха лицом, и принял решение.

— Боря, ты этих громил в комбезах хорошо видишь?

— Одного как на ладони, — отозвался снайпер. — Директриса на второго перекрыта женщиной.

— Возьми того, что открыт, только с первого выстрела, и

не попади в девчат. Я возьму второго. — Никифор ужом скользнул в траву, обходя выходивших на поле бойцов неизвестного спецназа, выбрал позицию. — Готов?

— Йес, — лаконично ответил Борис.

— Огонь!

Тихо треснули два выстрела — словно отломились сухие веточки сосны. Державший женщину детина завалился лицом вперед с дырой в затылке. Его напарник получил пулю в плечо, выпустил девочек, оглянулся, поднимая пистолет-пулемет, и Никифор выстрелил еще раз. Спецназовец упал. На мгновение стало совсем тихо. Потом заревели дети, женщина стремглав бросилась к ним, закрывая телом, ожидая новых выстрелов, но их не было, никто не показывался из леса, «чекисты» были опытными специалистами и ждали реакции группы поддержки парней в камуфляже.

Точно так же реагировал Тарасов, вдруг толкая застывшего пасечника и ныряя за ним в траву.

И тотчас же с противоположного конца поля донесся тихий щелчок, а затем — шлепок пули в один из ульев. Подозрения Никифора подтвердились: за полем наблюдали не только «чекисты», но и охотники гостей.

— Засек? — быстро прошептал Никифор.

— Нет, — виновато отозвался Борис.

— По-моему, я видел блик возле дуба. Я отвлеку снайпера, а ты снимай.

Капитан насадил на ветку берет и поднял над собой. Берет дернулся, отлетая в сторону с дыркой от пули. Тотчас же дважды выстрелил Борис. Снова наступила тишина.

Никифор достал берет, снова пошевелил им в метре от себя, но выстрелов больше не было. Спецназовцев в заграничных костюмах было пятеро — стандартная выкладка спецгруппы, охотившейся на определенного человека.

Никифор привстал:

— Глеб Евдокимыч, не стреляй, это я, капитан Хмель.

— Не знаю никакого Хмеля, — донеслось из гречихи.

Никифор встал.

Пауза длилась несколько секунд. Потом возле крайнего улья зашевелились стебли гречихи, и над бело-розовым, благоухающим медом полем поднялся Тарасов, держа в руках по пистолету.

— Кажется, мы действительно недавно встречались, — сказал он хладнокровно.

— В Ярославле, — подтвердил Никифор. — Я хотел бы с тобой поговорить.

— Не ощущаю встречного желания. Конечно, спасибо за помощь, но сдается мне, ты тоже, капитан, появился здесь не для моей защиты.

— Вот об этом и поговорим.

— Хорошо, подожди пару минут.

Тарасов подбежал к тесно прижавшимся к Софье девочкам, погладил по волосам одну, другую, успокаивая, заглянул женщине в глаза.

— Ты как?

— Нормально, — отозвалась Софья, глотая слезы. — Вы их... убили?!

— Иначе они убили бы нас. Собирайся, через пять минут уезжаем.

Тарасов подозвал Евстигнея Палыча, с трудом приходившего в себя.

— Бросай работу, дед, надо уезжать. У тебя есть кто-нибудь из друзей или родичей, кто мог бы приютить Софью с девочками и подтвердить, что мы все были у него со вчерашнего дня?

Евстигней Палыч поскреб бороду.

— Разве что кум? Головастый мужик, все понимает, даром что конюх. И баба у него не языкатая.

— Забирай Софью с детьми и быстро сматывайся отсюда. Где твой кум обитает?

— В Ченебечихе.

— Я вас через пару часов навещу.

Тарасов поцеловал женщину, подошел к Никифору, натягивая на ходу штаны.

— Что ты хотел мне сказать?

— Отбой операции, — проговорил Никифор в усик рации. — Всем собраться у пасеки. — Он повернулся к Тарасову, смерил его взглядом. — Ты хорошо сражаешься, капитан, однако не просчитываешь варианты.

— Некогда было просчитывать, они свалились как снег на голову.

— Я не об этом. Меня послали «заземлить» тебя, причем узнал я о личности клиента только здесь. Моли бога, что я тебя видел в деле и узнал, да и не хочу выполнять «темные» приказы вслепую. А теперь выкладывай, почему за тобой послали аж две команды, мою и этих пятнистых гавриков.

— Не поверишь, — сказал Тарасов, — но я не знаю. Сначала я думал, эти парни из моей конторы и пришли за мной, чтобы доставить пред светлые очи начальства. Я ведь до сих пор как бы в бегах: командир не отпустил меня для освобождения дочери, и я, естественно, ушел в самоволку. Но мои коллеги не стали бы меня «заземлять», нет особых причин. Я никого не предавал.

— Это ты так думаешь. Они могут думать иначе.

— Все равно это не они. Экипировка не та. Кстати, у этих, как ты выразился, гавриков был «глушак». — Тарасов показал пистолет с длинным квадратным дулом. — Но не армейский.

— Это «удав». Давай-ка посмотрим, что за ребята.

Они подошли к убитым спецназовцам, проверили карманы и обнаружили коричневое удостоверение с золотыми буквами ФАС на имя лейтенанта Борового. Под фотографией лейтенанта была вытиснена золотом латинская буква Z. У остальных парней удостоверений не было, в том числе у оставшихся в живых белобрысого верзилы и его бритоголового напарника, которые все еще находились в отключке после разрядов «глушака».

— Что за литера? — указал на букву Z Тарасов.

— Это группа антитеррора «Зубр», — мрачно ответил Никифор. — Те еще волкодавы, легионеры бывшие. Я с ними сталкивался в свое время, знаю их методы. Однако, насколько мне известно, ликвидацией отдельных клиентов они раньше не занимались.

— Значит, теперь занимаются.

— Не понимаю, чем ты мог насолить фасовцам.

— Я тоже.

— Есть два варианта объяснения. Первый: ты работаешь на какую-то преступную группировку и тебя решили убрать без суда и следствия, как особо опасного бандита.

— Я не работаю на преступную группировку.

— Верю. Второй вариант: ты что-то знаешь о деятельности некоего важного властного функционера, который и послал группу профи для ликвидации.

— Если бы я знал, что я знаю, — горько усмехнулся Тарасов.

— Точно?

— Клянусь! Я виноват лишь в том, что самовольно покинул часть, чтобы спасти Акулину.

— Бредятина! Представить не могу, где пересеклись следы деятелей ФАС и моего начальства, попробую выяснить. Как говорится: следы многих преступлений ведут в будущее. А пока мой тебе совет: скройся где-нибудь в такой глуши, чтобы тебя никто не мог найти.

— Не могу, — повесил голову Тарасов. — Мне надо вернуться на базу.

— Тебя убьют.

— Во-первых, это непросто. Во-вторых, я не привык зайцем бегать от опасности.

— В этом мы с тобой, кажется, одинаковые дураки, — вздохнул Никифор. — Ладно, забирай жену и детей и уезжай.

— А эти?

— Мои люди отвезут их подальше отсюда и изобразят бой убитых друг с другом. Прощай, капитан, может, еще доведется свидеться.

Тарасов помедлил, глядя то на Хмеля, то на выходивших из леса «чекистов» в «леопардах», пожал капитану руку и догнал деда с семьей.

— Ох и влетит тебе! — сказал в спину капитану Борис.

Никифор не ответил. Он и сам знал, что его ждет за невыполнение приказа.

ВОЛОГДА

БУЛАВИН

Терапия отца, усиленная присутствием Дианы, принесла свои плоды. Уже к вечеру Дмитрий пришел в себя и почувствовал прилив сил, позволивших ему проанализировать все случившееся в храме БЕСа и прийти к выводу, что он знает далеко не все об устройстве Вселенной вообще и о возможностях некоторых секретных организаций в частности.

О том, что во всех странах мира существуют лаборатории, ведущие поиск методов дистанционного воздействия на психику человека и создающие психотронное оружие, было известно давно, однако Дмитрий не предполагал, что в России уже ведутся эксперименты по использованию эгрегоров — коллективов специально подготовленных людей для усиления пси-воздействия. По сути, страна множества революций, кровавых и тихих, незаметных со стороны, была действительно близка к новой революции, которую несла идея «групповых усилителей» пси-сигнала. Лидер, в руках которого появился бы подобный метод управления людьми, становился самым сильным властелином в мире, диктующим свою волю непосредственно через подсознание любому человеку или всей стране.

Но поделиться своими выводами Дмитрий не мог ни с отцом, ни с сестрой Софьей, подружившейся с Дианой буквально за один вечер. Тогда пришлось бы рассказывать всю подноготную о своем участии в операциях КОП и тем самым подставлять близких под удар. Да и с точки зрения закона деятельность КОП не имела права на существование, какими благими намерениями она бы ни прикрывалась. И все же смерть сотни послушников Братства Единой Свободы и гибель «копов» потрясли Дмитрия и настроили на борьбу с этой странной сектой, опекаемой и поддерживаемой чиновниками правительства, которая под лозунгами добра и человеческого счастья творила темные дела и превращала счастье людей в свою добычу.

Он жаждал встречи с женщиной по имени Мария, спасшей его во время испытания пси-генератора, хотел узнать от нее все подробности дела, а также услышать обещанное объяснение ее вмешательства в его судьбу. Те же чувства владели и Дианой, которой он рассказал подробности своего чудесного спасения.

В субботу Дмитрий на занятия с младшей группой школы не пошел. После обеда пришла Диана, и они вновь заговорили о том, о чем говорила вся Вологда — о «самоубийстве» ста десяти человек храма Беса. Новость разлетелась по свету с быстротой молнии, и в Вологду съехались журналисты из многих десятков агентств новостей, чтобы срочно раздобыть подробности о «кровавом жертвоприношении», унесшем жизни более ста человек. Диана пыталась выяснить, каким образом его спасительница Мария оказалась возле храма во время «оргии», закончившейся жуткой драмой, а Булавин, сам не знавший ответа на этот вопрос, все вспоминал свои ощущения во время пси-удара и размышлял над словами Марии, намекнувшей о странной организации под названием Катарсис.

К четырем часам к беседующим присоединилась Софья, разговор стал общим, и только теперь Дмитрий обратил внимание на состояние сестры, выглядевшей усталой и озабоченной, ушедшей в себя.

— Что случилось, Софи? — спросил он. — За два дня ты ни разу не улыбнулась.

— Ничего, — попыталась улыбнуться Софья. — Просто я волнуюсь за... одного человека.

— За того, с кем ты познакомилась в Ярославле?

— За него. Его зовут Глеб Тарасов, и он... — Софья заколебалась, не решаясь рассказывать о том, что случилось на пасеке под Карпунином, потом все же решила поделиться с братом и его девушкой своими новостями.

Когда она закончила, в гостиной Дмитрия наступила тревожная тишина.

Дмитрий покачал головой, с интересом разглядывая виновато-печальное лицо сестры.

— Оленьку ты в деревне оставила?

— Вместе с дочкой Глеба, у его родственника.

— Да-а, история! Если это правда...

— Правда! Все так и было!

— Извини, я неправильно выразился. Но, судя по всему, твой приятель — очень непростой человек.

— Он служит в спецназе...

— На обыкновенных спецназовцев не устраивают охоту спецподразделения в камуфляже, вооруженные с ног до головы. Он либо мафиози...

— Дима! — возмущенно воскликнула Софья. — Ты его не знаешь, а говоришь!

— Ты тоже знаешь его всего два дня.

— Во-первых, не два, а больше, а во-вторых, я чувствую, он сильный и добрый!

— Тогда он опер, — примирительно сказал Дмитрий, — чем-то досадивший крутой компании парней в спецкомбезах. Возможно, что твой Глеб заполучил какой-то важный секрет, из-за которого не жалко положить команду профессиональных киллеров. А кто, ты говоришь, ему помог?

Софья беспомощно пожала плечами.

— Они были знакомы раньше... его зовут Никифор, и он тоже был в пятнистом костюме, только другой расцветки, чем на тех, кто напал на нас.

Дмитрий почесал подбородок, искоса посмотрел на молчавшую Диану.

— Что скажешь?

— Я не специалист, — тихо ответила девушка. — Но чувствую, что за всеми этими событиями стоит нечто очень серьезное. Вам не показались странными совпадения?

— Какие?

— Диму спасает какая-то женщина... в самый последний момент... и твоего друга спасает знакомый, и тоже в самый последний момент.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Мне почему-то кажется, что это не случайно. И Глеба, и Диму кто-то бережет, опекает. Софи, у тебя нет такого чувства?

— Я просто не думала над этим, — призналась Софья. — Но может быть, ты и права. Все так странно... и страшно! Так хорошо все начиналось... и так хочется счастья!

— Я тебя понимаю, — кивнула Диана, кинув косой взгляд на Дмитрия.

— Задача — сделать человека счастливым — не входила в план сотворения мира, — философски заметил тот. — Это еще Фрейд сказал, а он был хоть и циник, но не дурак. Ладно, девочки, давайте не будем о плохом. Недаром говорится: нет той беды, которая обошла бы нас стороной, особенно если об этом все время говорить. Пойдемте-ка куда-нибудь погуляем, в парк, на реку, в крайнем случае — в ресторан.

— Лучше на реку, — раздался из коридорчика квартиры Булавина чей-то голос, и в комнату вошла красивая темноволосая женщина в белом летнем костюме, в которой Дмитрий узнал спасшую его женщину. — Добрый вечер.

— Здрасьте, — ответили обе женщины, с удивлением рассматривая гостью.

— Как вы вошли? — пробормотал не менее потрясенный Дмитрий.

— Это неважно, — слабо улыбнулась гостья. — Извините, что я не предупредила вас заранее. Однако нам надо поговорить.

— Это Мария, — очнулся Дмитрий. — Она ведунья и... спасла меня...

— Я вас видела, — вдруг объявила Софья. — В деревне.

Мария внимательно посмотрела на нее.

— У вас хорошая память, Софи, хотя вы не берегиня, а скорее дариня. Обычно редко кто вспоминает, что видел меня, если я этого не хочу.

— Что вы делали в Карпунине?

— Искала Глеба Тарасова.

— Глеба?! Зачем?!

— Он нам нужен. Так же, как и Дмитрий.

— Кому это — нам? — нахмурился Дмитрий.

— Вот об этом и поговорим. Если хотите, можно сделать это на природе, вечер сегодня просто чудесный. Если нет, посидим здесь.

— Пожалуй, можно и прогуляться, — взяла на себя инициативу Диана. — Софи, ты не против?

Сестра Дмитрия покачала головой.

— Я бы лучше посидела дома, но, если вы решили прогуляться, я с вами.

В сопровождении трех красивых женщин Дмитрий спустился вниз, испытывая необычное возбуждение. Они пересекли двор, вышли на улицу, у «зебры» остановились, пропуская несущуюся во весь опор иномарку.

— Вот гад! — сказала Диана, проводив машину негодующим взглядом. — Он же обязан пропустить нас! Я была несколько раз за рубежом по делам фирмы, так там пешеход на «зебре» — хозяин положения. Транспорт останавливается как вкопанный. А у нас ничего подобного! Сто раз посмотришь налево-направо, чтобы убедиться, что дорога свободна.

— Потому что у нас все так делается, — примирительно сказал Дмитрий, сам будучи водителем. — Законы пишутся, но не соблюдаются.

— Зачем тогда их вообще принимать?

— Это вопрос не ко мне.

— Таких примеров можно привести много, — вмешалась в разговор Мария. — К слову, почему у нас в России система турникетов в метро установлена карательная, в то время как по всему миру — разрешительная? Там они закрыты все время и открываются, как только пассажир произведет оплату.

— А у нас идешь и ждешь, не ударят ли тебя створки по бокам! — поддержала Марию Софья.

— Идиотизм! — закончил Дмитрий общее порицание отечественных законодателей.

Они перешли дорогу и направились к набережной.

— А теперь давайте мы пойдем чуть впереди, — властно сказала Мария, — а ваши девушки пусть идут сзади. То, что вы услышите, предназначено только для вас.

Дмитрий посмотрел на переглянувшихся Софью и Диану, пробормотал:

— Не возражаете?

— Пока нет, — с великолепной уверенностью ответила Диана. — Ведь тебя же не похищают насовсем.

Мария улыбнулась.

— Я не собираюсь его похищать, тем более, его сердце принадлежит другой. Пойдемте, господин Булавин.

Дмитрий и Мария двинулись вперед вдоль парапета набережной, Диана и Софья чуть отстали, невольно прислушиваясь к их беседе, хотя услышать, конечно, ничего не могли. Мария говорила тихо, и к тому же их окружала сфера «глухой ночи».

— Итак, Дмитрий Михеевич, разговор у нас пойдет о вещах настолько серьезных, что не приведи господь вам поделиться ими с кем-нибудь из друзей или близких! И это — непременное условие нашего сотрудничества. Уж лучше сразу отказаться, чем потом подвергать опасности других и нас в том числе.

— Я почему-то предполагал, что вы это скажете, — хмыкнул Дмитрий. — В принципе такое предостережение дают все руководители секретных служб. А что вы со мной сделаете, если я проговорюсь? Накажете? Каким образом?

— Мы никого не принуждаем и не наказываем, — покачала головой Мария. — Служба Роду, работа в Катарсисе — добровольные деяния, основанные на вере в торжество справедливости. Если вы сделаете ошибку, мы попытаемся ее исправить и помочь вам не делать такие ошибки в дальнейшем. Если вы будете ошибаться часто, вас накажет сама система связей, соединяющая людей Катарсиса, а уж как — не знаю. Наверное, в зависимости от содеянного.

— Каждому — по делам его... — пробормотал Дмитрий.

— Вы против такой степени ответственности?

— Н-нет... конечно, нет.

— Тогда все в порядке. Вы нам подходите. Нам — это системе, которая вот уже тысячи лет противостоит другой системе, в разные времена имеющей разные названия. Еще десять лет назад мы называли ее СС — Силы Сатаны, теперь же она называется немного иначе — СССР, то есть Система сил, стабилизирующих реальность.

— Чем же плоха эта система, если она стабилизирует... э-э, реальность?

— Хороший вопрос. Эта система плоха тем, что «стабилизирует» наш мир в рамках с в о и х законов, отрицающих всякое волеизъявление других людей. Вот и все. А так — эта система не хуже других официально признанных институтов власти типа государства или карательно-дознавательных органов. Наша система называется Катарсисом.

— Очищение... — хмыкнул Дмитрий.

— И это скорее виртуальная организация, руководители-наставники которой почти не выходят на контакт для решения тактических задач. Для этого существует структура уровнем ниже — Сопротивление. Вам предлагается войти в ее состав.

Дмитрий оглянулся на приотставших женщин.

Мария тоже оглянулась, встречая любопытно-недоверчивые взгляды Софьи и Дианы. Сказала с улыбкой:

— Диана — хороший начальник? Я имею в виду подразделение КОП.

— Я подчинялся другому человеку.

— Вам повезло, Дмитрий Михеевич, что у вас такая красивая и самоотверженная подруга. Она не берегиня, но пойдет за вами в огонь и в воду.

Дмитрий смутился, некоторое время молчал.

— Могу я подумать пару дней?

— Разумеется. Членство в Сопротивлении добровольное, как и выход из него.

— Чем же грозит людям деятельность СС... э-э, СССР?

— Эта система активизирует жизнедеятельность организаций, пытающихся уничтожить Россию, а ее людей использовать в качестве послушного рабочего быдла. Америка и Европа практически уже под властью этой системы, остались лишь немногие очаги сопротивления: Россия, исламский мир, некоторые страны Африки.

— Китай.

— С одной стороны — да, с другой — экспансия китайских «народно-коммунистических» стратигем не менее опасна, чем идеология СССР. К сожалению, в будущем из-за отсутствия системы согласования конкретных групп законов нам еще придется столкнуться как с китайским агрессивным самосознанием, так и с исламской стратегией «фундаментального неравенства». Но это отдельный разговор. В настоящее время наиболее опасно распространение закона единого мироощущения, к чему нас толкают стратеги СС, по сути — закона зомбирования. Проявления этого закона уже видны статистически: все меньше людей интересуется деятельностью избранных правительств, развязывая тем самым руки хищным и нечистоплотным руководителям, все меньше людей участвует в выборах честных чиновников, все меньше людей борется за справедливость.

— Я это и сам замечал, но не знал, что это следствие деятельности Сил Сатаны. Кстати, что это такое на самом деле? Орден? Масонская ложа?

Мария улыбнулась.

— Вы задаете детские, но очень точные вопросы. Силы Сатаны — такая же виртуальная структура, что и Катарсис, по сути — это Программа, которая проявляется через реальные организации типа Международного Валютного Фонда, Всемирного банка развития, Совета Европы, сатанинских сект, Новой Революционной Инициативы и других. Но и об этом мы поговорим в другой раз, если не возражаете. У меня мало времени.

— А кто руководит СССР? Я имею в виду главного... начальника. Сам Сатана?

Мария искоса глянула на разрумянившееся лицо собеседника.

— Об этом не принято говорить вслух. Но можно назвать

руководителя СССР оператором дьявола. Это не физическое лицо.

— Естественно, о руководителе Катарсиса тоже нельзя говорить вслух?

— Вы правы. — Мария рассмеялась. — Истинное имя безмолвной мудрости произнести нельзя. Итак, вы согласны?

Дмитрий еще раз оглянулся.

— Что я должен буду делать конкретно?

— Продолжать работать в вашей Школе выживания, как и прежде, помогать отцу создавать духовную семинарию на базе *живы*. Это, кстати, очень трудное и почетное занятие. Но в ближайшее время вам предстоит одно очень важное дело — защита личности.

Дмитрий хмыкнул.

— Вы предлагаете мне работу телохранителя?

— По форме — да, по содержанию ваша задача — спасение будущего с о б и р а т е л я всех светлых Сил России.

— Кто же этот человек? Не президент, случайно?

— Это шестилетний малыш, мальчик с белоснежными волосами. Мы зовем его «серебряным мальчиком».

Дмитрий бросил на Марию удивленно-испытующий взгляд.

— Вы не шутите? Я буду телохранителем... мальчика?

— Вас будет трое — монада духа, она же — триада физического воплощения. Вскоре мы вас познакомим друг с другом, хотя духовно вы уже давно знакомы. Точнее: вы трое — одна духовная организация, воплощенная в трех индивидуальных сознаниях.

— Черт! Как интересно! Расскажите подробней.

— Во-первых, никогда больше не произносите этого слова вслух. Оно создает вербальный резонанс полей и сил и оповещает СС о носителе смысла. Человека, произносящего это слово, легко запеленговать и прослушать. Во-вторых, вы все узнаете в свое время.

— Хорошо, чертыхаться больше не буду. Но скажите хотя бы, кто эти люди, с кем я буду защищать малыша в составе триады.

— Это Глеб Тарасов и Никифор Хмель.

Мария остановилась, поворачиваясь к Булавину.

— У меня на сегодня все. Разрешите откланяться, меня ждут.

— А как же я? — растерялся Дмитрий. — От кого я получу инструкции? Когда мне ждать вашего звонка?

— За вами пришлют гонца Сопротивления.

— Как я его узнаю? По паролю?

— Пароль не нужен, узнаете. Извинитесь за меня перед вашими дамами, что я ухожу так неожиданно... — Мария вдруг замолчала, глядя вверх. Лицо ее застыло, глаза почернели.

Дмитрий посмотрел на вечереющее небо с полосой белорозовых облаков и увидел на их фоне косо летящий над рекой черный прямоугольник.

— Подойди ко мне! — чужим властным голосом проговорила Мария.

Дмитрий вздрогнул, с недоумением посмотрел на женщину и встретил ее глубокий, исполненный внутреннего огня и силы, взгляд.

— Подойди!

Он сделал шаг, другой, приблизился вплотную. Мария обняла его, прижала к себе.

— Не смотри!

Дмитрий повиновался, затих.

Черный прямоугольник продолжал бесшумно лететь над рекой в их сторону со скоростью автомобиля, потом вдруг закувыркался, неуверенно закружился на месте и помчался в другом направлении, пока не скрылся на фоне противоположного берега.

Мария отпустила Дмитрия, глубоко вздохнула, устало провела по глазам ладонью.

— Как это все не вовремя!..

— Что это было? — спросил ошеломленный, ничего не понявший Булавин.

— Подгляд, — объяснила ведунья. Заметила его недоумевающий взгляд, слабо улыбнулась. — Нас пытались запеленговать, Дмитрий Михеевич.

— Кто?!

— Конунги. Так мы называем черных магов, прислуживающих т о й стороне. То есть системе СС.

— Черные маги? Так это не сказки?

— К сожалению, не сказки. Вам еще многое предстоит узнать о магической стороне реальности, скрытой от большинства людей. А теперь прощайте. До встречи.

Мария помахала рукой стоящим в отдалении спутницам Дмитрия и быстро пошла прочь. Через двадцать метров у бордюра набережной затормозил темно-зеленый «Бьюик Империал», открылась дверца, Мария села в машину, и «Бьюик» рванул вперед, исчез за поворотом дороги в считанные секунды.

Диана подбежала к стоявшему в глубокой задумчивости инструктору. Софья подошла тоже.

— Что случилось? Что это ей вздумалось тебя обнимать?

Дмитрий очнулся, оглядел небосвод, реку, набережную, покачал головой.

— Никогда бы не поверил, если бы сам не был свидетелем...

— Ты о чем?

— Черный прямоугольник над рекой видели?

Диана и Софья переглянулись, ответили в один голос:

— Нет!

— Это была антенна... или нечто вроде антенны. Нас с Марией пытались прослушать и запеленговать.

Диана с тревогой заглянула в глаза Дмитрия.

— Кто?

— Черные маги.

— По-моему, она с ним что-то сделала, — обратилась Диана к задумчиво посматривающей на брата Софье. — Он заговаривается.

Дмитрий улыбнулся.

— Ладно, я пошутил. Пойдемте домой, кофейком побалуемся, посидим в уютной прохладе. — Он попытался обнять Диану, но та отстранилась.

— Ты не сказал, зачем она тебя обнимала. Вы были знакомы раньше?

— Она меня защитила от подгляда, — вспомнил Дмитрий выражение Марии. — А больше я ничего не имею права говорить.

— Даже мне?

— Даже тебе.

— А если я обижусь?

Дмитрий перестал улыбаться, взял Диану за руки, заглянул в глаза.

— Охотница, в нашей беседе были затронуты столь серьезные материи, что я до сих пор не могу прийти в себя. Одно могу сказать точно: мне нужна твоя помощь, твое присутствие, но только не спрашивай меня ни о чем! Говорить правду мне запрещено, а врать я не хочу. Если появится возможность, я сам все расскажу.

Диана помедлила, изучая лицо Дмитрия, ставшее суровым и твердым, вздохнула и прижалась к нему, пряча лицо на груди.

— Не знаю, почему я тебе верю как дура.

— Потому что ты, во-первых, не дура, а во-вторых, я тебе никогда не лгал.

— Если мужчина никогда не лжет женщине, значит, ему наплевать на ее чувства.

Дмитрий засмеялся.

— Видишь, ты все понимаешь.

— Ну, вы тут разбирайтесь, а я пошла домой, — сказала Софья, становясь печальной. — Отец обижается, что я с ним мало общаюсь. Посижу с ним, побеседую.

Диана поняла, о чем она подумала, высвободилась из объятий Дмитрия, подошла к женщине.

— Не волнуйся, Софи, ничего с твоим Глебом не случится. Судя по твоим рассказам, он у тебя воин и сможет постоять за себя.

— Надеюсь, — прошептала Софья, зябко вздрогнув.

А Дмитрий вдруг вспомнил, что Мария упоминала это имя — Глеб Тарасов. С этим человеком ему предстояло защищать «серебряного мальчика», и судьбы их были закономерно сплетены еще до знакомства. Связь Тарасова и Софьи лишь удивительным образом подчеркивала это обстоятельство.

В среду девятого августа разговоры о гибели ста с лишним послушников храма БЕСа все еще будоражили умы людей, но средства массовой информации вдруг перестали муссировать слухи и снабжать читателей и слушателей «новыми подробностями» случившегося. Будто где-то вверху перекрыли кран по данной теме, и тревожная информация перестала выливаться на страницы газет.

Дмитрий в обсуждении происшествия в храме БЕСа не участвовал, либо отмалчивался в кругу приятелей и сослуживцев, либо переводил разговор на другую тему. Он знал больше других, но анализировать жуткую историю мог только сам с собой.

Вероятно, руководство КОП тоже было потрясено происшедшим, гибель полковника Михно и шестерых «копов» могла обескуражить кого угодно, и Дмитрия оттуда никто не беспокоил. Даже Диана не напоминала ему о своих связях с КОП. Сам же он не спешил предлагать свои услуги и встречаться с «копами» не хотел.

По совету Марии Булавин продолжал работать в Школе и ждать нового контакта с работниками Катарсиса. Гибель секты БЕСа заставила его по-новому взглянуть на события последних лет в России, и он принялся искать информацию социально-исторического характера, для начала покопавшись в библиотеке отца и отыскав несколько любопытных книг. Особенно заинтересовали его труды Платонова, Асова и Стрелецкого.

А в четверг произошло еще одно таинственное событие, уже связанное непосредственно с ним самим. И если бы Дмитрий не имел соответствующей тренировки и не был готов к адекватному ответу на внешнее воздействие, все могло закончиться весьма печально.

Сначала он заметил слонявшегося возле его «Хонды» плохо одетого пацана лет двенадцати-тринадцати. Казалось бы, пацан как пацан, интересуется иномаркой, как и все мальчишки в его возрасте, однако Дмитрию не понравилось любопытство парня, почему-то весьма смахивающее на профессиональное наблюдение. Так присматриваются не к технике вообще, а к определенному объекту, требующему оценки.

Пацан сразу же, как только Дмитрий вышел из здания Школы, с независимым видом двинулся прочь, засунув руки в карманы грязных штанов, и это лишь подтвердило подозрения Булавина, что его машиной интересуются неспроста. Правда, в этот момент об этом он не думал, догадка пришла позже, когда он заехал в универмаг, чтобы пополнить продовольственные запасы, а потом вышел на улицу и у «Хонды» заметил того же пацана, но уже в сопровождении старика, одетого в ветхий пиджачок на голое тело и такие же неопределенного цвета брюки. Старик тоже сделал вид, что любуется витриной магазина, а не «Хондой», и Дмитрий насторожился. Интуиция шепнула, что эта парочка не просто шатается по улицам Вологды, а с определенной целью. Он даже хотел подойти к старику с пацаном, но те, заметив его движение, быстро юркнули в переулок. Догонять их Дмитрий не стал, да и мысли его были заняты другими вещами.

Однако вечером, уже возле своего дома, он снова обнаружил знакомые фигуры. Теперь к старику и мальчишке присоединилась молодая женщина, и все трое чинно прогуливались вдоль забора стройки напротив дома Булавина.

Такие совпадения случаются редко, да и то если их готовят заранее (как известно, самый неожиданный экспромт — это хорошо подготовленный экспромт), и Дмитрия наконец охватило знакомое чувство приближающейся опасности. Если бы у него, как у собаки, росла на загривке шерсть, она бы вздыбилась, но чувство было примерно таким.

Сделав вид, что не заметил маневров троицы, Дмитрий оставил «Хонду» во дворе дома и, быстро переодевшись в удоб-

ный для всех случаев жизни костюм — джинсы и футболку, спрятался в подъезде, наблюдая за двором.

Ждать пришлось недолго.

Сначала во дворе появился давешний юный «беспризорник», с равнодушным видом прошелся вдоль шеренги автомобилей, принадлежавших жильцам дома, на мгновение задержавшись возле «Хонды» Булавина. Справив малую нужду за полуразвалившейся кирпичной стенкой, оставшейся от старой котельной, он снова двинулся к машинам, воровато оглянулся и присел за колесом «Хонды».

Дмитрий бесшумно пересек двор и схватил парня за шиворот в тот момент, когда тот пытался проткнуть колесо специальной заточкой длиной около пятнадцати сантиметров.

— Привет, бандит, — сказал Дмитрий, ловко отнимая у мальчишки заточку. — Это кто ж тебе дал задание лишить колес именно мое транспортное средство? Кстати, не ты ли проколол мои колеса несколько дней назад?

— Пусти, падла, — прохрипел парень и вдруг сделал вполне профессиональный выпад пальцем с длинным ногтем в глаз Булавина. Если бы Дмитрий не следил за ним, он вполне мог лишиться глаза.

Крепко встряхнув мальчишку, Дмитрий выпрямился.

— Что ж, поехали в милицию, пусть разберутся, кто ты такой.

— Эй, мужик, отпусти мальчонку, — раздался вдруг гнусавый старческий голос.

Из-за угла арочного проезда вышел во двор старик, с которым до этого гулял пацан. В руке старик нес черную палку, определенно смахивающую на спецназовскую дубинку.

— Ваш парень? — прищурился Дмитрий.

— Не твой же. Отпусти, добром прошу.

— Что-то от вашей семейки добром так и веет, — с иронией сказал Дмитрий. — Этот сорванец хотел пробить колесо моей машины.

— Не возводи на внучка напраслину. Отпусти, тебе говорю, а то по ребрам получишь!

— Хорош воспитатель! — усмехнулся Дмитрий. — Есть с кого пример брать. Иди, волчонок. Еще раз поймаю возле машины, задницу надеру!

Дмитрий отпустил мальчишку, не желая связываться со странной «бомжеватой» парой, однако на этом инцидент не закончился. Пацан вдруг изо всех сил ударил его ногой под колено (не иначе тренировался), а старик, рванув к Булавину как молодой, перетянул его дубинкой, целя в голову.

Дмитрий увернулся, но тут ему показалось, что в спину вонзили раскаленный гвоздь! Женщина, спутница старика и мальчишки, неожиданно выскочила из стоявшей неподалеку «Волги» (когда она успела в ней спрятаться?!) и ударила его в основание дельтовидной мышцы, прямо в нервный узел.

И все же его опыт, чутье и знание навыков выживания в любой экстремальной ситуации не позволили напавшим оглушить Дмитрия, обездвижить и добить. Уйдя в п у с т о т у, он заставил тело повиноваться подсознанию, принял на «неответственные» за жизнь части тела еще несколько ударов, а затем раскрылся и в три движения расшвырял сосредоточенно избивающих его людей.

Пацан улетел дальше всех (он пытался попасть Дмитрию в глаза и поцарапал лицо), но свернулся клубком, как ёж, и не пострадал, что говорило об отличной подготовке. Старик пропахал носом гравий дорожки, потерял дубинку, но тут же вскочил, ничуть не испуганный отпором и готовый продолжать схватку. Женщина оказалась тоже не слабо подготовленной, и ее пришлось отрезвлять хлестким «вертухаем» — ударом тыльной стороной ладони по лицу. Лишь после этого троица перестала бросаться на Булавина, нырнула в кабину «Волги» и ретировалась со двора со скоростью спринтеров. Как хорошо обученная и сбалансированная к о м а н д а.

Чувствуя болезненные толчки крови в тех местах, куда попали кулаки и ноги бандитской семейки, Дмитрий потрогал исцарапанное лицо ладонью и покачал головой. На случайную драку это нападение не походило. Его подстерегли специально и проверили на «профпригодность». Теперь надо было разобраться, ради чего и кто это сделал: люди Катарсиса или агенты СС.

Во дворе стал собираться народ, не решаясь подходить к избитому Булавину. Многие видели драку, но не поняли, кто прав, кто виноват, а разнимать дерущихся не рискнули.

Дмитрий уловил сочувствующий взгляд какой-то старушки, развел руками, улыбнулся, и в этот момент во дворе появилась Диана. Бросилась к нему, обрадованная, и остановилась, пораженная видом его окровавленного лица.

— Что с тобой?!

— С кошкой поссорился, — пошутил он, беря ее под руку. — Пойдем домой, полечишь меня.

Они вошли в подъезд и уже не видели, как по двору прошелся высокий седой мужчина, задумчиво глянул на машину Булавина, кинул взгляд на окна его квартиры и вышел через арку на улицу.

НИКИФОР ХМЕЛЬ

Он знал, что поплатится за невыполнение приказа, поэтому не стал звонить Шарифе по возвращении на базу, предупреждать ее о возможных последствиях своего шага и жаловаться на судьбу, а сразу явился в штаб базы и доложил Гвоздецкому о своем решении не «заземлять» капитана Тарасова.

— Да ты с ума сошел, капитан! — побагровел полковник. — Значит, ты его отпустил?!

— Так точно, — кивнул Никифор. — Произошла какая-то ошибка. Этот человек ни в чем не виноват.

— Да ты понимаешь, что натворил?! Нам спустили приказ на отстрел консультантов мафии из бывших профи спецслужб. Капитан Тарасов из их числа!

— Не верю, — упрямо мотнул головой Никифор. — Тарасов не работает на мафию. Это подтверждает и тот факт, что его хотела убрать группа «Зубр». — Капитан подал Гвоздецкому удостоверение лейтенанта ФАС Борового с золотой литерой «зет».

Полковник повертел в пальцах коричневую книжечку, скептически хмыкнул.

— Это еще ни о чем не говорит. Вернее, подтверждает принадлежность Тарасова к советникам преступной группировки.

— Супера из «Зубра» никогда не занимались ликвидацией такого контингента. Здесь какая-то лажа. Прошу разобраться.

— Некогда мне с этим разбираться, — разозлился Гвоздецкий. — Работы до хрена! — Лицо полковника стало официальным. — Сдайте оружие, капитан.

Никифор пожал плечами, выложил на стол пистолет, «глушак» и нож, опустил руки по швам.

— Разрешите идти?

Гвоздецкий нажал клавишу селектора на столе.

— Маринин, зайди.

Через минуту в кабинет вошли два рослых молодых человека в комбинезонах, представлявших внутреннюю службу безопасности ЧК.

— Посадите капитана под замок, — распорядился Гвоздецкий. — Будет сопротивляться — не церемоньтесь.

Никифор остался невозмутим.

— Вы делаете ошибку, Кирилл Наумович. Тарасов работает на какую-то параллельную спецконтору, а не на бандитов. Если бы он служил мафии, у него не украли бы дочку. На вашем месте я бы все-таки разобрался.

— Это не вашего ума дело, капитан. Есть приказ, и его надо выполнять. Уведите его.

Один из телохранителей полковника лейтенант Маринин, с неброским сонным лицом и коротким ежиком волос, подошел к Никифору, сжал плечо до боли.

— Вперед!

Никифор гибким змеиным движением освободился от захвата, перехватил руку парня, заблокировал его мгновенный удар левой, сдавил мышцу на правой так, что тот побелел.

— Не трогай, лейтенант, я сам пойду, договорились?

Второй телохранитель рванулся к Никифору, но Гвоздецкий его остановил.

— Не нервничай, Карл, капитан никуда не сбежит.

Никифор отпустил Маринина, вышел из кабинета первым. Маринин переглянулся с Гвоздецким и поспешил вслед за Хмелем. Оба конвоира догнали его в коридоре.

— Не спеши, капитан, — сказал мрачнолицый Карл, — я пойду первым.

Они вышли из штабного домика, повернули к небольшому деревянному строению, в котором размещалась баня и душевые кабины. Карл отпер замок, распахнул дверь. Никифор шагнул вперед, боковым зрением отметил движение сзади, но отреагировать не успел. Удар по затылку был нанесен неожиданно и мастерски точно. В голове капитана вспыхнуло солнце, затем наступила темнота.

Очнулся Никифор в темноте.

Голова раскалывалась от боли, его мутило, что говорило о сотрясении мозга: били его со знанием дела и не рукой, а чем-нибудь вроде кастета. Он нащупал на затылке пульсирующую огненно-электрической болью шишку, поморщился. Крови не было, удар не пробил кожу, да и волосы слегка смягчили удар, и тем не менее Никифор отдал должное телохранителю Гвоздецкого: парень разбирался в «шоковой терапии».

Никифор попытался встать, и его едва не стошнило. Пришлось чуть расслабиться и полежать неподвижно, чтобы не провоцировать новые приступы тошноты. Несколько минут он боролся с ватной слабостью и наплывами боли, пока не добился некоторого облегчения. Затем вытер рот платком и

медленно, поднимаясь по миллиметрам, сел, прислонился спиной к стене помещения.

Внутри камеры было темно, однако он по шероховатотекстурной поверхности определил, что находится в сауне, слава богу! — с выключенным электронагревателем.

— Вот сволочь! — вслух проговорил Никифор, имея в виду Гвоздецкого. — Бить-то зачем? Да еще по затылку?

Вспомнилось чье-то изречение: я знаю людей, но как хочется верить, что я ошибаюсь[1].

Посидев еще с полчаса в одном положении, Никифор так же медленно встал на ноги. Его шатнуло, в глазах запрыгали огненные круги, но на ногах он удержался. Сделал шаг, другой, цепляясь за стену, налетел коленом на каменный угол печи, зашипел от боли. Добрался до двери, нажал.

Напрасные старания. Хотя его и не связали, понадеявшись на силу удара, однако крепкую дубовую дверь заперли, а разбить ее Никифор не смог бы, наверное, и в отличной физической форме. Тогда он лег на лавку и с полчаса отдыхал, собираясь с мыслями и силами. Затем начал сосредоточенно изучать свою деревянную тюрьму, ощупывая каждый сантиметр поверхности пола и стен.

Его поиски увенчались успехом.

Во-первых, он обнаружил два десятка округлых камней, сваленных кучей на решетку электронагревателя. Во-вторых, здесь же находился и таз для воды с ковшиком для разбрызгивания.

— Вы меня разочаровываете, ребята, — пробормотал Никифор, взвешивая в руке один из камней.

Каждый булыжник весил не меньше килограмма и представлял собой неплохое оружие. Да и алюминиевый ковш мог стать оружием, если бы удалось разогнуть его ручку.

Потом пришли сомнения. Профессионалы, каковыми, несомненно, были телохраны полковника, допустить такой оплошности не могли, оставляя пленника в комфортных условиях и давая ему возможность вооружиться. Они явно не собирались появляться в сауне, имея приказ не выпускать пленника на свободу.

— Тогда почему меня не убили сразу? — спросил Никифор сам себя и сам же ответил: — Потому что Гвоздецкий не имеет приказа меня ликвидировать. Наверху еще не решили, что со мной делать. А если решат? Тогда мне хана. Им

[1] Г.Х.Кул.

даже необязательно тратить на меня патроны, достаточно включить тэн.

Никифор резко дернул шеей и чуть не потерял сознание. Прилег на сухие доски лежака. Идея пришла сама собой: перебить кабель, подходящий к тэну, пока еще есть время. Когда начальство примет решение избавиться от ненадежного исполнителя и включит нагрев, будет поздно.

Капитан заставил себя слезть с лежака, подошел к дырчатому металлическому ящику электронагревателя, упрятанному в нише за кирпичной стенкой полуметровой высоты. И в этот момент за стеной раздалось приглушенное гудение, печь стала потрескивать, и от нее пахнуло теплом. Снаружи включили нагрев!

Выругавшись сквозь зубы, Никифор начал сбрасывать с решетки тэна камни, попытался нащупать кабель в металлическом шланге, обжегся и ухватился за ящик электронагревателя. Надсаживаясь, шипя от боли, почти теряя сознание от наплывающей волнами слабости, рванул ящик вверх. Раз, другой, третий...

Что-то щелкнуло, заскрежетало, затрещало, руки свело судорогой, и Никифор провалился в беспамятство, как в воду.

Очнулся от колокольного звона, в кромешной тьме, вяло удивился: откуда в сауне колокол? Потом сообразил, что слышит пульсацию крови в голове. Вспомнил о своей попытке вырвать «с корнем» тэн, зашевелился, тыкаясь лицом во что-то теплое и твердое. Осторожно пощупал рукой: ящик тэна. Он все-таки оборвал кабель! Смерть от жары и удушья ему не грозила.

— Мы еще поборемся! — прошептал Никифор с угрозой, начиная готовиться к появлению «банщика». Наверняка там скоро спохватятся и захотят проверить, почему не работает нагреватель.

Ждать пришлось минут десять — по внутренним часам капитана. Затем рывком распахнулась дверь в сауну, и оттуда внутрь небольшого помещения брызнула очередь из автомата. Пули веером прошили доски двухъярусного лежака, с визгом срикошетировали от камней. Никифор издал стон. Стрельба прекратилась.

В проем двери просунулось дуло автомата, ощупывая зрачком сауну, появилась рука, затем чья-то голова.

Никифор, прятавшийся за кирпичной стенкой в нише, где стоял тэн, метнул камень.

Раздался вскрик, короткая очередь — «банщик» судорожно вдавил пальцем спусковую скобу автомата, стук упавшего те-

ла и тишина. Однако Никифор чувствовал, что в предбаннике находится еще один человек, напарник «банщика», и вылезать из-за укрытия не торопился, превратившись в слух. Через несколько секунд он услышал какой-то шорох, сдавленный хрип, потом раздался негромкий голос:

— Капитан, выходи, если живой.

Хмель не ответил.

Раздался смешок, чей-то шепот, затем прозвучал еще один голос — женский:

— Никифор Петрович, выходите. Мы знаем, что вы там. Одного палача вам удалось нейтрализовать, второго обезвредили мы. Только побыстрее, пожалуйста, у нас мало времени.

Никифор помедлил немного, преодолевая острое нежелание что-либо делать вообще, выбрался из сауны в предбанник. Быстро глянул на два лежащих в разных позах тела в пятнистых комбинезонах и стал рассматривать своих спасителей.

Мужчина был высок; черноволос, ощутимо опасен, понимающе усмехнулся в ответ на взгляд капитана. Одет он был в обычный «цивильный» светло-серый костюм с галстуком.

Женщина тоже была в костюме, но песочного цвета, а ее необычная красота притягивала взор: тонкое смуглое лицо, карие глаза с миндалевидным разрезом, красивого рисунка губы, а в глазах светится ум, легкая ирония и воля.

— Кто вы? — буркнул Никифор, с трудом справляясь с очередным приступом головокружения.

— Все объяснения потом, — жестко сказала женщина. — Пока вам достаточно знать, что мы ваши друзья. Меня зовут Мария.

— А меня Ираклий, — наметил улыбку мужчина.

— Я иду первой, вы за мной, Ираклий сзади.

Не дожидаясь ответа, женщина повернулась и вышла из предбанника наружу. Никифор последовал за ней, удивляясь самому себе, что верит женщине и подчиняется ей.

За стенами бани начинался вечер. Солнце зашло за зубчатую стену потемневшего леса, жара спала, хотя духота все еще давала о себе знать. Возле штабного домика со светящимися окошками стояла серая «Волга» Гвоздецкого, водитель которой прохаживался у входа в штаб. Он курил, изредка посматривал по сторонам, но почему-то идущую гуськом троицу не замечал.

Из-за столовой показался солдат в пятнистом комбинезоне, удивленно глядящий на проходивших мимо Никифора и

его освободителей. Капитан невольно замедлил шаг и получил толчок в спину.

— Не останавливайся! — прошипел Ираклий.

Солдат равнодушно проследовал к штабу, словно никого не видел и не слышал, скрылся за дверью.

Никифор понял, что женщина по имени Мария обладает даром о т в о д и т ь глаза, что объясняло и появление этой пары на территории секретного, хорошо охраняемого объекта.

Никифор снова замедлил шаг, остановился. Ираклий толкнул его в плечо, но капитан не сдвинулся с места. Мария оглянулась.

— В чем дело?

— Мне надо зайти в штаб.

— Зачем?

— Поговорить с полковником.

— Это лишнее. Надо уходить.

Никифор упрямо сдвинул брови.

— Можете уходить, я останусь. Спасибо за помощь.

Ираклий и Мария обменялись быстрыми взглядами.

— Никифор Петрович, мы напрасно потеряем время. Полковник Гвоздецкий просто выполнял приказ.

— Есть приказы, которые требуют объяснений.

— Я его уговорю? — сказал Ираклий вопросительным тоном.

— Не надо, — поморщилась Мария, — пусть идет. Даю вам пять минут, Никифор Петрович. Если не уложитесь, подставите и себя, и нас.

Никифор безмолвно направился к штабу.

Водитель «Волги» по-прежнему делал вид, что ничего не замечает.

Никифор прошел мимо него словно человек-невидимка, миновал дежурного за столом у входа, свернул в коридор первого этажа, вошел в кабинет Гвоздецкого и одним ударом успокоил повернувшего голову на звук открывшейся двери парня в камуфляже — начальника охраны базы.

Полковник удивленно проследил за падением своего главного телохранителя — он сидел за компьютером, — уставился на открытую дверь, и в это время сфера невидимости, защищавшая Хмеля, исчезла, и капитан появился перед глазами командира ЧК.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга: бледный до зеленого оттенка, с черными кругами под глазами, исцарапанный Никифор и сухопарый, с лошадиным костистым лицом, с проседью в волосах, Гвоздецкий. Затем полковник

сунул руку в ящик стола, а Никифор метнул камень, прихваченный с собой из сауны.

Килограммовый булыжник попал Гвоздецкому в подбородок, сломал челюсть, раздробил зубы. Полковник глухо охнул, отлетая к окну кабинета, свалился вместе со стулом. Никифор подошел к нему, глядя, как человек, спокойно отдавший распоряжение убить его, ворочается на полу, пачкая кровью ворот комбинезона, сказал без выражения:

— Со мной нельзя т а к, полковник! Я не расходный материал, который можно просто списать со счета. Выживешь — живи!

Никифор достал из ящика стола пистолет с квадратным дулом — психотронный генератор «нокаут», порылся в других ящиках, выудил еще один пистолет — бесшумного боя, новейший «котик», и вышел из кабинета.

Дежурный на входе встрепенулся, подозрительно прислушиваясь к шорохам, долетавшим из коридора, но успокоился и отвернулся к экранчику монитора. Никифор миновал пост, снова не видимый никем, кроме его новых знакомых, вышел на улицу.

Мария пристально посмотрела на него, прочитала, что творится в душе Хмеля, и молча направилась к выходу с территории базы. Никифор, поймав сочувствующий взгляд Ираклия, хмуро зашагал за ней. Ираклий двинулся следом.

Никто их не остановил, никто не поднял тревоги, хотя вся база просматривалась телекамерами. Часовые у ворот курили и трепались о девочках, не заметив проходивших мимо гостей и бывшего пленника.

Мария пересекла небольшую площадь напротив ворот базы, прошла еще около сотни метров по узкой улочке и остановилась у темно-зеленого джипа «Бьюик Империал». Ираклий занял место водителя, открыл дверцу сзади.

— Садитесь, — кивнула женщина.

— Вы не сказали, кто вы, — напомнил Никифор, чувствуя, что еще немного, и он упадет.

— Садитесь, — властно приказала Мария. — Еще успеем поговорить.

Никифор с трудом влез в кабину джипа, и все поплыло у него перед глазами.

Мария села рядом, положила ему левую руку на затылок, правую на лоб, подержала так несколько секунд, потом переместила ладонь на грудь. Никифор почувствовал облегчение, сердце заработало бодрей, голова слегка прояснилась.

Джип выехал из Раменского, направляясь в сторону МКАД.

— На кого вы работаете? — проговорил Никифор. — Не на капитана Тарасова случайно? Он мой должник.

— С капитаном Тарасовым вы вскоре встретитесь, — пообещала спасительница, отнимая ладони. — Сейчас мы как раз едем к нему. Вы с ним ухитряетесь попадать в неприятные ситуации с непредсказуемым финалом. Затем поедем в Вологду, где познакомим вас с Дмитрием Булавиным.

— Мне надо предупредить... одного человека, — вспомнил Никифор о Шарифе.

— У вас будет время позвонить ей, — улыбнулась Мария.

Никифор озабоченно посмотрел на нее.

— Откуда вы знаете, кому я собираюсь звонить?

— Знаю. А работаем мы на Вечевую службу Рода. Слышали о такой организации?

— Нет, — мотнул головой Никифор.

— А слово «катарсис» вам ни о чем не говорит?

— Что-то греческое...

Мария снова улыбнулась.

— Это слово означает — очищение, и оно же точно отражает смысл работы нашей организации. Мы хотим предложить вам войти в структуру Катарсиса, послужить Отечеству на иных уровнях.

— Это на каких еще?

— На уровнях духовных. Время от времени нам требуются такие люди, как вы, люди боя, но не потерявшие чести и совести. Кстати, если бы вы сейчас убили полковника, этот разговор не состоялся бы. Месть не входит в число добродетелей людей, с которыми мы работаем.

Никифор хмыкнул.

— Так я, пожалуй, загоржусь. А что мне предстоит делать? Спасать мир? Россию? Отдельную контору?

— Как говорил один поэт[1]: мир, вероятно, спасти не удастся, но отдельного человека всегда можно.

— Значит, мне предстоит спасать какого-то конкретного человека? Я вас правильно понял? Кто же этот важный босс?

— «Серебряный мальчик», — оглянулся Ираклий, проезжая мимо поста ГИБДД с большой скоростью; инспектор при этом, глядевший на дорогу, джип почему-то не остановил.

— Мальчик? — пробормотал Никифор, сбитый с толку.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросила Мария.

---

[1] И. Бродский.

— Сносно.

— Тогда обо всем по порядку.

И она повела рассказ о Сопротивлении, о Катарсисе, о волхвах и о многом другом. Через час Никифор знал все, ради чего пара магического оператора — Ираклий и Мария — вытащили его из тюрьмы, спасая от неминуемой смерти.

МОСКВА

ТАРАСОВ

В Москву Глеб возвращался с тяжелым сердцем. Хотя дед и обещал присмотреть за Софьей и детьми, оставлять их в деревне у малознакомых людей было страшновато. Те, кто планировал ликвидацию капитана — группа «Зубр», да и коллеги капитана Хмеля, — могли вернуться и захватить женщину с двумя детьми, представляющими идеальный инструмент для шантажа.

Теперь Тарасову предстояло выяснить причину, по которой его хотели убрать две разные спецкоманды, и нейтрализовать эту причину. А поскольку он понимал, что такие решения принимаются где-то в достаточно высоких кабинетах, то для поиска человека, принимающего такие решения, надо было пройти всю вертикаль исполнения — от киллеров до заказчика. Мешало этому только собственное положение изгоя, точнее «самовольщика», полубеглеца, которому еще предстояло доказать свою невиновность или хотя бы объяснить причину «самоволки».

Машину, взятую в аренду, надо было возвращать, однако Глеб оставил ее у деда в Карпунине, а в Москву поехал на серебристом мерседесовском минивэне с темными стеклами, принадлежавшем группе «Зубр», который обнаружили оперативники Хмеля в километре от пасеки. Сначала они хотели сжечь машину, имитируя перестрелку между своими, однако Глеб уговорил Никифора этого не делать и теперь имел роскошное средство передвижения, оборудованное системой спутниковой связи. В багажнике «Мерседеса» обнаружился запас оружия и боеприпасов. Блямба пропуска с красной полосой и буквами ФАС надежно охраняла машину от сотрудников ГИБДД, поэтому доехал до столицы Тарасов без остановок и приключений. Уже за МКАД остановился, настроил хайдер и вызвал Ухо.

Ответ пришел через две минуты.

— Капитан, Александр Свиридов уволен. — Диалог-блок хайдера имитировал речь Тихончука. — Немедленно явитесь по месту службы для выяснения причин вашего отсутствия! Если через два часа вы не появитесь, на вас будет организована охота, как на особо опасного преступника! Как поняли?

— Буду через два часа, — заверил Глеб Хохла и выключил компьютер, гадая, что означают слова майора «Александр Свиридов уволен».

В девять часов вечера он оставил микроавтобус «Зубра» в сотне метров от КПП базы, показал удостоверение охране и прошел на территорию части.

Хохол ждал его у двухэтажного строения штаба с Черкесом, Романом и двумя мощного сложения парнями, на лицах которых застыло выражение «отсутствия всякого присутствия». Глеб этих здоровил раньше не встречал. Подойдя ближе, кинул руку к виску:

— Товарищ майор, разрешите доложить. Капитан Тарасов из самовольного увольнения прибыл! За время отсутствия освобождена моя дочь и уничтожена команда киллеров «Зубра», имевшая задание ликвидировать меня.

Брови Хохла дрогнули, поползли вверх, в глазах появилась озадаченность. Однако отступать от заранее разработанного сценария встречи «блудного капитана» он не стал. Сыграл желваками, сказал сухо:

— Капитан, вы совершили подсудное деяние и должны быть наказаны. Сдайте оружие!

Глеб оглядел ж д у щ и е лица здоровяков, приготовившихся в случае его сопротивления применить силу, перехватил виновато-сочувственный взгляд Романа, помедлил:

— Где Ухо, Ром?

Роман отвел глаза.

— Он переведен в другую часть.

— Сдайте оружие и документы, капитан! — лязгнул металлом голоса Тихончук.

Глеб еще раз оглядел компанию, размышляя, зачем майору понадобилось организовывать показательную встречу (в целях воспитания молодого пополнения, что ли?), подумал, что вряд ли этим ребятам удалось бы его остановить, и протянул Тихончуку удостоверение.

— Хайдер в машине, товарищ майор. Там же оружие. Может быть, поговорим, выясним все смягчающие мою вину обстоятельства?

— Отведите его в КПЗ, — отвернулся Хохол с подчеркнутой холодностью.

Парни с отсутствующим выражением лиц шагнули к Тарасову, взяли его под руки.

— Я сам пойду, — тихо сказал Глеб. — Уберите грабли.

Его дернули вперед, а здоровяк слева еще и до боли сжал трехглавую мышцу плеча, так что капитан закусил губу.

— Отпустите, парни, я же сказал — пойду сам.

Еще один рывок, удар кулаком по ребрам.

Дальнейшее произошло в течение двух секунд.

Глеб ушел в п у с т о т у, вывернулся из рук конвоиров, одного ткнул костяшкой указательного пальца под кадык, второму одним движением сломал кисть руки и тут же добил ребром ладони в переносицу. Оба здоровяка легли на асфальтовую дорожку и затихли.

Тихончук схватился за пистолет.

Тарасов повернул к нему голову, проговорил глухо:

— Майор, не доводи меня до бешенства. Если бы я захотел, я бы вас всех тут положил. Я готов отвечать перед законом, но только за самоволку, а не за убийство. К тому же я тебя просил отпустить меня на несколько дней, чтобы спасти дочку. Ты не отпустил, я ушел. Это все мое преступление, за которое я готов понести наказание. Но не унижай меня перед пацанами!

— Может, действительно разберемся без базара? — посмотрел на Тихончука Черкес. — Если бы мне пришлось выбирать, я бы тоже сбежал.

— Отставить, лейтенант! — ощерился Хохол. — У меня другие данные по деятельности капитана в самоволке. Ведите его в бытовку, пусть посидит, подумает. Приказы для того и отдаются, чтобы их выполняли, а не обсуждали. Завтра приедет полковник Чиповатый из отдела внутренних расследований, вот с ним пусть и договаривается. Пошел!

Тихончук направил ствол «котика» на Тарасова.

Черкес развел руками.

— Извиняй, Старый, придется подчиниться.

Глеб молча повернулся и зашагал к хозблоку, в котором располагались мастерские, кухня, столовая и бытовка обслуживающего базу персонала. Черкес догнал его, пошел рядом. Когда они отошли от майора и Романа, оставшегося на месте, на достаточное расстояние, Николай проговорил, почти не разжимая губ:

— Зря ты вернулся, Старый. Ухо за то, что держал с тобой связь, загремел куда-то на нары, и тебя ждет та же участь, если не что-либо похуже.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я знаю. Этот Чиповатый уже приезжал, он из ФАС, морда — что передок у БМП! Типичный уголовник, в крайнем случае — комиссар. Такой родную маму не пожалеет, не то что тебя.

— Спасибо за предупреждение, Коля, я буду осторожен. А ты точно знаешь, что он из ФАС?

— Я слышал его трепотню с Хохлом. На твоем месте я бы не ждал, а тихо свалил.

— Не могу, я офицер.

— Ну, конечно, офицерская честь и все такое прочее. Кому будет нужна твоя офицерская честь, если тебя завтра шлепнут?!

— С чего ты взял, что меня шлепнут? Я не совершил ничего... — Глеб замолчал, заметив над лесом, на фоне розовых закатных облаков, летящее черное пятнышко. — Какая интересная птица!

— Где? — завертел головой Черкес.

Глеб остановился. Они были уже рядом с бараком хозблока. Солнце зашло за лесную гребенку, от деревьев протянулись через всю территорию базы длинные тени. Пятнышко приблизилось и приобрело четкие очертания прямоугольника. Теперь его заметил и Черкес.

— Ёлы-палы! Что это за хреновина?!

Тарасов пристально вгляделся в медленно вращающийся прямоугольник, и ему показалось, что на него посмотрела угрюмая, черная, полная злой силы туча. Инстинктивно закрылся — как бы поставил стену между собой и прямоугольником. Тот дрогнул, закружился на месте, как высохший кленовый лист под дуновением ветра.

— Что вы там застряли? — долетел до застывших Глеба и Черкеса голос Тихончука.

Они переглянулись.

— Это, наверное, лист бумаги, — предположил Николай.

— Такой ровный?

— А что тогда?

Черный прямоугольник продолжал кружиться на одном месте, потом неуверенно полетел прочь, к стрелковой траншее базы, и затерялся в тени деревьев.

— Какого дьявола, Черкес?! — снова крикнул Тихончук. — Тебе помочь?

Николай опомнился, тронул задумчивого Тарасова за рукав.

— Пошли, еще сдуру пристрелит!

В хозблоке в этот вечерний час уже никого не было. Черкес

открыл входную дверь, затем дверь бытовки, сделанную из толстых сосновых досок и обшитую металлическим листом, включил свет.

— Вот твои апартаменты типа «люкс», Старый. Извиняй, что нет кровати и удобств. Спать придется на полу и без матраса.

— А как насчет отправления естественных надобностей?

— Придется потерпеть. Могу поискать на кухне какую-нибудь посудину в качестве параши.

Глеб улыбнулся.

— Не надо, до утра я как-нибудь дотерплю.

— Ну, тогда ладно. — Черкес сунул ладонь для рукопожатия. — Извиняй, если что, Старый, и держись. Может, еще все и образуется.

Он ушел.

Дверь закрылась, заскрежетал в замке ключ.

Глеб оглядел тесное помещение, заставленное коробками, ящиками с инструментом, бутылями, садовым инвентарем, взвесил в руке лопату, нашел глазами молотки, ломики, металлические штыри для сварки и кивнул сам себе: в случае чего все это годилось в качестве оружия. Сажая его сюда, Хохол явно дал промашку. Хотя, с другой стороны, против автоматов и пистолетов-пулеметов лопаты и ломы — слабая защита.

Глеб прошелся по бытовке, оглядывая запасы облицовочной плитки, постучал костяшками пальцев по оштукатуренным стенам.

Две стены были кирпичными, толстыми, глухими, третья тоже оказалась кирпичной, но уже тоньше, сложенная в полкирпича. Ее при определенных условиях можно было пробить ломиком или молотком. Четвертая стена озадачила Тарасова. Она явно была деревянной, представляя собой перегородку, но при этом казалась гораздо мощнее первых трех, а главное — о п а с н е е.

Глеб выключил свет, постоял у стены, привыкая к темноте, и напряг «второе» зрение, помогавшее ему ориентироваться в полной тьме.

Он увидел слабо светящуюся решетку, пронизывающую толщу стены, и понял, что она опутана электрическими проводами с немалым напряжением. Кто-то позаботился о том, чтобы с этой стороны в бытовку проникнуть было не менее трудно, чем с других сторон. А может быть, сюрприз готовился для пленника, пожелавшего бы сбежать из импровизированной камеры.

Пожав плечами — бежать он пока не собирался, будучи уверенным, что все обойдется, — Глеб нашел тюк с ватниками, соорудил из них на полу постель и улегся, вспоминая расставание с Софьей, щебетание девочек. Однако уснуть ему не дали. Острое чувство неуюта заставило его сначала прислушаться к звукам, долетавшим в бытовку со всех сторон, а потом и привести себя в боевое состояние. Ощущение было такое, будто к зданию с тихим шуршанием подползали ядовитые змеи.

Глеб посмотрел на циферблат часов: начало первого. Самое время устраивать допрос с пристрастием, особенно если надо заставить человека признаться в преступлении, которого он не совершал. Но возможен и другой вариант: пришла трезвая мысль — если начальство решило не связываться с руководством ФАС и просто-напросто «сдать» своего сотрудника. Такие случаи нередки в среде спецслужб, особенно тех, что работают на определенный политический клан или частное лицо. Остается невыясненным вопрос: за какие такие прегрешения фасовский «Зубр» и ЧК Хмеля пытаются ликвидировать капитана Тарасова, не признающего за собой никакой вины? Ежели только не считать таковой ликвидацию преступной группировки, похищавшей людей.

Обострившийся слух уловил звуки шагов нескольких человек. Действительно, к хозблоку подкрадывались сразу с трех сторон. Причем каждый из гостей тщательно прятался от остальных, что говорило о самостоятельности действий трех групп.

«Кажется, я снова в эпицентре пересекающихся интересов, — подумал Тарасов. — Хорошо бы использовать эту ситуацию».

Однако он был заперт и предпринять первым что-либо не мог. Надо было ждать начала действий гостей.

Шорох у входной двери. Звук вставляемого в замок ключа.

Шорох со стороны столовой: какие-то люди уже проникли в хозблок и направлялись к бытовке.

Глеб взял в правую руку монтировку, в левую — две облицовочных плитки, которые можно было использовать в качестве метательных пластин, встал за ящики справа от двери.

Скрип открываемого замка наружной двери.

Те, что уже были в здании хозблока, остановились у бытовки. И тотчас же дверь в бытовку — Глеб не поверил своим ощущениям! — беззвучно приоткрылась. В проеме сформировалась зыбучая тень. Тарасов поднял монтировку и едва удержал руку, услышав торопливый шепот:

— Капитан, это друзья! Мы хотим вас освободить! Быстро выходите отсюда!

Говорила женщина.

— Кто вы? — прошептал удивленный Глеб.

— Объясняться будем потом. За вами пришли две разные конторы, не считая нашу, надо использовать данное обстоятельство.

— Я тоже думал об этом.

— Вы знаете, что за вами охотятся из разных лагерей?

— Я это чувствую.

— Мария, время! — послышался другой шепот, мужской.

— Выходите, капитан, двигайтесь за нами.

Глеб выскользнул из бытовки, видя перед собой два сгущения темноты. Его плеча коснулась чья-то рука.

— Быстрее!

Дверь в бытовку закрылась. Тень поплотнее переместилась за спину Тарасова (мужик, и очень мощный!), вторая тень (женщина, уверенная, властная и тоже очень сильная) заскользила по коридорчику к столовой. Глеб поспешил за ней, настраиваясь на адекватное восприятие опасности.

Через несколько секунд они скрылись за открытой дверью столовой, замерли, прислушиваясь. Кто-то осторожно крался к двери бытовки со стороны главного входа, и еще какие-то люди подбирались к хозблоку со стороны мастерских.

— Сейчас сработает, — шепнул мужчина.

В тишине, царившей в корпусе хозблока, вдруг послышался стук в дверь: стучали из бытовки, где минуту назад сидел Тарасов, — а затем крики:

— Откройте! Эй, кто-нибудь, откройте! Я хочу в туалет!

Глеб понял, что включился оставленный Ираклием магнитофон.

— Лихо! — пробормотал он.

Ираклий похлопал его по плечу.

— Отвлекающий маневр. Уходим.

Они вылезли через окно столовой наружу, двинулись один за другим к воротам базы. Тарасов хотел было спросить, как освободители собираются выводить его за пределы части, но передумал. Они явно действовали по плану и знали, что надо делать.

Внезапно из хозблока донеслась приглушенная стрельба. Затем окна здания осветила вспышка взрыва. Дрогнула земля. С грохотом и звоном посыпались стекла. Из-за кустов жимолости, подступавших к хозблоку почти вплотную, вылетела огненная стрела, вонзилась в окно здания. Раздался еще один взрыв, за ним — вопли, мат и беспорядочная стрельба.

Из будки у ворот выскочили часовые. С двухсекундным запозданием взвыла сирена.

Глеб замедлил шаг.

— Не останавливайся, — взял его под локоть Ираклий. — Все нормально, им теперь не до нас. Они долго будут выяснять отношения друг с другом.

— Кто — они?

— Киллеры ЧК и ФАС. Мы их столкнули лбами.

— А эти? — Глеб кивнул на часовых, освещенных начинавшимся пожаром.

— Они нас не видят, мы в зоне «непрогляда».

Мария спокойно прошла мимо часовых, не обративших на беглецов никакого внимания, подождала мужчин, и все трое вышли через проходную на улицу. В двух сотнях метров от проходной их ждал джип «Бьюик Империал», внутри которого сидел какой-то человек. Глеб сел рядом с ним, несколько обалдевший от удивительной простоты своего освобождения. Ираклий занял место водителя, Мария села рядом с ним на переднее сиденье.

— Поехали. К утру мы должны быть в Вологде.

Ираклий включил двигатель. Джип заурчал, зажег фары и покатился прочь от базы группы «Хорс», на территории которой все еще слышалась стрельба.

— Привет, капитан, — заговорил вдруг человек рядом с Глебом.

Тарасов повернул голову и в отсвете фар узнал своего первого спасителя капитана Никифора Хмеля.

— Ты с ними?!

— Не знаю пока, — усмехнулся Никифор. — Скорее да, чем нет. Четыре часа назад они меня вытащили из сауны.

— Откуда?!

Никифор снова усмехнулся.

— Меня туда посадили под замок за то, что я тебя отпустил.

— Понятно. Меня тоже мое начальство упрятало в бытовку за невыполнение приказа.

Капитаны обменялись понимающими взглядами.

— Кажется, мы оба попали под асфальтовый каток чьего-то приказа: «Уничтожить!» Может, попробуем добраться до заказчика?

Тарасов вспомнил слезы в глазах Софьи, страх в глазах дочери, горестное недоумение в глазах деда, глухо проговорил:

— Я — за! Если, конечно, нам разрешат заняться этим делом.

— Вы вольны в своих поступках, Глеб Евдокимович, — оглянулась на них Мария. — Но я бы не советовала вам заниматься поисками заказчика. Он и так известен.

— Кто?! — в один голос воскликнули Тарасов и Хмель.

— Узнаете в свое время. Для того чтобы вы поняли, кто есть ху, вам придется выслушать пару лекций, после чего вы и решите, что делать.

— Тогда начинайте свои лекции.

Ираклий вдруг резко затормозил. В свете фар джипа на дороге выросла высокая фигура в белом.

— Егор?! — пробормотал Ираклий.

Фигура приблизилась, превратилась в седого мужчину с приятным, спокойным и внимательным, уверенным лицом, на котором буквально сияли желтые, «тигриные», умные, все понимающие глаза. Мария вышла к нему навстречу, оглянулась на Ираклия. Тот спохватился, выключил фары.

Разговор женщины и незнакомца длился около минуты. Ираклий тоже вышел из машины, но тут же забрался в кабину обратно.

— Кто это? — кивнул на седого Никифор.

— Егор Крутов, — задумчиво ответил Ираклий. — Координатор Сопротивления и волхв.

Никифор и Глеб переглянулись.

Мария села на свое место. Седой мужчина махнул всем рукой и исчез. Тарасов невольно завертел головой, пытаясь определить, куда подевался собеседник Марии, но никого не увидел. Координатор Сопротивления действительно исчез.

— Планы меняются, — сказала Мария, в то время как ее спутник разворачивал джип. — Нас пригласили в гости в Ветлугу. С вами хочет побеседовать один человек.

— Тоже волхв? — спросил Тарасов.

Мария покосилась на Ираклия. Тот ответил виноватым взглядом.

— Я им сказал о Крутове.

— Да, волхв, — кивнула женщина, спрятав улыбку. — Кстати, внимание волхвов дорогого стоит. Никифор, вы уже кое-что знаете о нашей организации, просветите капитана Тарасова, пока мы будем ехать. Остальное узнаете от хозяина.

Никифор посмотрел на Глеба.

— Приготовься, капитан, услышать кое-что необычное, во что верится с трудом.

— Я готов. Между прочим, — вдруг вспомнил Тарасов, — не подскажете, что это за явление? Перед тем как меня посадили под замок, я видел странный черный прямоугольник, порхающий в воздухе как бабочка.

Джип затормозил.

Водитель глянул на Марию, та, в свою очередь, оглянулась на Глеба. Глаза ее стали совсем черными.

— Вы уверены, Глеб Евдокимович? Вы точно видели черный прямоугольник?

— Меня сопровождал приятель, Николай, он свидетель. Мы действительно наблюдали за полетом плоского черного прямоугольника. Он покружился чуть в стороне и улетел.

— Это объясняет появление волкодавов «Зубра», — хмыкнул Ираклий.

— И «чекистов» тоже. Их сориентировали независимо друг от друга, что говорит о несогласованности решений.

— О чем вы? — поинтересовался Тарасов.

— Вас запеленговал магический оператор СС, — пояснил Ираклий. — Черный прямоугольник — это антенна конунга.

— Кого?

— Черного мага, служащего системе СС. — Ираклий покачал головой, тронул машину с места. — Похоже, синклит конунгов знает о подготовке триады и предпринимает меры по ее поиску и уничтожению.

— Ничего не понимаю! Какая триада? О чем идет речь?

— Я объясню, — сказал Никифор, — меня уже посвятили в кое-какие тайны. Слушай.

И Хмель начал рассказ...

В Ветлугу они приехали уже утром, когда солнце встало и вызолотило луга и леса слева от шоссе.

Джип пересек мост через реку Ветлугу, попетлял по улочкам города, выехал на улицу Герцена и остановился возле красивого старинного дома с резными наличниками и коньком крыши. Открылись ворота во двор. Ираклий загнал машину, вылез, потягиваясь, с виду не особенно уставший.

— Приехали, господа.

Глеб и Никифор вышли тоже, поглядывая то на строения во дворе, то на своих избавителей. Те не спешили, ожидая чего-то. Ворота во двор закрылись сами собой, хотя механизма запирания видно не было. И тотчас же из сеней вышел высокий седой мужчина в белой рубахе и шортах, открывающих мускулистые, отнюдь не старческие ноги. Он с улыбкой во взоре шагнул навстречу прибывшим.

— Доброе утро, гости дорогие. Помоетесь с дороги?

Никифор и Глеб переглянулись, ошеломленные встречей. Это был тот самый седой прохожий, что встретился им на дороге в Подмосковье.

— Как вы здесь оказались раньше нас? — пробормотал Никифор.

— У меня свои средства передвижения, — обозначил Крутов усмешку краешком губ. — Проходите в дом.

Тарасов и Хмель направились к дому, вошли в прохладные сени, где гуляли приятные запахи трав и сосновой смолы. Навстречу им вышла из светлицы миловидная молодая женщина с большими лучистыми серыми глазами, в которых прятались грусть и улыбка одновременно.

— Здравствуйте, — слегка поклонился Глеб.

То же самое сделал и Никифор.

— И вы здравы будьте, — поклонилась в ответ женщина; проседь в густых пышных волосах ее совсем не старила. — Меня зовут Елизавета Романовна, хотя можно звать просто Лизой, я жена Егора. Проходите в горницу.

— Нам бы умыться с дороги.

— Муж баньку истопил, еще рано утром, а пока вот туалетная комната, умывайтесь. Вот вам полотенце.

Глеб вымыл руки с мылом, с удовольствием подставил голову под струю воды, пофыркал, начал вытираться. За ним ту же процедуру проделал Никифор. В сопровождении хозяйки они прошли во внутренние покои дома, разглядывая интерьеры коридорчика и холла, в котором стояла старинная печь с изразцами и древними с виду фресками.

— Располагайтесь, — повела рукой Елизавета. — Там дальше гостиная, лаборатория мужа, можете посмотреть, пока он занят с друзьями.

Глеб толкнул дверь в лабораторию, и ему на мгновение показалось, что кто-то очень внимательно посмотрел на него сверху и погрозил пальцем, предупреждая о чем-то.

Гости прошли в комнату хозяина, и глаза их разбежались от обилия сложнейших установок, приборов и устройств, о назначении большинства которых ни Тарасов, ни Хмель не имели понятия. Кроме того, здесь стоял длинный деревянный стол с рядами реторт, различных сосудов замысловатых форм, банок и чашек. Тарасов с оторопью пригляделся к изогнутой бутылке с зеленоватой жидкостью, внутри которой плавал самый настоящий дракон. Только маленький. Глеб не удержался, чтобы не потрогать холодную, как лед, бутылку пальцем.

Все установки располагались вдоль стен помещения, посередине же образовался пустой круг диаметром около трех метров, в центре которого на медвежьей шкуре стояло массивное деревянное кресло с резной спинкой и гнутыми подлокотниками, с ножками в форме волчьей лапы. На подголовнике кресла висела необычной формы корона из голубовато-серебристого металла, притягивающая взор. Она была семигранная, «двухэтажная» и с очень красивым и сложным рисунком ажурной вязи. Ее хотелось погладить, взять в руки и надеть на голову.

Никифор не удержался от соблазна, подошел к креслу — Глебу показалось, что он услышал при этом необычный звук, напоминающий тихий стон лопнувшей струны, — и коснулся короны пальцем. И вздрогнул от голоса незаметно появившегося в лаборатории хозяина:

— Трогать здесь предметы не рекомендуется.

Никифор оглянулся, спрятал руку за спину.

— Извините. Я только хотел посмотреть на эту вещь поближе.

— Это опасно.

— Почему?

— На атомной электростанции вы же не станете дергать за рукоятки и нажимать кнопки? А тут, пожалуй, вещи покруче.

Никифор и Глеб с недоверием глянули на обманчиво простодушное лицо Крутова. Тот показал свою обычную едва заметную усмешку.

— Поверьте мне на слово. Каждое из этих устройств высокоэнергетично само по себе, а кроме того, заговорено, чтобы им не воспользовались недобрые люди.

Никифор кинул на Тарасова скептический взгляд, призывая выразить свое отношение к словам хозяина, но Глеб молчал, вдруг сразу и бесповоротно поверив Крутову. Аппаратура и приборы, установленные в лаборатории, стоили баснословно дорого, и если они все-таки были здесь смонтированы, это означало, что Крутов действительно занимался весьма серьезными исследованиями.

— Да, машинки у вас внушительные, — сказал Никифор, — особенно вот эта. — Он указал на сверкающий никелем и полировкой агрегат с прозрачным колпаком саркофага.

— Это позитронный эмиссионный томограф для изучения коры головного мозга. С его помощью можно легко определить, к какому виду относится человек — хищному или нехищному.

— Разве есть такое деление — на хищный и нехищный виды? — удивился Никифор.

— К сожалению, есть. Существуют два хищных вида человека — суперанималы и суггесторы, и два нехищных — диффузные люди и неоантропы.

Никифор хмыкнул, оглядываясь на по-прежнему молчавшего Тарасова.

— Первый раз слышу. А мы с ним к какому виду относимся?

— Могу посмотреть, хотя, если судить по поведению — вы креолы, то есть потомки хищных и нехищных видов, обладающие, к счастью, острым чувством справедливости и совестью.

— Спасибо, — пробормотал озадаченный Никифор. — Значит, вы занимаетесь изучением мозга человека?

Крутов улыбнулся.

— Чем я только не занимаюсь. В том числе изучаю возможности человеческого мозга и психики.

— А еще над чем работаете?

— Изучаю возможность перехода человечества на нетехнологический путь развития. Выход, кстати, совсем рядом, хотя для этого надо изменить психику людей, их потребительское отношение к природе. Кроме того, я работаю над программой создания безынерционных летательных аппаратов, изучаю возможности расширения сферы ПАО — пространства адекватного ответа или, как говорили в старину, «устроения повелевания». Подхожу к пониманию принципов магической физики, как универсальной физики Вселенной, приближаюсь к созданию ментального оружия. Правда, уровень сознания, необходимый для подобных деяний, таков, что волхв или маг, им обладающий, должен находиться в н е любых битв. Я же только иду к этому состоянию, тренируюсь изменять сознание, накапливаю энергию и аккумулирую знания. Например, чтобы левитировать, — Крутов плавно поднялся в воздух, повисел под потолком несколько секунд и опустился обратно, — или проходить сквозь плотные материальные объекты, — он сунул руку в стену и медленно вытащил, — нужно знать некие магические приемы, действия которых я уже знаю. Но мне интересно разбираться и в том, какие физические процессы при этом происходят, от кварк-глюонных взаимодействий до полевых.

Никифор перестал скептически усмехаться, почесал затылок, покачал головой.

— Вы меня ошеломили, право слово, Егор... э-э...

— Просто Егор.

— Нам сказали, что вы волхв, но я отнесся к этому...

— Легкомысленно.

— Пожалуй, да. Чем же занимаются другие колдуны? То бишь маги?

— В большинстве своем — поиском знаний. Это глобальная потребность магов, аналог чувства голода. Их интересует опыт делания коллег, общение с ними, исследование эгрегоров и так называемых м е с т Силы. Между прочим, в России таких мест очень много, и Ветлуга — одно из них, не допускающее присутствия так называемых конунгов, черных магов. Кроме того, нас интересуют миры с другими физическими законами, миры, населенные другими существами, различные формы жизни, объекты, созданные внеземными цивилизациями, клады, артефакты и реликты. Можно говорить и об определенном интересе к материальной независимости и покою, как важным условиям развития, но этот уровень, по сути, отражает вхождение идущего на путь самореализации. Потом его начинают волновать более серьезные проблемы и технологии. Но я гляжу, вы устали и хотите отдохнуть. Пойдемте-ка в баню. Потом позавтракаем и побеседуем.

— Да я еще не устал, — запротестовал возбужденный и заинтригованный Никифор, глянул на задумавшегося Тарасова. — Ты как?

— Я бы все же сначала сходил в баню, — признался Глеб. — Разве что хотелось бы выяснить один вопрос...

— Да ради бога, — развел руками Крутов.

— Что это за корона?

— Ага, и мне интересно! — вспомнил о своем любопытстве Никифор, поворачиваясь к деревянному трону. Протянул к короне руку и отдернул, услышав голос хозяина:

— Минуту!

Бесшумно ступая босыми ногами по полу, Крутов подошел к креслу, провел над ним ладонью, как бы оглаживая корону и само кресло, затем взял корону в руки. Тарасову показалось, что корона при этом на мгновение оделась в ветвистую сеточку разряда.

— Я заложил в компьютер параметры всех известных мне корон, в том числе таких знаменитых, как «шапка Мономаха», короны наших царей, хранящиеся в Кремле и в музеях, короны английских и европейских королей, вождей племен Африки и Америки, других царственных особ, и рассчитал универсальную энергоинформационную матрицу, воплотив ее в суперкороне, которую я назвал капией. Попробуйте надеть.

Никифор заколебался. Глеб сделал шаг вперед.

— Я попробую.

— Тогда я за тобой, — сказал Хмель с легкой досадой.

Тарасов сел в кресло, ощутимо тяжелое, твердое и холодное, потемневшее не то от времени, не то от множества прикосновений. Крутов осторожно надел корону ему на голову, натянул чуть глубже, и Глеб провалился в сияющую бездну, хотя осознавал при этом, что сидит в кресле и видит перед собой предметы лаборатории. В голове с похрустыванием начал разламываться прозрачный панцирь, сковывающий тело, зазвенели далекие цимбалы. Под этот звон панцирь окончательно слетел с сознания Тарасова, и он окунулся в бездну невероятной глубины знания и понимания. А потом вспомнил все, что происходило с ним в жизни...

— Помнишь себя трехлетним? — долетел откуда-то издалека гулкий бас.

— Помню... — прошептал Глеб.

— А двухлетним?

Перед глазами капитана развернулась сцена: он стоит у комода, цепляясь ручонками за ручки ящиков, и тянет на себя скатерть, скатерть сползает, с нее летят женские безделушки, пудреница, зеркальце, флакончик духов и ножницы, они падают прямо ему на запрокинутое лицо, еще мгновение — и острие вонзится в глаз, и вдруг откуда-то выныривает рука отца и перехватывает ножницы в самый последний момент...

— Помню!..

— А что ты помнишь, когда тебе исполнился один год?

— Пожар... — прошептал Глеб. — Мать оставила включенный утюг... я почуял запах дыма, закричал...

— Может быть, вспомнишь свои ощущения в день рождения?

— Тепло, уютно... потом толчок... холодно и страшно! Вижу какую-то башню в форме креста... старца с развевающимися белыми волосами... и мальчика с такими же волосами... они входят друг в друга...

— Достаточно! — Крутов стянул с головы Глеба корону, и тому показалось, что его ударили по затылку! Он ослеп и оглох на какое-то время, ничего не соображая, но чувствуя огромное сожаление и горечь отключения от внутренней вселенной.

Крутов подал ему чашку с водой.

— Глотни родниковой.

Глеб повиновался. Голова прояснилась, словно внутри ее

подул свежий морозный ветерок. Пришло ощущение подъема. Глеб освободил кресло.

— Ты крепкий парень, — с уважением сказал Крутов. — Не многие выдерживают больше минуты. Да и тебе нельзя держать канал памяти больше двух минут, это чревато нарушениями психики. Ну, капитан, ты еще не потерял желания испытать капию на себе? — глянул волхв на Хмеля.

— Я что, рыжий? — ответил тот, занимая кресло. — Хочу испытать то же самое. Надевайте вашу капию.

Крутов осторожно натянул корону на голову Никифора.

Глеб с интересом ждал реакции капитана.

Тот вздрогнул, широко раскрывая глаза, замер, вцепившись в подлокотники кресла, и у ш е л. То есть, как и Тарасов, погрузился в свой внутренний мир, принялся «листать» страницы своей памяти, вспоминать давно минувшие дни.

Крутов не стал спрашивать, помнит ли Никифор себя в детстве, какие чувства испытывает, волхв просто снял корону спустя минуту после начала сеанса.

Никифор снова вздрогнул, начал озираться, протирать глаза, с недоумением глянул на считавшего его пульс Крутова.

— Что это было?!

— Капия фокусирует ламинарный поток Сил, очищающих и настраивающих мостик между сознанием и подсознанием. Но психика человека не подготовлена к такому состоянию, у него зачастую «едет крыша», как это наглядно иллюстрируют примеры поведения наших царей.

Никифор потрогал затылок, пригладил дрожащей рукой волосы, с опаской и уважением посмотрел на корону.

— Если бы не испытал сам, никогда бы не поверил! Вы действительно колдун, Егор... э-э, да, Егор.

— Но сначала ты думал иначе, не так ли? — улыбнулся Крутов. — Ладно, пульс почти нормальный, все хорошо. Идемте в баню.

Никифор посмотрел вслед волхву, сконфуженно усмехнулся в ответ на красноречивый взгляд Глеба.

— Мысли мои он читает, что ли? Когда он говорил, чем занимается, я сравнил его с «исследователем длины носа Буратино». Так говорил о себе мой учитель физики.

Глеб молча похлопал капитана по спине и вышел из лаборатории, уверенный, что им предстоит узнать еще много интересного, необычного, поражающего воображение.

В бане они мылись больше часа, до изнеможения исхлестав друг друга березовыми вениками. И почувствовали себя так, будто заново родились. В блаженной расслабленности

сели в столовой за стол и позавтракали. Хозяйка угостила их расстегаями, пирогами с вязигой, вкусными до умопомрачения, а также куриным филе и варениками с вишнями. Затем поставила чайник, и гости принялись пить вкусный, пахнущий чабрецом и мятой чай. Алкогольных напитков хозяин не предложил.

Беседа началась за чаем.

— Итак, гости дорогие, кое-что вам уже рассказали о Катарсисе и о его исполнительном органе — Сопротивлении. Добавлю следующее. Система Сил Сатаны существует реально и уже тысячи лет проводит в жизнь свою Программу, опираясь на черных магов, жаждущих абсолютной власти, — как известно, власть в любых ее проявлениях — самый сильный наркотик! — и на хищных людей, также добивающихся власти, уже на более низком уровне. Программа Сатаны базируется на нескольких архетипических установках, требующих жесткого соблюдения стандартов поведения, шаблонов для подражания и четкой иерархии управления, а также на подавлении любого проявления воли индивидуумов. Исполнители самого высокого уровня Программы никого не уважают, но и не стремятся никого уничтожить, предпочитая заставлять всех работать на себя. Это уровень иерархов Программы и конунгов. Исполнители же рангом пониже — «новые революционеры» из НРИ, адепты Братства Единой Свободы, «борцы с терроризмом» из ФАС и другие, — признают только культ силы и полное уничтожение противника, в крайнем случае — его полную капитуляцию. Компромиссов они, как правило, не признают. Вы с ними уже столкнулись, хотя я думаю, причина этого столкновения вам еще неизвестна.

— Может, просветите? — вставил слово Никифор.

— Разумеется, чуть позже. В продолжение темы: равноправные отношения между слугами СС и нами, людьми Катарсиса, невозможны. Но и воевать мы не собираемся, разве что нас заставят обороняться, спасать свою жизнь. Иногда такое случается, когда мы не успеваем просчитать линии намерений и ожиданий противоположной стороны или узлы пересечений реализованной системы власти с какой-либо из виртуальных ветвей. Особенно это касается бифуркационных состояний государственных макросистем. Примеры: революция в семнадцатом году, развал СССР в конце девяностых годов прошлого столетия, нынешний всплеск терроризма. Но это отдельная тема для разговора. Для дальнейшего пояснения происходящего вам необходимо знать схему взаимодействия СС и Катарсиса с государственными структурами.

Крутов принес листок бумаги, карандаш и набросал схему, состоящую из полутора десятков квадратиков и кружочков, соединенных линиями.

— Вот упрощенный скелет наших отношений.

Как видите, главных направлений вытеснения СС шесть: финансы, СМИ, культура, президентские структуры, властные структуры, то есть правительство, и силовые службы. СС предлагала нам войну на уничтожение, мы отступили. Тогда началась война информационная, точнее — магически-информационная, которая привела к большим духовным потерям с нашей стороны, пока мы не поняли, что воевать — все равно что играть в виртуальную компьютерную игру! Даже если ты победил — ты все равно остался там, в игре! Не вышел на свободу, остался заложником вечной войны, рассчитанной лишь на временные победы.

— Так что же, выходит, сражаться с СС не стоит? Сидеть и ждать, пока не придут киллеры?

— Почему ждать? Надо жить! Строить свою модель жизни. Отсюда и стратегическая цель Катарсиса — не война до победного конца, а замещение системы Сатаны системой *живы!* Во всех сферах жизни: политической, социальной, экономической, культурной. Необходимо изменить саму концепцию власти, основанной на ростовщичестве и торговле совестью, чтобы все нехищные люди стали ее частью. Только тогда Сатана или, как его еще называют, — Люцифер, Чернобог, Денница — Утренняя Заря, Святая Вода, Чегирь, Инквизитор, Экзаменатор и тому подобное, — отступит, уйдет с Земли, так как перестанет получать энергоинформационную подпитку. Однако до этого еще очень далеко, если вообще эта цель достижима. Слишком сильно искажена система ценностей человека, слишком мощную скорлупу он вырастил вокруг своей души. Изменить его способна только философия ж и з н и по с о в е с т и, путь трансформации традиций и форм воздействия, путь поиска новых связей и творческой реализации. Мы всю жизнь с кем-то дружим, не подозревая, что дружим с дьяволом. И всю жизнь воюем, не зная, что воюем сами с собой.

— Это теория, — тихо сказал Тарасов. — Что нужно делать на практике для достижения поставленной цели?

— У нас много работы. СС продолжает расширять сферу своего влияния на человечество через организации типа МВФ, ООН, НРИ, братство БЕСа, другие фанатические секты и военизированные организации, и нам надо все время защищаться, нейтрализовать их деятельность и сталкивать хищни-

ков между собой. Это на физическом уровне. Есть и уровни повыше. К примеру, нам необходимо убрать конунга из окружения президента, а это требует иных подходов и методов разведки и воздействия, недоступных простым смертным.

— Нам тоже? — прищурился Никифор.

— Вам пока тоже, — спокойно ответил Крутов. — Этим занимаются Витязи, прошедшие большую жизненную школу и знающие магические приемы. Тактическая задача Витязей — создание системы нелинейной безопасности общества и замещение систем обучения системой возрожденной *живы*.

— Но ведь им в таком случае приходится... драться?

— К сожалению, приходится. Но терпеть глупое — глупо, а сносить жестокое — жестоко. Мы вправе отвечать своим врагам адекватно, хотя, подчеркиваю, стремимся изменить себя и мир ненасильственным путем. Это все, что я хотел сказать вам сегодня. Вопросы?

— Вы не сказали, что нам предстоит делать конкретно, — медленно проговорил Тарасов.

— Основная ваша задача — вместе с Витязями снять со страны пресс криминального давления. В ближайшем же будущем вам предстоит защищать одного...

— Мальчишку, — перебил волхва Никифор.

— Да, «серебряного мальчика», инкарнацию Белого Волхва, будущего координатора возрожденной России. Это почетная и очень рискованная работа. Доверяют такую немногим. Но вам мы можем ее доверить, вам двоим и еще одному человеку, Дмитрию Булавину.

— Почему именно нам? Чем мы заслужили такое доверие? Разве ваши... Витязи не в состоянии охранять мальчика?

Крутов помолчал, разглядывая стакан на столе. Поднял голову:

— Дело в том, что вы трое — физическая триада действия, но в то же время — ментальная или, если хотите, духовная монада совести, этической связи.

— С кем?

— С Ним. — Крутов кивнул вверх, улыбнулся. — С Творцом. Со Вселенной. По сути, не мы, а Он дал вам кредит доверия, помог вырваться из круга вечной войны ради войны. Постарайтесь это доверие оправдать.

Никифор и Глеб переглянулись.

— Ни фига себе масштабчик! — пробормотал ошеломленный Хмель. — А если не оправдаем? Он нас... уничтожит? В лягушек превратит?

— Думай, что говоришь, — буркнул Тарасов.

— Я не такой умный как ты, — огрызнулся Никифор. — Кстати, человек, который думает, что говорит, — конченый человек.

— Зато человек, который говорит, что думает, — законченный идиот!

— Все? Выяснили отношения? — доброжелательно посмотрел на обоих Крутов.

Капитаны смутились.

— Извините, Егор, мы просто обалдели и переваривaем информацию. Что нам делать дальше? Ведь нас будут искать... э-э, наши коллеги и враги. Кстати, непонятно все же, почему на нас организована охота.

— Конунги знают о существовании «серебряного мальчика» и о том, что мы готовим триаду охраны. Вас вычислили магическим способом...

— Черный прямоугольник?!

— Это магическая «антенна пеленгатора» конунгов. Они вас засекли, а дальше подключили спецкоманды «тающих» НРИ и ФАС. Это опасный противник, но не всемогущий. Мы научим вас опережать его. А сейчас вас ждут мои друзья, которые отвезут вас в Вологду.

Крутов поднялся из-за стола.

Глеб и Никифор встали тоже, ощущая непривычное волнение и стеснение. Только теперь они осознали, что прежняя жизнь закончилась и впереди их ждет жизнь, полная опасности и борьбы, но уже с иным мироощущением и моральным наполнением. Впервые и тот, и другой увидели настоящую цель!

ВОЛОГДА

БУЛАВИН

В понедельник в Вологде открылись Всероссийские детские соревнования по регболу, в состав судей которых вошел и Дмитрий. Естественно, несмотря на происшедшие трагические события, он не стал отказываться от участия в судействе, однако настроение у него было далеко не праздничное. Из головы не шла мысль о том, что он чудом избежал гибели в храме БЕСа, благодаря вмешательству Марии. И конечно же, его не радовало странное нападение тройки «спецназа»: старика, мальчишки и женщины, судя по всему, тренированных специально для наблюдения и неожиданной атаки. Будь

Дмитрий более беспечным, его бы наверняка убили или покалечили. Хотя причин нападения он так и не понял.

Отсудив три поединка команд из Белоруссии и Казахстана, Дмитрий с приятелем из «Динамо» пообедал в кафе спорткомплекса, где проходили соревнования, и вернулся в судейскую комнату позвонить Диане и предупредить о вечернем рандеву, чтобы она не планировала других встреч. Он собирался заехать за ней на фирму после шести часов вечера и посидеть в ресторане. Однако Дианы на месте не оказалось, не отвечал и ее мобильный телефон, и расстроенный Булавин уселся на диване в уголке комнаты, в которой не прекращалась обычная организационная суета, размышляя о причине молчания любимой женщины.

Софья уехала обратно в деревню к дочке, точнее, к девочкам — Оленьке и Акулине, дочке капитана Тарасова, которую уже считала своей, отец в дела сына не вмешивался, и посоветоваться Дмитрию, в общем-то, было не с кем. А поскольку угроза приставаний Симона Калабриади к Диане оставалась, Дмитрий не мог не тревожиться за ее жизнь.

В судейскую вошел крутоплечий молодец с коротким ежиком волос, в котором Дмитрий с удивлением признал майора службы безопасности президента Михаила Дегтярева. Найдя глазами Булавина, он подсел к нему, дружески сунул руку.

— Привет, чемпион. Рассказывай.

— Прямо здесь? — хмуро буркнул Дмитрий.

Дегтярев оглядел судейскую.

— На нас никто не обращает внимания, так что все нормально. Что случилось? Почему погиб Мих-Мих и большая часть группы?

— И почему не погиб я, так? — усмехнулся Дмитрий.

— Правильно, — не смущаясь, кивнул майор. — Хотя я не стал бы так категорично увязывать эти события в причину и следствие. Мы проанализировали ваше поведение и причин сомневаться в вашей невиновности не нашли. Но тем не менее подробности случившегося нам неизвестны.

— Мне тоже, — сухо сказал Дмитрий. — Я уцелел только вследствие того, что не успел войти на территорию храма. Разве Диана вам этого не рассказала?

— Рассказала, но мы... как бы это выразиться поаккуратнее, сомневаемся. Что же вас задержало?

— Объективные обстоятельства.

— Точнее?

— К храму подъехал на велосипеде молодой парень в черной рясе, я остался его встретить и нейтрализовать, чтобы он не поднял тревогу.

Дегтярев окинул лицо Булавина задумчивым взглядом.

— Нечто в этом роде мы и предполагали. Хотя странно все же, что вы уцелели, находясь практически в эпицентре действия таинственной смерти, а группа поддержки, располагавшаяся в сотне с лишним метров от храма, вся выбыла из строя. Парни до сих пор жалуются на головные боли. Ну да бог с ними, живы остались, и то хорошо. Возможно, вы знаете какие-то приемы выживания в таких условиях. Как вы думаете, Дмитрий Михеевич, что все-таки произошло? Почему погибло столько людей, причем одномоментно?

Дмитрий ответил на жест главного судьи, постучавшего по циферблату часов, что, мол, помнит свой выход, повернулся к собеседнику.

— Майор, уверен, что вы знаете причину гибели людей. Я же могу только догадываться. На мой взгляд, в храме было произведено испытание психотронного генератора большой мощности, разработанного в секретных лабораториях Братства Единой Свободы или какой-то другой организации. Кстати, этими вещами должно заниматься и ваше ведомство. С одной стороны, цель КОП достигнута, храм перестал работать, секта в Вологде перестала существовать, но с другой стороны — погибли люди, а это уже совсем другой расклад, иная философия. Я бы не хотел быть на стороне тех, кто проводит такие бесчеловечные эксперименты. И если я узнаю, что виновник гибели ста с лишним человек — КОП...

— Что тогда?

Булавин помолчал.

— Я постараюсь закрыть эту вашу лавочку.

— Иными словами, вы отказываетесь работать с КОП?

— До тех пор, пока мне не докажут, что КОП не имела отношения к психотронным экспериментам.

— Понятно. Успокойтесь. Могу утверждать, что ни КОП, ни мы не занимаемся психотроникой и опытами над людьми. И уже занялись расследованием этого дела. Но мы весьма заинтересованы в сотрудничестве с вами. Вот, почитайте. — Дегтярев подал Дмитрию конверт.

— Что это? — покосился на конверт инструктор.

— Информация по объектам, с которыми продолжает работать КОП. Возглавлять опергруппу теперь буду я. Не отказывайтесь сразу, подумайте, взвесьте все «за» и «против». Возможно, вы поймете важность этой работы в наши непростые времена.

Майор дружески стиснул локоть Дмитрия и вышел из комнаты, оставив конверт на диване. Дмитрий хотел было догнать его и спросить, не их ли опергруппа в составе старика, мальца и женщины пыталась его ликвидировать, но передумал. Майор все равно бы не ответил.

В судейской появился приятель Дмитрия.

— Ты готов? Наш выход.

Надо было идти в зал и судить очередную встречу по регболу — виду спорта, основанному еще одиннадцать лет назад знаменитым борцом Александром Калериным. Этот увлекательный спорт представлял собой смесь баскетбола, регби и греко-римской борьбы и соединял в себе и красоту, и стремительность баскетбола, и мощь борьбы, и жесткость регби. Популярность его среди мальчишек была весьма велика.

— Иду, — встал Дмитрий, пряча конверт в карман.

К четырем часам он освободился, снова попытался дозвониться до Дианы, не смог и поехал в офис фирмы «Волтри», расположенный в центре города, на улице Батюшкова. Однако секретарша Дианы беленькая «мышка» Лариса могла сообщить лишь, что ее начальница уехала в район за льняным волокном еще утром и до сих пор не появлялась.

— Куда именно она поехала? — спросил раздосадованный новостью Дмитрий, покосившись на плотного парня в серо-синей униформе, с тяжелым боксерским лицом — милицейского работника, охраняющего офис.

— Не сказала, — виновато поежилась Лариса под взглядом Булавина. — А вы зайдите к Людмиле Николаевне, она должна знать. — Секретарша показала глазами на дверь с табличкой «Генеральный директор».

Дмитрий хотел было отказаться, перспектива встречи с компаньонкой Дианы красавицей Люсей, постоянно заигрывающей с ним, его не радовала, но дверь кабинета внезапно открылась и в приемную вышла платиновая блондинка Люся в деловом жемчужно-бежевом костюме. Юбка у нее была с разрезом и открывала крутое красивое бедро.

— Дмитрий Михеевич? — подняла выщипанные брови Люся. — Вы к нам?

— Ищу Диану, — стесненно ответил Дмитрий. — Вы не знаете, куда она поехала?

— Пойдемте, поговорим, у меня есть свободная минутка. — Людмила бросила на секретаршу недобрый взгляд. — Лара, сделай нам кофе. Проходите, Дмитрий Михеевич.

Дмитрий подавил досаду, проследовал в роскошный кабинет совладелицы компании «Волтри». Люся, покачивая бедрами, обошла его, задев плечом, села за гостевой столик, положив ногу на ногу.

— Присаживайся, Дима.

Булавин сел, ощущая внутренний дискомфорт. Люся была эффектной женщиной, красивой и влекущей, но не в его вкусе, к тому же он был влюблен в Диану, и настырные знаки внимания Людмилы только раздражали. И тем не менее надо было терпеть.

— Диана поехала с экспедитором в Туровец, — продолжала Люся, поправляя юбку таким образом, что бедро еще больше открылось. — У нас там собственная льнозаготовительная контора. — Она поправила пиджак, чтобы грудь выглядывала заметней. — Думаю, к вечеру появится. Но может и задержаться там до утра, вопросы ей надо решать очень серьезные.

— Мне она ничего не говорила, — нахмурился Дмитрий, — хотя всегда предупреждает заранее. И телефон не отвечает.

— Выключила или не взяла с собой. Не волнуйся за нее, не маленькая, — махнула рукой Людмила. — Если вечером тебе понадобится партнерша, я ее вполне заменю. Давай сходим в ресторан?

— Спасибо, — пробормотал он, понимая, что будет выглядеть глупо, если встанет и уйдет. — Но сегодня я занят в Школе.

— У меня такое впечатление, что ты меня боишься, — засмеялась хозяйка кабинета. — Неужели я такая страшная?

— Вовсе нет, — искренне возразил Дмитрий. — Но я действительно не могу, у меня назначена встреча с делегацией из Рязани.

Встреча с коллегами из Рязанской школы выживания должна была состояться только завтра, но он не знал, как отговориться от предложения.

Вошла Лариса с подносом, поставила на столик чашки с ароматным капуччино и конфеты.

— Может быть, по глоточку вина?

— Я за рулем.

Люся сделала пренебрежительную гримаску:

— Если гаишников бояться — за руль лучше не садиться. Могу предложить коньяк, водку, виски.

— Спасибо, не надо.

— Что ж, кто отказывается от радостей жизни, рискует вовсе остаться без удовольствий. Я вот в отличие от тебя могу позволить себе выпить в любое время суток. Кстати, Диана тоже.

Люся грациозно поднялась, принесла бутылку текилы и рюмку, налила почти полную и выпила. Зажмурилась, броси-

ла на Дмитрия призывный взгляд, потянулась так, что едва не лопнула кофточка на груди.

— Классная самогонка! Жить хочется.

Слово «хочется» она произнесла с двусмысленным оттенком. Села напротив, снова закинула ногу на ногу, так что блеснули трусики.

Даже самые красивые ноги где-то заканчиваются, меланхолически вспомнил Дмитрий чье-то высказывание[1], размышляя, как побыстрее свалить отсюда, не обидев хозяйку.

— Диана говорила, что ты профессионал, — сказала Люся, томно глядя на гостя заблестевшими глазами. — Может, покажешь мне какой-нибудь прием, чтобы я могла не бояться хулиганов? А то женщина я одинокая, беззащитная, поэтическая... живу без друга...

— Ты еще молодая, — рассеянно сказал Дмитрий, — и красивая, еще встретишь своего друга.

Люся иронически покачала пальцем, налила еще полрюмки текилы, выпила.

— Благодарю за комплимент, Дима, ты очень мил. Только я не так уж и молода, просто выгляжу юной девой.

Юной девой Людмила никак не выглядела, но говорить ей об этом не стоило.

— Твоей Дианочке легко держать себя в форме, ей всего двадцать семь, а мне за сорок... — Еще глоток текилы. — Недаром говорят: молодая красивая женщина — чудо природы, а немолодая красивая женщина — чудо искусства. Разве я не чудо?

— Чудо! — согласился Дмитрий.

— Тогда чего же ты выкобениваешься? — Люся поставила бутылку и рюмку на стол, вдруг одним движением села к нему на колени; волна запахов — духи, текила, запах горячего женского тела — обрушилась на Булавина. — Почему делаешь вид, что не замечаешь моего внимания? Хранишь верность Диане? Да она ничего не узнает! Хочешь меня? Ведь хочешь, я чувствую! Давай прямо здесь, а? Никто не войдет, здесь ковры... — Она начала расстегивать пуговицы на рубашке Дмитрия, повела плечами, сбрасывая костюм, и Дмитрий понял, что напрасно надеялся на мирный исход «дружеского застолья».

Перехватил ее руки, отвел лицо от жадно ищущих его губы губ женщины, гибко перекинул ее на свое место и встал.

[1] Юлиан Тувим.

— Извини, Люся, но у меня мало времени. — Он виновато развел руками. — Честное слово.

— Профессионал хренов, — почти трезвым голосом отозвалась она, берясь за бутылку. — Если бы х о т е л — успел бы. Все же в любви профессионалы — женщины, а мужчины — только любители. Иди, ищи свою Диану, может быть, и найдешь.

Люся встала, покачнувшись, неуверенно пересекла кабинет, утопая в толстом зеленом ковре по щиколотку, рухнула в кресло за рабочим столом, ткнула пальцем в селектор:

— Костя, выведи его отсюда.

В кабинет вошел боксерского вида охранник.

— Большое спасибо за кофе, Людмила Николаевна, — с преувеличенной любезностью сказал Дмитрий, вспоминая, где он видел этого парня. — Мы с Дианой подумаем над вашим предложением.

— Каким предложением? — не поняла Люся.

— Посидеть вечерком в ресторане. До свидания.

Не обращая внимания на угрожающую позу охранника, Дмитрий вышел из кабинета, послал воздушный поцелуй секретарше и покинул офис фирмы «Волтри».

В кабине машины он с минуту размышлял, что делать дальше, где искать Диану, потом вспомнил о визите майора Дегтярева и достал конверт.

На десяти страницах машинописи описывалась деятельность двух «объектов» КОП, требующих «перевоспитания». Первым оказался хозяин частной строительной компании «Спец-2000» Леонид Кучмар, которому позарез понадобилось проложить дорогу через частный жилой сектор Вологды и построить бензозаправку. А карт-бланш на это ему дал лично господин Шинцев, заместитель мэра города по хозяйственной деятельности. Всего-то и надо было уговорить семидесятилетнего пенсионера Башкирова, инвалида труда, переселиться в квартиру в городской многоэтажке, а так как пенсионер уперся и никак не хотел переезжать, его принялись «уговаривать» иными методами, при полном попустительстве властей.

В яркий солнечный день двадцать второго июля в дом Башкирова ввалились трое стриженых молодцов, завернули ему руки за спину, вывели и бросили в машину без номеров.

— Куда везете? — осведомился старик, когда тронулись.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — заржали «качки».

Остановились в глухом месте под крутым берегом Вологды.

— Вот что, дед, — сказал один из «качков». — Если завтра не освободишь дом, мы тебя тут и утопим. Посиди пока, подумай, а мы за хозяином поедем.

Как только машина скрылась из виду, Башкиров с большим трудом вскарабкался наверх (два инфаркта перенес, сил было мало), вышел на дорогу и остановил самосвал, который довез его до города. Там он позвонил сыну, армейскому офицеру, майору радиотехнических войск, и попросил срочно приехать. Утомленный, прилег на диван. А тем временем к дому подогнали экскаватор и приказали экскаваторщику замуровать жильца в его жилище.

Первой неладное почуяла собака: завыла, стала скрести лапами дверь. Башкиров потянул ручку на себя — из дверного проема в коридор посыпались битые кирпичи, куски штукатурки, мусор, арматура, земля... Собака с воем рванулась вверх, выбралась сквозь щель наружу. У Башкирова карабкаться через завал сил не осталось, и он решил ждать.

Вечером его откопал сын. Но старик был уже мертв — не выдержало сердце. О том, что и как произошло, он успел написать на листочке из школьной тетради.

Дмитрий посидел немного, видя перед глазами эту картину, выдохнул сквозь зубы:

— Их «мочить» надо, нелюдей, а не перевоспитывать!

Начал читать второй пакет данных.

В нем речь шла о деятельности народных защитников — милиционеров. В понедельник, тридцать первого июля, то есть не так давно, в офис фирмы «Мирамар» вошли семеро, четверо из них — в милицейской форме. Представились сотрудниками седьмого отделения милиции (что оказалось в принципе правдой) и заявили, что это плановая проверка документации фирмы.

Визит никого не удивил, работники фирмы, расположенной в полуподвальном помещении, привыкли к проверкам со дня введения в Вологде особого положения в связи с угрозой терактов. Но когда в офис приехал директор фирмы Михаил Панкин, милиционеры закрыли одиннадцать сотрудников предприятия по рекламным услугам в отдельной комнате, вместе с двумя охранниками, сами же уединились с ним в кабинете и потребовали денег. А чтобы сделать директора более сговорчивым, прострелили ему обе ноги. Затем забрали из сейфа сто пятьдесят тысяч рублей, двадцать тысяч долларов, часы «Ролекс» и спокойно уехали на двух машинах.

Вычислить их удалось легко — по украденному «Ролексу», который оказался на руке начальника того самого седьмого

отделения милиции подполковника Пузанца. Он-то и санкционировал налет в целях «защиты предпринимателей», просто его подчиненные «перестарались». А поскольку у него были большие связи и высокие покровители — тот же заместитель мэра Шинцев, уголовное дело заводить не стали, погрозили подполковнику пальчиком и отпустили.

— Ну и сволочи! — заключил Дмитрий, дочитав материалы дел. — И этим нельзя жить на белом свете! Особенно господину Шинцеву.

Но что делать в сложившейся ситуации, Булавин не знал.

С одной стороны, вопиющие факты требовали расследования и реакции правоохранительных органов, а так как происшествия замяли, КОП должна была отреагировать самостоятельно и наказать негодяев. Мало того, Дмитрий с удовольствием взялся бы за исполнение приговора, будучи уверенным, что зло *нельзя* оставлять безнаказанным. С другой стороны, оперработница неведомого Катарсиса Мария не велела ему связываться с «копами», и ее рекомендации казались достаточно весомыми.

«Ладно, отложим решение, — подумал Дмитрий. — Если в течение ближайших двух дней Катарсис не даст знать о себе, я приму предложение майора. Он прав, спускать такое нельзя, иначе бандиты совсем обнаглеют. А пока надо искать Диану. Не нравится мне ее отсутствие и молчание. Но какова Люся! Ничего себе, подруга! Неужели мужиков не хватает? И как теперь вести себя с ней после столь откровенного предложения?»

Дмитрий вспомнил горячие объятия Людмилы, ее раскрасневшееся лицо, жадные руки, торопливую речь. Что она там говорила о Диане? Ищи, может быть, и найдешь? Что она хотела этим сказать? *Складывается впечатление, будто Люся знает*, что Диана сегодня не приедет. Иначе не приглашала бы в ресторан. Что же это означает, черт побери?!

Дмитрий тронул машину с места, боковым зрением увидел выходящую из здания Людмилу в сопровождении солидного мужчины в дорогом костюме и остановился. Подождал, пока хозяйка фирмы «Волтри» отъедет, вышел из машины и вернулся в офис.

— Куда? — остановил его за дверью парень-охранник.

Дмитрий наконец вспомнил, где он видел эту квадратную физиономию: парень находился в компании Симона Калабриади, когда тот попытался изуродовать лицо Дианы кислотой. Правда, тогда он был в штатском костюме.

— Один вопрос Ларисе, — сказал Булавин.

— Никого не велено пускать.

— Тогда давай вызовем ее и я задам вопрос при тебе.

— Тебе сказано — не велено! Понял? Попрошу очистить помещение! — Охранник положил руку на кобуру пистолета.

— О, вот и она, — посмотрел ему за спину Дмитрий.

«Качок» оглянулся и через мгновение оказался лежащим лицом вниз на полу. Дмитрий вытащил из его брюк ремень, связал руки, сказал ему в ухо:

— Не люблю хамов, братан. Кстати, я тебя узнал. Ты из свиты Симона, по которому давно плачет тюрьма. Мой тебе совет: не дружи с ним, это плохой мальчик. А меня злить не стоит, я и так расстроен. Мог бы вежливо вызвать Ларису, я ведь не просто прохожий, а в какой-то степени друг хозяйки. Полежи немного, я сейчас вернусь. Будешь кричать — засуну язык в одно место. Договорились?

Охранник затих.

Дмитрий зашел в приемную, улыбнулся удивленно поднявшей на него глаза секретарше:

— Лара, куда именно поехала Диана?

— Я уже говорила, Дмитрий Михеевич: не знаю. Людмила Николаевна утром кому-то звонила, я случайно услышала, по-моему, речь шла об Устье.

— А мне она сказала, что Диана отправилась в Туровец, — задумчиво проговорил Дмитрий. — К ней никто не заходил?

— Маша заходила, Петр Дмитриевич...

— Из посторонних.

— Из посторонних никто. В приемную, правда, заглядывал парень, спрашивал Диану Петровну, но к ней не заходил.

— Какой парень? — насторожился Дмитрий.

— Его Костя знает, наш охранник, они с ним потом беседовали в коридоре.

— Ясно, спасибо за информацию. Желаю встретить прекрасного принца!

Радуясь, что сотрудники фирмы «Волтри» не шатаются по коридорам офиса без дела, Дмитрий подошел к лежащему на полу в коридоре охраннику и рывком поднял его на ноги.

— А теперь говори, падла, кто к тебе приходил утром! Зачем он спрашивал Диану?! Куда она поехала?! Отвечай, мразь!

В коридоре появилась женщина, с любопытством посмотрела на «беседующих» — Дмитрий загораживал собой охранника — и свернула направо, открыв одну из дверей.

— Не знаю, о ком ты говоришь, — сквозь зубы выговорил охранник.

Дмитрий надавил на предплечье сильнее. Парень охнул.

— Говори!

— Больно!.. Ко мне приятель заходил, Нос... Федька Носов...

— Зачем? Говори, руку сломаю!

— Его Симон послал... узнать, когда Диана выезжает... больше я ничего не знаю...

В коридоре офиса появились две девушки с кипами бумаг и, щебеча, скрылись в приемной.

Дмитрий отпустил взопревшего охранника.

— Адрес!

— Что? — вытаращился «качок». Потом вспомнил об оружии и схватился за кобуру. И замер, увидев у глаза острие шариковой ручки.

— А ты все-таки гнида, — констатировал Дмитрий. — Еще одно движение — и останешься без глаза!

— Я заявлю в отделение о нападении...

— Не заявишь, тогда тебе придется рассказать о своих связях с бандитом Калабриади, за которым тянется длинный хвост нехороших поступков. Адрес Носова!

— Улица Ветошкина, двенадцать, квартира семь... Мы тебя все равно найдем!

Дмитрий заглянул в блеклые глазки парня.

— Это я вас найду... если что случится с Дианой! И тогда разговор у нас будет другой! Да не хватайся ты за пушку, Костик, ей-богу, не поможет она тебе.

Дмитрий бросил ручку на столик дежурного с монитором и, не оглядываясь, вышел из офиса. Охранник останавливать его не рискнул.

Дом номер двенадцать по улице Ветошкина располагался недалеко от Дворца спорта «Юбилейный», где не раз бывал Булавин. Отыскав дом и квартиру, он позвонил. Дверь открыла неопрятно одетая полная женщина с нерасчесанными волосами. От нее несло перегаром.

— Чего надо?

Дмитрий внутренне поморщился.

— Федька дома?

— Нету, он раньше двенадцати не приходит. — Женщина собралась захлопнуть дверь, и Булавин придержал створку носком туфли.

— Где его можно найти?

— А хрен его знает! Может, к бабе пошел, есть у него краля в Нижнем Посаде, а может, с дружками гуляет. Или в карты где-нибудь режется.

— Где обычно он режется?

— А кто ты такой, что вопросы задаешь? Мент, что ли?

— Я ему деньги принес, — нашелся Дмитрий. — Федька их честно заработал, велели найти и передать.

— Федька заработал? Честно?! — Женщина захохотала. — Анекдот! Мир перевернулся, если он стал честно зарабатывать. А где его искать, я все равно не знаю. Сходи в пивбар «Гамбринус» на Рабочей.

Дверь захлопнулась.

Дмитрий вернулся к машине, гадая, кто Федьке эта женщина — мать или сестра, и направился по указанному адресу. Шел уже седьмой час вечера, когда он подъехал к пивному бару «Гамбринус», прятавшемуся в полуподвале старого особняка сталинской постройки.

В зале бара было людно, слоями плавал сигаретный дым, в воздухе висел гул десятков голосов, все стойки были практически заняты любителями пива и соленой рыбки. Судя по всему, здесь проводили время как минимум пять-шесть компаний, но в какой из них обретался Федька Нос и был ли он вообще, Дмитрий не знал. Надо было начинать поиск с нуля.

Он взял кружку клинского пива, подошел к трем разговаривающим мужчинам степенного вида. Поднял кружку.

— Привет, мужики.

— Привет, — отозвались мужики вразнобой, равнодушно глянув на пристроившегося незнакомца.

— Как пивко?

— Смотря как пить, — пожал плечами мужчина с залысинами. — Ежели просто жажду утолить — одно, а ежели с понятием — другое.

— С понятием, — улыбнулся Дмитрий.

— Тогда одно удовольствие.

— Вы тут Федьку Носа не видали?

— Это которого? Картежника, что ли?

— Его.

— Он обычно в компании с Симоном выпивает, но сегодня еще не приходил. А что у тебя к нему за дело?

— Хочу в карты научиться играть, — серьезно сказал Дмитрий. — В покер, в преферанс.

Мужики переглянулись.

— Федька уроков не дает.

— Мне даст.

— Ну-ну... — мужики потеряли к Дмитрию интерес, заговорили о своем.

— Не подскажете, где его можно найти? — снова прервал их беседу Булавин.

На плечо Дмитрия легла чья-то тяжелая рука.

— Это кто тут Носом интересуется?

Дмитрий повернул голову.

На него смотрел широкий, как платяной шкаф, бугристый от мышц абориген с красным обветренным лицом.

— Я интересуюсь, — кротко ответил Дмитрий. — Мне он нужен по важному делу.

— По какому?

— А это уж я ему лично скажу.

— Ты сначала мне скажи, — ухмыльнулся «шкаф».

Дмитрий покосился на своих недавних собеседников, лица которых выражали опаску и желание смыться.

— Ну, если ты адвокат Носа, то пошли, поговорим, — сказал Дмитрий, ставя кружку с пивом на стойку. — Постерегите, мужики, я сейчас вернусь.

«Шкаф» толкнул его в плечо пудовым кулаком.

— Иди, я допью, возвращаться тебе не придется.

Дмитрий направился к выходу из бара, а у порога чуть уклонился вправо, развернулся вокруг оси, пропуская удар бугая (попади кулак по темечку — голова точно лопнет как арбуз!), и воткнул «дротик» — сложенные вместе пальцы руки — в солнечное сплетение парня. Утробно ухнув, тот осел, хватаясь руками за живот. Глаза его посоловели.

Дмитрий нагнулся к его уху.

— Так где Нос, говоришь?

«Шкаф» замычал, силясь набрать воздух в легкие. Дмитрий заметил приближавшихся к ним двух накачанных парней, разогнулся.

— Ваш приятель?

— Наш, — угрюмо ответил чернявый «бык» с перебитым носом. — Что с ним?

— Пиво в голову ударило, — сказал Дмитрий. — Скоро очнется. А вы случайно не знаете, где сейчас Федька Нос? Мне он срочно понадобился по важному делу.

«Быки» переглянулись.

— Он уехал.

— Куда?

— В деревню, на охоту.

— На охоту? — поднял брови Дмитрий.

— Он так сказал. — Чернявый подошел к «шкафу», начинавшему приходить в себя. — Копёр, ты чо балдеешь?

— Федька один поехал... на охоту?

— Задолбал ты своими вопросами, — буркнул второй «бык». — Вали отсюда.

— Уже валю, — миролюбиво сказал инструктор. — Спасибо за совет.

Он вернулся к стойке, удивив недавних собеседников, допил пиво, размышляя о бесперспективности подобного рода поисков, и вдруг поймал идею, в случае удачи способную вывести его из тупика. Пожелав любителям разливного пива здоровья, он вышел из бара, провожаемый недобрыми взглядами приятелей «шкафа», сел в машину и поехал домой. Оттуда позвонил секретарше Дианы, узнал номер мобильного телефона Люси, потренировался говорить баском, как ее охранник Костя, и набрал номер.

— Я слушаю, — отозвалась компаньонша Дианы.

— Все в порядке, — проговорил Дмитрий. — Она у нас.

— Это ты, Костя?

— Я.

— Почему не Симончик?

— Он занят. Вечером перезвонит.

— Куда вы ее отвезли?

— К Федьке Носу на квартиру.

— Какого дьявола?! Мы же договаривались, что он отвезет ее на дачу Симона!

— Планы изменились. Он вам все объяснит.

— Вам?! Ты что, Костя, пьян?!

Дмитрий понял, что отношения охранника и начальницы фирмы «Волтри» далеки от официальных, добавил торопливо:

— Ко мне тут пришли, я позвоню позже.

Выключил телефон, глядя перед собой остановившимся взглядом. Проговорил глухо:

— Сука! Захотелось и рыбку съесть, и на ... сесть!

Имелось в виду, что Людмила решила одним ударом избавиться от компаньонши и приобрести любовника в лице Булавина.

— До чего же паскуден человек!

— Вы не правы, Дмитрий Михеевич, — раздался из прихожей женский голос. — Разрешите войти?

Дмитрий изумленно оглянулся.

В гостиную вошла его спасительница Мария, стройная, красивая, уверенная, с ироничными огоньками в черных глазах.

— Простите, что я без стука. Что случилось? Чем вы расстроены?

Дмитрий молча прошел мимо женщины к двери, проверил замок: он был закрыт. Вернулся в комнату, собираясь спросить, каким образом гостья вошла в дом, но вместо этого сказал:

— У меня неприятности. Есть очень большое подозрение, что мою девушку похитили.

— Диану?

— Да.

Мария покачала головой со странным выражением сочувствия и задумчивости на лице.

— Господи, как вы похожи!

— Кто? — не понял он.

— Я вас познакомлю. Рассказывайте. Впрочем, зачем терять время, дважды рассказывать одно и то же. Давайте я вас представлю друг другу, и вы расскажете свою историю всем сразу. Потом и решим, что делать.

— Кому вы меня собираетесь представить?

Мария улыбнулась, к чему-то прислушиваясь, и тотчас же в дверь позвонили.

— Открывайте, это друзья.

Булавин повиновался.

В прихожую один за другим вошли Никифор Хмель, Глеб Тарасов и последним спутник Марии Ираклий.

МОСКВА

ПРЕЗИДЕНТ И СОВЕТНИК

Они встретились в Синей гостиной Кремля: подтянутый, целеустремленный Георгий Георгиевич и подчеркнуто официальный Сергей Борисович.

Президент в последнее время много работал, но держал себя в хорошей физической форме, и по его виду нельзя было судить о тех переживаниях, которые им владели.

Советник же всегда выглядел одинаково внимательным и серьезным, и по его виду тоже нельзя было вычислить, о чем он думает или чем расстроен.

Они пожали друг другу руки, уселись за круглый стол с инкрустациями, поглядели друг на друга.

— Хорошо выглядите, Сергей Борисович, — сказал президент. — Всегда завидовал вам в этом отношении. Вот бы всем нашим чиновникам в ваши мудрые годы держаться так же молодо и бодро.

— Мудрость не всегда приходит с возрастом, — слегка улыбнулся Сергей Борисович. — Бывает, что возраст приходит один. Вы тоже выглядите прекрасно. Я подготовил материал

по вашему запросу. — Он положил на край стола бювар с тисненым золотым двуглавым орлом.

— Хорошо, этот материал мне нужен для поездки в Брюссель. Ваши выводы относительно сдвигов?

Сергей Борисович помолчал, формулируя ответ.

— Когда я начинал свою дипломатическую деятельность, меня часто подмывало завопить во весь голос: мне больно за тебя, Россия! Встань с колен! Теперь я так вопить не хочу. Сдвиги в положении страны достаточно заметны, хотя проблем все еще хватает.

— Вы оптимист, Сергей Борисович.

Советник хмыкнул.

— Скорее реалист. Кстати, есть такой анекдот: пессимист видит впереди только бесконечный темный тоннель, оптимист видит свет в конце тоннеля, а реалист видит тоннель, свет и поезд, идущий навстречу.

Георгий Георгиевич засмеялся.

— Я знаю другое сравнение: пессимист — тот, кто финансирует оптимиста. Но к делу.

— Честно говоря, трудно дать рецепты стране, представляющей собой богатейшую державу и одновременно одну из самых безалаберных стран мира. Хотя статистика все же говорит о положительных процессах. За десять лет доход на душу населения вырос с четырех тысяч четырехсот долларов до девяти тысяч, с семьдесят первого места по шкале ИЧР[1] мы продвинулись вверх до сорок девятого, практически все грамотные, заботимся о природе наравне с самыми развитыми странами. Но...

— Я ждал этого «но».

— К сожалению, «но» очень пугает. Россия стоит на пороге демографической катастрофы. Естественная убыль населения достигла шести миллионов человек. Если процесс будет продолжаться, к две тысячи пятидесятому году мы недосчитаемся двадцати с лишним миллионов человек.

— Я читал доклад Совета безопасности по этому вопросу, цифры действительно впечатляют. Особую тревогу вызывает старение населения за счет уменьшения числа детей. Что мы можем противопоставить этой тенденции?

— Здесь рецептов немного: рост благосостояния автоматически приводит к росту рождаемости, легче содержать большие семьи, это доказано историей. Однако для сохранения

[1] ИЧР — индекс человеческого развития.

накопленного и движения вперед нужна сильная власть. Прежде всего — президентская, гарантирующая соблюдение Конституции.

— Согласен, — усмехнулся Георгий Георгиевич. — Однако я снова слышу в вашем голосе «но».

— Совершенно верно, — остался серьезным Сергей Борисович. — Все разговоры о росте благосостояния населения так и останутся разговорами, если затраты на социальную сферу не будут соответствовать уровню экономики. А главная правда заключается в том, что начальный быстрый рост экономики невозможен без эксплуатации. То есть до реального достижения богатства народу необходимо пережить бедность.

— Это аксиома. К сожалению, народ не хочет понимать таких вещей.

— Не столько народ, сколько чиновник. Чиновник при всех режимах хочет жить вольготно и богато. Отсюда — коррумпированность власти снизу доверху и рост криминальных войн за передел собственности. Кстати, рост богатства абсолютно не коррелируется с ростом духовности страны. Процесс освоения нравственности в России все еще в зачаточном состоянии.

Президент с любопытством посмотрел на собеседника.

— Вы говорите как проповедник, Сергей Борисович, а не как советник по нацбезопасности. Хотя во многом я с вами согласен. Что же мешает этому процессу, по-вашему?

— В первую очередь аннигиляция культуры, подмена всего русского псевдорусским, внедрение западного образа жизни, совершенно чуждого менталитету россиян. Во-вторых, агрессивное вытеснение православия другими религиями.

— Вы имеете в виду секты? Кришнаитов, ариев, Братство Единой Свободы?

— И их тоже, но в первую голову три так называемые великие религии мира: христианство, иудаизм и ислам. Эти религии имеют встроенный механизм самоликвидации и тянут за собой другие религии, прежде всего единственную религию, поддерживающую не только саму себя, но и жизнь — Православие. Подчеркиваю — не собственно Церковь, как институт религиозной власти, а философию справедливого ответа, религию правды — Пра-Веды. Я давал вам читать исследование Академии наук о распространении в России древних славянских традиций и обычаев...

— К сожалению, еще не прочитал.

— Жаль, тогда бы вы меня поняли быстрее. Идет смена символики, в глубинке России начались интересные процес-

сы самоосознания Рода, изменилось мировоззрение, появились новые течения, причем, заметьте — не националистического толка. Народ ожил, ему надо помочь, и ваш указ об изменении систем воспитания на базе древнеславянской системы *живы* помог бы стране стать поистине Великой державой.

— Нас мгновенно обвинят в имперских замашках и травле инакомыслящих.

— Шакалы при власти воют всегда, особенно если теряют кормушку. С ними не нужно вступать в полемику, они умеют говорить и отстаивать свои интересы гораздо лучше нас. Надо просто делать свое дело.

Президент задумчиво побарабанил пальцами по столу, придвинул к себе бювар.

— Здесь не только об этом?

— Не только, я проанализировал и положение соотечественников за рубежом. За пределами России сегодня живут двадцать миллионов русских и граждан страны, седьмая часть нынешнего населения России. Это — сила! Если, конечно, не обращаться с нашими соотечественниками как с людьми «второго сорта». Я предлагаю принять комплекс мер по экономической и социальной поддержке российской диаспоры в дальнем и особенно в ближнем зарубежье.

— Цель?

— Ослабление факторов, выдавливающих этнических россиян из стран их проживания. В первую очередь необходимо объединить разрозненные союзы русскоязычных граждан на базе дипломатических представительств...

— Хорошо, — перебил Георгий Георгиевич советника, пришлепнув ладонью бювар, — я прочту ваш доклад сегодня же. Давайте поговорим о другом. Мне доложили, что вы занимаетесь исследованием деятельности некоей организации под названием СС... Вы что же, всерьез верите в Сатану?

Сергей Борисович ответил не сразу.

— Ваша разведка работает весьма оперативно, Георгий Георгиевич. А чтобы ответить на ваш вопрос, надо начинать издалека. И вы еще не готовы принять мой ответ. Вам надо кое-что почитать.

— Что?

— Ваши помощники так хорошо манипулируют информационными потоками, что к вам попадает лишь тщательно отпрепарированная, дезинфицированная информация. Если вы не возражаете, в ближайшее время я сведу вас с человеком, который многое вам объяснит.

— Кто он?

— Смеяться и считать, что у меня «поехала крыша», не будете?

— Обещаю.

— Он волхв, один из руководителей системы, нейтрализующей в нашей стране деятельность СС. Между прочим, эту систему называют Сопротивлением, а СС стала называться недавно СССР.

— Как? — удивился Георгий Георгиевич.

— СССР — Система сил, стабилизирующих реальность. Разумеется, делает она прямо противоположное. Что касается моей веры, то я действительно верю, но не в Сатану, а в Творца. Существует гипотеза или, если хотите, философская концепция, объясняющая Зло как тестирование человечества, а Сатану — как Испытание, своего рода Экзамен. То есть в рамках этой концепции Сатана предстает перед нами как совершенно необходимая структура, пропускающая в «рай», в высшие планы только духовно совершенных людей.

— Весьма оригинальная концепция, — покачал головой Георгий Георгиевич. — Получается, что Сатана необходим человечеству?

— Как часть эволюционного процесса.

— А вы как к этому относитесь?

Сергей Борисович снова улыбнулся.

— Возможно, концепция и в самом деле отражает истину, и Сатана действительно является необходимой частью эволюционного становления человечества, но я — не на его стороне!

— Вы меня успокоили, — с легкой иронией сказал Георгий Георгиевич. — Хотя мне трудно судить о положении дел в этой сфере. Я не атеист, отрицающий существование трансцендентного опыта, но и не религиозный фанатик, слепо верующий во Всевышнего, единого и милостивого. Но допустим, я проникся вашей идеей и готов поддержать вас. С чего вы советуете начать?

— Со смены парадигм. Те задачи, которые мы решаем сегодня с помощью силовых методов, можно решать принципиально другими методами.

— Это какими же?

— С помощью изменения линий намерений. Сильная власть должна основываться на законе, а не на его отрицании. В первую очередь — на законе восстановления справедливости. С одной стороны, рост преступности в стране, унижение наших соотечественников за рубежом требуют немедленных

адекватных действий, и это можно понять, но с другой — уничтожение одного врага вызывает появление другого. Война такого рода может вестись вечно.

— Не понял, — удивленно посмотрел на собеседника президент. — Вы же недавно поддержали создание спецгрупп ЧК и «Хорс».

— Деятельность этих групп требует постоянного жесткого контроля. История учит, что подобные спецкоманды на каком-то этапе начинают преступать и другие законы, работать сначала на себя, а потом и на противника. Возможно, этот метод воздействия на ситуацию быстр и надежен, но не идеален, так как порождает атмосферу вседозволенности.

— При хорошем контроле результат всегда будет положительным.

— Вы упускаете из виду возможность перехвата контроля. В конце концов наступит момент, когда этот бумеранг ударит по нам с вами. В связи с чем я предлагаю программу перехода от концепции физического уничтожения противника к концепции ненасильственного воздействия, базирующегося на расчете линий вероятностного поведения, на анализе намерений врага и их изменений путем упреждения. Приоритетными должны стать программы воспитания и обучения, а не бесконечных войн со слугами Сатаны.

Георгий Георгиевич хмыкнул, побарабанил пальцами по бювару, изучая лицо советника.

— Я неправильно оценил вас, Сергей Борисович. Вы вовсе не оптимист, а утопист. Против нас работает мощная криминальная структура, обладающая собственными финансами, совершенными технологиями, психотроникой и оружием. Ее деятельность даже ограничить трудно без силовых методов борьбы, а вы призываете заняться воспитанием преступников. Да нас просто сомнут!

— Не сомнут, — возразил Сергей Борисович. — Уже накоплен значительный опыт ненасильственного воздействия на социальные институты, его надо изучить и перенять.

— Кем накоплен?

— Системой под названием Катарсис.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Георгий Георгиевич. — Я что-то слышал об этой якобы колдовской организации.

— Почему якобы? Кто вам сказал, что она колдовская? — улыбнулся советник. — Не Зиновий Альбертович?

— Это имеет значение?

— Имеет.

— Объяснитесь.

— Если позволите, в другой раз. Мне нужно подготовиться. Это тема отдельного разговора.

— Вы меня заинтриговали... — президент не договорил.

В гостиную вошел начальник службы безопасности Кремля Зиновий Альбертович Павлов. Он был мрачен и сосредоточен.

— Что случилось? — нахмурился Георгий Георгиевич. — В Кремле обнаружили заложенную бомбу?

Павлов перевел взгляд на советника. Тот поднялся.

— Я буду у себя, Георгий Георгиевич.

— Останьтесь, Сергей Борисович, от вас у меня тайн нет. Говорите, генерал.

Павлов метнул еще один неприязненный взгляд в советника, проговорил, растягивая слова:

— У нас утечка информации. Сосновский знает о работе ЧК и группе спецназначения «Хорс» и готовится дать материал по всем каналам.

Президент и советник переглянулись.

«Я предупреждал», — взглядом сказал Сергей Борисович.

«Я имею право на сомнения», — ответил взглядом президент.

— Каким образом Сосновскому стало известно о спецгруппах? Кто допустил утечку?

— Возможно, хакеры Вождя взломали наши базы данных и нашли оперативный сервер. Хотя как это можно сделать незаметно, я не знаю. Ни одна система защиты не отметила взлома. Возможно, кто-то из наших компьютерщиков просто выдал канал. Мои люди проверяют эту версию.

— Что вы предлагаете, Зиновий Альбертович?

— Есть всего два варианта действий. Первый: срочно доработать план похищения Вождя НРИ. Второй: ликвидировать спецкоманды.

Президент прошелся по гостиной, задумчиво поглаживая подбородок. Остановился у окна спиной к помощникам.

Пауза затянулась. Наконец Георгий Георгиевич повернулся к советнику.

— Ваше мнение, Сергей Борисович?

— Если уж выбирать, я за первый вариант.

— Я за второй, — буркнул Павлов.

Президент снова отвернулся, постоял у окна, глядя на иссиня-черную тучу, закрывающую солнце, проговорил как бы про себя:

— Быть грозе... Когда Сосновский собирается взорвать свою информационную бомбу?

— По моим данным — в субботу.

— То есть у нас всего три дня на подготовку. Нельзя каким-либо образом уничтожить материал?

— Едва ли, наверняка существуют копии. А танки на Останкино не пошлешь.

— Мне кажется, я могу помочь, — сказал Сергей Борисович.

Президент и начальник службы безопасности посмотрели на него с одинаковым недоверием.

— Чем вы можете помочь? — покачал головой Георгий Георгиевич.

— Мне надо посоветоваться кое с кем. К вечеру будет ответ. Разрешите откланяться?

— Идите. Жду вас в своем кабинете в девять часов.

Советник вышел.

— Старик спешит выслужиться, — выдавил кривую ухмылку Павлов.

— Вы его плохо знаете, Зиновий Альбертович. Он не из тех, кто выслуживается. Но времени у нас действительно мало, действовать надо немедленно. Разрабатывайте оба варианта сразу, потом выберем оптимальный.

— Слушаюсь, — вытянулся генерал.

— Кстати, выяснили, что произошло в Вологде?

— Сосновский испытал «лунный свет» на послушниках храма Братства Единой Свободы. Неудачно. Хотя при этом погибла оперативная группа Вологодской КОП.

— Когда будет готов к испытаниям наш «лунный свет»?

— В конце сентября.

— Американцы отстали?

— Не меньше чем на два года.

— Это радует. Как только уничтожим базы НРИ с их «лунным светом», я объявлю о результатах наших исследований всему мировому сообществу. Думаю, это заставит СССР отступить. Как вы думаете?

— Я не думаю, — отвел глаза Павлов, — я исполняю ваши приказы.

— Ступайте.

Генерал вышел вслед за советником.

Президент усмехнулся и подумал, что, когда терять нечего, можно рискнуть всем.

МОСКВА

ШТАБ НРИ

Парк Дружбы находится недалеко от станции метро «Речной вокзал». Заложен он был в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, во время фестиваля молодежи и студентов, когда его делегаты высадили здесь около трех тысяч деревьев. С тех пор парк раздался во все стороны до полусотни гектаров и стал использоваться в качестве своеобразного хранилища скульптур, подаренных России братскими и не совсем братскими державами.

Есть здесь, например, монумент венгеро-советской дружбы, преподнесенный жителями Будапешта: две девушки с внешностью доярок держат флаг без древка. Есть Мигель Сервантес де Сааведра с обломанной шпагой — подарок мадридцев, есть более чем странная скульптура «Дети мира», финский дар, — три фигуры (одна к тому же еще и с ребенком!) в ужасных вмятинах, словно их долго избивали кувалдами. Располагаются в парке и другие причудливые сооружения, ничуть не выпадающие из этого затейливого ряда.

Когда-то в центре парка на протяжении многих лет был котлован, половину которого оккупировали любители выгула собак, а другую половину, ту, которая ближе к метро «Водный стадион», мамы, папы, дедушки и бабушки со своими чадами. Однако в две тысячи восьмом году в котловане началось строительство, собачников и родителей оттуда выгнали, огородили котлован высоким забором, и по окрестностям поползли слухи, что здесь строят торговый комплекс с подземной автостоянкой, барами и рестораном.

Каково же было удивление москвичей, когда через два года на месте котлована выросло «космическое» сооружение в виде купола с двумя стометровой высоты ажурными антеннами. Лишь потом стало известно, что это новый телецентр.

Именно в этом телецентре и располагался штаб Новой Революционной Инициативы, возглавляемой Акимом Давидовичем Сосновским.

В среду, девятого августа, Вождь НРИ приехал в штаб в дурном расположении духа и сразу вызвал начальника своей личной службы безопасности, занимавшейся не только охраной начальства, но и сбором компромата на всех высших руководителей страны.

Полковник Замятин прибыл в телецентр через сорок минут и застал босса за созерцанием экрана телевизора разме-

ром чуть ли не во всю стену; такие телевизоры теперь выпускал и отечественный «Рубин», причем они по качеству не уступали ни западным, ни японским аппаратам.

В кабинете вождя, расположенном на вершине куполовидного здания телецентра, было свежо и прохладно, однако Аким Давидович то и дело вытирал шею и бледное лицо платком и являл собой печальное зрелище. Замятин вдруг впервые в жизни посочувствовал этому человеку, который всяческими излишествами довел себя до такого состояния.

— Я весь внимание, шеф, — встал по стойке «смирно» полковник.

— Садись, — буркнул вождь, не глядя на него. — Смотри.

Замятин перевел взгляд на экран телевизора.

По НТВ шли новости, и телеведущий, похожий на подвергнутого вивисекции, очеловеченного грифа, рассказывал о расследовании жуткого случая «коллективного самоубийства» послушников Братства Единой Свободы в Вологде.

— Я понял, — подобострастно склонил голову Замятин. — Больше об этом ни один канал передавать информацию не будет.

— Я не об этом, — поморщился все еще потеющий Аким Давидович. — Разобрался, почему это случилось? Почему вместо того, чтобы воздействовать на депутатов областной Думы, «лунный свет» подействовал на материал усилителя?

— Разбираемся, — ровным голосом ответил полковник. — В пятницу проведем еще одно испытание — в Нижнем.

— В четверг! Завтра!

— Не успеем...

— Должны успеть! В субботу я хочу запустить в эфир компромат на спецслужбы президента и подключить «лунный свет» для промывки мозгов Центрального региона.

— Это зависит не от меня. «Лунный свет» — детище ученых, а они не любят торопиться.

— Так поторопи их! Если Базловский и компания не подготовят эксперимент к завтрашнему дню, я найду им замену!

— Слушаюсь!

— Теперь о другом. Нам активно начинает мешать новый советник президента. Его необходимо срочно нейтрализовать.

— Слабо или?..

— Или. На контакт с нами он не пойдет, он связан с Катарсисом, поэтому его надо просто ликвидировать.

— Нет ничего проще.

— У тебя на словах все просто! — взорвался Сосновский. — А на деле один прокол за другим! Почему под Ветлугой погибла команда «Зубра»? Как она оказалась в десяти километрах от точки сброса? Кто ее подставил?

— Капитан Тарасов — профессионал... — осторожно начал Замятин.

— Один человек не мог справиться с целой спецкомандой, тоже состоящей из профессионалов! Кто ему помог? Почему оперативная машина «Зубра» найдена в Москве? Кто ее перегнал в столицу? Люди Сопротивления? Злые духи?

У полковника было свое мнение по этому поводу, но он промолчал.

— Этого человека надо найти и убрать! — продолжал Аким Давидович, выключая телестену. — Любым способом! Привлеки своих «тающих» волкодавов, этого своего дикого Абрека, которого ты так хвалишь, других профи. Я договорюсь с начальником ФАС генералом Орстом, он даст технику и связь, полковник Ксанфомалиди даст тебе роту «тающих», но чтобы больше никаких провалов! Тарасов, а также капитан Хмель из президентской ЧК и Дмитрий Булавин, инструктор Вологодской школы выживания, должны быть уничтожены!

— Слушаюсь, шеф!

Сосновский слегка успокоился, налил себе в бокал виски (бутылка «Джэка Дэниэлса» всегда стояла у него в ящике стола) и выпил. Поморщившись, сунул в рот дольку лимона.

— И последнее. Как показали себя эти ваши смешанные тройки, триангулы?

— Отлично, — с некоторой заминкой ответил Замятин. — Идея себя оправдывает. Именно за такими спецгруппами будущее, особенно если их использовать для оперативного наблюдения. Мы готовим еще пять таких троек и можем использовать их для ликвидации перечисленных вами людей.

— Для ликвидации используйте «тающих», это их работа, тройки хороши лишь для слежки.

Замятин промолчал. О том, что посланная им в Вологду для задержания Булавина группа в составе семидесятилетнего старика, бывшего оперуполномоченного МВД, двадцатидевятилетней легионерши и малолетнего бандита, не смогла добиться цели, полковник Вождю докладывать не спешил.

— Как скажете, шеф.

— Кроме тех заданий, что я уже дал, тебя ждет еще одно, самое ответственное: найти в Новгородской губернии мальчика с белыми волосами и доставить его мне.

— Зачем нам какой-то мальчик? — слегка удивился Замятин.

Аким Давидович кисло улыбнулся.

— Это не «какой-то там» мальчик, а будущий лидер. Его надо нейтрализовать до того, как он войдет в силу.

— Сделаем, — пожал плечами полковник. — Координаты имеются?

— Если бы я знал его координаты, не посылал бы тебя на поиски! — снова разозлился Вождь. — Но примерный район известен: одно из озер в окрестностях городка Неболчи в Новгородской губернии.

— Там же их десятка три.

— Искать надо у наиболее крупных, таких, как Люшно, Ваган, озеро Каменское, Никулинское. Короче, действуй! Если мальчика захватить не удастся, убейте его.

— Почему не удастся? — не понял Замятин. — Мы крали детей десятки раз.

— Это не тот случай.

Полковник понял, что Вождь специально чего-то не договаривает, хотел спросить, чего стоит опасаться при задержании мальчика, но встретил взгляд водянистых глаз Сосновского и опустил руки по швам.

— Будет сделано, Аким Давидович!

— Иди. Пришли ко мне Абрека, хочу с ним побеседовать.

Замятин боднул лбом воздух и вышел.

Пора тебе в «тающие», Иван Шенгерович, рассеянно подумал Сосновский, слишком много знаешь и начинаешь задавать глупые вопросы...

ВОЛОГДА

ТРИАДА ДЕЙСТВИЯ

Дискуссии не потребовалось. Все понимали, что Дмитрий никуда не поедет, прежде чем не найдет свою любимую женщину, поэтому Мария первая предложила объединить усилия в ее поиске и, если понадобится, освобождении.

Квартира Булавина могла вместить всех пятерых, даже если хозяину пришлось бы уступить спальню чете Ираклия и Марии, но они предложили другой вариант — провести ночь у своих знакомых в Вологде — и уехали поздно вечером, предоставив мужчинам триады возможность познакомиться поближе.

В ходе беседы выяснилось, что родились все трое в один день двадцать первого июня семьдесят восьмого года, что все не курят и спиртное употребляют редко, любят одежду, не

стесняющую движений, что вкусы у всех примерно одинаковые: любимые цвета — серый, голубоватый и салатовый, любимая еда — грибной жульен, любимые писатели — Чехов, Бунин, О'Генри, любимые поэты — Есенин, Блок, Бальмонт и Эдгар По.

— Черт возьми! — выразил общее легкое потрясение Никифор. — Почему у нас так много общего?! Мы же почти как братья... разве что не внешне.

— Тебе же объясняли, — заметил Тарасов.

— Объясняли. Мария утверждает, что мы образуем какую-то триаду действия, объединенную общими целями. Но триада вовсе не означает схожесть характеров и всего прочего.

— Ты забыл, что нам говорил волхв. Мы все — реализация одной духовной организации или души. Отсюда и такое сходство.

— Как это может быть? Одна душа поделена на троих, что ли?

— Завтра спросишь у Марии.

Дмитрий с любопытством посмотрел на гостей.

— Вы знакомы с волхвом?

— До тебя нас познакомили с Егором Крутовым, кстати, бывшим спецназовцем, — сказал Тарасов. — Он старше нас всего лет на десять-двенадцать, но то, что он нам показал и продемонстрировал... — Глеб покачал головой. — Такое действительно под силу только волшебнику, волхву.

— Расскажите.

Глеб посмотрел на Никифора.

— Начнешь?

— Только сначала в душ схожу, если хозяин не возражает. Не люблю сидеть потным.

Дмитрий не возражал. Если бы не исчезновение Дианы, он вообще чувствовал бы себя комфортно.

Пока гости по очереди принимали душ, он заварил свежий чай, сварил кофе по-турецки, все трое уселись в гостиной в халатах хозяина, и Хмель поведал историю своего знакомства с Марией, а потом и с Крутовым. Затем то же самое сделал Тарасов.

— Везет же вам, — с завистью покачал головой Дмитрий. — Я всю жизнь читаю эзотерическую литературу, преподаю динамику живых систем, учу людей правильно двигаться, знаю о существовании древнеславянских боевых и философских систем типа *живы*, а с волхвами до сих пор незнаком.

— У тебя еще все впереди, — успокоил его Никифор. — Мы тоже ни сном ни духом, как говорится, не ждали такого поворота в судьбе.

— Вы женаты?

Никифор и Глеб переглянулись.

— Я был женат, — сказал Тарасов. — Есть дочка, Акулина, живет со мной. Недавно познакомился с...

— Моей сестрой Софьей, — хмуро улыбнулся Булавин. — Она мне все уши прожужжала про тебя. Софья — человек правильный и верный, я ее хорошо знаю, и если уж она кого полюбит...

— Ты ведь тоже не женат? — перебил его Тарасов, не желая обсуждать свои отношения с Софьей.

— С Дианой я познакомился буквально две недели назад.

— И влюбился.

— По уши!

Никифор вдруг засмеялся с неким странным облегчением.

— Кажется, даже в этом мы похожи, как братья. Я тоже недавно познакомился с женщиной, ради которой готов на все.

— Где она живет?

— В Москве, причем недалеко от моей квартиры. Правда, теперь она ждет меня...

— У тебя дома.

— Как ты догадался?

— Умный потому что. Она красивая?

— Так и я ж не урод.

Все трое засмеялись, потом Дмитрий помрачнел, посмотрел на часы. Было видно, что его постоянно гложет одна мысль, и все понимали — какая.

Глеб тоже посмотрел на часы.

— Какие у кого соображения насчет поисков Дианы?

— Никаких, — сказал Никифор. — Я не знаю всех данных, чтобы предлагать какие-то варианты. Давай, Дима, вводи нас в курс дела.

Дмитрий помолчал, прикидывая, стоит ли рассказывать собеседникам все, и начал со знакомства с Дианой на рыцарском турнире.

Через полчаса его новые знакомые и коллеги по триаде знали историю его отношений с Дианой Перфильевой и Симоном Калабриади.

— Вот скотина! — выразил свое мнение о сынке бизнесмена Никифор. — Его самого надо кислотой облить! Но какова подруга у Дианы! Компаньонша, в душу ее мать!..

— Ты уверен, что правильно разобрался в ситуации? — тихо спросил Тарасов. — Именно Люся — заказчица?

— Больше некому, — хмуро ответил Дмитрий. — Она неопытна в таких делах и легко попалась на мою нехитрую удочку. Я думаю, Люся заранее все рассчитала, договорилась с Симоном о похищении и послала Диану туда, где ее ждали.

Дмитрий вскочил, сунул сжатые кулаки в карманы, походил по комнате — гости молча следили за ним — и сел на диван.

— Извините, я просто психую. От этого подлеца всего можно ожидать. Если Диана будет сопротивляться... а она будет сопротивляться, он ее просто... — Дмитрий замолчал.

Молчали и Никифор с Глебом. Все было понятно и без слов.

— Ладно, давайте спать, — предложил наконец Тарасов. — Сейчас мы все равно ничего не сделаем. Утро вечера мудренее. Я уверен, что Мария завтра выведет нас на гнездо Симона.

— Почему ты так уверен?

— Она не просто умная женщина, она ведунья и многое может из того, что недоступно простым смертным. Будь спокоен, завтра мы найдем твою Диану и освободим.

Дмитрий покачал головой, но возражать не стал. Ему хотелось немедленно бежать куда-то, искать любимую, добраться до Симона и бить его смертным боем, но он все же нашел силы взять себя в руки и принялся стелить гостям постели.

Тарасов оказался провидцем.

В семь часов утра их разбудила Мария и сообщила, что знает, где располагается дача Калабриади-младшего.

— Где?! — вскочил с кровати в одних плавках Дмитрий.

Мария сделала вид, что не заметила этого.

— Недалеко от Ефимьева есть осиново-березовая роща...

— Знаю, там садовые участки и пруды.

— Дача Симона стоит в лесной выемке, прямо на лугу. К счастью, никакой магической защиты она не имеет, чего я опасалась. Видимо, к похищению Дианы конунги отношения не имеют. Поэтому дополнительной помощи просить не придется.

— У кого? — поинтересовался Тарасов. — У волхвов?

— У Витязей. Волхвы практически не участвуют в военных действиях и вообще в земных делах.

— А откуда вы знаете, где стоит дача Симона?

— Мы побывали у его отца, — улыбнулся Ираклий, — и он поделился с нами информацией.

Мужчины переглянулись с недоверием, но продолжать эту тему не стали.

— А что значит — дача не имеет магической защиты? — спросил Никифор, торопливо натягивая штаны.

— То и значит, — ответил за Марию ее спутник. — К объекту, защищенному магически, невозможно подобраться незамеченным. Мало того, к нему вообще невозможно приблизиться, даже если известны его координаты. О «ведьминых полянах» и «болотных окнах» слышали?

— Так, краем уха.

— К «ведьминой поляне» ни подойти невозможно, ни выбраться с нее, а «болотное окно» само к себе притягивает.

— Все, собирайтесь, — сказала Мария, направляясь к двери. — Поедем на разведку.

— Оружие бы какое-никакое заиметь... — почесал затылок Никифор.

— Обойдемся без стрельбы! — отрезала женщина. — Все вы профессионалы рукопашного боя, спецы разведки и диверсии, вот и примените свои навыки. Жду вас в машине.

Мария вышла в сопровождении вежливо-внимательного Ираклия.

Оставшиеся посмотрели друг на друга. Дмитрий развел руками:

— Она права, мужики.

— Мой дядя — хирург — говорил: неудачная операция — половина удачного вскрытия, — пробормотал Никифор. — Не думаю, что у этого вашего Симона нет охраны с пушками. Хотите анекдот?

— Потом расскажешь, — прервал его Дмитрий. — Быстро приводим себя в порядок и едем.

Вскоре они спустились во двор, где стоял джип, но не «Бьюик Империал», а «Шевроле Навигатор», за рулем которого сидел Ираклий. Дмитрий нес сумку, в которой лежала его старая спецназовская форма, бинокль и нож.

— Знаете, как ехать? — спросил он. — Могу подсказать.

— Знаем. — Ираклий выжал сцепление. — Доедем.

Джип выехал со двора, повернул на набережную.

— Давай свой анекдот, — сказал Тарасов, видя волнение Дмитрия и желая его успокоить.

— А, да, — вспомнил Никифор. — Мужик стучится в двери рая. Выглядывает заспанный ангел: «Тебе чего?» Мужик: «Как чего? В рай хочу попасть!» — «А что ты в жизни сделал хорошего?» — «Да было. Иду и вижу — несколько хулиганов

женщину избивают. Ну, я подошел к самому здоровому и дал ему в морду». — «Молодец, мужик, хвалю! Когда это было?» Мужик смотрит на часы: «Да минуты две назад».

Тарасов усмехнулся, покосился на Дмитрия и понял, что тот анекдота не слышал.

— Мне этот анекдот еще в детстве рассказывали.

Никифор пожал плечами, но больше ничего рассказывать не стал. В молчании они выехали за город по улице Гагарина и вскоре по грунтовой дороге добрались до цели. Ефимьево представляло собой небольшой поселок городского типа длиной всего в триста метров. Свернули к садовым участкам и остановились на краю дачной зоны, за которой начиналась роща.

— Дальше пойдем пешком, — сказала Мария.

— Так прямо и пойдем? — прищурился Никифор. — Все вместе? Нас же сразу засекут! Предлагаю разделиться и к даче Симона подходить с разных сторон.

— Она проведет вас так, что никто не заметит, — сказал Ираклий. — А дальше будем действовать по обстоятельствам.

— Понятно, — сказал Никифор, хотя по его лицу было видно, что ему ничего не понятно, — значит, будем действовать по обстоятельствам.

Они нашли брешь в сетчато-проволочном заборе, отделяющем дачи от рощи, и углубились в заросли осин, постепенно сменившиеся березняком. Идти пришлось не больше полутора сотен метров. Березы поредели, и отряд оказался на красивом лугу, поросшем метельчатой травой и клевером. Дача Симона, построенная на этом месте в обход всех запретов на использование сельхозугодий, красовалась точно посреди поляны — трехэтажная, как и положено, из красного кирпича, с пирамидальной мансардой и верандой, обнесенная высоким тесовым забором.

Мария закрыла глаза, прислушиваясь к чему-то, вытянула руки перед собой, ладонями к даче. Постояв так с минуту, расслабилась, оглядела спутников ставшими совсем черными глазами.

— Там сейчас человек двенадцать-тринадцать. Не могу сказать, что Симон тоже находится на даче, я его не знаю, но тут уж как повезет. Кроме охранников, вдоль забора бродят три собаки, поэтому просьба идти за мной тихо и на собак не смотреть. Нас они не тронут. Готовы?

Мужчины переглянулись.

— Вперед! — за всех ответил Дмитрий.

Отряд вышел на луг и направился к даче, поражавшей своим несоответствием данному уголку природы. Вблизи забора стало слышно басовитое собачье ворчанье. Никифор оглянулся на идущего следом Тарасова. Оба не раз сталкивались с собаками и сразу оценили угрозу: рычали так называемые травильные собаки из группы «молосов» — мастифы или бульмастифы.

Дорога к даче была проложена асфальтовая, упиравшаяся в металлические ворота. Но на территорию хозяйства можно было проникнуть и через запасной выход, который трудно было назвать калиткой, настолько он казался капитальным. Во всяком случае, калитка эта была сделана из бруса толщиной в кулак человека и запиралась мощным навесным замком и щеколдой. Вряд ли ею когда-либо пользовались, луг в этом месте подходил к забору вплотную, и никаких дорожек в нем протоптано не было.

Никифор хотел спросить, каким образом они собираются преодолевать эту преграду, и тотчас же за глухим забором дачи завыли собаки, учуяв чужаков.

Мария оглянулась. Глаза ее казались бездонными черными омутами. Никифор виновато развел руками, прижал палец к губам, прося прощения и одновременно давая знак, что больше не будет отвлекаться.

Группа остановилась у калитки.

Ираклий глянул на Марию, кивнул, как бы отвечая на ее мысленный вопрос, и зашагал вдоль забора к южной стороне дачи, скрылся за изгибом забора.

Собаки перестали выть, затем вдруг глухо заурчали и побежали туда, куда ушел Ираклий. Прошла минута, другая. Показался спутник Марии, приблизился, кивнул в ответ на ее взгляд. Затем надавил плечом на толстую пластину калитки, и та бесшумно отошла в сторону.

Дмитрий, Никифор и Глеб переглянулись. Они, конечно, догадывались о возможностях ведуньи Катарсиса, но одно дело — предполагать, другое — убедиться воочию. В голове не укладывалось, как ей удавалось открывать наглухо запертые двери.

«Десантники» протиснулись в образовавшуюся щель и гуськом направились к коттеджу, боковым зрением отмечая, как три огромных черно-белых пса рычат на забор, а двое крупногабаритных молодцов в серой униформе, с пистолетами и дубинками, пытаются их успокоить.

Тарасов понял, что Ираклий каким-то образом заставил

собак отреагировать на «виртуального зверя», и они теперь чуяли за забором «живое существо».

На территории дачи были высажены двухметровые ели, клены и березы. Остальное пространство занимала луговая трава. Недалеко от коттеджа стояла беседка, в которой четверо мужчин играли в карты. Видимо, они играли здесь всю ночь: везде стояли и лежали пустые пивные и винные бутылки, валялись шампуры для шашлыков и прочий мусор. Охранял игроков еще один громила в сером. Четвертый охранник скучал у входа в дом.

Симона нигде видно не было. Если он и присутствовал на даче, то находился в самом коттедже.

Приблизившись к широкому, с перилами и решеткой, крыльцу, Мария остановилась. Ираклий нагнулся, поднял камешек с галечной дорожки — они шли по траве, практически без шума, — и бросил в стенку дома. Охранник насторожился, повернул голову влево, ничего не увидел, но все же сошел с места, глядя то на окна коттеджа, то на своих приятелей, возившихся с собаками. Мария быстро поднялась по ступенькам на крыльцо. Дверь в дом открылась. Четверка «десантников» скрылась за ней, дверь закрылась.

Охранник оглянулся на дверь, ничего не заметил и снова застыл в сонном оцепенении.

Они оказались в просторном холле с мраморным полом, стенами из розового туфа и красивыми декоративными колоннами, также отделанными мрамором. Здесь же наличествовал бугай в сером. Он подозрительно глянул на открывшуюся и закрывшуюся входную дверь, двинулся к ней, положив руку на дубинку, и наткнулся на Ираклия.

Что сделал спутник Марии, остальные мужчины не поняли, но охранник вдруг согнулся пополам и тихо улегся на пол. Ираклий повернулся к остальным,

— Расходимся, — прошептал он, едва двигая губами. — Каждому по этажу, я в подвал. Мария ждет здесь. Через пятнадцать минут сбор в холле. Постарайтесь обойтись без шума. Удачи!

Никто не стал уточнять детали операции. Все трое были опытными оперативниками и знали, что надо делать в данной ситуации.

Тарасову достался первый этаж коттеджа.

Он заглянул сначала в столовую на двенадцать персон, где царил полный кавардак; здесь, очевидно, гуляли всю ночь. Затем обследовал туалет и ванную комнату, а в тупичке кори-

дора — хозяйственную клетушку, все — пустые. Кроме этих помещений, на первом этаже располагалась еще бильярдная, в которой все еще слоями висел дым, так здесь было накурено, а также бар и гостиная. Ни одного человека в этих помещениях, сверкающих полированным металлом, стеклом, хрусталем, фарфором и мрамором, Глеб не обнаружил. Вернулся в холл.

Мария молча показала на окно.

Тарасов увидел направлявшегося к дому лохматого, с испитой рожей, парня в спортивном костюме, который до этого играл в карты. Парень бросил несколько слов охраннику и вошел в холл, где нарвался на удар Глеба и потерял сознание.

Тарасов оттащил тело в столовую, где уже лежал охранник, подумал и переоделся в его форму. В плечах рубашка жала, но охранник был крупным молодым человеком, и особых неудобств смена одежды Глебу не доставила.

Он поднялся на второй этаж, доставшийся Никифору, и едва успел увернуться от удара: Хмель не сразу распознал, что перед ним свой. Произнес беззвучное ругательство, прижал палец к губам и кивнул на одну из дверей, выходивших на лестничную площадку.

Дверей было четыре, три из них вели в спальни, четвертая в туалет, совмещенный с душем. Никифор успел проверить две спальни и туалет и готовился к штурму оставшейся спальни, где, судя по всему, находились люди.

Дверь оказалась запертой изнутри на щеколду.

Тарасов потянул ручку двери вправо, Никифор отжал язычок щеколды, и Тарасов ворвался в комнату, где стояла огромная кровать, две тумбочки и трюмо. На кровати нежились... два голых молодых человека, представлявших собой пару «голубых». Они не успели ничего сообразить, как оказались в куда более глубоком сне.

Тарасов и Хмель замерли, прислушиваясь к звукам снаружи дома, глянули друг на друга, на лежащих без сознания «влюбленных», поморщились и выбрались из спальни.

Так как Дмитрий, которому достался верхний этаж коттеджа, до сих пор не спустился вниз, освободившиеся «десантники» решили сначала помочь ему, а потом идти в подвалы, где, очевидно, располагались сауна и бар, а также бассейн и винный погреб хозяина.

Лестница заканчивалась шестиугольным эркером с прозрачным окном на крыше, из которого небольшие коридорчики вели в три небольшие мансарды пирамидальной формы.

Дверь одной из них была открыта, и на пороге расслабленно лежала рука человека. Сам человек — мужчина средних лет, могучий телом, с роскошной растительностью на груди, лежал навзничь и находился скорее всего в объятиях Морфея. От него несло перегаром за несколько шагов.

Никифор толкнул вторую дверь, и глазам гостей предстала еще одна спальня, на кровати которой располагалась еще одна парочка молодых людей. Впрочем, судя по их позам, они не спали, а были «отключены». Дмитрий успел побывать здесь и «успокоил» «молодоженов».

— Бордель для «голубых», а не дача! — с презрением произнес сквозь зубы Хмель.

За стеной что-то упало.

Оба, не сговариваясь, метнулись к двери в третью мансарду, ворвались в комнату и увидели сцепившихся людей. Один был громадный, накачанный, скользкий от пота, бритоголовый, с татуировкой по плечам, в руке у него был пистолет. Вторым борцом оказался Дмитрий, успевший перехватить руку с оружием и не давший бритоголовому выстрелить. В комнате находился еще один мужчина, толстый, грудастый, с длинными волосами и бабьим лицом. Он сидел в углу за кроватью и тихо скулил.

Никифор прыгнул к борющимся, врезал бритоголовому по основанию черепа ребром ладони. Гигант обмяк.

— Спасибо! — выдохнул Дмитрий, хватая ртом воздух.

Глеб подошел к толстяку и сунул палец в яремную ямку, дозируя силу удара. Толстяк закатил глаза и затих.

— Здоровый, гад, оказался! — прошептал Дмитрий, массируя предплечье, на котором остались отпечатки пальцев бритоголового. — Как он меня учуял — ума не приложу! Еле успел зажать пистолет. Где Диана?

— На наших этажах пусто.

— А Симон?

— Его тоже нет.

— Значит, он внизу.

Дмитрий бросился к двери, исчез на лестнице. Глеб глянул на часы: прошло девять минут с момента их выхода. Время шло, уменьшая шансы закончить операцию тихо, а они все еще не знали, здесь ли находится подруга Булавина.

Никифор понял его мысль, толкнул кулаком в плечо и помчался вслед за Булавиным. Глеб в форме охранника спустился на первый этаж последним.

Ираклий ждал их у бассейна. У ног его лежала Диана, за-

вернутая в простыню. Глаза ее были закрыты, под глазами темнели круги, верхняя губа была разбита и вспухла, на щеке и на шее были видны синяки и ссадины.

— Что с ней?! — тихо вскрикнул Дмитрий, бросаясь к любимой.

— Жива, — остановил его мрачный, чем-то озабоченный Ираклий. — Берите ее, будем выбираться.

Дмитрий прижался щекой к груди женщины, поцеловал ее в щеку, выпрямился, и в глазах его вспыхнул огонь ненависти.

— Где Симон?!

— Ушел, — скривил губы Ираклий, добавил, заметив, что его не поняли: — Совсем ушел. Да забирайте же ее!

Дмитрий недоверчиво посмотрел на спутника Марии, бросился в сауну, исчез за дверью.

— Они ее?.. — понизил голос Никифор, кивая на лежащую без движений Диану.

Ираклий посмотрел на него с хмурым неодобрением и не ответил.

Из сауны вышел Дмитрий с опущенной головой, сказал тусклым голосом:

— Это должен был сделать я...

— Уходим. — Ираклий направился к лестнице.

Дмитрий взял Диану на руки, зашагал следом.

Никифор и Глеб заглянули в сауну и увидели в комнате отдыха два тела. У одного была свернута шея, второй лежал, скорчившись, в луже крови и держался обеими руками за промежность. Это и был Симон Калабриади.

Капитаны переглянулись и, одновременно сплюнув, догнали ушедших вперед товарищей.

Выбраться из коттеджа удалось без особого труда. С момента появления отряда на территории дачи Симона прошло всего восемнадцать минут, игроки в карты закончили игру, но идти в дом не спешили, допивая оставшееся и закусывая остывшими шашлыками.

Собаки перестали рваться к забору, улеглись в тени редких деревьев, высунув языки.

Охранники тоже попрятались в тень с пивными банками в руках. День обещал быть очень жарким, уже с утра температура воздуха достигла двадцати восьми градусов и продолжала расти.

Отряд освобождения проследовал через всю территорию дачи быстро, но не торопливо, соблюдая все правила отступления, и все закончилось бы хорошо, если бы не эмоции Дмитрия, перехлестывающие через край. Собаки учуяли неладное, и Марии с Ираклием пришлось задержаться, чтобы отбиться от мастифов, пока остальные выбирались через калитку наружу.

Мария включила свое колдовское умение отводить глаза, Тарасов пришел на помощь Ираклию, и вдвоем они за несколько секунд уложили псов, не видевших противника, а только улавливающих запах тел. Охранники спохватились, обратив внимание на странное поведение животных, когда калитка уже захлопнулась и отрезала беглецов от преследователей.

Перебежать луг даже с Дианой на руках было делом одной минуты. Однако на этом приключения «спецгруппы» не закончились. Внезапно Мария остановилась, словно наткнулась на невидимое препятствие, и предостерегающе подняла руку.

Мужчины послушно остановились, затем взяли ее в кольцо, собираясь защитить спутницу в случае появления опасности. Но задержка оказалась связанной не с угрозой нападения, а с появлением странного плоского черного прямоугольника, кувыркающегося над рощей. Впечатление было такое, будто он что-то искал, то опускаясь к вершинам деревьев, то поднимаясь выше.

Все уже встречались с подобным явлением и знали, что прямоугольник являет собой «локационную антенну» черных магов, поэтому послушно ждали, пока Мария даст сигнал к движению. Дмитрий с беспокойством посматривал на бледное лицо Дианы, все еще не пришедшей в себя, но тоже не торопил Марию, понимая, что в данном положении ничего сделать нельзя.

— Не нравится мне это, — сквозь зубы проговорил Ираклий, провожая глазами порхающий прямоугольник. — Абсолютно не представляю, как они могли засечь нас здесь.

— Это «привязанная антенна», — тихо проговорила Мария. — Конунги знают, что один из углов триады живет в Вологде, и «привязали» к городу поток внимания. Антенна настроена на биометрические параметры Булавина.

— Ты не можешь направить ее отсюда подальше?

— Пытаюсь, но полностью заблокировать поток и отсечь след не могу, не хватает сил.

— Тогда быстрее в машину и едем! Егор поймет, почему нас нет в Новгороде. Можешь связаться с ним через тям?

Мария покачала головой.

Лицо ведуньи побледнело, нос заострился, борьба с «антенной» конунгов действительно отнимала у нее очень много психических сил.

— Заедем к Дмитрию домой, и я позвоню кое-кому, чтобы нас встретили в Новгороде.

— Как знаешь. — Ираклий дал знак остальным двигаться.

Через дыру в заборе они выбрались на территорию дачной зоны, расселись в машине: Ираклий снова за рулем, рядом с ним Мария с Дианой, трое мужчин на заднем сиденье. Ираклий сразу погнал джип к Вологде, а Мария принялась колдовать над Дианой, приводя ее в чувство. Через минуту женщина очнулась, начала оглядываться, ничего не понимая, попыталась отодвинуться от Марии и только тогда заметила, что она, по сути, ни во что не одета. Прошептала:

— Это... вы?

— Успокойся, милая, — обняла ее Мария, — все уже позади. Приедем домой, примешь ванну, переоденешься и все забудешь как дурной сон. В сущности, это и был сон, уж ты мне поверь, не думай о плохом.

Она еще что-то говорила, но Диана вспомнила, где она была и что с ней случилось, прижалась к ведунье и забилась в рыданиях.

На Дмитрия было больно смотреть, но он сидел тихо, без движений, давил в себе ответные слезы, но не мог остановить, и слезы катились по его щекам, он их не вытирал и только непрерывно смотрел вперед, на волосы Дианы, пока она не почувствовала его взгляд, затихла, потом оглянулась, увидела Булавина, и по тому, как ее глаза становились все больше и больше, стало видно, что она потрясена. Потрясена не тем, что произошло, а реакцией Дмитрия. И эта его молчаливая вспышка сопереживания сказала ей больше, чем любые слова.

Он протянул к ней руки, и она потянулась к нему, сначала робко, потом кинулась на шею, стукнувшись головой о крышу джипа, снова заплакала навзрыд, но это уже были слезы облегчения, нежели стыда и боли, и ситуация разрядилась сама собой, хотя все сидящие в машине понимали, что влюбленным еще долго будут помниться минуты горя и отчаяния, унижения и страха, пережитые Дианой. А вылечить этот страх могло только время.

В доме Дмитрия Диана сразу уединилась в ванной, не впустив туда даже Дмитрия, и остальным пришлось ждать, пока она окончательно не успокоится и не переоденется. Лишь

через час открылась дверь ванной комнаты, и Диана вышла с влажными волосами, не поднимая глаз, кутаясь в халат хозяина. Оставлять ее в таком состоянии одну было нельзя, но и брать с собой тоже не представлялось возможным, и Мария спросила:

— Дианочка, у тебя есть родственники или друзья в Вологде, у которых ты могла бы дождаться нашего возвращения?

— Нет, — тихо ответила женщина. — Только тетки, но у них я оставаться не хочу. Можно, я поеду с вами?

Мужчины переглянулись. Мария закусила губу. Дмитрий виновато и в то же время твердо сказал:

— Я возьму ее с собой, в Вологде ей оставаться нельзя. Мы ведь едем в Новгород?

— Не совсем, — качнула головой Мария, — в Новгородскую губернию, деревня Ладославль.

— Ну, все равно, я заскочу по пути в Барановичи и устрою Диану у моего дядьки Василия. Это не займет много времени.

Мария посмотрела на Ираклия, с которым была явно связана «ментальным полем понимания», тот улыбнулся.

— Как говорил Эйнштейн: «Есть только две бесконечные вещи — Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не совсем уверен». Однако на месте господина Булавина я поступил бы точно так же.

Дмитрий благодарно глянул на него, обнял Диану.

— Пойдем одеваться, родная.

Они вышли из гостиной в спальню.

Мария оглядела спутников.

— Больше никаких отклонений от намеченной траектории движения я не допущу. Надеюсь, ваши любимые дарини не требуют немедленного освобождения и защиты?

Никифор встретил умный, всё понимающий взгляд ведуньи и понял, что она знает о существовании Шарифы. Проворчал:

— Не требуют.

Тарасов промолчал. Он снял с себя униформу охранника и переоделся в джинсы и рубашку Дмитрия, которая была маловата ему в плечах, поэтому чувствовал себя стесненным.

Через несколько минут Дмитрий и Диана вышли из спальни, держась за руки. На Диане были джинсовые шорты, футболка и косынка (половину своего гардероба она, по сути, хранила в квартире Булавина), в руке она держала сумку с вещами. Дмитрий переодел только джинсы, испачканные во время визита на дачу Симона.

— Мы готовы.

— Ираклий, проверь, что там во дворе, — сказала Мария. — Что-то мне перестает нравиться атмосфера. Мы недопустимо долго сидим на одном месте.

Спутник Марии исчез за дверью.

— Я думал, мы еще успеем выпить кофе, — пробормотал Дмитрий.

— Я чую изменение полей внимания, — покачала головой Мария. — Конунги не оставят нас в покое, зная о существовании триады. Чем скорее мы попадем в зону непрогляда, тем больше шанс успешно выполнить миссию.

Вернулся Ираклий.

— С одной стороны все тихо, во дворе не наблюдается никакого движения, но с другой мне очень не нравится отсутствие движения по улице. Уж не перекрыли его по какой-то надобности?

— Надо проверить.

— Это уже наша забота, — вмешался Никифор. — Пошли, капитан, посмотрим, что там происходит. Эх, нам бы какие-никакие рации — горя бы не знали!

— Я с вами, — шагнул вперед Дмитрий. — Раз уж нам суждено быть триадой, надо привыкать действовать вместе.

Диана схватила его за руку, но отпустила, застыдившись своего порыва. Мария обняла ее за плечи.

— Пусть мужчины занимаются мужскими делами, а мы с тобой помолимся за них. Все будет хорошо.

Мужчины вышли.

— Я их подстрахую, — сказал Ираклий, направляясь к выходу. — Ждите сигнала и сразу спускайтесь.

Тарасов вышел из подъезда первым и ленивой походкой двинулся через двор, отмечая все детали картины.

Кроме джипа Марии и «Хонды» Булавина, во дворе его дома стояли еще несколько автомашин, все — отечественного производства, но из них лишь серая «пятнадцатая» «Лада» с полуспущенными стеклами вызывала подозрение, так как внутри ее неподвижно сидели трое парней. Если это была команда, ее следовало нейтрализовать в первую очередь, потому что «Лада» перекрывала выезд со двора.

Глеб равнодушно проследовал мимо и свернул в арку, выходящую на улицу, остановился за углом, поджидая остальных.

Вторым из подъезда вышел Никифор, сутулясь, как старик, и прихрамывая. Узнать его по походке и поведению было трудно, так он умело перевоплотился в пожилого инвалида. Никифор также пересек двор, но наискосок, и вошел в другую арку. К Тарасову он подошел уже с другой стороны. Шепнул быстро:

— «Ладу» видел?

— Видел.

— Сидят как пришитые и даже не курят. Это команда, капитан!

— Я тоже так подумал.

— А улица действительно пуста, ни одной колымаги. И у дома с той стороны стоит милицейский «Форд» с мигалками. Внутри четверо в форме. Ждут. Чего ждут? Приказа? Или нашего выхода?

Капитаны посмотрели друг на друга.

— Нам ждать нечего, — сказал Глеб. — Надо начинать первыми, иначе опоздаем.

— Согласен. Выйдет Дима, и начнем. Я возьму на себя «Форд», ты парней в «пятнадцатой». Дима подстрахует женщин, посадит в джип, и поедем.

— Нас могут встретить у перекрестков, улицу не зря перекрыли.

— Тогда попросим Марию отвести глаза милиции.

— Это не милиция, Никифор, это спецгруппа, поджидающая удобного момента для нападения. Не знаю, почему они медлят, может быть, не уверены в идентификации объекта, мы здесь появились всего полтора часа назад, но у нас есть прекрасный шанс опередить их и уйти. Вот идет Дима, начинаем.

— Эх, мне бы какой-никакой завалящий пистолетик! — выдохнул Никифор, выходя на улицу походкой «инвалида».

— Или пси-генератор «нокаут», — добавил Глеб, направляясь навстречу Дмитрию.

Они встретились в двадцати шагах от серой «Лады», и Тарасов сказал, улыбаясь и пожимая Булавину руку, будто до этого они не встречались:

— Берем серую «пятнадцатую» за твоей спиной. Я начну, ты поддержишь.

— Понял, — с такой же деланой улыбкой потряс ему руку Дмитрий.

Они разошлись.

Дмитрий направился к выходу со двора. Глеб к подъезду, но вдруг остановился, похлопал себя по карманам и свернул к «Ладе».

— Эй, водила, дай закурить, — попросил он водителя, подходя вплотную.

Трое седоков посмотрели на него удивленно, все молодые, здоровые, налитые силой, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы с другой стороны машины появился Дмитрий и рванул на себя дверцу «Лады». Все трое пассажиров схватились за оружие, однако нападавшие действовали быстрее.

Глеб воткнул своему противнику-водителю палец под ухо, а Дмитрий ударом в переносицу отключил своего. Оставался третий бугай, сидевший на заднем сиденье и уже наводивший на Булавина ствол пистолета, но Глеб ударом кулака разбил стекло с его стороны, заставив его отшатнуться, а Дмитрий ударом по руке выбил пистолет. Затем оба нырнули в кабину, выкручивая руки парню, а когда тот взвыл и начал кусаться, Тарасов локтем врезал ему по толстой шее.

Схватка закончилась.

— Выводи женщин! — бросил Глеб, вылезая из машины и не обращая внимания на отшатнувшихся пешеходов, скапливающихся во дворе у подъездов. — Я помогу Никифору.

Булавин молча помчался в дом, но Ираклий уже выводил Диану и Марию, и времени процесс рассаживания по машинам много не занял. Через несколько секунд джип и «Хонда» выехали со двора, оставив потерявших дар речи случайных прохожих разглядывать лежащие у серой «Лады» тела.

Тарасов подоспел к Никифору вовремя.

Капитан несколько переоценил свои силы и смог вырубить лишь двух милиционеров, водителя и лейтенанта на заднем сиденье. Сержант, вдвое больший по габаритам, чем Хмель, успел вытащить пистолет, и Никифору пришлось схватиться с ним по-борцовски, чтобы не дать выстрелить, в то время как четвертый пассажир милицейского «Форда», с погонами старшего лейтенанта, хладнокровно выцеливал его сзади, расставив ноги и держа штатный «волк» двумя руками.

Подбежавший Тарасов кинул в него с десяти метров камень, попал в шею, заставив инспектора непроизвольно сделать выстрел — пуля попала в сержанта — и обернуться. Но выстрелить в Глеба он не успел и, получив несколько легких тычковых ударов, дезориентировавших его, пропустил «клюв аиста», бросивший старлея на асфальт.

Никифор добил своего противника, схлопотавшего пулю в плечо от напарника, и в это время из арки вынеслись джип Ираклия и «Хонда» Булавина. Остановились рядом со скрипом тормозов. Распахнулись дверцы обеих машин. Никифор нырнул в кабину джипа, Тарасов прыгнул в «Хонду», и через несколько мгновений обе машины унеслись прочь, скрылись из виду.

И лишь спустя минуту на месте схватки — возле «Форда» начали останавливаться люди — появились два микроавтобуса, из которых стали выпрыгивать парни в пятнистой форме и в черных вязаных шапочках-масках, вооруженные автоматами и пистолетами-пулеметами. Беглецов к тому времени уже и след простыл.

К удивлению самих беглецов, улица хотя и оказалась перекрытой: на перекрестке стояла машина патруля ГИБДД и двое инспекторов останавливали и заворачивали машины в другую сторону, — но засада их не ждала, а «девятку» инспекции Ираклий просто сшиб бампером, так, что она врезалась в бордюр и перевернулась. Дальше начиналась набережная, и мчаться можно было с большей скоростью.

— За нами наверняка будет погоня, — сказал Никифор хладнокровно, оглядываясь и ловя глазами не отстающую «Хонду» Булавина.

— Уйдем, — не менее спокойно отозвался Ираклий, мельком глянул на сидевшую рядом с ним Марию. — Сил хватит? Или помочь?

— Хватит, — ответила ведунья, глаза ее вспыхнули мрачным огнем.

И случилось чудо!

Все светофоры, мимо которых проскакивали машины беглецов, давали им зеленый свет и тут же мгновенно сменяли свет на красный. Погоня, если она и шла где-то сзади, едва ли справлялась с этим «наведенным» препятствием.

Через полчаса бешеной гонки машины были за городом, выехали на шоссе Вологда — Череповец и увеличили скорость. Те, кто собирался задержать Булавина, а возможно, и всю триаду, — кто бы они ни были, — остались далеко позади.

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ТРИАДА: ПРЕЛЮДИЯ

В деревню Ладославль, расположенную на западном берегу озера Никулинское, они приехали еще засветло, по пути посетив Барановичи и оставив там Диану на попечение родственника Булавина. «Хонду» Дмитрия решили бросить в ле-

су, во избежание сюрпризов. Возможно, как предположила Мария, она была помечена «черным вниманием» конунгов и могла ими пеленговаться.

Дмитрий, устроив любимую, несколько успокоился, но вид имел мрачный, неприступный, поэтому его до времени не теребили и в разговоры не вовлекали. Зато за время поездки узнали от Марии и Ираклия много нового о Катарсисе и его оперативной службе — Сопротивлении, а также о древнем искусстве *живы*, о системах треков — рассчитанных линий упреждения намерений, и о многом другом.

Философия *живы* — философия объективного отношения к жизни, опиравшаяся на систему лекций и бесед, повышающих духовный иммунитет, интересовала мужчин в данный момент меньше, зато весьма увлекла оперативная деятельность Сопротивления, опиравшаяся на оригинальные схемы воздействия на людей, в основном — лидеров партий и движений, руководителей высокого ранга, государственных чиновников и бандитов, а также на систему треков.

Треком называлась цепочка воздействия на определенного человека или на ситуацию в целом, приводившая к бескровному и чаще всего н е б о е в о м у исполнению поставленной задачи. Достаточно было расстроить чью-то встречу, отвлечь человека, подбросив ему ложную информацию (это называлось «вбросом дезы»), или использовать встречные планы конкурентов.

Для воздействия же на лидеров разрабатывалась схема персональной опеки, в которую входили создание концепции воздействия, формирование структур воздействия: систем воспитания, управления, внеслужебных отношений, прессы, институтов советников и авторитетов, — и рассчитывалось управление структурами. Причем управление событиями (узлами трека) осуществлялось без контроля за участниками, что достигалось великолепным и точным подбором кадров.

Узнали новые работники Сопротивления и о тактических целях Катарсиса, неофициальной, «мнимой» структуры, не контролируемой ни одним государственным институтом или частной организацией. Целями Катарсиса являлись: перераспределение финансовых потоков в пользу государства, регуляция информационных потоков, «очистка» их от «печати Сатаны», коррекция властных структур, упреждение террора, выявление коррумпированных чиновников и их «оперативное замещение», создание родового защитного эгрегора.

Больше всего в этой части беседы Никифора и Глеба поразило то, что их работу в ЧК и группе «Хорс» можно было построить иначе, и тогда не потребовалось бы уничтожать бандитов физически и похищать ультранационалистически настроенных лидеров.

— Но как же с ними бороться, когда они захватывают и мучают людей?! — спросил обескураженный Никифор.

— Зри в корень, как говорил незабвенный Козьма Прутков, — оглянулся на капитана Ираклий. — Всегда найдется причина, которая побуждает человека действовать так или иначе. Вот причину и надо нейтрализовать, а не сражаться с ветряными мельницами следствий.

— А конкретнее?

— С конкретикой вам скоро придется знакомиться вплотную, — проговорила Мария. — А пока запомните основные принципы Катарсиса: человек должен оставаться человеком в любой ситуации, и приоритетным направлением деятельности службы над остальными способами достижения цели является просветительская работа. Это не означает, что мы только учим, разговариваем и вещаем прописные истины, но вершина Катарсиса — система просвещения на базе *живы*. А уж потом программы обучения выходят на уровень линейного исполнения в государстве и коллективах. Для чего создаются операторы управления, сначала — в семантическом поле, потом — в поле реальных событий. Хотя иногда вследствие действий СС приходится сшивать неопределенности программ с помощью нелинейных спецпрограмм. Вот как сейчас.

Никифор поглядел на Тарасова.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Мы все вместе являемся сейчас такой спецпрограммой: Ираклий и я — как магический оператор, вы трое — как триада, оператор реального воздействия. Собственно говоря, каждый из нас — подпрограмма в более высокой программе управления семантическим пространством России.

— Это что же, выходит, мы... запрограммированы?!

Мария улыбнулась, оглянувшись на помрачневшего Никифора.

— Все мы запрограммированы Космосом, еще до момента рождения на свет. А уж потом подчиняемся внешнему программированию семьей и обществом. Пока же вам достаточно знать, что существуют методы управления и программы, достаточные для изменения существующего порядка без захвата реальной власти и массового зомбирования людей, чего

добиваются лидеры так называемой Новой Революционной Инициативы. Катарсис медленно, но верно замещает руководителей страны, хотя этому, естественно, мешает Система Сатаны. Когда же изменится мировоззрение — изменятся руководители, а вместе с ними и власть в целом.

— Это когда еще будет...

— Тут вы правы, капитан. Пока в России производственная деятельность человека определяется безвыходностью положения, а не потребностью в работе, ситуация с управлением не изменится. Да и СС нас опережает на несколько шагов. Все управление культурой — в ее руках, телевидение — тоже. Но особенно тревожная ситуация сложилась с качественным демографическим положением в России. Вы что-нибудь слышали о так называемом «русском кресте»?

— Нет, — за всех ответил Тарасов.

— В России образовалась своего рода социальная яма или воронка, когда больные рожают больных, а бедные воспроизводят бедных. Отмечается постоянный рост количества инвалидов, падение рождаемости и сокращение численности коренного населения страны, то есть этнических русских. Это и есть «русский крест». Могу добавить, что за последние четыре года потери занятых исследованиями и научными разработками сотрудников составили шестьсот с лишним тысяч человек.

— Утечка мозгов? — пробормотал Никифор.

— Только с две тысячи первого по нынешний год из России эмигрировало около миллиона человек. Этот отток интеллектуальных ресурсов еще аукнется в будущем, несмотря на поразительную способность России рождать таланты. Но что особенно страшно, одновременно с этим продолжается и процесс «размывания» нравственности, норм доброты и вежливости, милосердия, честности, порядочности, ответственности. Все большее распространение получает прагматизм, преобладание ориентации индивида на личную выгоду, рост индивидуализма по американским моделям, чуждым русской культуре. Я уж не говорю о появлении категории «новых бедных» и о маргинализации общества, вы это и так знаете.

— Что же ваш Катарсис? Только анализирует беды?

— Катарсис — не властная структура, а по сути система иного мировоззрения, и она работает, только медленно. В наше время трансформация сознания людей не успевает за ходом реформ, срабатывает эффект двойного запаздывания, и, чтобы его преодолеть, Катарсис пытается снизить темпы изме-

нений, чтобы психика людей не пошла вразнос и они успевали бы за изменениями в процессе приспособления к новым условиям. Однако мы далеки от реализации своих Замыслов — программ, и в России продолжается «распятие духа на кресте материи», как образно говорил один мудрец.

В кабине машины наступило молчание. Потом Тарасов полюбопытствовал:

— Извините, Маша, кто вы по образованию?

— Историк, — ответил Ираклий, покосившись на спутницу.

— А рассуждаете как специалист по социологии.

— Жизнь заставила изучить эту сферу жизни, — задумчиво проговорила Мария.

— А этим вашим штучкам... ну, чтобы тебя никто не видел... можно научиться?

— Это называется трехмерной индивидуальной пси-защитой. В принципе допустимо все, надо только прежде научиться видеть мир таким, какой он есть, и уметь ограничивать свои желания.

— Так просто?

— Звучит просто, зато выполнить сложно. Большинство людей мечтает о «волшебной палочке», исполняющей желания, и чтобы при этом ничего не надо было делать. Но ведь дается — дающему! Делающему!

— Я понял. Как говорится, жить легко очень трудно.

Мария улыбнулась и не ответила.

Через несколько минут дорога свернула к озеру, и джип въехал в деревню Ладославль. Еще через несколько минут их познакомили с матерью «серебряного мальчика» и с ним самим.

В общем-то мальчишка был как мальчишка, и выглядел он соответственно своему шестилетнему возрасту: худенький, загорелый, большеголовый, лобастый, с длинными белыми волосами, тихий и стеснительный поначалу. Но его лицо и глаза!..

Это было лицо величавой Сдержанности и Достоинства, а глаза выражали глубокое Спокойствие, Долготерпение и Ум! На лицо «серебряного мальчика» хотелось смотреть и смотреть, и радость охватывала душу, когда он отвечал улыбкой на улыбку.

Все трое были потрясены знакомством и покорены естественным поведением мальчишки, которого прочили в лидеры будущей России.

Мария с Ираклием уехали незаметно, ничего толком не

объяснив оставшимся мужчинам, поэтому функции командира триады взял на себя Тарасов.

Первым делом он запретил всем лишний раз показываться на глаза людям, чтобы возможные разведчики СС или «антенны» конунгов не засекли появления в деревне гостей. Во-вторых, Глеб составил план «превентивного ожидания опасности» и первым заступил на дежурство. Капитан понимал, что от их поведения будет зависеть очень многое в дальнейшем и что исчезновение «магического оператора» в лице Ираклия и Марии скорее всего связано с деятельностью Катарсиса, хотя возможен вариант, что это тест на терпение для членов триады.

Остаток дня и вечер прошел в беседах с хозяевами, простыми русскими людьми, здраво рассуждающими о конкретных заботах и не забивающими голову размышлениями о смысле жизни.

Никифор больше слушал, чем говорил, затем и вовсе уснул на диване в горнице, и гости с хозяевами перешли на веранду, где Анфиса, мать «серебряного мальчика», которого все называли Сергием, накрыла на стол.

Дмитрий тоже больше помалкивал, занятый невеселыми мыслями о Диане, поэтому Тарасову пришлось играть роль основного собеседника и умело направлять разговор в нужное русло, подальше от расспросов, кто они такие, откуда, где работают и что собираются делать. На последний вопрос он и сам вряд ли ответил бы правдиво.

«Серебряный мальчик» посидел с ними, с любопытством поглядывая на гостей, потом занялся сборкой планера, который подарила ему Мария. И вскоре под его чудесными ручками вырос летательный аппарат, который потом с изумительной легкостью кружил над двором, долго не опускаясь на землю, будто был невесом. После испытаний планера Сергий (Глеб узнал позже, что родовое имя мальчика — Световид) занялся лепкой из пластилина, и снова из-под его пальчиков вышли удивительно похожие фигурки зверей и странных животных, создающих впечатление живых существ.

— А это кто такой? — не выдержал Тарасов, показывая на серо-зеленую «шишку» с длинным носом, глазками-бусинами и ручками.

— Это шиш, — серьезно ответил Сергий. — Нечистая сила. Живет на обочинах дорог, играет пыльные свадьбы — вихри столбом.

Глеб перевел взгляд на Анфису, и та с улыбкой кивнула, подтверждая слова сына:

— Все правда, только редко теперь их встретишь, нечистиков — шиша, перебаечника, хлопотуна. Почти перевелась нежить в наших краях.

— Вы... серьезно? — оторвался от своих дум Дмитрий, подняв брови. — Неужели это не сказки?

— Стали сказками, были былью, — ответила молодая женщина спокойно. — Как говорил мой свекор: в часовом механизме нет лишних шестеренок. А нежить прошлая в нынешнем мире стала лишней, вот мир и разваливается потихоньку.

— Так вы считаете, что раньше все было не так? И эта самая... нежить по-настоящему водилась и жила?

— Все правда, жила.

— Когда же это было?

— А не так давно, еще в начале прошлого века в наших лесах одолень-трава росла и злыдни водились.

Дмитрий недоверчиво заглянул в глаза женщины, но насмешки или лукавства не увидел.

— Выходит, и домовые — не сказки? То-то мой отец всю жизнь кормил домового по воскресеньям, а мы над ним подшучивали.

— Домовые и востухи живут до сих пор, хотя тоже потихоньку уходят, вымирают, как и другие духи.

— Как же твой отец кормил домового? — заинтересовался Тарасов.

— Клал на блюдечко ломоть черного хлеба, вареную картошку, иногда сыр, иногда молочка немного подливал, и ставил блюдо в угол в своей спальне, там у него чистый веник черенком вниз стоял.

— Правильно, — мягко подтвердила Анфиса. — Домовые запахами питаются. Вон и у нас веник в светелке стоит. Пойдемте, покажу.

Она провела гостей в зал, в углу которого в самом деле стоял щеткой вверх красиво сделанный веник.

Никифор, спавший на диване, проснулся.

— Что, пора? — Он спустил ноги на пол, протер глаза.

— Лежи, лежи, — успокоил его Глеб.

— А хотите поглядеть на нашего домовушу? — предложила Анфиса. — Хотя он не любит показываться людям на глаза, только когда проголодается — напоминает о себе, но Сергуню слушается. — Анфиса позвала сына. — Поговори с домовушей, Беленький.

«Серебряный мальчик» послушно направился в угол гостиной, присел перед веником на корточки, протянул к нему ручонку и запел тоненьким голоском:

— Солнышко село, солнышко село, мгу съело, мгу съело, веточки раздвинь, глазки открой, песенку спой...

Что-то тихо свистнуло, веник шевельнулся, над ним вырос небольшой воздушный вихрик, сверкнули две искорки — не то глаза домового, не то обман зрения, затем вихрик перебрался на ладошку малыша, и тот засмеялся, отдернул ручку.

— Щекотно, Смешаня, не балуй.

Вихрик исчез в венике.

Сергий косо глянул на замерших гостей и убежал в сени.

— Это был... он? — шепотом спросил Никифор.

— Домовушка, мы его Смешаней зовем.

— В жизни не поверил бы, если бы сам не увидел!

Гости вернулись было на веранду, но уже стемнело, и включи они свет — с улицы их можно было увидеть всех, поэтому Тарасов предложил соратникам перейти в горницу.

Анфиса, сославшись на хозяйственные хлопоты, ушла, мужчины остались одни, да изредка в комнате появлялся «серебряный мальчик», игравший в прятки с кошкой, либо для того, чтобы задать какой-либо вопрос. Ни одного члена триады он уже не боялся, словно принял их за своих родичей или друзей родителей.

— Что дальше? — осведомился Никифор, жаждущий определенности. — Долго мы еще будем здесь торчать и ждать ЦУ?

— Сколько нужно, — философски ответил Тарасов. — Тебя что-то беспокоит?

— Да, беспокоит, — признался бывший «чекист». — В деревне царит такой мир и покой, такая идиллия, что добром это не кончится. Знать бы, действительно, что мы обязаны делать. Сидеть здесь и ждать появления нехороших парней, чтобы защитить малыша, — не по мне.

— И не по мне, — вздохнул Дмитрий. — Тридцать три года прожил, огни и воды прошел, а не знал, что живу для роли охранника VIP.

— Мы не знаем, для чего мы живем, — пожал плечами Тарасов, которым явно овладело философское настроение.

— А врачи к тому же не знают, от чего мы умираем, — проворчал Никифор.

В горницу вбежал Сергий, глянул на собеседников умными смеющимися глазами и провозгласил:

— Тетя Маша идет.

Вошла Мария, вопреки ожиданиям — одна.

— Извините, что мы заставили вас поскучать. К сожалению, плохие новости. У ш е л Владыко.

Мужчины продолжали молча смотреть на ведунью, и она добавила:

— У волхвов своя иерархия, и главный иерарх — Белый волхв, то есть Владыко. Он... у ш е л.

— То есть, вы хотите сказать, умер?

Мария на несколько мгновений закрыла лицо руками. Казалось, она плачет. Но когда женщина опустила руки, глаза у нее были сухими и блестящими, полными внутренней неуверенности, что было совсем на нее не похоже.

— Волхвы не умирают, а у х о д я т. Хотя, честно говоря, я не знаю, что с ними потом происходит. Знаю точно лишь одно: Спиридона с нами больше не будет.

— Белого волхва звали Спиридоном?

— Теперь Белым волхвом скорее всего станет ваш знакомый Егор Крутов, но для этого ему надо пройти Испытание. На это время единственными защитниками Сергия, ну, или почти единственными, останетесь вы.

— Разве мы отказываемся? — выразил общее недоумение Тарасов.

— Боюсь, вы не справитесь.

По лицам мужчин промелькнули беглые улыбки. Мария тоже улыбнулась, задумчиво и с грустью.

— Вы просто не представляете, с к е м вам предстоит столкнуться. Если, конечно, мы не успеем спрятаться в зоне непрогляда.

— Объясните! — твердо сказал Глеб.

— Здесь, в районе озера Никулинское, когда координатором Катарсиса был Спиридон, располагалась зона непрогляда, то есть место, недоступное видению конунгов. Теперь с уходом Владыки заклятие непрогляда исчезло, и конунги в любой момент могут запеленговать местонахождение «серебряного мальчика». И тогда...

— Они нападут.

— Сначала они пошлют спецкоманду типа фасовского «Зубра», или «Альфы» ФСБ, или «Урагана» ГРУ, или своих «тающих» зомби. И даже если вам... если нам удастся отбить атаку, нападения конунгов нам не удержать.

— Что же ваши коллеги из Сопротивления, Витязи? Разве они не помогут?

— Витязи выполняют свои задания и руководят оператора-

ми воздействия на местах, они очень заняты. Возможно, кого-нибудь и удастся привлечь, но особых надежд нет. Нам придется обходиться своими силами.

— А этот ваш Крутов?

— Его уровень ответственности гораздо выше индивидуального, он не имеет права погибать. Хотя, конечно, он вмешается... в какой-то момент. И все же выпутываться нам надо самим.

— Мы готовы, — сказал Никифор примерно тем же тоном, каким до этого говорил Тарасов. — Говорите, что надо делать.

— В идеале мы должны незаметно пробраться в другую зону непрогляда в районе села Ковали Жуковского района Брянской губернии. В связи с этим я предлагаю свой план. До Новгорода добираемся все вместе, а потом разделимся: я и Сергий дальше следуем на Брянщину инкогнито — я накрою его «глухой ночью» так, что конунги не учуют, — а вы пойдете на север, в Онегу, имитируя, что охраняете мальчика. И тогда все темные силы пойдут за вами.

В комнате стало тихо.

Потом пошевелился Дмитрий, потянул себя за ухо.

— Отвлекающий маневр?

— Звучит интригующе, — добавил Никифор. — Прямо как в старом киносериале «Обратной дороги нет».

Они посмотрели на молчавшего Тарасова.

— Мы безусловно готовы пойти на это, — очнулся тот. — Но уверены ли вы, что сумеете уберечь мальчика?

Мария посмотрела Глебу прямо в глаза.

— Если вы хорошо сыграете роль беглецов, я справлюсь.

— А почему вы ничего не говорите об Ираклии? Разве он не пойдет с вами?

— Женщина и ребенок — мы переоденем Сергия в девочку — менее заметны, чем полная семья. Ираклий будет подстраховывать вас.

— Но ведь наши преследователи могут увидеть, что с нами нет ребенка...

— Ребенок с вами будет — мальчик тех же лет, почти полная копия Сергия. Но вам необходимо во что бы то ни стало уберечь его от опасности, не забыть, не подставить, сохранить ему жизнь и здоровье. Это главное условие похода. В противном случае нет смысла затевать игру.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— М-да, задачка... — промычал Никифор.

— Справимся, — тихо сказал Дмитрий.

— Я не отойду от мальчика ни на шаг! — пообещал Тарасов.

— Что ж, тогда с богом! — с облегчением встала Мария. — Ждите, через полчаса мы подготовим обоих малышей и выступим.

Она вышла.

— Героическая женщина! — сказал Никифор, глядя ей вслед. — Рискует жизнью так, будто родилась воином.

— Она берегиня, — вошел в горницу Ираклий; он слышал последнюю реплику Хмеля. — А этот крест достается только тем женщинам, которые отдают себя служению другим без остатка. — В глазах спутника ведуньи мелькнула застарелая боль. — Итак, парни, давайте обговорим кое-какие детали похода. До Новгорода передвигаемся все вместе...

— Это мы уже слышали, — буркнул Никифор, у которого испортилось настроение.

— А дальше, — как ни в чем не бывало продолжал Ираклий, — Мария с мальчиком отправится своим маршрутом, вы же с двойником Сергия — своим.

— Где мы возьмем двойника?

— Его привезу я. Дальнейший ваш путь будет таким: Тихвин — Лодейное Поле — Петрозаводск — Медвежьегорск. Конечный пункт маршрута — Онега. Там нас встретит проводник. — Ираклий усмехнулся. — Если, конечно, мы туда доберемся. Еще раз подчеркиваю: служение Роду, работа в Катарсисе — дело сугубо добровольное и не награждаемое. Еще не поздно отказаться.

— Поздно, — скривил губы Никифор. — И наград нам никаких не надо. Однако без кое-каких средств не обойтись, денег у меня, к примеру, кот наплакал.

— Деньги не имеют значения.

— Деньги не имеют значения, пока они у вас есть. А если их нет...

— Все необходимое вы получите, в том числе деньги, транспорт и экипировку. Пойдемте со мной, покажу наши запасы, выберете сами.

— Тогда другое дело.

В комнату, где так и не зажигалась лампа, несмотря на сумерки, вошла Мария.

— Только что пришло известие: берега озера обшаривает спецподразделение «Зубр». Еще две спецгруппы на подходе. В Ладославле они будут через час. Пора уходить.

Мужчины подобрались.

— Как мы будем выбираться отсюда?

— На джипе. Надеюсь, до Новгорода мы успеем доехать к утру. Ираклий останется здесь и догонит нас с мальчиком уже в Новгороде.

Ираклий махнул рукой, выходя в сени. Триада в молчании последовала за ним.

На улице царил теплый августовский вечер. Уличных фонарей в деревне практически не было, и она тонула в сумерках, постепенно растворяясь на фоне окружавших ее лесов. Лишь вспыхивающий в окнах домов свет удерживал деревню от полного исчезновения.

Шли недолго, сначала по улице, потом свернули к пристани и остановились у неказистого бревенчатого сооружения с плоской крышей, напоминающего пакгауз, с мощным висячим замком. Ираклий отпер замок, толкнул дверь, все четверо вошли в заполненное тьмой нутро пакгауза. Вспыхнул луч фонаря, выхватывая из темноты штабеля досок, ящики, бочки и кучи угля. Судя по всему, это был склад.

Ираклий обогнул доски и бочки, подошел к стене, отодвинул прислоненные к ней мятые листы оцинкованного железа, открывая доступ к небольшой дверце без ручек и видимых отверстий. Что-то лязгнуло, дверь медленно отошла назад и в сторону. Внутри открывшегося помещения вспыхнул неяркий свет.

— Осторожно, берегите лбы, — сказал проводник, сгибаясь чуть не пополам, и первым шагнул в проем.

За ним в помещение протиснулись остальные.

Их взору открылось сравнительно узкое, но длинное помещение со стеллажами вдоль стен, забитыми тюками с обмундированием, ящиками с оружием и патронами, продовольствием и всяческим инвентарем.

— Ух ты! — пробормотал Никифор. — Ничего себе сюрприз! Да это же никак «Игла-2М» в сборе! — Он подошел к длинному ящику с армейской маркировкой, в котором лежал переносной зенитно-ракетный комплекс.

— ЗРК вам не понадобится, — усмехнулся Ираклий. — А из оружия я советую взять «котики» или «волки», «горох», один «винторез», пару «ершей», три «нокаута». Плюс рации, комбезы и ножи. Комбезы, прошу заметить, трех типов, но лучше взять последнего образца «ратники». Они хорошо держат выстрел из пистолета, легкие и имеют системы терморегуляции и компьютерной связи. Только они без защитных сфер.

— Откуда у вас такое богатство? — поинтересовался Тарасов.

— От верблюда, — с иронией пояснил Ираклий.

— Я бы взял еще парочку гранат, — сказал Никифор.

— Берите. Лучше всего — «микробы». — Ираклий раскрыл ящик с миниатюрными, величиной со сливу, гранатами. — Вот сумки. Начинайте.

— А вы?

— Все свое ношу с собой, — ухмыльнулся Ираклий. — Побыстрее, пожалуйста.

Через десять минут три сумки были уложены, и мужчины покинули замаскированный склад, принадлежащий одной из баз Сопротивления.

Стемнело окончательно, когда отряд начал рассаживаться по местам в кабине джипа.

За руль на этот раз сел Тарасов. Мария с Сергеем, переодетым в девочку, села на заднее сиденье вместе с Дмитрием, Никифору досталось место пассажира на переднем сиденье.

Их провожал только Ираклий. Ни отец малыша Родослав, ни Анфиса так и не появились на улице.

— А теперь аллюр три креста! — сказал Ираклий, поглядывая на часы. — Поедете через болото, пока оно не закрылось, Мария знает, куда ехать. Удачи всем!

Тарасов включил двигатель. Джип с урчанием двинулся по улице к выезду из деревни.

— Сейчас направо, — сказала Мария. — За огородами свернете к озеру и сразу налево, в лес.

— А что значит — пока не закрылось болото? — полюбопытствовал Никифор.

— Это значит, что родная земля слушается нас, — ответила ведунья. — Мы любим ее, и она отвечает тем же. Болотный дух — болотняк позволит нам проехать без помех, как по ровному месту, но тех, кто попробует идти за нами, ждут сюрпризы.

Никифор хмыкнул, но возражать не стал. Он уже начал привыкать к демонстрации сил, которые раньше считал сказочными.

Джип свернул по малозаметной дороге в лес и вскоре приблизился к болоту. Впереди появились кочки, мшистые низинки, заросли осоки, деревья расступились, осинки стали

хлипкими, скрюченными, тоненькими. Тарасов остановил машину, оглянулся и встретил взгляд Сергия.

— Поехали, дяденька Глеб, — сказал «серебряный мальчик» одетый в платьице и косыночку, и улыбнулся.

И Тарасов почувствовал прилив уверенности и бодрости.

— Как там в песне поется? — сказал он весело. — Вперед и вверх, а там — ведь это наши горы, они помогут нам? Можно ее спеть иначе: вперед и вниз, а там — ведь это наши болота, они помогут нам...

Джип медленно двинулся через болото...

НОВГОРОД

ТРИАДА: МАНЕВР

Утро наступило такое тихое, безмятежное, прохладное и ласковое, что не хотелось думать ни о бегстве и спасении мальчика, ни о черных колдунах, ни о своей собственной судьбе. Зато очень хотелось почувствовать рядом тепло Софьи и поднять на руки девочек, так, чтобы они крепко держались за шею и визжали от притворного страха, как это было на пасеке деда.

Глеб обошел машину, уже остывшую от ночной гонки, справил нужду за кустами орешника и умылся в ручье.

Сзади раздался шорох, потом хрипловатый голос Никифора:

— Доброе утро, капитан. Ты что же, совсем не спал?

— Покемарил полчаса.

— Я тоже. А где наша проводница с мальчиком?

— Очевидно, удалилась по надобности. Живые люди все же, хотя и колдуны.

— Эт точно. А малец мне нравится, ей-богу. Хотел бы и я иметь такого сына.

Глеб промолчал.

Никифор потянулся, отошел за кусты, вернулся, сделал несколько приседаний, глядя на встающее солнце.

— День будет жаркий, однако... кстати, позавтракать бы. Я есть хочу... — Он помолчал. — И пить. Как говорил известный сатирик: ничто так не притупляет голод, как жажда.

— Возьми в сумке плитку шоколада и достань самсунговский термос с чаем, Анфиса приготовила.

— Тогда живем.

Никифор нырнул в кабину, где спал Дмитрий, вылез обратно с шоколадом и термосом. Налил в пластмассовый стаканчик горячего чаю.

— Тебе налить?

— Пожалуй, не откажусь.

Никифор налил чаю и Тарасову, отломил ему полплитки.

— Шоколад не мой, я люблю горький, но за неимением любимого ем всякий. — Капитан налил себе еще чаю. — А хорошие термосы делает «Самсунг». Сам сунг — сам высунг, хе-хе.

Глеб улыбнулся.

— Мы действительно похожи, капитан. Иногда даже страшно становится. А сначала ты показался мне...

— Злым?

— Немного угрюмым. Будто непрерывно думаешь о чем-то с угрозой и ожесточением. Или я не прав?

Никифор доел шоколад, завинтил термос, бросил в кабину.

— Ты прав, Тарасов. И я действительно злой. Много лет назад чечены убили моего младшего братишку... голову отрезали... с тех пор я такой. Все никак не могу найти тех подонков. Я и в ЧК, собственно, из-за этого пошел, в надежде на нечаянную встречу. Ведь не секрет, что большинство похищений людей совершают чеченские группировки.

Помолчали, думая о своем. Потом Никифор провел по лицу ладонью, встрепенулся.

— Не будем ворошить прошлое. Мне уже трудно думать о мести.

— Почему?

— Потому что меня угораздило влюбиться в женщину-чеченку. Кретин, да?

Глеб покачал головой.

— Ты ни в чем не виноват. Любовь не спрашивает национальности и всегда находит оправдание. Диана у Дмитрия наполовину татарка, ну и что из того?

Никифор усмехнулся.

— Ты хороший дипломат, Тарасов. А хороший дипломат всегда знает, что спросить, если не знает, что ответить. Ну, что, будем будить инструктора по выживанию? Или пусть дрыхнет пока? Устал поди от переживаний.

Глеб посмотрел на часы.

— Хорошо ничего не делать, а потом отдохнуть. Что-то Мария задерживается.

— Покричать, что ли?

Зашуршала трава под чьими-то ногами, и на опушке леса в двадцати шагах появилась Мария, ведя за руку «девочку» — Сергия в платьице.

— Доброе утро, капитан.

— Доброе, — отозвался Никифор. — Все в порядке?

— Скоро увидим, — коротко отозвалась ведунья, наклонилась к «серебряному мальчику». — Есть хочешь, Беленький?

Сергий покачал головой.

— Не-а... пить хочу.

Мария достала термос, налила малышу чаю, отломила шоколаду. Сергий с удовольствием начал лизать плитку.

Все смотрели, как он это делает, испытывая странное чувство родительской нежности пополам с сожалением. Но сожалели они лишь о том, что это был не их сын.

Из джипа вылез, потягиваясь, заспанный Дмитрий, глянул на встающее солнце, на спутников.

— Кого-то ждем?

— Ираклия, — отозвалась Мария. — Он уже должен был быть здесь, но задерживается. Это меня беспокоит.

— Приедет, никуда не денется. Далеко еще до Новгорода?

— Километров двадцать. Садитесь, поехали.

Дмитрий сбегал за кустики, мужчины заняли места, и джип выехал по узкой лесной дороге на шоссе, почти пустое по причине раннего времени.

— Где мы остановимся в Новгороде? — спросил Тарасов, продолжая вести машину.

— Можно у моей тетки Василисы, — предложил Дмитрий. — Она живет одна недалеко от кремля, на улице Толстого.

— Я город не знаю, — предупредил Тарасов, — будете подсказывать, куда ехать.

— Хорошо, едем к твоей тетке, — согласилась Мария, выглядевшая непривычно усталой. — Это неплохо, что она живет рядом с кремлем. Там мы встретимся с Ираклием и разойдемся.

Разговоры прекратились. Все прониклись ответственностью поставленной перед ними задачи и привели себя в состояние боеготовности.

Джип миновал Волотово, поплутал по улицам окраины города, пересек мост через Волхов и вскоре обогнул слева Новгородский кремль. Улица Льва Толстого была короткой и отходила от кремля, как спица колеса от ступицы в числе десятка других таких же улиц-«спиц», упираясь в «обод» — улицу Черняховского. Дмитрий показал поворот, и джип въехал во двор старинного шестиэтажного здания с лепными карнизами.

— Вылезайте, приехали.

— Сначала проверьте, дома ли тетка, и поговорите с ней, — посоветовала Мария. — Вдруг она нас не примет.

— Уверен, примет. — Дмитрий послушался, вылез. — Просто ее может действительно не быть дома, она дама подвижная. Сейчас проверю.

Он исчез в подъезде.

— Мне здесь не нравится, — вдруг сказала Мария. — Не могу понять, что именно.

— Конунги? — понизил голос Тарасов, переглядываясь с Никифором.

— Нет, не конунги, их появление «звучит» иначе...

— Работаем! — жестко сказал Никифор, доставая из сумки пистолет и засовывая его под ремень брюк за спиной.

Тарасов тоже достал оружие, но другое — «глушак».

— Сидите в машине, — подмигнул он Сергию, — не высовывайтесь. Мы посмотрим вокруг и вернемся. Ты налево, я направо. Джип из поля зрения не выпускать.

Хмель вышел первым и неторопливо двинулся мимо подъезда, в котором скрылся Дмитрий, к другому подъезду, возле которого стояли несколько стареньких иномарок и новая «Волга» цвета «мокрый асфальт».

Тарасов же пересек уютный чистенький дворик и свернул к дому, стоявшему перпендикулярно тому, в котором жила тетка Булавина. Ему попались навстречу две женщины среднего возраста и девочка, а также старик-инвалид с костылем и крутобедрая девица с ярко-красными губами. На девицу он не обратил внимания, а вот взгляд инвалида Глебу не понравился. Это был взгляд человека, а н а л и з и р у ю щ е г о ситуацию. К тому же старик не ушел со двора, а продолжал подолгу возиться у мусорных баков, делая вид, что ищет бутылки.

Еще больше не понравилось Тарасову поведение женщин с девочкой. Они вошли в подъезд соседнего дома, вышли, постояли с минуту, о чем-то беседуя, и направились к старику-инвалиду. Затем все четверо посмотрели на джип — о д н о в р е м е н н о! — и снова разошлись.

«Зараза! — с досадой подумал Тарасов, направляясь к машине. — Это же «матрица слежки»! Мария правильно оценила атмосферу: за двором следят. Неужели нас здесь ждали?..»

Он залез в кабину, проговорил сквозь зубы:

— Влипли! Во дворе з а с а д а.

— Я так и поняла, — спокойно отозвалась Мария. — Наверное, за родственниками Булавина, да и за вашими тоже,

установлено наблюдение на случай вашего появления. Надо будет учесть это в дальнейшем. Что вы думаете делать?

— Вернутся Никифор и Дима, сообразим.

— Если это засада, почему же на нас не напали сразу, как только мы остановились?

— Они не знают, кто мы, и сколько нас в джипе, и как мы вооружены. Стратегия засады — не выявлять себя до самого последнего момента.

— Как же вы определили, что это засада?

Тарасов пошевелил пальцами с легкой улыбкой.

— Флюиды. Я занимаюсь такими делами много лет, и подсознание срабатывает само. — Он снова подмигнул Сергию. — Не боишься, Беленький?

— Не-а, — ответил мальчик и ткнул Глебу пальцем в рубашку на груди. — Рука...

Глеб непонимающе посмотрел на свою грудь, потом сообразил, вынул талисман на ремешке.

— Ты это имел в виду? Это амулет, и он действительно называется «Рука Бога». Потрогай, если хочешь, не бойся.

— Я не боюсь.

Сергий дотронулся пальчиком до кругляша амулета, и тот на мгновение оделся сеточкой голубых молний, так что Тарасов едва его не выронил. «Серебряный мальчик» засмеялся.

— Это оберег... хороший внутри... строгий и добрый...

Глеб встретил взгляд Марии.

— Он видит суть вещей, — пояснила ведунья. — Иногда я ему даже завидую. Где же Булавин, в конце концов?

Тарасов спрятал талисман под рубашку, ощущая его необычное тепло. Впечатление было такое, будто он нагрелся на солнце.

— Пойду к нему.

Из подъезда вдали вышел Никифор, направился к джипу, но вдруг замедлил шаг, заметив инвалида у мусорного бака. Инвалид отвернулся. Никифор быстро зашагал к джипу и забрался в кабину.

— Влипли! — выдохнул он, выбирая то же выражение, что и Тарасов. — Это ЧК! Инвалида видел?

— Ну?

— Это сам полковник Гвоздецкий собственной персоной! Жаль, что я его пожалел на базе.

— Ты уверен? С чего бы это твою ЧК направили в Новгород наблюдать за домом родственницы Булавина?

— Не знаю, но факт остается фактом: это Кирилл Наумо-

вич Гвоздецкий, начальник ЧК. Он меня тоже узнал. Странно, что они медлят.

— Я тоже такого мнения.

Хмель и Тарасов обменялись взглядами.

— Дмитрий!

— Точно! Они, наверное, ждали его в квартире одного, и он сам к ним заявился!

— Пошли! — дернулся к дверце Никифор.

— Погоди, давай работать согласованно. Я возьму твоего Гвоздецкого, ты иди выручай Диму.

— Согласен. Ну, с-собаки, неужели они способны выстрелить в своего бывшего сотрудника? Мы же три банды вместе брали!.. — Никифор захватил «ерш» и вылез из кабины, скрылся в подъезде.

— Сядьте за руль, — хладнокровно сказал Тарасов, вылезая. — В случае чего попытаетесь скрыться.

— Стойте! — шепотом воскликнула Мария; глаза ее снова почернели. — Я поняла! Вы не зря удивились, что здесь Булавина ждет ЧК. «Чрезвычайка» не должна была знать о существовании Дмитрия, его знали только профи из ФАС.

— Хорошо, допустим. Что из этого следует?

— Наш главный противник в нынешние времена — НРИ, в руках лидеров которой есть «лунный свет». Понимаете?

— Пси-генератор?

— Система внушения виртуальной, несуществующей реальности.

Глеб зачарованно посмотрел в глаза женщины.

— Вы думаете...

— Они включили «лунный свет»! В Новгороде тоже есть храмы БЕСа, один из них вполне может использоваться в качестве усилителя поля.

— И он сейчас действует на нас!

— Внушая те страхи и опасения, которые мы предполагаем встретить.

— Дьявольщина! Как это можно проверить?

— Никак. Надо только ждать. Если на нас нападут...

Тарасов покачал головой.

— Тогда будет поздно что-либо предпринимать. Мы потеряем свободу маневра и, может быть, свободу вообще. Лучше перебдеть, как говорил киношный герой.

— Хорошо, действуйте, — согласилась Мария, пересаживаясь за руль. — Я буду ждать вас до последнего. Но прошу

вас — не начинайте боя без основательных причин, не стреляйте во все, что движется.

— Панике не обучены, — скупо усмехнулся Тарасов, направляясь к инвалиду, присевшему на корточки у последнего мусорного бака с сигаретой в руке.

— Эй, дед, дай закурить.

Старик оглянулся, проворно сунул руку за пазуху, и Глеб, холодея, ожидая выстрела, нажал на спусковую кнопку «нокаута». Инвалид вздрогнул, обмяк, осел на колени, сигарета выпала у него из ослабевших пальцев, а из правой руки тяжело шлепнулся на землю длинноствольный пистолет «волк».

Что-то прошумело над головой.

Голубь?

Глеб поднял голову, но ничего и никого не увидел, хотя ясно слышал удаляющийся шум крыльев.

Что за чертовщина?!

Он с силой протер глаза кулаком, но добился лишь того, что предметы вокруг стали двоиться. А пистолет, выпавший из руки старика, и вовсе исчез.

Что же это творится?!

Кто-то окликнул его.

Тарасов напрягся, стряхивая налипшую на голову, невесть откуда взявшуюся паутину, и услышал тонкий голос Марии:

— Глеб Евдокимович, сюда!

Ничего не понимая, зашагал к джипу, пошатываясь, но с каждым шагом ему становилось легче и легче, и у машины совсем отпустило. Предметы перестали двоиться и плыть, земля под ногами успокоилась, невидимые птицы перестали летать над головой, исчезла «паутина».

— Что со мной?! — прошептал он.

— Излучение действует на сознание, заставляя вас видеть то, чего нет. Быстрее идите за Хмелем и Булавиным, они не имеют оберега, и им труднее отстроиться от воздействия извне. Как бы они не натворили там дел...

Со звоном вылетело стекло на третьем этаже.

Тарасов вздернул голову, оценивая разлет осколков: в стекло явно стреляли. Тогда он побежал.

В подъезде разговаривали двое мужчин, очень похожих на Тихончука и Черкеса, но Глеб помнил слова ведуньи и стрелять в беседующих не стал, лишь крепче сжал в руке талисман.

Взбежал по лестнице на второй этаж, едва не сбив молодого человека (вылитый Роман!), извинился на бегу.

Третий этаж. Три двери. Где же тут квартира тетки Дмитрия? Если судить по разбившемуся окну, то здесь!

Рванул дверь на себя и едва успел уйти от выстрела, в прыжке ударил Никифора по руке.

— Не стреляй, свои!

— Япона мать! — изумился Хмель, сдерживая ответный удар. — Я думал — кто-то из моих бывших сослуживцев! Уходим отсюда, здесь только Славка-снайпер, я его уложил, да тетка Булавина, со страху упала в обморок.

Глеб молча кинулся в квартиру и увидел лежащего ничком на полу Дмитрия. Женщина средних лет сидела в халате в кресле с закрытыми глазами, но дышала. Это, очевидно, и была тетка Василиса.

— Чем ты его? — нагнулся к Дмитрию Тарасов.

— «Ершом» достал, — приблизился Никифор. — А что? Еще бы немного, и он бы меня по стенке размазал! Дерется как дьявол!

— Это Дима. Забираем его и уходим.

— Что?! Какой Дима?! — вытаращился Хмель.

— Слепой да безглазый. Булавин это, напарник наш! Ты его принял за Славку-снайпера.

— С ума ты сошел! Я же не слепой...

— Значит, слепой. Посмотри внимательно. Бери под руки, понесли, потом все объясню.

Сбитый с толку Никифор нагнулся над Булавиным, хмыкнул, но, повинуясь жесту Глеба, подхватил Дмитрия, парализованного иглой «ерша», под мышки, Глеб взял за ноги, и они понеслись вон из квартиры, прыгая через две ступеньки. Дважды им попадались навстречу какие-то люди, Тарасову напомнившие сотрудников группы «Хорс», а Хмелю — «чекистов», обоих так и подмывало бросить Булавина и начать драку, но Глеб уже несколько привык к страху нападения и не реагировал на «врагов», а очумевший от происходящего Никифор, глядя на него, так и не осмелился начать стрельбу.

В «грохоте» виртуальных автоматных очередей, несущихся в них отовсюду, триада пересекла двор, кое-как погрузилась в джип, и Мария вывела машину со двора.

И вдруг все кончилось!

Тарасову и Хмелю перестали повсюду мерещиться знакомые физиономии, оба недоверчиво поглядели друг на друга, на лежащего с бледно-зеленоватым лицом Дмитрия, на Марию, и только тогда сняли ладони со скрюченными от напряжения пальцами с рукоятей пистолетов.

— Действительно, Дима!.. — тупо сказал Никифор. Выругался сквозь зубы. — Извините... Я же мог его!.. Что это было?

— Пси-атака, — хмуро проговорил Тарасов. — Наши преследователи, естественно, не знали, где мы остановимся, и включили пси-генератор по площади, в надежде на подчинение нашей психики. Как видишь, кое-что им удалось. Продлись атака еще немного... — Глеб повернулся к Марии. — Неужели от излучения нет никакой защиты?

— Есть, — ответила женщина, сосредоточенно глядя на дорогу. — Собственная воля. Или специальные защитные шлемы. Но ведь нельзя же в них ходить средь бела дня, как в шляпе.

— Но я же точно узнал Славку! — взорвался Никифор.

Сидевший рядом с ним Сергий положил ему ручонку на локоть, и капитан замер, посмотрел на малыша удивленно, расслабился. Сказал удрученно, но уже гораздо спокойнее:

— Кажется, я действительно сплоховал?

— Ты не виноват, — покачал головой Тарасов. — Но хорошо бы нам все же как-то научиться защищаться от пси-излучения. Бесовских храмов сейчас везде полно, любой может превратиться в усилитель поля. Кстати, куда мы едем?

— Уже приехали. — Мария остановила машину у зубчатой стены Новгородского кремля. — Придется ждать Федотова здесь. Без него наш поход теряет смысл.

Где-то высоко в небе затрубила труба.

И тотчас же Тарасову показалось, что над городом зависла гигантская рука и начала шарить по улицам, искать беглецов, постепенно приближаясь к ним.

Никифор схватился за оружие.

— Кажется, это опять они! Видите двоих у киоска? Это Жека и Лёнчик!

— Успокойся, — тронул его за плечо Тарасов, хотя ему самому снова начинали мерещиться знакомые лица. — Похоже, эти гады опять включили аппаратуру пси-воздействия. Надо выбираться отсюда, и побыстрей.

— Да я не возражаю, но уж очень этот тип похож... — Никифор бросил руку к пистолету, но встретил взгляд мальчишки и криво улыбнулся. — Вот досада, малыш, а?

Сергий еще раз погладил его по руке. Никифор прислушался к себе, закрыл глаза, посидел так немного, открыл. Глаза его стали круглыми.

— Кажется, отпустило... Действительно, никого нет...

Тарасов внимательно пригляделся к нему, посмотрел на Марию, ответившую ему понимающим взглядом. «Серебряный мальчик» каким-то образом с н я л с Никифора пресс внешнего пси-давления.

— А его можешь привести в сознание? — кивнул капитан на Дмитрия.

Сергий послушно погладил Булавина по руке.

Рука чуть вздрогнула, потом дернулось веко, затрепетали ресницы, Дмитрий пошевелился, глубоко вздохнул и открыл затуманенные глаза. Щеки его порозовели.

— Где я?

— Среди своих, — отозвался обрадованный Никифор. — Как самочувствие?

— Как после горного обвала... голова трещит... хотя нет, успокаивается. — Дмитрий огляделся. — Как я здесь очутился? На меня напал майор Дегтярев, новый начальник КОП, и дальше я ничего не помню...

— Это был я, — удрученно признался Никифор. — Принял тебя за своего напарника из ЧК. А ты меня за майора.

— Не может быть!

— Может, к сожалению. Вот Глеб расскажет.

Тарасов коротко объяснил Дмитрию, что произошло. Никифор виновато вздыхал и отводил глаза.

— Прости, Дима, я тоже поддался этому дьявольскому внушению.

— Так мы когда-нибудь друг друга перестреляем!

— Придется постоянно контролировать ситуацию и держаться вместе, — сказал Тарасов, — тогда не перестреляем. А сейчас ничего не чувствуешь?

Булавин прислушался к себе, нахмурился, выглянул в окошко джипа.

— За нами наблюдают?..

— Они снова включили «лунный свет» через «усилитель» храма.

— Так чего мы ждем? Пока в натуре не примчатся те, кто охотится за нами?

— Вот он! Наконец-то! — вдруг воскликнула Мария, стремительно выскакивая из кабины.

Сзади к джипу пристроилась зеленая «Мицубиси Харизма», из которой вышел Ираклий с ребенком на руках. Мария бросилась к ним, обняла обоих, поцеловала ребенка в обе щеки, и они тут же втиснулись в кабину джипа.

— Еле оторвался, — сказал Ираклий, поздоровавшись со всеми за руку. — Но они буквально сидят на хвосте. Давайте расходиться.

— Кто висит? — нахмурился Никифор,

— Волкодавы «Зубра» и взвод киллерш отдельного батальона спецопераций ФАС.

— Этих я знаю, никого не пощадят.

— Знакомьтесь, — необычно нежным голосом сказала Мария, посадив мальчика, которого привез Ираклий, себе на колени. — Это мой сын Сергей.

— Наш сын, — мягко поправил ее Ираклий. — Он и пойдет с вами вместо Сергия.

В кабине джипа стало тихо. Все рассматривали сына Марии, действительно как две капли воды похожего на «серебряного мальчика». Разве что волосы у него были чуть потемнее, ближе к русому оттенку, да кожа на лице посмуглее, а так с ходу отличить их было невозможно: тот же овал лица, те же голубые глаза, носик-курносик, губки бантиком и роскошная улыбка чистой души.

— Вы так смело рискуете жизнью сына? — пробормотал Никифор, прокашлявшись.

— Мы рискуем всем, — спокойно сказал Ираклий.

— Выйдите из машины на минутку, — попросила Мария негромко. — Я их переодену.

Мужчины вылезли из джипа, поглядывая по сторонам, прислушиваясь к звону невидимой струны: «лунный свет», усиленный храмом БЕСа, продолжал работать и пронизывал весь город волнами пси-излучения, внушающими людям чувства подозрения и страха. Однако члены триады уже перестали реагировать на него слишком бурно, да и влияние Марии и «серебряного мальчика» помогало им отстроиться от внушаемых образов. На Ираклия же, по всей видимости, излучение не действовало совсем.

— Извините, мэтр, — сказал Никифор, поддаваясь внезапному любопытству, — кто вы в иерархии Сопротивления? Если, конечно, это не секрет.

— Я Витязь, — невозмутимо ответил Ираклий, — и муж Марии.

— В чем же состоит ваша работа?

— Область моей ответственности — оператор систем воспитания. Но в данный момент мы с Машей выполняем поручение координатора по защите Сергия.

— Координатор — это Крутов?

Ираклий не ответил.

Помолчали.

— Вот же сволочизм! — проворчал Никифор, морщась, и

добавил в ответ на недоуменные взгляды товарищей: — Я имею в виду психотронику. Если НРИ станет у власти, мы все будем плясать под одну дудку.

Ираклий снова не ответил.

Дверца джипа открылась, появилась невеселая Мария с «девочкой».

— Мы готовы.

— Поедешь дальше на джипе, — покачал головой Ираклий. — Он заговорен. Они пересядут в мою машину. Так будет правильнее.

Мария задумалась на мгновение, глянула на его непреклонное лицо, на лица спутников и залезла обратно. Прижала к себе второго мальчика.

— Ты все понял, малыш?

Мальчик серьезно кивнул.

— Делай, что скажут наши друзья, и ничего не бойся. Скоро встретимся. Я тебя люблю.

Мария еще раз поцеловала сына, Ираклий протянул руку, помог ему выбраться из машины и повел к «Мицубиси». Мальчик смешно засеменил ногами. На одно мгновение Тарасову показалось что-то знакомое в походке мальчугана, но, возможно, это было следствием переодевания: до этого он ходил в платьице, изменявшем походку.

— Капитан, — окликнула Тарасова Мария. — Я надеюсь на вас. Сделайте все возможное... и невозможное, но...

— Я понял, — кивнул Глеб. — Парни, забирайте сумки.

Хмель и Булавин вытащили сумки со снаряжением.

— Есть всего лишь один метод защиты от «массивного» пси-нападения, — добавила Мария. — «Заземление», то есть подсоединение к эгрегору с достаточно большим количеством единомышленников. Если придется туго — попытайтесь.

Дверца закрылась. Джип сорвался с места, исчез за поворотом кремлевской стены.

— Поехали, — подозвал их рукой Ираклий. — За город я выеду с вами, потом пересяду.

Мужчины молча подхватили свои сумки и заняли места в «Мицубиси». Ираклий тут же погнал машину к мосту и дальше, к окраине Новгорода.

Глеб взял на колени сына Марии, от которого исходило то же ощущение «пушистости», что и от «серебряного мальчика», сказал на ухо:

— Ты меня не боишься, малыш?

— Не-а, — отозвался тезка «серебряного мальчика» с кротким простодушием.

Джип миновал площадь Строителей, забитую мотоциклами всех видов, затем пост ГИБДД, устремился по Ленинградской улице в сторону Санкт-Петербурга, однако уже на выезде из города, перед Трубичином, Ираклий вдруг замедлил скорость, а потом и вовсе остановился, не доехав до моста через речку Стипенку около трехсот метров.

— Все-таки они успели перекрыть дороги, шакалы!

Впереди просматривались какие-то легковушки с мигалками и два вазовских микроавтобуса, прижавшихся к мосту с двух сторон в ожидании неких событий.

— Ты думаешь, это по нашу душу? — засомневался Никифор, незаметно для себя переходя на «ты».

— Эти «Газели» гнались за мной чуть ли не всю ночь.

— Откуда они знали, что мы поедем этой дорогой?

— Из Новгорода можно выехать разными дорогами, но стратегических только две — в Москву и в Питер. Вот они и перекрыли обе.

— Не понимаю. — Хмель хмуро смерил взглядом Ираклия. — Почему же ты направил нас сюда?

— Потому что мы о б я з а н ы идти напролом и вести за собой погоню, — сказал Тарасов. — Только так Мария с мальчиком будут в относительной безопасности. Хоть бы она сумела выбраться из города.

— Она выберется, — уверенно сказал Ираклий. — Итак, ваши предложения, судари мои? Будем прорываться с боем?

Тарасов вдруг вспомнил слова Марии о присоединении к эгрегору.

— Постойте, у меня идея...

Все обернулись к нему.

— Помните, мы проехали какую-то площадь?

— Строителей, там обосновались байкеры. В Новгороде вчера проходило байк-шоу, и таких таборов около десятка разбито по стадионам и площадям.

— Давайте присоединимся к ним и попросим выехать из города по Питерской трассе.

В джипе установилось молчание. Профессионалы обдумывали предложение и не спешили его критиковать.

— Идея неплохая, — сказал наконец Никифор. — Но вряд ли мы их уговорим.

— Это моя забота.

— «Глушак»? — догадался Хмель.

— Сначала я попробую купить вожака. Если не получится, тогда пустим в ход «нокаут».

— Согласен, — бросил Ираклий, разворачивая «Мицубиси».

Через десять минут они вернулись на площадь Строителей, оккупированную мотоциклами всех видов, от туристических, комфортабельных и тяжелых, с мощными обтекателями, кожаными креслами со спинками и подлокотниками, до спортбайков, узнаваемых по особому профилю с «горбатым» бензобаком и агрессивным обтекателем, закрывающим весь передок и двигатель. Дмитрий и Никифор мало были знакомы с этой двухколесной техникой, хотя и проходили курсы спецвождения, Тарасов же был к ней неравнодушен и знал, чем отличается класс эндуро от класса чопперов.

Оставив машину у почтамта с Дмитрием и Ираклием, Тарасов и Хмель направились к центру табора, где торчала мачта с флагом байкеров: закованный в латы рыцарь на помеси коня и мотоцикла на бело-голубом фоне. За двадцать шагов до флага их остановили трое здоровенных парней в «прикидах» байкеров: кожаные безрукавки, перчатки без пальцев, цепи, эмблемы, бляхи, «молнии», стриженые или бритые затылки, «петушиные» гребни разного цвета на головах, татуировки, небритые или вовсе бородатые лица. И весьма специфические запахи. Мылись байкеры редко.

— Сюда низзя, — лениво сказал утробным басом центральный бугай, вдвое шире Тарасова. — Валите отсюда.

Очевидно, троица олицетворяла местную секьюрити.

— Мы к боссу по делу, — кротко сказал Тарасов.

— Босс отдыхает и делегаций не принимает.

— Нас примет.

— Это ж какого фига?

— Мы из органов. — Никифор показал одно из своих удостоверений. — Поговорить надо.

Здоровяки переглянулись.

— Катись отсюда, орган. У нас свои законы.

Дружки бугая захихикали.

— Если вы сейчас же не пропустите нас, — ровным голосом сказал Тарасов, — через пять минут здесь будет ОМОН, и я тебе обещаю, пузатый, чумовую бузу. Усек?

— Пропусти их, Слон, — раздался из толпы байкеров и байкерш чей-то хриплый голос.

— Проверить на предмет оружия?

— Не надо.

— Идите, — буркнул бугай по кличке Слон, отступая.

Тарасов и Хмель подошли к расступившимся парням, остановились перед увальнем в коже, с золотой цепью на шее и с пальцами в перстнях. Увалень сидел на стуле, закинув ноги в ботинках со шпорами на сиденье мотоцикла, пил пиво и выглядел мирно.

— Кто вы и чего хотите?

— Поговорить без свидетелей.

— Они из органов, — доложил из толпы Слон.

— Это интересно. — Вожак табора расслабленно двинул рукой, мотоциклисты стали расходиться, с любопытством разглядывая гостей. — Ну, слушаю.

— Нам нужны три мотоцикла, — сказал Тарасов.

— Чо?! — Владелец золотых перстней изумленно захлопал глазами. — Чо ты сказал? Или я чо-то висну?

— Нам нужны три мотоцикла, — терпеливо повторил Тарасов. — Естественно, не задаром.

Вожак байкеров заржал, потом пренебрежительно скривил губы.

— И чо ты можешь предложить? Знаешь, сколько стоят наши аппараты?

— Не больше полутора-двух тысяч «зеленых». Мы предлагаем обмен: ты выделяешь нам мотоциклы, мы отдаем свою тачку.

— Что еще за тачка?

— «Мицубиси Харизма», вон стоит на другой стороне площади. Новая, еще двух тысяч километров не пробежала. И не в угоне. Ее стоимость тебе известна?

— Ха! — сплюнул вожак. — Сбрендили, тихари! Да за такую можно шесть аппаратов купить! — Он подозрительно оглядел гостей. — А сами-то что ж не продадите и не купите? Дешевле обойдется.

— У нас нет времени. Мало того, ты объявишь своим об отправлении и выедешь вместе с нами из города в сторону Питера.

Вожак хмыкнул, почесал за ухом, прищурился.

— Знаете что, органы, валите-ка отсюда. Я с криминалом не связывался и не собираюсь. Понятно? И тачки вашей не нужно. Слон!

— Не спеши. — Тарасов достал свое удостоверение. — Мы действительно из органов и к криминалу у нас отношение — через прорезь прицела. Нам очень нужно выехать из города, причем немедленно. Если хочешь, можем добавить к тачке одну интересную штуковину.

— Какую?

— «Ёрш» называется. Стреляет усыпляющими иглами.

Вожак снова почесал себя за ухом.

— А не обманете?

— Мамой клянусь! — ответил Никифор вместо Глеба.

Вожак помедлил, соображая, какую бы выгоду еще выторговать, не придумал и махнул рукой, подзывая кожаных секьюрити:

— Уезжаем. Вы двое и ты, Коротышка, — вожак ткнул пальцем в хилого бородача, — остаетесь, ваши аппараты я реквизирую в пользу органов. Завтра пригоню новые, дождетесь здесь.

— Да ты что, Хирург? — начал было спорить бородач и замолк, получив подзатыльник от Слона.

— Тебе сказали — ждать, — рявкнул бугай, — вот и спольняй!

— Пошли тачку смотреть, — поднялся вожак.

Через полчаса Хмель, Дмитрий и Тарасов с мальчишкой попрощались с Ираклием и сели на «Туристы» с большими багажниками, где разместились сумки с экипировкой триады.

— Ни пуха... — помахал им рукой Ираклий. — Я буду за спиной.

— К черту, — проворчал Хмель.

Еще спустя десять минут стадо мотоциклов, чадя, грохоча, стреляя выхлопными трубами, заполнило улицу и помчалось к выезду из Новгорода. Ни милицейский патруль на мосту через Стипенку, ни спецназ Федерального антитеррористического центра, ориентированный на перехват легковых автомашин с беглецами, останавливать байкеров не рискнули.

Вскоре перед грохочущей колонной развернулась лента шоссе, ведущего ко второй столице России — Санкт-Петербургу.

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ

До Тихвина доехали без особых приключений и переживаний в составе кавалькады мотоциклистов численностью в сорок мотоциклов и пятьдесят с лишним голов. Затем Хирург остановил колонну и вежливо сообщил Тарасову, что дальше они не поедут. Попрощались почти сердечно, пожав друг другу руки.

— Кто бы вы ни были, — произнес вожак, оказавшись не таким уж и тупым, каким казался с виду, — удачи вам. А правда, что вы из органов?

— Правда, — серьезно подтвердил Тарасов. — Особое подразделение по защите свидетелей. Спасибо вам, вы нам очень помогли.

— Да чего там, — засмущался Хирург, — все мы человеки, токо разные. Да и мы не внакладе остались. Загоним вашу тачку и рванем на юга, к морю.

Стадо байкеров развернулось и в пыли, бензиновом чаду и грохоте умчалось по шоссе назад, к Новгороду. Троица защитников дублера «серебряного мальчика» молча глядела им вслед. Затем Никифор достал из сумки пластмассовую бутыль с квасом, которую они купили по пути, приложился к ней, сделал несколько глотков и сплюнул. Квас был теплый и слишком сладкий.

— Итак, первый этап мы прошли неплохо, господа охранники. Что там у нас по плану следующее?

— Тихвин, — сказал Тарасов. — Потом Лодейное Поле.

— А почему бы нам не рвануть напрямик в Онегу? Зачем давать кругаля? Ведь наверняка есть дорога покороче.

— Мы обязаны соблюдать график движения и трассу, чтобы преследователи успевали следить за нами, но при этом отставать на полшага. Поэтому сейчас мы проследуем через Тихвин и свернем к Лодейному Полю.

— А дальше?

— Дальше будет видно. Может быть, в Петрозаводск заезжать не придется, направимся сразу в Медвежьегорск, где нас будет ждать обещанный Марией проводник.

— Перекусим?

— Пообедаем в Тихвине. — Тарасов положил руку на плечо сына Марии, сидевшего сзади. — Есть хочешь?

— Не-а, — ответил мальчишка, вовсе не выглядевший уставшим. Для него бегство с почти незнакомыми дядями было лишь интересным приключением.

— Тогда вперед.

Глеб завел мотоцикл и выехал на шоссе. За ним пристроились остальные «Туристы».

Тихвин показался через двенадцать километров после Новоандреева. Это был небольшой русский городок с двумя церквами, историческим музеем на базе старинной крепости, Домом культуры, пивкомбинатом, пряничной фабрикой и военной частью, принадлежащей железнодорожным войскам. Его архитектура почти ничем не отличалась от архитектуры других таких же провинциальных городков русской глубинки и могла бы послужить моделью для лубочной картинки «Пиво с пряниками», если бы не выросший на берегу речки Тихвинки высокий пирамидальный храм, принадлежащий Братству Единой Свободы. Он был деревянный, из бруса, но выглядел мрачным и тяжелым, ч у ж и м всей местной природе и русскому колориту.

Дорога шла мимо него, и у проезжавших мимо мотоциклистов в недобром предчувствии сжались сердца. Храм вполне мог послужить усилителем пси-поля, намного осложнявшим задачу защитников «серебряного мальчика».

Остановились в центре города у кафе «Семен Семеныч», имевшего собственную стоянку для автомобилей. Почему им захотелось вдруг остановиться именно здесь, хотя собирались поначалу обедать на окраине города, в менее крутом заведении, стало понятно позже. Мало того, Дмитрий предложил сесть в отдельном кабинете — кафе имело помещения для желающих покушать индивидуально, — и все согласились, хотя опять же по правилам спецназа должны были обеспечить себе круговой обзор и возможность удалиться через запасной выход.

Официант принес меню.

— Принеси холодной минералки, — попросил Тарасов и, когда официант вышел, быстро добавил: — Парни, не кажется ли вам, что мы здесь н е п о с в о е й в о л е?

Никифор скептически хмыкнул.

Дмитрий вопросительно посмотрел на Глеба, прислушался к своим ощущениям.

— *Знаешь, что-то мне действительно не по себе...*

Вошел официант, принес запотевшую бутылку боржоми.

— Ваша минералка.

Тарасов протянул руку к бутылке и вдруг понял, что это н е о ф и ц и а н т! На него смотрел черноволосый, с густой проседью мужчина средних лет с пронзительно-черными умными глазами. Он был одет не по-летнему в темно-серый костюм и серый свитер.

Глеб цапнул за спиной пистолет.

Незнакомец усмехнулся, и Тарасов почувствовал, что плечо онемело и он не может пошевелить рукой.

— Разрешите присесть на минутку? — сказал гость насмешливо-вежливым тоном.

Никифор и Дмитрий переглянулись, посмотрели на Глеба.

— Кто вы? — спросил тот, стиснув зубы.

— Я грэй. — Незнакомец сел, подмигнул Сергею, глядевшему на него во все глаза. — Привет, Светлый. Как дела?

— Хорошо, — несмело ответил малыш.

— Ну и отлично, что хорошо. Стало мне любопытно, кто же это колеблет мое ментальное пространство, вот я и решил проверить. Только большая просьба — не хватайтесь за оружие, я ничего вам не сделаю. Лады?

Тарасов кивнул. И тотчас же руку отпустило.

— Грэй — это имя или фамилия? — поинтересовался Хмель.

— Скорее характеристика мастерства, — ответил черноволосый, продолжая разглядывать мальчишку.

— Вы колдун, — заявил вдруг Дмитрий. — Но не черный, не конунг...

— А серый, — закончил Тарасов, в свою очередь рассматривающий гостя. Иногда ему начинало казаться, что у человека напротив в темно-сером костюме отсутствует половина лица. Либо голова его вдруг теряет плотность, становится туманным пятном и проваливается в туловище.

Грэй почувствовал взгляд капитана, внимательно посмотрел ему в глаза, осмотрел наблюдавших за ним мужчин. Дернул уголком губ, намечая улыбку.

— Да, все правильно, вы — монада духа, реализованная в триаде, весьма редкое явление, надо признаться. С такой реализацией я сталкиваюсь впервые. Впрочем, волхвы действительно великие кудесники по части выращивания единомышленников. Итак, куда же вы направляетесь, господа защитники отечества?

— Чего вам надо? — вопросом на вопрос ответил хмурый Никифор.

Из всех членов триады он был самым нетерпеливым (относительно, конечно) и готовился, если потребуется, начать бой первым.

— А вот грубить не стоит, — спокойно покачал головой незнакомец. — Это моя территория, и хозяин положения — я.

— Плохо верится, — сказал Тарасов. — Если бы вы были здесь х о з я и н о м, в Тихвине не свило бы гнездо Братство Единой Свободы.

— Оно мне не мешает, — возразил грэй. — Да и храм БЕСа является для меня своего рода испытательным полигоном.

— Вы тоже используете его в качестве пси-усилителя?

— Ого, вы знаете такие тонкости?

— Посвящены.

— Что ж, хвала и слава. — Грэй поднялся. — Спасибо за беседу, я удовлетворен. Можете следовать дальше, в этом городе и его окрестностях вас н и к т о не остановит. В Лодейное Поле лучше ехать через Часовенское, а не через Алеховщину. — Он посмотрел на по-прежнему не сводившего с него глаз мальчика, подмигнул ему. — Долгия лета, Светлый, расти большой и умный. Рад был познакомиться.

Грэй исчез. Не вышел из комнаты, а просто исчез.

Оставшиеся молча смотрели на то место, где он только что стоял.

— Чего он от нас хотел? — наконец нарушил молчание Никифор.

— Познакомиться хотел, — задумчиво сказал Дмитрий. — Причем, я так подозреваю, не с нами.

— А с кем?

— Вот с ним. — Дмитрий кивнул на сына Марии.

— Шутишь? Впрочем, это не развеивает моих сомнений. Как он определил, что это мы? По запаху, что ли?

— Может быть, и по запаху, — не менее задумчиво проговорил Тарасов, с некоторым сомнением глядя на белую головку Сергея. — Меня больше настораживает другое. Грэй з н а е т, куда мы направляемся.

Вошел официант с бутылкой «Святого источника».

— Ваша минералка... — Он в замешательстве уставился на бутылку боржоми на столе. — Извините, я, кажется, забыл, что уже принес...

— Ничего, оставьте бутылку. — Глеб сделал заказ себе и Сергею. — Теперь ваша очередь.

Записав заказы, официант вышел, расстроенный.

— А давайте не будем следовать советам этого прохвоста, — предложил Никифор. — Почему это нам лучше ехать через Часовенское, а не через Алеховщину?

— Он не прохвост, — покачал головой Дмитрий, — а очень сильный маг, раз владеет искусством передвижения с помощью телекинеза или... как там этот способ называла Мария?

— Легкоступ.

— Вот-вот. Хорошо, что серые маги не связаны с черными и действуют самостоятельно. И все же я тоже склоняюсь к мнению Никифора.

— Решено, на развилке поворачиваем в сторону Алеховщины, — кивнул Тарасов. — Заодно проверим, чего стоят советы грэев.

Пообедав, они снова уселись на мотоциклы, выехали из Тихвина, где их ждал серый маг, и в Кайваксе повернули направо, на Бор и Сарожу, по дороге, ведущей к Лодейному Полю через село Алеховщина, а не через Часовенское, как советовал серый маг.

До Усть-Сары домчались быстро. Посты ГИБДД не обращали на них внимания, а сзади не появлялось ни одной подозрительной машины, похожей на погоню. Лишь поближе к вечеру в стороне от шоссе пролетел вертолет.

От Усть-Сары до Алеховщины оставалось около двадцати километров, всего четверть часа езды, и когда маленькая группа «байкеров» двинулась в путь, у Тарасова вдруг возникло ощущение, что в Усть-Саре их ждут неприятности. Однако выглядеть перестраховщиком в глазах товарищей ему не хотелось, и о своих ощущениях он говорить не стал.

Дорога пересекла реку Сить, уперлась в селение, деля его на две части. На въезде мотоциклистам никто не встретился, все было спокойно, в вечереющем воздухе была разлита особая неспешная благодать, рабочий день закончился, и вдоль обочин тянулись к домам стайки жителей Алеховщины, возвращавшиеся с работы. На мотоциклистов они не обратили никакого внимания. Но стоило группе достичь центра села, как на дорогу сзади выехал откуда-то черный джип, а впереди, на выезде из села, появился микроавтобус, перекрывая дорогу.

Тарасов прижался к обочине, остановил мотоцикл.

— Кажется, приехали.

— Это вертолет, — сказал Никифор. — Помните, протарахтел над лесом? Наверняка выбросил десант. Прав был грэй. Знать бы, с кем мы имеем дело на этот раз.

— Кто-нибудь знает эти места? — спросил Глеб, успокаивающе погладив прижавшегося к нему мальчишку по волосам.

— Я знаю, — отозвался Дмитрий. — Можно вернуться к перекрестку и повернуть направо, на Новинку. Километров через тридцать выедем на Московское шоссе.

— Боюсь, они перекрыли все выезды из села.

— Могу проверить.

— Давай, мы подождем. Очень уж неохота пробиваться с боем.

Дмитрий развернул мотоцикл, доехал до перекрестка, исчез за поворотом.

Микроавтобус «Соболь» продолжал маячить впереди, никто из него не выходил, но обольщаться его мирным видом не стоило, бойцам спецназа требовались доли секунды, чтобы выскочить из машины и открыть стрельбу.

Булавин вернулся через несколько минут, покачал головой.

— Там две машины ДПС с мигалками.

— Понятно. Какие соображения?

— Давайте-ка переодеваться, — предложил Никифор. — Начинается война, пора становиться солдатами. Потом я попробую отвлечь их.

Тарасов в нерешительности потер лоб, глянул на Сергея, цеплявшегося ручонками за ремень его брюк.

— Что скажешь... Светлый?

— Злые дяди, — с готовностью ответил мальчик. — Там и там. Ждут. У них очень длинные глаза...

— Как-как? — заинтересовался Никифор. — Длинные глаза? Что это значит?

— Это значит, что за нами наблюдают в бинокли, — догадался Дмитрий. — А то и через оптические прицелы снайперских винтовок.

— Переодеваемся, — решил Тарасов, поворачивая мотоцикл к воротам ближайшего дома.

Возле ворот стоял ящик с банкой, внутри которой белел листок бумаги. Это означало — здесь продают молоко.

— Эй, хозяин, — позвал Глеб.

Вышла старушка, вытирая руки фартуком.

— Нам бы молочка баночку.

— Посуда есть, касатик?

— Нету, бабуля. Может, найдете литровую баночку? Мы заплатим. И еще мы хотели бы переодеться в чистое. Разрешите?

— Проходи, мил человек, найду я тебе баночку. Больно уж у тебя сыночек хорошенький.

Старушка скрылась в доме.

— Только в России заборы делают из досок, — кивнул Дмитрий на высокий деревянный забор соседнего дома, — а мебель из опилок.

За старушкой по одному прошли в дом Никифор и Дмитрий. Последним переоделся в спецкомбинезон «ратник» Тарасов, вооружившись «винторезом», «горохом» и «глушаком». Теперь они стали военным подразделением, представлявшим внушительную силу, с которой надо было считаться,

учитывая опыт каждого, и командир засады, расположившейся в деревне, должен был это оценить.

Правда, огневая мощь триады оставляла желать лучшего. Глеб пожалел, что они не взяли с собой хотя бы пару гранатометов, но жалеть об этом было уже поздно, пора было выходить на «тропу войны».

— Они знают, что мы на мотоциклах, — сказал Дмитрий, понаблюдав за действиями предполагаемого противника. — Пока вы переодевались, проехало около двух десятков машин, в том числе грузовые, а остановили они только фургон и парня на мотороллере.

— Интересно, где сейчас Ираклий? — задумчиво сказал Никифор, влезая на мотоцикл. — Он же должен быть недалеко отсюда, если собирался подстраховывать нас. Кстати, если бы с нами была Мария, мы бы проскочили мимо засады незаметно. Ну, что, я пошел?

— Подожди, — остановил его Тарасов, задумавшись. — Прорыв — это стрельба, а пуля, как известно, дура. Предлагаю другой вариант.

— Огородами, что ли, и к Котовскому?

— Огородами не уйдем, наши «Туристы» — не танки. Вы двое обойдите микроавтобус без мотоциклов, за домами, а я подъеду.

Дмитрий и Никифор оценивающе посмотрели друг на друга.

— Мне идея нравится, — сказал Дмитрий.

— Работаем, — согласился Никифор. — Жди пять минут, Глеб, и отправляйся. Только отдай «винторез», мне он нужнее.

— Начнете только в самый подходящий момент. Мы не знаем, кто это и чего они хотят. А гору трупов оставлять за спиной не стоит.

— Обижаешь, начальник.

Хмель и Булавин исчезли во дворе дома.

Тарасов взял у хозяйки литровую банку молока, налил Сергею, и тот с удовольствием отпил из стакана. После этого Глеб усадил мальчишку позади себя на мотоцикл, завел двигатель, взгромоздился сам. Медленно вырулил на дорогу и повел двухколесное чудо туда, где глыбой угрозы стоял отечественный микроавтобус «Соболь», вмещавший двенадцать человек.

Предчувствие его не обмануло: этот минивэн ждал беглецов. Однако состав спецкоманды охотников оказался неожиданным даже для Глеба.

Когда до микроавтобуса осталось всего полсотни шагов, из него вышел с небрежным видом... майор Тихончук собственной персоной, в камуфляже, с сигаретой в зубах и с пистолетом-пулеметом под мышкой.

Тарасов остановил мотоцикл. Некоторое время они разглядывали друг друга, словно не виделись очень давно, потом Хохол сплюнул сигарету с губы и подозвал своего бывшего подчиненного:

— Подойди, Старый, поговорить надо. Только не поднимай шухер, шансов у тебя мало. И предупреди своих подельников, чтобы тоже подтягивались сюда. Одно мое слово — и от хаты, где они прячутся, пух полетит.

Тарасов хладнокровно слез с мотоцикла, взял на руки Сергея и связался с напарниками по рации, встроенной в воротник комбинезона:

— Где вы?

— Почти на месте, — еле слышно ответил Никифор. — Видим тебя и парламентера. Задержи его на пару минут. Будь осторожен, зеленая «десятка» на той стороне, очевидно, тоже принадлежит плохим дядям.

Тарасов приблизился к Тихончуку, приглядываясь к нему, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь определить, «настоящий» это Хохол или «наведенная галлюцинация». Но пространство вокруг не «гудело» и не качалось, в глазах не двоились предметы и не мерк свет. Майор Тихончук, командир группы «Хорс», был вполне натуральным.

— Хорошим комбезом разжился, капитан, — кивнул Хохол на «ратник» Тарасова. — Даже у меня такого нет. А пацана где раздобыл? Неужто выкрал у кого? — Тихончук хохотнул. — Под выкуп?

— Кто тебя послал за мной на этот раз, майор? — спокойно осведомился Глеб. — Что ты все время пытаешься перейти мне дорогу? Ведь я тебе ничего не должен.

— Ошибаешься, Старый, должен, — осклабился Тихончук. — Во-первых, ты украл комплект дорогостоящего снаряжения и компьютерную технику, а вернул только часть. Во-вторых, не выполнил приказ. В-третьих, бежал с отягчающими обстоятельствами. Так что давай без фокусов, капитан. Садись в машину, поедем обратно в Москву.

— А если не сяду?

— Тогда мы доставим тебя... в горизонтальном положении. Да и дружков твоих тоже.

Тарасов усмехнулся.

— Ты смелый человек, Владимир Сергеевич, но недалекий и слишком задавленный уставом. Неужели ты веришь, что я вот так сам приду к тебе в руки, не подстраховавшись? На тебя сейчас смотрят два ствола с двух сторон. Стоит мне мигнуть — и пиши пропало. Может быть, договоримся? Ты пропускаешь меня и моих друзей, мы не трогаем тебя и ребят.

Тихончук изменился в лице, нервно оглянулся, бросил взгляд на дома деревни и вынул из бокового спецкармана «глушак».

— Не бери на понт, Старый, знаю я твои штучки...

Сергей вдруг соскользнул с руки Тарасова, подбежал к обалдевшему майору и дотронулся пальчиком до тыльной стороны его ладони.

— Злой дядя... добрый дядя...

Струйка золотистого разряда перетекла с пальца мальчишки на руку Тихончука. Майор вздрогнул, широко раскрывая глаза. Сергей бегом вернулся к Тарасову и спрятался за его ногой.

Открылись дверцы микроавтобуса, оттуда на дорогу выпрыгнули бывшие сослуживцы Глеба Черкес, Роман, Хана, Терминатор и еще трое незнакомых парней. Окружили не двинувшегося с места Тарасова, направляя на него оружие.

— Мы готовы! — донесла рация голос Никифора. — Начинать?

— Нет, — ответил Глеб, посмотрел на мальчика, ответившего ему лукаво-понимающим взглядом, и вновь повернулся к Тихончуку. — Так мы договорились, Владимир Сергеевич? Ты нас пропускаешь?

Тихончук очнулся, преображаясь на глазах.

— Все в машину! Быстро!

— Но, товарищ майор... — удивленно протянул незнакомый мордатый парень с чубчиком и серьгой в ухе.

— Отставить разговоры! В машину!

Команда «Хорс» полезла в микроавтобус. Роман, проходя мимо, затем Черкес — похлопали Тарасова по плечу и спине, скрылись в салоне «Соболя». Дверцы закрылись.

— Уходи, Старый, — сказал Тихончук не свойственным ему доброжелательным тоном. — Мы тебя не видели, ты нас. И будь осторожен. Павлов дал приказ ликвидировать тебя любой ценой.

— Это какой Павлов?

— Генерал, начальник СБ президента. Ну, бывай, удачи тебе.

Тихончук махнул рукой, обогнул микроавтобус, залез в кабину, и машина сорвалась с места, умчалась в сторону Тихвина. За ней отъехала и зеленая «десятка».

— Что ты с ним сделал, Светлый? — нагнулся к сыну Марии Тарасов. — Ты что же, умеешь... колдовать?

— Не-а, — качнул белой головой мальчуган. — Я просто открыл ему глаз.

— Какой глаз?!

— Третий.

На дорогу вышли, пригибаясь, Дмитрий и Никифор.

— Что тут у вас происходит? — прохрипел обескураженный Никифор, не снимая пальца со спусковой скобы «винтореза». — Почему они тебя отпустили?

— Мы им открыли глаза, — честно ответил Тарасов, подмигивая мальчику, и только теперь ощутил облегчение. Все же такого поворота событий он не ожидал. Особенно — инициативы шестилетнего мальчишки, очевидно, многому научившегося у своей матери. И все же не слишком ли самостоятелен парень? Отчего так тих и спокоен? Ведь ни капли страха в глазах!

Тарасов заметил обращенные к нему лица спутников, очнулся.

— По коням! Следующая остановка — Лодейное Поле. Надеюсь, там нас никто не ждет...

Три мотоциклиста мчались по шоссе навстречу садившемуся солнцу, как по дорожке из света и пламени, и звук их машин надежно гасили лесные стены вдоль дороги, не пропуская его к ушам тех, кто искал беглецов по всей Средне-Русской возвышенности.

Лодейное Поле проехали без происшествий, хотя останавливались в самом центре села в чайной — поужинать. Однако до наступления ночи доехать до Петрозаводска не успевали, поэтому остановились в лесу, на перегоне между деревнями Святозеро и Пряжа, на северном берегу озера с одноименным названием.

Мотоциклы загнали в осоку, разбили палатку для одного взрослого и мальчика, развели костер — бездымный и распо-

ложенный таким образом, чтобы огонь не был виден ни с дороги, ни с озера.

К удивлению мужчин, спокойно относившихся к атакам комаров, репеллент от кровососов объекту их защиты не потребовался: комары просто не обращали на мальчика внимания и облетали его стороной. Поразил он членов триады и своим в общем-то недетским поведением.

Сначала Сергей долго, не отрываясь, смотрел на огонь широко раскрытыми немигающими глазами, обхватив колени ручонками, а потом тихонько запел о «горе-злосчастии, о Божественном промысле, о добрых молодцах и красных девицах», и — чудо! — огонь в костре то разгорался, то гас в такт этой нехитрой песенке.

Мужчины слушали своего маленького спутника молча, переглядываясь и удивляясь тому, что готовы сидеть так всю ночь, и разговорились, лишь уложив мальчишку спать.

Поужинали тушенкой с хлебом и горячим чаем с листьями чабреца, которые нарвал Дмитрий.

— Тут грибов полно, — сказал он, показывая два подберезовика и подосиновик. — Если бы не темнота, можно было бы на жаренку набрать.

— Я в грибах разбираюсь слабо, — признался Никифор. — Знаю только, что все грибы съедобны...

— Но некоторые только раз в жизни, — улыбнулся Тарасов.

— Нет, я имел в виду, что если их долго варить, обрабатывать, то грибы можно есть почти все.

— Ну, мухоморы и бледные поганки я бы все же не советовал варить. Хотя ты прав, все зависит от способа приготовления. Захочешь выжить — выживешь, даже не зная многих природных секретов.

— Этому учить меня не надо, жизнь научила. Не раз доводилось оставаться один на один с горами, лесами и болотами. Кстати, в результате наблюдений за природой я выяснил много любопытного. Вы знаете, что олени ловят мышей и едят рыбу?

— Я где-то читал об этом, — сказал Дмитрий.

— А я видел собственными глазами. Да и хищники не всегда следуют законам специализации. Волки, к примеру, любят яблоки и арбузы, а шакалы за милую душу уплетают саранчу.

— Губа у них не дура, саранчу и люди едят.

— Мне тоже приходилось. Главное при этом — не переедать лишнего, живот потом бастовать начинает.

Дмитрий засмеялся.

— На то наш живот и расположен под глазами, чтобы не переедать. Я все-таки предпочитаю русскую кухню.

— Я тоже, но Глеб прав, захочешь выжить — выживешь. Может, поговорим о дальнейших планах? Я бы посоветовал все-таки изменить маршрут и махнуть в Онегу напрямик через леса.

— Мы уже говорили на эту тему, — нахмурился Тарасов. — Наша задача — отвлечь погоню на себя и сохранить сына Марии.

— Ты уверен, что это ее сын? — вдруг спросил Дмитрий, подбрасывая в костер пару веток лапника; повалил густой белый дым, разгоняя комаров.

Тарасов пристально посмотрел на инструктора.

— Ты... заметил?

— О чем вы? — удивился Никифор.

— Так, ни о чем... есть подозрения, что с нами не Сережа, сын Марии и Ираклия, а «серебряный мальчик». Слишком уж знакомо ведет себя, да и способностями обладает далеко не детскими. Чтобы заставить Тихончука не выполнить приказ, отпустить нас, надо было изменить всю его психику.

— Он открыл ему «третий глаз».

— По-моему, такое даже самой Марии не под силу.

— Как это выяснить, что он — «серебряный»? Спросить напрямик? Дети врать не умеют.

— Зачем, будем действовать, как действовали. Уверен, что наш путь контролируют не только враги, но и друзья. Волхвы должны были все рассчитать, иначе какие они, на хрен, маги?

— Мария говорила о каком-то замысле...

— Возможно, наше путешествие — лишь часть этого замысла, достаточно сложного и трудного, а также тест на нашу профпригодность. Короче, будем двигаться по маршруту. В Петрозаводске ни у кого нет знакомых, где мы могли бы остановиться на пару часов?

— У меня есть, — сказал Дмитрий. — Школьный приятель сюда из Вологды переехал, живет недалеко от пристани.

— Он нас примет?

— Думаю, если попросим, пустит отдохнуть. Мы же не собираемся у него ночевать?

— Только искупаемся с дороги и проведем небольшую разведку на предмет наличия в городе наших преследователей. Если они есть — значит, мы идем правильно.

Никифор хмыкнул.

— Не перемудрить бы... Все же нас всего трое, маловато для боя со взводом спецназа.

— Попробуем обойтись без боя. А теперь давайте спать. Кто подежурит первым?

— Я могу, — предложил Дмитрий.

— Хорошо, потом ты, Никифор. В путь двинемся часов в пять утра.

— Переодеваться перед Петрозаводском будем?

— Нет, пусть все видят, что в город въехали мотоциклисты в камуфляже. Переоденемся у приятеля Димы, там же и мотоциклы оставим. Дальше поедем другим транспортом.

— Каким?

— Определим на месте.

Тарасов поднялся, обошел лагерь кругом, прислушиваясь к долетавшим из чащи леса звукам, постоял на берегу сонного озера, посылая мысленный зов Софье, и пошел спать.

НОВГОРОД

МЕЧ УСТ МОИХ

Они собрались на базе Сопротивления в Новгороде, располагавшейся в одном из детских домов города: двое волхвов — Крутов и Ярослав, и три Витязя, зоны ответственности которых — петрозаводская, медвежьегорская и северодвинская — входили в сферу Замысла. Ждали еще одного Витязя, тихонько переговариваясь между собой.

Наконец появился последний участник совещания — Ираклий Федотов, сосредоточенный и суровый.

— Они прошли Лодейное Поле, — сказал он, поклонившись всем, — но тихо, без резонанса. По нашим данным, с ними контактировал грэй.

— Кто именно? — спросил могучий телом, седобородый Ярослав.

— Очевидно, Тимергалин, — ответил за Ираклия Крутов. — Шесть лет назад он получил посвящение и обосновался в Тихвине, где у него свой исследовательский биоэнергетический центр «Алафр» и лаборатория психотроники.

— Откуда он узнал о Замысле?

— Мы дали просочиться кое-какой информации, но не обо всем Замысле, разумеется. Тимергалин нам не опасен, в свое время мы спасли его от верной гибели. Союзником нашим он вряд ли будет, но и чинить препятствий не станет. Но

к делу, судари мои. Общая ситуация такова. Мария с сыном удачно вошла в Замысел и отвлекла на себя конунга Кобягу. Триада движется в графике с «серебряным мальчиком», не подозревая об этом, заставляя напрягаться все оперативные силы НРИ. Скоро конунги поймут, что гонятся не за тем, кем надо, узнают о подмене, замечутся и бросятся в погоню за триадой. Если их удастся заманить в место Силы — задача триады будет выполнена. Наша же задача — п е р е х в а т управления усилителями, то есть эгрегорами храмов БЕСа. И от того, как мы с этим справимся, зависит и исполнение Замысла, и жизнь наших людей, и... будущее России.

— Мы это понимаем, координатор, — сказал петрозаводский Витязь. — Мой оператор готов к перехвату.

— Мой тоже, — добавил медвежьегорский Витязь.

— Я могу гарантировать встречу в Северодвинске, — сказал северодвинский Витязь, — но до Белого моря они могут не дойти. Их перехватит в Онеге конунг Аксель Чертков.

— Замысел рассчитан на встречу с конунгами, — прогудел Ярослав в бороду. — Я буду там в нужный момент.

— Но риск огромен!

— Да, риск велик, — согласился Крутов, — но иначе мы не сохраним «серебряного», если не сымитируем бой на уничтожение. Конунги расслабились, празднуя победу заранее, и потеряли бдительность, грех не воспользоваться. Пора сокращать их численность и увеличивать подконтрольную нам территорию.

— К сожалению, не все волхвы одобряют наш Замысел, — сказал Ярослав. — Многих поразила душевная лень. Я не могу их убедить.

— Их убедит только наша победа, — угрюмо сказал Ираклий. — Или смерть. В то время как наш Замысел гарантирует жизнь.

— Он экстремален.

— Без экстремального излома зла не обойтись, и вы это знаете. Хватит прятаться за спины других, надо пресечь расползание черной заразы по нашей земле!

— Спокойнее, Федотов, — посмотрел на Ираклия Крутов. — Здесь нет оппонентов, только единомышленники. Отправляйся за триадой, ты остаешься пока единственным их резервом.

— Но Мария нуждается в...

— Марию подстрахует Ярослав, оператор Брянска.

Седобородый волхв промолчал, оглаживая широкой ладонью бороду.

— Теперь о тактике, — продолжал Крутов. — Под нашим контролем находится Северный центр РВСН, а также система космического мониторинга среды, с помощью которой можно отслеживать даже полеты новейших отечественных самолетов-невидимок с антирадарным покрытием. НРИ наверняка после провала спецкоманд типа «Зубр» и «Хорс» бросит на поиски триады всю технику и группировку ФАС и подразделение «тающих», мы должны вовремя корректировать движение группы с «серебряным». Расконсервируйте аппаратуру ККС[1] и ждите сообщений. У меня все. Вопросы?

Вопросов не было. Только Ираклий медленно проговорил, не обращаясь ни к кому в особенности:

— И поразит несправедливых меч уст моих...

РОССИЯ

ГАРАНТИРУЮ ЖИЗНЬ

Петрозаводск встретил отряд внешне приветливо и даже дал время на отдых и купание в озере, что стало реальностью благодаря расположению дома, в котором жил приятель Дмитрия Олег Мамонтов; девятиэтажку построили в конце пристани прямо на берегу Петрозаводской губы Онежского озера.

Однако спустя два с половиной часа после прибытия в Петрозаводск Никифор заметил появившиеся на улицах усиленные милицейские патрули, и стало ясно, что в городе объявлено особое положение, вводимое при совершении побега преступников из мест заключения. Преступниками же в данном случае были, конечно, они, защитники «серебряного мальчика», вынужденные делать вид, что изо всех сил стремятся уйти из-под «колпака» спецслужб и доставить мальчика в надежное место.

Приятель Булавина оказался членом городской управы и смог через свои связи выяснить причину введения властями особого положения. План был спущен сверху, из Москвы, в расчете на перехват «террористов, похитивших ребенка — мальчика шести лет». И перечислялись фамилии: Булавин, Тарасов и Хмель. Хорошо, что школьный друг Дмитрия знал его достаточно и в «террориста» Диму не поверил. Но и оставаться у него в доме больше было нельзя. Пора было двигаться дальше.

[1] ККС — комплекс космической связи.

После короткого совещания решили из Петрозаводска выбираться на лодке, пересечь северную часть Онежского озера и в селе Песчаное попытаться найти наземный транспорт, чтобы доехать до Медвежьегорска.

Лодки у Мамонтова не оказалось, зато нашелся сосед, имевший моторку, который за приличную сумму согласился одолжить свою «Невку» для «экскурсии» на Большой Климецкий остров, где недавно обнаружили развалины старинной крепости. О том, что они возвращаться не собираются, беглецы, естественно, говорить владельцу лодки не стали.

Пристань охранялась нарядом милиции, поэтому Мамонтову с соседом пришлось брать лодку самим и гнать вдоль берега к месту, где их ждали успевшие переодеться в цивильное «экскурсанты». Дмитрий пообещал вернуться обратно к вечеру, и моторка взяла курс на южную оконечность Большого Климецкого острова, едва видимого на горизонте. До него от места посадки было около двадцати восьми километров.

За штурвал моторки сел Дмитрий.

Никифор вооружился биноклем и стал обшаривать горизонт. Однако до острова они дошли спокойно, лишь однажды заметив идущий параллельно пассажирский катер. Причалили к берегу и справили малую нужду.

Сын Марии вел себя тише воды ниже травы, ни разу не пожаловавшись на неудобства, усталость или голод. Пил и ел он очень мало, будто питался воздухом.

От южной оконечности острова до противоположного берега озера насчитывалось километров двадцать, и это расстояние моторка прошла за час с небольшим. Но уже на подходе к берегу Никифор заметил приближающийся сзади быстроходный катер, а Тарасов почувствовал знакомое раздражающее томление и шарящую по озеру невидимую гигантскую «руку», и беглецы поняли, что их засекли.

— Есть только один выход, — бросил Никифор. — Шпарим к берегу на всех парусах, метрах в трехстах я вас высаживаю и даю деру вдоль берега на север, чтобы отвлечь погоню. Доплывете с мальцом?

— Доплыть-то доплывем, — сказал Тарасов, переглядываясь с Дмитрием. — Если только они клюнут на этот маневр. А если не клюнут?

— У тебя есть еще варианты?

Тарасов помолчал, глядя, как увеличивается в размерах на-

стигающий их в бурунах катер. Его скорость как минимум в три раза превосходила скорость моторки, и уйти от преследования не представлялось возможным. К тому же невидимая «рука» пси-излучения продолжала шарить по озеру, постепенно приближаясь к беглецам. Где-то недалеко стоял храм БЕСа, используемый преследователями в качестве пси-локатора.

— Попробуй снять рулевого, — предложил Дмитрий, оглядываясь на Хмеля.

— Не торопитесь, — возразил Тарасов. — Подождем, что они предпримут. Еще неизвестно, кто на сей раз сел нам на хвост.

Словно в ответ на его слова воду за кормой лодки перечеркнула цепочка всплесков, затем донеслись звуки пулеметной очереди: по моторке открыли огонь!

— А вот за хулиганство, блин, ответите! — сквозь зубы проговорил Никифор, устраиваясь с «винторезом» на корме.

Целился он недолго, выстрелил, затем крикнул Дмитрию:

— Сделай галс влево и пройди по дуге!

Булавин послушно изменил курс, и Никифор сделал несколько выстрелов подряд. Два из них попали в цель: разлетелся плекс блистера, пулеметчик на носу кувыркнулся через голову в воду — и катер резко замедлил ход.

— Отлично стреляешь, — хладнокровно похвалил снайпера Тарасов. — Где учился?

— В Чечне, — оскалился Никифор, меняя магазин винтовки.

Моторка успела удалиться от катера километра на два, когда на нем наконец заработал двигатель и он снова рванулся в погоню. Однако было уже видно, что догнать беглецов он не успеет, до берега было рукой подать — около полукилометра.

Приблизилась стена тростника.

Дмитрий сбавил скорость, ища в сплошной зеленой стене проход к берегу, но пулеметная очередь сзади заставила его поторопиться, и моторка устремилась в тростниковые крепи, скрипя бортом об упругие прочные стебли.

— Еще раз предлагаю свой вариант... — начал Никифор.

— А вот теперь в самый раз, — согласился Тарасов. — Дима, быстро в воду, бери сумки, я возьму Сережу. Капитан, встречаемся в Песчаном, где-нибудь на выезде. Не рискуй без нужды.

— Не беспокойся, дружище, я в такие игры пятнадцать лет играю. Чао, бамбино. — Никифор подмигнул мальчугану. — Держи хвост пистолетом.

Дмитрий сиганул в воду, окунулся с головой, но тут же нащупал ногой почву.

— Тут мелко, но топко, лучше плыть.

Тарасов передал ему сумки, посадил на плечи мальчика, велев держаться за шею, и перелез через борт лодки, поплыл, раздвигая стебли тростника и камыши руками.

Моторка тут же взревела, протискиваясь сквозь заросли в сторону, исчезла за зеленой стеной.

Некоторое время был слышен удаляющийся звук ее мотора и приближающийся гул катера, затем гул на мгновение стих и резко усилился, стал уходить правее. На катере заметили пробиравшуюся сквозь тростник моторку и погнались за ней.

— Порядок, — выдохнул Дмитрий, пуская пузыри. — Пару километров он выиграет, а это уже хорошая фора.

Тарасов не ответил, ища глазами просветы в зеленой стене и готовясь к выходу на берег.

Через несколько минут они вылезли на слой торфа, пружинящий под ногами, и по нему вышли на полого поднимающийся берег восточного края озера.

Очередь легла точно в борт лодки, и Никифор понял, что пора покидать борт суденышка. Он и так увел преследователей от места высадки группы больше, чем рассчитывал. Заклинив куском проволоки рукоять дросселя, он направил моторку в открытую воду и сиганул за борт, по грудь погрузившись в ил и воду. Пригнулся, услышав шуршание пулеметной очереди по тростнику, но пули легли в стороне. Преследователи опасались подходить ближе чем на сто метров и лупили по верткой моторке из двух-трех стволов, кося тростник как косой.

Никифор добрел до торфяного берега, нырнул за густые заросли ивняка и перевел дух. Стрельба на озере прекратилась. Видимо, преследователи обнаружили, что в лодке никого нет.

— Давайте, давайте, ребята, — беззвучно прошептал капитан, доставая «винторез». — Вылезайте на берег, не разочаровывайте меня. Я тут вам сюрприз приготовил. Страсть как хочется посмотреть на вас поближе...

Катер взвыл, протискиваясь сквозь тростниковые заросли ближе к берегу, показался его борт с номером 12 и синей по-

лосой. Но в нем находилось всего два человека: рулевой в камуфляже и какой-то пожилой человек в зеленой рубахе. Никифор узнал в нем соседа Олега Мамонтова, который дал им лодку. Остальные пассажиры катера были опытными оперативниками и высадились где-то раньше.

Чертыхнувшись в душе, Никифор метнулся в лес, прислушиваясь к сонной тишине прибрежной полосы. Окружения он не боялся, но и отсиживаться в кустах было не резон. Преследователей надо было задержать еще на полчаса, чтобы Тарасову и Дмитрию с мальчиком удалось уйти из района боевых действий.

Прикинув возможное направление движения группы, высаженной с катера, Никифор бросился бежать чуть наискосок от берега и вскоре выбрался на проселочную дорогу, которой, судя по всему, пользовались довольно часто. Очевидно, она соединяла пристань на берегу с деревнями вокруг. Сюда же стремилась попасть и группа преследователей, понимавшая, что беглецы наверняка воспользуются дорогой, чтобы передвигаться как можно быстрее.

Капитан перебежал дорогу, присел за поваленным деревом и быстро переоделся в «ратник», попрятав по карманам все свои запасы, и в этот момент к дороге выбежали пять пятнисто-зеленых фигур, передвигаясь уступом: каждый следующий оберегал спину впереди идущего. Такой манерой прикрытия пользовались практически все спецподразделения и армейские разведчики, но Хмель по некоторым признакам и расцветке комбинезонов («леопарды» последнего образца) признал в парнях оперов «Зубра». На этот раз беглецов догнала особая группа ФАС, специализирующаяся на охоте на людей.

Никифор затаился. Открытый бой принимать было нельзя, даже имея на своей стороне фактор внезапности, с волкодавами «Зубра» в одиночку справиться он не мог.

Цепь фигур остановилась, затем две из них вышли на дорогу, глядя под ноги, а трое начали обшаривать кусты вдоль обочин, постепенно приближаясь к Никифору. Он достал две гранаты, выбирая момент нападения, и в это время на дороге показалась старенькая белая «Нива», внутри которой сидела пожилая пара: старичок в шляпе и старушка в панаме.

Шедший впереди рослый спецназовец шагнул на середину дороги, поднял руку. Водитель «Нивы» затормозил почти рядом с Никифором. Капитан понял, что более удобного момента для атаки не найти, и выстрелил два раза.

Обе пули нашли свою цель: плечо первого спецназовца и ногу второго.

Никифор перескочил через ствол сосны, бросился к «Ниве», метнул одну за другой две гранаты. Оба «микроба» взорвались перед сторожевой тройкой «Зубра», прочесывающей обочину дороги, когда Хмель был уже рядом с «Нивой». Рывком распахнул дверцу, дернул за руку старичка.

— Извини, отец! Мне нужна твоя тачка! Мамаша, швыденько вон!

Женщина не удержалась на ногах от толчка, и это, возможно, спасло ее от смерти, потому что опомнившиеся «зубровцы» открыли огонь по машине. Однако Никифор уже дал обратный ход, с воем отъехал сто метров, круто развернулся на двух колесах, не обращая внимания на град пуль, и умчался в противоположную от озера сторону.

Через минуту машина миновала поселок Онежский, проскочила перекресток дорог, но Хмель вернулся назад, вспомнил слова Мамонтова, описавшего этот район, и повернул направо.

В Песчаное он добрался за десять минут, поглядывая назад и ожидая погони. Но ее не было. Группа «Зубр», догнавшая их на катере, понесла чувствительные потери и преследовать беглецов не могла.

Не надо было нас «мочить» из пулемета, мысленно оправдал свои действия Никифор, тогда и мы бы вас не тронули.

В конце села никого не оказалось.

Он проехал туда-сюда два раза, вглядываясь в дома деревни, в автобусную остановку, в проезжавшие мимо грузовики, собрался было спрятать машину за кусты возле полуразвалившегося сарая, и в это время «Ниву» догнал колесный трактор, из кабины которого спрыгнули на землю Тарасов с мальчиком на руках и Дмитрий — оба в камуфляже. Ситуация заставила переодеться их так же, как и Никифора.

— Садитесь, — распахнул он дверцы «Нивы».

— Экспроприировал? — понимающе усмехнулся Дмитрий.

— Обменял на спички, — хмуро пошутил Никифор, выжимая сцепление.

— Кто это был? Мы слышали выстрели и взрывы.

— Волкодавы «Зубра». Их навел на нас тот самый сосед твоего школьного приятеля, который одолжил нам лодку.

— Не может быть!

— Я его узнал. Возможно, старика заставили пойти с ними проводником силой. Откуда у вас трактор?

— Оттуда же, откуда у тебя «Нива». Сколько времени у нас в запасе, как ты думаешь?

— Если у них есть связь с материком, а она должна быть, то пока они свяжутся с командованием, пока там соберут другую команду, пока долетит вертолет с десантом — пройдет не меньше часа.

— До Медвежьегорска мы за час не доедем, отсюда туда около сотни километров.

— Что ты предлагаешь?

— Под Пяльмой стоит часть ракетных войск стратегического назначения, располагающая установками мобильного базирования типа «Тополь-2М».

— Ты предлагаешь нам оседлать «Тополь» и стартовать на орбиту? — фыркнул Никифор, выжимая из старенького мотора «Нивы» все, на что тот был способен.

— Нет, в части служит двоюродный брат отца Зосима Терентьевич Миргородский. Я попрошу его дать нам какой-никакой транспорт.

— А он даст?

— Думаю, не откажет, Зосима — мужик правильный.

— Тогда я не возражаю.

Тарасов, не проронивший до сих пор ни слова, согласно кивнул. Плотность «руки» пси-излучения, ощупывающей берег озера, слегка уменьшилась, хотя она все еще продолжала шевелить пространство вокруг, что говорило о правильном выборе стратегии беглецами. Преследователи знали район, по которому передвигалась триада, но никак не могли точно нацелить своих охотников, а перекрывать все дороги района пока не хотели. То ли чтобы не поднимать паники, то ли по другой причине. Например: чтобы о поиске беглецов с мальчиком не стало известно в силовых структурах.

Глеб давно думал об этом, но обсуждать идею вслух не решился, доверяя предчувствию. А оно подсказывало, что все основные трудности и беды еще впереди.

Дмитрий вышел из проходной вместе с невысоким, но плотным мужчиной с коротким ежиком волос. На плечах родственника Булавина, одетого в полевую форму, виднелись майорские звезды.

— Знакомьтесь, Зосима Терентьевич, — представил его Дмитрий, назвал имена товарищей. — Он предлагает поужинать в их столовой.

— Спасибо, мы бы с удовольствием, но у нас мало времени, — покачал головой Тарасов. — С транспортом поможете?

— А вы, правда, из спецназа? — понизил голос майор, окидывая взглядом фигуры членов триады в «ратниках».

Тарасов, чувствуя смущение, достал красную книжицу, но Зосима Терентьевич разворачивать ее не стал, отвел руку со стеснительной улыбкой:

— Да это я так, для проформы. Комфортабельного «Кадиллака» я вам выделить не смогу, в наличии только «Урал» с лавками в кузове. Подойдет?

— Будем весьма благодарны.

— Тогда ждите, сейчас оформлю.

Майор скрылся за дверью проходной с красной звездой. Из-за металлических решетчатых ворот с двумя звездами смотрели на группу «спецназовцев» часовые.

— Светимся тут, как три тополя на Плющихе, — пробормотал Никифор. — Давайте хоть за кустики отойдем.

Войсковая часть, где служил дядя Дмитрия, располагалась на окраине Пяльмы, в лесу, за сплошным бетонным забором, и перед воротами, за которыми исчезали железнодорожные рельсы, на бетонной площадке со следами танковых гусениц и пятнами солярки никаких строений не было. Дома поселка, магазины и автобусная остановка скрывались за деревьями, хотя до них было всего около сотни метров. И тем не менее база ракетных войск мобильного базирования казалась затерянной в мрачной глухомани. Так и тянуло повернуться к воротам спиной и дать деру.

Впрочем, примерно такие же ощущения владели не только Тарасовым, обладавшим чувствительной нервной организацией, но и остальными, и объяснялось это скорее всего действием пси-излучения, накрывшего триаду буквально перед Пяльмой. Неведомый оператор, управлявший храмом БЕСа где-то поблизости, наконец-то «запеленговал» беглецов, и раздражающее давление на мозг теперь сопровождало их всюду. А как защититься от него, они не знали.

«Ниву» оставили на берегу озера недалеко от первых домиков поселка, загнав ее в лес в целости и сохранности, если не считать двух десятков пулевых пробоин. Пожелали хозяину найти вскорости свой «вездеход». Однако обольщаться насчет того, что машину первыми не найдут охотники ФАС, не стоило. В антитеррористическом центре работали самые опытные специалисты по охоте за преступниками, и выход их на след беглецов был только вопросом времени.

Медленно открылись ворота части. На площадь перед ними выехал мощный восьмиколесный «Урал» зеленого цвета с откинутым задним бортом. Зосима Терентьевич соскочил с подножки машины, протянул Дмитрию листок предписания.

— Вот, выписал маршрутный лист до Медвежьегорска на всякий случай, чтобы военные патрули не остановили.

— Спасибо, дядя Зосима, — обнял родственника Дмитрий. — Мы у тебя в долгу.

— Да какой там долг, — махнул рукой майор, — все мы на державу работаем. Удачи вам.

Тарасов и Хмель пожали ему руку, Никифор и Дмитрий залезли в кузов машины. Глеб с мальчиком сел в кабину, и водитель, молодой ефрейтор с соломенными усиками, вдавил педаль газа. Через минуту ворота части и Зосима Терентьевич с поднятой рукой исчезли за деревьями.

Проехали Пяльму, Чёлмужи, Возрицы, Лобское, а за Повенцем Тарасов остановил машину, повинуясь скорее инстинкту, нежели здравому рассуждению. Их давно должны были настигнуть, судя по скорости «Урала», но почему-то не спешили, словно были уверены, что никуда беглецы не денутся и движутся в нужном направлении.

Тарасов вылез на подножку, оглядывая вечереющее небо, разбитую асфальтовую ленту дороги и лес по обеим сторонам.

— Вам не кажется, судари мои, что мы...

— Сами направляемся к черту в зубы! — закончил Никифор.

— Нас ждут в Медвежьегорске, — уверенно сказал Дмитрий. — Я не знаю, как они это делают, но за нами с л е д я т, это точно. Пока мы двигаемся в нужную сторону, нас не тронут.

— Может быть, проверим?

— Как?

— Свернем на север, мы только что проехали перекресток.

— Это дорога к шлюзам Беломорско-Балтийского канала.

— Какая разница?

Дмитрий и Никифор выжидательно посмотрели на Глеба. Тот спрыгнул на землю, обошел машину, глядя на совершенно пустое в обе стороны шоссе, постоял немного и вернулся.

— Уверен, за нас еще не брались всерьез. Попробуем побарахтаться самостоятельно. — Он влез в кабину «Урала». — Поворачивай назад, солдат, поедем другой дорогой.

— Но мне велено ехать в Медвежьегорск.

— Мы туда и направляемся, но сначала завернем в другое место.

— Я не могу...

— Тогда вылезай и жди нас здесь. Через пару часов вернемся.

Водитель подумал, потом развернул машину и повел ее к недалекому перекрестку. Через минуту они свернули налево, на дорогу, соединяющую шлюзы Беломорско-Балтийского канала. На седьмом, после поворота, километре показался указатель: «Шлюз № 7. 2 км».

— Сворачивай, — потребовал Тарасов.

Ефрейтор хмуро повиновался.

Показался бетонный створ шлюза, перегородивший небольшую речку, за дальним концом которого начиналось водохранилище, давно ставшее озером.

— Загони машину на плотину, — сказал Тарасов. — Открой капот и сделай вид, что ремонтируешь мотор.

Водитель уже понял, что его пассажиры люди серьезные и ничего не делают зря, поэтому возражать не стал.

— Что ты задумал? — просунул голову в кабину Никифор.

— Хочу проверить, такой я умный, каким кажусь себе, или нет.

Тарасов подхватил Сергея на руки, спрыгнул на бетонное покрытие верхней части плотины, по которой можно было проехать на другой берег. Хмель и Булавин попрыгали из кузова тоже, начали разминаться.

— Нас здесь видно отовсюду, — недовольно заметил Никифор.

— Предлагаю вернуться метров на двести назад и спрятаться у дороги, — сказал Глеб. — Чувствую, скоро нагрянут гости.

— И у меня такое же ощущение, — признался Дмитрий. — Голова гудит, будто колокол.

Тарасов тоже почувствовал нарастание беспокойства и звон в ушах: «пси-локатор» врага засек изменение обстановки и силился понять, что произошло. Проняло даже Никифора, имевшего самую устойчивую к внешнему воздействию нервную систему. Он прислушался к своим ощущениям и изрек:

— Готов поспорить на червонец, что это кавалерия: я слышу топот копыт.

— Если уж и ты чуешь погоню, то нам надо держаться в пределах прямой видимости, — сказал Дмитрий. — Помнишь, как ты меня спутал с кем-то из своих сослуживцев?

— Помню, — стушевался Никифор. — Но я был на сто процентов уверен...

— То же самое может произойти и сейчас, особенно если излучение усилится. Имейте это в виду.

Они вернулись к дороге, ведущей к шлюзу, и заняли удобные места по обе ее стороны. Тарасов с мальчиком и Дмитрий — слева, за холмиком, поросшим рябиной и кустарником, Никифор — справа, за огромным трухлявым пнем. Потянулись минуты ожидания, полные нарастающего напряжения.

Но ждать долго не пришлось. Уже через четверть часа на дороге появились первые гости. К изумлению сидевших в засаде мужчин, это и в самом деле были всадники на лошадях. В полном молчании — был слышен только характерный стук лошадиных копыт и какое-то дребезжание — мимо проскакали три мужика в одинаковых пиджаках и разномастных штанах. Все трое были в кожаных картузах и с ружьями.

— Лесники, что ли? — прошептал Дмитрий.

— Может быть, — ответил так же тихо Тарасов.

Через несколько минут на дороге снова появились гости, и тоже не совсем обычные: четверо девушек на велосипедах, с рюкзаками за плечами и с кожаными чехлами, закрепленными на рамах двухколесных машин. Они тоже ехали молча и заговорили, только когда остановились недалеко от замерших членов триады.

Предметы перед глазами Тарасова стали двоиться, плыть, звон в голове усилился, в горло вцепились невидимые пальцы и начали душить. Капитан понял, что поток пси-излучения, инициированный храмом БЕСа в Петрозаводске или где-то еще ближе, достиг максимума.

— Я выйду к ним, спрошу, не видели ли девчата подозрительных людей, — пискнул в наушниках рации голос Никифора.

— Отставить! — шепотом рявкнул Глеб. — Это и есть охотники!..

Но было уже поздно. Никифор встал из-за пня во весь рост, держа за спиной «винторез», направился к велосипедисткам. В то же мгновение они оглянулись, протянули руки к чехлам, выхватили какие-то изогнутые предметы, — Тарасову показалось, что это саперные лопатки с дополнительными рукоятками, — и открыли из них огонь по Хмелю и лесным зарослям за его спиной.

Если бы он замешкался на долю секунды, капитана не спас бы и «ратник», имеющий вшитые бронепластины, но Хмель

все же был профи высокого класса и упал в траву прежде, чем очереди из пистолетов-пулеметов (ничего себе — «саперные лопатки»!) прошили воздух над его спиной.

Тарасов и Булавин выстрелили одновременно.

С криками две «велосипедистки» выронили оружие, упали в пыль на дорогу. Их напарницы мгновенно ответили огнем в сторону стрелявших, прыгнули с дороги в канавку на обочине.

— Меняем позицию! — просипел Тарасов, метнулся чуть назад и вправо, прикрывая руками мальчика на груди, упал за кучу старых шпал. Дмитрий без звука последовал за ним.

И тотчас же на том месте, где они только что лежали, вспух клуб дыма и огня. «Велосипедистки» открыли огонь из гранатомета.

Из травы по ту сторону дороги взметнулась рука Никифора. Граната легла точно там, откуда стрелял гранатомет, однако девушки-«путешественницы» тоже были профессионалками и успели отойти. Взрыв «микроба» их не затронул.

На какое-то время стрельба прекратилась. Стал слышен женский голос, вызывающий Гамму-три.

— Я обойду их! — выдохнул Дмитрий, исчезая в лесу.

На дороге показались скачущие во весь опор «лесники», с ходу открыли огонь из своих ружей по деревьям, по кустам, за которыми скрылся Никифор. Их окликнули «велосипедистки», и «лесники» спешились, продолжая стрелять (не ружья — автоматы!), оставили лошадей на дороге, залегли в канаве.

— Не бойся, малыш, — прошептал Глеб, успокаивая мальчика, тельце которого вдруг потряс озноб.

— Много злых... кругом... — прошептал в ответ Сергей, бледнея и закатывая глаза. — Много глаз... плохой запах...

— Ох ты, господи! — испугался Тарасов, не зная, чем помочь теряющему сознание мальчику. — Держись, парень!

Но тот вдруг открыл засиявшие голубым огнем глаза, и Тарасов сразу освободился от неприятных ощущений и почувствовал прилив сил. Он уже не удивился, заметив происходящие с пейзажем метаморфозы.

Лошади «лесников» и велосипеды «путешественниц» превратились в мотоциклы, пиджаки «лесников» стали камуфляжными комбинезонами, а рюкзаки «велосипедисток» обернулись горбами спецоборудования с аппаратурой компьютерной обработки данных и связи.

Над лесом вдруг раскатился приближающийся стрекот.

Показался вертолет — «Касатка» зеленого цвета, с эмблемой Российской Армии: двуглавый орел и три полоски — белая, синяя и красная, — завис над дорогой, поднимая пыль. Из открытых дверей с обеих сторон фюзеляжа смотрели на дорогу и лес стволы крупнокалиберных пулеметов.

Послышался усиленный мегафоном голос:

— Прекратить огонь! Выходите по одному! Малейшая попытка сопротивления — и будете уничтожены!

Тарасов хотел было по рации предложить товарищам отступить в лес, но случилось неожиданное. Бывшие «лесники» и «велосипедистки», в том числе раненые, побросали оружие, подняли руки вверх и вышли на дорогу! Приказ прекратить сопротивление относился к ним!

Глаза Тарасова начали слезиться. Он протер их кулаками, зрение восстановилось. Стало видно, что эмблема на вертолете изменилась: на месте российского двуглавого орла показался белый круг с головой волка, пронзенной кинжалом. Это была эмблема спецподразделений ФАС.

— Чтоб я сдох! — раздался в наушниках голос Никифора. — Да это же наши! До чего же вовремя! Я выхожу, Глеб.

— Стой! — глухо воскликнул Тарасов. — Ты уже один раз выходил. Это снова обман! Излучение продолжает действовать!

Никифор, показавшийся из-за деревьев, в нерешительности остановился.

— Тогда почему вертолетчики приказали этим парням и бабам сдаться?

— Действительно, Глеб, — вставил слово Дмитрий, появляясь в двадцати шагах от сдавшейся группы, — ты не перемудрил? Зачем военным такой спектакль?

— Именно затем, чтобы мы поверили! Уходите!..

Пулемет на борту «Касатки» дал длинную очередь по опушке леса, где стоял Никифор. Капитан исчез. Стрелок перенес огонь на Дмитрия. «Лесники» и женщины в камуфляже, стоявшие на дороге с поднятыми руками, похватали свое оружие и тоже открыли огонь по лесу.

И вдруг откуда-то со стороны шлюза вынеслась из лесной чащи дымная стрела и вонзилась в борт «Касатки». Раздался взрыв. Вертолет подпрыгнул, стал заваливаться боком, снес винтом верхушки высоких сосен, врезался в землю и взорвался.

Спецназовцы у мотоциклов оглянулись, зачарованно следя за падением и взрывом воздушной машины. И тотчас же раздался тихий залп триады: Тарасов, Хмель и Булавин, воспользовавшись моментом, одновременно и точно выстрелили по противнику.

Бывшие «лесники» дружно легли на дорогу. «Велосипедистки» открыли было стрельбу во все стороны, но получили по пуле из «винтореза» и прекратили сопротивление.

На землю легла тишина, нарушаемая лишь треском пламени горящих обломков вертолета.

Подождав минуту, Тарасов оставил мальчика под защитой шпал и вышел на дорогу, держа палец на курке пистолета. За ним появились Дмитрий, зажимающий ладонью бедро, и Никифор — целый и невредимый, но мрачный и недовольный.

Одна из «велосипедисток» зашевелилась, пытаясь поднять пистолет-пулемет. Он повернул в ее сторону ствол винтовки, подождал, сжав губы в бледную полоску, но пересилил себя, снял палец с курка и отшвырнул ногой оружие в сторону. Сказал хрипло:

— Суки поганые! До чего же я ненавижу стреляющих баб!..

— Встречался? — понимающе посмотрел на него Дмитрий. — В Чечне?

— Везде. Что у тебя с ногой?

— Ерунда, царапина. Пуля кожу сняла. А я думал — тебе хана, когда пулеметчик тебя на мушку поймал.

— Костюм спас и магазин, в нагрудном кармане лежал. Кстати, кто сбил вертолет?

— Я, — раздался знакомый голос, и на дорогу вышел невозмутимый Ираклий.

Все смотрели, как он приближается, неся в руке автомат Никонова с подствольным гранатометом.

— Сережа, — позвал Витязь.

— Дядя Ираклий! — радостно отозвался мальчик, выбегая на дорогу, бросился к Ираклию, и тот подхватил его на руки.

— Д я д я?! — с недоумением проговорил Никифор, переводя взгляд с Ираклия на лица товарищей и обратно.

— Ты еще не понял? — скупо улыбнулся Тарасов. — Это наш «серебряный мальчик».

— С чего ты взял?!

— Он и мне открыл «третий глаз»... или что там у меня есть. Вот почему я смог отстроиться от излучения.

— Бог ты мой! А я-то думал... что за фигня происходит! Кстати, я и сейчас ничего такого не чую... а вы?

— Я тоже. — Дмитрий прислушался к себе, вопросительно посмотрел на Глеба. — Они выключили свой «локатор»?

— Его выключили наши люди, — сказал Ираклий. — И перехватили управление эгрегором БЕСа. Теперь этот район не подчиняется лидеру НРИ. Правда, это не означает, что мы решили проблему. Впереди Онега.

— Мы и не считали свою задачу решенной, — буркнул Никифор. — Но все же надо было нас предупредить.

— Сожалею, — качнул головой Ираклий. — Таков Замысел. Я тоже его исполнитель и попутно решаю множество задач. — В глазах мужа Марии промелькнула горечь. — И я бы дорого заплатил, чтобы в настоящий момент быть в другом месте. Хотя по Замыслу вынужден подстраховывать вас.

— Извини...

— Ничего, все в порядке. Продолжайте движение. Берите мотоциклы, вам уже привычен этот способ путешествий, и отправляйтесь в путь. В Медвежьегорск заезжать не следует, эта дорога приведет вас к южному берегу Выгозера. В поселке Валдай вас будет ждать проводник.

Ираклий ласково погладил Сергея — впрочем, теперь уже С е р г и я — по головке, опустил на землю.

— Держись, Беленький. Все будет хорошо.

— Я знаю, дядя Ираклий, — серьезно ответил мальчик.

Валдай встретил отряд проливным дождем и похолоданием, чему они были даже рады в какой-то степени: жара, духота и пыль на зубах надоели хуже горькой редьки, хотелось дождичка и чистого прохладного воздуха.

«Ратники» отлично справлялись со своими обязанностями, защищая владельцев от непогоды, и Тарасов беспокоился лишь о здоровье мальчика. Впрочем, беспокоился, как выяснилось, напрасно, Сергий прекрасно справлялся с регуляцией температуры тела и чувствовал себя одинаково хорошо в жару и в холод, что лишний раз подтверждало его чудесные способности.

Проводник ждал группу в старенькой бане на берегу Выгозера, сложенной из толстых сосновых бревен чуть ли не век назад. Им оказался молодой человек лет двадцати, по имени Пахом, краснеющий от каждого взгляда и чувствующий себя в компании суровых, одетых в сложные пятнистые комбинезоны мужчин не в своей тарелке.

Прибыли они в Валдай уже вечером, в начале десятого, но из-за низко опустившихся туч темнота упала на землю раньше, и, если бы не чутье Тарасова, усиленное близостью «серебряного мальчика», искали бы баню долго.

— Нам надо добраться до горы Соколиное Крыло, — сказал Пахом обступившим его защитникам мальчика в потемневших от дождя комбинезонах. — Это в семидесяти пяти километрах отсюда, строго на восток. Дорог в лесах практически нет, только тропы, поэтому придется идти на лошадях.

— Что ж, на лошадях так на лошадях, — сказал Тарасов, заботливо вытирая лицо Сергия сухим полотенцем, висевшим на крюке в предбаннике. — Я так понимаю, лошади уже ждут? Или мы имеем возможность помыться в баньке и отдохнуть?

— Боюсь, отправляться надо сейчас, — виновато покачал головой Пахом, розовея. — Тям гудёт.

— Что? — не понял Никифор. — Что гудёт?

Молодой человек покраснел гуще.

— Тям... ну, природа вокруг... вибрирует...

— Понятно. И отчего же этот ваш тям... гудит?

— Вас ищут конунги, они уже близко. Надо идти к горе.

— Почему именно к горе?

— Там выход добрых Сил, они защитят вас, а потом придут волхвы. Таков Замысел.

— Ты что же, посвящен во все тайны волхвов?

— Ну что вы, не во все. — Пахом снова покраснел. — Я отвечаю только за свое дело.

— Кем же ты работаешь?

— Лесничим... Вы только не пугайтесь, я буду сопровождать вас в другом обличье.

— Каком еще?

— Волчьем. Оборотень я...

Никифор изумленно оглядел парня, обошел его кругом, хмыкнул.

— Сроду бы не подумал! Неужели волкодлаки существуют на самом деле?

Пахом смущенно улыбнулся, но промолчал.

— Ладно, принимаем к сведению, — сказал Тарасов, не слишком ошеломленный признанием проводника. — Кипяток у вас есть? Я бы чайку попил перед дорогой.

— Найдется, — засуетился тот, открывая дверь в парилку и выпуская клуб пара, вынес алюминиевую кружку с горячей водой. — И заварка имеется. — Он достал из старенькой тумбочки в углу предбанника жестяную коробку с чаем.

Тарасов занялся приготовлением напитка. Дмитрий вы-

шел, чтобы лишний раз убедиться в отсутствии чужих наблюдателей.

— Да, перспектива в такую погоду мчаться куда-то в ночь на лошадях меня не радует, — вздохнул Никифор. — Нет ли тут у вас поблизости какой-либо воинской части? Или аэродрома?

— Есть, — кивнул Пахом. — В двух километрах от деревни стоит вертолетный полк МЧС.

Мужчины переглянулись.

— Не кажется ли вам... — начал Дмитрий задумчиво.

— Что лететь лучше, чем скакать на лошади, — закончил Никифор простодушно.

Оба выжидательно посмотрели на Тарасова.

— Идеи овладевают массами в извращенной форме, — проворчал Глеб меланхолически, наблюдая, как Сергий обеими ручонками подносит кружку с чаем ко рту и отхлебывает маленькими глоточками.

— Нет, согласись, ничто так не сокращает дорогу... — начал было доказывать Дмитрий.

— Как авиакатастрофа, — мрачно перебил его Тарасов. — Что-то мне не нравится ваше желание избежать трудностей.

— Ты против? Почему?

Тарасов подумал.

— Я — за. Но что-то меня смущает, сам не пойму.

— Можно попробовать. В конце концов, попытка — не пытка, а то, что мы выиграем часов двенадцать времени — факт.

— Еще далеко не факт. Но все же попытаемся. Пахом, ты хорошо знаешь то место, где расположена база МЧС?

— Я же здешний, — слабо улыбнулся проводник.

— Тогда проводишь нас и покажешь, где у них что. Охрана базы большая? Колючая проволока?

— Обыкновенный тесовый забор с проволокой сверху — под током. Две вышки с прожекторами и четверо часовых. Но пройти на территорию можно с двух сторон, я пробовал.

— Как человек или как волк?

— И так, и так.

— Отлично. Веди.

Они вышли из натопленной бани в холодную дождливую темноту.

— Может, подскачем до базы на лошадях? — предложил Никифор. — Два кэмэ в такую непогодь — это час времени.

— Согласен. Пахом, где твои лошади?

— Здесь недалече, на берегу.

Они спустились к воде и обнаружили трех смирно стоящих стреноженных коней, которые при появлении Пахома слегка заволновались, начали прядать ушами и всхрапывать.

— Чуют волка... — пробормотал Никифор на ухо Тарасову, добавил громче: — А ты как же, парень?

— Со мной пусть сядет, — сказал Дмитрий, — я легче всех из вас.

— Я так добегу, — отказался проводник. — Вы не пугайтесь, если что... кони сами найдут дорогу.

— Чего пугаться, мы ужо пужатые, — хмыкнул Никифор. — Они у тебя человеческий язык понимают, что ли?

— Волчий, — донесся тихий ответ.

Расселись по коням. Дождь приутих, но продолжал моросить, волосы и лица стали мокрыми. Лишь Сергий, закутанный в старую телогрейку, которую нашел Пахом, и накрытый картузом, был пока сухим.

— Идите на северо-восток, — донесся из-за кустов ставший гортанным голос проводника. — Остановитесь, когда я вас окликну.

Тарасов тронул каблуками бока лошади, и та послушно зашагала вперед, вдоль берега, потом поднялась повыше и повернула к северу. Сзади коротко взвыл волк. Лошадь вздрогнула и перешла на трусцу. Донесся приглушенный мат Никифора, которому ветка съездила по лицу.

Скакали, однако, недолго. Вскоре лошади снова перешли на шаг, лавируя между деревьями, и на пригорке остановились.

— Где же он? — подъехал к Тарасову Никифор.

— Я здесь, — послышался голос Пахома, низкий, хрипловатый, идущий словно из-под земли. — База МЧС в сотне шагов отсюда.

— Ничего не вижу. Ты же говорил, что у них вышки с прожекторами.

— В такую погоду часовые обычно сидят в дежурке.

— Олухи царя небесного! Так они всю свою технику проморгают.

— Слезайте, дальше пойдем на своих двоих, — скомандовал Глеб.

Всадники спешились.

Лошади по-прежнему вели себя неспокойно, вздрагивали, прядали ушами, и Тарасов понял, что Пахом сопровождает их в облике волка.

Двинулись через мокрый лес, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шелестящей дождем ночной тишине. Вышли к забору высотой в два с лишним метра. Никифор наступил на что-то мягкое и живое, шарахнулся в сторону, выцеливая стволом «винтореза» это живое. Сверкнули желтые волчьи глаза, раздалось ворчанье, затем голос оборотня, в котором почти не осталось ничего человеческого:

— Осссторожжжнее... ззdесссь ппodкопп... ппролезете...

Черная тень мелькнула у забора, исчезла в траве.

Дмитрий нащупал рукой довольно широкий лаз, вырытый звериными лапами, протиснулся под забор на территорию лагеря МЧС. За ним с трудом пролезли Тарасов с мальчиком и Хмель.

База Министерства по чрезвычайным ситуациям спала, не ожидая нападения. В окнах ее строений не горел свет, лишь из сторожки у ворот пробивался сквозь щель узкий лучик.

На летном поле базы мокли под дождем туши вертолетов разных типов от «Ми-8» до «Ка-115» последней модификации — с биодизайном корпуса. Никто их не охранял.

— Как только мы заведем двигатель, они проснутся, и придется отбиваться, — прошептал Никифор.

— Не придется, — прохрипел полуволк-получеловек, возникая рядом из темноты. — Я отвлеку часовых.

— Они тебя пристрелят.

— Не беспокойтесь, я найду выход из положения.

— Предлагаю «Москвичку», — показал Никифор на силуэт «Ка-115». — Маневренная и быстрая машина, мне доводилось пилотировать ее пару раз.

— Хорошо, садимся.

Тихо щелкнула, открываясь, дверца кабины вертолета. Никифор сел за штурвал. Глеб с мальчиком занял место рядом с пилотом, Дмитрий устроился в пассажирском салоне, способном вместить шесть человек.

Никифор быстро защелкал тумблерами, включая электропитание и навигационную систему. Чмокнул стартер, заквакали выхлопные патрубки, зашелестели, разгоняясь, лопасти винтов.

Дверь сторожевой будки открылась, вылив на землю каскад света, на пороге показался заспанный часовой, вглядываясь сквозь пелену дождя в глыбы вертолетов на летном поле. Потом он осознал, что звук работающего двигателя ему не померещился, метнулся в будку, и над территорией базы взвыла сирена.

Сразу в трех одноэтажных домиках части загорелся свет, наружу стали выскакивать люди. Вспыхнул прожектор на одной из вышек, выхватывая из темноты вертолеты один за другим и бегущие по полю фигуры.

— Ну, давай же! — сквозь зубы проговорил Никифор, продолжая колдовать над панелью управления.

— Я их сейчас отвлеку! — крикнул Дмитрий, высовывая в открытую дверь салона пистолет-пулемет.

Но в этот момент над полем прозвучал многоголосый волчий вой, в траве заметались серые тени, и бежавшие к вертолету люди остановились, начали отбиваться от десятка невесть откуда взявшихся волков.

Двигатель «Москвички» взвыл, она оторвалась от земли, задрала нос и начала подниматься в воздух.

— Подожди, — быстро сказал Тарасов, заметив метнувшегося в их сторону зверя, — проводник!

Заметил приближавшегося волка и Дмитрий, сообразил, что это союзник, отступил в глубь кабины. Волк прыгнул, легко преодолел полутораметровую щель между землей и днищем вертолета и оказался в кабине. Дмитрий задвинул дверцу. В следующее мгновение вертолет косо пошел вверх, взлетное поле провалилось в темноту, отдалилось, крики и волчий вой стихли, еще некоторое время слышались редкие выстрелы, затем и они стихли. Вокруг кабины «Москвички» сомкнулась темнота.

— Не врежься в дерево, — проворчал Тарасов, чувствуя нарастающее беспокойство.

— Сам не хочу, — оскалился Никифор.

Глеб открыл окошко в перегородке, отделяющей кабину пилота от пассажирского салона.

— Дима, что там у вас?

— Порядок, мы тут превращаемся в людей. Зрелище, могу честно признаться, жутковатое.

— Прошу прощения, — отозвался виновато плохо видимый в темноте Пахом, уже приобретший человеческие черты, — обычно я это не делаю при свидетелях. Мне бы накинуть на себя что-нибудь...

Глеб не сразу понял, что проводник после трансформации остался голым, вся его одежда осталась на земле.

— Здесь ничего нет, посмотрите в салоне.

Дмитрий обшарил помещение и нашел брезентовый, пахнувший соляркой плащ.

— Вот, только эта шкура.

— Сойдет, мне только на время полета. Кстати, вы ничего не чувствуете? Тям снова гудёт.

Мужчины замолчали, обратившись в слух.

— Похоже, снова включился пси-локатор...

— Это конунги!.. — Пахом накинул на себя плащ. — Они совсем близко! Великий Свентовит, помоги нам добраться до цели!

— Куда лететь? — оглянулся Никифор. В отсвете огней панели его лицо заблестело от пота.

Пахом вцепился руками в спинку сиденья, закрыл глаза и замер. Затем крикнул:

— Правее держите... и чуть выше... мы уже прошли мимо Оловгоры, осталось километров пятнадцать по прямой...

Никифор включил фары, и узкие конусы света выхватили под вертолетом из тьмы несущиеся кроны деревьев.

— Выше еще... чуть правее... вот так... смотрите внимательней, гора невысокая, всего метров двести, но крутая.

Вертолет продолжал нестись сквозь мрак и дождь, повиснув вне времени и пространства в бесконечной яме без единого проблеска света. Казалось чудом, что он еще не упал, не врезался в дерево или в столб линии электропередачи.

Давление на мозг пассажиров усилилось. Тям — по словам Пахома — или пси-пространство вокруг машины гудело колоколом, заставляя людей бороться со своей психикой, отзывающейся на внешнее воздействие странными видениями и звуками.

Никифор был сосредоточен на управлении, да и нервы имел крепкие, поэтому на него гипноатака конунгов действовала меньше. Дмитрию же начали мерещиться какие-то люди в салоне, они что-то требовали от него, и он потратил немало сил, пытаясь сопротивляться потоку пси-излучения.

Тарасову тоже почудилось присутствие в кабине постороннего человека, похожего на отца и майора Тихончука одновременно, однако «серебряный мальчик», сидевший на коленях, время от времени гладил его по руке, и видения отступали.

— Мы уже близко... — начал Пахом, вытягивая руку вперед.

И в это время наперерез вертолету метнулась крылатая черная тень и врезалась в лобовое стекло кабины.

Тарасову показалось, что тень пробила блистер и лопнула клубком огня. Вскрикнул Никифор, выпуская штурвал из рук

и прижимая ладони к глазам. Вертолет клюнул носом, по дуге устремился вниз, к земле.

Глеб перехватил штурвал, пытаясь выровнять полет и сбросить скорость. Ему это удалось практически перед столкновением с кронами деревьев. Толчок был достаточно сильным. Защищая корпусом и руками Сергия, Тарасов врезался плечом в приборную панель, а головой в штурвал. В глазах потемнело.

Лопасти винта срезали несколько вершин у берез и сосен, вертолет ударился салазками о бугор, подскочил, снова грохнулся пузом о землю, лопасти винта врезались в мощный ствол ели и разлетелись как стеклянные. Двигатель заглох. Движение прекратилось.

Тарасов пришел в себя первым, пошевелился, пытаясь приподнять какой-то груз на спине, и только потом сообразил, что этот груз — мощное давление пси-поля, сконцентрированного на местности вокруг упавшего вертолета.

— Живы? — раздался слабый голос Дмитрия.

— Я ничего не вижу, — глухо отозвался Никифор, по-прежнему зажимая руками лицо. — По-моему, я ослеп...

Сергий в объятиях Тарасова пошевелился.

— Дядя Глеб, я его п о с м о т р ю.

Тарасов отпустил мальчика, тот перебрался к скорчившемуся Хмелю, погладил его по голове, по рукам, по лицу, проговорил серьезным тонким голоском:

— У березы заболи, у дяди Ника не боли...

Никифор посидел несколько мгновений в той же позе, отнял руки от лица.

— Вижу... свет вижу!

Он разглядел фосфоресцирующие циферблаты приборов на панели управления.

— Ты меня вылечил!

— Выходите, быстрей! — появился у дверцы кабины Пахом. — До горы всего полсотни шагов, надо успеть взобраться наверх.

Преодолевая странное оцепенение, едва слыша голос проводника сквозь усиливающийся струнный звон в ушах, Тарасов вылез из кабины с мальчиком на руках, спотыкаясь, побрел за Пахомом, удивляясь, почему он видит его спину, вертолет, деревья вокруг. Потом понял: под ногами начала светиться почва и трава!

Лес как бы протаял в глубину, повис в воздухе на фоне го-

лубовато-бежевого свечения. Впереди над ним глыбой полупрозрачного зеленоватого стекла проявилась гора, чем-то действительно похожая на птичье крыло.

— Быстрее, умоляю! — подстегнул беглецов гортанно-хриплый голос Пахома, уже наполовину превратившегося в волка.

Бежать по скользкой мокрой траве было трудно, то и дело под ноги подворачивались камни, груды веток, ямы и бугры. Первым к подножию горы выбежал Дмитрий и остановился, вскинув пистолет. Впереди, метрах в сорока, на полого поднимающемся склоне с несколькими вросшими в землю валунами и кипами кустарника, стоял человек в длинном коричневом свитере и зеленоватых брюках, длиннолицый, с узким, как щель, ртом, с гривой черных волос. Он стоял, сложив руки на груди, поставив ногу в сапоге на камень, и с полупрезрительной усмешкой смотрел на приближающихся мужчин.

Тарасов остановился за спиной Дмитрия, опустил на землю начавшего вздрагивать в ознобе Сергия. Ощущение нависшей над ними гигантской каменной плиты достигло апогея. Хотелось закрыть голову руками и забиться в какую-нибудь щель.

Последним к товарищам присоединился Никифор, у которого еще не восстановилось полностью зрение.

Из-за спины человека в свитере вышел еще один незнакомец в длинном блестящем лиловом плаще. Бритая бугристая голова его блестела как полированная.

— Не нравится мне это место, Харитон, — сказал он мрачным басом. — Здесь пахнет чужим повелеванием. Забираем мальчика и уходим отсюда.

— Все в порядке, Аксель, — отозвался мужчина в свитере. — Мы здесь не задержимся, но я хочу понять, почему выбор волхвов пал на этих людей.

Бритоголовый Аксель угрюмо глянул сверху вниз на молчаливую триаду, и всех троих качнуло странным холодным ветром, казалось, пронизавшим их насквозь.

— Это просто курьеры, профи боя...

— Не просто, Аксель, это триада, владеющая каким-то секретом. Простые курьеры не прошли бы так далеко без подпитки с и л о й.

— Им помогали волхвы. Кстати, ты сам сначала начал охотиться за ведуньей, которая провела тебя как мальчишку.

Еще немного, и мы бы не успели перехватить отряд, до зоны непрогляда осталось всего полсотни километров.

— Все мы иногда ошибаемся. А волхвы предпочитают не вмешиваться в физическое противостояние, соблюдая принципы своей мифической духовной свободы. Ну, что, парни, сами отдадите пацана или предпочтете умереть за него в бою?

Конунг иронически усмехнулся.

— Предлагаю обмен: жизнь на мальчика. Отдадите сами — жизнь гарантирую.

Мужчины переглянулись.

— Да пошел ты!.. — сквозь зубы проговорил Никифор, вскидывая «винторез».

В то же мгновение на головы триады обрушился тяжелый физически ощутимый удар, едва не сваливший их с ног. На некоторое время они потеряли способность оценивать обстановку, чувствовать и соображать, полуослепшие и полуоглохшие, не способные сдвинуться с места или пошевелиться.

— Иди ко мне, змееныш, — улыбнулся конунг Харитон, поманив Сергия пальцем.

«Серебряный мальчик» отступил к ноге Тарасова. Глаза его стали огромными, наполнились голубым сиянием, волосы на головке вспушились, заискрились крошечными молниями.

— Гляди-ка, не хочет! — удивился бритоголовый. — Что же ты, Харитоша, не можешь справиться с ребенком?

Конунг в свитере нахмурился, глаза его метнули черное пламя.

«Серебряный мальчик» схватился за голову, тоненько закричал:

— Дяденька, миленький, не надо, мне больно!..

Этот крик словно открыл в душе Тарасова запасы сил, сбросил оковы, освободил парализованные гипноатакой конунга мышцы. Глеб рванулся вперед, выстрелил в конунгов из «глушака».

Новая волна оцепенения заставила его остановиться.

Зато вышел из-под контроля черных магов Дмитрий, прыгнул вперед, разряжая в них пистолет-пулемет, и тоже замер, получив парализующий импульс.

Но одновременно с ним преодолел шок Никифор, выстрелил из винтовки, попал в бритоголового Акселя, и тот с изумленным криком схватился за грудь, на доли секунды утрачивая контроль.

Этого оказалось достаточно, чтобы очнулся Тарасов, снова

рванулся вверх по склону, разряжая в противника пси-генератор. Остановился, парализованный. Но бросился вперед Дмитрий, затем Никифор, и так они продвигались к озадаченным отпором черным магам до тех пор, пока в бой не вмешались другие лица.

Сначала помощь пришла к конунгам.

Чуть выше по склону горы на голом глинистом бугре появился еще один человек, худой, высокий, с невыразительным серым лицом, в шляпе с высокими загнутыми полями, превратившей его в ковбоя. На нем были рубашка с короткими рукавами и шорты, будто он только что прилетел с юга.

Его появление позволило слегка растерявшимся конунгам сосредоточить пси-атаки на каждом из защитников «серебряного мальчика», и ситуация резко изменилась не в их пользу.

Никифор получил гипноприказ открыть огонь по своим товарищам, попытался бороться с внушением, но добился лишь временного смещения внимания: руки его дрожали от усилий сдержать воздействие, глаза слезились, и несколько пуль из «винтореза» он выпустил мимо, с каждым разом стреляя все опаснее.

Воля Дмитрия сломалась не сразу, он успел-таки выпустить в конунгов весь запас парализующих игл из «ерша» и очередь из «гороха», попал в бритоголового мага, но больше ничего сделать не успел. Владеющие бесконтактным воздействием конунги нанесли очередной фрустирующий пси-удар, и у Булавина отнялись руки и ноги.

Дольше всех держался Тарасов, благодаря талисману и поддержке «серебряного мальчика», взявшего на себя часть излучения. Глеб добежал до конунга Харитона и в последний миг, перед тем как потерять сознание — у него внезапно остановилось сердце, — сильнейшим ударом в лицо сломал магу нос.

На этом бой мог бы и закончиться, телохранители Сергия, по сути, выбыли из строя, становясь легкой добычей конунгов, но тут подоспела помощь триаде.

Лес вокруг горы, продолжавшей светиться изнутри, вдруг словно взорвался, и на конунгов выплеснулась волна зверей и птиц!

Здесь были волки, лисы, росомахи, рыси, олени, сохатый и даже семейство медведей, а птичье войско состояло из двух десятков видов от стрижей и соек до сов и ястребов.

Несколько секунд конунгам пришлось обороняться от

клыков, когтей и клювов, пока наконец, разъяренные атакой, искусанные, исцарапанные, они не сотворили заклинание, повергшее звериные стаи в паническое бегство. Не убежали вместе со всеми только волки, вцепившиеся в чужаков мертвой хваткой. Их пришлось добивать заклятиями «черного покоя», на что тоже ушло какое-то время, и это позволило прийти в себя Никифору: он снова перенес огонь из винтовки на врагов и в третий раз попал в бритоголового Акселя, окончательно лишив его воли к сопротивлению.

Получив пулю в живот, бритоголовый конунг бежал с поля боя.

Однако это была еще далеко не победа триады и ее помощников, несмотря на поредевшие ряды конунгов и временное отвлечение Харитона на лечение сломанного носа. Черные маги снова получили помощь в лице прибывших к месту сражения двух коллег — молодого, смуглолицего, с бородкой и усиками, одетого в спортивный костюм, и могучего, с метровой ширины плечами мужчины с круглой головой и коротким седым ежиком волос.

Ситуация снова изменилась не в пользу спутников «серебряного мальчика», застывшего в траве с широко раскрытыми глазами и прижатыми к груди кулачками.

Никифор выстрелил в последний раз — кончились патроны, выхватил пистолет, но сухопарый «ковбой» в шляпе и шортах выкинул в его сторону сжатый кулак, с перстня на пальце вылетела фиолетовая молния, вонзилась в грудь Хмеля, и капитан упал.

— Какого дьявола вы с ними возились так долго? — проговорил молодой спортсмен, подходя к силившемуся подняться Дмитрию, и брезгливо ударил его ребром ладони по затылку. Булавин раскинул руки, затих. Спортсмен подошел к Никифору, вынул из его руки пистолет, прицелился в голову.

— Вы недооценили этих парней, пан Харитон, они вас едва не провели. — Он выстрелил, но попал Хмелю не в голову, а в плечо. — Вот черт! Я промазал! — Он снова навел ствол «котика» на Никифора.

— Не играйся, Кибир, — бросил конунг в свитере, озабоченно поглаживая нос. — Забирай мальчика, уходим.

Молодой человек выстрелил — и снова не попал!

— Что за дьявольщина?! Прицел сбит, что ли?

— Подними руки! — раздался вдруг за его спиной четкий, хотя и негромкий голос.

Конунги замерли.

Из леса в двадцати шагах от горы вышел мужчина в зеленоватом плаще, делавшем его почти неразличимым на фоне леса, держа в руке автомат с подствольным гранатометом. Это был Ираклий.

Оглянувшийся на него смуглолицый маг скривил губы, демонстративно приставил к виску Никифора пистолет, но на курок нажать не успел. Хмель вдруг вывернул голову из-под ствола, рывком за ногу отбросил конунга в сторону, и тотчас же Ираклий выстрелил.

Сорокамиллиметровая граната вонзилась в бок спортсмена, раздался взрыв, рука с плечом отделилась от туловища конунга, полетели брызги, осколки костей, клочья одежды. Его тело пролетело по воздуху несколько метров и свалилось в кусты бесформенной массой.

Стало совсем тихо.

Ираклий навел ствол автомата на застывших конунгов.

— Вот и настал ваш судный день, холуи Сатаны! Не хотите помолиться?

— Кажется, ты нас подставил, Харитоша, — женским голосом проблеял широкоплечий конунг. — Во всяком случае, Витязя ты проморгал. Нюх потерял?

— Он один, — презрительно отмахнулся Харитон. — Кибиру просто не повезло. Добиваем его и уходим.

— Давно пора, — буркнул «ковбой».

— Добивайте, — пожал плечами здоровяк с женским голосом. — А я пока заберу мальчишку. Или, может быть, его просто убить?

Харитон и «ковбой» выбросили в сторону Ираклия кулаки, метнувшие фиолетовые молнии, но Витязь за мгновение до этого выстрелил и исчез. Молнии вонзились в дерево, перед которым только что он стоял, и срезали его как ножом. Но и граната не поразила цель, она просто не долетела до конунгов, взорвалась в воздухе.

Ираклий же объявился в десяти шагах от первой своей позиции, дал очередь из автомата, выпустил гранату, заставляя конунгов тратить на него силы и внимание, и снова пропал в лесу.

— Иди сюда, змеиное отродье, — ласково позвал Сергия огромный конунг, — конфетку дам.

«Серебряный мальчик» покачал головой, отступил на шаг.

— Иди, говорю! — угрожающе нахмурился гигант, вытягивая в его сторону огромную ладонь.

Сергий прижал к ушам ладошки, зажмурился, закричал:

— Уйди, ты плохой! Мамочка, мне больно!..

Этот крик буквально оживил Тарасова, сердце которого заработало с прежней частотой и силой. Он перевернулся на бок и разрядил всю батарею «глушака» в конунга.

Не ожидавший нападения гигант вздрогнул, медленно повернул к Тарасову голову, глаза его стали мутными, но ненадолго. Импульс пси-генератора все же не пробил его защиту. Так же медленно он вытянул к Тарасову руку, и в глазах его разгорелось черное пламя смерти.

Но случилось иное.

Никифор хотя и получил удар с и л ы, однако благодаря бронепластине «ратника» остался жив. Превозмогая боль в груди — молния «ковбоя» пробила броник и сломала два ребра, — он подобрал свой пистолет и разрядил его в спину конунга с женским голосом.

Здоровяк заорал от боли, взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и фиолетовая молния миновала Тарасова.

Конунг осел на камень, но тут же поднялся, ища налитыми кровью глазами стрелка, вытянул перед собой громадные кулаки, но появившийся неподалеку Ираклий выстрелил в него из автомата, и обладатель женского голоса исчез. Сработавший инстинкт самосохранения вынудил его покинуть место боя л е г к о с т у п о м.

— Уходи! — крикнул Ираклий Тарасову, исчезая за деревьями.

Глеб кубарем скатился с подножия горы, больно ударился плечом о валун, инстинктивно отпрянул в сторону, и молния разряда пролетела мимо. Пахнуло ледяным ветром.

Да и вообще в результате применения конунгами эндотермических «заклятий черного распада», вызывающих процессы поглощения энергии, в радиусе ста метров от места сражения температура воздуха упала ниже нуля и пошел снег!

Тарасов был уже возле мальчика, когда на горе снова появился конунг с женским голосом, но не один, а с двумя спутниками — бритоголовым Акселем, пожелавшим вернуться и отомстить обидчикам, и толстяком с жирным лицом любителя пончиков.

Против такого количества магов Ираклий, несмотря на возможности Витязя сражаться на сверхскорости в простран-

стве «устроения повелевания», конечно же, выстоять не мог, даже если бы ему помогли еле живые спутники Сергия. Поэтому бой длился всего несколько секунд.

Фиолетовые молнии поразили Тарасова, нащупали Витязя за деревьями, и одежда на нем вспыхнула странным сине-фиолетовым пламенем.

Конунги перестали посылать импульсы распада, молча смотрели, как по лесу идет к ним человек-факел. Не дойдя до подножия горы десятка шагов, Ираклий выронил автомат, остановился. Волосы на голове у него тоже загорелись.

— Дурак ты, Витязь! — проговорил бритоголовый. — Зачем влез не в свои дела? Где же твои друзья-волхвы? Ты им служил как верный пес, а кто из них кому и когда помог? Никто, никому и никогда!

Ираклий вдруг перестал гореть, будто его облили водой. И тут же рядом с ним возник высокий седой человек в белой рубахе и таких же штанах. Егор Крутов.

— Дядя Гора! — вскрикнул «серебряный мальчик» и бросился к нему, путаясь в траве, с глазами, полными слез.

Крутов подхватил его на руки, поцеловал, передал Ираклию, уцелевшему в огне; было страшно смотреть на лохмотья его сгоревшей одежды и на следы ожогов на лице и руках.

— Вы правы, господа н е л ю д и, — сказал Крутов, окидывая конунгов сверкнувшим взглядом. — Волхвы редко помогают отдельным людям, радея за общее благо, и в этом, возможно, состоит их основная ошибка. Но мы в скором времени исправим это положение.

— Ты... умрешь! — страшным голосом проговорил Харитон.

— Конечно, — согласился Крутов. — Когда-нибудь умру. Волхвы смертны, как и все люди. Но вы умрете раньше, ибо недостойны жить. Наши воины умирают за то, ради чего стоит жить. Вы же — н е л ю д и — убиваете друг друга ради власти! А всякая власть — это ограничение свободы и желаний, прежде всего собственных. Вы же понимаете это иначе.

— Ты... умрешь... сейчас!

— Не тратьте сил понапрасну, — усмехнулся Крутов. — Вы не смогли справиться даже с триадой, далекой от всего магического, но имеющей то, чего нет у вас, — душу! А теперь оглянитесь вокруг.

Конунги завертели головами.

Свечение горы, на склоне которой они стояли, сдвинулось в желтую полосу спектра, и вокруг черных магов образовалась лучистая переливчатая вуаль.

— Око Свентовита! — хрипло выговорил бритоголовый.

— Ловушка! — заверещал толстяк.

В следующее мгновение тела конунгов пронзила вспышка золотого света, и они превратились в клочья тьмы, уносящиеся вверх, в освободившееся от туч небо. Эхо крика еще гуляло по лесу, затихая вдали, а конунги уже перешли в состояние н е ж и т и.

Снег перестал сыпаться из воздуха на мокрую землю.

Крутов взял у Ираклия с рук «серебряного мальчика» и пошел с ним к неподвижным телам бойцов триады. Он шел уверенно и спокойно, словно не сомневался, что защитники мальчика живы.

Пожелайте же им...

Москва — Чисмена
июнь 2000

Подробнее о творчестве Василия Головачева
можно узнать, посетив его страницу в internet:
www. golovachev.ru

«ВСТАВАЙТЕ, ЛЮДИ РУССКИЕ!»

(О цикле В.В. Головачева «Катарсис»)

«Не стоит село без праведника», — говорили наши предки. И постоянно, в каждую историческую эпоху, на каждом этапе существования России искали этих самых праведников. Людей, чьими молитвами и стараниями выживала, укреплялась и стояла земля Русская. Особенно это было важно в критические, переломные времена, когда речь шла о сохранении народа и государственности. Естественно, что каждое время рождало своих героев.

Во второй половине 1990-х годов Василий Васильевич Головачев постепенно отходит от космической тематики. «Я сознательно ушел от темы Космоса, — говорит писатель в одном из своих интервью, — мы не доживем до Космоса, так как прямой путь к нему, на мой взгляд, лежит не через пространство и освоение планет, а через познание глубин материи, законов существования элементарных частиц, высоких энергий. Вижу перспективу нетрадиционного пути — духовного, через внутренний мир человека, который омывают гигантские потоки энергии. Так что именно микромир, как мне кажется, выведет нас в макромир». Именно в это время фантаст начинает работу над несколькими своими «земными» циклами, которые принесли ему настоящий успех и широкое признание у читателей: «Запрещенная реальность», «Смутное время», «Катарсис». Ядром проблематики каждого из них становятся размышления о судьбах Родины, о ее предназначении, исторической миссии, о дальнейших путях развития и, естественно, о тех людях, на плечах которых лежит груз забот о спасении России.

Цикл «Катарсис» состоит из четырех книг: «Человек боя», «Поле боя», «Бой не вечен» и «Гарантирую жизнь». В принципе, архитектонику цикла можно условно представить в виде формулы «три плюс один». Первые три романа составляют вполне законченное повествование. Четвертый является дополнением. Здесь действуют уже другие главные герои, а персонажи трилогии хоть и появляются, но находятся на периферии. Вместе с тем без романа «Гарантирую жизнь» цикл был бы незаконченным. Он органично укладывается в схему развития характеров и, главное, вписывается в авторскую концепцию.

Какова же она? В чем особенности идейно-тематического пространства «Катарсиса»? Ключом к нему является уже само название цикла. Катарсис — душевная разрядка, испытываемая зрителем в процессе сопереживания действу, происходящему на сцене. Это как бы очищение через страдания. То же хождение по мукам. Как в старом христианском апокрифе, когда Богородица спускается в ад и наблюдает мучения грешников, сопереживает их страданиям и вымаливает у Бога прощение для несчастных. Так и у Головачева. Писатель мастерски создает картину бедствий, испытываемых русским народом-мучеником в наше смутное и переломное время становления новой России. Это настоящая трагедия, состоящая из микроконфликтов, микротрагедий. Трагедий отдельных, маленьких личностей. Нас приучили не замечать конкретных проявлений неурядицы, когда речь идет о бедах глобальных, в масштабе целого народа. Но это неверная позиция, ибо народ и состоит из отдельных личностей. Автор «Катарсиса» понимает это. Не случайно он перешел от глобальных макрокосмических масштабов к показу микрокосма. Зачатки формирования эгрегоров, ставших основой для общества будущего, нарисованного Головачевым в «Реликте», зарождаются в наше время.

Главную причину всех катаклизмов, сотрясающих Россию, писатель усматривает не в экономической сфере. Да, большинство народа живет в удручающей нищете. Но ведь не впервой же. Нашему народу не привыкать. Выкарабкивались и не из таких положений. Однако никогда прежде русские не оказывались в такой духовной бездне. Большевики в 1917 году, разрушив до основанья «мир насилья», все-таки сумели хоть на несколько десятилетий построить новый мир, сцементировав его сякой такой идеологией. Как ее ни называй, но она успешно заменяла собой прежнюю тысячелетнюю веру. Сейчас же в духовной сфере наблюдается дикая эклектика из коммунистической и православной идеологии, замешенной на дрожжах национализма. Новые и новые мессии предлагают свои рецепты обустройства России. Страну наводнили сотни проповедников нетрадиционных и вовсе экзотических религий. И все это считается признаками подлинной свободы и демократии. Народ же в растерянности. Он как-то не привык жить без царя в голове, что является

одной из характерных особенностей нашего менталитета. «Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы могли б принять за образцы?» Все громче и громче звучат голоса, ратующие за создание новой национальной идеи. К ним уже прислушиваются и трезвомыслящие политики в руководстве государства.

«Вставайте, люди русские!» — призывает своих читателей-соотечественников Василий Головачев. Доколе терпеть несправедливость и унижение? Или забыли мы славные традиции предков? Или временные невзгоды полностью вышибли из нас вольнолюбивый и независимый дух, которым испокон веков славились храбрые русичи? Народ-воин, народ-труженик может и обязан подняться с колен, распрямиться во всю свою богатырскую стать. Каким образом? Необходимо вернуться к национальным корням, припасть к животворящему источнику народной мудрости, считает фантаст. Ведь нет ничего нового под солнцем, и новое — это хорошо забытое старое.

Произведения, входящие в цикл «Катарсис», по своей жанровой специфике относятся к фантастическому боевику. В той его модификации, которая была предложена Василием Васильевичем Головачевым и с его легкой руки прочно утвердилась в отечественной фантастике рубежа двух тысячелетий. Основными признаками головачевского фантбоевика являются, во-первых, острая публицистичность, практически прямая связь с реальностью. Так сказать, «заземленный реализм». «Вся политика в моих произведениях, — отмечает романист, — это лишь фон, антураж, он мне нужен постольку, поскольку мы живем в этом мире и волей-неволей постоянно сталкиваемся с политикой... При работе над романом бытовой информации всегда хватает. Чтобы написать политический триллер, достаточно прочитать газеты. Но я только отталкиваюсь от реальных фактов, иду же несколько дальше». Эта нарочитая «заземленность» отчасти объясняется адресатом произведений Головачева, рассчитанных прежде всего на массовую аудиторию. Его боевики динамичны. В них почти отсутствует рефлексия, попытки «умничанья». Остросюжетность, сенсационность книг Василия Васильевича способствует их высоким тиражам и быстрой раскупаемости. Без преувеличения, Головачев в настоящее время один из самых издаваемых русскоязычных писателей-фантастов.

Во-вторых, романист широко вводит в свои произведения элементы мистики и эзотерики, столь любимые нашим прежде не избалованным и еще не объевшимся подобными яствами читателем. Головачев одним из первых в постсоветской фантастике начал возрождать традиции литературы романтизма, прежде всего мистического романа, полного тайн и загадок, экзотики, потусторонних сил. К этому, вполне в духе нашего времени, когда проявилась тенденция к смешению и взаимопроникновению литературных жанров, писатель примешивает добрую долю детектива и романа плаща и шпаги. Только вместо острого клинка здесь действуют голыми руками. Сцены рукопашных боев, которыми обилуют страницы фантбоевиков Головачева, захватывают и поражают воображение. Особенно подростковой аудитории — самой многочисленной среди поклонников таланта Мастера. Причем сам Василий Васильевич, несмотря на прекрасную физическую форму, специально восточными и иными единоборствами не занимается. Все батальные сцены взяты им исключительно из своего богатого воображения и основываются на изучении специальной литературы и консультаций с профессионалами. В принципе, можно сказать, что и сам Головачев стал в этой области крепким профессионалом, к которому то и дело обращаются за советом читатели, упорно не желающие верить, что «мэтр» не обладает каким-нибудь поясом или разрядом. В «Катарсисе» и иных книгах подобного плана писатель вместо восточных единоборств упорно пропагандирует борьбу, основанную на исконно русских традициях. Например, такую, как «жива». В этом также отчасти сказалась та «русская идея», которую проводит Головачев в произведениях, созданных им со средины 1990-х годов.

Показательно, что в своей идеологии писатель не пришел к резкому крену влево или вправо. Все-таки по большому счету он сумел сохранить в себе все лучшее из старой школы воспитания. То есть в его книгах не найдешь той оголтелой ксенофобии, человеконенавистничества, которыми грешат некоторые из молодых, а порой и не очень молодых авторов. Головачев не спешит огульно обвинять во всех бедах русского народа «нацменов». В любой нации есть выродки, но на этом основании нельзя судить о ней в целом. А то этак можно снова прийти к идее депортации и изоляции целых народов. Это уже было в нашей истории, но ни к чему хорошему, помнится, не привело.

Как и в «Реликте», в «Катарсисе» встречается «чужое слово», тексты в тексте. Однако по сравнению с эпопеей о будущем интертекст тетралогии значительно упрощен. Здесь тоже звучат стихи, но уже, преимущественно, отечественных авторов, что также работает на «русскую идею» цикла, лишний

раз подчеркивая русскость характеров главных героев. Возможно, Головачев учел и те негативные тенденции, которые наметились в нашем обществе в последнее время, а именно резкое падение общей гуманитарной культуры читательской аудитории. Обильные цитаты из незнакомых авторов могли бы отпугнуть читателя, не сработать в качестве маячков-ориентиров. Да и, с другой стороны, романист стал писать о современниках, а не людях будущего. По меньшей мере, странно бы выглядели боевые офицеры спецслужб, то и дело цитирующие Лао-Цзы, Конфуция, Будду, Суинберна, «лейкистов» и прочих экзотических поэтов и мудрецов.

В то же время герои Головачева опровергают расхожее нынче представление о работниках спецслужб, как о бездумных машинах для убийства. Сила их не только и не столько в кулаках. Многие поединки решаются не физической силой, а силой духа. Василий Васильевич культивирует здесь тот тип героя, который, по словам самого писателя, «всегда выбирает пути, уводящие от войн, но все равно попадает на путь воина, так как вынужден защищать своих друзей, любимых, родных... Он изберет путь избежания опасности, путь Дао — ненасилия. Избравший этот путь не должен допустить, чтобы его ударили по щеке, не говоря уже о том, чтобы подставить вторую». Таковы и главные герои «Катарсиса» — Егор Крутов, Панкрат Воробьев, Ираклий Федотов. Люди, которым, как и таможеннику Верещагину из фильма «Белое солнце пустыни», стало «за державу обидно».

Несомненно, в них есть нечто от суперменов. Людей, подобных славной троице, не так часто встретишь на улице. Они лихо расправляются со всеми неприятелями: срывают планы всесильного Российского Легиона, побеждают даже посланцев Тьмы, срывая преступный план массового зомбирования населения России. Под конец трилогии они и вовсе переходят в разряд небожителей. Особенно головоломна в этом плане карьера Егора Крутова, который стал верховным волхвом. И в то же время они достаточно земные, обычные, чтобы поверить в возможность их существования. Головачев изображает их в горе и радости, в покое и трудах, показывая, как формируется и закаляется характер каждого из них. Крутов, Воробьев и Федотов почти на сто процентов положительные, образцовые герои, с которых хочется делать жизнь. Это рыцари нашего времени, рыцари без страха и упрека.

Как уже отмечалось выше, заключительная книга цикла «Гарантирую жизнь» играет в «Катарсисе» особую роль. Автору показалось недостаточным привести историю своих персонажей к положительному, хотя отчасти и горькому финалу. Эта частичная неопределенность уже не состыковывалась с его жизненной программой, в которой наметилась тенденция к тому, что читателя нужно выводить «на оптимистическую ноту в восприятии жизни». Да и линия отрока Сергия, намеченная в романе «Бой не вечен», нашла неожиданное продолжение. Головачев вполне в традициях русской агиографической литературы пишет житие нового молитвенника за землю Русскую.

Что ж, в конце второго — начале третьего тысячелетий в российской фантастике появилось некоторое количество произведений как апокалиптического, так и мессианского характера. Впрочем, последних больше. Это свидетельствует о том, что в русском народе не только не умерла, но все более крепнет надежда, нет, скорее даже убежденность в скором очищении, выздоровлении, и возрождении нации. И «Катарсис» В.В.Головачева — одно из ярких и убедительных проявлений этой уверенности.

Игорь ЧЁРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

БОЙ НЕ ВЕЧЕН

Сергиев Посад
ВОЛХВЫ 7

Жуковка
КРУТОВ 16

Нижний Новгород
ФЕДОТОВ 29

Переславль-Залесский
ВОРОБЬЕВ 42

Жуковка
КРУТОВ 53

Нижний Новгород
ФЕДОТОВ 68

Переславль-Залесский
ВОРОБЬЕВ 79

Москва
СТОКК 90

Жуковка
КРУТОВ 96

Нижний Новгород
ФЕДОТОВ 108

Переславль-Залесский
ВОРОБЬЕВ 122

Ковали — Жуковка
КРУТОВ 129

Хутор Дедилец
КРЕСЕНИЕ 140

Москва. Лесная дача
ВАЛЯГИН 155

Переславль-Залесский
ВОРОБЬЕВ И ДРУГИЕ 160

Ковали
КРУТОВ 174

Березовая пойма
ВОЛХВЫ 188

Ковали — Москва
КРУТОВ 194

Москва
КОМАНДА НА ТРАФИКЕ 212

Москва
ВАЛЯГИН 228

Переславль-Залесский
ВОРОБЬЕВ 233

Ковали — Брянск
КРУТОВ 242

Нижний Новгород
ФЕДОТОВ 251

Москва
СЛУГИ САТАНЫ 261

Ковали — Москва
КРУТОВ 265

Русь
МАГИ 280

День Земли
КРУТОВ 289

Москва
ПАУКИ В БАНКЕ 303

Переславль-Залесский
ВОРОБЬЕВ 310

Переславль-Залесский
КОМАНДА 316

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ 328

РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ! 337

НЕРВ БОГА 353

ГАРАНТИРУЮ ЖИЗНЬ

Пролог
ПЕРУНОВ ДЕНЬ. Сердце России 367

Кабардино-Балкария
ТАРАСОВ 373

Москва
ПОХИЩЕНИЕ 391

Москва. Кремль
КОЕ-КАКИЕ СЕКРЕТЫ 397
Украина
ХРОНИКА ТРЕВОЖНЫХ СОБЫТИЙ 406
Днепропетровск
ТАРАСОВ 409
Москва
НИКИФОР ХМЕЛЬ 425
Ладожское озеро
НИКИФОР ХМЕЛЬ 439
Вологда
ДМИТРИЙ БУЛАВИН 448
Москва
НОВЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ 478
Вологда
ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА 485
Москва — Вологда
ТАРАСОВ 489
Ярославль
НИКИФОР ХМЕЛЬ 503
Ярославль
ТАРАСОВ 517
Вологда
БУЛАВИН 529
Ярославль
ХМЕЛЬ И ТАРАСОВ 542
Ярославль — Москва — Карпунино
ТАРАСОВ 557
Земля — небо
АДЕПТЫ НРИ 572
Ветлуга
ВОЛХВЫ 579
Вологда
БУЛАВИН 587
Карпунино
ТАРАСОВ 601
Москва — Карпунино
НИКИФОР ХМЕЛЬ 621
Вологда
БУЛАВИН 634

Москва
НИКИФОР ХМЕЛЬ 648
Москва
ТАРАСОВ 656
Вологда
БУЛАВИН 675
Москва
ПРЕЗИДЕНТ И СОВЕТНИК 689
Москва
ШТАБ НРИ 697
Вологда
ТРИАДА ДЕЙСТВИЯ 700
Новгородская губерния
ТРИАДА: ПРЕЛЮДИЯ 717
Новгород
ТРИАДА: МАНЕВР 730
Новгородская губерния
ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ 745
Новгород
МЕЧ УСТ МОИХ 758
Россия
ГАРАНТИРУЮ ЖИЗНЬ 760
«Вставайте, люди русские!»
(О цикле В.В. Головачева «Катарсис») 790

Проект массового зомбирования населения России и превращения ее территории в пространство черного эгрегора близок к завершению. Если не изменить тактику борьбы, основанную на уважении традиций и ненасильственном сопротивлении, то Волхвам не удастся спасти Русь и удержать мировое равновесие между добром и злом.

